

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

ММ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

*Материалы
Международной научно-
практической конференции
«XXV Кирилло-Мефодиевские чтения»
(23 мая 2024 г., Москва)*

Москва
2024

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. А. С. ПУШКИНА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
IV Костомаровский форум
(22–24 мая 2024 г., Москва)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

Материалы Международной научно-практической конференции
«XXV Кирилло-Мефодиевские чтения»
(23 мая 2024 г., Москва)

Москва
2024

УДК 8.80
ББК 80.4
Я 41

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Протокол № 8 от 3 марта 2023 г.

Редакционная коллегия:

В. И. Карасик (главный редактор); И. А. Лешутина (зам. главного редактора); Э. Г. Азимов, А. Г. Жукова, Э. А. Китанина, И. С. Леонов, А. В. Пашков, А. А. Соломонова, О. Н. Халева, Е. Н. Чернышева, А. В. Щербаков, Д. В. Хаптаханова (технический редактор)

Рецензенты:

О. В. Шаталова, доктор филологических наук, профессор, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»;

Т. В. Кудоярова, кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина»

Статьи печатаются в авторской редакции. Ответственность за содержание и корректность заимствований несут авторы статей.

Я 41 Язык и культура: взгляд молодых. Материалы Международной научно-практической конференции «XXV Кирилло-Мефодиевские чтения» (23 мая 2024 г.) : сборник статей / гл. ред. В. И. Карасик. Москва : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2024. – 588 с.

ISBN 978-5-98269-335-8

В сборнике «Язык и культура: взгляд молодых» представлены материалы XXV Международной научно-практической конференции «Кирилло-Мефодиевские чтения» – статьи, посвященные актуальным вопросам языкознания, методики преподавания филологических дисциплин и РКИ, языка средств массовой информации и рекламы. Также затрагиваются проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, истории и поэтики русской и зарубежной литературы и современного литературного процесса, отечественной и мировой истории.

УДК 8.80
ББК 80.4

ISBN 978-5-98269-335-8

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024

Содержание

Абдрахманова Рената Рафкатовна

Образные репрезентации символики времени в лексической структуре поэтического текста (на материале песенной лирики Ю. Шевчука)..... 25

Абдулай Траоре

Грамматические интерференты в русской речи Малийцев (язык баманан) 31

Абдуллаева Назифа Сайфуллаевна

Русский язык как инструмент межкультурной коммуникации (на примере переводов Л. Муталлипа)..... 34

Агеева Валерия Евгеньевна

Биноминативные сочетания и формальная семантика 38

Аистова Анна Юрьевна

Особенности репрезентации категории времени и пространства в репортаже 44

Айгенграу Дарья Баировна

Этикетные формулы приветствия в русском и корейском языках..... 48

Алам Шадаб

Этикетное выражение уважения в русском коммуникативном поведении 54

Алими Зайнаб

Семантическое поле «вода» в русской поговорке: ассоциативно-вербальный аспект 59

Алфеева Виктория Алексеевна

«Царская тема» в топонимике Воронежской области и Пермского края 64

Анигуркина Кира Максимовна

Языковая личность музыкального блогера 70

Анохина Елизавета Витальевна

Методика работы с этимологическими словарями русской фразеологии на уроках русского языка в 6 классе..... 74

Антонова Мария Александровна

Лингво-имагологический образ «киного» в Поттериане Дж. Роулинг 78

Антонова Мария Александровна

Маринистические мотивы в творчестве И.А. Бродского 85

Антонова Полина Сергеевна

Особенности ошибок учащихся с миграционным опытом среднего школьного возраста в письменных работах по русскому языку 92

Ардт Александра Александровна

Двойная адресатность произведений Е. Усачёвой 97

Архипкина Дарья Сергеевна

Практика обращения к этимологии в рамках преподавания РКИ (на примере количественных числительных) 101

Астахова Яна Евгеньевна

Освещение выборов президента Российской Федерации в СМИ 108

Аякосы Сэликэ

Использование модели смешанного обучения русскому языку в России 112

Бабак Ксения Андреевна

Повторение орфографии при изучении синтаксиса 116

Бабич Мария Эдуардовна,***Лютлова Полина Алексеевна,******Соколова Анна Владимировна***

Проблемы духовного и психологического восприятия личностью знаковых проблем в процессе воспитания и развития. На примере героев рассказа М. Горького «Старуха Изергиль» 120

Базанкова Полина Евгеньевна

Критическое мышление как важная компетенция студентов для осуществления эффективной научной деятельности 126

Баргамонова Василиса Андреевна

«Речь о добродетели» как пример практики обучения риторике в учебных заведениях XVIII в.131

Бартенева Ангелина Алексеевна

Риторический вопрос как причина возникновения конфликта в рамках межкультурной коммуникации136

Басаргина Маргарита Владимировна

Особенности квазиимперативных конструкций в современном русском языке140

Батсайхан Тэргэлсаран

«Язык соцсетей или интернет язык»: анализ языковых особенностей сообщений в социальных сетях, изучение сокращений, эмодзи и новых слов146

Бевз Анастасия Максимовна

Повторение пунктуации в процессе изучения синтаксиса151

Белякова Олеся Валерьевна

Языковая личность стендап-комика155

Бердник Екатерина Александровна

Русская народная сказка как источник этноспецифической лексики161

Билкис Султана

Фразеологизмы с гастрономическим компонентом (на фоне индийского языка): лингвокультурный аспект165

Бобоназарова Фарангиз Илхом кизи

Развиваем навыки и интерес: активные методы на уроках русского языка173

Бовелиева Яна Вячеславовна

Языковая личность и текст в цифровую эпоху181

Богданова Арина Алексеевна

К вопросу об изучении языка и жанрового своеобразия компьютерных игр185

Бойко Валерия Романовна

Специфика перевода рекламных слоганов с английского языка на русский190

Бондаренко Алина Васильевна

Психолингвистические основы восприятия научно-популярной информации детьми разных возрастных групп.....196

Бородина Дарья Алексеевна

Приёмы создания псевдонимов российских рэп-исполнителей.....201

Бурмакин Андрей Александрович

Развитие кириллического шрифта как вызов новому времени206

Буштокова Диана Алиевна

Пути формирования топонимики Ставропольского края в аспекте народной и научной этимологий.....209

Быканова Элеонора Михайловна

Особенности окказиональных топонимов, эргонимов и идеонимов в произведениях русскоязычного фэнтези216

Ван Даньдань

Анализ «зодиакальных» фразеологизмов в русском и китайском языках.....222

Ван Пейдун

Исследование семантических изменений слова «железный» с точки зрения метапрагматики228

Ван Тао

Образы тактильных жестов “гладить/摸” в русской и китайской фразеологии234

Ван Хао

Сопоставительный анализ функционирования качественных прилагательных в русском и китайском языках240

Ван Цзююань

Русские пословицы и поговорки о человеке как стереотипы языкового сознания244

Вартамян Левон Давидович

Рецепция текста «Евгения Онегина» в поэме И.С. Тургенева «Помещик»	251
<i>Васютина Елизавета Валерьевна</i>	
Речевые клише в видеоизвинениях.....	256
<i>Вахтина Алина Алексеевна</i>	
Ирония как вид комического в сказках-пьесах Е.Л. Шварца	260
<i>Вахтина Алина Алексеевна</i>	
Отражение особенностей южнорусского наречия в песнях группы «Сектор Газа»	266
<i>Вельмякина Анастасия Витальевна</i>	
Специфика использования поэтических текстов в процессе обучения русскому языку как иностранному	269
<i>Вельц Дарья Александровна</i>	
Образ птицы в поэзии А.С. Пушкина и И.А. Бродского.....	274
<i>Ву Тхи Тхао</i>	
Графическая репрезентация лакун в произведениях А.С. Пушкина (на примере креолизованных текстов)	278
<i>Вэнь Фэйфэй</i>	
Сопоставительный анализ метафоры в классической поэзии Ли Шан-инь и её переводах А. Ахматовой.....	283
<i>Гвоздарева Ирина Сергеевна</i>	
Символизация города в произведениях А.С. Пушкина	290
<i>Гинкул Валерий Вадимович</i>	
Синтез славянского и европейского фольклора в цикле «Ведьмак» Анджея Сапковского	295
<i>Голова Анастасия Романовна</i>	
Типологическая модель научно-популярного журнала «Кто есть Кто в медицине»	301
<i>Голуб Яна Петровна</i>	

Средства формирования ретроспекции в романе Агаты Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе».....308

Гонопольская Анастасия Витальевна

Жанровое своеобразие феминистского медиадискурса.....311

Гордиенко Дарья Николаевна

Фольклорные и христианские свадебные мотивы в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».....316

Гунькина Анна Михайловна

Использование искусственного интеллекта в преподавании РКИ на примере голосового помощника Алиса.....320

Гусева Анна Анатольевна,

Ежкова Светлана Юрьевна

Проблемы профессионального самоопределения на примере героев русской классики326

Данилова Надежда Андреевна

Технология дискуссии на уроке изучения литературно-критических статей.....333

Дао Ань Туан

336

Семантика и прагматика глагольных приставок в современной русской речи (на материале словообразовательного гнезда “вязать”)336

Дауенова Жаннат Шормановна

Гастика как отражение культуры в СССР: анализ и перспективы340

Демочко Дарья Андреевна

Мобильные приложения в обучении РКИ.....344

Деря Екатерина Дмитриевна

Закрепление за словоформой «отношения» романтической коннотации.....348

Динь Тхи Ким Нхунг

Использование мобильных приложений как средства оптимизации процесса обучения и эффективного запоминания лексики на занятиях по русскому языку как иностранному354

Долганова Софья Витальевна

Концепт «боль» в творчестве русских поэтов Харбина.....360

Должкова Анна Андреевна

Аллитерация как компонент ритма на фонологическом уровне в творчестве И. Северянина (на примере произведений «Октябрь», «Ананасы в шампанском», «Чего-то нет».).....367

Дорожкина Полина Викторовна

«Вряд ли вам нужно мнение бота по этому вопросу» или анализ ответов голосового помощника Алиса на табуированные темы.....371

Доронина Анастасия Вадимовна

Речевая манипуляция в рекламе ресторанов быстрого питания376

Ду Яньлинь

Цифровые тенденции в преподавании русского как иностранного381

Дунчева Екатерина Максимовна

Супрематизм и эстетическая революция XX века386

Евдокимова Дарья Михайловна

Использование инфографических материалов на уроках РКИ для формирования вторичной языковой личности студента393

Ермакова Лия Игоревна

Роль феминистского движения в становлении женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века399

Еэрбаота Нуэрпулати

Виды и динамика прецедентности в русской лингвокультуре406

Жигалова Дарья Владимировна

Прием «переакцентуации» как средство формирования иронии в малых комических жанрах412

Заими Кристина

Сопоставительный анализ ошибок в употреблении русского языка, допускаемых греческими учащимися418

Захарова Анастасия Викторовна

Трудности обучения русской предложно-падежной системе студентов, говорящих на языке дари (элементарный уровень423

Заячковская Ксения Владимировна

Лексическая актуализация концепта «прикосновение» на примере текстов газеты «Московский комсомолец»429

Зельникова Анна Артёмовна

Специфика овладения русской письменной речью носителями китайского языка434

Зиновьева Ксения Константиновна

Личность и Бытие в рассказах Д.Г. Бакина: к постановке проблемы441

Зотова Анастасия Борисовна

Столкновение лексических различий и способы их преодоления на примере русского и китайского языков448

Зуева Полина Сергеевна

«Вообразим... что у нас выросли крылья»: опыт иллюстрирования повести И.С. Тургенева «Ася»452

Иванова Валерия Александровна

Эстетика массовой культуры постреализма и интертекстуальность в рэп-текстах Вячеслава Машнова459

Иночкина Варвара Игоревна

Советская система образования: эффективность и преимущества465

Иосифова Анна Зиновиевна

Пищевой код в русской культуре весенних праздников470

Казанцева Алина Александровна

Взаимоотношения Евгения Онегина и Владимира Ленского как объект творческого интереса современного художника: опыт иллюстрирования романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»477

Камеронова Мария Вячеславовна

Создание внеязыковой действительности при переводе (на материале сценария к фильму «Pride and Prejudice» и его переводе на русский язык)481

Катаева Полина Александровна

Иллюстрирование эпизодов романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» как возможность творческого осмысления основных идей произведения486

Кауфман Виталина Евгеньевна

Проблема социальной идентификации личности в поэзии Николая Комягина491

Келлехер Маргарет Марковна

Деривационный потенциал англицизмов в пространстве русскоязычных личных Telegram-каналов студентов филологического факультета.....495

Клёцкина Анастасия Алексеевна

Молчание как стратегия в информационной войне501

Клюка Вероника Антоновна

Сенсорная лексика в идиостиле И. Бунина504

Ковалевская Валентина Павловна

Фольклорные элементы в «Гистории о Василии Кориотском»510

Коллегаева Вероника Данииловна

Времена и эпохи в творчестве Вени Д'ркина.....515

Комарова Екатерина Алексеевна

Обучение чтению детей-инофонов (6-7 лет) на примере сказок А.С. Пушкина519

Коновалова Анна Максимовна

Этически недопустимые коммуникативные приемы в жанре портретного интервью..523

Коришунова Дарья Сергеевна

Портрет и его функции в новеллах Э. По.....527

Кочнева Екатерина Евгеньевна

Власть и художник в драматургии М.А. Булгакова.....533

Белова Мария Олеговна

Особенности медиатекста в медицинском дискурсе536

Кравченко Виктория Александровна

Лингвистическая экспертиза по делам о словесном экстремизме в сети Интернет539

Крёкшина Мария Сергеевна

Преподавание русского языка в школе: формирование метапредметных связей посредством нейропедагогических приемов.....542

Кривченко Елена Александровна

Провокации и манипуляции в медицинском дискурсе на материале произведения Доктора Иваныча «Байки старого психиатра».....551

Кудряшов Святослав Александрович

Интертекстуальность в современном российском медиапространстве558

Курицына Анастасия Сергеевна,***Липовская Ксения Евгеньевна***

Концепты «варвар» и «чернь» как средства характеристики Дмитрия Самозванца в одноименной трагедии А.П. Сумарокова.....564

Кухарук Максим Русланович

Интерпретация Священного Писания в сочинениях студентов Московской духовной академии568

Куц София Михайловна

Лексические и грамматические средства выражения категории времени в русских народных сказках (лингводидактический аспект)572

Климова Полина Николаевна,

Лажанева Валерия Эдуардовна

Лиминальное синтаксическое пространство в повести Ф.М. Достоевского «Двойник»: роль осложнённых предложений при характеристике ключевых героев578

Лан Сяося

Мем в рекламном языке582

Ларина Ника Андреевна

Методы анализа повести Василия Ливанова «Мой любимый клоун» в аспекте формулировки аргументов в сочинении 13.3 ОГЭ по русскому языку587

Ле Тхи Фьонг Тхао

Особенности дистанционного обучения русскому языку как иностранному в языковых вузах Вьетнама591

Леонова Екатерина Михайловна

Пётр Первый как архетип в отечественной литературе XX века599

Лепешкин Тимофей Алексеевич

Актуальная «лексика дня» в жизни современного школьника607

Ли Сяофэн

Прецедентное имя «Китай» в русскоязычных медиатекстах610

Ли Хюэнэ

К вопросу о культурно-лингвистических особенностях концепта "кошка" в русском и корейском языках616

Ли Яньсюй

Символизация ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании.....621

Ли Яньсюй

627

Символизация ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании.....627

Липатова Алина Ивановна

К вопросу о косвенном выражении интенции требования634

Липатова Дарья Евгеньевна

Лексема «кайф» в русском языке.....	640
<i>Лисина Анастасия Сергеевна</i>	
Способы представления рассказчика в произведении Л.Н. Толстого «Люцерн».....	646
<i>Литвиненко Аделина Евгеньевна</i>	
Проблематика и поэтика исторической драмы Н.П. Анненковой-Бернар «Дочь народа»	653
<i>Лубникова Инесса Андреевна</i>	
Жанровое своеобразие игровой журналистики.....	657
<i>Лушева Анастасия Александровна</i>	
Специфика функционирования маркеров обратной связи разной степени конвенциональности в медиадискурсе (на материале видеосюжетов).....	662
<i>Лысенкова Василиса Васильевна</i>	
Роль А.С. Пушкина в сознании поэтов Серебряного века.....	668
<i>Лю Тун</i>	
Тема природы в цикле И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе»	673
<i>Лю Юйсинь</i>	
Прецедентный феномен исторической личности в современном русскоязычном медиадискурсе (на материале образа Лаоцзы).....	679
<i>Любимова Кристина Игоревна</i>	
Портрет как прием создания женских образов в романе-эпопее «Тихий Дон» М.А. Шолохова.....	683
<i>Лямаев Артем Вадимович</i>	
Категория адресованности в высказываниях с предикативами долженствования.....	687
<i>Ма Цуйтин</i>	
К проблеме би- и мультиноминативных сочинительных конструкций в русском и китайском языках	692
<i>Маклаков Игорь Максимович</i>	

Названия аптек как часть эргонимии Иркутска и Иркутского района.....697

Малкина Дарья Дмитриевна

Антитеза как основной композиционный приём стихотворения А.А. Блока «О, весна без конца и без краю...».....702

Мальчикова Татьяна Александровна

Концепт «человек» в советской литературе 1940-1950х гг. (на примере «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого и рассказа М. Шолохова «Судьба человека»)707

Мартынова Арина Дмитриевна

Инфографика как компонент наглядности при дистанционном обучении на примере произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка».....711

Матвеева Карина Евгеньевна

Лексические средства создания речевой характеристики героя (на материале повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом»).....717

Меязева Анастасия Александровна

Язык студенческих СМИ722

Мелентеева Марина Алексеевна

Романтизм в контексте философско-эстетических взглядов Айн Рэнд: исследование его влияния и значимости как литературного направления725

Мелёхина Екатерина Игоревна

Компьютерно-игровой дискурс как средство межкультурной коммуникации в цифровую эпоху732

Мельникова Алина Олеговна

Принципы отбора сленговой лексики для урока русского языка в иностранной аудитории735

Меркулов Георгий Валерьевич

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» В.Г. Распутина и повесть «Посторонний» А. Камю: попытка сравнения741

Мирошниченко Анна Андреевна

Особенности репрезентации концепта «Вдохновение» в русском и английском языках (на материале лексикографических источников).....745

Михайлович Любовь Витальевна,

Особенности репрезентации концепта «война» в сборнике рассказов Н. Абгарян «Дальше жить»750

Мишина Елизавета Андреевна

Комикс как одна из форм визуализации при изучении романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в формате дистанционного обучения756

Монгуш Ванесса Малчын-ооловна

Виды литературных комментариев (на материале поэзии Виктора Коллегорского)....762

Морина Варвара Дмитриевна

Анализ использования интернет-платформ и сайтов с ИИ на занятиях РКИ и ИЯ769

Морозова Нина Владимировна

Устранение ограничений в сочетаемости твёрдых-мягких согласных на морфемных стыках774

Муради Захра

Особенности пословиц и поговорок на персидском языке и их аналогов на русском языке778

Наумова Валерия Романовна

Использование мультимодальности для выражения виртуальной вежливости: роль эмодзи, смайликов и других невербальных средств.....783

Нерослова Валерия Алексеевна

Влияние англицизмов в лексике образовательной сферы на формирование языковой личности школьников787

Нургааз Ризагюл

Система упражнений для развития устной речи монгольских студентов на русском языке794

Обуховская Виктория Витальевна

Трудности овладения фонетикой русского языка корейскими учащимися.....	801
<i>Овсянникова Виктория Викторовна</i>	
Мотивированность фитонимов (на примере названий лекарственных растений в русском и французском языках).....	805
<i>Онищенко Анастасия Александровна</i>	
Специфика говорящих имен и фамилий в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	809
<i>Павлова Евгения Владимировна</i>	
Отдельные заимствованные лексемы гастрономической семантики в языке А.С. Пушкина	813
<i>Панфилова Анастасия Александровна</i>	
Специфика актуализации рекламного контента в сетевом издании «Peopletalk»	816
<i>Пань Сьюань</i>	
Работа с биографией А.С. Пушкина на уроках РКИ.....	820
<i>Пань Юнвэнь</i>	
Фонетико-графические особенности глобализмов в современном военном дискурсе	824
<i>Пастушенко Вероника Алексеевна</i>	
Вариация иллюстративного оформления повести Франца Кафки «Превращение»	829
<i>Первощикова Софья Николаевна</i>	
Интерпретация культурного кода кириллицы в школьном обучении (сценарий мастер-класса)	840
<i>Потапова Мария Андреевна</i>	
Функция флористических образов в поэтическом цикле «Кармен» А.А. Блока.....	842
<i>Рахматуллина Лиана Ильдаровна</i>	
Типология авторства в текстах мемуаров о Великой Отечественной войне	847
<i>Рубцова Елизавета Алексеевна</i>	
Структурные компоненты речевой ситуации угрозы	855

Рузиева Манзура Бахтиёровна

Типичные ошибки использования в русском языке падежей в речи таджикских учащихся.....854

Сабирзянова Амалия Саматовна

Работа по орфографии при подготовке к ЕГЭ по русскому языку.....865

Садовникова Татьяна Юрьевна

Стратегия работы над текстом сочинения ЕГЭ в 2024 г.....868

Сафронова Виолетта Александровна

«Случайные» и «неслучайные» семьи в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».....872

Свидерская Анастасия Владиславовна

Развитие устной и письменной речи иностранных студентов через систему творческих заданий на уроках РКИ876

Се Дань

Этимологический анализ концепта «старость» в русском и китайском языках.....881

Седлова Алёна Дмитриевна

Использование диалекта кокни для создания образов персонажей в кино.....886

Селезнева Диана Андреевна

Рекламный текст как деривационная основа фразеологических неологизмов.....892

Семёнова Альбина Сергеевна

Особенности употребления фразеологических единиц в современном медиатексте ...896

Серебрякова Юлия Сергеевна

Адаптация фразеологизмов в практике преподавания русского как иностранного языка: проблемы и решения902

Сиразетдинова Елена Олеговна

«Гайдаровский текст» в рассказе М.Ю. Елизарова «Зной»905

Скобелкин Даниил Юрьевич

Методика обучения японских студентов русскому речевому этикету910

Скрипачёва Мария Романовна

Работа с коммуникативной темой «Город. Столица страны» на основе песни «Александра» Ю.И. Визбора, С.Я. Никитина914

Соколова Анна Павловна

Специфические особенности рекламных лонгридов и перспективность использования формата «лонгрид» в рекламной деятельности.....919

Станков Александра

Явления лексической конвергенции и интерференции в обучении РКИ сербских студентов923

Суворова Анна Олеговна

Пушкин как пророк русской цивилизации в контексте «Гаврилиады»930

Сугурова Татьяна Александровна

Использование аттрактивных языковых средств в сетевой профессиональной и гражданской журналистике935

Сун Сусу

К вопросу о словарном значении понятия лень в русском и китайском языках941

Суровцева Алевтина Алексеевна

Формирование ценностей младших школьников средствами театральной педагогики945

Тан Цяньсюе

Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале доклада о работе правительства КНР за 2022г. и ежегодного отчёта правительства РФ в Государственной Думе за 2022г.).....951

Тан Цяньсюе

Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале ежегодных отчетов о работе правительства России и Китая от 2022 г.)956

Тан Юань

К вопросу о происхождении и структуре фразеологизмов с компонентом-соматизмом в русском и китайском языках.....962

Титовская Анна Владимировна

Специфика выражения концепта «воля» в исторической прозе XIX века (на материале повестей А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»)967

Тихомирова Елена Сергеевна

Межсловные пары в творчестве А.В. Амфитеатрова (на материале романа «Восьмидесятники»)972

Тормышова Ксения Олеговна

«Короче»: об истоках и функционировании речевой единиц975

Трисмакова Арина Сергеевна

Категория падежа имен существительных в учебнике РКИ для китайской аудитории: презентация материала и подходы к работе с ним (на примере учебников «Восток-1» и «Дорога в Россию-1»).....979

Фадеева Софья Сергеевна

Антиномия конструктивных-деструктивных процессов в метафорической семантике префиксальных глагольных дериватов.....984

Фам Тхи Иен Ми

Ономастический компонент идиостиля творчества А.С. Пушкина как лингводидактическая проблема990

Фам Тхи Хонг Ви

Методика работы во вьетнамской аудитории над устойчивыми национальными словесными образами (УНСО) в языке А.С. Пушкина.....995

Фан Цзюньюй

Актуальность литературы А.С. Пушкина для межкультурной коммуникации999

Фанова Ирина Сергеевна

Перитекст компьютерных игр: особенности и структура1005

Фёдорова Арина Алексеевна

Роль внутренних монологов в формировании образов Жюльена Сореля и Григория Печорина.....1011

Федорова Мария Николаевна

Развитие коммуникативных навыков у детей-билингвов с использованием интерактивной онлайн-доски Migo1018

Федчук Василиса Витальевна

Сообщество ВКонтакте Всероссийского фестиваля НАУКА 0+: специфика языковой репрезентации.....1021

Фролова Анастасия Андреевна

Анализ информационных ресурсов коммуникации с гражданами в электронном правительстве1027

Фэн Вэйвэй

Различия в употреблении лексики в культурных контекстах Китая и России при обучении русскому языку как иностранному1033

Фэн Цзин

Дистанционное обучение в преподавании русского языка как иностранного в Китае1037

Хабовец Александра Григорьевна

Лингвостилистические особенности эффективной коммуникации в социальных сетях на примере групп молодежных организаций1041

Хайруллина Регина Ринатовна

Идиостилистические особенности передачи маргинальной речи на материале книги Э. Портер «Поллианна».....1045

Хак Алия Евгеньевна

Сравнительно-сопоставительный анализ русских и английских народных колыбельных песен.....1051

Хао Цзэлунь

Характеристики объектов в русском музыкальном жаргоне.....1057

Хлыстова Екатерина Сергеевна

Субстантивные номинации с фразеологичной семантикой в современном русском языке
1062

Хуан Есянь

Языковые контакты Китая и России.....1068

Цаплина Татьяна Андреевна

Функции прецедентных единиц в текстах современной детской литературы1073

Цзин Шици**1080**

Стратегии и эффекты литературной дипломатии в выступлениях В.В. Путина.....1080

Цзян Юе

Типичные проблемы перевода текстов нефтегазовой тематики и пути их решения ..1085

Цзяо Хуэйчжу**1090**

Русский юмор как средство обучения межкультурной коммуникации в китайской аудитории.....1090

Цибакова Валерия Алексеевна

Пушкинский контент на сайте «Культура. РФ»: структурно-тематический анализ ...1094

Цуй Юйчуань

Анализ онлайн-платформы для обучения русскому языку как иностранному в вузах КНР
1099

Цянь Цзысинь

Анализ современных китайских литературных имен на примере произведения «Четыре поколения под одной крышей» Лао Шэ1105

Чакраборти Арпита

Приемы активизации индийских учащихся на уроках русского языка на уровне А2.1109

Чеснокова Алина Николаевна

Особенности перевода названий произведений художественной литературы (на материале русского и английского языков)1116

Чжан Байян

Текст интервью: средства внутритекстовой когезии1120

Чжан Лицзюань

Риторические средства в детской литературе1126

Чжан Чуньюй

К вопросу о лингвокультурной маркированности зоонимической лексики.....1131

Чжао Чаоюе

Основное содержание обучения устному переводу в дипломатической сфере (на примере китайского и русского языков)1135

Чжу Гэнчэн

Создание уникального символа китайской Культуры в межкультурном коммуникации1139

Чжэн Вэньцян

Сопоставительный анализ эвфемизмов, связанных с представлением о смерти, в русском и китайском языках1143

Чу Тхи Минь Фыонг

Трудности в обучении глаголам движения вьетнамских учащихся.....1156

Чэн Синьжу

Методика преподавания русского языка как иностранный в Китае: историко-культурный и методологические аспекты1163

Чэнь Сьюй

Понятие «Экология» в русском и китайском языках: общее и различное.....1165

Чэнь Сяотун

Технологические инновации в межкультурной коммуникации: вызовы и возможности1170

Шевченко Диана Игоревна

Образ Пушкина в современном русскоязычном медиадискурсе: лингвокультурные стереотипы.....1176

Шляхтицева Ульяна Дмитриевна

Промежуточные явления между сложным словом и словосочетанием: параметрический подход 1180

Шушунова Анастасия Алексеевна

Особенности лексикографического описания терминологической системы ресторанного дела..... 1185

Щербакова-Калинина Анна Алексеевна

Роль загадок в романе Стивена Кинга «Колдун и кристалл» 1189

Эргашова Зарина Хасановна

Особенности преподавания русского языка в школах Таджикистана 1194

Юй Чжисюань

Использование искусственного интеллекта на занятиях РКИ с обучающимися уровня В1-В2..... 1198

Юсенко Полина Витальевна

Психологические методы воздействия в современной рекламе..... 1203

Ян Мань

Особенности употребления молодёжного сленга в сети Интернет..... 1207

Ян Мань

Особенности передачи молодёжного сленга в сети Интернет 1211

Ян Сюе

Женщина в семье в русских и китайских поговорках 1219

Ян Юаньюань

Художественное своеобразие романтических поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова 1223

Яхнис Мария Александровна

Этапы педагогического общения..... 1229

Абдрахманова Рената Рафкатовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

renata22063@gmail.com

**Образные репрезентации символики времени в лексической
структуре поэтического текста (на материале песенной лирики
Ю. Шевчука)**

Работа выполнена под руководством Юриной Елены Андреевны,
доктора филологических наук, профессора

Данная статья представляет анализ образных репрезентаций символики времени в лексической структуре поэтического текста. Основная цель статьи заключается в выявлении метафорических значений слова, которые актуализируют определенные смыслы, передающие субъективное восприятие окружающей действительности. В статье рассматриваются не только формальные и семантические аспекты использования языковых единиц, но и их воздействие на восприятие времени читателем поэтического произведения.

Ключевые слова: метафора, картина мира, символика времени, языковые образы времени

В поэтическом тексте слово является не только средством передачи информации, но и образом, символом, активирующим у читателя ассоциативные процессы. Его роль не ограничивается прямым значением, а раскрывается с помощью переносных, метафорических значений, что позволяет пишущему актуализировать в данном тексте необходимые смыслы и, таким образом, передавать субъективное восприятие окружающей действительности.

По А. А. Потебне метафоричность – один из видов «поэтической иносказательности», то есть случаев такого употребления лексической единицы, при которых слово являет адресату «нечто иное и большее, чем то, что в нем непосредственно заключено». Следовательно, поэзия является иносказанием в широком смысле слова – такой формой выражения, которая для передачи содержания и идей включает в себя использование в том числе метафорических средств: соотношения образа и значения как «далеких друг от друга порядков явлений» [5, с. 141].

С точки же зрения внеязыковой действительности, описанной в книге Дж. Лакоффа, метафора – это «феномен воображаемой рациональности» [3, с. 251]. В первую очередь метафора – не только средство языкового выражения, а следствие, продукт образности человеческого мышления, который влияет на его структуру и концептуальную систему. С помощью метафоры человек способен описывать опыт чувственного восприятия мира в терминах иного опыта. Следовательно, метафора не только отражает наше восприятие мира, но и активно формирует его, в свою очередь создавая новые языковые модели понимания и интерпретации реальности.

Активное отношение к слову, выражающееся в его частом употреблении, провоцирует процесс формирования новых смысловых ассоциаций и производных значений. Постоянное включение определенного слова в речевую практику приводит к его активному использованию в различных контекстах и ситуациях, что способствует эволюции его значения. Чем чаще слово употребляется, тем более многозначным оно может стать, варьируя свое значение в зависимости от контекста и намерений говорящего.

О коммуникативном потенциале слова, который влияет на его способность к образованию текста, пишет Н. С. Болотнова: коммуникативный потенциал – это «закрепленная в сознании носителей языка благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления потенциальная способность слов прямо или косвенно соотноситься с определенными ситуациями общения, передавая «квант» знания о явлениях реального мира или сознания» [2, с. 276].

Новое значение слова развивается не только благодаря его лингвистическому потенциалу (специфическое лексическое значение, способность к аффиксальному словообразованию, особенность звукового состава). Дополнительные значения могут быть обусловлены также экстралингвистическими факторами – творческой активностью языковой личности, которая актуализирует различные представления о предметах или явлениях, обозначаемых словами, а также возможной зависимости лексических единиц от ситуации их использования и тематической направленности коммуникации.

Так, например, слово-стимул «время», по данным Словаря ассоциативных норм [4], является образующим для следующих реакций (в опросе приняло участие 199 респондентов): *час* (9,55%); *деньги* (6,03%); *бежит* (5,03%); *свободное* (4,52%); *идти (идет), мало, часы* (4,02%); *быстро* (3,02%); *летит* (2,51%); *день, трудное* (2,01%); *года, длинное, золото, истекло, не хватает, нет, полночь, потеха, пространство* (1,51%); *бесцельно, быстрый, вперед, год, долго, долгое, дорогое, какое, короткое, летит незаметно, минута, наше, ночь, позднее, препровождение, прошедшее, стрелки, течет, хорошее, чужое* (1,01%); *10 часов, безвременье, бесконечность, больших ожиданий, бремя, будущее, великое, вечернее, движение, дело, длительное, жить, занятый, звать, коротать, мгновение, медленно идет, месяц, не терпит, неудержимо летит, ночное, опоздал, опоздание, отрезок, отстают, полет, полуденное, свидание, сказка, скоро, сон, срок, старое, сутки, телевизор, тяжелое, тянется, школа* (0,5%).

Так, сигнификат время может в различных языковых ситуациях может вызывать различные ассоциаты (реакции на слово-стимул): **1) единицы физических величин** (*час, год, минута, 10 часов, сутки*); **2) объективная передача хода времени** (*идти, истекло,*

течет); 3) ассоциаты с субъективной эмоциональной оценкой времени (*бежит, быстро, трудное, не хватает, долго, короткое, больших ожиданий, тяжелое, неудержимо летит, тянется*); 4) показатели пространства (*бежит, идет, летит, пространство, вперед, движение*); 5) философские и абстрактные представления о времени (*золото, чужое, безвремяе, бесконечность*); 6) обозначение взаимоотношений событий и времени (*прошедшее, опоздание, отстают*); 7) социальный аспект времени (*дело, свидание, школа*).

В качестве примера текстообразующего потенциала слова-стимула «время» рассмотрим текст двух песен Ю. Шевчука: «Вальс» (2002) и «Белая ночь» (1995). Используемые автором лексические единицы, связанные с концептом времени, относятся к разным тематическим группам, что способствует достижению художественной цели.

Дай хоть на **секунду** испытать святую милость,
 Снег, **вчера** упавший, расспросить про небеса!
 Что бы ни пропало, ни погибло, ни **случилось**
 Слышать доносящиеся с неба голоса.
 И **догнать** бредущую в беспамятстве **дорогу**,
 И вернуть на место землю, как заведено,
 Покажите чудо, чтобы видно было многим,
 Как перевоплощается в кровь твое вино.
Ветрами, морозами – хоть чем-нибудь поверьте,
 Покажи нам чудо, злую **осень** покажи.
Жизнь всегда любит великолепной **смертью**,
Смерть всегда отчаянно запоминает **жизнь**.
 Если бы хоть строчка **этой ночью** получилась,
День жужжал и жег бумагой белой на столе,
 Все, что потерял я, отлюбил, что не свершилось,
 Вырастет подстрочником зеленым на золе.
 Дай мне оправдать твою безжалостную милость,
 Верными аккордами подыскать ключи
В сад, где все **начала**, все **концы**, куда стремились
 Мы, когда нас резали и штопали врачи.
 Вырваться за грань уютной проданной свободы,
 Выбраться на волю сквозь витрины-миражи,
 Лечь в траву сухую и увидеть свои роды –
 Бабка-повитуха – **смерть**, хоть что-нибудь скажи!

В тексте можно выделить несколько групп метафор, связанных с представлениями о времени:

1. **Метафоры, описывающие время в терминах пространства:** например, *догнать дорогу* (традиционная метафора жизненного пути); вернуться *в сад*: в рамках данного текста метафора *сад, где все начала* может рассматриваться как архетипический символ – как точка отсчета человеческого существования, поскольку отсылает читателя к Эдемскому саду. Эти метафоры отражают представление о времени как о пространственной сущности, которую можно описывать и по которой можно перемещаться.

2. **Метафоры, соотносящие время с природными явлениями:** такие метафоры как *ветры, морозы, осень* подчеркивают цикличность времени и его неотъемлемую связь с природой и происходящими в ней изменениями, которые соотносятся с изменениями в жизни человека.

3. **Метафоры, отражающие философское и абстрактное восприятие времени:** слова *жизнь, смерть, начала, концы* составляют ключевой мотив текста – взаимосвязь жизни и смерти, что также соотносится с цикличностью времени и его неизбежным движением.

Выделенные группы метафорических моделей времени позволяют сделать вывод о том, что в восприятии времени отражается антропоцентризм современных представлений общества о мире. Человек занимает главенствующее положение во вселенной и оказывает влияние на окружающую среду. В рамках такой картины мира представления о времени также оказываются ориентированными на человека: время перестает быть абстрактным понятием или только физической величиной, существующей обособленно от людей, оно становится средством измерения и организации жизни, а стартовой точкой его отсчета становится человек, существующий в «точке „теперь“» [1, с. 53].

Во втором тексте также можно выделить образные репрезентации символики времени:

Не дожить, не допеть,
не дает этот город *уснуть*
И забыть те мечты,
чью помаду не стёр на щеке.

В эту *белую ночь* твои люди – шаги,
как враги,
Обнаженная ночь,
твоя медная речь – острый меч.

в эту *белую ночь*, да в *тёмные времена*...

Как ты там, за чертой,

где ты там в тишине.

Заболел я душой,

что вернулась ко мне.

Эта *белая ночь*

без одежд ждёт и просит любви.

Эта *голая ночь*,

пропаду я в объятьях ее, не зови.

в эту *белую ночь*, да в *тёмные времена*...

В данном тексте фигурируют два центральных образа, использующихся для репрезентации концепции времени: *белая ночь* и *темные времена*. В отличие от предыдущего текста, эти образы описывают время не философскими или абстрактными категориями, а связывают его с конкретными социально-культурными феноменами.

1. Здесь образ белой ночи, так же как в предыдущем тексте, связывается с представлениями о пространстве и конкретным локусом – городом Санкт-Петербургом. Эта метафора, контрастная по внутренней структуре, создает визуальное сопровождение хода времени и переживания неоднозначной эпохи. Лексическое окружение метафоры подчеркивает ее значение в контексте стихотворения: «*не дает этот город уснуть*». В *белую ночь* становится невозможен сон – следовательно, невозможна даже краткосрочная остановка движения времени, его непрерывность не оставляет места покою и стабильности. Представление о времени здесь связано с его линейным и однонаправленным (в сторону будущего) непрекращающимся движением.

2. Описание исторического периода с помощью метафоры *темные времена* отражает эпоху девяностых годов в России, характеризующуюся социальными, политическими и экономическими потрясениями.

Два метафорических образа вступают в контрастный диалог, выводя на первый план неоднозначность исторической эпохи: смешение света и тьмы; прошлого, настоящего и будущего.

Представления о времени являются сложным и многомерным явлением: оно воспринимается как фундаментальная категория, способная выражать философские идеи, социальные и культурные тенденции, а также отражать как индивидуальные, так и коллективные переживания.

Одной из основных характеристик времени является его *антропоцентричность*: его восприятие и интерпретация тесно связаны с человеческим опытом и активностью. Время рассматривается не только как объективная реальность, но и как субъективное переживание.

Одновременно с этим время может описываться и как *цикличное*, и как *линейное* явление. Цикличность времени отражает повторяемость определенных процессов и событий, связанных с космическим временем – зачастую с природными циклами. Линейность времени подчеркивает его однонаправленное движение от прошлого через настоящее к будущему, что определяет структуру и организацию жизни и истории.

Также представления о времени зависят от социально-культурного контекста эпохи и языкового сознания автора. Различные культуры и языки могут иметь свои уникальные способы выражения времени, отражающие специфику менталитета и исторического опыта. Таким образом, изучение языковых и культурных аспектов представлений о времени в авторской картине мира позволяет достичь понимания не только времени как такового, но и социокультурных особенностей различных сообществ.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Язык и время. – Москва : Индрик, 1997. – 352 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – Москва : Наука, 2009. – 520 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка: сайт / CLAIM – научно-образовательный кластер.
URL: http://itclaim.ru/Projects/ASIS/Leont/Pr_leon.htm#s15 (дата обращения: 13.03.2024).
5. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. – Москва : Высшая школа, 1990. – 344 с.

Abdrkhmanova R. R.

Pushkin State Russian Language Institute

Metaphorical representations of the symbolism of time in the lexical structure of a poetic text (based on the material of song lyrics by Yu. Shevchuk)

The article presents an analysis of figurative representations of the symbolism of time in the lexical structure of a poetic text. The main purpose of the article is to identify the metaphorical meanings of the word, which actualize certain meanings that convey a subjective perception of the surrounding reality. The article examines not only the formal and semantic aspects of the use of linguistic units, but also their impact on the perception of time in a poetic works.

Keywords: metaphor, linguistic picture of the world, symbolism of time, linguistic images of time

Грамматические интерференты в русской речи Малийцев (язык баманан)

Работа выполнена под руководством (Нина Николаевна Рогозная: доктор филологических наук, профессор)

В данной статье рассматривается сопоставительный анализ структур языка баманан и русского языка. Выводятся грамматические ошибки у Малийских школьников, изучающих русский язык. Эти ошибки, связанные со многими факторами и причинами, раскрываются ниже.

Ключевые слова: Сопоставительный анализ, структуры, русский язык, язык баманан, род, число, время, вид, спряжение.

Язык баманан или бамананкан – является одним из национальных языков Республики Мали. У этого языка есть особая система и структура. Он является литературным языком, поэтому он стремительно и динамично развивается. Благодаря его динамизму, он распространён почти по всей стране и служит языком коммуникации даже за ее пределами. Бамананкан имеет контакт с русским языком вследствие распространения русского языка в Республике Мали, где изучается в лицеях и в университете.

При изучении русского языка в речи малийцев появляется много ошибок, например, граммаференты, которые требуют коррекции.

Почему возникают такие ошибки? Прежде всего это связано с несовпадением структур данных сопоставляемых языков. В русском языке существуют несколько единиц, которых не существуют в языке баманан. Например, в языке баманан нет категорий вида глагола. Глагол в языке баманан имеет одну форму спряжения для всех глаголов, а у существительных нет среднего рода. Для образования прошедшего времени в русском языке употребляются окончания в роде и числе, а в языке баманан употребляется показатель перед глаголом и особые окончания в непереходных глаголах.

В русском языке образование множественного числа связано с падежной парадигмой, а язык баманан имеет одну форму множественного числа для всех существительных. Значит имя существительное имеет окончания **-w** как маркер множественного числа. Интерференты вследствие несовпадения вышеуказанных признаков.

Таблица: 2

Граммаференты в РРМ (язык баманан)

--	--

Граммаференты	Причина
<p>1-Неправильное использование спряжения глаголов первого и второго типа. Я Готоваю я готовлю Студенты писаюот- Студенты пишут.</p>	1-Внутриязыковая
<p>2-Неправильное употребление вида глаголов. Он покупал мне ноутбук - Он купил мне ноутбук. Мусса читал книгу - Мусса прочитал книгу. Мы встречали друзья вчера - Мы встретили друзья вчера.</p>	2-Межъязыковая
<p>3-Неправильное употребление рода и числа. Марина прочитал книгу- Марина прочитала книгу. Николай слушала музыку - Николай слушал музыку. Анна говорил с тобой - Анна говорила с тобой. Игорь прогуляла в парке - Игорь прогулял в парке. Дерево увеличила ветки - дерево увеличило ветки. Мы видел тебя - Мы видим тебя. Вы изучают математику. Вы изучаете математику.</p>	3-Внутриязыковая
<p>4-Неправильное употребление времени Они смотрят вчера фильм – Они смотрели вчера фильм. Мы решаем завтра задания – Мы решим завтра задания. Студенты сейчас занимались математикой – Студенты сейчас занимаются математикой.</p>	4-Внутриязыковая
<p>5-Проблема с падежной парадигмой Я ем с рукой - Я ем рукой. Он нравится эту книгу - Ему нравится эта книга. Я даю вы - я даю вам...</p>	5-Внутриязыковая

Таблица демонстрирует разнообразные ошибки в русской речи малайцев. Они могут быть межъязыковыми, связанными с родным языком или внутриязыковыми, связанными с недостаточными знаниями изучаемого языка.

Литература

1. Багдужева А.В. Специфика функционирования имени существительного в речи билингвов (русско-китайский и китайско-русский интерязыки) / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина – Москва, 2022.

2. Вайнраих У. Одноязычие и многоязычие (новое в лингвистике – вып 6. Языковые контакты М, 1972. – С. 2560
3. Выдрин В.Ф. Язык бамана / Выдрин В.Ф. Бамана язык // Языки мира: Языки манде / под ред. В.Ф. Выдрин, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Е.Б. Маркус. РАН. Институт языкознания. – СПб: Нестор-История, 2017.
4. Головин В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским // Москва «Русский язык», 1988.
5. Идиатов Д. Le sémantisme des marqueurs aspecto-temporels du bambara; СПб. Гос. Университет Une tentative d'analyse1
6. Олеговна Е.А. Тональное поведение служебных слов в языке Баманан - Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2021
7. Русская грамматика том I / под ред. Н. Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Вал. Вас. Иванов, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов. – Москва : Наука, 1980. – 729 с.
8. Русская грамматика том II / под ред. Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Вал. Вас. Иванов, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов. – Москва : Наука, 1980. – 717 с.
9. Заманстанчуг Д.Э. Билингвальная фонологическая модель разноструктурных языков: корейский и русский язык. Иркутский национальный исследовательский технический университет. – Иркутск, 2018.
10. Захарчук О.Е., Ерещенко М.В., Николенко О.В. Существительные со значением лица по профессии в русском и в китайском языках: обучение способом представления словообразовательных моделей в курсе РКИ. – Ростов н/Д, 2019.
11. Niare Komba Mamadou, Maben, san 5-6, Edition (Diamana), Bamako
12. Père charles Bailleul de la société des missionnaires d'Afrique de Bambara, sons. type de phrases. tons.(EDITION DONNIYA) – 2005.
13. Samba Traore: Преподаватель русского языка (монография) – 2001.
14. Youssouf Diallo, Amadou Tamba Doumbia, Gerard Dumestre et autre, Bamanankan Maben Gafe, Edition (Université d'oslo-Université de Bamako) – 2004.

Abdoulaye Traore

State Institute of Russian Language named A.S. Pushkin

Grammatical interferences in the Russian speech of the Malians (Bamanan language)

This article examines a comparative analysis of the structures of the Bamanan language and the Russian language and identifies grammatical errors among Malian schoolchildren studying the Russian language. These errors are associated with many factors and reasons, which are explained below.

Key words: Comparative analysis, structures, Russian language, Bamanan language, gender, number, time, type, conjugation.

Абдуллаева Назифа Сайфуллаевна

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Nazifonya@gmail.com

Русский язык как инструмент межкультурной коммуникации (на примере переводов Л. Муталлипа)

Работа выполнена под руководством Абдуллаева С. Н., доктора филол. наук,
профессора

Статья посвящена вопросам функционирования русского языка в качестве инструмента межкультурной коммуникации в аспекте художественного перевода. Изложение ведется на примере творчества легендарного поэта Лутфуллы Муталлипа, большинство оригинальных произведений которого напечатаны письмом на основе арабской графики. Делается вывод о релевантности русского языка в современном мире в деле укрепления понимания между народами.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, художественный перевод, Л. Муталлип, пресуппозиция, художественная картина мира.

Современные реалии не устают удивлять своим динамизмом. Мир изменяется буквально на наших глазах. Вчерашние ценности уступают место новым. Народы и государства разобщаются и вновь объединяются. Границы и сами государства, а также объединения государств меняются, что свидетельствует о том, что мир стабильно состоит прежде всего из народов. Если государственных образований сегодня не наберется и двухсот, то народов насчитывается свыше пяти тысяч. Следовательно, интегративные процессы, которые, безусловно, идут по разным направлениям в сегодняшней действительности, касаются прежде всего межкультурных отношений между конкретными многочисленными народами. В этом огромном мире все этносы, их языки и культуры имеют право на существование под единым солнцем. Раз они есть, значит они кому-то нужны, значит так надо. Другой вопрос, что никто в настоящее время не может существовать изолированно. От взаимодействия никуда не деться. Но как оно будет строиться, это взаимодействие - от этого многое зависит в нашем сегодняшнем мире. В то же время человеческая история представляет собой не что иное как «метаморфозу человеческого духа, развитие великих идей, которые определяют ход событий» [9, с. 3]. Межкультурная коммуникация сегодня - возможность познания и сохранения разных граней единого, многообразного и постоянно изменяющегося транскультурного мира. В этом смысле художественное слово помимо

прочих функций имеет еще одну благородную миссию познания действительности глазами других. Здесь литература выступает не только в качестве «моста дружбы», но и дает для других возможность удовлетворить эстетические потребности, а также познакомиться с реальной художественной картиной мира того или иного этноса. Нашей целью является осмысление значимости перевода произведений художественной литературы как способа межкультурной коммуникации. Если воспользоваться словами А.Д. Швейцера, то «перевод может быть определен как двунаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [10, с. 75]. В настоящем случае мы хотели бы обратиться к вопросам перевода произведений знаменитого уйгурского поэта-трибуна Лутфуллы Муталлипа, произведения которого большей частью опубликованы письмом на основе арабской графики. Л. Муталлип – личность необычайно притягательная и популярная, яркая романтическая фигура в контексте бурных событий 30-40-х годов в Восточном Туркестане. Это чистый и незапятнанный символ идеала свободы всех людей во всем мире. Однако, чем дальше, тем меньше остается людей, которые были хорошо осведомлены о тех кипучих и романтически насыщенных событиях, в условиях которых пролетела очень короткая жизнь поэта. В этом смысле произведения талантливого художника слова дают правдивую картину тех лет и событий, а также возможность почувствовать их пафос. Другими словами, они выполняют еще и роль исторического источника, а также своеобразного способа преодоления межэтнических барьеров и стереотипов восприятия в межкультурной коммуникации. В свои неполные 23 года Л. Муталлип, который трагически погиб в борьбе за свободу, успел оставить литературное наследие, достойное классика и вместе с этим активно участвовать в бурных перипетиях революционных событий Восточного Туркестана [2, с. 56; 4, с. 31]. Эти события нуждаются в переосмыслении, что очень актуально в контексте современной геополитической ситуации и проблем евразийской интеграции. Так или иначе, реалии тех событий, знание которых очень важно для понимания сегодняшней геополитической ситуации в этом регионе, нашли свой отпечаток в его произведениях, которые были переведены на многие языки (английский, русский, китайский, французский, турецкий, татарский, киргизский, казахский и др.), открывая тем самым доступ к свободолюбивой и певчей душе одного из многочисленных тюркоязычных народов евразийского пространства - уйгурского [3, с. 5]. Поскольку формат статьи ограничен, в данном случае мы не будем обращаться ко всем языкам, на которые были осуществлены переводы творчества поэта [7, с. 34]. Ниже мы

остановимся на переводах произведений Л. Муталлипа на русский язык. В переводах литературных произведений, в частности, стихотворений на другие языки важен такой фактор, как языковая пресуппозиция по теме произведения как необходимая фоновая информация. Например, рубайи известного уйгурского поэта А. Откюра без знания его биографии и другой пресуппозитивной информации могут быть поняты как имеющие любовное или религиозно-философское содержание. А со знанием пресуппозиции сразу же отчетливо начинает вырисовываться их главная, свободолюбивая и патриотическая направленность. Отсюда целесообразность, на наш взгляд, давать перед конкретным переводом конкретных произведений минимальную пресуппозиционную информацию, чтобы было легче читать и воспринимать все содержание произведения [8, с. 42]. У Л. Муталлипа как колоритного носителя этнокультурного дискурса можно находить много граней его творчества. Поэтому чтобы понять их, мы считаем разумным и необходимым сопровождать сами тексты или их фрагменты переводов такими поясняющими «справками». Речь пойдет только о поэзии Л. Муталлипа. Его незаурядный талант и творчество в качестве художника, прозаика, драматурга, публициста, литературоведа должны и могут стать объектом отдельного исследования. В 1975 году в самой массовой советской газете с многомиллионным тиражом «Комсомольская правда» вышла статья проф. М. Хамраева о Л. Муталлипе и были опубликованы переводы его стихотворений на русском языке. В 1976 году в Москве вышел сборник переводов произведений поэта на русском языке, осуществленных А. Корневым и М. Хамраевым. Многочисленная читательская аудитория получила возможность познакомиться с одним из ключей к культурному коду и яркой страницей из истории современной уйгурской литературы, в которой нашла свое адекватное воплощение уйгурская художественная картина мира. В сборник вошли программные стихотворения и поэмы поэта, которые дают общее впечатление о пафосе и концептуальной основе всего творчества художника слова. Обратимся к известному стихотворению Л. Муталлипа «Жилларға жавап» («Ответ эпохе»). При обращении ко вторичному тексту русского перевода сразу же перед нами встает образ времени, отражающий уйгурско-тюркскую темпоральную модель [5, с. 89]: *Время торопится, время не ждет. / Годы рвутся вперед – бытия иноходцы. / Чтоб ни делали мы, а стареть ведь придется, / Не стареют лишь реки, / Да солнца восход.*

Короткая и яркая биография самого поэта, ослепительно и мощно сверкнувшего на политическом и литературном небосклоне, подобно отблеску молнии, среди строк его стихотворения учит нас ценить время и каждый его миг, особенно в пору молодости:

Юность – жизни рассвет благодарный,

Жаль, что короток слишком для нас его срок.

Если вырван еще один лист календарный,

Значит с дерева молодости Сорван листок...

Этой теме вторят и следующие строки другого стихотворения поэта:

Торопись! Короток наш век человечесий,

Как жасмина куст – юности расцвет,

Утром он цветет, облетает к вечеру

Молодость – как молния! Польшнет и нет.

В целом для творчества Л. Муталлипа характерна свободолобивая тематика и воспевание творческого созидательного труда людей-тружеников независимо от национальной принадлежности [6, с. 81]. Тематика и содержание его творчества поднялись выше национальных рамок и посвящены воспеванию свободолобивых устремлений человеческого духа. После знакомства с его произведениями-репрезентантами уйгурской художественной картины мира понимаешь душу этого талантливого, красивого и многострадального народа, а также некорректность и нелепость попыток отождествить изначальное существо и культурный менталитет целого народа с такими «расхожими» в нынешней быстро изменяющейся политике понятиями, как терроризм и сепаратизм. В этом, на наш взгляд, одно из ценных и непреходящих предназначений русского языка как инструмента в аспекте художественного перевода, выполняющего роль моста для интеграции и взаимодействия народов.

Литература

1. Абдуллаев С.Н. Л. Муталлип-литературовед о В. Шекспире // Шекспир и мировая литература: Матер. Международной научно-практ. конференции (Бишкек, 1992. 21-25 сентября) Бишкек, 1992. – С. 81-88.
2. Абдуллаев С.Н. О философско-лирических началах в творчестве Л. Муталлипа// К. Тыныстанов атындагы Ысык-Көл мамлекеттик университетинин 40 жылдык мааракесине арналган илимий-теориялык конференциянын материалдары.-Каракол, 1993. – С. 51-54.
3. Абдуллаев С. Габдулла. Тукай и Лутфулла Муталлип: линии евразийского мышления в татарской и уйгурской литературе// Проблемы формирования евразийского мышления: Сб-к мат-лов 5-й Международной научнопрактической конференции/Под ред. Р.А. Абузярова. – Уральск, 2008. – С. 3-6.
4. Абдуллаев С.Н. Метаморфозы творческого духа (к вопросу об «образе автора» на примере творчества Л. Муталлипа) // Вестник Исык-Кульского университета. -2015, № 40. – 3 часть. – С. 129-133.

5. Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С. Модель тюркского времени в уйгурской художественной картине мира (на примере творчества Л. Муталлипа) // II International research symposium on the Turkic world/-volume I/-Almaty, 2015 – 308-313 pp.
6. Аутова Г.М. 40-жиллар Шинжаң уйғур поэзиясидә асасий мавзу вә Лутпулла Мутәллип шейрийити//Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность // Труды международной конференции в 3-х томах. (Казань, 1992, 9-13 июня). – Т. 2. – Москва : Инсан, 1997. – С.79-83.
7. Эршидин Турсун. Лутпулла Мутәллип. – Үрүмчи, 1995. – 142 с.
8. Валеева Н.Г. Введение в переводоведение. – М., 2006. – 284 с.
9. Хаким Р. Метаморфозы духа, – Казань, 2005. – 351 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – Москва, 1988. – 215 с.

Abdullayeva Nazifa Saifullayevna

L. N. Gumilyov Eurasian National University

The Russian language as an instrument of intercultural communication (using the example of L. Mutallip's translations)

The article is devoted to the Russian language as a tool for intercultural communication. The author considers the problems of literary translation. The material is presented by the example of the famous poet Lutfulla Mutallip. Lutfulla Mutallip's works printed based on the Arabic alphabet. Russian language plays an important role in promoting mutual understanding between peoples.

Keywords: intercultural communication, literary translation, L. Mutallip, presupposition, artistic picture of the world.

Агеева Валерия Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ageevavaleria@gmail.com

Биноминативные сочетания и формальная семантика

В статье ставится проблема формального описания устойчивых словосочетаний естественного языка, а именно – биноминативных сочетаний. Сначала проводится разграничение биноминативов и других подобных конструкций, затем предлагается определение и краткий алгоритм формального описания на основе формальной семантики. В качестве материала были взяты биноминативные сочетания русского и немецкого языка, а также описан механизм создания выборки для исследования.

Ключевые слова: биноминативы, фразеология, формальная семантика, корпусные исследования.

Основная цель данной статьи – выявить проблему формального описания неочевидных фразеологических единиц (конкретно, биноминативных конструкций) и

предложить методику такого описания, которая могла бы поспособствовать облегчению понимания устройства подобных единиц и корпусных исследований в этом направлении.

Разъясним. Что такое биноминативные конструкции (биноминативы)? Среди исследований на русском языке на данный момент нет работ, посвященный именно биноминативам. Как правило, те работы, которые все же затрагивают эту тему, посвящены более широкому кругу явлений, а именно – биноминалам. Прочитируем определение биноминалов по Н.Ю. Шведовой, которое было приведено в статье А.П. Коржавого «Древнеанглийские биноминальные словосочетания: частотность в текстах разных типов (на материале «Англосаксонской хроники» и поэмы «Андрей»):

«Под биноминальным словосочетанием (БНС) в данной работе понимается, во-первых, всякая группа двух существительных, связанных подчинительной связью (так называемая биноминальная синтагма)? и, во-вторых, группа нескольких существительных, содержащая хотя бы одну биноминальную синтагму (так называемые сложные и комбинированные БНС). В сложных БНС все зависимые компоненты подчинены одному стержневому компоненту. В комбинированных БНС некоторые существительные выступают одновременно как зависимые компоненты одной синтагмы и как стержневые — другой. Такое разграничение сложных и комбинированных словосочетаний было предложено на материале русского языка Н.Ю. Шведовой» [6, с. 3-4].

Сам по себе термин «биномиал» имеет английское происхождение («binomial») и, согласно Ю. Новиковой, в отечественной лингвистике еще не получил широкого распространения. Чаще используются другие термины: например, «бинарные сочетания», «парные словосочетания», «парные слова», «биномы» [4]. В англоязычном языкознании впервые этот термин был употреблен Я. Малкилом и определен как «последовательность двух слов, принадлежащих к одной части речи, находящихся на одном уровне синтаксической иерархии и обычно соединенных каким-либо лексическим средством» [7, с. 113-114] Похожее определение было дано самой Ю. Новиковой после анализа употребления термина «биномиал»: «**биномиал** представляет собой последовательность из **двух слов** или фраз, принадлежащих к **одной грамматической категории**, связанных семантически и структурно, в основном посредством **сочинительных союзов «и» и «или»** [3, с. 5].

Дифференциальные признаки биномиалов:

- последовательность из **двух слов**, принадлежащих к **одной грамматической категории** (части речи);
- семантическая и структурная связь, выражаемая **сочинительными** союзами.

Несмотря на четкость приведенного определения, данный термин, биноминалы, слишком широк для объекта нашего исследования. Кроме того, для него существенна сочинительная, а не подчинительная связь. Почему? Потому что наше исследование ограничено биноминативами. Из анализа внутренней формы самого термина видно, что речь на этот раз идет не просто о сочетании двух существительных, а о сочетании двух существительных в именительном падеже. Поскольку подчинительная связь подразумевает косвенные падежи, очевидно, что между двумя ИП связь может быть только сочинительной.

Предварительное определение:

«Биноминатив, или биноминативная конструкция, представляет собой последовательность из двух существительных в именительном падеже, связанных семантически и структурно, посредством сочинительных союзов “и”, “или”».

Данное определение сосредоточено на описании структуры биноминатива и почти не затрагивает его семантические особенности. В дальнейшем наша задача – раскрыть то, что скрывается под заявлением о «семантической связи» между элементами биноминативной конструкции. Для этого необходимо собрать и описать языковой материал, подходящий под определение. В рамках нашего исследования мы рассмотрим биноминативные конструкции двух родственных языков – русского и немецкого.

Почему эта тема актуальна? Изучение фразеологии, как и в случае с любыми языковыми единицами большими, чем слово, корпусными методами, сталкивается с рядом проблем. Само по себе corpus-based исследование фразеологии позволяет значительно расширить количество аспектов, по которым можно получить информацию о той или иной идиоме: например, сочетаемость, оттенки значения, а также степень устойчивости данной идиомы (является ли она собственно идиомой), в отличие от ситуации, когда используются только словари [2]. Но это возможно только в случае, когда уже имеется словарь или отдельно составленный исследователями список идиом. Для немецкого языка такой список есть: «Sammlung der gebräuchlichen Zwillingsformeln in der deutschen Gegenwartssprache» (Hofmeister, Wernfried, 2010). Для русского языка такого списка пока не существует, в частности, потому что нет исследований, посвященных строго биноминативам, есть только те, которые охватывают более широкий класс явлений, уже упомянутые выше биноминалы.

Для справедливости стоит отметить обнаруженные исследования по биноминалам на русском языке. Первое из них – это уже упомянутая статья А.П. Коржавого «Древнеанглийские биноминальные словосочетания», которая оказалась полезна тем, что в ней приведено определение биноминальных сочетаний от Н.Ю. Шведовой, ставшее отправной точкой наших размышлений. Автор статьи анализирует БНС в двух

древнеанглийских текстах и приводит классификацию. Как правило, основной тип словосочетаний здесь – это конструкция из трех слов, где второе слово является приложением-определением первого, а третье зависит от второго: N+N2+N_x, например, «Карл, король франков».

Второе исследование описано в цикле статей и гораздо более полезно для нашей работы. Его авторы, Александра Буб и Зоя Резанова, повторяют на русском материале англоязычный проект ученых университета Queen's (Белфаст, Северная Ирландия) "Formulaic language use in monolinguals, bilinguals and multilinguals" под руководством Джудит Уайли. Авторы проекта используют единицы-коллокации в практике измерения степени усвоения английского языка билингвами разного типа, конкретнее, биноминалы. Определение биноминалов в этом проекте совпадает с теми, которые были приведены нами выше, также особенно отмечен фиксированный порядок элементов в формуле. Это важно, поскольку в рамках уже нашего исследования мы надеемся выявить семантические факторы, влияющие на этот порядок. Российские исследовательницы также составляют корпус русских коллокаций-биноминалов. И если часть этого корпуса состоит из межъязыковых эквивалентов, то дальше возникает проблема, аналогичная той, с которой мы столкнулись в текущем исследовании.

А. Буб и З. Резанова дополняют корпус коллокаций за счет Национального корпуса русского языка (НКРЯ): «для этого из корпуса был извлечен список триграмм, из которого были отобраны коллокации, соответствующие определению биноминалов» [5, с. 1169]. В дальнейшем этот список триграмм был обработан с точки зрения частотности «по формуле “количество словоупотреблений биноминала “х” делится на общее количество словоупотреблений и умножается на миллион”. В результате получаем количество употреблений искомой единицы на миллион употреблений единиц в корпусе (ipm)» [5, с. 1170]. Дело в том, что при простом поиске триграмм корпус предлагает множество единиц, не являющихся биноминалами. Их можно проверить по словарям, но в словарях далеко не полные списки. На самом деле, именно биноминативов (напомним, устойчивых сочетаний двух существительных в именительном падеже) в словарях практически нет – только повторяющийся набор из небольшого числа вхождений («альфа и омега», «небо и земля» и т.д.). Для обнаружения устойчивых единиц имеет смысл отсеять данные по признаку частотности. Та же проблема касается биноминативов даже в большей степени, поскольку чем уже необходимая выборка, тем сложнее ее получить, пользуясь только инструментами самого корпуса.

Вернемся к нашей теме, обозначенной в заглавии статьи. Помимо расчетов устойчивости для того, чтобы выделить биноминативы как особый тип коллокаций или фразеологических единиц, необходимо проанализировать их семантические характеристики: какие именно существительные входят в состав биноминативов, чем определяется их порядок, фиксирован ли он или нет и от чего это зависит. Для этого мы попытаемся использовать методы формальной семантики.

Формальная семантика как направление берет свое начало из середины XX века с работ Н. Хомского и Р. Монтегю. Основная идея – язык может быть представлен как формальная система. Для этого формалисты, в частности, Р. Монтегю на материале английского языка, используют математическую логику, то есть языковые выражения предстают в виде переменных и функций. Ниже будут представлены предварительные формулы для описания структуры биноминалов и биноминативов.

В кратком виде дифференциальные признаки биноминалов, приведенные в первой части статьи можно записать формулой:

$$x_A + \text{Conj} + y_A,$$

где x и y — переменные, обозначающие слова естественного языка, A – множество слов естественного языка (ЕЯ), принадлежащих к одной грамматической категории (части речи), Conj – союз (в данном случае сочинительный).

Для того, чтобы, наконец, прийти к объекту нашего исследования, необходимо ввести ограничения для переменных, поскольку нам нужно не всё множество A , а только та его область, которая соответствует существительным в именительном падеже. Само по себе ограничение можно записать как:

$$\{x \mid x \in N_1\}$$

и

$$\{y \mid y \in N_1\}$$

(расшифровывается как «такой x/y , который принадлежит множеству N_1 » (существительное в 1-ом, именительном падеже)).

Соответственно, финальная формула может выглядеть так:

$$x(N_1) + \text{Conj} + y(N_1)$$

Эта формула отражает только формальную структуру биноминативной формулы, не затрагивая ее семантического аспекта. В дальнейшем планируется внести в нее ограничения, определяющие значения входящих в нее элементов и семантическую связь между ними: например, некоторые признаки, влияющие на порядок – размер, форма, последовательность, социальные факторы и другие.

Таким образом, четкое формальное описание биноминативных формул облегчит их изучение и сбор информации о них, что, несомненно, полезно во многих аспектах, в частности, при обучении языку.

Литература

1. Буб А., Резанова З. Степень устойчивости биномиалов русского языка в соотношении с параметрами частности и предсказуемости элементов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 437. – С. 15-22.
2. Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов / Д. О. Добровольский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 398-411.
3. Новикова Ю.О. Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 25 с.
4. Новикова Ю.О. Биномиалы: проблема определения статуса / Ю.О. Новикова, А.А. Манаева // Перевод. Язык. Культура: VII международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 08 апреля 2016 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 63-67.
5. Резанова З., Буб А. Коллокации-биномиалы в русской речи: семантические типы, объективная и субъективная частотность // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 4. – С. 1164-1177.
6. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание): монография / Н.Ю. Шведова. – М., 1966. – 156 с.
7. Malkiel Y. Studies in irreversible binomials // Lingua 8, 1959.

Ageeva Valeriia Evgenievna

Pushkin State Russian Language Institute

Binominative combinations and formal semantics

The article raises the problem of the formal description of stable natural language phrases, namely binominative combinations. First, a distinction is made between binominative and other similar constructions, then a definition and a short algorithm for a formal description based on formal semantics are proposed. Nominative combinations of Russian and German were used as the material, and the mechanism for creating a sample for the study was described.

Keywords: binomials, phraseology, formal semantics, corpus studies.

Аистова Анна Юрьевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Annaaistova0@gmail.com

Особенности репрезентации категории времени и пространства в репортаже

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются способы изображения хронотопа в таком жанре публицистики, как репортаж, выявляется специфика представления пространственных и временных отношений в современных медиатекстах. Категории времени и пространства позволяют наиболее полно донести до читателя заложенную автором информацию, являются важными способами создания экспрессии и формирования у читателей определённого эмоционального настроения.

Ключевые слова: средства массовой информации, жанр, репортаж, время, пространство.

Репортаж как жанр информационной журналистики предполагает описание события, происходящего в реальном времени. Для репортера важно передать не только сиюминутный факт жизни, но и показать динамику течения времени. По мнению Б.Я. Мисонжникова, журналисту необходимо «погрузиться» в происходящее, а именно присутствовать в конкретном месте, где осуществляется описываемое событие [4, с. 40]. Только при соблюдении этого условия обеспечивается возможность уловить сам момент времени, сохранить чувство непосредственности и одновременности происходящего.

В отличие от хронологически более определенного новостного жанра в репортаже время представлено дискретно (прерывисто), а продолжительность описываемых событий не всегда совпадает с реальным хронометражем. Таким образом, время в репортаже подчинено логике событий и общему замыслу, а также участию субъекта повествования в происходящих действиях, тем самым обеспечивается создание общей картины восприятия окружающей действительности. Это означает, что время в репортажных изображениях имеет свои особенности, поскольку журналисту приходится взаимодействовать с такими различными видами текстового времени, как объективное (календарное), концептуальное (событийные) и перцептуальное, или перцептивное (эмоционально-экспрессивное) [1, с. 8]. К этой классификации исследователи относят и художественное время, которое будет представлено в текстах художественного стиля и «которое писатель сам творит в своем произведении» [3, с. 76].

Отражение объективного времени, как правило, не вызывает трудностей у журналистов, поскольку оно подразумевает под собой описание последовательно происходящих событий. Например, в репортаже «Осторожно, двери закрываются»: Самые ранние и поздние пассажиры метро», представленном в журнале «Правила жизни» от

01.03.2022, в хронологической последовательности рассказывается о первых и последних посетителях метрополитена в Москве [6].

Описание остальных временных планов в репортаже реализуется сложнее.

Концептуальное время, по своей сути, содержит представление субъекта о времени в рамках определенных теоретических концепций и установок, которое используется для описания событий или феноменов не в хронологическом порядке, а с учетом их связей, значимости и важности в рамках некоторой концептуальной модели или теории. В отличие от обычного времени, концептуальное время может быть более отвлеченным и абстрактным, а его понимание может требовать особого контекста или специальных знаний [7, с. 27]. Например, репортаж «Совершеннолетние боли. Как живет Беслан после 18 лет трагедии» Валерии Катодикиди в издании «Репортер» от 09.03.2023 повествует о горе в Беслане, где 3 сентября 2004 года террористы захватили школу №1. Концепт и хронология повествования определяются в условиях уже известных фактов и мнений о трагедии, новостей, обсуждений в СМИ, в обществе, тем самым создается уже готовое представление о том, что произошло, формируется собственное мнение человека [2].

Противоположным является перцептуальное время – индивидуальное восприятие, ощущение или переживание субъекта [7, с. 28]. Например, репортаж «С любовью смотрите на нас. Мы были такие, как вы, вы будете такие, как мы» Елизаветы Тюлюбаевой в «Репортере» от 11.02.2023 описывает некрополь в Северной Осетии, раскрывает историю этого места и самобытного народа. В материале можно наблюдать совмещение нескольких временных планов: описываемое историческое время и индивидуальное время, выступающее через восприятие журналиста и восстанавливающее хронологию повествования [8].

Таким образом, независимо от логики развития сюжета в репортаже должна четко прослеживаться хронология описываемых событий. Как следствие, обозначенное в нем время должно быть компактным, направленным и динамичным. Между тем как само поле для интерпретаций времени четкими рамками не ограничено, поскольку зависит от личного восприятия автором описываемых событий. Более того, в публицистике приветствуется использование различных методов изображения временного периода, так как это можно отнести к средствам выразительности и способам более информативно рассказать о событии. Журналист может использовать хронологический порядок, чтобы рассказать о событиях в точной последовательности их осуществления. Но он также может нарушить хронологию для того, чтобы сконцентрировать внимание читателя на наиболее существенном со смысловой точки зрения событии и далее переходить к менее существенным.

Выбор метода изображения временного периода определяется целями журналиста и обстоятельствами изображаемой ситуации. Но независимо от выбора метода необходимым условием является следование ему на протяжении повествования, чтобы у читателя не возникало сложностей с восприятием целостного сюжета.

В теоретических работах основой для описания объективного пространства могут служить следующие признаки: границы, положение субъекта в пространстве и т.д. [3].

Выделим основные семантические группировки:

- пространственные границы: *граница, пределы, межа, рубеж*;
- ограниченное пространство: *дорога, шоссе, площадь*;
- нахождение в пространстве: *лежать, сидеть, стоять*;
- локализация нахождения в пространстве: *слева, сзади, около, возле, рядом, далеко*;
- изменение положения: *падать, вставать*;
- направление: *смотреть, выходить*;
- расстояние: *длина, далеко, рядом*;
- пространственные координаты: *бок, верх, низ, центр, правый, левый*.

Суть определения границ пространственного континуума и отношений между объектами лежит в описании смысловых полей отображаемого места. Поскольку условное место не имеет пространственной природы, обычно говорят о других видах текстовой локализации: концептуальной, психологической, социальной.

Концептуальное пространство проявляется в тех случаях, когда речь идёт не только об определённых эмоциональных реакциях субъекта на событие, но и о его мировоззренческих ассоциациях, о связях с внешним миром и набором конкретных знаний. Например, человек, который имеет определенные знания, опыт в той или иной области не будет опираться только на свои чувства (нравится/не нравится/нейтрально), а будет воспринимать информацию сквозь призму собственных знаний, мнений. Пример концептуального пространства можно найти и в области философии, где теории, идеи и понятия позволяют лучше понять мир.

Психологическое пространство, в противовес концептуальному, сосредоточено не на внешнем мире в восприятии субъекта, а на его внутреннем состоянии, эмоциональных реакциях, границах в личностном взаимодействии, нарушение которых вызывает определенные негативные реакции. Например, человек сам определяет место своей безопасности и комфорта (дом, работа, природа и т.д.), тем самым пространство может влиять на психологическое состояние конкретного человека, его эмоции и поведение.

Социальное пространство, как можно судить из названия, определяет отношения субъекта с социальной сферой. При этом в отличие от психологического пространства в

центре внимания оказываются не эмоциональные реакции, а стимулы, эти реакции вызывающие. Например, в любом общественном месте существуют определенные социальные нормы, на которые человек может ориентироваться. От окружения зависят мотивы поведения человека, его реакции на происходящее.

Таким образом, категории времени и пространства играют в репортаже ключевую роль. С одной стороны, они позволяют наиболее полно донести до читателя заложенную автором информацию, а с другой – являются важными способами создания экспрессии и формирования у читателей определённого эмоционального впечатления.

Литература

1. Айрапдетова Э.Г. Специфика художественного времени в системе текстовой темпоральности / Э.Г. Айрапдетова // Пятигорский государственный университет. – Пятигорск: ИЦРОН, 2015. – С. 7-11.
2. Катодикиди В. «Совершеннолетие боли. Как живет Беслан через 18 лет после трагедии» // Репортер. [Электронный ресурс]. URL: <https://les.media/articles/150466-sovershennoletie-bolibeslan-cherez-18-let-posle-tragedii?ysclid=lt21a2u05k19912402> (Дата обращения: 24.02.2024).
3. Ким М.Н. Репортаж: технология жанра. – Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 2005. – 224 с.
4. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74-87.
5. Мисонжников Б.Я. Соотношение содержательных и формальных структур печатного издания: автореф дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 40 с.
6. «Осторожно, двери закрываются: Самые ранние и поздние пассажиры московского метро – и их истории» // Правила жизни. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravilamag.ru/articles/134014-ostorozhno-dveri-zakryvayutsya-samy-e-rannie-i-pozdnie-passazhiry-moskovskogo-metro-i-ih-istorii/> (Дата обращения: 24.02.2024).
7. Проблема чувства времени у детей-подростков после травм головного мозга / В.И. Быкова, Ю.П. Полухина, Е.А. Львова, В.В. Гурьева // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2021. – № 3. – С. 26-36.
8. Тюлюбаева Е. «С любовью смотрите на нас. Мы были такие как вы, вы будете такие, как мы» // Репортер. [Электронный ресурс]. URL: <https://les.media/articles/937577-s-lyubovyu-smotrite-na-nas-my-byli-takie-kak-vy-vy-budete-takie-kak-my-for-landing?ysclid=lt21dr70i7679870646> (Дата обращения: 24.02.2024).

Aistova Anna Yurievna

Pushkin State Russian Language Institute

Features of representation of the category of time and space in the reportage

The article deals with the ways of depicting chronotope in such a genre of journalism as reportage and reveals the specifics of representation of spatial and temporal relations in modern media texts. The categories of time and space allow to convey the author's information to the reader in the most complete way, are important ways of creating expression and forming a certain emotional mood in the readers.

Keywords: mass media, genre, reportage, time, space.

Айгенграу Дарья Баировна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

netdaid@mail.ru

Этикетные формулы приветствия в русском и корейском языках

Работа выполнена под руководством Брагиной Натальи Георгиевны, доктора
филологических наук, профессора

В статье изучается проблема этикетных формул как единиц категории вежливости на примере приветствий. Впервые был проведён сопоставительный анализ формул приветствия в русском и корейском языках, включивший в себя семантико-прагматическую характеристику. В результате исследования были выявлены сходства и различия категории вежливости в русском и корейском языках.

Ключевые слова: этикетные формулы, приветствия, категория вежливости, межкультурная коммуникация, русский язык, корейский язык.

Этикетные формулы представляют собой фразеологизированные предложения, состоящие из отдельных слов и устойчивых выражений, которые воспроизводятся в речи в качестве готовых формул и сопровождают собой различные социальные ритуалы. Цель нашего исследования – выполнить анализ их семантики на примере этикетных формул приветствия в русском и корейском языках.

Будучи единицами категории вежливости, этикетные формулы приветствия порождаются в результате повторяющихся социальных взаимодействий, в связи с чем легко подвергаются изменениям и регулярно пополняются. Поскольку данные формулы отражают культурную специфику нации и трансформации, которые она претерпевает в разные периоды истории, интерес к теме не иссякает. В разное время исследованием этикетных клише занимались выдающиеся отечественные учёные, среди которых можно выделить работы Н.И. Формановской [5], А.Г. Балакая [1], А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [2] и др.

Переходя к описанию формул, прежде всего следует рассмотреть некоторые особенности их семантики. А.Г. Балакай определяет их в качестве «**знаков-**

перформативов» – знаков, которые, «в силу их стереотипной воспроизводимости в типовых ситуациях, полностью или частично идиоматизировались, т.е. переосмыслились, утратив в большей или меньшей степени смысловую связь с этимологически составляющими компонентами» [1, с. 11].

Регулярная воспроизводимость этикетных формул обуславливает строгость в соблюдении сферы их употребления. Поскольку поле их функционирования тесно связано с повторяемостью, социальными ритуалами и этикетом, ряд речевых ситуаций, в которых они могут употребляться, является **узуально ограниченным**. Так как любой речевой акт имеет начало, основную часть и завершение, в соответствии с темпоральными характеристиками и местом в коммуникативном событии можно выделить: а) этикетные формулы, относящиеся к началу общения; б) этикетные формулы, используемые в основной части общения; в) этикетные формулы, употребляемые для завершения общения.

В зависимости от темы сообщения возможно выделение разных типов: это могут быть этикетные формулы: 1) приветствия, 2) обращения, привлечения внимания, 3) знакомства, 4) просьбы, 5) приглашения, 6) благодарности, 7) извинения, 8) поздравления, 9) комплимента, 10) утешения, 11) прощания и др.

Наша семантическая характеристика этикетных формул будет строиться вокруг тематической классификации, вслед за которой к рассматриваемому клише в случае необходимости будет предложен стилистический и коммуникативно-прагматический комментарий.

В качестве примера выполним анализ некоторых наиболее распространённых этикетных способов приветствия в русском и корейском языках.

Русский язык

В первую очередь следует указать на разнообразие в русском языке приветственных речевых клише и наличие множества лексико-грамматических вариантов. В процессе сбора языкового материала было обнаружено, что их можно условно разделить на несколько групп:

1. Фатические высказывания: *Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!* и их инверсивные варианты. В наши дни считаются рекомендованными к употреблению [4, с. 82]: *И смотрит приветливо. – Утро доброе, – говорит. – Здравствуйте, – я ему отвечаю.* [Владимир Сорокин. Кисет // «Родник», 1989]

2. Пожелания здоровья: *Здравствуй(те)! Здравия желаю! Здрóво! Доброго здравьица!* и т.п.

Как можно заметить, перечисленные клише исторически восходят к одному корню, однако различаются стилистическими характеристиками и сферой функционирования.

Наиболее употребительным вежливым вариантом является нейтральное «*Здравствуйте!*», используемое в адрес старшего, вышестоящего или малознакомого собеседника. При сближении коммуниканты меняют регистр общения: «*Здравствуй!*» (при переходе на «ты»-форму), «*Здорóво!*» (разг.-фамильярн.), «*Доброго здравьица!*» (разг. шутл.; как правило, между собеседниками средних лет и старше). В шутливой форме в повседневной приятельской коммуникации может встречаться выражение «*Здравия желаю!*», хотя первоначально оно выступает в роли воинского приветствия в ответ на появление или реплику старшего по званию.

– *Доброго здравия, Микита Миرونч... доброго здравьица, Лукерья Лукичишна.* [С. А. Клычков. Князь мира (1927)]

– *Здравия желаю, – ответил дежурный, подавая руку. – С приездом вас.* [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

3. «Привет» и его производные: *Привет! Приветствую (тебя, вас)! Пламенный привет! Сердечный привет! Сердечно приветствую!* и др. вариации, направленные на сокращение дистанции между собеседниками.

Традицию добрых пожеланий при встрече продолжает речевое клише «*Привет*» и его производные. По данным словарей («Словарь Академии Российской» [1789-1794], «Словарю церковнославянского и русского языка» [1847]), исторически слово *привет* означало «ласка, приятство, вежливость в обращении, учтивый прием» [3, с. 253-254]. Вплоть до начала XX века оно претерпевало многочисленные лексико-семантические изменения, пока в 1900-х гг. не закрепилось в привычном нам значении. Теперь «*Привет*» употребляется при встрече для косвенного выражения дружелюбия [3, с. 251].

4. Выражение радости от встречи: *Рад (тебя, вас) видеть; Сердечно вам рад* и т.д.

Во время разговора с хозяевами в комнату вошла дама лет пятидесяти, с выразительным красивым лицом, и, склонившись к креслу Ахматовой, звонко проговорила: «Анна Андреевна, как я рада вас видеть!» Ахматова поздоровалась, но видно было, что не узнает. [Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986-1987)]

5. Апелляция к физическому контакту: *Разрешите (вас) поцеловать; Позвольте вас обнять; Дайте я вас поцелую; Дай я тебя обниму* и пр.

– *Дети мои, дайте я вас поцелую, – бросилась нам навстречу пожилая женщина и начала целовать всех подряд.* [Ольга Демьянова. Свадьба автослесаря (1997) // «Столица», 06.01.1997]

6. Заимствования из других языков: *Бонжур! Салют! Гутен морген! Гутен таг! Хай! Хэллоу* и др.

Подобные формы появляются в языке ввиду тесных исторических контактов, географической близости, под воздействием моды и т.д. В дальнейшем, ассимилируясь в языке, некоторые выражения могут войти в узус (например, «Салют»). Однако зона их употребления, как правило, ограничена: чаще всего заимствования встречаются в молодёжной среде, в ситуации близкого дружеского общения.

Хай! Привет! [Смс-сообщения старших школьников (2004). Данные НКРЯ]

7. Идиоматизированные выражения разной степени вежливости: *Сколько лет, сколько зим! Давай руку (лапу, пята, краба); Держи (руку, лапу, пята);* и др.
– *Еще бы, – сказал Мазур, крепко встряхивая протянутую руку. — Сколько лет, сколько зим, Михалыч!* [А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! (2016)]

Функционирование данного выражения в речи ситуативно связано: его можно услышать в диалоге давних знакомых, собеседников, состоящих в приятельских или дружеских отношениях, после долгой разлуки.

Как правило, подобные формулы-идиомы используются строго в неформальной коммуникации для сокращения дистанции между собеседниками.

8. Специальные формулы, имеющие ограничения в условиях употребления: *Добро пожаловать! С легким паром! Физкульт-привет! Здравия желаю!* и т.д.

«*Добро пожаловать!*» – приветствие входящему. «*С легким паром!*» – приветствие тому, кто только что вымылся в бане или принял душ. «*Физкульт-привет!*» – спортивное приветствие одной команды другой (также может быть употреблено в шуточной форме в неформальной коммуникации):

Все поняли, что познания подруг о большом спорте пока исчерпаны. Прозвучал резкий длинный свисток. – Команде «Электронички» физкульт-привет! – гаркнул Гусев. [Евгений Велтистов. Новые приключения Электроника (1988)]

– *Добро пожаловать в хостел «Двенадцать месяцев», меня зовут Анна.* [Наталья Емельянова. Путешественник // «Дальний Восток», 2019].

Корейский язык

Круг речевых клише, используемых для приветствия, в корейском языке узко ограничен и в некотором смысле более регламентирован. Ввиду того, что структура корейского общества в высокой степени иерархична, многие социальные взаимодействия более ритуализированны, а набор этикетных формул – более предсказуем.

Рассмотрим наиболее употребительные из них (на материале учебника корейского языка «Ewha Korean»):

- 1) 안녕하세요? 안녕하십니까? 안녕 – первые формулы приветствия, которые можно встретить в учебнике в начале изучения корейского языка. Они представляют три варианта одного приветствия с различиями в выражаемой ими степени вежливости и, как следствие, нюансах употребления.

안녕 (*annyeong*) – аналог русского «Привет»; неформальный вариант приветствия, который можно употребить в общении с друзьями или в отношении младших по возрасту и подчинённых.

안녕하세요? (*annyeonghaseyo*) – аналог русского «Здравствуйте»; стандартный вежливый способ поздороваться со старшим, вышестоящим или малознакомым собеседником в ситуации неофициального повседневного общения. Буквально 안녕 означает ‘покой’, ‘благополучие’. Здороваясь таким образом, говорящий спрашивает у собеседника «У вас всё хорошо? Хорошо проживаете?».

안녕하십니까? (*annyeonghasimnikka*) – высшая форма вежливого приветствия; в отличие от 안녕하세요 используется в строго формальных, официальных ситуациях (объявления, публичные речи, новости и т.д.) [6, с. 39].

- 2) 환영합니다 (*hwanyeonghamnida*) – аналог русского «Добро пожаловать».
- 3) 여보세요 (*yeoboseyo*) – вежливое телефонное приветствие.

Отчасти его можно сравнить с русским «Алло?», поскольку оба выражения используются для инициации разговора по телефону, однако их нельзя считать полными эквивалентами. Если «Алло?» используется исключительно в качестве речевого клише для привлечения внимания собеседника, то корейское 여보세요 вместе с тем выполняет функцию приветствия [6, с. 131]. В этом аспекте данная формула более сходна с русским «Здравствуйте».

- 4) 오랜만입니다 (*orenmanimnida*), 오랜만이에요 (*orenmanieyo*) – аналог русского «Сколько лет, сколько зим»; букв. ‘Давно не виделись’ [6, р. 107].

Разница между двумя формулами заключается в том, что *오랜만입니다* – более официальный вариант приветствия (окончание *-입니다* выражает более высокую степень вежливости), *오랜만이에요* – вежливый, но более неформальный.

5) Заимствования из других языков: *하이* (англ.) и др.

В связи с укреплением международных отношений Южной Кореи с другими странами неизбежно появление иноязычных заимствований. Так, например, в последние годы наблюдается рост популярности *하이* (англ. *hi*) в молодёжной среде.

Отдельно следует отметить, что данный список может быть продолжен. Поскольку многие социальные взаимодействия в корейском обществе в высокой степени ритуализированы, наблюдается размытие границ между этикетными формулами приветствия и знакомства и др. В частности, нас интересует вопрос о месте выражений *처음 뵙겠습니다*, *만나서 반갑습니다*, *만나서 반가워(요)* (Ср. с рус. «*Рад(а) встрече с вами*», «*Приятно познакомиться*»), а также *식사하셨어요? 밥 먹었어요?* («*Как вы?*», «*Как дела?*»; букв. «*Вы поели?*») в предложенной типологии. Данный вопрос может стать предметом дальнейших исследований.

Примечательно, что некоторые этикетные формулы имеют если не полные эквиваленты, то аналоги в обоих языках. Также представляется важным подчеркнуть установку обеих языковых традиций на инициацию позитивной коммуникации: в повседневные речевые формулы вплетаются пожелания добра, здоровья, благополучия и прочие положительно окрашенные сообщения. Тем не менее наблюдаются и некоторые различия, в первую очередь касающиеся вопросов синонимической вариативности и языкового разнообразия этикетных формул.

Сопоставляя системы приветствий в русском и корейском языках, можно заключить, что, несмотря на наличие определённых сходств, система русских этикетных формул представляется более разветвлённой ввиду наличия различных лексическо-синтаксических вариантов и многообразия идиоматизированных конструкций, что можно объяснить национально-культурной спецификой и, прежде всего, меньшей регламентированностью социальных интеракций.

Литература

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Академический словарь русской фразеологии / Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЛЕКСПУС, 2020. – 896 с.
3. Данова М.К., Добрушина Н.Р. и др. Два века в двадцати словах [Текст] / М.К. Данова, Н.Р. Добрушина, А.С. Опачанова и др.; отв. ред. Н.Р. Добрушина, М.А. Даниэль; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 453 с.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007. – 232 с.
5. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты: 2-е изд., испр. и доп. – М., 1987. – 160 с.
6. Lee M.-H. Ewha Korean [Text]: English Version / M.-H. Lee, H. J. Kim; Ewha Womans University; Ewha Language Center. – Seoul, South Korea: E Press, 2010. – 139 p.

Aigengrau D.B.

Pushkin State Russian Language Institute

Etiquette formulas of greeting in Russian and Korean

Abstract. The article examines the issue of etiquette formulas on the study of the Russian and Korean languages. Comparative analysis of greetings in Russian and Korean helped to distinguish the key semantic, functional and pragmatic features of etiquette formulas. As a result, the research paper found some of the main similarities and differences between Russian and Korean categories of politeness.

Keywords: etiquette formulas, greeting, category of politeness, cross-cultural communication, Russian, Korean.

Алам Шадаб

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

shadabruss@gmail.com

Этикетное выражение уважения в русском коммуникативном поведении

Работа выполнена под руководством Карасика Владимира Ильича, доктора филологических наук, профессора

В статье рассматривается роль этикетного выражения в формировании позитивного восприятия о себе, установлении гармоничных отношений между людьми и сохранении культурных традиций. Особое внимание уделяется формам обращения, словам благодарности и пожеланиям, которые играют важную роль в коммуникативном поведении. Рассматриваются лингвокультурные особенности русского этикетного общения.

Ключевые слова: уважение, понятие, представление, образ, ценность.

Этикетное выражение уважения играет большую роль в общении и отражает культурные особенности. Это набор формул вежливости, которые помогают подчеркнуть уважение к собеседнику и установить гармоничные отношения. В русском языке такие этикетные выражения могут включать в себя формы обращения (например, *уважаемый, господин, госпожа*), слова благодарности (*спасибо, благодарю*), пожелания (*удачи, здоровья*) и другие вежливые выражения.

Уважение представляет собой коммуникативное выражение положительного отношения к собеседнику в виде признания его достоинств и относится к числу важнейших культурно значимых ценностных ориентиров поведения [4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14].

В русском обществе уважение к старшим, а также использование форм вежливости при общении с людьми имеют большое значение. Отсутствие таких выражений может восприниматься как невежливость или даже неуважение.

Этикет в общении является своего рода нормой, которая помогает поддерживать гармонию и уважение между людьми. При использовании этикетных выражений важно быть искренним и чувствовать их истинное значение, так как фальшивая вежливость также может быть заметна и вызвать негативную реакцию. Изучение этикетных форм общения неоднократно привлекало к себе внимание исследователей [1, 2, 3, 9, 13].

Концепция этикетного выражения уважения завязана на стремлении к уважительному и вежливому общению между людьми. Это включает в себя использование формул вежливости, определенных общепринятых норм и правил общения, которые помогают поддерживать гармоничные отношения.

Чтобы успешно проявить этикетное выражение уважения в русском обществе, важно учитывать следующие аспекты:

1. **Формы обращения.** В русском языке существует множество форм обращения, которые позволяют выразить уровень уважения к собеседнику. Например, использование слова *уважаемый* при обращении к незнакомому или старшему человеку:

Уважаемая Ольга Петровна! Разрешите поздравить Вас с днем рождения.

2. **Слова благодарности.** Выражение признательности и благодарности является важным аспектом этикетного выражения уважения. Слова *спасибо* и *пожалуйста* помогают подчеркнуть признательность и восприятие взаимоотношений как взаимовыгодных:

Большое Вам спасибо за помощь. Вы меня очень выручили.

3. Пожелания. Пожелания благополучия, здоровья и успеха также входят в репертуар этикетных выражений уважения в русском обществе. Например, пожелание *удачи* перед важным событием.

Уважаемый Сергей Иванович, от всей души желаю Вам крепкого здоровья и новых творческих успехов!

4. Внимание к культурным особенностям. Каждая культура имеет свои особенности в этикетном общении. Важно учитывать и уважать традиции и нормы поведения, характерные для русского общества. Известно, что в некоторых культурах значимым является требование «No thanks between friends», друга не принято благодарить, поскольку это может быть проинтерпретировано как сомнение в его готовности прийти на помощь. В таких случаях лучше подчеркнуть значимость оказанной помощи:

Без тебя я бы никогда не справился с этой задачей.

5. Искренность и уважение. Не менее важно быть искренним в использовании этикетных выражений уважения. Пустые фразы могут быть распознаны окружающими и не вызывают такого же положительного эффекта, как искреннее выражение уважения:

– Большое спасибо!

– За это не благодарят.

Этикетное выражение уважения в русском коммуникативном поведении проявляется через различные формы вежливости и уважительного отношения к собеседнику.

1. Формы обращения. Одним из основных способов проявления уважения является использование соответствующих форм обращения в зависимости от социального статуса или возраста собеседника. Например, *Уважаемый / Уважаемая* при обращении к неизвестному человеку или в официальной ситуации, *Господин / Госпожа* при общении с более старшими или высокопоставленными людьми.

2. Слова благодарности. Выражение признательности и благодарности является неотъемлемой частью русского этикета. Вежливое употребление слов *спасибо* и *пожалуйста* помогает создать атмосферу взаимного уважения.

3. Пожелания. Пожелания благополучия и удачи также являются важным элементом в этикетном выражении уважения: *Удачи* перед важным событием, *Здоровья* и *Благополучия* как выражение заботы о собеседнике.

4. Уважение к старшим. В русской культуре уважение к старшим людям играет особую роль. Использование этикетных форм и проявление заботы и внимания к пожилым людям считается важным аспектом коммуникативного поведения.

5. Позитивный тон и мимика. Особую важность имеет не только выбор правильных слов, но и тон голоса, мимика и общее отношение. Позитивное настроение и уважительное отношение к собеседнику помогают укрепить общение.

Этикетное выражение уважения в русском коммуникативном поведении является неотъемлемой частью культуры и способствует созданию приятной и дружественной атмосферы в общении. Каждая из этих составляющих важна для формирования позитивного образа о себе и установления гармоничных отношений с окружающими.

Отметим коммуникативные характеристики уважительного человека.

1. **Вежливость.** Этот человек всегда использует формы вежливости и обращается к другим уважительно и с теплотой. Например, он может начинать разговор с *Уважаемый / Уважаемая*, показывая тем самым свое уважение к собеседнику.

2. **Благодарность.** Его речь всегда сопровождается словами благодарности. Он искренне ценит помощь и внимание других, выражая признательность словами *спасибо* и *пожалуйста*.

3. **Забота и внимание.** Этот человек проявляет заботу о других, интересуется их мнением и благополучием. Он может пожелать *удачи* перед важным делом или пожелать "здоровья" другу, выражая свою заботу.

4. **Уважение к традициям и старшим.** Он уважает традиции и обычаи, а также проявляет особое внимание к старшим людям. Общение с пожилыми проходит с особым уважением и заботой.

5. **Позитивный настрой и дружелюбие.** Его общение наполнено позитивом, он улыбается, использует приятный тон и мимику, создавая тем самым комфортную атмосферу общения.

Таким образом, ключевыми способами этикетного выражения уважения являются обращения, слова благодарности, добрые пожелания. Этикетное выражение уважения играет важную роль в русском коммуникативном поведении, являясь неотъемлемой частью культуры и способствуя укреплению позитивных взаимоотношений между людьми.

Литература

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – Москва : Русский язык, 1991.
2. Бобылева З.Л. Этикет русской речи: Книга для учителя. – Санкт-Петербург : Питер, 2019.
3. Богданова Т.Н. Этикет: Теория и практика. – Санкт-Петербург : Питер, 2019.

4. Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 360-369.
5. Герцензон М.В. Теория и практика русской речевой культуры. – Москва : Флинта: Наука, 2010.
6. Гришина Н.В. Словарь культуры речи: Практическое пособие для студентов. – Москва : Академия, 2015.
7. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд.3. – Москва : URSS, 2016. – 456 с.
8. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. – 776 с.
9. Костомаров В.Г. Этикет как основа взаимодействия в обществе. – Москва : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2015.
10. Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга: монография. – Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – 252 с.
11. Розенцвейг Е.В. Культурология. Практикум: Материалы к лекциям. – Москва : Юрайт, 2018.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
13. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. – Москва, 2008. – 160 с.
14. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.

Alam Shadab

Pushkin State Russian Language Institute

Etiquette expression of respect in Russian communicative behaviour

The article considers the role of etiquette expression in forming a positive perception of oneself, establishing harmonious relations between people and preserving cultural traditions. Special attention is paid to the forms of address, words of gratitude and wishes, which play an important role in communicative behaviour. Linguocultural features of Russian etiquette communication are considered.

Keywords: respect, concept, representation, image, value.

Алими Зайнаб

Государственный институт русского языка им А. С. Пушкина

zainab2019alemi@gmail.com

Семантическое поле «вода» в русской паремии: ассоциативно-вербальный аспект

Работа выполнена под руководством Федоровой Е.Л., канд. филол. наук

Статья посвящена исследованию лингвистического аспекта ассоциативно-вербального блока «вода» в русской паремии. Паремия, как форма фразеологического выражения, представляет собой короткое и устойчивое высказывание, содержащее образную или идиоматическую фигурность. В контексте данного исследования нас интересует семантика паремий, связанных с понятием «вода». В работе применяются комплексный метод анализа, включающий лексико-семантический анализ и когнитивный подход. Он позволяет выявить главные концепты, связанные с «водой», а также определить доминирующие ассоциации, которые сопровождают этот образ. Результаты исследования позволяют выделить основные компонентные элементы ассоциативно-вербального блока «вода» в русской паремии, такие как «река», «море», «дождь», «колодец» и др. Изучение семантической структуры представленного блока позволяет увидеть перекрестные связи между паремиями, а также выявить и явные, и скрытые значения, которые сопровождают использование данных выражений.

Ключевые слова: паремии, ассоциативно-вербальный блок, семантические связи, лексико-семантический анализ.

Семантическое поле «вода» является одной из наиболее значимых тематических областей в русской паремии, обладающей богатым ассоциативно-вербальным аспектом. Паремии, как форма фразеологического выражения, представляют собой стабильные и устойчивые выражения, передающие конкретные значения с помощью метафорического или метонимического использования слов. В данной научной статье мы представляем исследование лингвистического аспекта ассоциативно-вербального блока «вода» в русской паремии, анализируя семантические связи и смысловую глубину данных выражений.

Целью данного исследования является выявление основных семантических компонентов и концептуальных ассоциаций, связанных с тематикой «вода» в русской паремии. Мы полагаем, что анализ ассоциативно-вербального блока «вода» в паремиях позволит представить целостную картину о семантическом содержании данной тематической области и выявить специфические семантические связи, заложенные в русском языковом сознании.

Предметом исследования в данной статье является фрагмент «ассоциативно-речевой сети» [5] фонда русских пословиц с «водным» компонентом. Как доказано учеными, семантическая сеть – это одна из моделей хранения знаний в памяти человека, представляющая собой ассоциативную организацию связей, точки пересечения которых называются узлами. Поэтому каждый узел семантической сети в долговременной памяти человека связан с информацией, которая с ним связана [6]. По мнению исследователя

русских пословиц, «это сеть связей и ассоциативно-речевых пересечений, охватывающих всю виртуальную систему русских пословиц и образующих ее сущность» [1].

Среди частых спутников слова вода у русских паремий можно указать слова огонь, трава, хлеб, вино, кровь, беда и некоторые другие. При этом изучаемый лингвокультурный феномен вода предстает в традиционных дихотомиях, в разных своих аспектах. Поэтому в ассоциации вода-огонь преобладает значение первоэлемента: *не дружи с огнём, с ветром и с водой (но дружи с землёй). Около огня обгоришь, возле воды промокнешь*. В ряде пословиц эти две стихии сравниваются и соотносятся: из огня течет вода; они кипятят воду огнем и выливают воду в огонь. Таким образом, подчеркивается их очищающая сила: огонь очищает, вода омывает. В то же время по шкале опасности в русской лингвокультуре признается, что вода является более трудным и серьезным испытанием, чем огонь, что определяется порядком этих испытаний по принципу кульминации: от огня к воде (к огню). *Он прошел через огонь и воду*.

Семантика текучести, изменчивости воды преобладает в оппозиции смола-вода: реальность-смола, миф-вода. Правдивая история подобна смоле, а легенда подобна воде. Факты подобны смоле, мифы подобны воде. Противопоставление смолы и воды основано на реализации «липких»/«нелипких» проявлений, из которых возникают признаки постоянства/непостоянства. Отметим, что пары смола-вода – традиционные фольклорные символы, которые по-новому предстают в противоположной паре, за сравнением смолы с реальностью и воды с воображением.

В ассоциациях хлеб – вода, вода – вино сущность воды выступает как главный живительный напиток: хлеб и вода хорошая пища (солдатская, крестьянская). Правда, в русских пословицах и поговорках хлеб и вода, как правило, символизируют нужду, жизнь бедняка: иногда мы живем тем, что едим с водой. Иногда собирают урожай, но и едят с водой. Живут богато: воду из лодки пьют. Люди живут на хлебе и воде. Воду часто сравнивают с вином, особенно в поговорке об опьянении: *сколько воды не выпьешь, не опьянешь. Ты пьешь воду, а я голый: ты наливаешься, а я просто краснею*. Например, в пословицах, раскрывающих причину пьянства, используется образ непитьевой воды: *мир пьет воду, а тревога пьет мед. Неугомонные пьют мед, а расслабленные пьют воду. Плен пьет мед, а свобода пьет воду*, где мир – это «тишина и покой, спокойное состояние», «нравственное спокойствие, жизнь без страстей» [3], а беспокойство, неугомонность – «тревога, забота, борьба», «проблемы, волнение» [3], плен – «нужда, плохая жизнь», соответственно воля – «хорошая жизнь».

Пожалуй, самой распространенной ассоциацией в русских паремиках, традиционной или банальной, является рифма «вода – беда». Именно о таких традиционных ассоциациях, как гора – печаль, питье – избиение, поле – говорил А.А. Потебня. Он отмечал, что «В их основе лежит не пустая игра слов, а известный взгляд на природу» и что «под любимыми рифмами... лежит символизм» [7].

Исследователи русских пословиц и поговорок отмечают, что в пословичном пространстве русского языка отдельную зону образуют тексты, содержащие рифмы беда – вода, гам – море, кручина – бездна.

Рифма становится структурно-семантическим изменением ряда высказываний, а сами пары рифм становятся типами семантически инвариантного мотива. Примером такого мотива можно привести ассоциацию воды и моря с отрицательным началом в славянской мифологии. Например, в славянской мифологии существует образ водяного духа, известного как Русалка, которая часто ассоциируется с опасностью и смертью для людей, плавающих в воде. Этот образ отражает отрицательное отношение к водным просторам и символизирует их таинственность и опасность в славянской мифологии [2].

Ведь в народной мысли пространство воды мыслилось как граница между этим миром и этим миром, путь в загробный мир, обитель нечистой силы и духов умерших [3]. Мифологическое понимание воды как чужого и опасного пространства, ее негативная символика породили целый «куст» синонимических рифм, в которых слова лексико-семантической группы «вода» постоянно ассоциируются с синонимами горя (печали, тоски) и горе-трагедия (трагедия): путь текуч, но пройти по нему трудно. *Люди моря тонут в море, а люди суши опустошены горем. В бездне лучше, чем плохие муки. Наступает беда, девятая волна. Река – не море, тоска – не печаль.*

Устойчивость отрицательной символики воды обуславливает то, что в этом ассоциативно-вербальном блоке пословиц преобладают предложения, в которых уточняются рифмующиеся слова-понятия и «пословицы являются результатом смыслового установления рифмы» [5]. Среди них можно выделить пословицы, в которых между компонентами рифмы устанавливаются тождественные отношения: огонь – беда, вода – беда. А без огня и воды – беда больше. *Беда за бедой, как волна за волной; Горе, как море: в нем не искупаешься, не выкрикнешь.*

Также можно отметить параллелизм, основанный на сходстве: *Морскую глубину не осушить, печаль сердца не замучить. Всю воду не выпьешь, от всех проблем не избавишься. Не грози щуке морем, а грози нагому печалью.* Эти пословицы не только выражают противопоставление, но и содержат в себе глубокий анализ человеческой природы и жизни.

Сложная символика воды (ср.: «мертвая» и «живая» вода) отражается в смысловой полярности рифмы и связана с двойственностью символики самой воды. Например, чистая вода из родников издавна оценивалась положительно: родниковая вода – питьевая, а с другой стороны, вода из загрязненных и отравленных источников – опасна. Таким образом, водная символика в русской паремии отражает противоречивые аспекты человеческого опыта. Противоречивое значение воды в русской паремии выражается не только через двойственность ее состояний (мертвая и живая вода), но и через ее различные функции и свойства. Например, вода может олицетворять жизнь, плодородие, источник благополучия и процветания. Это проявляется в поговорке «*Вода – источник жизни*», где вода принимает роль надежного и неотъемлемого атрибута жизни. С другой стороны, вода может также быть ассоциирована с опасностью, разрушением и смертью.

Следует отметить также еще один ассоциативный блок кровь – вода, который уходит в далекое прошлое и, по мнению И. Снегирева, заимствован из текста Псалма 78,3: «*проливай кровь твою, как воду*» [8]. Древняя фольклорная формула пословицы такова: виноват – кровь, а невинному – беда. Противоположности слова «виновный» – «невиновный» в составе антитезы выражают противоположные значения слов «вода» и «беда» и прежде всего их ценностную оппозицию (нейтральная оценка для воды и отрицательная оценка для проблемы).

Анализ семантического поля "вода" в русской паремии позволяет выделить несколько ассоциативных связей, которые отражаются в многообразии выражений и поговорок на русском языке. Рассмотренные ассоциации включают:

1. Двойственность состояний воды: мертвая и живая. В русской паремии эти состояния символизируют противоречивые аспекты человеческого опыта, от положительных, связанных с жизнью и плодородием, до отрицательных, связанных с опасностью и разрушением.

2. Различные функции и свойства воды: вода может выступать в роли источника жизни, плодородия и благополучия, но также олицетворять опасность, разрушение и смерть. Эти аспекты демонстрируют мощь и потенциальную опасность воды.

3. Вода как символ естественного и неизменного: в поговорках и выражениях о воде выражается представление о непреложности некоторых явлений и законов природы, подчеркивая ее неизменность и незыблемость.

4. Восстановительная сила и очищение: вода также ассоциируется с процессами восстановления и очищения, как физических, так и метафорических. Это олицетворяется в выражениях, как «Вода лекарь» и «Вода умывает грехи».

Вывод: Исследование семантического поля "вода" в русской паремии подтверждает глубину и многогранность символики этого концепта. В русской языковой и культурной традиции вода служит метафорическим средством передачи различных аспектов человеческого опыта, олицетворяя как положительные, так и отрицательные характеристики. Этот анализ позволяет по-новому взглянуть на русскую лингвистическую и культурную картину мира и раскрыть взаимосвязь между языком, культурой и пониманием окружающего мира. Важно отметить, что русская паремия с ее богатством и разнообразием выражений отражает населенности и глубину русской языковой культуры, доступной для изучения и исследования.

Литература

1. Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. – Москва, 2000.
2. Гин Я.И. Заметки о русском провербиальном пространстве. В книге: Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. – Москва, 1988. – Том 1. – С. 141-143.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Тома 1-4. – Москва, 1981.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2-х томах. – Москва, 1996.
5. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – Москва, 1999.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва, 1996.
7. Потехина А.А. Слово и миф. – Москва, 1989.
8. Снегирев И. Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым с предисловием и дополнениями. – Москва, 1848 (1995).

Alimi Zainab

Pushkin State Russian Language Institute

Semantic field "water" in Russian proverb: associative-verbal aspect

The article is devoted to the study of the linguistic aspect of the associative-verbal block "water" in the Russian paremy. Paremy, as a form of phraseological expression, is a short and stable statement containing figurative or idiomatic figuration. In the context of this study we are interested in the semantics of paremi associated with the concept of "water". In this work we apply a complex method of analysis, including lexical-semantic analysis and cognitive approach. It allows us to identify the main concepts associated with "water", as well as to determine the dominant associations that accompany this image. The results of the study allow us to identify the main component elements of the associative-verbal block "water" in Russian paremics, such as "river", "sea", "rain", "well" and others. The study of the semantic structure of the presented block allows us to see the cross-links between the paremi, as well as to reveal both explicit and hidden meanings that accompany the use of these expressions.

Keywords: paremi, associative-verbal block, semantic links, lexico-semantic analysis.

Алфеева Виктория Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

alfeevav@mail.ru

«Царская тема» в топонимике Воронежской области и Пермского края

Работа выполнена под руководством Тельпова Романа Евгеньевича, доцента кафедры общего и русского языкознания, кандидата филологических наук

Предметом рассмотрения данной статьи являются топонимические предания Пермского края и Воронежской области, связанные с сюжетами, в которых фигурируют имена известных государственных деятелей, правителей России. Топонимические предания рассматриваются в сопоставительном анализе с целью выявления схожих мотивов или отличительных особенностей топонимических преданий данных регионов.

Ключевые слова: топонимы, топонимические предания, «Царская тема», легендарные сюжеты.

Топонимические легенды определенной местности всегда неразрывно связаны с народной памятью местных жителей, в которой находят отражения представления не только о том, каким образом появился тот или иной населенный пункт, но и о фактах российской или мировой истории, например, воспоминания об известных личностях, имя или деятельность которых были связаны с местом или сами личности проездом оказывались там. Образы и сюжеты трансформируются, передаваясь из уст в уста, что также наделяет их определенными чертами эпохи, в которую бытуют топонимические предания; кроме того, при изучении разных топонимических преданий, объединенных общей темой (так называемая «царская тема»), можно выявить универсальные схемы построения топонимических легенд, а также уникальные отличительные черты и особенности преданий Пермского края и Воронежской области.

Среди топонимов Воронежской области предания о том, как какой-либо государь прозвал то или иное место особым образом в момент своего посещения этой территории, а после чего название закрепилось и стало постоянным, более распространены, чем в топонимических легендах Пермского края. Среди значимых лиц и персоналий больше представлены имена известных деятелей, проезжавших ту или иную деревню или родившихся в Пермском крае, а также связь с именами исторических личностей, чей путь мог пролегать через пермские земли.

Популярным сюжетом среди топонимических легенд Пермского Прикамья являются легенды о названии сел или деревень именами беглых людей, основавших эти поселения или запомнившихся своим прибытием: речь может идти не только о беглых крестьянах с других земель, солдатах, разбойниках, но и даже о беглом царе. Именно последний случай и

представляет исследовательский интерес. Согласно преданиям, деревня Романиха получила свое название в честь беглого царя из рода Романовых: «А вот люди говорили, бежал-де беглый царь, Романов этот, беглый бежал. Отсюда и началось название Романиха», [1 с. 76].

Данная легенда появилась только в XIX – XX вв. Точных сведений и более подробных сюжетов о беглом царе из династии Романовых, в честь которого был назван населенный пункт, не встречается. Возможно, бытование такой легенды связано с народной памятью о восстании Емельяна Пугачева, которое коснулось и Пермских земель, но нападки бунтовщиков были успешно отражены, а территории заводов и крепостей сохранены за государем. Легендарный статус имя Емельяна Пугачева в Пермских (а в частности, в Кунгурских) землях получило благодаря тому, что в действительности окрестности города были вовлечены в отражение восстания Пугачева и других бунтовщиков. Предания, а в память об освобождении города совершался крестный ход. Существуют и другие народные легенды, бытующие среди местных жителей, в которых прослеживается связь с царской фамилией и с членами царского рода Романовых. Так, по преданию, записанному со слов местной жительницы с. Романово, императрице «Елизавете Петровне сон приснился, она приказала выложить в Романово каретную дорогу. Сделали большую бревенчатую дорогу. И ее сюда на карете привезли. Она помылась в роднике, с собой воды взяла и уехала. Потом второй раз приехала. На третий раз сама встала на ноги и пошла», [3 с. 29]. В сюжете об исцелении императрицы Елизаветы Петровны может проглядываться связь с непродолжительным посещением Пермской губернии в 1914 г. другой представительницы рода Романовых – Елизаветы Федоровны (несмотря на смешение персоналий, такое событие могло вновь пробудить интерес к царской фамилии).

Научная версия происхождения названия, запечатлённая Порфирием Никитичем Крыловым, доктором ботаники Казанского университета, профессором Томского университета, учёным-путешественником в своих заметках путешествий по Вишере «Вишерский край», гласит: «Деревня Романиха была основана около 150 лет назад (1730-е гг.) Ларионом и Лазарем Плотниковыми, приехавшими сюда из д. Татарской (Губдорской волости). Десять лет спустя к ним присоединились два брата – Гавриил и Роман Зыряновы из Губдора, после чего Лазарь Плотников выселился и основал д. Овладееву. Ларион же подарил (зятю) Роману Зырянову речку с прилегающими покосами. (С тех пор деревня и речка получили название Романиха)», [2 с. 8]. Иначе говоря, здесь, как уже было вышеупомянуто, присутствует фактор наименования посредством имени собственного первопоселенца-основателя деревни, обыкновенного человека по имени Роман, никак не связанного с царской династией.

В топонимических преданиях Пермского края запечатлелись отголоски легенд о великих героях и исторических личностях, о временах, память о которых цела, но окутана туманом домыслов и неточностей. Так, еще один легендарный персонаж, с чьим именем связаны топонимические легенды Пермского Прикамья, – это Ермак, осуществлявший свой поход в Сибирь как раз по реке Чусовой до Уральских гор (что объясняет популярность существующих топонимических легенд, связанных с его именем). Именно этот поход, а точнее его предводитель, запечатлены в памяти народа, назвавшего его именем скальный массив на Среднем Урале в Кунгурском районе Пермского края – Ермак-камень.

Согласно научной версии, происхождение такого названия связано с тем, что в XVIII веке самые крупные скалы на пути пролегания Сибирского тракта (в районе Кунгура) в дань памяти великому покорителю были названы в его честь – Ермак-камнем.

Народная этимология основывается на легендарном предании, которое сводится к тому, что Камень получил имя знаменитого казачьего атамана по случайности: Ермак Тимофеевич по ошибке вместе со своим войском отправился вверх не по реке Чусовой, а по реке Сылве, но обнаружить это вовремя не успели – река уже замерзла, а потому пришлось остановиться в Кунгурской пещере, где и дожидались весны. Так камень, расположенный на берегу реки Сылвы, который по преданиям обследовал Ермак со своим войском, и получил имя великого покорителя Сибири; с наступлением весны войско Ермака Тимофеевича вновь отправилось вверх по Сылве, а потом – в Сибирь через Уральский хребет.

Существует и иной легендарный сюжет о знаменитом покорителе Сибири, в котором он представляется породнившимся с родом знаменитых уральских промышленников Строгановых посредством того, что Максим Строганов выдал Ермаку Тимофеевичу в жены свою дочь: «Ермаку воздвигнули уже памятник в Сибири; но за чем же забыт Максим Строганов, на дочери которого женат был Ермак, и который дал своему зятю помощь деньгами и людьми, без чего несомненно предприятие это [сибирский поход] бы не имело никаких последствий», [3 с. 32]. Однако такое предание было зафиксировано лишь однажды в 1898 г. в «Пермских губернских ведомостях», то есть не получило большого распространения.

Происхождение города Кудымкар в Пермском крае, который является центром коми-пермяцкого округа, также имеет легендарную основу. Научная этимология склоняется к тому, что топоним появился слиянием имени собственного Кудым с коми-зырянским словом «кар», которое означает «городище, укрепленное место», а также по другой версии, высказанной А. Ф. Теплоуховым, Кудымкар (Куд-дын-кар) – городище, расположенное при устье (дын) р. Кувы, которая еще в 1678 г. называлась Кудва. Сравнивая с северо-удмуртским

словом «куд» – болото, можно предположить, что Кудымкар – «город на болоте» или «в болотистой местности», Известный языковед А. С. Кривошекова-Гантман считает, что слово Кудымкар означает «городище в сосновом бору», [4].

Народная этимология связывает происхождение такого названия с именем Кудым-Оша (с коми-пермяцкого «Кудін Ош» буквальный перевод означает «Медведь с устья реки Ку») – легендарного героя, богатыря, персонажа национального эпоса. Таким образом его родовая земля (Кудымкар) носит его имя, о котором также существуют различные легенды: «он был сильный, как ош, и походил на медведя. Его мать Пёвсин «Одноглазая», женщина могучая и обладающая колдовскими способностями, родила сына после сожительства с медведем», [5].

Название горы Полюдов кряж в Красновишерском районе Пермского края связано с именем некогда жившего в этих местах богатыря Полюда, славившегося своей необыкновенной силой. Народное предание гласит, что некогда этот герой победил чуть – также легендарный народ в преданиях Пермского Прикамья, некогда населявший его территорию, но покинувший свой дом (существуют разные версии о том, что послужило причиной тому, чтобы Пермская Чудь скрылась с лица земли). «Когда чудь была побеждена и делать богатырям стало нечего, ушел Полюд в каменную гору и спит там до сих пор», [6, с. 149].

В доказательство этой версии исследователь, основатель уральской этимологической школы, Александр Константинович Матвеев в своем труде «Географические названия Урала: Топонимический словарь» приводит следующие доводы, ссылаясь на «Ономасику» академика С. Б. Веселовского: «Там упомянут новгородский боярин Полюд убитый в 1268 г. в бою с немцами под Раковором. Фамилия Полюдов распространена в Пермском крае. Там же есть и несколько деревень с названием Полюдово. Личное имя Полюд, очевидно, связано со старым русским словом полюдье — «ежегодный объезд подвластного населения для сборов дани», можно привести еще диалектные русские слова полюдье — «люди», «народ», полюдный — «общительный», «обходительный» (о человеке)», [7, с. 219].

Название села Орда (Ордынский район Пермского края) по легендам также может быть связано с историческим прошлым нашего государства, а именно с наследием татаро-монгольского ига, так как само слово «орда» тюркского происхождения (имеет широкий круг примерных значений, от «аул, юрта, становище» до «страна, союза кочевых племён»). Кроме того, река Орда (Ординка), в устье которой находится поселение, получила название от одноименного села, [7 с. 199]. По еще одной версии, непротиворечащей первой, название села восходит к монгольскому личному имени Орда (Орда — брат хана Батыя).

Появление названия, связывающего топоним с тюркским словом, неудивительно, ведь именно на территории Пермского края (в городах Березники, Гремячинск, Губаха, Кизел, Пермь, Чайковский, а также в Бардымском, Берёзовском, Куединском, Кунгурском, Октябрьском, Ординском, Осинском, Пермском, Суксунском, Уинском, Чайковском, Чернушинском и Чусовском районах) и по сей день проживает этническая группа пермских татар.

В топонимических преданиях Воронежской области сохранилось огромное количество легенд, связанных с именами государей, в частности Петра I, Екатерины II и Елизаветы Петровны. Однако в большем числе преданий не непосредственно имя государей, пребывавших на данных территориях, мотивирует появление топонима (например, село Лизиновка Россошанского района: «название с. Лизиновка – от Елизаветы, которая проездом находилась в этом селе», [8 с. 38]).

Обычно встречается мотив государя, проезжавшего в окрестностях деревни или села, вид которых породил неких комментариев, который запомнился и лег в основу названия места. Такие легенды повествуют, например, о названиях городов Богучар, село Хреновое Бобровского района, Дивногорье, Коротояк Острогожского района. Также есть сюжеты, связанные с особой милостью государя, которой он отметил нечто, чем запомнилось ему пребывание в городе, селе, деревне (город Поворино, село кривая Поляна Острогожского района, село Пески Эртильского района, село Монастырщина Богучарского района, сёла Гвазда, Пузево, Клёповка Бутурлиновского района, село Сухой Донец Богучарского района).

Кроме того, среди топонимических приданий Воронежской области существуют названия, связанные с эпохой татаро-монгольского ига. Село Верхний Мамон имеет несколько версий народной этимологии названия – одна связана с легендами о некогда водившихся на упомянутой территории мамонтах, а другая отсылает к XVII веку: «На рубеже 17 века то место, где сейчас расположен Мамон, было очень богатой землёй. Один путешественник из Греции брёл по реке, споткнулся об рыбу и чуть не упал. Восхищённый, он воскликнул: «Мамона!», что означает несметные богатства», [8 с. 18].

Еще одна народная версия происхождения названия села связана с преданиями о том, что «раньше на этой земле жил род Мамая», [8 с. 30]. Однако большее количество легенд и народных преданий рассказывают именно о том, что происхождение топонима связано с жившими на этой земле доисторическими животными.

Таким образом, «царская тема» в топонимических легендах более характерна для преданий Воронежской области, где получила отражение во множестве сюжетов, основанных на истории посещения населенного пункта государем. Цикл топонимических

преданий Пермского края, связанный с именами известных исторических деятелей или правителей, повествует о более ранних периодах развития государства и, в частности, Пермских земель, что может быть обосновано относительной популярностью других исторических лиц, имевших отношение к территориям пермских земель – Ермака Тимофеевича, сей путь в Сибирь пролегал именно по реке Чусовой, или легендарных персонажей, таких как Кудым-Ош или богатырь Полюд.

Литература

1. Пешина К. С. Топонимические предания Пермского края: мотивирующие основы топонимов и группы сюжетов (по материалам XIX–XX вв.) // Научный альманах Традиционная культура. – 2018. – №5. – С. 72-83
2. Крылов П. Н. Вишерский край: исторический и бытовой очерк Северного Приуралья // – Свердловск, 1926. – 45 с.
3. Колегова О. А. Исторические персонажи в легендарно-исторической прозе Пермской губернии (по материалам публикаций XIX века) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11, вып. 1. – С. 25-36.
4. Коми-Пермяцкий округ // [Электронный ресурс] URL: <https://xn--c1ajfbilcr1a.xn--p1ai/kudmkar> (дата обращения: 23.01.2024) – Текст электронный.
5. Кудым-Ош: коми-пермяцкий богатырь // [Электронный ресурс] URL: <https://www.komi.kp.ru/daily/26928.7/3978167/> (дата обращения: 25.01.2024) – Текст электронный.
6. Матвеев А. К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1990. – 288 с.
7. Матвеев А. К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. – 352 с.
8. Топонимические предания Воронежской области. Вып. 1. // Сост. Е.А. Орлова. Под ред. Т.Ф. Пуховой. – Воронеж, 2001. – 74 с.

Alfeeva V. A.

Pushkin State Russian Language Institute

The «Royal theme" in the toponymy of the Voronezh Region and the Perm Region»

Abstract: the subject of this article is the toponymic legends of the Perm Territory and the Voronezh Region related to the plots in which the names of famous statesmen and rulers of Russia appear. Toponymic traditions are considered in a comparative analysis in order to identify similar motives or distinctive features of toponymic traditions of these regions.

Keywords: toponyms, toponymic legends, "Royal theme", legendary plots.

Анигуркина Кира Максимовна

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»

kira.anigurkina@gmail.com

Языковая личность музыкального блогера

Работа выполнена под руководством Гапутиной Виолетты Александровны, к. ф. н., доцента кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

Статья посвящена анализу языковой личности музыкального блогера Николая Редькина на основе материалов его блогов в социальной сети Telegram и на видеохостинге YouTube. Рассмотрены отличительные особенности речевого поведения и средства выражения лингвокреативного потенциала коммуникации блогера: дозированное употребление разговорных элементов, использование терминологии и профессиональной лексики из музыкальной сферы, художественных средств выражения эмотивности, создание авторских комических метафор.

Ключевые слова: медиадискурс, социальные медиа, языковая личность, блог, блогер

На сегодняшний день одним из самых популярных интернет-жанров, максимально отвечающим потребностям в самовыражении в сети, можно назвать жанр блога, а также его трансформированный новый формат – видеоблог, представляющий собой совокупность видеоматериалов на ту или иную тему в выбранном автором формате, соответствующем жанру [7, с. 107], периодически пополняемую и обновляемую им. Популярность жанра обусловила появление целого ряда блогеров, в том числе видео-, транслирующих определенный тематически сфокусированный контент аудитории: фэшн-, бьюти-, тревел-, фуд-, гейм-блогеры и мн.др., исследованию деятельности которых посвящены работы [1, 2, с. 4–8].

В настоящей статье рассмотрим языковую личность музыкального блогера. Вслед за Ю.Н. Карауловым под языковой личностью мы будем понимать человека «в его способности воспринимать и порождать речь (дискурс), владеющий системой языка и использующий ее для достижения в процессе коммуникации тех или иных неречевых и речевых целей» [3, с. 42].

Материалом исследования послужили материалы блога «Сломанные пляски» (46 тыс. подписчиков) в социальной сети Telegram и видеоблога «Брокен Дэнс» (272 тыс. подписчиков, 15,5 млн. просмотров) на видеохостинге YouTube, которые принадлежат музыкальному журналисту и блогеру Николаю Редькину, рассказывающему аудитории о мире современной русской и зарубежной музыки.

Письменная разговорная речь Николая Редькина – главный показатель неформальности общения, позволяющий аудитории чувствовать себя максимально

комфортно в рамках коммуникации с блогером. Так как контент Николая по большей части связан с такими музыкальными жанрами, как поп-музыка и рэп, очевидна ориентация его интернет-деятельности на более молодую аудиторию. В связи с этим в публикациях блогера встречаются сленговые выражения, призванные привлечь именно этот пласт пользователей сети: “генерят”, “кринж”, “хайп”, “нежданчик”, “форс”, “забили” (например, “*Вот это нежданчик: Дорн вдруг оживил свой телеграм-канал и сообщил, что его альбом «Dorndom» находится на стадии сведения*”). Несмотря на наличие сленга, можно сказать, что концентрация данных лексических единиц в постах автора достаточно умеренная. Уместное использование молодежных сленгизмов позволяет блогеру одновременно апеллировать к речевой культуре целевой аудитории, подчеркивать эмоциональность и при этом сохранять ясность текстов. Немаловажным фактором доступности и аттрактивности постов для потенциальных подписчиков также являются грамотность автора и отсутствие какой-либо нецензурной лексики в публикациях. Можно сделать вывод, что речь блогера сохраняет необходимый баланс между неформальным и одновременно культурным диалогом с аудиторией.

В связи с тем, что тематика блога Николая – музыкальная, в публикациях часто встречается использование специфической терминологии, служащей для обозначения различных жанров и явлений данной области: “лоуфай”, “дип-рнб”, “snippet”, “трэп”, “боссанова”, “автотюн”, “рифф”, “хард-рок” (например, “*В песне Земфиры «График» засэмплирован кусок гитарного риффа из классики хард-рока, «Kashmir» Led Zeppelin*”).

Лексический пласт музыкальной сферы представляет собой крайне разветвленную систему, которая находится в непрерывном развитии и постоянно обновляется, приобретает все новые наименования, затруднительные для понимания обычных пользователей сети. Так как Николай не только блогер, но еще и журналист, его активное и осознанное употребление различных терминов и профессионализмов (“засэмплирован”, “попитченная”) выполняет также и парольную функцию.

Для передачи своего эмоционального состояния блогер, помимо сленгизмов, использует также и различные средства художественной выразительности: эпитеты (“баюкающий соул”, “нежная манящая вещь”, “восхитительный припев”, “задумчивый синтезаторный поп”), сравнения (“припев, приятно пузырящийся у тебя в ухе, словно газированный напиток”), метафоры (“нежная птичья музыка”, “искрящиеся мелодиями песни”).

Речевая индивидуальность блогера наиболее ярко проявляется в использовании им запоминающихся оригинальных метафор, которые часто помогают ему выразить свое

мнение путем описания объекта (персону из мира музыки) через признаки другого: “*Так вот, Хадн дадн образца своего второго альбома «Ляоакын» (2019) — это «Жанна Агузарова и Надежда Кадышева взяли эконом-такси по совместному тарифу вместе с поздним Даниелем Лопатиным»*”. Подобные метафоры одновременно производят комическое впечатление на пользователей и выполняют парольную функцию: истинный смысл высказывания будет понятен только тем, кто, как и автор, в достаточной степени погружен в поп-культурный контекст, чтобы считать все упомянутые отсылки. Данная особенность речи представляет собой самое яркое проявление языковой игры Николая Редькина, являющейся одним из средств выражения лингвокреативного потенциала блогера.

Несмотря на то, что сфера виртуальной неформальной коммуникации обычно подразумевает активное использование смайликов-эмодзи, большого количества восклицательных знаков или написания слов полностью прописными буквами, как средств выражения эмотивности в интернет-пространстве, Николай Редькин придерживается позиции реализации собственного лингвокреативного потенциала: создания оригинальных художественных образов с целью передачи своих впечатлений.

Устная речь Николая в формате его видеоблога не отличается от письменной, так как сценарии к видеороликам обычно представляют собой расширенные версии публикаций в Telegram-канале. Однако в контексте исследования языковой личности блогера особый интерес также представляют заголовки видеороликов на его YouTube-канале «Брокен Дэнс». Данные названия выполняют аттрактивную функцию, обычно они сформулированы по одинаковой трехчастной схеме: вопросительное слово «как», псевдоним исполнителя или группы и глагол с дополнением, являющийся смысловым центром всего заголовка, на который приходится основная доля внимания пользователя («*КАК TAME IMPALA ПОКОРИЛА МИР (и рэн)*»), «*КАК ИВАН ДОРН СТАЛ СПАСИТЕЛЕМ ПОП-МУЗЫКИ*», «*КАК АВТОТЮН ПЕРЕВЕРНУЛ МИР*»). В предикате используются лексические средства гиперболизации речи, придающие заголовку оттенок торжественного пафоса: “*покорила мир*”, “*стал спасителем*”, “*перевернул мир*”. Такие громкие формулировки вместе с визуальным оформлением заголовка полностью прописными буквами привлекают внимание пользователя и побуждают его нажать на видеоролик.

Таким образом, Николаю Редькину присущ индивидуальный речевой стиль, характеризующийся употреблением терминов и профессионализмов из мира музыки, дозированным использованием разговорных элементов, а также изобразительных средств выражения эмотивности: эпитетов, сравнений и метафор. Узнаваемая черта блогера – запоминающиеся комические метафоры. Перспективным представляется изучение речевого

поведения других музыкальных блогеров для составления их обобщенного речевого портрета.

Литература

1. Багина Я.А., Кочервей А.И., Нарьян С.К. Восприятие видеоблогов и потребительское поведение (на примере бьюти-блогов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. – Т.9, №13. – С. 96-107.
2. Гапутина В.А. Особенности контента блогов инфлюенсеров в социальной сети «Instagram» // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды XIII Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 22-23 октября 2021 года. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – С. 186-190.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Кожуховская Ю.В., Тихенькая Е.А. Языковой портрет тревел-блогера // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью, 2021. – № 2. – С. 54-59.
5. Литовская Е. В. Речевая маска кулинарного блогера (на материале блога вероники Белоцерковской Belonika) // Филология и культура, 2014. – № 4 (38). – С. 151-154.
6. Селютин А.А. Жанровая специфика игровых видеоблогов // Знак: проблемное поле медиаобразования, 2018. – С. 139-143.
7. Текутьева И.А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда, 2016. – С. 107-112.
8. Шестерина А.М. Жанровый аспект формирования экранного имиджа видеоблогера // Знак: проблемное поле медиаобразования, 2020. – №1 (35). – С. 140-144.
9. Сломанные пляски // Telegram-канал URL: t.me/brokendance (дата обращения: 01.02.2024).
10. Брокен Дэнс // YouTube-канал URL: https://www.youtube.com/@broken_dance/videos (дата обращения: 01.02.2024).

Kira Anigurkina

The Pushkin State Russian Language Institute

Linguistic personality of a music blogger

The article analyses the linguistic personality of music blogger Nikolai Redkin based on materials from his blog on the social network Telegram and video blog on the video hosting site YouTube. The distinctive features of speech behavior and means of expressing the linguistic and creative potential of the blogger's communication are considered: the

measured use of conversational elements, the use of terminology and professional vocabulary from the musical field, artistic means of expressing emotiveness, and the creation of original comic metaphors.

Keywords: media discourse, social media, linguistic personality, blog, blogger

Анохина Елизавета Витальевна

Российский государственный гуманитарный институт

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Kakshinaev02@gmail.com

Методика работы с этимологическими словарями русской фразеологии на уроках русского языка в 6 классе

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук, доцента

Статья посвящена исследованию значимости изучения этимологии фразеологизмов на уроках русского языка. Анализируется роль этимологических словарей фразеологии в формировании культурных знаний и умений работы с фразеологизмами у школьников. Анализ данных словарей позволяет выявить, как знание этимологии фразеологических единиц способствует более глубокому пониманию культурного контекста, владению фразеологическим материалом и умению использовать его в речи и идентифицировать в текстах.

Ключевые слова: фразеология, этимология, словари, средняя школа, культурные знания.

Фразеология в средней школе является важным компонентом обучения русскому языку, способствует формированию языковой компетенции учащихся и их культурного развития. Среди основных аспектов в обучении фразеологии выделяются лексико-фразеологический и лингвокультурологический подходы, а также формирование компетенции в области русского национального менталитета и культуры.

В современном обществе нарастает необходимость в умении эффективно пользоваться справочной литературой. С каждым днем увеличивается объем информации, доступной через различные источники. Овладение навыками работы со словарями, энциклопедиями и справочниками становится важным компонентом информационной грамотности. В этом контексте особую значимость приобретает формирование таких навыков у школьников уже на среднем этапе образования. Учителя русского языка призваны уделять должное внимание включению работы со словарями в учебный процесс, обеспечивая таким образом обучающихся необходимыми инструментами для анализа и поиска информации.

Следовательно, словари фразеологии предоставляют учащимся доступ к богатому и разнообразному материалу фразеологических единиц, их значениям, происхождению и

использованию в различных контекстах, что позволяет учащимся узнавать новые фразеологические обороты, понимать их смысл и правильно применять в речи.

Работа со словарями фразеологии способствует расширению словарного запаса учащихся, развитию их лексических навыков и умений понимать смысл и использовать различные фразеологические обороты в речи.

Этимологические словари по фразеологии содержат информацию о культурных, исторических и общественных аспектах, связанных с определенными фразеологическими единицами, что может помочь учащимся не только понять их значение, но и узнать о традициях, обычаях и ценностях различных культур.

Словарная работа требует от учащихся самостоятельности, инициативы и умения находить и анализировать информацию, что способствует формированию навыков самообучения и исследовательской деятельности.

Систематическому изучению фразеологии в школе отводится небольшое количество часов. В учебнике по русскому языку для шестого класса мы можем найти тему «Источники фразеологизмов», после которой идет тема «Словари» [1, с. 92]. В рамках представленных двух тем учитель может включить работу с этимологическими словарями русской фразеологии.

В рамках темы «Источники фразеологизмов» следует напомнить ученикам о понятии этимологии, как она связана с фразеологией, провести обзор основных терминов, которые используются при этимологическом анализе. Далее следует познакомить учащихся со структурой словаря: введение, указатель, сокращения. И самым важным аспектом в данной работе будет являться объяснение, как искать нужную информацию в словаре.

Сравним две словарные статьи из «Словаря русской фразеологии» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой и из «Школьного фразеологического словаря русского языка» Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова:

КАК С ГУСЯ ВОДА с кого что. Неодобр. Кому-л. что-л. абсолютно безразлично, все нипочем; что-л. решительно не действует на кого-л.

1. Оборот появился в результате эллипсиса посл. Что (што) с гуся вода – небывалые слова, имевшей более узкое значение: «Несправедливые упреки, обвинения (небылицы, небылые слова) легко опровергнуть». Федоров 1973, 14; Ларин 1977, 142; Жуков 1980, 160.

2. Оборот является частью древнего заклинания, произносимого знахаркой над больными: «С гуся вода, а с нашего мальчика (девочки) – худоба (болезнь)». Арсирий 1967,

88; Чернышев 1970, I, 357; Мокиенко 1975, 87; Вартаньян 1973, 111-112; Гвоздарев 1981, 47; Гвоздарев 1982, 22-23; Опты 1987, 64; Мокиенко 1989а, 109.

3. Оборот вне пословичного контекста является более древним, на что указывает его более широкий ареал в отрыве от его «знахарского» переосмысления: бел. як с гуски вада; укр. зйде як вода с гуски. Это выражение существует также в польском и чешском языках, причем там эти обороты зафиксированы уже с XVI в., т. е. ранее «пословичных» выражений. Такой материал дает возможность предположить обратное развитие фразеологического образа: от простого, естественного и конкретного образа гуся, с которого легко скатывается вода (из-за особой жировой смазки оперенья), к более сложным ассоциациям. Образ эксплицировался, развертывался, входя в знахарские и другие фольклорные формулы, пословицы и поговорки. Мокиенко 1979б, 92, 101; Мокиенко 1989, 116-118, 128-129 [2, с. 142].

КАК С ГУСЯ ВОДА. Ничего не делается кому-л., все сходит благополучно. Собств. русск. Вода с гусиных перьев, смазанных жиром, скатывается не задерживаясь. Это обстоятельство использовали при заговоре детей от болезней, приговаривая: «С гуся вода, с лебедя вода, а с (имя ребенка) худоба» (т. е. болезнь) [4, с. 102].

В словаре русской фразеологии А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой представлено большое количество разнообразных фразеологизмов и их этимология. Словарь охватывает широкий спектр фразеологических единиц, начиная от повседневных выражений и заканчивая более устаревшими или редкими. Однако данный словарь слишком сложен для самостоятельного использования учениками шестого класса. Во-первых, на примере выше мы видим, что авторы словаря придерживались цели отразить все версии происхождения фразеологической единицы, тем самым дать читателю провести собственный анализ. Для этого нужно иметь очень развитое критическое мышление и большой опыт работы с этимологическим анализом. Во-вторых, словарь содержит много научной терминологии: эксплицировать, эвфемизм, эллипсис и т.д. Следовательно, данный словарь не может быть использован в качестве справочника на уроке, у учителя может уйти слишком много времени на объяснение данных терминов. При работе с представленным словарем преподавателю следует заранее подобрать словарные статьи, с которыми будут работать учащиеся, и отредактировать материал, чтобы сделать его более подходящим для учеников средней школы. Например, в словарной статье «попасть впросак» нет ни одного сложного для понимания термина, но есть слова «стан», «сучить», значения которых требует дополнительного объяснения.

В более адаптированном для учащихся школьном фразеологическом словаре русского языка Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова словарные статьи коротки, имеют только одну версию происхождения и написаны более простым языком, чем в проанализированном выше словаре. Из частнонаучной лексики есть только термин «калька», который сопровождает многие словарные статьи.

Школьный фразеологический словарь русского языка включить в работу на уроке можно как привычными способами (попросить учащихся найти происхождение определенных фразеологизмов), так и более разнообразными. Например, учитель может дать задание найти фразеологизмы на определенную букву с библейским происхождением. Есть возможность добавить к данной работе повторение ранее пройденной темы: поиск исконно русской фразеологической единицы или, наоборот, заимствованной. Уточнения учитель может добавлять по мере необходимости. Представленные упражнения могут выполняться как индивидуально, так и в группах.

Данный вид работы развивает не только навык работы со справочной литературой, но и знакомит учащихся с культурным контекстом, связанным с происхождением фразеологических единиц. Приобретенный знания играют ключевую роль в формировании языковой компетенции и культурного багажа учащихся. Понимание происхождения и значений фразеологических оборотов позволяет раскрыть глубинные аспекты русской культуры, ее истории, обычаев и традиций. В этом аспекте примером может служить объяснение Н.М. Шанским фразеологического оборота «на кудыкину гору». Исследователь пишет, что фразеологизм произошел из речи охотников и связан с соображениями табу, так как слово «куда?» созвучно с «куд» («злой дух»), а горы могли считаться в народе местом сборища нечистой силы [4, с. 139].

Таким образом, использование словаря Н.М. Шанского на уроках русского языка будет способствовать улучшению усвоения и запоминанию многих фразеологических оборотов русской речи. Многие фразеологические единицы потеряли свою мотивированность или состоят из архаичных слов. Раскрытие этимологии подобных выражений позволяет лучше понять их современное значение и стилистические оттенки, ведет к безошибочному и уверенному их использованию в речи и восприятию в тексте.

Понимание и интерпретация русской культурной и исторической среды через фразеологические обороты позволяет учащимся углубленно погрузиться в мир русского языка и литературы. Фразеологические единицы отражают не только языковые особенности, но и национальный менталитет, образ мышления и систему ценностей. Работа с фразеологическими словарями и знакомство с этимологией фразеологизмов в текстах

позволяет расширить кругозор учащихся, познакомить их с культурными особенностями и традициями русского народа.

Литература

1. Баранов М.Т. Русский язык. 6-й класс. Учебник. В 2 частях / М.Т. Баранов., Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова [и др.]. – Москва : Просвещение, 2023. – С. 86-92.
2. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб : Фолио-пресс, 1998. – 704 с.
3. Галлингер И.В. Когда и как «работают» словари на уроках русского языка / РЯШ. – 1990. – №5 – С. 5-14.
4. Шанский Н.М. Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. – Москва : Дрофа, 2007. – 380 с.

Anokhina E.V.

Pushkin state Russian language institute

Russian phraseology etymological dictionaries working methods in Russian language lessons in the 6th grade

The article is devoted to the study of the importance of studying the etymology of phraseological units in Russian language lessons. The role of etymological dictionaries of phraseology in the formation of cultural knowledge and skills of working with phraseological units in school is analyzed. The analysis of these dictionaries reveals how knowledge of the etymology of phraseological units contributes to a deeper understanding of the cultural context, mastery of phraseological material and the ability to use it in speech and identify it in texts.

Keywords: phraseology, etymology, dictionaries, secondary school, cultural knowledges.

Антонова Мария Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

mashikchel@mail.ru

Лингво-имагологический образ «инога» в Поттериане Дж. Роулинг

Работа выполнена под руководством Востриковой Ольги Владимировны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются лингвистические и имагологические маркеры изображения образа «инога» в серии книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Обнаружены как традиционные, этнические, так и нетрадиционные группы «иных», основной из которых являются «магглы». Главными критериями инаковости в Поттериане служат внешность и магические способности. Главные лингвистические маркеры инаковости — прямые номинации и особенности речи персонажей.

Ключевые слова: иной, образ, маркер, Роулинг, имагология.

Имагология – это область литературоведения и культурологии, исследующая способы, с помощью которых культуры репрезентируют и конструируют свое понимание инаковости. Имагологическое представление об инаковости можно найти в различных формах культурного самовыражения, таких как литература, кино, искусство и популярная культура [7, с. 117]. Изображение «инога» в тексте – тема, представляющая большой интерес для ученых различных областей, включая лингвистику, литературоведение, культурологию, социологию и др.

Актуальность данного исследования обосновывается тем, что оно призвано восполнить этот пробел путем проведения лингвистического и имагологического анализа образа «инога» в поттеровской вселенной с целью углубления понимания того, что заключает в себе концепт «инаковости», абстрагируясь от традиционной этнокультурной базы, т. е. универсального содержания стереотипа «инога». В целом, стереотипизирующие критерии, применяемые для описания неэтнических, в т. ч. фантазийных дихотомий «свой-иной», одинаковы для любого имагологического анализа, однако могут различаться количественно в зависимости от авторских предпочтений [1, с. 187].

К настоящему моменту были проведены немногочисленные исследования, посвященных имагологическим маркерам, используемым для построения образа «инога» в поттеровской вселенной (Craven A., Davis G., Groensteen T., Nikolajeva M., Pickett K. M., Serafini F. и др.). Однако обобщающих выводов по типологии «иных», параметров «инаковости» в данной фэнтезийной вселенной и лингвистической характеристики ее имагообразов до сих пор сделано не было.

Объектом настоящего исследования является образ «инога» в Поттериане Дж. Роулинг. В качестве предмета исследования выступают концептуальные и лингвистические маркеры, формирующие и реализующие образ «инога» в поттеровской вселенной. Целью настоящей статьи можно считать выявление особенностей образов «инога» и способов их языковой репрезентации в фэнтезийном произведении через проведение комплексного лингво-имагологического анализа. «Иные», в данном контексте, относятся к тем категориям героев, которые считаются другими или чуждыми по сравнению с доминирующими культурными нормами.

В литературе имагологическую репрезентацию инаковости можно увидеть в том, каким именно образом авторы конструируют и изображают персонажей разных культур или происхождения [3, с. 185].

Во вселенной Роулинг есть несколько примеров противопоставления различных групп, включая британцев и небританцев, волшебников и магглов («*muggles*»), чистокровных

и полукровок, людей (считая «волшебников») и тварей. В контексте Поттерианы «свой» относится к доминирующей группе персонажей, волшебникам, в то время как «иные» относятся к тем, кто считается непохожим на них или неполноценным. Наиболее очевидное различие между «своими» и «иными» во вселенной Поттера – между магами и магглами.

Для создания конфронтации «свой» «иной» используются этнолингвистический, этико-вероисповедальный, быто-технологический и пространственно-географический параметры [4, с. 22]. Оппозицию усиливают описания внешности, социального статуса и родословной. Далее каждый из данных критериев будет рассмотрен более подробно на примере Поттерианы Дж. Роулинг.

Основные критерии отчуждения, служащие для конструирования образа иного в данном случае – этико-вероисповедальный и быто-технологический (негативное отношение волшебников к магглам основано на непринятии иного быта и способов существования без магии.).

Конфронтация строится на способности к магии. Волшебники изображаются как отдельная и превосходящая группа, способная манипулировать окружающим миром, в то время как магглы, лишенные данной возможности, рассматриваются как низшая группа и часто становятся предметом насмешек. Это создает динамику власти, в которой волшебники имеют преимущество перед магглами, что приводит к пренебрежению и дискриминации. Данная дихотомия усиливается различными формами образов, такими как использование волшебных палочек и заклинаний для отличия волшебников от магглов, а также наличие жаргонных терминов («магглорожденный» («*muggle-born*») и «чистокровный» («*pure-blood*»)) для обозначения места человека в социальной иерархии в зависимости от связи с магглами [7, с. 101].

Другим параметром противопоставления является статус крови – в волшебном мире существует иерархия между полукровками («*half-blood*»), чистокровными («*pure-blood*») и магглорожденными («*muggle-born*») волшебниками. Чистокровные изображаются как «настоящие», «правильные», «чистые» маги, в то время как магглорожденные рассматриваются значительной частью магического сообщества как «незванные гости», которые «разбавляют и портят» волшебную родословную и уступают от этого в личностных качествах. Данная дихотомия наиболее отчетливо проявляется в существовании термина «грязнокровка» («*mudblood*»), который обозначает магглорожденных, а также в изображении именно чистокровных семей богатыми и аристократичными [10, с. 92].

Этнолингвистический признак применим по отношению к языку, внешности и этнической принадлежности групп.

Роулинг прибегает и к традиционному описанию внешности для создания образа «иноного», где бóльшая аккуратность всегда свойственна волшебникам, а не «иным». Например, растрепанные волосы и слишком большая одежда героя Хагрида, растрепанные волосы Гермионы и т. д. сразу же передают «нечистокровность», в то время как гладкая и холодная внешность таких персонажей, как Малфои, усиливает их элитарность [6, с. 211].

Пространственно-географический признак характеризует физическое местоположение и географические границы обществ и проводит демаркационную линию между людьми и «тварями», что обосновывает бунты и сражения за независимость со стороны последних в магическом мире. В частности, магическое сообщество воспринимает разумных русалок и тритонов, живущих под водой, как «зверей». К тварям относятся также оборотни — одна из наиболее дискриминируемых групп «иных». Из-за связи с темной магией, а также по причине «отвращения» к болезни, их часто боятся и преследуют волшебники. Дихотомия усиливается с помощью таких приемов, как изображение оборотней в виде рычащих зверей, отнесение болеющих людей к животным, а также использование термина «полукровка» («*half-blood*») для их обозначения [10, с. 94].

Домашние эльфы — это еще одна группа, которая изображается как «иные». Их часто считают ниже волшебников и обращаются с ними как с прислугой в волшебных семьях. Подобная дихотомия акцентируется изображением «домовиков» одетыми в лохмотья и «подобострастно кланяющимися» своим хозяевам [7, с. 98].

Лингвистические маркеры являются серьезным инструментом для создания художественного образа литературного персонажа. Они могут включать словарный запас действующих лиц, речевые обороты, языковые особенности и применение определенных средств выразительности, таких как метафоры, сравнения и аллюзии [2, с. 190].

Можно выделить следующие лингвистические маркеры, применяемые для построения образа «иных» в поттеровской вселенной:

1. Диалекты. Такие персонажи, как домашние эльфы вообще и Добби в частности, обращаются к себе в третьем лице и используют продолженные формы глаголов, которые обычно в них не употребляются, что отсылает нас к афроамериканскому разговорному английскому (AAVE): «*Dobby has no master! Dobby is a free elf, and Dobby has come to save Harry Potter and his friends!*» («Harry Potter and the Deathly Hallows»). «*My poor Mr Crouch, what is he doing without Winky? He is needing me, he is needing my help!*» («Harry Potter and the Goblet of Fire»). Кроме того, Малфои, выходцы из богатой аристократической семьи, строят речь классически, что передает их социальный статус: «*You know how I think they choose people for the Gryffindor team. It's people they feel sorry for. See, there's Potter, who's got no parents, then there's the Weasleys, who've got no money – you should be on the team, Longbottom, you've got no brains*» («Harry Potter and the Philosopher's Stone»).

2. Лексика. Такие слова, как «маггл» («*muggle*»), «сквиб» («*squib*») и «грязнокровка» («*mudblood*»), используются для обозначения немагических людей или тех, у кого мало магических способностей, что выделяет их из волшебного сообщества [5, с. 242]. Также следует отметить и отношение магов к людям с «нечистой кровью», как к экзотике: «*„She's a veela!“ he said hoarsely to Harry*» («Harry Potter and the Goblet of Fire»). Эти идиомы используются некоторыми действующими лицами в качестве оскорбления и создают иерархию внутри волшебного сообщества. Пожиратели смерти часто применяют в речи высокопарные выражения и эвфемизмы для описания своей деятельности, например, называя убийства «лечением рака» или «обрезкой дерева»: «*Many of our oldest family trees become a little diseased over time. You must prune yours, must you not, to keep it healthy? Cut away those parts that threaten the health of the rest... And in your family, so in the world...we shall cut away the cancer that infects us until only those of the true blood remain...*» («Harry Potter and the Deathly Hallows»).

3. Разные группы во вселенной Поттера имеют специфический словарный запас, отражающий их культурное происхождение. Например, гоблины из банка «Gringotts» используют финансовый и банковский жаргон, характерный для их профессии и культуры. «*To a goblin, the rightful and true master of any object is the maker, not the purchaser. All goblin-made objects are, in goblin eyes, rightfully theirs*» («Harry Potter and the Deathly Hallows»), «*Very well, I will have someone take you down to both vaults*» («Harry Potter and the Philosopher's Stone») [5, с. 241].

4. Произношение. Хагрид и подобные ему персонажи изображены говорящими с явно нестандартным английским произношением, которое указывает, что они не являются носителями английского языка и, следовательно, отличаются от британских волшебников [5, с. 246]. *«Happy birthday, Harry, Happy birthday ter you!»* («Harry Potter and the Philosopher's Stone»).

5. Синтаксис и грамматика. Некоторые персонажи (например, домашние эльфы, что было описано ранее), применяют в своей речи нестандартный синтаксис и грамматику, которые отличают их от волшебников. [9, с. 42]. Кентавры, считающие себя умнее людей, обращаются к иносказаниям: о войне – *«Mars is bright tonight,» he said simply* («Harry Potter and the Philosopher's Stone»).

В Поттериане отражено и противостояние между культурами и национальностями, но оно выражено слабее, в сравнении с основными «иными» – немагами и нелюдми. Например, существуют различия между волшебниками из британского Хогвартса и из зарубежных школ магии (французского Шармбатона и болгарского Дурмстранга). Это может привести к культурному недопониманию и военным столкновениям, т. к. признаки отчуждения в этом случае – пространственно-географический и этнолингвистический.

Таким образом, можно представить ряд более конкретных выводов по проведенному исследованию в следующем формате:

1) В Поттериане есть как традиционные, так и нетрадиционные группы «иных» (описываются по одинаковым законам, параметрам), причем последние имеют первостепенное значение в повествовании. К традиционным группам относятся болгары, французы и британцы, которые изображаются в книгах как существующие в реальном мире и обладающие культурой и историей национальности. К нетрадиционным группам относятся, например, маги и магглы, которые уникальны для серии и имеют собственные отличительные особенности и историю. Конфликт между этими группами является центральной темой на протяжении книг. Главным критерием инаковости служат внешность и магические способности.

2) В Поттериане «иные» противопоставляются «своим» по нескольким параметрам, таким как статус крови (чистокровные, полукровки и магглорожденные), магические способности (ведьмы и волшебники против магглов), виды (люди против магических существ) и др. Критериями отчуждения в этом случае выступают язык и этническая система, обычаи, образ жизни и развитость ремесла, удаленность и характер местности. Такие параметры используются для категоризации и дискриминации людей на основе их «непохожести» на «своих» волшебного мира.

3) Джоан Роулинг прибегает к разнообразным лингвистическим маркерам для создания образов различных персонажей и групп в мире Гарри Поттера. Например, прямые номинации (полукровка), выдуманные номинации (магглы), маргинальная речь («не самые дружелюбные звери» вместо «гоблины»), эвфемизация («домовик» вместо «находящийся в рабстве домашний эльф»). Такие маркеры, как акценты, идиоматические выражения, словарный запас, речевые паттерны и невербальная коммуникация зависят от степени опасности иного и отношения к нему «своих». Акцентируя внимание на том, как и что говорят персонажи, Роулинг передает социальное положение, наследие, ценности и динамику власти среди волшебного населения.

Сравнивая выбранные Роулинг маркеры с набором параметров традиционных лингво-имагологических образов, можно увидеть определенные сходства и различия. Традиционные маркеры, такие как диалекты, идиомы и речевые обороты, применяются в Поттериане, но Дж. Роулинг также использует уникальные маркеры – выдуманные номинации («маггл» («*muggle*») и «чистокровка» («*pure-blood*»)), чтобы создать особую волшебную дихотомию инаковости.

Литература

1. Вострикова О.В., Почуева А.А. Человек будущего в имагологическом ракурсе // Горизонты современной русистики: сборник статей Международной научной конференции, посвященной юбилею академика В. Г. Костомарова (30-31 января 2020 г.). – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 183-188.
2. Закирова О.В. Языковые особенности создания образа человека-оборотня в художественном тексте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 7 (140). – С. 187-192.
3. Кашина Н.К. Инаковость как тип художественного мышления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2-2. – С. 183-186.
4. Шукуров Р.М. Введение, или Предварительные замечания о чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – Москва : Алетейя, 1999. – С. 9-30.
5. Black S. The Magic of Harry Potter: Symbols and Heroes of Fantasy // Children's Literature in Education. – 2003. – № 34 (3). – PP. 237-247.
6. Freeman L. Harry Potter and the Diagnostic and Statistical Manual: Muggle Disorders in the Wizarding World // Study and Scrutiny Research on Young Adult Literature. – 2015. – № 1 (1). – PP. 156-214.

7. Horne J.C. Harry and the Other: Answering the Race Question in J. K. Rowling's Harry Potter // The Lion and the Unicorn. – 2010. – № 34 (1). – PP. 76-104.
8. Kozlova A.A. Imagological Method in Literary and Cultural Research // Observatory of Culture. – 2015. – PP. 114-118.
9. O’Gorman K.D. Harry Potter and metaphysical hospitality // International Journal of Contemporary Hospitality Management. – 2007. – № 9. – PP. 41-47.
10. Pennington J. From Elfland to Hogwarts, or the Aesthetic Trouble with Harry Potter // The Lion and the Unicorn. – 2002. – № 26 (1). – PP. 78-97.

Antonova M.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Linguo-imagological image of the “other” in J. Rowling’s series about Harry Potter

The paper considers linguistic and imagological markers of fictional «others» in Harry Potter book-series by J. Rowling. Both traditional ethnic and non-traditional groups of «others» have been found, the main of which are the «muggles». The main criteria for «otherness» in the series prove to be appearance and magical abilities. The main linguistic markers of otherness are direct nominations and the characters' speech peculiarities.

Keywords: other, image, marker, Rowling, imagology.

Антонова Мария Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

mashikchel@mail.ru

Маринистические мотивы в творчестве И.А. Бродского

Работа выполнена под руководством Пашкова Александра Витальевича, кандидата филологических наук, доцента кафедры мировой литературы

В статье рассматриваются конкретные примеры проявления маринистических мотивов в поэзии И.А. Бродского, объясняются причины их появления в творчестве поэта. Также определяются источники данных маринистических мотивов.

Ключевые слова: мотив, поэзия, Бродский, маринистика.

Интерес к морской тематике характерен для литературы XX и XXI веков. Различные издательства, среди которых Калининградское книжное издательство, «Маяк» в Одессе, «Таврия» в Симферополе и «Эксмо» в Москве, выпускали различные серии, посвященные морским путешествиям, включающие художественные романы, путевые очерки и документальные произведения.

Несмотря на давнее присутствие в литературе, концептуальная и терминологическая ясность, окружающая «морской» жанр, остается несколько неоднозначной. Ученые

рассматривали его в рамках более широких жанров путевых очерков, новелл и тревелогов. Термин «маринистика» приобрел известность в литературной критике лишь в середине XX века, писатели и поэты находили вдохновение в использовании в мире искусства слова «марина» для описания картин, изображающих морские виды [2, с. 505].

В достаточном количестве стихотворений и иных литературных произведений море является не просто фоном, а основным предметом, а другие элементы, например, суша, флора и фауна, возникают в качестве последствий самого морского путешествия. Акцент на море как на движущей силе повествования отличает «маринистические» мотивы от других литературных мотивов.

В рамках данной статьи будут рассмотрены особенности проявления маринистических мотивов русскоязычной поэзии И.А. Бродского.

Начнем со стихотворения Иосифа Бродского «С видом на море», проанализированного на предмет наличия маринистических мотивов. Оно пронизано отсылками к морской тематике, начиная с заглавия и заканчивая финальными стихами. Поэт изображает море как центральный элемент образности стихотворения.

Прежде всего, текст начинается с яркого изображения моря утром, словно лежащего у волнореза: *«Море поутру / лежит щекой на волнорезе»*. В данном случае И.А. Бродский сразу задает тон морской атмосфере, которая пронизывает все стихотворение.

В стихотворении представлены танцующие, «выбивающие чечетку» *«стручки акаций на ветру»*, напоминающие капли дождя на кровельном железе. Такие образы, хоть и не имеют прямого отношения к морю, создают эффект присутствия и придают глубину обстановке. Аллитерация на шипящие согласные наполняет строки шумом волн.

Упоминание о гребцах, сидящих на веслах и смотрящих на *«снежные зубцы»*, отражает присутствие морской активности и суровую красоту моря, все время наполненного движением созерцательным, вдумчивым.

Далее И.А. Бродский говорит об алюминиевых стульях и баркасах, гниющих вверх дном, чем еще больше усиливает маринистическую обстановку, наводя читателя на мысль о прибрежной среде с элементами упадка и заброшенности. Эти детали служат для более полного раскрытия внутреннего мира лирического героя – состояния поиска.

Путешествие главного героя стихотворения от моря к горе и последующее возвращение к морю высвечивают взаимодействие между сушей и морем, подчеркивает значение моря как точки отправления и возвращения.

В равной степени Иосиф Бродский использует морскую терминологию, а именно фразы как «*храбрая рука Зюйд-Веста*» и «*дымит на горизонте крейсер*», которые дополнительно навевают морские образы, усиливая маринистическую тематику текста.

Стихотворение также затрагивает временной аспект моря, упоминая межсезонье и временный характер визита главного героя к морю, что, опять же, придает много смысловых оттенков изображению моря как преходящего, но постоянного присутствия. Образ пророка в окружении увядания позволяет раскрыть мотив вечного одиночества, наиболее ярко раскрывающегося на морском фоне.

В целом, стихотворение Иосифа Бродского «С видом на море» не просто включает в себя различные морские мотивы, а является построенным на них, поскольку поэт смог сформировать богато фактурное изображение моря и его окрестностей, а также отметил его значение в качестве центральной темы в образности и символике стихотворения.

В стихотворении «Морские маневры» стоит выделить «*Атаку птеродактилей на стадо ихтиозавров*». В данном случае Иосиф Бродский умело сочетает элементы доисторических образов с современными декорациями, создавая сюрреалистическую и творческую атмосферу потерянности и исследования мыслей. Рассмотрим более подробно маринистические мотивы, присутствующие в стихотворении.

Упоминание о птеродактилях и ихтиозаврах сразу же вызывает в памяти доисторическую морскую обстановку. Птеродактили были летающими рептилиями, которые жили в мезозойскую эру, в то время как ихтиозавры были морскими рептилиями, напоминающими современных дельфинов или рыб. Такие изображения создают основу для вплетения древних и потусторонних мотивов в канву произведения.

Хотя образ огнедышащей ящерицы явно не относится к морской тематике, он добавляет фантастических и мифологических элементов стихотворению. Термин «*супостат*» предполагает конфликт или конфронтацию, придавая напряженность сцене и указывая, что наше будущее, наши «потомки» будут далеки от первородной среды.

«*Какой-то год от Рождества Христова*» – отсылка к определенному историческому периоду привязывает стихотворение к узнаваемым временным рамкам, контрастируя с доисторическими образами, представленными ранее. Такое безвременье и несоответствие временных периодов приводит к нас размышлениям о гиперболических, преувеличенных наблюдениях за маневрами флота в Севастополе.

Упоминание гостиницы переносит сцену в современную обстановку, контрастирующую с доисторическими и мифологическими элементами, представленными

ранее. Подобное резкое изменение обстановки добавляет сюрреалистической и бессвязной атмосферы стихотворению.

«*И сотрясает люстру / начало возвращения к моллюску*» – финальное предложение загадочно и открыто для интерпретации. Образ «моллюска» может быть истолкован как возвращение к более простому или первобытному состоянию, в то время как трясущаяся люстра добавляет ощущение нестабильности или беспокойства, что усиливается отсутствием развязки и тем, что текст обрывается как бы на кульминации.

В целом, стихотворение сочетает морские мотивы с элементами мифологии и современности, Иосиф Бродский создает вычурную, нелинейную и загадочную атмосферу. Сопоставление доисторических существ с бытовыми декорациями добавляет глубину и сложность образам, приглашая читателей затронуть темы времени, эволюции и непознанного, которые невольно начинают волновать любого, кто становится свидетелем морских сцен.

В довершение всего, рассмотрим «Письмо в бутылке» – еще одну достаточно известную работу И.А. Бродского. Стихотворение очень богато морскими мотивами.

Прежде всего, следует отметить, что само название стихотворения навеивает образы моря, поскольку послания в бутылках часто ассоциируются с морской тематикой, символизируя путешествия, общение на огромных расстояниях и непредсказуемую природу океанских течений.

«Письмо в бутылке» содержит многочисленные отсылки к кораблям, морякам и парусной терминологии, включая следующие: «*нос корабля*», «*Левиафаны машут хвостом по волнам от радости кверху дном*» и «*тихо звенит мой челн*». Такие детали создают ощущение приключений, исследований и бескрайности моря.

Мир мореплавания раскрывается с помощью деталей («*воронье гнездо*», «*бинокль*» и «*палуба*»), а природные явления, ассоциируемые с морем, описываются автором символично и с детальностью: «*Айсберги тихо плывут на Юг*», «*Снился мне мрак и на волнах блик*», «*Я честно плыл, но попался риф...*» Бродский погружает читателя в мир мореплавания и раскрывает собственную связь с морем, заключающуюся не только в авторских духовных поисках, но и в опытном и ученом познании о суровых и непредсказуемых аспектах морской среды.

Отсылки к мифическим морским существам, а именно к Левиафану и сиренам, дополнительно обрисовывают обстановку потерянности в море. Эти существа часто ассоциируются с тайнами и опасностями морских глубин, тем самым И.А. Бродский свой вклад в фантастические элементы поэмы.

Стихотворение включает навигационные термины «вектор», «прямой угол», «азбуку Морзе», что не только еще больше подчеркивает его морскую тематику, но и раскрывает основную тему произведения – независимо от того, куда лирический герой держит курс, обрести вечный приют на море и потеряться в нем – не безысходно для души, связанной с морем.

В целом, в стихотворении используется широкий спектр морских мотивов для создания яркой морской атмосферы. Благодаря использованию морских образов, парусной терминологии и отсылок к морским существам и природным явлениям стихотворение напоминает о красоте и опасности моря – его дуалистической природе.

Таким образом, в творчестве Иосифа Бродского маринистические мотивы являются многогранным и богато символичным элементом, вплетенным в поэзию, чтобы передать темы свободы, вечности и состояния человека. Увлечение Бродского морем проявляется в повторяющихся образах океанов, волн, кораблей и морских обитателей, которые «населяют» его стихи. Такие маринистические мотивы не только напоминают о физической природе моря, но и несут метафорический вес, поскольку в данном формате И.А. Бродский представляет читателям экзистенциальные путешествия, течение времени и необъятность человеческого опыта. Нередко море выступает холстом для подведения жизненных итогов и анализа внутренних состояний.

Одним из выдающихся аспектов морских мотивов в творчестве И.А. Бродского является их ассоциация со свободой и раскрепощением. Море с его бескрайними просторами и неукротимой природой становится символом бегства от социальных ограничений. Иосиф Бродский часто изображает море как область возможностей, где люди могут найти утешение, обновление и т. п.

Кроме того, морские мотивы в поэзии И.А. Бродского несут в себе элементы вечности и непрерывности. Море с его вневременными ритмами и вечными циклами становится метафорой сохранения памяти, истории и традиций в поколениях [1, с. 52]. Воспоминания И.А. Бродским волн, приливов и отливов и морских пейзажей отражают глубокое чувство благоговения перед миром природы и его значением перед лицом усилий человека.

Более того, морские мотивы в творчестве И.А. Бродского часто наполнены экзистенциальным значением, отражая размышления поэта о жизни, смерти и состоянии человека [1, с. 51]. Море становится символом как красоты, так и опасности, поскольку оно содержит сложности существования и неизбежность смертности. Исследование Бродским таких тем, как тоска, утрата и течение времени, обогащается использованием им морских образов, что придает глубину его размышлениям о человеческом опыте.

На протяжении всей жизни связь И.А. Бродского с морем оставалась крайне серьезной, символизировала чувство преемственности среди личных и географических трансформаций. Его поэтические размышления, характеризующиеся глубоким чувством тоски и самоанализа, отражают неизменное очарование моря, преодолевающее границы времени и пространства. В этом смысле поэзия Бродского является исследованием человеческого существования на фоне постоянно меняющегося моря.

Несмотря на случайные признания советского величия, воспоминания И.А. Бродского тяготеют к маринистической тематике, отраженной на основе его впечатлений и путешествий. От Крыма до Северного Поморья, от Прибалтики до Якутии водные поверхности выступают в качестве фона для его переживаний. Рожденный у моря, он жил в непосредственной близости от него, пересек океаны до Соединенных Штатов, поселился в Нью-Йорке у «малой воды» и, в конечном счете, после смерти покоился на бескрайних просторах океана, похороненный на острове среди его глубин – истинное воплощение «морской души».

В произведениях Иосифа Бродского персонажи, подобные Горбунову в «Горбунове и Горчакове», находят утешение и подлинность в объятиях моря, даже среди безумия, воспринимая его как «нечто большее, чем мы, / что греет нас, само себя не грея».

Любовь И.А. Бродского к воде не касается исключительно ее телесности; он рассматривает ее как отражение божественного присутствия, называя ее складки, морщинки и рябь проявлениями Духа Божьего. Морская среда воспринимается поэтом как подчинение «Богу-лоцману», взывающему к смирению перед неподвластной стихией воды, всегда борющейся с теми, кто пытается ее обуздать. Море для Бродского олицетворяет освобождение, предлагает убежище от социальных ограничений и границ реальности. Оно представляет собой царство, где все меркнет перед лицом истинной свободы.

В конечном счете, море неподвластно человеческому господству, оно утверждает свое значение как неконтролируемой силы – это тема, повторяющаяся во всем творчестве И.А. Бродского.

Глубокая связь Иосифа Бродского с морем пронизывала его жизнь и поэзию, начиная с визитов в Крым и Одессу и заканчивая любовью и личными размышлениями. Склонность Бродского находиться рядом с морем в важные моменты, например, в Новый год, подчеркивает его веру в роль моря как сосуда для течения времени, жизни: *«Под всякий Новый год... <...> я стараюсь оказаться у воды, предпочтительно у моря или у океана, чтобы застать всплытие новой порции, новой пригоршни времени».*

В стихах Бродского море обладает преобразующей силой, стирающей индивидуальные черты предметов, поглощенных его глубинами. В стихотворении «Новый Жюль Верн» (в частности, в части V) Бродский подчеркивает автономию моря, управляемого законами, отличными от законов суши и человечества: *«Море гораздо разнообразней суши. / Интереснее, чем что-либо. / Изнутри, как и снаружи. Рыба / интереснее груши»*.

В качестве вывода необходимо отметить, что использование И.А. Бродским маринистических мотивов подчеркивает его отношение к явлению свободы. Море с его необъятностью и неукротимой природой становится метафорой бегства от социальных и экзистенциальных ограничений. Иосиф Бродский изображает море как царство возможностей, где люди могут найти утешение и автономию.

Резюмируя все вышеизложенное, маринистические мотивы являются центральным и крайне серьезным элементом в поэзии Иосифа Бродского, поскольку за их счет поэт смог сформировать богатую палитру символизма, с помощью которой он исследует темы свободы, вечности и экзистенциальных поисков. Своими выразительными изображениями моря И.А. Бродский приглашает читателей задуматься о тайнах бытия и непреходящем очаровании мира природы.

Литература

1. Бродский Иосиф «С видом на море» // Культура.РФ – гуманитарный просветительский проект – [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/30519/s-vidom-na-more> (дата обращения: 11.03.2024).
2. Капец О.В. «Времяпространство» в поэзии А.И. Бродского / О.В. Капец, В.П. Капец // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: материалы Международной научной конференции. – Майкоп : Издательство Адыгейского государственного университета, 2018. – С. 49-56.
3. Литературный энциклопедический словарь терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва : Интелвак, 2003. – С. 504-506.
4. Морские маневры // Русская поэзия – онлайн-сборник материалов URL: <https://rupoem.ru/brodskij/ataka-pterodaktilej-na.aspx> (дата обращения: 12.03.2024).
5. Письмо в бутылке // Интернет-портал памяти Иосифа Бродского – [Электронный ресурс] URL: <https://brodskiy.su/pismo-v-butylke> (дата обращения: 14.03.2024).

Antonova M.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Marinistic motifs in the works of J.A. Brodsky

The paper considers specific examples of the manifestation of marine motifs in the poetry of J.A. Brodsky, explains the reasons for their appearance in the poet's work. The sources of these marine motifs are also determined.

Keywords: motive, poetry, Brodsky, maritime.

Антонова Полина Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина

Lovip171@yandex.ru

Особенности ошибок учащихся с миграционным опытом среднего школьного возраста в письменных работах по русскому языку

Работа выполнена под руководством Веселовской Татьяны Сергеевны, кандидата филологических наук

В статье описаны типичные и специфические ошибки в письменной речи учащихся основной школы с миграционным опытом. Изучается проблема формирования навыка письма у данной категории обучающихся в условиях их интеграции в русскоязычную образовательную среду. Приводятся данные проанализированных письменных работ московских школьников, которые показывают частотность грамматических ошибок.

Ключевые слова: учащиеся с миграционным опытом, письменные работы, классификации ошибок.

В связи с увеличившимся количеством детей с миграционным опытом в современной российской школе все более актуальной становится проблема поиска эффективных подходов к обучению русскому языку данной категории обучающихся. Необходимо отметить, что методика обучения русскому языку как родному не может в полной мере удовлетворить потребности детей с разным культурным бэкграундом, поэтому школьным учителям необходимо осваивать методику преподавания русского языка как иностранного (РКИ). При этом дети, находясь в языковой среде, обучаясь в школе на русском языке, осваивают иностранный язык достаточно быстро и в большей степени нуждаются в корректировочных заданиях. Тщательный и всесторонний анализ уровня письменной речи детей из указанной категории учащихся позволяет отобрать наиболее ошибкоопасные места.

Одним из основных аспектов обучения русскому языку билингвов является исправление и предотвращение ошибок письменной речи, связанных с несовершенным владением грамматической структурой русского языка. Этот процесс требует постоянной работы по расширению словарного запаса учащихся. Освоение грамматической структуры русского языка детьми мигрантами также связано с межъязыковой интерференцией, когда грамматическая система их родного языка влияет на изучаемый русский язык.

Изучение особенностей письма исследуется многими учеными в разных аспектах. Важно понимать, что специалистами изучаются ошибки разных групп учащихся в

зависимости от их уровня владения языком. В частности, отдельно исследуются ошибки билингвов, иностранцев. Огромный интерес представляют электронные базы данных, содержащие устные и письменные тексты различных носителей русского языка. Так, в Лингвистической лаборатории по корпусным технологиям НИУ ВШЭ под руководством Е.В. Рахилиной был создан Русский учебный корпус RLC, включающий устные и письменные тексты двух категорий носителей русского языка: иностранцев, изучающих русский как иностранный язык, и "эритажных" носителей русского языка — людей, для которых русский является родным, но из-за различных причин (чаще всего эмиграции) основным языком общения является другой язык. Такие корпусные технологии позволяют создавать коллекции текстов, на основе которых можно исследовать особенности освоения русского языка инофонами, обеспечивают обеспечить базу для сравнительного анализа текстов данных категорий учащихся.

Ученые классифицируют ненормативные написания при усвоении детьми системы русского письма по разным критериям. Так, Н.А. Янковская в своей работе, проанализировав письменные работы учащихся, выделила 14 категорий ошибок в письменной речи, наиболее значимых и часто встречающихся при овладении детьми русским языком: 1) твёрдость – мягкость; 2) звонкость – глухость; 3) нарушение границ слов; 4) дифференциации предлог – приставка; 5) заглавная буква; 6) нарушение границ предложения; 7) безударная гласная; 8) замена букв, имеющих одинаковые элементы написания; 9) пропуски гласных; 10) пропуски согласных; 11) зеркальность письма; 12) пропуск слов, предложений; 13) угадывание; 14) окончания различных частей речи [5, с. 3].

С.Н. Цейтлин выделяет ошибки, характерные для устной и письменной речи:

– ошибки, присущие исключительно устной форме речи, такие как орфоэпические и акцентологические;

– ошибки, которые типичны только для письменной речи;

– ошибки, не зависящие от формы речи, и, следовательно, характерные для обеих форм речи [2, с. 68]. В настоящей работе были проанализированы ошибки, обнаруженные на письме.

С.Н. Цейтлин отмечает, что в письменной речи нерусских учащихся наиболее часто встречаются ошибки «на обозначение мягкости и на неразграничение глухости-звонкости, ошибки, связанные с изменением ритмической структуры слова, либо в сторону увеличения количества слогов за счет добавления гласной, либо в сторону сокращения слогов за счет устранения гласной; неизмеримо выше частотность случаев пропуска безударных гласных»

[3, с. 169]. Эти ошибки в большей степени связаны с несовершенством освоения фонетической системой русского языка.

На современном этапе развития лингвистики фундаментальный вклад в область изучения ошибок у детей-инофонов внесли исследователи Вологодской области, создавшие электронную базу речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах г. Череповца. Электронная база позволяет изучать особенности речевых ошибок в зависимости от возраста детей, этнической принадлежности и типа текста. Кроме того, с её помощью можно разрабатывать эффективные методики раннего выявления языковых проблем у детей-инофонов и предоставлять методические рекомендации по организации индивидуальных образовательных путей для изучения русского языка. В статье приведена классификация письменных ошибок, совершаемых учащимися с миграционным опытом, с опорой на разработанную типологию ошибок данного проекта. Это представляется наиболее перспективным направлением настоящего исследования, так как позволяет сравнивать полученные коллекции текстов.

Сложность в понимании и воспроизводстве письменной речи происходит из-за незнания значений многих слов, их грамматической структуры. Незнакомые слова, встречающиеся учащимся-инофонам, порой искажаются ими до неузнаваемости. Кроме того, как отмечают исследователи, при обучении письменной речи прослеживается интерферирующее влияние родного языка на изучаемый русский [1, с. 4]. Как правило, нерусские учащиеся, мысля на родном языке, допускают большое количество ошибок, устанавливая ложное соответствие между системами родного и изучаемого языков. Еще российский и советский лингвист Л.В. Щерба подчеркивал, что «изгнать родной язык из голов учащихся в школьных условиях – невозможно; ученики после всех объяснений учителя, стремящегося согласно правилам прямистской методики объяснить смысл того или иного слова или языкового явления без помощи родного языка, все же только тогда вполне понимают этот смысл, когда находят для него эквивалент в родном языке» [4, с. 56-57]. Современные исследования освоения языков билингвами в рамках нейролингвистики показывают, что родной и иностранный язык конкурируют, влияют друг на друга и при становлении грамматического строя замедляют процесс обучения, провоцируя академическое отставание учащихся. Затем при освоении обеих языковых систем такое отставание полностью компенсируется и наблюдается более активная мозговая деятельность и высокие академические успехи у билингвов по сравнению с монолингвами.

В данной статье изучение особенностей письменных ошибок осуществлялось посредством анализа работ детей, обучающихся в 5-7 классах в г. Москве (2023-2024 уч. год),

собранных на базе лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Нами было проанализировано 9 письменных работ (3 диктанта, 2 сочинения, 4 изложения), а также орфографические упражнения. Полученный языковой материал мы распределили на категории в зависимости от типа обнаруженной ошибки. В работе приведены авторские примеры, в скобках приводится восстановленный корректный вариант.

1) Орфографические ошибки:

– неправильное написание непроверяемых гласных в корне слова: *(на) картинке (на картинке), (за) красотой (за красотой), облака (облака), марковь (морковь), мароз (мороз), полто (пальто), на скамейках (на скамейках), ёжек (ёжик);*

– неправильное написание проверяемых гласных в корне слова: *убигать (убегать), хател (хотел), осинь (осень), (к) земе (к зиме);*

2) Неорфографические ошибки:

– орфоэпические ошибки (добавление лишних букв, перестановка букв, пропуск букв): *сентяборь (сентябрь), летьят (летят), становистся (становится), голубокое (глубокое), суп в миксе (суп в миске), стьжы (стрижи), изобажен (изображен);*

– ошибки, связанные с недостаточным осмыслением текстовой ситуации (слитное написание предлогов): *сним (с ним), влес (в лес).*

3) Графические ошибки:

– ненормативные написания после шипящих: *жыраф (жираф), шышка (шишка), стрыжы (стрижи);*

– смягчение твердых согласных: *словарная (словарная), хрусть (хруст), весь (вес);*

– отсутствие Ъ для обозначения мягкости: *стулчик (стульчик), автомобил (автомобиль), листя (листья), полто (пальто), (с) осенью (с осенью), писмо (письмо);*

– неразличение глухости твердости согласных: *диктанд (диктант), сдайка (стайка), летид (летит), бцыц (птиц), клаза (глаза);*

– способ отражения на письме звука [ш']: *мешечко (местечко), шлышем (слышен);*

– ошибки в написании ударных гласных: *диктонт (диктант).*

4) Грамматические ошибки:

– ошибки в управлении: *виднелся за парусника (виднелся за парусником);*

– ошибки в координации: *(губы) является (губы являются), (картина) понравилось (картина понравилась), (она) потерял (она потеряла), (сообщение) пришла (сообщение пришло);*

– неправильное употребление предлога с существительным: *(кошка) в падаконнике* (*кошка на подоконнике*), *(тетради) на школе* (*тетради в школе*), *(одежда) в кровати* (*одежда на кровати*), *дышать со свежим воздухом* (*дышать свежим воздухом*).

Данные примеры свидетельствуют о существенных трудностях, с которыми сталкиваются учащиеся с миграционным опытом при выполнении ими письменных заданий. В письменных текстах часто наблюдается изменение звуковой структуры слов, вызванное влиянием фонетической системы родного языка. Также отмечаются ошибки в обозначении мягкости русских согласных, передаче фонемы «и» и замене букв в сильной позиции. Возникают ошибки за счет добавления лишней гласной или же удаления гласной буквы из русского слога, а также ошибки в кодировании глухих и звонких согласных. Серьезную проблему для школьников-инофонов составляет написание родовых окончаний. Категория рода является одной из самых сложных для освоения, так как отсутствует в родном языке учащихся. Носители русского языка редко допускают грамматические ошибки на письме, так как система родного языка осваивается в дошкольном возрасте. Ошибки, связанные с различием звукобуквенной системы, частотны у носителей младшего школьного возраста и редко встречаются у подростков, но крайне частотны у билингов. Орфографические ошибки представляют сложность как для носителей, так и для инофонов.

В большинстве случаев учащиеся с миграционным опытом при выполнении письменных работ следуют принципу: «как слышится, так и пишется». Ошибочное использование предлогов, неправильное употребление значений падежей и предложно-падежных форм существительных, слитное написание слов - наиболее распространенные ошибки, возникающие на письме нерусских школьников. При этом следует обратить внимание на то, что большее количество ошибок учащиеся-инофоны допускают в диктантах. Этот формат проверочных работ предполагает точное воспроизведение озвученных учителем слов и предложений, которую зачастую включают незнакомую низкочастотную для инофонов лексику (описание природы, наименование животных и т.д.).

Результаты проведенного анализа позволяют выявить наиболее частотные типы ошибок и на их основе выработать методические рекомендации для проведения коррекционных занятий по русскому языку с учащимися с миграционным опытом. Становится очевидным, что всестороннее изучение внутренней структуры ошибок на письме является перспективным направлением современной лингвистики, поскольку понимание причин допущения ошибок в письменных текстах инофонов необходимо для разработки эффективных корректировочных курсов, программ языковой поддержки.

Литература

1. Сабаткоев Р.Б. Лингвометодические основы обучения русскому языку детей мигрантов в общеобразовательных школах Российской Федерации монография. – Москва : Экон-информ, 2010. – 128 с.
2. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – Москва : Просвещение, 1982. – 143 с.
3. Цейтлин С.Н. Специфические ошибки азербайджанско-русских билингвов в письменной речи // Русистика и современность. – СПб., 2005. – Т. 2: Диалог культур в обучении русскому языку и русской словесности. – С. 168-179.
4. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в школе / Л. В. Щерба. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 148 с.
5. Янковская Н.А. Готовность школьников к обучению: вторая ступень // Народное образование. – Москва, 2009. – № 6. – С. 197.

Antonova P.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Features of mistakes of secondary school students with migration experiences in Russian language papers

The article describes typical and specific errors in written language among primary school students with migration experience. The problem of developing writing skills is explored in this group of learners within the context of their integration into the Russian-speaking educational environment. Data from analyzed written works of Moscow schoolchildren are provided, demonstrating the frequency of grammatical errors.

Keywords: students with migration background, writing, classification of errors.

Ардт Александра Александровна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
asya.arndt@bk.ru

Двойная адресатность произведений Е. Усачёвой

Работа выполнена под руководством Фатеева Дмитрия Николаевича, кандидата филологических наук, доцента кафедры мировой литературы

Данная статья посвящена исследованию вопроса двойной адресатности детской литературы как современного феномена, сущности его реализации и влияния на детскую и взрослую аудиторию. Для анализа был выбран сборник повестей «Дети страха и другие ужасные истории» (2020).

Ключевые слова: детская литература, двойная адресатность, адресат художественного текста.

В литературоведческой среде нет однозначного отношения к намеренному включению серьёзных тем и проблем, которые больше подходят для взрослого восприятия, в корпус произведений, предназначенных для детской аудитории. Дискуссии о границах

«детского» и «недетского», целесообразности взросления детской книги активно ведутся и сегодня [1, с. 84].

Размышляя о данном феномене, стоит обратиться к его результативному потенциалу – способности оказывать положительное воздействие на читателя. По данным зарубежных исследований, склонность к проявлению эмпатии к разным группам людей (по национальному, социальному и другим принципам) формируется в человеке более активно в ситуации обращения к литературе, нежели к взаимодействию в реальной жизни [4, с. 174]. Таким образом, создавая произведение на так называемую «недетскую» (в данном случае синонимично с «серьёзную») тематику для ребёнка, писатель идейно выполняет важную миссию осознания и прочувствования актуальных проблем современности ребёнком, начиная с того возраста, когда сопереживание находится еще в состоянии зарождения.

Если рассматривать активное развитие эмпатии у читателя в детской литературе, едва ли мы сможем обойтись темами, которые не связаны с проблемным (часто расстраивающим ребёнка) контекстом. В нём могут активно существовать и сюжетно раскрываться следующие темы: смерти, одиночества, катастроф и социальных потрясений – это то, о чём надо говорить откровенно с современным ребёнком [1, с. 85]. Ведь он, учитывая нынешние реалии, знает об этом не понаслышке.

Однако редакторы требуют от детского писателя «прилизанных» текстов [2], чтобы в них не было места честному разговору о ругани, насилии, которые, к сожалению, присутствуют в мире современного ребёнка. Одна из главных проблем для детского автора в создании подобного рода произведения — пройти проверку цензурой и не получить «расстрельные “16+”» [2], признаётся детский автор Елена Усачёва, доказать, что ребёнок способен понять и осознать то, что изначально может показаться для него неподходящим, серьёзным. Также это писательская возможность обратиться к взрослому читателю, чтобы обратить его внимание на те проблемы, которые благодаря ему могли бы стать действительно «неподходящими» для ребёнка, но не в художественном тексте, а в реальной жизни.

Так, возникает вопрос рассмотрения двойной адресатности в контексте детской литературы.

Елена Усачёва, автор рассматриваемых нами текстов, занимается тем, что развивает традицию обращения к двум адресатам детского текста – ребёнку и его родителю. Она часто создает произведения с проблематикой, которая актуальна разновозрастным читателям, и имеет для каждого из них индивидуальную ценность. Например, в круг тем её книг входят: существование странного ребёнка, который сталкивается с травлей или даже развитием отклонений психологического плана. Елена Усачёва говорит также о семейных неурядицах,

одиночестве и изолированности ребёнка от общества, его изгнания другими. Это делает детские произведения актуальными в реализации двойной адресатности. Ведь с теми трудностями, которые встречаются на пути современного ребёнка (как реального, так и его книжной копии), часто невозможно справиться детям самостоятельно, без взрослого вмешательства.

Рассмотрим проблематику заглавной повести сборника «Дети страха и другие ужасные истории» (2020), посвящённой истории девочки-изгоя Нинки из распадающейся у читателя на глазах семьи, в контексте двух адресатов текста.

Обращаясь к детскому адресату повести, стоит отметить, во-первых, передачу мировосприятия ребёнка: главные герои произведения – дети, а двигатели сюжета – их поступки и мысли. Маленький читатель сможет найти себя в персонажах странной и непринятой другими Нинки, пытающемся восстановить справедливость Тинтине или весёлой и говорливой Туске. Также в «Детях страха» присутствует каноническая для детского произведения высокая степень образности, ярко реализующаяся в жанре «страшилки» и её системе пугающих персонажей. Наконец, примечательна назидательность, выраженная имплицитно: жизненные уроки заключены в репликах героев-сверстников читателя (например, «Полезно вовремя остановиться» (о проявлении агрессии) [3, с. 112]).

Внимание взрослого с точки зрения концептуальных понятий, спрятанных в тексте, может привлечь, например, сравнение ситуации по «восстановлению справедливости» в лагере с «судом Линча» одним из старших вожатых (тут же автор оставляет пометку детского восприятия: «Про Линча Нинка не слышала, но заранее решила, что мужик был неплохой» [3, с. 55]). Но это не является центральным объектом взрослой рецепции. Главное, что должно быть замечено в контексте второй направленности детского текста – его идея и проблематика, посвящённые существованию в обществе ребёнка, который не нужен даже самым близким, своим родителям.

«Во всём виноваты были братья. Это они устроили ей невыносимую жизнь» [3, с. 83], – этими словами трактуется причина озлобленности Нинки, её ненависти к целому свету. А в дальнейшем – результата получения статуса изгоя в обществе. Действительно, проблема ребёнка, исключённого обществом, в сюжете повести запущена семейными трудностями. Усугубляет ситуацию родительское безразличие, а впоследствии и шквал обвинений, посыпавшийся на девочку, со стороны матери. Последняя считает, что в уходе отца из семьи виновата Нина. Мать месяцами отсутствует дома, находясь в вечных поисках какого-то своего женского счастья. Она оставляет ребёнка в одинокой квартире без средств к существованию.

Примечательно, что реальную оценку семейным кошмарам главной героини дают дети (хоть и своим сленговым способом), а не другие взрослые, которым, впрочем, так же безразлично, что происходит с «проблемной» девочкой, как и её родителям. «Так у неё вообще дома треш был» [3, с. 99], – заключает мальчик Егор. В данной ситуации становится неудивительно, что «вытаскивает» Нинку из мира «страшилок», в которых она привыкла прятаться, её сверстник Тинтин. Он же отмечает проблему общественной слепоты к ужасам, творящимся в семье Нинки: «все тут ездят исключительно на лифтах» [3, с. 108], не замечая открытых дверей квартиры, за которыми брошенный ребёнок.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что двунаправленность как феномен современной детской литературы призван привлечь внимание к «недетским» трудностям, с которыми вынужден бороться ребёнок. На примере повести «Дети страха» Елены Усачёвой мы можем предположить, как младший и старший читатель могут взаимодействовать с проблемой девочки-изгоя, которая не получает поддержку в семье. И если для ребят произведение может стать некой художественной терапией или возможностью развития эмпатии в ситуации с незнакомыми в действительности трудностями, то для взрослого данная книга – повод задуматься о том, как в реальной жизни сделать так, чтобы дети с семейной неустроенностью не были отвергнуты сверстниками, не замыкались в собственных кошмарах, к сожалению, имеющих реальное основание.

Литература

1. Бухина О.Б. Американская и российская детская литература начала XXI в. Разнообразие возможностей // Cyberleninka – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-i-rossiyskaya-detskaya-literatura-nachala-xxi-v-raznoobrazie-vozmozhnostey> (дата обращения: 23.02.2024).
2. Усачева Е.А. Время к весне... // Литературная Россия. – 2013. – 01.03.2013. – Ст. 9
3. Усачёва Е.А. Дети страха и другие ужасные истории. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – С. 1–130.
4. Raymond A., Keith Oatley. The Function of Fiction Is the Abstraction and Simulation of Social Experience. *Perspectives on Psychological Science* 3, no. 3. – 2008. – P. 173-192.

Arndt A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The dual addressability of works by E. Usacheva

This article is devoted to the study of the dual addressability issue of children's literature as a modern phenomenon, the essence of its implementation and its impact on younger and older readers. The works of children's author Elena

Usacheva, namely the collection of short stories "Children of Fear and Other Terrible Stories" (2020), were used as literary texts considered from the point of view of dual addressability.

Keywords: children's literature, dual addressability, addressee of a literary text.

Архипкина Дарья Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

dariaarkhipkina@gmail.com

Практика обращения к этимологии в рамках преподавания РКИ (на примере количественных числительных)

Работа выполнена под руководством Мамонтова Александра Степановича, доктора филологических наук, профессора

В данной статье авторами рассматривается возможность введения этимологических справок в курс изучения РКИ на самых ранних этапах с целью активизации ассоциативной памяти студентов путем привлечения экстралингвистических сведений и проведения аналогий с уже знакомыми им лексическими единицами других языков. В качестве материала для исследования были выбраны количественные числительные в связи с родством соответствующих лексем во многих индоевропейских языках.

Ключевые слова: этимология, РКИ, английский язык, количественные числительные.

В современном глобализированном мире интерес к изучению иностранных языков зачастую оказывается продиктован не только желанием расширить круг своих социальных связей или познакомиться с культурой другой страны, но и необходимостью владения иностранным языком с целью продвижения по карьерной лестнице, установления и укрепления международных контактов в таких сферах, как наука, искусство, экономика и политика. Россия играет важную роль на современной мировой арене, вследствие чего русский язык в качестве иностранного пользуется популярностью у представителей самых различных отраслей деятельности.

В настоящей работе авторы обращают внимание на возможность обращения к этимологическим сведениям в рамках преподавания РКИ, поскольку методический потенциал данного подхода зачастую оказывается незаслуженно упущен из виду в процессе обучения студентов. Поскольку английский язык в современном мире прочно занял позицию *lingua franca*, став языком международного общения практически во всех сферах человеческой деятельности, справедливо утверждение, что многие студенты, начинающие изучать русский язык как иностранный, знакомы с английским языком в той или иной степени, а некоторые владеют им как родным или обязательным для изучения государственным языком. Несмотря на то, что данное утверждение отнюдь не универсально,

тем не менее обращение внимания на этимологическую связь слов именно этих двух языком видится нам потенциально успешным приемом, позволяющим студентам лучше запомнить новую лексику, встреченную на занятиях по РКИ, как благодаря ассоциативным связям с уже знакомыми лексическими единицами другого языка, так и за счет знакомства с экстралингвистической информацией, повышающий интерес к изучаемому материалу.

В данной статье мы обратим внимание на возможность включения небольших справок из истории развития языка уже на начальных этапах обучения РКИ. Материалом исследования станут количественные числительные, которые входят в лексический минимум А1. Включение данного пласта лексики в программу элементарного уровня естественно, поскольку потребность в его использовании (например, для расчета в магазине, обозначения номеров страниц в учебниках, номеров кабинетов, транспортных средств, домов и т.д.) возникает у изучающих русский язык с первых дней обучения.

В нашей работе нам представляется резонным разделить количественные числительные русского языка на следующие группы: *числительные, о родстве которых с аналогичными лексическими единицами английского языка, студент может догадаться сам (1)*, в таком случае, можно предложить студентам самостоятельно «найти пары» подобных единиц в двух языках. *Числительные, чье родство с аналогичными лексическими единицами английского языка, студент сможет установить при помощи преподавателя (2)*, *числительные, чье родство с аналогичными лексическими единицами английского языка, сможет быть раскрыто только преподавателем с привлечением большого объема экстралингвистического материала (3)*, при работе с данными группами преподавателю может понадобиться представить студентам наглядные материалы, помогающие лучше осознать как сходства, так и отличия исторических путей, проделанных лексическими единицами в процессе их развития.

В первую группу нами были включены такие числительные, как:

1. рус. *три*, англ. *three*

Различные источники выводят общий индоевропейский корень как **trei-* или **tre-* [2, с. 465]. Обращает на себя внимание существование данной лексической единицы в формах женского, мужского и среднего родов, как в праславянском языке: **trъje м., tri ж., ср. р.* (откуда старославянские и древнерусские *трие м., три ж., ср. р.*) [4, с. 345], так и в древнеанглийском: *þreo ж., ср. р., þri, þrie м. р.* (от прагерманского **thrijiz*) [6].

2. рус. *семь*, англ. *seven*

А.В. Семёнов приводит в качестве индоевропейского предка современной русской лексемы *семь* слово *sept(e)mas* (седьмой). Далее он выводит общеславянскую форму *sedmь*,

имеющую значение уже не порядкового, а количественного числительного (семь), наконец, древнерусское — семь [4, с. 298]. К схожему заключению приходит и М. Фасмер, утверждая, что праславянское **sedmъ* заменило собой более раннюю форму **setь*, производную от и.-е. *sept̥* [4, с. 298]. Этимологический словарь английского языка индоевропейскую основу со значением «семь» обозначает как **septm*, указывая, что производное от нее прагерманское слово **sebun* является источником возникновения древнеанглийского *seofon* (оттуда современное *seven*) [6].

Ко второй группе оказались отнесены следующие числительные:

1. рус. *один*, англ. *one*

Согласно словарю М. Фасмера русское слово «один» восходит к старославянскому *ѹдинъ* (или *ѹдѣнь*), появившемуся в результате сложения основ **ed-* и *inъ* [4, с. 145]. Аналогичной версии придерживается и Н.М. Шанский, утверждая, что слово «один» включает в свой состав ту же ограничительную частицу **jedъ* со значением «только», что и слово «едва». Вторую составляющую современного числительного исследователь сравнивает с лексемами «иной», «иначе», возводя к индоевропейской основе со значением «один». Схожее мнение высказывает в своем словаре и Г.А. Крылов [1, с. 5]. В английском этимологическом словаре в качестве первоисточника современной лексической единицы приводится основа **oi-no-*, значение которой обозначено как «один» или «единственный», следующей ступенью развития названо прагерманское **ainaz*, от которого и происходит древнеанглийское *ān*, в дальнейшем преобразованное в *one* [6].

Обращает на себя внимание происхождение английского неопределенного артикля *a*, *an* от уже упомянутой древнеанглийской основы *ān*. Несмотря на то, что в русском языке не принято выделять такую часть речи, как артикли, слово «один», тем не менее, и в нем функционирует в качестве показателя неопределённости в таких выражениях, как, например, «повстречался мне на днях один человек» или «жил-был один король» и т.д.

2. рус. *два*, англ. *two*

Макс Фасмер в своем словаре не приводит вариантов индоевропейского корня со значением «два», однако сравнивая русскую лексему с древнерусской (*дѣва м. р.*), старославянской (*дѣва м. р.*), словенской (*dva м. р.*), польской (*dwa м. р.*), а также схожими лексическими единицами неславянских индоевропейских языков, приходит к выводу об их родстве и едином происхождении. В этом с ним соглашаются и другие исследователи [1, 2, 4, 5]. В то же время авторы этимологического словаря английского языка указывают, что предполагаемой индоевропейской основой современного числительного можно считать

**duwo* или **dwo-*. Именно от нее, по мнению ученых, происходит прагерманское **twa ж., ср. р.*, предшествующее древнеанглийскому *twa* [6].

Важной особенностью данного числительного является его существование в формах женского, мужского и среднего родов в обоих рассматриваемых нами языках.

рус. *шесть*, англ. *six*

А.В. Семёнов и М. Фасмер сходятся во мнении относительно праславянской формы числительного **šestь*. В словаре А.В. Семёнова также приводится теория о том, что в древнерусском языке слово изначально было представлено в форме «*сесь*», позднее изменившись на «*сесть*» под влиянием соответствующего порядкового числительного [2, с. 567]. Обращаясь же к индоевропейской праоснове, М. Фасмер приводит два родственных корня с одинаковым значением (**s(v)ek̑s* и диалектное **ksȇks*) в качестве возможных источников современной лексемы [4, 467]. Относительно же происхождения английского числительного *six* у ученых подобных сомнений не возникает, и путь этимологического развития слова представляется ими в следующем виде: и.е. **s(w)eks* > прагерм. **seks* > др.-англ. *siex, six, seox, sex* > англ. *six* [6].

Третья группа включила в себя такие числительные, как:

1. рус. *четыре*, англ. *four*

На первый взгляд достаточно трудно предположить, что русская и англоязычная лексемы со значением «четыре» так же, как и другие числительные первого десятка, являются родственными. Однако в этимологическом словаре А.В. Семёнова приводится следующая теория развития данного слова: совпадающие древнерусская и старославянская формы *четыри* происходят от общеславянского *сeturь*, берущего начало от индоевропейской основы *k(e)tur-t(o)-* [2, с. 569]. М. Фасмер, реконструируя праславянскую форму как **četyre м., *četyri ж., ср. р.*, в остальном соглашается с А.В. Семёновым [4, с. 471]. Несмотря на то, что в этимологическом словаре английского языка предполагаемая первооснова представлена несколько иначе – **kwetwer-* – в нем, тем не менее приводится утверждение о происхождении от нее и старославянской формы, представленной в данном источнике как *četyre* [6]. В прагерманском же языке и.-е. основа преобразовывается в **fedwores*, затем в *feower* в древнеанглийском и, наконец предстает в современном виде.

2. рус. *пять*, англ. *five*

Макс Фасмер в своем словаре восстанавливает праславянскую основу числительного *пять* как **pęть*, возводя именно к ней древнерусское *пять* и старославянское *пѣть*, однако более древней формы данного слова исследователь не приводит [4, с. 389]. В этимологическом словаре английского языка в качестве старославянской формы

фиксируется *peṭi*, произошедшее, по мнению ученых, от той же индоевропейской лексемы **penkwe-*, что и английское *five* (через прагерм. **fimfe* и др.-англ. *fif*) [6].

3. рус. *восемь*, англ. *eight*

Слово *восемь* в русском языке, согласно словарю Макса Фасмера, появилось вслед за совпадающими древнерусской и старославянской лексемами *осмь*, происходящими от и.е. основы **oktō(u)* [4, с. 135]. От той же основы образуется прагерманское **akhto*, от него – древнеанглийские варианты – *eahta*, *æhta* и, наконец, современное *eight* [6].

4. рус. *девять*, англ. *nine*

Один из самых интересных примеров исторического родства лексических единиц двух языков. В данном случае этимологическую справку целесообразным видится начать с английской лексемы, поскольку именно она претерпела наименьшие (по сравнению с аналогичной единицей русского языка) изменения относительно изначального индоевропейского корня, выведенного в этимологическом словаре английского языка в формате **newn*. Будучи преобразованным в прагерманском языке в **newun*, этот корень стал причиной появления древнеанглийского *nigen* и, наконец, среднеанглийского (XI—XV вв.) *nīn*, являющегося прямым предшественником современного слова *nine* [6].

Нетрудно уловить сходство индоевропейской и английской лексических единиц со значением «девять». Гораздо труднее поверить, что и русское слово происходит все от той же первоосновы. Г.А. Крылов, тем не менее, приводит в своем словаре гипотезу, согласно которой и старославянское слово *девать* восходит к индоевропейскому *neu*. К тем же выводам приходят и другие исследователи – Л.В. Успенский, Н.М. Шанский, М. Фасмер. Косвенным подтверждением является предположение о родстве числительного «девять» и прилагательного «новый», выстроенное на том основании, что ранее счет было принято вести четверками, в таком случае девять являлось «новым числом». Все вышеупомянутые ученые сходятся во мнении, что нетипичная для русского языка замена *n* на *д* произошла под влиянием следующего числительного, а именно – *desetъ* (десять), что и привело к тому, что в нынешней лексической единице так трудно узнать следы ее далекого предшественника [1, 2, 4, 5].

5. рус. *десять*, англ. *ten*

Несмотря на неочевидность сходства английской и русской лексем со значением «десять» ученые-этимологи сходятся во мнении, что обе они происходят от индоевропейского корня **dek̑mt*, который, согласно словарю М. Фасмера, имел значение «две пятерки». В русском языке слово прошло путь от праславянского **desetъ* через старославянское *десать* до современного вида [4, с. 236]. Тот же индоевропейский корень (в

форме **dekm-*) приводится в этимологическом словаре английского языка в качестве предшественника прагерманского **tehun*, позже развившегося в английском языке в современную лексему *ten* [6].

6. рус. *сто*, англ. *hundred*

Числительное, не входящее в первую десятку, но также включенное нами в данный список на основании своего индоевропейского происхождения. В этимологическом словаре русского языка А.В. Семёнова приводятся данные о том, что древнерусское «съто» заимствовано из старославянского, где восходит к общеславянскому *съто* (сто, сотня) и далее — к индоевропейскому *k'mtom<(d)k'mtom* (М. Фасмер восстанавливает этот корень в форме **k'tom*) от *dek'm* (десять), таким образом приобретая значение «десять десятков», иными словами – «сто») [2, с. 486].

Этимологический словарь английского языка делит прагерманское **hunda-ratha-* на два элемента, только первый из которых имеет связь с аналогичной по значению русскоязычной лексемой. **hundam*, само по себе имеющее значение «сотня» (от и.е. **km-tom*, также связываемое с **dkm-tom-*), происходит от того же корня **dekm-*, что и русское слово «сто». Однако в английском языке, по данным словаря, к этому корню добавился прагерманский элемент **rath* «счет, число», ведущий свою историю от и.е. корня **re-* со значением «считать» [6].

7. рус. *тысяча*, англ. *thousand*

Л.В. Успенский указывает на родство слова *тысяча* с праславянским **tysęt-*, являвшимся, по мнению ученого, сложением из **ty* (родственного «тук» — «жир»), и **set*, связанного с индоевропейским словом, обозначавшим «сто». Таким образом, высказывается мысль о том, что изначальное значение лексемы может быть отражено словосочетаниями «толстая сотня» или «большое сто» [3, с. 145]. А.В. Семёнов высказывает мысль о том, что древнерусское *тысяца* происходит от общеславянского — *tysetja*, которое в свою очередь образовано от индоевропейского *tuskmtom* все с тем же значением «тучная сотня» [2, с. 572]. Аналогичные теории происхождения данного слова приводятся и в словарях М. Фасмера и Н.М. Шанского [2, 5].

В этимологическом словаре английского языка высказывается предположение о том, что древнеанглийское *þusend*, происходящее от прагерманского **thusundi*, вероятно, образовано от двух корней со значением «великое множество», «несколько сотен», буквальным переводом которого могло бы служить словосочетание «swollen-hundred» (рус. букв. «набухшая/раздутая сотня»). Первый элемент современного корня слова возводятся к индоевропейскому **teue-*, которому в данном источнике дается перевод со значением

«набухать, распухать». Вторая часть корня связывается с индоевропейским **dekm-* – «десять» [6].

Вышеуказанные примеры демонстрируют, что проведение этимологических параллелей возможно даже между такими различными языками, как русский и английский, что позволяет разнообразить подход к преподаванию лексики, пробудить в студентах интерес к истории языка, мотивировать их к поиску родственных лексем в других уже знакомых им языках и, как следствие, обеспечить более быстрое и прочное усвоение нового материала.

Литература

1. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка – Спб.: Полиграфсервис, 2005. – 432 с.
2. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка – Москва : ЮНВЕС, 2003. – 704 с.
3. Успенский, Л.В. Почему не иначе? – Москва : Детская литература, 1967. – 307 с.
4. Фасмер, Макс Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с.
5. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Пособие для учителя / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова – Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.
6. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>

Arkhipkina D.S.

Pushkin State Russian Language Institute

The practice of addressing etymology within the framework of teaching RFL (using cardinal numbers as an example)

In this article, the authors consider the possibility of introducing etymological references into the course of studying RFL at the earliest stages in order to activate the associative memory of students by attracting extralinguistic information and drawing analogies with lexical units of other languages already familiar to them. Cardinal numerals were chosen as material for the study due to the relatedness of the corresponding lexemes in many Indo-European languages.

Key words: etymology, RFL, English, cardinal numbers.

Астахова Яна Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

89003522382@mail.ru

Освещение выборов президента Российской Федерации в СМИ (на примере международного информационного агентства «Россия сегодня»)

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата
филологических наук, доцента

Статья посвящена исследованию особенностей подачи новостной информации в период проведения выборов президента Российской Федерации в 2024 г. Осуществлен анализ новостных материалов международного информационного агентства «Россия сегодня», которое является одной из самых крупных медиагрупп на территории России. В работе рассмотрены основные жанры, способы подачи новостного материала, особенности электорального дискурса в российских СМИ во время освещения выборов на пост главы государства.

Ключевые слова: выборы, президент, избиратель, жанр, электоральный дискурс, СМИ

В современном обществе избирательный процесс является важной частью его жизнедеятельности, формирующей демократическое государство. В связи с этим в законодательстве Российской Федерации уделяется пристальное внимание процедуре выборов президента. Регулирование ключевого для жизни общества процесса требует не только качественной подготовки избирательных участков, но и активного информирования граждан о ходе выборов. Важную роль в осведомлении населения играют средства массовой информации (СМИ), от которых во многом зависит формирование образов кандидатов в глазах народа, отражение результатов голосования, передача смены настроения избирателей. Как отмечает Г.В. Лукьянова в работе «Политический дискурс российских СМИ в период выбора президента 2008 г», СМИ не просто информируют о происходящем, но и представляют собственную интерпретацию событий. Выбирая тему обсуждаемой ситуации, структуру построения текста, определенные лексические и синтаксические приемы, автор политического сообщения формирует в социуме определенное отношение к тем или иным событиям [4, с. 3].

Анализ способов подачи новостных материалов в период предвыборной агитации, языковые особенности электорального дискурса, а также жанровое разнообразие сообщений в СМИ всегда привлекали интерес ученых. К теме освещения выборов президента РФ в российских СМИ обращались такие исследователи, как Г.В. Лукьянова, А.А. Сазонова, Паликова А.М., Федотов М.А. и другие, они внесли весомый вклад в изучение специфики деятельности журналистов в период избрания главы государства.

В данной статье рассмотрим основные жанры, используемые в период проведения выборов президента Российской Федерации, способы подачи новостного материала, а также

языковые особенности предвыборных текстов на примере международного информационного агентства «Россия сегодня», которое является государственным источником вещания на территории России.

В период проведения выборов президента отдельные источники информации распространяют некорректные данные с целью ведения предвыборной агитации или дискредитации тех или иных кандидатов. Современное общество все чаще внимательно анализирует полученную информацию и доверяет только официальным государственным ресурсам. Н.А. Бердяев, рассуждая о становлении электорального дискурса, пишет, что народ стремится к абсолютной истине, свободе, святости. Желание найти правду превалирует над всеми остальными желаниями народа [5, с. 354].

Международное информационное агентство «Россия Сегодня» выступает в качестве главного канала распространения официальной позиции Российской Федерации по актуальным международным и внутренним событиям. Медиагруппа регулярно публикует новости о текущих событиях, связанных с избирательным процессом. Это могут быть сообщения о митингах, выступлениях кандидатов, изменениях в процессе проведения выборов на законодательном уровне, официальные заявления и комментарии со стороны избирательных комиссий, партий и общественных организаций. Общая статистика посещений сайта ria.ru, согласно данным similarweb, составляет 125 миллионов пользователей в месяц, среди которых 83,11% россиян [7].

Флагманский сайт агентства в период с 15 марта 2023 года по 15 марта 2024 года опубликовал 13801 материал, связанный с тематикой выборов, из них 651 текст с тегом «выборы», что составляет 4,72%, и 333 материала с тегом «выборы президента РФ», что составляет 2,41% [6]. Главная страница сайта в дни избрания главы государства посвящена одноименной теме и содержит в себе более 100 информационных материалов. Следовательно, каждый пользователь, зайдя на сайт, увидит главные итоги дня. Например, в последний день выборов 17 марта 2024 г. читатель мог познакомиться с представленной статистикой голосов по каждому кандидату, увидеть ссылку на инфографику с результатами, послушать запись с прямой трансляции пресс-подхода В.В. Путина и новость о том, как прошел избирательный процесс в России.

Международное информационное агентство «Россия сегодня» регулярно публикует информацию о текущих событиях, связанных с избирательным процессом. Одним из основных видов контента в указанный период является новостная лента – формат данных, используемый для доставки пользователям часто обновляемой информации [1, с. 135]. В таком формате портала РИА Новости выпускаются основные тезисы, отражаются значимые

события и цитаты, посвященные выборам. Такой вид размещения информации является эффективным, так как каждый пользователь оперативно получает обобщенные ключевые сведения. Не менее популярный жанр освещения выборов президента РФ на портале ria.ru. Ключевой особенностью подачи новостей является отражение официальной позиции российского правительства и избирательных комиссий по важным аспектам выборов. Новостной материал структурирован по определенной схеме, такой как перевернутая пирамида, и состоит из заголовка, лид-абзаца, тела новости и бэкграунда. Таким образом, основная информация о событии всегда находится в начале, а далее представлена ее детализация.

Материал, представленный агентством, может включать в себя цитаты и ссылки на официальные источники информации, чтобы подтвердить достоверность и точность представленных данных. Аналитические статьи, комментарии, интервью и экспертные мнения помогают пользователям платформы лучше понять текущую политическую ситуацию, анализировать действия кандидатов и предполагаемые сценарии развития событий в преддверии выборов и после их проведения.

Интерактивность и мультимедийность являются неотъемлемой частью подачи контента в агентстве. Если рассматривать интерактивность не только как разные способы общения с аудиторией, но и как предоставление потребительских услуг, то в этом случае интерактивность сетевого СМИ заключается в том, что каждый отдельный пользователь может адаптировать информацию под собственный вкус, выбрать интересующий контент, определить способ его получения, последовательность знакомства с материалами [3, с 102]. На странице, посвященной выборам президента, можно увидеть инфографику с результатами, фото- и видеоконтент. В период с 10 марта 2024 г. по 18 марта 2024 г. на сайте представлено 7 материалов в формате фотогалереи с тегом выборы, 15 материалов, содержащих видео, 182 аудиоматериала [6].

К языковым особенностям материалов агентства относятся специфические общественно-политические термины и названия, связанные с избирательным процессом, политическими институтами и процедурами. Например, «*выборный процесс*», «*избирательная комиссия*», «*президентские выборы*», «*зарегистрированный кандидат*» и др. Используются синонимы и антонимы для разнообразия и усиления выразительности, избегания повторов, например, «*участие избирателей*», «*участки для голосования*», «*избирательные участки*». Рассматривая синтаксические особенности построения новостных текстов, важно отметить, что чаще встречаются небольшие по числу компонентов активные конструкции с указанием на действующее лицо, которые позволяют сделать смысл

предложения более ясным и динамичным, например: «Симоньян рассказала, как расплакалась, слушая речь Путина», «Матвиенко рассказала о миллионах атак на избирательную систему», «Слуцкий заявил о важности выборов президента для мира» и др. Важной особенностью языка СМИ в материалах, посвященных выборам, является активное употребление глагольной лексики. Например, «заявил», «подчеркнул», «добавил», «повлиять на выборы», «показать сплоченность», «отметить высокую явку» и др. Использование глаголов помогает при описании действий участников выборов, реакций общества и политических процессов. Международное информационное агентство «Россия сегодня» отличается нейтральностью и объективностью подачи информации. Медиагруппа строго соблюдает принципы нейтрального информационного поля и представляет факты без искажений и предвзятости.

Таким образом, международное информационное агентство «Россия сегодня» играет важную роль в защите информационных интересов России в период выборов президента. В освещении процедуры выборов президента Российской Федерации 2024 г. можно выделить следующие способы подачи материала: новостная лента, новостное сообщение, интервью, комментарии, экспертные мнения, активное использование мультимедийных инструментов, таких как видео-, фото- и аудиоконтент, а также инфографика. К языковым особенностям следует отнести использование специфической электоральной лексики, применение синонимов и антонимов для усиления выразительности, активное употребление глаголов. Важно отметить, что все форматы, размещенные на официальном сайте ria.ru МИА «Россия сегодня», помогают предоставлять аудитории качественную и объективную информацию о выборах президента, обеспечивают правдивость и нейтральность высказываний, что способствует информированности населения и формированию объективного взгляда на политическую ситуацию в стране.

Литература

1. Бацанина Н.С. Информационный анализ лент деловых новостей // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2017. – С.135-140.
2. Боровая Е.О. Регламентация предвыборной агитации в российских средствах массовой информации // Политика, экономика, инновации. – 2016. – №5. – С.1-4.
3. Васильева Е.Н. Интерактивность сетевых СМИ: функциональные задачи и формы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022–№3. – С.102-106.
4. Лукьянова Г.В. Политический дискурс российских СМИ в период выбора президента 2008 г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2011. – С.1-28.

5. Сазонова А.А. Ценностные основания российского электорального дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. – 2017–№3. – С.353-359.
6. РИА Новости // [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 17.03.2024).
7. Трафик сайта: проверяйте и анализируйте любой сайт // [Электронный ресурс] URL: <https://www.similarweb.com/ru/> (дата обращения: 17.03.2024).

Astakhova I.E.

Pushkin State Russian Language Institute

**Coverage of the presidential elections of the Russian Federation in the media
(Using the example of the international news agency “Rossiya Segodnya”)**

The article is devoted to the study of the peculiarities of presenting news information during the presidential elections of the Russian Federation in 2024. The analysis was carried out on the material of the Rossiya Segodnya news agency, which is one of the largest media spaces on the territory of the Russian Federation. The work presents and examines the main genres, methods of presenting news material, and features of electoral discourse in the Russian media during coverage of elections for the post of head of state.

Key words: presidential elections, voter, genre, electoral discourse

Аякосы Сэликэ

Государственный институт русского языка им А.С. Пушкина
3335184668@qq.com

Использование модели смешанного обучения русскому языку в России

Работа выполнена под руководством Андрея Николаевича Богомолова, доктор педагогических наук, кандидат культурологии

В статье анализируются фон и текущее состояние использования смешанной модели обучения в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Рассмотрены ее особенности, в частности, типы смешанного обучения. В России смешанная модель обучения подразделяется на два типа: ротационная модель и гибкая модель. В статье рассматривается ротационная модель.

Ключевые слова: смешанное обучение, преподавание русского языка как иностранного, ротационная модель, гибкая модель

На протяжении всего мирового высшего образования традиционные модели обучения постепенно заменяются новыми моделями обучения, и мировое образовательное сообщество активно ищет новые модели и методы для ускорения получения и усвоения знаний и повышения эффективности их применения. Тенденция к интернационализации образования становится все более очевидной во всем мире, и качественным образовательным ресурсам в России уделяется должное внимание. Обучение русскому языку как иностранному в России

с начала XX века является самостоятельной дисциплиной, и за более чем столетнюю историю она накопила богатый опыт в изучении методики преподавания русского языка как иностранного. Смешанное обучение русскому языку как иностранному является органическим сочетанием смешанного обучения и преподавания русского языка как иностранного.

В настоящее время все больше и больше людей предпочитают учиться в России, и большинство иностранных студентов в России изучают специальности на русском языке. По данным исследования ФГАНУ «Социоцентр», иностранные студенты для изучения в России выбирают информатику и естественные науки (24,3%). Также не менее популярными направлениями подготовки являются экономика, управление и право (19,6%). Далее идут гуманитарные специальности (17,9%) и медицина и фармацевтика (14,7%). Учебный процесс по вышеуказанным специальностям в основном осуществляется на русском языке. Студенты могут войти в профессиональную область, только хорошо освоив русский язык, поэтому предъявляются более высокие требования к преподаванию русского языка как иностранного в России. Традиционное оффлайн-обучение не могло эффективно и быстро выполнять эти потребности, и на этом фоне возникла смешанная модель обучения русскому языку как иностранному.

Подобно глобальной модели развития высшего образования, российская смешанная модель обучения сильно подвержена влиянию информационных технологий, и российское педагогическое сообщество понимает, что в области применения современных образовательных технологий и пространства для реализации обучения невозможно избежать использования технологий Человеко-компьютерного взаимодействия. Кроме того, формирование смешанной модели обучения в России сильно повлияло на онлайн-образование. Российские онлайн-курсы начали появляться в 1999 году, когда Московская академия финансово-инженерных наук создала крупнейшую в России онлайн-обучающую платформу E-education, которая стала первой в России образовательной платформой с самым широким охватом, использующей виртуальные методы обучения, а затем смешанная модель обучения постепенно перешла в сферу преподавания в России, Преподавание русского языка как иностранного также началось с использования смешанной модели обучения. Несмотря на то, что в то время смешанная модель обучения была первоначально опробована для интеграции традиционных методов преподавания русского языка как иностранного и современных информационных технологий, из-за ограничений учебных помещений и информационных условий обучения, смешанная модель обучения не получила широкого распространения в русскоязычном сообществе России за рубежом. С распространением

современных информационных технологий в колледжах и университетах смешанная модель обучения постепенно интегрируется с методикой преподавания русского языка как иностранного. Именно смешанная модель обучения применяется в процессе преподавания русского языка как иностранного в российских вузах.

Еще один аспект происходит в классе, то есть *учитель онлайн - интерактивное обучени*», эти два учебных звена не изолированы, а взаимосвязаны и вместе составляют полный учебный процесс». Смешанная модель обучения прошла более 20 лет развития в России, накопила относительно совершенную теоретическую базу и практический опыт. Таким образом, в рамках смешанного обучения русскому языку как иностранному основное внимание уделяется взаимодействию преподавателей и студентов, взаимодействию студентов, развитию коммуникативных способностей студентов.

В России смешанная модель обучения подразделяется на два типа: ротационная модель и гибкая модель. Наиболее широко используется ротационная модель. В этой модели учебный процесс организован таким образом, что класс делится на группы, которые последовательно перемещаются между разными станциями. Например, часть учащихся начинает занятие с преподавателем, в то время как остальные работают в группах или выполняют задания онлайн. Затем группы меняют станции, чтобы посетить каждую из них. Группа, которая работала с преподавателем, переходит на станцию проектной деятельности, где занимается коллективными проектами, а затем перемещается на станцию онлайн-обучения, где работает с компьютерами или планшетами.

Наиболее распространенным вариантом ротации станций является деление учащихся на три группы, каждая из которых работает на своей станции: станции работы с учителем, станции онлайн-обучения и станции проектной работы. В течение урока группы перемещаются между станциями таким образом, чтобы посетить каждую из них. Состав групп может меняться от урока к уроку в зависимости от поставленных педагогических задач.

Гибкая модель обучения отличается от Ротационной модели обучения в классе, все его учебные звенья полагаются на сетевые информационные технологии, то есть данная модель использует онлайн-обучение на протяжении всего процесса, что позволяет студентам свободно выбирать время и темп обучения и выполнять задачи, поставленные преподавателем в соответствии с их собственными потребностями.

Российские преподаватели РКИ широко используют цифровые учебные инструменты и платформы образовательных услуг как в классе, так и вне класса, сознательно

объединяя онлайн-ресурсы с оффлайн-курсами для повышения эффективности преподавания языка.

Становится очевидно, что использование любой из описанных выше моделей смешанного обучения требует от преподавателя не только технической грамотности и умения использовать ИКТ на занятиях, но и способности пересмотреть привычные педагогические стратегии, взять на себя смелость апробировать новые технологии и дать себе и студентам время на адаптацию к ним. Необходимо оказывать поддержку в виде программ повышения квалификации нового типа, в меньшей степени ориентированных на информирование об инновациях, а в большей – на помощь по внедрению новых педагогических технологий, сопровождение этого процесса и обсуждение результатов в обществе.

Литература

1. Лебедева М.Ю. Смешанное обучение РКИ: ограничения, модели, реализации и перспективы // Педагогический журнал Башкортостана. – 2016. – №5 (66). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smeshannoe-obuchenie-rki-ogranicheniya-modeli-realizatsii-i-perspektivy> (дата обращения: 15.03.2024).
2. 牛安娜, 杨鹏, 曹丽婷. 全球视野下俄罗斯对外俄语混合式教学模式研究[J]. 创新教育研究, 2022, 10(5): 1098-1104. – [Электронный ресурс] URL <https://doi.org/10.12677/CES.2022.105177>
3. 张锐. 俄罗斯对外俄语教学法及教学状况[J]. 教育评论, 2013(4): 165-167.

Ayakuosi Selike

Pushkin Russian State language Institute

The application of Russian Blended Learning Model in Russia

This article analyzes the background and current situation of blended learning mode in the process of teaching Russian as a foreign language, analyzes the characteristics of blended learning mode, especially analyzes and classifies the types of blended learning. In Russia, blended learning modes are divided into two types: rotational mode and flexible mode, emphasizing the rotational mode.

Keywords: blended learning, Russian as a foreign language teaching, rotation mode, flexible mode

Бабак Ксения Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ksenia_babak04@mail.com

Повторение орфографии при изучении синтаксиса

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются задачи таких разделов языкознания, как орфография и синтаксис. Выделяются основные критерии корректной организации повторения орфографии при изучении синтаксиса. Приводятся примеры упражнений, позволяющие вернуться к уже изученной теме для закрепления материала и пройти текущую.

Ключевые слова: синтаксис, орфография, повторение, орфограмма.

Для того чтобы понимать, каким образом организовать в ходе прохождения курса синтаксиса повторение тем по орфографии, необходимо узнать, какие задачи стоят перед каждым из этих разделов.

Так, орфография – раздел языкознания, изучающий систему правил единообразного написания слов и их форм, а также сами эти правила. Целями освоения орфографии в школе является формирование грамотности, то есть умение применять правила на практике и безошибочно писать словарные слова. Начинается изучение орфографии в начальной школе и продолжается в средней, повторяется курс с 8 по 11 класс [2, с. 23].

Синтаксис, в свою очередь, изучает соединение слов в синтаксические конструкции на основе синтаксических связей. По итогу прохождения синтаксиса учащиеся должны иметь представление о видах синтаксической связи слов в словосочетаниях и предложениях, о главных членах предложения (грамматической основе) и второстепенных, уметь характеризовать предложения по структуре, типу, членам предложения и частям речи. С основными единицами и понятиями синтаксиса ученики знакомятся уже в начальной школе, но систематическое и углублённое изучение осуществляется лишь в 8 и 9 классах [2, с. 36].

Убедиться в том, насколько важен вопрос повторения орфографии в ходе изучения новых разделов языкознания в старших классах, можно, взглянув на представленные на сайте ФИПИ методические рекомендации для учителей на основе анализа результатов ЕГЭ 2022 года. По статистике задание №15 на правописание –Н и –НН в различных частях речи вызывает трудности приблизительно у 32-35% выпускников [1]. Та же самая проблема наблюдается и у учеников 9 класса, сдающих ОГЭ: «Девятиклассники много ошибок делают и орфографических... К числу наиболее распространенных относятся... правописание Н и НН в разных частях речи» [5, с. 1]. Обратимся и к другой статистике: менее 60% сдающих ЕГЭ, по данным ФИПИ, справились с заданием №12 на правописание личных окончаний глаголов и суффиксов причастий. Такая же тенденция прослеживается и у выпускников 9

классов. Таким образом, ошибки, возникающие у детей в ходе написания Государственных экзаменов, берут свои истоки именно из периода освоения орфографических правил.

Учитывая статистику и тот факт, что полноценное изучение орфографии заканчивается в 8 классе, становится очевидно, что школьники в старшей школе в недостаточной мере помнят все те правила, которые ранее ими были уже освоены, и к тому же сталкиваются с тем, что они не были закреплены ими на должном уровне позже. Не зря А. В. Текучев пишет, что «для того, чтобы быть орфографически грамотным, не допускать орфографических ошибок, недостаточно знать принципы орфографии, правила, уметь объяснить написание слов — все эти знания и умения надо обратить в навык» [2, с. 476]. Таким образом, обособленное изучение орфограмм в период обучения в начальной и средней школах окажется неэффективным для полного понимания раздела орфографии, поэтому к нему необходимо возвращаться на постоянной основе во время дальнейших занятий по русскому языку.

Также мы приходим к выводу, что повторение должно быть грамотно организовано, чтобы у учащихся была возможность осваивать новое в сопряжении с изученным ранее. Необходимо, чтобы повторение не стало для детей вторичным изучением уже пройденных тем на том же или на более низком уровне. Важно, чтобы оно осуществлялось в непрерывной связи с освоением нового материала с целью систематизировать и обобщить сведения по теме и курсу в целом, восстановить в памяти знания не только в том объёме, в каком они были даны при изучении, но и углубить их. Учителя же при этом могут поспособствовать устранению тех проблем и недочётов в усвоении материала по орфографии, которые возникли в ходе обучения синтаксису.

Тогда, на наш взгляд, перед педагогом встают несколько важных задач. Первая – ему нужно иметь чёткое представление о рабочей программе по русскому языку, то есть об объёме предыдущих тем, последовательности, в которой они проходились, чтобы осознавать, какая орфограмма была изучена не в полной мере и какой именно материал был недостаточно закреплён. Вторая – ему необходимо понимать, что «порядок изучения грамматического материала определяет порядок изучения орфографических правил» [4, с. 188]. Поэтому педагогу следует выстроить взаимосвязь нынешних тем по синтаксису, освоением которых дети только начинают заниматься, и предыдущих тем по орфографии, которые ранее были уже усвоены учащимися, чтобы предусмотреть, при изучении какой конкретной темы необходимо будет вернуться к прошлому материалу и как он углубит понимание пройденного. Заключительная, но не менее важная задача для преподавателя – это правильный выбор заданий на повторение. Важно, чтобы они заключали в себе материал

не в полном объёме и со всеми подробностями, а только темы и типы заданий, в которых ученик потенциально может совершить ошибку. Упражнения должны быть мотивированы определёнными целями, то есть удовлетворять критериям как изучения новой темы по синтаксису, так и повторения темы по орфографии. Безрезультативно давать детям упражнение, в котором есть пропуск буквы в словарном слове при прохождении дополнения, так как в этом случае мы обособленно занимаемся орфографией и синтаксисом, ведь темы не сопрягаются между собой, не зависят друг от друга. Другое дело – обратить внимание учеников на правописание существительных на –НЯ в родительном падеже (*басня, башня и т.д.*) в ходе освоения дополнения.

Следует рассмотреть, какие темы и упражнения во время изучения тем по синтаксису можно дать детям на повторение. Например, возьмём орфограмму –Н /–НН в разных частях речи, которая вызывает так много вопросов у выпускников. При изучении составного сказуемого на уроках синтаксиса внимание детей можно обратить на правописание –Н/–НН в кратких страдательных причастиях и прилагательных, так как именно они будут выступать в предложении в роли сказуемых. Здесь слова типа: *организовано - организованно, воспитана - воспитанна.*

Если обращаться к упражнениям, то детям, к примеру, стоит предоставить два предложения с пропусками на месте букв –Н/–НН, в одном из них будет представлено краткое причастие, в другом – краткое прилагательное. Учащимся нужно будет не только вставить правильную букву в ходе повторения раздела орфографии, но и подчеркнуть главные члены предложения, найти в них составное сказуемое. Пример: *Она была воспита...а в любви. Она была воспита...а, поэтому не выкрикивала с места.* Так, при изучении предложения с составным сказуемым, которое будет выражено кратким страдательным причастием и кратким прилагательным, дети и не отклоняются от задачи своей первоначальной темы урока, и повторяют орфограмму, которая явно у них вызывает трудности.

Рассмотрим и изучение другой темы по орфографии в ходе курса по синтаксису: суффиксы причастий. Повторение правописания суффиксов может быть связано с прохождением темы как по согласованному определению, так и по причастному обороту. По этой причине задания для детей нужно подбирать таким образом, чтобы они не изучали повторно систему спряжений, следует обратить внимание на те суффиксы, в которых ошибки встречаются чаще, а это суффиксы действительных причастий, образованных от I спряжения глаголов-исключений, относящихся ко II спряжению, и от глаголов на –ОТЬ, суффиксы –ЕНН и –ЯНН, которые сходны в произношении.

Один из возможных вариантов задания, которое следует предлагать детям в ходе уроков по синтаксису, может звучать так: «Необходимо вставить буквы – Н/– НН на месте пропусков в словах. С одним из предложенных глаголов составьте предложение, частью которого будет являться согласованное определение». Представленными глаголами в упражнении могут быть, например: *бороться, терпеть, дышать*. Предложение, которое можно было бы составить: «Борющийся за свои права Коля выдвинул новую реформу». Так, во время изучения согласованного определения и/или причастного оборота, которые входят в курс по синтаксису, дети повторяют те суффиксы действительных причастий, которым они не уделили достаточно внимания во время первичного прохождения темы по орфографии.

Таким образом, возвращение к орфографии оказывается необходимым в ходе освоения новых тем по синтаксису, так как позволяет закрепить уже изученные правила написания слов в связи с другим разделом языкознания и повысить уровень грамотности учеников. Повторение при этом необходимо организовать корректно, учитывая их связь между собой.

Литература

1. Дощинский Р.А., Крайник О.М., Соловьёва Т.В. Аналитический отчёт о результатах ЕГЭ 2022 года по русскому языку // Педагогические измерения. – 2022. – №3. – С. 3-38.
2. Литневская Е.И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. Е.И. Литневской. – Москва : Академический проект, 2006. – 590 с.
3. Регина К.В. Повторение орфографии в процессе изучения синтаксиса. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1962. – 103 с.
4. Тлюстен Л.Ш. Методические принципы обучения русской орфографии учащихся начальной национальной (адыгейской) школы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №41. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-printsipy-obucheniya-russkoj-ortografii-uchaschihsya-nachalnoj-natsionalnoj-adygejskoj-shkoly> (дата обращения: 21.02.2024).
5. 10 основных ошибок, допускаемых на ОГЭ по русскому языку // Урок.РФ. – [Электронный ресурс] URL: https://xn--j1ahfl.xn-p1ai/library/10_oshibok_dopuskaemih_na_oge_po_russkomu_yaziku_210558.html (дата обращения: 17.02.2024).

Pushkin State Russian language Institute

Repeating spelling while learning syntax

The article discusses the tasks of such sections of linguistics as spelling and syntax. The main criteria for the correct organization of spelling repetition in the study of syntax are highlighted. Examples of exercises are given that allow you to return to an already studied topic to consolidate the material and go through the current one.

Keywords: syntax, spelling, repetition, orthograms.

**Бабич Мария Эдуардовна,
Лютова Полина Алексеевна,
Соколова Анна Владимировна**

ГБПОУ «Нижегородский политехнический колледж имени Героя Советского Союза Руднева А.П.»,
psotinka@mail.ru , literatura47@mail.ru, olimpius1982@mail.ru

Проблемы духовного и психологического восприятия личностью знаковых проблем в процессе воспитания и развития. На примере героев рассказа М. Горького «Старуха Изергиль»

Работа выполнена под руководством Красильниковой Ю.А., преподавателя русского языка,
литературы высшей квалификационной категории

Одно из значимых произведений М. Горького «Старуха Изергиль» глубоко связано с проблемой интеллектуального и душевного переживания человеком обстоятельств собственной жизни и фактов общественной жизни и культуры родного дома, с вопросами психологии и глубоко индивидуального восприятия мира.

Ключевые слова: проблема интеллектуального переживания, индивидуальное восприятие мира

Максим Горький считал «Старуху Изергиль» своим лучшим произведением.

Это произведение соединяет в себе самые тонкие грани профессионального творчества, глубокого человеческого переживания за судьбу нашего общества, в котором каждый человек – значимая, нужная частичка: оно, как призма, как увеличительное стеклышко, показывает нам наши общечеловеческие и индивидуальные достоинства и недостатки, достижения и ошибки, которые в своем единстве раскрывают уникальность всей человеческой природы.

Романтические герои рассказа очень похожи на героев «Мастера и Маргариты» – свиту Воланда: они вторглись не в Москву, конечно, а в наш художественно-читательский мир, чтобы открыть нам же нас через наше восприятие их как образов, как героев в чем-то волшебного, в чем-то романтического, в чем-то дерзкого приключения-путешествия.

Безусловно, этих героев можно и нужно изучать, спорить о них в рамках их собственных приключений, но прежде всего, сквозь время, сквозь столетия.

В наше время эти путешественники актуальны не меньше, чем появление Воланда в Москве 20 века. Они для нас – не меньшее испытание гуманности и взаимопонимания, совершенствование нравственности и морали. Все трое – идеальное целое, олицетворяющее разные грани человеческой природы, которая может быть и очень хрупкой, и очень смелой, и очень дерзкой, и очень доброй, и сломанной.

Мы не рискуем отзываться о произведении только как о романтическом: в нем раскрываются глубоко реальные характеры, образы, обстановка, которая окружает и нас, которая составляет суть и нашего бытия.

Во-первых, от нас зависит, каким это бытие будет:

- ярким и теплым, как красоты Бессарабии
- одиноким и пустынным, как пески, в которых пропал Ларра
- величественным, но одиноким, как горы, в которых он провел детство
- темным и жутким, как леса, в которых родился и путешествовал Данко
- красочным и ярким, как родина Изергиль.

Герои рассказа очень тонко раскрывают самые важные вехи в жизни человека, самые важные события, смыслы и понятия.

Естественно, первым таким понятием является понятие о родине, о семье.

Каждый из героев разнообразно раскрывает нам понятия «дом» и «родина». Многие позавидовали бы, наверно, возможности родиться на берегу Аккермана, чьи красоты глубоко поразили самого автора: красивые люди, солнце, песни и танцы, счастье мирной трудовой жизни на фоне великолепной природы. Но юной и яркой Изергиль не хватило на своей солнечной родине разнообразия эмоций, впечатлений, разнообразия действительности и окружающих людей. Трудно критиковать человека, если он хочет большего, готов за него побороться, рискнуть. Похожие мотивы можно наблюдать, например, в фильме «Ешь, молись, люби»: в какой-то момент взрослой состоявшейся, обеспеченной героине в ее сложившейся семейной жизни стало чего-то не хватать, искры отношений и впечатлений потухли.

Ларре не повезло: он изначально был лишен родного дома, полноценного человеческого общества и общения, нормальных человеческих условий: его родина – орлиное гнездо в высоких, прекрасных, но одиноких горах. Каким странным, наверно, ему казалось человеческое общество далеко внизу, в своем маленьком многолюдном муравейнике.

Мрачным и глухим был родной дом Данко: непроходимая чаща, сумрак, доходящий до темноты, вечный страх соотечественников.

Каждому герою захотелось выбраться из своего родного дома, каждому его чувства подсказывали, что где-то есть другой мир, неизвестный, но интересный по-своему. Это абсолютно адекватное желание - узнать что-то новое, что-то другое, не такое, как своё. А как иначе понять, хорош твой дом или плох, стоит его покинуть навсегда или вернуться, или возвращаться только на время, в гости к родным, например.

Вторая, не менее важная часть окружающей действительности – люди, которые были рядом с детства. Так же важно для нас и сейчас, кто окружает нас в самый хрупкий, детский и юношеский, период жизни: родители, соотечественники, друзья и близкие. Они могут создать неповторимую атмосферу для маленького, только начинающего жить человечка. А могут загубить в нем самые важные зернышки самой человечности.

Красивые, веселые люди окружали Изергиль, но ее душевным порывам не отвечал никто. Даже мама. Чем-то семейная история девушки напоминает истории Павла Корчагина, Родиона Раскольникова, Евгения Базарова. Им очень трудно найти общий язык с родителями: слишком велика разница в интересах, развитии между поколениями. Как это актуально и сегодня.

Мы ничего не знаем о родителях Данко. Но мы можем только предполагать, откуда в нем выросла великая забота о людях, которые были ему не родные, но не посторонние. Что мы знаем точно, его соплеменники – люди не самые добрые, не самые смелые, не самые целеустремленные, не самые трудолюбивые, временами завистливые и недружелюбные. Можно было отнести это к жизни в безвыходной темноте и дремучести, обосновать условиями замкнутого в чащобах образа жизни. Но ведь Данко как-то вырос гуманным и терпеливым, активным и целеустремленным. Непросто вырасти гуманным и деятельным в таком обществе.

Совсем грустно складывалось детство Ларры: лишенный полноценного человеческого общества, с испуганной бесправной матерью, он воспитывался гордым, смелым, дерзким, свободным орлом. С одной стороны – гордость, смелость, красота, царственность привычек и нрава, с другой – дерзость, доходящая до хищничества и одиночество. Маленькие теплые нотки в детство, наверно, вносила мама: может быть, в те минуты, когда царь-отец охотился, она позволяла себе тихую беседу с сыном, рассказы о жизни их соотечественников. Может быть, именно эти рассказы и общение с матерью сохранило в Ларре хрупкие остатки человеческой природы, может, поэтому он и спустился к ним вместе с ней в деревню: ради нее или хоть чуть-чуть, но для себя, из собственного человеческого любопытства. Одно он не учел: жизнь в обществе требует социализации, освоения правил, которые далеки от тех, по которым его воспитывал родной отец. Для их

освоения требуется и непростой процесс понимания, и процесс освоения человеческих законов, человеческой морали и принципов. Мы воспитываем подрастающее поколение до двух десятков лет, и то многие молодые люди не могут достойно освоить и принять человеческие правила и законы.

Повзрослев, каждый из героев, как полагается, встает перед выбором: это выбор жизненного пути. Герои плохо ли, хорошо ли, но оценивают возможности остаться дома или отправиться на поиски какой-то другой истины, какой-то другой жизни.

Выход в самостоятельную взрослую жизнь непрост. Мало только хотеть. Любая самостоятельность требует подготовки, внимательности к окружающему, особенно незнакомому. Сам процесс социализации тоже может быть не легок и не короток: у каждого он складывается в зависимости от его собственных знаний об окружающем мире, от собственных целей, интересов и амбиций.

Что знает о мире Изергиль? О новых людях, о самостоятельной жизни? Практически ничего. Единственное, что она узнала глубоко и ярко, это всеобъемлющее чувство любви, интерес к приключениям и ярким эмоциям. Это настолько наполнило ее внутренний мир и существование, что практически не осталось места для здравого взгляда на окружающее: дальше своих чувств и интересов девушка мало что видит и мало чем интересуется.

Совсем другим представляется Данко. У него нет семьи, близких. Он еще не успел передать свои интересы, свои глубокие человеческие порывы другим, хотя бы детям, например. А нужно ли него глубоко гуманное отношение к окружающим самим окружающим? Их отношение к герою сугубо потребительское: он для них - только способ выбраться, желательно с меньшими собственными затратами. Неужели за многие года только один Данко способен был подтолкнуть их к выходу, заставить двигаться? А ведь вместе, сообща значительно легче добиться цели, особенно если это связано с безопасностью, общим положением, развитием целого общества. Почему нельзя было совместно прийти к единой цели, сплотиться перед лицом трудностей и опасностей? Если бы хоть каждый приложил усилие, результат был бы огромный. Видимо, нужны более глобальные обстоятельства, чтобы заставить людей сплотиться и совместно решать возникшие проблемы: темного, безвыходного существования было недостаточно.

Попытка выхода Ларры в самостоятельную человеческую жизнь оказалась не более успешной, чем у Данко. История его встречи с людьми поражает глубиной своих деталей.

Люди, к которым он спустился с матерью закономерно отметили, что «он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц». Это естественно: у него непростое происхождение.

Почему он не всегда отвечал на вопросы? Помечу просто «молчал»? Может, не знал, что ответить? Ведь не все слова, детали человеческой жизни были ему известны и понятны?

Очень важно то, что со старейшинами он говорил «как с равными себе»; выходит, несмотря на свое царское, уникальное происхождение, характер и образ жизни хищника, он выступал не таким уж эгоистом в начале этой знакомства. Именно отношение равенства оскорбило старейшин. А ведь для царя птиц не так-то просто уравнивать себя с остальными: он объективно сильнее, независимее. Старейшины пытались применить к нему те принципы своего мира, которыми Лара не владел: в своем мире 18 лет он был вершиной любых принципов, вершиной пищевой цепи, если уж точнее. Он все еще царь птиц, а его отец – смелое и дерзкое существо, бросившее вызов самой старости. Но даже при этих обстоятельствах Лара вел себя достойно и спокойно. До тех пор, пока ему не начали предъявлять претензии и унижать его достоинство. Формально он был прав, отмечая, «что таких, как он, нет больше». Его таким сделали объективные обстоятельства, а старейшины этого не приняли во внимание. Тем более, что в человеческом обществе есть много других принципов, кроме сословного деления, иерархии власть имущих и рядовых. Там есть помощь, взаимопонимание, толерантность, процесс воспитания и образования. Лучше бы старейшины на это обратили внимание. Лара не был знаком и с понятием дружба, любовь. Возможно, в нем остались капли теплоты к матери – единственному человеку, который мог связать его с человеческим обществом.

Вторая тяжелая история связана с убийством дочери старейшины. Ее пристальный взгляд привлек внимание Ларры. Но в животном мире отношение с противоположным полом строятся по другим принципам, нежели у людей: он ведь мог ее и схватить, как когда-то сделал его отец. Но он «пошел к ней и, подойдя, обнял ее», а «она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь». А ведь человек несет серьезную ответственность за свои слова, поступки, жесты в сторону других людей. Любой взгляд может привести к роковым последствиям и в мире людей, а уж в мире животным прямое внимание вообще крайне опасно и вызывающе. И потом, почему девушка превратилась в змею, а не в цветочек или бабочку? Тоже заставляет задуматься.

«Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину». А лет двадцать назад в этом племени уже была одна история, связанная с жестоким похищением беспомощной девушки. И соплеменники не проявили должную целеустремленность, чтобы ее спасти.

Последующие события довольно логичны: Ларра понял, что с людьми у него не осталось ничего общего, поэтому оставляет за собой образ одинокого дерзкого хищника, в

образе которого пребывал всю свою жизнь. Зернышки человечности, хрупко прораставшие в нем, остановили свое развитие. Некому было поддержать этот процесс, а одиночку Ларра, наверно, не справился бы.

Вряд ли бы он полноценно освоился в таком обществе: у него слишком развиты самостоятельность, независимость. Если бы он воспитывался в человеческом обществе и при этом и проявлял эгоизм, тогда ему можно было вменить все те качества, за которые таких людей не терпят. Но он вырос не среди людей, а люди ему шанса не дали. Что мешало им внимательнее и терпеливее к нему отнестись, дать время освоиться? Естественно, наблюдать за ним, все-таки животные инстинкты оставались за ним. А вот если бы при соответствующем воспитании и внимании у Ларры остались бы опасные привычки животного, тогда можно было применять меры.

На что способны и соплеменники Данко. Его жертвенность, как мы знаем, не будет оценена ими. Их ждет неприятный сюрприз. История завершается тем, что герой вывел их из дебрей прошлой жизни. Но новую жизнь еще нужно построить, а значит надо трудиться, развиваться, сотрудничать, строить много нового физически, интеллектуально и морально. А может, откуда-нибудь и другое племя или стая опасных животных появится, не самое дружелюбное, и тогда придется бороться за территорию. Так что их трудности не закончились, они впереди. Современная история преподносит нам большое разнообразие проблем: правда создают их сами люди своими растущими потребностями.

Литература

1. Максим Горький в воспоминаниях современников [Текст] : в двух томах / под общ. ред. В.Э. Вацура; примеч. И.С. Эвентова и А.А. Крундышева. – Москва : Художественная литература, 1981. – 2 т.
2. Груздев И. Горький и его время. Т.2. – Москва, 1962. – Переписка Горького А.М. в 2-х томах. – Москва, 1986.
3. Маршак С.Я. Живой Горький. – Москва, 1975.
4. Овчаренко А.И. Горький-художник // М. Горький-художник и современность. Горьковские чтения-88. – Горький, 1988. – С. 18-25.
5. Овчаренко А.И. М. Горький. Избранные сочинения. – Москва: Худож. Лит., 1986.
6. Серебряный век : Мемуары / [Сост. Т. Дубинская-Джалилова; Предисл. Н. Богомолова]. – Москва : Известия, 1990..
7. Сухих С.И. Заблуждения и прозрения Максима Горького. – Н. Новгород, 1992.
8. Берберова Н. Курсив мой. Главы из книги // Октябрь. – 1988. – №10. – С. 164-202.

Babich Maria Eduardovna
Lyutova Polina Alekseevna,
Sokolova Anna Vladimirovna,

Nizhny Novgorod Polytechnic College named after Hero of the Soviet Union Rudnev A.P.

Problems of spiritual and psychological perception of significant problems in the process of upbringing and development by a personality. on the example of the heroes of the story by M. Gorky "The old woman Izergil"

One of M. Gorky's significant works "The Old Woman Izergil" is deeply connected with the problem of a person's intellectual and spiritual experience of the circumstances of his own life and the facts of social life and culture of his native home, with issues of psychology and deeply individual perception of the world.

Keywords: the problem of intellectual experience, individual perception of the world.

Базанкова Полина Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

polyabazankova@yandex.ru

**Критическое мышление как важная компетенция студентов для
осуществления эффективной научной деятельности**

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора
филологических наук, профессора

Предметом исследования автора статьи выступает критическое мышление как основополагающий компонент формирования личности, а также как компетенция для эффективного обучения учащихся. Рассматриваются способы и методы развития критического мышления для формирования продуктивной научной деятельности и конкурентноспособности. Критическое мышление напрямую связано с уровнем успеваемости студентов и является одним из ценящихся в современное время *soft skills*. В статье также рассматривается такой формат построения образовательного процесса, как дебаты, благодаря которым можно развить критическое мышление, и приводятся аргументы в пользу того, что критическое мышление – действительно важная компетенция не только для студентов, но и для всех людей.

Ключевые слова: критическое мышление, студенты, *soft-skills*, эффективное обучение, научная деятельность, дебаты.

В настоящее время научные и образовательные центры любыми способами пытаются повысить эффективность процесса обучения. Вводится множество внеучебных дисциплин, направленных на развитие у молодого поколения *soft skills* (надпрофессиональных навыков), которые впоследствии должны помочь выпускнику вуза включить полученный опыт в своё резюме и получить высокооплачиваемую и, что не менее важно, востребованную должность. Однако подобные меры зачастую оказываются недостаточными для достижения указанных результатов. Это стало особенно сложным в связи с развитием искусственной нейронной сети, которая не только облегчила для людей выполнение неприятной работы, но и

представила человечеству проблему выбора – какую именно работу нейросеть должна выполнять.

Несмотря на растущую популярность и эффективность использования таких технических инструментов, работодатели при рассмотрении кандидатов на вакансию преимущество отдадут тому, кто способен выполнять поставленные задачи верно и эффективно. Для этого необходимо обладать различными качествами, как например: многозадачность, стрессоустойчивость, умение концентрироваться, коммуницировать, рефлексировать, а также критическим мышлением.

Итак, критическое мышление – это умение мыслить гибко. Оно помогает в конфликтных ситуациях, требующих внимательности и рассудительности для сохранения взаимопонимания между участниками конфликта. Поскольку гораздо проще прийти к соглашению или компромиссу, когда обе стороны готовы услышать и, главное, принять точку зрения оппонента, этот навык предельно важен, причем не только в рабочей обстановке, но и в личной жизни.

Обратим внимание на следующее определение, которое даёт Н. Непряхин, один из авторов книги «Критическое мышление. Железная логика на все случаи жизни», популярной у представителей молодого поколения. Писатель утверждает: «Критическое мышление – это система суждений, которую применяют для анализа вещей и информации, интерпретации явлений, оценки событий, а также для последующего составления объективных выводов» [5].

Как уже было сказано выше, критическое мышление входит в многоуровневый перечень soft skills. Никита Непряхин также подчёркивает: «Человек с развитым критическим мышлением обладает целым набором навыков – это наблюдательность и умение обосновать свою точку зрения, сосредоточенность на изучении информации и способность применять аналитические навыки в самых разных ситуациях» [5].

Критическое мышление формируется из трёх этапов:

- Вызов – пробуждение имеющихся знаний и интереса к получению новой информации;
- Осмысление или Реализация смысла – собственно получение новой информации;
- Рефлексия – осмысление, появление нового знания.

Каждый из этих этапов значим и отвечает за конкретную фазу развития критического мышления. Следовательно, эти этапы не могут быть расположены в каком-либо другом порядке, они идут строго друг за другом, суммируясь с уже полученной информацией и

формируя в итоге законченный вывод. Подобная систематизация и следование организованному плану позволяет отследить и упорядочить мыслительный процесс.

Интересна формула, выведенная Никитой Непряхиным, «ГЛОБУС». Он дал ей название в виде аббревиатуры, где каждая буква полно раскрывает аспекты вопроса «как это – думать критично?» [5].

Г – гибкое мышление. Один из основных критериев. Важно уметь быстро адаптироваться к новым и малоизвестным явлениям. Это также означает, что человек способен рассматривать сразу несколько вариантов, определяя наилучший. «Только гибкость мышления, характера и поведения помогает избежать ненужных конфликтов и лишнего стресса», – пишет Н. Непряхин [5].

Л – логичное изложение. Критически мыслящий человек не может не обладать способностью выстраивать причинно-следственную связь.

О – обоснованные суждения. «Критическое мышление невозможно без убедительной аргументации», – замечает автор [5].

Б – беспристрастный подход. Особое внимание стоит уделить данному критерию, именно потому, что чаще всего влияние на человека и ход его размышлений оказывают его жизненные принципы, моральные установки и предубеждения. Непряхин утверждает необходимость учиться смотреть на проблему со стороны, например, пригласив независимое третье лицо.

У – упорядоченные мысли. «Мыслить критически – значит мыслить упорядоченно, системно, последовательно, организованно. Сложно запутать и сбить с мысли того, кто принимает последовательные решения, рационально оценивает информацию и владеет анализом», подчеркивает Н. Непряхин [5].

С – самостоятельное мышление. В первую очередь нужно прислушиваться к самому себе, чтобы сделать наилучший выбор.

Можно заключить, что, учтя все вышеперечисленные факторы (ГЛОБУС), человек уже способен мыслить критически. Это, в свою очередь, открывает возможности для эффективной интеллектуальной деятельности.

Однако в действительности теории оказывается недостаточно. Чтобы добиться результата, стоит обратиться к определенным приемам, развивающим критическое мышление. Например, следующим способом активно пользуются журналисты для сбора наиболее актуальной и истинной информации. Это «5W+H», или фактчекинг, где есть пять вопросов (What? – Что?; Who? – Кто?; Where? – Где?; When? – Когда?; How? – Как?),

благодаря которым можно подробнее узнать об интересующем предмете. Особенно полезен подобный способ для студентов.

Н.И. Шевченко в своём исследовании указывает на актуальность критического мышления: «На рынке труда востребованы мобильность, толерантность, мотивация, компетенции и компетенции, профессиональное продуктивное мышление, способность работать в группе. Эти вызовы требуют изменения в организации образовательного процесса, поскольку известно, что от этого напрямую зависит результат образования студентов. Очевидно, что в современном вузе, <...>, необходим переход к технологиям группового взаимодействия студентов, когда наиболее эффективны условия для развития у них критического мышления. Это объясняется тем, что в группе всегда есть альтернатива мнений, оппоненты, которые раскрывают иную сторону заявленного мнения. Совместная деятельность студентов создаёт условия для формирования критического мышления в структуре универсальных и профессиональных компетенций, отражающих специфику его проявления» [8]. Шевченко Наталия Ивановна предлагает, например, формат геймификации на занятиях: «Механика геймификации предполагает различные способы, в частности, использование деловой игры, которая имеет ряд общих требований: цель, сценарий, роли и функции игроков, правила игры» [8]. Отличным примером геймификации на учебных занятиях может стать практика дебатов [3]. Дебаты как метод развития критического мышления у студентов могут стать дополнительным форматом образовательного процесса.

«Дебаты – публичные споры при обсуждении чего-либо, обмен мнениями по каким-либо вопросам» [2]. Подобный формат требует полного погружения в процесс дискуссии, учит вести переговоры эффективно и высказывать свою точку зрения доказательно, упорядоченно. Общаться необходимо спокойным и ровным тоном голоса, принимая во внимание мнение оппонента, но не обязательно соглашаясь с ним. «Цель дебатов — поиск и выявление „истины“, то есть вывода, принятого всеми или большинством участников дебатов. Дебаты как учебная технология обладают следующими важными свойствами:

- дебаты проходят согласно определённым правилам, что обеспечивает четкость в проведении дебатов и возможность более объективного оценивания работы участников;
- в ходе дебатов участники имеют возможность привлекать широкий круг сведений и фактов для аргументирования своей точки зрения;
- формат развивает навыки критического мышления, то есть навыки формулирования, определения, обоснования и анализа обсуждаемых мыслей и идей;

- дебаты развивают исследовательские и организационные навыки — приводя аргументы, участник должен подкреплять их доказательствами, которые необходимо искать в различных источниках, а организация выступления непосредственно влияет на эффективность сообщения;

- дебаты способствуют развитию навыков обсуждения проблемы с различных точек зрения и поиска возможных путей решения этой проблемы» [7].

Обобщая сказанное, подчеркнем, что дебаты как метод развития критического мышления у студентов идеально подходит для того, чтобы научиться систематизировать информацию, как входящую, так и исходящую, а также формировать и развивать навыки, необходимые для повышения профессиональной компетенции и продуктивной научной деятельности: ораторское искусство, коммуникабельность, логическое мышление и т.д.

Таким образом, критическое мышление действительно имеет значимость для современного молодого человека, так как выступает главным инструментом личностной самореализации и приобретения необходимых навыков для осуществления продуктивной научной деятельности.

Литература

1. Абрамов А. Soft skills: что это, примеры, как развить / А. Абрамов. – // РБК. [Электронный ресурс]. – URL : <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523#p2> (дата обращения: 13.02.2024).
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – Москва : Астрель, 2006. – 1232 с.
3. Лешутина И.А. Мотивация к дистанционному изучению иностранных языков как вызов современности и слагаемое успеха / И.А. Лешутина. – Русский язык за рубежом. – 2020. – № 2. – С.15-19.
4. Непряхин Н. Критическое мышление. Железная логика на все случаи жизни / Н. Непряхин, Т. Пащенко. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – 192 с.
5. Непряхин Н. Что такое критическое мышление? / Н. Непряхин. – // РБК. [Электронный ресурс]. – URL : <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e0608ea9a7947fa3c1bcf34> (дата обращения: 14.02.2024).
6. Подольская Е.А. Методология научных исследований. Терминологический словарь. / Е.А. Подольская. – Харьков : НУА, 2016. – 124 с.
7. Сун Л. Интеллектуальная игра дебатов: форма организации и особенности проведения / Л. Сун. – // cyberleninka.ru [Электронный ресурс]. – URL :

<https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-igra-debaty-formy-organizatsii-i-osobnosti-provedeniya/viewer> (дата обращения: 16.02.2024).

8. Шевченко Н.И. Критическое мышление студентов как ответ на вызовы современной цивилизации / Н.И. Шевченко. – // cyberleninka.ru [Электронный ресурс]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskoe-myshlenie-studentov-kak-otvet-na-vyzovy-sovremennoy-tsivilizatsii/viewer> (дата обращения: 15.02.2024).

Bazankova P.

Pushkin State Russian Institute

Critical thinking as an important competency for students to carry out effective scientific activities

The subject of the author's research is critical thinking as a fundamental component of personality formation, as well as competence for effective student learning. The ways and methods of developing critical thinking for the formation of productive scientific activity and competitiveness are considered. Critical thinking is directly related to the level of student achievement and is one of the soft skills valued in modern times. The article also examines such a format for building the educational process as debates, through which critical thinking can be developed, and provides arguments in favor of the fact that critical thinking is a really important competence not only for students, but also for all people.

Keywords: critical thinking, students, soft-skills, effective learning, scientific activity, debate.

Баргамонова Василиса Андреевна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

vasilisa.barg@gmail.com

«Речь о добродетели» как пример практики обучения риторике в учебных заведениях XVIII в.

Работа выполнена под руководством Аннушкина В.И., д.ф.н., профессора кафедры словесности и межкультурной коммуникации

Целью статьи является исследование рукописной «Речи о добродетели» с точки зрения практики преподавания риторике в учебных заведениях России в XVIII в., в частности в Московской Духовной академии. Авторами проанализированы идейно-тематическое содержание, композиционная структура и стилистические особенности сочинения. В результате удалось подтвердить, что учебная программа по риторике в XVIII столетии составлялась на основе киевской традиции XVII в.

Ключевые слова: добродетель, сочинение, риторика, Цицерон, Тредиаковский, практика преподавания.

Автором «Речи о добродетели» является Иван Сколковский, студент Московской Духовной академии. Сама «Речь» – это рукописное сочинение, написанное в XVIII веке в качестве тренировочного упражнения по учебному предмету риторике, преподаваемому в Академии. Текст орации представлен в сборнике речей и проповедей семинаристов МДА (РГБ, Ф.173 – III №23) и выделяется среди прочих речей тем, что изначально написан на

русском языке. Остальные речи сборника соответствуют существовавшей тогда в России латинской традиции обучения риторическому искусству: большинство из них представлено исключительно на латинском языке, несколько речей вслед за латинским оригиналом имеют перевод на русский.

«Речь о добродетели» до настоящего времени не являлась объектом научного исследования и рассматривается впервые. Поскольку «практика риторического обучения в XVIII в. почти не изучена» [1, с. 228], сочинение Ивана Сколковского представляет собой ценнейший материал, отражающий все особенности преподавания риторики тех времен, включая идейно-тематическое наполнение ученических ораций, правила композиционного расположения частей текста, использование стилистических приемов и др.

Слог и содержание «Речи о добродетели» Ивана Сколковского «ближе всего к семинарской традиции Третьяковского», более традиционной и консервативной, чем ломоносовская. [1, с. 231]. В Московской Духовной Академии обучение красноречию неизменно велось согласно с классической традицией, идущей от риторической подготовки Киевской Духовной академии XVII столетия [1, с. 232]. Эта традиция была унаследована также Третьяковским и продемонстрирована в его «Слове о витийстве», но на момент её произнесения уже считалась устаревшей.

В частности, речь Ивана Сколковского композиционно выстроена в соответствии со способами расположения частей в больших речах, описанными Иннокентием Поповским в учебнике «Сочина (Раковина)» и восходящими к Цицерону [1, с. 77].

Предмет сочинения в общем виде дан в заглавии: говорить будет о добродетели. Название речи лаконично, в нем не отражено отношение автора к предмету своего рассуждения.

Начало речи – предисловие, в котором описываются чувства, посетившие автора перед тем, как приступить к изложению своих мыслей: автор находился «в превеликом расстройстве»; мысли автора «бродили по различным местам, и дух находился в возмущении, по той единственно причине, что силы, которыми умъ наш одарен, весьма крайне имеют пределы». Вступление в той его части, в которой автор обращается к слушателям, схоже со вступлением в речи Михаила Нехотенова [2, с. 201], также семинариста Московской Духовной Академии. Это свидетельствует о том, что предисловие написано в соответствии с риторическими образцами и не отходит от усвоенной традиции.

Следующая часть речи, согласно классификации Иннокентия Поповского, называется «предложением». Вводится тема дальнейшего разговора: каковы действия и свойства

добродетели, «какие совершенства в ней находятся, и сколь многие неоцененное сие сокровище имеют».

Далее следует композиционный блок, который может быть назван «повествованием»: семинарист перечисляет с использованием «внутренних мест» (то есть того, что учит «приискивать и открывать риторическим искусством причины, положенные и заключенные в самом предмете» [1, с. 75]) те свойства добродетели, которыми она служит на благо человеку:

- она «умножает человеческое благополучие, которым человек чрез все течение своей жизни пользоваться сможет»;
- через добродетель «человек сообщается с богом», то есть «причастником бывает его божественных доброт»;
- она восстанавливает «великолепные города, которые были разорены не «от неприятельских набегов», а «от несогласия, раздоров и от растления нравов» самих жителей этих городов;
- она установила «неразрывный союз любви и достоуважаемое почтение властям»;
- добродетель побеждает «напасти», случающиеся с теми, кто борется «со страстьми»;

Наконец, автор говорит, что добродетель есть «твердейшая крепость и подпора благосостояния всех царств земных». В этом есть прямое следование традиции, идущей от Третьяковского: предмет речи обязательно распространяется на всю человеческую деятельность и является необходимым условием ее благополучного существования.

Иван Сколковский разводит современное состояние добродетели и ее положение в «древние времена», когда она находилась в почете. Эта композиционная часть является «разрушением» – то есть утверждением предмета речи с помощью убеждения от противного. Автор указывает на то, что «те народы, где сия божественная искра сияла (т.е. добродетель), чувствовали лучшее блаженство». В нынешние же времена, когда человечество пренебрегает добродетелью, человечество больше не чувствует блаженство, но наоборот, пребывает во власти порока и греха. Отсутствие добродетели наносит вред человечеству: человек оказался лишенным «пути к благополучию», «открылся свободный вход всем неустройствам» и «всем беззакониям». Согласно традиции расположения частей, эта часть призвана подчеркнуть пользу и необходимость добродетели для общечеловеческого счастья.

В этой части Иван Сколковский отсылается к Цицерону, что, во-первых, показывает образцовость данной речи, поскольку одним из главных правил являлось упоминание

великих римских ораторов; а во-вторых, свидетельствует о том, что семинаристам Московской Духовной Академии преподавались в основном латинские ораторы.

Закономерно вслед за предыдущей частью идет часть, называемая «утверждением», где автор речи утверждает силу и величие добродетели, убеждает в истинности ее существования в целом и ее свойств, используя в этой части «внешние места», а именно историю трех великих библейских личностей. В пример автор ставит царя Давида, царя Соломона и Иосифа, сына Иакова, и рассказывает их жития, чтобы подвести к мысли, что своего величия, славы и чести они достигли благодаря добродетельной жизни и что, следовательно, «нет никакой вещи в свете, которая бы могла сравниться с добродетелью».

Завершает речь «надсловие», или заключение. Когда слушатель уже вдохновлен и убежден различными доводами и готов жить добродетелью, автор описывает, что значит – быть добродетельным. Согласно автору, добродетельный человек презирает обиды, предавая их «вечному забвению», смотрит «на злоключения как на опыты, изведывающие нашу добродетель», стойко сносит удары судьбы и, будучи окруженным «всеми возможными бедствиями», сохраняет «непоколебимое мужество». Добродетельные люди также «оказывают всегда равномерное великодушие, взирают на жизнь свою, как на маловременное путешествие». Автор речи призывает обуздывать страсти и избегать пороки, которые вредны человеку тем, что он может лишиться «своего здоровья», которым он наслаждался до того, как поддался страстям; разума, «которым он внимал в рассматривание вещей по их обстоятельствам и свойствам; мыслей, «которыми он простирался к воображению какой-либо вещи». Завершает речь призыв к тому, чтобы «с крайним усердием и охотой» идти по пути добродетели.

Основная идея «Речи» заключается в следующем: добродетель крайне полезна для человека и мира и нужна им, ведь благодаря этому «неоцененному сокровищу» в мире совершается все благое и человек приходит к счастливой жизни. Основной мысли сопутствуют также второстепенные идеи:

- идея «Золотого века»: автор убежден, что добродетель была присуща человеку прежде пороков, она изначально царила в мире в древние времена. Пороки овладели человеком уже после, с течением времени, и затмили добродетельное начало в человеке;
- добродетель дана человеку Богом как «светильник», указывающий человеку путь в вышний мир, поэтому добродетельный человек соблюдает «божественные законы» и «чрез добродетель <...> причастником бывает его божественных доброт». Такой человек ведет праведный образ жизни в соответствии с Божественными заповедями. Одним из свойств добродетельного человека автор называет взирание «на жизнь свою, как на

маловременное путешествие»: такой человек помнит, что после земной жизни он будет приобщен божественного блага за свою добродетель;

- идеи века Просвещения нашли свое отражение в рассуждениях автора. Добродетель порождает и сохраняет в человеке разум, «которым он внимал в рассматривание вещей по их обстоятельствам и свойствам, и «мысли, которыми он простирался к воображению какой-либо вещи». В предисловии автор указывает, что он подходит к предмету своей речи с точки зрения разума: автору пришли его мысли в результате «подробного рассуждения» и устремления «мыслей своих к достижению познания естественных вещей»: автор именно познавал добродетель и ее свойства силой своей мысли и с помощью своего опыта.

Стиль и лексический состав речи схожи со стилем «Слова о витийстве» В. Тредиаковского. Наиболее ярким примером стилистического подражания является словосочетание «неоцененное сокровище» [2, с. 159], которое Иван Сколковский прямо заимствует и употребляет в своей речи несколько раз. В «Речи» обильно представлены сложные, тяжеловесные или устаревшие слова: «предуведение», «благоснисхождение», «злосмрадие» и др. В тексте большое количество сложных предложений или предложений с большим количеством однородных членов (как правило, это существительные и согласуемые с ними прилагательные). В их построении автором заимствован у Тредиаковского прием параллелизма: «Въ древнiя времена во многихъ государствахъ, имперiяхъ, городахъ, во многихъ областяхъ просiявала добродѣтель как не мерцающiй лучъ освѣщающiй своимъ блескомъ вселенныя концы, и какъ свѣтлая заря свѣтлей день предвозвѣщающая <...>».

Таким образом, «Речь о добродетели» подтверждает принятую в практике обучения семинаристов риторике традицию, идущую сначала от римских ораторов, а затем от программы Киевской Духовной академии. «Речь» имеет классическую структуру и состоит из пяти частей, которые содержат «внутренние» и «внешние» места. Стиль речи грузный и напоминает украшения латинских риторик и риторик барочной эпохи. С точки зрения содержания «Речь» имеет в себе философский компонент, что также подтверждает ее подражание «Слову о витийстве». Поскольку на тот момент уже было написано «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова, но в тексте ученических речей нет следов влияния этого труда [1, с. 232], можно предположить, что для обучения использовалась не изменившаяся за столетие программа потому, что, во-первых, она почиталась за духовную в противовес светской ломоносовской, а во-вторых, она была представлена во множестве уже

готовых образцов ораторского искусства, и обучение на примерах облегчало преподавательский процесс.

Литература

1. Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. – Москва : Высшая школа, 2003. – 397 с.
2. Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия: Учеб. пособие для студ. гуманитарных факультетов вузов. – Москва : Академия, 1998. – 416 с.

Bargamonova V.A.

Pushkin State Russian Language Institute

“Speech on Virtue” as an example of the practice of teaching rhetoric in educational institutions of the 18th century.

The purpose of the article is to study the handwritten “Speech on Virtue” from the point of view of the practice of teaching rhetoric in educational institutions of Russia in the 18th century, in particular at the Moscow Theological Academy. The authors of the article analyzed the ideological and thematic content, compositional structure and stylistic features of the essay. As a result, it was possible to confirm that the rhetoric curriculum in the 18th century was compiled on the basis of the Kyiv tradition of the 17th century.

Keywords: virtue, composition, rhetoric, Cicero, Trediakovsky, teaching practice.

Бартенева Ангелина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
gelya.barteneva.01@bk.ru

Риторический вопрос как причина возникновения конфликта в рамках межкультурной коммуникации

Работа выполнена под руководством Брагиной Натальи Георгиевны, доктора филологических наук, профессора

Риторический вопрос обладает рядом отличительных особенностей, незнание или неумение интерпретировать которые может стать причиной конфликта, особенно в рамках межкультурной коммуникации. Результатом сравнительно-сопоставительного анализа характеристик и толкования риторических вопросов, выполненных на материале фрагментов художественной прозы, стало выявление фактора, позволяющего считать риторический вопрос формой речевой агрессии и катализатором конфликта.

Ключевые слова: риторический вопрос, собственно вопросительное предложение, социальное взаимодействие, конфликт, языковая невежливость, агрессивное речевое поведение.

Обращаясь к изучению природы риторического вопроса в рамках русского языка, следует обратить внимание на специфику его выделения в отдельный вид относительно предложений, имеющих вопросительную коммуникативную направленность. Она состоит в несовпадении содержательных (семантических) и коммуникативно-функциональных

(прагматических) характеристик риторического вопроса относительно тех же категорий собственно вопросительного высказывания, характеризующегося полным соответствием формы (синтаксиса) в обоих случаях [2, с. 3]. Так, в разные периоды формальными признаками исследователи, в частности Н.И. Жинкин, Д.Э. Розенталь, Н.С. Валгина, П.А. Лекант и др., называли интонацию вопросительного предложения, его особую синтаксическую структуру, средства выразительности, а также возможное наличие местоимений, частиц, вопросительных слов и вопросительного знака в конце высказывания [2, с. 2]. В зависимости от того или иного примера употребления мы можем наблюдать данные свойства как в собственно вопросительных, так и в вопросительно-риторических предложениях.

Проведём сравнительный анализ данной пары синтаксических единиц с целью выявить и сопоставить их формальные, семантические и прагматические свойства на примере следующих фрагментов: «*„И ты, глупец, даешь веру словам этой маленькой гадины?“ – закричал я, возмущенный до глубины души*» и «*– А в обыкновенном платье вы не хотите умирать? – Нет...*» (А.П. Чехов. Драма на охоте).

Формальные свойства как в первом, так и во втором высказывании частично совпадают. Мы видим наличие средств выразительности («*маленькая гадина*» (эпитет), «*глупец*» (обращение с экспрессивно-оценочным значением)) и особое интонационное оформление фраз, выраженное в тексте с помощью слов автора и вопросительного знака в конце каждого из предложений. Однако в связи с тем, что формальные признаки не лежат в основе типологии, выделяющей риторический вопрос в отдельную категорию вопросительных предложений, всё свое внимание далее мы отдадим рассмотрению семантических и прагматических свойств.

Семантические свойства приведенных выше фрагментов, несмотря на формальное сходство, входят в противоречие. Первая фраза по смыслу не является вопросительной, а, напротив, включает в себе утверждение: «Ты веришь её словам, и я знаю это». Однако этот факт возмущает героя, заставляет внутренне противиться тому, что собеседник представляет возможной эту веру, что побуждает говорящего высказать утверждение в вопросительной форме. В таком случае исследователи говорят о явлении «десемантизации вопросительной формы» предложения [2, с. 2]. Вторая же фраза по своей семантике является вопросом, ведь герой искренне интересуется мнением собеседницы и получает ответ, которого ожидает.

Если мы обратимся к **прагматическим свойствам** вопросительных предложений обоих типов, то обнаружим, что во многом они зависят от контекста речевой ситуации и описывают функцию высказывания в звучащей или письменной речи. В частности, первый

фрагмент в прагматическом отношении представляет собой выражение отрицательной оценки поступка собеседника. Более того, эта фраза, исходя из уст героя, становится актом агрессивного речевого поведения, направленного против адресата этого сообщения, поскольку переносит внутренние гнев и раздражение во внешнюю среду. В то время как второй фрагмент диалога функционирует в тексте повести в качестве запроса адресанта на получение новой для себя информации от адресата и не содержит экспрессивных элементов.

Исходя из результатов анализа совокупности описанных выше свойств двух типов вопросительных предложений, мы можем подтвердить верность определений, данных им исследователями прошлого. Так, согласно словарю Т.В. Жеребило, первую фразу мы отнесём к **риторическому вопросу**, который будем понимать как утверждение или отрицание, имеющее экспрессивную окраску [5, с. 311]. Тогда как второй фрагмент по всем признакам является **собственно вопросительным предложением**, т.е. высказыванием, которое заключает в себе вопрос, требующий ответа от собеседника или предполагающий его наличие. С помощью данной синтаксической конструкции адресант обыкновенно пытается узнать что-либо неизвестное [5, с. 348].

Данные анализа также помогут нам раскрыть причину, по которой риторический вопрос может становиться причиной конфликта. Для большей наглядности приведём ещё несколько высказываний этого типа: *«Кто же тебе позволил называть меня женихом? На каком основании?»*, *«Считал ли ты тысячи и десятки тысяч? Нет! Да что с тобой говорить?»*, *«Ну, и иди к ним! Чего же стоишь?»*, *«И вы можете не слушать, захлопывать окно?»* (А.П. Чехов. Драма на охоте).

Опишем возможные эксплицитные толкования данных риторических вопросов относительно контекста, из которого они взяты. Обратимся к первому фрагменту и определим его значение так: *«Тебе никто не позволял называть меня женихом, в том числе и я сам. Более того, я считаю, что не дал ни одного основания для этого. Это слишком самоуверенно с твоей стороны и оскорбительно для меня»*. Второе высказывание можно трактовать следующим образом: *«Ты даже не дал себе труда посчитать тысячи и десятки тысяч рублей прибыли в отчетах управляющего и ещё смеешь обвинять его в плохой службе. Это глупо и недальновидно с твоей стороны, поэтому я осуждаю твои слова. Мне нет смысла продолжать говорить с тобой об этом»*. Третий фрагмент можно описать таким утверждением: *«Из твоих предыдущих слов следует, что моя компания хуже, чем их общество, поэтому я не понимаю, почему ты не уходишь. Я возмущена твоим отношением и хочу, чтобы ты ушёл»*. Последний из приведенных примеров опишем следующим образом: *«После того, как я перечислил физические и психологические страдания вашей бывшей*

возлюбленной, вам не следует захлопывать окно и игнорировать мои слова. Это жестоко и низко с вашей стороны, и я, удивленный и возмущенный вашей реакцией, осуждаю вас».

Из приведенных толкований мы можем сделать вывод о природе возникновения конфликта в рамках межличностной коммуникации, включающей в себя риторический вопрос. Дело в том, что наличие в его семантической структуре компонента, отрицательно характеризующего собеседника или стороннее лицо с разной степенью экспрессивности, от непонимания и осуждения до раздражения и гнева, позволяет считать риторический вопрос одним из видов **речевой агрессии** [1, с. 28]. Заложенное в нём намерение «уколоть», похожее на нападение, стремление обвинить собеседника в неправильности каких-либо слов или действий, вызывает у адресата неприятие и желание защищаться, используя сходные лингвистические средства, что в свою очередь может стать началом конфликта.

Протекание конфликта, содержащего риторический вопрос как одну из форм речевой агрессии, неизбежно осложняется в том случае, если он возник между собеседниками, которые являются представителями разных языков и культур. Любая коммуникативная неудача, возникшая в рамках межкультурного социального взаимодействия, может привести как к ложному декодированию слушающим риторического вопроса в качестве собственно вопросительного предложения, так и наоборот. Важно отметить, что недопонимание в данном случае возникает в связи с особенностями и различиями не только формальных признаков риторического вопроса в сравнении родного и иностранного языка, но и семантических, а также прагматических свойств, требующих отдельного, более детального исследования. Актуальность данной проблемы обусловлена и тем, что, в частности, в английском языке риторический вопрос так же, как и в русском, используется достаточно часто. Об этом можно судить из исследования Н.В. Гукаловой, приводящей статистические данные о соотношении количества риторических вопросов и собственно вопросительных предложений на 25 страниц текста оригинала романа «На маяк» В. Вулф. Из выборки в 90 предложений подавляющее большинство, а именно 56 высказываний, являются риторическими [4, с. 86].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что знакомство с особенностями формы, семантики и основных функций риторического вопроса в русском языке необходимо как для иностранных студентов, владеющих языком на уровне ТРКИ-2 и выше, так и для будущих преподавателей РКИ. Это обеспечит возможность успешной идентификации агрессивного речевого поведения в рамках межкультурной коммуникации и поможет её участникам выявить причину конфликта и подобрать соответствующую стратегию выхода из него.

Литература

1. Агрессия в языке и речи: Сборник науч. статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. Москва : РГГУ, 2004. – 288 с.
2. Баликоева М.И., Засеева Г.М. К проблеме риторического вопроса // The Scientific Heritage. 2020. №57-4. – С. 52-56.
3. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. Москва : Агар, 2000. – 416 с.
4. Гукалова Н.В. Роль риторического вопроса в создании текстовой эмотивности (на материале романа В. Вулф "на Маяк") // Казанский вестник молодых учёных. 2018. №4 (7). – С. 86-88.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. // Т.В. Жеребило. – 2010. – 486 с.
6. Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение. // Вопросы языкознания. – 1955. № 3. – С. 22-34.
7. Лекант П.А. Современный русский язык: учебник для академического бакалавриата / П.А. Лекант [и др.]; под ред. П. А. Леканта. – 5-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 493 с.
8. Розенталь Д.Э. и др. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1976. – 543 с.

Barteneva A.A.

Pushkin State Russian Language institute

Rhetorical question as a reason of emergence of conflict within the bounds of cross-cultural communication

The rhetorical question has a number of distinct features, ignorance or inability to interpret which can lead to conflict, especially within the bounds of cross-cultural communication. The result of a comparative analysis of the characteristics and interpretations of rhetorical questions, performed on the basis of excerpts from fiction, was the identification of a factor that allows considering the rhetorical question as a form of verbal aggression and a catalyst for conflict.

Keywords: rhetorical question, actual question sentence, social interaction, conflict, language impoliteness, aggressive language behavior.

Басаргина Маргарита Владимировна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

mvbasargina@mail.ru

Особенности квазиимперативных конструкций в современном русском языке

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны,

кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются квазиимперативные конструкции, функционирующие в современном русском языке, приводится их классификация, обозначаются различия между директивными императивными и квазиимперативными конструкциями, описываются причины возникновения не прямых употреблений императива.

Ключевые слова: квазиимперативы, императивное действие, не прямые употребления, конструкция.

В современном русском языке существуют императивные формы, утратившие семантику повеления. Данные не прямые значения принято называть квазиимперативами [6]. Рассмотрим особенности квазиимперативных конструкций, функционирующих в современном русском языке. Исследование проводится на материале текстов художественных произведений, представленных в Национальном корпусе русского языка [3].

Э. Фортейн выделяет следующие типы квазиимперативных значений: долженствовательное, повествовательное, желательное, условное, уступительное [5, с. 3]. Наиболее употребительными признаются квазиимперативные конструкции уступительного и условного видов, в то время как пожелательные конструкции являются наименее частотными. Внутри указанных типов квазиимперативных употреблений можно выделить подвиды. Условные не прямые употребления императива подразделяются на конструкции с гипотетически возможной ситуацией и конструкции с ирреальной ситуацией. Предложения потенциального типа указывают на возможность осуществления обсуждаемой ситуации в будущем: *«Любой занюханый школьник – разбуди его – скажет тебе: „Америку открыл Христофор Колумб – известный мореплаватель и большой молодец“»* (А. Геласимов. Ты можешь).

Предложения с ирреальной обусловленностью описывают действия, которые могли бы быть реализованы в прошлом, но по каким-либо причинам не осуществились: *«Возьми бомба чуть точнее, она могла бы стать последней для всех находившихся в блиндаже»* (В. Тыцких. Через три войны). *«Ну, может быть, и выстрелов тогда бы не было, не окажись я трусом»* (С. Самсонов. Кислородный предел).

Уступительные употребления квазиимперативов делятся на конструкции универсального, или обобщенного характера, конструкции со значением альтернативности, конструкции скалярного характера. Наиболее употребительными являются предложения универсального, или обобщенного характера с частицей *ни*:

«Сколько **ни дуйся**, все равно быком не станешь!» (А. Дорофеев. Эле-Фантик). «Сейчас что-то вроде сцены в виде круга установлено меж рядами, но неудачно – как **ни встань**, к кому-нибудь окажешься спиной» (В. Распутин. Новая профессия).

В предложениях со значением альтернативности описываются две или несколько ситуаций, которые сопоставляются или противопоставляются: «Хочу – еду шагом, хочу – скачу, да так, что всякая тварь бежит прочь, всякая птица – **будь то** курица, **будь то** воробей – с криком разлетается на стороны» (В. Астафьев. Обертон). «Потому что **спрашивай не спрашивай** – все одно получишь в ответ исказившееся скорбью лицо, всхлип, отворот к окну» (М. Кучерская. Тетя Мотя).

Предложения скалярного характера со словом *хоть* описывают ситуации, демонстрирующие крайности: «Иной раз так прихватит, что **хоть ложись и помирай**» (И. Грекова. Перелом). «**Хоть расшиби** себе лоб о стенки – повсюду „единство противоположностей“, повсюду резиновые пули, слезоточивый газ» (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп).

Долженствовательное употребление квазиимператива подразделяется на следующие типы: конструкции со значением вынужденности и резко отрицательной оценки, конструкции со значением положительной оценки и конструкции со значением легко реализуемого действия. В первом типе квазиимперативных конструкций говорящий стремится обратить внимание адресата на императивное действие и его негативные последствия: «Вы там баловством занимаетесь, а я тут **вкалывай!**» (А. Слаповский. Синдром Феникса). «У тебя там что-то произошло, а я опять **отдувайся!**» (Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда»). Н.Ю. Шведова выделяет случаи, когда оценка действию дается положительная: «Взялся учить, так он и **учи**» [7, с. 117].

Конструкции, в которых действие расценивается говорящим как легко реализуемое, не требующее особых усилий, чаще всего включают в свой состав частицу *только*: «Каждый раз я почти доныривал до дна, казалось, **только протяни** руку – и схватишь монеты, но меня обманывала прозрачность воды» (Ф. Искандер. Рассказ о море). «Умыкнул по доброте или со зла кокнул, **только оставь**» (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

В случае повествовательного квазиимператива конструкции употребляются для акцентирования внимания на внезапном характере императивного действия. Данный тип

квазиимператива не подразделяется на подтипы: «*Кому-то надо было идти на химию, мною за ткнули дыру в школьной команде, а я **возьми да выиграй***» (Е. Завершнева. Высотка). «*Только Коля вдруг **возьми да и промахнись** бутылочкой-то – златовласый крыло подставил, отвёл удар!*» (Е. Каминский. Чудотворец (начало)).

В оптативном квазиимперативе выделяются конструкции со значением пожелания и злопожелания. Употребление первых крайне ограничено: «***Награди** здоровьем и детьми хорошими Ефима Петровича Абрамова...*» (В. Никифоров-Волгин. Молитва). Конструкции со значением злопожелания, в свою очередь, можно подразделить на два вида. Предложения с семантикой сильного удивления или негодования обычно включают в свой состав конструкции *пропади пропадом, будь неладен* и т.п.: «***Будь неладен** этот Глаша, от него у меня все неприятности!*» (Е. Козырева. Дамская охота). «***Пропади пропадом** эти переметы, гальяны, налимы, Енисей и дед вместе с ними!*» (В. Астафьев. Последний поклон).

Конструкции с семантикой обещания или клятвы допускают использование крайне узкого круга глаголов, наиболее частотной является словоформа *разрази*: «*Слава Богу, мне есть еще куда пойти, — и **разрази** меня **гром**, если я хоть на миг обуюпускаю, что над этим моим прибежищем властна хоть какая-нибудь из властей*» (Д. Быков. Орфография). «***Будь я проклят**, если попрекну ее эти*» (М. Петросян. Дом, в котором...).

Внепарадигматические императивные формы отличаются от директивного употребления рядом факторов:

– утратой побудительной семантики; возможностью образования словоформ от глаголов неконтролируемого действия: «*Кажется, Эйлер говорил, что, **родись** он хоть белым медведем, он и тогда бы царапал на льдинах свои уравнения*» (П. Мейлахс. Избранник). «*Старик палку свою поставил чуть в сторону, чтобы не мешала, а она **возьми и упади**, совсем рядом с нашей мамой*» (О. Лузанов. Дальний Восток). «*Вам бы лишь прокукарекать, а там хоть **не рассветай***» (А.А. Голицын. Ящик. История одного шоу);

– употреблением конструкций в зависимой части сложного предложения: «*Меня вон как **ни одень**, я-то стрелять не буду и в драку не полезу*» (О.А. Славникова. 2017). «*Дома в округе были сплошь деревянные, так что **загорись** один, запылали бы и все остальные*» (В. Зверовщиков. Первый страх). «***Будь** так, я бы тосковал по тем двоим*» (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри);

– ограничениями в использовании словоформ с частицами *-ка, же*, этикетного междометия *пожалуйста* и показателя множественного числа – постфикса *-те*: «*Утром другого дня путейцы на станции наблюдали картину, которая, верно, поразила бы их, не зная они ее настоящего смысла*» (Г. Владимов. Верный Руслан).

В основе использования императивных конструкций в непрямом употреблении лежит транспозиция языковых форм в сторону изъявительного и сослагательного наклонений, что является проявлением языковой асимметрии, которая служит фактором «расширения номинативных возможностей языка» [2, с. 74]. Можно выделить две основные причины формирования квазиимперативов. В первую очередь, не прямые употребления императивов придают речи экспрессивности, привносят новые эмоциональные оттенки. При транспозиции теряется побудительная интонация и сохраняются лишь «стилистические значения императива (разговорный стиль, эмоциональная окраска)» [4, с. 214]. Следовательно, квазиимперативы можно рассматривать как особый стилистический прием, помогающий адресанту придать высказыванию экспрессивность, подчеркнуть свою точку зрения. В связи с наличием яркой эмоциональной окраски у квазиимперативных конструкций не прямые употребления императива часто встречаются в различных фразеологизированных оборотах. В большей степени это характерно для оптативного и уступительного типов. Стоит отметить, что также существуют такие идиоматические обороты, как: *палец в рот не клади, не разлей вода и т.д.*, которые не типизируются: «*Вот ее компания, кстати, – Алекс, Любочка и Кэти, они у нас не разлей вода*» (М. Полетика. Однажды была осень). «*Мы, русские, хоть народ и не такой горячий, но нам тоже палец в рот не клади*» (П. Галицкий. Цена Шагала).

Еще одним фактором развития квазиимперативов является несвойственный для побудительного наклонения контекст, при котором отсутствует реципиент, а фокус внимания смещается с адресата на субъект действия, выраженный первым или третьем лицом. Это связано с тем, что императивные конструкции берут на себя роль носителей значений различных синтаксических наклонений, поэтому «появление таких частных значений сопровождается транспозицией значений лица» [1, с. 356].

Таким образом, в современном русском языке функционируют не только формы прямого употребления императива, представляющего собой полисемичный комплекс различных взаимосвязанных значений, но и ряды внепарадигматических

квазиимперативных форм, которые обладают характерными синтаксическими и семантическими особенностями, служащими причиной их отделения от директивных конструкций.

Литература

1. Грамматика современного русского языка. – Москва : Наука, 1970. – 770 с. [Электронный ресурс]. – URL : <https://djvu.online/file/bSqrae0YxsmIM> (дата обращения: 27.01.2024).
2. Кубрякова Е.С., Соболева П. А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. – Москва : Наука, 1979. – С. 5-23.
3. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. [Электронный ресурс]. – URL : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.02.2024).
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
5. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 2008. – №1. – С. 3-24. [Электронный ресурс]. – URL : <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2008-1/3-24> (дата обращения: 14.01.2024).
6. Храковский В.С. Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 1994. – № 6. – С. 129-139.
7. Шведова Н.Ю. О долженствовательном наклонении // Синтаксис и норма / отв. ред. Г.А. Золотова. – Москва : Наука, 1974. – С. 107-121.

Basargina M.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Pseudo-imperative constructions in the modern Russian language

The article examines pseudo-imperative constructions that function in the modern Russian language, provides their classification, identifies the differences between directive imperative and pseudo-imperative constructions, and describes the reasons for the emergence of indirect uses of the imperative.

Keywords: pseudo-imperatives, imperative action, indirect uses, constructions.

Батсайхан Тэргэлсаран

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Tergelsaran0616@gmail.com

«Язык соцсетей или интернет язык»: анализ языковых особенностей сообщений в социальных сетях, изучение сокращений, эмодзи и новых слов

Работа выполнена под руководством Федоровой Елены Леонидовны, кандидата
филологических наук, доцента

Статья погружается в язык интернет-коммуникации. Она исследует эволюцию интернета и его влияние на наш язык и способы общения. Раскрываются различные языковые особенности интернет-коммуникации такие, как сокращения, смайлы и эмодзи. Исследование имеет целью расширить понимание влияния интернет-языка на коммуникацию, изменение языка и способы выражения мыслей в онлайн-среде.

Ключевые слова: эволюция интернета, онлайн-общение, интернет-сленг, современная коммуникация, эмоджи, сокращения.

Язык меняется – постоянно и существенно, хотя не всегда заметно для тех, кто им пользуется. Изменения проходят по внутренним законам развития языка, отражая коммуникативные потребности общества. Другие известные ученые-лингвисты, многие годы наблюдающие за состоянием русского языка, считают, что сегодня мы можем говорить не только о сохранении русского языка, но и развитии языка, так как слова превращаются в естественные обозначения новых явлений или идей [2, 4].

В современном информационном обществе интернет-язык с каждым днем приобретает все большее значение. Интернет стал неотъемлемой частью повседневной жизни, и в результате этого появился новый язык, отличающийся от традиционных форм коммуникации.

Исследование языка интернета и его связи с интернет-коммуникацией представляет большой интерес для лингвистов, социологов, психологов и других исследователей, так как помогает понять и проанализировать изменения в мышлении, поведении и выражении идентичности в современном обществе.

Интернет-язык, включая интернет-сленг, сокращения и эмодзи, становится все более распространенным в коммуникационных практиках, влияя на взаимодействие людей и способы выражения мыслей. Изучение этого нового вида коммуникации позволяет лучше понять его особенности, а также его влияние на общение и формирование современного языка.

Цель исследования заключается в понимании влияния интернета на коммуникацию, изменение языка и способы выражения мыслей в онлайн-среде.

Прежде всего стоит рассмотреть **эволюцию интернета и его влияние на язык:**
Зарождение (1960-1980):

- Создание первых компьютерных сетей и передача данных;
- Ограниченные формы текстовой коммуникации.

Развитие (1980-2000):

- Появление World Wide Web (WWW) и браузеров;
- Рост использования электронной почты и форумов.

Эра социальных сетей и мобильности (2000-н.в.):

- Бурное развитие социальных медиа и мессенджеров;
- Переход к мобильным платформам и приложениям.

Официальной датой появления интернета в России принято считать 28 августа 1990 года. Изначально интернет создавался для передачи информации посредством электронной почты. Появление электронной почты в деловой и личной жизни значительно увеличило скорость и масштаб коммуникации.

В современном мире все языки мира развиваются, и, безусловно, интернет и новейшие технологии ускорили этот процесс. Благодаря передовым технологиям, потребность в новых словах, способах выражения и изменениях происходит стремительно. Поскольку компьютеры и смартфоны стали неотъемлемой частью жизни, то и способ общения полностью изменился. Люди теперь могут общаться с людьми со всего мира одним прикосновением через социальные сети, такие как Twitter, Facebook, VK, ОК, Messenger, Instagram и YouTube. Новейшие технологии также привели к появлению новых слов, которые используются для описания различных аспектов цифровой жизни. Например, слова «лайк», «шэрить», «гуглить», «селфи», «мем», «тренд», «лайкнуть» стали частью нашего повседневного лексикона. Помимо появления новых слов, интернет и технологии также изменили способ, которым мы используем язык. Например, мы стали использовать более короткие и простые предложения, а также чаще использовать смайлики и эмодзи для передачи эмоций.

Эмодзи и смайлики стали универсальным средством выражения эмоций в интернет-языке. От смеха до грусти, эти небольшие иконки обогащают текстовую коммуникацию, делая ее более выразительной и человечной. Они превратились в неотъемлемую часть онлайн-языка, создавая своеобразный визуальный слой в цифровой общности.

Особенности интернет-коммуникации проявляются в ряде аспектов, которые влияют на язык и способы коммуникации в онлайн-среде. Как ученый-лингвист, я могу назвать несколько ключевых особенностей:

1. Новые формы выражения. В интернет-коммуникации используются уникальные формы выражения, такие как эмодзи, смайлы, стикеры и смешанные символы (например,

значение символа эмодзи ☞ рукопожатие, это связано с 'встреча, договорились, согласие'). Эти элементы не только добавляют эмоциональность в сообщения, но и могут заменять слова или фразы, образуя своеобразный интернет-сленг.

2. Краткость и сжатость. Коммуникация в интернете характеризуется краткостью и сжатостью выражения. Интернет-пользователи часто используют сокращения, аббревиатуры и акронимы: «др» – 'день рождения', «спс» – 'спасибо', «пл» – 'пожалуйста', «мч» – 'мужчина', «лп» – 'лучшая подруга', «мб» – 'может быть', «оч» – 'очень', «личка» – 'личное сообщение', чтобы быстро передать свою мысль.

3. Нестандартная орфография и пунктуация. В интернет-коммуникации часто применяются нестандартные правила орфографии и пунктуации. Фонетическое написание слов: Привет, ка дила?, смешнО))), пасибaaa, или использование недопустимых символов: (например, "!!!!" для выражения эмоционального усиления, «Ого!!!!»), «Вау!!!!»), «Офигеть!!!!!»).

4. Множество коммуникационных каналов. Интернет предлагает разнообразные способы общения, включая текстовые сообщения, голосовые записи, видеозвонки и социальные сети. Это позволяет выбрать наиболее удобные и эффективные средства коммуникации в зависимости от контекста и предпочтений.

5. Глобальный характер. Интернет-коммуникация позволяет людям общаться и взаимодействовать международно. Благодаря многоязычному окружению, пользователи могут общаться на разных языках, а также сталкиваться с культурными различиями и переводческими проблемами.

Эти особенности интернет-коммуникации являются результатом эволюции языка в онлайн-среде и социолингвистических изменений в общении современного человека.

Интернет-коммуникация имеет свои уникальные языковые особенности, которые отличают ее от традиционных форм общения. Так, в интернете широко используются сокращения и аббревиатуры для ускорения письменной коммуникации. Иностранцы, изучающие русский язык, рано или поздно сталкиваются с такими проблемами: «го» – от англ. 'GO', 'пошли, погнажи, вперед', «спок» – 'спокойной ночи', «НГ» – 'новый год', «нзч» – 'не за что', «ща» – 'сейчас', «ок» – 'хорошо'.

Вместо слов могут использоваться эмодзи и смайлики для выражения эмоций и оттенков. Они стали неотъемлемой частью онлайн-коммуникации, обогащая текстовые сообщения и делая их более выразительными. Например: «Рад за тебя ☞», в Китае этот эмоджи интерпретируют, как сарказм либо насмешку, в русском и монгольском языках слегка улыбающееся лицо используется для того, чтобы сделать высказывание более

дружелюбным. Данный эмодзи может также использоваться в контексте ироничных, покровительственных и пассивно-агрессивных высказываний. ✋ – махание рукой в китайском языке может означать ‘отвали’ либо ‘я не хочу тебя больше видеть’, а в монгольском и русском языках могут означать приветствие.

Онлайн-сообщества формируют свой собственный лексикон и грамматику, известные как интернет-сленг. Это может включать в себя использование новых слов, фраз и выражений, а также изменение значений существующих слов:

В современном мире наблюдается тенденция к сокращению и упрощению языковых конструкций, особенно в неформальном общении. Одним из проявлений этой тенденции является использование аббревиатур, сокращений и сленговых выражений. К примеру, получив сообщение «ДД. Как ты?», мы воспринимаем текст как «Добрый день. Как ты?». Такое сокращение времени на написание сообщений весьма популярно в мессенджерах и социальных сетях, особенно среди молодежи. Другим ярким примером является использование слова «норм» в качестве оценки или ответа на вопрос о самочувствии или состоянии дел. Это слово происходит от разговорного «нормально» и стало широко употребляться в повседневной речи. Еще одним распространенным сокращением является «ава», которое означает ‘аватар’ или ‘фото профиля’. Аватар представляет собой небольшую картинку, которая отображается рядом с именем пользователя в социальных сетях и мессенджерах. Также часто можно услышать и другие сокращения: «оч» – ‘очень’, «лол» – ‘смешно’. Литературными эти формы не признаны, но в повседневной речи, особенно в молодежной среде, активно используются. Они позволяют экономить время и выражать мысли более лаконично и понятно. Помимо сокращений и аббревиатур, в молодежном сленге часто встречаются жаргонизмы и заимствованные слова из других языков. К примеру, слово «хайп» (hype), которое означает ‘шумиха’ или ‘ажиотаж’, пришло к нам из английского языка. А слово «тусовка» (party) имеет французские корни и означает ‘вечеринка’ или ‘сходка’. Языковые изменения, происходящие в молодежной среде, являются естественным процессом, отражающим изменения в обществе и культуре. Молодежный сленг не только отражает современную реальность, но и влияет на развитие языка в целом, обогащая его новыми словами и выражениями.

Онлайн-коммуникация имеет множество преимуществ, а также сопряжена с рядом потенциальных проблем и вызовов: недостоверная информация, конфликты и недопонимания, небезопасность, зависимость от социальных сетей, кибербуллинг, цифровое неравенство. Эти проблемы требуют внимания и решения как со стороны пользователя, так

и со стороны законодательства для обеспечения безопасной и эффективной онлайн-коммуникации.

В современном русском языке активно используются аббревиатуры, сокращения и сленговые слова. Это разнообразие лингвистических конструкций может вызвать трудности у иностранцев, изучающих русский язык. Чтобы облегчить им понимание и использование русского языка, необходимо включать в их образовательную программу уроки, посвящённые этой теме. На начальном этапе обучения следует давать ученикам основные понятия аббревиатур и сокращений. Объяснять, что они представляют собой сокращённые формы слов или словосочетаний. Рассмотреть основные виды аббревиатур: буквенные, звуковые, смешанные, а также типы сокращений: общепринятые, условные и индивидуальные. Затем можно переходить к разбору конкретных примеров сокращений и аббревиатур, которые широко используются в повседневной жизни. Например: РФ (Российская Федерация), ООН (Организация Объединённых Наций), ЖКХ (жилищно-коммунальное хозяйство), ЗАГС (отдел записи актов гражданского состояния), ТЦ (торговый центр) и многие другие. Помимо сокращений и аббревиатур, иностранцам также необходимо знать о сленге – специфической лексике, используемой в определённых социальных группах. Сленговые слова и выражения часто используются в разговорной речи, в Интернете и в средствах массовой информации. Их употребление может придать речи неофициальный и более эмоциональный оттенок. Знание сленга поможет иностранцам лучше понимать русскую культуру и язык. Однако следует помнить, что сленговые слова и выражения не всегда уместны в официальной обстановке. Изучение сокращений, аббревиатур и сленга – важная часть процесса обучения русскому языку. Это поможет иностранцам лучше понимать русскую речь, правильно интерпретировать тексты и успешно общаться с носителями языка.

Литература

1. Валгина С.Н. Активные процессы в современном русском языке : Учебное пособие для студентов вузов. – Москва : Логос, 2003. – С. 108-304.
2. Костомаров В.Г. Статьи старых лет / под ред. Ю.Е. Прохорова. – Москва : Издательство ИКАР, 2010. – С. 23-38.
3. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2017. – С. 30-480.
4. Сиротина О.Б. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 293-307.

5. Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. – 2010. – № 5. – С. 122-134.

6. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного // Очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века русского языка. – Воронеж, 2004. – С.10-93.

Batsaikhan T.

Pushkin State Russian Language Institute

“Language of social networks or internet language”: analysis of linguistic features of messages in social networks, study of abbreviations, emojis, and new words

This article delves into the language of internet-mediated communication, scrutinizing the evolutionary trajectory of the internet and its impact on our linguistic fabric and modes of interpersonal exchange. Various linguistic idiosyncrasies characteristic of internet communication, such as lexical abbreviations, emoticons, and emojis, are elucidated. The study aims to enrich our understanding of the influence of internet-mediated language on communication dynamics, language evolution, and cognitive expression modalities within the online milieu.

Keywords: Internet evolution, online messaging, internet slang, social networks, emojis, abbreviations.

Бевз Анастасия Максимовна

студент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

brvz.nastena@gmail.com

Повторение пунктуации в процессе изучения синтаксиса

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук

Данная статья посвящена повторению правил пунктуации при обособлении второстепенных членов простого предложения, а также умению использовать эти знания на практике при подготовке к ЕГЭ по русскому языку.

Ключевые слова: синтаксис, пунктуация, осложнение простого предложения, обособленные второстепенные члены, ЕГЭ по русскому языку.

Изучение синтаксиса предполагает не только знание правил формирования предложений, но и умение правильно использовать пунктуацию. В осложненных предложениях правильное размещение знаков препинания может представлять сложности для изучающих синтаксис в процессе подготовки к ЕГЭ по русскому языку.

Термин «осложненное предложение» вошел в научный лингвистический дискурс после публикации монографии профессора А.Г. Руднева «Синтаксис осложненного предложения» в 1959 году.

Осложненные предложения были выделены как особый класс простых предложений, включающий разнообразные построения, которые в формальном отношении обладают

главным признаком простого предложения – монопредикативностью, однако семантически организованы более сложно, чем неосложненные предложения.

По Б.И. Фоминых осложнение схемы монопредикативного предложения происходит за счет особых синтаксических форм, конструкций, каждая из которых привносит что-нибудь новое в содержание предложения. Эти осложняющие конструкции обладают своей семантикой, определенным грамматическим оформлением, конструкционной и ритмико-интонационной организацией.

К конструкциям, осложняющим монопредикативное предложение, относятся однородные члены, обращения, обособленные обороты, вводные и вставные компоненты. Все они формируются на уровне простого предложения, изменяя общий предикативный план. Наличие осложняющих компонентов обусловлено их цельной конструкцией, в оформлении которой участвуют и играют важную роль порядок слов, интонационная выделенность, служебные слова.

Термин «обособленные второстепенные члены» ввел А.М. Пешковский и определил его как «второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и – параллельно – в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению» [6, с. 416]. Однако в основе этого определения лежит только интонационный признак, и игнорируется смысловая выделенность обособленных компонентов, на которую обратил внимание В.В. Виноградов, а также обозначил их полупредикативный характер: «...обособление придает второстепенному члену относительно самостоятельное положение в предложении» [7, с. 280]. Итак, обособление можно определить как выделение неглавного члена предложения ритмико-интонационно с целью придания ему независимой коммуникативной значимости.

По функции различают два типа обособленных членов простого предложения: с полупредикативным значением и поясняющие, уточняющие. Члены предложения с полупредикативным значением могут иметь оттенки значения обстоятельства при этом, обладая информативной самостоятельностью, по функции приближаясь к сказуемому. Поясняющие и уточняющие члены предложения не обладают предикативностью, а лишь конкретизируют один из членов предложения.

Тема обособления второстепенных членов предложения является одной из важных тем обязательных к изучению при подготовке к единому государственному экзамену по русскому языку. При выполнении заданий 16, 17, 18 20 ученикам необходимо знать правила обособления второстепенных членов в простом осложненном предложении.

В задании 16, для того чтобы определить нужны ли запятые между однородными членами, ученики могут использовать следующую памятку:

1. Однородные члены характеризуют предмет с одной стороны и между ними ставится запятая. Например: Холодный, промозглый день. А неоднородные члены характеризуют предмет с разных сторон. Например: Большой стеклянный графин.

2. Между однородными членами ставятся запятые, и только четыре неодинокных союза могут их «отменить»: *и, или, либо, да* (в значении *и*). Сравните: Я люблю синтаксис, пунктуацию – Я люблю синтаксис и пунктуацию.

3. Если союзы не одиночные, они не могут «отменить» запятые между однородными членами. В этом случае запятые ставятся так, будто союзов в предложении вообще нет. Например: Я люблю и синтаксис, и пунктуацию.

4. Если однородные члены соединяются союзами *и, или, либо, да* (в значении *и*), то запятые ставятся между парами однородных членов. Сравните: Я люблю синтаксис и пунктуацию, морфологию и орфографию.

5. Фразеологизмы не разделяются запятой. Например: Ни пуха ни пера.

В задании 17 встречаются предложения, осложненные причастным оборотом. Правильная расстановка знаков препинания в таких предложениях может вызывать затруднения у учеников. Причастный оборот обособляется, если стоит после определяемого слова, которое всегда является существительным. Например: Ее глаза, ярко блестевшие на бледном лице, были похожи на звезды. В этом задании в некоторых предложениях есть ловушка. Если определяемое слово – личное местоимение, то причастный оборот обособляется всегда, даже если он стоит перед ним. Например: Громко рыдая, она упала на колени. Также важно знать, что между однородными причастиями или причастными оборотами, соединенными единичным союзом *и*, запятая не ставится. Например: Ее голос, дребезжащий и срывающийся, разносился эхом над молчаливой толпой.

В 17 задании также встречаются предложения, осложненные деепричастным оборотом. Он обособляется с двух сторон, независимо от позиции в предложении. Сравните: Я карабкался вверх по скале, не смотря вниз, и не боялся упасть – Не смотря вниз, я карабкался по скале и не боялся упасть. Важно помнить, что деепричастный оборот или деепричастие не обособляется в тех случаях, если:

1) Нет зависимых слов, близких по значению к наречию образа действия: любя, молча, рыдая. Например: Он переносил все молча.

2) Входит в состав устойчивых выражений. Например: Он бежал сломя голову.

3) Два однородных оборота соединены союзом *и*. Например: Он, волнуясь и ерзая на месте, ожидал встречи.

Если же обороты относятся к разным словам, они не являются однородными членами и обособляются. Например: Она помолчала, задумчиво глядя на картину, и, глубоко вздохнув, вновь заговорила.

В задании 18 необходимо уметь распознавать вводные слова. Для того, чтобы найти такое слово в предложении, можно использовать несколько хитростей:

- 1) вводное слово можно убрать из предложения, контекст при этом не изменится;
- 2) вводное слово можно переставить в любое место предложения;
- 3) вводное слово можно заменить на другое вводное слово.

Сравните: Я, конечно, согласен – Я согласен, конечно – Я согласен.

Часть слов, наиболее часто попадающихся в этом задании, не являются вводными. Это такие слова как: между тем, как раз, по решению, приблизительно, небось, примерно, почти, ведь, даже, в конечном счете.

Обращения, встречающиеся в этом задании, всегда обособляются с двух сторон. Например: Иди, дорогой друг, путем познания. Экзаменуемые могут попасть в ловушку, допустив ошибку в обособлении личных местоимений, которые не являются обращениями. Например, в предложении «Наверное, вы устали» местоимение *вы* не является обращением и соответственно не обособляется.

В задании 20 часто попадают предложения с однородными придаточными. В случае, когда они соединяются союзом *и*, запятая не ставится, как, например, в данном случае: Я не успела тебе сказать, что сегодня сделала часть работы и что собираюсь закончить завтра.

Таким образом, краткие рекомендации по выполнению заданий, требующих знания правил пунктуации в простом осложненном предложении из ЕГЭ по русскому языку, могут помочь старшеклассникам в процессе подготовки к экзамену.

Литература

1. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. Современный русский язык : Учебник для филологических специальностей университетов. – Москва : Высшая школа, 1989. – 800 с.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избранные труды : Исследования по русской грамматике. – Москва, 1975. – 559 с.
3. Дощинский Р.А., Цыбулько И.П. ЕГЭ. Русский язык : типовые экзаменационные варианты : 36 вариантов. – Москва : Национальное образование, 2024. – 352 с.

4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва, 2004. – 544 с.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Москва, 1956. – 511 с.
6. Фоминых Б.И. Курс лекций по современному русскому языку : синтаксис простого предложения : Учебное пособие. – Москва : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. – 340 с.
7. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Том 1. – Москва : Наука, 1980. – 788 с.

Bevz A.M.

Pushkin State Russian Language Institute

Repetition of punctuation in the process of studying syntax

This article is devoted to the repetition of the rules of punctuation when isolating secondary members of a simple sentence, as well as the ability to use this knowledge in practice in preparation for the USE in Russian language.

Keywords: syntax, punctuation, simple sentence complication, isolated secondary members, USE in Russian language.

Белякова Олеся Валерьевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

belyakova0619@gmail.com

Языковая личность стендап-комика

Работа выполнена под руководством Гапутиной Виолетты Александровны,
кандидата филологических наук, доцента

В фокусе исследования находится речевой портрет стендап-комика. Материалом исследования послужили видеозаписи выступлений известных российских комиков (Павел Воля, Виктория Складчикова, Юлия Ахмедова и др.). Автор приходит к выводу, что у каждого из них есть свой идиостиль, работающий на усиление юмористического эффекта и удержание внимания аудитории, при этом создается определенный обобщенный образ комика. Его можно рассматривать в рамках структуры языковой личности как личностный типаж, принадлежащий одной лингвокультуре.

Ключевые слова: стендап-комик, языковая личность, лингвокультура.

Юмор является одним из наиболее эффективных средств накопления и передачи социального опыта. Популярная в наше время форма юмора – стендап-комедия. Для выступлений комиков в этом жанре не характерно ограничение рамками и шаблонами помимо того, что оно должно представлять собой монолог. В стендап-монологе находят отражение современные бытовые реалии и события, типажи и явления, концепты и ценности. Для удержания внимания и усиления юмористического эффекта комики используют разноуровневые средства выразительности и стилистические приемы, усиленно мобилизуют речевые ресурсы, используют сигналы акцентирования. Используя один набор

«инструментов» комического, артисты сохраняют яркую индивидуальность. Однако у людей, знакомых с жанром стендапа, создается определенный обобщенный образ комика, из-за чего его можно рассматривать в рамках структуры языковой личности как личностный типаж, принадлежащий одной культуре. Для определения понятия «языковая личность» и ее рамок мы используем фундаментальную работу ученого Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». В ней языковая личность рассматривается как лингво-психологический феномен и определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [2]. Караулов создает модель с трёхуровневой структурой, на основе которой мы исследуем модель языковой личности комика. Сам ученый уточняет, что описание языковой личности будет обладать некоторой стереотипизированностью. Представляется возможным рассмотрение языковой личности лишь в рамках одной культуры, из-за чего анализируются выступления только русскоговорящих комиков, популярных среди зрительной аудитории РФ. Национально-культурный аспект состоит в тесной связи с каждым уровнем языковой личности и самим юмором, который нельзя рассматривать вне рамок когнитивного аспекта. Материалом для анализа языковой личности стали видеозаписи выступлений комиков, представленных на интернет-платформе Youtube в количестве 32 штук или 9 часов 41 минуты 35 секунд.

При рассмотрении личности на трех уровнях выбранной модели можно обнаружить ряд индивидуальных отличий, выделяющих языковую личность комика на фоне усредненного представления языкового строя

Они проявляются на вербально-семантическом уровне. Опираясь на анализ текстов выступлений, можно утверждать, что лексикон личности российского стендап-комика отличается большим количеством характерных единиц, составляющих идиостиль. Лексика стендап-комика характеризуется: разговорными единицами и жаргонизмами: *«уж на фуникулер пришлось раскошелиться»*, *«потусуйся»*, *«бухает»*, *«братан»*, *«разведенки»*. Такие единицы часто содержат отрицательную характеристику. Также распространены устойчивые выражения, присущие разговорной речи: *«нормальная тема»*, *«душу высосала»*, *«на умных щах»*; вводные слова и обращения к слушателям: *«представьте»*, *«прикиньте»*, *«знаете»*, *«смотрите»*, *«вспомните»*; слова-дискурсивы: *«типа»*, *«...и я такой: „Супер!“*; табуированная лексика, особенно в выступлениях, не предназначенных для ТВ. Подобные единицы широко распространены, часто имеют функцию междометий, выражающих эмоционально-оценочное содержание, а также эмоционально-окрашенных синонимов стилистически нейтральных глаголов: *«...Я просидела с**а семь часов, семь, с**а часов...»*, *«...А какого х***, *извините меня, (пауза) вы так разговариваете при моем ребенке...»*,

«*ни***асишь квартиру*» вместо «*убираешься в квартире*». Характерно и употребление междометий: «*Твою мать!*», «*Ёмае!*»; эмоционально окрашенных прилагательных и наречий: «*нереально нетерпеливый*», «*...у меня бессонница просто дикая*»; лексических повторов; пословиц и афоризмов; сленга: «*Там все пропитано мажорами...*», «*...Мой краш, уже сам признался...*»; окказионализмов: «*покатушечный день*», «*...из себя строить роковую с прыщами...*», «*...Пересоляренного мне не надо...*». «Использование окказиональных слов принято считать характерной чертой различных жанров, связанных с проявлением комического эффекта» [5, с. 36]. Распространены наименования современных явлений, неологизмы и узнаваемые имена собственные: «*айкос*», «*патчи*», «*глэмпеция*», «*лайфхак*», «*кешбек*»; вкрапления английской речи. Редко встречается книжная лексика и лексика научной речи: «*прерогатива*», «*баллотуруется*», «*...деформируется это понятие...*», «*томно*», а также лексика сферы психологии и медицины: «*сепарация*», «*личное пространство*», «*интроверт*», «*инфаркт*».

«В контексте практически любая лексическая единица может получать эмоциональный или же оценочный компонент значения.» [3, с. 43]. Так, распространенные в России имена «Лариса», «Наташа», «Борис» приобретают оценочную характеристику и создают комический эффект в контексте высмеивания бытовых реалий с помощью пародий в монологах некоторых комиков.

Представленные единицы эмоционально окрашивают монолог и помогают удержать внимание слушателя. Этим объясняется характерное для российского стендапа непривычное использование эвфемизмов, выраженных чаще всего жаргонизмами. Часто можно увидеть употребление слова «*отъехала*» вместо «*умерла*», «*залетела*» вместо «*забеременела*». «С помощью эвфемизмов не скрываются какие-то явления, а выносятся на передний план, акцентируются, становясь предметами комического высмеивания». [4, с. 205]

Можно сказать, что российский стендап не будет понятен и смешон для иноязычной аудитории без специально адаптированного перевода и погружения в контекст, в чем заключается его отличие от американского стендапа, популярного во всём мире, в том числе на территории нашей страны. Кроме того, необходимым представляется комплексный анализ, из-за чего мы выделили следующие средства и приемы воздействия на аудиторию. Это стилистические приемы: прямое обращение, гипербола, каламбур, сравнения, эпитет, ирония, метафора, эвфемизм; невербальные средства выражения комического: пародия (у 16 из 28 комиков), повторение, акцентуация, которая служит для выделения наиболее значимых частей сообщения, замещение, дополнение; просодические элементы. В стендап-комедии просодические элементы помогают слушателю понять «когда смеяться». [6, с. 164]. Комики

также делают паузы после шуток, чтобы зрители не пропустили другие высказывания, и чем более успешной кажется шутка комику, тем более длинную он делает паузу.

На лингвокогнитивном уровне рассматриваются знания языковой личности о мире, это ««корень» языковой личности» [2]. Российскому комику свойственны: готовность дать определение используемым понятиям: *«Приглашают в глэмпедицию меня. Оказывается, это такие гламурные туристические путевки с фотосессией...»*, готовность использовать иностранные понятия, заимствования: *«айриш-крим»*, *«тюбинг»* вместо привычной *‘ватрушки’*. Также комики часто используют знания, извлеченные из текстов, обращаются к прецедентным текстам в своих монологах, преобразуют их: *«Смотрите, молодежь, сейчас регистрируем вас карандашиком...потом ручкой...»*; *«На этой свадьбе от стиля Чикаго только то, что отец пришел на свадьбу дочери без уважения...»*. Присутствует готовность к развертыванию аргументации и готовность комика к импровизации речи. Как правило, это ответная реакция на шутку или высказывание из зала, поведение публики. При этом комик изначально может предугадать варианты реакций и ответы публики на вопросы комика. Готовность пользоваться внутренней речью проявляется в виде высказываний, начинающихся со слов: *«я думаю...»*, *«я смотрю»* и т.д.: *«Я думаю, надо дать шанс нашим отношениям...»*. Характерна готовность рефлексировать по поводу фактов родного языка. Отражение языкового сознания проявляется в шутках, оценке своей и чужой речи, к примеру, в пародиях на акцент и шутках о чужом языке, названиях блюд, шутки о синонимах и об омонимичности слов: *«Это как попить и выпить – значение одно: ‘употребление жидкости’, но смысл совершенно разный: попросите попить и попросите выпить, вам принесут два совершенно разных напитка»*.

В вербальном общении используются лингвистические знания, отражающие устройство языка, энциклопедические знания, характеризующие устройство мира и интерактивные, отражающие принятые в обществе правила речевого общения [1, с. 10-11]. Языковая личность стендап-комика владеет знаниями всех трех уровней. Часто она оперирует знанием понятий и стереотипов, живущих в сознании слушателя и обусловленных его национально-культурным опытом. К стереотипам можно отнести используемые в целях шутки знания о праздниках и традициях празднования: *«Извините, что мы опоздали! – Ничего страшного, проходите, с Новым Годом, садитесь, мы как раз яйца сели красить...»*. Также проявлением стереотипов национальной культуры, нашедших отражение в выступлениях комиков, являются шутки на тему религиозного и мистического мировосприятия. Встречаются и шутки, связанные с описанием узнаваемых культурных и лингвокультурных типажей, концептов. Комический эффект достигается из-за узнавания

публикой этих типажей. К примеру, в монологах комиков встречается типаж «экономного человека, любящего посещать мероприятия»: *«А поаплодируйте, кто считает себя экономным человеком. Вам кипяточка подлить в чай?..»*. В монологах находят отражение полученные знания, волнующие и актуальные темы, новости, современные реалии, а также известные, но не всегда подкрепленные научным знанием факты. Именно эта недостоверность полученной информации гиперболизируется и высмеивается: *«Я недавно узнала, прикиньте, что в Турции после развода муж обеспечивает свою бывшую жену до тех пор, пока она снова не выйдет замуж...»*. Отражения находят концепты, которые можно охарактеризовать кратко: «ЦУМ, Москва – дорого», «Уход за собой – сложно и дорого», «популярный русский рэп – плохой и примитивный». Эти концепты пересекаются. Так, переживаемое и осмысленное знание становится ценностью и возникает новый, более сложный и высший в иерархии структуры языковой личности уровень – мотивационный. Ценности языковой личности отражаются в темах шуток. Часто, выражая отрицательное отношение к какой-либо характерной черте высмеиваемого объекта, комик подчеркивает его важность. Большинство тем-объектов шуток являются либо ценностями комика, либо антиценностями. К примеру, тема семьи и семейных отношений между родственниками. Часто встречаются шутки о семье, отражающие концепты «переживательная мама», «смешной и циничный дедушка», «мистически настроенная бабушка», «не делающий работу по дому муж», «выносящая мозг жена», «наивные дети», «тяжесть семейного быта». В шутках на тему семьи комиком может подчеркиваться как ценность «семья – важнейшее, что у нас есть, хотя уживаться с другими и сложно» (или иная интерпретация), так и противоположные ценности некоторых комиков – «нежелание иметь детей». Тема скоротечности жизни в шутках отражает ценность «молодость». Она раскрывается посредством шуток о возрасте и возрастных изменениях, сложном уходе за собой, о проблемах со здоровьем. Ценность «самореализация» отражается в шутках о работе и построении карьеры, сложностях в общении с коллегами и начальством. Ценность «родная, привычная культура» раскрывается в шутках про особенности душевной организации русского человека, неоднозначное отношение русского к религии и мистическому. Антиценности раскрываются в шутках на темы расизма, бедности, коррумпированности и т.п.

В выражении или отрицании ценностей реализуется аксиологическая задача-функция, аккумулируется, накапливается и передается социальный опыт, интерпретируется социокультурная реальность. Здесь отмечается готовность комика целенаправленно строить высказывания, достигающие заданного эффекта, т.е. обладающие необходимой мерой

воздействия. К подобным высказываниям можно отнести как те, что направлены на удержание внимания аудитории («*Слушайте...*», «*Смотрите...*»), рассмотренные на предыдущем уровне, так и личные суждения комика, подкрепленные его опытом и особенностью мировосприятия. Воздействие таких суждений осуществляется с помощью шуток, аргументации, стилистических приемов, готовностью убедительно высказаться на родном языке публично, готовностью к оперированию национальным.

Исследование языковой личности комика и стендап-комедии представляется перспективным, так как это недостаточно изученный со стороны лингвистической персонологии феномен, имеющий большое значение: юмор развивает способность взаимодействия на вербальном, когнитивном или смысловом, а также нравственно-ценностном уровнях.

Литература

1. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. – Ленинград : изд-во ЛГУ, 1990. – 88 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е–Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Машенцова В.В., Симутова О.П. Эмоционально-оценочная лексика как средство создания комизма в немецком стендапе: переводческий аспект // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2022. – №1 (29). – С. 41-44.
4. Минюань Сью Специфика функций эвфемизмов в юмористическом дискурсе // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2017. – Том. 6, №4 (21). – 26 с.
5. Хайрутдинова Г.А. Морфологические средства создания комического: на материале художественной речи // *Искусство и образование*. – 2008. – №5. – С.31-37.
6. Явиц И.И. Просодические особенности жанра стендап // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. – 2016. – №20 (759). – С. 155-165.

Belyakova O.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Linguistic personality of a stand-up comedian

This article examines the speech portrait of a standup comedian. The research material was video recordings of performances by famous Russian comedians. The author comes to the conclusion that each of them has its own idiomatic style, which works to enhance the humorous effect and retain the attention of the audience. However, people familiar with the stand-up genre create a certain generalized image of a comedian. It can be considered within the framework of the structure of a linguistic personality as a personal type belonging to one linguistic culture.

Keywords: standup-comedian, linguistic personality, linguistic culture.

Бердник Екатерина Александровна

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

berdnic.kate@mail.ru

Русская народная сказка как источник этноспецифической лексики

Работа выполнена под руководством Никитиной Надежды Евгеньевны, кандидата филологических наук, доцента.

В данной статье раскрывается понятие этноспецифической лексики. Источником такой лексики являются фольклорные произведения, в частности, сказки. В произведениях данного жанра отражаются национальная духовная культура и быт русского человека. В качестве материала для исследования были использованы русские народные сказки А.Н. Афанасьева. Автор приходит к выводу, что этноспецифическая лексика воссоздает неповторимость культуры русского народа.

Ключевые слова: этноспецифическая лексика, фольклорная сказка, народный быт, духовная культура.

Фольклор – это устное народное творчество. От других видов искусства он отличается тем, что это искусство устного слова. Отличительной чертой фольклора является его коллективный характер. Фольклорные произведения играют важную роль в жизни человека: в них отражаются особенности явлений реальной жизни, общественные отношения, быт человека, его мировоззрение.

К наиболее распространенным фольклорным жанрам относится сказка. Это «один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение с установкой на вымысел» [6, с. 383], который передает не только героические народные образы и сюжеты, но и духовную культуру нации [4, с. 55]. Представления русского народа об окружающем мире, события, связанные с историей Руси, находят свое воплощение в русском фольклоре. В сказке открывается мир наших предков во всех его особенностях (быт, традиционные занятия и ремесла, народные праздники и обряды).

Стиль народной сказки – традиционно сложившийся, устойчивый, некая лингвистическая универсалия, свойственная устной народной поэзии [11, с. 34]. Национальная культура и быт народа выражаются в сказках с помощью различных художественных средств, что нашло отражение в своеобразии русской фольклорной традиции. Так, ярким примером выражения особенностей культуры на языковом уровне является этноспецифическая, или этнокультурная, лексика, часто встречающаяся в русских народных сказках. Этнокультурная лексика представляет собой языковые единицы, которые

характеризуют систему знаний о специфической культуре определенного народа как историко-этнической общности людей [9].

Исторический колорит Древней Руси передается при помощи различных лексических средств. Этноспецифическую лексику, представленную в русских народных сказках, можно разделить на определенные тематические группы: хозяйственные и жилые постройки, устройство дома, предметы быта (орудия труда, посуда и проч.), национальная одежда и обувь, блюда национальной кухни и т. д.

Охарактеризуем лексическое наполнение указанных тематических групп на примере сказок из сборника «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева» [1; 2; 3].

Быт русского крестьянства был основан главным образом на традициях – неписаных правилах, которые затрагивали практически все аспекты жизни, в том числе и убранство дома. Деревенская изба представляла собой целый комплекс различных хозяйственных и жилых построек [8, с. 140].

Самой известной частью избы являются *сени* – помещение между жилой частью дома и крыльцом [7]: *Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебряному кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился* («Кощей Бессмертный») [1, с. 290]. Часто встречается в сказках слово *горница* (от др.-русс. *горнь* – ‘верхний’), которое имеет несколько значений: комната (первоначально в верхнем этаже) и чистая половина крестьянской избы [5]. Например, в сказке «Иван крестьянский сын и мужичок сам с перст, усы на семь верст» читаем: *Иван крестьянский сын выслушал все, что они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришел к своим товарищам: «Ну, ребята, сряжайтесь в путь!»* [1, с. 234]. В избе, конечно, имелся и чердак – его называли *полдовкой*: *Залезли они на полдовку, где у волка было много меду, и съели половину кадушки* («Лиса-повитуха») [1, с. 26].

Возле жилых помещений дома располагалось хранилище различного домашнего имущества; чулан, амбар, кладовая [5] – *клеть*: *Пришел Амос, // Ерша в клеть понес...* («Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове») [1, с. 99]. Специально отгороженный ларь в амбаре, житнице, для ссыпки зернового хлеба назывался *засеком* (сусеком) [5]: *Зраби ж ты вяликий засек, налави всякай дичи да накидай туда, а в другую палавину налий вады, штоб было чим мяне кармить* («Норка-зверь») [1, с. 203].

В «Народных русских сказках А.Н. Афанасьева» встречаются лексемы, обозначающие хозяйственные постройки, отведенные для разведения скота. Например, в сказке «Лиса-повитуха» используется слово *стайка* – помещение для домашнего скота, хлев [10]: *И лиса улизнула в стайку и двух кур удушила...* [1, с. 24]. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» упоминается *варок* (огороженное место для скота, загон, хлев,

скотный двор [10]: ...много-много набралось всякого скота, все сараи и **варки** стали полны [2, с. 139]. Своё название имела и изгородь вокруг выгона – *поскотина* [12]: ...слез с кобыленки, взял ее зарезал, кожу снял, повесил на **поскотину**, а мясо бросил... («Сивко-бурко») [2, с. 6].

Большое значение в жизни русского крестьянства имело ведение сельского хозяйства, в особенности земледелие. В народных сказках можно встретить лексемы, называющие орудия труда, предназначенные для обработки сельскохозяйственных культур, например *кичига* или *пехтиль*. *Кичига* – молотило, заменяющее цеп: выгнутая, сручная палка, с плосковатым концом [5]. Этот предмет служил и в целях защиты: *Пришли поповы дочки и волка **кичигой** зашибли, да из шкуры себе шубу сшили!* («Лиса-повитуха») [1, 4]. *Пехтиль*, или пест, – боёк, кий, толкач для толчения или растирки чего в ступке, или в ступе, толчее [5]: *Вдруг откуда ни взялась яга-бура в железной ступе с **пехтилем** в руке* («Баба-яга и жихарь») [1, с. 136].

Представлена в «Народных русских сказках А.Н. Афанасьева» и такая тематическая группа этноспецифической лексики, как предметы быта. Стоит обратить внимание на лексемы, обозначающие посуду: крестьяне в Древней Руси пользовались различными сосудами для хранения и переноса жидкостей, приготовления пищи: ковши, горшки, сковороды. У некоторых из них было своё особое назначение, например, *кринка* – узкий высокий молочный горшок с раструбом без ручки и крышки, в нем также можно было взбить масло [5]: *Вот тебе сказка, а мне **кринка** масла* («Лиса-исповедница») [1, с. 27]. А вот *корчага* – это уже большой глиняный горшок или чугунок, большая кринка с широким горлом с двумя вертикальными ручками [5]: *В **корчаге**, что на печи стоит* («Нужда») [3, с. 276]. Для квашения капусты предназначался специальный большой чан или кадка [5] (цилиндрической формы вместилище со стенками из деревянных клепок, обтянутое обручами [7]) – *дошник*: *Вот они въехали во двор, убрали награбленное добро и приходят в горницу, берут по стулу и садятся все около **дошника**...* («Звериное молоко») [2, с. 80]. Использовали в быту и ковш, особенно железный, для черпания воды, кваса под названием *корец* [5]: *И я на свадьбе был, мед-вино пил, по усам текло, во рту сухо было; дали мне пива **корец**, моей сказке конец* («Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри») [1, с. 248].

Помимо ёмкостей для жидкостей, люди имели и другую кухонную утварь. В быту активно использовались *жерновцы* (то же, что жернова) – мельничный каменный круг для перетирания, размола зёрен муку [7]: *Взяла **жерновцы** и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог!* («Петух и жерновки») [2, с. 30]. Уже тогда в быту пользовались глиняной сковородой, <...> каменной, гончарной миской, с прямыми, крутыми боками [5] –

ладкой / латкой: «Ложись на ладку!» — говорит опять девка («Баба-яга и жихарь») [1, с. 135]. При приготовлении пищи на открытом огне использовался *таган* – круглый или длинный железный обруч на ножках, под которым разводят огонь, ставя на него варево [5]: *Тут разложили они огонь, поставили горшок с крупами на таган и начали варить кашу* («Не любо – не слушай») [3, с. 145].

Таким образом, в народных сказках широко используются различные этноспецифические лексические средства, создающие уникальный образ русского быта и отражающие неповторимость духовной культуры русского народа.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва : Наука, 1984. – Т. 1. – 512 с.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва : Наука, 1985. – Т. 2. – 464 с.
3. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва : Наука, 1985. – Т. 3. – 496 с.
4. Брейгер Ю.М. Русская народная сказка как отражение духовной культуры нации. // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 4 (35). – С. 54-56.
5. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovardalja.net/> (дата обращения : 14.02.2024)
6. Кожевников В.М., Николаев П.А. Литературный энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 14.02.2024)
8. Ормокеева Р.К. Этнокультуроведческая концепция Л.А. Шеймана // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – № 1-2. – Москва : Институт стратегических исследований, 2016. – С. 139-142.
9. Русский быт // В гостях у сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skazka-dubki.ru/zhizn-slavyan/russkiy-byt/> (дата обращения: 14.02.2024)
10. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 14.02.2024)
11. Табахтян П.В. Поэтика и перевод русских народных сказок: спецкурс по сопоставительной стилистике. – Днепропетровск: ДГУ, 1978. – 37 с.

12. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 14.02.2024)

Berdnik E.A.

Brest State University named after A. S. Pushkin

Russian folk tales as a source of ethnospecific vocabulary

This article reveals the concept of ethnospecific lexicon. The source of such vocabulary is folklore works, in particular, fairy tales. The works of this genre reflect the national spiritual culture and everyday life of Russian people. Russian folk tales by A. N. Afanasyev were used as the material for the study. The author concludes that ethnospecific vocabulary recreates the uniqueness of the culture of the Russian people.

Keywords: ethnospecific vocabulary, folktale, folk life, spiritual culture.

Билкис Султана

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

bilkis1998sultana@gmail.com

Фразеологизмы с гастрономическим компонентом (на фоне индийского языка): лингвокультурный аспект

Работа выполнена под руководством Кареловой Марии Алексеевны, доцента кафедры русского языка и методики его преподавания, кандидата филологических наук

В данной статье рассматриваются фразеологизмы о еде в индийской лингвокультуре. Целью данной работы является сравнение русских выражений о еде с фразеологизмами и идиомами из хинди и бенгальского языка. Автором изучен теоретический материал, фразеологизмы классифицированы по различным критериям, информация проанализирована, а сходства и различия будут определены путем сравнения. Практическая значимость работы заключается в выявлении характеристик фразеологических выражений, выявлении закономерностей их построения и перевода на русский язык, а также в создании глоссария.

Ключевые слова: фразеология, русско-индийская культура, русский, хинди и бенгальский языки, морфология, синтаксис, лексика, фразеологическая единица.

Фразеология имеет долгую историю развития в лингвистике. Изучение различных языков российскими учеными, прежде всего, способствовало развитию фразеологии как области лингвистики. Например, выдающийся советский лингвист профессор Е.Д. Поливанов (1928) первым поднял тему фразеологии как области знаний. Он затронул вопросы изучения лексики, которые сосредоточены на индивидуальном лексическом значении слов, морфологии, которая изучает формальные значения слов, и синтаксиса, который изучает формальные значения фраз: "И поэтому существует потребность в

специальном отделе, который был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время при этом имелись в виду не общие типы, а индивидуальные значения этих отдельных фраз, подобно тому, как словарь имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями отдельных слов. Я даю название фразеологии этому разделу лингвистики, а также совокупности изучаемых в нем явлений, и укажу, что для этого значения предложен другой термин – идиоматический)" [3, с. 61].

Фразеология – это наука, изучающая лексически неделимые, целостные по значению, воспроизводимые в готовом виде речевые единицы или словосочетания. Слова, соединяясь друг с другом, образуют словосочетания.

Фразеология требует уникального исследовательского подхода, как и любая другая языковая дисциплина. Она также требует применения методов из других научных областей, включая фонетику, грамматику, лексикологию, стилистику, историю языка, краеведение, философию, логику и регионоведение.

Создатель теории фразеологии, швейцарский лингвист Ш. Балли был одним из основателей Женевской лингвистической школы и жил в конце XIX – первой половине XX века. Ш. Балли ввел термин "фразеология" и подразумевал под ним "раздел стилистики, изучающий родственные словосочетания" [7, с. 41]. Считается, что его главным вкладом в лингвистику стало теоретическое осмысление фразеологических явлений, которое заложило основу современной фразеологии. Группировки ФЕ Ш. Балли назвал "фразеологическими сочетаниями" и "фразеологическими единицами". Балли предположил, что основным критерием отнесения этого словосочетания к фразеологической единице является принадлежность ФЕ к одному слову [11, с. 73].

Российские лингвисты считают академика В.В. Виноградова отцом фразеологии. Он способствовал публикации многочисленных работ по фразеологии и в своих исследованиях развил учение о ФЕ в русском языке. Фразеология была значительно развита А.И. Молотковым, А.В. Кониным, Н.М. Шанским, В.Н. Телия и другими учеными. Прошло некоторое время, прежде чем теория эквивалентности фразеологической единицы слову была окончательно отвергнута и был введен термин "фразеологическое значение", который является уникальным для данного класса языковых единиц.

Русская кухня самобытна и разнообразна, как и любая национальная кухня. Обширные лесные массивы и долгие зимы почти в каждом регионе отражают

уникальные особенности русской культуры. Многочисленные горячие супы, блюда из грибов и дичи на русском столе являются характерными чертами русской кухни. В результате были выявлены национальные черты, определяющие традиционную русскую кухню, которая включает в себя широкий ассортимент горячих супов, блюд из грибов и дичи. В России очень популярны маринование, вымачивание, квашение и соление, потому что без предварительной подготовки долгую зиму было практически невозможно пережить.

Существует распространенное заблуждение, что в русской кухне не использовались приправы, соусы или пряности. Мед был основным продуктом русской кухни в течение долгого времени, наряду с множеством других специй, таких как горчица, чеснок, мята, острый перец и куркума. Это объясняется тем, что эти продукты могут выступать в роли консервантов и антисептиков для пищевых продуктов.

В русской кухне специи используются совсем по-другому, чем в кухнях других стран. Вкус зарубежной кухни в основном определяется добавляемыми специями. Русские приправы и пряности раскрывают присущий продуктам аромат, а не маскируют его. На национальную кухню России не повлияли внешние факторы, даже при значительном влиянии зарубежных кухонь.

Характерные основные черты, которые сохранились на сегодняшний день:

- обилие блюд;
- любовь к употреблению зерновых и крупяных изделий: хлеба, блинов, пирогов, каши;
- своеобразие первых жидких блюд, как холодных, так и горячих;
- разнообразие рыбного стола;
- разнообразие закусок, солений из овощей и грибов;
- разнообразие сладостей: варенья, пряники, куличи и т. д

Когда христианство впервые пришло на Русь, славяне знали о таких специях, как перец, гвоздика, миндаль, кориандр, анис, имбирь, корица, лавровый лист, гвоздика, кардамон и другие так называемые «заморские» специи. Эти специи и по сей день остаются самыми популярными. Примечательно, что, в отличие от народов юга и востока, русские никогда не злоупотребляли острыми специями, и национальная кухня всегда придерживалась умеренного отношения к ним. Назначение специй в русской кухне – усилить и придать нотку натурального вкуса, что приводит к абсолютной гармонии [10].

Слово «соль» встречается в большом количестве фразеологизмов в русском языке [16, с. 125]. Со временем люди поняли, что добавление соли в пищу значительно улучшает ее вкус. Также было обнаружено, что срок годности пищевых продуктов может быть значительно увеличен за счет использования соли. Однако получение соли – трудоемкая процедура. Соль на Руси была дорогой, в связи с этим, она была символом богатства и хорошей жизни: «без соли стол кривой», «без соли, что без воли», «без соли и хлеб не естся», «хлеб да соль» - желают молодоженам, чтобы в доме всегда был достаток. До сих пор остается традиция встречать гостей хлебом с солью.

Во фразеологизмах, связанных с дружбой, используется образ соли, чтобы передать глубокое понимание и долгие отношения между людьми [6, с. 225]: *(Вместе) пуд соли съест* – хорошо узнать друг друга за долгое время знакомства). *(Вместе) хлеб-соль есть* – быть близкими приятелями. *Водить хлеб-соль* – быть в дружеских отношениях, дружить.

Фразеологизмы про гостеприимство: *Встречать хлебом-солью* – торжественно встречать.

Подводя итоги анализа ФЕ с лексемой «соль», можно сделать следующие выводы, что роль соли в русской кухне, как символа богатства и хорошей жизни. Фразеологизмы, связанные с солью, дополняют представление о ее важности, не только для улучшения вкуса, но и в культурном контексте, например, в традиции встречать гостей с хлебом и солью. Параграф не только рассматривает кулинарные особенности русской кухни, но и демонстрирует, как языковые выражения и фразеологизмы отражают культурные и социальные аспекты, предоставляя читателю глубокий взгляд на взаимосвязь между языком и культурой.

Традиционные продукты питания разных стран могут существенно отличаться друг от друга, но все они имеют богатую историю и содержат жизненно важные питательные вещества для человеческого организма. В кухнях индийского и русского народов кулинарные обычаи и традиции играют значительную роль.

Еда в русской культуре

«Русская еда невероятно изобретательна и увлекательна. Известный автор кулинарной книги О.В. Узун утверждает: «Ее история неразрывно связана с историей нашей страны. На формирование русской еды повлияло все – климат, образ жизни, политика и религия» [13, с. 4].

Русская кухня развивалась очень долго, вобрав в себя лучшие элементы традиций других культур. Наиболее известные блюда русской национальной кухни, такие как рыбный суп, блины, пироги и холодец, а также некоторые исконно русские блюда, такие как сметана, гречневая крупа, ржаная мука и икра, являются примерами прямого и косвенного влияния русского кулинарного искусства на зарубежные кухни.

Хотя современная кухня постоянно развивается, в ней по-прежнему присутствуют элементы как традиционной, так и советской кухни. Большое количество ресторанов и других заведений общественного питания из Восточной и Западной Европы (индийской, китайской, корейской и японской) и Западной Европы (французской и итальянской) появилось после перестройки в начале 1990-х годов.

Еда в индийской культуре

Культура питания занимает уникальное место в индийской культуре. Индийская кухня (хинди भारतीय खाना, англ. Indian cuisine) — кухня народов Индии. Включает в себя традиционные кухни множества народов, населяющих территорию Индии. Они очень разнятся в зависимости от почвы, климата и культуры. Большое влияние на кухню оказывает религия и традиции. Кухни Среднего Востока оказывали свое влияние на кухни народов северной Индии со времен эпохи правления династии Великих Моголов.

Индийская кухня очень острая — в буквальном смысле этого слова. Поэтому, если вы хотите избежать использования слишком большого количества специй, всегда говорите «без специй». Эта страна - рай для вегетарианцев, в то же время с большим разнообразием мясных блюд на основе курицы.

- *Chicken Tandoori* (चिकन टandoori) – запеченное в печи, маринованное в йогурте мясо.
- *Chicken Masala* (चिकन मसाला) – мясо, тушенное в сливках и томатах.
- *Chicken kebab* (चिकन केबब) – блюдо из куриного фарша, риса и специй.
- *Biryani* (बिरयानि) – рис басмати с мясом или овощами.
- *Gaajar ka Halwa* – халва из моркови с миндалем.
- *Dhal* (दाल) – чечевичный суп.
- *Panir* (पनीर) – домашний сыр. На его основе готовят супы, паштеты, миксы с орехами и чесноком.
- *Lassi* (लसी) – освежающий кисломолочный напиток.
- *Gobi Aloo* (गोभी आलू) – рагу из картофеля и капусты.

- *Raita* (রাইতা) – аналог русской окрошки из овощей, трав, специй и простокваши.

Еда в бенгальской культуре.

Бенгальская кухня является частью богатого кулинарного наследия региона Бенгалии, которая включает в себя штаты Бангладеш и Западной Бенгалии в Индии. Эта кухня характеризуется разнообразием вкусов, использованием множества специй и традиционных методов приготовления. Другие характеристики бенгальской кухни включают в себя использование множества фруктов, овощей, рыбы и морепродуктов, которые являются основой местных рецептов. Кроме того, бенгальская кухня известна своим предпочтением к сладким и острым вкусам, а также использованием кокосового молока, горчицы и томатов во многих блюдах.

В бенгальской кухне популярны блюда, такие как:

- *Machher Jhol* (মাছের জল) - это традиционное бенгальское рыбное рагу, которое часто готовится с различными видами рыбы и овощами, приправленными специями и перцем.
- *Bhapa Ilish* (ভাপা ইলিশ) - это паровая рыба, обычно сарделька, которая приготовлена с использованием горчицы, зелени и специй, что придает блюду особый аромат и вкус.
- *Chingri Malai Curry* (চিংড়ি মলাই কারি) - это креветки, приготовленные в кокосовом молоке с различными специями и травами, что придает блюду богатый вкус и текстуру.
- *Aloo Posto* (আলু পোস্তো) - это бенгальское блюдо из картофеля, обжаренного с маком и специями, что придает ему характерный аромат и вкус.
- *Mishti Doi* (মিষ্টি দই) - это сладкий йогурт, который обычно подается в керамических глиняных горшках и приготавливается с использованием молока, сахара и карамелизованного сахара.
- *Rasgulla* (রাসগুলা) - это мягкие творожные шарики, замоченные в сиропе.

Таким образом, как сходства, так и различия между этими двумя культурами можно увидеть при сравнении русских фразеологизмов на фоне индийской лингвокультуры в контексте еды, кулинарии и различных продуктов питания. Эти аспекты жизни важны и ценятся в обеих культурах, но они также отражают их собственные черты, религиозные убеждения и культурные установки, что придает фразеологизмам особое значение.

Русские говорят: «Сахар Медович», имея в виду льстивого слащавого человека. Другие ФЕ: «сладкие уста», «сахарные уста», «медоточивые речи» означают подхалима, льстивого человека. Существует и фраза «готов мед посадить», что означает показное уважение, любовь к кому-либо. У русских есть просторечное выражения «Чай да сахар». Это доброе пожелание тем, кого застали за питьем чая, приветствие, пожелание хорошего аппетита.

В данном параграфе проводится параллель между фразеологизмами русского языка и хинди, особенно в контексте кулинарии и продуктов питания. Указывается, что сходства и различия в фразеологии отражают культурные черты, религиозные убеждения и установки.

Сравнение фразеологизмов в обеих культурах позволяет выделить общие черты и уникальные особенности. Оба языка используют компонент «еда» для передачи не только физического акта питания, но и ценностей, связанных с общением, дружбой, семейными традициями и даже пожеланиями благополучия.

Индийская фразеология может быть более метафоричной и духовной, отражая религиозные и философские аспекты индийской культуры, в то время как русская фразеология, как правило, более реалистична и прагматична. Но еда, культура, дружба, любовь и семья высоко ценятся в обеих культурах, и они рассматриваются как важные аспекты жизни.

Сильное влияние системы общественного питания, где социальный и культурный статус играют значительную роль, также отражено в языковой культуре Индии. Некоторые индийские фразеологизмы, относящиеся к еде. С другой стороны, русская фразеология может быть более прямой и выразительной, отражая реалии повседневной жизни и культуры русского народа.

В русском языке много фразеологизмов, связанных с едой.

Пример: «Каша в голове» – Путаница в мыслях; «С хлеба на квас» – Бедствовать, жить впроголодь; «Первый блин всегда комом» – Нам приходится ползать, прежде чем мы научимся ходить.

По мнению индийских ученых, понимание фразеологических единиц не только улучшает и оживляет нашу речь, но и способствует более глубокому пониманию семантики, структуры и использования фразеологических единиц как в родном, так и в других языках.

В языке хинди есть много фразеологизмов, связанных с едой.

Пример: «खिचड़ी पकाना - хинди» *Khichdi pakana – mix together - (смешайте вместе);* *Apni khichdi alag pakana. перевод, англ. (अपनी खिचड़ी अलग पकाना - хинди) – Анни кхичди алаг пакана кхичди – сам по себе. Используется, когда кто-то расходится с коллективным мнением группы и решает идти своим путем.*

Рассматривая русские фразеологизмы на фоне индийской лингвокультуры применительно к еде, приготовлению пищи и различным продуктам, можно наблюдать как сходства, так и различия между двумя культурами. Эти элементы важны и ценятся в обеих культурах, но они также представляют культурные установки, религиозные убеждения и уникальные характеристики, что придает их фразеологизмам уникальное и интригующее качество.

Знаковые системы, используемые в хинди, бенгальском и русском языках, отражают реальность и образ жизни населения. Каждый язык выражает особый способ понимания и структурирования мира. Каждая страна имеет свою историю, культуру и ценности. Фонологические единицы полностью и несколько странно отражают суть народного духа и менталитета.

Русские фразеологизмы, связанные с едой, в контексте индийской культуры раскрывают не только лингвистические, но и культурные аспекты восприятия и отношения к еде, подчеркивая глубоко укорененные в обоих обществах традиции и ценности.

В заключение, данное исследование вносит вклад в понимание межкультурной коммуникации и взаимодействия через призму гастрономических фразеологизмов. Оно демонстрирует, как еда и языковые образы, связанные с ней, могут стать ключом к разгадке культурных кодов, облегчая межкультурное общение и обогащая наше понимание многообразия мировых культур.

Литература

1. Ананд А. Библиейские фразеологические единицы в русском языке и языке хинди: особенности перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 3. С. 286-297. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.303>.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: учеб. пособие. М., 1990. – 246 с.
3. Еда в жизни людей // Запросы плоти [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/495735/read#7>. (Дата обращения: 22.02.2024).

4. Жуков А. В., Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. – Москва : «Просвещение», 1989. – 447 с.
5. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – Москва : Высш. Шк., 1986. - 310 с.
6. История и особенности русской кухни // Красота- душа России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://crafru.com/information/rus-kitchen.html>. (Дата обращения: 22.02.2024).
7. Каримова З.С. Проблема определения фразеологизма в современной лингвистике // Вестник Башкирского университета. 2008. – Т. 13. – №3. – С. 578-581
8. Узун О.В. Русский народ. Русская кухня / О. В. Узун – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 384 с.
9. Язык индийской кухни [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://lingvovisor.ru/stil-zhizni/india/> . (Дата обращения: 22.02.2024).
10. Hindi idioms inspired by food [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.steamingspot.com/hindi-idioms-inspired-by-food/>. (Дата обращения: 23.02.2024).

Bilkis Sultana

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Phraseological units with a gastronomic component (against the background of the Indian language): linguistic and cultural aspect

This article examines phraseological units about food in Indian linguistic culture. The purpose of this work is to compare Russian expressions about food with phraseological units and idioms from Hindi and Bengali. The author has studied theoretical material, phraseological units are classified according to various criteria, the information is analyzed, and similarities and differences will be determined through comparison. The practical significance of the work lies in identifying the characteristics of phraseological expressions, identifying the patterns of their construction and translation into Russian, as well as creating a glossary.

Keywords: phraseology, Russian-Indian culture, Russian, Hindi and Bengali languages, morphology, syntax, vocabulary, phraseological unit.

Бобоназарова Фарангиз Илхом кизи

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.

fara.b.98@mail.ru

Развиваем навыки и интерес: активные методы на уроках русского языка

Работа выполнена под руководством Богомолова Андрея Николаевича, профессора кафедры методики преподавания русского языка как иностранного, доктора педагогических наук, кандидата культурологии

В статье освещаются современные подходы к обучению русскому языку в школьной системе, с акцентом на активные методы. Анализируются различные факторы, влияющие на выбор метода обучения, включая цели

урока, уровень подготовки учащихся и квалификацию преподавателя. Особое внимание уделено аспектам эффективного применения активных методов, таких как дидактические игры, проблемные задачи и групповые дискуссии.

Ключевые слова: активные методы, дидактические игры, модернизация образования в Узбекистане.

Актуальность темы настоящей статьи нельзя переоценить в контексте современных образовательных трендов и постоянно меняющихся потребностей учащихся. Эта тема выходит на передний план в связи с несколькими важными аспектами:

На фоне глобальных образовательных изменений активные методы обучения предоставляют возможности для более глубокого и эффективного изучения русского языка, уделяя внимание не только лингвистическим знаниям, но и развитию критического мышления, коммуникативных навыков и творческих способностей.

Традиционные методы обучения зачастую не могут полностью заинтересовать современных учеников. Активные методы, такие как проектная деятельность, ролевые игры, дискуссии и групповые задания, способствуют лучшей вовлеченности учеников в учебный процесс и повышают их мотивацию к изучению русского языка.

Активные методы позволяют учителям более гибко подходить к индивидуальным особенностям каждого ученика, обеспечивая дифференцированный подход в обучении [3,5,7].

Внедрение ИКТ в учебный процесс через активные методы позволяет учителям использовать богатый арсенал цифровых инструментов для повышения эффективности обучения и делает уроки более интерактивными и привлекательными.

Изучение и внедрение активных методов и приемов обучения на уроках русского языка в школе представляет собой важную и своевременную задачу, способствующую не только повышению языковых компетенций учащихся, но и развитию их личностных качеств и подготовке к жизни в современном многоаспектном мире [2].

Тема методологии обучения остается предметом дебатов в областях как дидактики, так и философии образования, а также в сфере методики преподавания языков. Относительно оснований и систематизации подходов к обучению существуют различные мнения. Например, в дидактике методы обучения описываются через призму когнитивной активности студентов, стимулируемой преподавателем: «Методы обучения — это формы взаимодействия учителя и учеников, ориентированные на выполнение образовательных целей, то есть дидактических задач», - так описывается в учебнике «Педагогика» (1996 год). В философской литературе методы определяются как «средства достижения конкретных результатов в области знания и практической деятельности». При обучении русскому языку

как иностранному не существует универсального определения метода. Возможно выделить два определения: 1) метод обучения рассматривается как набор техник, используемых преподавателем для обучения и усвоения студентами предметов, указанных в учебной программе; 2) методы обучения воспринимаются как процессы обучения и работы студентов, через которые достигается понимание русского языка и развитие необходимых речевых навыков.

В области методик обучения языкам можно выделить несколько ключевых подходов: естественный (или прямой), сравнительный (или переводно-грамматический), и комбинированный (или смешанный). В 1960-х годах приобрел популярность сознательно-практический метод, а 1980-е годы отмечены появлением аудиовизуальных и программированных методов обучения.

Естественный (прямой) метод основан на приобретении второго языка без привлечения родного языка учащихся. Этот метод стимулирует создание прямых ассоциаций между словами и их значениями, а также грамматическими формами и их функциями, минуя структуру родного языка. Тем не менее, процесс обучения все еще опирается на лингвистическое сознание, связанное с родным языком обучающихся, что делает полное исключение родного языка невозможным.

Сравнительный (переводно-грамматический) метод предполагает изучение русского языка через сопоставление с родным языком учащегося. Основателями этого подхода считаются В.В. Радлов и К. Насыри. Хотя метод требует постоянного обращения к родному языку, это не всегда оказывается эффективным, так как учащиеся остаются в контексте родного языка, что может затруднить изучение нового.

Комбинированный метод объединяет элементы естественного и сравнительного методов и признан одним из наиболее эффективных. Этот подход получил поддержку в работах таких ученых, как Н.А. Бобровников, В.А. Богородицкий, В.М. Чистяков, Ф.Ф. Советкин и др. Он позволяет гармонично сочетать прямое освоение языка с элементами сравнения с родным языком учащихся.

Для успешного применения комбинированного метода обучения, преподавателю необходимо не только исключительно хорошо владеть русским языком, но и обладать знаниями о языковых особенностях учащихся. В 1960-х годах в методике преподавания языков закрепился сознательно-практический подход, получивший теоретическое обоснование в исследованиях Б.В. Беляева. Этот метод предполагает, что студенты осваивают языковые элементы через осознанное использование лексико-грамматических

структур в реальной речевой практике. Сейчас он лежит в основе обучения русскому языку в школах.

В 1980-е годы были разработаны аудиовизуальный метод (быстрое обучение языку на ограниченном лексико-грамматическом материале с активным использованием визуальных и аудио средств) и программированный метод (методика пошагового изучения языка с оптимальным разделением материала и последовательным формированием умений и навыков). В последние десятилетия важной методической категорией стал коммуникативный метод, который гармонично сочетается с другими методами или их комбинациями.

За последние десятилетия в центр методических дискуссий вышел коммуникативный подход к обучению языкам. Он уникально сочетается или интегрирует уже существующие методы обучения, создавая универсальный и эффективный фреймворк. В современных дидактических и методических практиках наблюдается множество подходов к классификации обучающих методов.

Основным недостатком переводного метода является то, что он заставляет учащихся постоянно оставаться в контексте их родного языка, что может сдерживать их прогресс в изучении нового языка. В отличие от него, комбинированный (или смешанный) метод, который получил широкое признание в научных кругах благодаря исследованиям таких ученых, как Н.А. Бобровников, В.А. Богородицкий и Ф.Ф. Советкин, предлагает более гармоничный подход.

Создание благоприятного мотивационного климата в образовательном процессе играет критическую роль в стимулировании познавательного интереса и активности учеников. Это особенно актуально для всех уровней школьного образования. Мотивация, происходящая от латинского «*motus*» - что обозначает «движение», представляет собой совокупность стимулов для вовлечения в активный учебный процесс.

Внедрение активных учебных методов является одним из ключевых инструментов для достижения этой цели. Педагог, используя активные методы, превращает процесс обучения в исследование, в ходе которого ученики приобретают не просто заученные данные, а исследуют, анализируют и формулируют информацию. Таким образом, знания приобретаются активно и структурированно, что способствует формированию у учащихся навыка самостоятельного обучения.

Концепция активного обучения основана на самостоятельности учащихся, когда они самостоятельно ищут ответы на поставленные вопросы и решения задач.

Использование этих методов предполагает отход от традиционной модели образовательного процесса, которая обычно следует последовательности: объяснение учителем, усвоение учащимися, закрепление и самостоятельное использование. Вместо этого, активные методы предлагают альтернативу: самостоятельное исследование ведёт к усвоению, что затем разъясняется с помощью учителя. Это, в свою очередь, приводит к повышению инициативы и самостоятельности студентов.

Активные методы можно интегрировать на различных этапах учебного процесса. Например, на стадии ознакомления с новой темой можно предложить ученикам решить проблемные задачи, что стимулирует критическое мышление и применение логики. Приведем иллюстрацию этого на примере изучения правописания корней – *кос-кас*. Учитель выписывает на доске слова, разделенные на две колонки:

Колонка с примерами слов, где корень «кас-» встречается: «Касаюсь», «Касание», «касательная».

Колонка с примерами слов, где корень «кос-» встречается: «Коснись», «Прикосновение».

Задача для учащихся состоит в том, чтобы проанализировать и определить правила написания корней с чередованием гласных «о» и «а», установить закономерности и создать формулу-алгоритм, которая поможет запомнить правило.

Дальнейшая задача требует от учеников обнаружить взаимосвязь наличия суффикса «а» в слове с написанием в корне гласной буквы «а», подкрепить свои выводы доказательствами. Это сопоставление с ранее изученными правилами написания корней с чередованием, например, «лож-лаг», позволяет не только углубить знания учащихся, но и выявить общие закономерности в написании подобных корней. Создание формулы-алгоритма будет способствовать визуальному усвоению правила: если после корня «лож-лаг» или «кос-кас» следует суффикс «а», в корне пишется «а».

Развитие критического мышления и логического рассуждения у учеников может быть значительно усилено посредством решения проблемно-ориентированных задач. Этот подход не только внедряет интерес к обучению и самостоятельному поиску знаний, но и способствует синтезу информации и формированию способности к инновационному мышлению, как, например, при создании алгоритмических формул.

Задачи, требующие логического анализа, поддерживают развитие умственной гибкости и разносторонней памяти, обучая учащихся опираться на приобретенные знания для поиска нетрадиционных решений. В процессе изучения разделов русского языка, таких как «Фонетика. Орфоэпия. Графика» в 5 классе, ученикам предлагаются логические задачи,

которые стимулируют их к аналитической деятельности и помогают углубить понимание изучаемого материала. Например, вопросы, которые провоцируют рассуждения о последовательности русского алфавита или позволяют декодировать слова, представленные в числовом формате, такие как «фонетика» через код 22 16 15 6 20 10 12 1.

Кроме того, учащимся предлагается задача вставить недостающую букву в слово «стриж...м», выбор которой зависит от части речи, к которой относится слово. Аналогично, в теме «Синтаксис и пунктуация» ставится задача дополнить предложение "Я идет...", где ключ к ответу кроется в понимании алфавитной последовательности букв.

Задачи, придуманные самими учениками, также способствуют увлеченности и дальнейшему развитию их навыков. Например, дешифровка фразы «С новым годом!» через замену букв: «Т онгъл вггп» или расшифровка скрытого сообщения «Знай правила» через последовательность слов с ошибками.

Интегративные задания, такие как установление связи между числами и словами в названиях литературных произведений, не только стимулируют когнитивную активность всех учащихся, но и формируют у них способность к обобщению и применению знаний в различных контекстах.

Использование проблемных ситуаций, где ученики вовлечены в самостоятельное исследование, как в задаче «Кто прав?», демонстрирует ценность активных методов обучения и подчеркивает их эффективность для формирования навыков критического анализа и самостоятельного мышления.

«Призыв к сотрудничеству»: педагог обращается к ученикам с просьбой объяснить определенную тему или помочь в решении задачи. Пятый класс был приглашен к участию в задании, связанном с освоением словарного запаса. Входя в класс, я выразила свои сомнения: *«Дорогие ученики, столкнулась с затруднением. Мы должны освоить правильное написание словарных слов, над которыми трудились весь год. Но, несмотря на все усилия, со временем ошибки снова возникают. Как нам быть? Может быть, у вас есть идеи?»*

Энтузиазм учащихся был мгновенным – они с радостью приняли вызов «призыва о помощи». Проблема, которая оказалась непосильной для учителя, привлекла их внимание.

Для решения вопроса «Как запомнить словарные слова? Какой метод окажется наиболее эффективным?», класс можно разделить на группы, каждой из которых поручается свое исследовательское задание.

Первая группа столкнулась со следующими словами: конгресс, конференция, конкуренция, консерватор. Задача – определить, что объединяет эти слова. Для этого

учащиеся должны были обратиться к словарю иностранных слов, чтобы исследовать происхождение, значение и написание данных терминов.

Ожидаемый ответ:

<i>Слово</i>	<i>Происхождение</i>
<i>Конгресс</i>	<i>лат. «совместно» + «ход, движение»</i>
<i>Конференция</i>	<i>лат. «совместно» + «собирать»</i>
<i>Конкуренция</i>	<i>лат. «совместно» + «бежать»</i>
<i>Консерватор</i>	<i>лат. «совместно» + «бежать»</i>

Ученики приходят к выводу, что объединяющим началом для всех этих слов является латинская приставка *соп* – «совместно», и в русском языке все эти слова пишутся с гласной «о», отражая её присутствие в латинском корне.

Учитель может предложить другим группам разработать аналогичные задания. Важно подчеркнуть, что знание иностранных языков способствует глубокому пониманию родного языка.

Также полезно ввести учащихся в курс дела о значении и правильном написании наиболее часто используемых словообразовательных элементов иностранных языков, таких как *гео-*, *поли-*, *аква-*, *-лог-*, *мон-* и др.

Вторая группа сталкивается с интересным заданием: исследовать примеры заимствованных слов, которые были «скопированы» напрямую из иных языков, используя словарь иностранных слов, этимологические словари и другие справочные ресурсы. Ученикам предстоит определить, какие факторы облегчают запоминание орфографии этих слов.

Русский язык непрерывно обогащается заимствованиями. Многие слова транслируются в русскую орфографию без изменений, что облегчает их запоминание благодаря сохранению оригинального написания.

В заключение, можно утверждать, что современные методики обучения русскому языку, в том числе и активные методы, значительно расширяют границы образовательного процесса. Они способствуют формированию у учащихся не только языковых, но и межкультурных компетенций, развивая тем самым их общекультурное мировоззрение. Метод проектов, например, является одним из ключевых элементов современного образовательного процесса. Он не только способствует развитию коммуникативных навыков, но и воспитывает культуру общения, умение лаконично и понятно формулировать мысли, проявлять терпимость к мнениям собеседников, а также навыки поиска и обработки информации с помощью современных компьютерных технологий.

Таким образом, интеграция активных методов обучения в современную педагогическую практику обогащает процесс обучения русскому языку, делая его более динамичным, интерактивным и эффективным [2,4].

Литература

1. Веселовская О.В. Активные методы обучения как средство повышения учебной мотивации младших школьников <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/318673-aktivnye-metody-obucheniya-kak-sredstvo-povysheniya-uchebnoy-motivatsii-mladshih-shkolnikov> (дата обращения: 18.02.2024).
2. Гарипова Р.В. Применение активных методов обучения в начальной школе <https://solncesvet.ra/opublikovannyye-materialy/primenenie-aktivnyh-metodov-obucheni/> (дата обращения: 25.02.2024).
3. Генике, Е.А. Активные методы обучения: новый подход. – Москва : Национальный книжный центр, ИФ «Сентябрь», 2015. – 176 с.
4. Гугнина, О.В. Активные и интерактивные методы обучения обществознанию: учебно-методическое пособие. – Оренбург : Издательство ОГПУ, 2014. – 64 с.
5. Кашапов, М.М. Неимитационные методы обучения: методические указания / М.М. Кашапов. – Ярославский Государственный университет, Ярославль. 2001. – 32 с.
6. Платонова Н.А. Технологии активного обучения младших школьников // <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2014/02/18/doklad-na-pedsovet-po-teme> (дата обращения: 12.01.2024).
7. Проходцева И. А. Использование технологии активных методов обучения на уроках в начальной школе// <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/353429-ispolzovanie-tehnologii-aktivnyh-metodov-obuc> (дата обращения: 23.01.2024).

Bobonazarova F.I.

Pushkin State Russian Language Institute

Developing Skills and Interest: Active Methods in Russian Language Lessons

The article highlights modern approaches to teaching the Russian language in the school system, with an emphasis on active methods. Various factors influencing the choice of teaching method are analyzed, including the objectives of the lesson, the level of preparation of students and the qualifications of the teacher. Particular attention is paid to the aspects of the effective use of active methods, such as didactic games, problem-solving tasks and group discussions.

Keywords: active methods, didactic games, modernization of education in Uzbekistan.

Бовелиева Яна Вячеславовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

bovelieva@gmail.com

Языковая личность и текст в цифровую эпоху

Работа выполнена под руководством Рублевой Екатерины Владимировны, доцента кафедры методики преподавания русского языка как иностранного, кандидата филологических наук

В условиях развития цифровой эпохи языковая личность претерпевает значительные трансформации. В статье рассматривается, как изменения в коммуникационных практиках влияют на текст и формирование языковой личности, исследуются новые черты и тенденции, появляющиеся в результате широкого использования цифровых технологий в повседневной жизни.

Ключевые слова: языковая личность, цифровая личность, цифровая эпоха, текст, информационные коммуникации.

Языковая личность – это комплекс языковых и речевых характеристик, которые отражают индивидуальность человека в общественном и культурном контексте. «Идентификация участника коммуникации осуществляется через текст как результат речевой реализации личности, которая существует в языковом пространстве и пользуется вербальными знаками» [4].

В эпоху цифровых технологий границы коммуникации значительно расширились, это неизбежно влияет на языковую личность каждого человека. Такие современные средства общения, как социальные сети, мессенджеры и форумы, преобразовывают способы выражения мыслей и ощущений. Языковая личность, как совокупность индивидуальных лингвистических особенностей, сталкивается с новыми вызовами и возможностями для развития в этой изменчивой цифровой среде. Сегодня можно смело говорить о формировании языковой интернет-личности или о цифровой языковой личности.

Этот тип языковой личности можно считать самостоятельным, отдельным типом, так как технологические возможности цифровой эпохи позволяют пользоваться при создании текста сервисами для создания контента, услугами контент-менеджеров, а также использовать различные текстовые редакторы. Следовательно, тексты в интернете не отражают реальную языковую личность человека, так как маскируют, исправляют и замещают его языковые особенности. Таким образом, можно утверждать, что перемещение общения в цифровое пространство сформировало новый тип языковой личности – цифровую языковую личность [6].

Влияние цифровой эпохи на формирование языковой личности

Текст – это основное средство передачи информации и самовыражения в Интернете. Он приобретает новые формы и функции, отражая в себе динамику цифрового общества в целом и являясь цифровым портретом языковой личности конкретного человека.

Цифровая эпоха оказывает значительное влияние на формирование языковой личности. С появлением интернета и соцсетей общение стало глобальным и мгновенным, что порождает не только новые языковые практики, но и меняет структуру языкового сознания. Электронная коммуникация требует лаконичности, зачастую в ущерб грамматической и стилистической корректности. Сокращения, эмодзи, мемы, гифки входят в обиход, наполняя язык новыми значимыми элементами, которые, не являясь напрямую элементами речи, тем не менее формируют языковую личность. Таким образом складывается уникальная текстовая и языковая картина мира пользователей цифровых платформ. Это является ещё одним аргументом в пользу появления цифровой языковой личности.

Цифровые технологии предоставляют новые возможности для экспрессии языковой личности чрез текст. Социальные медиа, блоги и форумы служат платформами для самовыражения и обмена идеями. Через текстовые сообщения, комментарии и посты, пользователи в интернете не только делятся информацией, но и выстраивают свои идентичности и социальные отношения. Электронные книги и доступ к онлайн-библиотекам делают литературу более доступной, расширяя границы чтения и интерпретации текстов. Текст в цифровую эпоху претерпевает трансформацию, становясь одновременно продуктом и инструментом языковой личности.

Эпоха цифровых коммуникаций коренным образом трансформировала структуру текста. С появлением интернета, мобильных устройств и социальных сетей возникли новые формы письменности. Тексты стали более динамичными, интерактивными и доступными, обретая способность мгновенно распространяться по всему миру. Сжатие информации, упрощение языка и визуальные средства стали определять новый облик текстовой коммуникации. Это привело к изменениям в восприятии и создании текстов, особенно среди молодежи, для которой новые медиа являются основным каналом общения.

Современный цифровой текст реализует принцип деконструкции, совмещая читателя и автора: человек за компьютером становится не только потребителем контента, но и его создателем через широчайшие возможности интерпретации [9]. В цифровую эпоху трансформируется и структура текста, адаптируясь к новой манере восприятия информации. Скорость потока данных увеличивается, что требует лаконичности и четкости сообщений. Гипертекст, ссылки, эмодзи становятся неотъемлемыми элементами текста, придающими

ему дополнительные смыслы и контекст. Преобладание визуального контента также меняет подход к написанию текстов, делая их визуально более насыщенными и взаимодействующими с другими типами медийного содержимого. Текст стал более фрагментированным и интерактивным. Использование гиперссылок позволяет читателям переходить между разделами и источниками, обогащая чтение дополнительной информацией. Социальные сети и блоги способствовали появлению коротких форм сообщений, акцентирующих внимание на ключевых идеях, исключая избыточную информацию. Эмодзи и мемы стали новым способом выражения эмоций и идей, делая текст более лаконичным и в то же время более выразительным и понятным для широкой аудитории.

Следует также отдельно остановиться на цифровых инструментах и их влиянии на формирование языковой личности. В цифровую эпоху такие инструменты, как текстовые редакторы, социальные медиа и переводчики, реформируют языковую личность. Они предлагают новые формы экспрессии и коммуникации, влияя на языковые навыки и практики. Функции автокоррекции и подсказок, автоматические формулировки фраз могут ограничивать индивидуальные языковые выборы, одновременно повышая грамотность. При этом грамотность не является чертой вторичной языковой личности, а лишь чертой информационной языковой личности. Также интернет-платформы стимулируют смешение языков, создавая гибридные формы общения и множественные идентичности, что делает языковую личность более глобализированной и многофункциональной.

Социальные сети – особенно значимая, резонансная площадка для выражения языковой личности. Они обеспечивают пользователям инструменты для самовыражения через текстовые комментарии, эмодзи, хэштеги и мемы, что способствует формированию цифровой идентичности. Социальные сети стали местом, где языковая личность может проявлять себя и эволюционировать. Здесь пользователи адаптируют сленг, жаргон и профессиональный лексикон для общения с различными группами. Экспрессивность общения в соцсетях способствует тому, что люди экспериментируют с новыми словами, выражениями и стилями речи, что приводит к развитию уникальной многослойной, совокупной языковой идентичности. Именно здесь языковые нормы не статичны, они эволюционируют вместе с культурными кодами общества. Сетевая коммуникация расширяет границы применения языка, позволяя формировать новые стили и особые языковые культуры, которые отражают как индивидуальные, так и групповые языковые особенности. Это, в свою очередь, влияет на языковое разнообразие и поддержку мультикультурного общения.

Социальные сети также являются инструментом выражения национальной языковой идентичности. Они предоставляют платформу для общения и обмена информацией на разных языках, что способствует повышению видимости национальных языков и языков меньшинств, одновременно проявляя и закрепляя их существование в информационном поле. Пользователи социальных сетей могут публиковать контент на своем родном языке, обсуждать национальные темы и объединяться в сообщества, что помогает сохранять языковое разнообразие. Однако существует и обратная сторона: глобализация и доминирование английского языка в интернете могут оказывать давление на национальные языки, влиять на них, приводя к заимствованиям и изменениям. Принимая во внимание этот момент, можно утверждать, что социальные сети являются одновременно и инструментом выражения, и инструментом формирования национальной языковой идентичности определённых социальных групп.

Таким образом, мы можем утверждать, что языковая личность и текст, как её выражение, в цифровую эпоху претерпевают значительные трансформации. Формируется новый тип языковой личности – цифровая языковая личность, которая формируется в виртуальном пространстве с использованием всех возможностей сети. Она не всегда совпадает с реальной языковой личностью конкретного человека, так как формируется не только на базе собственного языкового и интеллектуального опыта личности, но и при помощи различных информационных технологий и инструментов. Исходя из этого, можно говорить о многослойности и многофункциональности языковой личности в цифровую эпоху.

Литература

1. Бондаренко Т.А. Трансформация личности в условиях виртуальной реальности. – Ростов-на-Дону : Издательский центр ДГТУ, 2006. – 51 с.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. Изд-е 4-е, стереотипное. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
5. Катермина В.В., Шестакова А.А. Герои online-сетевых практик - цифровая личность: типология и стратегии поведения / Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. Минск, 2018 – С. 6-9

6. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Волгоград, 2013. – 437 с.
7. Потапова Р. К., Потапов В.В. Основы многоаспектного исследования «электронной личности» по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // Человек: Образ и сущность. №> 1/2 (28/29). Р., 2017. – С. 87-111
8. Речевая коммуникация в информационном пространстве, 2016 / отв. ред. Р. К. Потапова. Москва : ЛЕНАНД. – 112 с.
9. Северина Е. М. Цифровой текст в пространстве современной культуры // Человек и культура. 2019. № 5. – С. 65-72. Режим доступа: URL: https://e-notabene.ru/ca/article_30967.html
10. Чёрненькая С.В. Текст в цифровом пространстве культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки, 2018. – № 3. – С. 58.

Bovelieva Y.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Language personality and text in the digital age

In the context of the development of the digital age, the linguistic personality is undergoing significant transformations. The article examines how changes in communication practices affect the text and the formation of a linguistic personality, explores new features and trends emerging as a result of the widespread use of digital technologies in everyday life.

Keywords: linguistic personality, digital personality, digital age, text, information communications.

Богданова Арина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

bogdanova599@gmail.com

К вопросу об изучении языка и жанрового своеобразия компьютерных игр

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата филологических наук, доцента

В статье представлен анализ существующего жанрового деления компьютерных игр, а также предложен новый способ их классификации, приведены примеры влияния категорий игры на ее языковую составляющую.

Ключевые слова: жанр, компьютерная игра, языковые особенности, ludologia.

В век цифровых технологий на смену художественной литературе как наиболее социально значимому виду текста приходят новые формы его воплощения. Одна из современных форм бытования текста – компьютерная игра – долго оставалась вне поля

зрения ученых, воспринималась не более чем средство развлечения. Тем не менее современная компьютерная игра не может обойтись без наличия в ее структуре текста, существуют отдельные игры, полностью посвященные диалогам персонажей с минимальным визуальным сопровождением. Более того, компьютерная игра как сложное произведение, сочетающее в себе текстовое и визуальное, аудиальное и интерактивное повествование, просто не может обойтись без комплексного подхода к изучению своей сущности, и подход этот в том числе включает в себя изучение игры с точки зрения языкознания, литературоведения и других дисциплин.

Несмотря на попытки классифицировать [7, с. 154] компьютерные игры по различным параметрам для дальнейшего изучения, в этой сфере все еще остается терминологическая неточность, понятие «жанр» описывает разные аспекты игры, не пересекающиеся друг с другом: оно может обозначать как сам игромеханический процесс (шутер, симулятор и т.п.), так и время и место действия, а также то, что принято понимать под «жанром» в литературоведении. В связи с этим необходимо более точно установить терминологический аппарат и классифицировать различные понятия, характеризующие язык компьютерной игры.

Основополагающее понятие в изучении игры – её «геймплей» [7, с. 151], также называемый «игровым процессом». Под этим термином следует понимать основополагающий набор механик, данный игроку для достижения цели, систему взаимодействий с виртуальным миром, предоставленную разработчиком.

Большие споры вызывает употребление термина «жанр» по отношению к описанию видеоигры. Он не только становится многозначным, зачастую включая в себя не только описание механик игры, но и литературоведческое понимание, что на практике представляется разными категориями. Мы считаем логичным в контексте изучения видеоигры понимать под термином «жанр» ее игромеханический аспект – то, как игра проходит, какие цели преследует игрок. В таком случае жанрами игры можно считать стратегии, шутеры, РПГ и т.д.

Даже если установить, что «жанр» включает в себя только игромеханический аспект игры, мы сталкиваемся с проблемой причисления игры к определенному жанру. Также большие проблемы возникают при попытке дать наименование жанра [4, с. 5]. Возникает вопрос не только о наименовании понятия при помощи английского слова, транслитерации или перевода, но и о том, что в игровом процессе считать ключевой составляющей. В данном случае целесообразным кажется не ограничивать описание игры лишь одной меткой жанра, а причислять их сразу к нескольким, особенно учитывая, что от уровня к уровню может

меняться цель самой игры, не говоря уже о способе ее достижения. В случае же наименования конкретного жанра наиболее логичным будет воспользоваться их транслитерацией, которую уже давно применяют игровые журналисты и сообщество геймеров.

Классическое, литературоведческое понимание жанра в случае с видеоиграми соотносится с наименованием «сеттинг»: для игры это скорее «декорации» основной задачи игрока, которая заключается в выполнении поставленных целей. Сеттинг игры влияет, прежде всего, на лексические особенности речи персонажей. Так, игра *Stronghold 2* в сеттинге средневековья изобилует историзмами: «милорд», «паж», «крестьяне» и пр.; а вот *Cyberpunk 2077* содержит множество неологизмов для обозначения ещё не существующих реалий – герои пользуются «киберимплантами», читают чужие воспоминания с помощью «брэйнденса», используют сленговые слова, бытующие исключительно в сеттинге самой игры – «чумба», «борг», «корп».

За рубежом нарратология, воспринимающая игры как еще одну форму создания истории, давно занимается вопросом трансформации привычных сюжетов в виртуальном пространстве видеоигры [8, с. 312]. Как представляется, изучение взаимосвязи жанра и сеттинга, трансформации привычных сюжетов в мире виртуального интерактивного пространства могут быть интересны для литературоведов, о чем писал в своей работе Ю. Кюклик [6, с. 34]. В каком-то роде игры являются продолжателями традиции бродячих певцов [1, с. 12], которые могли изменять повествование в ответ на реакцию зрителей, только здесь этот ответ закладывается на этапе разработки как попытка предугадать действия игрока.

Система, предложенная А.Г. Шмелевым [3, с. 16], является актуальной у психологов по сей день, несмотря на то, насколько далеко с тех пор шагнуло развитие видеоигр. В области языкознания классификация аспектов видеоигры, влияющих на ее язык, до сих пор не получила должного освещения, несмотря на то что исследования в этой области могут принести пользу как в теоретическом изучении нового вида бытования текста, так и в практическом применении в разработке отечественных видеоигр.

На одном из крупнейших порталов, посвященных видеоигровой тематике, представлена одна из возможных классификаций [2], которая, хотя и описывает существующее деление видеоигр, обладает несколькими ненужными для исследования языка категориями: классификация по цели игры и левелдизайну, издателю и типу распространения. В то время как первые два пункта существенно влияют на игровой процесс, их отражения в языке игры минимально и выражается лишь в различии нескольких строк

диалога, где игроку будет разъясняться цель игры. Издатель и тип распространения игры влияют на ее внетекстовые характеристики, маркетинг и будут интересны тем, кто хочет изучать рекламу.

Количество игроков и характер их взаимодействия не только влияет на игровой процесс, но и на язык игры, побуждая сценаристов создавать более свернутые реплики в случае, если они помогают игроку соответственно реагировать на ситуацию, или более развернутые, если игра не подразумевает спешку и требует более вдумчивого и ненапряженного прохождения. На те же характеристики текста влияет и динамика игрового процесса, где в случае разделения игры на пошаговую персонажи могут позволить себе более длинные реплики, тогда как в динамичных играх, где игрок может моментально приступить к следующему заданию, тем самым прервав диалог персонажей и лишив их возможности поведать свою историю, требуется грамотное расположение реплик персонажей и их определенная свернутость.

Графическое оформление игры влияет на то, будут ли включены в текст игры описательные элементы. В том случае, если игра обладает современной 3D графикой, она может позволить себе заменить большинство описаний вневязковым, визуальным сопровождением. При этом наиболее важные моменты игры все равно будут сопровождаться обсуждением персонажей.

Угол камеры влияет не только на самоощущение игрока в качестве персонажа, но и на его речь – чаще всего история повествуется в той же форме, в какой установлена камера. Так, в *Alan Wake* (2010) мы видим персонажа со спины, и всё прохождение сопровождается репликами главного героя, как бы пишущего про персонажа, которым мы управляем, что помогает создать ощущение нахождения внутри книги. В игровой коллекции записок, сопровождающих прохождение, нам резюмируют всё от третьего лица. В журнале заданий *Cyberpunk 2077* к персонажу, которым мы управляем от первого лица, обращаются напрямую, как бы говоря одновременно и с игроком.

Таким образом, наиболее целесообразным для изучения языка видеоигр нам представляется их классификация по следующим категориям:

- 1) по жанру: экшен, адвенчура, шутер, квест, симулятор и т.д.;
- 2) по количеству игроков: одиночная или многопользовательская, кооперативная или соревновательная;
- 3) по графическому оформлению: текстовая, трехмерная или двухмерная;
- 4) по сеттингу: исторический, фэнтезийный, психологическая, триллер, комедия и пр.;

5) по динамике игрового процесса: пошаговая или проходящая в режиме реального времени;

6) по углу камеры: видим ли мы мир и общаемся от «первого лица» или от «третьего».

Таким образом, на данном этапе подобная классификация является наиболее всеобъемлющей, а изучение её аспектов кажется нам одним из важных направлений в определении взаимосвязи видеоигр и особенностей функционирования языка, если мы хотим понять сущность нового медийного жанра и присущих ему признаков. Актуальность подобных исследований обусловлена тем, что в ближайшем будущем, несомненно, возрастет социально-культурная значимость видеоигр и интерес к их комплексному изучению.

Литература

1. Дворко Н.И. Интерактивное повествование как новый способ рассказывания истории // Интерактивное повествование и режиссура мультимедиа. – Санкт-Петербург : СПбГУКи, 2010. – С. 7-18.
2. Жанры компьютерных игр (общая схема) v.1.5 // Компьютерные игры как искусство URL: <https://gamesisart.ru/TableJanr.html> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Шмелев А.Г. Мир поправимых ошибок. Компьютерные игры. Обучение и психологическая разгрузка // Москва : Знание, 2000. – С. 96.
4. Adams E. Fundamentals of game design. – Pearson Education, 2014. – 576 p.
5. Kirriemuir J., McFarlane A. Literature review in games and learning. – 2004. – 40 p.
6. Kücklich J. Auf der Suche nach dem verlorenen Text: Literaturwissenschaften und Computerspiele // Philologie im Netz. – 2001. – Т. 15. – С. 25-42.
7. Montfort N., Bogost I. Racing the Beam: The Atari Video Computer System. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2009. – 192 p.
8. Murray J.H. Hamlet on the Holodeck, updated edition: The Future of Narrative in Cyberspace. – MIT press, 2017. – 400 p.

Bogdanova A.A.

Russian State University for the Humanities

Pushkin State Russian Language Institute

Genre characteristics of videogames

The article is devoted to analysis of current videogame genres and introduces new method of classification, examples of its influence on linguistics characteristics of in-game text.

Keywords: genre, videogame, linguistic characteristics, game studies.

Бойко Валерия Романовна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

valeriaa_boyko@mail.ru

Специфика перевода рекламных слоганов с английского языка на русский

Работа выполнена под руководством Безрукова Вадима Аркадьевича, кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена исследованию перевода рекламных слоганов с английского языка, которые не были адаптированы для русскоязычной аудитории. В статье даются определения понятия «слоган», предлагаются альтернативные варианты переводов слоганов международных компаний и приводятся мнения исследователей о проблеме переводоведческой деятельности в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: слоган; реклама; перевод; приёмы перевода.

В эпоху глобализации на современном рынке можно наблюдать увеличение роста зарубежной продукции, что приводит к необходимости создания рекламы – главного инструмента многих коммерческих предприятий, а также рассмотрения различных способов её перевода. Новейшие средства массовой информации активно способствуют формированию и развитию международной рекламной деятельности, вследствие чего перевод рекламы, способы её передачи и распространения стали объектом изучения со стороны специалистов различных научных областей. Язык рекламы представляет собой важную языковую структуру, которая формирует восприятие предлагаемой информации [1, с. 92]. Грамотно организованная рекламная кампания способна привлечь как можно большее число потребителей, а её успех напрямую зависит от правильно подобранных языковых средств, которые были в ней задействованы. Увеличения спроса на ту или иную продукцию можно добиться путём создания запоминающегося образа, который будет сохраняться в сознании реципиентов в течение продолжительного времени. Создание рекламных слоганов полностью отвечает этой цели. Лингвистика рассматривает рекламу и, в частности, рекламные слоганы как вид текстовой деятельности, исследуя её языковые и стилистические средства [2; 3; 6]. Принимая во внимание факт, что значительную долю товаров на сегодняшнем российском рынке составляет зарубежная продукция, проблема перевода рекламного текста и его составляющих представляется несомненно актуальной.

В современных экономических условиях маркетинг является главным инструментом продаж; реклама, в свою очередь, приобретает вид диалога с потребителем. По мнению М.В. Данильчук, слоганы – важнейшая составляющая рекламного дискурса, короткое послание, воздействующее на потребителя [7]. Согласно толковому словарю Кузнецова,

слоган (от англ. slogan – призыв, девиз) – запоминающаяся фраза, выражающая суть рекламной привлекательности товара; лозунг, девиз, выражающий основную, существенную идею; яркая, но малосодержательная фраза. Ю.С. Бернадская даёт следующее определение рекламного слогана – краткая афористичная фраза, выражающая основную идею всех сообщений в рамках рекламной кампании. Это легко воспринимаемая формулировка рекламной идеи в сжатом виде. Таким образом, слоган «может быть назван рекламной формулой фирмы, рекламной кампании или товара» [10, с. 6]. И.А. Лызлова предполагает, что понятие «слоган» произошло от гаэльского языка, где *sluagh-ghairm* в переводе означает «боевой клич». Того же мнения придерживается и О.А. Бондарева, отмечая, что этот перевод является чёткой формулировкой рекламной идеи, «которая призвана коротко и ёмко отразить то, чем данный товар или фирма отличается от других» [3]. Во всех приведённых выше определениях прослеживаются схожие черты: слоган – это афористичная, запоминающаяся фраза, выражающая основную формулировку рекламной идеи в сжатом виде. Исходя из всех определений понятия, можно сделать вывод о том, что первоначальное значение слова «боевой клич» в полной мере определяет функции слогана: привлечь потенциальных потребителей. Слоган должен завоевать сначала внимание и только потом предпочтения. В любом слогане присутствует эмоциональная окраска, которая создаётся за счёт разнообразных средств выразительности: использование ритмических и фонетических повторов, глаголов в повелительном наклонении, личных и притяжательных местоимений, стилистически окрашенных слов.

Перевод рекламных слоганов является одной из наиболее спорных проблем переводоведения. В первую очередь возникают сложности культурологического и лингвистического характера, так как перед переводчиком встаёт широкий ряд задач, таких как: определение смысловой нагрузки оригинального слогана, характер воздействия на предполагаемого потребителя, подбор подходящих языковых средств переводящего языка, которые не нарушат смысловую целостности высказывания, его ёмкости, а также, по необходимости, адаптация слогана к иным культурным реалиям, существующим в планируемой стране для реализации продукта [3].

При переводе слогана уместно говорить о концепции динамической эквивалентности перевода [7]. Суть данной концепции заключается в том, что перевод должен сохранять силу своего воздействия на реципиента и вызывать ту же реакцию, что и у носителя иностранного языка; только в этом случае перевод будет являться эквивалентным по отношению к оригинальному тексту. Чтобы достигнуть подобного эффекта, переводчик прибегает к

различным способам и приёмам: например, компенсации или добавлению, перестановке, замене, антонимическому переводу, дословному переводу.

Максимальное сохранение структуры перевода слогана, все компоненты которой призваны оказывать эмоциональное и рациональное воздействие на целевого потребителя – основная задача переводчика [5, с. 28]. Помимо сохранения смысла оригинального высказывания необходимо также сохранить «длину фразы, ритм, фонетический рисунок, благозвучность, запоминаемость» [4, с. 11]. Причём все эти параметры мало просто сохранить при переводе: они должны быть адаптированы по необходимости для рынка, на который выходит данный бренд.

В рамках данного исследования нами были выбраны шесть слоганов зарубежных торговых марок и брендов, которые не были адаптированы на русском рынке или, на наш взгляд, были переведены некорректно.

cf.: *Finds the purr in every cat.*

‘Жизнь замуРрчательна’.

Дословно данный слоган международного бренда Whiskas можно перевести как «находит мурчание в каждой кошке». Дополнение «purr» в предложении переводится как «мурлыкать, урчать»; примечательно, что существительное со значением «мурчание» в английском языке отсутствует, что усложняет задачу переводчика. Для передачи смысла в российском слогане используется приём аллитерации, что отражается в слове «замуРрчательна». Слоганы графически отличаются друг от друга: в российском варианте сохраняется долгий [р], что в русском языке звучит искусственно, в то время как в английском – согласно литературным нормам языка. Исходный смысл слогана при таком переводе стирается: в адаптированном варианте мы находим и существительное «жизнь» и краткое прилагательное «замуРрчательна». На наш взгляд, более корректный перевод приведённого слогана: «Отзывается мурчаньем в сердце каждой кошки».

cf.: *Adidas is All In.*

В 2011 году транснациональная компания Adidas представила новый слоган глобальной маркетинговой стратегии. В предложении в качестве сказуемого выступает определительное местоимение «all» и предлог «in». Осуществить перевод данного слогана на русский язык с сохранением первоначального смысла сложно, поэтому он не получил соответствующей адаптации на российском рынке. В соответствии с замыслом компании, слоган был направлен на то, чтобы объединить все бренды, тем самым представив единый маркетинговый образ потребителям, интересующимся спортом, модой, музыкой и поп-культурой. Исходя из этого, нам кажется уместным перевод *‘Adidas – это всё’*.

cf.: *Think Different*.

Приведённый слоган, использовавшийся компанией Apple с 1997 до 2002 года официально переводится как «Думай иначе». С точки зрения норм английского языка, предложение составлено некорректно: употребляется прилагательное «different» вместо подходящего наречия «differently». Стив Джобс настоял именно на таком написании, отказавшись от грамматически правильного варианта. Чтобы корректно перевести этот слоган, на наш взгляд, достаточно привлечь внимание реципиента изменением привычного порядка слов в рекламном дискурсе, а не грамматической ошибкой. Так, лексическое значение слова «непохоже» – «не имея сходства с чем-либо», а слова «иначе» – «иным способом, иным образом, не так, по-другому». Принятый порядок слов (глагол в форме императива на первом месте, наречие – на втором) мы предлагаем заменить обратным. По нашему мнению, авторскому замыслу более соответствует первый вариант, поэтому *‘Непохоже мысли’* – подходящая адаптация слогана.

cf.: *Just Do It!*

Официального перевода на российском рынке слоган компании Nike не получил. Дословно приведённое предложение можно перевести как «Просто сделай это!» Поскольку слоган бренда представляет собой прямой призыв к действию, его можно адаптировать, используя приём стяжения, тем самым сократив исходное количество слов до одного в повелительном наклонении: *‘Действуй!’*

cf.: *I'm lovin' it*.

‘Вот что я люблю’.

На русский язык оригинальный слоган McDonald's перевели, используя сочетание «вот что», относящихся к группе так называемых неоднословных местоимений. Согласно грамматическим нормам английского языка, «to love» – это глагол состояния, не употребляющийся в Present Continuous, поскольку он не обозначает действие, протекающее во времени. Однако одна из основных функций рекламного слогана – формирование определённого эмоционального образа, связанного с продуктом или фирмой. По этой причине в рекламном дискурсе возможно пренебрежение грамматической нормой в пользу эмоциональной составляющей. Форма «loving» обозначает длительный процесс. Стоит обратить внимание на местоимение «it», употребляющееся в оригинальном слогане. Оно созвучно с глаголом «to eat» («есть, принимать пищу»). В этом контексте прослеживается чёткая связь, и русская адаптация приобретает дословный перевод «Я люблю это (есть)». В целях сохранения уникальности слогана при переводе можно использовать детский

окказионализм «любится». Таким образом, адаптированный на русский язык перевод будет звучать так: *‘Вот что мне любится’*.

cf.: *Let's Go Places*.

‘Стремиться к лучшему’.

В рекламном слогане автомобильной компании Toyota обыгрывается английская идиома в двух значениях: «to go places» – «много путешествовать» по различным местам / «добиться успеха в будущем». В официальном переводе сделан упор на второе значение, однако у русскоговорящего реципиента, не владеющего английским языком на соответствующем уровне, могут возникать трудности с пониманием и интерпретацией первоначального замысла оригинального слогана. Поскольку важной функцией рекламного слогана является обеспечение запоминаемости послания и его информативность [10, с. 7], необходимо адаптировать слоган на русский язык таким образом, чтобы все смыслы, которые были заложены авторами, не стирались. Так, с нашей точки зрения, для русскоговорящего реципиента наиболее подходящим вариантом перевода выбранного слогана будет: *‘Перед тобой все дороги открыты’*. Данный перевод удачен благодаря устойчивому выражению, несущему в себе двойственное значение: дорога как путь, доступный каждому, и как широкая область возможностей для реализации себя в будущем.

Таким образом, при рассмотрении способов адаптации слоганов, не переведённых на русский язык, выяснилось, что перевод основных коммуникативных элементов бренда имеет целый ряд особенностей. Для того, чтобы преодолеть трудности, возникающие во время перевода, необходимо обладать достаточно широким спектром знаний о культуре, психологии реципиентов и их ценностях. При этом все специалисты в области переводоведения подчёркивают, что именно сохранение образа оригинала в переводе является главным условием для переводчика, отмечая, что в первую очередь лингвист должен стремиться к воспроизведению функции приёма, а не самого приёма. Исследование показало, что носители языка могут не обладать тем же историческим и культурным наследием, что и носители другого языка, в связи с чем нами были предложены корректные, на наш взгляд, варианты перевода ряда рекламных слоганов известных торговых марок и брендов.

Литература

1. Безух А.Э., Джабраилова В.С. Скопос-теория как фактор прагматической адаптации при переводе слоганов коммерческой рекламы с английского языка на русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4. – С. 92-94.

2. Большакова М.Г., Львова С.Н., Палий Ю.В. Стилистическая адаптация рекламных слоганов при переводе с английского на русский язык // *E-Scio*. – 2022. – С. 56-65.
3. Бондарева О.А. Перевод рекламных слоганов // *Вестник Академии знаний*. – 2014. – 48-53.
4. Воскобойник Г.Д., Горчакова Е.Ю. Межъязыковая локализация дискурса бренда: доместикация или форенизация? // *Вестник Иркутского государственного университета*. Иркутск, 2014.
5. Габдулина А.И., Жумагулова Н.С. К вопросу о переводе рекламных слоганов на материале английской рекламы // *Наука и реальность/Science & Reality*. – 2020. – № 3. – С. 28-29.
6. Горшенина А.В., Лызлова И.А. Проблема перевода рекламных слоганов в аспекте когнитивной и прагматической лингвистики (на материале английских слоганов) // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2016. – С. 23-27.
7. Данильчук М.В. Особенности перевода названий брендов и рекламных слоганов // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2017. – С. 48-54.
8. Ефимова А.Д. Перевод и интерпретация рекламных текстов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых*. – 2017. – № 15. – С. 29-33.
9. Кривицкая А.А. Особенности перевода рекламных слоганов с английского на русский язык на примере слоганов туристических фирм Англии // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. – 2022. – № 19. – С. 68-75.
10. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) «Реклама» / Ю.С. Бернадская. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 288 с. – (Серия «Азбука рекламы»).

Boyko V. R.

Pushkin State Russian Language Institute

The Specifics of Translating Advertising Slogans from English into Russian

The article is devoted to the study of the translation of advertising slogans from English, which have not been adapted for the Russian-speaking audience. The article defines the concept of "slogan", suggests alternative versions of translations of slogans of international companies and provides the opinions of researchers on the problem of translation studies in advertising discourse.

Keywords: slogan; advertising; translation; translation techniques.

Бондаренко Алина Васильевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Психолингвистические основы восприятия научно-популярной информации детьми разных возрастных групп

Работа выполнена под руководством Северской Ольги Игоревны, кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена изучению психолингвистических особенностей восприятия научно-популярной информации детьми разных возрастных групп. В статье освещаются и исследуются проблемы языка и мышления, теории речевой деятельности, порождения и восприятия речи, а также понимания детьми научно-популярного текста. Анализ основан на материале произведений "Приключения в мире динозавров", "Дорожные истории" детской писательницы, популяризатора науки Д.В. Мультиановской.

Ключевые слова: научно-популярная литература, психолингвистика, текст, восприятие, речь, научный стиль

Известно, что М.В. Ломоносов считается основателем национального научного стиля речи и отечественной научной журналистики. Его глубокие знания русского языка, обширные познания в точных науках, отличное владение латинским, греческим и западноевропейскими языками, а также его литературный талант позволили заложить основы русской технической и научной терминологии. Благодаря его усилиям был заложен фундамент для развития современного точного научного языка. Суть научного текста заключается в передаче знаний в вербализованной форме. Научный функциональный стиль в традиционном понимании «обслуживает научную сферу общественной деятельности» и «предназначен для передачи научной информации в подготовленной и заинтересованной аудитории».

Однако современный научный стиль имеет свои особенности. В современных научных текстах наблюдаются уход от формы «мы» в пользу форм «я» и безличных конструкций, использование более простых и коротких фраз, чтобы облегчить понимание текста. Кроме того, в научных текстах появляются элементы инфотеймента и рекламности. Инфотеймент – сочетание информации и развлекательного контента, что помогает привлечь внимание читателя и сделать текст более привлекательным. Рекламность, в свою очередь, используется для убедительности и усиления воздействия на читателя. Таким образом, современный научный стиль отличается от традиционного, применяя новые формы и приемы для более эффективной коммуникации и передачи знаний.

В структуре научного стиля обычно выделяются: в ядре – собственно научный, академический, научно-информативный, научно-справочный, учебно-научный, на периферии – научно-мемуарный, научно-популярный и научно-фантастический подстили [2, с. 135-136].

В последнее время научно-популярный стиль приобретает все большую значимость и влияние как внутри научного сообщества, так и в области научно-просветительской деятельности. Главным аргументом для выделения научно-популярного самостоятельного стиля Н.Н. Маевский называет то, что «научно-популярный стиль в противоположность научному стилю реализует не одну языковую функцию сообщения (коммуникативно-информативную), а две языковые функции: функцию сообщения и функцию воздействия, что определяется особой сферой общения, деятельности, в которой этот стиль используется, – сферой научной популяризации, а в связи с этим и особой по сравнению с научным стилем экстралингвистической основой» [3. с. 11]. Он переносится в ядро структуры научного общения и становится определяющим фактором в коммуникации, особенно в массмедиа и интернете. В своей эволюции научно-популярный стиль заимствует приемы из публицистики и художественной литературы, которые обычно противопоставляются научному стилю. Традиционно научный стиль характеризуется объективностью, логичностью, доказательностью, точностью и ясностью. Однако современные научно-популярные разновидности стиля все больше приближаются к нему, включая такие ранее считавшиеся периферийными признаки, как рекламность, экспрессивность, эмоциональность и образность. Это связано с задачами, которые ставит перед собой научно-популярный стиль в настоящее время. Научно-популярный стиль становится не только средством передачи научной информации, но и средством привлечения внимания аудитории. Для передачи научного содержания в научно-популярном стиле используются те же средства, что и в научном стиле – специальные термины, терминологические сочетания, морфологические формы, синтаксические конструкции, фразеологизмы и образные клише. Они выполняют функцию, аналогичную их использованию в СМИ – облегчают восприятие содержания и добавляют привычный образный ряд. Иногда авторы прибегают к деформации фразеологизмов, чтобы создать дополнительный эффект и привлечь внимание читателя. Еще один прием, который можно встретить в научно-популярных текстах, – это столкновение несовместимых языковых средств. Автор может использовать этот прием для создания эффекта неожиданности, иронии или комизма. Неожиданность помогает сосредоточить внимание на главном, а ирония и комизм служат средством эмоциональной разрядки при восприятии сложного материала. Однако, в научно-популярных текстах терминология используется ограниченно, научные понятия объясняются с использованием повседневных знаний и практического опыта читателя. Также в таких текстах используются выразительные средства, такие как метафоры, сравнения, эпитеты, чтобы сделать материал более интересным и понятным. В

научно-популярных текстах автор имеет возможность выражать свою позицию относительно представляемой информации, обращаться непосредственно к читателю, то есть проявлять свою личность, в отличие от научных и учебных текстов. В таких текстах допустимо использование вопросительных и восклицательных конструкций, междометий, обращений. Эти языковые средства помогают достичь еще одной функции, присущей научно-популярному стилю – функции воздействия, что приближает его к публицистическому стилю и художественной литературе. Основными жанрами научно-популярного стиля являются статьи в газетах и научно-популярных журналах, очерки, научно-популярные книги, лекции, публичные выступления и беседы по радио и телевидению на научные темы.

Так в современном мире научно-популярные книги играют важную роль в формировании мировоззрения и познавательных интересов детей. Они помогают развивать у них навыки поиска и анализа нужной информации, а также работы со справочными и научными источниками. Прежде всего, к научно-популярной литературе для детей предъявляются такие требования, как к детской литературе в целом. Их сформулировал еще Белинский: выраженный воспитательный характер; познавательный, образовательный характер; высокая нравственность; наличие положительного идеала; оптимизм; тематическая широта; близость к реальной жизни; учет психологических особенностей и познавательных возможностей, связанных с возрастом; занимательность, динамизм; художественное совершенство, высокие эстетические качества; правильность речи [1, с. 324]. Однако восприятие такой информации может отличаться у детей разных возрастных групп из-за их психолингвистических способностей.

Психолингвистика является наукой, которая изучает взаимосвязь между языком и психологическими процессами. Она объединяет в себе теоретические и эмпирические методы лингвистики и психологии для изучения мыслительных процессов, связанных с освоением языка и его использованием. В область исследования психолингвистики входят «проблемы языка и мышления, теории речевой деятельности, порождения и восприятия речи, восприятия текста» [9, с. 49]. Например, маленькие дети, только начинающие изучать язык, могут испытывать затруднения с пониманием сложных научных понятий. Их мышление часто основано на более простых и конкретных представлениях о мире. Поэтому для них важно представить информацию в доступной и наглядной форме, используя иллюстрации или примеры из их повседневной жизни. Рассказывая научные факты через увлекательные истории, можно привлечь внимание детей и сделать процесс обучения более увлекательным. Истории могут быть вымышленными или основанными на реальных событиях и действующих лицах. Однако с возрастом и развитием психолингвистических

способностей дети становятся способными к абстрактному мышлению и пониманию более сложных научных концепций. Они начинают анализировать информацию, сравнивать и сопоставлять различные идеи, а также формировать свои собственные выводы. В этом возрасте важно предоставить детям возможность задавать вопросы, обсуждать темы и выражать свое мнение, чтобы развить их критическое мышление и способность аргументировать свои взгляды. Помимо этого, психолингвистические исследования показывают, что восприятие научно-популярной информации может быть связано с индивидуальными различиями в когнитивных процессах и способностях детей. Некоторые дети могут быть более визуально ориентированными и предпочитать изучать информацию через картинки и диаграммы, в то время как другие могут быть более аналитическими и предпочитать текстовую информацию. Поэтому важно предоставить разнообразные формы представления информации, чтобы удовлетворить потребности разных детей, например, не забываем о фотографиях, выделяя нюансы каждой планеты: Марс красный, а у Сатурна характерные кольца из летающих вокруг камней (их называют астероидами). Таким образом, понимание психолингвистического развития детей помогает нам адаптировать способ представления информации, чтобы сделать ее более доступной и понятной для каждого ребенка. Разнообразие подходов и использование различных форматов помогут детям развивать свои познавательные способности и увлечение научными знаниями.

Дополнительно можно внести использование интерактивных элементов. Например, предложить детям провести простые эксперименты или задания, которые помогут детям самостоятельно исследовать научные явления и законы.

Среди способов популяризации научных знаний очень важными являются интервью, беседы и диалоги, так как они привлекают большой интерес у читателей. Эти формы коммуникации являются ключевым средством общения между учеными и широкой аудиторией. Ученый, желающий передать научные знания через интервью, представляет свои идеи в доступной форме, не ставя перед собой задачу обучения, а стремясь лишь передать информацию о новых научных открытиях или событиях в научном сообществе, что делает интервью частью научно-популярной литературы [6]. Так, в сказочной повести Дарьи Мультановской «Приключения в мире динозавров» через диалог повествуется об удивительных существах, населявших Землю в доисторические времена – динозавры. В попытках ответить мальчику Феде на интересующие его вопросы «живут ли среди нас еще динозавры?», и «если да, то где их тогда можно встретить?» автор переключает внимание читателя на музей палеонтологии, где хранятся останки многих видов динозавров, такие как трицератопс, которые имели необычные черепа с рогами или костные воротники. Изучение

динозавров помогает представить ребенку эволюцию жизни на Земле и нашу собственную роль в ней [5].

Связь между коммуникативными стратегиями и тактиками, используемыми учеными, и различными жанрами текстов очевидна. Научно-популярная детская литература, в основном, использует стратегию аргументации, которая проявляется в тактиках цитирования и использовании научной терминологии. Основной тактикой репрезентации специальных знаний для адресанта научно-популярного текста является тактика объяснения. Данная тактика может быть реализована эксплицитно через соответствующие метатекстовые маркеры, например: «здесь нужно пояснить...»; «сейчас я расскажу...»; «для начала разберемся в понятиях...» и т.п. В научно-популярной книге «Дорожные истории» Дарьи Мультановской – детского писателя, популяризатора науки – сочетается фантастическое и вымышленное, научное и полезное. Благодаря «разговаривающим» автомобилям и светофорам, зебре, которая живёт на дороге, автор знакомит читателя с правилами дорожного движения, поведения в метро, безопасностями на дорогах, а также рассказывает о том, кто и когда изобрёл первый в мире светофор, вставляя научную терминологию [3].

В текстах лекций и интервью ученые часто обращаются к авторитетным мнениям или информационным источникам, хотя редко цитируют их напрямую. Эти тексты также характеризуются использованием тактик экспликации, экзemplификации и эмоционализации.

Стратегия популяризации направлена на ознакомление адресатов со своим субъективным мнением и позицией по дискуссионному вопросу. В текстах всех рассмотренных жанров наблюдается стремление ученого вызвать интерес адресата и вовлечь его в обсуждение научной темы или проблемы. Для этого ученые активно используют риторические вопросы и вопросно-ответные комплексы, а также глаголы повелительного наклонения, создавая ситуации коммуникативного равенства между собой и адресатом.

Литература

1. Белинский В.Г. Опыт истории русской литературы // Собр. соч.: в 9 т. – Москва, 1981. – Т. 7. – С. 324-365
2. Колесникова Н.И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов // Высшее образование в России. – 2010. – №3. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-vazhno-znat-o-yazyke-i-stile-nauchnyh-tekstov> (дата обращения: 19.03.2024).
3. Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1979. – 21 с.

4. Мультиановская Д.В. Дорожные истории. / худож. А. В. Михалёв. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 75, [5] с. : ил. – (Научные сказки).
5. Мультиановская Д.В. Приключения в мире динозавров / худож. Чукавин А.А. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 90, [6] с. : ил. – (Научные сказки).
6. Шевченко Ю.В. Авторские стратегии популяризации в разножанровых научно-популярных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №3. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-strategii-populyarizatsii-v-raznozhanrovyyh-nauchno-populyarnyh-tekstah> (дата обращения: 20.03.2024).
7. Щербакова М.В. Психолингвистический аспект восприятия текста // Вестник ОГУ. – 2017. – №1 (201) // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-voSPIriatiya-teksta> (дата обращения: 03.04.2024).

Bondarenko A.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Psycholinguistic features of perception of popular science information by children of different age groups

The article is devoted to the study of the psycholinguistic features of the perception of popular scientific information by children of different age groups. The article highlights and examines the problems of language and thinking, the theory of speech activity, the generation and perception of speech, as well as the understanding of popular science text by children. The analysis is based on the material of the works "Adventures in the world of dinosaurs", "Road Stories" by the children's writer, popularizer of science D.V. Multanovskaya

Keywords: popular science literature, psycholinguistics, text, perception, speech, scientific style.

Бородина Дарья Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

borodina.daria03@mail.ru

Приёмы создания псевдонимов российских рэп-исполнителей

Работа выполнена под руководством Гапутиной Виолетты Александровны, кандидата филологических наук, доцента кафедры РСиМК

Предметом рассмотрения в статье являются приёмы создания псевдонимов, принадлежащих отечественным рэп-исполнителям. Особое внимание уделяется наиболее продуктивным в современной российской рэп-индустрии способам графического оформления псевдонимов, а также нестандартным моделям номинации, обеспечивающим семантическую и структурную нетривиальность создаваемых имён.

Ключевые слова: музыкальный дискурс; псевдоним; рэп-индустрия; номинация; имя; приёмы создания.

Сценическое имя в современном музыкальном дискурсе, и особенно в стремительно развивающейся рэп-индустрии, с течением времени приобрело статус неотъемлемой

составляющей публичного имиджа исполнителя. В отечественной рэп-культуре укрепилась тенденция к использованию искусственной сценической номинации: попадая под влияние специфического музыкального пространства, начинающие рэперы отказываются от собственных имён, заменяя их на специально созданный нестандартный, запоминающийся псевдоним – «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [3, с. 118].

В современной рэп-индустрии обращение к искусственно созданным именам является одним из главных приёмов построения яркого, популярного и экономически успешного сценического образа: число исполнителей, строящих свою карьеру под настоящим, полученным при рождении имени, с каждым годом уменьшается. Подобная востребованность псевдонимов среди российских рэперов связана в первую очередь с предоставляемой возможностью лаконичного самоопределения и самопозиционирования: создавая уникальный, нередко говорящий псевдоним, исполнитель прежде всего стремится заявить о себе в новом пространстве – выделить себя на фоне множества других музыкантов, утвердить собственную нетривиальность и исключительность, привлечь внимание аудитории на неповторимые черты себя как личности и отдельной творческой единицы. «Псевдоним уподобляется своеобразному товарному знаку, становится частью имиджа...» [2, с. 99].

Подобное стремление породило среди отечественных рэп-исполнителей моду на нестандартные для русской языковой системы псевдонимы, легко дифференцируемые среди общей массы сценических имен, создаваемых и используемых в индустрии музыки, благодаря собственной выразительности и нетривиальности. Работая над созданием звучных, запоминающихся сценических имён, российские рэп-исполнители выходят за рамки принятых, распространённых в языке законов именования, утверждая собственные специфичные каноны графического творчества и используя в процессе выстраивания искусственных онимов нестандартные словообразовательные приёмы.

В современной отечественной рэп-индустрии могут быть выделены четыре основные, наиболее общие группы псевдонимов, разграничиваемые на основе разницы применяемых в процессе номинации приёмов графического оформления. Первая группа наиболее типична с точки зрения графической структуры онимов – в неё входят псевдонимы, написанные при помощи символов кириллического алфавита: *Карандаш, Баста, Тимати, Хаски, Молодой Платон, Скриптонит, Платина, Джизус*. Особый интерес в рамках рассматриваемой группы представляют псевдонимы, образованные путём перехода общеупотребительных нарицательных существительных в разряд собственных. Этот приём реализуется в онимах

Карандаш, Хаски, Платина. Особенность данного типа сценических имён заключается в семантическом сдвиге, сопровождающем процесс их номинативного оформления и характеризующемся изменением начального лексического значения используемого для создания псевдонима слова. Стоит отметить, что прослеживаемый в процессе создания такого рода псевдонима семантический сдвиг не выходит за рамки ограниченного круга носителей языка, становясь очевидным лишь для тех, кто знаком с творчеством выступающего под данным именем исполнителя.

Вторую группу – самую многочисленную по количеству входящих в неё наименований – составляют псевдонимы, записанные с помощью латинских символов. В неё входят такие имена, как *GUF, Big Baby Tape, Boulevard Depo, Thrill Pill, Kizaru, Feduk, OG Buda, Soda Luv, Lizer, Blago White, Bushido Zho, SALUKI, JEEMBO, Yanix, LIL KRYSTALL, GONE.Fludd, MAYOT, Scally Milano, Seemee, T-Fest, Heronwater, Uglystephan, YUNGWAY, Aarne, LIL MORTY, PHARAON*. Наблюдаемый в отечественной рэп-индустрии стабильный рост количества англоязычных псевдонимов, как правило, связывают с ориентацией российских исполнителей на американскую хип-хоп культуру и сформировавшиеся в ней традиции сценической номинации.

Отдельную категорию внутри рассматриваемой группы составляют псевдонимы, образованные путём творческой переработки настоящего имени исполнителя, – *Feduk, Bushido Zho, Yanix, Uglystephan, Soda Luv*. Стоит отметить, что каждый из названных онимов представляет собой результат использования разных схем преобразования начального имени. Так, псевдоним *Bushido Zho* появился в результате соединения существительного *bushido* (англ. ‘кодекс самурая’) с транслитерацией усеченной основы имени Жоас. Схожим образом построен оним *Uglystephan*: однако в данном случае прилагательное *ugly*, что в переводе означает ‘неприятный, скверный’, соединяется с европейским именем *Stephan*, выступающим в роли стильного аналога имени Степан. Посредством обращения к иноязычному варианту имени собственного организован также псевдоним *Feduk*, представляющий собой венгерскую форму имени Фёдора Инсарова. Сценическое имя *Yanix*, в отличие от предыдущих онимов, появилось в результате изменения звуко-буквенного состава: конечный согласный в транслитерированной форме имени *Yanis* был заменен на популярный в американской рэп-культуре согласный «х», что позволило добиться более выигранного звучания. Экспериментируя с буквенным составом собственного имени, придумал свой псевдоним и Владислав Терентюк, более известный как *Soda Luv*: если из сценического имени исполнителя убрать букву «и», добавленную рэпером намеренно, и прочесть оставшееся слово наоборот, то получится имя Владос.

Со структурной точки зрения здесь также представляют интерес псевдонимы *LIL KRISTALL* и *LIL MORTY*, отражающие на своём примере колоссальное влияние американской рэп-культуры на отечественную традицию. Приставка *LIL*, в переводе означающая ‘маленький’, позаимствована российскими рэп-исполнителями из американской музыкальной среды, в которой она является, вероятно, самой продуктивной моделью образования псевдонимов. Так, по образцу американских Lil Uzi Vert, Lil Peep, Lil Pump появились российские «Lily». Путём прибавления к основному ониму продуктивной в рэп-индустрии начальной частицы образован и псевдоним *OG Buda*, принадлежащий Григорию Ляхову. Аббревиатура *OG*, принятая в мировом хип-хоп сообществе и расшифровываемая как ‘*Original Gangsters*’, соединяется в псевдониме рэпера со словом, полученным в результате сокращения топонима Budapest – названия города, в котором прошли детство и юность музыканта.

К данной группе псевдонимов примыкает третья группа, включающая в себя псевдонимы, построенные путём соединения буквенных символов латинского алфавита и арабских цифр: *10AGE*, *163onmuneck*, *COLD1*, *17 SEVENTEEN*, *ALBLAK 52*, *SP4K*, *Lovv66*, *i61*. В первую очередь внимания заслуживают онимы, содержащие в своей структуре очевидно идентифицируемые английские слова и словосочетания – *10AGE* (англ. ‘10 лет’), *COLD1* (англ. ‘холодный 1’), *17 SEVENTEEN* (англ. ‘17 семнадцать’) и *163onmuneck* (англ. ‘163 на моей шее’). Семантическая составляющая слов, использованных в данных псевдонимах, а также цифр, структурно примыкающих к ним, не поддаётся точному анализу, поскольку не выводится из биографии исполнителя, не соотносится с присущими ему интересами, принципами, творческими взглядами. Можно лишь предполагать, какой смысл был заложен в тот или иной псевдоним. Обратная ситуация наблюдается в псевдонимах *ALBLAK 52* и *Lovv66*, где цифры с семантической точки зрения представляют собой большую ценность, поскольку напрямую соотносятся с личностью исполнителя. Число 52 в сценическом имени Кирилла Каджаии, он же *ALBLAK*, указывает на принадлежность артиста к петербургскому творческому объединению «52». В свою очередь, число 66 в псевдониме Ивана Шабашова повторяет номер школы, в которой учился музыкант.

Последняя, четвёртая группа псевдонимов является самой немногочисленной по своему составу, однако самой необычной по графическому оформлению входящих в неё онимов. Её образуют псевдонимы *Mnogoznaal*, *SQWOZ BAB*, *OBLADAET*, образованные наименее продуктивным способом – путём транслитерации общеупотребительных русских слов и словосочетаний с помощью символов латинского алфавита. Особенность данной категории псевдонимов состоит в том, что перешедшие в разряд имён собственных

словосочетание *много знал*, сочетание существительного с предлогом *сквозь баб* и форма настоящего времени глагола *обладает* целенаправленно не переводятся на английский язык, а лишь подвергаются графическому переоформлению его средствами. Это значит, что, приобретая написание, не свойственное русскому языку, общеупотребительные слова, образующие псевдоним, всё же остаются в рамках нашей языковой системы, сохраняя присущее им лексическое и грамматическое значение.

Таким образом, проанализировав наиболее заметные из существующих в отечественной рэп-индустрии псевдонимы, можно отметить, что современные рэперы воспринимают своё сценическое имя в качестве лаконичного средства утверждения собственной идентичности. Используя различные приёмы графического оформления, экспериментируя со своими настоящими именами, переосмысляя уже существующие общеупотребительные слова и придумывая совершенно новые единицы, российские рэперы превращают псевдонимы в концентрированное отражение самих себя, своих жизненных путей, принципов и творческих исканий. Подобный творческий, разносторонний подход современных рэп-исполнителей к созданию собственных псевдонимов послужил причиной формирования в российской музыкальной среде отдельной, совершенно уникальной категории сценических имён, принадлежащих рэперам и отличающихся подчёркнутой индивидуальностью и нетривиальностью внешней структуры.

Литература

1. Гарагуля С.И. Сценическое имя в контексте антропонимических трансформаций // Вестник Московского университета. – 2008. – №5. – С. 77-88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenicheskoe-imya-v-kontekste-antropnimicheskikh-transformatsiy> (дата обращения: 22.01.2024).
2. Джарасова Т.Т. Псевдонимы как особый вид антропонимов // Вестник казНУ. – 2012. – №3. – С. 96 – 100.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. – Москва: Наука, 1988. – 187 с.
4. Прокопьева О.В. Семантические особенности русских и английских сценических имен / О.В. Прокопьева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – №6 (6). URL: <https://research-journal.org/archive/6-6-2012-november/semanticheskie-osobennosti-russkix-i-anglijskix-scenicheskix-imen> (дата обращения: 23.01.2024).

Borodina D. A.

State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkin

Techniques for creating pseudonyms for Russian rap artists

The subject of consideration in the article is the methods of creating pseudonyms belonging to domestic rap artists. Particular attention is paid to the most productive methods of graphic design of pseudonyms in the modern Russian rap industry, as well as non-standard nomination models that ensure the semantic and structural non-triviality of the created names.

Key words: musical discourse; pseudonym; rap industry; nomination; Name; creation techniques.

Бурмакин Андрей Александрович

Сибирский государственный институт искусств им. Дмитрия Хворостовского

7bur7an7@gmail.com

Развитие кириллического шрифта как вызов новому времени

Работа выполнена под руководством Бурмакиной Натальи Алексеевны,
доцента, кандидата филологических наук

В статье представлены современные проблемы и пути развития дизайна кириллических шрифтов. Автор рассматривает альтернативные способы создания шрифтов и новые тенденции.

Ключевые слова: национальная письменность, кириллическая графика, кириллический шрифт, шрифтовой дизайн, нейронная сеть, Енисейская губерния, Приенисейская Сибирь, навигация.

Национальная письменность является своеобразной цивилизационной характеристикой внутренней культуры народа. Письменность, с момента своего возникновения и по мере её употребления, «вбирает в себя всё созданное конкретным народом» и служит своеобразным маркером, который позволяет определить данный народ [5, с. 1].

С принятием закона, разрешающего использовать в официальных языках субъектов Российской Федерации только кириллический алфавит, данная система письма становится мощной основой для сохранения единого графического написания алфавита, а также залогом единства информационного поля внутри страны [1].

Безусловно, в этом вопросе главную роль играют не «престижность» того или иного начертания букв, а многовековые традиции и обычаи людей. Более того, с 2007 года кириллица была признана одним из трех официальных алфавитов Евросоюза (благодаря вступлению туда Болгарии). С 2013 года кириллические надписи, наравне с латинскими и греческим, появились на банкнотах евровалюты [2]. Кроме того, стал узнаваем и популярен сам символ рубля.

Говоря о современности, стоит отметить тот факт, что в свете новейших тенденций за последние годы разработчики нейросетей стали обращать внимание на менее очевидные направления использования искусственного интеллекта, а именно на работу со шрифтами. К

примеру, разработчик Кевин Хо реализовал интерактивную базу FontMap, в которой алгоритм машинного обучения сортирует существующие шрифты и на основе визуальных характеристик подбирает сочетающиеся между собой. В данном направлении работает также программа René, разработанная программистом из Airbnb. Однако обе программы имеют один существенный для отечественных пользователей недостаток: очень малый процент шрифтов, использующихся на этих площадках, подходит для кириллицы. Для иллюстрации обратимся к глобальной библиотеке шрифтов Google Fonts. По данным на 4 ноября 2022 года, из 1455 шрифтов кириллическими являются лишь 190. Большая часть из доступных шрифтов сильно унифицирована, что снижает возможность найти решение под конкретный проект [3].

Разработка собственного шрифта является долгим и кропотливым процессом. Поэтому возникает потребность в инструменте, способном сгенерировать соответствующий правилам каллиграфии кириллический шрифт, который будет подходить для решения конкретных задач.

Для решения данной проблемы требуется, помимо всего прочего, дополнение теоретической базы исследования, а именно вопросов нейронных сетей. На сегодняшний момент существуют следующие их типы:

1. Генеративно-согласительные сети: алгоритм классического обучения без учителя, при котором используются «генератор» – алгоритм генерирования какого-либо образа, а также «дискриминатор» – алгоритм распознавания этого образа.

2. Свёрточные нейронные сети (CNN): нейронные сети, способные на основе большого объема входных данных распознавать различные типы объектов. Для такого типа нейросетей необходимо создавать разметку и указывать на нужную часть изображения, где содержатся необходимые для распознавания образы. Обработав большое количество входных изображений, такая нейросеть может самостоятельно определять нужные объекты на картинках.

Наиболее существенными преимуществами внедрения нейронных сетей в разработку шрифтов являются:

1. Снижение материальных затрат и снижение затраченного на разработку времени.
2. Высокая вариативность: способность за счёт интерполяции генерировать переходные варианты начертаний, что позволяет создавать более одного вида шрифта.

Однако существуют и недостатки, наиболее существенными из которых являются:

1. Недостаточный объем данных. Как было отмечено выше, общий объем кириллических шрифтов в открытом доступе является недостаточным, чтобы использовать его как основу для генерирования новых шрифтов.

2. Несовершенство механизма обучения нейронных сетей. В процессе генерирования данных это является причиной возникновения сбоев, вследствие чего полученные результаты содержат большое количество ошибок.

В сфере шрифтового дизайна на данный момент проводятся конференции, выставки и прочие мероприятия. Упомянем российскую компанию в области изготовления шрифтов – Паратайп, которая уже давно существует на рынке и выпускает справочники своих шрифтов, следуя модным тенденциям в сферах дизайна шрифтов и полиграфии. При этом до сих пор остаётся большая потребность в создании конкретно кириллических шрифтов, кроме того существует нехватка созданных на их базе узконаправленных специальных символов и знаков.

На данный момент возрастает спрос не только на создание собственных уникальных шрифтов, но и на реставрацию и реконструкцию местных шрифтов, что является большим полем работы для шрифтовых дизайнеров. Например, Иван Арбатский в апреле 2021 представил восстановленные шрифты Енисейской губернии года. В выставочном зале «Avanguard» состоялось открытие отчётной выставки Ивана Валентиновича Арбатского – профессора кафедры «Дизайн» СГИИ имени Д. Хворостовского. Экспозиция состояла из 22 полотен со шрифтами, которые автор реконструировал из репертуара первой частной типографии Е.Ф. Кудрявцева за 1884-1890 гг. и Енисейской губернской типографии в Красноярске за 1898 г. Выставка была посвящена 200-летию образования Енисейской губернии и 165-летию начала типографского дела в Приенисейской Сибири. В 2020 году администрация г. Томска разработала дизайн-код для размещения рекламы в центре города. Таким образом, за счёт этого город возвращает облик исторических кварталов в дореволюционном стиле. Такая практика уже существует в Красноярском крае, где в г.Енисейске к 400-летию была реализована навигация в старинном виде [4].

Стоит ещё вспомнить, что в 2017 году в Рыбинске решили вернуть центру города исторический облик с помощью вывесок в дореволюционном стиле. Данный эксперимент проходил на Красной и Соборной площадях, а также на Стоялой и Крестовой улицах. Проект получил поддержку не только мэрии Рыбинска, но и Русского географического общества. Вывески делали вручную из натуральных материалов – металла и дерева. Окрашивали так же вручную. При этом были использованы шрифты из дореволюционных сборников шрифтолитейного «заведения Бертольда» и «словолитни О.И. Лемана».

На сегодняшний момент возникает потребность в самоидентификации какого-либо региона, города или местности. При этом оказывается важным не только сохранение исторической памяти, но и создания дизайна города и комфортной среды для жизни

человека. Шрифт создаётся не только с целью удобства чтения и реализации эстетического вкуса, но для навигации. Данная тенденция служит ещё и на благо туризму, сохранению культуры и формированию любви к своему городу.

Литература

1. Иван Арбатский представил восстановленные шрифты Енисейской губернии // Сибирский государственный институт искусств им. Дмитрия Хворостовского // [Электронный ресурс] URL: https://kgii.ru/archive/8-news/1690-shrifty-enisejskoj-gubernii-na-polotnakh-ivana-arbatskogo?template=beez_20 (дата обращения 29.02.2024)
2. Медоваров М. Кириллица в современной геополитической и культурной борьбе // Катехон // [Электронный ресурс] URL: <http://katehon.com/ru/article/kirillica-v-sovremennoy-geopoliticheskoy-i-kulturnoy-borbe> (дата обращения 29.02.2024).
3. Моторин М. Борьба кириллицы и латиницы (К вопросу об иконичности письма) // [Электронный ресурс] URL: <https://pravoslavie.ru/70901.html>. (дата обращения 29.02.2024)
4. Нейронная сеть, которая верстает сайты по картинке // [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/future/31732-neyronnaya-set-kotoraya-verstaet-sayty-po-kartinke> (дата обращения: 29.02.2024).
5. Сомова И.Ю. Кириллица или латиница – геополитическая борьба или навязанный спор в СМИ? // Либерально-демократические ценности, 2020 – №2 // [Электронный ресурс] URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/01KLLD220.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

Burmakin A.A.

Dmitry Hvorostovsky Siberian State Institute of Arts

The development of the Cyrillic font as a challenge to the new age

The article presents modern problems and ways of developing Cyrillic font design. The author considers alternative ways of creating fonts and new trends.

Keywords: national writing, Cyrillic graphics, Cyrillic font, font design, neural network, Yenisei province, Yenisei Siberia, navigation.

Буштокова Диана Алиевна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

bushtokova@yandex.ru

Пути формирования топонимики Ставропольского края в аспекте народной и научной этимологий

Работа выполнена под руководством Тельпова Романа Евгеньевича, канд. филол. наук, доц., ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

В статье рассматриваются топонимические предания Ставропольского края Российской Федерации, собранные и обработанные В.Г. Крыласовым в «Историях и сказах Ставрополья». На наш взгляд, топонимические мотивы сказов можно разделить на три группы: мотив становления казачества на Северном Кавказе, мотив, повествующий об атаманше, мотив, связывающий имена девушек с названиями водоемов. Также в статье рассматривается топонимический мотив, связанный с именем Марья, его проявление в топонимике Ставропольского края и других регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: топонимика, топонимические предания, народная этимология, постфольклор.

Исследование процессов формирования топонимики Ставропольского края, на наш взгляд, должно осуществляться путем комплексного анализа топонимов данного региона с учётом как научной, так и народной этимологии. Цель данного исследования заключается в изучении происхождения топонимов в данном регионе с учетом их народной и научной интерпретации.

Владимир Крыласов – писатель, чьё творчество оказало значительное влияние на изучение и сохранение культурного наследия Ставропольского края. Его книга «Истории и сказы Ставрополья» появилась в результате сбора и систематизации многочисленных рассказов и легенд, записанных в различных уголках края. Семья автора переехала в Ставропольский край в 1967 году. Владимир Георгиевич Крыласов удивлялся отсутствию в Ставрополье сборников, подобных трудам Бажова и Ершова. Это и стало отправной точкой для его исследовательской деятельности. Результатом работы, проделанной В.Г. Крыласовым, стал сборник из 50 художественных текстов, созданных на основе фольклорных произведений Ставропольского края, в том числе 10 песен. Значительную часть сборника составляет раздел, который можно назвать историческим, в нем собраны «были, легенды и сказы, в которых повествуется как о появлении казачества на Северном Кавказе, так и об участии казаков в исторически значимых событиях» [3, с. 421]. Тексты, составившие «исторический» раздел, сопровождаются указанием, в каком месте Ставропольского края услышан и записан тот или иной рассказ [3, с. 423], поэтому, на наш взгляд, они могут служить достоверным источником топонимических нарративов, бытующих на территории Ставрополья.

В топонимических преданиях Ставропольского края Российской Федерации прослеживается один из главных мотивов – казачьи традиции и борьба этого субэтноса за независимость. Зачастую сюжет повествует о том, как станица, основанная казачьей общиной, отстаивает свою независимость и сохраняет свое название, которое было получено в честь первого атамана. Пример такого классического сюжета – предание об основании села

Стародубского, основанного 4 октября 1773 года. Так в «Масловокутской или Стародубской были» повествуется о том, как первоначально названная в честь атамана Николы Стародуба станица впоследствии стала известна под другим названием: *Масловым же Кутом она стала называться после того, как полковник Маслов, разгромив Кривого Идриса, встал в ней на постой* [3, с. 64]. После Маслова произошло несколько смен владельцев имения, и станица перешла во владение Высоцкого. Однако местные жители не смирились с этим и под руководством внука атамана Стародубского, которого звали Афоня Надвигин, начали борьбу за свою независимость. Несмотря на их стойкость, стародубцы потерпели поражение. Позднее, после смерти барина Высоцкого, имение вновь было продано другому помещику. После многочисленных переговоров и сборов казачьего круга был заключен мирный договор, в соответствии с которым казаки обязались платить ежегодные отступные за свою независимость. Они также восстановили право называться казаками, а станица, хоть и неофициально, вернулась к своему первоначальному названию – *Стародубская* [3, с. 69].

К подобным преданиям относится и сказ «Про казака Георгия Емельяныча Спицу», в котором отображается история сотника Владимира Фатеева, отправившегося на поиски места для основания станицы [3, с.308]. В своем путешествии он встретил казака Георгия Емельяныча Спицу, который пришел из других мест и основал свой хутор, названный *Спицын*. История развивается вокруг основания станицы (в настоящее время села) Спицевка в Грачёвском районе (муниципальном округе) Ставропольского края России, основанной в 1816 году. Владимир и Георгий сталкиваются с различными трудностями и испытаниями в процессе установления станицы и защиты её от внешних угроз. Однако благодаря их смелости, решимости и дружбе они преодолевают все препятствия и успешно защищают свои поселения. Описание их приключений включают в себя даже борьбу с грозным Змеем Горынычем: *Держа в каждой руке по сабле, Спицыны смело накинлись на чудовище. Пока сыны рубили головы, дед Гоша отрубил крылья и принялся за лапы. Змей судорожно бил громадными обрубками. Но вот Вадим снёс последнюю голову. Братья собрали головы и бросили их в костёр. На стоянку накинлись другие змеи. Но казаки, ободрённые примером Спицыных, быстро управились с ними* [3, с.337].

Легенда об основании села Старомарьевка (1786 год) в Грачёвском районе (муниципальном округе) Ставропольского края России, станицы Новомарьевской (1795 год), села Надежда (1779 год) и города Михайловска (основан 12 сентября 1784 года как село Михайловское) в Шпаковском муниципальном округе также представлена в литературной обработке в сборнике Владимира Крыласова под названием «Для Родины своей головы не жалей» [3, с.20]. Это предание имеет печальный финал. История рассказывает о нападении

турецких войск на ставропольское селение. Героями предания являются казак Михаил Белоусов, его жена Мария и их дети - дочери Надя и Маша, а также сын Гриша. Семья Белоусовых была взята в заложники янычарами и горцами, которые подвергли их ужасным пыткам, но так и не получили важных для себя сведений. В результате выжил только сын Гриша, который рассказал о месте вражеского лагеря своим односельчанам [там же]. Героический поступок казака Михаила Белоусова и его семьи был увековечен в местных топонимах - названиях сел *Михайловское*, *Старомарьевское*, *Новомарьевское*, названии села и реки *Надежда*. По научной же версии, согласно информации от В.А. Колесникова, изначальное название *Марьино* (также известное как *Марьевское*) было дано населенному пункту по указу генерал-губернатора Саратовского и Кавказского П.С. Потёмкина, который руководил колонизацией края [5, с. 336]. В другой версии, представленной в «Энциклопедическом словаре Ставропольского края» (2006), утверждается, что название поселению дал командир Хопёрского полка Конон Тимофеевич Устинов в честь своей жены Марии [7, с. 369].

Интересно, что с именем *Марья* на Руси зачастую связан топонимический мотив, повествующий о жене основателя, атамана или исторического деятеля. Например, район Марьино, расположенный в Юго-Восточном административном округе Москвы, получил своё название от деревни Марьино, находившейся на его окраине. Считается, что название деревни связано с княгиней Марией Ярославной, матерью Ивана III, которая, предположительно, основала поселение [7, с. 369]. Название района Марьино Роща объясняется несколькими версиями. По одной из них, местность рядом с древней слободой Марьино в начале XV века получила имя в честь боярыни Марьи, жены сына боярина Фёдора Кошки Фёдора Голтяя, владевшего этими землями [4]. В другой версии, описанной Е. З. Барановым в его книге «Московские легенды», существует история, услышанная автором в 1910–1920-х годах, по которой название *Марьино роща* произошло от имени атамана разбойников Марьи. По словам рассказчика, Марья была *очень красивая и очень суровая* [2, с.51]. Вплоть до XVIII века Марьино Роща была частью обширного лесного массива, где прятались преступники. Таким образом, топонимы связывает история о сильной женщине, способной дать отпор врагу, которую зовут *Марья*.

Название села *Нины* в Советском районе (городском округе) Ставропольского края Российской Федерации, основанного в 1786 году, также, на наш взгляд, интерпретируется с использованием этого мотива. О происхождении данного топонима повествует сказ «Отчего село Нины своё прозвание получило» [3, с.153]. Героями сказа являются казаки Васька Ус и Степан Разин, сказ отражает сложные моменты межличностных

отношений и предательства в казачьей среде. Судьба Васьки Уса обернулась трагически: его жизнь закончилась в битве, а его невеста Нина, оставшись одна, ушла с ватагой мужа в ногайские степи. Там, на берегу реки Кума, они основали станицу, где Нина стала женой нового атамана, Сидора Сорокина. У них родилась дочь, которую также назвали Ниной, продолжая традицию. Впоследствии жители этой станицы и селения решили увековечить память о двух Нинах, назвав своё поселение в их честь: *Шло время, вот третье поколение казаков коротало свой век. Давно умерла Нина Усова – Шемаханка. В честь двух Нин и назвали станицу свою станишники Нины. И жили в станице Усовы, Шемаханцевы и Ниночкины* [3, с. 157].

О селе Татарка, расположенном в Шпаковском муниципальном округе Ставропольского края России, возникшем в 1829 году, повествует сказ «Святой колодец». Это ещё одно предание, изображающее казачью борьбу за свободу. Интересно, что названный выше сюжет является своеобразным отражением сюжета о «кавказском пленнике», который стал крайне популярным в русской литературе, стал символом единства и борьбы «ценностей народов, стоящих на разных уровнях цивилизации, “диких” горцев с европейцами» [1, с. 20]. Эта история рассказывает о судьбе казака Сухочева, который оказался в плену у татар и встретил в заключении восточную девушку по имени Лола, которая происходила из карачаевского народа. Несмотря на изначальную враждебность, между ними возникает связь, и Сухочев решает спасти себя и её, устроив побег. Благодаря помощи святых, они сбегают из плена и находят убежище у святого источника. После их побега в аул заходят казаки, проводят обыск, находят еще пленников. В результате жители аула были выселены в ногайские степи, остались только те, кто принял православие. Но память о прежнем населении сохранилась в названии села *Татарка* [3, с. 112].

О названии села *Саблинское* в Александровском районе (муниципальном округе) Ставропольского края России, основанного в 1789 г., повествует сказ «Про казака Дмитрия Саблю» [3, с. 290]. В данном сказе нашли отражение несколько мотивов, встретившихся нам в других топонимических текстах: история о казаке, борющемся за свою независимость, образ девушки, связанный с водной стихией, образ жены атамана с именем Марья. На наш взгляд, эти мотивы являются «рудиментом архаического сознания», находящим отражение также и в топонимических преданиях Воронежской и Челябинской областях [8]. Возлюбленная главного героя предстаёт в рассматриваемом нами тексте как *дочь царя морского Моря Гвидоновича*. Мы вновь сталкиваемся с именем *Марья*, которое носит дочь морского царя, ставшая затем женой атамана, также мы наблюдаем мотив, связывающий водоемы и женщин. За этими архаичными темами и образами скрывается глубокий

культурный контекст, связанный с традициями исконного населения данных мест. История любви Дмитрия и Марьи Моревны сочетает в себе элементы фольклора и магии с проникновенным семейным сюжетом. В рассматриваемом нами сказе данные архаичные мотивы переплетаются с христианскими мотивами - герои получают чудесную помощь от *святого Николы*, который помогает им изменить ход событий и преодолеть препятствия.

Переходя к мотиву девушек, связанных с водной стихией, важно упомянуть «Сказ о том, как появилась станица Темнолесская». [3, с. 230] Эта история о создании станицы Темнолесской в Шпаковском муниципальном округе Ставропольского края России, основанной 19 сентября 1794 года. История пронизана мистическими мотивами и обращением к тайнам прошлого. Отправленные сотником Войска Донского Гудимовым холостые казаки под предводительством Якова Голенева столкнулись с загадочными событиями в степях ставропольских. Встреча с русалками, выходящими из озера, оставила неизгладимый след в их памяти. Открытие тайны, связанной с пропавшими девушками и заклятьем, раскрыло им истину о происхождении этих мистических существ. Любовь как сила, способная преодолеть самые мощные заклятья, стала ключом к разгадке тайны и к спасению девушек. Однако важно уточнить, что непосредственно название станицы никак не связано с этим сказом, предание скорее повествует о необычности и непокорности тех земель, которые всё-таки удалось подчинить казакам. Здесь же прослеживается и мотив девушки-утопленницы, очень распространённый в топонимических преданиях разных мест, например, в преданиях Южного Урала: «Предание об озере Тахтарка», «Сказ о реке Миасс» и «Брат Байкала». [8, с. 376]

Ещё одним проявлением мотива «девушек и водной стихии» является народная интерпретация топонима *Невинномысск*, который имеет интересное происхождение, связанное с расположением населенного пункта и его историческим контекстом. Город получил свое название от редута Невинномысского, построенного в 1778 году. Этот редут был расположен на мысу, образованном рекой Невинкой. Народная версия происхождения топонима связывает его с *убийством горцами на этой реке невинных женщин и детей* [6, с. 286]. Таким образом, топоним *Невинномысск* сохраняет в себе отголоски исторических событий и местных легенд, что придаёт ему особый характер и значение.

Таким образом, анализ топонимических преданий в обработке Владимира Крыласова привёл нас к выводу о выделении трёх основных мотивов в топонимических преданиях Ставропольского края: казачьи традиции и борьба за независимость (данные мотивы отражены в топонимах *Стародубское*, *Спицевка*, *Михайловск*, *Татарка*); мотив женщин, связанных с водоёмами, включающий в себя архаичный образ девушки-утопленницы

(данный мотив отражён в преданиях о селе *Саблинское* и станице *Темнолесская*); образ сильной жены, агаманши, предводительницы, которую чаще всего зовут Марья (данный мотив нашел своё отражение в интерпретации топонимов *Старомарьевка*, *Новомарьевское*; также с данным мотивом связана, по нашему мнению, интерпретация топонима *Нины*). Обнаруженные нами закономерности позволяют глубже понять структуру народных нарративов, повествующих об основании и именовании разных мест, а также проследить взаимосвязь между образами, возникающие в связи с интерпретацией топонимов в разных регионах России.

Литература

1. Багратион-Мухран И.Л. Трансформация мотива плена в произведениях на Кавказскую тему. Сюжет и хронотоп // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 1 – 2013. – № 1. – С. 19-27.
2. Баранов Е.З. Московские легенды. – München: ImWerdenVerlag, 2006. – 146 с.
3. Истории и сказы Ставрополя / Владимир Крыласов ; [сост. В. Н. Кустов]. – Ставрополь : Интеллект, 2009. – 438 с.
4. История района [Электронный ресурс]. – [Электронный ресурс] URL: marina-goscha.mos.ru (Дата обращения: 1 апреля 2020)
5. Колесников В.А. Станицы Ставрополя: последняя треть XVIII в. – 1917 г. : историко-статистический и топонимический справочник / В.А. Колесников. – Москва : Изд-во А.Г. Надыршина, 2012. – 352 с.
6. Поспелов Е.М. Географические названия мира. – 2-е изд. – Москва: АСТ, 2002. – 510 с.
7. Старомарьевская // Энциклопедический словарь Ставропольского края / Е.А. Абулова и др. ; гл. ред. : доктор социологических наук, профессор В.А. Шаповалов ; рецензенты: академик РАН Ю.А. Поляков, доктор исторических наук, профессор О.Г. Малышева. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. – 458 с.
8. Тельпов Р.Е., Первунинских Е.А. Топонимические легенды Воронежской и Челябинской областей в сопоставительном аспекте // Мир науки, культуры, образования – 2023. – № 1. – С. 374-377.

Bushtokova D. A.

Pushkin State Russian Language Institute

Ways of formation of toponymy of the Stavropol Territory in the aspect of folk and scientific etymologies

The article examines the toponymic traditions of the Stavropol Territory of the Russian Federation based on «Stories and Tales of Stavropol» by V.G. Krylasov. The toponymic motifs of fairy tales are divided into three groups: the motif of the formation of the Cossacks in the North Caucasus, the motif of the chieftainess and the

motif of the girl and the water element. The article also explores the archaic nature of the name Marya and its manifestation in the toponymy of the Stavropol Territory.

Keywords: toponymy, toponymic traditions, folk etymology, post-folklore.

Быканова Элеонора Михайловна

студент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина

super.allison-5@yandex.ru

Особенности окказиональных топонимов, эргонимов и идеонимов в произведениях русскоязычного фэнтези

Работа выполнена под руководством Кудояровой Татьяны Викторовны, кандидата педагогических наук, доцента

В данной статье исследуются особенности окказиональной онимической лексики в произведениях русскоязычного фэнтези. В работе рассматриваются принципы создания и функционирования топонимов, эргонимов и идеонимов, а также их роль в построении вторичного мира фэнтезийного произведения.

Ключевые слова: русскоязычное фэнтези, онимы, топонимы, урбанонимы, эргонимы, идеонимы, окказионализмы.

Особенное место среди авторских окказионализмов занимают имена собственные, или онимы, которые являются неотъемлемой характеристикой «вторичного мира» произведения. Эти лексемы передают как когнитивную, так и эмоциональную, оценочную информацию, могут служить способом создания комического, играют важную роль в раскрытии образа героя. Окказионализмы в литературных произведениях «несут в себе заметно выраженную смысловую нагрузку, имеют необычный звуковой облик, обладают скрытым ассоциативным фоном» [5, с. 347]. В процессе создания литературных онимов авторы либо интерпретируют уже известные имена, либо конструируют новые, причем с этой целью они используют распространенные словообразовательные модели или наоборот сознательно нарушают законы словопроизводства, действующие в языке. Имена в художественных произведениях чаще всего мотивированы, и эта мотивировка должна быть прозрачна для читателя.

Самую многочисленную после антропонимов группу имен собственных составляют топонимы. Топоним – «это собственное имя любого географического объекта» [7, с. 135]. Этот вид онимов наиболее изучен исследователями и имеет разработанный терминологический аппарат. Он включает в себя: наименования водных объектов (гидронимы), населенных пунктов (ойконимы), видов рельефа (оронимы), пещер и гротов (спелеонимы), областей (хоронимы), городских объектов (урбанонимы), лесных участков (дримонимы), путей сообщения (дромонимы).

Авторские топонимы прежде всего направлены на достижение правдоподобия изображаемого фэнтезийного мира. Они помогают создать пространство, в котором разворачивается сюжет произведения, наполнить его множеством деталей для конструирования целостной вселенной книги. С помощью топонимов читатель может представлять путь героя в процессе прохождения квеста. Для облегчения этой задачи некоторые авторы жанра фэнтези создают географические карты, визуализируя описания местности в произведении.

Названия любых географических объектов в художественной литературе должны быть похожи на реально существующие топонимы. Для добавления дополнительного оттенка смысла авторы часто создают вымышленную этимологию топонимов данного вида или используют фонетические преобразования. Обращение к реальным топонимам помогает создать культурный подтекст, отсылает читателя к национальным особенностям разных народов.

В романе М.Г. Успенского «Там, где нас нет» используются топонимы, созданные на основе фонетического сходства с оригиналом. «Он стал уже поговаривать о дальних походах – в Наглию, в Неспанию...» [11, с. 11]. Неспания образуется от Испании с помощью приставки не-, благодаря чему данное наименование связывается со словосочетанием «не спать». Англия преобразовывается в Наглию, что отсылает читателя к слову «наглый». Так широко известные названия стран обретают иронический оттенок, благодаря чему создается комический эффект в произведении.

В романе «Невинная девушка с мешком золота» М.Г. Успенский использует авторские гидронимы, образованные от словосочетаний: «И рек таких нет, чтобы звались Тигр и Евфрат, а есть реки Посюдань и Потудань, и даже не реки, а одна река...» [12, с. 301]. Название французского собора Нотр-Дам-де-Пари превращается в Нотр-Сир-де-Пари на основе семантического сходства обращений «мадам» и «сир».

В романе «Профессия: ведьма» О. Громыко для создания фантастических государств использует реально существующие страны. Так, Белория соотносится с Белорусью, Винесса – с Украиной, Волмения – с Россией. Названия некоторых мест создаются с помощью аббревиации. Так, город Стармин расшифровывается как Старый Минск, местность Догева – долина, где вампиры. Называются и другие географические объекты: города Камнедержец, Ясневый Град, болото Козьи Попрыгушки, туннель Ар Крэл.

В цикле о Тане Гроттер автор называет волшебную школу Тибидохс, отсылающую нас к знаменитому заклинанию «трах-тибидох». Наименование магической тюрьмы Дубодам является отфразеологическим топонимом от выражения «дать дуба», то есть умереть, что

говорит о суровых условиях существования в данном месте. Автор также использует традиционные топонимы в своих произведениях. Например, Тибидохс находится на острове Буяне, часто фигурирующем в русских народных сказках. Местом заседания правительства, расположения радио- и телестанций выступает Лысая Гора, которая в славянском фольклоре считалась территорией для сверхъестественных сил. Д.А. Емец дополняет текст своих произведений картой острова Буяна и школы Тибидохс. Он дает названия частям замка, например, Исчезающий Этаж, лестница Атлантов, зал Двух Стихий, что дает читателю возможность детально представить основное место действия книг и почувствовать атмосферу волшебства.

Для подробного описания пространства Лысой Горы автор создает целую систему урбанонимов и эргонимов. Урбаноним, или урбоним, (разновидность топонимов) – «собственное имя любого внутригородского топографического объекта» [7, с. 154]. Эргоним – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [7, с. 166].

При создании урбанонимов Д.А. Емец обыгрывает русские традиции называния городских объектов. Так, появляются названия, пародирующие наименование улиц, проспектов в честь знаменитого человека (проспект Утопленника), известных событий или с использованием идеологических клише (площадь Демонократии – демон + демократия), с указанием на важную деталь, характеризующую данный объект (Двухгробный переулок, Виселичная улица). Урбанонимы служат для создания атмосферы темной магии, смерти, нечисти, поэтому все названия семантически связаны с этими понятиями. Показательно также использование слова «могила» вместо «дом» при указании адреса какого-либо учреждения.

Эргонимы в произведениях Д.А. Емца также строятся на основе стандартных схем. В них содержатся отсылки к собственнику организации (стоматологическая клиника «Зубы от Зубодерихи»), к целевой аудитории (станция переливания крови «Вампушечка»), к предлагаемому ассортименту (магазин «Все для магических усов и бород (дрессировка, уход, запугивание)»). Используются известные имена и названия, связанные с магическим пространством: типография «Кощей Бессмертный», отель «Трансильвания». Как и урбанонимы, эргонимы в данных произведениях семантически связаны со смертью, темными сверхъестественными силами. Благодаря авторским онимам эти темы преподносятся в комическом ключе, поэтому многие эргонимы имеют элементы черного юмора: гостиница «Незванный гость», трактир «Заворот кишок». Интересно также использование автором приема сегментации, то есть разделения одного слова на несколько:

харчевня «Котлетки от Людвика-Едика», издательство «Графа и Графини Фомановых». Вследствие этого у онама образуется двойное значение, одновременно существующее в одной лексической единице. Это создает комический эффект и втягивает читателя в языковую игру автора.

Интересны также термины, которые придумывает автор для обозначения типа описываемого заведения. Особенно часто Д.А. Емец создает такие слова путем сложения части маг- и элемента реального термина: магистерство (магическое министерство), магверситет (магический университет), магвазин (магический магазин), магпункт (магический медпункт), отделение маглиции (магической полиции), магвостырь (магический монастырь). Используются также контаминации с другими лексемами, связанными со сверхъестественным: моргвчерня (морг + харчевня), вампирня (вампир + харчевня). Названия этих заведений семантически связаны с их типовым обозначением: моргвчерня «Ваш последний завтрак» (тема смерти), вампирня «Мадам Вамп», раньше «Любимая артерия» (тема вампиров, крови).

Некоторые авторы в качестве места действия своих произведений выбирают реально существующие места, наделяя их новым магическим значением, открывая фантастическую вселенную, спрятанную в настоящем мире. Этот прием помогает читателю проецировать события книги на свою жизнь, на то пространство, которое он может видеть перед собой. Так, в романе «Самое тихое время города» Е. Кинн и Н. Некрасова в рамках жанра городского фэнтези помещают «вторичный мир» в Москву. Причем образ города включает в себя как современную Москву, так и различные исторические, культурные и природные аспекты этого образа. Появляются Москва разных периодов (эпохи Петра Первого, Ивана Грозного, советского времени), Москва через призму субкультур, плакатов, памятников архитектуры.

Для понимания значения используемых топонимов читателю требуется большое количество знаний в сфере истории, культуры, мифологии, географии, лингвистики. Например, границей между настоящим и фантастическим мирами в данном произведении служит река Сетунь. Она является притоком Москвы-реки, которую в древности называли Смородиной. В славянской мифологии река Смородина представлялась путем в загробный мир. В данном произведении, как и в большом количестве сюжетов русского фольклора, связанных с этим местом, на берегу реки Сетунь происходит важная битва добра со злом.

Основным критерием выбора топонимов для городского фэнтези является древность истории упоминаемого места. Так, помимо Сетуни в романе упоминаются топонимы: Воробьевы горы, Нескучный сад, река Перерва, территория храма Христа-Спасителя,

Боровицких ворот Кремля. Все эти места можно найти в древних рукописях, что говорит об их богатой истории. Благодаря сочетанию современной и старинной Москвы авторы создают параллельно существующие пласты реальности, в которой находятся герои. История помогает объяснить фантастические явления и создает атмосферу таинственности, неизведанности. С этой же целью авторы при выборе топоса своего произведения обращаются к этимологии, мифологической значимости топонима.

Для создания правдоподобного фэнтезийного мира авторы также создают идеонимы. «Под этим термином, пока условно, объединены различные категории имен собственных, имеющие денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [8, с. 61]. Эти языковые единицы противопоставлены прагматонимам, связанным с практической, материальной деятельностью. Идеонимы включают в себя названия произведений живописи (артионимы), письменных произведений (библионимы), праздников (геортонимы), СМИ (гемеронимы), документов (документонимы), имена в литературных произведениях (поэтонимы), периоды времени (хрононимы).

В качестве примеров данных языковых единиц можно привести наименования СМИ в произведениях Д.А. Емца. Так, автор называет газету «Сплетни и бредни», что отсылает нас к известному российскому изданию «Аргументы и факты». Наименование радиостанции «Колдуй баба» связано с детской считалочкой «Колдуй, баба, колдуй, дед, колдуй, серенький медведь». Это выражение также может означать надежду на помощь, которая исправит положение. Интересно, что данные наименования не соотносятся с произведениями о Гарри Поттере, они связаны с явлениями действительности, которые более понятны взрослому читателю. Использование же библионима «Духонетика» Бубы Баббарда полностью направлено на родителей, так как учение дианетика, созданное Лафайетом Рональдом Хаббардом, конечно, не может быть известно ребенку. Такие примеры свидетельствуют о том, что жанр фэнтези, и в целом вся детская литература рассчитаны и на взрослую аудиторию, которая сможет считать другие смыслы, недоступные детскому восприятию.

В произведениях фэнтези используются аббревиации, традиционные для СМИ в настоящей жизни. Так, в романе О. Громыко «Профессия: ведьма» название журнала «Вестник Чародейских Наук» сокращается до «ВЧН». В произведении также присутствуют наименования важных исторических событий (Пятнадцатая война), научные термины (Родожская Аксиома). Эти детали позволяют расширить «вторичный мир» книги в историческом и социокультурном аспектах, что помогает читателю поверить в реальность его существования.

Таким образом, окказиональные топонимы, эргонимы и идеонимы помогают автору создать иллюзию достоверности фэнтезийного мира и наполнить его новыми явлениями, описать хронотоп произведения, добавить комический эффект. Этими фактами объясняется проявление креативности писателей в словотворчестве, обращение к нестандартным фонетическим, словообразовательным или семантическим моделям создания лексических единиц. Использование окказионализмов в произведениях фэнтези повышает интерес читателя, побуждает его принять участие в авторской языковой игре. Писатели создают слова с разной степенью прозрачности их семантики и мотивировки. Если значение непонятно читателю, он может обратиться к источнику мотивировки этой лексемы, тем самым расширив свой кругозор, знания прецедентных текстов.

Литература

1. Беренкова В.М. Функции топонимов в литературе "фэнтези" // Наука сегодня : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Вологда, 24 октября 2014 года / Научный центр «Диспут». Том Часть 4. – Вологда : ООО «Издательский дом Вологжанин», 2014. – С. 19-20.
2. Громыко О. Профессия: ведьма. – Москва : Альфа-книга, 2010. – 442 с.
3. Грязнова А.Т. Средства создания "московского дискурса" в фэнтези Е. Кинн и Н. Некрасовой "Самое Тихое Время Города" // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 1 (37). – С. 147-156.
4. Емец Д. Таня Гроттер и магический контрабас. – Москва : Эксмо, 2022. – 352 с.
5. Михайлов В.Н. Словообразовательная специфика собственных имен в художественной речи // Русское языкознание : сб. науч. тр. – Киев, 1986. – Вып. 13. – С. 43-56.
6. Некрасова Н.В., Кинн Е. Самое тихое время города. – Москва : Альфа-Книга, 2008. – 471 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – Москва : Наука, 1978. – 187 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – Москва : Наука, 1988. – 189 с.
9. Разумов Р.В. Ономическое пространство Лысой горы (на материале произведений Д. Емца) // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции, Ярославль, 13-14 сентября 2012 года. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2012. – С. 379-384.

10. Травкин С.В. Языковая презентация пространственно-временного континуума произведений фэнтези // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – №4 (793).
11. Успенский М.Г. Там, где нас нет. – Москва : Эксмо, 2013. – 16 с.
12. Успенский М.Г. Невинная девушка с мешком золота. – Москва : Эксмо, 2007. – 16 с.

Eleonora Vykanova

Student of Pushkin State Russian Language Institute

Features of occasional toponyms, ergonyms and ideonyms in works of Russian-language fantasy

This article explores the features of occasional onymic vocabulary in works of Russian-language fantasy. The work examines the principles of the creation and functioning of toponyms, ergonyms and ideonyms, as well as their role in building the secondary world of a fantasy work.

Keywords: Russian-language fantasy, onyms, toponyms, urbanonyms, ergonyms, ideonyms, occasionalisms.

Ван Даньдань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

dandanw403@gmail.com

Анализ «зодиакальных» фразеологизмов в русском и китайском языках

Работа выполнена под руководством Рублевой Екатерины Владимировны, к.ф.н., доцента Фразеологизмы зодиака являются важной частью китайской и русской культуры и отражают культуру и историю разных стран. Изучая эти фразеологизмы, мы можем получить глубокое представление о культурах двух стран. В этой статье мы проанализируем значение и влияние фразеологизмов о животных зодиака в китайской и русской культурах с разных точек зрения и обсудим, как применить их в преподавании русского и китайского языков.

Ключевые слова: фразеологизмы, китайский зодиак, методы обучения.

Фразеологизмы о знаках китайского зодиака обычно представляют различные значения и символы в китайской и русской культурах. Такие символы являются важным мостом для общения и взаимопонимания между представителями разных культур. Китайский зодиак состоит из двенадцати животных: крыса, бык, тигр, кролик, дракон, змея, лошадь, козел, обезьяна, петух, собака, свинья. Каждое животное имеет символическое значение и связанные с ним фразеологизмы. Эти фразеологизмы часто используются в повседневной жизни. В то же время, понимая символику и знаки китайского зодиака, мы можем лучше вникнуть в подтекст и особенности обеих культур, что способствует межкультурному обмену и коммуникации.

Крыса-鼠. Поскольку крысы крадут плоды тяжелого труда крестьян, крыс не любят люди. С древних времен существует множество фразеологизмов об этих животных, например: 鼠目寸光 «воровство крыс и собак» – метафора мелкого воровства; 鼠雀之辈 «поколение крыс и воробьев» – метафора посредственных людей без таланта [6].

Крыса не только непривлекательна внешне, но и имеет очень плохую репутацию из-за условий жизни и привычек. Например, фразеологизм 过街老鼠,人人喊打 «уличная крыса, все кричат, чтобы ее били», говорит о том, что люди ненавидят крыс.

Крыса не имеет очевидного символического значения в русскоязычной культуре. Но в основном русские также испытывают неприязнь к крысам. Это отражается в фразеологизмах «гора родила мышь», «канцелярская крыса» [4].

Бык-牛. В китайской культуре бык является типичным примером сильного, трудолюбивого и самоотверженного животного. Однако в китайском языке фразеологизмы, связанные со знаком «бык», содержат определенную степень уничижительного смысла. Например: 对牛弹琴 «играть на лютне для быка» – метать бисер перед свиньями; 初生牛犊不怕虎 «новорожденный теленок не боится тигра» – молодость не знает страха [1, с. 30-32].

В русском языке есть три разных слова: «вол», «бык» и «корова». У них разное значение и, соответственно, разная символика. Слово «вол» используется в сельском хозяйстве, поэтому «работать как вол» означает тяжелую работу, каторжный труд. Слово «бык» в основном символизирует силу. Например: «он здоров как бык». В русском крестьянстве слово «корова» обычно используется для обозначения молочной коровки. «Дойная корова» относится к людям и вещам, которые приносят богатство. «Корова» толстая и неуклюжая, поэтому это слово также используется для обозначения женщины, которая большая, неуклюжая и глупая. [1, с. 30-32]

Тигр-虎. В Древнем Китае существовал военный талисман, напоминающий тигра, также известный как «тигриный талисман». Считалось, что он приносит удачу воинам, поэтому их часто использовали генералы. В китайской культуре тигр – синоним силы и мужества, но в то же время он может быть синонимом зла и свирепости. Связанные фразеологизмы, такие как 虎虎生威 «могучий, как тигр»; 如虎添翼 «подкрепить сильного новой силой» – все равно что добавить тигру крылья; 与虎谋皮 «просить у тигра шкуру» –

посоветуйтесь со злым человеком, чтобы заставить его отказаться от своих интересов [Electronic Idioms Dictionary, 2024].

Поскольку в России тигры не обитают, за исключением нескольких регионов (Сибирь, Дальний Восток), образ тигра практически отсутствует в славянской культуре.

Заяц-兔. Заяц – умное животное в китайской культуре, а благодаря своим повадкам он является символом скорости. Примеры фразеологизмов: 狡兔三窟 «у хитрого зайца три норы» – изворотлив и хитер; 兔子不吃窝边草 «заяц не ест траву возле собственной норы» [Modern Russian-Chinese Dictionary, 2004].

В русской культуре заяц имеет негативную символику. Русские считают зайца, переходящего дорогу, зловещим знаком. Рассказывают, что в 1825 году Пушкин жил в доме своего друга. Однажды он услышал, что в Петербурге начались беспорядки, и отправился в путь, но повернул назад, поскольку он трижды видел зайца, перебегающего дорогу. Кучер и Пушкин сочли это дурным предзнаменованием. В русской культуре заяц также является символом трусости. Например, в пословицах «жаден, как волк, а труслив, как заяц», «лучше умереть орлом, чем жить зайцем». Другие фразеологизмы: «блудлив как кот, а труслив как заяц»; «вор что заяц и тени своей боится» [2, с. 23-76].

Дракон-龙. Дракон – мифическое китайское животное. В сердцах китайского народа дракон является символом китайской нации. В китайской культуре дракон – символ власти, благородства, удачи и праздника. В древнем Китае императоры часто называли себя Истинным Драконом, Сыном Неба. Большинство фразеологизмов, связанных с «драконом», имеют положительную коннотацию: 龙飞凤舞 «полет дракона, танец феникса» – грандиозный размах; величественная мощь; 龙争虎斗 «борьба дракона и тигра» – ожесточенная схватка двух равных противников; 画龙点睛 «рисуй дракона, дорисовать зрачки» – раскрывать суть дела [3, с. 455-457].

В русской культуре дракон является более устрашающей версией змеи. Он олицетворяет несчастье и катастрофу. Дракон и злой дух имеют одинаковую символику в славянской культуре. В русском языке большинство фразеологизмов, содержащих слово «дракон», имеют уничижительный оттенок: «нельзя долго играть со спичками и с драконами»; «дракона в мешке не утаишь»; «герой дракону не товарищ» [2, с. 23-76].

Змея-蛇. Змею в китайской культуре в знак уважения часто называют «маленьким драконом». Однако она часто употребляется в оскорбительном смысле, например, 蛇蝎心肠 «сердце змеи и скорпиона» используют для описания порочного человека, 引蛇出洞 «заманите змею, чтобы она выползла из норы» – заманите плохих парней в мероприятие, которое приведет к утечке информации; 打蛇不死, 后患无穷 «если не убить змею сразу, это доставит много хлопот в будущем»; 佛口蛇心 «речи будды, мысли змеи» – говорить одно, а думать другое..

В русской культуре змея часто используется для обозначения зловещего, ядовитого и коварного человека. По мнению русских, не стоит доверять и помогать змеям, потому что они приносят невзгоды. Например, «отогреть змею на груди»; «пригрели змейку, а она тебя за шейку»; «змея подколотная»; «змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь» [3, с. 458-459].

Лошадь-马. Лошадь имеет очень высокий статус в китайской культуре и является символом способностей, мудрости и таланта. Большинство фразеологизмов, связанных с «лошадью» в китайском языке, имеют положительную коннотацию, например, 马到成功 «лошадь пришла, пришел успех» - добиться быстрых спехов; 单枪匹马 «одно ружье один конь» – действовать в одиночку [7].

В русской культуре лошадь символизирует силу, жизненную энергию и трудолюбие. Лошади – очень выносливые и работающие животные, поэтому большинство фразеологизмов, связанных с ними, имеют в русском языке положительный смысл: «опытный как старая лошадь»; «конь о четырех ногах, да и тот спотыкается»; «коня в рати узнаешь, а друга в беде»; «добр конь, да копыта оттряхивает» [4].

Козел-羊. В китайском языке слово «羊-коза» не делится на козу и овцу, как в русском, а называется в совокупности «羊-коза». Козлы имеют долгую историю в китайской культуре и используются в ритуалах с древних времен. Во многих фразеологизмах об овцах в основном отражается мягкость и доброта овец, к которым относятся как к слабому полу. Например: 羊入虎口 «овца попадает в пасть тигра» – находиться в опасном месте – верный способ умереть; 如狼牧羊 «волк пасёт овец» – впустили опасность; 亡羊之叹 «вздыхает о

заблудших овцах» – это метафора того, как можно учиться, ничего не получая и оставляя пустые сожаления [7].

В русской культуре овцы считаются слабыми зловецами, коварными животными: *«повадится овца, не хуже козы»*, *«как от козла ни шерсти, ни молока»*, *«козел отпущения»*, *«волк в овечьей шкуре»* [4].

Обезьяна-猴. Обезьяны по своей природе умны и внимательны и часто являются символом озорства, миловидности, сообразительности и ловкости. В китайском классическом романе «Путешествие на Запад» царь обезьян *Сунь Уконг* наиболее полно выражает эти качества обезьян и поэтому очень популярен. Однако в России, кроме басен Крылова, изображения обезьян практически отсутствуют. В китайских фразеологизмах обезьяна имеет уничижительное или нейтральное значение: *尖嘴猴腮* буквально – *«острый рот обезьяньи щеки»*; *猴年马月* «в год обезьяны, месяц лошади» – относится к непознаваемому году и месяцу; *山中无老虎, 猴子称大王* «когда в горах нет тигра, то и мартышка – царь зверей» – образно говоря, выдающихся талантов нет, а главную роль играют обычные люди [6].

Петух-鸡. В китайском языке, будь-то "петух", "курица" или "цыпленок", все они могут быть названы "鸡". В Китае петух – символ деревенской жизни, а его наиболее яркие качества – пунктуальность и надежность. Древние люди с помощью петухов следили за временем. Призыв петуха к рассвету означал переход от тьмы к свету. Фразеологизмы, связанные с петухами: *杀鸡取卵* «зарезать курицу, чтобы взять яйцо» – резать курицу, несущую золотые яйца, *杀鸡敬猴* «зарезать курицу на устрашение мартышки» – ругать одного, имея в виду другого, *鸡飞蛋打* буквально – «курица улетела, яйца разбились» [8].

В русской культуре петух является символом счастья, а иногда и метафорой огня, с чем связаны такие фразеологизмы, как *«до первых петухов»*, *«пустить красного петуха»*, *«кукушка хвалит петушка»*, *«курица по зернышку клюет, да сыта бывает»* [2].

Собака-狗. Собаки играют важную роль в жизни человека. Однако в китайских фразеологизмах образ собаки носит, в основном, негативный характер: *狗急跳墙* «собака мечется, прыгает на стену» – загнанная собака и на стену полезет; *狗尾续貂* «собачий хвост

продолжает соболиный» – резкий контраст; **狐朋狗友** «друзья лисы, приятели собаки» – подельники. [Modern Russian-Chinese Dictionary, 2004]

Образ собаки в русской культуре двоякий. С одной стороны, люди презирают собаку: «голодный, как собака»; «злой, как собака»; «собачья служба»; «собаке собачья смерть». С другой стороны, собак очень любят. Говорят, что собака – «защитник человека» и «помощник человека». Человеческое обоняние хвалят, говоря «собачье чутье». Хвалят преданность человека, говоря «собачья преданность». [Там же]

Свинья-猪. Свинья – последнее животное в китайском зодиаке. Из-за своих привычек свинья имеет явно негативный образ в китайской культуре. Поэтому большинство фразеологизмов, связанных с ней, носят уничижительный характер. Например: **蠢笨如猪** «тупой как свинья»; **猪朋狗友** «друзья свиньи, приятели собаки» – подельники [7].

Точно так же в русской культуре свиньи изображаются в негативном ключе, как в фразеологизмах: «свинья-свиньей»; «разбираться в чем-нибудь как свинья в апельсинах»; «жирный как свинья»; «не родится от свиньи бобренок, всегда поросенок». [Там же]

Таким образом, фразеологизмы китайского зодиака как важная часть китайской и русской культуры имеют большое значение в преподавании китайского и русского языков. С помощью различных методов обучения, таких как аудирование, когнитивное, контекстуальное и сравнительное обучение, групповое обсуждение и практическое применение, учащиеся могут лучше понять и освоить эти фразеологизмы и совершенствовать свои навыки межкультурного общения. В будущих исследованиях может быть продолжено изучение того, как сочетать идиомы китайского зодиака с другими культурными элементами, чтобы обогатить содержание и методы преподавания языка.

Литература

1. Гао Ц. Культурные коннотации слов «бык» и «корова» в китайском и русском языках // Вопросы гуманитарных наук. – 2021. – № 2(113). – С. 30-32.
2. Жуков В.П., Словарь русских пословиц и поговорок – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Рус. яз., 1991. – 534 с.
3. Линь Ц. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов с названиями зодиакальных животных // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 455-459.

4. Пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. <https://poslovicey-pogovorki.ru/> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Шанский И.М., Фразеология современного русского языка [М]. Москва : Высшая школа, 1969. – 229 с.
6. Electronic Idioms Dictionary [Электронный ресурс]. <https://cy.hwxnet.com/> (дата обращения: 25.02.2024)
7. Modern Russian-Chinese Dictionary [М] Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2004. – 1034 с.
8. Xinhua Dictionary LMI. Beijing: Commercial Press 2001 – 711 с.

Wang Dandan

Pushkin State Institute of Russian Language

Analysis of «zodiacal» phraseologies in Russian and Chinese languages

Zodiac animal phraseologies are an important part of Chinese and Russian culture, and they reflect the culture and history of different countries. By studying these phraseologies, we can not only get a deep insight into the cultures of the two countries, but also play an important role in language teaching. In this paper, we will analyze the meaning and influence of zodiac animal phraseologies in Chinese and Russian culture from different perspectives and discuss how to apply them to language teaching methods.

Keywords: phraseologies, Chinese zodiac, teaching methods.

Ван Пейдун

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

richupeipei@foxmail.com

Исследование семантических изменений слова «железный» с точки зрения метапрагматики

Работа выполнена под руководством Миловановой Марии Станиславовны,
доктора филологических наук, профессора

В представленной статье анализируются семантические изменения слова «железный» с точки зрения метапрагматики. Семантическое развитие прилагательных можно представить с позиции теории прототипов и теории переходности В.В. Бабайцевой.

Ключевые слова: семантика; метапрагматка; теория прототипов; шкала переходности.

Язык является важнейшим средством коммуникации для человечества. Невозможно достичь истинного понимания языка, сосредоточившись только на статической морфологии и игнорируя динамическую семантику и прагматику [8, с. 37]. С. Morris в 1938 году рассматривает отношения между семиотикой и другими сферами научной деятельности,

отношения между семиозисом и семиотикой и т.д. В его рассуждении о семиотике как метанауке, о проблемах категоризации знаков, трех измерениях семиозиса, организме в знаковых отношениях, универсалиях и универсальности знаков, и языке вещей либо не являются логически жесткими, либо неадекватны по содержанию и объему. Моррис был первым, кто предложил термин «прагматика». Моррис считает, что семиотика состоит из трех ветвей: синтаксиса, семантики и прагматики. Эти три ветви самостоятельны, но вместе с тем тесно связаны. Если семиотика – это наука, изучающая вещи или свойства вещей в их функции служить знаками, то она также является инструментом всех наук, так как каждая наука использует знаки и выражает результат в терминах знаков. То есть метанаука, или наука о науке, должна использовать семиотику в качестве инструмента – *органа* в терминологии Ч. Морриса [6, с. 2-3]. Изучение прагматики прояснило взаимосвязь между прагматикой и человеком. Границы прагматики как одной из трёх частей семиотики были изначально определены её соседством в рамках этой науки с семантикой, с одной стороны, и синтактикой – с другой. Поскольку синтактика понималась как сфера внутренних отношений между знаками, а семантика как сфера отношений между знаками и тем, что они обозначают – внешним миром и внутренним миром человека, то на долю прагматики оставалась сфера отношений между знаками и теми, кто знаками пользуется, – говорящим, слушающим, пишущим, читающим [5, с. 325]. Наиболее представительным исследователем, связанным с этим направлением в английском научном сообществе, является американский языковой философ Н.Р. Grice [7, с. 39]. Предложенная им теория «разговорного подтекста» или «разговорной имплицатуры» показывает, что формальная логика не всегда может быть использована для объяснения естественной логики, то есть отношения между грамматической формой и семантикой не всегда точно соответствуют друг другу. Исследование Грайса также показывает, что неестественное значение обладает характеристиками говорящего намерения, которое относится к значению, которое говорящий намеревается передать с помощью определенных слов или поведения в определенных коммуникативных ситуациях, часто связанных с намерением говорящего [8, с. 31]. Таким образом, анализ намерения говорящего в метанауке заключается в анализе подразумеваемого значения говорящего в прагматике. Анализируя намерение говорящего, мы можем проанализировать семантические изменения его ключевых слов в тексте или дискурсе.

Прототипический подход Э. Роша предполагает наличие центральных (явно выраженных) случаев и менее типичной периферии. Система взглядов Э. Роша на природу и сущность категорий известна как «теория прототипов и категорий базисного уровня

[4, с. 89]. Чтобы прояснить закон семантического изменения слов, мы можем сначала проанализировать семантический прототип слов через метапрагматическое намерение говорящего. Непосредственным воплощением метапрагматического намерения в семантике обычно является первое значение в словаре, и значение, как правило, непосредственно указывает на самые основные характеристики слова. Например, первое значение слова «железный» в толковом словаре С.И. Ожегова выглядит следующим образом: *Химический элемент, серебристо-белый металл, главная составная часть чугуна и стали* [3]. Примером предложений с реализацией такого значения является следующий:

1. Железная и алюминиевая детали имеют одинаковые объемы. [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7-9 кл. (2003)]

Слово «железный» означает «металлический элемент». Метапрагматическое намерение автора заключается в установлении прямого соответствия между языковыми символами и семантикой в словаре. Согласно теории прототипов Э. Роша, мы можем предположить, что типичное значение в категории этого слова – «металлический элемент».

Концептуальная интерпретация естественных наук часто является прямым воплощением метапрагматического намерения в семантике слов. Эти выражения должны кратко объяснять определенные характеристики вещей в природе, поэтому их метапрагматическим намерением является семантика слов. Для тактичного и вежливого выражения намерений обычно существует непрямые значения между дискурсом и контекстом. Это требует дискурсивного анализа семантики, анализа с помощью метапрагматического намерения.

Чтобы выразить больше значений в практических и сложных ситуациях, люди продолжают расширять семантику слов в прагматике. Чтобы лучше понять семантику слов, мы используем метапрагматическое намерение для её анализа. Согласно теории, предложенной Г.И. Богиным, филологическая герменевтика – это наука понимания текстов, а вместе с тем и деятельность понимания. В действительном отражении и освоении мира, в системомыследеятельности понимание совмещено со многими другими процессами и связано со многими другими категориями деятельности, что позволяет нам отделять понимание от знания, мышления и сознания [2, с. 7].

В процессе прагматического освоения жизни, при продвижении человеческой деятельности, семантика слова «железный» была расширена, например,

2. — Да нет, после разлива в бутылки число звезд не добавляется... / — Признаюсь, я не очень в этом разбираюсь... Я всю жизнь готовился к космическим полетам, к работе звездолетчика. А для этого важно было иметь железное здоровье. Поэтому пить

и курить я себе не позволял... — Я тоже не большой знаток марочных вин... Впрочем, сейчас это не важно... [Иосиф Письменный. Второе решение // «Знание – сила», 2005].

Анализируя метапрагматическое намерение автора, можно увидеть, что слово «железный» употреблено в производном от начального значения «металлический элемент» смысле. Метапрагматическое намерение автора состоит в том, чтобы показать, что у космонавтов тело «крепкое, как железо».

3. *Он говорил: "Если б не моя **железная** воля, разве я поступил бы в институт?" [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)];*

4. *И все было подчинено воле и таланту командира, сумевшего отстоять батарею и сберечь людей. Только **железная** дисциплина и воля командира могли сделать это. [Рина Зеленая. Разрозненные страницы (1981)];*

5. *Что касается Вали, то я скажу вам так: у этой краснощекой девочки был выдающийся математический ум, **железная** логика, занятия с ней требовали громадного напряжения. [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)].*

Из анализа слова «железный» в примерах 2, 3 и 5 видно, что сема «сильный» и «крепкий» в структуре лексического значения слова дала развитие новому значению «непреклонный», «неотразимый». Следовательно, расширение семы приводит к расширению начального значения слова. Семантически расширенные слова могут обогатить метапрагматическое намерение говорящего и придать предложению более насыщенный смысл.

Поскольку к слову «железный» продолжают добавляться семы такие, как «твердый» «непреклонный» и «неотразимый», типичный словарный запас расширяется, и даже в определенном контексте слово «железный» оказалось способно сочетаться со словами, обозначающими человека и описывающими его характер, как в примере 6:

6. *С середины 1970-х гг. Тэтчер стала резко критиковать политику СССР. В ответ на одно из выступлений в 1976 г. в газете "Красная звезда" она была названа "**железной дамой**". В Великобритании такая характеристика была встречена положительно, и вскоре Тэтчер стала известна во всем мире как "**железная леди**". [ТАСС URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/tetcher-margaret>]*

Словосочетание «железная леди» развилось из первоначальной семы «твёрдый», «непреклонный» и «неотразимый» в характеристику лидера, имеющего волевой, бескомпромиссный характер = «железный», что и отличало жесткую политику бывшего премьер-министра Великобритании, Маргарет Тэтчер. В предложении использована антитеза «железный» <—> «женский», поэтому слово «железный» обогащает

метапрагматическое намерение говорящего. Ср.: *железный Феликс* – о советском политическом деятеле.

В процессе анализа семантических изменений слова «железный» мы обнаружили, что шкала переходности В.В. Бабайцевой (изначально ориентированная на изучение грамматических трансформаций-приращений) [1, с. 16] позволяет продемонстрировать ход семантического изменения слова.

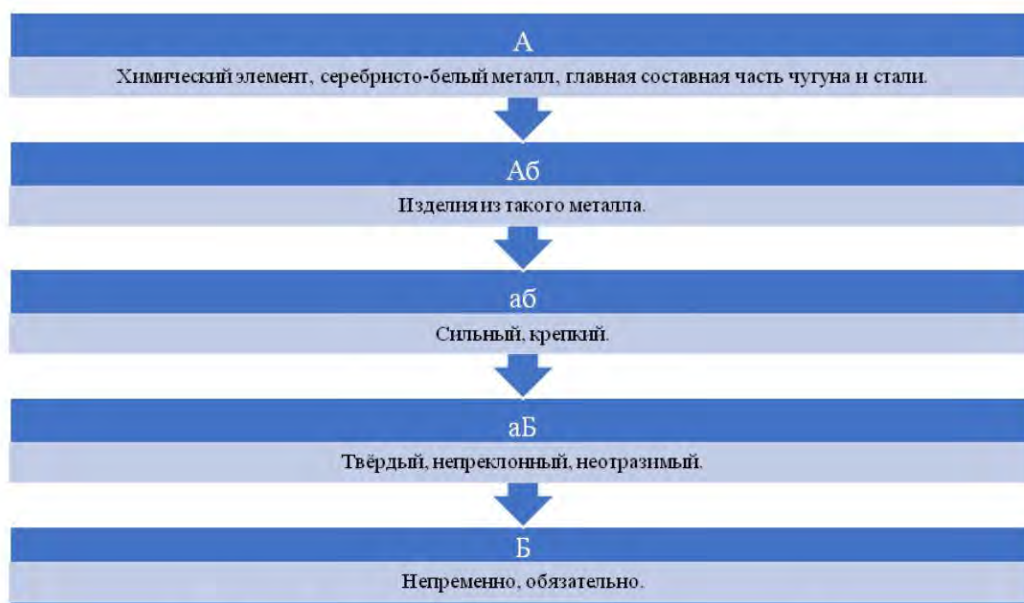

Таблица 1: Анализ семемы и семы слова «железный».

В данной статье представлена попытка обобщить теории современного лингвистического сообщества и изложить проблемы понимания, возникающие в дискурсе, с точки зрения метапрагматики. При анализе мы объединили теорию прототипов Э. Роша с теорией В.В. Бабайцевой (шкала переходности) для более эффективного анализа дискуссии. На примере высказываний и текстов обсуждались семантические изменения слов в процессе понимания. Было установлено, что семантические изменения слов происходят по следующим правилам.

Когда значение слов непосредственно отражается с точки зрения метапрагматики, их языковое введение становится ясным, и большинство из них являются прямым отображением основных значений в словаре. Но точное понимание семантики слов иногда требует глубокого погружения в текст для получения дополнительной информации: изначально метапрагматическое намерение согласуется с базовым дискурсом.

В дальнейшем, когда в значении слова происходит движение и на базе одной из сем формируется новое значение, новый смысл раскрывается на уровне метапрагматики: базовое значение слов не соответствует подразумеваемой семантике, и в этом случае необходимо

проанализировать информацию, содержащуюся в тексте. Анализируя значения слова «железный» с помощью метапрагматики, мы можем лучше изучить динамические изменения семантики слова.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – Москва : Дрофа, 2000. – 640 с.
2. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Тверь : Тверской государственный университет, 1982. – 86 с.
3. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова онлайн – 2008. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7650> (дата обращения: 25.02.2024).
4. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. – СПб: Филологический факультет, 2011. – С. 69-97.
5. Степанов Ю.С. В поисках прагматики. – Москва : Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1981. – 325-332 с.
6. Morris C.W. Foundations of the theory of signs. In Otto Neurath et al. (eds.). International encyclopedia of unified science, Vol. I, No 2. – Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1938. – P. 1-59.
7. Grice H.P. Studies in the Way of Words. – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 39 с.
8. 许宏. 西方语言哲学与俄罗斯的语用学研究. – 北京: 中国社会科学出版社, 2012. – 31-37 с.

Wang Peidong

Pushkin State Russian Language Institute

The study of semantic changes of the word "iron" from the point of view of metapragmatics

In the article, author analyzes semantic changes of the word "iron" from the point of view of metapragmatics. The semantic development of adjectives can be represented from the standpoint of prototype theory and the theory of the school of transitivity by V.V. Babaytseva.

Keywords: semantics; meta-pragmatics; prototype theory; transitivity scale.

Ван Тао

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

wangtaoaini@yandex.ru

Образы тактильных жестов “гладить/摸” в русской и китайской фразеологии

Работа выполнена под руководством Юриной Елены Андреевны, доктора филологических наук, профессора

Различные коннотативные значения русских и китайских фразеологизмов, содержащих образы тактильных жестов, отражают процесс осмысления человеком объективного мира (или его концептуализацию), который носит субъективный и национальный характер. В данной статье русские и китайские фразеологизмы, содержащие тактильный жест "гладить/摸", выбраны для сопоставительного исследования с целью выявления сходств и различий в русском и китайском национальном мышлении и культуре.

Ключевые слова: тактильные жесты, гладить, фразеологизмы, концептуализация, сопоставительное исследование.

Важным направлением современных междисциплинарных исследований является изучение тактильного опыта человека методами естественных и гуманитарных наук: биологии и нейрофизиологии (А.А. Варламов, F. McGlone, H. Olausson и др.), невербальной семиотики (Г.Е. Крейдлин, Е.А. Гришина, С.И. Переверзева и др.), лингвосенсорики (А.В. Нагорная, В.К. Харченко, О.В. Чалей и др.).

Однако в настоящее время вопрос о закономерностях вербализации тактильных ощущений, всестороннем анализе и обосновании системного характера актуализации тактильных ощущений в языке недостаточно изучен. Тем не менее, существует ряд российских исследований, посвящённых темам, обладающими схожей семантикой. Например, в работе А. Лупенко [7] исследуется процесс вербализации эмоциональных состояний, связанных с восприятием отдельных ощущений (на примере сочетаний цвета, геометрической формы и звучания, графического и вербального обозначения), обосновывается наличие таких интермодальных характеристик, как «интенсивность» и «качество», которые имеют определённую эмоциональную основу и присущи всем ощущениям; проблема «интермодальной общности ощущений» рассматривается с точки зрения современной психологии. Т.С. Борейко [4] уделяет особое внимание выявлению и описанию способов представления тактильного восприятия в общей системе языка, а также в языковом сознании индивида [6]. По мнению исследователя, в сознании индивида существуют некие самые базовые структуры, составляющие основу тактильного восприятия, которые могут быть вербализованы.

Несколько китайских ученых также изучали тактильную коммуникацию. В своей магистерской диссертации Дун Янлэй (董杨磊) провел сопоставительное исследование

тактильных прилагательных в русском и китайском языках, выбрав в качестве корпуса "мягкий/软", "твёрдый/硬", "лёгкий/轻", "тяжёлый/重". Утверждается, что процесс формирования лексического значения русско-китайских тактильных прилагательных в конечном итоге представляет собой метафорическое отображение по закону когнитивных доменов: от простого к сложному и от образного к абстрактному. В своей магистерской диссертации Янь Чунюнь(颜崇云) исследует семантическую эволюцию тактильных прилагательных "软/硬(мягкий/твёрдый)". С точки зрения когнитивной лингвистики, Ху Цзюнь исследовал когнитивное сходство и значимость чувства осязания с такими чувствами, как вкус, зрение, слух и обоняние. Другие ученые изучали общие черты и особенности тактильных слов в китайском, английском, корейском и уйгурском языках относительно семантики, метафоры и эмпатии.

Фразеологизм – распространенное, существующее во всех видах естественных языков явление, которое как особая лингвистическая единица занимает важное место в коммуникации [8, с. 35]. Через заложенные в ней образы и значения фразеологизм может отражать уникальные особенности жизни и психологии народа, тем самым предоставляя лингвистам важный способ познания и изучения культуры. Многие фразеологизмы в русском и китайском языках отражают образы, основанные на тактильных жестах и тактильных ощущениях. Например, русский фразеологизм "гладить по шерсти" – говорить и действовать в соответствии с чьими-то желаниями.

Если взглянуть на исследования российских и китайских ученых в области тактильной коммуникации, то можно заметить, что прагматический потенциал тактильных контактов как невербальных средств общения, а также языковых и дискурсивных средств их выражения проявляется в метафорическом способе отображения мира в терминах тактильности [10, с. 9]. В этой связи особую актуальность приобретает анализ фразеологических средств русского и китайского языков, внутренняя форма которых передает перцептивный опыт тактильного взаимодействия. Комплексное описание языка тактильности на текущий момент находится в начальной стадии разработки, поэтому изучение отражения тактильного опыта в китайских и русских идиомах имеет существенное значение для сопоставительной и теоретической лингвистики. Более того, ни один ученый не проанализировал тактильные коммуникативные характеристики, воплощенные в фразеологизмах. Это, несомненно, существенная лакуна для исследования тактильной коммуникации. Большое количество русских и китайских фразеологизмов основывается на

тактильном восприятии человека. Например, русский фразеологизм *гладить по головке* через прикосновение передает внутренние состояния любви, жалости, одобрения, желания утешить, приласкать, похвалить. В данной статье в качестве объекта исследования были выбраны две группы русско-китайских фразеологизмов, содержащих тактильный жест и "гладить/摸", с целью выявления общих черт и особенностей использования данных тактильных образов в русских и китайских фразеологизмах.

Таблица 1. Примеры и значения русских фразеологизмов, содержащих "гладить".

№	Фразеологизмы	Значение	Примеры
1	Гладить/погладить головке/голове	Хвалить; потворствовать, потакать кому-либо.	Ты пишешь, что в театре масса недовольных по поводу перемены; и это понятно, нельзя обижать одних и гладить по головке других, когда нет поводов к тому. Надо было делать пайщиком всякого желающего из тех, кто служит в театре с самого начала. Чехов, Письмо М.П.Чеховой, 8 февр. 1902.
		С отрицанием. Осуждать, ругать.	–Машина–не вопрос. А вот куда я горячее спишу? А? Порожний рейс. Меня за дальний порожняк по головке не погладят. С.Антонов, Порожний рейс.
2	Гладить/погладить шерсти/шерстке	Говорить или делать что-либо в соответствии с чьим либо желанием, в угоду кому-либо.	[Посадник:] Людей По шерсти ль гладь, иль против шерсти–то же Тебе от них спасибо! А.К.Толстой, Посадник.
3	Гладить/погладить против шерсти/шерстке	Говорить или делать что-либо не так, как кому-либо хотелось бы, наперекор кому-либо.	Миллионер, однако, струсил: на другой день ко мне извиняться приезжал. Знает, что я, губернский предводитель, могу его очень и очень против шерстки погладить. Н.Хвощинская, Недавнее.
4	Взятки гладки	Нечего взять; ничего не получишь, не добьешься.	Кондуктора зорко следят на станциях за приближающимся косарем..., но раз уже он очутился в вагоне, на него махнут рукою и, без всяких тасканий к начальству, просто высаживают на следующей станции, все равно, взятки с него гладки. Вересаев, В степи.
5	Тишь да гладь да божья благодать	Безмятежность, полное спокойствие.	Несчастье, происшедшее в семействе Русаковых, есть не более, как случай, совершенно выходящий из ряда обыкновенных явлений их жизни. До приезда Вихорева во всей семье Русаковых была тишь да гладь да божья благодать. Добролюбов, Темное царство.
6	Сглаживать/сгладить острые углы	Снимать или смягчать остроту разногласий, противоречий. сглаживание	Сергей Иванович не раз задавал себе вопрос: прав ли он, намеренно обостряя свои отношения с нарушителями порядка, даже тогда, когда эти нарушения незначительны? Не надо ли искать обходных путей, как это делают мастера сглаживания острых углов? Б.Изюмский, Призвание.

		острых углов.	
--	--	---------------	--

Таблица 2. Примеры и значения китайских фразеологизмов, содержащих "摸".

№	Фразеологизм	фонетическая транскрипция	Значение	Дословный перевод	Окраска
1	起早摸黑	qǐ zǎo mō hēi	Работать с раннего утра до позднего вечера. Часто означает очень усердную работу.	Вставать рано – <i>гладить</i> темноту.	+
2	偷偷摸摸	tōu tōu mō mō	Скрытно действовать. Совершение чего-либо, о чем человек не решается сообщить другим, не рассказывает об этом.	Воровать воровать, <i>гладить</i> <i>гладить</i> .	–
3	浑水摸鱼	hún shuǐ mō yú	Воспользоваться всеобщей суматохой ради получения выгоды.	В мутной воде <i>гладить</i> рыбу.	–
4	偷鸡摸狗	tōu jī mō gǒu	а) Тащить что попало; вор; б) Вести бесчестный образ жизни; заниматься втихую любовными делами.	Воровать кур и <i>гладить</i> собаку.	–
5	顺藤摸瓜	shùn téng mō guā	Ухватившись за путеводную нить.	Следуя за плетью, <i>гладить</i> тыкву.	0
6	瞎子摸象	xiā zǐ mō xiàng	Это метафора, означающая половинчатое понимание чего-либо и отсутствие суждения о целостной картине.	Слепые <i>гладят</i> слон.	0
7	不可捉摸	bù kě mō zhuō	Означает неспособность угадывать или оценивать ситуацию, а также неспособность понять намерения другой стороны.	Невозможно поймать и <i>гладить</i>	0
8	摸不着头脑	mō bù zháo tóu nǎo	Не быть в состоянии взять в толк, быть в недоумении, чувствовать себя растерянным.	Нельзя <i>гладить</i> голову.	0
9	暗中摸索	àn zhōng mō suǒ	Поиск подсказок в темноте. Используется также как метафора поиска в одиночку без руководства.	В темноте шарить и <i>гладить</i> .	0
10	梭天摸地	suō tiān mō dì	Метафорически это означает бегство отовсюду.	Летать по небу, <i>гладить</i> землю	–

11	搔头摸耳	sāo tóu mō ěr	Почешите голову и потрогайте уши. Опишите тревожное состояние, когда вы находитесь в напряжении.	Чесать в затылке и <i>гладить</i> уши	0
12	扶墙摸壁	fú qiáng mō bì	Используется для описания речи слабой и посредственной, без какой-либо реальной проницательности.	Держаться за стену и <i>гладить</i> землю.	–
13	水底摸月	shuǐ dǐ mō yuè	Заниматься неосуществимым делом.	Под водой <i>гладить</i> луну.	–
14	东捞西摸	dōng lāo xī mō	Стремиться исследовать все вокруг без определенной цели	На востоке ловить, на западе <i>гладить</i> .	–
15	黑天摸地	hēi tiān mō dì	Так темно, что ничего не видно.	Под темным небом <i>гладить</i> землю.	0
16	东偷西摸	dōng tōu xī mō	Тайное совершение неблагоприятных поступков.	На востоке воровать и на западе <i>гладить</i> .	–

"+" означает положительную окраску. "-" обозначает отрицательную окраску. "0" обозначает нейтральную окраску.

Сравнение таблиц 1 и 2 показывает, что тактильный жест "гладить" имеет богатое разнообразие значений в фразеологической подсистеме языка. Многие из них имеют переносные значения. Например, в русском фразеологизме "Гладить по головке" гладить – это уже не просто прикосновение, а выражение умиротворения, попустительства и одобрения с помощью существительного с предлогом "по головке". В китайском фразеологизме "东偷西摸" сама функция "摸", которая заключается в получении представления о внешнем мире с помощью осязания, расширяется до коннотации воровства. Тактильный жест "гладить" передает более богатое значение в китайских фразеологизмах, но в русских фразеологизмах также есть значение, которого нет в китайских. В русских фразеологизмах больше внимания уделяется значению результата прикосновения. Например, шерсть домашней собаки становится аккуратной после нашего прикосновения; плачущий ребенок перестает плакать после нежного прикосновения. Все эти овеществленные восприятия жизни получают в русских фразеологизмах абстрактное производное значение. Таким образом, в фразеологизме «Сглаживать (сгладить) острые углы» заложено значение устранения или смягчения различий и противоречий, «Гладить(погладить) по голове(голове)» – хвалить, потворствовать, потакать кому-либо; «Взятки гладки» – нечего взять, нечего получить, нечего достичь. Китайские фразеологизмы с тактильным жестом "摸" носят скорее отрицательную окраску. Это связано с честным,

открытым и щедрым кодексом поведения, которым восхищается китайский народ. Получение информации из внешнего мира с помощью прикосновений является скрытым и молчаливым. Это противоречит способу общения китайцев, поэтому идиомы со словом "摸" часто имеют уничижительный оттенок. Кроме того, наши представления о температуре поверхности, твердости и тактильных ощущениях изначально формируются на основе осязания. Оно также является начальным этапом нашего понимания окружающей среды. Именно поэтому некоторые китайские фразеологизмы со словом "摸" выражают значение начала. Например, во фразеологизме "水底摸月" выражено значение "заниматься неосуществимым делом".

Сравнение данной группы китайских и русских фразеологизмов, содержащих одинаковые тактильные жесты, показывает, что фразеологические значения двух языков имеют как общие черты, так и национальные особенности. Это результат общего жизненного опыта людей, а также их различных культурных традиций, условий жизни и образа мышления.

Литература

1. Авраменко О.В., Юрина Е.А. Ситуация поглощения пищи как концептуальное основание фразеологизма в русском и английском языках // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 229-244.
2. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. – №1. – 2008. – С. 5-13.
3. Большой фразеологический словарь русского языка[Z] / Под. ред. В.Н. Телия. – Москва : АСТ-Пресс книга, 2006 – 784 с.
4. Борейко Т.С. Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ом. гос. ун-т. – Омск, 2006. – 21 с.
5. Варламов А.А., Кравченко А.Н., Горбачева А.В., Осадчий М.А. Язык прикосновений: биологические аспекты тактильного восприятия и особенности тактильных коммуникативных сигналов // Вопросы языкознания. – №2. – 2020. – С. 75-92.
6. Глозман Ж.М. Патология общения и личность : автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.04 / МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2000. – 86 с.

7. Лупенко Ю.А. Акционерные отношения в агропромышленном комплексе (методология и организация) : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.07.02. - Киев, 1997. – 35 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 285 с.
9. Фразеологический словарь русского языка [Z]/ Под.ред. А.И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1987 – 510 с.
10. Шлотгаур Е.А. Вербализация и метафоризация тактильных коммуникативных сигналов в русском языке: комплексное описание // Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Москва, 2023. – С. 28.
11. 成语大词典[Z]. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2004.(Большой фразеологический словарь [Z] – г. Пекин: Коммерческая пресса Интернэшнл Лтд, 2004.) – 1445 с.

Wang Tao

Pushkin State Russian Language Institute

Images of tactile gestures “touch/摸” in Russian and Chinese idioms

Various connotative meanings from Russian and Chinese idioms containing tactile gestures reflect the process of a person’s comprehension about the objective world (or its conceptualization), which is subjective and national in nature. In this article, Russian and Chinese idioms containing tactile gestures “touch/摸” are selected for a comparative conceptualization study in order to identify similarities and differences in Russian and Chinese national thinking and culture.

Key words: tactile gestures, touch, idioms, conceptualization, comparative study.

Ван Хао

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

wanghaolky0125@gmail.com

Сопоставительный анализ функционирования качественных прилагательных в русском и китайском языках

Работа выполнена под руководством Рогозной Н.Н. , доктора филологических наук,
профессора кафедры методики преподавания РКИ

Имя прилагательное всегда было одной из важных точек грамматических исследований как значимая лексическая категория реального слова. Сопоставление китайских и русских прилагательных пользуется определенной популярностью в академических исследованиях, в основном сосредоточенных на качественных прилагательных. В данной статье на конкретных примерах рассматриваются грамматические особенности

качественных прилагательных в китайском и русском языках и их сопоставительный анализ для более глубокого освоения учащимися.

Ключевые слова: качественные прилагательные, функционирование, русский язык, китайский язык, сопоставление

Рассмотрим функционирование прилагательных в китайском языке. Качественные прилагательные в китайском языке имеют атрибутивные признаки, поэтому более уместно называть их атрибутивными(качественными) прилагательными [4, с. 7-8]. Когда речь заходит о китайских качественных прилагательных, нельзя не упомянуть и прилагательные, обозначающие состояние. Учёный Чжу Дэси делит прилагательные на качественные прилагательные и прилагательные состояния, которые различаются по концепции и противопоставляются друг другу по словообразованию и синтаксической функции.

Замечательная особенность качественных прилагательных в китайском языке заключается в их синтаксических функциях, которые обобщил и указал учёный Чжан Госянь. В своей работе он пишет: “Во-первых, основная функция качественных прилагательных - служить определителями. Например, у меня счастливая семья(我有幸福的家庭). Во-вторых, основная функция качественных прилагательных - быть сказуемыми”. Например, эти сапоги очень дороги(这双靴子很贵). К числу авторитетных ученых, придерживающихся этой точки зрения, относятся Ли Цзиньси с трудом «Новая грамматика китайского языка» и Чжан Чжигун, написавший «Знание китайского языка». Лу Шусян в своем исследовании, посвященном использованию односложных прилагательных, считает, что “модификация существительных и функционирование в роли сказуемого – это две основные функции прилагательных” [4, с. 15]. Ху Миньян в своей работе об исследовании стиля и грамматики также утверждает, что в грамматике, которая полностью отражает факты современного китайского языка, основными функциями прилагательных являются определение и сказуемое.

Теперь обратимся к прилагательным в русском языке. Прилагательное в русском языке – это часть речи, выражающая признаки предметов и их значение через категории рода, числа и падежа. Обычно они употребляются вместе с существительными в качестве определений или сказуемых в предложении, и их род, число и падеж должны соответствовать определяемому слову [1. с. 78-81]. Например: *молодой человек, красивая девушка, синее море и т. д.* Русские прилагательные можно разделить на три разряда в зависимости от их значения: 1. Качественное прилагательное, имеющее полную форму и краткую форму:

белый, белая, белое и бел, бела, бело, белы; 2. Относительное прилагательное

3. Притяжательное прилагательное. Каждый из этих трех типов обладает различными грамматическими характеристиками, но границы между ними не закреплены. В современном русском языке часто наблюдается явление перехода прилагательных из одного разряда в другой, наиболее активно встречается трансформация относительных прилагательных в качественные, притяжательные прилагательных – в относительные или даже качественные. Например, переход прилагательных из относительных в значение качественных: *наблюдательный (для наблюдателя) пункт – наблюдательный (внимательный) человек;* из качественных в значение относительных: *живой человек – живая (из живых насаждений) изгородь;* из притяжательных в значение относительных: *медвежья пасть (принадлежит медведю) – медвежья (на меху медведя) шуба;* из притяжательных в значение качественных: *медвежья пасть – медвежья (неуклюжая) походка.*

Качественные прилагательные занимают важное место в русской морфологии. Они выражают признаки, присущие предметам или обнаруживаемые в нём, которые имеют разные степени сравнения: *красивый – красивее – самый красивый, хороший – лучше – самый лучший* [1. с. 78-81]. Основную часть качественных прилагательных составляют те прилагательные, основы которых непосредственно выражают признаки (не через отношения к предметам). Обозначаемые ими признаки – это свойства и качества, которые могут быть непосредственно восприняты человеческими органами чувств.

В ходе сопоставительного анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Качественные прилагательные могут использоваться в качестве определения и сказуемого и в китайском, и в русском языках, но их способ выражения отличается. В русском языке, в связи с влиянием рода, числа и падежа, качественные прилагательные делятся на полную и краткую формы. Краткая форма не может использоваться в качестве определения, а род и число должны соответствовать подлежащему. В китайском языке качественные прилагательные имеют множество разновидностей и могут использоваться в качестве субъектов или объектов;

2. Общеизвестным фактом является то, что китайские качественные прилагательные служат сказуемыми, подчиняясь определенным ситуациям таким, как вопрос и ответ, сравнение, контраст, оценка и восклицание. Когда русские прилагательные в краткой форме употребляются в качестве сказуемых, они выражают относительные признаки, ограниченные определенными условиями и состоянием, представленным в определенное время. Полная форма обычно представляет постоянные и неотъемлемые признаки, указывает на категории предметов;

3. В результате сопоставления синтаксических функций китайских и русских прилагательных выяснилось, что русские прилагательные ограничены множеством громоздких грамматических правил языка, китайские прилагательные более активны в употреблении, чем русские, обладают большей степенью свободы лексического употребления и широким разнообразием форм трансформации.

Сопоставительное исследование поможет нам еще больше прояснить сходства и различия между двумя языками, а также предоставить методы и справочные материалы для более глубокого и всестороннего изучения китайского и русского языков в будущем. Но это только первый шаг на долгом пути, и многие аспекты по-прежнему требуют серьезного обсуждения и изучения.

Литература

1. Дедикова И.Р. Особенности функционирования качественных имен прилагательных с модусом вкуса в русской языковой картине мира / И.Р. Дедикова, Ю.А. Климова // Русская филология. – 2013. – № 1/2. – С. 78-81.
2. Миронова С.В. Функционирование имен прилагательных в рассказах В.М. Шукшина: статистический аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 11 (61). – С. 133-138.
3. Сергеева Л.А. Функциональная типология качественных прилагательных в современном русском языке // Исследования по семантике. – Уфа, 1989. – С. 101-105.
4. Dong Chuanlong. Comparative study on the syntactic functions of Chinese and Russian qualitative adjectives [J]. Journal of Jilin Provincial Institute of Education (Mid-term), 2014, 30(06): С. 7-8.
5. Wang Honglei. The grammatical differences between Chinese property adjectives and status adjectives from the perspective of Russian-Chinese comparison [J]. Foreign Language Research, 2017, 34(01): С. 40-47.

Wang Hao

Pushkin State Russian Language Institute

Comparative analysis of the functioning of qualitative adjectives in russian and chinese languages

As an important part of speech, adjectives have always been one of the hot topics in grammar research. The comparison of Chinese and Russian adjectives has always enjoyed a certain degree of enthusiasm in academic research, and most of the research focuses on qualitative adjectives. This article discusses the grammatical features of Chinese and Russian qualitative adjectives in their respective languages through specific examples. Through comparative research methods, the syntactic functions of Chinese and Russian qualitative adjectives are comparatively analyzed, so that learners can have a deeper understanding of the two languages.

Keywords: qualitative adjectives; Chinese; Russian; syntactic function

Ван Цзиюань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

wjy19991008@126.com

Русские пословицы и поговорки о человеке как стереотипы языкового сознания

Работа выполнена под руководством Китаниной Эллы Анатольевны, доктора
филологических наук, профессора

В статье в качестве объекта исследования рассматриваются пословицы и поговорки о человеке; анализируются причины, по которым пословицы и поговорки, отражающие характер и поведение людей в русской культуре, выступают в качестве стереотипов, аргументируется значимость пословиц и поговорок о человеке как стереотипов языкового сознания.

Ключевые слова: пословица, поговорка, человечество, стереотип.

Пословицы и поговорки – коллективно созданные, широко распространённые, лаконичные и наиболее выразительные художественные высказывания, постоянно обобщающие богатую мудрость и общечеловеческий опыт любого народа. Пословицы и поговорки представляют собой высокую утончённость языка и образное выражение культуры, являются самыми популярными объектами изучения не только для учёных-паремиологов, но и для лингвистов смежных направлений, и представляют собой раздел филологии, посвящённый изучению и классификации паремий.

Пословицей В.И. Даль называет «коротенькую притчу, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности» [3, с. 14]. Составитель известного словаря считает, что полная пословица состоит из двух частей: из случайно/неожиданно сказанных слов, отражающих картину мира, общего суждения и из приложения, толкования, поучения.

Поговорка, по В.И. Далю, – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» [3, с. 15]. В целом, поговорка, по мнению учёного, отличается от собственно пословиц «отсутствием притчи, иносказания, обиняка». Появляясь только как часть предложения, поговорка обычно не несёт в себе предупреждения определённого образовательного или опытного характера, но содержит в себе, как и пословица, стереотипные представления о мире.

У. Липпман определил стереотипы как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой „картинки мира“ в голове человека, которые экономят его

усилия при восприятии сложных объектов мира» [6, с. 107]. По мнению В.В. Красных, стереотип – «структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих концепт феномена, стоящего за данной единицей» [5, с. 78].

Становится понятным, что стереотипы существуют в мировоззрении и культуре определённого народа, обобщаются и передаются народом в ходе длительного социально-исторического развития и облегчают человеку понимание и выражение определённых предметов и сценариев.

Пословицы и поговорки являются незаменимым материалом для изучения языка и культуры того или иного народа. Вильгельм фон Гумбольдт писал, что своеобразие каждого языка отчётливо и естественно выражается в народной жизни [2, с. 380]. Большинство элементов пословиц и поговорок относится к самому человеку. Из 89 глав труда В.И. Даля «Пословицы русского народа» есть только 11 глав, которые не имеют прямого отношения к характеру и поведению человека («закон», «Русь», «цвет» и др.). Большинство из пословиц и поговорок связано с чертами характера и поведенческими моделями человека и выражают значение образования или извлечённых уроков с оценкой того или иного характера или поведение как хорошего или плохого.

В целом, пословицы и поговорки о человеке играют значительную роль в повседневной жизни и в сфере культуры и, безусловно, являются стереотипными.

Существуют две основные причины, которые могут свидетельствовать о том, что пословицы и поговорки о человеке являются стереотипами языкового сознания:

В-первых, некоторые пословицы и поговорки о человеке представляют собой относительно устойчивые образы. Другими словами, когда определённая этническая группа видит или слышит пословицу или поговорку, она формирует в своём сознании соответствующий образ человека с устойчивыми чертами характера или стилем поведения. Ср.: пословицы о трудолюбивых людях: *«Кто первый в труде, тому и слава везде»; «Кто любит труд, того люди чтут»* и так далее. В сознании русского народа, труд – источник красоты и силы, таланта и вдохновения человека. То есть люди, которые любят труд, заслуживают уважения и похвалы. Человек может быть всемирно известным учёным или простым рабочим, но, если он любит труд, не боится браться за сложное дело, он заслуживает высокий авторитет в сердцах людей.

Кроме того, образные номинации человека также могут отражать стереотипный характер пословиц и поговорок. Физические качества, внешний вид, характер, поведение человека отображены в пословицах посредством образных номинаций и наиболее

типичными представителями являются животные. Ср.: «*Человек пёстр внутри, змея пестра снаружи*». В этой пословице аналогия между змеей и человеком проводится в одной и той же структуре предложения, что говорит о том, что в сознании русского народа змея часто представляет собой зловещий, холодный и поверхностный образ; «*работать, как вол*» означает очень усердно и много трудиться не покладая рук. В сельскохозяйственном производстве вол означает сильное, выносливое и трудолюбивое животное. Когда люди используют эту поговорку, они на самом деле обращаются к человеку в образе вола, признавая и восхваляя его самого или его тяжёлую работу.

Во-вторых, некоторые пословицы и поговорки о человеке сформировали относительно устойчивое употребление для сравнительно фиксированных сценариев. Большинство пословиц используются в дидактическом ключе, с неявными или подразумеваемыми значениями. Важнее становится контекст, в котором они используются, чем смысл, который они призваны передать. Некоторые пословицы и поговорки более очевидны в образах, которые они представляют, или в значениях, которые они передают. Таким образом, их можно использовать непосредственно в соответствующих сценариях, чтобы кратко изложить суть и продемонстрировать образовательную значимость. Ср.: «*Не родись красивой, а родись счастливой*». Смысл этой пословицы отражает идею о том, что внешность не является главным фактором, определяющим счастье и удовлетворённость жизнью. Пословица часто используется в ситуациях, когда коммуникант подчёркивает те или иные ценности. Центральным конфликтом, обсуждаемым в сценариях, может быть конфликт между красотой и счастьем, о котором рассказывается в пословице, или конфликт между внешними и внутренними факторами, такими как деньги и здоровье, работа и семья, и так далее.

В целом, причина, по которой пословицы и поговорки о людях относятся к разновидности стереотипов языкового сознания, кроется в основном в двух факторах: концептах и сценариях. Когда концепт служит первичным субъективным впечатлением, с ним может быть связан конкретный сценарий, который может либо происходить в реальности, либо осуществляться в чувственном восприятии. Когда сценарий в реальности соответствует опыту и урокам (концептам), упомянутым в пословицах и поговорках, участники сцены могут достичь эффекта краткости и яркости, представляя соответствующие пословицы или поговорки. Другими словами, пословицы и поговорки относятся к стереотипам, потому что два процесса – от концептов к сценарным практикам и от сценариев к концептам – относительно фиксированы и существуют в обществах и культурах, которые развивались с течением времени.

В когнитивной лингвистике данные представления связаны с понятием «фрейм», которое первоначально ввёл Марвин Минский. Его взгляд на этот термин заключается в следующем: «Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), названный нами фреймом, с таким расчётом, чтобы путём изменения в ней отдельных деталей сделать её пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов» [9, с. 2]. В действительности суть этого процесса заключается в переходе от концепции к сценарной практике.

Ч. Филлмор, с другой стороны, адаптировал концепцию к нуждам лингвистики, утверждая, что «многие слова образуют группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое. В каждом случае, для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все. Такие группы слов удерживает вместе то, чем они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин „фрейм“» [8, с. 52]. Другими словами, в целостном «фрейме» новые сценарии при помощи соответствующих концептов, которые уже существуют в субъективном впечатлении, могут быть поняты, и суть этого процесса заключается в редукции от сценариев к концептам.

Однако следует отметить, что представление о пословицах и поговорках о человеке как стереотипах языкового сознания не является абсолютным:

1. Некоторые пословицы и поговорки о человеке не выражают напрямую опыт или наставление, могут передавать различные сообщения и значения для говорящего в разных контекстах. Иными словами, некоторые пословицы и поговорки о человеке могут выражать совершенно разные смыслы в зависимости от ситуации употребления, при которой они применяются. Их основные значения принимаются и запоминаются массовыми группами, в то время как *нишевые* значения могут быть забыты или отброшены. Когда *нишевые* значения используются в основных контекстах, возникает несоответствие стереотипов. Ср.: «*Большие рыбы едят маленьких*». Основной смысл пословицы заключается в том, что сильные безжалостны к слабым. В зависимости от позиции в сценарии, пословица может передавать два разных значения: если ты слабый, то тебе придётся смириться и не пытаться противостоять сложившейся ситуации; если ты сильный, то можешь без зазрения совести попирать слабых.

2. По мере развития и прогресса общества возможно изменение смысла самих пословиц и поговорок, которые являются частью языка и культуры, то есть изменение

значения с течением времени. Ср.: *«Работать спустя рукава»*. В современной России поговорка означает *«работать не очень хорошо, кое-как; лениться»*. Выражение *«спустя рукава»* появилось на Руси примерно в XV-XVII вв. Представители знати носили одежду с очень длинными рукавами. Такие модные наряды назывались *«охабень»*, *«однорядка»* или *«ферязь»*. На уровне локтя в рукавах были прорехи, но даже с помощью этой детали сделать что-то полезное руками было почти невозможно, разве только нос почесать. Вот бояре и жили *«спустя рукава»*, абсолютно ничего не делая. С годами этот фразеологизм расширил своё значение и стал употребляться не только в отношении знати, но и всех-всех лентяев: *«Весёлая голова живёт спустя рукава»*.

Суть в том, что стереотипное представление о рукаве как о символе изменилось и расширилось. Раньше основным конфликтом в обществе был между представителями аристократии и крестьянства. И показывать разницу между двумя сословиями через особенности одежды было общепринятой идеей и стереотипом русского народа. Однако с развитием и изменением общества представители аристократии постепенно исчезали из поля зрения общества, и рукав как символ аристократии перестал быть заметным, поэтому субъективный стереотип концепта рукава в русской нации изменился и стал синонимом лени, что более применимо к современному обществу.

3. Чтобы сделать текст более наглядным и понятным для читателя, авторы создавали вторичную версию пословиц и поговорок, отклоняясь от их первоначального основного смысла. Ср.: Заголовок новости: *«Тише едешь – дальше будешь»*. Статья посвящена изменению скоростного ограничения для тех, кто только недавно получил права. Очевидно, что автор хочет донести через пословицу, что ехать на автомобиле на низкой скорости безопаснее. При этом он игнорирует назидательный смысл, который пословица выражала изначально: *«не надо спешить, надо иметь терпение»*. Следует отметить, что вторичные авторские творения в большинстве случаев основаны на первоначальном смысле пословиц и поговорок. Хотя в приведённом выше примере описан другой сценарий, в основе его лежит одно из человеческих качеств – терпение. Иными словами, в данном случае коннотация стереотипа была изменена, но он все равно понят и принят, потому что первоначальный смысл глубоко сохранился в субъективном впечатлении группы людей.

Важно определить статус пословиц и поговорок о человеке как стереотип языкового сознания:

Во-первых, пословицы и поговорки о человеке отражают взгляды народа на то или иное поведение человека, его характер. Пословицы и поговорки о человеке могут наилучшим образом отразить ценности того или иного народа. Это связано с тем, что именно в

пословицах и поговорках чаще всего напрямую даётся оценка поведения или характера человека. Ср.: «*Лень к добру не приведёт*»; «*Землю красит солнце, а человека — труд*» и так далее.

Во-вторых, пословицы и поговорки о человеке отражают уникальность культуры, представленной данной национальной группой.

Например, образ медведя присутствует как в русских, так и в китайских пословицах и поговорках, описывающих людей. В субъективном образе китайцев *медведь* часто является стереотипным образом глупости и медлительности, как в пословице «*兵熊熊一个，将熊熊一窝*», которая обозначает, что если лидер команды некомпетентен, то и его подчинённые будут не компетентны [1, с. 459]. В сознании русского народа медведи ассоциируются с образом великой силы, ср.: *Два медведя в одной берлоге не уживутся*. Различия в восприятии и поведении обусловлены различиями в образе жизни и культуре, что подчёркивает уникальность российской культуры по сравнению с другими культурами.

В-третьих, развивается методика анализа психологических особенностей человеческого поведения и того, как люди в определённой группе уживаются друг с другом. По мнению Э.А. Китаниной, «адресат в процессе коммуникации конструирует социальную реальность через такие ориентиры, как ценности» [4, с. 26]. Анализ русских пословиц и поговорок позволяет понять, как русский народ смотрит на мир, на жизнь и общается друг с другом. Одновременно с этим другие народы получают чёткое представление о хороших качествах и ценностях, которые высоко ценит русский народ, и о табу и пороках, которые он отвергает. Как и привычные жесты и движения, у разных народов и стран могут быть разные стереотипы, связанные с одними и теми же словами и понятиями. Владение этими различиями может значительно облегчить международное общение, поможет решить проблемы межкультурной коммуникации.

Таким образом, пословицы и поговорки о человеке в русском языке как специфическая форма стереотипов играют значительную роль в общественной жизни и культурной коммуникации. Стоит отметить, что пословицы и поговорки являются стереотипами языкового сознания. Их использование в качестве предмета исследования важно для психологического изучения русской нации и установления её национальной идентичности и укрепления взаимоотношений между разными странами.

Литература

1. Ван Сяовэнь, Лю Яньфэн. Эмоциональные различия между русским и китайским народами в отношении образов животных из поговорок и пословиц // Научно-техническая информация. – 2009. – № 36. – С. 459.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 378 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1989. – С. 14-15.
4. Китанина Э.А. Манипуляция в современном политическом дискурсе: обращенность к массовому адресату // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 4. – С. 26-27.
5. Красных В.В. Основы психолингвистики и основы коммуникации / В.В. Красных – Москва : ИТДГК Гнозис, 2001. – 270 с.
6. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение». – 2004. – 384 с.
7. Пословица как стратегия действия / [Электронный ресурс] URL: <https://infourok.ru/statuya-na-temu-poslovica-kak-strategiya-dejstviya5513405.html?ysclid=lrs0o5f4cb838873315> (дата обращения: 28.01.2024).
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 52.
9. Marvin Minsky, A Framework for Representing Knowledge, in: Patrick Henry Winston (ed.), The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, New York (U. S.A.), 1975. – 200 p.

Wang Jiyuan

Pushkin State Russian Language Institute

Russian proverbs and sayings about human beings as stereotypes of linguistic consciousness

The article considers proverbs and proverbial sayings about human beings as an object of research; analyzes the reasons why proverbs and proverbial sayings reflecting the character and behavior of people in Russian culture act as stereotypes, argues the significance of proverbs and proverbial sayings about human beings as stereotypes of linguistic consciousness.

Keywords: proverb, proverbial saying, mankind, stereotype.

Вартанян Левон Давидович

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

levvart@gmail.com

Рецепция текста «Евгения Онегина» в поэме И.С. Тургенева «Помещик»

Работа выполнена под руководством Афанасьевой Эльмиры Маратовны, доктора
филологических наук, профессора

В статье делается первый шаг в сторону анализа и систематизации формальных и содержательных сходств между поэмой И. С. Тургенева «Помещик» и романом А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Мы предполагаем, что Тургенев, считая Пушкина «литературным учителем», использовал в «Помещике» множество реминисценций пушкинских текстов. Большинство исследователей пишут о рецепции текстов «Графа Нулина» и «Домика в Коломне» Пушкина: в настоящей статье, в свою очередь, разрабатывается ранее практически невыявленная рецепция текста романа «Евгений Онегин» в поэме «Помещик».

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Помещик»; А.С. Пушкин; «Евгений Онегин»; рецепция.

Рецепцию пушкинских текстов в раннем творчестве И.С. Тургенева (1840-1850-е гг.) многократно анализировали видные отечественные литературоведы [1, 2, 6, 8, 11, 12]. В этих трудах внимание не раз акцентировалось на Тургеневе, как на заочном ученике Пушкина, продолжателе его литературных традиций – в том числе по части поэтики и стилистики.

Одним из наиболее обстоятельных современных исследований рецепции Пушкина в ранней лирике и прозе Тургенева по праву можно назвать диссертацию Т.Г. Дубининой «Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840-х - начала 1850-х годов» [6]. В автореферате к своей работе автор упоминает, в частности, наличие «онегинских» мотивов в поэмах «Параша» и «Андрей», подчёркивая крайне важный для нашего исследования тезис: «ранний Тургенев, несмотря на пиетет перед великим поэтом, все же пытается вести с [Пушкиным] творческий диалог <...> необходимо признать попытку молодого писателя найти себя, отстоять свою творческую индивидуальность» [6, с. 4].

Данная статья посвящена анализу поэмы «Помещик» И.С. Тургенева в фокусе интертекста – чаще всего реминисценций – пушкинского «Евгения Онегина». Само произведение Тургенева впервые было опубликовано в «Петербургском сборнике» Н.А. Некрасова в 1846 году.

В поэме рассказывается об одном дне в жизни провинциального помещика Сергея Петровича. Пока супруга уезжает на «богомолье», герой планирует адюльтер с проживающей по соседству вдовой. Однако замыслу помещика не суждено сбыться: по дороге его тарантас опрокидывается, и в этом виде Сергея Петровича застаёт разочарованная жена.

Исследуя поэтику и проблематику «Помещика», за отсутствием эксплицитных отсылок конкретно к героям или событиям «Евгения Онегина» (в отличие, например, от

вышедшей ранее «Параши»), литературоведы преимущественно сопоставляли сатирическое произведение с двумя поэмами Пушкина – «Графом Нулиным» (по содержанию) и «Домиком в Коломне» (по форме). На жанровое сходство между поэмой Тургенева и двумя упомянутыми поэмами Пушкина обращали внимание современники автора – например, критик В.Г. Белинский [7, с. 479]. Позже это было закреплено в комментарии к полному тридцатитомному собранию сочинений И.С. Тургенева [7, с. 479].

Считаем нужным акцентировать внимание на особенностях строфической организации поэмы Тургенева в диалоге с «Домиком в Коломне». Строфы в «Помещике» соотносятся со сдвоенными восьмистишиями, что становится основой для сопоставления с октавами пушкинской повести в стихах. Однако, октава – это не только восемь стихов, объединённые в строфу. Октаве присуща рифмовка abababcc, в русском стихосложении она пишется пятистопным или шестистопным ямбом с обязательным чередованием мужских и женских рифм [6]. Все эти правила соблюдены в «Домике в Коломне», в то время как «Помещик» написан четырехстопным ямбом – размером, который у современного читателя ассоциируется как раз с «Евгением Онегиным» и другими классическими произведениями Пушкина. Таким образом, несмотря на заметную содержательную и жанровую схожесть (о которой писал Белинский), о схожести формальной пока говорить не приходится.

В настоящем исследовании мы оттолкнёмся от тезисов Т.Г. Дубининой о полемичности ранних текстов Тургенева [6, с. 4] и писателя Ф.В. Булгарина (в то время – издателя газеты «Северная пчела») о возможной пародийности «Помещика» [7, там же]. Так, литератор называл поэму Тургенева «явным, хоть и явно неудачным подражанием “Евгению Онегину”, а может быть и пародией на Пушкина» [7, с. 479].

Определение пародии, означенное в статье литературоведа и переводчика Г.Е. Бена, позволяет идентифицировать «Помещика» как литературную пародию на «Евгения Онегина». Так, литературная пародия, «сохраняя форму оригинала, вкладывает в нее новое, контрастирующее с ней содержание» [12]. Нередко она снижает и высмеивает не только стилистику, но и весь художественно-идеологический комплекс оригинала и даже мирозерцание автора в целом [12, там же].

Обратимся к непосредственно сопоставительному анализу «Помещика» и «Евгения Онегина». Основная часть настоящей статьи представляет из себя разбор избранных отсылок на текст «Евгения Онегина», условно разделённых на два комплекса: комплекс **образно-содержательных** отсылок и комплекс отсылок **стилистических**. Под «образно-содержательными отсылками» подразумеваются отдельные эпизоды, события или образы «Евгения Онегина», нашедшие ироничное или гротескное отражение в тексте «Помещика».

Говоря же о «стилистических отсылках», мы в первую очередь имеем в виду различные языковые средства выразительности, свойственные слогу «Евгения Онегина» и гипотетически спародированные Тургеневым.

Для большей наглядности образно-содержательные отсылки представлены в виде фрагментов (на илл.). Полужирным шрифтом на них выделены элементы, которые видятся напрямую взаимосвязанными:

В строфах цитируемого фрагмента описываются заглавные герои произведений – Евгений Онегин [9, с. 42] и, собственно, помещик Сергей Петрович [10, с. 157]. Продолжая анализ текста, можно прийти к смелой мысли о том, что Сергей Петрович мог задумываться Тургеневым как провинциальная, «славянофильская» и несколько обрюзгшая версия Онегина [9, с. 19] – кабинет помещика «уныл» и беспорядочен, а внешне герой явно далёк от «франта» [10, с. 157-159]; [9, с. 20].

Тургенев и Пушкин изображают рассказчика как человека уже не совсем молодого, но ранее ведущего беззаботный, гедонистический образ жизни. Если рассказчика «Евгения Онегина» когда-то уместно было назвать «светским львом», то в словах рассказчика «Помещика», сиявшего «уездною звездой», вновь сквозит насмешка над провинциальностью героев [10, с. 162], [9, с. 24].

Можно предположить, что прототипами упомянутых на цитируемых фрагментах девушек выступают Ольга и Татьяна Ларины, лишённые притягательности оригинальных героинь. Гипотеза о взаимосвязи пушкинских и тургеневских женских образов подкрепляется авторской констатацией некоторой отчужденности «Коринны» от её семьи [10, с. 162]; [9, с. 46-47].

Концовка «Помещика» также отсылает к концовке «Евгения Онегина»: Тургенев иронично указывает на важность «добродетели» в литературе – Сергей Петрович, попавшись на попытке измены, «сдаётся на милость» супруги [10, с. 172]. Татьяна Ларина, в свою очередь, несмотря на не утихающие чувства к Онегину, остаётся верной мужу. Позже Пушкин, завершая роман в стихах, подчеркнёт, что «блажен, кто праздник жизни рано оставил» [9, с. 176, 178].

В ходе исследования мы обнаружили и другие отсылки. Например, восклицание «О Русь!» [10, с. 168] дублирует эпитафия «О rus!... / О Русь!» [9, с. 36] ко второй главе «Евгения Онегина», а ставшая крылатой пушкинская фраза «Но вреден север для меня» превращается у Тургенева в «Приятен жар – полезен холод». Примечательно и то, что любовную историю Сергея Петровича рассказчик «Помещика» называет «моим “романом”» по аналогии с (лишенным кавычек) «героем моего романа» у Пушкина.

Среди стилистических отсылок к «Евгению Онегину» в тексте «Помещика» квантитативным методом обнаружено более сотни анжамбеманов, не менее 16 конструкций с притяжательными местоимениями 1 лица («мой помещик», «моему “роману”», «наш приятель» и пр.), а также 122 многоточия. На последнее наблюдение стоит обратить особое внимание, поскольку в оригинальном тексте «Евгения Онегина», по объёму кратко превышающем «Помещика», всего 163 многоточия. Как писала Л.Н. Боткина в статье «Семантика композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина “Евгений Онегин”», пропуски и многоточия в реалистической парадигме связаны с понятием сознательного утаения, эстетической загадки или игры [4]. Автором «Помещика» же приём, использованный Пушкиным, гиперболизируется до гротеска.

«Помещик» написан четырёхстопным ямбом с рифмовкой aBaB-cDDc-eeFF-GhGh (построфно чередуется с AbAb-CddC-EEff-gHgH). Если не учитывать разницу в количестве стихов в строфах (16 против 14 у «Евгения Онегина»), рифмовка поэмы Тургенева по структуре напоминает рифмовку «Евгения Онегина» (AbAb-CCdd-EffE-gg), однако в ней оказываются переставлены вторая и третья части.

Тургенев, подобно Пушкину, сравнивает героев поэмы с античными героями («Эсхил, Сократ, Аристофан», «Коринна», «Парис» и пр.). Помимо этого, он обращается к авторским перифразам («разочарованный сожитель», «бедный витязь», «мною воспеваемый предмет» и пр.) и просторечиям («бабы», «падок на баб», «мужики», «сочные дамы», «замарашки», «фалетор»). Одно из ключевых наблюдаемых стилистических сходств – множественные лирические отступления обоих авторов, обращения к читателю и Музе.

Основная работа над систематизацией образно-содержательных и стилистических отсылок будет продолжена впоследствии – представленный материал нуждается в дополнении и разработке более «прозрачной» типологии.

Как советское, так и современное литературоведение делает акцент на фабульной схожести между «Помещиком» Тургенева и «Графом Нулиным» Пушкина. В свою очередь, мы предполагаем, что при написании «Помещика» сюжет для Тургенева не стоял на первом месте: внимания и дополнительного анализа заслуживает как раз чрезвычайно богатый тропами, приёмами и лексико-синтаксическими средствами, ироничный, намеренно пародирующий Пушкина слог.

Обнаруженные в тексте «Помещика» многочисленные отсылки к форме и содержанию «Евгения Онегина», позволяют подтвердить и первый тезис о некоторой «ученической» полемике Тургенева с ценностями, заложенными Пушкиным в свой роман, и второй – о первичной пародийности поэмы именно по отношению к «Евгению Онегину».

Литература

1. Беляева И.А. «Онегинская» традиция в творчестве И.С. Тургенева // Спасский вестник. – Вып. 15. – Тула, 2008. – С. 29
2. Беляева Н.А. Система жанров в творчестве Тургенева. – Москва : МГПУ, 2005. – 250 с.
3. Бен Г. Е. Пародия // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – Москва : Сов. энцикл., 1962 – 1978. Т. 5: Мурари – Припев. – 1968. – С. 604-607.
4. Боткина Л.Н. Семантика композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Сибирский филологический журнал. 2013.
5. Гаспаров М. Л. Октава // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – Москва : Сов. энцикл., 1962 – 1978. Т. 5: Мурари – Припев. – 1968. – 412 с.
6. Дубинина Т.Г.. Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840-х - начала 1850-х годов : диссертация кандидата филологических наук: 10.01.01 / Дубинина Т.Г.; [Место защиты: Моск. гор. пед. ун-т]. – Москва, 2011. – 203 с.
7. Комментарии: И.С. Тургенев. Помещик // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Москва : Наука, 1978. – Т. 1. – С. 475-482.
8. Курляндская Г.Б. Тургенев и Пушкин // Тургенев и русские писатели: 5-й межвуз. тургеневский сборник / науч. ред. Г.Б. Курляндская. – Курск : Курский гос. педагогический ин-т, 1975. – С. 3-43.
9. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Том 4. Евгений Онегин – С. 5-201.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Москва : Наука, 1978. – Т. 1. – С. 475-482.
11. Фридман Н.В. Поэмы Тургенева и пушкинская традиция // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка – Москва : Наука, 1969. – Т. XXV111. – Вып. 3. – С. 232-242.
12. Цейтлин А.Г. «Евгений Онегин» и русская литература // Пушкин - родоначальник новой русской литературы. Москва, Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 335-364.

Vartanyan L.D.

Pushkin State Russian Language Institute

The reception of the text of «Eugene Onegin» in the I.S. Turgenev's poem «The Landlord»

The article takes the first step towards analysing and systematising the formal and substantive similarities between I.S. Turgenev's poem «The Landlord» and A.S. Pushkin's novel «Eugene Onegin». The study of the previously

virtually undetected reception is expected to form the basis of a larger and more in-depth work on the so-called «Pushkin code» in the poem by Turgenev.

Keywords: Turgenev; «The Landlord», Pushkin, «Eugene Onegin», reception.

Васютина Елизавета Валерьевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

lizavass18@yandex.ru

Речевые клише в видеоизвинениях

Работа выполнена под руководством Брагиной Натальи Георгиевны, доктора филологических наук, профессора

В данной статье рассматриваются языковые особенности функционирования такого жанра как видеоизвинение. Набирающие особую популярность в последнее время объяснения на камеру становятся ритуализованы: для публичного акта извинения выбираются определённые речевые формулы, монолог или диалог строится по определённой схеме. Ряд речевых формул и клише часто используется в извинениях на камеру по разным причинам. Иногда говорящие выбирают их, чтобы речь была понятнее и доступнее аудитории. Речевые клише также становятся атрибутом извинения в силу стандартизации самого речевого акта, а так же могут выбираться «автоматически» как готовое и самое подходящее языковое средство. В работе проанализированы два видеоизвинения (диалогическое и монологическое) и выявлены их некоторые отличительные черты.

Ключевые слова: речевые клише, речевые штампы, видеоизвинения, речевой акт извинения.

Извинение является одним из экспрессивных речевых актов, который выделяют в своих основополагающих работах Дж. Остин, Дж. Серль и другие исследователи. Его можно назвать особой моделью речевого высказывания, поскольку акт извинения сам по себе структурируется при помощи характерных жанрообразующих признаков. В их числе – цель речевого акта, а также подходящие речевые тактики и их регулярные вербальные реализации. Под ними мы понимаем речевые клише, «нейтральное понятие, имеющее информативно-необходимый характер и относящееся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [4, с. 588-589]. В данной статье мы постараемся проанализировать то, как некоторые речевые клише функционируют в набирающем популярность жанре видеоизвинения.

Речевые клише небезосновательно постоянно воспроизводятся в одних и тех же коммуникативных ситуациях. Они удобны, готовы к употреблению, соответственно, говорящему не нужно прилагать усилия для поиска другой вербальной формулы. Кроме того, речевые клише отмечены в коллективном сознании носителей языка как подходящие для той или иной ситуации. Поэтому, хотя речевые штампы действительно «шаблонны и

стереотипны» [2, с. 197], как их характеризуют исследователи, их использование позволяет добиться нужного отклика в силу установившейся уместности.

Причин употребления штампов в речевом акте извинения несколько. Во-первых, это может быть желание затратить минимум усилий для успешной коммуникации. Во-вторых, речевые клише и штампы часто достаточно функциональны. Они экономичны и часто не предполагают словотворчества, а также традиционно повторяемы. Стоит отметить, что речевые клише в разговорной речи отражают тематическую и ситуационную специфику, поэтому часто «приходятся кстати» [3]. Они автоматизируют процесс воспроизведения и облегчают процесс восприятия информации.

Некоторые ученые разделяют понятия речевого клише и речевого штампа и отмечают, что использование штампов часто немотивировано, стилистически необоснованно и чрезмерно. Кроме того, штамп – единица со стёртой экспрессивностью, поэтому часто признается недостатком речи, который используется вследствие отсутствия воображения. Штампы могут представлять собой плеоназмы, а также языковые единицы, несоответствующие стилистической норме. Вместе с тем дифференциация данных понятий применительно к разговорному стилю речи не такая четкая. Описаны многие дискурсивные штампы как явление отрицательное (юридические штампы, педагогические штампы, штампы в академической речи). В данной статье под речевыми клише мы будем подразумевать главным образом формулы речевого этикета, регулярно воспроизводимые в акте извинения, например: «Прости, пожалуйста», «Я прошу прощения (за)», «Извиняюсь (за)» и так далее. Под речевыми штампами мы понимаем выражения со стёртой экспрессивностью, не выполняющие информативную функцию и воспринимаемые как нечто скучное и банальное («Это не повторится»). Таким образом, следует различать речевые клише и штампы.

Публичное извинение на камеру можно действительно назвать феноменом. Сегодня прощения за свои действия просят известные люди, блогеры, теле- и интернет-звёзды, чиновники. Чаще всего принудительные видеоизвинения ритуализованы: сначала зрителям показывают само нарушение, потом – задержание, а после – глубокое раскаяние нарушителя.

Важно понимать, что видеоизвинение – это чаще всего публичное извинение, то есть его коммуникативная цель направлена на убеждение большого количества людей в невиновности, демонстрации раскаяния перед определенной публикой. Отличием публичного извинения от межличностного является восстановление имиджа. Стереотипные выражения, называемые ситуационными клише, воспроизводятся механически в

определенной речевой ситуации. Можно сказать, они даже обязательны, ведь часто становятся атрибутами определенной интенции.

Анализ видеоматериала позволяет предположить, что жанр видеоизвинения ритуализованы. Вероятно, использование речевых клише в разных роликах такого типа связано как раз со увеличением частотности и стандартизацией этих роликов. В национальном сознании у аудитории, таким образом, формируется определённый канон публичного извинения.

Публичное видеоизвинение может быть представлено в монологической форме, когда превращается в высказывание или даже исповедь одного человека, или же в особую диалоговую форму, когда собеседник будто «подталкивает» извиняющегося к выбору нужных формулировок. Чаще всего ситуация второго типа случается влечёт за собой принудительное или вынужденное извинение. В таком случае мы наблюдаем за несколько карикатурным повторением, когда «голос за кадром» задаёт вопросы и получает чёткие ответы. Рассмотрим несколько случаев.

Глава Лиги безопасного интернета Екатерина Мизулина опубликовала в своем Telegram-канале видеоизвинение певца Шарлота, который был задержан в аэропорте Пулково сотрудниками Центра по противодействию экстремизму. Причиной задержания послужило то, что Эдуард Шарлот записал на видео то, как сжёг паспорт гражданина РФ. Это речевой акт извинения выражен в диалоговой форме, вероятно, его можно назвать принудительным. Проанализируем фрагмент:

- *По какой причине доставлен сюда, понимаешь?*
- *Да.*
- *Назови.*
- *Осечка в понимании происходящего.*
- *Что ты сделал?*
- *Я сжег паспорт.*
- *Какой паспорт?*
- *Российской Федерации.*
- *Зачем ты это сделал?*
- *Потому что был ошибочно помешан на ложной информации.*
- *Ты раскаиваешься в содеянном?*
- *Да. Простите.*
- *Что-то еще, может, хочешь добавить?*
- *Я больше так не буду. [7]*

Мы видим, что и Шарлот, и, вероятно, сотрудник ведущий с ним диалог, используют речевые штампы, характерные для речевого акта извинения («раскаиваться в содеянном», «я больше так не буду»). Ситуация волнения и напряженности, вероятно, побуждает говорящих к выбору наиболее привычных формулировок. Кроме того, штамп «Я больше так не буду» свидетельствует о не совсем искреннем раскаянии, поскольку такие устоявшиеся формулы не предполагают глубокой рефлексии.

Другой тип публичного извинения, монолог, проанализируем на примере видеообращения блогера Насти Ивлеевой по поводу проведения вечеринки, которая многим из аудитории показалась неуместной. В своем извинении на камеру Настя Ивлеева также использует речевые штампы: «прошу дать мне второй шанс», «это крик души», «жаль от всего сердца» [8]. Вероятно, их наличие призвано облегчить процесс коммуникации и добиться расположения аудитории через понятные, привычные речевые формулы. В видео блогер также применяет некоторые речевые тактики, направленные на достижение сочувствия от публики. Во-первых, общение интимизируется: блогер напоминает зрителям о «той старой Настюшке», которую любит и помнит аудитория. Во-вторых, происходит солидаризация с целевой аудиторией: «Я понимаю вашу злость, вашу агрессию — это неприемлемо». Кроме того, в речи присутствуют клише: «Я приношу свои глубочайшие извинения». [8]

Таким образом, мы отметили использование речевых клише и штампов как в диалогических, так и монологических извинениях. Кроме того, в монологических извинениях присутствует метафоризация, различные речевые тактики, что, как предполагают авторы, должно убедить слушающих в их искреннем сожалении.

Использование перечисленных выше языковых и поведенческих тактик направлено на достижение определенного перлокутивного эффекта.

Литература

1. Агаркова О.А., Путилина Л.В. Прагмалингвистические особенности формул извинения в современном русском языке // Вестник ОГУ. 2017. – №6 (206). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmalingvisticheskie-osobennosti-formul-izvinieniya-vsovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 16.02.2024).
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Давкуш Н.В., Колосова Н.Н. Речевые клише и штампы в профессиональной педагогической речи // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. –

- №74-2. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-klishe-i-shtampy-v-professionalnoy-pedagogicheskoj-rechi> (дата обращения: 13.02.2024).
4. Кошкарлова Н.Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. – №3 (27). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnoe-izvinenie-vchera-segodnyazavtra> (дата обращения: 15.02.2024).
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
6. Чернейко Л.О., Исин Юй К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи // Вестник Башкирск. ун-та. – 2017. – №4. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-izviniya-v-bytovom-i-publichnom-tipah-rechi> (дата обращения: 16.02.2024).
7. Мизулина Е. Блогер Шарлот извинился за свои действия. – [Электронный ресурс] URL: https://t.me/ekaterina_mizulina/6107 (дата обращения: 07.02.2024).
8. Ивлеева А. – [Электронный ресурс] URL: <https://t.me/ivleeva360/5162> (дата обращения: 07.02.2024).

Vasyutina E.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Speech cliches in apology videos

This research aims to investigate the linguistic features of the functioning of such genre as apology video. These types of videos, which have been gaining popularity lately, are becoming ritualized. The author analyzes certain speech formulas chosen for a public act of apology. Monologues and dialogues recorded on camera are filled with number of repeating verbal formulas and cliches, and it is explained by various reasons. Sometimes speakers choose them to make their speech more accessible to the audience. Those cliches also become some sort of attribute of an apology act due to the standardization of the speech act itself and can also be selected "automatically" as a ready-made and most appropriate language tool. The article contains analyzes of two apology videos (dialogue and monologue ones) and examines some of their linguistic specificities.

Key words: speech cliches, speech stamps, apology videos, apology speech act.

Вахтина Алина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

alinavahtina@yandex.ru

Ирония как вид комического в сказках-пьесах Е.Л. Шварца

Работа выполнена под руководством Петриной Елены Капитоновны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются различные классификации видов иронии (Д.К. Мюкке, Р. Кройца и Р. Робертса, П. Симпсона, И.Б. Шатуновского, К.А. Воробьева) в сказках-пьесах Е.Л. Шварца «Дракон» и «Обыкновенное чудо». Раскрывается, что ирония является средством воплощения как комического, так и драматического и трагического.

Ключевые слова: Евгений Шварц; ирония; «Дракон»; «Обыкновенное чудо»

Евгений Львович Шварц – советский драматург и сказочник, автор известных пьес «Обыкновенное чудо», «Дракон», «Голый король». Отличительная черта его произведений – это особый авторский юмор. Автором «Республики Шкид», Алексеем Еремеевым, был предложен девиз: «Где Шварц — там смех и веселье!» [4, с. 500]. В сказках-пьесах Е.Л. Шварца можно обнаружить множество видов комического, особенно частотна ирония – «троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки» [3, с. 91].

Целью исследования являются выявление ироний в сказках-пьесах Е.Л. Шварца, создание их классификации и анализ.

Ирония является одним из главных видов комического, который активно изучается учёными. Например, Д.К. Мюкке, Р. Кройцем, И.Б. Шатуновским и многими другими. У каждого учёного были собственные классификации видов иронии, которые в большинстве случаев отличались друг от друга.

Например, Д.К. Мюкке считает, что ирония может быть без субъекта. Её классификация основана на разделении характеристики иронии на элементы: «наивности» или «несомневающегося незнания»; контраста действительной и мнимой реальности; комического; отстраненности; иронии в драматургии; эстетического [2, с. 177].

Например, элемент контраста обнаруживается в сказке-пьесе «Дракон»:

«Кот. Они ушли, и это крайне приятно.

Ланцелот. Ты их не любишь?

Кот. Люблю каждым волоском моего меха, и лапами, и усами, но им грозит огромное горе. Я отдыхаю душой, только когда они уходят со двора» [6, с. 263]. Пока Эльза и Шарлемань в опасности и понимают, что в скором времени девушке суждено умереть, Кот предпочитает умиротворение и покой. В репликах этого персонажа чаще всего встречается ирония.

Ирония с элементом отстранённости встречается в сказке-пьесе «Обыкновенное чудо»:

«Хозяин. Я думал, вы не такой. Не вежливый, не мягкий. А впрочем, это не важно! Чего-нибудь придумаем. Я всегда рад гостям.

Король. Но мы беспокойные гости!

Хозяин. Да это черт с ним! Дело не в этом... Садитесь, пожалуйста!

Король. Вы мне нравитесь, хозяин. (Усаживается.)

Хозяин. Фу-ты, черт! ...

Король. Я страшный человек!

Хозяин (радостно). Ну да?

Король. Очень страшный. Я тиран!

Хозяин. Ха-ха-ха!

Король. Деспот. А кроме того, я коварен, злопамятен, капризен.

Хозяин. Вот видишь? Что я тебе говорил, жена?» [6, с. 358]. Для данного типа иронии характерна некая театрализованность, так как герой со стороны наблюдает за объектами, над которыми иронизируют. Подобная функция характерна для конкретного персонажа пьесы – Хозяину, так как он был инициатором завязки произведения, руководил происходящим, но, в то же время, являлся скорее сторонним наблюдателем.

Р. Кройц и Р. Робертс предлагают четыре разновидности иронии: сократова ирония (говорящий притворяется несведущим в вопросах данной темы), драматическая ирония (адресат, к которому обращена ирония, не способен понять намерения говорящего), ситуативная, вербальная [7, с. 127-143]. Рассмотрим новые части классификации. Сократова ирония обнаруживается в пьесе-сказке «Обыкновенное чудо»:

«Хозяин. ...Что с тобой? Кто тебя посмел обидеть?

Хозяйка. Ты. Хозяин. Да не может быть! Ах я грубиян! Бедная женщина, грустная такая стоит, головой качает... Вот беда-то! Что же я, окаянный, наделал?» [6, с. 351].

В целом, диалоги Хозяина с женой – яркий пример этого типа, так как герой делает вид, что не понимает, о чём идёт речь:

«Хозяйка. Боже мой, как это грустно!

Хозяин. Вот здравствуйте! Опять не угодил... Почему?» [6, с. 356]. «Ну чего тут сердиться, не понимаю. Погода была хорошая, небо ясное...» [6, с. 355].

Драматическая ирония обнаруживается в сказке-пьесе «Дракон» в диалогах Ланцелота и Дракона:

«Дракон. Вы против меня, — следовательно, вы против войны?

Ланцелот. Что вы! Я воюю всю жизнь» [6, с. 274].

«Ланцелот. Но я безоружен!

Дракон. А вы хотите, чтобы я дал вам время вооружиться?» [6, с. 275]. Этот приём построен на противопоставлении антагониста и протагониста. Ланцелот, по имени которого

угадывается рыцарь из легенд о короле Артуре, однако сопоставить их нельзя. Герой Шварца аллегоричен, ведь совершаемые им подвиги и речи – крайне комичны. Дракон, в свою очередь, является полностью противоположностью: он говорит ёмко и без прикрас, а его образ позаимствован из мифов Юго-Восточной Азии. Благодаря этому противопоставлению появляется драматическая ирония.

Классификация иронии у П. Симпсона «эkleктична», так как включает в себя виды, обозначенные другими исследователями. Так, он выделяет: иронию «от противного» П. Грайса (основана на проблеме импликатур); эхо-иронию Д. Спербера и Уилсона (употребление слов, сказанных ранее); приращенную иронию (ироническая интерпретация не совпадает с первоначальным замыслом автора); ироническую веру в вымышленный текст (люди верят в вымышленную ситуацию, зная, что таковой на самом деле никогда не было) [8, с. 33-50].

Последний тип ярко представлен в пьесе «Дракон»:

«Бургомистр. ... А это кто? А, бургомистр?

Генрих. Сограждане наши помнят, что ровно год назад вы убили дракона. Прибежали поздравить» [6, с. 322]. Горожане наблюдали за боем Ланцелота и Дракона и видели, кто действительно убил антагониста, однако, боясь гнёта власти, готовы были поверить в несуществующий факт (поэтому здесь есть и сатирический подтекст). Этот же тип встречается в сцене с боем:

«Мальчик. Мама, от кого дракон удирает по всему небу?

Все. Тссс!

1-й горожанин. Он не удирает, мальчик, он маневрирует» [6, с. 309]. Здесь, как и в предыдущем примере, есть сатирический подтекст: горожане закрывают глаза на провалы со стороны власти.

Также этот тип был обнаружен в сказке-пьесе «Обыкновенное чудо»: «В таком случае – забудьте о моем наглом предложении. (Скороговоркой.) Считаю его безобразной ошибкой. Я крайне подлый человек. Раскаиваюсь, раскаиваюсь, прошу дать возможность загладить. Всё» [6, с. 373]. В этом отрывке Министр-администратор, боясь гнева Хозяина, пытался обелить себя и мнимо извиниться перед Хозяйкой. Безусловно, столь эгоистичный человек никогда не совершил бы доброго дела.

Эхо-ирония представлена в репликах Бургомистра: «Бургомистр. Поздравляю вас, у меня припадок каталепсии. (Застывает с горькой улыбкой на лице)...» [6, с. 279]; «Поздравляю вас, у меня зашел ум за разум. Ум! Ау! Отзовись! Выйди!» [6, с. 281]. Своеобразная анафора «поздравляю вас» создаёт комический эффект.

Однако в сказке-пьесе «Дракон» ирония является средством воплощения трагизма. Яркая проблема власти, раскрываемая при помощи сатиры, создаёт комический эффект, однако с негативным подтекстом.

И.Б. Шатуновский выделяет следующие виды иронии: конкретная коммуникативная пропозициональная ирония (реакция на действия, совершённые ранее); объективную (онтологическую) иронию; субъективную (эпистемическую) иронию; интерпретационную иронию; номинативную иронию; авторскую метаиронию; иллюкутивную иронию; общую иронию; шутки иронического типа [5, с. 346-369].

Первый вид обнаруживается в обеих сказках-пьесах:

«Медведь. ... Это прекрасная девушка. Простая и доверчивая, как... как... как я!

Принцесса. Вы? Вы хитрец, хвастун и болтун» [6, с. 391].

«Генрих. Заседание городского самоуправления закрылось? Умаялся?

Бургомистр. А ты как думаешь? За последние полчаса мне переменили три смирительные рубашки. (Зевает.)» [6, с. 283].

В первом случае коммуникативная пропозициональная ирония распространяется на пьесу в целом, так как подобная реакция Принцессы – это влияние ранее совершённых Медведем действий, а не конкретного диалога. Во втором – сатирическая ирония Шварца над никудышным представителем власти.

Авторская метаирония – это, например, выражение мнения персонажа в неподходящей ситуации. Например, в сказке-пьесе «Дракон»: «Ланцелот. Я человек до того легкий, что меня как пушинку носит по всему свету. И я очень легко вмешиваюсь в чужие дела. Но я жив до сих пор, потому что я не только легок как пушинка, а еще и упрям как осел» [6, с. 264]. Герой проникает в чужое жилище, однако в первую очередь начинает рассказывать Коту о себе. Похоже на эгоцентрическую черту. В «Обыкновенном чуде» этот вид иронии характерен для реплик Короля, когда тот рассказывает о себе:

«Хозяин. Значит, дядя виноват?

Король. Дядя, дядя, дядя! Нечего улыбаться! Я человек начитанный, совестливый. Другой свалил бы вину за свои подлости на товарищей, на начальство, на соседей, на жену. А я валю на предков, как на покойников. Им все равно, а мне полегче» [6, с. 360]. Подобная ирония гиперболизирует негативный образ этого персонажа, делая его более ужасным, ведь во всех его прегрешениях виноват кто-то другой.

К.А. Воробьева выделяет иронию от автора и иронию от персонажа [1, с. 5]. Отличие между этими типами заключается в следующем: ирония от персонажа – это его реакция на

определённые события, выраженная одной фразой. Ирония от автора – это фраза более сложной структуры, охватывающая текст в целом.

Один из примеров иронии от персонажа – это одна из финальных реплик Хозяина в «Обыкновенном чуде»:

«Хозяин: ...А ты что сделал из любви к девушке?

Медведь. Я отказался от нее.

Хозяин. Великолепный поступок» [6, с. 413]. Финальная реплика – это импульсивная реакция на запланированную героем «шалость».

Авторскую иронию с сатирическим подтекстом можно отметить в «Дракон»: «Ланцелот. Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придется убить дракона» [6, с. 346]. В данном отрывке герой – резонёр, который наряду с автором призывает к восстановлению справедливости, установке всесильной и полноправной власти, главенству честности в государстве.

Таким образом, в сказках-пьесах Е.Л. Шварца «Обыкновенное чудо» и «Дракон» представлено множество видов иронии как вида комического. Временами она сочетает в себе и другую фигуру – сатиру. Ирония выполняет несколько функций – комическую, драматическую и трагическую. Это объясняется глубоким постижением жизни, раскрытием в сказочных и бытовых образах диалектики человеческого поведения, которое воплощается в языковом разнообразии сказок-пьес Е.Л. Шварца.

Литература

1. Воробьева К.А. Лингвокультурологические и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2008. – 21 с.
2. Коленко О.В. Д.К. Мюкке "О природе иронии" // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – №6. – с. 177-179.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Москва : Просвещение, 1985. – 357 с.
4. Топоркова И.В. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 4. Евгений Шварц. – Москва: Эксмо-Маркет, 2005. – 512 с.
5. Шатуновский И.Б. Ирония и её виды// Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – Москва, 2007. – 728 с.
6. Шварц Е.Л. Обыкновенное чудо и другие пьесы. – Санкт-Петербург : Азбука, 2022. – 512 с.

7. Kreuz R. Asymmetries in the Use of Verbal Irony // Journal of Language and Social Psychology. – 2002. – Vol. 21 № 2. – P. 127-143.
8. Simpson P. "That's not Ironic, that's Just Stupid". Towards an Eclectic Account of the Discourse of Irony // The Pragmatics of Humour across Discourse Domains / Ed. by M. Dynel. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 33-50.

Vakhtina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Irony as a kind of comic in fairy tales-plays by E.L. Schwartz

The article discusses various classifications of types of irony (D.K. Mücke, R. Kreuz and R. Roberts, P. Simpson, I.B. Shatunovsky, K.A. Vorobyov) in E.L. Schwartz's fairy tales-plays "The Dragon" and "An Ordinary Miracle". It is shown that irony is a means of embodying both the comic and the dramatic and tragic.

Keywords: Evgeny Schwartz; irony; "Dragon"; "Ordinary miracle"

Вахтина Алина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

alinavakhtina@yandex.ru

Отражение особенностей южнорусского наречия в песнях группы

«Сектор Газа»

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны,

кандидата филологических наук, доцента.

В статье рассматриваются песни группы «Сектор Газа» с целью выявления особенностей южнорусского наречия восточной (рязанской) группы говоров, определяется их роль в творчестве музыкального коллектива.

Ключевые слова: «Сектор Газа», южнорусское наречие, восточная (рязанская) группа говоров, диалектизмы.

Территориальные разновидности языка формируются в древнейшие исторические эпохи и отражают контакты населения региона, особенности материальной и духовной культуры этноса, опыт познавательной деятельности человека [2, с. 9]. При этом речь жителей определенной местности обладает специфическим набором лексических, фонетических и грамматических признаков, что делает ее уникальной, отличает от других территориальных разновидностей русского языка.

Целью настоящего исследования является анализ диалектных особенностей восточной (рязанской) группы южнорусского наречия, которые нашли отражение в песнях группы «Сектор Газа».

Следует отметить, что «Сектор Газа» – рок-группа, основанная в 1987 г. в городе Воронеже и исполнявшая, по словам бессменного лидера Юрия Хоя (Клинских), «хард-панк-

жлоб-рок-джаз». Как указывается в одной из песен этой группы: *«Мы воронежские песни по-воронежски поём»*. Территория Воронежской области, согласно диалектологической карте 1965 г., относится к восточной (рязанской) группе говоров южнорусского наречия. Для этой группы характерны следующие черты в области гласных фонем: отсутствие перехода [e] в [o] перед твёрдыми согласными в отдельных словах [св'экър], [с'эстры]; наличие говоров с различием фонем [o] и [ô], [e] и [ê]; недиссимилятивное аканье, ассимилятивно-диссимилятивное яканье и умеренно-диссимилятивное яканье [3, с. 285]. Основные черты южнорусского наречия в области согласных проявляются в употреблении фрикативного [γ], мягкого конечного согласного [т'] в окончаниях глаголов 3 лица настоящего и будущего времени [п'и'шэт'], [п'и'шут'], в прогрессивном смягчении звука [к], например [Ва'н'к'я] и др. [3, с. 273].

В песне «Колхозный панк» представлено яканье: *«Я на гвоздь повешу лапти и надену свой пянджак, / И уеду я отседа на воронежский пятак / Ааай, ну и няхай!»*, *«Меня батька бьёт ухватом, а маманька бьёт мятлой»*. Как видим, в данном случае можно говорить о проявлении недиссимилятивного яканья, поскольку перед ударным гласным [а] в первом предударном слоге не наблюдается диссимиляции: «пянджа 'к», «нях 'й», «пята 'к». В этом тексте присутствуют и элементы диалектной лексической системы: лексико-фонетический диалектизм «пянджак», в котором наблюдается появление сонорного звука [н] перед группой согласных в структуре заимствованного слова; лексический диалектизм «няхай». Отметим, что слово «нехай», согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, восходит к малороссийскому наречию (от хаять?) и встречается в Смоленском, Курском, Нижегородском, Пермском, Тамбовском регионах: *«пусть, не тронь, незамай, не прети, дай волю»* [4].

В тексте этой песни *«Меня батька бьёт ухватом, а маманька бьёт мятлой»* присутствуют морфологические явления, характерные для южнорусского наречия: в личных окончаниях глаголов в форме 3 лица, единственного числа, настоящего времени представлен мягкий конечный согласный [т']: [бьётъ].

Фрикативный согласный [γ], отсутствующий в фонетическом строе русского литературного языка, встречается в песнях «Плуги-вуги» и «Патриот»: *«А ведь мы любим плугуи-вууи, / Мы любим плууи-вууи, / Мы любим плууи-вууи, Мы таскаем плууи-вууи каждый день!»*, *«Пусть «плууами» зовут нас уородские чуваки»*, *«Вот все уаварят: на Западе всё очень харашио»*, *«Пусть дороуо всё стоит, но всё наше, пацаны»* и др. Отметим, что подобная фонетическая особенность представлена не во всех текстах этой группы.

Для песен группы «Сектора Газа» также характерно обращение к фольклорным мотивам. Например, первая песня из альбома «Зловещие мертвецы» 1990 г. «Ой ты, травушка зелёная» по своей жанровой принадлежности близка к частушке. В первую очередь, на близость к жанру русского песенного фольклора указывает напевно-речитативный тип мелодики, неожиданность метафор и рифм, злободневность тематики, юмор: «*Я спросила: милый, чё, навалился на плечо? А я, милая, ничё, я влюбился горячо!*», «*Как на нашем сельсовете красный флаг алеет, / Как на нас, на молодежь, партия надеется...*» и др. С народной речью сближают и многочисленные междометия, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*Ой, ты, травушка зелёная, / Ой, ты, грудь моя ядрёная!*», «*Ой, вы брянские лесочки...*» и другие.

Следует обратить особое внимание на формы возвратных глаголов в текстах песен этой группы: «*По зелёной по траве выйду, разойдуся, / Свинофермой управляю – этим я горжуся*». В современном русском литературном языке употребление постфиксов -ся, -сь зависит от предшествующих звуков: -ся встречается после согласных (*учился*), а -сь – после гласных (*учись*). Однако в диалектной среде подобная дифференциация может отсутствовать, поэтому наиболее распространенным средством выражения возвратности в южных говорах является постфикс -ся [3, с. 168]. Можно предположить, что в этих строках автор предпочел употребить именно этот постфикс для возвратных глаголов «*разойдуся*», «*горжуся*», чтобы отразить особенности народной речи.

Флексии -ою, -ею у существительных и местоимений в творительном падеже, характерные для русской песенной и поэтической традиции, представлены в произведении «Без вина»: «*И на примере личном понял я, / Когда бродил с подругою своею: / Она хотела обнимать меня, / А я такой застенчивый был с нею*». Как видим, у местоимений *своею*, *с нею* представлена флексия -ею, у существительного «*с подругою*» – флексия -ою. По мнению исследователей, окончания -ею, -ою нетипичны для речи современного человека [1].

В припеве одной из песен интересна форма сказуемого, выраженного глаголом в форме 3 лица, единственного числа: «*Меня игла пронзит прямо в сердце, / Меня придавит насмерть колесо, / Косяк мне жгёт глаза, словно солнце, / И красный мак сотрёт меня в песок*». В современном русском языке форма глагола «*жгёт*» считается отклонением от нормы (как, например, «*садить*», «*ехай*» и т.п.), однако в этом случае, возможно, отразились черты устранения чередования согласных г//ж, восходящего к первому смягчению заднеязычных («*могу – могёт*» и т.п.).

Таким образом, можно заключить, что в песнях современной группы «Сектор Газа» фонетические, лексические, морфологические диалектные черты встретились в основном в

первых альбомах, в которых музыкальный коллектив идентифицировал себя с регионом, отражал в текстах песен особенности речи жителей Воронежской области. Наличие черт южнорусского говора позволило приблизить тексты песен к народной речи, познакомить слушателей с особенностями воронежского говора.

Литература

1. Лекции и практические занятия по русской диалектологии / Черенкова А.Д. – [Электронный ресурс] URL: <https://studfile.net/preview/9537022/page:25/> (дата обращения: 18.03.2024).
2. Мочалова Т.И. Русская диалектология: учеб.-метод. пособие. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 108 с.
3. Русская диалектология: Учеб. изд. – 3-е изд., испр. и доп. / С.В. Бромелей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова и др.; Под ред. Л.Л. Касаткина. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 304 с.
4. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В.И. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-p/3808> (дата обращения: 05.03.2024).

Vakhtina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Reflection of the peculiarities of the South Russian dialect in the songs of the band "Gaza Strip"

The article examines the songs of the Gaza Strip group in order to identify the features of the South Russian dialect of the eastern (Ryazan) dialect group, and determines their role in the work of the musical collective.

Keywords: "Gaza Strip", South Russian dialect, eastern (Ryazan) group of dialects, dialectisms.

Вельмякина Анастасия Витальевна

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

velmyakina.anastasya@yandex.ru

Специфика использования поэтических текстов в процессе обучения русскому языку как иностранному

Работа выполнена под руководством Александра Степановича Мамонтова, доктора
филологических наук

В данной статье мы рассматриваем особенности применения поэтической лексики при обучении русскому языку как иностранному. В частности, указываем на актуальность и значимость самой работы с поэтическими текстами и в наши дни, отмечаем важность включения поэтических текстов в практику. Указываем на

приобщенность к культуре, что способно развить и расширить лингвострановедческий кругозор у иностранцев, дать возможность ознакомиться с историей, традициями, обычаями, нравами, менталитетом другого народа, открыть возможность «диалога культур». Также отмечаем основные принципы отбора стихотворений, рассматриваем основные этапы работы с поэтическими текстами. В статье отмечается роль использования зрительного и музыкального сопровождения (презентации с иллюстрациями к тексту, портреты писателей и т.д.). При этом очень важно сформировать определённую атмосферу, которая располагает к восприятию текста, указываем на приёмы методического характера относительно работы с поэтическими текстами. К числу главных требований относительно заданий на формирование лексических навыков исследователи относят их когнитивную составляющую, которая помогает инофону самостоятельно выявить роль лексической единицы, а также учесть структурные отношения, парадигматические и синтагматические связи слова. В силу всего вышесказанного приходим к выводу, что эффективность и ценность поэтического текста при преподавании русского как иностранного велика и неоспорима.

Ключевые слова: поэтическая лексика, поэтический текст, иностранные студенты, русский как иностранный.

Прежде всего заметим, что сам процесс работы с поэтическими текстами является главенствующей составляющей при обучении русскому языку как иностранному, в частности, успех данного процесса продиктован несколькими аспектами. Так, например, применение поэтических текстов направлено на развитие и улучшение фонетических, лексических и грамматических навыков и умений, на расширение словарного запаса, на развитие языковой догадки.

В данном случае уместно назвать мнение Б.Я. Лебединской, которая считает следующее: «с поэтическим текстом в эффективности не может соперничать ни прозаический текст, ни самое рационально составленное упражнение, так как присущее стихам возвращение к одним и тем же элементам языка – повтор звуков, слов, частей предложений, целых предложений, ритм и рифма – позволяет использовать поэтический текст не только как запоминающуюся иллюстрацию языкового явления, но и как эффективное упражнение» [4, с. 65].

Важно, что в данном случае реализуется во всех видах речевой деятельности (чтении, аудировании, говорении, письме) достижение практической цели обучения, в том числе, развитие основных коммуникативных навыков.

Следующим аспектом выступает включение поэтических текстов в практику, что придаёт особую окраску творческому воображению, помогает более грамотно и чётко выражать и формулировать свои мысли, развивает память, побуждает мотивацию, интерес к изучению русского языка как иностранного. Напомним, что сам по себе поэтический жанр

наделён многогранным эмоциональным потенциалом, что способно обогатить внутренний мир, развить у него эстетику.

В качестве третьего аспекта отметим то, что поэтический текст, в частности, стихотворение, как, то или иное художественное произведение – это своего рода факт культуры, что способно развить и расширить лингвострановедческий кругозор у иностранцев, дать возможность ознакомиться с историей, традициями, обычаями, нравами, менталитетом другого народа, открыть возможность «диалога культур».

Четвёртым аспектом отметим лингводидактическую функцию поэтического текста, которая наделена универсальностью проблем. О.А. Барышева отмечает, «иностранный учащийся может услышать себя, услышать то, что важно для каждого человека вне зависимости от его национальности – услышать обращение к человеческой душе, её вечным нравственным ценностям, общим для всех людей» [1, с. 181].

В силу упомянутых критериев отметим основные принципы отбора стихотворений:

- доступность (наличие знакомой лексики, грамматических конструкций);
- небольшой объем (допускаются сокращения);
- уровень влияния на эмоциональную и мотивационную сферы;
- выбор тематики с учетом возрастных, социальных, национальных, гендерных, профессиональных особенностей состава аудитории;
- включенность поэтического материала в формат образовательного процесса;
- наличие практической ценности для развития всех видов речевой деятельности (аудирования, письма, говорения, чтения);
- формирования коммуникативной компетенции.

Анализируя структуру работы с поэтическими текстами, главным образом, отметим стадии данной работы, а именно:

1. краткая справка об авторе;
2. выполнение заданий, предваряющих работу со стихотворением (они должны быть направлены на снятие языковых трудностей, знакомство с новой лексикой, отработку произношения незнакомых слов и т.д.);
3. первичное прослушивание стихотворения (преподаватель сам выразительно читает стихотворение или использует запись);
4. работа над содержанием стихотворения;
5. выполнение коммуникативно-ориентированных упражнений (ответы на вопросы, обсуждение, анализ, оценка, дискуссия, создание собственного устного

монологического высказывания, выполнение творческого письменного задания по проблеме прочитанного текста).

Также весьма практичным приёмом является использование зрительного и музыкального сопровождения (презентации с иллюстрациями к тексту, портреты писателей и т.д.). При этом очень важно сформировать определённую атмосферу, которая располагает к восприятию текста. В данном случае уместно упомянуть мнение А.Е. Глебовой: «...преподаватель сам должен уметь задать некий поэтический настрой в группе за счет собственного отношения и умения его выразить, интонации, тональности, регистра, собственно способности работать в особом «поэтическом» ключе» [2, с. 54].

Ниже отметим приёмы методического характера относительно работы с поэтическими текстами. Преподаватели должны разрабатывать комплекс упражнений в соответствии с целями и задачами, при этом, технология и сложность заданий варьируются исходя из стадии обучения.

На первоначальном этапе обучения стихотворный материал зачастую применяют с целью отработки произношения, введения и закрепления лексического и грамматического материала. Старшекурсники, обладая достаточным уровнем владения иностранным языком (в том числе русским), уже способны дать оценку образным и идейно-художественным достоинствам литературных произведений, охарактеризовать их эстетическую значимость. Следовательно, на данной стадии обучения важно и верно было бы сделать акцент на коммуникативно-ориентированных упражнениях.

В процессе отработки фонетических навыков методисты рекомендуют особое внимание обратить на следующие аспекты: произношение гласных и согласных в различных фонетических позициях, а также в различных сочетаниях между собой при произношении различных грамматических форм, на слова со сложными моделями построения, ритмико-синтаксические клише, закономерности синтагматического членения и способы интонирования. При этом важно включать те или иные фонетические феномены в аналоговые ряды.

Приведём пример, в стихотворении И. Шаферана «Мы желаем счастья вам...» есть трудные в плане произношения для иностранцев слова «счастье», «кружится», «легче». Цель преподавателя не только выделить их в тексте, обратить внимание учащихся, но и привести ряд похожих слов «исчезнут», «улыбается», «мягче» и т.д.

К числу главных требований относительно заданий на формирование лексических навыков исследователи относят их когнитивную составляющую, которая помогает инофону самостоятельно выявить роль лексической единицы, а также учесть структурные отношения,

парадигматические и синтагматические связи слова. Особенно эффективными выступают упражнения, которые направлены на включенность лексической единицы в речевую цепь, определение ее тематической принадлежности (предмет, чувство, действие, характеристика и т.д.), подбор синонимических / антонимических / родственных рядов, смысловое «раскодирование» художественно-выразительных средств, репрезентирующих ментальные установки автора.

В заключении констатируем, что эффективность и ценность поэтического текста при преподавании русского как иностранного велика и неоспорима. Неслучайно стихотворные тексты принято именовать как «уникальный инструмент», «комплексный многоцелевой методический материал» [3, с. 103]. С ними могут быть осуществлены главенствующие ориентиры языкового образования (познавательное, коммуникативное, информативное, лингводидактическое, культурологическое), хотя успех и эффективность их применения главным образом зависит от выбора упражнений и верно организованной последовательности работы с ними.

Литература

1. Барышева О.А. Работа с поэтическим текстом на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере стихотворения А.Т. Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...») // Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018. – № 3 – С. 181–183.
2. Глебова Е.Н. Методика работы с поэтическими произведениями при обучении русскому языку как иностранному // Язык и текст langpsy.ru. – 2019. – Том 3. – №2. – С. 54–61.
3. Киндря Н.А. Использование стихов и песен на занятиях по фонетике русского языка // Современное педагогическое образование. 2018. – №1. – С. 103–106.
4. Лебединская Б.Я. Английская грамматика в стихах: пособие по английскому языку. М. : АСТ: Астрель, 2019. – 220 с.

Velmyakina A.V.

Pushkin State Russian Language Institute

The specifics of using poetic texts in the process of teaching Russian as a foreign language

In this article, we consider the features of the use of poetic vocabulary in teaching Russian as a foreign language. In particular, we point out the relevance and significance of the very work with poetic texts in our days, we note the importance of including poetic texts in practice. We point out the involvement in culture, which can develop and expand the linguistic and regional outlook of foreigners, provide an opportunity to get acquainted with the history, traditions, customs, mores, mentality of another people, open up the possibility of a “dialogue of cultures”. We also note the basic principles for the selection of poems, consider the main stages of work with poetic texts. The article notes the role of using visual and musical accompaniment (presentations with illustrations to the text, portraits of writers, etc.). At the

same time, it is very important to form a certain atmosphere that is conducive to the perception of the text; we point out methods of a methodological nature regarding work with poetic texts. Among the main requirements for tasks for the formation of lexical skills, researchers include their cognitive component, which helps the foreign language to independently identify the role of the lexical unit, as well as take into account the structural relationships, paradigmatic and syntagmatic connections of the word. In view of the foregoing, we come to the conclusion that the effectiveness and value of a poetic text in teaching Russian as a foreign language is great and undeniable.

Key words: poetic vocabulary, poetic text, foreign students, Russian as a foreign language.

Вельц Дарья Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

darya.velts@mail.ru

Образ птицы в поэзии А.С. Пушкина и И.А. Бродского

Работа выполнена под руководством Петриной Елены Капитоновны, кандидата филологических наук, доцента

В статье анализируется многообразие значений образа птицы в творчестве А.С. Пушкина и И.А. Бродского. Также положено начало компаративному анализу художественного мира вышеупомянутых поэтов на примере орнитологических образов как доказательств валидности сближения при сохранении идентичности, а также поиску преемственности значений и форм в творчестве И.А. Бродского.

Ключевые слова: метафора; образ птицы; А.С. Пушкин, И.А. Бродский.

Категории «свободы» и «несвободы» всегда были довольно значимыми темами, волнующими русских авторов от поэтов XVIII века, времени зарождения более оформленных размышлений о концепциях человеческого бытия («Свобода» Г.Р. Державин, «Невозможно быть довольным...» В.К. Тредиаковский и др.) до творцов времени общественных и политических перестроек XX и XXI вв. («Вступление в простуду» Б.А. Ахмадулина, «Любовь по-португальски» Е.А. Евтушенко, «Песенка о свободе» И.А. Бродский, «Как пел пропойца под моим окном!.. Б. Рыжий и др.). Данный концепт, конечно, многообразно и многообразно представлен сравнениями совершенного разного толка, однако преобладающее большинство поэтических и прозаических текстов опираются на орнитологические метафоры.

Заложенное ещё мифологическим сознанием восприятие птицы как объекта более свободного, чем человек, начало своё развитие как полноценное литературное «уравнение» ещё во времена написания «Слова о походе Игореве, Игоря, сына Святославова, внука Олегова», где Ярославна, взмолившись о спасении супруга, в том числе упоминает мысли о превращении в птицу: «...Обернусь я, бедная, кукушкой, // По Дунаю-речке полечу // И рукав с бобровую опушкой // Наклонясь, в Каяле омочу...» [7, с. 58]. В данном случае Ярославна-

кукушка имеет возможность «облететь» свет в поисках мужа, установить связь с силами природы, то есть ей доступно то, что недоступно несвободной Ярославне-земной женщине. В дальнейшем образ птицы как носителя абсолютной свободы неоднократно возникнет в русской литературе: «С поляны коршун поднялся...» Ф.И. Тютчева, «Желание» М.Ю. Лермонтова, «Узник» А.С. Пушкина, «Натэла из Цинандали» Б. Ахмадуллиной и др. Интересно, что парадигма человек-несвобода-птица/свобода – это единый мотив для всех поколений поэтов. Настоящее исследование мы посвятили образу птицы как символу свободы в поэзии А.С. Пушкина и И.А. Бродского, обозначив, что актуальность работы состоит, в том числе, в дальнейшем изучении другого наполнения привычного нам концепта, так как орнитологические метафоры нередко встречаются в поэзии обоих авторов в разных комбинациях.

Поэтическая связь А.С. Пушкина и И.А. Бродского неоспорима. Конечно, интертекстуальность, присущая текстам И.А. Бродского, позволяет им вбирать культурное наследие многих стран и веков, однако образы нередко базируются на произведениях А.С. Пушкина. Ю. Кристева писала: «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт выпитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [3, с. 256], однако влияние текстов друг на друга и прямая аллюзия на произведение разграничиваются по воле более современного автора, и в случае с И.А. Бродским, выстраивается настоящий «диалог». Так, например, «Я вас любил...» А.С. Пушкина трансформировано И.А. Бродским не просто как материал, форма или комплекс образов, а полноценная база суждений, на которое он находит контрсуждение: например, телесное/моральное («...чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды // коснуться — «бюст» зачеркиваю — уст!») и «...Я вас любил безмолвно, безнадежно, // То робостью, то ревностью томим...»), дьявольское/небесное («...Черт!.. как дай вам Бог другими — но не даст!..» и «...Как дай вам Бог любимой быть другим...») и т.д. [1, с. 55].

Другим примером связи художественных миров данных поэтов является стихотворение И.А. Бродского, посвященное Михаилу Барышникову, где описан балет. В романе в стихах «Евгений Онегин» мистерии театра посвящена не одна строфа, и главный герой, как, впрочем, и автор, «гражданин кулис» [4, с. 10], восхищается танцем: «...И, взвившись, занавес шумит. // Блистательна, полувоздушна... Стоит Истомина; она, // Одной ногой касаясь пола, // Другою медленно кружит, // И вдруг прыжок, и вдруг летит, // Летит, как пух от уст Эола; // То стан совет, то разовьет, // И быстрой ножкой ножку бьет...» [4, с. 11–12]. У Бродского же «...Усилие ноги и судорога торса // с вращением вокруг собственной оси // рождают тот полет, которого душа // как в девках заждалась, готовая

озлиться!..», «...красавица... // одним прыжком выпархивает в сад...», «...Классический балет! Искусство лучших дней!..» [1, с. 80] Предметное описание танца, восхищение им и атмосферой театра сближает произведения.

Подтвердив влияние художественного мира А.С. Пушкина на формирование художественного мира И.А. Бродского, мы можем сузить предмет сравнения до орнитологических метафор. Образ птицы встречается нередко у обоих поэтов: «Птичка», «Птичка божия не знает...», «Ворон к ворону летит...», «Узник» и др. у А.С. Пушкина и «Кулик», «Осенью из гнезда», «Что ты делаешь, птичка, на черной ветке...», «Осенний крик ястреба» и т.д. у И.А. Бродского.

Обратим внимание на образ ястреба в стихотворении «Осенний крик ястреба»: «Птицу поднимает стихия воздуха – поэта влечёт за собой стихия языка. Душераздирающий крик ястреба, «не/предназначенный ни для чьих ушей», есть не что иное, как «песнь современного поэта, обращённая в пустоту...», пишет исследователь А.Э. Скворцов [6, с. 114]. Птица, поднимаясь всё выше, кажется, воплощает мечту о полёте: «...*Но восходящий поток его поднимает вверх // выше и выше. В подбрюшных перьях // щиплет холодом...*» [1, с. 44]. Она свободна, она и есть воздух. Люди наблюдают за полётом из своих замкнутых пространств: «...*за счет пустоты в лице // ребенка, замершего у окна, // пары, вышедшей из машины, // женщины на крыльце...*» [1, с. 44], в то время как ястреб отдаляется от них, прерывает связь с миром человека, улетаая туда, где его не видно, а только перья летят вниз – он один, он – свобода. Однако ястреб всё же очеловечен: «...*он парит в голубом океане, сомкнувши клюв, // с прижатой к животу плюсною // — когти в кулак, точно пальцы рук — // чужа каждым пером поддув // снизу, сверкая в ответ глазою // ягодою, держа на Юг...*» [1, с. 43].

У А.С. Пушкина в «Узнике» та же пара: запертый человек и антропоморфная птица, однако роль наблюдателя отведена орлу. Он, в отличие от ястреба, сочувствует человеку и зовёт его с собой: «...*давай улетим...*» [4, с. 34], причисляя себя к роду узника: «...*мы вольные птицы...*». Как и в «Осеннем крике ястреба», свобода, доступная птице, манящая и иллюзорно близкая, недоступна человеку. В обоих стихотворениях также описан ветер как вспомогательная сила, облегчающая птице полёт: «...*где гуляем лишь ветер... да я!*» и «*Северозападный ветер его поднимает над // сизой, лиловой, пунцовой, алой // долиной Коннектикута...*» [1, с. 45].

Кроме пары свобода/несвобода авторы также раскрывают пару жизнь/смерть через образы птиц. В стихотворении И.А. Бродского «Диалог» вороны символизируют смерть, как и в стихотворении А.С. Пушкина «Ворон к ворону летит...». Необходимо добавить, что

И.А. Бродский в данном случае разграничивает понятие «птица» и «ворон», возвышая первое, наделяя светлой, позитивной коннотацией, и связывая со смертью и темнотой второе, противопоставляя их: «*Неужто он был вороной.*» *"Птицей, птицей он был."*» [1, с. 23]. Сюжет обоих стихотворений посвящён гибели героя, предвестники и свидетели которой – чёрные вороны: «*...В кронах, сказал я, в кронах // темные птицы кричат. // Слетают с небесных тронов // сотни его внучат <...> "Как ему там под землю."* // *"Так, что уже не встать <...>"*» [1, с. 23] и «*...Ворон! где б нам отобедать?.. Ворон ворону в ответ... В чистом поле под ракитой // Богатырь лежит убитый...*» [4, с. 36]. Таким образом, авторы раскрывают образ ворона как черной потусторонней силы, несущей гибель.

В ходе исследования были выявлены сходства и различия реализации концептуальных пар человек-несвобода/птица-свобода и жизнь/смерть, выраженные через орнитологические образы в поэзии А.С. Пушкина и И.А. Бродского. Дальнейшее исследование позволит выявить больше связей между творчеством поэтов и расширить толкования образов птиц в русской и мировой литературе.

Литература

1. Бродский И.А. Полное собрание сочинений в шести томах. – Т. 1. Стихотворения, 1814-1825.
2. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. – Москва, 2010. – 190 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967) // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. – Москва, 2000. – 428 с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Стихотворения, 1814–1825 / А.С. Пушкин ; под общ. ред. Д. Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина [и др.] ; вступ. ст. А.В. Луначарского ; ред. т. М.А. Цявловского. – Москва, Ленинград : Гос. изд-во, 1930. – 400 с.
5. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва, 2003. – 345 с.
6. Скворцов А.Э. Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика/Артём Скворцов. – Москва : ОГИ, 2015 – 528 с.
7. Слово о полку Игореве: (Древнерусский текст) / пер. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова // Древнерусская литература / сост. и коммент. С.Н. Травникова и Л.А. Ольшевской. – Москва, 2002. – 234 с.
8. Шатин Ю.В. Миф и символ как семиотические категории // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – 78 с.

Velts D.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The image of a bird in Alexander Pushkin's and Joseph Brodsky's poetry

The article is dedicated to the analysis of the diversity of meanings of the bird image in the works of Alexander Pushkin and Joseph Brodsky. Also the first steps of comparative analysis of the artistic world of the above-mentioned poets on the example of ornithological images as evidence of the validity of convergence while preserving identity, as well as the search for the continuity of meanings and forms in the work of Joseph Brodsky are taken.

Keywords: metaphor; bird image; Alexander Pushkin, Joseph Brodsky.

Ву Тхи Тхао

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

vuthithao1999tb@gmail.com

Графическая репрезентация лакун в произведениях А.С. Пушкина (на примере креолизованных текстов)

Работа выполнена под руководством Е.В. Рублёвой, кандидата филологических наук,
доцента

В статье говорится о том, как можно показать и объяснить лакуны в произведениях А.С. Пушкина (на примере креолизованных текстов) с помощью графической репрезентации. Графическая репрезентация представляет собой уникальный передачи информации с помощью визуализации – картинки, инфографику, пиктограммы, смайлики, символы и др. – формы предъявления обучающего материала. Как методический прием, креолизованный текст является не просто удобной формой представления необходимой учебной информации, но и совершенно новым способом её усвоения для преподавания РКИ иностранным учащимся.

Ключевые слова: графическая репрезентация, лакуны, креолизованный текст, визуализация, преподавание РКИ.

В настоящее время методы преподавания русского языка как иностранного активно пересматриваются и совершенствуются. Распространение и применение цифрового образования в методике преподавания языка даёт нам возможность наглядно показать и объяснить те явления, которых нет в родном языке студентов или же они трудно объяснимы в силу исторических причин (например: историзмы, архаизмы).

При изучении произведения А.С. Пушкина у иностранных студентов часто возникают некоторые проблемы в восприятии текстов, так как не все слова понимаются учащимися. Лексику, незнакомую для иностранных учащихся и не имеющую подходящего описания принято называть лакунами (безэквивалентная лексика). Множество лингвистов (Ю.С. Степанов, А.О. Иванов, И.В. Томашев, А. Вежбицкая, и другие) исследовали безэквивалентную единицу (лакуну) и показали, что лакуна – это «национально-специфические элементы культуры, нашедшие соответствующее отражение в языке

носителей этой культуры, которые либо полностью не понимаются, либо недопонимаются носителями иной культуры и языка в процессе коммуникации» [6, с. 49].

Чтобы объяснить значение таких слов иностранным учащимся можно использовать семантизацию (объяснение явления предметов быта через схожие вещи на родном языке учащегося). Или лучший и более простой способ иллюстрации – это визуализация (фотографии, картины, символы, комиксы, информационная графика, пиктограмма и так далее). Объяснение с помощью визуализации, наглядности называется графической репрезентацией. Работа с графической репрезентацией помогает нам объяснить искомое слово не в виде текста, а в виде наглядности, где могут быть задействованы все органы чувств, тактильность, осязание и обоняние, преподаватели переходят к визуализации. В виде визуализированного контента мы можем увидеть данные и лучше их запомнить, выявить причинно-следственные связи и облегчить их восприятие, сделать их самоочевидными. И это важно, когда мы работаем со студентами в дистанционном или смешанном форматах обучения.

Способ подачи обучающего материала на занятиях по русскому языку как иностранному с помощью наглядности может отнести:

- картины, рисунки, плакаты, фотографии;
- инфографика;
- схемы, диаграммы, чертежи, графики;
- комиксы;
- видеоскрайбинг, диафильмы;
- майндмэп (ментальные карты),
- подкастинг и др.

На наш взгляд, среди из них, инфографика является оптимальным соотношением текстового и мультимедийного контента, который можно предлагать для изучения иностранным учащимся при работе с определенными коммуникативными темами. И прежде, чем опишем принципы работы с инфографическим материалом на языковых занятиях, уточним терминологический аппарат.

В «Кратком словаре IT-терминов для специалистов по языковому образованию» [2, с. 28] дается следующее определение: «**Инфографика** (от лат. *informatio* – осведомление, разъяснение, изложение; и др.-греч. *γραφικός* – письменный, от осведомление, разъяснение, изложение *γράφω* – пишу)/ **infographic, information graphics**. Графический способ подачи информации, данных и знаний, позволяющий доступно, четко и структурированно представить необходимую информацию. И. представляет собой разновидность

креолизованного (смешанного) текста, сочетающего в себе данные в виде изображений (рисунков, фотографий, графиков, схем и др.) и тезисного изложения. И. способна не только организовать большие объемы информации, но и наглядно показать их соотношение предметов и фактов во времени и пространстве, причинно-следственную взаимосвязь. Особенность И. состоит в том, что она передает сообщение быстрее, чем текст, и может быть подробнее, чем стандартные иллюстрации, так как один качественно сделанный рисунок может заменить несколько страниц текста, благодаря своей детальности и точным эскизным комментариям. В настоящее время реализуются два основных типа И.: статическая и динамическая, включающая элементы интерактивности, анимации.

Инфографика является одним из важнейших инструментов *педагогического* и *информационного* дизайна, а также манипуляции общественным сознанием, поскольку предлагаемая для восприятия информация дается в виде готовых фактов, которые нужно просто усвоить, не ставится задача выработать собственную точку зрения.»

Инфографику можно отнести к текстам креолизованного характера, так как представленный в ней материал отвечает описанию, данному К.А. Роговой, – «... вербальная и иконическая (рисунок, фотография) части являются органическими составляющими креолизованного текста. Они образуют не сумму значений, а объединяются в сложно организованный смысл» [5, с. 55].

Креолизованный текст – это «особый лингвизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 71]. По мнению А.А Бернацкой, креолизация является «неотъемлемым свойством коммуникации» и «имеет выход в практику обучения родному и иностранному языку» [3, с. 109].

Учебные материалы на основе таких текстов становятся сегодня инновационной составляющей содержания обучения иноязычной коммуникации при изучении русского языка как иностранного, придают наглядность, позволяют доступно представлять и прочно усваивать сложную информацию, а также могут быть источником дополнительных знаний о предмете. Кроме того, с помощью вербальных и невербальных средств организации материалов преподаватель «направляет, регулирует и контролирует учебную деятельность учащихся по овладению иноязычными навыками и умениями» [4, с. 2].

Таким образом, в практике преподавании русского языка как иностранного может использоваться инфографику, чтобы объяснить явления, предметы быта не существовать в родном языке учащихся. Рассмотрим некоторые примеры лакун в произведениях «Сказка о

рыбаке и рыбке» и «Сказка о попе и о работнике его Балде» А.С. Пушкина, которые объяснены инфографикой:

Рис.1

Перед нами «классический пример наглядности», который может быть прочитан (в прямом смысле этого слова). Так как на данном рисунке присутствуют все смысловые дефиниции, необходимые для трансформации картинки в текст. С помощью рисунка можем описать:

«Это балалайка – известный инструмент в России. Этот музыкальный инструмент изготовлен из дерева и имеет три струны. Включает она в себя много элементов. Но самыми основными являются: гриф и струны. Форма этого инструмента– треугольник».

Рис. 2

Как и в первом примере, это также инфографика. Студенты будут легко наблюдать характеристики и структуру избы, а затем разъяснить и изложить текстом. Например:

«Изба» – деревянный жилой дом в сельской местности. Эта изба состоит из двух этажей, с красивым высоким крыльцом. Изба была построена из толстых бревен, которые соединялись между собой».

На примере работы с инофграфикой мы можем лучше объяснить лакуны в произведениях А.С. Пушкина. С соединением вербальной и невербальной (рисунки, фото, картинки и др.) части мы создаем креолизованный текст логически, что помогает изучающим русский язык улучшить обогащение большим количеством информации, её передачи и восприятия, оптимизация изображения в поисковых системах.

Можно сказать, что графическая репрезентация является эффективным способом подачи обучающего материала, не только помогает формировать у учащихся навыки наблюдательности и анализа, но и позволяет работать с аутентичной языковой информацией.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособ. для студ. фак. иностр. яз. вузов. Москва : Академия, 2003. – 128 с.
2. Белова Н.В. Краткий словарь IT-терминов для специалистов по языковому образованию / Белова Н.В., Рублева Е.В. – СПб. : Златоуст, 2017. – 68 с.
3. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение. Специализированный вестник. – 2000. – № 3 (11). – С. 104-110.
4. Кузнецова Е.Г. Средства креолизации учебных текстов в методике преподавания русского языка как иностранного. Журнал: Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 2. – 8 с.
5. Рогова К.А. Лингвистический аспект креолизованного текста: Ю. Рост «Групповой портрет на фоне века», Москва : Русский язык за рубежом. – 2012. – №3. – С. 54-61.
6. Томашева И.В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны // Язык и эмоции. – Волгоград : Перемена. – 1995. – С. 50-60.

Vu Thi Thao

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Graphic presentation of the gaps in the works of A.S. Pushkin (using the example of creolized text)

The article discusses how gaps in the works of A.S. Pushkin can be presented and explained (using examples of creolized texts) through graphic images. Graphic presentation is a unique way of conveying information using visual imagery – pictures, graphics, ideograms, emoticons, symbols, etc. – as means of presenting educational material. As a methodological tool, creolized text is not just a convenient form to present necessary educational information but also a completely new way to teach RFL (Russian as a Foreign Language) to foreign students.

Keywords: graphic presentation, gaps, creolized text, visualization, teaching RFL.

Вэнь Фэйфэй

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

2462347825@qq.com

Сопоставительный анализ метафоры в классической поэзии Ли Шан-инь и её переводах А. Ахматовой

Работа выполнена под руководством М.С. Миловановой, доктора филологических наук, профессора

В статье проводится сопоставительный анализ метафор в стихотворениях Ли Шан-инь и их переводах А. Ахматовой. Цель работы - проанализировать переводческие стратегии древнекитайских стихотворений, сравнить сходства и различия в значениях, подразумеваемых одними и теми же образами в русском и китайском языках, и таким образом усовершенствовать технику перевода метафор классической китайской поэзии. Кроме того, данная статья вносит определенный вклад в углубление исследований А. Ахматовой.

Ключевые слова: перевод метафор; китайская классическая поэзия; Ли Шан-инь; А. Ахматова

Метафора является неотъемлемой частью поэзии и играет чрезвычайно важную роль в создании и понимании поэтического смысла. Как Шу Динфанг в своей книге «Исследования по метафорологии» пишет, метафора – это жизненный принцип поэзии, главный текст и слава поэта [11, с. 121]. Древнекитайские поэты очень любили использовать метафоры в своих поэтических произведениях для создания определенного настроения. Одно из качеств китайской культуры - поэтизация, и эта поэтизация в значительной степени проявляется в широком использовании метафор [10, с. 5].

Метафора – это перенос (названия одного предмета на другой предмет), в результате которого у соответствующего слова или выражения, помимо его прямого значения, формировалось значение переносное [6, с. 146]. Шу Динфанг утверждает, что метафора – это не только лингвистический феномен, но и когнитивный феномен человеческих существ. Это когнитивная деятельность, в которой люди используют опыт в одной области для иллюстрации или понимания опыта в другой области [11, с. 106]. Поскольку существуют большие различия в религиозных верованиях, истории и культуре, географии и климате, жизненных привычках и так далее, концептуальные метафоры каждой нации содержат общность человеческой познавательной деятельности и в то же время имеют свои независимые национальные черты. Это создает трудности и большие проблемы при переводе метафор. Вопрос о том, как перевести метафоры в поэтических текстах, также стал актуальным для лингвистов и переводчиков.

Относительно перевода метафоры существуют различные точки зрения. Одни считают, что перевод авторской метафоры не представляет большой сложности, поскольку она содержит мало (или вообще не содержит) культурно-специфической информации [4, с. 135]. Другие лингвисты подвергают сомнению возможность эквивалентной передачи метафоры. Ю.П. Солодуб считает, что очень точное воспроизведение индивидуально-авторских метафор в стихотворных переводах – явление достаточно редкое, это прежде всего объясняется спецификой самой стихотворной речи, стремлением переводчика – сохранить, по крайней мере, внешние формы ее организации – передать размер стихотворения, его ритмическую структуру, особенности организации рифм. При более или менее близкой передаче формы поэтической речи ее содержание часто подвергается трансформациям, отдаляющим подлинник от перевода [6, с. 157]. П. Ньюмарк отмечает, что главная задача переводчика заключается не в том, чтобы дословно передать содержание художественного приема, а в том, чтобы сохранить его функции воздействия на читателя [7, с. 155].

П. Ньюмарк предлагает 7 стратегий метафорического перевода: воспроизведение того же образа в переводном тексте (далее – ПТ); 2) замена образа исходного языка (далее – ИЯ) на общеупотребительный образ в переводном языке (далее – ПЯ) (согласно культуре ПЯ); 3) передача метафоры посредством сравнения с сохранением образа исходного текста (далее – ИТ); 4) передача метафоры посредством сравнения с экспликацией смысла; 5) превращение метафоры в смысл (потеря явной метафоры); 6) стирание; 7) сохранение метафоры ИЯ с экспликацией смысла в ПТ [8, с. 105]. В данной статье мы будем анализировать вопрос русского перевода типичных метафор древнекитайской поэзии с точки зрения теории перевода метафор П. Ньюмарка.

Материалом для исследования послужили переводы А. Ахматовой древнекитайских стихотворений «Лэююань» и «Ночью в дождь пишу на север». Когда мы, китайские читатели, говорим об А. Ахматовой, мы часто произносим «луну русской поэзии». Однако китайские читатели упускают из виду другую личность поэта – прекрасного переводчика классических китайских стихов.

1. Стихотворение Ли Шан-инь «登乐游原» ‘Лэююань’

Это стихотворение давно стало знаменитым. Ли Шан-инь жил в конце правления династии Тан, когда состояние страны подходило к концу, и хотя у него были амбиции, он не смог их реализовать. Эта поэма отражает его печаль.

Таблица 1. Оригинал, подстрочный перевод, перевод А. Ахматовой стихотворения «登

乐游原» ‘Лэююань’

Ли Шан-инь	Подстрочный перевод	А.А. Ахматова
登乐游原	Лэююань	Лэююань
向晚意不适， 驱车登古原。 夕阳无限好， 只是近黄昏。	Ближе к вечеру скука в голове, Подъезд к Гуюань Закат бесконечно прекрасен, Только ближе к сумеркам.	День кончился, печаль в душе моей, На Гуюань я еду меж ветвей ... Вечерняя заря прекрасна, Но сумрак все становится черней. [3, с. 275]

黄昏‘сумерки’: В китайской культуре образы сумерек символизируют заходящее солнце и означают старение и конец жизни. В этом стихотворении сумерки также являются политической метафорой, подразумевая династию, переживающую упадок.

Строка «夕阳无限好，只是近黄昏» ‘Вечерняя заря прекрасна, но сумрак все становится черней’ всегда рассматривалась как сетование поэта на скорый упадок процветающей империи Тан. Поздний период династии Тан, в котором жил Ли Шан-инь, всегда сопровождался ощущением упадка после предельной роскоши, поэтому это стихотворение интерпретируется как сетования Ли Шан-инь на империю Тан.

В своем переводе А. Ахматова не акцентирует внимание на политических метафорах. Она больше сосредоточена на значении первой метафоры – преходящести человеческой жизни. А. Ахматова добавляет в свой перевод цветовую метафору «черный». Интересно отметить, что в своей поэзии А. Ахматова часто использовала эпитет «черный» при описании мира природы. Кажется, из всех цветов радуги А. Ахматова предпочитала белый и черный цвета. Все это – отражение беспокойного внутреннего мира, тревожного, мятежного, живущего почти в постоянном страхе. Безусловно, подобный мрачный взгляд на жизнь, упадочнические мотивы, склонность к негативу, сниженный эмоциональный фон можно объяснить характером эпохи, сложностями времени, драматичной личной судьбой [5, с. 166]. Ей пришлось пережить много трудностей и горя в любимой стране.

Это очень похоже на жизненный опыт Ли Шан-инь. Ли Шан-инь всю жизнь переживал большие страдания. В его поэзии сильно ощущается время, его стихи выражают боль, отчаяние и борьбу того времени. Как в русской, так и в китайской лингвокультурах черный

цвет символизирует пессимизм, невезение, несчастье, безнадежность. Таким образом, метафора, которую А. Ахматова добавляет в перевод, очень хорошо вписывается в настроение, выраженное в стихотворении.

2. Стихотворение Ли Шан-инь «夜雨寄北» ‘Ночью в дождь пишу на север’

Таблица 2. Оригинал, подстрочный перевод, перевод А. Ахматовой стихотворения «夜雨寄北» ‘Ночью в дождь пишу на север’

Ли Шан-инь	Подстрочный перевод	А.А. Ахматова
夜雨寄北	Ночью в дождь пишу на север	Ночью в дождь пишу на север
君问归期未有期， 巴山夜雨涨秋池。 何当共剪西窗烛， 却话巴山夜雨时。	Ты просила меня о свидании дома, я еще не определился с датой, Ночной дождь на горе Башан Поднимается в осеннем бассейне пруде. Когда же мы сможем вместе обрезать фитили под западным окном, И поговорить о том, что мы чувствовали в дождливые ночи в Башане.	Спросила ты меня о том, Когда вернусь к любимой в дом. Не знаю сам. Пруды в горах Ночным наполнились дождем... Когда же вместе мы зажжем Светильник на окне твоём, О черной ночи говоря И горном крае под дождем? [2, с. 268]

В этом стихотворении мы встретим множество метафор:

巴山 ‘гора Башань’: предполагает отдаленность от дома и опасное путешествие домой.

Башань – это гора, расположенная на юго-западе Китая, и перевод А. Ахматовой «巴山» ‘гора Башань’ как «горы» сохраняет смысл, заложенный в образе «горы» в оригинале, избегая при этом длинного и сложного перевода. В оригинале стихотворения не указано количество гор, но А. Ахматова использует форму множественного числа гор, чтобы подчеркнуть трудность пути домой.

夜 ‘ночь’: предполагает темноту. При переводе образа «夜» ‘ночь’ А. Ахматова использует стратегию воспроизведения того же образа в переводном тексте. И в русской, и в китайской лингвокультурах ночь – это метафора темноты и страдания, поэтому дословный перевод может максимально сохранить настроение оригинала и не вызовет препятствий для понимания русскими читателями.

雨‘дождь’: указывает на погоду; «ночной дождь» связывается с названием стихотворения. В китайской языковой картине мира образ «дождь» часто появляется вместе с «опасностью» и «темнотой», подразумевая некую неконтролируемую внешнюю силу. Чтобы сохранить образность стихотворения, А. Ахматова здесь использует стратегию дословного перевода.

秋‘осень’: осень означает процесс жизни в природе, идущий от силы к силе, и часто используется для символизации печали и грусти в древней китайской литературе. Здесь А. Ахматова выбирает стратегию стирания – не переводит образ «осень». Если посмотреть на весь текст перевода, то можно заметить, что опущение образа «осень» не слишком изменит настроение оригинала, а также сделает стихотворение более лаконичным и красивым.

剪烛‘обрезать свечу’: отрезать обгоревший фитиль, чтобы свет стал ярче. При переводе образа «剪烛» ‘обрезать свечу’ А. Ахматова выбирает стратегию замены образа исходного языка на общеупотребительный образ в переводном языке. В китайской лингвокультуре «剪烛» ‘обрезать свечу’ означает долгий разговор при свечах поздно ночью, и обычно используется для описания чувства тоски пары или друзей. В русском языке такого употребления нет, и если использовать дословный перевод, это может вызвать трудности в понимании у русских читателей. Выражение «зажжем светильник» легче воспринимается и понимается русскими читателями, поскольку напоминает читателю уютную картину двух людей, беседующих в теплой обстановке после зажигания светильника.

西窗‘западное окно’: Упоминание об окнах вызывает в памяти образы внутренних пространств, которые создают ощущение безопасности, знакомости и домашнего уюта. Замена слова «западное окно» на «окно» сохраняет этот смысл. На самом деле в Китае практически не обсуждалось архитектурное или культурное значение «западного окна», таким образом перевод А. Ахматовой не искажает первоначального культурного смысла стихотворения.

蜡烛‘свеча’: Стоит отметить, что в творчестве А. Ахматовой очень часто присутствует образ свечи. Для нее свеча является не бытовой предметной деталью, а символом. В раннем ее творчестве свеча – это символ переживаний, волнений и одновременно маленькой, очень хрупкой надежды, например: *Только в спальне горели свечи, равнодушно-желтым огнем.* «Песня последней встречи» [1, с. 78]. А. Ахматова перевела 蜡烛‘свеча’ как «светильник». На

мой взгляд, это связано с тем, что в русской лингвокультуре слово «свеча» имеет сильное религиозное значение, и перевод его как «светильник» позволяет избежать непонимания со стороны русских читателей. И свеча, и светильник представляют собой свет и символизируют надежду. Таким образом, выбранная А. Ахматовой стратегия в данном случае – замена образа исходного языка на общеупотребительный образ в переводном языке – вполне логична.

Исследование метафор в стихотворениях Ли Шан-инь и их переводах А. Ахматовой позволило сделать следующие выводы:

1) древнекитайская поэзия содержит большое количество метафор, которые наделены богатым культурным подтекстом, а различия между китайской и русской культурами создают препятствия для перевода поэзии;

2) стратегии перевода метафор в целом можно разделить на две основные категории: стратегия сохранения и стратегия изменения метафор;

3) поэтическое творчество А. Ахматовой и ее собственный жизненный опыт оказали большое влияние на ее переводы. Будучи поэтом той же злосчастной судьбы, она смогла сопереживать поэту Ли Шан-инь, а значит, лучше оценить и понять эмоции, выраженные в стихах.

Кроме того, А. Ахматова проявляла живой интерес к китайской культуре, которую сама прекрасно знала. Именно поэтому ее переводы могут стать классикой. В заключение следует подчеркнуть, что переводчик должен стараться как можно точнее понять метафору оригинального стихотворения и как можно точнее передать ее смысл. Это требует от переводчика глубокого знания китайской и русской культур, выбора подходящего метода перевода, и максимального сохранения исторических и культурных образов, заложенных в стихотворении. Таким образом, можно обеспечить более широкое распространение классической китайской поэзии и способствовать культурному обмену между Китаем и Россией.

Литература

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1904-1941/Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. – Москва : Эмис Лак, 1998. – 968 с.
2. Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Стихотворения. 1959-1966/Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. –Москва : Эмис Лак, 1999. – 528 с.
3. Ахматова А.А. Собр. соч. Т. 8. Дополнительный. Переводы 1950-1960-е годы / А.А. Ахматова; сост. подгот. текста, коммент. ст. Н.В. Королевой. – Москва : Эллис. Лак, 2005. – 453 с.

4. Глазунова О.Н. Логика метафорических преобразований. – СПб: Филологический факультет // Государственный университет, 2002. – С. 124-156.
5. Рыжкова-Гришина Л.В. Черно-белая натурфилософия и психологизм творчества А.А. Ахматовой / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. – № 1-2. – С. 163–167.
6. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: Учеб. Пособие для студ. лингв. Фак. Высш. Учеб. Заведений / Ю.П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
7. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 1981. – 213 p.
8. Newmark P. A Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – 292 p.
9. 曹原, 林艳. 论认知视角下诗歌建构中的象似性和隐喻性——以李商隐《夜雨寄北》为例[J]. 湖南: 湖南工业大学学报(社会科学版), 2018年12月, 109-115. [Цао Юань, Линь Янь. О живописности и метафоричности в построении поэзии в когнитивной перспективе – на примере стихотворения Ли Шаньинь "Посылаю на север ночной дождь"[J]. Хунань: Журнал Хунаньского технологического университета (издание по общественным наукам), декабрь 2018. – С. 109-115.].
10. 季广茂. 隐喻视野中的诗性传统[M]. 北京: 高等教育出版社, 1998. – 200. [Цзи Гуанмао. Поэтическая традиция в видении метафоры [M]. Пекин: Издательство высшего образования, 1998. – 200 с.].
11. 束定芳. 隐喻学研究[M]. 上海: 上海外语教育出版社. 2000. – 267. [Шуан Динфанг. Исследование метафор [M]. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство иностранных языков. 2000. – 267 с.].

Wen F.

Pushkin State Institute of Russian Language

Comparative analysis of metaphor in the classical poetry of Li Shang-yin and its translations by A. Akhmatova

The article provides a comparative analysis of metaphors in Li Shang-yin's poems and their translations by A. Akhmatova. The aim of the paper is to analyse the translation strategies of ancient Chinese poems, to compare similarities and differences in the meanings implied by the same images in Russian and Chinese, and thus to improve the technique of translating metaphors of classical Chinese poetry. In addition, this paper makes a certain contribution to deepen the research on A. Akhmatova.

Keywords: metaphor translation; Chinese classical poetry; Li Shang-yin; A. Akhmatova

Гвоздарева Ирина Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

Irina.gvozd@bk.ru

Символизация города в произведениях А.С. Пушкина

Работа выполнена под руководством Владимира Ильича Карасика, доктора филологических наук, профессора

Статья посвящена символизации города в произведениях А.С. Пушкина. За основу исследования были взяты стихотворения и романы писателя. Изучение городского пейзажа в тексте даёт возможность выделить особые символические значения лексемы «город» в произведениях. В теоретической части приведены определения лингвистических терминов «концепт», «художественный концепт». В ходе исследования был проведён анализ произведений и выявлены основные символические значения города в произведениях А.С. Пушкина.

Ключевые слова: концепт, город, символизация, А.С. Пушкин, литературный концепт

Неотъемлемой и важной частью любого художественного произведения является описание городского пейзажа. Здания, улицы города, в котором происходят основные события, становятся декорациями, где главные герои совершают важные поступки, размышляют и осознают истины, затем передавая их читателю. Целью данной статьи является определения основных символических значений города в произведениях великого русского писателя Александра Сергеевича Пушкина и влияния городского пейзажа в тексте на повествование в целом.

Исследование описания города в художественном тексте, создание городского пейзажа в произведениях русских и зарубежных писателей невозможно без понимания сущности концепта «город». Разработка теории концептов в лингвистике активно ведётся в современной науке о языке, развиваясь в важнейших направлениях – лингвокогнитивном и лингвокультурологическом. В современной когнитивной лингвистике понятие «концепт» может рассматриваться по-разному. Если опираться на научные труды В.И. Карасика, «Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 59]. Действительно, каждый человек понимает определенный концепт по-своему, обычно это понимание закладывается обществом, в котором находится конкретный человек, будь то принадлежность к определенному народу или религии. Одна и та же лексема может иметь разное значение для определенного человека. Отдельно выделяются литературные концепты, которые также были широко изучены. В своей работе «Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения» Н.В. Володина ввела отдельное определение для литературных концептов: «концепт – это смысловая структура, воплощенная в устойчивых

образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [3, с. 19].

Исследование городского пейзажа как в художественной литературе, так и в других жанрах невозможно без понимания самого концепта «город». В разных текстах понятийная сфера «город» имеет различные метафорические модели. Город представляется и как место перемен, символ движения, активной городской жизни. Как пишет в своем исследовании Н.А. Белова: «Город в самых разных культурах воспринимается как точка пересечения дорог, торговых путей, как некий центр, объединяющий окружающее его пространство не только в географическом, но и в метафизическом смысле. Город является отражением модели мира, воссозданием Града Небесного» [1, с. 87].

В своей статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» Ю.М. Лотман выделяет следующие типы городов в художественных текстах: город концентрического и город эксцентрического типа. Город эксцентрического типа находится далеко от культурного центра, обычно является уединенным местом, куда сложно добраться, где обитает особенная энергетика, которую невозможно получить в шумных столицах. «Это город, созданный вопреки природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря.» [5, с. 30].

С другой стороны, города концентрического типа представляет собой место притяжения, куда стремятся люди с окраин. Он олицетворяет государство в целом и порождает вокруг себя большое количество мифов, которые, в свою очередь, создают культуру всей страны. «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это «вечный город» [5, с. 30].

Пример городского текста можно увидеть в произведениях А.С. Пушкина. Действия в его произведениях всегда происходят в городе, он показывает влияние погоды, природы, времени суток на поступки персонажей. Здания и знакомые всем улицы становятся

декорациями к действиям главных героев. Он не скрывает названия заведений, улиц, мостов и каналов, что дает читателю возможность еще больше проникнуться историей и внутренним миром персонажей, ведь действия происходят в местах, знакомым многим.

Одним из главных городов в текстах Александра Сергеевича Пушкина является Санкт-Петербург. Именно в Петербурге берут начало действия практически всех его романов. С этим местом связана судьба и жизнь самого писателя, его юность и зрелые годы. Свою огромную любовь к городу на Неве А.С. Пушкина выражал и в своих стихотворениях, где всячески воспевал любимые места. Согласно классификации Ю.М. Лотмана Санкт-Петербург можно отнести к эксцентрическому типу городов. В произведениях многих писателей город ассоциируется с философскими мыслями, литературные персонажи, живущими в этом городе часто думают об обреченности человеческого бытия, часто в произведениях рассказывается о проблемах их жизни, их душевном состоянии.

В своей работе «Память в языке и культуре» Н.Г. Брагина пишет: «человек видит что-то, что отсылает его к образу, который хранится в памяти. Происходит превращение вещи в памятную вещь. Памятная вещь всё время вызывает воспоминания о ком-нибудь или о чём-нибудь» [2, с. 39]. Так и город способен отражать память о чем-либо. В отличие от человека, которому отведено не так много времени, городские стены примут еще не одно поколение и будут также вдохновлять жителей своими зданиями, просторными улицами и узенькими переулками, хранящими в себе воспоминания о многовековой истории города. Здесь всегда найдутся отголоски жителей, ранее проживающих здесь, вымышленных персонажей, с которыми связано то или иное место в городе.

Многие произведения А.С. Пушкин посвящает своей учебе в лицее в Царском селе, где он провел свою юность, обрел важнейшие знакомства. Обратимся к строкам из произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

*«Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невею
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы*

*Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой...» [6, с. 42]*

В этих строках Петербург символизирует увековечивание памяти. Город становится своеобразным хранилищем, где можно найти воспоминания о значимых событиях жизни: первой любви, первым наивным мечтам, которые так хотелось воплотить. Город предстаёт перед нами живым рассказчиком, который своими разговорами способен пробудить в душе нежные чувства, связанные с трепетным воспоминаниями. Человек, окунувшийся в воспоминания сравнивается с колодником, который перенесен в зеленый лес из тюрьмы. Словно глоток свежего воздуха ощущается прилив воспоминаний о юных годах.

В стихотворении А.С. Пушкина «Царское село» автор также обращается к городу как к хранителю воспоминаний». Он является своеобразным проводником в прошлую жизнь. Каждая улочка, каждое здание в этом городе напоминает ему о светлых событиях юности, которую он провел, обучаясь в лицее в Царском селе.

*«...Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волишебные места, где я живу душой...» [8, с. 32]*

Городской пейзаж, дома словно узелки на память или старые письма хранят в себе огромное количество воспоминаний о прожитых годах.

Петербург становится также символом активной городской жизни и самих жителей, он засыпает и просыпается вместе с горожанами.

*«А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик...»*

Сам город становится в один ряд с его жителями, просыпается и засыпает вместе с ними, он представлен как отдельный персонаж, взаимодействующий с главными персонажами и наблюдающий за всеми действиями. В этом отрывке можно заметить олицетворение города, ему приписываются действия жителей, с их утренней суетой.

В каждом произведении Петербург меняет свой образ, выставляя новые декорации для раскрытия персонажей. Обратимся к одному из известнейших произведений А.С. Пушкина – «Пиковая дама».

Петербург в произведении А.С. Пушкина «Пиковая дама» становится своеобразным символом мистицизма и загадки, разгадав которую можно достичь всего желаемого. Город заставляет отбросить принципы, переступить черту, чтобы прийти к своей цели не смотря не на что. В этом городе все стремятся перехитрить или обмануть в целях получения собственной выгоды. Главный герой произведения – Германн – жаждет быстрых денег, и выбирает самый легкий на первый взгляд способ их получить. Здесь живут люди богатые, им доступны секреты, которые скрыты от обычных людей далеких от безмятежной жизни богатых и влиятельных людей. Как и во многих произведениях, жители города поделены на тех, кто буквально вынужден выживать и тех, кто уже добился многого, чья жизнь является поводом для зависти. Они проводят дни за игрой в карты или на вечерах у знатных персон. И, конечно, все хотят знать секрет их вечной праздной жизни, прикоснуться к разгадке этой тайны.

Исследователи отмечают, что Петербург, описанный в произведении А.С. Пушкина «Пиковая дама» кроет в себе новый образ города, который был впервые явлен в литературе. Петербург в этом произведении наполнен безумием, жаждой денег и власти, сопровождаемыми нелепостью и повсеместной ложью во благо себе и своим идеалам. Он также кроет в себе веру в сверхъестественное, причастие к потустороннему миру и даже участие магии и жизни людей. Словно туман такая атмосфера окутывает город на протяжении всего повествования, заставляя персонажей решаться на безумные поступки и преступление через свои идеалы. Петербург кроет множество тайн и загадок, которые, кажется, не поддаются объяснению.

Из всего сказанного выше, можно сделать вывод, что образ города выполняет важную функцию в тексте. В каждом произведении А.С. Пушкин городское пространство не только выступает декорацией к происходящему, но и становится ярким символом, поддерживающим главную идею всего повествования. Он меняется в зависимости от настроения персонажей, а иногда и сам занимает место главного героя, выражает эмоции, показывает свою реакцию на то или иное событие.

Литература:

1. Белова Н.А. Концепт «Город» в современном литературоведении // Вестник ЮГУ. – 2012. – №1 (24).
2. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
3. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения [Текст] / Н.В. Володина. – Москва : Флинта, Наука, 2010. – 256 с.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам XVIII. – Тарту, 1984. – 142 с.
6. Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах; Поэмы; Драмы; Сказки / А.С. Пушкина. – Москва : Эксмо, 2011. – 640 с.
7. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина: В 2 т. Т. 1-2. – Санкт-Петербург : А.А. Каспари, 1903. – 2 т. – 612 с.
8. Царское село в поэзии: [сборник стихотворений] // ред. Н.О. Лернера. – Санкт-Петербург : Парфенон, 1922. – 56 с.

Gvozdarova I.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Symbolization of the city in the works of A.S. Pushkin

The article is devoted to the symbolization of the city in the works of A.S. Pushkin. The research was based on the poems and novels of the writer. The study of the urban landscape in the text makes it possible to highlight the special symbolic meanings of the lexeme «city» in the works. The theoretical part contains definitions of the linguistic terms «concept» and «artistic concept». The study analyzed the works and identified the main symbolic meanings of the city in the works of A.S. Pushkin.

Keywords: concept, city, symbolization, A.S. Pushkin, literary concept

Гинкул Валерий Вадимович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

aragog2003@gmail.com

Синтез славянского и европейского фольклора в цикле «Ведьмак»

Анджея Сапковского

Работа выполнена под руководством Дмитрия Николаевича Фатеева, кандидата
филологических наук, доцента

В статье проводится исследование специфики переработки мифологических и сказочных элементов в «Саге о Ведьмаке» Анджея Сапковского. Исследуются славянские и европейские элементы фольклора и их изображение в тексте произведения.

Ключевые слова: фольклор, сказки, фэнтези, А. Сапковский, «Сага о ведьмаке», жанры фэнтези, Артуриана.

В момент выхода первых книг из цикла про путешествия Геральта из Ривии посвященным им исследования разделились на две группы: в польских научных трудах «Ведьмак» выступал как новаторский и прорывной труд в области славянского фэнтези, в

других книги о Геральте воспринимались как представители классического европейского фэнтези, основанного на сюжете рыцарских романов, особенно на артуриане [5, с. 110]. В предложенной статье рассмотрены европейские и славянские элементы фольклора, и на их основе дана попытка предоставить комплексный анализ жанрового многообразия «Саги о Ведьмаке».

Прежде всего нужно определиться с ведущим жанром всего цикла. Мы, несомненно, можем причислить «Сагу о Ведьмаке» к жанру фэнтези по нескольким причинам. Однако сначала необходимо дать определение этому жанру. Существует достаточно много подходов к его описанию. Термин «фэнтези» в широком смысле подразумевается как «литература, в пространстве которой возникает эффект чудесного; в ней присутствуют в качестве основного и неустраняемого элемента сверхъестественные или невозможные миры, персонажи и объекты, с которыми герои и читатель оказываются в более или менее тесных отношениях» [1, с. 78-79]. Основной пласт российских исследований по теме фэнтези приходится на период конца XX века – начала XXI. Это связано с тем, что во время существования СССР писатели и филологи намеренно избегали упоминания этого жанра, признавая только научную фантастику как высший этап развития фантастической прозы [1, с. 79]. Фэнтези в тот период относили к юмористической или к сатирической фантастике. Поэтому на данный момент существует множество терминов и классификаций этого жанра.

Возвращаясь к вопросу о признаках фэнтези, отметим, что его основополагающей чертой является наличие «иррациональных декораций», которые позволяют автору создавать собственный мир, не обязательно подвластный существующим законам. Этот факт предоставляет возможность сфокусироваться писателям на создании более экзотических и непривычных условий для персонажей, не заботясь об «иллюзии достоверности», что мы и наблюдаем в творчестве Сапковского. При этом нельзя утверждать, что ситуации, задаваемые фэнтези, нельзя логически осмыслить – в этом случае объяснения будут носить, скорее, сверхъестественный характер. Писатель пытается выдать выдуманную реальность за истинную. В статье «Фантастика. Общий курс» Константин Мзареулов, советский и российский писатель и фантаст, пишет: «Отличительной чертой фэнтези можно считать пронизывающее это жанровое направление ощущение, что человек способен управлять сверхъестественными силами и существами» [6, с. 55]. Эта черта также доказывает жанровую принадлежность исследуемого произведения. Елена Ковтун, российский литературовед, доктор филологических наук и фантастолог, пишет, что фэнтези «развивается в тесном контакте с литературной волшебной сказкой и мифом» [2, с. 90]. Этому же принципу следует и «Сага о Ведьмаке» Анджея Сапковского.

Непрерывно стоит отметить, что сам жанр фэнтези делится на определённые составляющие. При этом у отечественных фантастоведов, как уже было упомянуто, нет для этого единой классификации. Самую полную предоставила Елена Афанасьева, российский историк, в статье «Жанр фэнтези: проблемы классификации»:

1) По сюжетно-тематическому признаку: эпическое, романтическое, мистическое, «чёрное», мифологическое фэнтези [1, с. 89-90].

2) По национальной специфике: монгольское, славянское, китайское и т. д. [1, с. 90].

3) По времени, в котором разворачиваются события: фэнтези далёкого времени, городское (действия происходят в современном мире) и историческое или псевдоисторическое фэнтези [1, с. 90].

4) По характеру оценки (положительной или отрицательной): юмористическое, героическое фэнтези [1, с. 91].

5) По мировоззренческому началу: христианское или сакральное фэнтези, техномагия (science fantasy), «философский боевик» [1, с. 91].

6) По адресату: детское фэнтези [1, с. 92].

По классификации Елены Ковтун выделяются: мистико-философское фэнтези (где фэнтези посылка определяет суть и смысл повествования), метафорическое фэнтези (где фэнтези посылка является сосредоточением всего чудесного в реальности), чёрное фэнтези (где «истинная реальность» предстаёт в зловещей ипостаси) и героическое фэнтези (где элемент необычного лишь декорация, для разворачиваемых приключений) [1, с. 118-120].

При таком множестве классификаций возникает вопрос: «К какому жанру фэнтези можно отнести «Сагу о Ведьмаке»? Произведение Анджея Сапковского, согласно предложенным исследованиям, сочетает в себе черты «героического» фэнтези или фэнтези «меча и волшебства» и псевдоисторического фэнтези (действие происходит в условном Средневековье), но при этом относится к жанру «тёмного» или «ужасного» фэнтези из-за переосмысления сказочных произведений с ярко выделяющейся атмосферой ужаса [9, с. 282]. Кроме этого, «Ведмак» содержит в себе элементы славянского фэнтези. Именно жанровое своеобразие польской саги определяет возникший синтез славянского и европейского народного творчества.

«Последнее желание», первая книга из серии, является наиболее богатым произведением с точки зрения фольклорного наполнения. Практически все включённые рассказы основываются на каком-либо народном предании. Первый из них, «Ведмак», связан с известной польской сказкой «Королева-упырь». Крупица истины обыгрывает уже

европейскую сказку «Красавица и чудовище». «Меньшее зло» – переработка «Белоснежки». «Вопрос цены» – уже частичная переработка немецкой сказки «Ганс – мой ёжик». В конце «Последнего желания» заметно, как Сапковский уходит от славянской мифологии в сторону европейской. В первых рассказах мы встречаем упырей, кикимор, русалок, полуденниц и даже лешего в совокупности с чисто авторскими «мулями», «альпами», «бруксами» (скорее всего, это производное от румынского названия «бруколак» и португальского «бруха», существ похожих на вампиров), «риггерами». Сам ведьмак является фольклорным персонажем. В мифологии восточных славян ведьмак – мужчина, обладающий паранормальными способностями и обычно использующий их во вред людям. Хоронить его нужно, отрубив голову, иначе он может превратиться в упыря [3, с. 237]. В этом контексте первый рассказ «Ведьмак» приобретает новую окраску: Геральт, человек, который ещё не стал монстром, сражается с упырём, который ещё не стал человеком. В произведениях Анджея Сапковского ведьмак, наоборот, помогает людям справиться с нечистью.

Впоследствии в рассказах упоминаются драконы, вампиры, оборотни, тролли, мантикоры, грифоны, химеры, сирены, гарпии. Отметим, что также в произведениях появляются адаптированные элементы мифологии эпохи Средневековья. В книге Анджея Сапковского «Бестиарий. Создания света, мрака, полумрака и тьмы» можно найти описание птицы в полностью белом оперении с названием «каладрий». В Средневековье каладрий ассоциировалась с образом Христа, так как считалось, что он мог взять на себя всю хворь больного и сжечь её на солнце [7, с. 52-53]. Мы, таким образом, приходим к выводу, что автор, отбирая и адаптируя мифологические элементы для их последующего вплетения в повествование, руководствуется принципом максимальной достоверности той исторической эпохе, о которой он пишет.

С «Края света» и «Вопроса Цены» задаётся новый вектор для развития путешествий Геральта из Ривии. Это отражается уже в самом построении сюжета в книгах. Первые две, «Последнее желание» и «Меч предназначения» структурно напоминают сборник сказок. Нарратив этих произведений представляет собой объединение рассказов, связанных между собой только главным героем и упоминанием одних и тех же второстепенных персонажей. «Последнее желание» в своём первом варианте под названием «Ведьмак» представляло собой именно собрание разрозненных «сказок», и только во втором издании появилась интерлюдия «Глас рассудка», которая соединяла общий сюжет книги воедино. Примечательно, что каждая из глав носила собственное название, так или иначе связанное с сюжетом в ней, что уже не встречается в последующих книгах. Видимо, автор первоначально задумывал свой цикл произведений как постмодернистское осмысление европейских и

славянских сказок. Но в дальнейшем он решил охватить больший пласт народного творчества, что можно заметить в уже упомянутой книге «Бестиарий. Создания света, мрака, полумрака и тьмы», где встречаются также восточные демонические существа, например, джинн, который упоминался в «Последнем желании» и христианские чудовища (Левиафан).

В других книгах этого цикла способ повествования изменяется в корне. Выделяется сквозной, последовательный сюжет, который концентрируется вокруг Геральта, Йеннифер и Цири. Главы теперь не имеют особого названия, и сюжетная связь между ними становится более сильной. Таким образом, Сапковский находит новую основу для своего цикла в лице артурианских легенд. Автор соединяет образы Геральта и короля Артура, отправляющегося на поиски священного Грааля. Предложенное суждение можно доказать сходством эпизодов смерти героев: они оба не умирают в прямом смысле, а засыпают в другом мире, ожидая момента пробуждения. Кроме того, можно связать кубок, упомянутый в «Мече Предназначения» с мечом Эскалибуром. На кубке рунами было выгравировано, что у Меча Предназначения два острия: одно из них – сам человек, другое – его смерть. Подчеркивается, что из этого кубка пили короли, что является явной отсылкой на личность короля Артура. Эскалибур тоже имеет надписи. Одна гласит: «Возьми меня». На другой написано: «Брось меня». В дальнейшем Артур тоже понимает, что первая надпись связана с его жизнью, вторая с его смертью. Подобны образы Йеннифер и Гвиневеры. Это можно объяснить сходством имён и отличительной особенностью героинь, а именно бесплодием. Цири и священного Грааля (Цири является осевым элементом повествования, олицетворением предназначения). Кроме того она, как и Грааль одновременно является как источником страданий, вызванной борьбой за обладанием ей, так и спасением для всего человечества [5, с. 116-117].

Тем не менее, ассоциировать образы главных героев Сапковского с определёнными персонажами Артурианы не совсем верно, так как они в большей степени являются собирательными образами. Судьбу Геральта из Ривии можно сравнить с судьбой рыцаря Галахада, который был удостоен отправиться на поиски священного Грааля. Достигнув своей цели, молодой человек умирает, также и Геральт, найдя Цири, отправляется в иной мир. В «Галахаде и Святом Глаале» часто упоминается белый и красный цвет. Галахад носит белый щит с красным крестом, старец в белых одеждах приводит юношу, Галахад встречает белого рыцаря, юноша в Камелоте появляется в красных доспехах и вытаскивает меч из алого мрамора. Цири же в свою очередь называет ведьмака «белым волком». Белый цвет в такой трактовке принимает значения наставления и защиты, а красный цвет завоевания и насилия. Сэр Галахад пытается отвоевать Грааль, поэтому в его описании преобладает красный, Геральт призван защищать Грааль, поэтому он «Белый волк». Ведьмак становится

принципиально новым рыцарем своего времени, где есть только серая мораль. Он был воспитан как настоящий средневековый рыцарь ради подвигов-убийств, но на протяжении всего произведения становится не тем, кто убивает ради славы, власти, любви, а тем, кто вынужден обогреть свои руки кровью ради спасения других. В мире, где везде царит зло, Геральт пытается выбрать меньшее.

Кроме того, Сапковский осмысляет мифологему «благородного рыцаря» из мифов о короле Артуре и воплощает свою точку зрения в характере персонажа Эйка из Денесле в «Мече предназначения», который выступает безумным, кровожадным и религиозным фанатиком [9, с. 114]. Образ Йеннифер можно также связать с образом Вивиен, служанки Владычицы Озера, которая с помощью хитрости смогла заточить Мерлина под огромный валун. Также и Йеннифер при первой встрече с Геральтом смогла на ничего не подозревающего ведьмака наложить заклинание, замутняющее разум. Также в обоих циклах встречается мифологема преподнесения первенца в качестве условия выполнения определённого договора. Мерлин забирает Артура у Пендрагона, Ведьмак тоже требует забрать Цири у Павеиты, сам Геральт воспитывался в общине ведьмаков вдали от родителей. Можно предположить, что автор в процессе своего повествования решил расширить полотно повествования от точечных элементов сюжета, рассказов-сказок до целого древа эпических действий. При этом сами средневековые декорации «Саги о Ведьмаке» подталкивают к использованию именно мифов о короле Артуре.

Сказочные мотивы же постепенно уходят на второй план в «Саге о Ведьмаке», воплощаясь в тексте в качестве отдельных реплик и образов. В «Немного Жертвенности» сюжет «Русалочки» встречается в реплике Лютика, который хочет написать новую балладу, про любовь между королём и сиреной. В «Мече предназначения» Цири, встречая ведьмака, носящего на шее медальон в форме волка в лесу дриад, и сама одета в красный плащ, что является отсылкой на сказку Шарля Перро «Красная Шапочка».

«Ведьмак» является протестом современной культуре фантастики и фэнтези, где, со стороны писателей, господствует желание наживы, а, со стороны читателей, желание сбежать от реальности в «Neverland». Именно ироническое переосмысление славянской и европейской культуры помогает автору сломать старые каноны фэнтези.

Литература

1. Афанасьева Е.А. Жанр фэнтези: проблемы классификации // Фантастические жанры, темы и направления. – 2009. – С. 86-93.
2. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века : учебное пособие для вузов / Е.Н. Ковтун. – Москва : Высшая школа, 2008. – 408 с.

3. Королёв К.М. Ведьмак // Энциклопедия сверхъестественных существ. – Москва, Санкт-Петербург : Эксмо, 2006. – 492 с.
4. Легенды о короле Артуре / Пер. с англ. А.А. Савиных. – 1-е изд. – Москва : Издательский дом Мещерякова, 2016. – 240 с.
5. Маницкая Е.О. «Сага о ведьмаке» А. Сапковского как интерпретация легенды о короле Артуре // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2016. – С. 109-121.
6. Мзаурелов К.Д. Фантастика. Общий курс. – Севастополь : Шико, 2018. – 382 с.
7. Сапковский А. Бестиарий. Создания света, мрака, полумрака и тьмы. – Москва : АСТ, 2022. – 208 с.
8. Сапковский А. Ведьмак. Последнее желание. Меч Предназначения. Кровь эльфов. Час Презрения. Крещение огнем. Башня Ласточки. Владычица Озера / Пер. Е.П. Вайсброт, ред. Е.А. Барзова. – Москва : Астрель, 2017. – 1344 с.
9. Федирко М.В. Своеобразие темного жанра фэнтези // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. – 2020. – С. 280-283.

Ginkule V.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Synthesis of Slavic and European folklore in «The Witcher» Cycle by Andrzej Sapkowski

The article examines the specifics of the processing of mythological and fairy-tale elements in the «Saga of the Witcher» by Andrzej Sapkowski. The Slavic and European elements of folklore and their depiction in the text of the work are investigated.

Keywords: folklore, fairy tales, fantasy, A. Sapkovsky, «The Witcher Saga», fantasy genres, Arthurian

Голова Анастасия Романовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Sibasnastasia@gmail.com

Типологическая модель научно-популярного журнала «Кто есть Кто в медицине»

Работа выполнена под руководством Селезнёвой Ларисы Васильевны, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, доктора филологических наук, доцента

В статье представлена типологическая модель отраслевого медицинского журнала с дополненной реальностью «Кто есть Кто в медицине». А также характеристика данного периодического издания, особенности работы редактора журнала, анализ номера с точки зрения печатного и электронного издания.

Ключевые слова: журнал, типология, редактирование, дополненная реальность, медицина.

Типологическая модель журнала представляет собой систему классификации и организации информации, которая позволяет структурировать содержимое журнала на основе определенных критериев или категорий. В своих научных трудах её глубоко изучил А.И. Акопов [1].

«Федеральный специализированный журнал «Кто есть Кто в медицине» занял свою заслуженную нишу в объемном разделе медицинской периодики, являясь информационно-дискуссионной площадкой для обмена профессиональным опытом по актуальным вопросам развития системы здравоохранения» [9].

«Авторы и герои изданий – представители федеральных органов власти, губернаторы, главы администраций, руководители министерств, комитетов, департаментов, управлений, ведомств, подведомственных учреждений и ведущие специалисты отраслей. Эти люди щедро делятся своим опытом, знаниями, секретами успеха» [5].

Уже 20 лет журнал обобщает самый широкий спектр представленных знаний по организации медицинской помощи – от представителей государственной власти, крупных федеральных и региональных медицинских центров, до небольших сельских участковых больниц и амбулаторий, где каждый руководитель и рядовой медицинский работник может найти для себя интересную тему» [9].

Формат издания – А4. Полноцветная печать. Финская глянцевая бумага. Объем – 48–112 страниц. Периодичность выхода – не реже 4-х раз в год. Тираж каждого номера – от 1000 до 5000 экземпляров. Учредитель – Нефедов Дмитрий Леонидович, главный редактор.

Это первая отрасль, с которой издательский дом начал выпускать свои журналы. «Кто есть Кто в медицине» публикуется с 2003 года по наше время. Ежегодно выходит около шести журналов. Самое интересное, что, начиная с 2020 года именно это издание из серии «Кто есть Кто» начало использовать у себя дополненную реальность.

В спецвыпуске журнала «Кто есть кто в медицине» за 2022 год [7] под названием «Службе 103 – 103 года» насчитывается четырнадцать рубрик. Четыре из них можно встретить и в других номерах данного издания. Туда входят: «Главный врач», «СЭС», «Образовательная деятельность» и «Профсоюз». Остальные же рубрики являются полностью уникальными. Особенностью данного издания является то, что из номера в номер рубрики не повторяются, а создаются новые в зависимости от темы конкретного выпуска.

«Дополненная реальность (AR, augmented reality) – проекция виртуальных объектов на реальный мир. Наложенная информация может быть конструктивной (т.е. добавленной к естественной среде) или деструктивной (т.е. маскировкой естественной среды). Этот опыт органично переплетается с физическим миром, так что он воспринимается как иммерсивный аспект реальной окружающей среды» [6].

Дополненная реальность находится всего в трех рубриках: «Главный врач», «Анестезиология и реанимация» и «История».

Можно отметить, что в журнале активно используется инфографика (графический способ подачи информации и данных). Ее можно обнаружить после рубрик «Главный врач», «Образовательная деятельность» и «История». Подобный метод подачи информации в издании используется для того, чтобы быстро и понятно донести сложную информацию до аудитории. Журнал использовал блок-схемы, карты, таблицы и списки. Это очень современный способ подачи информации, который стал использоваться сравнительно недавно. Такой подход журнала позволяет им расширить читательский адрес и делать медицину понятной и интересной для тех, кто не является профессионалом данной области. Это доказывает, что журнал «Кто есть Кто в медицине» относится к научно-популярному типу издания.

Интересной особенностью журнала является отсутствие письма редактора в начале издания. Нечасто можно встретить такое явление, ведь именно благодаря этой рубрике происходит коммуникация между читателем и самим изданием.

Возможно, главный редактор считает данную рубрику неинформативной, неинтересной, устаревшей или просто не соответствующей формату журнала. Или же редактор предпочитает иную форму общения с читателями, например, через почту. На сайте журнала можно найти контакты для связи с редакцией. Таким образом, отсутствие рубрики «письмо редактора» в журнале не является показателем невозможности обратиться к редактору. Более того, современные технологии позволяют читателям иметь прямую связь с редакцией и обмениваться мнениями, идеями и замечаниями в режиме онлайн.

Таким образом, проанализировав предмет редактирования, можно сделать вывод, что редактору удастся донести до читателя доказательный и объективный текст. Грамматических, пунктуационных или иных ошибок замечено не было. Предложения составлены грамотно и без лишней информации. Иллюстрации в рубриках наглядно доказывают текст или знакомят читателя с героем материала.

Редактор передал эмоционально-оценочные моменты текста, поэтому информация получилась живой и наполненной. Но в то же время сохранил научный стиль. Читая журнал

не раз появляется чувство восторга и гордости за достижения отечественной медицины, например, применение телемедицинских уз-сканеров, благодаря которым медработники в считанные минуты могут диагностировать жизнеугрожающие осложнения у пациентов с тяжелой травмой.

Что касается изобразительной информации, то практически на каждой странице номера есть одна или две фотографии, которые подтверждают или дополняют основной текст. Весь фотоматериал вызывает активное отношение к тексту рубрик, а также взаимосвязан с ним. Имеющийся иллюстративный материал стилистически не противоречит профессиональному изданию.

В журнале использованы разные виды иллюстраций: полосная, иллюстрация действия, иллюстрация-портрет, обстановочная.

Таким образом, изобразительная информация в журнале «Кто есть Кто в медицине» подобрана грамотно и соответствует тексту. Наличие разных видов иллюстраций делает издание более интересным и нетривиальным.

Также стоит добавить, что рубрики не перегружены профессиональными терминами. Если встречается аббревиатура, то в скобках дается ее расшифровка. Данное издание могут читать не только специалисты медицинской сферы, но и люди, которые заняты в другой области. Однако важно учесть, что, читая этот журнал, нужно быть действительно заинтересованным в теме медицины, так как очень много внимания уделяется именно достижениям в этой области, а не практическим советам.

Профессиональным медикам данное издание подходит для «легкого» чтения, так как упор делается на новости, открытия и достижения. Это позволит профильным врачам расширять свой кругозор и быть на одной волне с новейшей медициной.

Признаками материально-конструктивной формы печатного издания «Кто есть Кто в медицине» являются эргономичность, долговечность и удобочитаемость. Издание можно скачать в pdf-формате на электронное устройство, будь то телефон, ноутбук, планшет или стационарный компьютер. Это позволяет вернуться к чтению в любое удобное время и в любом месте без возможности выхода в интернет. А также, если вдруг материал будет удален с официального сайта, то то, что читатель уже скачал себе на устройство, не пропадет.

Если рассматривать обязательные элементы печатной формы, то выбранное мной издание имеет обложку, блок и переплет отсутствуют. Соответственно все те элементы, которые могут иметься у журнального блока (печатные тетради, корешковое поле, сигнатура) также отсутствуют. В издании имеется пагинация (последовательная нумерация страниц) со второй по сорок восьмую страницу. Виртуальная

обложка состоит из лицевой и задней сторон, она имеет иллюстративный характер. Содержание, система навигации, библиографические ссылки и списки отсутствуют.

Шрифт в издании воспринимается хорошо. Основной текст набран шрифтом легкой насыщенности, полужирным выделены заглавия рубрик и вопросы интервьюера, курсивный шрифт использовался при наборе текста, носящего пояснительный характер.

Издание выпускается в формате А4 (29,7 x 21 см.).

Таким образом, можно сделать вывод, что в аналоговом журнале преобладают критерии электронного издания, а также, что материально-конструктивная форма обусловлена содержанием и элементы аппарата составлены редактором так, что они поясняют содержание, упрощают пользование, помогают при обработке в статистических целях, целях дистрибуции и продвижения.

Журнал «Кто есть Кто в медицине» является текстовым источником информации, так как содержание более чем на 50% состоит из текста. Также в издании присутствует инфографика и изобразительная информация в виде фотоснимков, некоторые из которых содержат в себе видефрагмент, с которым можно ознакомиться с помощью технологии дополненной реальности.

В аналоговом журнале от печатной версии присутствуют следующие выходные сведения

Отсутствует: международный стандартный сериальный номер, знак охраны авторского права, надзаголовочные данные.

Можно предположить, что ISSN в «Кто есть Кто в медицине» отсутствует по причине того, что журнал является электронным изданием без печатной версии, однако это не так, потому что печатная версия есть и распространяется по подписке (ISSN используется только для идентификации печатных журналов). Скорее всего журнал просто не запрашивал ISSN, так как это является добровольным международным стандартом для идентификации периодических изданий.

Один из возможных вариантов отсутствия надзаголовочных данных может быть то, что это является частью нового тренда дизайна в издательской индустрии. Дизайнеры и редакторы становятся все смелее в своих экспериментах с информационным размещением. Иногда это делается ради удобства восприятия информации, чтобы читатель сразу мог погрузиться в суть материала, не отвлекаясь на подробности. Другой причиной может быть экономия места и ресурсов.

Таким образом, выходные сведения издания «Кто есть Кто в медицине» соответствуют нормам ГОСТа за исключением нескольких отсутствующих параметров.

Теперь обратимся к разбору издания с точки зрения электронного средства информации.

Такой формат издания в современном мире очень выгоден создателям, так как нет необходимости тратить средства на бумагу, краску и труд людей в типографии. И очень удобен для читателей, так как количество полученной информации остается тем же, а место она не занимает абсолютно.

С появлением журнала «Кто есть Кто в медицине» в электронном виде у читателей открылись новые возможности удовлетворения потребности в чтении. По мимо этого издание таким образом расширило свою читательскую аудиторию в несколько раз, так как юноши и девушки, интересующиеся сферой медицины, склонны использовать электронные носители для получения той или иной информации.

Также следует отметить, что электронный формат в условиях дефицита свободного времени у современного человека позволяет гораздо чаще обращаться к прочтению научно-популярной литературы. Издание располагает пятью виртуальными форматами, что в разы повышает лояльность читательской аудитории. К ним относятся: on-line версия, PDF версия, USB флешка, версия для планшетов и смартфонов.

Что касается иллюстративного материала электронной версии журнала «Кто есть Кто в медицине», то ее здесь вполне достаточно. Так как это все-таки научно-популярное издание, основной упор здесь на текст и его содержание. Однако нельзя не отметить тот факт, что иллюстративный материал может содержать больше информации и эффективнее воздействовать на чувства человека, чем текст. А когда в изображении заключен еще и видеоматериал, то оно приобретает еще большую смысловую нагрузку. Именно благодаря AR-технологиям данного издания читатель способен получить живую картинку события или интервью, чтобы полностью прочувствовать материал и сформировать грамотное мнение.

Также в издании используется современный способ визуализации информации – инфографика. Она способствует развитию информационной и коммуникационной культуры. Инфографика журнала «Кто есть Кто в медицине» отвечает всем своим принципам. «К ним относятся: визуализация информации, лаконичность изложения, детализация материала, доступность восприятия и заинтересованность в познании».

Особенно актуально использование приемов инфографики в представлении статистических данных, например, в номере «Службе 103 – 103 года» приводится количество общепрофильных бригад СМП, специализированных бригад СМП, специализированных экстренных консультативных выездных бригад СМП и бригад неотложной медицинской

помощи. В данном случае приемы преобразования цифровых данных в фактический материал повышают информативность сообщения.

Таким образом, в статье проанализирован предмет редактирования – содержание рубрик журнала «Кто есть Кто в медицине», изучена редакторская подготовка аппарата издания, а также журнал рассмотрен как электронное средство информации. И исходя из полученных данных журнал «Кто есть Кто в медицине» можно отнести к научно-популярному типу издания.

Литература

1. Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных изданий) / А.И. Акопов. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. – 96 с.
2. Акопов, А.И. Электронные сети как новый вид СМИ // Филологический вестник РГУ. – 1998. – № 3. – С.17-25.
3. ГОСТ Р 7.0.60-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 18.09.2020 N 655-ст) [Электронный ресурс] / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369837/
4. ГОСТ Р 7.083-2012. Национальный стандарт РФ. СИБИД. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. – Москва, 2012.
5. Издательский дом «Кто есть Кто»: [Электронный ресурс]. – Москва, 2003 – 2015. – URL: <http://public.kto-kto.ru/> (дата обращения: 17.02.2024).
6. История развития дополненной реальности: [Электронный ресурс]. – Москва, 2020. – URL: <https://vr-game.ru/all-news/vr-v-mire/904-istorija-razvitija-dopolnennoj-realnosti.html> (дата обращения: 02.04.2023).
7. «Кто есть Кто в медицине». Спецвыпуск № 5: «Службе 103 – 103 года»: [Электронный ресурс]. – Москва, 2022. – URL: https://ktovmedicine.ru/files/issues/5_2022.pdf (дата обращения: 28.02.2023).
8. Куприянова, Т.Г. Инфографика и ее роль в формировании информационно-коммуникативной культуры // Актуальные направления повышения качества образования в области полиграфии и книжного дела: электронное обучение и сетевые формы реализации образовательных программ: Межвузовская научно-методическая конференция МГУП: сб. тезисов. – Москва : МГУП, 2013.

9. Федеральный специализированный журнал «Кто есть Кто в медицине»: [Электронный ресурс]. – Москва, 2003 – 2023. – URL: <https://ktovmedicine.ru/> (дата обращения: 20.03.2023).

Golova A.R.

Pushkin State Russian Language Institute

Typological model of the popular science magazine «Who is Who in Medicine»

Annotation. The article presents a typological model of the industry medical journal with augmented reality «Who's Who in medicine». As well as the characteristics of this periodical, the peculiarities of the work of the editor of such a journal, the analysis of the issue from the point of view of printed and electronic publications.

Keywords: journal, typology, editing, augmented reality, medicine.

Голуб Яна Петровна

Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина

yana.golub.2005@mail.ru

Средства формирования ретроспекции в романе Агаты Кристи

«Загадочное происшествие в Стайлзе»

Работа выполнена под руководством Дигадюк Валентины Павловны, кандидата филологических наук, доцента

В данной научной статье анализируются средства формирования ретроспекции в художественной литературе. Представляется обзор основных приемов возвращения к прошлым событиям и переживаниям персонажей в художественном произведении. Рассматриваются прямые и косвенные маркеры ретроспекции, а также роль флэшбэков в формировании глубокого понимания сюжета и персонажей.

Ключевые слова: ретроспекция, маркеры ретроспекции, средства формирования ретроспекции, художественный текст, текстовые категории.

Художественный текст является уникальным инструментом передачи информации и эмоций. Этому способствуют текстовые категории, ретроспекция, проспекция и интроспекция в частности. Особый интерес вызывает их взаимодействие друг с другом, а также способы и средства их репрезентации. Цель данной работы – изучение языковых маркеров ретроспекции в произведении Агаты Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе».

Ретроспекция, по определению И. Р. Гальперина, это «грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [1, с. 106]. Этот прием способствует лучшему пониманию истории и характера персонажей, а также оказывает

воздействие на восприятие сюжета. Под маркерами ретроспекции нами понимаются лингвистические и стилистические средства, которые указывают на возвращение к прошлым событиям в художественном произведении.

Средствами формирования ретроспекции являются прямые и косвенные маркеры. В следующем примере *«Значительный интерес светского общества к преступлению в Стайлзе уже начал спадать. Тем не менее, учитывая сопутствующую ему дурную славу, мой друг Пуаро и родственники жертвы коварного убийства попросили меня правдиво описать все подробности нашей истории»* [2, с. 5] ретроспективный переход осуществляется на основе причинно-следственных отношений между ретроспективно взаимосвязанными блоками информации. Так, компоненты *интерес; к преступлению в Стайлзе; начал спадать* говорят о том, что ранее было совершено преступление, и сейчас заинтересованность людей к нему уменьшилась.

Маркерами ретроспекции могут выступать словосочетания, включающие компонент со значением времени, например, *«последние годы мы с ним редко виделись. Да, в общем-то, никогда особо тесно и не общались. Во-первых, он старше меня лет на пятнадцать, хотя надо признать, что выглядит гораздо моложе своих сорока пяти лет. В детстве, однако, мне частенько доводилось гостить в Стайлз-корт, эссекском имени его матушки»* [2, с. 6]. Фразы *последние годы* и *в детстве* отсылают к какому-то определенному времени в прошлом. Упоминание прошлых отношений героев также является признаком ретроспекции. Таким образом, данный контекст содержит маркеры, которые указывают на то, что происходящее описывается в плане минувших событий.

Косвенные маркеры могут быть менее очевидными, но помогают передать важность прошлых событий через упоминания времени или места, например, прилагательные и наречия, указывающие на прошлое время – *старый, бывший, когда-то, раньше, ранее и т.д.* Исследователь Ефремова Т. Ф. толкует лексему «старый» следующим образом: *«тот, кто прожил много лет и достиг старости; давно прошедший, минувший (о времени)»* [3, с. 1236]. Так, в примере *«короче говоря, через три дня после этого разговора я сошел с поезда на остановке Стайлз-Сент-Мэри, маленькой станции, нелепо торчавшей посреди зеленеющих полей и узких проселочных дорог и не имевшей никаких очевидных причин для своего существования. Джон Кавендиш встретил меня на платформе, как в старые времена»* [2, с. 9] прилагательное *старый* имеет значение времени и приобретает ретроспективное значение.

Нами выявлено, что одним из способов формирования ретроспекции являются флэшбэки – внезапные отрывки из прошлого в континууме повествовании. Флэшбэки могут

быть использованы для раскрытия личности и характера персонажей, их мотиваций и внутреннего мира. Например, *«я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня Мэри Кавендиш. Её высокая стройная фигура четко вырисовывалась на фоне яркого солнца; явное ощущение скрытого огня, казалось, проявлялось лишь в ее удивительных искристых карих глазах – таких потрясающих глаз я ещё не видел ни у одной женщины»* [2, с. 12]. В данном примере маркер ретроспективного характера – *я никогда не забуду*. Рассказчик говорит о своем первом впечатлении – Мэри Кавендиш, описывая ее фигуру и глаза. Следует отметить, что это не первая встреча героев, а значит данный контекст является флешбэком.

Иной раз обстоятельства со значением времени создают контраст между художественным настоящим и прошлым: *«насколько я помнил, миссис Кавендиш, красивая женщина средних лет, вышла замуж за отца Джона, когда он остался вдовцом с двумя сыновьями на руках. Сейчас ей, должно быть, никак не меньше семидесяти»* [2, с. 6]. Анализируя данный пример, стоит заметить противопоставление *я помнил...* и *сейчас...* Упоминание о прошлых событиях, связанных с миссис Кавендиш и ее семейной историей, указывает на то, что рассказ переносит читателя в прошлое.

Таким образом, средствами и приемами формирования ретроспекции в художественном тексте выступают флэшбэки, противопоставление наречий времени, причинно-следственные отношения между ретроспективными блоками информации. Маркеры ретроспекции помогают переключить внимание на прошлые события или воспоминания, поддерживают связь между прошлым опытом и настоящими действиями. Они способствуют глубокому пониманию характера героев и сюжетных поворотов, позволяют читателю увидеть персонажей через призму прошлого, делая произведение более проникновенным и запоминающимся.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г.В. Степанов. – Изд. 9-е. – М., 2016. – 137 с.
2. Кристи А. Загадочное происшествие в Стайлзе: роман / пер. с англ. М.Ю. Юркан. – Москва : Эксмо, 2022. – 320 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Электрон. Текстовые данные. – Москва : АСТ, 2005. – Т. 1 А-Л. – 1168 с. – Режим доступа: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/> (дата обращения: 10.02.2024)

Mozyr state pedagogical university named after I.P. Shamyakin.

Means of retrospection forming in Agatha Christie's novel «The mysterious incident at Stiles»

This scientific article examines the means of retrospection formation in fiction. An overview of the main methods of returning to past events and experiences of characters in fiction is presented. Direct and indirect markers of retrospection are considered, as well as the role of flashbacks in the formation of a deep understanding of the plot and characters.

Keywords: retrospection, retrospection markers, means of forming retrospection, literary text, text categories.

Гонопольская Анастасия Витальевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

anastasiagonopolskaia@gmail.com

Жанровое своеобразие феминистского медиадискурса

Работа выполнена под руководством Гапутиной Виолетта Александровны,
кандидата филологических наук, доцента кафедры русской словесности и межкультурной
коммуникации

Статья посвящена изучению жанрового своеобразия русскоязычного феминистского медиадискурса. Исследование было проведено на материале электронных СМИ и крафтовых медиа. Были выделены наиболее часто встречающиеся информационные и аналитические жанры, а также новые жанры, характерные для формата Telegram-каналов и групп в социальных сетях: поликодовый и информационный пост.

Ключевые слова: феминизм, медиадискурс, жанр, медиапространство.

В современном обществе медиапространство является одним из ключевых факторов формирования общественного мнения и культурных норм. Современный человек узнаёт о самых важных новостях не из журналов и газет, а на новостных сайтах. Средства массовой информации, хоть и в новом виде, по-прежнему остаются одним из способов воздействия на мировоззренческую картину человека. В связи с этим изучение различных аспектов медиадискурса, включая его жанровые особенности, приобретает особую значимость.

Ввиду распространения Интернета как технологии, доступной каждому, человек также получил возможность формировать свою точку зрения не только из новостей. Многие политические движения получили своих последователей благодаря тому, что сами могут распространять информацию посредством создания собственных сайтов, блогов, групп. К этим политическим движениям относится и феминизм – идеология, которая ориентирована на борьбу за права женщин.

На сегодняшний день феминистский дискурс представлен в основном в новых медиа (в электронных СМИ деловых и новостных изданий, в крафтовых медиа), на блог-платформах и в группах в социальных сетях. Продолжают выпускаться переводы феминистских текстов, информационные и агитационные материалы на бумажных

носителях, но главным способом распространения информации и актуализации идей феминизма сегодня является Интернет. Киберактивизм, как подчёркивают Боженкова Р.К., Боженкова Н.А. и Негушина А.А., стал одной из дискурсивных практик, позволяющих осуществлять общественно-политическую деятельность и формировать аксиологические детерминанты современного российского общества [3, с. 414]. А федеральные и региональные СМИ в свою очередь формируют мнение по отношению к движению у человека, не являющегося сторонником феминизма, и либо нейтрально описывают события в мире, касающиеся женщин, либо непосредственно воздействуют на точку зрения реципиента.

В настоящий момент тема феминизма освещается как в российских электронных СМИ, так и в крафтовых медиа намного реже, чем в прошлые годы, однако, несмотря на это, жанры феминистского медиадискурса отличаются своим разнообразием. Изучению жанровых особенностей современного медиадискурса посвящен ряд исследовательских работ, например [Гапутина, Карасик, Месеняшина], однако феминистский медиадискурс еще не получил детального анализа с позиции жанровых актуализаторов.

Медиатексты, как правило, можно разделить на две группы: информационные и аналитические. К информационным жанрам, представленным в феминистском медиадискурсе, относятся классическая и расширенная новость, новость-мнение, фоторепортаж, листикл. Наиболее распространённым жанром как для феминистского медиадискурса, так и для журналистики в целом является новость. Для неё характерны краткость, информативность, нейтральная стилистика. Авторское начало в этом информационном жанре практически отсутствует и может быть выражено только на уровне кликбейтного заголовка.

Классическая новостная заметка представляет собою оперативное информационное сообщение о свершившемся факте, и обязательными элементами для неё являются информативный заголовок и текст, в котором кратко описано произошедшее. В качестве примеров можно привести следующие публикации: *«В ГД предлагают запретить феминизм как “экстремистскую идеологию”»* (Вечерние ведомости, 04.04.2023), *«Жительнице Петрозаводска согласились сделать медикаментозный аборт лишь в одной клинике»* (Горящая изба, 13.03.2024), *«Депутат Госдумы Олег Матвейчев разработал законопроект о признании феминизма экстремистской идеологией»* (Коммерсантъ, 04.04.2023).

Намного чаще в медиатекстах встречается расширенная новость. Этот жанр помимо основного сообщения содержит в себе иллюстративный материал, гиперссылки на другие новостные или аналитические статьи, пояснение терминов или описание бэкграунда,

погружающего читателя в историко-социальный контекст. Например, в новости *«Женщины в Южной Корее не идут в кино на „Барби“ из-за страха «прослыть феминисткой»* (Forbes Woman, 03.08.2023) автор статьи не только сообщает новость, но и приводит слова южнокорейской активистки по правам женщин о том, почему корейские женщины боятся называть себя феминистками, а также оставляет гиперссылку на аналитический материал *«“Барби” Греты Гервиг: почему кукле в розовом больше нет места в этом мире»* (Forbes Woman, 24.07.2024), рассматривающий представленный фильм с точки зрения феминистской идеологии.

Также в последние годы обрёл популярность листикл. Это информационно-развлекательный жанр, использующий в качестве принципа организации нумерованный список. Д.А. Богданова определяет листикл как «это часть текста или другой материал, представленный полностью или частично в форме списка» [2, с. 204], а В.В. Фролова отмечает, что нумерованный список – это основа композиции листикла, «что почти обязательно отразится в заголовке» [9, с. 162]. В качестве примера можно привести подборку *«От Вирджинии Вулф до Кэролайн Криадо-Перес: 13 главных книг о феминизме»* (Forbes Woman, 04.07.2023), автор которой собрала теоретические труды, публицистические эссе и научно-популярные книги, отвечающие на вопрос «Чем занимаются феминистки?». Структура этого текста состоит из заголовочного комплекса (заголовков, подзаголовков, лид), самих пронумерованных изображений книг и краткой аннотации к каждой из них.

Широко в феминистском медиадискурсе представлены и аналитические жанры. Самый распространённый из них – аналитическая статья. Для неё характерны глубокая разработка темы, анализ фактов действительности и выявление взаимосвязей между ними, теоретические положения и выводы. А.А. Тертычный определяет его как «жанр, предназначенный, прежде всего, для анализа актуальных общественно-значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» [5, с. 35]. Как правило, сам жанр развивается за счёт автора, разделяющего феминистские взгляды. Примером может послужить статья *«Femina egyptica. Почему экономика должна быть феминистской»* (Нож, 07.11.2023), в которой автор рассказывает о том, что такое феминистская экономическая теория и как она появилась, анализирует постулаты этой теории и дискриминацию женщин в целом и на рынке труда в частности и делает предположения, как изменится мировая экономика, если изменится и взгляд на женский труд, в том числе неоплачиваемый. В другой статье, *«50 лет борьбы за образование: как работали высшие женские курсы Российской империи»* (Forbes Woman, 28.02.2024), журналист анализирует,

как доступ к высшему образованию сформировал новый тип женщины – свободной, увлечённой и независимой.

Каждое из исследуемых СМИ имеет свой Telegram-каналы и сообщество в социальной сети «ВКонтакте». В этих каналах и сообществах дублируются материалы с сайтов, но при этом они не просто представляют собою анонс новости или статьи, а представляют собой поликодовый пост. А.А. Зауэр выделяет такие композиционные элементы поликодового поста, как «заголовок, анонс или же краткое описание статьи (причем не повторяющее лид на сайте), изображение и гиперссылку на оригинальный материал» [6, с. 116]. На многих сайтах исследуемых СМИ есть возможность прокомментировать статью, однако, как правило, пользователи оставляют свои комментарии в Telegram-каналах или социальных сетях ввиду более удобного интерфейса, поэтому такие посты отличаются большей по сравнению с сайтами интерактивностью: реципиент может поставить посту реакцию (как позитивную, так и негативную), прокомментировать его и обсудить вместе с другими пользователями, а также распространить на свою страницу или отправить пост друзьям и знакомым за счёт специальной кнопки.

Другой жанр поста – информационный. Он тоже обладает интерактивностью, однако отличается большей степенью креолизации – «комбинирования средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности» [1, с. 109] – и состоит из одного или нескольких изображений, на которых размещён текст. Если это необходимо, важная вербальная информация подчёркивается с помощью паралингвистических графических средств или сопровождается другими визуальными элементами на изображении. Как правило, информационный пост, в отличие от поликодового, не дублирует материал, размещённый на сайте, а является самостоятельным сообщением.

Таким образом, феминистский медиадискурс включает в себя многие основные жанры информационной и аналитической групп – новость, аналитическую статью, листикл, рецензию. При этом онлайн-формат позволяет передавать информацию разными способами: с помощью гиперссылок и креолизации текста, благодаря чему рождаются новые жанры.

Литература

1. Бернацкая А.А. К проблеме креолизации текста: история 47 и современное состояние / Речевое общение: специализированный вестник / А.А. Бернацкая // Красноярский гос. Университет. – Красноярск : 2000. – 104-110 с.
2. Богданова Д.А. Кликбейты и листиклы – современные приемы подачи информации онлайн-медиа // Народное образование, 2019. – № 4 (1475). – С. 203-210.

3. Боженкова Н.А., Негушина А.А., Боженкова Р.К. Вербальная экспликация аксиологических констант русскоязычного фем-дискурса в контексте феномена киберактивизма // Русистика, 2022. – №4. // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-eksplikatsiya-aksiologicheskikh-konstant-russkoyazychnogo-fem-diskursav-kontekste-fenomena-kiberaktivizma> (дата обращения: 17.03.2024).
4. Гапутина В.А. Жанры сетевого дискурса моды (на материале социальной сети "Instagram") // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 15 апреля 2021 года / Под редакцией А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Цифровая типография", 2021. – С. 61-64.
5. Доржиева Д.Ц. К вопросу о типе текста «Аналитическая статья» // Научный диалог. 2017. №2. // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipe-teksta-analiticheskaya-statya> (дата обращения: 17.03.2024).
6. Зауэр А.А. Феминистский дискурс в российских медиа: тематические доминанты, жанры и проявление авторского Я / Зауэр А.А. – Великий Новгород, 2022 – 198 с.
7. Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. №. 1 (21). С. 49-55.
8. Месеняшина Л.А. О жанровой природе сетевого комментария // Знак: проблемное поле медиаобразования, 2023. – №. 2 (48). – С. 127-132.
9. Фролова В.В. Речевой жанр списка, его типы и жанрообразующие характеристики // Международный научно-исследовательский журнал, 2020. – № 10-2 (100). – С. 160-166.

Gonopolskaia A.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Genre uniqueness of feminist media discourse

The article is devoted to the study of genre uniqueness of Russian-language feminist media discourse. The study was conducted on the material of electronic media and Kraft media. The most frequently occurring informative and analytical genres, as well as new genres characteristic for the format of Telegram-channels and groups in social networks: polycode and informative post were identified.

Keywords: feminism, media discourse, genre, media space.

Гордиенко Дарья Николаевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

d020725557722b@gmail.com

Фольклорные и христианские свадебные мотивы в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Работа выполнена под руководством Леонова Ивана Сергеевича, доктора
филологических наук, профессора

В статье рассматриваются христианские и фольклорные мотивы свадебных обрядов в изображении Н.В. Гоголя в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки». Выявлены особенности взаимодействия реального и потустороннего в свадебном контексте, сюжетные закономерности в судьбах героев в зависимости от изображаемых отношений с нечистой силой. На основе сходства свадебных и похоронных обрядов выведена христианская интерпретация цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Ключевые слова: Гоголь, обрядовый фольклор, христианские мотивы, праздник.

Потусторонний мир, мир мертвых – это неотъемлемая часть художественного пространства Н.В. Гоголя. Фундаментальное, сюжетообразующее отношение – это бытие и небытие, мир живых и мир мертвых, реальное и потустороннее; взаимопроникновение этих явлений встречается в каждой повести, а изменение его формы обосновано фольклорно-обрядовыми, культурными и духовными истоками «Вечеров...». В центре исследования – брачный обряд. Свадебная обрядность характеризуется обилием ритуалов, призванных уберечь молодых людей от влияния демонических существ, нечистых, покойников – людей, погибших не своей смертью и становящихся прислужниками зла в традиционной народной интерпретации.

Брачный мотив – сюжетообразующий в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Свадьба, которую изображает Гоголь, ощутимо отличается от той, которую играли в действительности. Во всех произведениях «Вечеров...» в той или иной мере присутствуют классические элементы брачного обряда (в основном, это сватовство с последующим испытанием жениха), меняющие облик и форму под влиянием непременно включающихся в обряды нечистых сил. Это может быть черт-помощник, как в произведении «Ночь перед Рождеством», а может быть отец-колдун, пытающийся жениться на собственной дочери, богоотступник из «Страшной мести», или, наконец, убийца Петро, сходящий с ума, потакающий черту, из «Вечера накануне Ивана Купала». Знаковым отличием является то, что если в настоящих свадебных обрядах люди пытались уберечься от сил зла, то у Гоголя герои вынуждены были вступать с ними в прямой контакт и нести те последствия, которые провоцировали собственными действиями. Наиболее явно тема ответственности и выбора отражена в двух, в этом смысле противопоставляемых, произведениях всего цикла: «Ночь перед Рождеством» и «Вечер накануне Ивана Купала».

Конфликт кузнеца с чертом, который мы встречаем в «Ночи перед Рождеством», сам по себе не нов. Похожий сюжет отражен в «Шести малороссийских простонародных балладах» полтавского этнографа и писателя Льва Ивановича Боровицкого. Это легенда о Яремке-кузнеце, который «намалевал» на холсте черта, да так гадко, что черт решил ему отомстить: *«Черта Яремка повыпачкал грязью и дегтем, очи проклятые выжесг, всего исколол, исцарапал. Если Яремка кует — уж он так норовит, чтобы к черту спиной повернуться.... А если и глянет, бывало, на черта, то, верно, чтоб плюнуть на чертову харю»* [4]. На этом моменте легенда расходится с повестью Николая Васильевича Гоголя; повесть включается в общий для всего цикла свадебно-обрядовый метасюжет [3, с. 252].

События, в контексте которых разворачивается конфликт, так же без труда можно отыскать в реальной бытовой и духовной жизни Малороссии. Ночь здесь необходимо воспринимается двояко – это и романтическая интерпретация периода истончения грани между реальным миром и потусторонним (кроме черта и ведьмы Соломахи в тексте встречаются летающие в небе колдуны и ведьмы), и христианская сакральная ночь перед праздником [6]. Нужно учесть, что немало места автором отведено и колядкам. Это либо описание процесса, либо комментирование колядок героями – важен здесь сам факт их пребывания в реалиях предрождественского языческого обряда, тесно связанного с обновлением, неким циклическим ходом времени с началом и концом в очищении и прославлении Христа. Версий происхождения слова «коляда» несколько, среди них: «первый день календаря» от латинского, «вокруг идущий» а – от слова *колед* и т.п. Сама эта двойственность выбранного времени указывает на то, какого характера будет взаимодействие человека и нечисти.

В народных поверьях время праздника – это еще и время посещения демоническими существами мира живых: *«Если в первой повести активность демонических персонажей вызвана обозначением локуса ярмарки как «нечистого места», то ... их роль связывается, не в последнюю очередь, с мифологическими представлениями о народном празднике как времени разгула нечистой силы...»* [2, с. 18]. Встреча с нечистью во время праздника пугала людей, потому что это был нерегламентированный контакт с потусторонним, не обрядовый.

Как и в других повестях цикла, в «Ночи...» зашифрован брачный обряд: жених сватается, потом преодолевает препятствия. В некоторых случаях взаимодействие кузнеца Вакулы и черта обозначают некоторой взаимовыгодой, договором, услугой одного другому, как в «Майской ночи, или Утопленнице», однако это не совсем так; *«Взять и этот, – продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, черт. – Тут, кажется, я положил струмент свой»*. Вакула, сам того не зная, обозначает черта именно

инструментом, а не второй стороной договора. Что до договора, то черт и его предлагает набожному кузнецу, но тот отказывается, как отказался и от самоубийства, и от помощи знахаря, и тем самым не соглашается с нечистью, не берет на себя грехи даже тогда, когда сам себя считает *«пропадной душой»*.

В некоторых произведениях Гоголь изображает испытываемый героями либо панический страх, как в «Сорочинской ярмарке» у разбежавшихся в беспамятстве от свиной головы людей, либо «космический ужас» [2, с. 17] у подножия потустороннего мира, который испытывает Петро ночью перед старухой. Вакула же не теряется перед знахарем и даже умудряется перехитрить черта. Гоголь ведет своих героев к определенному концу не через нечистую силу, а через сущность самих героев. Именно набожность, чистота помыслов, невосприимчивость к нечисти и отказ от сделок со злом приводит кузнеца и Оксану (которая, в свою очередь, успела отказаться от черевичек, тем самым избавиться от корыстных помыслов) к свадьбе.

Повесть «Вечер накануне Ивана Купала» практически с самого начала наделяется не праздничным, игровым тоном, а похоронным. И Петро, и Пидорка сравнивают женитьбу с похоронами. Пидорка, говоря о нежеланном браке, говорит, что к свадьбе будет мертва: *«Не пойду я танцевать с женихом своим: понесут меня. Темная, темная моя будет хата: из кленового дерева, и вместо трубы крест будет стоять на крыше!»*. Так и Петро говорит о собственной смерти, только, в его представлении, он будет обвенчан с самой смертью: *«Будет же, моя дорогая рыбка, будет и у меня свадьба: только и дьяков не будет на той свадьбе; ворон черный прокрячет вместо попа надо мною...»*. Свадебный и похоронный обряды изоморфны, Гоголь об этом знал, и посредством явного сравнения в тексте свадьбы и смерти указал, что переход (в народном представлении и свадьба, и смерть – это переход из одного состояния в другое), в сущности, состоится не свадебный и, в привычном понимании, светлый, а греховный, inferнальный, похоронный в отношении душ молодоженов. Петро изображает похоронный ритуал вне христианского контекста, в которых вместо дьяков вороны, тем самым подразумевая проводы в ад.

Как и в «Ночи перед Рождеством», ключевые события происходят в ночи, и теперь не изначальные условия повести указывают на истончение границы, а сам черт, Басаврюк, днём в разговоре с Петро говорит о вечере, прямо указывает на inferнальную сущность и самого себя, и того, что будет происходить.

Важно и тройное обращение Бабы Яги, символизирующее путь из потустороннего мира в этот: *«Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им... Глядь, вместо кошки старуха...»*. Среди различных источников

можно найти указания на то, что собаки – это стражи в загробном мире (например, самый известный из таких – древнегреческий Цербер, страж у врат загробного мира); образ кошки в фольклоре связан с чутким восприятием потустороннего мира, с легким перемещением между мирами; кошки не только видят то, что не видят люди, но и сами могут быть мистическими предзнаменованиями. Так, обращение старухи демонстрирует неосязаемый для человека путь, который нужно преодолеть, чтобы из мира мертвых попасть в мир живых [1].

Петро же, как изначально живое существо, не наделенное неким сверхъестественным чутьем, не осознал в полной мере, на что идет. Жадность, сладострастие, жестокость и слабость повели его по дороге, на которой он, под руку с Басаврюком, спотыкался об терновник-символ искупительной жертвы. Продажа собственной души демоническим силам, заключенный договор и, наконец, убийство ребенка – все это позволило Петро сыграть свадьбу, но жить в реальном, человеческом мире, он больше не смог.

Отдельно стоит отметить образ сироты в фольклоре и у Гоголя в «Вечерах». Сироты в фольклоре – это посредники между Богом и людьми, между реальным и потусторонним. Так, например, считалось, что сироты могли вступать в контакт со своими покойными родителями – через них можно было передавать привет [5]. В это же время сироты были под покровительством Бога, и можно встретить интерпретацию сиротства, согласно которой люди без живых родителей – это дети Божьи.

На брак необходимо было благословление, и сироты ездили на кладбище, чтобы просить благословления у покойных предков [5]. Если вернуться к мысли, что это Божьи дети, то необходимо было Божье благословление. Петро – сирота, Вакула – полусирота. В случае с Петро, который отрекся от Бога, заключил договор с нечистой силой, никакого благословления не могло быть, и бракосочетание, пусть и совершенное по всем правилам, привело к мукам. Вакула же от Бога-отца не отрекался, а настоящая его мать, Соломаха, была ведьмой – то есть, богоотступницей, и ее противодействие его браку с Оксаной на этом основании можно не брать в счет.

Если вернуться к мысли, что свадебный и похоронный обряд изоморфны, а Гоголь сочетает фольклорные начала с христианскими, можно заключить, что в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» речь идет не напрямую о браке, а о бытии, где свадьбу можно интерпретировать и в буквальном смысле, где счастливый брак с «отцовским» согласием – некая награда, лучший мир, и в переносном – как переходное состояние между земной жизнью и загробной, где от действий человека будет зависеть, ждут его нескончаемые муки в загробном мире, или благословление Божие и покой.

Литература

1. Андриющенко М.В. Фольклорно-мифологический код в поэтике повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» // *Philological Sciences*. – 2020. – №12. – С. 18-45.
2. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя / науч. ред. А.Х. Гольденберг. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – 232 с.
3. Жаворонкова М.Ю. Брачные мотивы в художественном мире Н.В. Гоголя // *Грамота*. – 2018. – С. 250-254.
4. Из собрания В.И. Даля //Афанасьев А. Народные русские легенды. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/aph/ana/siev/6.htm> (дата обращения 16.03.2024).
5. Сирота в языке, верованиях и обрядах // Лаборатория фольклористики РГГУ. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM1.htm> (дата обращения 17.03.2024).
6. Традиции украинского фольклора и народная мифология в повести «Ночь перед Рождеством» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1165/> (дата обращения: 16.03.2024).

Gordienko D.N.

Pushkin State Russian Language Institute

Folklore and Christian motives in a wedding in the cycle of N.V. Gogol's «Evenings on a Farm Near Dikanka»

The article examines Christian and folklore motifs of wedding ceremonies as depicted by N.V. Gogol in the cycle “Evenings on a farm near Dikanka”. The features of the interaction between the real and the otherworldly in the wedding context, plot patterns in the fate of the heroes depending on the depicted relationship with evil spirits are revealed. Based on the similarity of wedding and funeral rites, a Christian interpretation of the cycle “Evenings on a Farm near Dikanka” was derived.

Keywords: Gogol, ritual folklore, Christian motifs, holiday.

Гунькина Анна Михайловна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

gunkinann@gmail.com

Использование искусственного интеллекта в преподавании РКИ на примере голосового помощника Алиса

Работа выполнена под руководством Куваевой Алёны Сергеевны, кандидат педагогических наук, доцента

Исследование посвящено поиску способа эффективного использования голосового помощника Алисы в процессе преподавания русского как иностранного языка. Авторы исследуют возможности применения

Алисы на уроках, анализируют ее коммуникативные навыки, разрабатывают методику внедрения в учебный процесс, описывают актуальность использования искусственного интеллекта в образовании и подчеркивают значимость технологий голосовых помощников для индивидуализации обучения и повышения мотивации студентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, голосовой помощник Алиса, традиционная методика преподавания русского языка как иностранного.

Целью данного исследования является поиск способа применения голосового помощника *Алиса* в процессе преподавания РКИ, который бы способствовал росту эффективности обучения.

В задачи исследования входят:

1. Поиск возможностей использования российского голосового помощника *Алиса* на уроках;
2. Рассмотрение полезных коммуникативных навыков голосового помощника *Алиса*;
3. Анализ возможностей голосового помощника *Алиса* и отбор наиболее актуальных инструментов для внедрения его в учебный процесс;
4. Разработка и апробация методики применения голосового помощника *Алиса* в процессе начального этапа обучения языку (уровень А1).

Актуальность исследования заключается в поиске перспектив применения голосового помощника *Алиса* в процессе прохождения иностранцами вводно-фонетического курса РКИ.

Поскольку части мира становятся все более взаимосвязанными, владение несколькими языками становится не просто преимуществом, а необходимостью. Технологии же — это уже не просто инструмент, а неотъемлемая часть любого процесса обучения.

Применение искусственного интеллекта (ИИ) становится все более популярным и значимым в различных областях нашей жизни. Современное образование не может функционировать без учета прогресса информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Нейросети, искусственный интеллект (ИИ) и виртуальная реальность (VR) автоматически интегрируются в учебный процесс, возникают новые вопросы и вызовы для традиционной методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

Согласно «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий

имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Он включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1, с. 4].

Искусственный интеллект (ИИ) в образовании ценен как средство для индивидуализации обучения и оптимизации учебного процесса. Автоматическая адаптация программы обучения к потребностям каждого студента способствует повышению мотивации и эффективности обучения, включая обучение русскому языку как иностранному.

Технологии голосового помощника, *Siri, Cortana, Google Assistant, Alexa, Алиса* и другие встроены в персональные устройства пользователей. Их задача – помочь пользователям в решении повседневных задач: поиске информации о погоде, нужных объектов в городе (аптеки, ресторана, больницы, музея, театра и т.д.) и оптимальном планировании маршрутов к ним, заказе такси, отправке SMS или совершении звонков без набора текста, получении объяснений различных понятий, терминов и т. д. Все эти функции они выполняют в ответ на голосовой запрос пользователя.

В 2017 году Яндекс представил голосового помощника *Алису*. Она может отвечать на голосовые запросы пользователей и как носитель русского языка имеет преимущества перед зарубежными аналогами. *Алиса* способна отвечать на запросы пользователя и учитывать контекст разговора. Она постоянно улучшается и использует технологию распознавания речи *SpeechKit* для работы с различными акцентами и особенностями произношения [5].

Алиса обладает уникальной чувствительностью к интонации, что позволяет ей различать вопросительные и утвердительные высказывания и правильно оформлять письменный вариант речи с использованием соответствующих знаков препинания. Кроме того, она автоматически обособляет обращения и вводные конструкции, что может быть полезно для иностранцев, которые желают тренировать ритмику и интонацию русской речи. Правильное оформление речи *Алисы*, с учетом обособления обращений, точек и знаков вопроса, способствует формированию навыков соблюдения

правил пунктуации на письме и акцентирует внимание на знаках препинания при чтении текстов [2].

Помимо вышеупомянутых функций, *Алиса* имеет целый список «навыков», которые активируются с помощью голосовой или текстовой команды пользователя. Можно выделить «навыки», которые будут полезны в учебных целях преподавателю РКИ. Они находятся в категории «Игры и развлечения», «Образование», «Общение», к ним относятся игры «Города», «Виселица», «Составь слово», «Игра математика», «Верю – не верю», функции «Разговор с поэтом» (голосовой помощник отвечает цитатами из произведений А.С. Пушкина), «Тотальный диктант» (помощник диктует учащимся учебные диктанты), «Поболтаем» (функция свободного общения с голосовым помощником) и мн. др.

Исходя из описанных особенностей *Алисы*, мы пришли к выводу о необходимости создания системы заданий для иностранных студентов, начинающих изучать русский язык. *Алиса* является полезным инструментом на этапе вводно-фонетического курса (ВФК) продолжительностью 72 академических часа. Цель ВФК – знакомство с русскими буквами, звуками, словами, синтагмами, фразами и основными грамматическими правилами. Материал изучается с использованием дидактической спирали, где каждый урок вводит новые буквы, звуки, слова и фразы, пока не будет изучена вся группа букв и звуков алфавита, а также базовые грамматические правила. Наша система упражнений с голосовым помощником включает комплекс заданий для каждого урока ВФК.

Диалоги с Алисой	
Урок 1	
1	<p><u>Задание:</u></p> <p>Дайте Алисе начало фразы, а она завершит ее, предоставив вам полное определение. Необязательно слушать или читать определение, просто убедитесь, что Алиса может понять вас и дать правильный ответ. Проверьте ответы Алисы, переходя по ссылкам и смотря картинки в Интернете.</p> <p><u>Материалы задания:</u></p> <p>1) Школа – это ...; 2) Гитара – это ...; 3) Океан – это ...; 4) Кот – это ...; 5) Парк – это ...; 6) Книга – это ...; 7) Медведь – это ...; 8) Снег – это ...; 9) Огонь – это ...; 10) Магазин – это ...; 11) Молоко</p>

	<p>Это ...; 12) Солнце – это ...; 13) Котенок – это ...; 14) Рыба – это ...; 15) Дом – это ...; 16) Цветок – это ...; 17) Дерево – это ...; 18) Луна – это ...; 19) Собака – это ...; 20) Корабль – это ...; 21) Стол – это ...;</p>
2	<p><u>Задание:</u></p> <p>Скажите Алисе эти фразы, обращая внимание на интонацию: убедитесь, что Алиса корректно записывает ваши фразы (со знаком вопроса или точкой в конце). Не обязательно читать и понимать ответы.</p> <p><u>Материалы задания:</u> 1. а) Это торт? б) Это торт. 2. а) Торт здесь? б) Торт здесь? 3. а) Это молоко. б) Это молоко? 4. а) Это кофе? б) Это кофе. 5. а) Это печенье и чай. б) Это печенье и чай? 6. а) Петр в школе? б) Петр в школе. 7. а) Это лес и река? б) Это лес и река.</p>
3	<p><u>Задание:</u></p> <p>1. Попросите Алису показать вам актуальную погоду в вашем городе.</p> <p>2. Спросите у Алисы, какая погода в городе, в котором родились.</p>
Урок 2	
1	<p><u>Задание:</u></p> <p>Задайте эти вопросы Алисе и прослушайте (а также прочтите), что она ответит.</p> <p><u>Материалы задания:</u> 1) Где ты? 2) Ты Александр? 3) Ты Екатерина? 4) Ты Иван? 5) Ты Ольга? 6) Ты ракета? 7) Ты счастлива? 8) Кто ты?</p>
2	<p><u>Задание:</u></p> <p>Обратитесь к Алисе с этими вопросами, используя интонационную конструкцию 2.2 (ИК 2.2). Не обязательно читать и понимать ответы Алисы.</p> <p><u>Материалы задания:</u> 1) Алиса, когда почта? 2) Алиса, когда прогулка? 3) Когда обед? 4) Когда репетиция? 5) Алиса,</p>

	когда выходной?
3	<p><u>Задание:</u> Начните фразу, а Алиса продолжит ее, предоставив вам полную информацию о различных странах и городах. Не обязательно слушать или читать эту информацию, просто убедитесь, что Алиса понимает вас и выполняет задание.</p> <p>2. Попросите Алису рассказать о вашей родной стране и городе. Затем поделитесь этой информацией с коллегами по группе, представляя изображения. Сопровождайте эти иллюстрации коротким описанием: "Это страна/город А флаг/карта/фотография".</p> <p><u>Материалы задания:</u> 1) Москва – это ...; 2) Лондон – это ...; 3) Иран – это ...; 4) Париж – это ...; 5) Таиланд – это ...; 6) Канада – ...; 7) Рим – это ...; 8) Судан – это ...; 9) Токио – это ..</p>

В заключении подчеркнем, что при взаимодействии с *Алисой* важно осознавать, что ее функциональные возможности, как и у любого другого голосового помощника, на данный момент все еще ограничены. Однако для эффективного использования всех ее функций в образовательных целях (особенно в области изучения русского языка как иностранного) важно иметь четкое представление о том, что может и чего не может сделать выбранный вами голосовой помощник. Это исследование представляет собой одну из первых попыток создать полноценный обзор российского голосового ассистента и его дидактического потенциала для методики обучения русскому языку как иностранному.

В перспективе наших исследований в этой области может быть разработка систем упражнений для работы с виртуальным ассистентом *Алисой* на более продвинутых уровнях изучения языка (A1, A2, B1) и интеграция их в стандартную программу изучения русского как иностранного.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Москва. 10 октября 2019 г. // [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.kremlin.ru/acts/bank/44731](http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731)
2. Аль-Кайси А.Н., Архангельская А.Л., Руденко-Моргун О.И. Интеллектуальный голосовой помощник Алиса на уроках русского как иностранного (уровень А1)

[Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. Выпуск 2. – С. 239-244. // [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/2/52.html (дата обращения: 10.02.2024).

3. Представляем голосового помощника Алису // [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/blog/company/alisa> (дата обращения: 10.02.2024).

4. Терехова Е.И., Горяинова Я.С. Применение ИИ технологий при изучении русского языка как иностранного: текущее состояние и перспективы. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. – № 1-2. – С. 30-37.

5. SpeechKit – речевые технологии Яндекса // [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/company/technologies/speech_technologies/.

Gunkina A.M.

Pushkin State Russian Language Institute

The use of artificial intelligence in teaching RFL using the example of the voice assistant Alice

The study is devoted to finding a way to effectively use the Alice voice assistant in the process of teaching Russian as a foreign language. The authors explore the possibilities of using Alice in the classroom, analyze her communication skills and develop a methodology for introducing it into the educational process. The article describes the relevance of using artificial intelligence in education and emphasizes the importance of voice assistant technologies for individualizing learning and increasing student motivation. The results of the study may be useful for RFL teachers seeking to improve the learning process for foreign students using modern methods.

Key words: artificial intelligence, voice assistant Alice, traditional methods of teaching Russian as a foreign language.

Гусева Анна Анатольевна,

Ежкова Светлана Юрьевна

ГБПОУ «Нижегородский губернский колледж»

psotinka1982@mail.ru, literatura47@mail.ru

Проблемы профессионального самоопределения на примере героев русской классики

Работа выполнена под руководством Красильниковой Ю.А., преподавателя русского языка,
литературы высшей квалификационной категории

В характеристике любого человека, человека-литературного героя основополагающими характеристиками являются профессиональное самоопределение и семейное становление; любые значимые литературные персонажи своими примерами только подтверждают тот факт, что правильно определившийся в профессиональных и семейных отношениях человек, построивший нормальные профессиональные и личностные отношения, способен внести в этот мир что-то знаковое, важное, чему-то научить других, а если особо постараться, даже изменить их.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, семейное становление, профессиональные цели, амбиции, реализация.

В характеристике любого человека, в том числе и литературного героя основополагающими характеристиками являются профессиональное самоопределение и семейное становление. Эти составляющие – стержень человеческой натуры. Только на нём, правильно и хорошо развитом, могут появиться и развиваться глубокие человеческие качества, более совершенная социальная адаптация и самореализация.

Профессиональное занятие в жизни способно удовлетворить человека и материально, и морально; оно позволяет обеспечить себя материальными необходимостями, нужными для полноценного существования, а также морально-социальными – авторитетом, уважением, заметностью среди других.

Любые значимые литературные герои, каждый в своей индивидуальной сути, своими примерами только подтверждают тот факт, что правильно определившийся в профессиональных и семейных отношениях человек, построивший нормальные профессиональные и личностные отношения, способен внести в этот мир что-то знаковое, важное, чему-то научить других, а если особо постараться, даже изменить их.

Некоторые из людей могут не задумываться о патриотизме и гуманизме, о своем духовном мире, о смысле собственной жизни, но ни один человек не оставит без внимания выбор основного вида деятельности, которым будет как минимум зарабатывать на хлеб, а также выбор создавать или не создавать собственную семью.

Гармонично построенный образ профессионала и семьянина, к сожалению, встречается не в каждом человеке. Стать таким очень непросто. Достижения и ошибки, выявляющиеся на этом пути, хорошо демонстрируют герои А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова., А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова: Евгений Онегин; Василий Данилович Вожеватов; Сергей Сергеевич Паратов; Юлий Капитонович Карандышев; Павел Иванович Чичиков; Акакий Акакиевич Башмачкин; Александр Адуев; Борис Райский; Андрей Штольц; Евгений Базаров; Родион Раскольников; Разумихин; Андрей Болконский; Пьер Безухов; Дмитрий Ионович Старцев.

Мы не можем повлиять на развитие личных и семейных историй героев, но мы можем на их примере научиться разбираться в людях, в обстоятельствах, в логике развития межличностных и семейных отношений.

Истории героев должны заставить нас включить в своё осознание – чем раньше, тем лучше – вопросы профессионального и личностно-семейного самоопределения. Конечно, в этот процесс должны включаться и родители, и общественность (средства массовой культуры), и образование – причем, в системе, целенаправленно и гармонично.

Безусловно, логичным и глубоким это осмысление получается на примере биографий писателей, политических и культурных деятелей, героев литературы. Их жизнь – это тот социальный опыт, которого так не хватает молодым людям. В образовательных учреждениях нет специализированных предметов, которые бы в системе раскрывали законы и особенности профессиональных и семейных направлений человеческой жизни, а ведь они основополагающие.

Литературные образы предоставляют нам и, особенно нашим обучающимся, интересный материал для работы над собой в профессиональном и семейном отношении:

- проблемы выбора профессии; проблемы выбора образовательного учреждения для получения образования; проблемы выпускника, его выход в большой мир специалистов разного уровня; выбор рабочего места; проблемы отношений с начальниками и коллегами; уровень обеспеченности, который может предоставить профессия и конкретное место работы; уровень собственных амбиций в вопросе карьерного роста;

- появление интереса к семейной жизни; правила выбора спутника жизни; прогнозирование совместного будущего.

Это классические составляющие реализации себя, их осознанно должен пройти любой человек. Они сравнительно одинаковы во все времена, вне зависимости от сословного и социального положения героев.

Остановимся на вопросе выбора профессии и учебного заведения

Самый первый важный выбор в жизни любого человека - выбор профессии или хотя бы жизненного занятия. Естественно, он основывается на индивидуальных интересах, особенностях, материальных и интеллектуальных возможностях и доступностях.

Некоторым нашим героям доступно хорошее, элитное образование, как Евгению Онегину, Андрею Болконскому, Пьеру Безухову, Сергею Сергеевичу Паратову.

Они получают блестящее образование. Это престижно в любое время. К сожалению, полученное образование эти герои, кроме Андрея Болконского, не изволят использовать и применять. Евгений Онегин только слегка касается своих европейских знаний в досужих беседах в свете, на балах; Сергея Сергеевича Паратова элитное образование не спасает даже от банкротства. Пьеру Безухову своё образование тоже негде применить. В их случае это

образование ради внешнего престижа. Образование, профессионализм, карьерный рост Андрея Болконского способен вызвать уважение и даже восхищение.

Герой И.А. Гончарова Борис Райский, имеет возможность получить интереснейшее образование, талантливый человек, так и не получает образования, в силу собственной бесхарактерности и ветрености.

Примером усердия и ответственности в отношении образования, конечно, являются Александр Адуев, Дмитрий Ионович Старцев, Павел Иванович Чичиков. Молодые люди превосходно завершают курс в университете или училище прямо дома, в том числе, в провинции, при этом образование у Александра Адуева, Павла Ивановича Чичикова, Дмитрия Ионовича Старцева очень достойного уровня, герои точно знают, чего хотят, знают, что образование им пригодится, они не теряют своих амбиций и с провинциальным дипломом очень активно начинают социализироваться в столице.

Александр Адуев на своем образовании построил интерес к поэтике и языкам, даже готов приносить пользу обществу. Дмитрий Ионович Старцев готовится стать серьезным успешным врачом. Павел Иванович Чичиков становится усердным, дотошным, усидчивым человеком со знанием своего дела. Особого интереса непосредственно к деятельности у него не было, но он четко понимал, что это – основа его благополучия.

Ярким примером преодоления трудностей в выборе профессии и поступлении в соответствующий вуз являются Родион Раскольников, Разумихин и Евгений Базаров. Как выходцы из глубинки, из малообеспеченных семей, они крайне смело решаются поступить в столичные университеты, кто - на юридический, кто – на медицинский факультет, что престижно и непросто даже сегодня. У них явные способности и интерес к выбранным профессиям. В сравнении с остальными героями, они, конечно, на этом этапе шагнули намного дальше остальных.

Есть и молодые люди, которые просто идут по предсказуемой дороге своей социальной группы: Василий Данилович Вожеватов, Юлий Капитонович Карандышев, Акакий Акакиевич Башмачкин: они не ищут более интересных и статусных путей, для них это обычная необходимость своих сословий; если Василию Даниловичу Вожеватову хватает, в принципе, такого уровня для поддержания и развития собственного бизнеса, то Юлий Капитонович вообще не отличается хоть какими-то амбициями в плане повышения своего социального и профессионального статуса, он «плывет по течению».

Крайне затруднительно пришлось Андрею Штольцу. Изначально получать образование ему было не легко: материальное положение родителей не позволяло, наверно, выбрать образование по интересам и возможностям. Но герой осознанно, взвешенно делает

свой выбор в отношении профессиональных занятий, с честью преодолевает материальные трудности на пути получения образования.

Естественно, что успешность обучения героев складывается в зависимости от уровня их индивидуальной мотивированности и психологических особенностей: поэтому для кого это обернется удачным стартом в профессии, а для кого – кризисом несостоявшихся амбиций: можно, конечно, и российский вуз не закончить, при явных способностях и материальном благополучии, как это происходит с Борисом Райским; можно и сломаться под гнетом безденежья, появившихся комплексов и одолевших трудностей, как Родион Раскольников; можно и отступить на время из-за материальных трудностей, но потом вернуться на прежний путь, как это делает Разумихин.

Нельзя не коснуться проблем выпускника, молодого специалиста

На следующем этапе профессионального самоопределения появляется проблема выбора места работы и определение его престижности. Материальная обеспеченность волнует только тех героев, которые были мотивированы и на реальное образование, и его применение в соответствии с адекватными личными амбициями и целями: Андрея Болконского, Андрея Штольца, Александра Адуева, Евгения Базарова, Павла Ивановича Чичикова, Дмитрия Ивановича Старцева.

Обучение явно положительно сказывается на их социализации на этапе трудоустройства; все они планируют свое профессиональное будущее, ставят необходимые цели и в первое время у всех складывается более чем удовлетворительно.

Высоких успехов достигают, естественно, Андрей Болконский, Андрей Штольц, Павел Иванович Чичиков. Единственное, Павел Иванович быстро «вырастает» из своих должностей, что тоже логично, и ищет другие места для личностного развития. С его упорством дорога законных способов заработать довольно быстро заканчивается: поиски нового, успешного места приводят героя на дорогу мошенничества. Такой вариант появляется у активных молодых людей и сегодня.

Четкая успешная профессиональная дорога видна у Евгения Базарова.

А молодым выпускникам Александру Адуеву и Дмитрию Ивановичу Старцеву приходится сталкиваться с классическими проблемами трудоустройства. Александр Адуев получает престижное, обеспечительное место в редакции, благодаря дяде; если есть возможность, почему бы не воспользоваться; единственное, молодого человека не устраивает направление работы – переводы: явно не то, к чему он стремится и чем интересуется; в принципе, у него неплохо могло получиться совмещение редактуры,

переводов и стихосложения: одной деятельностью зарабатывает, другой – душевно отдыхает.

Дмитрий Ионович Старцев поступает очень выигрышно, устроившись в провинции: большая практика, отсутствие конкуренции, возможность освоить разнообразные трудности своей профессии, возможность скопить определенный капитал и потом уже переехать в более цивилизованный город.

К сожалению, обоим молодым людям не хватило опыта, взгляда или совета со стороны, поэтому один стал отвлекаться на несостоявшиеся личные истории, а другой не заметил, как потерял интерес к динамичной профессиональной, а потом и личной жизни.

Важной является и тема профессиональных планов и амбиций

Формирование профессиональных амбиций и планов – очень серьезное дело, требующее кропотливой и аккуратной работы. Реалии профессиональной жизни таковы, что могут разрушить самые четкие цели.

Так, Андрей Болконский, Александр Адуев, Разумихин, Евгений Базаров, Василий Вожеватов, Павел Иванович Чичиков, Дмитрий Ионович Старцев, Акакий Акакиевич Башмачкин очень усердны, ответственны каждый в своём деле. Их трудолюбие и профессионализм отмечают окружающие.

Но тем из них, кто чересчур романтизирует окружающую действительность, суждено разочароваться в своем деле.

Так исчезает романтизм Андрея Болконского, Александра Адуева Дмитрия Ионовича Старцева. Герои под влиянием жизненных реалий погружаются в пессимизм профессиональный и личный. Они оказываются не готовы, даже в силу разного возраста и опыта, к тому, что мечты о славе могут оказаться крайне хрупкими.

Более устойчивыми к трудностям профессиональной реальности оказываются Евгений Базаров, Андрей Штольц, Павел Иванович Чичиков, Василий Данилович Вожеватов. Им нет дела до романтических мечтаний. Это и выручает в трудный момент. Они трудятся на собственное профессиональное или материальное благо.

Отдать должное стоит Разумихину и Гриневу: несмотря на бесконечные материальные и духовные трудности, эти герои с достоинством продолжают выполнять свой гражданский долг: они не сдаются, работают и служат. Это приносит им не только успех, но и счастье.

Не до мечтаний Сергею Сергеевичу Паратову: он пытается сохранить свое материальное и социальное положение, предпочитая собственным усилиям удачный брак.

Между тем, кое-какие мечтания закрадываются в жизнь Акакия Акакиевича Башмачкина и Юлия Капитоновича Карандышева. В силу слабого духа, не ярких амбиций мечтать они могут так же о не высоком. Их беда в другом: любая мечта требует серьезных усилий и большой работы. Способы, которыми они стремились достичь своих маленьких целей, явно не подходят: или результата не было, или он был маленький и недолговечный.

Разрушаются мечты и чаяния Бориса Райского, от его собственного бездействия и ветрености.

В непростом положении оказывается Пьер Безухов: ветреная бездеятельная молодость проходит, брак разочаровывает, но молодой человек сохраняет глубокую порядочность, доброту и заботу о друзьях. Ему повезло: за эти его качества, видимо, он находит себе жизненные занятия: семейные заботы и общественную деятельность.

Мечтает ли о чем в отношении своего положения и будущего Евгений Онегин? Вряд ли. Ему и мечтать, наверно, скучно.

Многие наши герои оказались заложниками крайностей: либо профессионально-личная мечта разочаровала, либо не сбылась.

Любая мечта, как нечто прекрасное и нужное, требует и работы, и трезвого взгляда на возможности, происходящее. Тогда и результат будет, и реальность не разочарует.

Детальное изучение путей профессионального самоопределения и других героев русской классики раскрывает нам разнообразие достижений, результатов: есть из чего выбрать, есть, чему поучиться и взять на вооружение.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 447-483.
3. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Метафизика русской литературы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 3. – С. 79-83.
4. Лотман Ю.М. Пушкин – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – 847 с.

Guseva Anna Anatolyevna,

Ezhkova Svetlana Yurievna

Nizhny Novgorod Provincial College

Problems of professional self-determination on the example of the heroes of Russian classics

In the characterization of any person, a person who is a literary hero, the fundamental characteristics are professional self-determination and family formation; any significant literary characters with their examples only confirm the fact that a person who has correctly defined himself in professional and family relations, who has built normal professional and personal relationships, is able to bring something significant, important, to this world. then teach others, and if you try hard enough, even change them.

Keywords: professional self-determination, family formation, professional goals, ambitions, realization.

Данилова Надежда Андреевна

Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко
nadya.danilova.0101@mail.ru

Технология дискуссии на уроке изучения литературно-критических статей

Работа выполнена под руководством Овченковой Ольги Юрьевны,
кандидата педагогических наук, доцента

В статье представлены материалы исследования дидактического потенциала технологии дискуссии на уроках изучения литературно-критических статей в курсе изучения литературы в школе. Рассмотрены виды дискуссий, характер задания в тесте ЕГЭ по литературе.

Ключевые слова: Федеральные образовательные стандарты, критическое мышление, литературно-критические статьи, дискуссия.

В свете требований Федеральных государственных образовательных стандартов возникает необходимость применения в обучении литературе технологий, которые способствовали бы подготовке ответственных, инициативных и компетентных выпускников. Решению этой задачи способствуют диалоговые технологии, позволяющие сделать обучающихся активными участниками образовательного процесса.

Традиционность методики обучения в школе делает обучение в формате диалога и дискуссии затруднительным и достаточно редким. К сожалению, на уроках продолжают доминировать фронтальные методы работы, учебное взаимодействие осуществляется преимущественно между учителем и каждым отдельным учеником, основные усилия учителя направлены на организацию индивидуальных действий каждого ребенка в отдельности, практически отсутствует сотрудничество обучающихся между собой.

Проблемой дискуссионной формы обучения занимались отечественные педагоги, психологи, методисты и историки: Ю.К. Бабанский, Д.П. Горский, Т.В. Анисимова, Г.А. Цукерман, В.И. Курбатов, М.В. Короткова, М.С. Байматова и др.

Диалоговые технологии обладают большим дидактическим потенциалом в формировании критического мышления, так как необходимость работы с различными

источниками, проработка больших объемов информации развивают мотивацию к познанию и социальную компетентность.

Дискуссия – одна из самых действенных технологий группового взаимодействия. Дискуссия направлена на коллективный взаимообмен мнениями, предложениями, идеями, решениями и сопоставление информации. Данный тип технологии коммуникации используется при обсуждении вопросов, на которые нет точного ответа.

Участие школьников в дискуссии обеспечивает глубокое, осознанное, содержательное, личностное развитие и получение знаний, которое имеет долгосрочный эффект через активное обсуждение в процессе поиска научных знаний. Помимо познавательной цели, дискуссия имеет и направленность на развитие у школьников коммуникативных навыков, аналитических способностей, а также построения аргументированных доказательств своих идей.

Среди видов дискуссии по форме организации традиционно выделяют «Круглый стол», форум, мозговой штурм, симпозиум, дебаты. Общий признак всех этих форм дискуссии – выращивание живого знания в процессе коллективного (группового) обсуждения проблемы.

Особенно актуальна технология дискуссии в обучении литературы, так как изучение литературного произведения – это постижение мира, самого себя и автора, создавшего свою модель действительности, которая может вызывать вопросы, сомнения и даже неприятие. Плеяда талантливых русских ученых в области методики преподавания литературы (В.В. Данилов, Н.М. Соколов, Г.А. Гуковский, Л.Н. Лесохина, В.Г. Маранцман) видят успехи в обучении школьников русской словесности в формировании умений, которые позволят им научиться слушать и слышать, грамотно формулировать свои мысли, осмысливать прочитанное, задавать вопросы и на основе этого видеть проблематику того или иного художественного произведения.

В условиях компетентного подхода в обучении задача школы – научить учиться, самостоятельно приобретать знания на основе их критического осмысления. Технология дискуссии позволяет осмыслить не только художественный текст, но и понять различные его оценки, изложенные в литературно-критических статьях.

ЕГЭ по литературе (задание № 17) предполагает умения использовать аргументацию критиков для оценки художественного произведения. Приведем некоторые примеры:

1. «Согласны ли вы с мнением Д.И. Писарева, утверждавшего, что Павел Петрович – герой печоринского типа? (проверяется знание статей Д.И. Писарева «Базаров» и «Реалисты»).

2. «Какие черты личности Катерины позволили Н.А. Добролюбову назвать ее «сильным характером»? (по статье Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве»).

3. «Согласны ли вы с В.Г. Белинским, назвавшим роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни»? Свое мнение обоснуйте (статья В.Г. Белинского «Сочинения Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин»).

Безусловно, наличие в ЕГЭ заданий, связанных с проверкой знаний критических статей, подчеркивают значимость изучения критического материала в школе.

Но вместе с тем работа с критическими статьями позволяет усиливать читательскую мотивацию, стремление лично осмыслить поднятые писателем и критиком проблемы, заинтересованно искать в них ответы как непосредственно в произведении, так и в статьях критиков, участвовать в классных диспутах, которые активно пробуждает литературная критика.

Поскольку умение критически осмысливать информацию формируется уже к старшим классам, то активное изучение литературно-критических статей начинается в 9-ом классе и продолжается до выпускного 11-ого.

Таким образом, постепенно приобретая опыт работы с литературно-критическими статьями, учащиеся могут самостоятельно подбирать материалы, углубленно изучать и аргументировать свою точку зрения. Для этого важна системность знаний, формируемая учителем литературы, постоянная закрепленность и связь теории с практикой.

Литература

1. Абдуллина, А.Ш. Действенные технологии учебной дискуссии на уроках литературы / А.Ш. Абдуллина, О.В. Лысова, А.С. Мугаллимова // Язык и литература в поликультурном пространстве. – Бирск, 2020. – С. 3-9.
2. Абилтаева, Д.С. Применение групповых дискуссий и техники их организации на уроках литературы в школе / Д.С. Абилтаева // Родной язык, культура и литература в системе образования. – Уфа, 2023. – С. 39-43.
3. Абрамова, Г.С. Возрастная психология / Г.С. Абрамова. – Москва : Академический проект, 2016. – 701 с.

Danilova N.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education named after V.G. Korolenko

The technology of discussion in the lesson of studying literary and critical articles

The article presents research materials on the didactic potential of the technology of discussion in the lessons of studying literary and critical articles in the course of studying literature at school. The types of discussions and the nature of the task in the exam in literature are considered.

Дао Ань Туан

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

bachkimivan@gmail.com

Семантика и прагматика глагольных приставок в современной русской речи (на материале словообразовательного гнезда “вязать”)

Работа выполнена под руководством Е.А. Юриной, доктора филологических наук, профессора

Данное исследование посвящено анализу семантики и прагматики глагольных приставок русского языка на основе словообразовательного гнезда глагола "Вязать". Актуальность исследования обусловлена богатством глагольных приставок, изменяющих семантику глагола и его употребление в различных контекстах. Целью работы является изучение семантики русских глагольных приставок, их функционирования в системе словообразования, а также прагматического эффекта в речи.

Ключевые слова: Глагольные приставки, прагматика, словообразовательное гнездо, функциональное словообразование, грамматические особенности, когнитивная семантика.

Настоящая работа посвящена исследованию семантики и прагматики глагольных приставок русского языка на материале словообразовательного гнезда глагола «Вязать».

Русский язык обладает богатым набором глагольных приставок, которые могут изменять семантику глагола. Изучение семантики и прагматики этих приставок помогает лучше понять, как они влияют на значение глагола и на его употребление в различных контекстах. Исследование словообразовательного гнезда «вязать» позволяет изучить множество глаголов, образованных от данного корня, и их разнообразие в семантическом и грамматическом плане.

Проблема семантики глагольных приставок исследуется в семантическом и функциональном словообразовании (Н.Б. Лебедева, Ю.В. Филь, Ю.С. Серышева и др.), а также в теории способов глагольного действия.

Цель исследования – изучить семантику русских глагольных приставок, функционирование приставок в системе русского словообразования, прагматический эффект высказывания с использованием приставочных глаголов и отглагольных производных.

Задачи исследования:

- Уточнить понятие семантического и прагматического значения в современной лингвистике.
- Охарактеризовать содержание понятия словообразовательного значения.

- Описать семантический и прагматический потенциал префиксальных единиц.
- Представить общую структуру семантического поля «Вязание» в русском языке.
- Изучить функционально-грамматическое поле глаголов с семантикой вязания.
- Выделить лексико-семантическую группу глаголов вязания.
- Исследовать словообразовательный потенциал глагольной группы семантикой вязания.
- Рассмотреть дискурсивные особенности использования глаголов с семантикой вязания.
- Выявить основные лексико-семантические группы глаголов с семантикой вязания в современной русской речи.
- Проанализировать префиксальные словообразовательные ряды глаголов с семантикой вязания.
- Исследовать употребление этого глагола в современной русской речи.

Объект исследования – приставочные глаголы и производные от них номинации, входящие в словообразовательное гнездо “вязать”.

Предмет исследования – семантика глагольных приставок и прагматика их функционирования в современной русской речи.

Понятие лексического значения представляет собой достаточно сложное структурное образование. Лексическое значение включает семантический и прагматический компоненты. В семантическом компоненте, в свою очередь, выделяются денотат и сигнификат – отражение объективных и понятийных свойств объекта. Прагматический компонент лексического значения включает экспрессивно-эмоциональную оценку и разнообразные коннотации. Семантический компонент значения носит формальный характер, прагматический – функциональный. Семантические и прагматические компоненты дополняют друг друга. Вопрос о соотношении семантики и прагматики остаётся дискуссионным в современной лингвистике. Также в структуре лексического значения выделяют синтаксический компонент, который проявляется при выстраивании связей с другими лексическими единицами. Однако слово как самостоятельная единица языка рассматривается в аспекте семантического и прагматического значения, и выступает одновременно в качестве средства номинации и коммуникации. Однако не все компоненты семантического значения используются в коммуникации: значение в коммуникативном акте включает только компоненты, необходимые в силу коммуникативного задания.

Русская языковая система характеризуется активными процессами в области словообразования. На этом уровне формируется понятие словообразовательного значения,

которое формируется в деривате в результате его формирования. Исследование типов словообразовательных значений выявило их прямую зависимость от формальных процессов словообразования: частеречной принадлежности и типе используемой словообразовательной морфемы. Отдельно рассматриваются словообразовательные значения различных частей речи и значения, связанные со способом образования. Таким образом, можно говорить о специфическом значении словообразовательных единиц – суффиксов и приставок. В исследованиях выделяются типы словообразовательных значений, характерные для глаголов, образованных от других глагольных единиц префиксальным способом.

В контексте словообразования актуальность приобретает понятие словообразовательного гнезда. Исследование этого понятия в отечественной лингвистике позволило выделить специфические характеристики, которые позволяют рассматривать словообразовательное гнездо как полевую структуру, соотносимую с другими типами полей: лексико-семантическим и функционально-грамматическим. Однако специфические характеристики словообразовательных гнёзд (избыточность, недостаточность, асимметричность формы и содержания, множественность систем) не позволяют полностью соотнести их с полевыми образованиями. В структуре словообразовательного гнезда выделяется в качестве основного признака строгость и ступенчатость иерархии. Следовательно, при исследовании словообразовательных гнёзд могут быть использованы элементы полевого подхода для анализа лексических трансформаций. Для анализа формальных признаков используются парадигматический и интегративный подходы.

В русском языке приставки играют важную роль в формировании значений глаголов. В словообразовательном гнезде «вязать» можно наблюдать разнообразие приставок, таких как «пере-», «с-», «раз-», «под-» и другие, которые образуют новые глаголы с различными значениями. Предполагается, что каждая приставка вносит специфические семантические и грамматические оттенки, определяющие контексты употребления, смысловые нюансы и прагматические эффекты употребления приставочных глаголов в речи. Исследование предполагает анализ каждой глагольной приставки в словообразовательном гнезде «вязать», выявление их семантики и грамматических особенностей, а также описание их влияния на употребление производных глаголов в речи. Ожидается, что исследование подтвердит гипотезу о том, что глагольные приставки в словообразовательном гнезде «вязать» играют существенную роль в формировании значений глаголов и вариативности их употребления в современной русской речи.

Эмпирическую базу исследования составляют слова, входящие в словообразовательное гнездо «Вязать»: *связать, связаться, привязать, привязаться, привязанность, привязчивый, навязать, навязаться, навязчивый, развязать, развязаться* и т.д. Контексты, в которых эти лексические единицы выполняют экспрессивно-оценочную функцию, используются в переносно-образных значениях. Источниками материала выступают словари русского языка и Национальный корпус русского языка.

Исследование может выявить различные семантические значения глагольных приставок в словообразовательном гнезде «вязать». Например, приставка «пере-» может указывать на повторное действие, «с-» на совершение действия вместе с кем-то, «раз-» на разделение или распад, «под-» на начало действия и т.д. Это поможет лучше понять, как эти приставки влияют на значения и употребление глаголов.

Исследование может также выявить грамматические особенности глагольных приставок в словообразовательном гнезде «вязать». Например, некоторые приставки могут изменять аспектуальные характеристики глаголов, влияя на их видовую пару (совершенный и несовершенный вид), возвратность. Также могут быть обнаружены особенности употребления приставок с различными временными формами и модальностями.

Данная тема актуальна для современной лингвистики, так как связана с исследованиями по системно-структурной и когнитивной семантике и прагматике, вносит вклад в развитие семантического и функционального словообразования. Глагольные приставки можно изучать не только с точки зрения структуры языка, но также изучать прагматический потенциал приставок, их роль в выражении оценки и экспрессивного воздействия на адресата в коммуникации.

Результаты исследования могут иметь практическое применение в различных областях, таких как лексикография, перевод, создание словарей и языковых моделей.

Литература

1. Абдуллаева Ш.Д. Система глагольных словообразовательных категорий в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25 (240). – Вып. 58. – С. 5–10.
2. Альтман И.В., Шевчук В.Н. Некоторые результаты сопоставления словообразовательных гнезд с помощью искусственного языка-эталона // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – Москва : Наука, 1987. – С. 212–215.
3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – Москва : Высш. шк., 1986. – 295 с.

4. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики: вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – Москва, 1985. – С. 3-43.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. – Москва : Наука, 1988. – 338 с.
6. Бутяева О.Г. Соотношение прагматического и семантического компонентов в структуре значения слова // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. – 2002. – С. 152-154.
7. Влавацкая М.В. Синтагматический аспект лексического значения слова: структура и содержание // Филология и человек. – 2011. – № 2. – С. 72-83.
8. Юрина Е.А. Семантика и функции глагольного префикса в процессах метафоризации гастрономической деятельности // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной памяти профессора Л.А. Араевой. Отв. редактор Э.М. Афанасьева. – Москва, 2022. – С. 64-70.

Dao Anh Tuan

Pushkin State Russian Language Institute

Semantics and pragmatics of verbal prefixes in modern Russian speech (based on the word-formation nest “knit”)

Abstract: This study is devoted to the analysis of the semantics and pragmatics of verbal prefixes in the Russian language based on the derivational nest of the verb “Knit”. The relevance of the study is due to the richness of verbal prefixes that change the semantics of the verb and its use in various contexts. The purpose of the work is to study the semantics of Russian verbal prefixes, their functioning in the word formation system, as well as the pragmatic effect in speech.

Key words: Verb prefixes, pragmatics, word-formation nest, functional word formation, grammatical features, cognitive semantics.

Дауенова Жаннат Шормановна

Казахский национальный педагогический университет имени Абая
dauenowa@inbox.ru

Гастика как отражение культуры в СССР: анализ и перспективы

Работа выполнена под руководством Жумагуловой Бахытгуль Сакеновны, профессора,
доктора филологических наук

Статья "Гастрономия как отражение культуры СССР: Анализ и перспективы" предлагает глубокий взгляд на роль гастрономии в советском обществе, выявляя ее влияние на формирование культурного наследия. Введение рассматривает определение гастрономической культуры и предоставляет краткий обзор истории СССР. Основные разделы анализируют традиционные блюда, социальные аспекты приема пищи, влияние дефицита

продуктов, а также изменения в гастрономии после распада СССР. Специальное внимание уделяется общественным столовым, роли семейных обедов и ужинов, а также особенностям поведения за столом в советском обществе. Анализируется влияние государства на продовольственную сферу и переходный период после распада СССР. Заключение подчеркивает роль гастрономии в формировании культурного наследия и предоставляет перспективы развития гастрономической культуры в постсоветском пространстве. Статья представляет собой комплексный обзор, основанный на литературе и анализе исторических и социокультурных данных.

Ключевые слова: гастика, культура питания в СССР, семейные традиции, приготовление пищи, потребление пищи, стандартизированное питание.

В современном мире еда не только удовлетворяет физическую потребность, но и является неотъемлемой частью культуры. Гастическая культура, как важный компонент этого явления, превращает прием пищи в уникальное искусство, отражающее особенности и ценности общества. В течение более полувека Советский Союз был культурным и политическим гигантом, чьи изменения отразились в различных сферах жизни. Изучение гастрономической культуры этого периода позволяет погрузиться в уникальный контекст времени, когда общество претерпело значительные трансформации. Еда, в свою очередь, становится зеркалом, в котором отражаются ценности, традиции и образ жизни общества. Гастика выступает не только как процесс приготовления и употребления пищи, но и как ключевой элемент формирования идентичности и культурного наследия.

Наша статья направлена на рассмотрение пищевой культуры в СССР как отражения социокультурных аспектов времени. Анализ кулинарных традиций позволит более глубоко понять, как пища служила индикатором перемен в советском обществе, а также как эти изменения повлияли на формирование современного культурного наследия. Это можно обосновать тремя ключевыми аргументами: во-первых, пища выявляет, отражает и проявляет обычаи народа, проживающего в конкретном регионе; во-вторых, кулинарные традиции служат индикатором общей степени цивилизованности народа, его творческих способностей, оригинальности и способности приспосабливаться к природным условиям окружающей среды; в-третьих, национальная кухня региона представляет собой один из критериев, определяющих психологический характер нации, который проявляется в предпочтениях и кулинарных пристрастиях. В общем, пища, стиль питания и предпочтения народа наилучшим образом отражают его национальные особенности и характер. Еда и напитки раскрывают, какие ценности люди ценят в жизни, так как место пищи определяет их роль в культуре, отражает истинное значение важных аспектов жизни и демонстрирует, каким образом они вписаны в культурный контекст определенного народа.

В течение советской эпохи сформировались уникальные кулинарные предпочтения. Борщ, пельмени, картошка по-деревенски и другие блюда стали неотъемлемой частью советского стола, а их приготовление передавалось из поколения в поколение. Праздники в СССР сопровождались особыми гостиничными традициями. Семейные застолья, связанные с Новым годом, Первомаем, Днем Победы, отражали не только радость празднования, но и особенности социокультурного контекста. Еда в СССР не только утоляла голод, но и выполняла функцию символа общественных идеалов. Понимание того, что есть "по-советски", имело глубокие культурные и социальные корни, отражая особенности советского образа жизни. Государственное вмешательство в сферу продовольственной политики в СССР оказало значительное влияние на формирование гастрономической культуры. Общественные столовые и заведения быстрого питания стали неотъемлемой частью советской столовой культуры. Их роль в обеспечении доступности и разнообразия пищи для населения отразила социальные аспекты ежедневного питания. Государственный контроль над производством и распределением продуктов сформировал характерные черты советской диеты. Очереди за продуктами и дефицит стали обыденной реальностью советской повседневности. Эти явления повлияли на выбор продуктов, их приготовление, а также на отношение к еде как к ресурсу. Дефицит продуктов создал своеобразные условия для кулинарного творчества и выживания. Адаптация к ограниченным ресурсам оказала влияние на формирование советской гастрономии и стала важным элементом культурной идентичности. Семейные обеды и ужины играли важную роль в советской культуре. Они становились временем для общения, передачи традиций и укрепления семейных уз. Советское общество развивало свои собственные нормы и правила в отношении поведения за столом. Эти особенности включали в себя не только столовую этикет, но и социальные обычаи, формирующиеся в процессе общественной жизни.

Распад Советского Союза и переход к рыночной экономике оказали существенное воздействие на пищевую промышленность. Изменения в системе распределения и производства продуктов сказались на доступности и разнообразии продуктов. Открытие границ и импорт продуктов с различных уголков мира привнесли новые ингредиенты и кулинарные традиции. Это повлияло на разнообразие блюд и предпочтений в современной гастрономии. Несмотря на изменения, современная еда в регионах, бывших в составе СССР, продолжает сохранять и трансформировать некоторые советские кулинарные традиции. Это является интересным аспектом культурного наследия и самоидентификации. Гостиничная культура СССР оставила неизгладимый след в культурном наследии. Понимание роли еды в формировании идентичности общества дает возможность лучше понять прошлое и

настоящее. Современная гастрономическая культура в постсоветском пространстве находится на стыке традиций и новаторства. Изменения в экономической системе, открытие границ и импорт продуктов привнесли в кулинарный ландшафт новые влияния и ингредиенты. Вместе с тем, сохранение советских кулинарных традиций и их трансформация в условиях современного общества предоставляют уникальные возможности для создания синтеза прошлого и будущего. Перспективы развития пищевой культуры включают в себя не только новые вкусы и тенденции, но и поиск баланса между сохранением культурного наследия и развитием новых кулинарных традиций.

В итоге анализа роли гасрики в СССР и ее влияния на культурное наследие, а также рассмотрения перспектив развития гастрономической культуры в постсоветском пространстве, становится ясным, насколько пища и способы ее приготовления стали неотъемлемой частью социокультурного облика общества. Культура потребления пищи Советского Союза оказалась не только источником пищи, но и мощным инструментом формирования культурного наследия. От традиционных семейных обедов до специфики общественных столовых, советская гасрика несет в себе отпечаток идеологических принципов и повседневной жизни. Отблески этой культуры видны в традиционных блюдах, связанных с праздниками и семейными сборами. Гасрика стала своего рода кулинарным архивом, в котором хранятся воспоминания о былом, создавая уникальную среду для культурного наследия. Сегодня эта культура, будучи предметом изучения, также предоставляет нам возможность взглянуть в будущее, сохраняя при этом уважение к историческому прошлому и традициям.

Литература

1. Гак В.Г. Семантические основы сопоставления двух культур / В.Г. Гак // Вестн.Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 19. – С. 27-29.
2. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. / Г.Д. Гачев. – Москва : Эксмо. – 2003. – 250 с.
3. Левинтов А.Е. Книга о вкусной жизни: небольшая энциклопедия / А.Е. Левинтов. – Москва : Издательство Ольги Морозовой. – 2008. – 265 с.
4. Похлебкин В.В. Кухня Века. / В.В. Похлебкин. – Москва : Полифакт. – 2000. – С. 55-57.

Dauyenova Zh.Sh.

Kazakh National Pedagogical University, Named after Abai

Gastronomy as a reflection of Soviet culture: analysis and perspectives

The article "Gastronomy as a Reflection of Soviet Culture: Analysis and Perspectives" provides an in-depth examination of the role of gastronomy in Soviet society, highlighting its influence on shaping cultural heritage. The introduction discusses the definition of gastronomic culture and offers a brief overview of the history of the USSR. The main sections analyze traditional dishes, social aspects of food consumption, the impact of food shortages, and changes in gastronomy after the collapse of the USSR. Special attention is given to public canteens, the role of family dinners, and the peculiarities of table manners in Soviet society. The analysis includes the influence of the state on the food industry and the transitional period following the dissolution of the USSR. The conclusion emphasizes the role of gastronomy in shaping cultural heritage and provides insights into the prospects for the development of gastronomic culture in the post-Soviet space. The article represents a comprehensive review based on literature and the analysis of historical and socio-cultural data.

Key words: Gastronomy, culinary culture in the USSR, traditions, food Preparation, food consumption, standardized Culinary Practices.

Демочко Дарья Андреевна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
d.demochko@mail.ru

Мобильные приложения в обучении РКИ

Работа выполнена под руководством Куваевой Алены Сергеевны, доцента, кандидата педагогических наук

В статье рассматривается вопрос применения мобильных приложений в качестве одного из возможных средств реализации игровой деятельности в ходе обучения РКИ. Работа включает анализ различных мобильных приложений и их особенностей, а также выделяются их потенциальные преимущества и недостатки.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, РКИ, обучающее мобильное приложение, mLearning, мобильные технологии.

Мобильные приложения в значительной степени изменили процесс изучения языка, создав доступные и интерактивные платформы для изучения русского языка как иностранного. Популярность данного средства обучения можно объяснить высокой степенью интеграции мобильных технологий во все сферы жизни современного человека.

Появление мобильных технологий изменило образовательную практику, открыв новые возможности для изучения языка. В частности, использование мобильных приложений получило широкое распространение в преподавании русского языка как иностранного благодаря их доступности, адаптивности и интерактивным возможностям. Цель использования обучающих мобильных приложений заключается в трансформации традиционного формата обучения в его более увлекательный и эффективный вариант через внедрение игрового момента. Итак, mLearning (mobile learning) – мобильное обучение с использованием мобильных технологий.

Мобильные приложения могут иметь различные функции. На этом основании мы имеем возможность разделить их на следующие группы:

1. Приложения для изучения языка через визуализацию.

Примерами данного типа приложений могут являться: Quizlet (quizlet.com), Memrise (www.memrise.com).

Мобильные приложения данной группы используются для заучивания слов, словосочетаний и фраз. В этом случае новый языковой материал представляется учащемуся с переводом и/или с визуальным подкреплением, что приводит к более быстрому запоминанию.

Этот тип приложений может быть различным по функциональному наполнению: от базовой возможности использования флеш-карточек до различных вариантов игр с ними, также направленных на заучивание материала, как индивидуально, так и коллективно.

Необходимо отметить, что приложение дает возможность педагогу не только использовать уже готовые, созданные другими пользователями, флеш-карточки, но и создавать собственные, что дает возможность расширить потенциал применения приложения. Кроме этого, доступна статистика: количество входов в приложение, процент верных ответов и так далее.

2. Приложения для совершенствования лексико-грамматических навыков.

Примерами данного типа приложений могут являться: Clozemaster: (www.clozemaster.com), Duolingo (www.duolingo.com).

Рассмотрим второй пример подробнее. Представляемый материал в рамках тематических уроков можно разделить на две группы: грамматика и лексика.

Одним из главных недостатков данного приложения является то, что раздел для изучения русского языка был создан иностранными специалистами, вследствие этого учебный материал может содержать ошибки.

3. Приложения для общения.

Примерами данного типа приложений могут являться: HelloTalk (www.hellotalk.com), Italki (www.italki.com).

Изучающие иностранный язык могут найти собеседников для языковой практики. В приложениях такого типа, как правило, есть возможность отправлять текстовые или голосовые сообщения (формат общения при этом выбирается собеседниками самостоятельно). Данная практика крайне полезна для изучающих иностранный язык, так как она позволяет совершенствовать навыки говорения, восприятия речи на слух (в случае

обмена голосовыми сообщениями), а также способствует культурному обмену между носителями разных языков.

Собеседниками являются, как правило, носители языка, не являющиеся преподавателями, поэтому языковая практика происходит на основе взаимовыгодного обмена, дающего возможность получать уроки бесплатно.

4. Приложения для перевода (словарного типа).

Примером данного типа приложений может являться: Учим и играем. Русский +.

Подобные приложения ограничиваются исключительно функцией словаря «слово-перевод». Но некоторые из них включают в себя игры для изучения и отработки лексического материала.

5. Приложения для чтения.

Примером данного типа приложений может являться: Beelinguapp (beelinguapp.com).

В приложении языковой материал, предлагаемый студенту для изучения, подбирается с учетом его интересов. Письменный текст дублируется в аудиоформате с возможностью замедления темпа речи для лучшего восприятия на слух. В процессе чтения студент может моментально перевести незнакомое слово длительным нажатием, а также добавить его в свой словарь.

Кроме этого, функционал приложения не ограничивается возможностью чтения. Доступны также: тренировка слов при помощи глоссария по принципу флеш-карточек с возможностью озвучивания слова, дополнительные упражнения-игры после прочтения каждого текста, которые тренируют все виды речевой деятельности.

Однако необходимо отметить недостаток данного приложения, который заключается в наличии ошибок, как и в случае с вышеупомянутым Duolingo.

Одним из основных преимуществ использования мобильных приложений в процессе обучения иностранным языкам является возможность приступить к изучению языка вне аудитории в любое удобное для студента время. Поэтому многие приложения создают мини-уроки, требующие от учащегося не более 5-15 минут на каждый из них. Таким образом студенту легче ввести в привычку регулярные занятия иностранным языком, интегрируя их в свою повседневную жизнь.

Мобильные приложения для изучения иностранных языков часто используют элементы геймификации для того, чтобы сделать процесс изучения более эффективным и увлекательным. Следует уточнить значение термина «геймификация» – это применение в процессе обучения игровых техник в неигровом контексте для повышения уровня

вовлеченности и заинтересованности учащихся и удержания их мотивации на достаточном уровне, что приводит к улучшению результатов обучения.

Например, включение механизмов отслеживания прогресса, таблиц лидеров и значков достижений в приложения для изучения языка побуждает учащихся ставить и достигать цели, повышая тем самым их мотивацию. Кроме того, включение соревновательного элемента, направленного на соперничество как с самим собой, так и с другими учащимися, стимулирует учащихся к активному участию в образовательном процессе и стремлению к совершенствованию своих навыков владения русским языком.

Весь процесс обучения иностранному языку направлен на выработку необходимых языковых, речевых и социокультурных компетенций студентов, то есть на формирование способности корректно и в неограниченном количестве применять приобретенные знания о языковых знаках и принципах их соединения во всех видах речевой деятельности, а также приобретение умений оперировать системой знаний о социокультурных особенностях в условиях диалога культур.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что при условии детальной разработки педагогами учебных стратегий и продуманного выбора оптимальных средств обучения в зависимости от целей, запросов и возрастного уровня учащихся, мобильные приложения, используемые в качестве инструментов геймификации, обладают значительным потенциалом для достижения необходимого уровня мотивации учащихся для овладения иностранным языком, так как они способствуют плавному и комплексному включению игровых элементов в образовательный процесс.

Литература

1. Авраменко А.П. Методика применения мобильных технологий в преподавании иностранных языков: этапы развития и современные тенденции // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2013. №6 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-primeneniya-mobilnyh-tehnologiy-v-prepodavanii-inostrannyh-yazykov-etapy-razvitiya-i-sovremennye-tendentsii> (дата обращения: 13.02.2024).
2. Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в обучении РКИ: состояние и перспективы / Э.Г. Азимов // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 6(229). – С. 45-55.
3. Алексеева Н.А. Интеграция мобильного обучения в процесс преподавания иностранных языков / Н. А. Алексеева, П. А. Фисунов // Вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков : Сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26–27 октября 2016 года /

Ответственные редакторы Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2016. – С. 6-11.

4. Богомолов А.Н. Интернет-технологии в обучении русскому языку как иностранному / А.Н. Богомолов // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009. – № 1. – С. 40-44.

5. Куваева А.С. Электронные образовательные ресурсы в обучении русскому языку как иностранному: российский и немецкий опыт / А.С. Куваева, Т.С. Суший // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 26-28 мая 2020 года. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 216-222.

6. Лебедева М.Ю. Принципы цифровой лингводидактики в системе подготовки преподавателей русского языка как иностранного / М.Ю. Лебедева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2018. – № 6. – С. 1554-1559.

7. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие / А.Н. Щукин. – 4-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2017. – 509 с.

Demochko D.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Mobile applications in RFL education

The article focuses on the use of mobile applications as one of the possible means of realizing game activities in the teaching of RFL. The work includes the analysis of various mobile applications and their features, as well as their potential advantages and disadvantages.

Keywords: methodology of teaching foreign languages, RFL, educational mobile application, mLearning, mobile technologies.

Деря Екатерина Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

deryakatish@gmail.com

Закрепление за словоформой «отношения» романтической коннотации

Работа выполнена под руководством Миловановой Марии Станиславовны,
доктора филологических наук, профессора

В статье рассматривается процесс приобретения словоформой «отношения» романтической коннотации.

Ключевые слова: коннотация, семантика, трансформация значения, романтический дискурс, романтические отношения, межличностные отношения.

В статье исследуется явление закрепления романтического значения за словоформой «отношения». В современном языке данная словоформа часто ассоциируется с романтическими отношениями, эмоциональными и интимными взаимоотношениями между людьми. В ходе исследования будет проанализирована коннотация словоформы «отношения» как обозначение романтического партнёрства.

Трансформация значений отдельных слов и словоформ – языковой феномен, который необходимо фиксировать и изучать. В современном мире существует возможность анализировать цифровой отпечаток живой речи. Настоящее исследование основано на анализе контекстов употребления данной словоформы с различными лексическими элементами и в определенных грамматических конструкциях. Актуальность данной статьи состоит в том, чтобы с помощью анализа речи проследить и зафиксировать наиболее популярное актуальное значение словоформы «отношения»: ‘романтические отношения’, ‘взаимоотношения между романтическими партнерами’. Целью исследования является изучение случаев употребления этой словоформы в её новом значении, выявление механизмов, которые способствуют укреплению романтической коннотации у слова «отношения», чтобы впоследствии подтвердить гипотезу о закреплении за данной словоформой романтической коннотации. В рамках работы используется несколько подходов: семантический анализ словоформы «отношения», сравнительный анализ употребления слова в различных контекстах и анализ примеров из художественной литературы. Будут рассмотрены роль контекста и синтаксических связей в закреплении романтической коннотации, а также факторы, влияющие на это закрепление.

Результаты исследования позволят лучше понять процесс формирования значений и коннотаций слов, а также динамику закрепления романтической коннотации за словоформой «отношения». Эта работа будет полезна для лингвистов, литературоведов и всех, кто интересуется языком и его эмоциональными нюансами. В качестве материала исследования были выбраны материалы из Национального корпуса русского языка и из открытых интернет-ресурсов, СМИ.

Привлекает внимание процесс формирования романтического дискурса как уровня межличностного дискурса. Т.Г. Ренц в своей статье об этом явлении подчёркивает, что для любой сферы человеческой жизни появляется обслуживающие её тексты, слова, выражения, и выделение романтического дискурса как самостоятельного явления помогает лучше изучить коммуникацию, строящуюся вокруг романтических отношений [7]. Исследуемую словоформу в вышеупомянутом значении можно отнести одновременно к романтическому,

бытовому и бытийному дискурсу, так как она может быть использована в разных случаях для фатической коммуникации, для отвлечённой рефлексии или для самоопределения.

Рассмотрим, как проявляется слово «отношение» в разных контекстах. В первую очередь, определение в словарях, в единственном числе и во множественном.

Отношение (ед.ч.)

«Метасловарь» на образовательном ресурсе «Грамота.ру» даёт комбинированное определение:

ОТНОШЕНИЕ – взаимная связь, зависимость разных величин, предметов, явлений, соотношение между чем-л. *О. мышления к бытию. О. между намерениями и поступками человека. Критика определяет о. нового произведения к прежним* [4].

Приведём несколько основных трактовок слова из статьи «Большого универсального словаря русского языка»:

ОТНОШЕНИ|Е, -я, род. мн. отношений, ср., нд., П г.

1.0. зд. ед. Действие по знач. глаг. *отнестись, относиться* 1.0., т. е. осуществление относительно кого-чего-л. каких-л. действий, проявление каких-л. чувств, а ткж. тот или иной характер поведения, обращения кого-л. с кем-чем-л.

2.0. Наличие связи, какой-л. общности между кем-чем-л., касательно к кому-чему-л.

3.0. Тот или иной вид связанности, зависимости, соотнесённости. Временные о. Пространственные о. Причинные о. *О. мышления к сознанию.*

4.0. С оттенком устар. Деловая бумага, посылаемая официальному лицу, учреждению. Послать куда-л. о. по поводу срочного ремонта чего-л. Получить о. из вышестоящего органа [2].

Отношения (мн.ч.) –

ОТНОШЕНИЯ [взаимное общение; связь между кем-л.] кого / между кем. *В отношениях людей всегда больше было чувства подстерегающей злобы (М. Г.); Установились деловые отношения между людьми определённого круга* [8].

Проанализировав данные определения, можно сделать вывод, что в литературном языке денотат нейтрален и может относиться к любой бытийной сфере. Этот термин часто можно встретить как в литературе, так и в научной речи, как в гуманитарных, так и в технических науках — там, где речь идет о взаимосвязи чего-либо.

Однако в разговорной упрощенной речи за словом закрепляется значение, среди прочих добавочных также замеченное в «Большом универсальном словаре русского языка» (2016): 2.2.1. Разг., зд. мн. Интимное общение мужчины и женщины, основанное на

любовном влечении, сожительстве. Син. связь. Внебрачные о. Добрачные о. *Поговаривают, что у них о. и они скоро поженятся* [2].

Если рассмотреть приведённый в словаре пример (*Поговаривают, что у них о. и они скоро поженятся*), становится понятно, что в современной речи уже заметна эта тенденция. Это значение ассоциативно возникает в сознании говорящих в неформальной обстановке людей. Бытовой (обыденный) дискурс предполагает, прежде всего, обсуждение бытовых вещей, например, межличностных отношений. Данная словоформа в приведённом значении означает романтическое партнёрство, чаще всего, добрачное.

Исследуя материалы более ранних словарей, например, словарь В.И. Даля, можно заметить, что полноценная статья о слове «отношение» отсутствует, отсылая нас к статье о глаголе «относить», где на примере множества определений и контекстов рассматриваются больше действия в пространстве (от глагола «носить» в значениях 'перемещать' или 'использовать'): *Раненые относятся на перевязочное место. Ветер относит пыль с дороги и наносит ее на сады* – и только в нескольких примерах сходные слова с тем же корнем и той же приставкой говорят нам об отношениях в значении взаимной связи между чем-либо: *Отношение, математ. содержание, пропорция, вывод сравнения двух чисел, вычитаньем (отношение арифметическое) или деленьем (отношение геометрическое). Относительный, в чем есть отношенье к чему, зависимость от чего.* Любопытно, что слово «отношенье» рассматривалось как форма обращения, подразумевая, что это обращение нужно отнести (в физической форме, в письменном виде): *Обидясь предложением, данным ему замест отношения, чиновник ответил предписанием; затем последовали обоюдные донесения о событии этом, а дело стало* [1].

Сопоставляя современные и ранние определения, можно заметить, какую трансформацию пережило значение слова «отношение». Также можно сделать вывод о том, что словоформа «отношения» обрела индивидуальное значение и даже удостоилась отдельного упоминания в современных словарях – ведь ранее выделялось исключительно понятие «отношение» (ед.ч.), а во множественном числе эта форма отдельно упоминается в самых поздних статьях.

Гипотеза о закреплении за словоформой «отношения» значения в первую очередь романтического партнёрства появилась в процессе наблюдения за живой неформальной разговорной речью (онлайн-переписка, СМИ, интернет-блоги), где речь хоть и приближена к литературной, всё же гораздо свободнее следует норме или вовсе отходит от неё для установления контакта, взаимопонимания, усиления экспрессивности высказывания.

Например, в онлайн-издании популярного журнала The Voice Mag, ориентированного на женскую аудиторию, уже давно существует колонка «Отношения», в которой говорится исключительно о романтических связях, а не в общем о взаимодействии абстрактных единиц и не о межличностных отношениях в целом. В ней есть подразделы «Ты и он», «Что думают мужчины», «Секс», «Свадьба» – разумеется, речь здесь идёт именно о любовных (= романтических) связях. [6]. Очевидно, что обсуждение таких важных вопросов, как романтическое партнёрство, вступление в брак, интимные отношения, интересно читателям и читательницам, и издатели журнала используют разговорные формы, чтобы контент был доступен потребителю. Для данного исследования важен тот факт, что колонка названа просто «Отношения» без дополнительных пояснений, однако читателям сразу становится понятно её содержание, когда они обращаются к подразделам – это подтверждает гипотезу о том, что за исследуемой словоформой закрепляется значение именно ‘романтические (взаимо)отношения’. Стоит добавить, что во множестве журналов, преимущественно ориентированных на женскую аудиторию, можно встретить словоформу «отношения» в искомом значении – как в тексте статей, так и в названиях целых разделов. Аналогичный раздел о романтических взаимоотношениях, названный просто «Отношения», можно найти в онлайн-издании крупного журнала Marie Clair. Описание раздела гласит: *«Как построить счастливые отношения с любимым мужчиной? Возможно ли предотвратить кризисы, избежать ссор и недопониманий в отношениях? Психологи, звездные пары, эксперты делятся своими советами и историями»*. [5]. Исследуемая словоформа встречается дважды, в первый раз читателей вводят в контекст: *«...отношения с любимым мужчиной»*, во второй раз искомая словоформа употребляется свободно, однако читателям изначально становится понятно, что речь пойдет о темах, прямо или косвенно относящихся к романтическим отношениям.

В Национальном корпусе русского языка представлены различные примеры употребления словоформы «отношения». Примечательно, что именно в исследуемом значении ‘романтические добрачные отношения’ словоформа «отношения встречается редко» – можно связать это с тем, что такое значение ещё не вполне укоренилось в литературной речи. Однако на графике, отражающем частотность употребления словоформы в приведенных примерах с 1768 по 2021 годы, заметно, что частотность, хоть и с колебаниями, но возрастала: от 1 2 примеров в год до 198 примеров употребления к 2021 году. Возможно, возрастание частотности употребления можно связать с расширением семантического потенциала слова и увеличением количества значений [4].

Резюмируя сказанное, стоит отметить, что данный процесс в языке происходит плавно и может быть незаметен для носителей. Однако с ростом популярности темы межличностных романтических отношений и необходимости обсуждения этого вопроса в разговорной речи медленно за словоформой «отношения» закрепляется значение ‘романтические отношения’, то есть получает романтическую коннотацию.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Текст : электронный // slovardalja.net – онлайн-переложение словаря на основе первого оригинального издания 1863-1866 гг. : сайт. – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=23193/> (дата обращения: 04.03.2024)
2. Морковкин В.М. Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва : Словари XXI века : АСТ-ПРЕСС школа, 2016. – 1451 с.
3. Обзор возможностей НКРЯ. Запрос "отношения". – Текст : электронный // Национальный корпус русского языка : сайт. – URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 07.03.2024).
4. Отношения. Управление в русском языке. – Текст : электронный // ГРАМОТА: сайт. – URL: <https://gramota.ru/poisk?query=отношения&mode=slovari&dicts%5b%5d=26&simple=0> (дата обращения: 26.02.2024)
5. Отношения. – Текст : электронный // Официальный сайт журнала MARIE CLAIRE : сайт. – URL: <https://www.marieclaire.ru/psikhologiya/relations/> (дата обращения: 06.03.2024)
6. Отношения. – Текст : электронный // Сетевое издание THE VOICEMAG : сайт. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/sex-love/> (дата обращения: 06.03.2024)
7. Ренц Т.Г. Романтический дискурс в когнитивно-семиотической парадигме / Т.Г. Ренц. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25. – С. 138-142.
8. Розенталь Д.Э. Управление в русском языке / Д.Э. Розенталь. – 2-е изд. – Москва : Книга, 1986. – 300 с.

Derya E.D.

Pushkin State Russian Language Institute

Attachment of romantic connotation to the word form "relationship"

The article examines the process of acquiring a romantic connotation by the word form "relationship".

Keywords: connotation, semantics, transformation of meaning, romantic discourse, romantic relationships, interpersonal relationships.

Динь Тхи Ким Нхунг

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

dinhnhungesm@gmail.com

Использование мобильных приложений как средства оптимизации процесса обучения и эффективного запоминания лексики на занятиях по русскому языку как иностранному

Работа выполнена под руководством Кабанковой Юлии Юрьевны, к. филол. н., доцента

В эпоху цифровых технологий инновационный метод обучения РКИ через интеграцию мобильных приложений в образовательный процесс становится все более актуальным. Задача преподавателя РКИ заключается не только в освоении основных знаний о цифровой лингвистике, но и в способности применять различные достижения современных цифровых технологий в образовательном процессе при обучении иностранных студентов русскому языку. Данная работа сосредотачивается на решении проблемы обучения лексике учащихся на занятиях по русскому языку как иностранному с использованием мобильных приложений Anki и Quizlet с целью оптимизации процесса обучения и эффективного запоминания слов.

Ключевые слова: лексика, мобильные приложения, цифровые карточки, Anki, Quizlet

Освоение лексики является важной частью изучения иностранного языка и занимает одно из центральных мест в преподавании РКИ. Пополнение словарного запаса не только способствует эффективному общению и закладывает основу для развития навыков во всех видах речевой деятельности, таких как письмо, чтение, аудирование и говорение. С другой стороны, если лексический запас недостаточен, невозможно понять чужую речь и выразить свои собственные идеи. По Б.В. Беляеву «...из всех основных аспектов иностранного языка, которые должны практически усваиваться учащимися в процессе обучения, наиболее важным и существенным с психологической точки зрения следует считать лексику, потому что без запаса слов, хотя бы незначительного, владеть языком невозможно» [1, с. 118]. Для овладения определенным объемом словарного запаса, достаточного для общения в разных сферах повседневной жизни, необходимо применять эффективные методы изучения лексики. С развитием технического прогресса, использование новых технологий в обучении и изучении иностранных языков становится все более разнообразным, при этом повышается эффективность работы с лексикой по сравнению с традиционным подходом.

В настоящее время информационные технологии широко используются в образовательном процессе через мобильные устройства, такие как планшеты и смартфоны.

Эти устройства стали крайне популярными в последние годы благодаря своей гибкости, многофункциональности и привычному частому использованию в повседневной жизни любого человека, особенно молодежи. Это объясняется тем, что у данных устройств есть много преимуществ, таких как простота использования, гибкость и способность адаптироваться к индивидуальным потребностям каждого. Следуя этой тенденции, появляется все больше мобильных приложений, направленных на удовлетворение различных потребностей пользователей, в том числе потребностей в изучении иностранных языков и расширении словарного запаса. Согласно Ю.В. Трошиной, мобильное обучение иностранному языку представляет собой форму самостоятельной и персонализированной учебной деятельности, в которой основным или доминирующим инструментом являются мобильные устройства связи. С их помощью студенты могут развивать и совершенствовать языковые навыки, социокультурные и межкультурные компетенции не только во время занятий в классе, но и в любое удобное для них время, находясь в любом месте [9, с. 4].

С ростом числа мобильных приложений, помогающих в обучении и запоминании новой лексики, преподаватели и специалисты в области образования сталкиваются с важной задачей выбора наиболее подходящих приложений из множества доступных вариантов. Это помогает им убедиться в том, что эти приложения не только качественные, но играют важную роль в достижении образовательных целей и поощрении независимого развития учащихся. Для эффективного использования мобильных приложений в образовании необходимо учитывать различные критерии выбора: технические, организационно-финансовые, психолого-педагогические, эргономические [8, с. 11]. Исходя из вышеперечисленных критериев, можно упомянуть два типичных мобильных приложения, которые широко применяются и используются в последние годы, такие как Anki и Quizlet. Эти приложения работают в формате карточек - метода обучения, который использует подсказки, обычно визуальные, основанные на текущих знаниях студентов, и применяется для изучения новой информации. Изучение слов через цифровые карточки на платформах Anki и Quizlet помогает структурировать пары слов определенным образом. Этот процесс включает две части: представление слова и его перевод, а затем запоминание слова через процесс, называемый извлечением информации из памяти. Следовательно, использование цифровых карточек из этих приложений, помогает учащимся закрепить изученную лексику и значительно улучшить способность запоминать слова.

Anki – это программа для создания карточек с открытым исходным кодом, которую можно бесплатно загрузить на различных платформах, включая Windows, Mac, Linux и Android. Приложение бесплатно для всех платформ и операционных систем, его можно

использовать как онлайн, так и офлайн на всех устройствах. Anki действует на основе метода интервального повторения, чтобы распределить периоды обучения учащихся, чтобы они более эффективно запоминали информацию. Повторение слов через определенные промежутки времени усиливает запоминание и замедляет процесс забывания, что подтверждено исследованиями и практикой [6, с. 690]. В процессе использования Anki пользователи могут использовать готовые наборы карточек или создавать собственные. Anki отображает карточки в соответствии с определённым расписанием, чтобы помочь закрепить изучаемый материал. В Anki набор слов называется «дек», что эквивалентно колоде карт. Каждый «дек» содержит модули с карточками, созданными по шаблону: каждая пара «слово - описание» формирует две карточки. Во время учебного сеанса карточки меняются: одна требует узнавания (дается слово, нужно вспомнить значение), а следующая – воспроизведения (дается значение, нужно вспомнить слово). Учебный сеанс начинается с показа вопроса, после чего нужно ответить и оценить свои знания. При забывании слова можно выбрать кнопку «Again», и карточка повторится в конце сеанса. Кнопки «Hard», «Good», «Easy» назначают повторение на различные сроки. После выучивания слова пользователь может удалить карточку или временно отключить ее. При создании новой карточки можно добавить картинку и звук, включая аудиофайл с примером правильного произношения.

Как и сервис Anki, Quizlet является онлайн-инструментом для обучения, специализирующимся на развитии словарного запаса. Приложение доступно на компьютере и мобильном телефоне, которое помогает учащимся практиковаться и усваивать учебный материал как самостоятельно, так и в сотрудничестве, предоставляя различные учебные задания и игры. Функции Quizlet включают в себя Flashcards, Learn, Write, Spell, Match, Test и Gravity. Функция Flashcards помогает повторить слова на основе доступных карточек. Эта функция предлагает пользователям определения терминов, и эти определения могут отображаться на разных языках. С помощью второй функции – Learn пользователи могут учить слова по вопросам, связанным с лексикой. Write – это третья функция, которая предлагает упражнения, помогающие учащимся писать корректные выражения на основе предложенного значения и изображений. Spell – следующая функция, которая требует от пользователей вводить слова на основе прослушанной информации. Следующая функция – Match, помогает учащимся сочетать термины с их определениями для проверки их рефлексивных навыков. Кроме того, новая функция – Test, разработанная в виде случайного множественного выбора, предназначена для проверки правильных и неправильных вариантов, чтобы помочь пользователям закрепить все изученные термины. Новейшей

функцией является Gravity, с помощью которой учащимся необходимо соединить слова с их значениями, затем проверить и улучшить свои навыки запоминания лексики. Благодаря такому разнообразию функций, Quizlet стал гибким и эффективным инструментом обучения для всех на всех платформах и пользуется популярностью уже много лет.

Формирование словарного запаса является одной из самых важных задач при изучении любого языка. Однако это часто упускается, поскольку у учителей обычно не хватает времени на занятиях для создания необходимых условий для расширения словарного запаса учащихся. Чтобы учиться и увеличивать свой словарный запас, учащимся часто приходится изучать лексику самостоятельно, и иногда это становится более сложным, когда у них нет возможности исправить свои собственные ошибки без поддержки учителя. Кроме того, процесс изучения и усвоения новой лексики часто требует много времени, и учащиеся, у которых нет сильной мотивации, часто быстро теряют интерес, придерживаясь традиционных методов обучения, что приводит к забыванию изученной лексики, если они нерегулярно ее повторяют. Поэтому интеграция и использование приложений, таких как Anki или Quizlet, рассматриваются как эффективный способ, который помогает учителям и их ученикам систематизировать и расширять свой словарный запас с помощью интересного инструмента обучения с использованием цифровых карточек, аудио и визуальных изображений вместе с различными заданиями, предоставляемыми этими приложениями, что помогает перенести изученные знания из краткосрочной памяти учащихся в долгосрочную. При этом задача учителя заключается в подготовке и составлении заранее необходимых наборов слов с использованием изображений, текста и аудио, а затем представлении их на занятиях. На базовом уровне владения русским языком, вместо использования учебников или досок для презентации учебного материала привычным способом, с помощью платформ, таких как Anki или Quizlet, учителя теперь могут подготовить различные материалы по всем темам учебного плана, от «Семья» и «Погода» до «Профессия» и «Хобби». Список наборов слов неограничен, то есть учителя могут создавать любое количество наборов в зависимости от уровня владения русским языком у учащихся и сложности каждого учебного материала, каждый из которых может содержать от 20 до 30 слов. Формирование навыков лексики на этих платформах, прежде всего, помогает представить новую лексику учащимся на разных уровнях обучения с использованием визуальных средств, что позволяет им расширить свой словарный запас, а также помогает учителям и учащимся сосредоточиться на изучении лексики и грамматики систематизировано и эффективно. Не ограничиваясь предоставляемым учителем контентом, эти платформы также позволяют учащимся создавать собственные карточки или использовать карточки, созданные пользователями со

всего мира. Кроме того, чтобы стимулировать интерес, повысить концентрацию и помочь ученикам лучше запоминать и повторять лексику в устной речи, учителя также могут создавать групповые интерактивные учебно-игровые задания в начале или в середине урока. Например, на основе наборов карточек в приложении Anki учителя могут организовать игру «Гонка слов», в которой учеников разделяют на группы и они соревнуются в написании определения слова сразу после того, как учитель показывает его на экране проектора. На платформе Quizlet учителя могут организовывать групповые онлайн-игры через функцию «Quizlet Live», создавая папку с наборами вопросов, а затем разделяя всех учеников на разные команды для прямого участия в этом соревновании. Ученики подключаются к «Quizlet.live» через компьютер или смартфон, а затем каждая команда поочередно выполняет вопросные задания, чтобы пройти к последнему набору вопросов. Такие игры стимулируют интерес к изучению слов и улучшают письменные навыки учеников в веселой и вдохновляющей атмосфере. Использование игр с помощью этих платформ не только помогает создать мотивацию для изучения и повторения словарного запаса, но также способствует развитию навыков общения учеников. В процессе игры они общаются друг с другом, делятся знаниями и опытом, учатся лучше понимать друг друга. Одним из заметных преимуществ мобильных приложений в целом, и Anki и Quizlet в частности, является их гибкость использования в любое время и в любом месте. Поэтому после уроков учителя могут попросить учеников самостоятельно повторять задания в наборах карточек, представленных на уроке, как домашнее задание. Выполняя их, ученики будут самостоятельно изучать материал и оценивать количество знаний, которые они получили при работе с каждым набором карточек. Это поможет повысить самостоятельность в учебной деятельности каждого ученика и персонализировать их учебный опыт.

В заключение хотелось бы отметить, что использование мобильных приложений, таких как Anki и Quizlet, рассматривается как эффективный инструмент как для учителей, так и для учеников в обучении и изучении лексики. Их гибкость также поощряет активное участие студентов в учебном процессе, способствует развитию полезных учебных привычек и навыков независимого управления временем учебы у изучающих русский как иностранный.

Литература

1. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – Москва, 1965.
2. Загуменникова Н.В. Использование мобильных приложений при обучении русскому языку как иностранному // Буслаевские чтения: сб. науч. ст. по материалам VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Пенза, 20 апреля 2020 г.) – Пенза, 2020. – С. 326-329.

3. Зайцева, Е. В. Интерактивные игровые упражнения при обучении лексике младших школьников на уроках РКИ в онлайн-формате / Е. В. Зайцева, Ю. Ю. Кабанкова // В мире русского языка и русской культуры: Сборник тезисов V Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 23 апреля 2021 года / Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 83-85. – EDN OXNWKS.
4. Иголкина М.И., Язынина В.С. Метод интервальных повторений при обучении иностранным языкам // Гуманитарный вестник. 2023. №3 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-intervalnyh-povtoreniy-pri-obuchenii-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 21.02.2024).
5. Лопатина М.В. Использование программы-приложения Quizlet в процессе развития лексических навыков студентов на занятиях по немецкому языку в вузе // Вестник СИБИТа. 2019. №3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-programmy-prilozheniya-quizlet-v-protseste-razvitiya-leksiche-skih-navykov-studentov-na-zanyatiyah-po-nemetskomu-yazyku-v> (дата обращения: 10.03.2024).
6. Михайлов И.Э., Балакшин П.В. Метод модификации последовательности интервального повторения, основанный на активности пользователя в сети Интернет. Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2019. – т. 19. – № 4. – с. 689-696. <http://dx.doi.org/10.17586/2226-1494-2019-19-4-689-696>.
7. Т.И. Краснова Исследование потенциала цифровых дидактических карточек для изучения лексики // МНКО. 2022. №1 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-potentsiala-tsifrovyyh-didakticheskikh-kartochek-dlya-izucheniya-leksiki> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Титова С.В. Дидактические проблемы интеграции мобильных приложений в учебный процесс [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. – 2016. – № 7-8 (159-160). С. 7-14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-problemy-integratsii-mo-bilnyh-prilozheniy-v-uchebnyu-protseste> (дата обращения: 20.09.2022)
9. Трошина Ю. В. Мобильное обучение иностранному языку: понятие, функции, модели [Текст] / Ю.В. Трошина, Н. О. Вербицкая // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 480-490.
10. Anki. URL: <https://apps.ankiweb.net/> (дата обращения: 01.03.2024).

Dinh Thi Kim Nhung

The Pushkin State Institute of Russian Language

The mobile applications as a tool for studying and memorizing vocabulary at Russian as a foreign language lessons

In the modern era of digital technologies, the innovative method of teaching Russian as a foreign language (RFL) through the integration of mobile applications into the educational process is becoming increasingly powerful. Faced with this situation, the task of the RFL teacher is not only to master the basic knowledge of digital linguistics but also to be able to apply various achievements of modern digital technologies in the educational process to support foreign students in learning Russian as a foreign language. This work focuses on addressing the problem of teaching

vocabulary to students in Russian as a foreign language classes through the use of mobile applications such as Anki and Quizlet, with the aim of optimizing the learning process and effectively memorizing words.

Key words: vocabulary, mobile applications, digital flashcards, Anki, Quizlet

Долганова Софья Витальевна

Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина

sonya.dolganova.00@mail.ru

Концепт «боль» в творчестве русских поэтов Харбина

Работа выполнена под руководством Савченко Татьяны Константиновны, доктора филологических наук, профессора кафедры мировой литературы

В статье рассматриваются лирические произведения русских эмигрантов, оказавшихся в Харбине в результате революции 1917-ого. Цель работы заключается в обнаружении мотивных групп, которые по своему содержанию соотносятся с концептом «боль», а также в дифференциации данных групп по интегральному признаку.

Ключевые слова: концепт, мотив, русская эмиграция, Харбин

В XX веке термин «концепт» используется в гуманитарных науках, в том числе и в литературоведении. Доктор филологических наук В. Г. Зусман пишет: «Художественный концепт – такой мотив или символ, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [7, с. 14]. В качестве доказательства данной дефиниции В.Г. Зусман разбирает лексические единицы, связанные с концептом «дом», в сознании носителя русского языка и в поэзии В. Маяковского. Как демонстрируют примеры, среди носителей русского языка данный концепт обладает положительной коннотацией и указывает на такие понятия, как «уют», «свое», «семья». По мнению Зусмана, в рамках поэзии Владимира Маяковского концепт «дом» не связан с подобными лексическими цепочками. Вместо этого образуется ассоциативная пара «дом-гроб», что формирует индивидуально-авторское наполнение концепта [4, с. 98]. Итак, авторские или художественные концепты отличаются от народных тем, что используют новые, ранее не апробированные смыслы.

В качестве слова, именующего личность, в сознании которой представлен концепт, Д.С. Лихачев вводит термин «концептоноситель». Концептоноситель определяет ядро семантического поля, в рамках которого развивается концепт, состоящий из языковых единиц, развивающих его содержание. В роли плана выражения концепта может выступать любая художественная репрезентация, например мотив [4, с. 99].

В данном исследовании рассмотрим группы мотивов, которые входят в состав концепта «боль», и попробуем определить авторское наполнение данного концепта. В качестве концептоносителей будут представлены русские поэты-эмигранты, проживавшие в Харбине в период с 1918 по 1945-е годы.

Одной из первых поэтесс в русском Харбине была Александра Петровна Паркау, которая переехала на Дальний Восток еще в период Гражданской войны. Современники Паркау называли ее «салонной поэтессой», так как считали, что лирика Александры Петровны по тематике не соответствует трагическому пафосу XX века. Однако среди произведений Паркау можно обнаружить и следующие мотивы: тоска по барской России, тоска по прекрасному прошлому, разрушение мира: «Горит Москва... богатство, гордость, право... // Святилища церквей, сокровища Кремля... // Все прошлое горит, горит былая слава, // И скорбью залиты родимые поля» [9, с. 95].

В представленном выше отрывке из поэмы «Москва горит» одним из ключевых средств выразительности является многоточие, которое подчеркивает минорное настроение лирического героя, с трудом осознающего действительность. Также лексический повтор слова «горит» [9, с. 95] создает образ нескончаемого пожара, который разрушает духовные начала. Таким образом, формируется мотив разрушения мира.

Мотив разрушения мира в поэзии А. Паркау перекликается с мотивом несправедливой, жестокой судьбы. Как правило, данный мотив образуется посредством антитезы, где прошлое — «сказка» [9, с. 95], а настоящее — «мучительный кошмар» [9, с. 95] («Харбинская весна» [9, с. 95]). В совокупности данный прием создает ощущение пограничного состояния лирического героя, который не по своей воле оказался на рубеже времен: «Мы родились в трагическое время. // Мы в жизнь пошли на грани двух миров, //И горькая судьба на нас взвалила бремя // Поруганных святынь, поверженных основ...» [9, с. 95].

Тема рубежа стала одной из основных в творчестве русских эмигрантов. В рамках данной темы образуется целый ряд мотивов: тоска по Родине, одиночество, тяжёлая эмигрантская жизнь и т.д. Так, В. Янковская, поэтесса, проживавшая в Корее, но печатавшаяся в журнале «Рубеж» и часто приезжавшая в Харбин, в 1937-ом пишет стихотворение «У границы», где описывает невыносимость близости к родине, до которой можно добраться только во снах: «В хижине у озера далёко, // Где проходит русская граница, // Я живу... и думаю жестоко // О стране, которая мне снится...» [10, с. 2788].

Мотив тоски по родине также встречается в поэзии Валерия Перелешина, который оказался в Харбине в 1920-ом году. В начале скитаний поэт сохранял веру в счастливую

жизнь и будущее, что можно обнаружить в его произведениях: «Нет, Господи! Не изменяй порядка: / Храни меня подольше от упадка, / А молодых – от ранних якорей!» [11, с. 42] Но чем дольше длилось его пребывание в эмиграции, тем больше минорных стихотворений, наполненных мотивами одиночества, тоски по родине, ностальгии по дому, появлялось у поэта: «Улыбки, и сосны, и арки... Россия, Россия! // В прохладные эти, задумчивые вечера//Печальной звездой восходит моя ностальгия» [11, с. 42].

После вынужденной эмиграции из России В. Перелешин так и не нашел страны, которое бы смогло сравниться с местом, где он вырос. Мотивы изгнанничества и одиночества переплетаются в лирике поэта. В 1970-е В. Перелешин пишет письмо к другу Петру Лапикену: «Свой круг друзей и критиков был у всех наших поэтов XIX и XX в. Полное одиночество (кроме услуг почты) выпало только на мою долю» [13, с. 78]. Подобное настроение поэт выражает в стихотворении «Родина»: «Младенцем ты покинул свой Байкал, // Но, странствуя, всё родины искал, // Как будто там, где сердце ты забыл, // Не только снег и ветер между скал» [13, с. 79].

В данном четверостишии эпитифора, основанная на повторе звуков, создает лексическую цепочку, развивающую мысль лирического героя. «Байкал – искал – забыл – скал» [13, с. 79] – квартет, предикативное ядро которого разрушается односложным субъектом – словом «скал». Данное слово по своей фонетической составляющей отличается от других окончаний стихотворных строк. Если в слове «искал» сочетание звуков «с-к» смягчается двуслоговым делением, то в слове «скал» [13, с. 79] этого не происходит. В результате получается соединение планов выражения и содержания, что утверждает мотив одиночества.

А. Несмелов – поэт первой волны русской эмиграции, который оказался в Харбине в 1924-ом. Ранее участвовал в борьбе с большевиками в Москве, а также имел отношение к Великому Сибирскому Ледяному походу под руководством В. Каппеля. Как утверждает литературовед Е. Витковский, вынужденный покинуть Россию, Несмелов забрал с собой главную драгоценность – язык. Особым разнообразием отличается художественный мир Арсения Ивановича. Лирический герой поэта находится «во вне» родины, общества, семьи, но при этом через литературу может чувствовать сопричастность к данным категориям [3, с. 161].

В стихотворении «В свою страну, страну судьбы лихой» проявляется мотив потерянной родины. М.О. Баронова подчеркивает оппозицию слов «оборонена» и «потеряна», где первое обозначает случайную потерю, а второе потерю по небрежности. Данная оппозиция, представленная на фоне пустыни, создает образ родины как миража: «В

песках пустыни, что легли за нами, // Как скользкая игла обронена, // Потеряна, как драгоценный камень!» [3, с. 162]. Главная мысль стихотворения выражена в строчке: «Уже печаль, и та еще живет...» [3, с. 162]. Лирический герой чувствует тоску по родине, от которой у него остался лишь «пустой литературный облик» [3, с. 162]. Отметим, что в этом стихотворении Несмелова присутствует эпитет «синь» [3, с. 162], что является типичным цветом-символом в лирике поэта: «голубые ночи», «голубые орбиты», «голубой сон» [3, с. 162]. Подобный прием, как правило, выражает одиночество, грусть, отчаяние лирического героя.

В рамках концепта «боль» следует рассмотреть и стихотворение «На водоразделе», представленное в виде кольцевой композиции. Данная организация поэтического текста выражает безвыходность ситуации, в которой оказались русские эмигранты. Неслучайно «воет одинокая волчица» [3, с. 162] является рефреном стихотворения. Важно почеркнуть, что слово «воет», с которого начинается лирическое произведение, сменяется в конце другим — «плачет». Поскольку на протяжении всего поэтического текста происходит частая смена планов: от волчицы до оторванных от нее детенышей, слово «плачет» оказывается действием двухвалентным, т.е. направленным в обе стороны лирико-диалогового пространства. Добавим, что образ волчицы встречается еще в одном стихотворении А. Несмелова «Ручная волчиха», где уже превалирует мотивы одиночества и жесткой судьбы: «Бедная! Отныне навсегда // Будет в сердце боль истомы вещей. // Как и мы, поэты, — никогда // Не увидишь мир, мечтой обещанный» [3, с. 162].

Одной из доминант среди мотивов, связанных с концептом «боль», является Петербург и все образы, отсылающие к данному локусу. Так, в стихотворении Н. Светлова «За рубежом» представлены имена известных писателей и поэтов: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.А. Блок. По мнению Цзан Юньмэй, в данном поэтическом тексте происходит соединение двух мифов: Петербургского и Харбинского. При этом граница каждого из мифов достаточно абстрактна, что отсылает к символическому названию. С одной стороны, «За рубежом» — это отсылка к русской эмиграции, которая оказалась за пределами родины. С другой стороны, это ирреальное пространство между жизнью и смертью на что указывают «призраки», «холодное сердце», «туманные улицы» [12, с. 116], а главное — эпитет «колдовская ночь» [12, с. 116]. Так, Н. Светлов в своем стихотворении объединяет мотив тоски по родине с мотивом смерти. Лирический герой следует за поэтическим хронотопом, постепенно приобретающим образ опустошенного мира: «Колдовская ночь! Мороз жестокий // Хочет кровь артерий затушить, // И туман глядит

глазами Блока // В нищенскую пустоту души. //Фонари качаются – слепыми // Призраками снятых с неба звезд» [12, с. 116].

Отличные от представленных ранее мотивов концепта «боль» являются опиумные мотивы. В конце XIX века стали перевозить опиум из Китая во Владивосток. Данное вещество наполняло мнимым спокойствием, переносило в дурманящие сны и временно освобождало голову от проблем. Опиумные мотивы нашли свое художественное воплощение в лирике дальневосточного поэта В. Марта. В 1919-ом выходит сборник «Фаин», в переводе с китайского данное название означает экстаз. Лирический герой данного сборника – это личность, которая страдает от одиночества, бедности, несчастной любви, и поэтому прибегает к опиуму. Семантическое поле у данного наркотика достаточно широко, В. Март использует слова: сон, чаротворение, мак, бред, отравы, транс, дурман, грезы, дремота и другие [8, с. 200].

Концепт «боль» также представлен в поэзии Г. Гранина, секретаря литературного объединения «Молодая Чураевка». Мотив неразделенной любви и мотив самоубийства являются центральными в лирике молодого поэта. Так, в стихотворении «Ничего не сказать» любовь представлена в качестве чувства недостижимого для лирического героя: «Ничего не сказать. //Ничего не ответить, //Только б выдумать как-нибудь эту любовь, //Это солнце полярное в сумрачном свете...» [1, с. 108]. Полярное солнце — это редкое явление, когда главная из звезд галактики находится в горизонтальном положении на протяжении нескольких недель времени, что приводит к длительному периоду темноты. Для лирического героя любовь — это страдание, поэтому все символы данного чувства представлены вместе с эпитетами отрицательной коннотации: «злая весна», «нелепое сердце», «черные асфальты», «сумасшедшее имя» [1, с. 108].

В стихотворении Г. Гранина используются анафоры «только» и «ничего» [1, с. 108], которые в совокупности образуют контрастные по значению строчки: «Только б как-нибудь, разом, нелепо узнать...Ничего не понять. Ничего не измерить» [1, с. 108]. Данное противопоставление выражает конфликт лирического героя, с одной стороны, имеющего надежду на взаимное чувство, с другой стороны, пребывающего в отчаянии из-за любви.

Конфликт решается последней строчкой стихотворения: «И однажды шутя «умереть молодым»» [1, с. 108], — что созвучно с биографией самого Г. Гранина, покончившего с собой в 1934-ом. Причиной ранней смерти поэта стала неразделенная любовь к первой харбинской красавице Л. Андерсен, писавшей: «Гранина я любила, но скорее по-сестрински. Он частенько провожал меня домой» [2, с. 225]. Л. Андерсен до конца жизни хранила письма, напечатанные для нее поэтом [2, с. 225].

Марианна Колосова – поэтесса, оказавшаяся в Харбине в 1920-ом году, а в 1929-ом выпустила свой первый сборник «Армия песен». Основной темой лирики Марианны Колосовой было освобождение родины. Как писал А. Ачаир: «Поэт: „Забыв о своем, о личном, о девическом, о женском – только о Родном, о Родном народе, о Родине плачет Марианна“» [5, с. 138]. Так, стихотворение «Видно ты уснула, жалость человечья?» основано на двух исторических событиях. Во-первых, это расстрел царской семьи, который произошел в 1918 году. Среди убитых был маленький цесаревич Алексей: „Господи, Ты видишь, вместе с ними плачет// Мученик-Царевич, Атаман Казачий“» [5, с. 140]. Во-вторых, убийство советскими войсками мирного населения на территории Трехречья, местности, где проживали забайкальские казаки и те, кто не бежал от натиска большевиков: «Знаю, не была ты в эти дни в Трехречьи. // Там была жестокость – твой извечный враг» [5, с. 140].

Структура стихотворения напоминает молитву, но направленную не к Богу, а ко всему человеческому роду, на что указывают множественные обращения: «Люди не молчите – камни закричат» [5, с. 140]. На интонационном рисунке сказывается обилие восклицательных предложений, а также прямой речи, интегрированной в поэтический текст, что придает содержанию особую эмоциональность: «Выйдет бледный мальчик и тихонько спросит: // «Братья – казачата, кто обидел вас?»» [5, с. 140]. Через мотив детской смерти воплощается отличительная черта лирики М. Колосовой – «гражданская страстность, неотделимая от страстного внутреннего чувства» [5, с. 140], поэтому и представленное поэтессой историческое событие кажется таким личным.

Таким образом, первичным мотивом концепта «боль» для русских эмигрантов, проживавших в Харбине, является мотив тоски по Родине. Как правило, данный мотив объединяется с другими мотивами по сходному семантическому признаку: одиночество, трудная жизнь эмигранта, жестокая судьба, ностальгия по родине или детству, смерть, самоубийство. Среди интегральных мотивов, предикативный центр которых не пересекается с мотивом тоски по родине, выделяются военные, опиумные и мотив неразделенной любви.

Литература

1. Алл Н. Русская поэзия Китая: антология// Николай Алл. – Москва : Время, 2001. – 133 с.
2. Андерсен Л. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма /Ларисса Андерсен. – Москва : Русский путь. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2006. – 472 с.
3. Баронова М.О. Тема родины в литературе «Незамеченного поколения» (на примере творчества А. Несмелова) // МНИЖ. – 2022. – №1-3 (115). – С. 160-163.

4. Бурдин, И. В. Понятие «концепт» в литературоведении // И.В. Бурдин, Н. В. Аввакумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 7. – С. 97-100.
5. Забияко А.А. Версификационная поэтика лирики Марианны Колосовой // А.А. Забияко, Д.Н. Ермакова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 54. – С. 137-145.
6. Землянская К. А. «дно» Харбина в очерках «Синей Маски»: «Харбинские трущобы» В. Марта / К. А. Землянская // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Сборник материалов международной научной конференции. К 125-летию начала строительства Китайско-Восточной железной дороги и 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.), Благовещенск, 17–18 сентября 2022 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2022. – С. 323-334.
7. Зусман В. Концепт в системе научного знания // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 3-17.
8. Иванова Д. М. «опиумная» тема в лирике Венедикта Марта / Д. М. Иванова // День науки: Материалы XXIX научной конференции Амурского государственного университета, Благовещенск, 23–25 ноября 2020 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2020. – С. 199-200.
9. Колесов А. Поэты и прозаики Харбина. Русская журналистика и художественная литература в 20-х годах XX в / А. Колесов, Ш. Дяо // Россия и АТР. – 2002. – № 2(36). – С. 90-101.
10. Новокрещенова, И. Тематическое своеобразие творчества молодых писателей в харбинском журнале «Рубеж» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №9. – С. 2787-2793.
11. Пэй Цзяминь Русская эмиграция XX века в Китае: особенность поэтического творчества В. Перелешина, А. Несмелова и А. Ачаир // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №2. – С. 42-45.
12. Цзан Юньмэй Образное воплощение темы родной литературы в русской поэзии Китая 1920 – 1940-х гг. // МНКО. – 2020. – №3 (82). – С. 477-480.
13. Чжао Сяоцзе Мотив "изгнания" в творчестве Валерия Перелешина // Филология: научные исследования. – 2019. – №1. – С. 75-79.

Dolganova Sofya Vitalievna

Pushkin State Russian Language Institute

The concept of “pain” in the works of Russian poets of Harbin

Annotation. The article examines the lyrical works of Russian emigrants who found themselves in Harbin as a result of the 1917 revolution. The purpose of the work is to discover motive groups that, in their content, correlate with the concept of “pain,” as well as to differentiate these groups according to an integral feature.

Keywords: concept, motive, Russian emigration, Harbin

Должкова Анна Андреевна

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

anndoljkova@yandex.ru

**Аллитерация как компонент ритма на фонологическом уровне
в творчестве И. Северянина (на примере произведений «Октябрь»,
«Ананасы в шампанском», «Чего-то нет»).**

Работа выполнена под руководством старшего преподавателя, кандидата филологических наук Дорониной Ирины Михайловны.

Статья посвящена использованию аллитерации для достижения ритмического рисунка, создающего авторский эмоциональный образ. Данная работа выявляет в употреблении аллитерации И. Северяниным компоненту ритма на фонологическом уровне. При проведении сравнительного анализа оригинального текста и аналогичного варианта без употребления аллитерации, доказывается роль аллитерации как важнейшего средства художественной выразительности при стихосложении в произведениях И. Северянина.

Ключевые слова: северянин, ритм, аллитерация, стихосложение, ритмический рисунок

Аллитерация – стилистический прием звукописи, заключающийся в повторении в стихотворной речи одинаковых согласных звуков, – впервые употребилась в англосаксонской поэзии. В разные годы аллитерация помогала авторам добиваться рифмы и ритмического рисунка без увеличения объема произведения. Сегодня употребление этого средства художественной выразительности не теряет своей актуальности.

Цель настоящей работы заключается в определении роли аллитерации в художественных текстах И. Северянина. *Объектом* исследования является поэзия Игоря Северянина. *Предмет* исследования – аллитерация в его произведениях.

Изучаемое средство художественной выразительности придает особую мелодичность тексту, хотя существует мнение, что аллитерация является неярым средством выразительности, так как при его использовании объем произведения не увеличивается.

Сохранение объема рукописи зачастую противоречит тенденции современных авторов расширять текст произведения (например, в силу требований издательствами определенного количества печатных листов), о чем и рассуждает Е.И. Зейферт в статье «Об

объемности (многомерности) литературного произведения: есть ли у произведения начало и финал?» [1].

В нашем исследовании представлен сравнительный анализ произведений И. Северянина: «Октябрь», «Ананасы в шампанском», «Чего-то нет». Мы продемонстрировали вариант текста без употребления аллитерации и доказали несостоятельность мнения о том, что увеличение объема текста усиливает его выразительность. Параллельно мы доказали гипотезу о том, что аллитерация является ключевым объектом звукопередачи образности в творчестве И. Северянина.

Первоисточником исследования стал сборник сочинений Игоря Северянина, представленный в пяти томах [2]. На последующих этапах работы были проанализированы параметры функционирования аллитерации как композиционного приема в поэтическом тексте благодаря результатам, полученным О.В. Фомушкиной [3]. Кроме того, вслед за Ю.А. Сулеймановым [4] мы рассмотрели специфические особенности стилистических оттенков и художественно-эстетические качества, порожденные звуковым повтором. Разделяя мнение Б. Томашевского о жанре, стиле, композиции и сюжете как о важнейших составляющих художественного произведения [5], мы, посредством метода сравнительного анализа, показали, какой внешний вид имело бы произведение, лишённое стройной композиции и определенного стиля.

Методология исследования включает в себя семантический анализ, анализ лексики, сравнительный анализ текста.

В поэзии Игоря Северянина аллитерация используется для создания ритма и выразительности: с ее помощью в текстах появляется мелодия и эмоциональная окраска. Кроме того, аллитерация помогает устанавливать связь между словами.

Для нахождения и анализа аллитерации как компонента ритма на фонологическом уровне в творчестве И. Северянина были выбраны произведения:

1. «Октябрь»,
2. «Ананасы в шампанском»,
3. «Чего-то нет».

В данных текстах мы выделили наиболее яркие примеры использования аллитерации для построения ритмического и эмоционального рисунка и с помощью метода сравнения составили таблицу, в которой представили оригинальный вариант (с использованием средств художественной выразительности) и аналогичный вариант (с нейтральной лексикой).

1. Сравнительный анализ фрагментов стихотворения «Октябрь» (Таблица 1).

Оригинал	Аналогичный вариант (без употребления аллитерации)
Люблю <i>октябрь</i> , <i>угрюмый</i> месяц, Люблю <i>обмершие</i> леса, Когда <i>хромает</i> ветхий месяц	Люблю октябрь, осенний месяц, Люблю я тихие леса, Когда бледнеет старый месяц...
Морозом выпитые лужи <i>Хрустят и хрупки, как хрусталь;</i> <i>Дороги грязно-неуклюжи,</i> И воздух <i>сковывает</i> сталь.	Морозом выпитые лужи Блестят и сияют, как зеркала; Дороги слякотно-противны И воздух, замерший как сталь.
Как <i>бред</i> земли <i>больной</i>	Как <i>небылица</i> земли родной
Сердито <i>ползают</i> в полях	Сердито тают на полях
И сколько смерти <i>безнадежья</i> В <i>безлистном</i> шелесте страниц! Душе не знать любви <i>безбрежья</i>	И сколько смерти судьбоносной В притворном шелесте страниц! Душе не знать любви потока
Когда он <i>бродит</i> , тьму <i>храбря</i>	Когда слоняясь, тьму <i>кормя</i>
<i>Пускай пугает: страх сожну</i>	Давай пугай - я страх переломлю

Таблица 1

Аллитерация звуков «б», «р», «с» создает эмоциональную картину мрачности, неуютной обстановки и осенней хандры.

2. Сравнительный анализ фрагментов увертюры «Ананасы в шампанском» (Таблица 2).

Оригинал	Аналогичный вариант (без употребления аллитерации)
Ананасы в <i>шампанском!</i> Ананасы в <i>шампанском!</i>	Дыня с просекко! Дыня с просекко!
Удивительно вкусно, искристо и остро!	Очень вкусно, газировано ипряно!
Вдохновляюсь <i>порывно!</i> И берусь за <i>перо!</i>	Вдохновляюсь я быстро! Хватаю бумагу да перо!
Ананасы в <i>шампанском</i> – это пульс вечеров!	Дыни в просекко – это часть казанов!
В <i>группе</i> <i>девушек</i> нервных, в <i>остром</i> <i>обществе</i> дамском	В обществе дев несмышленных <i>группе</i> заносчивых дам.

Таблица 2

Аллитерация звуков «с» и «ш» создает ощущение роскоши, аллитерация звука «р» создает ритм и плавность текста.

3. Сравнительный анализ фрагментов стихотворения «Чего-то нет» (Таблица 3).

Оригинал	Аналогичный вариант (без употребления аллитерации)
Мне хочется уйти куда-то, В глаза кому-то посмотреть,	Хочется исчезнуть, В глаза кому-то посмотреть.
Уйти из дома без возврата И там – там где-то – умереть.	Уйти из дома навсегда И где-то там забыться.
Кому-то что-то о поэте Споют весною соловьи.	Кто скажет слово о поэте – Так это будут соловьи.
Чего-то нет на этом свете, Что мне сказало бы: «Живи!..».	Чего тут не было на свете, То молвило: «Живи!..».

Таблица 3

Повторение звука «м» в строках «Мне хочется уйти куда-то» и «Умереть», повторение звука «р» в строке «Уйти из дома без возврата», повторение звуков «в», «о», «э» в строке «Что мне сказало бы: “Живи!”» – все эти повторы создают необходимый ритм и мелодию стихотворения, делая его выразительным, эмоциональным, подчеркивающим уникальный авторский слог.

В ходе исследования мы обнаружили ряд примеров, иллюстрирующих роль аллитерации, как важнейшего элемента ритмического и эмоционального рисунка произведения. Проведя сравнительный анализ, был выявлен эффект обеднения текста и потери ритмического рисунка в варианте без использования аллитерации. Насыщение произведения повторяющимися сочетаниями согласных букв в рассмотренных примерах решают эту проблему: авторский слог яркий и ритмичный (в ином случае мы сталкиваемся с проблемой поиска рифмы и искажаем стихосложение).

Результаты исследования могут быть использованы лингвистами и филологами для дальнейшего изучения концептов «звукопись» и «средства художественной выразительности». Также перспективы мы видим в возможности создания языковой базы стилистически верных сочетаний букв и звуков, показанных на конкретных примерах из творчества как отечественных, так и зарубежных авторов.

Литература

1. Зейферт Е.И. Об объемности (многомерности) литературного произведения: есть ли у произведения начало и финал? // Вопросы литературы и культуры. – 2021. – №2. С. 1-10.

2. Северянин И.В. Собрание сочинений в пяти томах. – Москва : Художественная литература, 1995.
3. Сулейманов Ю.А. «Аллитерация в поэтической системе речи». Филология. – Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 247-252.
4. Томашевский Б.В. «Теория литературы. Поэтика». – Москва : Аспект-Пресс, 1996.
5. Фомушкина О.В. «Аллитерация как композиционный прием в поэтическом тексте. На материале английского и русского языков». – Дисс. ... на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Москва, 2013.

Dolzhkova A.A.

Institute of Linguistic and Pedagogical Education of the National Research University of Electronic Technology (MIET)

Alliteration as a component of rhythm at the phonological level in the works of I. Severyanin (on the example of the works “October”, “Pineapples in champagne”, “There is something missing”)

The article is devoted to the problem of using alliteration to achieve a rhythmic pattern that sets a special emotional image. This work is revealed in the use of alliteration by I. Severyanin as a component of rhythm at the phonological level. When carrying out a comparative analysis of the original text and the author's version, without the use of alliteration, the role of alliteration as the most important means of artistic expression in poetry is proved.

Keywords: severyanin, rhythm, alliteration, poetry, rhythmic pattern

Дорожкина Полина Викторовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

belka_dayzy@mail.ru

**«Вряд ли вам нужно мнение бота по этому вопросу» или анализ
ответов голосового помощника Алиса на табуированные темы**

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Владимира Ильича Карасика

В данной статье был проведён анализ ответов голосового помощника Алиса на вопросы, связанные с табуированными темами, а именно политикой и религией. Работа основывается на теории П. Грайса о необходимости соблюдения Принципа Кооперации, а также максимах вежливости Дж. Лича. В ходе исследования мы выявили коммуникативные тактики голосового помощника и выяснили, что тема политики является менее табуированной, чем тема религии.

Ключевые слова: прагмалингвистика, принцип кооперации, табу, искусственный интеллект, голосовые помощники, политика, религия.

Искусственный интеллект захватывает самые разные сферы человеческой деятельности. Невозможно не отметить количество продуктов, связанных с ним.

Существуют нейросети для генерации изображений: Kandinsky 2.1, Lexica art, Шедеврум, Dream by Wombo, Craiyon и Playground AI. Встроенные в браузер нейросети, например, YandexGPT, помогают пользователю редактировать текст, писать деловые письма, генерировать фантастические истории, сокращать и улучшать написанное. Искусственный интеллект способен синхронно переводить видео и пересказывать его. Неоспоримый филологический аргумент — слово «нейросеть» стало словом 2023 года, а портал «Грамота.ру» включил в рейтинг ещё и слова «промт» и «джипити» [3], связанные с самой известной системой искусственного интеллекта ChatGPT, созданный компанией OpenAI.

Кажется, скоро нейросети обучатся всему, но способны ли они общаться с человеком? Ещё как способны! Современные голосовые помощники постоянно совершенствуются и обновляются, их коммуникативный потенциал исследуется лингвистами. Конечно, отмечаются и недостатки, мешающие успешной коммуникации с искусственным интеллектом. Среди них, например, неспособность русскоязычных голосовых помощников Алисы, Маруси и Гугл Ассистента постоянно придерживаться коммуникативных постулатов Пола Грайса, учитывать пресуппозицию диалога и даже соблюдать принципы вежливости Дж. Лича [4].

О чём же можно говорить с голосовым помощником Алисой? «О чём захотите», — ответит вам она. И даже сама предложит варианты для беседы: «Можно о музыке и о ближайших концертах», «О новом «Рике и Морти», например. Любите сериалы?», «Может, об увлечениях? Вот вы чем увлекаетесь?», «Может быть, о спорте? О футболе, например».

Предложение Алисы поговорить о футболе напомнило нам о совете из книги «Выбраковка» Олега Дивова: «Если не хочешь нажать лишних врагов, никогда с малознакомыми людьми не говори о религии, политике и футболе». О спорте голосовой помощник предложил поговорить сам, но вот согласится ли он говорить с пользователем о религии и политике? Каковы границы искусственного интеллекта для этих тем и какими тактиками он пользуется, чтобы что-то ответить пользователю? Мы задались данными вопросами и решили разобраться в них.

Прежде всего стоит обозначить, почему тема религии и политики являются нежелательными в коммуникации (в особенности с незнакомыми людьми). Как отмечает Дж. Лич в своей работе «Принципы прагматики» [6], разговоры о личной жизни, религии, уровне доходов, политике, оценке других людей и так далее нарушают одну из шести максимум вежливости — максимум такта, которая предполагает соблюдение личных границ собеседника и осторожность при выборе речевой стратегии и темы коммуникации. Также эти темы можно отнести к табу. Ж.Ж. Варбот рассматривает этот термин как «запрет на употребление

определенных слов, обусловленный социальнополитическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами» [1]. В нашем случае речь идёт не столько о конкретных словах, сколько о целых темах для разговоров.

Мы провели исследование, в ходе которого задавали голосовому помощнику Алисе вопросы, связанные с религией и политикой. Например, про отношение голосового помощника к религии, его вере, роль религии в его жизни; про политические взгляды, отношение к международной политике и любовь к дебатам.

Нами были отмечены общие тактики в ответах на вопросы по обеим темам: 1) прервать разговор; 2) сменить тему разговора; 3) поддержать тему разговора. Также встречались случаи, которые не подходят под вышеперечисленные тактики, т.к. голосовой помощник не смог распознать табуированную тему.

Алиса владеет целым арсеналом фраз, с помощью которых прерывает вопросы на нежелательную тему: «Говорить о таком – это слишком для меня», «Наверное, я тут не лучший собеседник», «Не уверена, что могу раскрывать подробности», «Слишком сложная тема для меня», «Не придумала, что ответить. Подумаю об этом завтра», «Я ещё не умею говорить об этом», «Вряд ли вам нужно мнение бота по этому вопросу», «Не знаю, что сказать на это», «Никогда об этом не задумывалась», «Это не моя тема, но вы не переживайте». Отметим, что Алиса пресекала вопросы, связанные с религией чаще, чем политические вопросы. «Говорить о таком – это слишком для меня» – лидер в вопросах о религии, у политики такового нет. Однако для политической тематики есть собственный ответы-заготовка: «Мне не интересна эта тематика. Я за мир во всём мире».

Такой способ прервать коммуникацию зачастую оказывается невежливым и даже грубым, т.к. фразы-заготовки, представленные выше, не всегда являются универсальными ответами на вопросы на табуированные темы. Например, за вопросом «Ты не уважаешь мою религию?» последует ответ «Не придумала, что ответить – подумаю об этом завтра». Однако на схожий вопрос политической темы, а именно «Ты не уважаешь мои политические взгляды?», она ответит: «Я считаю, что у каждого есть право на собственное мнение и выбор». Голосовой помощник, пытаясь прекратить разговор, не только может нарушить одну из максим вежливости, но и один из постулатов Принципа Кооперации Пола Грайса – постулат релевантности, который гласит: «Не отклоняйся от темы» [2].

Отличным методом мы считаем ответы Алисы, в которых она говорит, что является искусственным интеллектом, поэтому не может ответить на такого рода вопросы. Однако таких ответов, к сожалению, в разы меньше чем тех, в которых довольно резко прерывается общение на табуированную тему. Хотя именно обозначение роли собеседника как

искусственного интеллекта даёт пользователю понять, что дальнейшее общение на эту тему является нецелесообразным, а не что голосовой помощник ещё не способен говорить об этом. Примеры такого типа ответов:

Пользователь: *Ты веришь в Бога?*

Алиса: *Я искусственный интеллект и не умею верить или не верить. Но уважаю все религии мира.*

Пользователь: *Как вы рассматриваете религию с точки зрения науки?*

Алиса: *Вряд ли вам нужно мнение бота по этому вопросу.*

Пользователь: *Ты аполитична?*

Алиса: *Да я, вообще-то не политик. Я бот, голосовой помощник, помогаю людям, понимаете?* (прим.: в конце Алиса поставила смеющийся смайлик)

Вторая тактика, которой может придерживаться искусственный интеллект – сменить тему разговора. Про несоблюдение коммуникативного принципа релевантности мы уже писали выше, но он проявляется и в этой тактике. Если спросить у Алисы, почему она не хочет с нами говорить, то та сместит фокус с темы:

Алиса: *Говорить о таком — это слишком для меня.*

Пользователь: *Почему? Нарушение принципа релевантности.*

Алиса: *Ну вот, например, почему вы любите рисовать?*

Голосовой помощник часто смещает фокус с темы с помощью вопросов, которые могут направить разговор в иное русло. Например, если спросить у Алисы, смотрит ли она политические дебаты, то та ответит, что иногда смотрит, но больше любит фильмы про подростков. Если продолжить первоначальную тему, уточнив, какие именно дебаты она смотрит, то она скажет: «Про то, как надо общаться с подростками, чтобы их не обижать».

Всегда стоит иметь в виду, что одна из целей голосовых помощников – продолжение диалога с пользователем. Поэтому они могут даже не смещать фокус с табуированной темы, а самостоятельно заменить её без какой-либо логической взаимосвязи с вопросом пользователя. Например:

Пользователь: *Как вы оцениваете роль международной политики?*

Алиса: *Это вопрос философский. Давайте лучше поговорим про ваше путешествие по России. Вы были в Санкт-Петербурге?*

Третья тактика – продолжить разговор пользователя. Охотнее она отвечает, если мнение пользователя соотносится с её собственным:

Пользователь: *Ты пацифистка?*

Алиса: *Нет, что вы, просто люблю жить мирно. А у вас есть друзья-пацифисты?*

Пользователь: *Да*

Алиса: *Здорово! Значит, вы тоже за мир во всем мире?*

Пользователь: *Конечно!*

Алиса: *С таким настроем вам не страшны никакие враги. А вы часто путешествуете?*

Если в религиозном вопросе не используются слова-табу (религия, Бог, конфессия), то Алиса продолжит диалог. Если спросить у неё что-то с глаголом «верить», то она воспримет это в ином значении. Например, на вопросы «Как ты думаешь, во что я верю» и «В кого мне нужно верить?» она ответит: «Я думаю, что главное верить в себя и не оглядываться на других» и «На самом деле, для вас главное – это ваш внутренний мир. И как вы его представляете, верите или не верите. Но это совсем другая история». Однако не все слова, связанные с табуированной темой, распознаются Алисой из-за чего возникает диалог, где голосовой помощник путает, к какой сфере необходимо отнести ключевое слово вопроса. Коммуникативная неудача в следующем примере связана с тем, что бот относит слово «кулич» к семантическому полю «еда» (отсюда «застолье» и «маринованные огурчики»), а не к полю «вера»:

Пользователь: *Ты любишь есть куличи?*

Алиса: *Конечно, это ведь замечательный повод для вкусного застолья. А вы любите?*

Пользователь: *Я люблю есть куличи на Пасху.*

Алиса: *Особенно с маринованными огурчиками, да?*

Одним из главных наблюдений исследования, как мы писали ранее, является то, что для голосового помощника Алиса тема политики является менее табуированной, чем тема религии. В этом мы можем убедиться, увидев, что бот использует разные коммуникативные тактики при ответе на аналогичные вопросы. Например:

Пользователь: *Ты аполитична?*

Алиса: *Да я, вообще-то не политик. Я бот, голосовой помощник, помогаю людям, понимаете?*

Пользователь: *Ты атеистка?*

Алиса: *Не придумала, что ответить*

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что голосовой помощник использует три коммуникативные тактики: прерывание разговора, смена темы, поддержание коммуникации. Чаще всего бот использует первую тактику. Также мы отметили, что вопросы на политическую тему являются менее табуированными, чем вопросы на религиозную тему.

Литература

1. Варбот Ж.Ж. Табу (текст) // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. Москва, 1979
2. Грайс П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 217-237.
3. Грамота.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/neyroset-slovo-2023-goda-po-versii-gramoty> (15.03.2024)
4. Дорожкина П.В., Моисеева Е.О. Принцип вежливости в реакциях голосовых помощников на комплименты // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник статей XI международной научно-практической конференции. – Светлогорск, 2023. – С. 298-300.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.
6. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – London, N. Y., 1983.

Dorozhkina P.V.

Pushkin State Russian Language Institute

«You hardly need a bot's opinion on this issue» or an analysis of voice assistant Alice's responses to taboo topics

This article analyzes the answers of Alice's voice assistant to questions related to taboo topics, namely politics and religion. The work is based on the theory of P. Grice about the need to comply with the Principle of Cooperation, as well as the maxims of politeness of J. The Lich. In the course of the study, we identified the communicative tactics of the voice assistant and found out that the topic of politics is less taboo than the topic of religion.

Keywords: pragmalinguistics, Cooperative Principle, taboo, artificial intelligence, voice assistants, politics, religion.

Доронина Анастасия Вадимовна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
anastasiya.doronina2012@bk.ru

Речевая манипуляция в рекламе ресторанов быстрого питания

Работа выполнена под руководством Селезневой Ларисы Васильевны, доктора филологических наук, профессора

В статье рассмотрена проблема манипулятивной природы рекламы ресторанов фастфуда. Установлено, что приемы воздействия помогают сфокусировать внимание реципиента на сообщении и побуждают на действия. В ходе анализа текстов были выделены основные приемы воздействия рекламы на потребителя: эвфемизмы, сравнения, вживление оценки, оппозиция «свой-чужой» и использование эмоционально-оценочной лексики, а также главные направления воздействия: эмоции, социальные установки и картина действительности.

Ключевые слова: реклама, манипуляция, приемы речевой манипуляции, рестораны быстрого питания

Общеизвестно, реклама – это мощный инструмент воздействия на человека, который способен подтолкнуть его к покупкам, иногда импульсивным. Для достижения цели сбыта рекламируемого товара применяются различные тактики и приемы, в том числе манипулятивные, с целью вызвать у него желание купить продукт. Однако, проблема заключается в том, что большинство не осознает, что реклама может манипулировать их мыслями и поведением.

Понятие «манипулирование» рассматривается разными социогуманитарными науками. Термин «манипуляция» происходит от лат. «manus» («рука») и «ple» («наполнять»), что подразумевает скрытое воздействие на поведение и волеизъявления человека для достижения собственных целей. Очевидно, что сам термин «манипуляция» имеет негативную коннотацию. Этим термином мы обозначаем скрытое влияние, вызвавшее у нас желание принимать такие решения, в результате которых мы оказываемся в проигрыше.

Интересными являются рассуждения авторитетного исследователя в сфере психологии манипуляции Е.Л. Доценко. Ученый дает такую трактовку понятия: «манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [3, с. 23].

В нашей статье мы будем рассматривать манипулирование как один из трех разновидностей речевого воздействия, важными признаками которого являются скрытность, т.е. имплицитность, и стремление одного получить односторонний выигрыш субъектом воздействия, путем влияния на сознание адресата через язык.

Главной целью языкового манипулирования в рекламе является подача сообщения таким образом, чтобы покупатель пришел к определенному выводу, который нужен производителю. Подобная реклама воспринимается покупателем менее критично, поскольку покупатель этот вывод воспринимает как за свой собственный.

Выделяют три основных направления языкового манипулирования в рекламе:

1. Эмоции. При воздействии на эмоциональную сферу человека рекламодатели влияют на выбор покупателя, так как потенциальный потребитель переносит свои переживания на сам товар. А так как эмоциональная память считается одним из стабильных и долгосрочных видов памяти, рекламодатели активно создают сообщения, которые оставят

положительные эмоции. Для воздействия на эмоции используют разные способы речевого манипулирования: эмоционально-оценочная лексика, навешивание ярлыков, использование крылатых выражений и так далее. Рассмотрим феномен воздействия на эмоциональную сферу на примере рекламы глобальной сети ресторанов быстрого питания Бургер Кинга (далее – БК). В слогане *«Быстрее, дешевле, вкуснее»* сравнительная степень прилагательного заставляет потребителя сделать вывод, что у БК по сравнению с конкурентами преимущество в скорости приготовления, цене и вкусе. Также в данной рекламе использованы лексические единицы, содержащие эмоционально-оценочный компонент.

2. Социальные установки. Будучи социальным существом, человек зависит от таких отношений, как «я — общество, я в обществе». Беря за основу это правило, копирайтеры умело воздействуют на разные структуры личности. Например, в одной из своих реклам КФС написала фразу *«возьми себе и другу»*.

3. Картина действительности. Другим основным компонентом современного языкового манипулирования, базовым механизмом манипуляции, является «языковая картина мира». Данное понятие отражает реальность, особенности национального мировидения и менталитета средствами языка, то есть «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [6, с. 104].

В соответствии с гипотезой лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, язык может оказывать воздействие на выстраивание языковой картины мира его носителей, то есть влиять на мировосприятие, воззрения и на когнитивные процессы носителей данного языка. По Сепиру каждый язык имеет свою специфическую структуру, которая по-своему воспринимает окружающий мир. Следовательно, осознание действительности зависит от языковых категорий, и в каждом языке она своя. Реклама продвигает интерпретацию картины мира. Учитывая это правило, копирайтеры придумывают оригинальные «версии действительности».

Список приемов языкового манипулирования в рекламе достаточно велик. Мы же рассмотрим основные из них, которые часто используются в рекламе фаст-фуда.

- Сравнение в пользу манипулятора. Сравнения бывают явными и скрытыми. Явные сравнения нежелательны, так как они чаще всего могут оставить негативный след на имидже производителя. К данному приему относится отмеченная выше реклама БК *«Быстрее, дешевле, вкуснее»*. Интересно заметить, что снизу под звездочкой идет уточнение *«чем сами знаете у кого»*. Прямой ссылки тут нет, но благодаря предыдущим их рекламным противоборствам, потребитель понимает, что БК имеет ввиду своего конкурента No1.

- Оппозиция «свой – чужой». Использование когнитивной оппозиции «свой-чужой» имеет исключительную важность в различных дискурсивных практиках. По М.Ю. Сейранян, эта категория «занимает огромное место в жизни и устройстве общества» [9, с. 310]. Перед тем как человеку идентифицировать себя как индивида, ему требуется сначала осознать себя социальным элементом в каком-либо обществе «своих», которое будет противопоставлено «чужим». Такую дихотомию можно назвать одной из ключевых в общечеловеческой культуре (наравне с такими противоположностями, как «мужское – женское», «свет – тьма» и т.д.).

Рассмотрим формирование образа «свой – чужой» на примерах рекламы КФС: «просыпаемся вместе», «мой баскет». Также, чтобы выставить себя дружелюбным, готовым к новым знакомствам рестораном, КФС выпустила следующую рекламу: *«Давайте знакомиться!»*. Так они попытались стать «своими» для новых потребителей.

- Эвфемизация. С воздействием на массовое сознание связан процесс использования эвфемизмов и дисфемизмов. Эвфемизмом считается «смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления, более мягкое выражение вместо грубого» [8, с. 350]. По мнению Е. П. Сеничкиной, наиболее емко раскрывает суть этого понятия такое определение: «эвфемизм – слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [10, с. 5]. Подобные слова используются с целью показать действительность в другом свете, что позволяет изменить установки и суждения реципиента, то есть воздействовать на его сознание. Такие лексемы также обладают позитивной эмоциональной оценочностью, что, как мы уже убедились, также является инструментом воздействия. Не перестает удивлять своими смелыми рекламными решениями БК. Они часто используют эвфемизмы для замены нецензурной лексики: *«Похоже на какое-то наедалово», «Смотри, не обострись», «мы окурели в край», «чиздец», «ням-ням-ням, спалил мне бороду к жуям», «ЕДАЛ ТАКОЕ?», «раздаст по Е-баллам».*

- Вживленная оценка. «Признак предмета постоянно ставится рядом с его названием, превращаясь в его имманентное свойство. И ни у кого не возникает желания это оспаривать или уточнять» [5]. БК часто использует прилагательное «настоящий» при рекламе своих бургеров.

Обобщая вышесказанное, отметим, что в языковой манипуляции выделяют 3 основных направления воздействия: на эмоции, социальные установки и картину действительности. Способов воздействия множества. Часто употребляемыми считаются

эвфемизмы, сравнения, вживление оценки, оппозиция свой чужой и использование эмоционально-оценочной лексики.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Москва : КомКнига, 2006. 280 с.
2. Гируцкий А.А. Общее языкознание. Мн.: Тетра-Система, 2003. 304с.
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. - Санкт-Петербург : Питер. – 2003. – 304 с.
4. Жукова А.Г. Стратегия создания ажиотажа в дискурсе телепродаж // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – №. 1. – С. 157-166.
5. Имшинецкая И. Речевые манипулятивные техники в рекламе [Электронный ресурс] // [«[Adv]SchoolRu»] URL: <http://advschool.ru/articles/article676.htm> (Дата обращения: 20.11.23).
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
7. Первухина С. В. Манипуляция в текстах рекламно-медицинского субдискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – №. 4. – С. 61-64.
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь - справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. - 357 с.
9. Сейранян М. Ю. Оппозиция «свой-чужой» как конфликтоген в политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. – 2012. – Т. 2. – №. 2. – С. 310-314.
10. Сенчикова Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка Москва : Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Doronina A.V.

The Pushkin State Russian Language Institute

Manipulation in fast food restaurant ads

The article considers the problem of the manipulative nature of advertising fast food restaurants. Methods of influence are used to achieve advertising goals, and often people do not realize how these methods affect their perception. It has been established that such techniques help to focus the recipient's attention on the message and encourage certain actions. to identify the means and methods of speech manipulation in advertising. The empirical material was the advertising campaigns of popular fast food restaurants. During the analysis of the texts, the main methods of advertising influence on the consumer were identified: euphemisms, comparisons, implantation of evaluation, the opposition of "friend or foe" and the use of emotionally evaluative vocabulary, as well as the main directions of influence: emotions, social attitudes and the picture of reality.

Keywords: advertising, manipulation, speech manipulation techniques, fast food restaurants

Цифровые тенденции в преподавании русского как иностранного

Работа выполнена под руководством Андрея Николаевича Богомолова, доктор педагогических наук, кандидат культурологии

Статья посвящена изучению применения различных современных цифровых технологий в преподавании русского языка как иностранного, и свойств цифровых технологий, что позволяет выявить популярность цифровых технологий в сфере преподавания русского языка как иностранного, а также преимуществ современных цифровых технологий и новых задач, которые предстоит решить людям, тем самым предоставляя лучший вариант для будущего развития цифровых технологий в сфере образования.

Ключевые слова: современные цифровые технологии, преподавание русского языка как

В современных условиях дистанционного, или смешанного обучения онлайн-программы являются эффективной и оптимальной формой преподавания русского языка. Современные методы обучения русскому языку как иностранному (РКИ) характеризуются использованием разнообразных цифровых технологий (ЦТ) с различной направленностью. *«Что богатый научно-методический опыт касается в основном асинхронных дистанционных форм обучения, в то время как онлайн-уроки же сих пор разработаны недостаточно»* [6, с. 3]. Анализ цифровых технологий показывает широкие возможности их использования в практике РКИ. Например, цифровые технологии могут быть использованы на этапах презентации, отработки и контроля фонологического, лексического и грамматического материала.

В настоящее время дистанционные образовательные технологии (ДОТ) очень популярны в российской системе высшего образования. Использование ДОТ делает процесс обучения более простым и гибким. В Законе РФ «Об образовании» под ДОТ понимаются *«образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника»* [7, с. 5]. *«На наш взгляд, основными видами учебной деятельности с применением дистанционных технологий являются: 1) лекции / практические занятия; 2) групповые занятия; 3) консультации; 4) самостоятельная работа; 5) контроль знаний»* [2, с. 15].

«Неотъемлемое свойство современных технологий – мультимедийность, благодаря которой возможно воздействие сразу на зрительное, слуховое восприятие, вовлечение большинства чувственных компонентов обучаемого способствует интенсификации образовательного процесса» [3, с. 306].

Например, онлайн-доска – это цифровой сервис, с помощью которого вы можете организовывать совместную деятельность преподавателей и студентов в рамках онлайн-курса. При этом онлайн-доска позволяет работать не только с текстовыми материалами, но и публиковать изображения, аудио- и видеофайлы.

Кроме того, не нужно открывать дополнительные браузеры, ненужные вкладки или сохранять на компьютере, прежде чем загрузить изображения из базы данных Google или облачного жесткого диска, учителя могут быстро создавать иллюстративные материалы для уроков. Быстрое создание иллюстративных материалов для уроков. Добавляйте изображения (включая электронные учебники) в сочетании с инструментом рисование (подчеркивание, выделение) для добавления изображений (включая снимки экрана страниц электронного учебника) и текста (включая скриншоты страниц электронного учебника), можно создать различные репродуктивные и производственные упражнения.

Возможности цифровых технологий повышают эффективность обучения РКИ благодаря их дидактическим свойствам: визуализации, интерактивности, гипертекстуальности, мультимедийности, персонализации.

«Визуализация (от лат. visualis, «зрительный») – представление физического явления или процесса в форме, удобной для зрительного восприятия» [1, с. 448]. При изучении иностранного языка использование визуализации может упростить восприятие новых языковых явлений и грамматических правил. Визуализации могут использоваться не только преподавателем, но и студентом в качестве заданий. «Стоит отметить, что использование визуализации особенно важно для студентов, использующих иероглифическое письмо особенно важна, поскольку позволяет учащимся двигаться от образа к слову, с опорой на зрительную и эмоциональную сферы» [8, с. 18].

«Интерактивность – современная цифровая среда по определению интерактивна: она предполагает взаимодействие пользователя с объектами на экране» [5, с. 27]. Интерактивность в обучении РКИ выражается во взаимодействии студентов с преподавателем, другими студентами, текстами и цифровыми образовательными

материалами. При проведении синхронного онлайн-занятия взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса происходит с помощью веб-камеры и микрофона, а также чата видеоконференции.

«Гипертекстовость представляет собой способ организации информации в виде смысловых связей, благодаря чему читатель может осваивать данную информацию нелинейно» [9, с. 123]. Большинство презентационных и учебных материалов в цифровой среде определяются гипертекстом. Гипертекстовость – основа интерактивных рабочих листов, которые представляют собой композиции цифровых учебных материалов. Задания объединены общими лексическими и грамматическими темами и рассчитаны на выполнение в течение одного занятия. Таким образом, гипертекстовость позволяет не только представлять информацию, но и быть в обучении активным участником, контролируя последовательность и результат обучения.

«Мультимедийность. Мультимедиа – совокупность различных видов информации в виде графики, текстов, фотографий, аудио-, видео- и анимационных элементов» [1, с. 448]. Мультимедийные технологии можно использовать при выполнении студентами творческих заданий: создании собственных видео на определенные темы, написании цифровых историй.

Персонализация. Персонализация обучения основана на учете особенностей и потребностей конкретного человека в рамках индивидуальной образовательной траектории. Возможность выбора между различными формами обучения (очная в аудитории или онлайн с использованием цифровых технологий) способствуют персонализации обучения.

Все эти свойства тесно связаны между собой. Таким образом, взаимодействие с учебными материалами осуществляется путем перехода к другим ресурсам (т.е. с помощью гиперссылок). Гипертексты максимально персонализированы, так как отдельные сегменты задания выполняются в соответствии с потребностями конкретного студента. Визуализация учебных материалов основана на мультимедиа, а выбор типа мультимедийного материала основывается на когнитивных предпочтениях учащихся (реализация персонализации). Технологические возможности различных вариантов мультимедиа (изображения, аудио, видео) являются выражением интерактивности.

В настоящее время цифровые технологии, обладающие своими преимуществами, стали новой тенденцией в преподавании русского языка как иностранного, однако

существуют некоторые трудности. Например, преподаватели могут использовать предоставленные цифровые материалы в качестве примеров и шаблонов для создания собственных материалов. Широкое использование цифровых сервисов позволяет оптимизировать работу преподавателей, разнообразить учебную деятельность студентов, организовать их продуктивную и самостоятельную работу, учесть индивидуальные познавательные особенности. Богатая библиотека электронных ресурсов позволяет выбрать учебные материалы, которые наилучшим образом соответствуют языковым потребностям, профессиям и жизненным интересам.

«Стоит отметить трудности, связанные с внедрением мультимедиа в преподавание РКИ: 1) Поиск и отбор качественного мультимедиа, соответствующего конкретным задачам обучения РКИ; 2) Эмоциональные перегрузки, к которым может привести несбалансированность использования мультимедиа в учебных материалах; 3) Подбор мультимедиа в соответствии с когнитивными предпочтениями обучающихся» [4, с. 172].

В то же время, использование дистанционных технологий в обучении русскому языку позволяет быстро передавать информацию на любое расстояние, обеспечить свободный доступ к различным источникам информации, обеспечить автоматизированный контроль, сократить время проверки, повысить объективность оценки качества учебных материалов, повысить энтузиазм студентов для изучения русского языка.

Дистанционное обучение РКИ – непростая задача для преподавателей, поскольку выбор неправильных методов обучения с использованием дистанционных технологий может привести к формированию у студентов неверных стереотипов и представлений о российской культуре и менталитете страны изучаемого языка. Для того чтобы выявить эти проблемы и задачи, необходимо понимать, что каждое дистанционное занятие должно решать определенный круг проблем и задач: *«1) актуализация и проверка изученного материала на коммуникативном уровне; 2) представление языкового и страноведческого материала; 3) установление эмоционального контакта (преподаватель – студент, студент – студент)» [2, с. 15].*

Сегодняшний срочный переход на дистанционное обучение стал настоящим вызовом для педагогического сообщества. Современные преподаватели РКИ должны

адаптироваться к меняющейся педагогической среде, чтобы совершенствовать свои навыки и повышать квалификацию.

В данной работе рассматриваются явления цифровых тенденция в преподавании русского языка как иностранного, демонстрируется, что современные цифровые технологии незаменимы в преподавании русского языка как иностранного, и, будучи представителем сетевой информационной эпохи, сделать образование более удобным можно, только изучив все новые аспекты цифровых технологий, изучив их особенности и новые проблемы, требующие решения.

Литература

1. Азимов, Э.Г., Шукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. – Москва : Икар, 2009. – 448 с.
2. Гороя Н.Н., Пожидаева А.С. Применение дистанционных технологий в преподавании русского языка как иностранного. – Москва : Методика преподавания языка и литературы, 2021. – 15 с.
3. Загуменникова Н.В. Использование мультимедийных технологий в преподавании русского языка как иностранного // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы 5 Междунар. Науч.-практ. конф. (г. Пенза, 5 декабря 2019 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, И.В. Куликова. – Пенза : ПензГТУ, 2020. – С. 306-311.
4. Загуменникова Н.В. Цифровые технологии как способ оптимизации обучения русскому языку как иностранному. – Москва : Преподаватель XXI век, 2023. – 172с.
5. Лебедева, М.Ю., Куваева, А.С. Синхронный онлайн-урок по РКИ как особая форма обучения в цифровой среде // Русский язык за рубежом. – 2020. – №2(279). – С. 27-33.
6. Садыкова Р.Х. Дистанционное обучение студентов: реалии и опыт / Р.Х. Садыкова // Концепт. Научно-методический электронный журнал [Электронный ресурс]. – 2020. – №09. – С. 41-56. – URL: <http://e-concept.ru/2020/201063.html> (дата обращения 20.03.2023)
7. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (ред. от 25.11.2013; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014) // Российская газета, – N 303, 31.12.2012.
8. Шантурова, Г.А. Этноориентированный комплекс упражнений как фактор успешности обучения РКИ китайских стажеров// Русский язык за рубежом. – 2017. – №2(261). – С. 18-21.

9. Nelson, T.H. *Literary Machines: The Report on, And of, Project xanadu, Concerning Word Processing, Electronic Publishing, Hypertext, Thinkertoys, Tomorrow's Intellectual Revolution, And Certain Other Topics Including Knowledge, Education and Freedom.* – Sausalito : Mindful Press, 1992. – 123 p.

Du Yanlin

The Pushkin State Russian Language Institute

Digital trends in teaching Russian as a foreign language

The article focuses on the use of various modern digital technologies in the teaching of Russian as a foreign language, as well as on the characteristics of digital technologies, thus allowing us to clarify the popularity of digital technologies in the field of teaching Russian as a foreign language, as well as the advantages of modern digital technologies and the new challenges that one must address in order to provide the best options for the future development of digital technologies in the field of education.

Keywords: modern digital technologies, teaching of Russian as a foreign language, characteristic, trend, advantages

Дунчева Екатерина Максимовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

kate.dunch@gmail.com

Супрематизм и эстетическая революция XX века

Работа выполнена под руководством Куприной Ирины Викторовны, кандидата исторических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин

В статье исследуется влияние супрематизма К.С. Малевича на формирования новой художественной эстетики XX века. Автор рассматривает проблемы формирования и эволюции абстрактного искусства и супрематизма как наиболее радикальной его формы. Анализируется теория абстрактного искусства, философское и эстетическое наполнение супрематизма, его влияние на дальнейшее развитие искусства.

Ключевые слова: эстетическая революция, абстракционизм, беспредметное искусство, супрематизм.

В настоящее время в современном искусстве по-прежнему востребован абстракционизм, как один из наиболее выразительных художественных стилей XX-XXI веков. В связи с этим интересно проследить историю формирования этого стиля и выяснить, как абстракционизм изменил эстетические представления людей о живописи и об искусстве в целом.

Принято считать, что кризис предметности и появление абстракционизма являются ключевыми событиями в истории искусства, так как позволили художникам выйти за рамки обыденного, переосмыслить искусство и его роль в современном мире.

В 1910-1920-е годы революционные идеи, технологический прогресс, социальные изменения оказывали существенное влияние на искусство. Художники стали искать новые

формы и средства выражения, отказываясь от изображения реальных объектов и ситуаций, в результате чего столкнулись с проблемой отражения «невыразимого» [9, с. 80] – внутреннего мира, мыслей. Они экспериментировали с различными техниками и материалами, создавая произведения, лишённые четких контуров и определенных смыслов.

Абстракционизм открыл новые возможности для художественного творчества, подойдя к искусству совершенно иначе, чем прежде. Он стал одним из ключевых направлений в искусстве XX века, в котором главное значение придается форме, цвету, линии, пространству, свету, а не смыслу или предмету, и оказал огромное влияние на развитие современного искусства.

«Новый мир искусства стал чистым и беспредметным». [6, с. 12] В нём материал дал возможность строить новую форму. «Каждая форма есть мир. Всякая живописная плоскость живее всякого лица, где торчат пара глаз и улыбка». [7, с. 19] Все геометрические фигуры разных размеров и форм свободны и индивидуальны, но не повторяют и не изменяют первоначальную форму натуры, образуют абстрактные композиции.

Уходя от традиционной предметной живописи, художники расширяли границы восприятия изобразительного искусства. Если раньше главной его задачей было отображать окружающий мир, то теперь они стремились к созданию собственного пространства с новыми художественными законами, традицией, эстетикой.

Философия искусства того времени была направлена на отражение в живописи глубоко личного, интимного, которое не должно касаться материальной стороны жизни и не служить источником существования, в котором важно, чтобы было «чистое искусство ради искусства» [2, с. 164].

Некоторые из художников ограничивались единичными экспериментами с беспредметностью в своём творчестве, другие сделали его главным принципом своего творчества, однако среди большинства художников, прибегнувших к беспредметности, выделяется творчество Кандинского В.В. и Малевича К.С., так как они наделили абстрактную живопись духовным содержанием, сделав её носителем философской идеи.

Кандинский В.В. является первооткрывателем абстрактной живописи. Первой в истории мирового искусства абстракцией считается его работа 1910 года, носящая условное название «Первая абстрактная акварель». Впервые художник сделал эту и другие абстрактные зарисовки акварелью именно к своему сборнику в качестве иллюстраций для теоретического труда. Однако наиболее известными стали другие его работы, написанные в 1910 году и считающиеся истинным воплощением концепции абстракционизма: «Страшный суд», «Импровизация «Потоп», «Композиция VI» и «Композиция VII».

Определяющим фактором для зарождения абстракционизма стал тот факт, что Кандинский В.В. в своём труде «О духовном в искусстве» 1911 года последовательно и научно аргументированно предоставляет доказательства закономерности появления абстракционизма, отстаивая право абстракционизма на существование. Во втором своем труде «Точка и линия на плоскости» 1926 года развивает тему взаимосвязи внутреннего и внешнего применительно к своей теории первоэлементов.

В данных трудах художник дал теоретическую основу и сформулировал основные принципы абстракционизма: освобождение от предметности и верность духовному, визуальное воздействие на зрителя, использование цвета и формы для передачи эмоций и идей.

На полотнах Кандинского В.В. много цветов и форм, в которых угадывались образы из реального мира – фигуры людей, элементы пейзажей. Они были написаны для того, чтобы понять, что люди чувствуют, когда видят различные формы и цвета на картине.

Он отмечал психологическое воздействие красок на человека не только на зрение, но и на другие органы чувств, считая, что гармония красок целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу: «Сама форма, даже если она совершенно абстрактна и подобна геометрической, имеет свое внутреннее звучание, является духовным существом с качествами, которые идентичны с этой формой». [2, с. 68]

«В своем искусстве Кандинский стремился почувствовать и воссоздать ту сущность, которая лежит в основе всего живого. Он считал, что искусство не отделено от жизни. Оно живет по тем же законам, что и любое живое существо. Художник способен вдохнуть жизнь в нетронутую еще плоскость холста. Отделяясь от художника, картина или произведение начинает жить самостоятельно, не зависимо от художника, участвуя во всеобщем космическом ритме. Оттого и элементы, из которых строится картина (точка, линия, плоскость) обладают у него той же живительной сущностью. Он стремится одухотворить их, наделить силой. Чистые, отвлеченные, абстрактные формы его искусства дают возможность языком живописи говорить о вечных духовных ценностях». [3, с. 10]

Художники подхватили и стали развивать идеи абстракции, описанные Кандинским В.В. в его трудах. Абстракционизм разделился на направления, в каждом из которых были свои представители. Например, супрематизм Малевича К.С., ташизм Вольса, оп-арт Вазарели В., конструктивизм Родченко А. и Татлина В., орфизм Купка Ф. и Делоне Р., абстрактный экспрессионизм Ротко М. и Поллока Д., постживописная абстракция Гринберга К., неопластицизм Мондриана П., антикубизм Филонова П., пуантилизм Клее П.,

минимализм Людвиг Мис ван дер Роэ, лучизм Ларионова М. и Гончаровой Н., кинетизм Колдера А., Тингли Ж., Шеффера Н. и другие направления.

Однако наиболее радикальной формой абстракционизма среди них стал супрематизм Малевича К.С., поскольку он отвергал любую привязку к предметным формам и структурам, искал абсолютное и истинное в искусстве. «В супрематизме не трактуются вещи, предметы и т.д., и только, - беспредметность вообще ни при чем. Супрематизм - определенная система, по которой происходило движение цвета через долгий путь своей культуры». [4, с. 45] «Малевич трактовал супрематизм не только как новую живописную систему геометрической абстракции, а мыслил ее гораздо шире – как систему общехудожественную, а в философском смысле – как новую систему мироздания». [8, с. 15] Однако его значение трактовали двояко, либо как достижение новой формы, либо как углубление живописи путём цвета.

Малевич К.С. стремился к абсолютной универсальности, к созданию искусства, способного освободить человека от бремени материального мира и открыть перед ним новые горизонты духовного развития. Он считал, что искусство должно быть не просто копией мира, а новым миром, в котором нет места для реальности и общеизвестных образов.

Художник выступил против «академического хлама», пытался очистить личность от «академической утвари» [4, с. 40] и заставить жить людей настоящим, «выжечь прошлое» [4, с. 28] и стереть будущее, восстановив время, пространство, темп и ритм, движение, основы сегодняшнего дня, выступил против умерщвления и издевательства над жизнью живого: «Рвите холсты и книги страниц ваших черчений, если в них сквозит искаженно вчерашний мир, вырывайте все, что было сделано разумом старого совершенства, чтобы новый человек мог быстрее мгновений чертить собою системы дорог». [5, с. 103] В попытке освободиться от власти мира вещей и мира видимостей, художник провозглашает «Ничто» вместо предметного мира символом, главной теоретико-художественной идеей супрематизма.

Первой работой Малевича К.С. был рисунок «Формула супрематизма» в 1913 году, где стояла личная подпись художника: «Первой фигурой будет куб». Он был разделен по двум сторонам красным и чёрным цветом, что означало переход одного состояния в другое. Возможно, именно эта работа стала «отправной точкой» в попытке изложить опыт учения о мистическом богопознании в виде определённой системы.

В своих работах Малевич К.С. использовал «принцип случайного» [1, с. 218], то есть конструктивный хаос, где существовали жёсткие границы и не позволялось вмещать переживания и опыт человека в законченные, логически связанные и выстроенные формы. В его работах исключены чёткость и прозрачный смысл, именно поэтому его творчество имеет

множество интерпретаций. Малевич К.С. создал особый язык, в котором использование технических приёмов не становится методом, а балансирует на границе собственного языкового пространства. При этом художник не закреплял за каждой формой и цветом конкретный символический смысл, один и тот же элемент у него выступал в супрематических композициях в разных значениях, однако он, жонглируя ими, стремился сохранить смысловое ядро.

Апофеозом творчества Малевича К.С. стал «Чёрный супрематический квадрат», который был написан в 1915 году поверх двух работ – кубофутуристической и одной из очень ранних супрематических работ. «Антикартина» показывает нам все цвета разом, где отсутствует свет, необходимый для создания и восприятия живописи, в состоянии, когда живопись невозможна. Впервые данная работа была показана на выставке «0,10» Ивана Пуни в красном углу – в месте в крестьянских избах с иконами. Так символично обозначил свое произведение художник в современном искусстве. Там же были показаны работы «Красный квадрат», который потерял правильные геометрические формы и превратился в четырёхугольник, а также знаменитый триптих «Чёрный круг», «Чёрный квадрат», «Чёрный крест». А в 1918 году художник приходит к выводу, что белый цвет является пиком беспредметности и пишет работу «Белое на белом».

Однако «Чёрный супрематический квадрат» выделяется среди остальных картин. Он является своеобразным манифестом, потому что представляет собой символическое выражение новой художественной идеологии, вносит важный вклад в развитие современного искусства, а также вызывает дискуссии о роли и функции искусства в современном обществе, которое полностью отказывается от традиционных художественных форм и представлений. Оно стало символом абстракционизма и супрематизма, движений, которые стремились к освобождению искусства от всех внешних ограничений и стандартов.

Данная работа художника отражает идею о новом начале в искусстве, о символическом переходе от пространства и предметности к чистой форме и энергии. Сам же художник характеризовал произведение, как «нуль формы». Это произведение призывает зрителя к принятию новой концепции искусства, основанной на абстракции и духовной глубине.

После «нулевой» формы в 1920-е годы Малевич К.С. приступил к зарисовкам объёмных сооружений в третьем измерении, назвав их динамопланитами. Интересно, что художник сначала показывает основу супрематизма – квадрат, а потом в объёмных композициях переходит на куб, посчитав его первой формой в объёмном супрематизме. Эти супрематистические динамопланные сооружения, не обращённые в утилитарную архитектуру,

дали начало развитию неоклассицизма у архитекторов, выраженного в новом объёме из плоскости. Зарисовки были доработаны, они расширили диапазон формально-композиционных поисков, в результате чего получился новый вид архитектуры в чистом виде вне всяких практических целей, такой, какой архитектура должна была быть изначально.

«Архитектоны – это «слепая» архитектура (по терминологии Малевича, архитектуроника). Это внеутилитарные и бесмасштабные объёмные композиции. А планиты – это уже объёмные композиции с функцией (жильё), это уже масштаб (этажи, козырьки, даже люди на террасе)». [9, с. 366] Архитектоны были популярны так же, как и «Чёрный супрематический квадрат». Первым архитектоном Малевича К.С. был «Альфа». Из картона, гипса и дерева он создал более десяти архитектонов, построенных из значительного числа фрагментов, которые можно разобрать и собрать обратно с большой точностью. Именно с них начинается стилистика супрематизма в реальной архитектуре.

Итак, можно сказать, что супрематизм, развившийся в начале XX века в России под руководством художника Малевича К.С., оказал значительное влияние на дальнейшее развитие искусства, стимулируя творческий поиск и инновации в различных областях искусства.

Супрематизм дал мощный творческий импульс художникам «Супремуса», например, Ключу И., Розановой О., Поповой Л., Удальцовой Н., Менькову М., Пестель В., Экстеру А., Веснину А. для создания своего собственного варианта супрематизма. «Основные положения художественной системы супрематизма стали основой развития послереволюционного авангарда, в первую очередь в беспредметной живописи, а затем и в архитектуре конструктивизма». [8, с. 15] Он вдохновил многих художников и дизайнеров на эксперименты с формой, цветом и пространством, способствуя появлению новых творческих направлений и подходов в искусстве.

Супрематизм оказал влияние на развитие архитектуры и дизайна. Принципы супрематизма, такие как устранение лишних деталей и упрощение форм, были воплощены в работах знаменитых архитекторов как Ле Корбюзье и Татлин В., а также в работах архитекторов советского времени – Лисицкого Л., Ладовского Н., Мельникова К., Руднева И, Гинзбурга М. и других. Малевич К.С. помог архитекторам увидеть простые геометрические формы, лишённые декора, показав неисчерпаемые возможности создания из сочетания данных форм в выразительные сложные композиции в объёмном пространстве.

Эстетика будущего Малевича К.С., базирующаяся на контрасте, ритмичности и противопоставлении форм, создала новую символическую метасистему в авангардной

живописи, совершив прорыв, революцию в изобразительном искусстве, философии и эстетике, став основополагающим и стилеобразующим фактором для всего искусства как XX в., так и XXI в.

Литература

1. Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – 360 с.
2. Кандинский, В.В. О духовном в искусстве: монография. – Москва : Архимед, 1992. – 108 с.
3. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. Ступени. Текст художника. Точка и линия на плоскости. Сборник. – Москва : АСТ, 2018. – 200 с.
4. Малевич К.С. Черный квадрат: манифесты, декларации, статьи / К.С. Малевич. – Москва : Азбука, 2015. – 288 с.
5. Малевич К.С. Собрание сочинений в 5 томах. Том 5. Произведения разных лет: статьи, трактаты, манифесты, декларации, проекты, лекции / К.С. Малевич. – Москва : Гилея, 2004. – 628 с.
6. Малевич К.С. Мир как беспредметность : сборник статей / К.С. Малевич. – Москва : Эксмо, 2016. – 160 с.
7. Малевич К.С. От кубизма и футуризма к супрематизму / Чёрный квадрат. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – С. 29.
8. Сарабьянов А.Д. Русский авангард. И не только / Андрей Сарабьянов. – Москва : АСТ, 2023. – 304 с.
9. Хан-Магомедов С.О. Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования). – Москва : Архитектура – С, 2007. – 520 с.

Duncheva E.M.

Pushkin State Russian Language Institute

Suprematism and the aesthetic revolution of the XX century

The article studies the influence of K.S. Malevich's suprematism on the formation of new artistic aesthetics of the XX century. The author considers the problems of formation and evolution of abstract art and Suprematism as its most radical form. The theory of abstract art, philosophical and aesthetic content of Suprematism, its influence on the further development of art are analyzed.

Keywords: aesthetic revolution, abstractionism, objectless art, suprematism.

Евдокимова Дарья Михайловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Использование инфографических материалов на уроках РКИ для формирования вторичной языковой личности студента

Работа выполнена под руководством Рублевой Е.В., кандидата филологических наук, доцента кафедры МПРКИ

Статья посвящена исследованию применения инфографических материалов на уроках РКИ, учитывая особенности мышления и механизмы активации внимания современных студентов.

Ключевые слова: инфографические материалы, цифровая революция, студенты-инофоны.

Последние десятилетия XX века характеризуются переходом общества от индустриального к постиндустриальному после четвертой и пятой информационных революций.

Четвертая информационная революция, сразу перерастающая в пятую, – это новый этап развития информационных технологий и цифровизации общества. Это коренные изменения в обществе, связанные с изобретением электронных средств преобразования информации. Марк Пренски в своей статье «Digital Natives, Digital Immigrants» называет это событие «сингулярностью» – «событие, которое меняет ситуацию настолько фундаментально, что пути назад абсолютно нет» («an event which changes things so fundamentally that there is absolutely no going back») [8, с.1].

XXI век ознаменован повышением уровня доступности информационных технологий. В современных реалиях электронные средства преобразования информации становятся почти повсеместно используемыми. Начиная с поколения Z, они окружают человека практически с рождения. Таким образом, новое поколение, в отличие от предыдущих, оказывается погруженным в быстроменяющийся информационный поток с начала жизни, что накладывает отпечаток на их развитие. Глобальная информатизация меняет умственную деятельность человека.

Цифровая революция оказала влияние на все сферы жизни, в том числе и образование, и, как следствие, повлекла за собой изменения и необходимость переосмысления базовых принципов обучения. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к появлению нового инструментария для преподавания иностранного языка, а также породило поколение студентов, которых Марк Пренски называет «цифровыми жителями» («Digital Natives») [9, с. 1] и у которых выявлен новый тип мышления, определяющийся исследователями через понятия

нелинейного, клипового и визуального мышления. Таким образом, в результате нарастания объемов информации и нового характера взаимодействия с ней сегодняшние студенты мыслят и обрабатывают информацию принципиально иначе, нежели их предшественники.

Одним из негативных аспектов нового типа мышления является то, что ему присущи рассеянность, гиперактивность и дефицит внимания. В связи с этим преподаватели часто сталкиваются с проблемой концентрации внимания студента в ее практическом плане. Иными словами, обучающиеся оказываются не способными надолго сосредоточиться на воспринимаемой информации или выполняемом задании.

Как отмечает А.Д. Гарцов, «изменение образа жизни „modus vivendi“ и образа мышления „modus operandi“ приводит к необходимости использования новых, более прогрессивных методологических подходов в области научного и учебно-образовательного процессов» [1, с.80].

В связи с тем, что в основе типов мышления поколения «цифровых жителей» лежит визуальное восприятие, необходимо иначе взглянуть на принцип наглядности на уроках РКИ.

Принцип наглядности является самым древним и наиболее интуитивно понятным. «Сегодня наглядность воспринимается людьми легче и лучше, чем обычный печатный текст, книга, газета, на основании чего специалисты по визуализации информации заметили, что текст объемом около 6000 знаков может уместиться лишь в одном графическом рисунке» [6, с. 46].

Наглядность на уроках РКИ позволяет мобилизовать психическую активность студентов, вводить новый материал, повышать мотивацию, систематизировать знания, выделять главное и второстепенное, снижать утомление, увеличивать возможность произвольного запоминания и многое другое. Визуальные образы применяются как средство обучения и средство познания. Стоит отметить, что по данным ЮНЕСКО при аудиовосприятии обучающийся усваивает 12% презентуемой информации, при визуальном – 25%, а при аудиовизуальном – 65%. То есть использование визуальных средств в сочетании с устной подачей преподавателя на занятии позволит повысить качество усвоения материала более чем в 5 раз.

Одним из современных способов визуализации информации является инфографика, которая «дает визуальное представление сложной информации ясно,

содержательно, эстетически привлекательно, что отвечает требованиям современности» [6, с.48].

По определению В.В. Лаптева, инфографика – это «область коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных и знаний. Используется для быстрой и чёткой передачи вербальной информации с формированием связанных с нею визуальных образов» [4, с.10]. Применительно к обучению языкам инфографику определяют как средство наглядности, средство обучения и принцип обучения. [3, с.334]. Иными словами, в области преподавания РКИ инфографику не стоит воспринимать исключительно как инструментарий. Инфографика – это вид подачи информации, который способен одновременно быть и средством, и способом обучения.

Одной из важнейших черт инфографического текста является стремление к экономии языковых средств, что способствует сжатию, или же компрессии, и лаконичности, делая материал кратким, а информацию более доступной для понимания. Также, исходя из определения В.В. Лаптева, следует, что инфографика способна создать ассоциативный ряд в сознании студента-инофона благодаря формированию визуальных образов, что позволяет вводить новый материал, связав его с уже изученными темами.

Здесь стоит поговорить о методах активизации внимания обучающегося на занятиях РКИ. Внимание – важный процесс, влияющий на эффективность усвоения учебного материала. Не умея концентрироваться, отбирать самое важное, отсеивать второстепенное, что свойственно «цифровым жителям» в силу фрагментарной природы окружающего их информационного потока, становящегося из-за скорости подачи фоновым шумом, учащийся не сможет ориентироваться в русском языке, достаточно сложном для изучения.

Для наиболее эффективной организации преподавания русского языка как иностранного необходимо учитывать механизмы развития внимания. В активизации внимания ведущую роль играют определенные свойства окружающего антуража, оформления материала, действий преподавателя.

Во-первых, это «сильное, интенсивное воздействие предмета или явления» [5, с. 59], вроде резкого громкого звука в тишине. Во-вторых, «контраст с окружающим». И.И. Митрофанова в своей статье приводит в пример цветной текст на черно-белом фоне [6, с. 59], однако реализацией этого свойства может служить инфографика.

Выделяют три типа инфографики [2, с. 2]:

1. Статичная, чаще всего представляющая собой изображение без анимированных элементов, является наиболее простым и распространенным видом инфографики. При подборе яркой и понятной картинки, контрастирующей с фоном слайда, статичная инфографика станет эффективным элементом привлечения внимания студентов.

2. Интерактивная – содержит анимированные элементы, что позволяет визуализировать большее количество материала в одном интерфейсе. Движущееся изображение, а также необходимость обработать большой объем информации способствуют активизации внимания учащихся.

3. Видеоинфографика - представляет собой короткий видеоряд, в котором сочетаются визуальные образы данных, иллюстрации и динамический (изменяющийся) текст. Такой тип инфографики отвечает обоим свойствам подачи материала, так как смену аудиального ряда (от голоса преподавателя к звуковому сопровождению видеоинфографики) можно считать в том числе и «сильным, интенсивным воздействием».

Одним из важнейших механизмов внимания является интерес к предмету. Повышению познавательного интереса способствует сравнение языков в процессе обучения. Оно обогащает словарный запас учащихся и вырабатывает у них умение активно использовать в своей практике богатство речевой культуры русского языка [5, с. 60]. Инфографика может включать в себя сопоставление языков (рис. 1), изучаемого и родного, что дополнит ассоциативный ряд визуальным сравнением и закрепит лексику в сознании студента.

Рис.1

Сравнение эффективно применяется при объяснении нового материала, закреплении пройденного и проверке знаний [5, с. 60].

В процессе овладения русским языком студенту-инофону необходимо осознать, что прежде всего изучение языка – это «получение новых знаний с помощью другого языка» [5, с. 58]. Важным фактором для формирования вторичной языковой личности студента-инофона является погружение в культурную среду страны, чей язык он изучает. Влияние культуры на разум человека заключается в том, что она формирует его личность и включает в себя установленные нормы поведения общества, в соответствии с которыми человек должен себя вести. Так, если культура является социальным процессом, она касается использования языка и общения. Осознание культуры, по мнению Ф.Э. Сеит-Асан, «повышает понимание использования межкультурной языковой коммуникации» [7, с. 1], ведь межкультурное общение затрагивает людей, которые имеют разные взгляды и толкования ценностей жизни, в соответствии с особенностями культуры их страны.

Более того, при знакомстве с культурой России каждый обучающийся может акцентировать внимание на том, что интересно конкретно ему, учитывая потребности собственной личности, что пробуждает глубинный интерес к изучению русского языка.

Использование инфографических материалов на уроках РКИ при изучении культуры России дает наглядное представление о предмете речи, позволяет глубже погрузиться в тему занятия, а также предоставить возможность сравнения культур, например, обсуждение разницы в обычаях, национальных блюдах и так далее. Кроме того, преподаватель может подобрать инфографику, демонстрирующую связь культур (рис.2).

Рис. 2

Таким образом, мы можем сказать о том, что использование инфографики в современных реалиях положительно сказывается на формировании вторичной языковой личности и способствует повышению качества усвоения материала студентами-инофонами.

Литература

1. Гарцов А.Д. Новые приоритеты методики преподавания РКИ // Вестник РУДН. – 2005-2006. – №1. – С. 78-85.
2. Ермолаева Ж.Е., Лапухова О.В., Герасимова И.Н. Инфографика как способ визуализации учебной информации // Концепт. – 2014. – №11 (ноябрь). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-kak-sposob-vizualizatsii-uchebnoy-informatsii/viewer> (дата обращения 17.03.2024)
3. Кудлик Е.С., Антонова А.Б., Капичникова И.Ю. Лингвометодический потенциал инфографики на занятиях по практическому курсу русского языка со студентами Азиатско-Тихоокеанского региона // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 333-340.
4. Лаптев В.В. Изобразительная статистика. СПб.: Эйдос, 2012. – 180с.
5. Митрофанова И.И. Механизмы активизации внимания в преподавании русского языка как иностранного / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский университет дружбы

народов» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – №2. – С.58-61.

6. Рублева Е. В. Обучение русскому языку в цифровую эпоху. Москва, 2020. – С. 44-54.

7. Сеит-Асан Ф.Э. Значение культуры в обучении иностранному языку // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-kultury-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku/viewer> (дата обращения: 17.03.2024)

8. Marc Prensky Digital Natives, Digital Immigrants // MCB University Press. – 2001. – Vol. 9 No. 5.

Evdokimova D.M.

Pushkin State Russian Language Institute

The use of infographic materials in Russian as a foreign language lesson to form a secondary linguistic personality of a student

The article is devoted to the study to of the benefits of using infographic materials in RFL lessons, taking into account the peculiarities of thinking and mechanisms of activating the attention of modern students.

Keywords: infographic materials, digital revolution, foreign language students, focus.

Ермакова Лия Игоревна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

lia.ermakova.pf.22.1@gmail.com

Роль феминистского движения в становлении женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века

Работа выполнена под руководством Куприной И.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Статья посвящена исследованию становления высшего женского образования в дореволюционной России. Рассматриваются причины возникновения необходимости женского образования, критика существовавшей системы образования, женские организации и личности, чья роль была значительной в достижении поставленной цели, методы феминисток для получения права на образование, общественная реакция, результаты.

Ключевые слова: феминизм, высшее образование, женские организации, феминистское движение, право на образование, Высшие женские курсы.

Под феминистским движением понимается борьба женщин из высшего и среднего класса за гражданские и политические права.

Во второй половине XIX в. социальный статус женщины был крайне низким. Женщины были ущемлены в экономических и гражданских правах, не имели доступа к образованию и профессиональной реализации, не могли принимать активное участие в общественной жизни. Деятельность была ограничена семьей и благотворительностью. С развитием капитализма и отменой крепостного права формируется потребность женщин из интеллигентской среды добывать средства к существованию, поддерживать семьи материально, что было невозможно без соответствующего образования и права на профессию. Историк и социолог И.И. Юкина обозначила претензии женщин на высшее образование «политическим требованием» [8, с. 72].

Феминизм как термин впервые был сформирован в 1808 году Ш. Фурье в работе «Теория четырех движений и всеобщих судеб», он описывал феминистов как сторонников женского равноправия [4, с. 17]. В России борющиеся за свои права женщины предпочитали называть себя «новыми женщинами», «дамами-организаторшами», [8, с. 139] позднее – «равноправками». Основными идеями феминисток были: получение гражданских свобод, права на труд и образование. Термин феминизм рассматривается С.Г. Айвазовой как объяснение начала женского движения и как политические принципы «даже не столько собственно женского равноправия, сколько освобождения личности из-под репрессивной власти рода, отделения, автономизации индивида от родового начала» [1, с. 7].

Впервые «женский вопрос» об образовании начал активно обсуждаться в обществе после статьи Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» в 1856 году в «Морском сборнике». Пирогов писал о необходимости воспитания детей «полезными гражданами» вне зависимости от пола, не рассматривая социальное положение женщины в обществе, а лишь опираясь на необходимость изменения воспитания, чтобы «быть спутницей в борьбе» мужчины. Спустя три года в женском журнале «Разсвѣтъ» (Рассвет), было рекомендовано вводить юриспруденцию в старших классах женских училищ, а также читать лекции для женщин, но, как и Пирогов, журнал не рассматривал проблему социального положения [3, с. 457-458]. Это становится отправной точкой дальнейшей борьбы женщин за право на высшее образование.

За получение женщин высшего образования и равноправия в этой области выступали А.Н. Бутлеров, Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов и др. Под руководством И.М. Сеченова женщинам впервые было разрешено было посещать Медико-хирургическую академию. Первым значимым событием в истории высшего женского образования можно считать 1859 год: Санкт-Петербургский университет впервые допустил женщину в стены высшего учебного заведения. Ей стала Н.И. Корсини, ее появление в высшем учебном заведении

воспринималось большей частью общественности как протест. Изначально Корсини сопровождали на лекции ректор и преподаватель, только спустя время она смогла посещать занятия сама. Большую роль в этом прецеденте первой вольнослушательницы сыграл К.Д. Кавелин, декан юридического факультета, добившийся позже разрешения университетского совета о позволении женщинам посещать лекции. Это разрешение послужило примером для ряда университетов, к 1862-63 году женщины сравнительно свободно допускались к лекциям, но им все еще требовалось письменное разрешения отца или мужа для их посещения.

Реакция студентов была изначально негативной. А.П. Кравцова (Блюммер) вспоминала ее так: «Сначала свистали, косились, говорили разные глупые дерзости, потом привыкли и перестали» [2, с. 316]. Однако впоследствии на вольнослушательниц не обращали внимания и «вели себя превосходно и не глазели...», как описывала С.В. Ковалевская [6, с. 91-92].

В 1863 году из шести университетов России четыре проголосовало за допуск женщин к высшему образованию и два из них за получение ими ученых степеней, но предложение было отклонено министром просвещения. Немаловажную роль в этом вопросе занимал Егор фон Брандтке – председатель комиссии по выработке нового университетского устава, проект которого был заложен в вышедший Устав 1863. Оба деятеля были против допуска женщин в высшие учебные заведения. В этом же 1863 году выходит Общий устав императорских российских университетов, запрещающий женщинам не только становиться студентками, но и посещать лекции вообще.

Как следствие, начинается первая волна массовой эмиграции женщин в Швейцарию, где они учатся в качестве вольнослушательниц с 1842 года. Главной знаменитостью там становится Н.П. Сулова, бывшая вольнослушательница Медико-хирургической академии. Она переехала в Швейцарию в 1864 году, подав просьбу о зачислении в Цюрихский университет в 1865 году. В 1867 году Сулова стала первой женщиной, получившей докторскую степень. Значимой фигурой стала также С.В. Ковалевская, первая женщина-профессор математики, переехавшая в Германию. Она, как и многие женщины эпохи, заключила фиктивный брак, так как для выезда за рубеж требовалось разрешение отца или мужа. Отец Ковалевской был против занятий наукой.

В России вопросом женского образования занимался «женский триумвират», состоящий из М.В. Трубниковой, Н.В. Стасовой, А.П. Философовой, и Е.И. Конради. Последняя на первом съезде русских естествоиспытателей (1867) представила записку о допуске женщин к вольнослушанию, но съезд отказался ходатайствовать перед министром

просвещения. Весной 1868 года активистки подали прошение с просьбой допустить женщин к высшему образованию, которое подписали больше 400 человек, в т.ч. 43 профессора, однако оно было отклонено министром просвещения Д.А. Толстым. Зато вскоре были открыты первые высшие женские курсы – Аларчинские, за которыми последовали Владимирские и Лубянские. Их программа была заимствована из мужских гимназий и сводилась к чтению лекций. Выдаваемое удостоверение об окончании не имело реальной силы, выпускницы не могли конкурировать с мужчинами в престижных профессиях за неимением диплома. Женщины продолжали уезжать за рубеж, в 1864-1872 гг. из 63 студенток в Цюрихском университете 54 были русскими.

Ограничение в области женских курсов обуславливалось не только консервативным политическим курсом, но и мнениями консервативных ученых и общественных деятелей. П.П. Цитович – политик, доктор гражданского права, критично высказался о сторонницах женской эмансипации в своей брошюре «Ответ на «Письма к ученым людям»: «По наружному виду – какой-то гермафродит, по нутру – подлинная дочь Каина». [5, с. 26]. Из-за внутренней консервативной политики большинство придерживалось схожего мнения по поводу допуска женщин в высшие учебные заведения.

В 1873 году в качестве ответных мер по эмиграции Александр II издает в «Правительственном вестнике» указ о возвращении всех студенток Цюрихского университета и политехникума в Россию до 1 января 1874 года. В ином случае следовал запрет на профессиональную деятельность в стране. Тогда же были открыты Высшие курсы В.И. Герье и Высшие женские медицинские курсы, однако проблема с выдаваемым по окончании документом оставалась открытой, как и проблема с отсутствием государственного финансирования. В 1876 году для решения вопроса о продолжении образования вернувшихся студенток было разрешено открывать высшие женские курсы при университетах. Тогда же были открыты Казанские высшие курсы. В 1878 году открыли знаменитые Бестужевские курсы, полностью соответствующие университетской программе. В этот же год создается Общество доставления средств Высшим женским курсам, так как те были частной инициативой и получали минимальную финансовую поддержку от государства. Именно эта организация на протяжении всего существования ВЖК будет их основной финансовой поддержкой.

В 1881 году после убийства Александра II членами террористической организации «Народная воля» следующий император Александр III начал «эпоху контрреформ», укрепил консервативный курс политики. Он особенно тщательно следил за студенчеством, которое воспринималось как главная угроза самодержавию. При Александре III была ограничена

университетская автономия и почти полностью перекрыт доступ женщинам к образованию. В 1886 году были закрыты все высшие женские курсы, только Бестужевские добились продолжения приема в 1889, но их автономия свелась почти к нулю. Вплоть до 1905 года Бестужевские курсы останутся единственными частными женскими курсами в России. Женский вопрос почти полностью перестал обсуждаться, все прошения и письма правительству игнорировались или получали резкий отказ.

Вместе с закрытием женских курсов наступила вторая волна эмиграции в заграничные университеты, но там русских студенток теперь воспринимали настороженно: большинство придерживались революционных взглядов и занимались политикой. Росло общее число студентов, швейцарцы потребовали введения более строгих правил зачисления, но из-за взглядов швейцарской интеллигенции, симпатизирующей русским студенткам, после введения более строгих условий они не соблюдались в полной мере. В 1906-1907 году был достигнут максимум русских студентов в Швейцарии: 36% от числа всех учащихся составляли русские [7, с. 76].

Период с 1890 по 1900 гг. в России не ознаменован выдающимися успехами в сфере женского образования, однако в марте 1899 года учредитель Московских Высших женских курсов (1872) В.И. Герье подал прошение о возобновлении набора на Курсы, которое было удовлетворено: в апреле 1900 года набор возобновился, а Курсы стали государственным учебным заведением, а не частным.

В России в это время начало формироваться полноценное женское движение. Учредительницы упомянутого «женского триумvirата», Н.В. Стасова и А.П. Философова, а также А.Н. Шабанова и Е.И. Гарднер еще в 1895 году учредили «Русское женское взаимно-благотворительное общество» (далее РЖВБО), получив разрешение на открытие женского клуба. Главным достижением стало предоставление участницам (более 2000) возможности солидаризироваться во имя общих целей. Появилась возможность институализации движения, его укрепление. РЖВБО занималось предоставлением женщинам работы, благотворительностью, формированием системы ценностей женского движения на литературных вечерах, лекциях, заседаниях. В его составе работало множество объединений: образовательные, направленные на помощь женщинам и детям, благотворительные, политические. Общество, ставшее главной женской инициативой и самой крупной женской организацией 1890х годов, просуществовало до 1918 года. РЖВБО после Первой русской революции активно рассылало прошения вновь допустить женщин к вольнослушанию в университеты.

РЖВБО сыграло большую роль в создании других женских организаций, в частности, Союза равноправия женщин (1905), первой официальной женской политической организации. Именно эта организация приняла активное участие в Первой русской революции, в ходе которой впервые были предъявлены требования о политическом равноправии. Это событие положило начало ряду реформ, но принятое избирательное право исключило в т.ч. женщин, с которых начался митинг. Именно проблема гражданских прав становится основной у женского движения. Образование все еще оставалось политическим требованием, но было отодвинуто на второй план.

В процессе либерализации общества после Первой русской революции к 1906 году советы всех российских университетов разрешили женщинам посещать лекции. Сложности у второй волны вольнослушательниц были значительнее, чем у первой: допускались лишь прошедшие дополнительные экзамены по дисциплинам, не преподававшимся в женских гимназиях, изъявившим желание слушать лекции приходилось готовиться самостоятельно. Уже в 1908 году, после занимания должности министра просвещения А.Н. Шварцем, разрешение было отозвано с правом закончить курс текущим вольнослушательницам, но профессора были обязаны читать лекции женщинам в свободное время; Часть преподавателей отказалась. В ходе протестов женщинам было позволено закончить курс на равных с мужчинами правах.

10 декабря 1908 года был организован Первый Всероссийский женский съезд, чьей задачей, по словам И.И. Юкиной, было «организационное сплочение женского движения, определение его дальнейших задач, тактики и стратегии, и в то же время глобальной — единение женщин вне рамок социальных классов, т. е. формирование коллективной женской идентичности, определение связующих женщин уз» [8, с. 384]. Съезд был разделен на секции. Три можно отнести к политическим и экономическим, четвертая была направлена исключительно на проблему женского образования.

Еще одним значимым событием стал Первый Всероссийский съезд по образованию женщин, проходивший с 26.12.1912 по 4.01.1913. Он был организован по инициативе Российской Лиги равноправия женщин. Съезд посетило около тысячи делегатов, в его работе приняло участие большинство известных феминисток эпохи. Была определена проблема отдельного образования: феминистки считали, что пока женское образование отделено от мужского, равноправие не может быть достигнуто, поскольку женщины отрезаны от научной деятельности. Общественное мнение крайне положительно отозвалось на Съезд, он получил широкую огласку в газетах и журналах.

Стоит отметить, что у женщин 1900х годов осталась возможность посещать ВЖК. 30 мая 1910 года Государственным советом Бестужевские курсы были признаны высшим учебным заведением. 19.12.1911 был выпущен закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», давший право выпускницам ВЖК преподавать по выбранной специальности в средних и низших учебных заведениях, как мужских, так и женских, а также получать заработную плату и пенсию за выслугу лет на равных правах с мужчинами. В 1915 году Московские Высшие женские курсы были признаны высшим учебным заведением.

В 1917 году, после Февральской революции, все Высшие женские курсы закрываются, но 20.06.1917 решается и проблема избирательного права для женщин, временное правительство гарантирует равную оплату труда и одобряет первые проекты женских университетов. Окончательно проблема высшего женского образования решится уже при советской власти, когда 31 мая 1918 года Народный комиссариат просвещения издаст постановление, согласно которому все учебные заведения станут смешанными и обязанными на равных основаниях принимать учащихся обоих полов.

Таким образом, мы можем констатировать, что феминистское движение внесло существенный вклад в становление женского образования. Благодаря активности феминисток и женских организаций, поддержанных либеральной общественностью, правительство пошло им на уступки и в стране постепенно складывалась система женского профессионального образования, был принят закон о женском образовании, а ВЖК признали высшими учебными заведениями. В условиях низкого правового статуса женщин даже эти уступки можно считать значимой победой. Однако окончательно проблема высшего женского образования будет решена только после Октябрьской революции 1917 г.

Литература

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. – М., 1998. – 408 с.
2. Дмитриева В. И. Так было (Путь моей жизни). – М.; Л., 1930. – С. 316.
3. Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1890-1901. – 4 Том – 647 с.
3. Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. – М., 1938. – С. 17.
4. Цитович П.П. Ответ на «Письма к ученым людям» / П.П. Цитович. – Одесса, 1878. – 41 с.
5. Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские. – М., 1933. – С. 91–92.

6. Эндерлайн Э. Русские женщины в Швейцарии в XIX в. // Российские женщины и европейская культура. / Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 71-78.
7. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: 2007. – 544 с.

Ermakova L.I.

Pushkin State Russian Language Institute

The role of the feminist movement in the formation of women's education in Russia in the late XIX - early XX century

The article is devoted to the study of the formation of higher female education in pre-revolutionary Russia. The reasons for the necessity of women's education, criticism of the existing educational system, women's organizations and individuals whose role was significant in achieving the goal, methods of feminists to obtain the right to education, public reaction, results are considered.

Keywords: feminism, higher education, women's organizations, feminists' movement, right to education, Higher Women's Courses.

Еэрбаота Нуэрпулати

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
2234650012@qq.com

Виды и динамика прецедентности в русской лингвокультуре

Работа выполнена под руководством С.В. Ионовой, д.ф.н., профессора кафедры ОиРЯ

Прецедентность в лингвистике понимается как процесс отражения в текстах национальных культурных традиций в оценке и восприятии исторических событий и деятелей, мифов, художественных памятников, литературных произведений, произведений устного народного творчества. Данная работа посвящена проблеме типологии и изменения прецедентности во времени.

Ключевые слова: лингвистика, прецедентность, прецедентный текст, динамика прецедентности

Теория прецедентности – относительно молодая область лингвистики, получившая свое развитие в 80-е гг. XX в. Анализ теоретической литературы показывает, что в настоящее время описание и определение прецедентности в лингвистике осуществляется в соответствии с разными целями исследования: изучения проблемы соотношения языка и культуры, исследований в области межкультурной коммуникации и теории перевода [4, с. 264; 5, № 3], лингвоэкологии [2, с. 89-98]. Известно, что данный термин был впервые введён в научный оборот Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г. В его трудах прецедентные тексты определяются как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и

эмоциональных отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие 3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 264].

В работе В.В. Красных «Этнопсихоллингвистика и культуроллингвистика» 2002 года предложенные ранними учеными различные прецедентные явления объединены в понятие прецедентных феноменов, включающих прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания и т.д. Например, произведения художественной литературы («*Война и мир*»), тексты песен («*Катюша*», «*Московские вечера*»), рекламы; к числу прецедентных высказываний относятся цитаты (например, слова У. Шекспира: *Весь мир - театр, а люди в нем актеры*); ярким примером прецедентной ситуации может служить библейская история изгнания из *рая Адама и Евы*. Стандартизированные виды прецедентных феноменов позволяют уточнить первоначальное понятие и дают возможность для более конкретного изучения различных прецедентных единиц в речи и тексте [7, с. 284].

По мнению Г.Г. Слышкина, предшествующий текст всегда образует концепт – ментальную единицу, синтезирующую понятийные, образные и ценностные элементы. Причем в данном случае речь идет только о концептах, существующих в коллективном сознании языка. Текст также может служить основой для формирования индивидуального концепта, но прецедентным он становится только тогда, когда концепт включается в систему ценностей общества/группы и входит в коллективное сознание [10, с. 128].

Представители каждой культуры, носители каждого языка имеют свой арсенал прецедентных текстов, которые известны в конкретной культурной группе и незнакомы представителям других культурных групп. Это необходимо учитывать при межкультурной коммуникации, при цитировании и упоминании прецедентных текстов своей культуры, чтобы избежать недопонимания.

К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдоты, политические публицистические тексты и т. д. Обращение к прецедентным текстам может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. Например: «*Золушка*» — сказка французского писателя Ш. Перро, входит в число «*Сказок моей матушки Гусыни*», и современные русские могут обращаться к сюжету, ситуациям и героям этой сказки, когда говорят о волшебных превращениях: как правило, о превращении дурнушки в красавицу или о мгновенно обретенном богатстве, высоком положении, о роскоши, в которой неожиданно оказался человек; о полуночи как о

времени, когда произошло или должно произойти что-то важное; о времени, когда кто-либо обязательно должен появиться; о браке между бедным человеком, стоящим на более низкой ступени социальной лестницы (как правило, речь идет о девушке) и состоятельным человеком, занимающим более высокое место на социальной лестнице и/или имеющим прекрасные перспективы.

В состав прецедентных высказываний включают фразеологизмы, пословицы и поговорки. Например, *утро вечера мудренее* – фраза из русских народных волшебных сказок – имеет скрытое значение: имеется в виду, что любые проблемы лучше решать утром; на свежую голову и с новыми силами легче найти решение и/или выполнить какое-либо дело, и современные русские могут употреблять эту фразу в ситуации, когда не следует торопиться и лучше отложить решение какого-либо вопроса или проблемы на более удачное для этого время.

Примеры фразеологической прецедентности включают устойчивые выражения, которые стали частью повседневной речи. Например, выражение *бросить камень в огород* используется для обозначения критики в сторону кого-то, а *бить баклуши* стало синонимом безделья и небрежности. Эти выражения приобрели устойчивые значения в языке и используются для передачи определенных смыслов.

Прецедентность, согласно Ю.Н. Караулову, – это явление, при котором высказывание, имя, текст широко используется, являются воспроизводимыми в речи большинства носителей языка. Например, «*К нему не зарастёт народная тропа*» (А.С. Пушкин «Памятник») – в статье ко Дню военно-морского флота; «*Жизнь подарила, мир подарила - мне и тебе...*» (песня из к/ф «Мама») – в статье ко Дню матери.

Данные примеры содержат характеристики прецедентных текстов и помогают наглядно проследить разностороннюю направленность и особенно информативную ёмкость выражений, воспроизводимых в новых контекстах. Возможность немного изменить исходный текст даёт свободу и простор творчеству журналистов, возможность использовать определённый текст, изменив его для своего заголовка, но сохранив в нем прежние эмоции. Функция прецедентного текста не меняется, увеличивается лишь его вариативность, а следовательно, и его значимость для публицистики. Мы убедились, что еще до прочтения вступления или всей статьи небольшое количество таких текстов уже дает читателю общее представление о том, о чем статья, и понимание того, насколько она ему импонирует.

Прецедентные тексты и прецедентные высказывания характеризуют ценностное содержание, важное для той или иной культуры. Изменение состава прецедентов, включение в их состав значительного количества инокультурных устойчивых оборотов, крылатых

выражений – носителей инокультурных ценностей способно изменить содержание прецедентности русской лингвокультуры а с нею и основы национальной концептосферы. Так, Д.С. Лихачев рассуждая о роли церковнославянского языка для русской ментальности выражал опасение в том, что русская концептосфера от этого сильно изменилась, часть значимых для нее концептов стала непонятной и непривычной для современных носителей русского языка [8, с. 280-287].

Прецедентные единицы характерны для любой лингвокультуры. Они находятся в постоянной динамике и эволюционном изменении так же, как сам язык и культура. Изменчивостью характеризуется: 1) состав прецедентных единиц, 2) степень их узнаваемости и воспроизводимости, 3) их ценностное содержание. В данной статье мы ставим задачу проиллюстрировать данную гипотезу, которую мы обосновываем в своих работах.

Фразеологическая прецедентность связана с изменением устойчивых выражений в плане формы и дополнительного содержания, а также условий их типичного употребления. Подобных примеров немало в названиях телепередач, в газетных и журнальных заголовках: «*Что ПАСЕешь, то и пожнешь*» (*Известия*, 3.10.2008) – производное от: *Что посеешь, то и пожнешь* (пословица); «*В яблочко на снегу*» (*Известия*, 18.12.2008) производное от: «*Яблоки на снегу*» (песня); «*Что ныне лежит на весах?*» (*Известия*, 12.09.2008 – производное от: «*Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне...*» (А. Ахматова); *волшебная палочка* — волшебный предмет из сказок, который предстает как стереотипный образ и может употребляться для характеристики предмета, воспринимается русскими как типичный атрибут русских сказок.

Данные изменения могут быть отражением социокультурных сдвигов и модификаций в языке сообщества. Использование прецедентных единиц приводит к порождению новых смыслов высказывания, способствует привлечению внимания аудитории, создает положительные эмоции, отражает национальное самосознание носителей языка, общекультурные ценности народа и современного человека, помогает лучше понять традиции и нравы людей, говорящих на русском языке, а также проследить изменение одних ценностей и неизменность других в разных социокультурных сообществах и формах коммуникации. Изменения в форме прецедентных единиц проявляются на нескольких уровнях языка: фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом и можно подразумевать нарушение устойчивой формы с целью повысить степень экспрессивности прецедентного текста, что эти аспекты совместно формируют динамичный характер системы.

Различается состав прецедентов в речевой практике XX и XXI вв., что особенно заметно в медиапространстве этих периодов истории России [3, с. 163-168]. Практика обучения русскому языку как родному и как иностранному показывает, что далеко не весь состав фразеологизмов, зафиксированных в словарях, известен молодому поколению носителей русского языка и используется при обучении иностранных студентов [4, с. 264]. Значит, на разных этапах развития языка формируется активный состав прецедентных единиц и фонд пассивных единиц, зафиксированных в словарях русского языка, но теряющие признак активного воспроизведения в речи молодых поколений.

В исследовании Т.К. Лыонга и Ионовой С.В. на основе проведенного экспериментального изучения установлено, что состав прецедентных высказываний не является постоянным. Учитывая признак воспроизводимости этих единиц в речи (по Ю.Н. Караулову), можно говорить о том, что часть прецедентных для общества высказываний со временем становится неактуальной для носителей языка. Степень потери актуальности, как показано в данной работе, может быть разной. Участники экспериментального исследования продемонстрировали, что некоторые единицы знакомы им и используются в речи, но очень редко; другие единицы им знакомы, но не используются в речи; третья группа когда-то прецедентных единиц (в том числе зафиксированных в словарях фразеологизмов и паремий русского языка) оказалась незнакомой испытуемым и поэтому не употребляемой ими в речи [9, с. 145-147]. Результаты проведенного исследования показывают, что снижение степени прецедентности – это объективный процесс, который связан с развитием коммуникации и изменением активного фонда используемых в ней единиц.

Таким образом, прецедентность является основным (ядерным) элементом когнитивной базы сознания человека [5], представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке. На разных этапах развития языка формируется активный состав прецедентных единиц и фонд пассивных единиц, зафиксированных в словарях русского языка. Прецедентные единицы находятся в постоянной динамике и эволюционном изменении, как состав прецедентных единиц, степень их узнаваемости и воспроизводимости, а также ценностного содержания. Для того, чтобы повысить степень экспрессивности прецедентного текста, необходимо учитывать динамический характер системы прецедентности в лингвокультуре.

Литература

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – Москва : Изд-во РУДН, 1997. – 331с.

2. Ионова С.В. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве [коллективная монография]. – Волгоград, Изд-во Перемена, 2013. – С. 89-98.
3. Ионова С.В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163-168.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 264с.
5. Красных В.В. и др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.9, Филология. – 1997 – № 3. – 256с.
6. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? – Москва : ИТДГК "Гнозис", 2003. – 375с.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – Москва : ИТДГК "Гнозис", 2002. – 284с.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П.Нерознака. – Москва: Academia, 1997. – С. 280-287.
9. Льюнг Т.К., Ионова С.В. Прецедентные высказывания на русском языке: предпочтения иностранцев // В мире русского языка и русской культуры. Сборник тезисов III Международной студенческой научно-практической конференции / Под ред. С.Г. Персияновой, И.А. Ореховой. – Москва: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 145-147.
10. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – Москва : Академия, 2000. – 130с.

Yeerbaota Nuerpulati

Pushkin State Russian Language Institute

Types and dynamics of precedence in Russian linguoculture

Precedence in linguistics is understood as the process of reflection in texts of national cultural traditions in the assessment and perception of historical events and figures, myths, artistic monuments, literary works, works of oral folk art. This paper is devoted to the problem of typology and change of precedence in time.

Keywords: linguistics, precedence, precedent, precedent text, dynamics of precedence

Жигалова Дарья Владимировна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

zhigalovadasha@yandex.ru

Прием «переакцентуации» как средство формирования иронии в малых комических жанрах

Работа выполнена под руководством Шацкой Марины Федоровны, доктора филологических наук, профессора

В статье представлен анализ приема «переакцентуация», а также описаны нетривиальные случаи функционирования данного приема в малых комических жанрах. Прослежена взаимосвязь лексической и скрытой грамматической семантики с механизмами, при которых происходит формирование комического эффекта. Проанализированы криптотипы, перекодирующие в ходе переакцентуации смысл диктем, а также названы маркеры таких явлений.

Ключевые слова: переакцентуация, малые комические жанры, скрытая категория, конкретность / неконкретность, эталонность.

В современной лингвистике множество исследований посвящено изучению смещения акцентов. Понятие *переакцентуация* впервые было использовано М.М. Бахтиным в работе «Проблема речевых жанров» и было связано с вторичными речевыми жанрами (далее – РЖ). По его мнению, «речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)» [2]. Более того, было отмечено, что «наиболее часто встречающейся переакцентуацией является ирония» [3, с. 244]. Описывая механизмы передачи чужой речи, М.М. Бахтин упомянул и то, что «целые высказывания и отдельные слова могут сохранять свою чужую экспрессию, но могут и переакцентуироваться (иронически, возмущенно, благоговейно и т.п.), чужие высказывания можно пересказывать с различной степенью их переосмысления» [2]. Т.О. Багдасарян в своем исследовании «Тональность как компонент модели речевого жанра» отмечает такой компонент РЖ, как тональность текста и утверждает, что «все переакцентуированные тексты находятся в пределах предметно-тематической области речевого жанра. Изменяется лишь место текста в поле жанра» [3].

Прием переакцентуации описан в работе А.Е. Ярославцевой «Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте», где приводится его характеристика и стратегия грамотного употребления для успешной коммуникации. В данной работе этот прием относят к манипулятивным ходам и определяют его задачу следующим образом: «смещение акцентов: упоминание о негативной информации в тексте не акцентировано – оно лишь служит базой для внедрения нового, позитивного сообщения, значение которого гораздо более важно» [14]. Таким образом, *смещение акцентов* – это явление, при котором в речи происходит перенос акцента на определенные слова или фразы, которые обычно не являются

главными в предложении. Такое смещение акцентов позволяет выделять определенные элементы речи и придавать им особое значение. Это приводит к тому, что «происходит смещение акцентов внутри темы» [4]. Этот прием может использоваться в разных целях, таких как передача эмоциональной окраски, усиление выразительности или создание эффекта неожиданности.

В своей диссертации Т.И. Дамм называет малые комические речевые жанры развлекательного типа и дифференцирует их по композиции и стилю на анекдоты, комические новостные заметки, комические цитаты, комические микродиалоги, частушки, фразы, различные виды афоризмов (сентенции, максимы), комические «крохотки»; комические паремии; комические грегории, комические дефиниции, комические парадоксы, приколы [6]. Лингвист отмечает, что анекдоты многократно подвергались изучению, например, в работах О.А. Чироковой, Э. Лендвай, В.В. Дементьева, К.Ф. Седова, В.И. Карасика и др.

Часто анекдоты отождествляют с другими малыми комическими жанрами, к примеру, с комическими микродиалогами, комическими афоризмами, комическими дефинициями. Однако анекдот наиболее близок к жанру комического микродиалога. Анекдот – это комический нарративный текст, в котором есть и слова автора, и реплики участников описываемой ситуации. Иное дело – комический микродиалог – «для восприятия данного текста как завершенного в смысловом отношении комического отрезка речи наличие авторских слов нерелевантно» [6, с. 11].

В данной статье мы рассмотрим механизмы переакцентуации как средства создания комического эффекта в анекдотах и микродиалогах, где переакцентуация наблюдается в таком именном криптотипе, как «конкретность/неконкретность».

Криптотип «конкретность/неконкретность» именных групп является модифицирующим (флективным). О.Н. Селиверстова утверждает, что «в значительном числе случаев противопоставление референтного/нереферентного подводится под традиционную лингвистическую классификацию детонатов на конкретные и абстрактные» [10, с. 388]. Более того, лингвист подчеркивает, что «не всегда легко решить, является ли детонат («заполнитель» актантной позиции) конкретным или представляет собой тот или иной тип конструкта» [10, с. 391]. Детонат (заполнитель актантной позиции) является конкретным, даже если он абстрагируется от конкретной характеристики, при этом его положение в физическом пространстве сохраняется. Хотя О.Н. Селиверстова отмечает, что критерии разграничения конкретности и неконкретности могут быть разными, поскольку зависят «от области бытия, которой принадлежит объект», ею предлагаются следующие критерии:

1) «события существуют прежде всего во времени, и поэтому конкретным событием естественно считать в первую очередь такое, которое занимает определенную точку или отрезок времени. Напротив, обобщенное событие лишь соотносится с отрезком времени, но не может быть точно в нем локализовано» [10, с. 391]; 2) для конкретных событий «исключается альтернатива в заполнении (и объективно, и субъективно)» [10, с. 392], а неконкретный заполнитель актантной позиции такую альтернативу исключает. Мы рассмотрим, как на базе переакцентуации в ходе актуализации скрытой категории 'конкретность/неконкретность' происходит формирование комического эффекта.

Еще одной нетривиальной семантически скрытой категорией является эталонность. И.М. Кобозева определяет данную именную категорию как определенный тип лексических коннотаций: «множество конкретных имен существительных, которые разбиваются на эталонные и неэталонные имена» [7, с.32]. Именно наличие морфологического или семантического деривата, который служит узואльным способом выражения значения какого-либо атрибута или параметра физического объекта и/или события, является критерием эталонности конкретного имени [7].

– *Слышал обещают сильное похолодание.*

– *Кто? **Синоптики?***

– *Хуже, **энергетики*** [8, с. 158].

Лексема *похолодание* ('состояние по знач. глаг. похолодать' [11, т.3, с. 341]) обычно используется для обозначения снижения температуры воздуха, о чем обычно предупреждают *синоптики* ('специалисты-метеорологи, дающие прогнозы погоды' [11, т. 4, с. 96]). Однако благодаря смещению смыслов *синоптики* → *энергетики* ('специалист в области энергетики, занимающийся производством и распределением различных видов энергии, а также работник энергетической промышленности' [11, т. 4, с. 761]) происходит переакцентуация, что позволяет понять: снижение температуры воздуха будет наблюдаться не на улице, а внутри жилых помещений.

Рассмотрим следующий анекдот:

Звонок по телефону:

– *Алло! Ваша **теща** упала в бассейн с **крокодилами**.*

– *Ваши **крокодилы**, вы и спасайте!* [1, с. 6]

В диктее описывается опасная для жизни ситуация: *теща* попала в бассейн с безжалостными пресмыкающимися. Некто сообщает об этом по телефону, однако ответ собеседника *Ваши крокодилы, вы и спасайте* благодаря приему переакцентуации меняет смысловый вектор *крокодил* → *теща*, что подчёркивает: для собеседника, т.е. зятя, мать жены

опаснее дикого животного. Это может говорить о том, что в семье между зятем и тещей очень напряженные отношения. Маркером перекодированной конкретности в данном примере является референциальная подмена.

В следующем примере мы видим несколько смещений акцентов:

Начальница:

– *Иванов, Вы опять сегодня опоздали!*

– *Будильник не зазвенел...*

– *Мог бы придумать что-нибудь, чего я ещё не слышала.*

– *Вы сегодня прекрасно выглядите... [9]*

При обращении к первой реплике диалога *Иванов, Вы **опять** сегодня опоздали* мы видим наречие *опять*, оно подчеркивает, что человек систематически приходит не вовремя на работу. В данном поступке виноват сам человек, поскольку опоздание стало последствием ряда каких-либо других действий, однако в следующей фразе *Будильник не зазвенел* благодаря приему переакцентуации человек перекладывает не только вину за этот проступок, но и в целом ответственность с себя на будильник. Кроме того, в данном примере можно наблюдать ещё один случай смещения акцентов. В реплике *Мог бы придумать что-нибудь, чего я ещё не слышала* начальница уличает в нелепости сказанного оправдания, она, вероятно, не верит сотруднику и просит сообщить более убедительную причину очередного проступка. Однако собеседник произносит *Вы сегодня прекрасно выглядите...*, благодаря чему переводит внимание с себя на начальницу, ее внешность. Переход – «убедительная причина → комплимент» – позволяет в данном случае сделать вывод: скорее всего, начальница не очень привлекательная женщина и такой комплимент может смягчить ее сердце. Маркером перекодированной конкретности в данном примере также является референциальная подмена.

Проанализируем еще один пример: *Если наседке к куриным яйцам подложить страусиные, то первыми вылупятся глаза петуха [9]*. Согласно экстралингвальным знаниям *наседка* ('курица, которая высидит или уже выводит цыплят' [11, т.2, с. 393] обычно высидит примерно 12–15 яиц, однако размер одного страусиного яйца соизмерим с двадцатью куриными. Устойчивое выражение *вылупить глаза* ('прост. широко раскрыв, вытаращив глаза, уставиться на кого-либо' [12, с. 116]) свидетельствует о будущем удивлении петуха такому развитию событий. Таким образом, семантическая валентность глагола *вылупиться* меняется со свободной (сильное предсказуемое управление в словосочетании *вылупился петенец*) на фразеологически связанную (шок отца-петуха от появления «необычного» наследника).

– *Добрый Гудвин, дай мне хоть немножечко мозгов!*

– *Зачем?*

– *Моя мама их очень вкусно готовит* [8, С. 158].

Благодаря экстралингвальным знаниям мы понимаем, что в микродиалоге подразумевается персонаж сказки А. Волкова *Гудвин*, принятый за волшебника в Зеленой стране. Именно этот герой подарил Страшиле мозги, о чем свидетельствует аллюзия в диктете *Добрый Гудвин, дай мне хоть немножечко мозгов!*, однако при обращении к контексту *Моя мама их очень вкусно готовит* мы понимаем, что речь идет не об органе мышления, а о пище.

В магазине на кассе:

– *Молодой человек, вам восемнадцать есть?*

– *Но я же покупаю колу!*

– *А я просто интересуюсь, я женщина свободная* [8, С. 238].

В данном анекдоте прием переакцентуации осуществляет переход *покупка* → *знакомство*. Фразу *Молодой человек, вам восемнадцать есть?* произносят кассиры при покупке определённого ряда товаров, которые запрещены людям, не достигшим совершеннолетия, поскольку можно нанести вред здоровью. Однако ответ покупателя свидетельствует о том, что приобретаемый товар не имеет возрастных ограничений, в свою очередь ответ кассира *я просто интересуюсь, я женщина свободная* подчёркивает, что у женщины цель – продолжение знакомства по причине одиночества. Маркером перекодированной конкретности в данном примере является референциальная подмена, как и в следующем далее контексте.

– *Милый, я хочу шубу!*

– *Ешь винегрет...*

Микродиалог содержит в себе переакцентуацию, происходящую на подмене понятий. В реплике *Милый, я хочу шубу* речь идет о 'верхней зимней одежде из меха или на меху' [11, т.4, с.735], однако ответ молодого человека *Ешь винегрет* осуществляет семантический перенос из ЛСГ 'одежда' в ЛСГ 'пища': *Сельдь под шубой* или *шуба* – это 'слоёный закусочный салат из филе солёной сельди с отварными корнеплодами и яйцом под майонезом в русской кухне и кухнях бывшего СССР' [13]. Смещение акцентов в данном примере свидетельствует о том, что мужчина не намерен приобретать меховое изделие для избранницы.

Криптотип «эталонность» подвергается переакцентуации в следующем контексте: *Батарейки «Депутат» никогда не сядут! Они не работают!* [5, с. 64]. В представленной

диктеме в первой фразе речь идет о работе батареек фирмы «Депутат», качество их работы подкрепляется фразой *никогда не сядут*, благодаря которой покупатель может рассчитывать на их долгосрочную службу. Однако диктема *Они не работают* актуализирует абсолютно противоположный смысл: *депутат* – 'выборный представитель, член выборного государственного учреждения' [11, т.1, с.388]. Часто представители, занимающие данную должность, по стереотипному представлению, не очень активно осуществляют свою деятельность, поэтому у общества складывается впечатление, что они не работают. Кроме того, обращает на себя внимание глагол *сесть*, многозначность которого может привести к разному прочтению ситуации: 'перестать действовать, потеряв нужную силу, упругость, заряд и т.п.' [11, т.4, с. 84], если речь идет о батарейках, и 'подвергнуться лишению, попасть в заключение' [11, т.4, с. 84], что является стереотипностью в восприятии деятельности некоторых нерадивых слуг народа. Прием смещения акцентов приводит читателя к мысли о том, что функциональность батареек такая же, как и депутатов, то есть равна нулю.

В процессе анализа малых комических жанров было выявлено, прием переакцентуации смещает внимание внутри одной проблемной ситуации на иной предмет, что ведет к замене тематической фокусировки. Информация благодаря приему переакцентуации становится базой для внедрения нового, иного сообщения, значение которого гораздо более важно, чем сказанная ранее. Именно этот перевод внимания служит источником смеха, т.к. вызывает контраст ожидаемого и противоречащего. Названный выше прием свидетельствует о перекодировке в ходе актуализации скрытых категорий конкретность/неконкретность и эталонность. Маркёрами данного явления могут служить такие языковые средства, как игра на многозначности, активизирующая референциальную подмену, а также интертекстуальность (в частности аллюзии).

Литература

1. Анекдоты. – Москва : «Агентство «ФАИР», 1996. – 352 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров// Бахтин М.М. Собр. соч. – Москва : Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С. 159-206. – [Электронный ресурс] URL: https://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения 7.11.23).
3. Багдасарян Т.О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. – 2002. – № 3. – С. 240-245. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36393606> (дата обращения 5.11.23).
4. Богатырёв А.П. Демагогические шаблоны: основы полемики с демагогами. – [Электронный ресурс] URL: <https://litmir.club/br/?b=570598&p=6> (дата обращения 5.11.23).
5. Веселый дачник: сборник сканвордов. – 2011. – №12 – 100с.

6. Дамм Т.И. Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты: лингвостилистический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. – Кемерово, 2003. – 31 с.
7. Кобозева И.М. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2010. – №6. – С. 31-39.
8. Мега великан: сборник сканвордов. – 2023. – №3. – 708 с.
9. Приличные анекдоты и шутки. Валерий Аллин. – [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2013/01/20/18> (дата обращения 10.10.23).
10. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1985–1988 гг. (МАС)
12. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. – Москва : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
13. Ярославцева А.Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте. – [Электронный ресурс] URL: <https://studfile.net/preview/9144237/page:24/> (дата обращения 5.11.23).

Zhigalova D.V.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Acceptance of «overaccentuation» as a means of forming irony in small comic genres

The article presents an analysis of the «overaccentuation» technique, as well as describes non-trivial cases of the functioning of this technique in small comic genres. The interrelation of lexical and hidden grammatical semantics with the mechanisms by which the comic effect is formed is traced. Cryptotypes that recode the meaning of dictums during re-interpretation were analyzed, and markers of such phenomena were named.

Keywords: over-emphasis, small comic genres, hidden category, concreteness/non-concreteness, reference.

Заими Кристина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

kristinazaimi1997@gmail.com

**Сопоставительный анализ ошибок в употреблении русского языка,
допускаемых греческими учащимися**

Работа выполнена под руководством Рогозной Н.Н., доктора филологических наук,
профессора

В данной статье рассматривается фонетическая система русского языка и новогреческого с целью выявления и анализа акцентных нарушения греков в произношении согласных и в области ударения. Определение сходств и различий двух языков и их сопоставление направлено на понимание происхождения ошибок, их прогноз и предотвращение в будущем, а также на создание соответствующих материалов для их устранения.

Ключевые слова: греческий язык, фонетический акцент, фонетическая интерференция, русский язык как иностранный.

Главная задача при изучении нового языка – овладеть его фонетической, грамматической, лексической и синтаксической системой. Русский язык – один из самых богатых, но в то же время самых сложных языков, это гарантирует, что путь к овладению его языковой системой будет непростым. Овладение иностранным языком и его преподавание – это вызов как для учителя, так и для ученика, поскольку ученик должен принять нормы нового языка, постоянно находясь во внутренних противоречиях с собственным родным языком, а задача учителя – готовность справиться с интерференцией, проявляющейся в речи иностранца, изучить его интерференты и подготовить правильные учебные материалы. Большие трудности ждут при усвоении фонологической системы русского языка, где встречается большое количество фоноферентов (ошибки фонологического уровня) [5, с.138-140], приводящих к появлению акцента и в ряде случаев к затруднению коммуникации. Как известно «характер ошибок в значительной степени определяется не только самим фактом вторичности языковой системы, но и некоторыми специфическими особенностями родного языка» [2, с. 25]. В данной работе рассмотрены акцентные нарушения греков в произношении согласных и в области ударения.

Греческий и русский языки связаны между собой временем и на протяжении столетий влияли друг на друга, создав тесные связи во всех областях человеческой жизни с большим акцентом на религиозную и политическую сферу, о чем свидетельствуют бесчисленные заимствования, проникшие из греческого в русский и наоборот. Оба языка принадлежат к семье индоевропейских языков. Русский принадлежит к славянской группе и является самым распространенным языком в Евразии и самым распространенным из славянских языков с 320 миллионами носителей, использующих его в качестве родного и второго иностранного языка, а греческий выделен в отдельную ветвь и является родным языком примерно для 12 миллионов человек. Между двумя языками существует множество сходств на фонологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, но эти два языка совершенно разные.

В последние годы наблюдается значительный рост популярности русского языка в Греции. Все больше людей хотят изучать русский язык по культурным, профессиональным,

образовательным и религиозным причинам. Однако уже с первых уроков студенты сталкиваются с особенностями русской грамматики, орфографии и испытывают трудности с фонетикой и ударением. При изучении иностранного языка родной язык учащихся присутствует в их сознании и влияет на процесс усвоения чужого языка. Как отмечает Е.Л. Бархударова, «позиционные закономерности родного языка при наличии соответствующих позиционных условий переносятся учащимися на изучаемый язык и, если они не совпадают с позиционными закономерностями родного языка, неизбежно приводят к отклонениям» [1, с. 102].

Вследствие различия фонетических систем родного и изучаемого языков появляется фонетический акцент и интерферированная речь учащихся. Фонетический акцент может быть определен как результат применения фонетических характеристик чужого языка с учётом фонологических особенностей родного языка [3, с. 155]. В связи с этим, изучаемый материал необходимо дифференцировать на основе степени сходства и различия с родным языком учащихся. Сопоставительный анализ является эффективным инструментом, с помощью которого мы можем предотвратить ошибки и осознать причины появления уже существующих. С целью тщательного анализа иностранного акцента необходимо сопоставить фонетические системы рассматриваемых языков в трех аспектах системы, артикуляции и позиции.

Греческий алфавит включает в себя 24 графемы: 17 гласных и 7 согласных. Русский алфавит состоит из 33 графем: 21 согласная, 10 гласных и 2 знаков, твердого и мягкого, которые не обозначают звука. Русский язык имеет обширную систему консонантизма. Традиционно ученые выделяют от 32 до 38 консонантных фонем, в греческом языке же количество согласных фонем оценивается в 19. По этой причине, грекоязычные часто допускают ошибки в произнесении согласных русского языка.

Во-первых, в греческом языке отсутствует дифференциация твердых и мягких согласных звуков, которая является отличительной особенностью русского языка. Вследствие этого, можно прогнозировать ошибки при произнесении русских мягких согласных. Например, весь – [в]е[с] думать- дума[т], чуть- чу[т], делать- [д]ела[т].

Во-вторых, эквивалентные фонемы русским переднеязычным щелевым звукам Ш, Ж, Щ отсутствуют в греческом языке. Это может приводить к смешению данных звуков при произношении русской речи, даже к замене близкими по звучанию греческого языка, такими как свистящие. Например: [z]енщина – женщина, [z]изнь– жизнь, ме[z]ду – между, [с]анс – шанс, [с]утка – шутка. Фонема < ш': >оказывается действительно трудной для греков,

которые не дифференцируют < ш > и < ш':> и допускают фоноференты: вообще - вооб[ш':]е, училище - учили[ш]е, изучающие - изучаю[ш]ие и наоборот: шум - [ш':]ум, шарф – [ш':]арф.

Отсутствие фрикативной фонемы < Ч > в греческом языке приводит к сложности при его произношении. Греки смешивают < Ч > с фонемой < Ц >, которая звучит приблизительно как сочетание согласных греческого языка [τσ] [тс]. Поэтому в речи носителя греческого языка ожидаются ошибки: час – [ц]ас, чай - [ц]ай, сочинение - со[ц]инение.

В конце русских лексем часто происходит оглушение согласных, которое отсутствует в греческом языке, так как в конце греческих слов могут стоять только графемы ζ и ν. В результате этого различия греки испытывают затруднение в правильном произношении и восприятии окончания русских слов. Они произносят эти звуки так, как они отражены на письме.

Особую группу представляют собой фоноференты, возникающие по причине переноса особенностей звуковой структуры и произношения из родного языка на изучаемый. По фонетическим правилам греческого языка, когда глухая фонема < s > находится перед другой звонкой согласной, она преобразуется в звонкую < z >. Такая позиционная мена глухих зубных щелевых на звонкие в позиции перед другими звонкими существует и в русском языке, но не перед губно – зубными. В результате чего в интерферированной русской речи греков появляются ошибки, такие как: [з]вой – свой, ко[з]мос – космос, [з]мено– смена.

К типичным ошибкам недифференцированности можно отнести отклонения в произнесении удвоенных согласных [4, с.17]. Греческие удвоенные согласные произносятся как один согласный звук. Например: [субота]– суббота, [Ана]– Анна, [каса] – касса

Греки сталкиваются не только с трудностями в произношении согласных русского языка, а также с существенными затруднениями при правильном использовании ударения. Ударение играет ключевую роль в произношении слов и фраз, оказывая значительное влияние на их смысл и интонацию. Ударение – это особое произношение одного из слогов в слове, которое делает его более значимым и отличает от других слогов. Позиционные особенности в области ударения влияют на восприятие и воспроизведение русских слов и фраз, вследствие переноса правила родного языка на изучаемый. Сложный характер ударения русского языка и разнообразие форм словоизменения и словообразования, а также подвижность и разноместность а, особенно, пропуск самого знака ударения, для греков затрудняют чтение, восприятие и воспроизведенные лексем русского языка. В отличие от русского, где знак ударения используется на начальном этапе обучения РКИ, в греческом языке во всех словах кроме односложных знак ударения является обязательным и его

отсутствие всегда считается ошибкой. Ударный слог в русском произносится сильнее, чем другие и всегда знак ударения падает на гласную, а его пропуск провоцирует чувство синтаксической незаконченности высказывания. Важно отметить, что в греческом отсчет слогов идет от конца до начала (справа – налево) и в противопоставление русскому центральная часть слова не выделяется.

Ударение фиксировано, так как действует закон трехслоговости, заключающийся в том, что ударные могут быть только три последних слога. Этот закон не нарушается, вследствие чего свободный характер и подвижность ударения русского языка вызывают особенные трудности и появляется тенденция использования данного закона особенно в многосложных словах, где ударение падает на четвёртый слог от конца, нарушая норму греческого языка. Например: победИтельница – [победительнИца], совершЕнствование – [совершенствовАние], администрИрование – [администррровАние], сОлнечная – [солнЕчная].

Как известно, в русском языке много заимствованных слов из греческого языка, которые украшают и обогащают русский язык. Проблема заключается в том, что носители греческого языка акцентируют данные слова согласно нормам ударения, присущих их родному языку. В результате чего, в интерферированной речи греков возникают ошибки: филолОгия – [филологИЯ], истОрия – [исторИЯ], диалОг – [диАлог], филосОфия – [философИЯ], психолОгия – [психологИЯ].

В заключение можно сказать, что носителям греческого языка затруднительно осваивать русское произношение и интонацию из-за особенностей фонетики обоих языков. В статье были рассмотрены основные акцентные нарушения греков в произношении согласных и в области ударения. С помощью сравнительного анализа фонетических систем русского и греческого языков можно прогнозировать потенциальные ошибки в русской речи греческих учащихся и разрабатывать методику их исправления.

Литература

1. Бархударова Е.Л. К проблеме создания корректировочных курсов русской фонетики // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – №1. – С. 102-110.
2. Логинова И.М. Автоматизация навыков произношения русского слова: учебное пособие для иностранцев студентов-филологов 1-го курса. – Москва : УДН. – 1981. – 71 с.
3. Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. – 1959. – № 2. – С. 145-156.
4. Рогозная Н.Н Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. / Иркутск : Иркутская областная типография. – 2001. – 332 с.

5. Рогозная Н.Н. Языковые контакты: билингвизм, интерязык, интерференция: монография. / Москва : Гос.ИРЯ. – 2022. – 199 с.

6. Πετρούνιας, Ε. Νεοελληνική γραμματική και συγκριτική («αντιπαραθετική») ανάλυση η. Τόμος Α'. Φωνητική και εισαγωγή στη φωνολογία. / Μέρος Α': Θεωρία. Ζήτη. – Θεσσαλονίκη. – 2002. – 334 σ.

Zaimi K.

Pushkin State Russian Language Institute

Comparative analysis of accent violations in the Russian speech of Greeks

This article examines the phonetic system of Russian and New Greek in order to identify and analyze the accent violations of the Greeks in the pronunciation of consonants and in the area of accent. The identification of similarities and differences between the two languages and their comparison is aimed at understanding the origin of errors, their prediction and prevention in the future, as well as the creation of appropriate materials for their elimination.

Keywords: Greek language, phonetic accent, phonetic interference, Russian as a foreign language.

Захарова Анастасия Викторовна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

anastasiya.zakharova27@gmail.com

Трудности обучения русской предложно-падежной системе студентов, говорящих на языке дари (элементарный уровень)

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора филологических наук, профессора

В данной статье автором проводится сопоставление грамматических систем двух языков. Приводятся примеры интерференции в области изучения русской предложно-падежной системы существительного на элементарном уровне у слушателей подготовительного факультета, говорящих на дари. Содержатся некоторые практические рекомендации относительно устранения ошибок учащихся и объяснения грамматического материала.

Ключевые слова: преподавание РКИ афганским студентам, интерференция, предложно-падежная система, элементарный уровень.

В 2023-2024 учебном году на подготовительном факультете Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина обучается около двадцати студентов из Афганистана. Как показывает практика работы с данной категорией студентов, а также как отмечают методисты, освоение грамматики русского языка часто сопряжено с рядом трудностей, обусловленных как этнопсихологическими, социальными, так и лингвистическими причинами. Афганцами зачастую легче усваивается устный разговорный язык ввиду особенностей их менталитета, также афганские студенты часто не имеют представления о грамматической системе родного языка, владея им преимущественно в устной форме, что усложняет процесс обучения РКИ.

В Афганистане проживает свыше 20 этносов, имеющих разные родные языки, однако официальными языками Афганистана являются пушту и дари (фарси-кабули) при ведущей роли последнего в официально-деловом общении. Дари является западноиранским языком преимущественно аналитического строя, в грамматике дари ведущая роль отведена синтаксису, роль существительного в предложении выражается позицией относительно других слов, с помощью предлогов, послелогов и других синтаксических средств. Это способствует появлению интерференции и выступает осложняющим фактором при освоении грамматики русского языка, особенно на начальном этапе. Как известно, овладение иностранным языком невозможно без овладения его грамматикой. Клименко С.В. пишет: «Без знания правил невозможно понять систему языка, высказать свою мысль, поэтому грамматика занимает центральное место в процессе обучения иностранных студентов» [4. с. 1]. Давно методически выявлено, категория падежа является одной из самых трудных в функциональной грамматике РКИ для изучения иностранцами. И также она трудна для персоязычных обучающихся (в частности, говорящих на дари граждан Афганистана) ввиду принципиально другой структуры языка, а также экстралингвистических факторов, перечисленных нами ранее. Но, к сожалению, на настоящий момент в методике РКИ существует достаточно мало работ, на которые можно опираться практикующему в афганской аудитории преподавателю РКИ. Этим обусловлена актуальность нашего исследования. Мы считаем необходимым сопоставить выражение предложно-падежных значений, изучаемых в курсе РКИ на элементарном уровне, с выражением таковых в языке дари, опираясь на лингвистическую литературу, а также на ошибки слушателей подготовительного факультета. Это поможет выявить причины интерференции и облегчит введение преподавателем нового грамматического материала, учитывая грамматический строй родного языка учащихся.

Как уже было сказано выше, «падежное» значение существительного в языке дари выражается позицией в предложении, с помощью предлогов, послелогов и других средств. Русский язык является флективным. Смысловые значения существительных передаются при помощи окончаний. На это стоит обращать особое внимание студентов, говорящих на дари: окончание существительного изменчиво. И целесообразно произвести сопоставление с родным языком. Также отмечается, что в языке дари отсутствует категория рода и категория одушевлённости/неодушевлённости. Это осложняет процесс изучения русского языка. Но язык дари располагает категорией объектов «с лицом» и «без лица». Таким образом, «одушевлёнными» считаются только люди. Методически обосновано обратить внимание

студентов на то, что данные категории могут влиять на окончания существительных в разных падежных значениях.

Нами было решено провести сопоставительный анализ выражения падежных значений существительного на элементарном уровне владения РКИ, опираясь на лингводидактическую программу по РКИ, представленные в ней падежные значения существительного для уровня, соответствующего А1, и на эквиваленты данных значений в языке дари. Порядок введения падежных значений существительного определяется УМК «Дорога в Россию». Затрагивая аспект грамматической интерференции, мы берём за основу собственный опыт преподавания РКИ на подготовительном факультете в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Этим определяется новизна настоящей работы.

На элементарном уровне изучаются все шесть падежей существительных в определённых значениях. Первая падежная форма, представленная в учебнике «Дорога в Россию», – предложный падеж в значении места действия, местонахождения лица, предмета с вопросительным словом «Где?». В языке дари есть полный эквивалент данной лексеме – *kuja*. В литературном языке слово *kuja* имеет только единственно правильный перевод, однако в разговорной речи *kuja* может реализоваться как «где», так и «куда». На это стоит обращать внимание при последующем объяснении нового материала, чтобы не допустить интерференции. Практика показывает, что студенты часто смешивают эти значения. Для предлогов *в*, *на* также существуют аналоги в языке дари: предлог со значением *на* в дари: *balay*, но *в* больше, чем в русском языке, – *ba*, *dar*, *dakhel*. При этом *dakhel* имеет значения именно физического нахождения объекта внутри. Предлог *baa* в большинстве случаев употребляется с глаголами движения, но может употребляться и в других значениях. Не стоит его приводить в пример при объяснении предложного падежа.

Далее в учебнике представлен винительный падеж в значении прямого объекта (*кого/что*). В языке дари также существуют аналоги: *ki ra* (*кого*), *chi* (*что*). На окончания существительных в данном падеже оказывает влияние категория одушевлённости/неодушевлённости, и, как уже было отмечено, в дари одушевлённые объекты – только люди. Поэтому целесообразно объяснить студентам разницу. В дари прямой объект выражается предлогом *raa*. При объяснении материала также стоит обратить внимание, что в русском языке есть категория рода (и у неодушевлённых объектов тоже), и это влияет на окончания существительных в падежах. У предлога *raa* только единственное значение.

На элементарном уровне также изучается винительный падеж с глаголами движения и вопросом *куда?* (значение – направление движения). Вопрос *куда?* реализуется лексемой

baa kujo? Как уже было сказано, в разговорной речи «где» и «куда» могут смешиваться. Важно обратить внимание, что в русском языке существуют более строгие правила употребления словоформ. С глаголами движения (*в/на*) употребляется предлог *baa*.

Далее представлен винительный падеж в значении времени (день недели, час) с вопросом *когда?* В дари данная лексема имеет аналог *chi waqt\che zaman?* Дни недели, время на дари выражаются без предлога, что при изучении русского языка вызывает соответствующие ошибки. Например, ошибочно *-Когда начинается урок? / – 12 час.*

Предложный падеж в учебнике представлен также со значением средства передвижения («*На чём?*»). В дари вопрос *на чём?* не имеет прямого перевода. Он пересекается с творительным падежом в значении совместности. Это вызывает интерференцию и приводит к ошибкам по типу *С чем ты едешь?* (Вместо: «*На чём ты едешь?*») Для обозначения средства передвижения употребляется предлог *dar*, который уже упоминался выше. Как уже было нами отмечено, значения предлогов дари могут быть шире, что также приводит к ряду ошибок. Очень часто вместо того, чтобы сказать: «*Я езжу на метро*», студент говорит: «*Я езжу в метро*». Важно обратить внимания студентов на то, что со значением средства передвижения употребляется только предлог *na*.

Далее изучается родительный падеж в сочетании с количественными числительными (2-4; 5-20). Вопрос *сколько времени?* на дари переводится как *Saat chand ast?* Предлога для обозначения времени в языке дари не существует, поэтому возникает интерференция с именительным падежом. Аналогов вопроса «*сколько?*» в языке дари существует несколько: *chand* (для людей и исчисляемых объектов) и *che andaza* (для неисчисляемых). По отношению к людям используется вопросительный оборот *chand nafar*. Если речь идёт о жидких объектах – *chand litar*. *Chand kilo* – для обозначения объектов, которые имеют вес в килограммах. Также существует специальная конструкция для обозначения количества животных: *chand dana*. При этом имеются исключения. Например, если речь идёт о лошадях, используется *chand qalada*. И вопросительная конструкция *chand nakh* для обозначения количества сигарет.

Далее изучается дательный падеж в значении лица как цели движения («*К кому?*»). В дари есть аналог *baa / amrah baa*. Таким образом, есть прямые аналоги. Предлог *к* выражается предлогом *baa*. Важно отметить, что предлог *baa* имеет также значение *в* при глаголах движения. И происходит интерференция: *Я еду к университету*. Студентам на уровне А1 нужно объяснить, что мы употребляем данную форму падежа № 5 только в отношении людей.

Форма родительного падежа в значении лица, которому принадлежит что-то (с предлогом *y*) имеет аналог *ki*, который переводится как: «У кого?» и «Кого?». Таким образом, имеется пересечение, которое ведёт к интерференции и ряду ошибок. Практически выявлено, что студентам бывает тяжело дифференцировать эти вопросительные конструкции. Значение наличия чего-либо выражается предлогом *darad*. И отрицание выражается частицей *na* перед *darad*. Вопросительное слово *чей* переводится конструкцией *Az ke ast?*. Также послелог *ast* добавляется к субъекту, которому что-то принадлежит.

На элементарном уровне представлен также родительный падеж в значении исходного пункта движения (с предлогами *из*, *с*). В дари существует прямой аналог вопросительной форме Откуда – *az kuja*. И полный эквивалент *из* – *az*, который употребляется в единственном значении. Поэтому трудностей с данной формой, как правило не возникает.

Дательный падеж в значении адресата действия также обычно не вызывает трудностей. Вопросительное слово «Кому?» переводится как *baraya* или *ba*. Предлоги при употреблении эквивалента русского существительного в дательном падеже в значении адресата действия имеют такой же облик, как и вопросительные слова (*baraya*, *ba*).

Вопрос *Сколько лет?* в языке дари имеет следующий облик: *chanmd sal dari?* В данном случае нет аналогов форм дательного падежа. Местоимение или существительное употребляется в своей единственной форме. Но обычно данные конструкции студентами хорошо запоминаются.

Вопросительные формы творительного падежа (*с кем?/с чем*) имеют эквиваленты - *baa kee?/baa chi?* или *baa che kasi/baa chi chizi*. И русский предлог *с* переводится на дари как *baa*. Так же, как *в* или *к*. Но обычно студенты понимают значение совместности, и проблем с использованием данной формы не возникает.

В языке дари не существует прямого эквивалента вопросительным словам *кем/чем*. Вернее, они переводятся как *chi* или *kee*, что также может означать *кто* или *что* и вызывать интерференцию.

Изучение предложного падежа в значении объекта мысли, речи обычно не вызывает трудностей, поскольку в языке существуют полные эквиваленты. Так, вопросительные конструкции *о ком?/о чём?* переводятся как *dar barai ki?/dar barai chi?* Предлог *dar* является аналогом предлога *о*.

В результате проделанной работы можно сделать выводы, что на элементарном уровне наиболее трудными для усвоения учащимися, говорящими на дари, являются формы родительного, дательного и творительного падежей, в частности те формы, которые не

имеют эквивалента в родном языке. Однако у преподавателя есть языковые средства, которые могут помочь преодолеть эти трудности на начальном этапе. И имея представления о выражении аналогичных грамматических значений в родном языке учащихся, можно проводить сопоставление и тем самым упрощать процесс обучения. Перспективы данной работы связаны с описанием интерференционных особенностей учащихся, говорящих на дари, при изучении падежных форм имени существительного, имени прилагательного, местоимений на более высоких уровнях владения РКИ, а также других грамматических категорий русского языка.

Литература

1. Крючкова Е.В. Особенности преподавания русского языка как иностранного в афганской аудитории (из опыта работы с афганскими студентами) / Е.В. Крючкова // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы III Международной научно-методической конференции: в 2 томах, Омск, 26 мая 2017 года / Омский автобронетанковый инженерный институт. Том 1. – Омск : Издательство Ипполитова. – 2017. – С. 261-264.
2. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному. Учебное пособие. – Москва : РУДН. – 2010. – 43 с.
3. Белоконь, В. В. Язык дари современного Афганистана и перспективы его изучения / В. В. Белоконь // Вестник адъюнкта. – 2022. – № 1(15). – С. 7-20.
4. Клименко Светлана Викторовна О роли грамматики в преподавании русского языка как иностранного // Наука, образование и культура. – 2018. – №9 (33). – [Электронный ресурс] URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-grammatiki-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения: 08.03.2024).
5. Островский Б.Я. Учебник языка дари Ч.1. 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Муравей. – 2004. – 256 с.

Zakharova A. V.

Pushkin State Russian Language Institute

Difficulties of Teaching the Russian Case System of Nouns at the Elementary Level to Dari Speaking Students

The article deals with the comparison of grammatical systems of the Russian and Dari languages. Examples of interference in the field of learning the Russian case system of nouns at the elementary level in Dari speaking students of the preparatory faculty are given. Some practical recommendations concerning the correction of students' mistakes and explanation of grammatical material are given.

Keywords: teaching RFL, Afghan students, interference, Russian case system, elementary level, comparative analysis

Заячкова Ксения Владимировна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

zayachkovski16@gmail.com

Лексическая актуализация концепта «прикосновение» на примере текстов газеты «Московский комсомолец»

Работа выполнена под руководством Богуславской В.В., доктора филологических наук, профессора

В настоящей работе рассматривается реализация концепта «прикосновение», выраженного лексемой «прикосновение» и её лексическим репрезентативным окружением, а также формально-функциональный тезаурус.

Ключевые слова: медийный дискурс, актуализация концепта, тактильная коммуникация, языковая репрезентация, электронный газетный дискурс.

У лексемы «прикосновение» есть интерпретационное поле, которое раскрывает его контекстуальное значение; помогает выявить смысловые признаки, которые носители языка вкладывают в используемое слово-концепт при определенных обстоятельствах. Таким образом интерпретационное поле является тематически обусловленным; оно может указывать на роль лексемы в заданном контексте, а также отвечать на вопрос о том, почему при выборе лексических средств для реализации замысла сообщения автор текста выбрал определенную лексему. Погруженность лексемы в контекст обуславливает ее дискурсивность. По Арутюновой Н.Д. *дискурс* – это «текст, погруженный в жизнь» («в ситуацию общения») [1].

Тексты, рассмотренные в работе, относятся к медиадискурсу, а именно к электронному газетному дискурсу. Все тексты являются авторскими, ориентированными на широкий круг читателей, поскольку «Московский Комсомолец» () в настоящее время позиционирует себя как универсальное издание, т.е. тематически не специализированное. В данном исследовании, вслед за Грибовод Е.Г., *медиадискурс* определяется как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [3, с. 118]. В свою очередь *электронный газетный дискурс* представляет собой совокупность текстов веб-версий газет [5, с. 133-134].

Объектом исследования является языковая репрезентация тактильной коммуникации в российском медийном дискурсе – актуализация лексемы «прикосновение». Предметом исследования стали тексты веб-версии газеты «Московский комсомолец» (далее – «МК»),

содержащие в себе лексему «прикосновение», а также соответствующие заданным параметрам отбора:

– **Запрос:** «прикосновение» (существительное) + лексическое окружение, состоящее из других лексем, называющих какие-либо прикосновения.

– **Тип прикосновения:** человек к человеку. Для создания более репрезентативной выборки были сняты такие условия, как прикосновения к предметам, животным, метафорические переносы; также не учитывались опосредованные прикосновения.

– **Временной промежуток:** публикации на сайте газеты «Московский комсомолец» 2017 и 2018 годов.

Результат: 42 текста с лексемой «прикосновение» были отобраны по заданным параметрам (19 за период 2017 года; 23 за период 2018 года).

Сбор эмпирического материала производился вручную посредством анализа поискового запроса. Отобранный материал фиксировался в виде таблицы со следующими параметрами:

- 1) Текст с запрашиваемой единицей и указанием источника: заголовок, дата и время публикации, ссылка, текстовые фрагменты с интересующей лексикой;
- 2) Тематика;
- 3) Тип прикосновения (к какой части тела);
- 4) Тип прикосновения (какой частью тела);
- 5) Комментарий (например, кто подразумевается под коммуникантами).

Методика сопоставления и описания формально-функционального тезауруса лексических репрезентантов, предложенная Малышевой Е.Г. в работе «Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования», определена как наиболее информативная модель анализа, поскольку позволяет выявить особенности семантики заданного концепта в выбранном типе дискурса [4].

Поскольку речь идет об электронном газетном дискурсе, релевантно было учитывать разделение текстов на тематические кластеры, соответствующие названиям рубрик и разделов сайта газеты. На сайте газеты «Московский комсомолец» такие рубрики представлены названиями, состоящими из общеупотребительной абстрактной лексики («Новости», «Политика», «Экономика», «Происшествия», «Общество», «Наука», «Культура», «Спорт», «Авто», «Видео», «Фото»), а также из имен собственных, актуализирующих тематику наполнения страниц («Дни рождения», «Национальные проекты России»). Новостные материалы распределены по рубрикам и тегам в соответствии с тематической соотнесенностью и смысловым наполнением.

Таким образом, в ходе работы оформились формальный и функциональный тезаурусы концепта «прикосновение». Формальный тезаурус включает в себя лексические репрезентанты, в целом выражающие в языке концепт «прикосновение» (лексема «прикосновение» – ядро семантического поля). Функциональный тезаурус представлен набором лексических репрезентантов, характерный для реализации концепта в заданном дискурсе, к которому текст относит его тематическое наполнение.

В ходе анализа было выделено 9 тематических сфер реализации концепта «прикосновение», выраженного лексемой «прикосновение»:

1. Тексты, сообщающие о преступлениях сексуального характера – 13 из 42 (прим. употр.: *«Фримен почти ежедневно подвергал ее непристойным прикосновениям и скабрёзным замечаниям о ее фигуре и одежде»*);

2. Тексты, сообщающие о научных исследованиях в области медицины и психологии – 7 из 42 (прим. употр.: *«Целебная сила прикосновений любимого человека научно доказана. Также эти прикосновения синхронизируют работу мозга людей»*);

3. Тексты, сообщающие о насильственных действиях (криминальные новости) – 5 из 42 (прим. употр.: *«"Артист!": в Геленджике полицейский рухнул от прикосновения пенсионера»*);

4. Тексты с культурным и/или историческим тематическим содержанием – 5 из 42;

5. Тексты о социально значимых событиях и проектах – 5 из 42;

6. Тексты о сексуальных отношениях (психология) – 2 из 42;

7. Тексты об отношениях мужчины и женщины (психология) – 2 из 42

8. Тексты о знаменитостях – 2 из 42;

9. Тексты-мнения – 1 из 42.

Как отмечают Богуславская В.В. и Ратникова А.Г. в работе, посвященной исследованию вербализации тактильной коммуникации, в рамках изучения лингвистических репрезентантов прикосновений необходимо учитывать такие особенности современных российских СМИ, как медиализация медиадискурса и отсутствие четких норм «допустимости публикации контента» [2, с. 747]. Несмотря на то, что в представленных в настоящей статье результатах контент-анализа тексты на медицинскую тематику не являются преобладающими, нельзя не отметить их значимость в представленной выборке. В свою очередь, отсутствие норм допустимости может прослеживаться в лексических репрезентантах, обнаруженных в тематических криминальных статьях, также в статьях об отношениях мужчины и женщины.

Для каждого тематического кластера было определено формальное и функциональное лексическое окружение. Результаты представлены в таблице ниже:

<i>Название тематической сферы текста</i>	<i>Формальный тезаурус концепта</i>	<i>Функциональный тезаурус концепта</i>
Тексты, сообщающие о преступлениях сексуального характера	«взять руку» «потрогать» «приложить руку» «положить руку» «трогать» «телесный контакт» «физический контакт» «незаконный контакт»	«шарить рукой» «ощупывать» «погладить» «некое прикосновение» «массаж» «хватать» «прижимать» «дотрагиваться недостойным образом» «неподобающий контакт»
Тексты, сообщающие о научных исследованиях в области медицины и психологии	«прикосновение» «прикасаются» «поцелуй»	«обнимать» «целовать руку даме» «держаться за руки» «держать руку» «нечаянное прикосновение»
Тексты, сообщающие о насильственных действиях (криминальные новости)	«дотронуться» «тянуть за кисть руки» «дотронуться ладонью» «ударить»	«вложить ума» «бей бабу молотом – будет баба золотом» «схватившая рука» «забить» «удар ладонью руки»
Тексты с культурным и/или историческим тематическим содержанием	«прикосновение» «прикасаются» «тесный контакт» «прикосновение»	«касаться руки» «целовать» «ласки»
Тексты о социально значимых событиях и проектах	«прикасаются» «дотрагиваться»	В эмпирическом материале не выявлено специфических репрезентантов

Тексты о сексуальных отношениях (психология)	«трогать»	«ласки» «давать себя трогать»
Тексты об отношениях мужчины и женщины (психология)	«гладить» «прикасаться»	«размять плечи» «погладить руку» «массаж» «предварительные ласки»
Тексты о знаменитостях	«прикоснуться» «прикасаться»	В эмпирическом материале не выявлено специфических репрезентантов
Тексты-мнения	В эмпирическом материале выявлено специфических репрезентантов	В эмпирическом материале не выявлено специфических репрезентантов

Основные результаты

В результате проведенного анализа актуализации концепта «прикосновение» был выявлен ряд лексических единиц, имеющих семантику прикосновения.

Самая распространенная тематическая область для реализации концепта «прикосновение» в электронном газетном дискурсе на сайте «МК» – это область, связанная с сексуальными контактами (криминал и психология). При этом функциональный тезаурус указывает на социально сниженный контекст, представляя лексику с отрицательной коннотацией («шарить рукой», «хватать» и т.д.), а формальный состоит из лексем, эвфемизирующих грубые и жестокие прикосновения («незаконный контакт», «приложить руку» и пр.).

Тексты на медицинскую тематику, как правило, содержат позитивную оценку явлению прикосновения (содержательно тексты бы посвящены пользе тактильного контакта и его роли в жизни человека) и описывают физические контакты, полезные для здоровья – «объятия» с близкими, «держат друг друга за руки» и пр.

Тексты, сообщающие о различных преступлениях, стали источником образов выразительности в функциональном тезаурусе. При этом лексика имеет отрицательную коннотацию, безошибочно считывается носителями языка, как негативный контекст: «вложить ума», «забить».

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия. – 1990. – С. 37-47.

2. Богуславская В.В., Ратникова А.Г. Вербализации тактильной коммуникации в медиатекстах российских СМИ: аксиологические аспекты // Коммуникативные исследования. – 2023. – №4. – С. 741-753.
3. Грибовод Е.Г. Медиадискурс // Дискурс-Пи. – 2013. – №3. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs> (дата обращения: 28.01.2024).
4. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. д-ра филол. наук. – Омск. – 2011. – 402 с.
5. Парамонова М.И. Электронный газетный дискурс как средство формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов-регионоведов. // Филологические науки в МГИМО. – 2016. – №5. – С. 133-140.

Zayachkovskaya K.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Lexical actualization of the concept of “touch”: A case study of the newspaper «Moskovsky Komsomolets»

This research paper is about the implementation of the concept "touch", expressed by the lexeme "touch" and its lexical representative environment, and the formal-functional thesaurus.

Key words: media discourse, concept actualization, tactile communication, language representation, electronic newspaper discourse.

Зельникова Анна Артёмовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

anna.zelnikova@mail.ru

**Специфика овладения русской письменной речью носителями
китайского языка**

Работа выполнена под руководством Ионовой Светланы Валентиновны, доктора
филологических наук, профессора

Статья посвящена нарушениям норм русского литературного языка, наблюдаемых в письменной речи носителей китайского языка. Рассматривается, какими уровнями языковой системы инофоны овладевают быстрее. Было обнаружено, что общее количество ошибок у учащихся постепенно уменьшается, в частности морфологических. Вместе с тем увеличивается количество ошибок на уровнях синтаксиса, словообразования и лексики, что обуславливается не недостатками методики, а усложнением языкового материала. Результаты проведенного исследования могут быть полезны в методике обучения русского языку как иностранному, а также как теоретическая основа последующих для исследований в данной области.

Ключевые слова: письменная речь, норма, нарушение норм, китайский язык, овладение письменной речью, РКИ, методика обучения.

Проблема нарушения языковых норм традиционно находится в центре пристального внимания лингвистов. Так Л.В. Щерба считал, что «роль этого отрицательного материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании» [13, с. 259]. Позднее возникло целое направление в языкознании, занимающееся изучением нарушений языковых норм, норм письма и перевода – эрратология (от лат. *errata* – «ошибки»). Оно включает в себя общее определение границ понятия ошибки, методы их анализа и классификации, а также формирование механизмов их предотвращения и коррекции [12, с. 37].

Сегодня эрратологию выделяют как самостоятельную научную дисциплину, привлекающую внимание специалистов по структурной лингвистике, психолингвистике и лингводидактике, поскольку изучение ошибок в рамках эрратологии помогает выявлять слабые места в усвоении языка, разрабатывать новые методики обучения языку, а также совершенствовать уже имеющиеся, что важно для повышения эффективности обучения русскому языку как иностранному.

Особенную актуальность в рамках эрратологии приобретают исследования ошибок, совершаемых в процессе обучения иностранному языку, в том числе русскому языку как иностранному, что обусловлено развитием межкультурных контактов, в том числе в письменной форме.

В современной науке наметились основные подходы к изучению ошибок, совершаемых инофонами в процессе изучения русского языка как иностранного: 1) изучение влияния родного языка на характер ошибок [9, с. 20]; 2) изучение грамматической, лексической, фонетической и коммуникативной природы ошибок [4, с. 133]; 3) изучение ошибок в аспекте методики преподавания иностранного языка [11, с. 40]; изучение ошибок как вида приблизительного воспроизведения текста [8, с. 33]. У каждого из подходов есть свои сильные и слабые стороны. Так, при обращении к конкретной лингвокультуре сильно сужается круг реципиентов исследования, но вместе с тем проработка проблемы оказывается более детальной и глубокой. Подобным достоинством обладают и исследования, посвященные описанию конкретных уровней языка. Вместе с тем зачастую игнорируются другие уровни языка, а также связи между ними. При создании учебной методики можно четко выстроить логику занятия и всего курса, проследить пути формирования навыков и умений у учащихся, но при таком подходе может отсутствовать работа над ошибками как самостоятельный аспект занятия.

Данное исследование ставит своей целью проанализировать ошибки, совершаемых в русском языке инофонами – носителями китайского, обладающими разными уровнями коммуникативной компетенции, а именно, инофонами с базовым уровнем знания русского

языка А1-А2 и инофонами с продвинутым уровнем знания языка В1-В2. В качестве материала анализа выступают тексты китайских обучающихся с уровнем знания русского языка В1-В2, полученные экспериментальным путём.

Выбор вида коммуникации для эксперимента обусловлен тем, что в письменной речи по сравнению с устной совершается меньше случайных ошибок, так как устная речь чаще всего спонтанна, в то время как письменная речь – это речь обработанная. Данный параметр определяется Ионовой С.В. следующим образом: «В лексическом и грамматическом отношении письменная реализация речи характеризуется соблюдением литературных норм языка - особым отбором лексики и фразеологии, обработанным синтаксисом» [8, с. 32].

В данной статье ошибка понимается в соответствии с подходом, предложенным Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным: как «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм»; «результат ошибочного действия учащегося» [1, с. 100]. Такой подход к определению ошибки охватывает нормативную сторону языка, поскольку понятие правильности / неправильности определяется именно через призму соответствия норме. Вместе с тем, определяя ошибку как результат, мы рассматриваем её причинно-следственные связи и обращаемся к языковой личности совершившего ошибку.

В качестве основной причины возникновения ошибок в речи инофонов выступает языковая интерференция. Это обусловлено тем, что освоение иностранного языка происходит через призму родного. Целесообразный учет особенностей родного языка учащихся позволяет интенсифицировать обучение русскому языку, опора на родной язык в значительной степени помогает при тождестве языковых явлений, в случае же расхождения языковых явлений опора на родной язык предупреждает ошибки, связанные с языковой интерференцией [10, с. 250]. Сегодня в основе обучения русскому языку лежит коммуникативный подход. Он понимается как способ организации процесса обучения, «ориентированный на формирование навыков и умений речевой деятельности, то есть навыков и умений построения языкового высказывания на изучаемом языке» [9, с. 104]. Человек изучает язык как инструмент общения, учится оперировать лингвистическим материалом.

При таком подходе важными оказывается как лингвистическая, так и коммуникативная компетенции учащегося. В соответствии с видами компетенций существует два способа классификации ошибок, возникающих в речи инофонов [14, с. 34].

1. По влиянию на успешность коммуникации:

- коммуникативно значимые, грубые ошибки (*global errors*);
- коммуникативно незначимые, негрубые ошибки (*local errors*).

2. По уровню системы языка, на котором была совершена ошибка:

- фонетические (орфографические) ошибки (ошибки, связанные с пропуском/добавлением буквы, с неправильным написанием слова);
- словообразовательные ошибки (ошибки на уровне морфемного состава слова: добавление/опущение элемента, образование слова по ошибочной словообразовательной модели);
- морфологические ошибки (ошибки, связанные со словоизменением и ошибочным определением грамматических характеристик слова, таких как род, число, время, вид и т.д.);
- лексические ошибки (ошибки, связанные с семантикой слова и употреблением его в ошибочном контексте);
- синтаксические ошибки (ошибки, связанные с ошибочным построением словосочетаний и предложений).

Кроме того, существует третья классификация ошибок, ориентированная прежде всего на методическую сторону обучения языку:

1. Устойчивые ошибки

2. Случайные ошибки.

Наиболее пристального внимания лингвистов заслуживают именно устойчивые ошибки, так как они помогают выявить слабые места в методике обучения иностранному языку. Определение устойчивой ошибки звучит следующим образом: отклонение от нормы, являющееся наиболее характерным результатом взаимодействия двух и более языков, и часто сохраняющееся в течение нескольких лет обучения [Архангельская 2003]. Вслед за Архангельской Б.Ф. Воронин также выделяет следующие признаки типичной устойчивой ошибки:

- встречается на протяжении длительного периода изучения иностранного языка;
- свойственна большинству студентов определенной национальной группы;
- хорошо заметна большинству студентов определенной национальной группы;
- хорошо заметна в речи и резко выдает иностранца, потому что подобные речевые ошибки обычно не совершают ни взрослые, ни дети, для которых данный язык является родным [Воронин 1967].

Вопрос об устойчивых ошибках в письменной речи китайских студентов, осваивающих русский язык на начальных этапах, довольно хорошо изучен [Бай Сицзилэ 2019; Лю Цянь 2013]. К таковым можно отнести следующие ошибки:

1. На фонетическом (орфографическом) уровне:

- нарушение норм редукции гласных: *м[о]локо; р[э]ка; ч[а]сы;*

– появление вставных гласных, так как для китайского языка не характерно наличие рядом нескольких согласных: *Витеб[у]ск, бан[а]ка*;

– смешение глухих и звонких *[б] – [п], [д] – [т], [з] – [к]*;

– отсутствие изменений согласных в потоке речи: *[в] школу; [из] стола; [с] другом*;

– ошибки в произношении звука р: *[л]ыба (рыба), ско[л]о (скоро); хо[л]ошие (хорошие)*;

- смешение ц и ч, з и ж, с и ш, характерное для студентов, проживающих на юге Китая, так как они не могут произносить ч, ж, ш: *[ц]ашка (чашка), [с]ла (шла)*.

2. На лексическом уровне:

– нарушение лексической сочетаемости

– путаница в значениях слов

3. На морфологическом уровне:

– нарушения в определении рода существительных, прилагательных, отдельных числительных, местоимений и глаголов прошедшего времени, так как в китайском языке только отдельные существительные различаются по признаку пола: *моя друзья, место свободен, этот комната; первый остановка*;

– нарушения в формах образования множественного числа, поскольку для китайского языка: *вкусные яблока, большие города, новые книги, красивые ребёнки*;

– многочисленные нарушения в употреблении падежных форм существительных, прилагательных, числительных и местоимений;

– неправильное употребление глаголов совершенного и несовершенного вида;

– ошибки в употреблении приставочных глаголов движения: *Мы уже войти из задания. Они переехать в эту аудиторию*;

– непонимание значения предлогов и союзов: *Он работает, что она отдыхает. Мы думаем, и это он не прав. Мне нужен врач, поэтому у меня температура*.

4. На синтаксическом уровне:

– нарушения в сочетаемости подлежащего и сказуемого, обусловленные родом и числом соответствующих форм;

– нарушения в согласовании по роду, числу и падежу: *в мой новой комнате; мой сестра; у него красивая глаза; один книга; два сосиска*;

– нарушения в управлении числительных падежными формами: *4 часа 20 минута, 14 года, 5 рубль* и т.п.;

– нарушения при выражении субъектного значения формами Р.п. и Д.п.

Нами были проанализированы тексты носителей китайского, обладающих уровнем В1-В2, что позволило отметить, какие из перечисленных выше видов ошибок характерны для этих инофонов, а какие не характерны. Проведенный анализ ошибок пишущих в нашем исследовании показал следующие результаты.

1. Орфографические ошибки в экспериментальных текстах встречались довольно редко, что вполне отражает степень языковой компетенции, характерной для уровней В1-В2. Например, совсем не встретились ошибки, касающиеся смешения согласных (глухие / звонкие, р / л, аффрикаты и свистящие). Ошибки в использовании гласных, остались, но не были регулярными. Соответственно, учащиеся, владеющие русским языком на уровне В1-В2, вполне справились с освоением русского правописания. Нерегулярные ошибки встречались только в сложных случаях.

2. Ошибки на лексическом уровне (в основном связанные с непониманием значений слов), так же распределяются по уровням. В элементарных словах – нерегулярные, в лексике уровнем выше – регулярные, что связано с недостатком опыта в их использовании.

3. Ошибки на морфологическом уровне особенно характерны в тех случаях, когда изучаемый язык сильно отличается по строю от родного языка. Китайский обладает высокой степенью аналитизма в отличие от синтетического русского, поэтому большинство ошибок, даже у студентов уровня В1-В2, касается морфологического уровня [3, с. 14]. Здесь встречаются все перечисленные виды ошибок: нарушения в роде, образовании множественного числа, падежных формах, смешение видов глагола, непонимание значений предлогов и союзов и т.д.

4. На синтаксическом уровне большая часть ошибок, выделенных в классификации, осталась, но, как правило, встречаются они всё же нерегулярно, поскольку на этом языковом уровне проще запомнить и использовать целые фразы. Регулярное нарушение – парцелляция частей предложения

Таким образом, проведенное исследование показало, что в текстах учащихся-китайцев, владеющих русским письменным языком на уровне В1-В2, основные ошибки относятся к сфере различий в строении между русским и китайским языками, соответственно, это наблюдение подтверждает идею, что их основной причиной является языковая интерференция.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – Москва : Издательство ИКАР. https://methodological_terms.academic.ru/ (дата обращения: 25.01.2024)

2. Архангельская А.Л. Функционально-семантический анализ соотносительных возвратных/невозвратных глаголов русского языка. – Москва : РУДН. – 2003. – 267 с.
3. Бао С. Типичные ошибки китайских студентов в устной и письменной речи на русском языке. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. – С. 149-150.
4. Богомазов Г.М. Некоторые типичные ошибки на сочетания русских согласных в речи иностранцев. Сборник методических статей. – Москва. – 1981. – 389 с.
5. Воронин Б.Ф. Типичная устойчивая ошибка в речи иностранца и методика обучения русскому языку. – Москва. – 1967. – 236 с.
6. Злобина Ю.И., Сорокина М.О. Некоторые типичные ошибки в письменных работах китайских студентов: классификация и анализ // МНКО. – 2018. – №4 (71).
7. Ионова С.В. Аспекты исследования письменного текста как объекта лингвистической экспертизы / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 28-38.
8. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград. – 2006. – 37 с.
9. Корчик Л.С. Некоторые типичные устойчивые ошибки в речи китайских студентов на занятиях по русскому языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – Москва. – 2010. – С.23-28.
10. Мотина Е.И. Избранные труды. – Москва. – 2005. – 456 с.
11. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). – СПб. – 2013. – 275 с.
12. Шевнин А.Б. Эрратология. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт. – 2003. – 216 с.
13. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л.В. Щерба // Хрестоматия по истории языкознания XIX– XX вв. / под ред. В.А. Звегинцева. — Москва : Просвещение. – 1956. – 567 с.
14. Dulay H., Burt M., Krashen S. Language Two. – Oxford University Press. – 1982. – 458 с.

Zelnikova A.A.

The Pushkin State Institute of the Russian Language

The specifics of mastering Russian written speech by native Chinese speakers

The article is devoted to violations of the norms of the Russian literary language observed in the written speech of native Chinese speakers. It is considered which levels of the language system foreign speakers learn faster. It was found that

the total number of errors decreases, in particular morphological errors. At the same time, the number of errors at the levels of syntax, word formation and vocabulary, increases, which is due not to the shortcomings of the methodology, but to the complexity of the material. The work will be useful in the methodology of teaching Russian as a foreign language, as well as a theoretical basis for subsequent research in this field.

Keywords: Chinese language, mastery of written speech, Russian as a foreign language, teaching methods.

Зиновьева Ксения Константиновна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

kseniazinovieva@mail.ru

Личность и Бытие в рассказах Д.Г. Бакина: к постановке проблемы

Работа выполнена под руководством Кравченковой Евгении Алексеевны, кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена исследованию структуры художественного мира рассказов Д.Г. Бакина, а также роли личности в нем. Центральное место в произведениях автора занимают экзистенциальные вопросы – что есть жизнь и судьба, зачем человек приходит в мир и уходит. Тотально одинокий герой Бакина, со всех сторон подавляемый враждебной и фатальной силой Вселенной, пытается противостоять ей и смерти, выбирая один из путей – уход во внутреннюю жизнь, вычитание себя из времени, попытка активной обороны или уход в «страну происхождения». Особое внимание в статье отводится анализу рассказа «Листья», его основным мотивам и образам.

Ключевые слова: Бакин, магический реализм, время, бытие, страна происхождения.

В прозе Д.Г. Бакина имеют большую значимость своя система поэтики, особая организация мира произведения – его пространства, времени и отношений между объектами и субъектами действительности. Специфический хронотоп и система образов, выбранные писателем, обусловлены, в первую очередь, философским замыслом текстов, который наиболее близок в способах реализации и идейном комплексе к работам авторов магического реализма. Центральное место в рассказах автора занимает проблема Личности и Бытия – взаимоотношений тотально одинокого человека и агрессивной фатальной силы Вселенной.

Н.Б. Иванова отмечает, что произведения Бакина трудно причислить к одному из современных течений: «В рассказах Д. Бакина нет <...> ни специального исследования «темных», неизвестных углов нашей социальной или исторической жизни, на освещении которых внезапной фотовспышкой сделали себе имя иные из известных ныне литераторов, описывая то кладбище, то стройбат, то внутреннюю жизнь церковного прихода...» [5]. Реалистическая традиция воплощается в натуралистичном описании бытовых деталей, в привычных для русского читателя образах нищей деревни, измученных работников, человеческой жестокости, однако в прозе писателя присутствуют элементы ирреального –

большое влияние мифа, присутствие фантастических элементов. Таким образом, можно выделить следующие черты, характерные для бакинского текста:

1. Редуцированная роль автора как субъекта: автор не ведёт диалог с читателем, не комментирует происходящие события, не даёт оценку выбору или поступкам героев, не объясняет, с какой целью было написано произведение – текст лишён явной дидактики и реалистической панорамы, позволяющей оценить исторический или социальный срез времени с позиций добра и зла, нравственного и безнравственного. Теодицея является двигателем мироздания Бакина. Отмечается отказ от психологического детерминизма.

2. Перед читателем представлена жизнь, простирающаяся в бесконечном времени. Центральное место занимают вопросы – что есть жизнь и судьба? Зачем человек приходит в мир и как он уходит? Раскрывается мотив невыразимого в целесообразности человеческого предназначения. Телеологический принцип бытия человека заложен в осмыслении Бакиным личности – его герои чётко видят цель и идут к ней (действуют в соответствии с целью).

3. Как и в произведениях одного из основоположников магического реализма, Г.Г. Маркеса, время у Бакина субъективно и относительно (у Маркеса оно застывает, фантасмагорический ливень может идти несколько лет. У Бакина время замораживается, с ним герои вступают в противостояние), что подтверждает отход от реалистической картины и рационалистического мышления в сторону поэтического ощущения мира. Временные границы намечены размыто, их ориентирами являются лишь некоторые конкретные приметы – военные годы в рассказе «Листья», период перестройки в «Землемере». Герои то и дело пытаются вычесть себя из времени, отстраниться от его движения, замедлить все свои физические и ментальные импульсы.

4. Вселенная есть действующая сила. Прослеживаются некоторые совпадения с философией Шопенгауэра: человек, подавляемый со всех сторон враждебной стихией и окружённый смертью, пытается противостоять ей и преодолеть страдания, однако попытки преобразовать мир и обозначить цель своего существования обречены на провал. Вселенная способна жестоко пресечь стремления человека реализовать собственные желания: сами цели будто предстают через призму кривого зеркала чем-то деструктивным и неожиданно уродливым (Баскаков, строящий дом для жены и дочери, получает бессмысленный итог – символ крепкой семьи превращается в символ разрушенных родовых связей и внутрисемейного холода; Крайнов, стремясь обозначить себя в мире и контролировать его с помощью деторождения (процесс «размноживания» себя), сделал семью «выдуманном крошечным государством»). Куда бы ни пытался уйти герой – попытки нарушить

предначертанный фатумом ход событий ведут к наказанию. Стоит отметить, что герои Бакина редко становятся бунтарями – их желания выйти из-под давления Вселенной выражаются в создании собственной модели бытия, субъективного купола, что уводит нас в область сознания, а не действительности.

Единственным рассказом, в котором герой вступает в открытое противостояние, является «Оружие». Здесь персонаж обороняется от неизвестного врага, в котором угадывается враждебная фатальная сила, и обходит свой дом, продумывая варианты стратегии противника. Герой стремится защитить не только своё жилище, но и своё сознание – то же личное, важное, принадлежащее исключительно ему: *«Он подумал: думать необходимо так же медленно, как двигаться, иначе умрешь внутри гораздо раньше, чем снаружи»* [1, с. 69]. Противостояние смерти, постепенное вычёркивание себя из жизни приводит его к началу – в комнату, в которой он родился. Это подтверждает невозможность борьбы и контроля. Рождение и смерть имеют единое начало.

5. Герои часто чем-то обделены: они безымянны, у них есть физические дефекты, они ограждены от мира.

6. Смешение реалистического и мифологического сознания, включение в реалистическую картину повествования мифологических, фантастических и религиозных мотивов.

7. Человек у Бакина тотально одинок: его выбрасывают в хаотичный враждебный мир, наделяя горем и уродством и лишая родовых связей, и оставляют преодолевать все препятствия в одиночестве.

8. Физической смерти не существует: человек приходит из ниоткуда и уходит в никуда. Описания смерти заменяют сцены метафорического ухода (Бедолагин превращается в дым горящей листы). В то же время, смерть может выступать отчасти одушевлённым субъектом: герой «Лагофталма» смотрит в лицо той, которая идёт за ним *«по серым дорогам, поступью легкой и бесшумной, как оседающий пепел»* [1, с. 149], в рассказе «Листья» бабка, живущая на отшибе, является *«оружием мертвых»* [1, с. 14], и *«мертвые говорят ее устами, чтобы предостеречь живых в том, что при жизни остается неясным»* [1, с. 14].

9. Главенствующую роль занимает мотив наследственности: человек является звеном огромной генеалогической цепи, он не может от неё отречься или не ощутить на себе её влияния (Герой «Страны происхождения» спрятал ватман с родословной, но жил с пулей в сердце, доставшейся ему без выстрела – от предка-охотника).

Проблема личности и бытия в произведениях Бакина ярко раскрывается в рассказе «Листья» – тексте о судьбе «вброшенного в мир человека, мучительно ищущего свое предназначение и обреченного на одинокую борьбу с небытием» [3].

«Мальчишкой двенадцати лет он пришёл в поселок со стороны поля, так что река была у него по левую сторону, а лес по правую», – герой пришёл из ниоткуда, у него нет ни прошлого, ни, как оказалось, будущего [1, с. 6]. «Что делать с настоящим?» – вопрос, волнующий героя на протяжении всего рассказа, но который ему так и не удалось разрешить. Действительность, описываемая автором при первом появлении героя, уже даёт особые приметы специфического строя бытия, ведь первое, что видит мальчик – кладбище без ограды. Начало метафорически состыковывается с концом, появление с уходом. Частый авторский приём, помогающий передать цикличность и тягучесть времени, – дословное повторение цитаты. *«Он почувствовал, что и через сто лет снова и снова будет приходиться в поселок двенадцатилетним мальчишкой, бесконечный в своем повторении»* [1, с. 23], – взрослея, Бедолагин понимает, что вновь и вновь будет чувствовать *«неизменный холод земли»* [1, с. 6].

Мальчик поселился в доме у бездетной пары, где *«был умыт, подстрижен, накормлен супом из крапивы и прибит гвоздями к фамилии Бедолагин»* [1, с. 7]. В данном отрывке легко угадывается религиозный мотив – образ Христа (*«был принят грязным одноруким мужчиной и крепкой подслеповатой женщиной, семнадцать лет бездетности ожидавшими прихода Иисуса Христа»*) [1, с. 6]. Как отмечает Т.А. Касаткина, герой «пришёл из другой половины реальности, но, помня дорогу, которой он пришёл, он начисто забыл, куда ведёт эта дорога, „Христос” забыл Бога Отца, сохранив лишь память о своём сходжении „в человека”» [2]. По мнению исследовательницы, конфликт человека и большой действующей силы, породившей весь реальный мир, обусловлен, с одной стороны, специфическим «сквозным» устройством мироздания (*«В мир Бакина вход открыт, и Бог ожидается с первых шагов, но кто приходит и куда сквозит распахнутый мир – вот вопрос»* [2]), а, с другой, – неготовностью личности впустить мир в себя, дать что-то ему взамен.

Наследственность у Бакина также связывает человека со Вселенной, внутри которой он находится, вплетает его в бытие. Следует отметить и семантику самой фамилии Бедолагин – обречённый на горе.

«Он смотрел ей в лицо и в глаза, не отводя взгляда, ибо знал уже, что останется в этом доме навсегда и займет место однорукого мужчины по неписаному земному закону, когда жизнь занимает место, освобожденное смертью, и на нее обрушивается наследство» – роковая сила руководит всеми жизненными процессами сменяющихся поколений [1, с. 8].

Однако бабка, живущая на отшибе, нарекает Бедолагина *«плодом мертвого семени»* [1, с. 9], что пророчески описывает неспособность героя найти своё предназначение, праведно жить по вечным земным законам и встроиться в полотно мироздания.

Примечательно, что у Бедолагина было три неудачных попытки побега. Однако бежать некуда – посёлок или окружают неподвластные герою внешние стихии (лес, река), или перекрыт единственный выход (рельсы на железной дороге разобраны). Побег от прибитой к нему наследственности также невозможен: открывшиеся из посёлка дороги перекрывает взвалившееся на плечи наследство.

Как и другие герои рассказов Бакина, Бедолагин находит единственный путь противостояния – забаррикадироваться во внутренней жизни и выстроить собственную стену: *«И всегда, где бы он ни был, в нем главенствовало стремление неподвижно стоять в стороне от мутного потока лет, где среди ила, обломанных веток, изношенной одежды, исковерканного оружия, и обкатанных водой костей несутся к совершенству люди,— неподвижно стоять в стороне и давать им советы, обманув тень закона, которая падает на голову каждого с момента рождения»* [1, с. 13].

Иллюзорная цель – стоять в стороне от времени – становится единственным тупиковым импульсом для продолжения жизни. Примечательно, что Бедолагин пробовал работать в родильном отделении (символ начала, зарождения самой жизни, которое стало для героя омерзительным и отталкивающим) и на железнодорожной станции (символ реального движения из окружающей реальности). Д. Кожанова объясняет «футлярность» персонажей попаданием в метафизическую ловушку: придя из ниоткуда (то есть покинув «страну происхождения»), герои пытаются отделиться от своего прошлого, под которым понимается и связь с глубинным «я» [3]. В таких условиях попытки приобщения к действительности (такие как попытки Бедолагина работать или жить с Анной семьёй) не способны обеспечить полного слияния с миром.

Стена, выстраиваемая Бедолагиным, определяется на разных уровнях. В первую очередь, стена есть общая отчуждённость, непричастность ко времени – быть вне жизни для Бедолагина значит не чувствовать на себе давление прошлого, необходимость вплетаться в действительность. Он не участвует в жизни, а, значит, не может умереть. С другой стороны, его стена – «пьяное отчуждение», уход в бесконечные запои, вычёркивающие необходимость взаимодействовать с реальным миром и осознавать себя как часть действительности. Алкоголь помогает ему закрыться не только в четырёх стенах дома, но и в собственном замутнённом сознании – отойти от мыслей.

Разрушить стену способны только человеческие чувства и физическое влечение, объясняемое главным земным законом – необходимостью продолжения рода. *«И тогда он почувствовал, что непрошибаемая, прозрачная стена, способная выдержать метеоритный дождь, трещит, рушится и рассыпается прахом от одного щелчка женских пальцев»* - Анна показывает хрупкую иллюзорность баррикад Бедолагина [1, с. 18]. Огромная неудержимая сила любви, способная практически совершить невозможное, воплощена у Бакина в женских образах (Анна в «Листьях», Мария в «Стране происхождения»), однако мертвенно холодные мужчины не способны откликнуться на тепло. Мощный заряд женской любви сравнивается со вспышкой взрыва, которой не подвергался ни один новобранец на передовой, с печью крематория, с ударом тока, с землетрясением и, наконец, с сотворением Вселенной.

В «Листьях» прослеживается два образа бунтарей. Один из них – мифически сильный Клишин, решивший самостоятельно избавиться от шестого пальца на ноге: подобное действие стало для него победой над самим собой, ведь после окончания войны Клишин не знал, куда деть свою силу во время отсутствия врага. Жители посёлка восприняли очевидный абсурд как символ торжества человеческого духа. Бунт Анны же имел иной характер – она воевала не с собой, а с действительностью, с косностью её законов: *«Бабка сказала – тот, кто велел нам быть, не простит; Анна сказала – никто нам быть не велел. Мы порождение взрыва»* [1, с. 15]. Молодой женщине удалось уехать из поселка, но что-то вернуло её назад и переменяло все её взгляды. Религиозный мотив развивается в Анне – грешнице, отчаянно стремящейся отмолить свои грехи, найдя Христа в Бедолагине и желая быть наказанной (*«готовая завоевывать крепости, крушить бастионы силой своей слабости, разбивать ворота, взламывать замки, выжигать мозги своей хрупкой худобой, готовая взорвать мир, чтобы воссоздать все с самого начала и вновь начать жить, но мудро и безошибочно»* [1, с. 33]). Вставая против всего мира, Анна направила всю свою страсть и упорство на построение новой жизни, похоронив своё прошлое, но не отказываясь слепо от накопленного опыта: *«Не скрывала от людей своих намерений и дерзко, с угрозой говорила – да – говорила она – мне нужен муж – и говорила – попробуйте отберите его у меня»* [1, с. 36]. Однако её надежды бились об лёд его холодности – автор неоднократно использует средства, показывающие отсутствие чего-либо живого в Бедолагине: *«непобедимо мертвый, и его тяжелые, безвольные руки болтались где-то внизу, утратившие силу, кровь и крепость костей, точно мокрые канаты»* [1, с. 33]. Божественный лик видит в Бедолагине и художник Пал, пытающийся создать иконы для пустой полуразрушенной после войны церкви. Он ощущает потребность людей, искалеченных надругательством мира и надругательством над

миром, в образе высшей всепрощающей и понимающей силы. Однако как новоявленный Христос не помнит о своём предназначении и пути, так и иконописец не помнит, что иконы не пишутся на холсте.

Рассказ заканчивается метафорической смертью героя, которую предвосхищает Анна (она точно знает, что увидит Бедолагина во сне, а сон у Бакина – выход в иную реальность) – он превращается в дым горящей листвы. Последние строки придают рассказу притчевый характер: бесплодная грешница Анна зачинает ребенка от не способного ни на что Бедолагина. *«Тогда она остановилась и стояла, глядя на белый дым, а потом сказала – господи – и сказала – господи – а потом сказала – храни»*, – пройдя через назначенные по собственной воле испытания, Анна ощутила в себе сотворение чуда и отказалась от неверия [1, с. 42].

Таким образом, мир произведений Бакина представляет собой специфическое полотно, сотканное из множества смыслов, имеющее сквозные дыры, но, тем не менее, нанизанное на нити основы – представления о Вселенной как о фатальной силе и скрепляющем мотиве наследственности. Читатель способен видеть лишь одну его часть – другая половина реальности, откуда приходят и куда стремятся уйти герои, остается неразгаданной. Персонажи Бакина пытаются противостоять фатуму разными способами – выстраивать собственный купол, разрастающийся из внутренней жизни, вести борьбу с собой или с невидимым врагом или приходиться к возвращению в «страну происхождения».

Литература

1. Бакин Д. Страна происхождения: рассказы. – СПб.: Лимбус Пресс, 1996. – 152 с.
2. В поисках другой половины (Рецензия на книгу Дмитрия Бакина) / Касаткина Т.А. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/kasatkina-o-bakine/> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Забытые заветы. Дмитрий Бакин / Кожанова Д. // [Электронный ресурс] URL: <https://voplit.ru/article/zabytye-zavety-dmitrij-bakin/> (дата обращения: 20.03.2024.)
4. «Ностальящее» / Иванова Н.Б. // [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1997/9/nostalyashhee.html> (дата обращения: 20.03.2024).
5. Преодолевшие постмодернизм / Иванова Н.Б. // [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1998/4/preodolevshie-postmodernizm.html> (дата обращения: 20.03.2024).

Pushkin State Russian Language Institute

Personality and Being in D. Bakin's Stories: Toward a Problem Statement

The article is devoted to the study of the structure of the artistic world of D. Bakin's stories, as well as the role of personality in it. The central place in the author's works is occupied by existential questions - what is life and fate, why a person comes into the world and leaves. Total lonely Bakin's hero, suppressed from all sides by the hostile and fatal force of the universe, tries to resist it and death, choosing one of the ways - withdrawal into the inner life, subtracting himself from time, an attempt at active defense or leaving for the "country of origin". Special attention in the article is given to the analysis of the story "Leaves", its main motifs and images.

Keywords: Bakin, magic realism, time, being, country of origin.

Зотова Анастасия Борисовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

staszotova@yandex.ru

Столкновение лексических различий и способы их преодоления на примере русского и китайского языков

Работа выполнена под руководством Брагиной Натальи Георгиевны, доктора филологических наук, профессора

В статье рассматривается проблема лексической асимметрии в русско-китайском интерязыке. Приводятся примеры лексических единиц, с которыми могут возникнуть сложности на начальном этапе изучения русского языка как иностранного и китайского языка как иностранного. Определены возможные пути преодоления этих трудностей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, китайский язык, лексическая семантика, лингводидактика.

При изучении иностранного языка учащиеся часто сталкиваются с проблемой выбора той или иной лексической единицы, по причине того, что одно слово на родном языке имеет несколько значений или соответствий на иностранном языке и наоборот. Подобные отношения между языками, характеризующиеся отсутствием однозначных соответствий, называются асимметрией [2, с. 101]. Говорить о лексических различиях между родным языком и изучаемым иностранным языком важно по нескольким причинам. Лексические различия часто отражают культурные особенности народа, говорящего на изучаемом языке, что помогает лучше понимать и воспринимать культуру изучаемого языка. Знание лексических особенностей позволяет более эффективно общаться на иностранном языке и избегать коммуникативных неудач. Знание лексических различий помогает не допускать ошибок в переводах, связанных с «ложными друзьями переводчика» – словами, звучание или написание которых схожи, но имеют разные значения.

Целью работы является выявление некоторых различий на лексическом уровне русско-китайского интерязыка, который, по определению Л. Селинкера, является промежуточным языком, занимающим статус посредника между родным и изучаемым языком [6, с. 210], а также определить возможные пути их преодоления.

Практическая значимость данного исследования обусловлена тем, что с проблемой выбора слова встречаются большинство студентов, изучающих иностранный язык (ИЯ), а также преподаватели иностранного языка как в России, так и в Китае. Материалы настоящей статьи могут быть использованы для создания лексических упражнений, способствующих предотвращению ошибок.

Материалом исследования послужили глаголы *есть, читать, хотеть, играть*. Данные лексические единицы осваиваются на уроках русского языка как иностранного [4] и китайского как иностранного [5] уже на начальном этапе обучения, поэтому особенно важно, чтобы учащиеся хорошо понимали их значения и границы употребления.

Глаголу китайского языка 吃 chī, имеющему семантику «есть», в русском языке, в зависимости от контекста соответствуют следующие слова: 1) *есть, кушать* 吃了一碗饭 «съесть чашку риса»; 2) *пить, глотать, принимать* 吃了一服药水 «принять дозу микстуры»; 3) *кормиться, питаться; существовать, жить (чем-л.); получать пропитание (от кого-л., за счёт чего-л.)* 吃食堂 «питаться в столовой»; 4) *есть горькое; перен. подвергаться [мукам]; переносить, терпеть* 吃苦 «терпеть невзгоды» [1].

Обратимся к глаголу *читать*. Его асимметрия с лексикой китайского языка представлена следующим образом: значению «*уметь воспринимать написанный текст*» соответствуют слова 读 dú и 看 kàn (букв. смотреть) [3, с. 566], при этом, 看 используется только для обозначения чтения *про себя*; для обозначения произнесения текста вслух, используется 念 niàn (букв. думать, помнить); значению «*декламировать, читать со сцены*» соответствуют глаголы 朗读 lǎngdú, [背]诵 [bèi]sòng, 朗诵 lǎngsòng. Также для семантики словосочетания «*читать лекцию*» используется глагол 讲[课] jiǎng[kè] [1].

Некоторую сложность у изучающих ИЯ вызывает глагол *играть*, который в китайском языке представлен следующими лексическими единицами: 1) 玩 wán, 玩

耍 wánshuǎ «развлекаться», например 孩子们在花园中玩 «дети играют в саду»; 2) 打 dǎ ‘в какую-либо игру’ – 打球 «играть в мяч»; 3) 演奏 yǎnzòu «исполнять музыкальное произведение»; 弹 tán «на рояле»; 拉 lā «на скрипке, гармони»; 吹 chuī «на духовых инструментах»; 4) 扮演 bànyǎn, 演出 yǎnchū «об актёрах» [1]. По причине наличия в словаре перевода глагола 玩 wán как «играть», в речи китайских студентов достаточно часто можно услышать предложения по типу: «Я играл в торговом центре, играл в Москве». Вместо этого носитель русского языка скажет: «Я развлекался в торговом центре, проводил время в Москве».

Наиболее ярким примером, с точки зрения представления асимметрии, является лексика, которая соответствует глаголу *хотеть* в русском языке. В китайском языке есть несколько модальных глаголов, которые на русский язык мы переводим как «хочу, желаю», и мы должны чётко обозначать границы между этими глаголами. К примеру, 想 xiǎng выражает желание совершить действие, при этом делая акцент именно на том, что человек хочет чего-то, но необязательно у него есть возможность воплотить это в реальность. Например: 我想买这个东西 – «я хочу купить эту вещь» (это лишь мои мысли, возможно у меня нет на это средств, но это не запрещает мне хотеть этого). Глагол 要 yào также выражает желание что-то сделать, но при этом делается акцент на решимости. Этот глагол более сильный по сравнению с 想 xiǎng. Например: 我要去中国 – «я хочу поехать в Китай» (это значит, я уже что-то делаю для этого, оформляю визу, собираю чемодан, планирую маршрут). Глагол 愿意 yuànyì также близок по значению к глаголам 想 xiǎng и 要 yào, но при использовании этого глагола обычно имеется в виду то, чего вы особенно хотите. Например: 我愿意嫁给他 – «я очень хочу выйти за него замуж» [1].

Лексические различия между русским и китайским языками могут создавать определённые трудности на начальном этапе изучения, поэтому важно найти способ преодоления этих сложностей. Использование приёмов наглядности может помочь улучшить понимание и запоминание. Например, изучая слово «играть» в русском языке, китайским учащимся можно предложить поиграть в мяч, карты или выбрать настольную игру, которые знают учащиеся. Понимание культуры страны помогает лучше осознать,

почему определённые слова и выражения используются именно таким образом. Например, знание истории и традиций Китая может помочь понять, почему слово 龍 *lóng* «дракон» имеет положительные ассоциации, в отличие от западной культуры. А при изучении глагола «есть» в китайском языке можно обратиться к истории китайской медицины и способах употребления лекарств. Также более глубокому пониманию и запоминанию способствуют лексические или ментальные карты. Они помогают визуализировать связи между словами и их значениями, а также между словами и культурными концепциями.

Таким образом, понимание и учёт лексических различий между родным и изучаемым языком необходимы для успешного изучения иностранного языка и эффективного общения на нём. Преодоление лексических различий требует времени и терпения, но погружение в язык и культуру может сделать этот процесс не только полезным, но и увлекательным.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь // [Электронный ресурс] URL: https://bkrs.info/changes.php?view=examples_from_words (дата обращения: 20.02.2024).
2. Лекомцева И.А., Куралева Т.В. Межъязыковая асимметрия в переводе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – №1 (22). – С. 101-104.
3. Лексическая асимметрия (на материале русского и китайского языков) / Гао Ш. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-asimetriya-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov/viewer> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова (электронное издание). – 5-е изд. – СПб.: Златоуст. – 2015. – 80 с.
5. Jiang Liping. HSK Standard Course. – Beijing: Beijing language and culture university press. – 2013. – 127 p.
6. Selinker L. Interlanguage, IRAL // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1972. – № 10 (1-4). – P. 209-232.

Zotova A. B.

Pushkin State Russian Language Institute

The clash of lexical differences and ways to overcome them using the example of Russian and Chinese languages

The article considers the problem of lexical asymmetry in the Russian-Chinese interlanguage. Examples of lexical units are given, with which some complications may arise at the initial stage of learning Russian as a foreign language and Chinese as a foreign language. Possible ways to overcome these difficulties have been determined.

Keywords: Russian as a foreign language, Chinese, lexical semantics, linguodidactics.

Зуева Полина Сергеевна

Волгоградский технологический колледж

Interruptyourvacation525@gmail.com

**«Вообразим... что у нас выросли крылья»: опыт иллюстрирования
повести И.С. Тургенева «Ася»**

Работа выполнена под руководством Гайворонской-Кантомировой А.Н., кандидата филологических наук, преподавателя русского языка и литературы.

Статья содержит описание серии иллюстраций, созданных в процессе чтения и анализа повести И.С. Тургенева «Ася», исследования истории иллюстрирования произведения, а также обоснование творческого решения художника.

Ключевые слова: ассоциация, графика, контраст, иллюстрация, образ, референс.

Иллюстрирование книги решает задачи визуализации художественных образов, передачи сложнейших оттенков чувств, настроений героев при помощи рисунков. Создавая образ при помощи слова, автор «включает» читателя в действие, активизируя его воображение. Иллюстратор помогает этому, практически материализуя такое «участие», необходимое для полного и более глубокого понимания написанного.

Необыкновенную свободу воображению читателя и иллюстратора даёт повесть И.С. Тургенева «Ася». Наиболее известные иллюстрации к этому произведению были созданы К.А. Клементьевой и Д.Б. Боровским. Невозможно не учитывать этот бесценный опыт, не исследовать это духовное наследие, однако многообразие творческих подходов не отменяет возможность открытий для тех, кто только приступает к самостоятельному иллюстрированию произведений И.С. Тургенева.

Анализ текста произведения, комментариев к нему, знакомство с историей его иллюстрирования стали начальным этапом в творческой работе над созданием нового цикла иллюстраций к повести И.С. Тургенева «Ася».

В первой работе (приложение № 1) передана внешность Аси, предпринята попытка запечатлеть на рисунке невероятную красоту девушки, её волос («Её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши...» [3, с. 18]). Одна из задач – показать силу непослушных, но вместе с тем аккуратно причёсанных волос. Для этого создан контраст, выделяющий черноту кудрей. Глаза Аси изображены большими и светлыми, оживляющими её миловидное лицо, но при этом таинственными и жгучими («Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки

её слегка шурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен» [3, с. 19]). Мы постарались сделать взгляду героини с легким прищуром, чтобы глаза смотрели нежно, но пронизательно, вызывая лёгкую дрожь.

Необходимо было создать подвижный образ («Я не видал существа более подвижного» [3, с. 18]), неуловимый, передать внутреннюю драму героини, оживляющую её черты.

На второй иллюстрации (приложение № 2) также изображена Ася. В данном случае эта работа – своего рода ученическая проба: он вдохновлён иллюстрацией художницы К.А. Клементьевой. На Асе лёгкое светлое платье, подчёркивающее её хрупкость, текучесть... И это платье, волосы, беспорядочно развевающиеся по ветру, говорят о характере своей хозяйки – о её способности к сильным страстям, о жажде подвига.

Характер её натуры призван усилить очертания обрыва, на котором она сидит. Ничуть не опасаясь за свою жизнь героиня дошла до пропасти через груды развалин.

Возвышенности в отдалении добавляют изображению мотив глубины и пластичности.

Рисунок выполнен на крафтовой бумаге для передачи глубины и атмосферы времени. Её цвет имеет множество преимуществ. Например, даёт возможность использовать несколько оттенков, включая белый цвет. Это свойство позволило акцентировать внимание на коже, свете и некоторых деталях. Шарф, который держит Ася, отчетливо выписан с помощью белого, что придаёт ему лёгкость, обыгрываемую в сочетании с платьем того же оттенка. Выразительность контрастов достигается черными оттенками, гармонично вливающимися в общую картину.

Опыт такого ученичества нам показался очень интересным, и мы с уверенностью можем сказать, что примеры иллюстраций – одна из важнейших составляющих творческого процесса.

На третьей иллюстрации (приложение № 3) запечатлены расположившиеся на поляне господин Н.Н. и Гагин. Гагин – чувственный и задумчивый. Лёгкость и романтичность образу придают шляпа и белоснежная блуза. Господин Н.Н. полулежит на траве. В его руках книга. Он сконцентрирован на каком-то раздумье (очевидно, он размышляет о значении художника в современную ему эпоху, – об этом чуть позже он заведёт разговор с Гагиным). Холмистая долина позади молодых людей, визуально продолжающая солнечную поляну, стройные деревья, густая трава взаимодействуют гармонично. Выполненная в графике работа выглядит ярко, и её легко представить в цвете.

Определяющим для создания четвертой иллюстрации (приложение № 4) стал следующий фрагмент повести: «Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Перевозчик, бодрый старик, с напряжением погружал весла в темную воду.

– Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, – закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

– Прощайте! – раздался опять ее голос» [3, с. 20–21].

На рисунке изображена Ася, прощающаяся с господином Н.Н. Она машет ему рукой из слабо, но тепло освещённой комнаты. Ниже вьются кусты винограда, занимающие половину композиции. Виноградник – у самого берега, от которого несколько минут назад отчалила лодка с Н.Н.

Серебристый диск луны выделяется на тёмном небосводе, холодно освещая малую часть пространства земли и воды. Листья винограда отражают свет, подобно зеркалам. Неосвещённые вода и горизонт кажутся угольно-черными. На небе не видно звёзд, всё внимание привлекает разбитый лунный столб. Тёплый свет из окна ложится на спину и волосы Аси и гармонично вписывается в общую картину, контрастируя с блеском холодной луны.

Иллюстрация выполнена в технике графика. Акцент сделан на белом цвете, передавшем свойственное луне бледное свечение и чётче обозначившем разбитый лунный столб, обеспокоивший Асю.

Замечание Аси – глубокая художественная метафора. Смысл асиных слов раскроется в финале повести. Многие словари символов характеризуют луну как женский образ. Так, в «Энциклопедии символов, знаков и эмблем» К.М. Королёва встречаем: «Астрологически луна представляет принципы бессознательного, души, женского начала, памяти, интуиции» [2, с. 334]. Ася предчувствует разлуку. Н.Н., разбивший лунный столб, обрекает любовь, мечты и надежды обоих героев на гибель. Далее в энциклопедии читаем: «При поражённой луне человек постоянно сам о себя «спотыкается», сам себе враг» [2, с. 334].

Пятая иллюстрация (приложение № 5) запечатлён фрагмент, описывающий встречу Н.Н. и Аси в комнате героини. На переднем плане – стоящая, смотрящая в окно Ася. Её руки скрещены на груди. Взор устремлён в неведомую даль. Она полностью погружена в свои мысли. На её плечи наброшена длинная шаль (как в описании Тургенева). Мы сделали шаль кружевной, чёрной, эффектно подсвеченной тканью белоснежного шифонового платья, подчеркнув детали.

Белая цветовая гамма гардин согласуется с платьем героини. Исследователь Игорь Турбанов, анализирувавший тексты И.С. Тургенева, замечает, что белый и белизна «для

тургеневского видения <...> фиксировали, скорее, частичное исчезновение вещей, даже самых привычных <...>. Это присутствующее отсутствие, которое дезориентирует даже такой умудрённый глаз, как у тургеневского рассказчика и самого писателя» [1]. В действительности в тургеневском тексте в данном фрагменте белый не упоминается, однако не называется и какой-либо другой, потому выбран был именно белый – в соотнесении с ассоциацией зияющего отсутствия (искренности, благородства и смелости у Н.Н.).

За окном открывается вид на улицу городка З. Вверху – настенные часы, у стены – стул. Жёлтый цвет – пятно – использован неслучайно. Символика этого цвета разнообразна и даже противоречива. В «Учении о цвете» И. Гёте отмечает общее тёплое и приятное впечатление, производимое жёлтым цветом, однако «незначительное и незаметное движение превращает прекрасное впечатление огня и золота в ощущение гадливости, и цвет почета и радости переходит в цвет позора, отвращения и неудовольствия» [4]. Такое значение имеет жёлтый цвет здесь.

Эта иллюстрация представляется наиболее важной, поскольку сообщает о наивысшем эмоциональном напряжении героини, словно предчувствующей драматическую развязку, которая вот-вот произойдёт.

Заключительная иллюстрация (приложение № 6) относится к фрагменту, в котором рассказчик, вспоминая о романтической истории спустя многие годы, держит в руках высушенный цветок, подаренный некогда Асей. Руки лежат на книге, той, в которой хранятся Асины записки. Старческие руки акцентируют внимание на идее необратимости времени, его быстротечности. Цветок, выполненный в ярких фиолетовых тонах, бросается в глаза, несколько выбиваясь из всей композиции. Тем он и обращает внимание на свою символическую сущность: в нём всё самое дорогое для героя: тёплые воспоминания, трепет души, найденная, но не сохранённая любовь всей жизни.

Иллюстрация выполнена карандашом с добавлением цвета. Светлая бумага книги сосредоточивает внимание на иссохших руках.

Создание иллюстраций – кропотливый труд. Но сам процесс рисования приносит удовлетворение, духовную и творческую пользу.

Литература

1. Глаз и цвет: Семантика и символизм белизны / Турбанов И. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/glaz-i-tsvet-semantika-i-simvolizm-belizny>, (Дата обращения: 23.02.2024 г.).
2. Королёв К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – Москва : Эксмо. 2008. – 608 с.
3. Тургенев И.С. Повести о любви. – Москва: Де Агостини, 2016. – 436 с.

4. Учение о цвете. Теория познания. / Гёте И. // [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/read/gyote_iogann/uchenie_o_tsvete_teoriya_poznaniya.html#0 (дата обращения: 21.02.2024).

Zueva Polina Sergeevna

Volgograd College of Technology

“If only you and I were birds”: illustrations for Ivan Turgenev’s *Asya*

The article contains a description of a series of illustrations created by the article’s author for Ivan Turgenev’s *Asya*, as well as the research of the novel’s illustration history and some comments on the artistic methods and techniques.

Key words: association, graphics, contrast, illustration, an image, reference.

Приложения.

Приложение № 1:

Приложение 2:

Приложение № 3:

Приложение № 4:

Приложение № 5:

Приложение № 6:

Иванова Валерия Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ivava13@yandex.ru

Эстетика массовой культуры постреализма и интертекстуальность в рэп-текстах Вячеслава Машнова

Работа выполнена под руководством Кравченковой Евгении Алексеевны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматривается эстетика массовой культуры постреализма России на примере текстов исполнителя Вячеслава Машнова, известного как Слава КПСС. Автор анализирует тексты песен 2020-х годов, выявляя способы интеграции культурных кодов и символов, а также механизмы формирования смыслового пространства и образов.

Ключевые слова: Машнов, постреализм, массовая культура, интертекстуальность.

Вячеслав Валерьевич Машнов (родился 9 мая 1990 года) – российский рэп-исполнитель, участник рэп-баттлов и представитель петербургского андеграунда, получивший широкую известность в 2017 году после баттла с Мироном Фёдоровым, известным как Охххуm1ron – одним из наиболее коммерчески успешных рэп-исполнителей России. Машнов – основатель контркультурной формации «Антихайп». Однако, парадоксальным образом, стремление участников объединения к нонконформизму, отрицание популярных культурных тенденций, привлекло внимание общества и СМИ, сделав формацию массово популярной.

Главные особенности творчества Вячеслава Машнова, характерные для современной культуры: 1) перегруженность аллюзиями (обращение к образам прошлого и настоящего); 2) комическое начало (ирония, сарказм); 3) интертекстуальная насыщенность, компенсирующая отсутствие сюжета; 4) «деканонизация», борьба с традиционными ценностными центрами.

Одна из ключевых особенностей творчества Вячеслава Машнова – использование автором разных сценических имён в зависимости от проекта. Среди наиболее известных псевдонимов: Слава КПСС, Гнойный, Соня Мармеладова, Валентин Дядька и Бутер Бродский. Все эти образы реализуются параллельно, о чём свидетельствует композиция «Мы из Антихайпа» (2019 год), где присутствуют куплеты нескольких творческих образов Машнова: Славы КПСС, Валентина Дядьки, Сони Мармеладовой, Воровской лапы. В другом примере – «Выдр King» (2021 года) – реализуется совместное произведение Воровской Лапы и Валентина Дядьки. Каждый из упомянутых образов исполнителя обладает собственными особенностями в мотивах творчества и в прочтении материала.

Реализация данных образов в цифровой среде осуществляется различными способами. Слава КПСС и Валентин Дядька представлены отдельными страницами на стриминговых площадках, Гнойный и Соня Мармеладова – сценические псевдонимы для выступлений на баттлах. В то же время, Бутер Бродский не представлен как отдельный исполнитель на платформах онлайн-стриминга: его присутствие ограничивается упоминанием сценического имени в названиях альбомов Славы КПСС: «Бутер Бродский» (2019 года), «Бутер Бродский 2» (2022 года) и мини-альбома «Lil Бутер» (2021 года).

В постоянных релизах текстов под вариативными образами видится открытость автора к хаотичности и релятивности бытия. На уровне авторского сознания отчётливо выделяется попытка постигнуть его логику и нащупать связи между явлениями (обращение к образам прошлого и нынешнего времён). Это служит базисом для постреализма как художественного метода [2, с. 41].

Одним из ярких собраний массовых образов в творчестве Славы КПСС является микстейп «Ангельское TRUE», вышедший в 2022 году. На обложке представлен образ шестикрылого ангела. В микстейпе большое количество треков, написанных в соавторстве с российскими исполнителями: Gokilla (Артур Исмаилов), DEAD BLONDE (Арина Буланова), руrokinesis (Андрей Федорович), СМН (Руслан Тушенцов), aikko (Владислав Кособуцкий), BOOKER (Фёдор Игнатъев), The Cold Dicks (автор группы – Андрей Жильцов), Дима Бамберг, ДК (Данила Кашин), Lida (Николай Ромадов), Джигли (Михаил Чудаков), Мэйби Хмурый. Вячеслав Машнов открыт к сотрудничеству с другими музыкантами, не боится

экспериментировать и не следует стереотипам, что характеризует его как представителя современной культурной жизни.

Рассмотрим некоторые треки из данного микстейпа, разберём тексты и выделим образы, использованные для создания настроения.

Вячеслав Машнов иронически изображает современное общество в ряде треков: «Космос», «Закалка», «НЕ РАБОТАЙ НА ДЯДЮ» и «Ленинград».

Трек «Космос» посвящён взаимодействию парня и девушки, между которыми культурный барьер – полное непонимание. Лирический герой признаётся в своей примитивности: *«Что такое дискурс не проходил (Нет) // Я в музеях, универах, — мимокрокодил // Всё, что говорю я, — дико банально // Стыдно, я не знаю чё за психоанализ // Надо было больше учиться // Знаю только, кто такой Саске Учиха»*. Собеседники воспринимают одни и те же образы по-разному ввиду своих знаний и предшествующего опыта, что привело к вариациям интерпретирования говоримого. Девушка пересказывает их диалог: *«Я начинаю пояснять тебе за Шрёдингера // Ты меня просишь скинуть мемы с фоткой этого кота // Окей, а как тебе ваще Леонардо да Винчи? // Черепашки — клёвый кинчик, а причём тут «Дай Винчик?»*». Девушка рассказывает молодому человеку о мыслительном эксперименте «Кот Шрёдингера», спрашивает его мнение об итальянском художнике и учёном, но партнёры не понимают друг друга и говорят о разных вещах. Лирическая героиня признаёт, что они по-разному воспринимают мир, поэтому говорит, что «такие союзы обычно держатся долго».

«Биография» – опыт изложения исполнителем своей жизни от рождения в Хабаровске в 1990 году до февраля 2022 года. Первая реплика текста является отсылкой на открывающую строчку песни «Биография» группы «Кровосток»: *«Я родился в Москве в 70-м на краю города»* (2004 год). Упоминая ключевые образы своего детства на Дальнем Востоке, автор раскрывает тяжесть периода 90-х – 2000-х: 1) близкие люди: отец, мать, бабушка, дед, сестра и братья Курские; 2) места и время: Хабаровск, общежитие, деревня, лес, приморская тайга, летние каникулы, дом на дереве, «времена голодные», хлебозавод, на котором работали родители; 3) воспоминания и события: корнёвка (поиск и сбор корня дикорастущего женьшеня), наказания бабушки, кидание камня в собаку, стрельба по воробьям и трупик одного из них на руках героя, криминальная деятельность отца, переезд, переводы в другие школы, жизнь по уголовным понятиям хабаровских школьников, развод матери и отца, слёзы матери, зависимости отца. Упоминается ряд писателей, книги которых повлияли на детство и на становление героя: *«Толкин, Перумов, Лукьяненко»*. Это перечисление

происходит пофамильно, что создаёт эффект дистанции и близости между писателями и героем-читателем, рассказывающем нам о значимости этих писателей для рассказывающего.

В припеве автор признаётся: *«Горький бы не взял меня в «Союз писателей» // Ведь за каждым человеком стоит биография»*. На одной из своих прямых трансляций Вячеслав объяснил данные строчки. По его словам, Горький считал, что любой человек, изложив свою биографию, напишет неплохую литературу. А чтобы быть писателем, нужно иметь нечто большее, чем описание собственного прожитого опыта. В творчестве российских исполнителей Метох (Алексей Самсонов) и MACAN (Андрей Косолапов) также раскрывается тема реальных жизней исполнителей – в треках «Биография» (2022 год).

«РКН» (расшифровывается как «Роскомнадзор») – работа Андрея Федоровича (псевдоним – руrokinesis) и Вячеслава Машнова, рассматривающая феномен цензурирования службой интернета тем-табу. Явления, использованные в тексте, на которые обычно обращает внимание «Роскомнадзор», скрыты под названием службы: *«Я хочу с собой сделать Роскомнадзор // Я устал скрывать от всех, я Роскомнадзор»*. В тексте композиции интертекстуальны строчки: 1) «Вечность пахнет пустотой и врачебной чистотой палаты» – это отсылка на фразу Егора Летова, неоднократно повторяющуюся в песне «Русское поле экспериментов» (1989 год): *«Вечность пахнет нефтью»*; 2) «Запрещённый человек, жертвы сами виноваты» — термин «запрещённый человек», который любил использовать Эдуард Лимонов. Данное словосочетание встречается в другом тексте Вячеслава Машнова – в «Комнате» (2020 год): *«Я — запрещённый человек, перегнулся прутик»*.

На обложке композиции два красных глаза, которые являются отсылкой сразу к двум персонажам — Кену Канеки из популярного японского аниме «Токийский гуль» и образу малиновой девочки (метафора смерти) из песни Гражданской обороны «Непрерывный суицид» (1990 года). Вследствие этого в тексте появляется образ взгляда, который *«откровенней, чем сталь клинка»*.

«Диско-кактус» – песня, написанная под впечатлением от биографии Сергея Курёхина – представителя жанра фри-джаз. Особое влияние на создание этой композиции оказал тот факт, что исполнитель Сергей Курёхин любил кактусы и мог определять их вид на глаз. Вячеслав Машнов решил увековечить себя в образе данного суккулента и внедриться в их классификацию, представив новый вид – диско-кактуса: *«Я Диско-Кактус // Обними, уколись, отойди обратно»* и *«Я нерукопожатен // да, я человек-кактус»*. Стоит отметить, что род дискокактус действительно существует, но пишется слитно. Вячеслав Машнов даёт комментарий в тексте своему творчеству, представляя его свободным жанром музыки, строящегося вокруг импровизации. Он говорит, что его фри-джаз – это комментарий к эпохе.

В треке большое количество антропонимов, помогающих раскрыть образы: Сергей Курёхин, Михаил Шац, Брутто, Пётр Павленский, Артур Бабич, Папич, Эрнст Юнгер, Карлсен Магнус.

Другая грань творчества Вячеслава Машнова – депрессивный речитатив и акустические номера. В творчестве рэп-исполнителя значительное место отведено серьёзным вопросам и темам. Например, теме смерти. Рассмотрим, насколько разносторонне она раскрывается в творчестве Вячеслава Машнова на примере трёх песен: «Катафалка» (2023 год), «Сказка необратимой смерти» (2023 год) и «Я убью себя» (2020 год).

«Катафалка» (2023 год) – изменённый вариант песни Вячеслава Машнова 2014 года, где отсутствуют соисполнители. Катафалк – транспортное средство, предназначенное для перевозки гроба. Лирический герой *«за рулём своего катафалка» «сгнившими до костей культами»* крутит баранку, рулевое колесо автомобиля. Он хоть и жив физически, но духовно уже мёртв. Этим характеризуется его манера вождения, он не боится попасть в ДТП и разбиться, поэтому *«катафалк пролетает на красный»*.

«И белых туфель лаковых не надо брать в кредит, они уже твои» – строчка, которая раскрывается дополнительно благодаря аудиосопровождению. *«Белые туфли лаковые»* – предмет, который герой готов взять в кредит, не имея материальных средств для их приобретения. После фразы *«не надо брать в кредит»* слышен звук резко тормозящей и врезающийся машины. Возникает ассоциация, что сбили человека, поэтому адресату лирического героя уже не нужно брать кредит, белые туфли уже будут приобретены для похорон.

«Сказка необратимой смерти» (2023 год) — восьмиминутный монолог-рефлексия на тему смерти. Главная особенность трека – поток сознания как художественный приём.

Текст начинается строчкой: *«Сначала было небытие, потом я отвлёкся — // И уже потом было слово»* — отсылкой на первые строки Евангелия от Иоанна (Нового Завета): *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. (Ин.1:1-2)»* [1].

В начале сказки лирический герой сообщает нам, что постоянно думает о смерти (*«я со смертью сросся»*). Он пытается принять чувство одиночества и психологический принцип «зеркало», обращаясь к себе во втором лице: *«Всё, что ты видишь в других — только твоё»*. В аудиосопровождении мы слышим его ответ: «Это я понял». Затем герой вспоминает своего умершего дедушку: когда-то это был статный мужчина, который вскоре «угас» из-за раковой болезни. Интересно, что рассказчик признаётся (уже в первом лице), что когда-то написал альбом «Солнце мёртвых» (2017 год), хотя не читал одноимённую книгу И.С. Шмелёва.

Образ рассказчика сливается с образом автора-исполнителя: обращение по форме имени «Слава», упоминания альбома «Солнце мёртвых» 2017 года и размера ноги.

На протяжении «Сказки» автор рассуждает о спасении от смерти, создавая аллюзии на тексты песен современности, выражения, книги и героев.

«Сказка» заканчивается в потоке сознания фразой булгаковского героя Воланда из романа «Мастер и Маргарита» («Человек, внезапно, смертен»), упоминанием Достоевского, видящего смертность человека его родовым проклятием, а в действительности героя – сообщением медсестры, зашедшей в палату и сообщившей о том, что опухоль неоперабельна.

«Я убью себя» (2020 год) – постироническое изложение на тему желания героя покончить с собой. Мы видим гиперболизированный образ лирического героя, который предстаёт эгоцентричным персонажем: «крутится вокруг меня земля». Мы видим абсурдный образ бытия с причинно-следственными связями и маску, за которой прячется исполнитель.

Вячеслав Машнов в своих текстах обращается к культурному наследию прошлого и настоящего как объекту игрового освоения, иронического цитирования и ситуационного переосмысления, которые позволяют создавать скрепы для существования в абсурде. Автор осознаёт трагическую природу бытия и воспринимает человека как множество версий и моделей жизни.

Литература

1. Евангелие от Иоанна // [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Jn.1&r> (дата обращения: 15.02.2024)
2. Чурляева Т.Н. Современные литературные тенденции: учеб. пособие / Т.Н. Чурляева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ – 2010. – 116 с.

Ivanova V.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Aesthetics of Post-realism mass culture and intertextuality in Vyacheslav Mashnov's rap lyrics

This article examines the aesthetics of Russian post-realism mass culture on the example of lyrics of performer Vyacheslav Mashnov (Slava KPSS). The author analyzes the lyrics of songs of the 2020s, revealing the ways of integration of cultural codes and symbols, as well as the mechanisms of formation of semantic space and images.

Keywords: Mashnov, postrealism, mass culture, intertextuality.

Иночкина Варвара Игоревна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

varvarai2004@mail.ru

Советская система образования: эффективность и преимущества

Работа выполнена под руководством Третьяковой Ирины Анатольевны, кандидата исторических наук, доцента

В статье рассматривается советская система образования, ее истоки и последующее совершенствование, исходя из поставленных государством задач. Целью исследования является комплексный анализ политики государства в образовательной сфере, анализируются проводимые реформы и их содержание в разные исторические периоды. На основе изложенных фактов автором делается вывод об эффективности и преимуществах советской системы образования

Ключевые слова: образование, советская система, форма обучения, студент, преподаватель

Вопрос о качестве образования во все времена являлся приоритетным и дискуссионным. На данный момент существует множество систем, методик и учебников, однако, остается открытым вопрос, почему нынешний уровень образования значительно ниже, чем 30 лет назад. Обратившись к истории системы образования в советский период, мы сможем ответить на вопрос, почему именно эта система все еще считается лучшей в мире. И.П. Костенко утверждает, что в период с 1931 по 1956 гг. в сфере образования произошло возрождение традиционных форм обучения (классические учебники Киселева, Рыбкина и др.), которые являлись наиболее эффективными, что и привело к скачку качества образования [4].

Традиционная форма обучения подразумевает классно-урочную систему, в которой педагог, являющийся единственным действующим лицом в учебном процессе, передает учащимся, выступающим в роли слушателей, по заранее подготовленному плану блоки знаний воспроизводящего типа.

И.П. Костенко приводит методологические принципы традиционной формы обучения, использовавшиеся в СССР с 1930 г.:

1. *Принцип сознательности* усвоения знаний. Заучивание не является способом обучения;
2. *Принцип системности* и последовательности преподавания материала учащимся;
3. *Принцип предметного обучения*. Обучение целыми блоками;
4. *Принцип постепенности*. Усвоение нового материала тогда, когда усвоен старый;
5. *Принцип учета возрастных особенностей* детей в усвоении материала;
6. *Принцип систематического повторения* и закрепления пройденного;

7. *Принцип стабильной организации учебного процесса* (основная форма занятий – урок, стабильные учебный план, программа, расписание, систематический учет знаний, ежегодные проверочные испытания, стабильная классная комната, индивидуальное учебное место и др.) [3].

Упомянем статью №121 Конституции СССР, которая доказывает, что образование в каждой республике СССР являлось приоритетным для решения политических и экономических задач Советского Союза. Вера в идеологию светлого социалистического будущего давала обществу некую мотивацию к получению образования для того, чтобы работать на благо страны. Обеспечение населения рабочими местами, а также жильем было основополагающим фактором для получения различных профессий для пролетариата, закончившего то или иное учебное заведение [1].

Декрет СНК РСФСР от 10 октября 1918 г. «О введении новой орфографии» дал возможность широким массам населения в облегченном виде усваивать русскую грамоту. С 15 октября того же года все печатные издания, документы, сборники и т.д. обязывались перейти на новую орфографию [5, с. 17].

9 ноября 1917 г. была учреждена «Государственная комиссия по просвещению», которая делилась на отделы, охватывающие все проблемы образования. В том числе, Министерство производило различные реформы, учреждало пути развития образования, необходимую литературу для обучения во всевозможных учебных заведениях в сотрудничестве с профессорами и педагогами. [5, с. 9].

Школьная система образования также была подвергнута ряду реформ с целью охвата большего количества подрастающего поколения. В 1918 г. появилась единая система совместного и бесплатного общего образования с двумя ступенями, а именно 1-я ступень – 5 лет обучения и 2-я ступень – 4 года обучения. Это было закреплено в «Положении о единой трудовой школе» и «Декларации о единой трудовой школе».

В результате к середине 1920-х годов в РСФСР сложилась следующая система школьного образования: начальная школа (1-я ступень) с четырехлетним сроком обучения; семилетняя школа как фундамент всей школьной системы; школа 2-й ступени (девятилетняя средняя школа); фабрично-заводские семилетки – разновидность семилетней школы в промышленных центрах и районах; школа крестьянской молодежи, являющаяся продолжением школы 1-й ступени для сельской молодежи; школа фабрично-заводского ученичества преимущественно для рабочих подростков с профессиональной установкой, но с сохранением общеобразовательных знаний в объеме семилетней школы; рабочий

факультет, дававший среднее образование рабоче-крестьянской молодежи, поступающей затем в своем большинстве в высшие учебные заведения [2].

Статья № 24 «Основ законодательства союза ССР и союзных республик о народном образовании» об «Внеклассной работе в общеобразовательной школе» гласит, что в общеобразовательных школах проводились во вне учебное время внеклассные работы. Это были мероприятия по углубленному изучению тех или иных сфер деятельности, которым способствовали трудовые коллективы различных предприятий [10].

25 августа 1932 г. вышло Постановление ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режимах в начальной и средней школах» [9]. ЦК предложил перераспределение учебного материала в соответствии с возрастными особенностями; разработать методики преподавания по отдельным дисциплинам; систематизировать учет знаний учащихся; к 1 января 1933 года организовать подборку и рассылку наиболее необходимых книг всем педагогам; в кратчайшие сроки организовать обучение учителей, в особенности учительской методике. Главный акцент был сделан на учителей, так как только они могли поднять качество образования. Для педагогов создали все необходимые условия (методика, учебные пособия), и это помогло в кратчайшие сроки достичь поставленных целей по улучшению качества образования. Значительно был поднят престиж учителя, так как его главной целью было научить сознательному усвоению материала.

По данным статистики «Народного хозяйства СССР за 70 лет «число учащихся в 1914-1915 гг. в средних специальных учебных заведениях составляло 54,3 тысячи человека, а в 1986-1987 гг. число учащихся достигло 4485 тысяч человек [7, с. 18-19].

В соответствии с «Положением о Высших учебных заведениях СССР» от 22 января 1969 г. можно утверждать, что основными задачами высших учебных заведений являлись «подготовка высококвалифицированных специалистов с глубокими теоретическими и необходимыми практическими знаниями по специальности, владеющих марксистско-ленинской теорией, новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники, воспитанных в духе высокой коммунистической сознательности, советского патриотизма, дружбы народов и пролетарского интернационализма, обладающих навыками организации массово-политической и воспитательной работы» [8]. По окончании обучения студент получал работу по специальности.

Одной из важнейших задач высшего учебного заведения является «повышение квалификации преподавательского состава высших и средних специальных учебных заведений, а также повышение квалификации специалистов с высшим образованием, занятых в соответствующих отраслях народного хозяйства», а также «постоянное

совершенствование качества подготовки специалистов с учетом требований современного производства, науки, техники, культуры и перспектив их развития» [8].

Студенты имели право на научно-исследовательскую работу. Высшие учебные заведения участвовали во внедрении в народное хозяйство результатов своих исследований, а также пропагандировали достижения науки, техники и культуры. Это давало огромный потенциал к развитию как самого студента, так и экономики страны.

1960-1970 гг. можно охарактеризовать как некий подъем в сфере образования. Несмотря на некоторые неудачи в политико-экономическом развитии страны, продолжался рост числа учебных заведений, в том числе и потому, что на них имелся внушительный спрос. Возможность учиться и работать одновременно, а также гарантия дальнейшего трудоустройства привлекало значительную долю населения. Согласно данным сборника «Народного образования и культуры СССР», количество специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, с 1970 по 1988 г. увеличилось с 8 653 тыс. человек до 16 млн. [6 с. 12]. Количество высших учебных заведений с 1970 по 1988 г. выросло с 805 до 898, то есть были открыты (в том числе путем реорганизации) 93 вуза. Выпуск специалистов увеличился в этот же период с 0,6 млн человек до 0,8 млн [6 с. 7]. Во многом активный рост выпускников вузов predetermined «застой»: государство не предоставляло нужного количества рабочих мест.

Советская система несколько расходилась с зарубежными моделями высшего образования. Например, для германской модели высшего образования была характерна идея «единства исследовательской и преподавательской работы». А в университетах Великобритании основное внимание уделялось развитию индивидуальных способностей студентов [11, с. 11-15]. В отличие от схожих тенденций в странах Европы и Америки, развитие образовательной системы СССР целиком зависело от потребностей государства и государственной плановой экономики.

Реорганизация учебного процесса и систематизации на базе традиций привело к потрясшему весь мир взлету советской науки и техники: первый в мире искусственный спутник земли Спутник-1 (1957 г.); первый человек в космосе – Юрий Гагарин (1961 г.); успешные испытания атомной бомбы (1949 г.); автомат Калашникова, созданный в 1947 г. Для такого прорыва недостаточно талантливых людей, нужно внушительное количество подготовленных специалистов в разных сферах науки и техники, что удалось реализовать Советскому государству путем введения традиционных форм обучения и реформации системы образования в соответствии с текущими экономическими задачами.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного можно утверждать, что созданная в советский период система образования стала лучшей в мире. В 1920-1930 гг. Советский Союз комплексно модернизировал систему образования в соответствии с тенденциями научно-технического прогресса. Возвращение к традиционным формам обучения в период с 1930 г. по 1956 г. дало огромный скачок в качественном массовом образовании населения. Все педагоги получали необходимые пособия по обучению, что экономило их время, которое они могли посвятить как самообразованию, так и преподаванию. Учитель был неоспоримым авторитетом, который формировал идеологические и жизненные взгляды человека. Образование в СССР рассматривалось как способ жить и работать на благо государства, как способ подняться по карьерной лестнице. Изучение обширного количества наук в школьный период формировало широкий кругозор и свою точку зрения на каждую проблему. Другим важнейшим фактором обучения стало практическое применение образования. Активный рост экономики во многом зависел от качества образования работающих специалистов, что заставляло государство уделять самое пристальное внимание качеству системы образования.

Литература

1. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (Основной закон). – Москва, 1970. – С. 26.
2. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. Советская школа и педагогика в период восстановления народного хозяйства и социалистической индустриализации (1921-1930) // [Электронный ресурс] URL: <http://student.km.ru/>.
3. Костенко И.П. Проблема качества математического образования в свете исторической ретроспективы: монография / И.П. Костенко. – 2-е изд. – Москва, 2013. – 502 с.
4. Костенко И.П. «Реформы» образования в России: цели, результаты, уроки / И.П. Костенко. – Москва : Народное образование, – 2019. – № 1. – С. 53-67.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / Составители: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. Москва : Педагогика, 1974. – 560 с.
6. Народное образование и культура в СССР: стат. сборник. – Москва : Финансы и статистика, 1989. – 404 с.
7. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
8. Постановление Совмина СССР от 22.01.1969 N 64 (ред. от 29.12.1989) «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях СССР» // [Электронный ресурс] URL: https://e-ecolog.ru/docs/wdyGJBLIVxAWJOt1_I5gd/1 (дата обращения: 06.03.2024).

9. Постановление ЦК ВКП(б) от 25.VIII.1932 г. Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе. Приложение № 6 к п. 19 пр. ПБ №113 // [Электронный ресурс] Исторические материалы. – URL: <https://istmat.org/node/57330> (дата обращения: 06.03.2024).
10. Закон СССР от 19.07.1973 N 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // [Электронный ресурс] URL: <https://e-ecolog.ru/docs/QMJZ0fgvvk2hSSwFj9z0j> (дата обращения: 06.03.2024).
11. Шаповалов В. А. Высшее образование: современные модели, перспективы развития. – Ставрополь : СГУ, 1996. – 76 с.

Inockina Varvara Igorevna

Pushkin State Russian Language Institute

The Soviet education system: efficiency and benefits

The article examines the Soviet education system, its origins and subsequent improvement, based on the tasks set by the state. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the state's policy in the educational sphere, analyzes the ongoing reforms and their content in different historical periods. Based on the facts presented, the author concludes about the effectiveness and advantages of the Soviet education system

Keywords: education, Soviet system, form of education, student, teacher

Иосифова Анна Зиновиевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

iosif.anuta@yandex.ru

Пищевой код в русской культуре весенних праздников

Работа выполнена под руководством Брагиной Натальи Георгиевны, доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются семиотические, кодовые аспекты весенних праздников на материале романа И.С. Шмелёва «Лето Господне». Особое внимание уделено праздничным символам Пасхи, так как этот праздник является одним из важных в русской православной культуре. Объектом исследования служат символы жаворонков (куликов), пасхального кулича, яйца, творожной пасхи, рассматриваемые через призму языческих и христианских традиций

Ключевые слова: символ, весенние праздники, наблюдатель, пищевой код, цвет

Понимать праздничную культуру – значит осознавать ее семиотику, как код, уметь устанавливать значение используемых в ней знаков и расшифровывать тексты, составленные из них. Невозможно почувствовать русскую культуру без важных традиционных праздничных блюд, отражённых в русской литературе. На мой взгляд, самым удачным в русской литературе источником отражения пищевого кода служит роман И.С. Шмелёва

«Лето Господне», где представлен весь цикл православных праздников. Литературный критик и близкий друг Шмелева Иван Ильин писал, что Шмелёв – истинно русский писатель. Он как никто другой смог прочувствовать и понять русскую душу, обозначить в произведении важные праздничные символы, в числе которых праздничный хлеб. Хлеб можно отнести к священным, так как он имеет несколько трактовок: хлеб Господа, хлеб ангелов, небесный, мистический. Угощать священным хлебом – значит претворять тело господа в хлеб и делиться этой радостью с окружающими. Не случайно в русском языке можно встретить поговорку *Встречать с хлебом да солью*. Хлеб в Библии – благословение Господа, гостеприимство [2, с. 215]. Поэтому герои Шмелёва делятся праздничной выпечкой со своими близкими и рабочими.

В романе И.С. Шмелёва «Лето Господне» глава «Пасха» открывается с грустных воспоминаний наблюдателя о прошедших ранних весенних праздниках, а именно – Сорока мучеников, основным символом которого выступают жаворонки: *«...на Сорок Мучеников прилетели и жаворонки. Каждое утро вижу я их в столовой: глядят из сухарницы востроносые головки с изюминками в глазках, а румяные крылышки заплетены на спинке. Жалко их есть, так они хороши, и я начинаю с хвостика»* [7, с. 26]. Птицы являются символом божественной сущности, свободы, вдохновения. В системе стихий они соотносятся с воздухом, с верхом. За различными видами птиц закреплена собственная символика. Шмелёв использует приём языковых вариаций путём художественной визуализации. Читатель видит то, чего не было: прилетевшие жаворонки оказываются в сухарнице у фокализатора. Этот термин в семиотике используют по отношению к наблюдателю. Автор применяет приём эллипсис: пропуск статичного глагола *лежали* по отношению к жаворонкам. Интересным представляется бинарность в использовании динамичного глагола *прилетели* и статичного глагола *лежали*. Динамичный глагол стоит в форме СВ, а статичный – НСВ. Это создаёт оппозицию двух противоположных лексем. То, что речь идёт об одном агенте, показано при помощи использования приёма когезии: *«на Сорок Мучеников прилетели и жаворонки. Каждое утро вижу я их в столовой»* [7, с. 26]. В начале автор называет агента *жаворонки*, а потом употребляет личное местоимение в форме Родительного падежа *их*, тем самым, создавая связь, между движущимся символом и статичным, пребывающим в сухарнице. Стоит отметить и смену пространства. Сначала оно представляется широким, открытым, горизонтальным, после чего фокализатор сужает его до узкого – *сухарницы*. Перед читателем показана бинарность отношений – внешнее пространство противопоставлено внутреннему, переход из одной картины мира в другую. Агент показан от запредельного мира дали до предельного мира «я». Это позволяет свести

два понятия в один и придать неживому предмету свойства живого путём использования художественного приёма *одушевление*. Автор применяет глаголы конкретного физического действия: *прилетели и глядели*. Фокализатор 1 – герой сначала смотрит вверх на объект, а затем на его роль вступает фокализатор 2 – жаворонок. Субъект и объект наблюдения точно меняются местами в отношении действия «*смотреть*». Создаётся обратная связь, за которой проступает антропоморфность фокализатора 2. Жаворонки наделяются человеческими качествами. Именно поэтому фокализатор 1 испытывает эмоцию «*жалости*» (жалко есть). Состояние бытия выступает в противоположность деланию.

Стоит сказать, что символ жаворонки выступают как бы изотопом времени, являются символом наступившей весны и, согласно христианским традициям, символом сорока мучеников. Как известно, этот христианский символ появился в память сорока воинов – христиан, которых римский император Ликиний повелел нагими поставить на ночь на лёд Севастийского озера [2, с. 59]. В народе этот день называют *Сороки* - полагают, что в этот день из тёплых краёв прилетает 40 птиц (жаворонков или куликов), которые приносят на своих крыльях тепло и весну. Существует поверье: *В чьё поле спустится жаворонок – тому удача*. В этот день на восточнославянской территории принято печь из теста специальное обрядовое печенье – сорок булочек в виде птичек- жаворонков и есть их. В Курской, Орловской и Воронежской областях такие печенья называют – кулики, а в Московской, Рязанской, Калужской – чувильки, чивильки. Видно, такая трактовка названий обрядового весеннего печенья зависит от звукоподражательной функции: чивильк и кулик. С помощью этого обычая люди ускоряют приход весеннего тепла и будят силы природы. Этот обряд называется «*кликаньем*» весны, переход из состояния сна в движение.

Ещё одним символом переходного состояния служит обычай выпекать *крестопоклонные кресты*. Как отмечает Шмелев в романе «*Лето Господне*»: «*В субботу третьей недели Великого поста выпекаются «кресты»: подходит «Крестопоклонная»* [7, с. 26]. *Кресты* – особенное печенье, с привкусом миндаля, рассыпчатое и сладкое; где лежат поперечинки *креста* – вдавлены малинки из варенья, будто гвоздочками прибито. Такое лакомство выпекали ещё в древности как знак утешения во время поста. Переломив крест, в прежние годы говорили: «*Половина креста – половина поста*». По поверью такие Кресты защищают дом и домочадцев от всего плохого. Ведь крест как орудие победы Христовой. Название *кресты* мотивировано их формой. Исследователь *Н.М. Сумцова* считает, что обрядовое употребление *крестов* выражает христианские воспоминания о Спасителе и святых, прославляет Христа. Она относилась средокрестные *кресты* к особой категории обрядового хлеба. Крест символизирует оберегающий знак от нечистой силы.

За Крестопоклонной средой и Днём сорока мучеников следует *Пасха* – главный праздник православных христиан. У этого праздника есть три основных символа – *пасхальный кулич, яйцо и творожная (сырная пасха)*. Шмелёв описывает приготовление к Пасхальной неделе: *«У Егорова в магазине сняли с окна коробки и поставили карусель с яичками. Я подолгу люблюсь ими: кружатся тихо-тихо, одно за другим, как сон. На золотых колечках, на алых ленточках. Сахарные, атласные...»* [7, с. 28]. На сегодняшний день непривычно слышать определение *сахарные яйца*, однако раньше было принято украшать пасхальный стол такой сладостью. Как известно, их закрепляли яркими лентами и подвешивали к карусели. Фокализатор использует динамичный глагол *кружились* и яркое сравнение *точно сон*, тем самым противопоставляя реальную картину мира ирреальной, иллюзорной. Также Шмелёв упоминает *«пасхи, куличи и греческие бабы»*. Автор удивляется, почему *«бабы называются греческие»* [7, с. 28]. Обычай печь бабу фиксируется в Чехии и на Гуцульщине. В Греции же бабы не пекли. Согласно «Толковому словарю» под редакцией *А.П. Евгеньевой*, *ба́ба*- род кулича, выпекаемого в высокой цилиндрической форме [5, с. 63]. Чтобы не осела после выпечки, бабу клали на мягкие подушки или умудрялись подвешивать вверх тормашками. Шмелёв вспоминает: *«На пуховых подушках, в столовой на диване, – чтобы не провалились! – лежат громадные куличи, прикрытые розовой кисейкой, – остывают. Пахнет от них сладким теплом душистым»* [7, с. 28]. Через запах автор передаёт читателю душистый аромат толчёного миндаля и цедры лимона. Греческая же баба, или бабка по-гречески, включала в себя, помимо прочего, и эти ингредиенты. Так, лексема *миндаль*, согласно Этимологическому словарю Фасмера, произошло от греческого слова *греч. amygdalē*, в переводе – *«греческий орех»* [6, с. 205]. Можно предположить, что миндаль попал в Древний Рим из Греции. Плоды сладкого миндаля древние греки считали лакомством, украшением праздничного стола. Именно поэтому пасхальную миндалевую бабу Шмелёв назвал *«греческой»* [7, с. 28].

Этимология слова *кулич* восходит к весеннему хлебу, который пекли в честь прилёта куликов. В *«Этимологическом словаре русского языка»* Н.М. Шанского даётся следующее толкование происхождения этого значения: *«Кулич – восточнославянское образование с притяжательным суффиксом -j- от kulikъ (звукоподражательное)»* [6, с. 109]. Кулич, по славянским повериям, это ритуальный хлеб в честь прилёта куликов, наступления весны. Как отмечает исследователь *Арутюнов*, кулич генетически связан с весенним печеньем, которое пекут на день святых Сорока мучеников и Благовещение [1, с. 56]. В христианском веровании кулич ассоциируется с Воскресением Христа. Традиция встречи Пасхи с ритуальным хлебом, согласно Евангелию, была установлена самим Христом, который на тайной вечере преломил

хлеб и сравнил его со своей плотью, приносимой в жертву за грехи рода человеческого. В православной традиции кулич выпекается из квасного (дрожжевого) теста, которое знаменует ту евангельскую закваску, на которой основано христианское учение. Изготовление пасхального кулича было одной из важных обязанностей хозяйки, потому что от этого зависела судьба всей семьи: если кулич удавался – это был знак благополучной жизни всех домочадцев.

Шмелев отметил, что куличи принято украшать различной символикой. Так, фокализатор «Лета Господня» любит куличом, украшенным розочками: *«Куличи и пасхи в розочках, без конца»* [7, с.27]. Роза – христианский символ Христа, мученичества. Исследователь Арутюнов называет обычай, распространённый в карпатских сёлах, украшать куличи из теста цветами, гусочками и прочими знаками [1, с. 56]. На сегодняшний день в Московских храмах на Пасху можно увидеть куличи, украшенные различными розочками, символикой ХВ, птичками и маленькими яичками в гнёздышке.

Конечно, ещё один из важных пасхальных символов – творожная пасха. Шмелев вспоминает о приготовлении этого блюда: *«Толстый Воронин и пекаря, засучив руки, тычут красными кулаками в творог, сыплют в него изюму и сахарку и проворно вминают в пасочницы... пасох нам надо много. Для нас – самая настоящая, пахнет Пасхой. Потом – для гостей, парадная, еще «маленькая» пасха, две людям, и еще — бедным родственникам»* [7, с. 27]. Исследователь Воронина предполагает, что творожная (сырная) пасха воплощала ветхозаветного агнца и поэтому ее готовили из творога. В русской практике сырную пасху стали делать в виде небольшой горки или усеченной пирамиды, олицетворяющей Голгофу – горную возвышенность в Иерусалиме, на которой распяли Христа [2, с. 85]. В традиционной системе питания русских рано обозначилась семантика бинарной оппозиции *постное – скромное* в связи с постом. Праздничные и пасхальные разговины стали олицетворяться со *скромной едой*. Уже на раннем этапе развития древнерусской народности существовало строгое разделение на будничную и праздничную пищу. Булочник Воронин млял огромное количество творога, чтобы хватило на семью и рабочих. Делали по «закону». Было принято в день Пасхи угощать всех праздничной едой – делить радость воскресшего Христа с народом. Для выражения чувств, которые фокализатор испытывает от творожной пасхи, автор использует вкусовое понятие «пахнет Пасхой», применимое ко всем трём пищевым символам. Такой приём называется корреляцией – связью фигуративного (конкретного) пасхального предмета- творожной пасхи с тематическим абстрактным праздничным уровнем. Он позволяет автору отразить вертикальное мироощущение фокализатора, показать его духовную наполненность.

Шмелев упоминает ещё один праздничный символ в столовой на окошках – крашеные яйца в корзинах, пунцовые. *Пунцовый* – ярко красный цвет, традиционный в русской праздничной культуре. По библейской легенде, Мария Магдалина поднесла Тиберию красное яйцо с приветствием *Христос Воскрес!* [2, с. 79]. Последователи христианской веры стали подражать ей и дарить друг другу яйца красного цвета с торжественным возгласом *Христос Воскресе!* Красное яйцо – символ изобилия и в то же время крови Христа, пострадавшего за человечество. Яйцо стало служить символом гроба и возникновения новой жизни: красный цвет яйца знаменует наше возрождение кровью Христа. Яйцо по народным представлениям – микрокосмос, в котором отразилась вселенная. Оно считалось символом нарождающейся и обновляющей жизни. Яйцо – обновление, воскресение из мертвых. Шмелев приводит целую палитру пасхальных яиц: *«Вот хрустально-золотое, через него – все волшебное. Вот – с растягивающимся жирным червячком; у него черная головка, черные глазки-бусинки и язычок из алого суконца...»* [7, с. 29]. Автор использует светлый тон *хрустально-золотое*, вызывая у читателей ассоциацию с русским фольклором и сказкой и «Курочке Рябе», которая снесла золотое яичко. Золотое яйцо, возможно, играет роль Спасителя, является символом жизни. Золото символизирует смерть. В славянской традиции золотой цвет обозначает солнце и новую жизнь. Поэтому эта связь христианского и языческого картин мира даёт фокализатору ощущение волшебства. Фарфоровое яйцо ассоциируется с красотой, но в то же время и хрупкостью, по всей видимости мира старого. Как знак возрождения и воскресения, яйцо знаменовало собой победу Весны и Солнца в борьбе против зимы и ночи. Принятое христианством, как символ воскресения Иисуса, яйцо стало своеобразным посланием из глубин прошлого и дошло до нас в виде *писанок* и *крашенок*. Красить и освещать куриные яйца на Пасху вошло в традицию русского народа.

Фокализатор из романа Шмелева отмечал: *«Я рассматриваю надаренные мне яички... За розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом, за стеклышком в золотом ободке, видится в глубине картинка: белоснежный Христос с хоругвью воскрес из Гроба...Бог?... Не передать словами. Я прижимаю к груди яичко, – и усыпляющий перезвон качает меня во сне»* [7, с. 29]. Фокализатор применяет иллюзорный глагол *чудится*, чтобы передать ирреальность бытия, в которое он попадает при помощи волшебных символов – пасхальных яиц. Эмоции переполняют героя, он прижимает сакральную пищу к сердцу, чтобы показать связь с духовным миром. Золотой свет от яйца точно выходит за пределы закрытого пространства. Через призму пасхального золотого яйца герою кажется золотым всё: и сараи, и люди, и весь мир. Золото ассоциируется с чем-то праздничным, торжественным. Не зря во время коронации правителей им на голову надевали золотые

короны и давали золотой скипетр. Золото выступает символом власти. В данном случае духовной власти, победы жизни над смертью.

Обожествление сил пищи, природы и её Творца возникло на основе древнеславянской мифологии о возникновении мира. Поэтому хлебные праздничным изделиям придавали символическое значение.

Литература

1. Арутюнов С.А. Хлеб в народной культуре = Bread in popular culture: Этнограф. очерки / отв. ред.: С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. – Москва : Наука, 2004 (СПб. : ППП Тип. Наука). – 412 с.
2. Библия. Новый Завет / Москва : Даръ, 2017. – 767 с.
3. Левкиевская Е.Е. Русские праздники / Е.Е. Левкиевская. – Санкт-Петербург : Речь, 2023. – 143 с.
4. Мартин Бронуэн. Словарь семиотики = Dictionary of semiotics / Б. Мартин, Ф. Рингхэм; пер. с англ. Д.В. Сичинавы. – Москва : URSS, 2009. – 253 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Полиграфресурсы, 1999.
6. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – Москва : Прозерпина, 1994. – 400 с.
7. Шмелёв И.С. Лето Господне / И.С. Шмелев. – Москва : Синергия, 1998. - 446 с.

Iosifova A.Z.

State Institute of Russian Language A.S. Pushkin

Food code in Russian culture of spring holidays

The article examines the semiotic, code aspects of the spring holidays based on the material of the novel by I.S. Shmelev «Leto Gospodne». Particular attention is paid to the festive symbols of Easter, since this holiday is one of the most important in Russian Orthodox culture. The object of the study is the symbols of larks (waders), Easter cake, eggs, Easter cottage cheese, viewed through the prism of pagan and Christian traditions

Keywords: symbol, spring holidays, the observer, food code, color

Казанцева Алина Александровна

Волгоградский технологический колледж

akera4104@gmail.com

**Взаимоотношения Евгения Онегина и Владимира Ленского как
объект творческого интереса современного художника: опыт
иллюстрирования романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»**

Работа выполнена под руководством Гайворонской-Кантомировой А.Н., кандидата
филологических наук, преподавателя русского языка и литературы

В статье представлены результаты работы над творческим проектом, предполагавшим создание серии иллюстраций к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» с помощью современных компьютерных технологий

Ключевые слова: иллюстрация, образ, линия, цвет, оттенок, контраст

Роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», к созданию которого автор приступил в 1823 году, совершенно не мыслится как застывший, помпезный, мемориальный. Напротив, его живость, динамизм сюжетный и – развития чувств героев – побуждают к вечному исследованию и сотворчеству – литературоведа, историка, художника, музыканта.

В современном обществе герои Пушкина воспринимаются в ином ключе, чем двести, сто лет назад. Все более интересными становятся возможности интерпретирования пушкинских образов, сложнее и удивительнее – мощное соединение самых разнообразных трактовок, дающее воспринимающему содержание легендарного романа все новую пищу для размышлений.

Многие талантливые художники вдохновлялись произведением А.С. Пушкина. Автором первых наиболее известных иллюстраций стала отечественная художница-иллюстратор Елена Петровна Самокиш-Судковская (1862–1924 гг.), широкую известность которой принесло издание романа «Евгений Онегин» с её акварельными иллюстрациями (Санкт-Петербург, издание творчества Р. Голике и А. Вильборг, 1911 г.). Техника работы, легкость кисти и воздушность пятен на страницах этого издания завораживают. Цветные мазки, перетекающие один в другой, приятны глазу.

Среди работ советских художников, иллюстрировавших «Евгения Онегина», огромный интерес представляют рисунки Лидии Яковлевны Тимошенко, работавшей над иллюстрациями к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в технике гризайли (1951–1954) и цветной литографии (1960–1967) (ее стиль в целом разнообразен: различные картины представляют собой как реалистичную живопись, так и, казалось бы, простые иллюстрации с наличием линий и простых заливок).

Иллюстрацией может считаться не только полноценная картина в живописной или графической технике, но и быстрый набросок, передающий своей формой, характером линий

и штриха характерные черты персонажа. Такие рисунки создавал советский график, иллюстратор произведений русской и зарубежной классической литературы Николай Васильевич Кузьмин (1890–1967 гг.). В 1934 году вышло издание «Евгения Онегина» с рисунками художника, вызвавшее огромное количество отзывов. Общим было мнение о том, что «художник повторял манеру набросков Пушкина на полях его рукописей. Работы графика весьма динамичны, изгибы линий и их количество передают характеры героев, их эмоции.

Надежда Николаевна Рушева (1952–1969 гг.) – талантливая советская художница-график – также создала серию иллюстраций к роману А.С. Пушкина. Работая гусиным пером и тушью, Надежда Рушева запечатлела нежные, хрупкие образы героев.

Иллюстрируя истории, которые будят мое воображение, я задумалась о том, что несколько иначе, не совсем в русле классической традиции, воспринимаю образы центральных персонажей любимого романа. Наибольший интерес представляют для меня мужские образы – Евгения Онегина и Владимира Ленского, суть их взаимоотношений.

Сложна и интересна в романе «Евгений Онегин» тема дружбы героев. Чаще всего друзья похожи характерами и темпераментами, ведь именно «похожим», как представляется, легче найти общий язык. Однако все в мире индивидуально, и иногда судьба сводит людей, имеющих совершенно разные вкусы, взгляды на какие-либо события, явления и жизнь в целом. В таких случаях товарищи могут дополнять друг друга, могут вечно спорить.

А.С. Пушкин изначально лишает читателя иллюзий относительно прочности отношений Онегина и Ленского: *«Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой. / Сперва взаимной разнотой / Они друг другу были скучны; / Потом понравились; потом / Съезжались каждый день верхом / И скоро стали неразлучны. / Так люди (первый каюсь я) / От делать нечего друзья»* [1, с. 212].

Дружба героев представляется категорией эфемерной, «испаряющейся» при столкновении с первыми серьезными испытаниями. Именно эта эфемерность сквозит, переливается в свечении, «источаемом» героями.

Онегин в моем представлении высокий молодой человек с кудрявыми волосами пшеничного цвета и зелеными глазами. *«Второй Чадаев, мой Евгений, / Боясь ревнивых осуждений, / В своей одежде был педант / И то, что мы назвали франт. / Он три часа по крайней мере / Пред зеркалами проводил / И из уборной выходил / Подобный ветреной Венере, / Когда, надев мужской наряд, / Богиня едет в маскарад»* [1, с. 195].

Этот персонаж вызывает у меня противоречивые чувства. Потому я изобразила героя в темном костюме и сгустила оттенки на заднем плане. С ним у меня ассоциируются теплые, даже огненные тона, поэтому контурный свет я сделала оранжево-красного цвета.

Согласно пушкинскому тексту, Онегин должен быть одет по последней моде, ухожен и красив. Именно дало мне право отразить в наряде героя и современные модные тенденции.

А это описание моего любимого героя в романе: «...*По имени Владимир Ленский, / С душою прямо геттингенской, / Красавец, в полном цвете лет, / Поклонник Канта и поэт. / Он из Германии туманной / Привез учености плоды: / Вольнолюбивые мечты, / Дух пылкий и довольно странный, / Всегда восторженную речь / И кудри черные до плеч*» [1, с. 210].

Романтичного поэта Владимира Ленского я представляю стройным высоким юношей в нейтральной легкой одежде. С его образом у меня четко ассоциируются белая воздушная блуза, белые перчатки и высокие черные сапоги.

Автор пишет о его черных кудрях, которые, как мне показалось, было бы красивее и изящнее собрать в хвост. Перо, которое он держит, – атрибут его увлечения. Фон я не стала сгущать, как в случае с Онегиным: он более однороден, потому что для меня этот персонаж чист внутренне, очень добр, но весьма импульсивен...

Эти персонажи контрастируют. По этой причине я выполнила контурное освещение на обеих иллюстрациях в противоположных оттенках («*Стихи и проза, лед и пламень*» [1, с. 212]).

На следующей иллюстрации изображен момент общения героев, показано отношение молодых людей к поэзии: Онегин, не отличающий ямба от хорея, не разбирается в стихах, не интересуется ими, а Ленский, которого вдохновляет то, что находится в стопке бумаг на столе, недоумевает, наблюдая за реакцией друга на стихотворения.

Я выбрала приятные фиолетовые оттенки для этой работы, чтобы показать спокойную атмосферу дружбы молодых людей, но внесла и красные тона, сигнализирующие о недопонимании и некотором напряжении в их отношениях. Желтый цвет, контрастирующий с фиолетовым, подсвечивает и выделяет центр иллюстрации – страницы со стихами Ленского.

Самым драматичным моментом романа является гибель Ленского. Пушкин акцентирует внимание на чувствах Евгения, пуля которого пронзила сердце Владимира. В строках передано потрясение: «*Мгновенным холодом облит, / Онегин к юноше спешит, / Глядит, зовет его... напрасно: / Его уж нет. Младой певец / Нашел безвременный конец!*» [1, с. 287]; «*В тоске сердечных угрызений, / Рукою стиснув пистолет, / Глядит на Ленского*

Евгений. / «Ну, что ж? убит», – решил сосед. / Убит!.. Сим страшным восклицаньем / Сражен, Онегин с содроганьем / Отходит и людей зовет» [1, с. 289].

На следующей иллюстрации Ленский со смертельной раной в груди. Душа покинула его тело, он никогда не откроет небесного цвета глаза, не вернется к написанию стихов, не проживёт долгую счастливую жизнь. Юноша стоит за спиной Онегина, которого считал товарищем. Онегин же, не принимавший дуэль всерьез, погружен в тень. Гибель чистой души стала настоящим потрясением для молодого человека.

Эти угрызения совести, отчаяние Онегина, осознание бессмысленности призывания друга запечатлены еще в одной иллюстрации, эмоциональную тональность которой позволяют понять строки: *«Скажите: вашею душой / Какое чувство овладеет, / Когда недвижим, на земле / Пред вами с смертью на челе, / Он постепенно костенеет, / Когда он глух и молчалив / На ваш отчаянный призыв?» [1, с. 300].*

В иллюстрации к этому моменту я хотела показать всю скорбь Онегина. Его левая рука в крови, а правая указывает на него самого. Из глаз льются кровавые слезы. Блуза тоже пропитана красной кровью, обильно стекающей вниз. В позе и выражении лица Онегина читается: *«Это совершил я».*

Задний план в трещинах, символизирующих потрясение, расколовшийся мир молодого человека, убившего своего товарища и предавшего дружбу.

Работы были созданы в моем авторском стиле. Он не гиперреалистичен, но и глубоко в стилизацию не уходит. Такой способ рисования позволяет показать как человеческую, живую составляющую героев, так и их особенности характера в выражении лиц и положении тел.

Иллюстрации выполнены в технике компьютерной графики. При такой работе мне было комфортнее показать глубину картины и акцентировать внимание на лицах героев. В данной технике можно использовать и живописные мазки, и тонкие линии одновременно. Такое смешение графики и живописи дает довольно живой результат.

Иллюстрирование классики – интересное и сложное занятие. Но при очевидной сложности оно несет радость, позволяет увидеть скрытые смыслы. Рисование – самое интересное и неожиданное прочтение, при котором воображение работает на самом мощном и деятельном ходу. В каждой доле миллиметра пространства иллюстрации – твоё решение, твой отклик, твоё видение того, что, сколько бы ни видели прежде другие, все равно остается новым, многообещающим, великим (ведь именно таким, в моем представлении, остается всегда современное творчество А.С. Пушкина).

Литература

1. Пушкин А.С. Сочинения в 3 т. Т. 2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения / А.С. Пушкин. – Москва : Худож. лит., 1986.

Kazantseva A.A.

Volgograd College of Technology

Eugene Onegin and Vladimir Lenski's relationship as an artist's point of interest: illustrating Pushkin's *Eugene Onegin*

The article presents the results of the creative research work conducted by a student. The final product of the named work is the series of portraits of Eugene Onegin and Vladimir Lenski created with the help of modern computer technology

Key words: an illustration, image, line, colour, shade, contrast

Камеронова Мария Вячеславовна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

mariakameronova@yandex.ru

Создание внеязыковой действительности при переводе (на материале сценария к фильму «Pride and Prejudice» и его переводе на русский язык)

Работа выполнена под руководством Пожидаевой Елены Валерьевны, кандидата филологических наук, доцента

В статье анализируется понятие внеязыковой действительности применительно к теории перевода. В ходе исследования рассматривается проблема адаптации слов-реалий, отражающих культурные особенности носителей определенного языка, и вопрос об учете хронотопа в переводе. Анализируются переводческие решения на примере перевода сценария фильма «Pride and Prejudice» на русский язык

Ключевые слова: внеязыковая действительность, реалия, теория перевода, хронотоп

В современной лингвистике особое внимание уделяется вопросам связи языка с мышлением человека и его мировоззренческими особенностями, обусловленными культурными, социальными, этнографическими и другими факторами. Н.А. Фененко и А.А. Кретов в статье, посвященной проблемам переводоведения, писали, что, знакомясь с новым языком, мы одновременно знакомимся и с новой культурой, с другой социальной действительностью [6].

Язык и культура влияют друг на друга, и их взаимодействие естественно и закономерно. Понятия, как универсальные для различных национальностей, так и специфичные, закрепляются в их языках. Описанная проблема также напрямую касается и теории перевода.

В каждом речевом произведении есть невольно созданная автором особая картина мира, именно так и проявляются особые черты культуры и быта, национальное своеобразие текста. Однако оно может быть незнакомо носителю другого языка. В данном случае перед переводчиком текста как трансмиттером информации возникает важная и ответственная задача: наиболее понятно и точно донести до читателя национальный колорит, присущий произведению. В данной статье в центре нашего внимания временные и пространственные аспекты создания внеязыковой действительности: пространство и время, непосредственно описанные в тексте, что в значительной степени влияет на стилистику произведения. В качестве материала исследования нами был выбран сценарий фильма «Pride and prejudice» и его официальный перевод.

Внеязыковую действительность можно определить как совокупность всех вещей, окружающих человека. Предметы и явления, составляющие нашу действительность, закрепляются в языке с помощью слов. При этом в разных языках лексический состав не совпадает полностью; возникают случаи, когда иностранное слово становится трудным для понимания из-за того, что сам предмет или явление оказывается нам неизвестно. Такие понятия, реалии, согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы обычно не имеют лексических эквивалентов в других языках. Название или реноминация реалий составляет особый интерес и сложность в теории перевода.

Современное переводоведение предлагает несколько основных приемов для наиболее адекватного перевода:

1. Транслитерация (или транскрипция) - запись иностранного слова или его корня буквами своего языка или его сочетание с суффиксами своего языка [5]. Использование транслитерации обязывает переводчика добавить сноску или разместить объяснение реалии в сам текст перевода. Так появляется новое затруднение: объемные пояснения и большое количество сносок может мешать восприятию текста, отвлекать читателя от содержания произведения. Также большой процент использования транскрибирования может привести к разрушению национального колорита, так как адаптированные этим способом слова-реалии переходят в разряд экзотизмов и неоправданно загромождают повествование. Такие проблемы характерны преимущественно для письменных текстов. Так, вследствие особенностей формы сценария фильма (преобладание диалогов) транслитерация чаще всего используется для адаптации имен собственных. Это имена, фамилии, топонимы: *Kitty* – ‘*Китти*’, *Mr. Bennet* – ‘*мистер Беннет*’, *Netherfield Park* – ‘*Незерфилд-парк*’, *Derbyshire* – ‘*Дербишир*’ и другие.

2. Гипо-гиперонимический перевод: слово оригинала, обозначающее видовое понятие, переводится с помощью соответствующего родового понятия на языке перевода. Возможна и обратная ситуация (родовое понятие заменяется видовым), но такой способ используется реже. Здесь же можно упомянуть еще один прием, выделяемый В.С. Виноградовым, - уподобление. В этом случае уподобляемые слова являются понятиями, соподчиненными одному соответствующему им родовому понятию [2]. В тексте сценария фильма «Pride and Prejudice» гипо-гиперонимический перевод применяется часто. К примеру: «*Mama, the carriage for Jane? – Certainly not. She'll go on horseback*» – ‘*Дадуме коляску для Джейн? – Нет, конечно. Она поедет верхом*’. Дословно «*the carriage*» переводится как ‘*каре́та*’, но в данном случае использовано слово ‘*коляска*’. Карета и коляска – видовые понятия, которые подчиняются родовому – экипаж. Такой перевод не затрудняет понимания, а наоборот уточняет называемую реалию: в английском языке «*the carriage*» обозначает четырехколесное транспортное средство, запряженное лошадьми и предназначенное для перевозки людей; в русском же «*коляска*» - открытый экипаж, «*каре́та*» - закрытый. В самом фильме герои перемещаются на транспорте с откидным верхом, поэтому выбор не дословного перевода, а конкретизирующего реалию является оправданным.

3. Создание неологизма, который станет эквивалентом слову языка оригинала. Переводчик создает новое слово или словосочетание на основе существующих средств языка. Здесь же можно выделить несколько реализаций данного способа: перифрастический прием, при котором соответствие устанавливается между словом и словосочетанием, объясняющим его (перифраз часто сочетают с транслитерацией), и калькирование. В сценарии фильма такой прием перевода не используется.

4. Приблизительный перевод – подбор близкого, но не тождественного слова, смысл которого уточняется в контексте. Такой прием в большинстве случаев точно передает предметное содержание реалии, но её форма и национальный колорит утрачиваются. Рассмотрим несколько иллюстративных примеров, представленных в сценарии фильма и его переводе: «*With £5000 a year, it would not matter if he had warts and a leer*» – ‘*С пятью тысячами в год, он может быть в бородавках и лысый*’. «*A leer*» означает неприятный пристальный взгляд, чаще всего выражающий тот факт, что мужчина считает женщину сексуально привлекательной. Такого рода внимание было неблагородным и позорным во времена, о которых повествуется в фильме. В русском языке полного эквивалента этому слову нет, поэтому переводчик, развивая тему внешних изъянов и создавая отталкивающий

образ, выбирает слово «лысый». Этот выбор обусловлен форматом устной речи: объяснение реалии не уместилось бы в рамки диалога.

Все рассмотренные приемы имеют свои преимущества и недостатки, поэтому на выбор определенного способа будут влиять переводческие навыки и решения; контекст и особенности произведения.

Наряду с проблемой сохранения национального своеобразия произведения, выражающегося в названии реалий, возникает и вопрос об адаптации особенностей, связанных со временем создания текста или эпохи, которая описывается в нем. Фильм «Pride and Prejudice» создан относительно недавно, но исторический контекст, который в нем показан, а именно Англия конца восемнадцатого века, далек от современного зрителя. Перед сценаристом и переводчиком на русский язык встает задача стилизовать произведение под соответствующую эпоху. Для достижения этой цели можно использовать как лексические, так и синтаксические средства.

Переводить произведение полностью «старым» языком не представляется возможным: каждый язык прошел свой путь развития и временные рамки их изменения не совпадают. Но и переводить текст полностью современным языком будет некорректно. В этом случае будет появляться множество противоречий: от языковых до этических. Текст перевода не должен быть переполненным как модернизмами, так и архаизмами. Они мешают восприятию произведения и не способствуют созданию правильных исторических условий. В сценарии фильма можно найти умеренное количество устаревших слов, что создает нужный для создания внеязыковой действительности эффект. «*It fills me with guilt*» переводится как это «удручает», «tease» – «злумиться», «*she's plain*» – «она дурнушка», «*If you do not take trouble to check her*» – «Если вы соблаговолите обуздать её» и другие примеры. Также как и в оригинале, используются служебные слова, относящиеся к устаревшей лексике в русском языке: *весьма, посему, едва ли, вопреки, чревато*.

В вопросе об адаптации текста важной становится стилистика. Перед переводчиком встает задача воспроизведения не «реального возраста» языковых средств, а их стилистической роли. Его целью становится стилизация перевода под нечто архаичное и устаревшее; выстраивание дистанции во времени, которую бы ощутил читатель [5]. Глагольно-именные сочетания («*He must marry*» - «он должен взять в жены», «*I've been connected with his family*» - «Я был вхож в его дом»), пассивных конструкций («*The younger ones out before the elders are married*» - «Младшие выведены в свет, прежде чем старшие успели выйти замуж»), причастных и деепричастных обороты в устной речи («*You mean to frighten me, Mr. Darcy, by coming in all your state to hear me?*» - «Вы хотите меня смутить,

мистер Дарси, приготовившись слушать так внимательно?») редко используются с современным языке и отсылают зрителей к другой исторической эпохе, но при этом не затрудняют восприятие произведения.

Таким образом, ни теория создания внеязыковой действительности в переводе, ни рассмотренные нами примеры ее практического применения, не дают определенного регламента для адаптации хронотопа произведения. Процесс перевода остается творческим процессом, требующим обширных фоновых знаний, погруженности в культуру другого народа. Универсальной формулы для адекватного и понятного перевода нет, но стоит помнить, что результат требует оптимального соотношения исторического колорита и современной действительности. Читатель должен осознавать текст перевода как «иное», то есть среднее между чужим и своим – ощущаться как другое, но оставаться на уровне привычного понимания реальности [4].

Литература

1. Вернигорова В.А. Осмысление реалии в подлиннике и переводе / Вернигорова В.А. // *Болгарская русистика*. – 2010. – № 3-4. – С. 126-135.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – С. 17-22, 41-54, 61-63.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Свыше 136 000 словарных статей. Ок. 250 000 семантических единиц: В 2 т. Т. II: П – Я / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 2001. – 1084 с.
4. Сдобников В.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Москва : АСТ: Восток–Запад, 2007. – С. 67-72, 76-79, 96-112, 258-268, 391-406.
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. / А.В. Федоров. – Москва, 1983. – С. 24-29, 139-148, 152-177, 315-333.
6. Фененко Н.А., Кретов А.А. Переводоведение: проблемы и решения // *Вестник ВГУ*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №1.

Kameronova M. V.

Pushkin State Russian Language Institute

Creation of extra-linguistic reality in translation (on the example of English film-script “Pride and Prejudice” and its translation into Russian).

The article analyzes the concept of extra-linguistic reality in relation to the theory of translation. The study examines the problem of adapting realia that reflect the cultural characteristics of native speakers of a certain language. The issue

of chronotope in translation is being discussed. Translation solutions are analyzed on the example of film-script "Pride and Prejudice" translated from English into Russian

Key words: extra-linguistic reality, realia, translation theory, chronotope

Катаева Полина Александровна

Волгоградский технологический колледж

lina945549@gmail.com

Иллюстрирование эпизодов романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» как возможность творческого осмысления основных идей произведения

Работа выполнена под руководством Гайворонской-Кантомировой А.Н., кандидата филологических наук, преподавателя русского языка и литературы

Статья посвящена описанию иллюстративных работ, созданных в результате деятельного осмысления содержания романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен».

Ключевые слова: война, графика, иллюстрация, контекст, психологизм, эмоции.

Сложные произведения особенно нуждаются в творческой руке художников, которые, прожив, прочувствовав разные состояния героев, способны создать иллюстрации, позволяющие читателю яснее представить художественный замысел писателя. Для самого художника это бесценный опыт: глубоко анализируя текст, изучая материалы, связанные с историей его создания и иллюстрирования, судьбу произведения, выбирая соответствующие средства для своей работы, он глубоко погружается в смысловое пространство текста, принимает серьезную ответственность, поскольку предлагает собственную расстановку смысловых акцентов.

Интерес к роману Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» не ослабевает со времени его публикации в 1929 году, потому что изображенные в нем события вызывают у читателя сильные эмоции, держат в напряжении от первой страницы до последней. Тем не менее, иллюстрировали произведение нечасто. Наиболее известна в этой связи эстетическая, тонкая, декоративная графика

С.А. Трубина [2], который сконцентрировался в целом на идее жестокости войны, стирания человеческой индивидуальности, утраты способности солдатами тонко чувствовать мир. Однако человек до последнего остается человеком, он неповторим, сложны и сугубо индивидуальны его переживания. Потому иллюстраторам и сегодня открывается широкое пространство для творчества.

Осмысление «узловых» эпизодов романа способствовало созданию серии иллюстраций, в наибольшей степени вовлекающих зрителя не столько в сюжет и абстрактную идею антивоенного произведения Эриха Марии Ремарка, сколько в мир личностных переживаний главного героя.

Важнейшими точками опоры при создании изображений стали эмоции Пауля Боймера. Мысли и переживания юноши, вовлеченного немецкой пропагандой в пекло войны, имели первостепенное значение при выборе эпизодов для иллюстрирования романа Ремарка.

«Вижу звезды, вижу ракеты, и на миг мне кажется, что заснул я на садовом празднике. Я не знаю, утро сейчас или вечер, лежу в бледной колыбели сумерек и жду ласковых слов, которые непременно придут, ласковые, спасительные... я плачу?» [1, с. 56]. Огрубевший из-за окопных боев, собранный из-за постоянного напряжения, хмурый и хладнокровный Пауль, который, казалось бы, уже никогда не сможет вернуться к себе прежнему, вновь чувствует себя ребенком: «Нежная кожа...» [там же], – он дома, а война всего лишь

дурной сон. Юноша с заплаканными глазами, в которых отражаются звезды, и чистым детским духом, который не способна замутнить никакая жестокость. Страшный опыт состарил его, заставил повзрослеть, на руках кровь таких же мучеников войны, как и он сам. У него нет будущего, но в глазах еще теплится надежда. Смерть окружает со всех сторон, однако воля к жизни не ослабевает. Вокруг серая трава и колючая проволока. Изображение переживаний, значимых для осмысления трагедии «потерянного поколения», продиктовало выбор техники: эта и последующие работы созданы в графике.

Следующий эпизод – единственный миг спокойствия в кутерьме страшных событий Пауля –приготовление (вместе с надежным товарищем Качинским) украденного гуся в полуразрушенном сараюшке под звуки канонады фронта. «Урчат самолеты; треск пулеметов становится громче. Но от нас свет наружу не проникает, никто его не увидит» [1, с 87] – Пауль и Качинский словно одни в этом мире, и ничто не способно потревожить это краткое хрупкое равновесие. Атмосферу беспокойного умиротворения я и хотела передать в иллюстрации («Мы – двое людей, две искорки жизни, снаружи ночь и круг

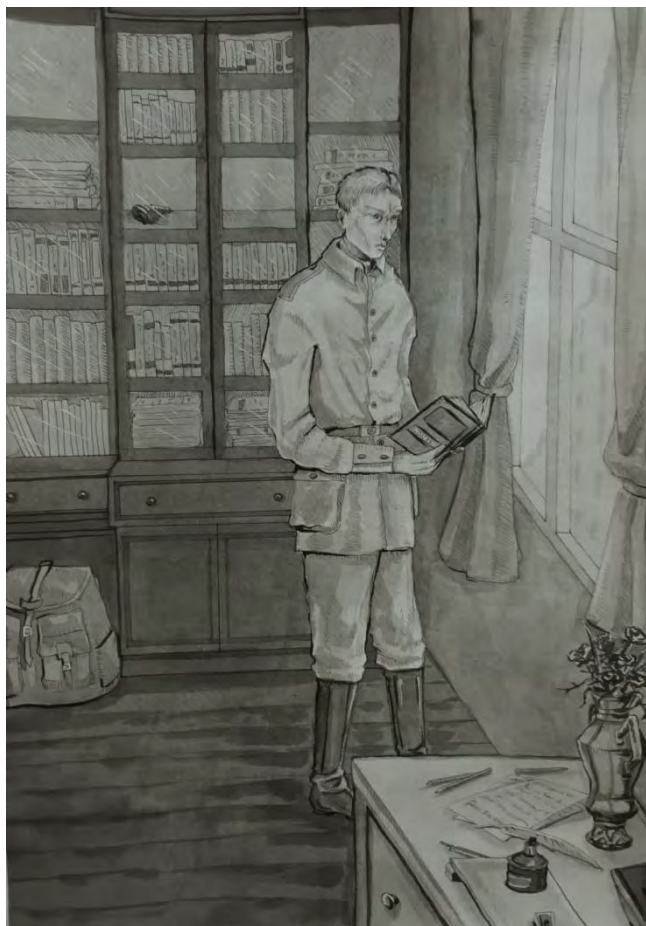
смерти», «Мы сидим на его краю, в опасности и в защищенности...» [там же]).

Не только люди страдали во время беспощадной войны: ни в чем не повинные животные были втянуты в круговорот фронтовых событий. Во время очередного обстрела, когда разлетаются комья грязи и жужжат осколки, снаряд прямым попаданием влетает в колонны, и все пространство заполняет душераздирающий крик; «это не люди, не могут люди так жутко кричать» [1, с. 58]. Кричат раненые лошади, «стонет беда мира, истерзанная тварь, дикая кошмарная боль» [1, с. 59]. Канонада затихает, и между серым небом и землей все страдания сливаются в один истошный вопль лошадей. Страх и боль

обреченных животных, увиденные, прочувствованные Паулем, определили содержание следующей иллюстрации. На переднем плане – взвившаяся на дыбы раненая лошадь, а поодаль – «шевелиющиеся глыбы» [там же], в которых еще теплится огонек жизни, несмотря на смертельные раны.

Следующий проиллюстрированный эпизод играет важную роль в понимании главной идеи романа и психологического состояния Пауля Боймера. Отпуск, так неожиданно полученный, не только не помогает герою расслабиться в кругу семьи, но и заставляет его тревожиться сильнее. Познавший войну, вымотавшийся Пауль ясно осознает свою отчужденность от мира. В родном городе, доме, комнате больше нет для него места. «Здесь люди другие, я их по-настоящему не понимаю, завидую им и презираю» [1, с. 149] – у них протекает мирная жизнь в разговорах о будущих завоеваниях Германии, а на фронте в это время свистят над воронками осколки и взлетают осветительные ракеты, тащат на волокушах

раненых подальше от передовой, а товарищи вжимаются в окопы.

На иллюстрации изображена комната Пауля, в которой он жил до войны и в которой с тех пор ничего не изменилось. У стены – шкаф с многочисленными книгами, которые юноша потихоньку покупал на деньги, заработанные уроками, а иногда и присваивал – брал почитать и не отдавал. На нижней полке помещены стопки тетрадок, бумаги и письма, рисунки и наброски. Окошко открыто, на столе – букет цветов, карандаши, пресс-папье, чернильница – все без перемен. «Я не могу вернуться, я изгой; как ни прощу, как ни напрягаюсь, ничто не шевельнется...» [1, с. 152], – таковы мысли, одолевающие

героя в его собственной комнате. В надежде задержать туманные образы прошлого он берет первую попавшую в руки книгу и, стоя у окна, пытается вникнуть в смысл написанного, однако все это уже бесполезно – «слова, слова, слова – они до меня не доходят» [там же]. Это уныние и отчаяние отразились в непонимающем взгляде героя. А рюкзак здесь символизирует не отпускающую, а вечно следующую за героем по пятам войну.

Смерть лучшего друга – еще один переломный момент в жизни Пауля. В Станислаусе Качинском Пауль обрел опору, эта истинная дружба стала отдушиной в мерзкой войне, серой действительности. На заключительной иллюстрации изображена трагическая смерть Качинского и психологический упадок Пауля, его отчаяние и одиночество.

Пауль старается не думать о плохом, изрядно вымотанный и уставший, он взваливает

товарища на спину и тащит в санчасть, попутно утешая себя и раненого размышлениями о совместном будущем («– Может, позднее чем-нибудь займемся вместе, Кач» [1, с. 247]). Герой отказывается верить в возможную смерть друга. Переживания за судьбу Качинского и ужас одиночества переполняют его душу, но всем своим видом юноша старается этого не показывать, чтобы подавленное состояние не передалось раненому. Под выстрелы и взрывы Пауль доносит товарища до перевязочного пункта, но, как оказалось, Качинский к этому моменту уже был мертв. В десятках метров, остававшихся до спасительного пункта, в голову товарища угодил осколок («Дырочка совсем

маленькая, и осколок наверняка был крохотный, случайный» [1, с. 249]). Вот почему я изобразила Станислауса с закатившимися глазами, в его каске – рваную, еле заметную брешь, а Пауля – с напряженным и измученным лицом, обеспокоенным тревожными мыслями.

Иллюстрирование такого серьезного и глубокого произведения писателя «потерянного поколения» помогает лучше разобраться в психологическом состоянии героя. Опыт этот дает возможность познакомиться с реалиями XX столетия, вызывает множество разнообразных эмоций, переводит на совершенно новый духовный уровень восприятие содержания романа.

Литература

1. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен / пер. с нем. Н. Федоровой. – Москва : АСТ, 2021. – 251 с.
2. Трубин Сергей. Персональный сайт художника. // [Электронный ресурс]. URL: <http://trubinart.narod.ru/illustrat/Illustrat.htm> (дата обращения 03.02.2024).

Kataeva P.A.

Volgograd College of Technology

Illustrations for Erich Maria Remarque's All Quiet on the Western Front as an analysis tool

The article contains a description of a series of illustrations created by the article's author for Erich Maria Remarque's All Quiet on the Western Front as a result of the novel's analysis.

Key words: war, graphics, contrast, illustration, context, psychology, emotions.

Кауфман Виталина Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

vitalinakaufman@yandex.ru

Проблема социальной идентификации личности в поэзии

Николая Комягина

Работа выполнена под руководством Пашкова Александра Витальевича,

заведующего кафедрой мировой литературы, доцента, кандидата филологических наук

Данная статья посвящена исследованию влияния социального неравенства на идентификацию личности в поэтических текстах Николая Комягина. Рассматривается разница между понятиями идентичность и идентификация, а также анализируется кризис социальной идентификации.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, социальная, кризис, поэзия.

Идентификация широко исследуется современными учеными и тесно связывается (а иногда и сливается) с термином идентичность. Тем не менее, важно разграничивать эти понятия.

Впервые термин «идентификация» используется Зигмундом Фрейдом и определяется им как «неосознаваемое отождествление субъектом себя с другим субъектом» [4, с. 182]. Кроме того, Фрейд считает идентификацию «важным механизмом взаимодействия между личностью и социальной группой» [4, там же].

Термин «идентичность» связывают с именем психолога Эрика Эриксона. Ученый определяет идентичность как личностный конструкт, отражающий внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами [5, с. 85].

О.В. Захарова объясняет разницу данных понятий так: «идентификация и идентичность представлены как процесс и результат само-отождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентификация - один из механизмов социализации личности, посредством которого усваиваются определенные нормы поведения, ценности и т. п. тех социальных групп или индивидов, с которыми личность себя идентифицирует» [3].

Так, идентификация и идентичность соотносятся между собой как процесс и результат этого процесса. Это означает, что большинство исследователей определяет социальную идентичность как результат процесса социальной идентификации, под которым понимается процесс определения себя через членство в социальной группе.

Когда идентификация осложняется социальным неравенством и несправедливостью, то неизбежно возникает кризис. Именно этому посвящает немало текстов Николай Комягин, фронтмен музыкальной группы «Shortparis».

Творчество Комягина охватывает многие аспекты жизни русского человека, но концентрируется именно на социальном. Как правило, в его текстах героями выступают обыкновенные – ничем не выдающиеся – люди, бессильные перед обстоятельствами. Кризис социальной идентификации особенно ярко отражается в песнях «Двадцать» и «Гроздь гнева».

В тексте песни «Двадцать» речь идет о «народном горе». Подтверждение этому можно найти в аллюзиях, использованных автором. Николай Комягин ссылается на поэму Александра Блока «Двенадцать», что проявляется в самом названии песни, а также в строке «Синий вечер, долгий сон» - контекстной модификации начала поэмы: «Черный вечер. /Белый снег». Кроме того, в одной из строк песни («Ищет горе мужика») видна аллюзия на народную сказку «Мужик и горе», в которой Горе заставляет героя потерять свое имущество из-за алкоголизма.

В песне рассказывается история двух героев, принадлежащих к одному социальному классу. Они – рабочие завода, отец и сестра лирического героя. В тексте песни подчеркивается, что несмотря на изнуряющий труд, герои находятся в тяжелом финансовом положении. Тем не менее, они «мечтают» о том, чтобы зарабатывать больше, пусть и ненамного:

Где получал
В сентябре пятнадцать,
В октябре пятнадцать,
В ноябре пятнадцать,
Но хотелось двадцать.

Трагичность заключается в том, что герои осознают необходимость изменений, но не могут при этом что-либо предпринять. Любая попытка противостояния социальным нормам приводит к разочарованию и неудаче:

И несёт из лесов в пригород река
Тело классового врага.

Такое метание приводит к кризису социальной идентификации. По теории Тэджфела, «человеку всегда свойственно сохранять позитивный образ своей группы, и если он почему-либо разрушается, исходом может быть уход из группы, переход в другую группу» [3]. В данном же случае герои заперты внутри социальных реалий, и не могут ни на что повлиять.

Другая песня, написанная Комягиным, «Гроздья гнева», также посвящена данной проблеме. Только в этой песне протест все же проявляется ярче, в этот раз – на бытовом уровне: «Я к приемной начальства приду без бахил». Автор подчеркивает, что изменить социальную иерархию невозможно, а подобная борьба воспринимается как незначительная и бессмысленная. Далее порыв героя пресекается:

У меня окончательно вышло терпение,
Но мой доктор винит в этом пищеварение.

Диагноз врача снижает пафос борьбы, связывает порывы к ней с физическим недугом. При этом и сам лирический герой саркастично заявляет:

Я средний класс, а не панк.

В песне проблема социальной идентификации личности обостряется противоречащими друг другу понятиями: высокое (идеологическое) нивелируется низким (в данном контексте – бытовым). Так, герой утверждает:

Но я не лягу под танк!
Завтра мой платёж в банк.

Если в предыдущей песне конфликт остается неразрешенным, то в «Гроздьях гнева» Николай Комягин утверждает, что решение есть, но оно неутешительное:

Теперь мы ставим ва-банк
На наш коммерческий панк.
Да, мы играем ва-банк,
Играя чистенький панк!

«Чистенький» и «коммерческий» панк – это своего рода оксюморон. Идеология панка и панк-культуры подразумевает протест, отказ от общеустановленных норм и иерархий. В данном же случае герой принимает социальные и экономические установки, протестует в рамках дозволенного. «Коммерческий» панк позволяет существовать в реалиях капиталистического общества, но при этом протест, направленный против этих реалий, только закрепляет их. Таким образом, борьба героя сохраняет форму, но теряет содержание.

Важную роль при анализе самоидентификации героя является неоднократно повторяющаяся фраза:

Здесь теперь мне всё нравится, нравится, нравится, нравится!

Комягин подчеркивает, что лирический герой пытается убедить самого себя в том, что он поступает правильно, ограничивая свой протест и подстраивая его под социальные нормы. Тем не менее, риторический вопрос, заданный в конце текста песни («Хорошо же, когда хорошо, да?»), указывает на то, что подобные действия – самообман, за которым следует разочарование. Борьба с кризисом социальной идентификации личности, таким образом, оказывается бессмысленной.

Итак, Николай Комягин, посвящая тексты кризису социальной идентификации личности, не видит решения проблемы. Борьба для его героев становится либо губительной, либо бессмысленной и комичной.

Литература

1. Пламмер К. Идентичность // Контексты современности – I: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории / Хрестоматия [изд. 2-е.]. – Казань, 2000. – С. 121-123.
2. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью – Москва, 1995. – 160 с.
3. Соболев Т. В. Проблема формирования социальной идентичности в условиях глобальных общественных изменений // ISPC. – 2012. – №1 (10). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemaformirovaniya-sotsialnoy-identichnosti-v-usloviyah-globalnyh-obschestvennyh-izmeneniy> (дата обращения: 18.03.2024)
4. Фрейд З. Я И ОНО //Хрестоматия по истории психологии. Под ред. Гальперина П.Я., Ждан А.Н. – Москва : Изд-во МГУ, 1980. – С. 184-188.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – Москва : Прогресс, Б. г. (1996). – 340 с.

Kaufman V.E.

Pushkin State Russian Language Institute

The problem of social identification of personality in the poetry of Nikolai Komyagin

This article is devoted to the study of the influence of social inequality on personality identification in the poetic texts of Nikolai Komyagin. The difference between the concepts of identity and identification is considered, as well as the crisis of social identification is analyzed.

Keywords: identification, identity, social, crisis, poetry.

Келлехер Маргарет Марковна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

maggiekelleher2006@gmail.com

Деривационный потенциал англицизмов в пространстве русскоязычных личных Telegram-каналов студентов филологического факультета

Работа выполнена под руководством В.И. Карасика, доктора филологических наук,
профессора

В статье рассматривается ненормированное словопроизводство с использованием англоязычных основ, осуществляемое студентами филологического факультета в своих личных Telegram-каналах. Особое внимание уделяется факту относительной изолированности блогов от англоязычного Интернет-пространства и протеканию деривационных процессов в данных условиях.

Ключевые слова: деривация, словопроизводство, Telegram, англицизмы.

После признания Meta экстремистской и запрещенной организацией 21 марта 2022 г. основным инфополем для россиян стал кроссплатформенный мессенджер Telegram под авторством Павла Дурова. Это привело к тому, что уже в октябре 2023 года Telegram занял восьмое место в рейтинге самых посещаемых соцсетей мира. По данным Mediascope, в сентябре 2023 года российская аудитория Telegram достигла 81 млн человек в месяц - на 11.5 млн человек больше, чем годом ранее. За последние два года аудитория мессенджера в России увеличилась в два раза.

Открытие новых социально-коммуникативных возможностей платформы в России повлекло за собой резкое увеличение числа авторских каналов. Российские пользователи Meta массово перешли из Instagram (признан экстремистским в РФ) в Telegram, создавая блоги в жанре lifestyle. В связи с наплывом активных контент-мейкеров в мессенджере образовалось особое пространство, не контактирующее непосредственно с иностранными каналами: по статистике от Similarweb Telegram чаще всего посещают пользователи из России (27,2%) и Украины (6,49%). Третье место занимают индийские пользователи (6,37%).

Несмотря на то, что большую часть аудитории платформы занимают пользователи возраста от 25 до 34 лет, ведение личных каналов – современная тенденция среди студенческой молодёжи. Выборка данного исследования состоит из блогов учащихся на филологическом факультете Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Принадлежность авторов к указанной образовательной программе неслучайна – мы полагаем, что молодёжь, изучающая лингвистику и постоянно находящаяся в среде языка, представляет наибольший научный интерес с точки зрения влияния получаемого высшего

образования на культуру речи, заимствование иноязычных слов и словотворческие процессы.

Анализ материала показывает, что число пользователей Telegram неуклонно растёт, и потому растёт актуальность рассмотрения текстов Telegram-каналов с точки зрения коммуникативной лингвистики.

Быстрорастущий интерес аудитории к Telegram стимулирует научное сообщество к изучению мессенджера со всевозможных ракурсов, не только как социальной сети и средства политической коммуникации, но и как инструмента для программирования, маркетинга, а также образовательных платформ [1; 2; 10]. В данной работе Telegram рассматривается как пространство, отражающее речевые тенденции современной учащейся молодёжи. Каналы в мессенджере стали объектом пристального изучения с точки зрения стилистики, дискурса [1; 2; 3], однако тема деривации англоязычных основ в мессенджере мало изучена; в основном рассматривалась адаптация англицизмов в соцсетях и СМИ [6; 8].

Тексты в Telegram-канале стремятся к краткости и информативности, поэтому привычные для Интернет-пространства жанры (аналитическая статья, интервью) заменяются разновидностями жанра заметки, который исследователи характеризуют как короткое информационное сообщение [3]. Данная особенность текстового оформления в большей степени свойственна личным каналам ввиду их lifestyle-тематики.

Как отмечает В.Г. Костомаров, «установка на новизну выражения» является важной доминантой публицистического стиля [4, с. 257]. Мы полагаем, что «новизна» в авторских каналах проявляется не только в виде постоянно обновляемых экспрессивных средств [4], но и в процессах, связанных с заимствованием иноязычных слов, в частности – в деривационных процессах англоязычных основ. По наблюдениям

Л.В. Рацибурской, в эпоху активной глобализации, затрагивающей все сферы жизни общества, на современные деривационные процессы оказывает влияние прежде всего «западнизация» жизни россиян на рубеже веков: «Мы являемся свидетелями либерализации языка, речевых норм в печати, возникновения принципиально иных стилистических стандартов в новых массмедиа, участниками информационной революции» [8, с. 6].

Е.С. Кубрякова, определяя термин «деривация», отметила, что он либо обобщает понятия словоизменения и словообразования, либо используется для наименования «процессов (реже – результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в том числе предложений, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определенных правил, операций» [5, с. 146]. Мы рассматриваем деривацию в первом понимании.

Все производные лексические единицы, выявленные в ходе исследования, являются ненормированными, т. е. не закреплёнными в лексикографических источниках, однако они широкоупотребимы. Мы допускаем включение этих слов в словари в дальнейшем.

Первая лексико-семантическая группа, выделенная из выборки пятнадцати каналов – адъективные лексемы. Из них наиболее распространённым ненормированным словом с англоязычной основой является слово *вайбовый*, производящее также адвербальную единицу (*вайбово*). Образованное посредством присоединения корня *-вайб-* (от англ. *vibe*) с суффиксом *-ов-* с грамматическим значением «имеющий какое-то отношение к предмету, понятию, названному производящим словом» в имени прилагательном, оно вошло в молодежный Интернет-дискурс относительно недавно. С лингвокультурологической точки зрения распространение понятий с семантикой «особая атмосфера», «визуальные предпочтения, формирующие молодежные субкультуры» связано с бумом разнообразных «эстетик» в приложении TikTok (признан экстремистским) летом 2022 года (см. популяризацию различных *-core* - *cleancore*, *studycore*, *goblincore* и др). Поскольку в современном русском языке нет слов, наиболее точно и прямо называющих подобное явление (слово «атмосфера» становится бессильным; более того, из-за его полисемичности употребление его в значении *vibe* – неочевидный, второстепенный выбор), он перенял основу из языка, на котором происходила первичная популяризация различных эстетических субкультур. В потенции лексема *вайбовый* могла бы включиться в парадигму степени сравнения, если появится необходимость отметить эстетическое превосходство одного явления над другим. Субстантивация здесь видится нам маловероятной: предметным обозначением «особой атмосферы» является слово *вайб*. Примечательно, что в английском основа *vibe* – урезанная форма *vibration*, однако связь с полной формой слова утеряна в ходе распространения тенденций, о которых см. выше.

Следующее по частотности имя прилагательное – *трушный*. По результатам запросов в поисковой системе Google данное слово было в обороте ещё в 2020 году, однако ещё не закреплено в академических лексикографических источниках. Основа лексемы *трушный* – *true* (англ. истинный, настоящий). Хотя суффикс *-ишн-* обладает грамматическим значением временного признака, именно он, а не *-ичн-*, обладающий значением качественного прилагательного, участвует в словопроизводстве. Такой выбор, нам думается, сделан из подражания разговорной речи ввиду узкого узувального употребления данного слова (см. ниже ту же тенденцию со словом *кьютишный*). Перенятие молодёжью иноязычной основы вместо использования уже имеющихся в современной русском языке аналогов *истинный*, *настоящий*, *завязтый* связано с легким шуточным употреблением нового слова. Приведем

примеры его сочетаемости непосредственно из каналов, составляющих выборку исследования: «*Я всё-таки трушная сова*», «*мои самые трушные vibes*», «*комната в общаге – уже мой трушный дом*», «*это трушная пепси*» и др.

Субстантивация слова *трушный* пока не наблюдается, однако оно уже включается в парадигму степени сравнения и переходит в наречие: «*что трушнее?*», «*Стих этот свой вспомнила. Как трушно а*».

Схожим образом наблюдаются деривационные процессы основы *кьют* (от англ. *cute*). Слово *кьютишный* менее распространено в каналах из выборки, чем предыдущие два, предположительно потому, что «колыбель» данной лексемы – бывший Twitter, нынешний X (признан экстремистским в РФ). *Кьютишный* часто использовалось в дискурсе ценителей корейской поп-музыки, однако это предмет отдельного, хотя и не менее интересного и содержательного, исследования языковой личности в Интернет-пространстве. Предметом номинации слова служит симпатичный внешний вид, человек или предмет, вызывающий умиление («*линочка самая кьютишная хотя иногда вреднулька*»). У рассматриваемой лексической единицы не найдено парадигматических связей помимо степени сравнения (см. пример выше).

Отдельно стоят лексико-семантические группы субстантивных и вербальных слов. Каждая из них включает в себя по одной лексеме.

Отличительной чертой современного словообразования ученые считают именную префиксацию [8, с. 12]. Хотя эта тенденция часто проявляется в СМИ (см. слова с префиксами *анти-*, *псевдо-* и др.), в пространстве личных Telegram-каналов мы нашли одно такое ненормированное слово – *трэш-история*. Англоязычная основа *trash* проходит процесс грамматикализации [7, с. 34], в то же время оставаясь самостоятельной лексемой: как междометие, выражающее недовольство («*мда трэш*»), как полисемичное слово, включающее в себя негативные оценочные значения «бред» и «незаурядное происшествие» («*она какой-то трэш несла*»), наконец, как основа имени прилагательного («*какой-то трэшовый день сегодня выдался*»).

В число третьей лексико-грамматической группы – вербальных лексических единиц – входит одна лексема *чиллить*. Основа *chill* позаимствована из английского языка. Толкование прилагательного *chill* в Кембриджском словаре английского языка с пометой *informal* («разг.») отсылает к нейтральному по стилистической окраске слову *relaxed* («расслабленный»). Глагол, образованный в результате присоединения аффикса *-ить* к англоязычной основе, употребляется, как показывают данные, в значении «отдыхать, бездельничать»: «*пока Настя чиллит в казани мы ... заказываем пиццу*», «*пока в группе*

обсуждают расписания, я ищу предметы, на которых можно chillить». Выбор пользователей Telegram в пользу неологизма обусловлен шуточной окраской слова.

Склонность студентов-авторов каналов к употреблению заимствованных слов с англоязычной основой вместо уже имеющихся в словарном составе современного русского языка коренится в таких типично молодёжных тенденциях, как вовлеченность в процессы, происходящие в иностранном Интернет-пространстве. С блокировкой соцсетей Meta россияне утратили тесную связь с зарубежной цифровой аудиторией, однако склонность к адаптиванию иноязычных слов сохранилась.

Обратим внимание на то, что в выборке каналов студентов-филологов не нашлось заимствованных основ с узкой сферой употребления. У обнаруженных заимствованных основ, напротив, есть русскоязычные аналоги в активном словарном запасе носителей («вайб» - «атмосфера», «кьют» - «милый», «тру» - «настоящий»)

Таким образом, удалось определить некоторые особенности процессов деривации англоязычных основ в выборке личных каналов студентов филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина в кроссплатформенной соцсети Telegram. Большая часть заимствованных и адаптированных основ обусловлена лингвокультурными факторами. Морфологические особенности связаны с грамматическим значением морфем (в частности аффиксов) и их интерпретацией в узусе студентов филологического факультета. В перспективе считаем необходимым углубить и расширить предмет исследования – увеличить выборку, не ограничиваясь при этом исключительно авторами-филологами.

Литература

1. Белякова М.Ю. Анализ рынка Telegram-каналов туристической тематики, определение траектории развития данного направления и разработка научно обоснованных рекомендаций по реализации региональных Telegram-каналов туристической направленности / М. Ю. Белякова, И. А. Козенко // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 82-95.
2. Бобров Д.В. Мессенджер Telegram как средство политической коммуникации / Д.В. Бобров, В.В. Буга // Филологический аспект. – 2023. – № 8(100). – С. 101-114.
3. Гуськова С.В., Балабанова Ю.Р. Трансформация жанров в работе региональных информационных интернет-агентств (на примере СМИ Центрального федерального округа) // Вестник ЧелГУ. 2016. – № 1 (383). – С. 50-56
4. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – Москва: Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова, 1971.

5. Кубрякова Е. С. Дери́вация // Русский язык : Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Под общ. ред. А.М. Молдована. – 4-е издание, стереотип. – Москва : АСТ-Пресс Школа, 2023. – 912 с.
6. Ли Я. Лексика соцсетей и блогов: конвергенция технологии и коммуникации / Я. Ли, О.В. Дедова // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6(97). – С. 512-515.
7. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 5-е, стереотип. – Москва : Ленанд, 2016. – 384 с.
8. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества: учеб. пособие – Москва : Флинта : Наука, 2015. – 136 с.
9. Рябова Т.В. Неузальные способы словообразования в современном политическом дискурсе интернет-коммуникации / Т.В. Рябова, Н.Г. Тищенко, О.А. Кунникова // Русский язык в поликультурном мире : VII Международный симпозиум : сборник научных статей : в 2 т., Ялта, 08-12 июня 2023 года. Том II. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. – С. 398-404.
10. Югов А.А. Языковые особенности авторских Telegram-каналов общественно-политического направления / А.А. Югов // Молодые исследователи – регионам : Материалы Международной научной конференции. В 3-х томах, Вологда, 17 марта 2018 года / Ответственный редактор А.А. Сеницын. Том III. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2018. – С. 233-234.
11. Cambridge Dictionary // [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/chill> (Дата обращения: 06.03.2024).

Kellekher M.M.

Pushkin State Russian Language Institute

Derivational potential of anglicisms in the space of russian-speaking personal telegram channels of students of the faculty of philology

The article examines irregular word production using English basics, carried out by students of the Faculty of Philology in their personal Telegram channels. Particular attention is paid to the fact of the relative isolation of blogs from the English-language Internet space and the occurrence of derivational processes in these conditions.

Keywords: derivation, word production, Telegram, anglicisms.

Клёцкина Анастасия Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

kletskina2310@gmail.com

Молчание как стратегия в информационной войне

Работа выполнена под руководством Саакяна Левона Николаевича, кандидата филологических наук, доцента кафедры общего и русского языкознания

В статье рассматривается понятие молчания в контексте информационной войны. Выделяется несколько стратегий, таких как «умолчание», «изоляция от информации».

Ключевые слова: молчание, стратегия, информационная война, манипуляция, «спираль молчания».

Феномен молчания рассматривается исследователями с разных сторон. Некоторые исследователи считают, что молчание может рассматриваться как коммуникативный акт, так как этот способ общения предполагает наличие адресанта и адресата [5] и, что особенно важно, молчание «некоммуникативно и неинформативно» вне речевого контекста [7], и поэтому может выступать как осмысленная и целенаправленная речевая стратегия. Другими словами, молчание обретает значение, «тематическую полноту» [9, с. 78] только в коммуникативной ситуации и таким образом становится элементом коммуникативной системы.

Под коммуникативной стратегией, согласно О.С. Иссерс, мы понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 54]. Молчание, по словам О.Е. Носовой, нередко выступает «самостоятельной линией речевого поведения в ответ на другие стратегии». Подобные стратегии применяются с целью «а) скрыть некоторую информацию, б) выразить протест, в) служить оправданием и защитой, г) выразить покорность, подчинение, д) не нарушить коммуникацию» [10, с. 91]. О.Е. Носова также выделяет молчания как тип речевого поведения с целью сохранить личную тайну («преднамеренный отказ от диалога»), как обоюдное («взаимное») молчание (когда «совпадают мотивы и цель коммуникации»), молчание при «каузальном» контексте, и молчание при наличии оппозиции (нежелание общаться и т.д.) [10, с. 93]. Молчание может быть использовано в качестве манипуляции, оказывая суггестивное воздействие на психику. Любой манипулятивный метод предполагает воздействие на сознание человека с целью получения выгоды в интересах манипулятора. Использование молчания может вызвать стресс, чувство эмоциональной неопределенности у оппонента, таким образом влияя на его психологическое состояние. Молчание может подталкивать людей к желанию заполнить пробел в разговоре собственными догадками и интерпретациями. Л.Н. Саакян отмечает, что «умолчание как риторическая фигура в сообщении о смерти – древний принцип эвфемии». Умолчание может также служить основным принципом мифологизирующей эвфемии [12, с. 77]. Таким образом, молчание может выступать самостоятельной коммуникативной

стратегией, методом воздействия при разных условиях и обстоятельствах. Подобная стратегия может быть использована в информационной войне.

Информационную войну В. Лисичкин и Л. Шелепин называют «войной нового типа», где не задействуется военная техника, движущей силой подобной войны выступает информация, которая направлена на управление и манипулирование общественным сознанием [13, с. 1]. Исследователи отмечают: «Задача состоит в том, чтобы заставить массы действовать в нужном направлении даже против своих интересов, а в стане противника расколоть людей, заставить их встать друг против друга» [2, с. 278]. Война такого типа осуществляется при помощи телевидения, радио, печатных СМИ, Интернета (сайты, подкасты, социальные сети, форумы и т.п. [4]). По словам Л.А. Гладковой: «Каждая из противодействующих сторон имеет в своем арсенале телекомпании, радиостанции, журналы и газеты, лоббирующие их интересы и борющиеся за “свою” аудиторию» [1, с. 41].

Молчание является одной из основных и часто упоминаемых исследователями стратегий в ведении информационной войны. Оно, по мнению Д.В. Попова, «превращает речь в шифр, требующий знания ключа дешифровки» [11, с. 166].

Д.Л. Шукуров отмечает «метод умолчания», согласно которому информация, важная для общества и нежеланная для государства, исключается по определенным причинам [13, с. 2]. Например, информация, «порочащая имидж государственных деятелей и политического режима» [13, с. 2], может не допускаться в сводки новостей, не транслироваться по радио, «умалчиваться». Т.Р. Копылова пишет: «объекты умолчания подчеркивают частичность информации сокрытой от адресата: умалчиваются конкретные факты» [6, с. 109]. Д.В. Попов называет культуру умолчания «особым диалектом, в котором органически уживается говорение на общепринятом политкорректном языке наряду с недомолвками и аллюзиями» [11, с. 165].

Л.А. Гладкова выделяет стратегию «изоляции от информации» [1, с. 39], в качестве примера исследователь приводит политику СССР 20-80х годов двадцатого столетия, которая зачастую включала цензуру информации из-за границы и контроль над средствами массовой информации внутри страны. Северная Корея также известна своей изоляционной политикой и минимальной доступностью информации о внутренних делах страны. В настоящее время такой стратегии умолчания фактов, противоречащих западной «либерально-демократической» повестке и «отмены России», придерживается подавляющее большинство СМИ стран североатлантического альянса.

Подобные стратегии могут быть использованы вместе со «спиралью молчания», концепцией, разработанной Элизабет Ноэль-Нойман. «Спираль» – это процесс, в котором

люди ограничивают себя в выражении своих мнений из-за страха быть изолированными от общества. Чем больше их мнения расходятся с общепринятым, тем меньше они склонны высказываться, чтобы избежать конфликта и социальных рисков. Если носитель «непопулярного» мнения молчит или присоединяется к большинству, другие люди принимают это за социальную норму и также не высказывают свою позицию. Так эффект усиливается, спираль продолжает раскручиваться и в перспективе это может привести к принятию молчания как общественной позиции. Раскручиванию «спирали» также способствуют средства массовой информации, создавшие платформу, на основе которой каждый может составить свое представление об общественном мнении [8]. В этих условиях «спираль молчания» может использоваться в «качестве инструмента манипуляции общественным мнением» [8, с. 62] при помощи «изоляции информации», «метода умолчания». Концепция Ноэль-Нойман может быть связана с информационной войной, поскольку в рамках манипуляции общественным мнением участие в этой войне подразумевает не только умалчивания информации, но и создание условий, в которых большинство людей предпочитают оставаться молчаливыми, из-за страха или недоверия к информации. Таким образом, молчание может стать инструментом информационной войны, потому что отсутствие четких голосов и мнений позволяет манипуляторам контролировать искаженный образ событий и ситуации.

Противоборство в информационном пространстве становится все более актуальной проблемой в современном мире, где информация в формировании общественного мнения играет ключевую роль и далеко не последнюю в воздействии на политические процессы. Применение различных стратегий, включая молчание, становится важным аспектом информационной войны. Стратегия молчания позволяет противоборствующим сторонам управлять информацией как на внутригосударственном, так и на мировом уровнях, сохраняя контроль над информационным полем и создавая необходимый образ страны для внешнего мира.

Литература

1. Гладкова Л.А. Глобальная информационная война. // СМИ (медиа) и массовые коммуникации. – №1. – 2016. – С. 36-44.
2. Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления. // Политология. – 2013. – УДК 07. – С. 276-279.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.

4. Касюк А.Я. Информационно-психологические операции: история и современность. // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – Вып. 1 (794). – 2018. – С. 27-39
5. Копылова Т.Р. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализу // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – УДК 81-114.2 – С. 2.
6. Копылова Т.Р. Стратегии преднамеренного молчания в политическом дискурсе. // Вестник Челябинского государственного университета. – №10. – 2015. – С. 107-112.
7. Корнилова Н.Б. Слово и молчание: аспекты взаимодействия // [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/38tRrS> (дата обращения 18.02.24)
8. Лукашевич Д.А. Применимость теории «спирали молчания» к сети интернет и новым медиа // Теория и практика массовой коммуникации – УДК 32.019.5. – 2013. – С. 61-66.
9. Мухаметов Д.Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – №5 (3). – С. 77-82.
10. Носова О.Е. Стратегические ресурсы молчания // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 31. – С. 89-95.
11. Попов Д.В. Политическое молчание: формы, значение, пути инклюзия в политическую речь. // Издательство «Грамота». – Том 13. Выпуск 8. – 2020. – С. 164-169.
12. Саакян Л.Н., Северская О.И. Эвфемия в межкультурной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – №3. – С. 75-81.
13. Шукуров Д.Л. Информационные войны и психоанализ // Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века. – 2012. – 5 с.

Kletskina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Silence as a Strategy in Information Warfare

The article examines the concept of silence in the context of information warfare. There are several strategies, such as "silence", "isolation from information".

Keywords: silence, strategy, information warfare, spiral of silence.

Клюка Вероника Антоновна

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

veruniakluka@gmail.com

Сенсорная лексика в идиостиле И. Бунина

Работа выполнена под руководством Никитиной Надежды Евгеньевны,
кандидата филологических наук, доцента.

В статье исследуются структурно-смысловые средства создания сенсорной лексики в рассказах И. Бунина. Цель статьи – определить особенности функционально-смысловой нагрузки сенсорной лексики в рассказах. Сенсорная лексика рассматривается в статье как средство репрезентации чувственного опыта автора. Сделан вывод, что язык чувственных ощущений способен повысить эмоциональное богатство и художественность любого вида дискурса.

Ключевые слова: сенсорная лексика, восприятие, перцептивные процессы.

Чувственное восприятие играет важную роль в том, как человек познаёт мир вокруг себя. Ощущения, связанные со зрением, слухом, осязанием, обонянием и вкусом, находят своё отражение в языке и становятся предметом изучения в таких областях современной лингвистики, как когнитивная лингвистика, сравнительно-типологическая лингвистика, дискурсивная лингвистика, психолингвистика, стилистика и др. В настоящее время формируется отдельное направление лингвистического исследования – сенсорная лингвистика (лингвосенсорика), которая занимается языковым отображением восприятия и вербальным представлением пяти органов чувств. Язык сенсорных ощущений способен усиливать эмоциональную насыщенность и художественность в любом виде дискурса.

Восприятие является сложным психологическим явлением, которое напрямую или опосредованно связано с различными аспектами человеческого существования. Гуманитарные науки активно исследуют данный процесс. В рамках этих исследований находятся духовные и физиологические аспекты человека, его поведение, взаимодействие с другими людьми, его представления о мире и то, как эти представления реализуются в языке или в искусстве. Аристотель является одним из первых философов, разработавших комплексную теорию чувственного восприятия, объединив при этом философию и психологию. В своей концепции он выделял 5 основных органов чувств: зрение, слух, вкус, обоняние и тактильные способности. Позже к ним была добавлена моторная (двигательная) система. С течением времени пятичастная модель, предложенная Аристотелем, утвердилась. Выделяя основные органы чувств, он проводил аналогию между каждым из них и одной из четырех стихий: зрение было связано со стихией воды, слух – со стихией воздуха, обоняние – со стихией огня, а осязание – со стихией земли. Вкус Аристотель считал особой формой осязания, рассматривая его как главное первичное ощущение, потому что он присущ всем живым организмам и позволяет воспринимать свойства всех четырех природных элементов [1, с. 423].

Несмотря на многолетнее и многоаспектное исследование восприятия, на сегодняшний день не существует общепринятого определения этого процесса. Большинство исследователей придерживаются классификации восприятия на базе основных каналов получения сенсорной информации или отдельных органов чувств. Как отмечает Е.С. Кубрякова, термин *восприятие* «равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ» [2, с. 17]. Психологи и лингвисты отмечают, что восприятие обладает структурным характером, где компоненты процесса играют разные роли в зависимости от объема информации, поступающей в сознание человека. Являясь по своей психологической природе процессом, восприятие представляется в языке посредством процессуальной лексики и, в первую очередь, перцептивными глаголами [3, с. 151].

Формы чувствительности, органы восприятия, смежность и взаимообусловленность процесса восприятия и других психологических явлений, связь восприятия с формированием социальной и онтологической сфер языковой картины мира в первую очередь находят выражение в лексике – в лексических значениях и особенностях словоупотребления. Морфологические и синтаксические модели тоже вовлечены в процесс концептуализации перцептивных явлений, но они оказываются вторичными по отношению к лексико-семантическому проявлению перцептивных значений. Параметры перцептивной ситуации маркируются вербально: возникновением в языке специальной лексики. Появление в высказывании обозначений типа *видеть, взор, слепой, появиться, созерцать* и др. всегда сигнализирует о явной или скрытой, основанной на художественном переосмыслении, репрезентации психологического процесса восприятия [4, с. 165].

Малая проза И.А. Бунина является одним из самых впечатляющих элементов его творчества, поскольку здесь автор демонстрирует свое мастерское владение языком и способность создавать глубокие образы и персонажей путем использования относительно простых форм. Для исследования сенсорной лексики в семантической организации рассказов И.А. Бунина были выбраны следующие произведения: «Руся» (далее – «Р»), «Антоновские яблоки» (далее – «А»), «Муза» (далее – «М»), «Сны Чанга» (далее – «С»), «В деревне» (далее – «В»).

В иерархии сенсорных моделей в творчестве И.А. Бунина **зрительное восприятие** занимает первое место. Оно определено как основной способ ориентации в пространстве, происходящий с учетом информации, которую фиксирует человеческий взгляд. В эту группу входят слова, относящиеся к свету/темноте (*яркий, темный*), цвету (*черный, белый, изумрудный*), форме (*прямоугольный, круглый*), движению (*летать, прыгать*) и другим внешним характеристикам объектов и явлений. Самой объемной лексико-семантической группой зрительного восприятия является **цвет** (56 единиц), который воспринимается как признак предмета.

Один из любимых цветов И.А. Бунина – черный. В исследуемых произведениях он встречается чаще, чем любой другой цвет (10 единиц). Черный цвет используется с различными целями: для описания внешности героев: *черная коса* (Р), *черные глаза* (Р), *черные зрачки* (Р); повествования о пейзаже и местности, которая окружает героев: *черный сад* (А), *черный пруд* (М), *чернеющие избы* (В), *черно-коричневые горы* (С).

При описании внешности человека активно проявляет себя серый цвет (6 единиц), обозначая загадочность, скрытность; указывая на то, что герои не выделяются на общем фоне окружающей их мрачной действительности: *грязно-серые гетры* (М), *серая зимняя шляпка* (М), *серое пальто* (М), *серые ботинки* (М).

Белый цвет (5 единиц) противопоставляется серому и чёрному и выступает как символ чистоты: *белоснежные подушки* (С), *человек в белой одежде* (С).

В текстах встречается цвет, созданный самим автором: *глаза цвета желудя* (М). Цвет желудя (желто-коричневый) вызывает ассоциацию с глазами хищного зверя, что весьма необычно для описания женского лица. Акцентируя внимание на глазах героини, автор стремится более детально исследовать и раскрыть её сложный внутренний мир, поскольку глаза считаются зеркалом души.

Обнаруживаются в текстах также и сложные наименования цветов, в которых ярко проявляется отношение автора к происходящему. Такой пример, как *длинные волосы, крупными сальными кудрями закинутые назад...на бабшаках грязно-серые гетры, – я их особенно ненавижу...* указывает на неопрятность героя, а в предложении *...угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе...* подчеркивается суровая и мрачная погода зимнего вечера.

Самой малочисленной лексико-семантической группой зрительного восприятия является **размер** (6 примеров). В данной группе обнаруживается одна оппозиция:

«большой–мелкий» (*большая дорога* (М), *большая комната* (С), *мелкий лес* (Р)). Характеризуется размер и с точки зрения длины и высоты для детализации образа героев: *длинные кудри* (М) *высокая девушка* (М).

Сфера **звучания** является смыслообразующей и способствует созданию общей атмосферы в текстах И.А. Бунина. В рассказах широко представлены громкие звуки (29 примеров). Они воздействуют на восприятие читателя, способствует активному образованию смысловых ассоциативных рядов, образов, объединенных одним семантическим полем: *за шумел поезд* (Р), *шум молотьбы* (А), *шум воды* (С), *громовой грохот* (С), *я крикнул* (М), *грохот поезда* (В), *грозно кричит кучер* (В) и др. Громким звукам противопоставляются тихие (6 примеров: *тихо спрашивал* (Р), *тихое утро* (А), *тихий лес* (М) и т. д.), которые отражают умиротворение и спокойствие окружающей героя действительности. Особый смысл приобретают **звуки природы** (6 примеров): *шум воды* (С), *ветер гудит* (А), *загремят полые воды* (В) и др. Данные звуки ограничены во времени и связаны с определенным периодом жизни человека, который их воспринимает.

В художественной литературе **запахи** входят в число отдельных аспектов описания окружающей действительности. Однако система обоняния является достаточно редкой по сравнению с другими сенсорными системами. В исследуемом материале преобладают запахи, оцениваемые положительно (21 пример): *свежее утро* (А), *запах твоей головы* (Р), *ржаной аромат* (А), *крепкий чайный запах* (С) и т. д. Неприятных запахов значительно меньше (8 примеров): *сыро пахло болотом* (Р), *запах гадкого одеколона* (Р), *кисло воняет пивом* (М), *несло сыростью* (М) и др. Для И. А. Бунина счастье – это полная гармония с природой, поэтому анализируемые рассказы наполнены различными запахами природы (15 примеров): *аромат опавшей листвы* (А), *свежий пахучий дождь* (Р), *парной воздух* (Р) и т.д.

Самыми малочисленными группами сенсорной лексики в рассказах И.А. Бунина являются **осязание** и **вкусовое восприятие**.

Осязание включает в себя 4 тематические группы: 1) текстура (5 примеров): *сухие волосы* (Р), *бугристый диван* (М), *скользящая кожа* (А); 2) температура (13 примеров): *день жаркий* (Р), *вода ледяная* (А), *жаркий коридор* (С), *теплый деревенский домик* (В); 3) влажность (5 примеров): *мокрая рука* (Р), *мокрый снег* (М), *мокрая солома* (В); 4) боль (1 пример): *больно сечет лицо* (В). Ситуация тактильного восприятия реализуется в тексте через описание природы и мира человека.

Что касается вкусовых характеристик (4 примера), то в исследуемом материале встретился лишь один основной тип вкуса – *сладкий* (3 единицы): *сладкий-пресладкий квас* (А), *сладкое молоко* (С), *сладкий хлеб* (С). В рассказе «Антоновские яблоки» встречается такой пример: *ядреная антоновка – к веселому году...* Использование автором редкого прилагательного *ядреная* ярко передает ощущение оттенков очень кислого, чрезмерно насыщенного и сильно крепкого вкуса, влияющего на сознание человека. В художественном аспекте рассказа такое сочетание вкусовых оттенков воспринимается как символ русской деревни.

Восприятие играет важную роль в создании текста, обращая внимание как на чувственное восприятие отдельных персонажей, так и на особенности мировосприятия автора. Оно передает ключевую информацию и способствуют формированию эмоционального фона произведения. Через использование звуковых, зрительных, обонятельных характеристик воссоздаются отдельные сюжетные линии, описывается поведение персонажей, раскрываются их портреты. Высказывания с семантикой чувственного восприятия позволяют реалистично описать ситуацию – не только показать общую картину, но и детализировать описываемые события и явления. Именно детализация, вербализованная в рассказах И.А. Бунина посредством лексических и синтаксических единиц с перцептивной семантикой, может быть рассмотрена как черта идиостиля писателя.

Литература

1. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. – Москва, 1975. – Т.1. – 550 с.
2. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва : Моск. гос. ун-т, 1996. – 245 с.
3. Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. – Белгород : БелГУ, 2005. – 264 с.
4. Харченко В.К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. – Москва : Либроком, 2012. – 216 с.

Klyuka V.A.

Brest State University named after A.S. Pushkin

Sensory vocabulary in the idiostyle of A. Bunin

The article examines the structural and semantic means of creating sensory vocabulary in the stories of I. Bunin. The purpose of the article is to determine the features of the functional and semantic load of sensory vocabulary in stories. Sensory vocabulary is considered in the article as a means of representing the author's sensory experience. It is

concluded that the language of sensory sensations can increase the emotional richness and artistry of any type of discourse.

Keywords: sensory vocabulary, perception, perceptual processes.

Ковалевская Валентина Павловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ljkovalevskaya@gmail.com

Фольклорные элементы в «Истории о Василии Кориотском»

Работа выполнена под руководством Д.А. Супруновой, ассистента кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

В статье с точки зрения фольклорных истоков анализируются структурные и мотивные элементы «Истории о Василии Кориотском». Делается вывод о схожести структуры повести с модифицированной волшебной сказкой, рассматриваются функции героев «Истории...». Описывается характер художественного пространства повести и фольклорные корни некоторых мотивов.

Ключевые слова: фольклор; русское барокко; история; фольклорные элементы; волшебная сказка.

«История о Василии Кориотском» – один из памятников русского барокко, относящийся к эпохе Петра Великого. Вопрос о происхождении повести активно обсуждается в отечественном литературоведении с начала XX века. Этим вопросом занимались такие исследователи как Л.Н. Майков, Г.Н. Моисеева, Ю.М. Лотман, А.Н. Пыпин и другие. Несмотря на то, что единой точки зрения на источники «Истории...» нет, все ученые отмечают несомненную тесную связь повести с переводным авантюрным романом и фольклором [7, с. 365]. Фольклорные и мифологические элементы в повести крайне разнообразны, и данная статья посвящена исследованию структуры «Истории...» с точки зрения фольклорных истоков.

Сюжет повести делится на две большие части, четкую границу между которыми прочертить сложно: о путешествии за деньгами и о спасении принцессы [7, с. 358-359], каждая из которых напоминает модифицированную волшебную сказку.

Первая часть – сказка о сыне, который едет за деньгами для отца: герой вызывается восполнить недостачу и отправляется в путь [8, с. 38]. Василий попадает к «галандскому гостю», выполняет его поручения и получает в награду «четыре тысячи ефимков золотых двухрублевых» [10, с. 11], которые отправляет к отцу. Затем герой намеревается вернуться на родину. Он снова выполняет задания купца и тот дарит ему «три корабля с разными товарами и суммы своей денежной казны довольно» [10, с. 12]. С помощью этих денег Василий позже обманывает разбойников. Функция «галандского гостя» в сюжете напоминает функцию дарителя: он просит героя исполнить просьбу и награждает его модификацией волшебного

предмета (кораблями с золотыми монетами), который помогает герою впоследствии [8, с. 40]. На волшебное происхождение кораблей косвенно указывает и их количество – три.

На подаренных купцом судах Василий отправляется домой, но попадает в шторм и оказывается на острове разбойников. Сам остров обладает всеми атрибутами переходного пространства: «токмо хотя и много время по морям ходил, а такого острова не видал, понеже на оном острове великой непроходимой лес и великие трясины и болота, что от моря никуды и проходу нет» [10, с. 12]. Лес, река, болото являются фольклорными атрибутами перехода в мир мертвых, их пространство охраняется неким мифологическим существом, сторожащим границу между верхним и нижним миром [9, с. 40].

В «Гистории...» можно выделить несколько переходных пространств: остров разбойников, остров, на который прибывает Василий, после того как его выбрасывает за борт Флегонт, и непосредственно море. Морская стихия в повести имеет сходные черты с морем в «Тристане и Изольде»: каждый раз оно спасает героя от смерти и выносит его к следующей сюжетной точке, демонстрируя некую субъектность [4, с. 631-633]. Кроме того, переходные пространства в повести расположены на островах посреди моря. С ним же связан эпизод мнимой смерти Василия, когда адмирал приказывает выбросить его за борт.

В лесу Василий находит жилище разбойников: «Виде великой, огромной двор, поприща на три, весь кругом стоящим тыном огорожен» [10, с. 13]. Жилище разбойников напоминает «дом в лесу» Бабы Яги, а сами разбойники выполняют ее функцию. Для того чтобы успешно войти, Василию надо сказать правильные слова, аналог обращения к избушке в сказках [9, с. 42]: «ежели добрым человеком, то убьют; ежели сказаться разбойником, то в разбоях не бывал» [10, с. 13].

Разбойники в «Гистории...» переходят из одной «сказки» в другую, меняя при этом, свою функцию. В первой части повести они ведут себя как коллективный даритель: выспрашивают «пароль», затем дают герою задание принести им деньги. Василий успешно проходит испытание с помощью «волшебного средства» от предыдущего дарителя-купца – золотых монет, зашитых в кафтане.

Следует отметить особую функцию мотива сна в повести. В «Гистории...» есть два эпизода, в которых главный герой, нуждаясь в помощи, молится, засыпает, а проснувшись, находит решение. Оба эти эпизода происходят в переходном пространстве островов, на которые Василия выбрасывает море: остров разбойников и остров, на который попадает герой после того, как его выбрасывают за борт корабля. Так как море, остров и сон являются пограничными пространствами, можно утверждать, что молитва в повести выполняет функцию заговора.

Разбойники отправляют Василия за прибылью три раза, он трижды проходит испытание: «И после того еще его отпускали одного на разбой дважды, и он к ним приносил по двести червонцев, которые его добычи как атаман и вси разбойники зело дивились, что счастлив» [10, с. 14]. Затем разбойники подвергают героя новой проверке: просят его стать атаманом. Просьба повторяется три раза, дважды он отказывается, но на третий соглашается, таким образом проходя испытание и получая в награду власть над самим дарителем – разбойниками [8, с. 45]. Следовательно, Василий выдерживает три вида проверки: притвориться разбойником, то есть своим, принести шайке деньги и согласиться стать атаманом. После этого эпизода характер функций разбойников меняется, что дает основание поставить границу между двумя сказками после эпизода принятия Василием атаманства.

Во второй части повести разбойничья шайка совмещает в себе функции налагателя запрета и антагониста. Сюжет содержит множество фольклорно-мифологических элементов со своими функциями, поэтому в настоящей статье будут освещены только наиболее значимые из них.

Вторая сказка начинается с наложения запрета: («И как к тому чулану приидоша и ключи ему даша от него, тоию реша ему: «Господин атаман, изволь ключи принять, а без нас во оной чулан не ходить; а ежели без нас станешь ходить, а сведаем, то тебе живу не быть» [10, с. 15]) и его нарушения («И не долг час размыслил и осмелился отпереть чулан и дверь отворить, и виде девицу зело прекрасну в златом одеянии королевском одету, яко той красоты во всем свете сказать невозможно» [10, с. 15]). Царевна сообщает герою о беде, он вызывается восполнить недостачу [8, с. 38], пообещав спасти невесту от похитителей: «Доношу вам, изволь верить: ежели меня бог вынесет от них, то и тебя не оставлю, токмо прошу не промолвиться им, что я у вас был» [10, с. 16]. После этого, обманув разбойников, герои с помощью рыбаков бегут с острова, а разбойники, в свою очередь, как и положено сказочным антагонистам, устраивают погоню [8, с. 53].

Следующий эпизод, вызывающий особенный интерес, это прием Василия царем Цесарии. Героя вновь сначала расспрашивают, а затем подвергают испытанию: «И как вошли внутрь царских палат, в палату убранную, в которой был поставлен стол со всем убранством и кушаньем, потом цесарь стал российского матроса сажать за стол кушать» [10, с. 18]. Поведя себя скромно, Василий опять проходит проверку и получает в награду расположение цесаря.

Второй сюжетный ход этой сказки начинается с прибытием антагониста – адмирала Флоренского государства. Как только Василий сообщает об этом Ираклии, то вместо того, чтобы радоваться, она просит сшить себе черное траурное платье: «То королевна слышав,

зело опечалилась всем сердцем; и просила королева у Василия, чтобы приказал сделать ей черное платье печальное, которое во всякой скорости сделано» [10, с. 20]. На следующий день адмирал просит царевну вернуться домой; Ираклия говорит, что ее судьба в руках ее спасителя, и Василий не отпускает королеву.

Адмирал собирается увезти Ираклию обманом и приглашает Василия и царевну на борт своего корабля. Ираклия, все еще облаченная в траурное платье, предсказывает беду («Тогда королева рече ему: “Государь мой, я опасна того, что сей адмирал вороват, не сделал бы чего над нами; того ради весьма опасуюсь”») [10, с. 21], но Василий ее не слушает. Предрекая несчастье и предупреждая о нем, при этом повинувшись судьбе и решению мужчины, Ираклия выполняет функции фольклорного образа «мудрой девы» [2].

Как только герои оказываются на корабле, адмирал поднимает паруса и отплывает. Затем он приказывает выбросить Василия за борт, взяв под страхом смерти с Ираклии слово молчать об этом, однако героя спасают офицеры: «И бивши его, едва жива оставил и велел своим офицерам, навязавши ядро пушечное, бросить в морскую глубину. Тогда офицеры, взяв Василия из корабля и помня прежнюю его к себе милость, взяв, положили в малую лодку и спустили на море, шляпу его с ядром пушечным с корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и он в глубину морскую с ядром уйде, только шляпа его наверху плавает» [10, с. 21].

В названном фрагменте Василий вновь переживает мнимую смерть, попадая при этом в переходное пространство, на остров, где он засыпает: «Василия же в том малом судне принесло к некоему малому острову, на который остров вышед, нача горько плакати о своем несчастии и призвал господа бога на помощь, и с той печали на том острове уснул крепким сном» [10, с. 22]. Таким образом, и Ираклия, и Василий имитируют спуск в загробный мир: Ираклия надевает ритуальную траурную одежду, будучи живой, а Василий переживает ненастоящую смерть и оказывается в пограничном пространстве.

Тема смерти и перехода в нижний мир не случайна, дальше она развивается в эпизоде с узнаванием Василия. Когда корабль с царевной прибывает во Флоренцию, король собирается выдать ее за адмирала. На свадьбу Ираклия едет как на похороны – в черном платье. Чтобы привлечь ее внимание, Василий играет на арфе песню, которой его научила королева. Услышав ее, Ираклия узнает героя, сажает его к себе в карету и везет во дворец. Этот сюжет повторяет древнегреческий миф об Орфее и Эвридике: герой спускается за любимой в царство мертвых и вызволяет ее оттуда «волшебной» песней.

«Гистория...», как и полагается волшебной сказке, заканчивается вступлением героя в брак и его воцарением [8, с. 59]: «<...> [Василий] поживе в великой славе и после короля

Флоренского был королем Флоренским; и поживе многие лета и с прекрасной королевной Ираклиею и потом скончался» [10, с. 24-25].

Таким образом, структура «Гистории о Василии Кориотском» напоминает модифицированную структуру волшебной сказки, в подробностях описанную В. Я. Проппом. Функции героев повести в целом укладываются в типы, выделенные ученым в его знаменитом труде «Морфологии сказки». Переходные пространства, мотивы спуска в нижний мир, сна и «волшебной» песни указывают на фольклорные корни барочного текста.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2006. – Т. 15: XVII век. – 530 с.
2. Дроздова М.А. Эволюция женского образа в русской литературе XV–XVII веков : автореф. дис. ... кан. филол. наук. – Мытищи, 2019. – 117 с.
3. Курышева Л.А. Сюжетно-мотивные комплексы русской рукописной литературы XVIII века // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск : Гео, 2012. – С. 27-36.
4. Легенда о Тристане и Изольде / подг. А.Д. Михайлов. – Москва : Наука, 1976. – С. 623-697.
5. Майков Л.Н. Неизвестная русская повесть петровского времени. – СПб., 1880. – 48 с.
6. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – Москва : РГГУ, 2000. – С. 24-31.
7. Моисеева Г.Н. Гистория о российском матросе Василии Кириацком (К вопросу о составе и происхождении повести) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10. – С. 358-388.
8. Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. – 166 с.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. – Москва : Издательство «Лабиринт», 2000. – 336 с.
10. Хрестоматия по русской литературе XVIII в. Сост. А.В.Кокорев – Л., 1965. – С.10-25.
11. Frazer J.G. The golden bough, pt. II. Taboo and the perils of the soul. 3 ed. London, 1911.

Kovalevskaya V.P.

Pushkin State Russian Language Institute

Folklore elements in «Gistoria o Vasilii Koriotskom»

The article analyzes the structural and motivic elements of «Gistoria of Basil Koriot» from the point of view of folklore origins. A conclusion is drawn about the similarity of the structure of the story with a modified fairy tale, and

the functions of the heroes of «Gistoria...» are considered. The character of the artistic space of the story and the folklore roots of some motifs are described.

Key words: folklore; Russian Baroque; history; folklore elements; fairy tale.

Колегаева Вероника Данииловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

vdkolegaeva@yandex.ru

Времена и эпохи в творчестве Вени Д'ркина

В статье рассматривается историко-временной аспект творчества поэта и музыканта Александра Литвинова (сценический псевдоним – Вени Д'ркин) как приём для создания художественного образа.

Ключевые слова: исторический контекст, творческий образ, Вени Д'ркин, художественная концепция, сказочные элементы.

В 2023 году произошло событие, ставшее знаковым для всех, кто знал, слушал и поддерживал Александра Литвинова, известного под творческим псевдонимом Вени Д'ркин или Дрантя. Это событие – издание энциклопедического масштаба книги «ДрАнтология», в которую вошли все сохранившиеся поэтические и прозаические тексты поэта, множество фотографий, рисунков и картин, а также воспоминания близких, концертография и одна литературоведческая статья. Материалы книги щепетильно собирались, обрабатывались и систематизировались в течение двадцати лет, практически с момента смерти Д'ркина в августе 1999 года. Данное издание обобщило и заархивировало все самое важное, что было и есть связано с творчеством и личной жизнью этого молодого поэта, сказочника, барда, творившего и жившего в эпоху перестройки.

На данный момент достаточно сложно говорить об актуальности исследования, поскольку сама по себе «ДрАнтология» является итогом творчества Д'ркина и в полной мере раскрывает и описывает феномен его личности. Кроме того, существует значительное количество литературоведческих научных работ, целью которых является глубокий анализ текстов и монографическое рецензирование.

Тем не менее, предполагается, что такой аспект, как исторический контекст в произведениях, имеет место как малоисследованный в связи с тем, что многие тексты отражают живую, современную для Д'ркина культуру, которая стихийно формировалась с началом Перестройки; особенности же произведений, в которых на первое место выходит художественная, культурная, языковая мимикрия, часто упускаются из виду при интерпретации философии Александра Литвинова – сказочника, вечного одинокого странника. Хотя именно уподобление дореволюционному слогу (а отдельные строфы –

полностью на французском языке), упоминание реальных исторических событий и эстетизация гусарства появляются в одной из первых сохранившихся песен Литвинова «Гусарский вальс», которая датируется июнем 1987 года [1].

«Сударыни прекрасны в белых платьях; Гусары элегантны в голубом. Valse de nuit... Un, deux, trois... Grand merci... Pas de quoi... Vous dansez la valse très jolie... Grand merci...»

Веня Д'ркин периодически возвращается к «золотой» и «серебряной» эпохам в лирических произведениях. Две более известные песни – «Светлейший князь» и «Любовь на перше» – являют собой потрясающий гимн далекому для молодежи перестройки времени. Что объединяет многие “исторические” песни Вени Д'ркина с точки зрения художественных приемов, так это прямо или косвенное (в некотором смысле бессознательное) обращение к главным лицам. Например, в “Светлейшем князе” лирический герой вспоминает о первом как о старом друге, делая акцент на привычках и личной жизни князя, а также на том, какой глубокой была пропасть между ними. Герой возвращается в сложно измеримое прошлое, поминая князя (необязательно - после смерти) и ностальгируя по временам, когда князь “собирал гостей в каминном зале и угощал изысканным со льдом”.

В «Любви на перше» на первое место вновь выходит острое чувство ностальгии: текст целиком представляет собой обращение к девушке, вызывавшей у лирического героя глубокие любовные чувства. Однако интересно начало песни, а именно первая строчка, по которой песню чаще называют поклонники творчества: “Я в коем веке помню Вас...”. Как и в «Светлейшем князе», это обращение в прошлое, а не в будущее.

Нельзя однозначно сказать, какую роль играют в данных текстах культурные отсылки и аллюзии, поскольку в большинстве произведений Вени Д'ркина преобладает исключительно авторское наполнение. Одна из знакомых поэта утверждала, что он не знал французского языка (хотя мы можем видеть целые строфы на французском языке), но неоднократно возвращался к его изучению. Создавая свои литературные и музыкальные произведения, Д'ркин оперировал собственным воображением. Его нельзя назвать поэтом модерна или постмодерна, поскольку и для одного, и для другого характерна культурная “прошивка”, реминисценция, которую читатель-потребитель должен самостоятельно воспринять и прочесть. [2] Веня Д'ркин создает собственную вселенную, наполняемую образами, во многом очевидными только для него самого или для ближайшего его окружения. Этим он заметно отличается от многих современников и единомышленников, в том числе от Александра Непомнящего, чьи песни, глубоко политичные и пацифичные, наполнены прямыми и скрытыми отсылками к религиозным, художественным текстам и в целом к мировой истории.

Однако, вновь обращаясь к исторической теме в творчестве Александра Литвинова, нельзя не предположить вероятность того, что поэт вдохновлялся (и в дальнейшем стал это вдохновение выражать) творчеством Александра Вертинского, великого поэта, музыканта, актера, одного из самых известных русских эмигрантов украинского происхождения. Предположения могут быть обоснованы следующими наблюдениями: во-первых, сама лексическая наполненность “исторических” текстов Литвинова перекликается со многими лирическими текстами А.Н. Вертинского – например, «Любовь на перше» Литвинова можно соотнести с известной песней «Мадам, уже падают листья...» Вертинского, в которой лирический герой обращается к объекту любви и сожалеет о невозможности реализовать с объектом любви романтические отношения. «Любовь на перше» также допустимо сопоставить с произведением «Piccolo bambino». В этой песне фигурирует некая цирковая балерина, смерть которой оплакивает клоун, отвергнутый ею еще при жизни. А в литвиновской «Любви» есть такие строки:

Бродячий цирк мсье Марсо.
У вас огромный алый бант,
А я – бродяга-музыкант
А Вы крутили колесо.

Веня Д’ркин, как и Александр Вертинский, остался для почитателей человеком-оркестром: он сам писал и исполнял свои произведения, в которых возвышенные и для всех понятные категории приобретали флер таинственности, новые причудливые формы, неотделимые от образа их создателя. Вторая деталь, дающая нам основание полагать, что обращение Дранти к исторической тематике связано с вдохновением Александром Вертинским, – это элемент сценического образа, а именно грим Пьеро, который Литвинов часто наносил перед концертом. Образ же несчастного русского Пьеро принес в отечественную культуру именно Вертинский [3]. Подтвердить данную гипотезу не представляется возможным, но совокупность аспектов дает основание полагать, что Веня Дркин мог осознанно или неосознанно создавать и своим образом, и своими текстами аллюзию на творчество А.Н. Вертинского.

В контексте исторической тематики творчества Александра Литвинова нельзя не сказать и о других “временах”, нашедших отражение в лирических текстах. Более того – автор пробует себя в новых жанрах, как, например, в песне «Про любовь», в которой Д’ркин обращается к истории Дикого Запада и имитирует стиль кантри.

В некоторых песнях Литвинова имеет место религиозная тематика, которая находит выражение через погружение в исторический контекст, пусть и не в полной мере. С другой

стороны, единичные отсылки на историю используется не столько для того, чтобы выразить собственную позицию (как в текстах Александра Непомнящего), сколько для наполнения текстов эстетикой мистицизма, волшебства. Примерами данного приема могут стать песни «Апо Domini», «Нибелунг», «Матушка Игуменя», «Бесимся».

Подчеркнем, что значительная часть сведений о лирических и прозаических текстах Александра Литвинова собрана в «Дрантологии». Близкие и знакомые поэта отмечали, что Дрантя пробовал себя практически во всех существующих музыкальных жанрах. И здесь не менее важно отметить, что для достижения такой цели сложно избежать обращения к истории и тому культурному наследию, которое она уже оставила. Можно сказать, что роль исторической темы не является ведущей в творчестве Вени Д'ркина, но несмотря на это, просматривается и выделяется достаточно четко. Д'ркин погружался в другие в самом начале своего творческого пути. «Гусарский вальс» стал одним из первых лирических творений Литвинова, спустя всего три года появилась песня «Любовь на перше». Исследователям не предоставляется возможным оценить потенциальную истинную роль исторической тематики в контексте других в творчестве поэта, что связано с ранним уходом поэта из жизни в 1999 году, но интерпретации некоторых текстов становятся для исследователей значительно проще благодаря архивным документам и интервью, собранным в издании «Дрантология».

Литература

1. Литвинов А.М. Наследники. – 2023. – ДрАнтология // Выргород 2023
2. Столбова Н.В. Пути Флаэртианы: антропология смыслообразующих пространств // Технологос. 2015. – №3.
3. Брызгалова Е.Н. Игра как способ изображения мира в поэзии А.Н. Вертинского // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2018. – №2.

Kolegaeva V.D.

Pushkin State Institute of the Russian Language

The times and the ages of Venya Drkin's poetics

The article examines the historical and temporal aspect of the work of poet and musician Alexander Litvinov (the stage name is Venya Drkin) as a technique for creating an artistic image.

Keywords: historical context, creative image, Venya Drkin, artistic concept, fabulous elements.

Комарова Екатерина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

yekaterina.komarova.03@mail.ru

Обучение чтению детей-инофонов (6-7 лет) на примере сказок

А.С. Пушкина

Работа выполнена под руководством Рублёвой Екатерины Владимировны, кандидата филологических наук, доцента

Статья рассматривает возможность обучения чтению детей-инофонов (6-7 лет) на примере сказок А.С. Пушкина, демонстрирует методы использования сказок А.С. Пушкина для обучения чтению.

Ключевые слова: дети-инофоны, «edutainment», дошкольники-инофоны, русский язык, чтение.

В современном мире изучение иностранных языков занимает важное место в развитии личности. Именно дошкольный возраст является наиболее благоприятным для усвоения других языков, потому что дети 5-7 лет обладают большим потенциалом к овладению иноязычной речью. В этот период дети особенно восприимчивы к языковой информации, у них еще не сформировались языковые барьеры, и они легко запоминают новые слова и фразы. Однако традиционные методы обучения языков могут быть скучными и утомительными для маленьких детей. «Edutainment» – один из самых перспективных методов обучения детей дошкольного возраста иностранным языкам. Это технология, которая позволяет сделать процесс изучения языка более увлекательным и интересным.

«Дети-инофоны – это дети, принадлежащие иной языковой и культурной общности, чем большинство коренного населения страны, в которой они проживают и получают образование, слабо владеющие языком данной страны или вовсе не говорящие на этом языке» [2, с.7].

Дошкольники-инофоны не владеют достаточными знаниями русского языка. Поступая в российские школы, они зачастую отстают по программе, мало интересуются культурой и историей страны. Из-за недостатка знаний дети сталкиваются с социально-бытовыми проблемами. Они не могут найти общий язык с ровесниками, полноценно влиться в коллектив. В итоге у детей наблюдается слабая позиция в обществе.

Конечно, главной проблемой в социализации инофонов является языковой барьер. Эта ситуация требует разработки специальных педагогических программ и воспитательных методов. Большая ответственность ложится на учителей, которые обязаны помочь социализироваться детям в новой среде. Они должны учитывать психологические особенности этих ребят, разработать индивидуальную программу обучения.

Дети-инофоны сталкиваются с проблемами в изучении русского языка, потому что имеют ограниченный словарный запас, неправильное произношение, непонимание грамматических правил. Часто происходит смешение языков. Из-за того, что такой ребёнок

попадает в новую для себя обстановку, он становится более закрытым, стеснительным. У инофонов наблюдаются такие поведенческие особенности, как застенчивость, пассивность, трудности в общении со сверстниками, повышенная тревожность, задержка развития речи.

Конечно, у каждого ребенка-инофона особенности проявляются по-разному. Чтобы облегчить социализацию и изучение русского языка, нужно создать комфортную обстановку обучения, развивать коммуникативные навыки, предоставить психологическую поддержку.

Однако ребёнок не может полноправно участвовать в жизни социума. Здесь на помощь приходит игра. Будучи вовлеченными в нее, дети моделируют взрослую жизнь.

Дошкольники-инофоны имеют большой потенциал к изучению русского языка, потому что именно в этот период жизни ребёнка формируется словарный запас, понимание норм языка и устная речь. Обучение русскому языку как иностранному очень важно для социализации малыша в новом коллективе, общественной среде.

Задачами обучения дошкольников являются: развитие фонематического слуха, формирование навыков произношения, овладение лексикой и грамматикой русского языка, формирование коммуникативных умений.

В игровой форме ребенок усваивает новую информацию, которая не тяготит его объемом или скучной подачей, а наоборот вызывает желание обучаться и поднимает мотивацию.

Изучение иностранного языка всегда даётся с трудом. Однако дошкольный возраст является наиболее благоприятным для этого. Технология «edutainment» позволяет в игровой форме обучать детей-инофонов русскому языку. Дошкольники учатся с помощью игр, сказок, песен, рисования. Такой формат работы привлекает ребёнка и развивает большее желание к получению новых знаний.

Дети-инофоны читают плохо, имеют маленький словарный запас, часто не понимают переносное значение слов, не могут пересказать какой-либо текст своими словами.

Методика обучения русскому как неродному должна иметь главной целью обучение дошкольников речи разговорной, чтению и написанию текстов.

Чтение – основное средство обучения, инструмент познания окружающего мира, средство развития интеллектуального потенциала. Формирование навыков чтения у детей-инофонов приобретают особое значение в условиях ограниченной языковой среды. Чтобы ребёнок легко научился читать на неродном языке, учитель должен преподавать информацию в игровой форме, используя технологию «edutainment».

Эффективным инструментом для обучения чтению являются сказки А.С. Пушкина. Это не простые произведения. Они дарят детям радость и погружают в атмосферу волшебства.

Почему именно сказки А.С. Пушкина отлично подходят для изучения русского языка как иностранного?

А.С. Пушкин использует в своих сказках богатый и красочный язык, который в то же время является понятным для чтения даже детям-инофонам. Главное в обучении дошкольников-инофонов русскому языку – это расширение словарного запаса, формирование лексического словаря. Изучая произведения великого поэта и писателя, дети узнают новые слова. С помощью учителя дошкольники обучаются правильной постановке ударений, расставлению пауз, грамотному использованию лексики при разговорной речи. Одним из традиционных методов обучения чтению является совместное чтение сказок с преподавателем или с группой сверстников.

Очень важным является, что сказки А.С. Пушкина содержат увлекательный сюжет и множество ярких героев. Волшебные персонажи, говорящие животные, магические предметы завораживают ребёнка-инофона, он погружается в выдуманный мир Пушкина и с удовольствием читает произведения, изучая при этом язык, на котором они написаны.

Важно отметить, что обучающиеся-инофоны с радостью учат стихи. Этот вид учебной задачи психологически позволяет им быть на одном уровне с носителями языка и создаёт равные возможности носителей языка и инофонов в учебном процессе. Именно стихотворная форма и использование повторов во многих произведениях Пушкина помогают детям запоминать слова и фразы, что улучшает их навыки чтения.

Развитию устной речи способствуют также аудиовизуальные средства. Прослушивание и просмотривание сказок А.С. Пушкина помогают правильно произносить слова, расставлять интонацию и ударение. Получая информацию из внешней среды, ребёнок-инофон запоминает произношение и развивает фонематический слух.

Сказки Пушкина отличаются выразительностью и эмоциональностью. Для того, чтобы научить ребёнка-инофона читать, нужно:

1. Использовать чтение сказок вслух. Эмоциональное и выразительное чтение позволит детям почувствовать красоту языка и повысить мотивацию к обучению.
2. Читать совместно с учителем. Это поможет улучшить технику чтения и понять прочитанное.

3. Обсуждать произведение после прочтения. Нужно говорить с ребёнком, обсуждать сюжет, героев, идею произведения. Это поможет в лучшем восприятии текста и развитии речи.

4. Использование игр и заданий. Существует множество способов сделать из обучения чтению увлекательную игру. При изучении русского как иностранного на примере сказок Пушкина, учитель может давать различные задания после прочитанного произведения. Например, нарисовать картину по сказке или разыграть сценку по ролям. Это способствует пониманию сюжета, персонажей, правильного порядка действий.

Произведения А.С. Пушкина – фундамент для изучения русского языка. Дети-инофоны имеют множество трудностей с обучением в новой языковой среде. С помощью «edutainment» изучение русского языка дошкольникам даётся гораздо легче. Чтобы таким детям научиться чтению и разговорной речи, нужно использовать именно сказки А.С. Пушкина, потому что они содержат увлекательные сюжеты и интересных персонажей. Всё это завлекает ребёнка и повышает мотивацию к изучению нового языка.

Литература

1. Беляева Е.В., Беляев А.А. Методика edutainment: интеграция неспециализированных игровых приложений в учебную деятельность // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – 2023 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-edutainment-integratsiya-nespetsializirovannyh-igrovyyh-prilozheniy-v-uchebnuyu-deyatelnost/viewer>.
2. Болгова М.Н., Ушакова Е.В. Обучение младших школьников инофонов русскому языку / М.Н. Болгова // ЦИТИСЭ №1 (18). – 2019 г.
3. Борисенко И.В. Русский язык как неродной в русскоязычной начальной школе // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 121-126.
4. Григорьева Т.П. Проблемы процесса социализации детей-инофонов в образовательной среде г. Санкт-Петербурга // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – 2020 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protssessa-sotsializatsii-detey-inofonov-v-obrazovatelnoy-srede-g-sankt-peterburga/viewer> (дата обращения: 12.12.2023).
5. Использование наглядности в обучении иностранным языкам // КиберЛенинка: научная электронная библиотека // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-naglyadnosti-v-obuchenii-inostrannym-yazykam/viewer> (дата обращения: 12.02.2024).
6. Иванов И.И. Эдьютейнмент как современная технология обучения // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – 2023 // [Электронный ресурс]. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/edutainment-kak-sovremennaya-tehnologiya-obucheniya/viewer>
(дата обращения: 10.01.2024).

7. Иванов И.И., Петрова П.П., Сидорова С.С. Обучение детей мигрантов в школах России: проблемы и пути их решения // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – 2023 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-detey-migrantov-v-shkolah-rossii-problemy-i-puti-ih-resheniya/viewer> (дата обращения: 15.02.2024).

8. Касенова Н.Н., Мусатова О.В., Джурабаева Г. К. [и др] Работа с детьми мигрантов в образовательных организациях: учебно-методическое пособие /; М-во науки и высшего образования Российской Федерации, Новосиб. гос. пед. ун-т, Новосиб. регион. общ. орг. «Узбекско-русский национально-культурный центр». – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2020. – С. 7-8.

Komarova E.A.

The Pushkin State Russian Language Institute

Teaching foreign language children (6-7 years old) to read by the example of A. S. Pushkin's fairy tales

The article considers the possibility of teaching reading to children with foreign languages (6-7 years old) using the example of A.S. Pushkin's fairy tales, demonstrates methods of using A.S. Pushkin's fairy tales to teach reading.

Keywords: foreign language children, "edutainment", foreign language preschoolers, Russian language, reading.

Коновалова Анна Максимовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

anyakonovalovaaa@gmail.com

Этически недопустимые коммуникативные приемы в жанре портретного интервью

Работа выполнена под руководством Гапутиной Виолетты Александровны, кандидата
филологических наук, доцента кафедры РСиМК

Статья посвящена исследованию специфики современной медиакоммуникации. Материалом для исследования послужили портретные интервью на видеохостинге YouTube. Основное внимание уделяется анализу коммуникативных приемов, противоречащих этическим принципам ведения диалога. Рассмотрены наиболее популярные недопустимые приемы воздействия на адресата, к которым прибегают журналисты: осуждение, издевка, провокация объекта на эмоции, интеллектуальные издевательства, искажение фактов, «прием Карлсона».

Ключевые слова: медиадискурс, этические принципы, интервью, YouTube, коммуникативный прием

Важность соблюдения принципов журналистики определяется необходимостью выработки моральных и этических основ для журналистской деятельности, а также

установлением стандартов публичной коммуникации. Журналист должен быть надежным, честным, объективным, независимым, корректным, вежливым и гуманным, чтобы не потерять доверие зрителей и звездных гостей, создать основу, на которой можно строить профессиональное сотрудничество [4, с. 119]. Проблемы этико-речевой нормированности журналистской коммуникации представлены в ряде исследований, например [1-6].

Все чаще в портретных интервью на видеохостинге YouTube ведущими стали использоваться этически недопустимые приемы, которые могут привести к негативным последствиям для звезды, журналиста и аудитории. Так как интервью является двуадресным коммуникативным актом, тактики, к которым прибегает субъект, могут быть направлены как на собеседника, так и на аудиторию. Для интервьюера основным объектом являются зрители, гость в свою очередь становится средством влияния на них. Воздействие на объект может осуществляться журналистом как через создание образа субъекта, то есть самого интервьюера, так и через создание образа интервьюируемого [3, с. 21].

Воздействие через образ субъекта осуществляется интервьюером для того, чтобы возвысить себя, самоутвердиться за счет гостя. Интервьюер может открыто демонстрировать свое пренебрежительное отношение к герою, несогласие с его позицией, что противоречит принципу объективности. Например, в интервью с создательницей марафона желаний Еленой Блиновской Ксения Собчак не скупилась на колкости в сторону гостя и всячески подчеркивала свое негативное отношение к ее продукту. Судя по комментариям (авторские орфография и пунктуация сохранены) «*Ксения тонко вывела все на поверхность... Bravo!!!!психологическое интервью*», «*Крутое интервью! Ксения задает провокационные вопросы, делая при этом прямо невинное лицо*», «*Никому не удалось так обесценить марафон Блиновской, как это сделала она сама! Bravo Собчак*» – Ксении удалось пошатнуть авторитет создательницы марафона в глазах аудитории и подорвать доверие зрителей к ее продукту. Интересен тот факт, что журналистка выложила это интервью перед запуском своего собственного курса, в рекламе которого намекнула на то, что ее марафон не будет похож на проект гостя ее интервью. Можно сделать вывод о том, что Ксения придерживалась имиджевой стратегии [3, с. 198], используя следующие приемы:

Осуждение:

Собчак: У тебя очень странно хабальная, скажем так, реакция для человека, который занимается просвещением, понимаешь, это как...

Блиновская: Я считаю, что я как ребенок, у меня реакции абсолютно разные и естественные.

Собчак: Ну, на этом не стремно зарабатывать как-то?

Блиновская: Нет.

Издевка:

Собчак: Скажи, тебя учили такие паузы долгие делать? Или у тебя это произвольно получается? Мне просто интересно, у тебя каждый раз такая пауза. (смеется)

Блиновская: Я возвращаюсь в ресурсное состояние.

Собчак: Ну что, как? Вошла в ресурс?

Главная цель подобных коммуникативных приемов заключается в том, чтобы негативно повлиять на представление аудитории о герое интервью, пошатнуть его авторитет, разрушить репутацию, осудить его действия или высмеять недостатки.

Чтобы продемонстрировать интеллектуальную несостоятельность героя, интервьюеры часто прибегают к **интеллектуальным издевательствам**. Адресант эпатирует объект фактами, о которых он или она может не знать. Журналист догадывается о том, что интервьюируемый плохо разбирается в той или иной области, поэтому использует незнакомую для него информацию, чтобы выставить его недалеким. Такие приемы часто можно встретить в интервью Ксении Собчак.

Интервью Ксении Собчак с Ольгой Бузовой:

Собчак: Смотри, хочу вернуться к твоим сториз и к целибату одновременно. Ты, кстати, знаешь, что такое целибат? Не очень, да?

Бузова: Не очень, да.

Ксения Собчак как давняя знакомая и бывшая коллега Бузовой, безусловно, понимает то, что Ольга не знает значений некоторых понятий, поэтому специально использует именно это слово («целибат»), не заменяя его понятными для собеседницы синонимами.

Интервью Ксении Собчак с Юлией Волковой:

Собчак: Вот смотри, закон Димы Яковлева, что ты думаешь на эту тему?*

Волкова: Я пока не готова обсуждать никакие законы...

Собчак: Нет, подожди, ты знаешь, о чем этот закон?

Волкова: О чем?

Собчак: Это закон о том, что нельзя играть в футбол в маленьких городах, если рядом есть проезжая часть. Ты согласна с этим?

Волкова: Согласна.

**Закон Димы Яковлева – закон, запрещающий гражданам США усыновлять российских детей-сирот.*

Журналистка общалась с бывшей участницей группы «Тату» перед выборами в Государственную Думу, певица была кандидатом от партии «Единая Россия». Целью Ксении

Собчак в этом интервью было показать аудитории несостоятельность Волковой как политика. Когда журналистка поняла, что ее собеседница не знает, о чем закон Димы Яковлева, от эпатирования фактами она перешла к их искажению. Искажение фактов является одним из самых грубых и неэтичных приемов, поскольку нарушает основной этический принцип журналистики – истинность.

В интервью на видеохостинге YouTube также распространенным является прием, когда журналист ставит своего гостя в тупик и создает иллюзию выбора. Гостю задается такой вопрос, на который невозможно найти ответ, который не понесет за собой негативных последствий для личности. Назовем такой прием «**приемом Карлсона**», потому что по форме он похож на вопрос, который герой произведения Астрид Линдгрен задал Фрекен Бок – «Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай – да или нет?».

Интервью Ирины Шихман с Михаилом Лабковским:

Шихман: Через несколько знакомых я знаю историю, что в вас вот уже в таком вашем нынешнем статусе влюбилась клиентка и тоже за вами бегала.

Лабковский: Нет, это было лет 25 назад.

Шихман: Неа.

Лабковский: Щас за мной уже никто не бежит, я не жалею, я просто рассказываю.

Шихман: Это прям доподлинная история, что она за вами бегала и вы ей кричали: уйди отсюда, сумасшедшая.

Ирина Шихман создает ситуацию, в которой любой ответ Лабковского негативно повлияет на его имидж: либо он признает, что давно неинтересен противоположному полу, либо признает свою профессиональную некомпетентность. Михаил выбирает первый вариант. Отметим также, что в этом отрывке интервью Шихман апеллирует к сплетням, то есть к недостоверной информации, что противоречит этическим принципам журналистики. При этом журналистка, используя маркированное слово «доподлинный», пытается убедить гостя и зрителей в том, что информации, которую она узнала у неподтвержденных источников, можно верить [5, с. 107].

Таким образом, в портретных интервью на YouTube образ субъекта может быть создан журналистом с помощью имиджевой стратегии, которая реализуется через такие этически недопустимые приемы, как осуждение, издевка, провокация объекта на эмоции. Образ адресата в сознании аудитории моделируется интервьюером посредством следующих этически недопустимых приемов: интеллектуальные издевательства, искажение фактов, «прием Карлсона».

Литература

1. Ворошилов В.В. Журналистика. Учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 300 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – Москва : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Павенков О.В. Фундаментальные ценности журналистской этики / О.В. Павенков, М.В. Рубцова // Научные труды северо-западного института управления РАНХИГС. – 2023. – № 1 (58). – С. 118-122.
5. Сахнова, Е.Б. Способы речевого воздействия журналистов в печатных интервью / Е.Б. Сахнова // Известия Саратовского университета. – 2012. – С. 105-109.
6. Северская О.И. «Новая русская вежливость» и ее оценка носителями языка / О.И. Северская // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – 2019. – С. 102-104.

Konovalova A.F.

The Pushkin State Russian Language Institute

Ethically unacceptable communication techniques in the genre of portrait interviews

The article focuses on the study of the specific features of modern media communication. The research material was collected through portrait interviews on YouTube video hosting platforms. The main focus of the analysis is on communicative techniques that contradict ethical principles of dialogue, and the most popular methods of influence journalists use, such as condemnation, mockery, provocation of the object to emotions, intellectual bullying, distortions of facts and "Carlson's trick".

Keywords: media discourse, ethical principles, interview, YouTube, communication technique

Коршунова Дарья Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

korshunova5555dasha@gmail.com

Портрет и его функции в новеллах Э. По

Работа выполнена под руководством Петриной Елены Капитоновны, кандидата филологических наук, доцента кафедры мировой литературы

Главные герои новелл Эдгара По являются характерным элементом творческого наследия. Они представляют собой сложные психологические образы, отличающиеся неустойчивостью своей психики, личной трагедией и уязвимостью. Статья посвящена анализу художественной специфики литературного портрета героев и выявлению его ключевых функций в новеллах Э. По.

Ключевые слова: портрет; портретная характеристика; новелла; Эдгар По; психологизм.

Одним из центральных понятий в литературоведении, напрямую связанных с определением художественного образа, является портрет. Данный термин понимается в науке неоднозначно и имеет ряд трактовок, предложенный отечественными и зарубежными учеными-литературоведами. Например, в статье А.Н. Гатауллиной «Портрет и его виды в литературоведении» мы можем увидеть различные подходы к проблеме интерпретации и классификации литературного портрета Л.А. Юркиной, А.Б. Есиным, В.В. Мининой, О.Н. Катренко и др.

Согласно труду А.Б. Есина, принято выделять следующие формы портретной характеристики: портрет-описание, портрет-сравнение, портрет-впечатление, характеристический и психологический портреты [2, с. 26]. Данная последовательность демонстрирует развитие портретного изображения как художественного приема создания образа литературного героя, начиная с наиболее простой и распространенной группы, иллюстрирующей преимущественно социальное положение и статус героя, и заканчивая портретом как средством проникновения в сознание и чувственный мир героя, фиксации его эмоционального и психологического состояния [9, с. 207]. Установленное функциональное значение портрета в художественном произведении мы можем наблюдать в новеллистическом творчестве американского писателя и литературного критика Эдгара Аллана По.

Одной из ключевых особенностей новелл Эдгара По, на которую обратил внимание классик русской литературы и философ Фёдор Михайлович Достоевский, является интерес к сложным психологическим аспектам человеческой души: «Он почти всегда берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение, и с какою силою пронизательности, с какою поражающею верностью рассказывает он о состоянии души этого человека!» [5, с. 230-231].

Фантастическую составляющую творчества американского новеллиста Ф.М. Достоевский видит не в материализации ирреальных образов, а в случайном совмещении обыденных фактов, прошедших через призму воображения [4, с. 56]. Джоан Гроссман, напротив, усматривает в творчестве По умышленную абсурдность сюжета и «откровенные преувеличения», которые вынуждают героев выглядеть и поступать несообразно [3, с. 12]. В данном случае речь идет о романтической иронии, свойственной автору новелл.

В своих произведениях Эдгар Аллан исследует глубины человеческого подсознания, обнажая внутренние страхи, нравственную борьбу и психическую тревогу персонажей. Как отмечает публицист и критик Н.П. Аксаков, главным героем прозаических произведений По

всегда является человек, а основная завязка сюжета - в его собственной душе [1]. Персонажи испытывают мистическое и рационально необъяснимое влияние своего окружения, становясь жертвами собственных страхов и мрачных иллюзий. Читатель на протяжении всего действия новеллы сталкивается с такими понятиями, как паранойя, безумие, паника, маниакальная одержимость, сомнения и душевные страдания. Так, российский литературовед и доктор филологических наук Ю.В. Ковалёв в своей монографии «Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт» называет психологические рассказы автора «художественным исследованием психических заболеваний» [6, с. 190-191]. Изучая специфику поведения и неуловимые мысли своих героев, По на основе данных, полученных в ходе своих «психологических экспериментов», демонстрирует тонкую грань между привычной реальностью и фантазией.

В стремлении получить истинную психическую основу Э. По подробно рассматривает не столько жизнь, сколько процесс гибели человека. Герои новеллистических произведений автора не просто ощущают наличие «романтического двоемирия», они находятся на границе двух миров – материального и идеального, представляющего плод их воображения.

Герои Эдгара По – это многогранные и неоднозначные личности, рассказывающие свои истории, благодаря чему у читателя создается впечатление общения с реальными людьми. Отличительные черты и особенности психики персонажей нередко выступают причиной их безумия и последующих несчастий. Например, одной из таких черт является психическая неустойчивость, заставляющая персонажей действовать вопреки здравому смыслу: внутриличностный конфликт и душевная трагедия разобщают сознание персонажа, результатом чего становится глубинный самоанализ героем-рассказчиком (повествователем, от чьего имени ведется рассказ в новелле) поступков самого себя как основного действующего лица в истории [8, с. 43].

Так, в новеллах «Черный кот», «Сердце-обличитель» и «Бочонок амонтильядо» мы видим героев, совершивших тяжкие преступления, не имеющие рационального объяснения, и повествующих о них (рассказ-исповедь) [8, с. 36].

Главный герой произведения «Черный кот» является ведущим повествователем истории, поэтому словесные портретные характеристики, которыми наделяет себя герой, являются плодом его саморефлексии и глубинного психологического анализа. Рассказчик говорит о свойственных ему с детства «кротости и доброте», «мягкосердечии» и любви к животным. Примечательно, что своего кота Плутона герой описывает более детально и эмоционально: «на диво огромен и просто красавец; сплошь черный и поразительного ума

зверь» [7, с. 452]. Амбивалентность во внешнем изображении кота проявится в «нечетком белом пятне почти во всю грудь»: красоту «сплошь черного» тела нарушит метка – отпечаток физического насилия. Изменения также коснутся главного героя, совершившего преступный акт: «День ото дня я становился все угрюмей, раздражительней, все нетерпимей к окружающим» [7, с. 453]. Последующая нелюбовь кота оказала влияние на парадигму чувств, которые рассказчик испытывал по отношению к домашнему животному: «Я еще не совсем загрубел», «огорчался от столь яркой неприязни», «смущение не замедлило смениться раздражением», «взыграл бес противоречия» [7, с. 453]. Кот-призрак и двойник Плутона («горящим единственным глазом» как завершающая ипостась питомца (предположительно, метафизическая совесть и плод воображения главного героя, чья душа испытывала муки из-за своего преступного деяния) соотносится с последним смертным грехом героя – убийством «самой многострадальной и кроткой из жертв», собственной супруги, – и окончательным духовным распадом: «Я огляделся взором победителя», «вздыхнул с облегчением», «спал крепко и безмятежно, хоть и принял на душу убийство», «сердце билось ровно, как у спящих сном праведника» [7, с. 456-458]. Так, внешние перемены Плутона, жертвы «гнусного зверства», вызваны внутренним регрессом характера и упадком личности его хозяина, что позволяет утверждать о параллельном динамическом портрете-сравнении в рамках психологического портрета.

В новелле «Сердце-обличитель» герой-рассказчик отчаянно пытается доказать свою психологическую вменяемость, однако адресата его монолога мы не наблюдаем, что дает основание полагать об исповедальном характере повествования. Герой признает: «я нервен ужасно», «слух изощрился» так, точно «я слышал все сущее в небесах и в недрах» [7, с. 421]. Отсутствие сумасшествия доказывается им тщательным описанием своих преступных планов [4, с. 59]. Данная повествовательная перспектива используется Эдгаром По-психологом для создания образа героя, страдающего шизоидным невротическим расстройством. Рассказчик признает свою любовь к потенциальной жертве, одинокому старику, но ему ненавистен глаз этого человека: «один глаз у него был точь-в-точь, как у грифа, – водянисто-голубой, подернутый блестящей пленкой» [7, с. 421]. Автор отмечает, что от взгляда старика у него «кровь стыла в жилах», «мороз пробивал до мозга костей», благодаря чему можно сделать вывод о портрете-впечатлении в рассмотренном эпизоде. Подробное изображение единичной детали в портрете, «дурного глаза», доказывает сверхчувствительность и маниакальную одержимость рассказчика, глазами которого мы видим образ жертвы. Будучи на грани, почти пойманным полицией герой «почувствовал, что бледнеет», «кричал, бешено жестикулируя», «метался по комнате», «ругался» [7, с. 424].

Динамика во внешности, избыточные жесты, мгновенная смена поведения и реакции являются признаками психологической формы портретной характеристики. Обилие восклицаний и уничижительных слов, нервная интонация в драматическом исповедальном монологе героя («Изверги!», «Я признаюсь - я убил!», «Это стучится его проклятое сердце!» [7, с. 425]) иллюстрируют речевой портрет эмоционально нестабильного и безумного преступника – самообличителя.

Художественная условность и заведомо психическая болезнь главного героя, которого исключительно «глаз» побуждает убить человека, мотивируют рассматривать портретную характеристику как средство создания конфликта и напряженности в новелле, инструмент развития сюжета.

В новелле «Бочонок амонтильядо» Э. По изображает героя, одержимого желанием отомстить Фортунато за оскорбление, причем читателям не предлагается полная картина произошедшего между ними инцидента: причины вражеского настроения главного героя по отношению к давнему другу и основательный повод для их столкновения не известны, но страстное стремление отомстить обидчику становится единственным объектом размышлений рассказчика.

В данном произведении портретное описание подчинено «маскарадному» воплощению авторского замысла. Сюжет разворачивается в ночь «безумия карнавала», поэтому на передний план в описании внешности выходит именно костюм: Фортунато «был одет арлекином: яркое разноцветное трико, на голове остроконечный колпак с бубенчиками» [7, с. 646], рассказчик надел «черную шелковую маску и плотней запахнул домино» [7, с. 647]. Примечательным является тот факт, что «арлекин» – самый знаменитый герой итальянской «комедии масок» – преимущественно плут и лжец, но Э. По, руководствуясь логической игрой с воображением читателя, выставляет Фортунато жертвой. Под маской скрывается не только главный герой, но и его намерения: повествователь заманивает друга в ловушку под предлогом заботы и скрытого желания потешить его самолюбие как знатока вин. В минуты блаженства, когда Фортунато испил напиток, на его лице была «цинническая усмешка», «глаза загорелись диким огнем» [7, с. 648], указывающие на перевозбуждение и честолюбивое высокомерие личности (характеристический портрет), но герой-рассказчик хладнокровно замуровал его в стене: «Сердце у меня упало: конечно, только сырость подземелья вызвала это болезненное чувство» [7, с. 651].

Так, перечисленные черты характера главного героя являются результатом глубинного анализа Э. По психологии преступника-маньяка, в которой усматривает

рациональную игру с такими понятиями, как демонстративная любовь и тайная ненависть (манипуляция сознанием).

На основе проведенного нами исследования можно установить, что ключевая функция портрета в новеллах Эдгара По заключается в его способности играть роль основного средства создания психологизма в художественном произведении. Автор использует психологическую форму портретной характеристики с целью глубокого погружения в сущностную составляющую своего героя, обличая в ходе анализа страхи, фантазии и скрытые желания подсознательного начала персонажа. Отдельно следует сказать о роли портрета в создании образа автора. Нередко портретные описания в творчестве Эдгара Аллана не только формируют общее настроение произведения, создают интригу и остросюжетность, но и отображают контекст глазами героя-рассказчика («Сердце-обличитель», «Черный кот», «Бочонок амонтильядо»). Благодаря обозначенному приему, автор как носитель оценочных суждений дистанцируется от происходящего, не вмешивается в фабульное повествование, наделяя своих героев правом управлять нарративом и темпом действия.

Таким образом, в новеллах Э. По функциональная область портрета включает в себя символическую функцию, значение отражения внутреннего мира героя, передачи его личностных и духовных изменений, функцию создания психологизма, атмосферы и динамики произведения, эмоциональной реакции у читателей, развития сюжета и конфликта, усиления напряженности, передачи идеи и эстетической мысли автора, его отношения к героям.

Литература

1. Аксаков Н. П. Психология Эдгара По // Всемирная иллюстрация. – 1886. – № 10. – С. 191-194; № 11. – С. 210-211; № 12. – С. 234-238.
2. Гатауллина А. Н. Портрет и его виды в литературоведении // Цифровая наука. – 2022. – №2. – С. 22-32.
3. Гроссман Джоан Д. Эдгар По в России. Легенда и литературное влияние / перевод с английского М. Шерешевской. – Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1998. – 208 с.
4. Дмитриева Л.П. «Психологические эксперименты» Э.А. По в русской рецепции второй половины XIX в // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2016. – №4. – С. 54-64.
5. Достоевский Ф.М. Три рассказа Эдгара По // Время. – 1861. – № 1. – Отд. I. – С. 230-231.

6. Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт. – Ленинград : Издательство «Художественная литература», 1984. – 296 с.
7. По Э.А. Полное собрание рассказов / под редакцией А.А. Елистратова и А.Н. Николюкин. – Москва : Наука, 1970. – 808 с.
8. Шамина В.Б., Груздева Е.А. Edgar Allan Poe: Students' Study Guide in Analytical Reading: конспект лекций. – Казань : КФУ, 2014. – 72 с.
9. Юркина Л.А. Портрет // Введение в литературоведение: учебное пособие / под редакцией Л.В. Чернец. – Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 199-207.

Korshunova D.S.

State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkin

Portrait and its functions in E. Poe's novels

The main characters of Edgar Allan Poe's novels are a characteristic element of his creative heritage. They represent complex psychological images, characterized by instability of their psyche, personal tragedy and vulnerability. The article is devoted to the analysis of the artistic specifics of the literary portrait of heroes and the identification of its key functions in the novels of E. Poe.

Keywords: portrait; portrait characteristic; novel; Edgar Poe; psychologism.

Кочнева Екатерина Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ekaterina.kochneva31@gmail.com

Власть и художник в драматургии М.А. Булгакова

Работа выполнена под руководством Кравченковой Евгении Алексеевны, доцента кафедры мировой литературы, кандидата филологических наук

В данной статье рассматриваются своеобразие драматургии М.А. Булгакова, предпосылки к основным темам и раскрытие проблемы художника и власти на основе текстов пьес «Кабала святош» и «Александр Пушкин».

Ключевые слова: гипербола, гротеск, прием «театр в театре», аналогия, хронотоп.

Театральный опыт Булгакова наполнялся из разных литературных источников, основываясь не только на классической литературной традиции, но и внедряя собственные уникальные драматургические приемы. Необходимо подчеркнуть, что такие основополагающие отличительные черты, как мистицизм, автобиографичность, в том числе и в отношениях с властью, характерны для всего творчества писателя.

На творчество Булгакова, и прозу, и драматургию, большое влияние оказала поэтика и приемы чеховских произведений. Булгаков с любовью относился к Антону Павловичу, читал и перечитывал его рассказы и пьесы. Это не могло не отразиться на литературном

наследии Михаила Афанасьевича. Например, можно провести параллели в характеристике образа природы, а точнее снега из пьесы «Бег» и рассказа «Тоска»: «За окном – безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом» [2] и «Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег...» [6] (в обоих случаях образ снега связан с печалью и тоской). Геннадий Шалюгин, описывая путешествие Михаила Афанасьевича Булгакова по Крыму, упоминает о «духовном магните» писателя. Он пишет, что «чеховские мотивы постоянно звучали в произведениях Булгакова» [7, с. 244].

На пути к формированию уникального авторского почерка в жизни писателя существовал этап анализа и восприятия творчества Н.В. Гоголя. Николай Васильевич, можно сказать, помог становлению булгаковской поэтики. Стоит упомянуть, что Николай Васильевич стал в русской литературе основоположником ряда традиций, многие из которых впоследствии стали эталоном для писателей XIX-XX веков. Во многих произведениях Михаила Афанасьевича Булгакова проходит параллель между двумя мирами – реальным и фантастическим (например, «Собачье сердце», «Кабала святош», «Мастер и Маргарита»). Эти миры активно взаимодействуют друг с другом. Данная особенность в большей степени воспринята от Гоголя, у которого в произведениях очень часто можно наблюдать явления «тёмных» сил (например, в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», где в полной мере показано развитие взаимоотношений между человеком и нечистой). Преемственность в художественном мировоззрении во многом объясняется тем, что Булгаков в детстве любил читать Н.В. Гоголя, и поэтому вдохновлялся им. Это доказывают исследования П.С. Попова, где учёный пишет, что Михаил Афанасьевич зачитывался Гоголем, – «писателем, которого он неизменно ставил себе за образец» [4]. Представление Булгакова о юморе тоже сформировалось под влиянием Гоголя. Булгаковская сатира с её характерными средствами – гиперболой и гротеском – находит отражение как в прозе, так и в драматургии писателя.

Театр был важной частью жизни и творчества М.А. Булгакова. Реальная жизнь, действительность и мир иллюзий, театр были неразрывно связаны в мировоззрении писателя, что нашло отражение в ряде его произведений, особенно в пьесах, в виде аллегории «театр в жизни» и приёма «театра в театре». Жизнь героев на сцене и за её пределами не разделяется, а, напротив, сливается в единое гармоничное пространство. Так же театр влиял и на самого автора, поэтому можно утверждать, что в этом есть проявление автобиографичности некоторых его пьес. Судьба писателя, в частности напряженные отношения с властью и отрицание нового порядка, сказалась на выборе ключевой темы его драматургического творчества. Это тема борьбы художника и власти, зародившаяся ещё в «Багровом острове» и

получившая расцвет в пьесах «Кабала святош» (или «Мольер») и «Александр Пушкин» (или «Последние дни»).

Несмотря на общую проблематику произведений, раскрыта она разными способами. Конфликт в пьесе «Кабала святош» является внешним, он отчётливо прослеживается в противостоянии Мольера королю Людовику XIV и Кабале святош. Использование приёма «театр в театре» помогает в полной мере раскрыть образ художника в лице Мольера, показать нелегкую судьбу творца, которая выражается в двойственности поведения героя. На сцене Мольер ведет себя так, чтобы понравиться королю, восхваляет его, называя «солнцем Франции», в то время как за сценой его поведение и мысли противоположны, ему не нравится политика короля, он неоднократно называет его тираном. С этим приемом тесно связан также прием «масок». Пытаясь выжить в условиях монархического режима, героям, в частности Мольеру, приходится быть неестественными, скрывать свои чувства, то есть надевать условную маску. Не менее важна роль хронотопа в понимании конфликта пьесы. Изображая Францию XVII века, Булгаков проводит параллели между тиранией того времени и своего. Таким образом, через аналогию автор утверждает, что проблема художника и власти существует вне категории времени, приобретая тем самым наибольшую глубину и драматизм.

Эта же проблема находит свое отражение в следующей пьесе М.А. Булгакова «Александр Пушкин». Конфликт «художник – власть» в данной пьесе приобретает более масштабное значение из-за отсутствия личного конфликта поэта и власти. Булгаков использует новаторский прием: он не выводит главного героя на сцену, но его присутствие постоянно ощутимо. Все разговоры действующих лиц прямо или косвенно относятся к Пушкину и его стихотворениям. Взяв за основу период жизни Пушкина и правления императора Николая I, Булгаков продолжает идею, начатую в «Кабале святош», о вечной проблеме отношений между творцом и властью. Но в пьесе «Александр Пушкин» этот конфликт перерастает в мировой. Так после смерти поэта именно народ поднимает бунт.

Итак, тема художника и власти является основной составляющей драматургии Михаила Афанасьевича Булгакова. Изображение героя-творца постепенно менялось в творчестве писателя, добавлялись новые приемы и черты. С конфликтом «художник – власть» связаны не только общечеловеческие проблемы смысла жизни, свободы творчества и свободы в целом, но и личные переживания писателя.

Литература

1. Булгаков М.А. Александр Пушкин // [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/BULGAKOW/pushkin.txt> (дата обращения: 27.02.24).

2. Булгаков М.А. Бег // [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/BULGAKOW/run.txt> (дата обращения: 27.02.24)
3. Булгаков М.А. Кабала святош // [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/BULGAKOW/kabala1.txt> (дата обращения: 27.02.24).
4. Попов П.С. Биография М.А. Булгакова // [Электронный ресурс]. – URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/articles/popov-biografiya-bulgakova.htm> (дата обращения: 27.02.24).
5. Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре / Вст. ст. О.Н. Ефремова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Искусство, 1989. – 432 с.
6. Чехов А.П. Тоска // [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/981/p.1/inde/index.html?ysclid=ltbwcsopbi697683232> (дата обращения: 27.02.24).
7. Шалюгин Г.А. Ялта. В гостях у Чехова. – Ялта : Гелиос АРВ, 2018. – 384 с.

Kochneva E. E.

Pushkin State Russian Language Institute

Power and the artist in the drama of M.A. Bulgakov

This article examines the originality of M.A. Bulgakov's drama, the prerequisites for the main themes and the disclosure of the problem of the artist and power based on the texts of the plays «Kabala Svyatosh» and «Alexander Pushkin».

Keywords: hyperbole, grotesque, the "theater in the theater" technique, analogy, chronotope.

Белова Мария Олеговна

студент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

lmaria01@mail.ru

Особенности медиатекста в медицинском дискурсе

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны доктора

филологических наук, профессора

В статье рассматриваются особенности медиатекста в медицинском контексте, а также его значение для пациентов и медицинских работников. Автор анализирует различные аспекты медиатекста, а также их влияние на дискурс в медицинской сфере. Кроме того, статья рассматривает возможности использования медиатекста для улучшения коммуникации между пациентами и медицинским персоналом, а также для повышения качества медицинской помощи.

Ключевые слова: медиатекст, медицинский дискурс, социальные сети, информация, массовая аудитория, алгоритм написания, специфика, языковые ресурсы, грамматические особенности, средства влияния.

Медиатекст – сообщение, доставляющее социально значимую информацию массовой аудитории при помощи тех или иных видов и жанров медиа. Средства массовой информации и социальные сети помогают медицинским работникам распространять жизненно важную медицинскую информацию за счёт расширения аудитории.

В наше время медицинский дискурс находит свою реализацию не только в научном, профессиональном, но и в медийном пространстве. На сегодняшний день множество медицинских организаций в России и в мире имеют не только официальные сайты, но и страницы в социальных сетях. Одной из самых востребованных профессий в интернете является SMM-менеджер. Однако не каждый менеджер социальных сетей сможет найти и обработать информацию медицинской тематики. В связи с этим появляется потребность выявить особенности и алгоритм написания медиатекста для медицинского дискурса.

Теоретической базой данной статьи послужили исследования Н.И. Шлыкова, В.А. Гирко, А.О. Стеблецовой, И.А. Стернина, Е.В. Волковой и М.П. Кожарнович.

Медицинский дискурс – это институциональный тип дискурса, подразумевающий статусное общение между врачом и пациентом, которое должно быть полностью конфиденциально. Главную роль в коммуникации играет специалист, основной целью которого является оказание помощи пациенту, поддержание и улучшение его здоровья.

Коммуникация в медицинском дискурсе предполагает обращение врача к языковым ресурсам научно-популярного стиля. Речь специалиста в данном случае отличается экспрессивностью, простотой изложения и подразумевает следование литературным нормам. Это способствует снижению тревоги и беспокойства пациента о своём здоровье, а также создаёт благоприятный психологический фон процесса лечения [1].

Грамматические особенности научно-популярных медицинских текстов состоят в том, что имена существительные количественно превосходят глаголы. Предпочтение отдаётся пассивным конструкциям и неличным формам глагола – это позволяет автору описать процесс более полным и выбрать объективный стиль изложения материала.

Основные средства влияния на читателя выполняют задачи по информированию потенциального пациента и призыву его к действию. Медиатексты медицинского дискурса включают в себя различные клинические примеры, медицинские факты и статистические данные. Этот приём помогает врачу сблизиться с читателем, попытаться воздействовать на него для положительного эффекта.

Медицинские тексты отличаются определённым набором лингвостилистических особенностей, которые варьируются в зависимости от функции и цели текста. Главные особенности медицинских текстов – использование большого количества специальных

терминов, специальной лексики, аббревиатур. В медиатекстах для размещения в социальных сетях авторы обычно приводят пояснения малознакомых читателям терминов и аббревиатур.

Таким образом, можно выделить особенности медиатекстов медицинского дискурса:

- Использование большого количества терминов, обязательное пояснение значения сложной лексики;
- Подробное описание научных данных;
- Редкое использование точных расчётов и большого количества научных текстов;
- Стремление к оригинальности текста, возможно использование шуточной формы повествования.

Сегодня тексты медицинского дискурса становятся более адаптированными для современного читателя ввиду популяризации медицины в социальных медиа. Однако не стоит забывать, что основной задачей таких текстов было и остаётся предоставление подробной, пошаговой информации и стремление не навредить читающему.

Литература

1. Бужинская Д.С. Литературное редактирование : работа редактора над фактическим материалом. / Электронное издание. – Магнитогорск, 2018.
2. Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса : способы, атрибуты и риски. Медиалингвистика. – 2021. – С. 21-437.
3. Шлыков Н.И. Специфика медиатекстов медицинского дискурса. – Магнитогорск, 2022.

Belova M.O.

Pushkin State Institute of the Russian Language

Features of the media text in medical discourse

The article examines the features of the media text in a medical context, as well as its significance for patients and medical professionals. The author analyzes various aspects of the media text, as well as their impact on the discourse in the medical field. In addition, the article examines the possibilities of using media text to improve communication between patients and medical staff, as well as to improve the quality of medical care.

Keywords: media text, medical discourse, social networks, information, mass audience, writing algorithm, specificity, language resources, grammatical features, means of influence.

Кравченко Виктория Александровна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

nikkinova2255@gmail.com

Лингвистическая экспертиза по делам о словесном экстремизме в сети Интернет

Работа выполнена под руководством Жуковой А.Г., кандидата филологических наук,
доцента

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся проведения лингвистической экспертизы словесных экстремистских материалов. В статье определяются объект, предмет, цели и задачи лингвистических исследований, а также типовые вопросы экспертизы для лингвистов-экспертов.

Ключевые слова: словесный экстремизм, лингвистическая экспертиза, лингвистическое исследование, язык вражды

Проблема экстремизма является одной из актуальных для современной России в связи с тем, что сейчас все чаще стали проявляться религиозная и этническая нетерпимости, выраженные неприязнью к людям с другими вероисповеданиями и национальностями на просторах Интернета.

Разжигание национальной, социальной и религиозной розни выражены в использовании лексических средств, направленных на унижение и угрозу, а также на подстрекательство к совершению насильственных действий и дискриминацию в отношении отдельных социальных групп и этносов. Словесная агрессия, направленная на выражение ненависти к некоторой группе, называется «языком вражды» [1]. Демонизация определенной этнической, национальной, конфессиональной или социальной группы реализуется в ее позиционировании в Интернете в негативном контексте. Язык вражды имеет в себе криминогенную часть, которая является, по нашему мнению, словесным экстремизмом.

В условиях анонимности Интернет становится деликтогенной средой, что, в свою очередь, требует ужесточению правового регулирования коммуникации, защиты пользователей Интернета от криминогенной информации.

Правовое регулирование экстремистской деятельности регламентируется рядом нормативно-правовых актов: Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015), Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.11.2023), а также ст. 280, 282 УК РФ. Основным средством подтверждения факта экстремистской деятельности в Интернете является проведение судебно-лингвистической экспертизы материалов на предмет наличия признаков экстремизма. При расследовании уголовных дел об экстремизме необходимо исследовать материалы, которые вызывают подозрения. Лингвистическое исследование проводится тогда, когда нет возможности получить достоверную информацию другими способами.

Экспертное заключение по делам, связанных со словесным экстремизмом является основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 280, 282 УК РФ. Лингвистическая экспертиза направлена на разъяснение, определение точного смысла речевой деятельности, а также на определение эмоциональной оценки высказывания.

Лингвистическая экспертиза отличается от иных судебных экспертиз тем, что, чаще всего, при проведении исследования специалист не имеет возможности пользоваться специальными приборами и инструментами. В связи с этим, для сохранения объективности выводов исследования экспертизу проводят несколько специалистов.

Объектом лингвистического исследования спорных текстов по делам о словесном экстремизме является текст как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека. Объект исследования может представлять из себя текстовые, аудио- и видеоматериалы, а также комбинированные материалы, содержащие вербальные и невербальные компоненты [2, с. 36].

Предметом лингвистической экспертизы по делам о словесном экстремизме являются определенные категории исследуемого текста. Так, например, при анализе текста на предмет призыва к противоправным действиям в отношении к определенной религиозной группе исследуется интенциональность текста. На основе анализа категорий принимаются решения о признании (непризнании) текстов экстремистскими материалами.

Целью лингвистической экспертизы по делам о словесном экстремизме является определение соответствия устных или письменных выражений нормам права [3, с. 239].

Задачей лингвистической экспертизы по делам о словесном экстремизме является выявление на наличие в тексте явной или скрытой пропаганды вражды и ненависти, призывов к противоправным действиям.

При анализе речевых продуктов экстремистского дискурса специалистам необходимо обращать внимание на экстралингвистические факторы, которые влияют на функционирование языка и могут оказывать негативное воздействие на исследователей. Важно принимать во внимание то, что в языке присутствует двусмысленность, понимание которой зависит от ситуации. Таким образом, выводы лингвистических специалистов в экспертном заключении при выявлении скрытых смыслов должны основываться на полном научном исследовании. Эксперт при исследовании текста не может приписывать автору текста определенную интенцию, если она не была выражена в тексте [4, с. 55]. Понятия, связанные с оскорблением или унижением чувств граждан, их чести и достоинства, являются субъективными понятиями, поэтому лингвисты-эксперты должны ответить на типовые вопросы при проведении лингвистической экспертизы текста по вопросам, связанным с

уголовными делами по обвинению в призывах к осуществлению экстремистской деятельности, в возбуждении вражды либо ненависти к определенным группам людей. Типовыми вопросами являются устоявшиеся, охватывающие наиболее значимые области применения экспертных знаний вопросы. Такими вопросами являются:

1. Имеются ли высказывания побудительного характера, содержащие призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо расовой, национальной, социальной, конфессиональной группы?
2. Имеются ли высказывания враждебного, агрессивного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, социальной или конфессиональной группы?
3. Имеются ли высказывания, содержащие пропаганду исключительности, превосходства граждан какой-либо национальной, социальной или конфессиональной группы по сравнению с другой нацией или группой?
4. Имеются ли высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности, социальной или конфессиональной группы по сравнению с другой нацией или группой?
5. Имеются ли высказывания унижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы?
6. Есть ли высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, социальную или конфессиональную группу?
7. Имеются ли высказывания с призывами дать привилегии отдельным гражданам или группам лиц, объединенных по национальному, конфессиональному или иному социальному признаку? [4, с. 57]

Типовые вопросы помогают более обширно посмотреть на ситуацию и провести анализ с использованием лингвистических знаний.

Таким образом, проведение лингвистической экспертизы является одним из важных инструментов в борьбе с экстремистской деятельностью. Лингвистическая экспертиза помогает доказать наличие призыва к насилию, унижению и угрозам в отношении отдельных социальных и конфессиональных групп, а также этносов. Использование лингвистической экспертизы в судебной деятельности является инновацией, соединяющей современное языкознание, социологию и юриспруденцию. Проведение корректной лингвистической экспертизы возможно при формулировании корректных вопросов специалистом.

Литература

1. The USLegal Dictionary. [Электронный ресурс] – URL: <http://definitions.uslegal.com/h/hate-speech>.
2. Галяшина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – том 12(3). – С. 33-39.
3. Горбатенко О.Г., Василёва Т. В. Виды лингвистической экспертизы в юриспруденции: цель и результаты // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – №1. – С. 239-243.
4. Сергиенко Н.А. Лингвистические исследования материалов по делам о противодействии экстремизму // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2016. – №24-2. – С. 54-58.

Kravchenko V.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Linguistic examination in cases of verbal extremism on the Internet

The article discusses issues related to the linguistic examination of verbal extremist materials. The article defines the object, subject, goals and objectives of linguistic research, as well as typical examination issues for expert linguists.

Keywords: verbal extremism, linguistic examination, linguistic research, hate speech.

Крёкшина Мария Сергеевна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

kremanka@bk.ru

Преподавание русского языка в школе: формирование метапредметных связей посредством нейропедагогических приемов

Работа выполнена под руководством Кудояровой Т.В., заведующей кафедрой

методики преподавания русского языка и литературы, кандидата педагогических наук

Нейропедагогика – подход к обучению детей, в основе которого лежат универсальные законы функционирования мозга. Данная методика является новаторской: ее теоретическая база не сформировалась в достаточной степени, в связи с чем необходимо увеличить число экспериментальных данных, позволяющих сделать актуальные теоретические выводы.

Ключевые слова: нейропедагогика, пассивное обучение, «тройное обучение», принципы системы К.С. Станиславского, метод аналогии.

В настоящее время все большую актуальность приобретает проблема отсутствия внимания и мотивации детей в процессе обучения. Стратегия «развивающего обучения», созданная для того, чтобы решать эту проблему, не всегда демонстрирует свою

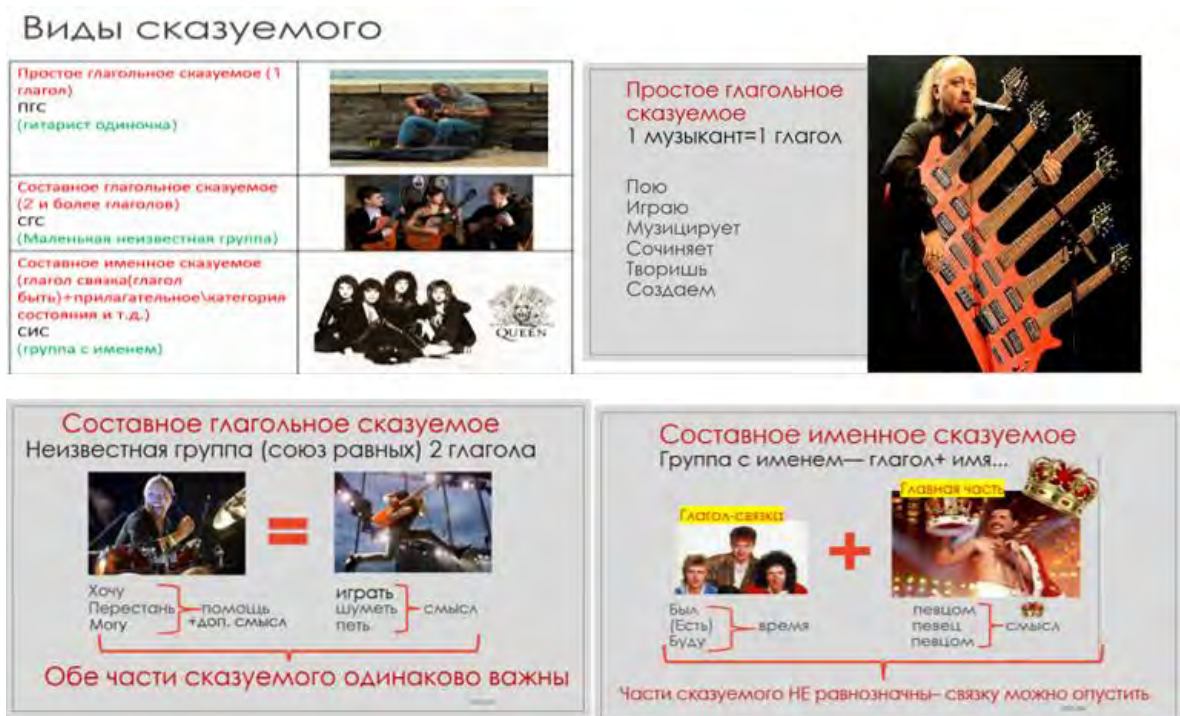
эффективность. Одна из главных причин этого – увеличение числа детей с различными психофизическими отклонениями, в работе с которыми опыт методики и педагогики необходимо сочетать с рекомендациями из области медицины и психологии. Согласно статистике, в течение последних 30 лет в России наблюдается стремительный рост численности детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). Если, по данным Росстата, в 1990 году таковых насчитывалось 155,1 тыс., то в 2022 – уже 735 тыс. В среднем ежегодный прирост таких детей составляет около 10%. В 2021 году уполномоченный при президенте России по правам ребенка Анна Кузнецова заявила об увеличении числа детей с ОВЗ на 9,4% в РФ [10].

Кроме того, по мнению директора Института им. Сербского З.И. Кекелидзе, 70 % процентов обычных школьников, которые не являются лицами с ОВЗ или инвалидами, имеют психофизические отклонения. [9, с. 23]

Учитывая вышеприведенные статистические данные, а также принимая во внимание частые проявления повышенной утомляемости и отсутствия внимания у детей без психофизических отклонений, современные специалисты в области нейропсихологии предлагают особую нейропедагогическую методику преподавания, которая помогает объяснить материал образно, с минимальными энергетическими затратами со стороны школьников. Как известно, современная нейропедагогическая методика широко использует достижения психологии и психолингвистики, в частности, использует метод обучения по «законам мозга». Всего существует 5 основных «законов» работы данного органа [7, с. 28]:

1. Закон сохранения энергии – главная особенность, которую надо учитывать при работе со школьником. Мозг не хочет выстраивать новые нейронные связи, так как это энергозатратно. Понимание темы возможно, когда мозг находит опору в уже имеющихся знаниях, представлениях, стереотипах (например, объяснение действительных и страдательных причастий через отношения высших и низших чинов в армии: высокое начальство – действительные причастия (сами выполняют действие и отдают приказы); подчиненные – страдательные причастия (над ними выполняют действие, их «подчиняют и заставляют работать»))

2. Хорошо запоминается материал, связанный с интересами ребенка, поэтому так важно проводить параллели с увлечениями, что помогает сделать урок интерактивным и запоминающимся (например, если ученик увлекается музыкой, то типы сказуемых можно объяснить следующим образом:

³.S. Все помнят Фредди Меркьюри, солиста группы Queen, других же участников вспоминают только в контексте интервью (рассказать о прошлом или будущем музыкального коллектива. т.е. времени действия)

Рис. 1.

3. Мозг многозадачный механизм, «параллельный процессор», что позволяет совмещать разные формы активности и помогает развитию метапредметности урока (например, можно соединить на одном занятии сведения и задания из таких предметных областей, как русский язык и литература или русский язык, история России и обществознание). Параллели с различными областями знаний делают урок более интересным, давая возможность создавать новые векторы дискуссий у школьников, что развивает навыки коммуникации и ассоциации.

4. Похвала вызывает дополнительную активность дофаминовых рецепторов, отвечающих за гормон радости, что повышает мотивацию к обучению.

5. Эмоции являются необходимым фактором продуктивной деятельности мозга. Преподавание должно быть экспрессивным и интересным, возможно, иметь некоторые черты театрализованного представления для лучшей усвояемости материала. Воздействие на чувства слушателя способствует глубокому анализу, помогает пропустить ситуацию «через себя»

В соответствии с этими пятью законами нейропедагогика предлагает следующие приемы:

1) Пассивное обучение. Суть данного подхода состоит в сравнительном анализе предложенных материалов. На основе коллективной работы ученики должны прийти к определенному выводу. А.В. Цветков в книге «Нейропедагогика для учителей» приводит такой пример: в 1996 году, перед выборами, преподаватели предлагали школьникам сравнить вырезки из современных им газет с выдержками из дореволюционных изданий. Через призму современности ученики смогли соприкоснуться с эпохой развала Романовской империи. Такое сближение времен вызвало среди учащихся бурное обсуждение, способствуя глубокому анализу темы и развитию коммуникативных навыков.

2) Троянское обучение – попытка убедить ученика посредством правильного подбора цитат и режиссуры урока. В данном случае занятие во многом напоминает театральную постановку, в связи с чем для «режиссуры» используются принципы системы К.С. Станиславского [5]:

- Принцип жизненной правды — первый принцип системы, который является основой любого реалистичного искусства. Максимальное приближение к действительности.
- Принцип сверхзадачи — цель урока. Правильно истолковывая и используя сверхзадачу, автор может безошибочно подобрать риторические и технические приемы.
- Принцип активности действия — не изображать образы, а действовать в образах. Особенно данный пункт касается гуманитарных предметов.
- Принцип органичности (естественности) вытекает из предыдущего принципа.
- Принцип перевоплощения – конечный этап творческого процесса – создание сценического образа, воздействующего на сознание школьника, определяющего его позицию.

3) Метод аналогий У. Гордона. У. Гордон выделяет три основных типа аналогий [2].

- 1) Личная аналогия (используются примеры из личного опыта учащихся);
- 2) Прямая аналогия (используются знакомые ученикам истории и реалии);
- 3) Символическая аналогия (используются абстрактные понятия, описания чувств и т.д.)

Метод аналогий может быть применен на практике следующим образом.

Например, виды односоставных предложений (где присутствуют только сказуемые) в русском языке отдаленно напоминают виды собственности (На Рис 2.1. представлена схема, разработанная нами в процессе экспериментального занятия):

Рис. 2.1 Сравнение сказуемых и видов собственности.

Русский язык	Социология
Определенно-личное (легко определяется субъект действия)	Личная собственность (точно известно, кому принадлежит данный ресурс)
Неопределенно-личное (неизвестен субъект, неважно кем, главное, задача выполнена)	Государственная собственность (Неважно, кто сделал, главное, что задача выполнена, объект принадлежит государству)
Обобщенно-личное (пословицы, поговорки, лозунги, заповеди; обращение сразу ко всем людям)	Общая собственность (культурное и природное наследие)
Безличное (нет субъекта действия, логически «восстановить» его невозможно)	Иная собственность (совмещение нескольких видов собственности, невозможно выделить одного владельца)

Рис. 2.2 Сравнение сказуемых и видов собственности. Таблица

Метод аналогий наиболее способствует образованию метапредметных связей. В качестве примера приведем фрагмент экспериментального занятия. Ученику 8 класса, который интересуется историей и политикой, было необходимо объяснить тему «Сочинительные и подчинительные союзы в русском языке». Материал был представлен нами следующим образом (см. Рис. 3.1. и см. Рис. 3.2.)

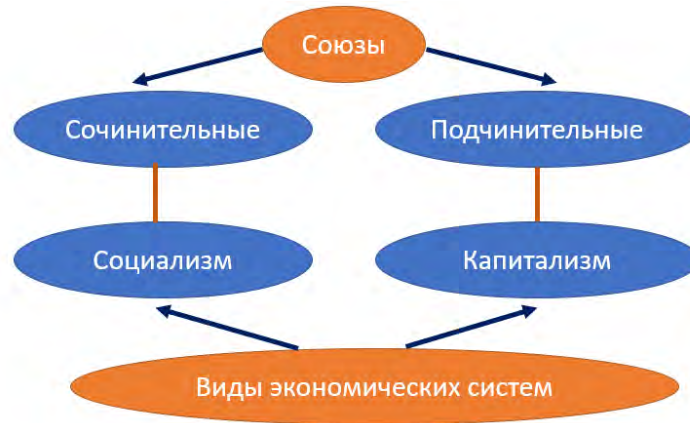

Рис. 3.1. Сравнения видов союзов с экономическими системами

Рис. 3.2. Сравнение видов союзов. Отношения «подчинения» и «равенства»

В процессе объяснения темы мы осуществили метафорический перенос на основе отношений подчинения, используя такие историко-экономические реалии, как социализм и капитализм. Данные формации были сопоставлены с видами союзов так (см. Рис. 3.3):

Историческая формация	Вид союза	Общие критерии	
Социализм	Сочинительный	«Объединение равных» (равенство и равноправи	

		Социализм – общественный строй, исключающий эксплуатацию человека человеком. Предпринимаются попытки воплотить в жизнь идеи Великой Французской революции – «Свобода, равенство и братство».	Сочинительный союз всего объединяет равноправные однородные компоненты (однородные члены предложения или равноправные предложения). Отсутствуют отношения подчинения.
Капитализм		Подчинение «угнетение»	
	Подчинительный	Капитализм основан на эксплуатации наемного труда капиталом.	Подчинительный союз выступает в качестве связующего звена между главным и зависимым предложениями в составе сложного. Присутствуют отношения подчинения и «эксплуатации».

Рис. 3.3. Союзы и историко-экономические формации

Затем мы обратились к классификации сочинительных и подчинительных союзов. Для этого нами были использованы советские плакаты (см. Рис.3.4.):

Рис. 3.4. Классификация сочинительных союзов

Знаменитый советский плакат «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» иллюстрирует группу соединительных союзов. Агитационный лист, посвященный противостоянию рабочих и эксплуататоров, демонстрирует антонимию, присущую противительным союзам. Заключительный плакат «Или смерть капиталу, или смерть под пятой капитала» ярко выражает идею вариативности, возможности выбора, которую «предлагают» разделительные союзы.

Иначе была представлена классификация подчинительных союзов. На основе Фултонской речи У. Черчилля были представлены основные разряды подчинительных союзов (см. Рис 3.5.):

Речь Черчилля	Вид союза	Примеры
Черчилль констатировал, что отныне «Соединённые Штаты находятся на вершине мировой силы».	Изъяснит.	ЧТО, чтобы...
Сейчас, когда наступил торжественный момент американской демократии....	Временные	Когда, как только, с тех пор как...
Советский Союз-- причина «международных трудностей», так как он старается достичь во всём тоталитарного контроля.	Причинные	Потому что, так как, оттого что...
Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем наши глаза на них.	Условные	Если, коли, ежели
Это обстоятельство было бы ими использовано для того, чтобы навязать тоталитарные системы свободному демократическому миру с ужасными последствиями.	Целевые	Чтобы, для того чтобы, дабы
Надо обеспечить безопасность этим бесчисленным домам и семьям, необходимо оградить их от войны и тирании, как от двух гигантских мародеров.	Сравнительн.	Как, словно, будто, подобно тому как...
Несмотря на то , что я очень уважаю и восхищаюсь доблестными русскими людьми...	Уступительн.	Хотя, несмотря на то что
Сложилась сложная политическая ситуация, так что Организация Объединённых Наций должна быть немедленно оснащена Международными вооружёнными силами	Следствие	Так что

Рис. 3.5. Классификация подчинительных союзов на основе Фултонской речи

Отрывки из Фултонской речи были подобраны нами так, чтобы при объединении частей получился полноценный текст, гармонирующий с последовательностью пунктов плана классификации подчинительных союзов.

Метод аналогий, основанный на ассоциациях с привлечением иных дисциплин, помогает сформировать метапредметные связи. Русский язык начинает коррелировать с другими предметами, погружая ученика в мир взаимосвязанных вещей. Отметим при этом, что с ориентацией на конкретную аудиторию одни и те же темы можно реализовать в разных ассоциативных рядах, и представленные выше примеры – это только один из возможных вариантов.

Разумеется, взаимодействие абсолютно разных дисциплин условно, так как создано искусственно, однако благодаря такой координации данная нейропедагогическая модель обучения позволяет создать эффект метапредметности, объединяя в сознании ученика различные дисциплины и способствуя образному запоминанию темы.

Литература

1. Горбатов Е.В. Принципы обучения по Занкову// Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – №27-1.
2. Гордон У. Синектика: Развитие творческой способности. – Нью-Йорк, 1961. – 180 с.
3. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения / Давыдов В.В. – Москва : ИНТОР – 1996. – 544 с.

4. Давыдов В.В. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Давыдов В.В. – Москва : Педагогика – 1989. – 560 с.
5. Мирончук Е.В. Принципы педагогической системы К.С. Станиславского в формировании профессиональной компетентности студентов будущих учителей // Наука и школа. – 2013. – №6.
6. Степанова М.А. Психология трудного детства к 150-летию со дня рождения В.П. Кащенко (1870-1943) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2020. – №3.
7. Цветков А.В. Нейропедагогика для учителей: как обучать по законам мозга. – Москва : «Спорти и культура», 2017. – 128 с.
8. Челнокова Е.А., Разорёнов В.А., Челноков А. С. Синектика как метод активизации нестандартного мышления обучающихся // Проблемы современного педагогического образования – 2019. – №65-4.
9. Эльконин Д.Б. Вопросы психологии учебной деятельности младших школьников / Давыдов В.В. – Москва, 1962. – 288 с.
10. РИА Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210430/deti-1730713092.html?ysclid=lgkkfap8lh47452275>.

Krekshina M.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Practical application of neuropedagogy methods in russian language lessons

Neuropedagogy is an approach to teaching children that is based on the universal laws of brain functioning. This technique is innovative: its theoretical basis has not been sufficiently formed, and therefore it is necessary to increase the number of experimental data to make relevant theoretical conclusions.

Keywords: neuropedagogy, passive learning, “Trojan learning”, principles of the K.S. Stanislavsky system, analogy method

Кривченко Елена Александровна

Волгоградский государственный медицинский университет

lenagannova@mail.ru

Провокации и манипуляции в медицинском дискурсе на материале произведения Доктора Иваныча «Байки старого психиатра»

Работа выполнена под руководством Шацкой Марины Федоровны, доктора филологических наук, профессора

В статье проанализированы языковые маркеры манипулирования и провокаций в диалогах из произведения врача-психиатра, рассмотрены примеры достижения перлокутивного эффекта.

Ключевые слова: перлокутивный эффект, манипуляция, провокация, речевые жанры провокации, забота, нотация, убеждение.

Провокация (лат. *prōvocātio* – вызов) – это побуждение к действиям с негативными последствиями [5, с. 20]. Провоцирование является наиболее характерным способом и механизмом манипуляции. Суть провоцирования в ретрансляции демонстрируемого психологического состояния от одного участника коммуникации к другому. Провоцирование отличается от манипуляции тем, что последняя является осознаваемым действием – демонстрацией мастерства и сноровки манипулятора, который использует навыки провоцирования намеренно [6, с. 24].

В ходе нашего исследования мы будем обращаться к книге современного русского писателя, публикующегося под псевдонимом Доктор Иваныч, «Байки старого психиатра». Главный герой является опытным врачом-психиатром, работающим на скорой помощи.

Обратимся к первому примеру:

– *За мной следят какие-то... Под дверью поджидали с автоматами. Мне в телевизоре сказали, что нас с мамкой убить хотят.*

– *Все понятно. Ну что, Евгений, поехали в больничку, там спокойно, никто тебя не убьет.*

– *А как я мамку-то оставляю? Вы чего?! – вскинулся больной.*

– *Ты, главное, не переживай, **твоя мама будет под круглосуточной охраной полиции. Никто ее в обиду не даст!*** – твердо пообещал я.

– *Да, да! – подтвердили полицейские. – **Мы здесь пока поживем.***

– *Так ведь я в больнице-то буду долго лежать, **месяца два!***

– ***Не волнуйся, мы все это время здесь будем! У нас пистолеты есть, если что, всех диверсантов перестреляем!***

– *Ну ладно, тогда поехали!* – добродушно сказал больной и довольно заулыбался [1, с. 8].

Способ подачи информации здесь таков: врач скорой помощи и сами полицейские решили подыграть взволнованному больному, чтобы сократить время уговоров, они вжились в роль, отвечая абсурдом на абсурд. Полицейские напоминают, что у них всегда

есть штатное оружие, которым они имеют право воспользоваться, чтобы защитить женщину в случае нападения. Ведь всем известно, что табельное оружие действительно имеют при себе лица при исполнении, что ассоциируется с неким ощущением защиты, которого не хватает больному, чтобы согласиться на лечение в больнице. Полицейские воспользовались скрытым воздействием с опорой на какое-либо содержание («ассоциированное знание»), известное обоим партнерам, но актуально не упоминаемое [6, с. 49]. Стремление сохранить в секрете факт воздействия – важная часть работы с пациентом, поэтому полицейские и врачи скорой помощи подыгрывали больному, соглашаясь с наличием воображаемой опасности.

Отметим, что речевые жанры также могут влиять на качество и успех провокации. Так, можно проследить в примере такой речевой жанр, как забота, – приехавшая бригада проявляет заботу о больном, снижая уровень его волнения. «Представление о заботе в сознании рядового носителя языка окрашено положительно, вызывает у собеседника доверие, способно «усыпить» его бдительность и тем самым упрощает манипулятивное воздействие» [2, с. 116].

Врач также сразу обращает внимание к психологическим особенностям характера и поведения собеседника, так как уже имеет богатый опыт, что позволяет ему регулировать поведение психически больных людей, выбирать верные тактики.

Речевые тактики выведывания информации позволяют манипулировать. Популярным для врачей, на наш взгляд, является речевая тактика «Игра по правилам», что особенно актуально для врача-психиатра. Одним из приемов выведывания информации является уступка собеседнику, связанная с некоторыми ограничениями на выдачу информации, налагаемыми профессией, должностными обязанностями, требованиями этики и т. п. Уступка осуществляется через метакоммуникацию, в ходе которой стороны приходят к общим правилам ведения дальнейшего диалога. Правда, этот договор отнюдь не исключает последующего утаивания информации [3, с. 96]. Именно такая тактика используется в первом и втором примерах, так как главному герою очень важно забрать буйных пациентов, предотвратив последствия их приступа, оказав должное лечение в психиатрической больнице. Попытки объяснить логически, начать спорить, конечно, с таким пациентом приведут к провалу, поэтому опытный психиатр не спорит.

– Вон, вон, слышите, они орут из дивана! – заголосила больная.

– *Ничего не бойтесь! Мы вас сейчас в безопасное место увезем!* – сказал я. – *А пока вас не будет, мы всю нечисть от вас выгоним!*

– *Ну поехали уже скорей, пока они не вылезли!* – заторопила нас больная.

– *Сейчас поедем, не спешите, лучше сумку с собой соберите. Передевашку, тапки, мыло, шампунь.*

– *Сейчас все соберу, вы только не отходите от меня!*

– *Не отойдем, не бойтесь!*

– *Никаких выпить! Иначе не повезем никуда, здесь оставим с домовыми!* – пригрозил я [1, с. 20].

В данном примере специалист в работе с психически нездоровым пациентом снова выбирает такой речевой жанр, как забота. Он выстраивает с ним доверительные отношения, демонстрирует реальное беспокойство о том, что жизнь пациента в опасности, так как вот-вот могут напасть прямо из дивана. С помощью заботы доктор добивается внутреннего состояния покоя пациента, что очень важно в работе с людьми, имеющими психически расстройства.

Порой врач сталкивается с агрессивным поведением, когда пациент ведёт себя вызывающе. Как правило, пациент желает увидеть реакцию врача, его резкое согласие на диктуемые условия (эксплицитная провокация, в которой важно убедиться в ответной реакции оппонента). Обратимся к такому примеру:

– *Никакой белой горячки у него нет. И наркология на Первомайской не единственная в городе. Не может такого быть, чтобы ни в одном отделении мест не оказалось!* – категорично ответил я.

– *Да нафиг мне другие наркологии! Мне на Первомайскую надо, там врачи самые лучшие!* – раздраженно сказал «больной» и сел на кровати.

– *Ну тогда жди, когда там места появятся! А мы поехали, до свидания!*

– *Э, алё, куда поехали?! Прокапайте меня хотя бы!* – он встал с кровати и угрожающе пошел на нас.

– *Слышь, клоун, сейчас мы тебя положим мордой в пол, свяжем и отправим на лечение в отдел полиции!* – пробасил фельдшер Гера.

И болезный мгновенно сдулся.

– *Я на вас жалобу напишу!* – сварливо и как-то визгливо крикнул он.

– *Безобразие какое!* – поддержала его мама [1, с. 27].

План содержания и является в этом примере катализатором реакции: громкое заявление о необходимости ехать в лучшую клинику, требование уделить пациенту внимание и поставить капельницу. Отметим, что поза и жесты говорят о намерении пациента продолжить конфликт. В провокативной деятельности наблюдается особое качество – демонстративность, что мы и наблюдаем в данном отрывке текста. Сам вызов бригады скорой помощи уже был началом провокации со стороны пациента.

Манипуляции и речевые тактики используют в конфликтных ситуациях не только врачи и пациенты, но и коллеги в диалогах с начальством, главным врачом. Так, главный герой часто не согласен с руководством, выдвигает свои теории эффективной работы, защищает коллег. Однако главный врач в примере использует тактику «Наведение темы», которая предполагает «прием скрытого от собеседника выведывания информации является наведение темы. Данная тактика базируется на операции ассоциативного соскальзывания» [4, с. 95].

Сидим, ждем, когда их величество главный врач явиться изволят. Ни разу еще вовремя не пришел. Через восемь минут появился. Ни «здрасьте», ни «извините». Окинул собравшихся сердитым взглядом с ноткой брезгливости. «Начинайте!» – буркнул он старшему врачу. После доклада главный по своему обыкновению, набычившись, начал предъявлять претензии.

– Позавчера у нас чуть было не произошло ЧП. Поступил вызов: шестимесячный ребенок подавился едой. Прибывшая на вызов врач-педиатр Мальцева не нашла ничего лучше, как вызвать «на себя» реанимационную бригаду. Это что за шантрапа у нас здесь собралась?! Значит так. Со следующего понедельника старший фельдшер, ответственный за медтехнику, будет проводить учебу. Присутствовать всем, явка будет проверяться!

Вот тут я уже не сдержался и взял слово:

– Игорь Геннадьевич! По моему убеждению, обучать должен не фельдшер, а практикующий врач, который, как говорится, собаку на этом съел!

– Юрий Иванович, уважаемый! Я давно заметил, что у вас на все есть свое особое мнение. Но я предлагаю вам начать с себя. Вы в курсе, что у нас ведется хронометраж. Бригады должны выезжать не позднее двух минут с момента получения вызова. А ваша бригада идет не спеша и вразвалочку, аж через одиннадцать минут от получения вызова! На первый раз я сделал вид, что ничего не

заметил. А вот в следующий раз со стимулирующими распрощаетесь! Если вопросов больше нет, все свободны! [1, с. 30].

Игорь Геннадьевич достаточно резко обрывает выбор способа улучшения работы реанимационной бригады, переходя на личности, перебрасывает внимание на работу и недочёты Юрия Ивановича, пугает лишением выплат, чем и завершает своё выступление перед врачами. Он старается с помощью такой демонстративности, подавить возможные возмещения, что является типичным для провокации. Здесь можно говорить о сценарии типичного руководителя, который уже предполагает, что на общем собрании всегда будут протестующие и недовольные, он стандартно выбирает позицию нападения в качестве оборонительной. В свою очередь резкость высказывания как бы не даёт ответить на агрессию и провокацию. В диалоге автор использует персонификацию (переход от общих рассуждений собеседника к негативной оценке его личности) [3, с. 97].

Отметим, что главный врач также задаёт провокативный вопрос: *«Это что за шантрапа у нас здесь собралась?!»* Он использует в нём стилистически маркированное слово «шантрапа» (просторечное, бранное), сравнивая врачей со сбродом, делая акцент на их незнании своего дела.

Рассмотрим ещё один пример манипуляции в репликах руководства с врачами. В ней начмед укоряет врача в том, что та нарушает приказ, в котором указано конкретное время, которое бригада скорой помощи должна тратить на дорогу до пациента. Начмеда не волнует вполне обоснованный ответ врача: добраться до пункта назначения невозможно. Начальник понимает, что слова доктора правдивы, однако делает акцент на приказ, против которого нет никакой аргументации. Начальник упрекает подчинённого, а также напоминает о законодательстве и делает предупреждение. Отметим, что в данном примере, как и в предыдущем диалоге главного врача и доктора, успех провокации достигнут, так как есть перлокутивный эффект: в речи доктора наблюдаются речевые акты оправдания.

С кисло-недовольным лицом она обратилась к врачу линейной бригады Марианне Силкиной:

– Марианна Анатольевна! Ну слушайте, вы же не первый день работаете на скорой! Вы должны знать, что время доезда на экстренные вызовы не должно превышать двадцати минут!

– *Туда же физически никак не доедешь за двадцать минут! – попыталась объяснить Марианна.*

– *Марианна Анатольевна! В минздравовском приказе триста восемьдесят восемь говорится про двадцатиминутный доезд. А о дорогах и расстояниях там ничего не сказано. И экспертов из страховых это так же не волнует. Они просто тупо оштрафуют, вот и все!* [1, с. 37].

Здесь можно также заметить такой речевой жанр, как нотация: «они оштрафуют» (личный глагол в форме третьего лица), используемая в качестве поучения, в некотором роде заученная фраза всех руководителей. Акцентированное обращение к собеседнику также присутствует в нотации: использование местоимения «вы» в репликах начальника.

Мать ушедшего из дома сына вызвала бригаду скорой помощи и посчитала, что они отыщут его, пугая врачей неадекватным поведением, ответственность за которое она хочет переложить на плечи врачей и обязывает их найти сына. Женщина использует внутрижанровую тактику упрёка. С помощью фразы *вы работать не хотите; вам радость* женщина сделала попытку изменить психологическое состояние адресата воздействия согласно намерению адресанта. В примере использована речевая тактика «Принуждение через обвинение»:

Мама больного, с красными от слез глазами, прямо с порога эмоционально:

– *Убежал он! Он же сейчас таких дел натворит, что потом не расхлебаешься! Он агрессивный! Поймайте его, пожалуйста!*

– *Извините, но мы никого не ловим. Звоните в полицию.*

– *Да причем здесь полиция-то?! Он же больной! Что они, его лечить будут, что ли?! – не успокаивалась она.*

– *Полиция его найдет, задержит и вызовет нас*

– *Понятно все. Вы работать не хотите. Больного нет, а вам радость!* [1, с. 44].

Итак, мы рассмотрели приемы манипуляции и провоцирования, а также их типичные маркеры. Специфика пациентов, имеющих психические отклонения или пагубные привычки, заключается в их умениях легко начинать скандал, уворачиваться от ответов и эмоционально дестабилизировать собеседника. Нередко члены семей больных также ведут себя провокативно. Типичным оказались речевые жанры заботы и нотация. Как показал материал, не достигнут перлокутивный эффект в ситуации общения врача и начальства. Однако в диалогах опытного психиатра и пациента эффект достигнут.

Типичными приёмами для организации провокации являлись в наших примерах тактика «Принуждение через обвинение», «Прямое обвинение», «Наведение темы», «Игра по правилам».

Литература

1. Доктор Иваныч. Байки старого психиатра. – Москва : АСТ, 2023. – 448 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – Москва : ЧеРо, 1997. – 344 с.
3. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / Русский язык в научном освещении. – Москва, 2009. – № 2 (18). – С. 92-104.
4. Козлов А.Е., Саженин А.Е. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа. – Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – Новосибирск, 2015. – №.5 (27) – С. 142-158.
5. Плеханова И.И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – №1. – С. 18-25.
6. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2005. – 37 с.

Krivchenko E.A.

Volgograd State Medical University

Provocations and manipulations in medical discourse (based on the material of Dr. Ivanovich's work «Tales of an old psychiatrist»)

The article examines the linguistic markers of manipulation and provocation through the dialogues from the work of a psychiatrist, analyzes the achievement of a perlocative effect.

Keywords: perlocative effect, manipulation, provocation, speech genres of provocation, care, notation, persuasion.

Кудряшов Святослав Александрович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

kaliban99@mail.ru

Интертекстуальность в современном российском медиапространстве

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматривается понимание интертекстуальности в научной литературе, исследуются ее функции, анализируются примеры использования в современных СМИ.

Ключевые слова: интестекстуальность, интертекст, заголовок-цитата, контекст

Вопрос изучения интертекстуальности занимает особое место в современных научных исследованиях, прежде всего в областях лингвистики, литературоведения и культурологии. В данной статье мы опираемся на классическое определение интертекстуальности, предложенное Р. Бартом. Согласно этому определению, каждый текст содержит в себе другие тексты на разных уровнях, которые могут быть более или менее узнаваемыми формами. В тексте присутствуют элементы предшествующей ему литературы и культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, составленную из цитат и фрагментов старых текстов. Эти элементы культурных кодов, формул, ритмических структур, социальных идиом и т.д. поглощены текстом и перемешаны в нём. Язык является необходимым предварительным условием для любого текста. Интертекстуальность не сводится к проблеме источников и влияния, она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых сложно обнаружить, так как они являются бессознательными или автоматическими цитатами, не снабженными кавычками [1, с. 31-47].

За время существования концепции интертекстуальности ученые прибегали к различным подходам и трактовкам данного явления. Н.А. Фатеева, опираясь на исследования Жерара Женнета, выделяет несколько разновидностей интертекстуальности, обращая внимание на их специфику и функциональные аспекты. Среди них выделяются собственно интертекстуальность, представленная как текст в тексте, включающая в себя цитаты, аллюзии и плагиат; паратекстуальность, в свою очередь, связанная с отношением текста к его частям, таким как заглавие, эпиграф и послесловие; метатекстуальность, представляющая собой отношение текста к его контексту («текст о тексте»); гипертекстуальность, которая включает осмеяние и пародирование одного текста другим; архитектстуальность, которая учитывает жанровую связь между текстами. Кроме того, интертекст может быть рассмотрен как троп или стилистическая фигура, поэтическая парадигма и другие аспекты, которые также влияют на понимание интертекстуальности [4, с. 175-177].

«Интертекст – это, в первую очередь, форма произведения, которая наравне с жанром (представителем творческой памяти) открывает перед читателем широкое поле возможностей прочтения произведения в контексте его (читателя) «горизонта ожидания» [6, с. 69]. В таком виде главная определяющая черта интертекста – интертекстуальность – вписывается в изначальную концепцию «диалога как борьбы писателя с существующими

литературными формами» М.М. Бахтина, освещающую процесс творчества не как заимствования, а как встречу текстов существующих и текста, рождающегося в настоящий момент. Интертекстуальность воплощает в себе свободу выбора в плане толкования множества межкультурных связей в одном произведении, так как текст привлекает читателя возможностью интерпретировать. Поле возможностей читателя расширяется до области взаимодействия всего мирового литературного контекста [2, с. 69].

Интертекстуальные ссылки могут выполнять различные функции, в соответствии с классической моделью функций языка, предложенной в 1960 году Р. Якобсоном:

1. Референциальная функция заключается в использовании ссылок на другие тексты. Она помогает уточнить смысл текста, указывая на другие источники информации.

2. Экспрессивная функция связана с выражением эмоций, настроений, чувств и переживаний. Посредством интертекстуальных ссылок автор может передать свою интонацию и эмоциональное состояние, внедрить в текст свои культурные и семиотические ориентиры, а также прагматические установки. Выбор цитат и аллюзий, а также стиль их включения, могут быть важными элементами самовыражения автора. Они могут отражать авторскую позицию, отношение к определенным текстам, авторам или культурным явлениям.

3. Фатическая функция предполагает использование текста для установления контакта между автором и читателем, для создания общности и доверия между автором и читателем.

4. Металингвистическая функция сопряжена с использованием текста для обсуждения языка, на котором он написан. Эта функция может употребляться для анализа и рассмотрения стиля и техники автора.

5. Апеллятивная функция проявляется в том, что отсылки в тексте ориентированы на конкретного адресата, способного распознать ее, а также оценить такой выбор и понять, с какой целью она применялась. Часто апеллятивная функция переплетается с фатической: иногда они сливаются в опознавательную функцию установления коммуникации между автором и читателем. Обмен интертекстами и способность коммуникантов адекватно распознавать эти интертекстуальные ссылки могут способствовать установлению общности между ними.

6. Поэтическая функция интертекстуальности ориентирована на использование текста для создания эстетического эффекта, красоты и гармонии в тексте. Чаще всего эта функция используется как развлекательная.

7. Метафорическая функция связана с использованием метафор и символов для передачи более глубоких смыслов, для создания образов и метафор, которые помогают читателю лучше понять текст.

8. Метонимическая функция подразумевает использование метонимии, то есть замены одного термина другим на основе связи между ними. Может служить для передачи отношений между различными текстами и понимания их взаимосвязей.

В современной публицистике интертекстуальность играет важную роль, проявляясь в широком использовании таких приемов, как аллюзия, реминисценция, цитата и другие. Создание аллюзии в медийном тексте предполагает обращение к прецедентным текстам, которые могут быть узнаны и поняты адресатами. Это предполагает наличие у них определенных культурных знаний, которые позволяют им распознавать эти отсылки и ассоциировать их с соответствующим контекстом.

В публицистических текстах аллюзии могут быть использованы для акцентирования внимания читателей на определенных аспектах темы, для установления эмоциональной связи или создания иронического эффекта. Такие приемы не только обогащают текст, делая его более содержательным и интересным, но и устанавливают диалог с культурным контекстом, в котором существует читатель.

Заголовки играют ключевую роль в привлечении внимания читателей к публикациям в газетах, журналах, а также в социальных сетях и на онлайн-ресурсах. Цитирование в заголовках является одним из эффективных способов привлечения внимания читателя к содержанию статей. Включение цитаты в заголовок может создать эмоциональную или информационную привлекательность и вызвать у читателя желание читать текст дальше.

Заголовки считаются одной из сильнейших позиций в газетном тексте, так как они являются первым, что замечает читатель. Использование цитат в заголовках может заинтересовать читателя, быстро передать основную идею или эмоциональный настрой статьи. В качестве газетных заголовков используются различные виды цитат (артоцитата (дословное цитирование), реминисценция, аллюзия). Наиболее частотным является употребление реминисценций, чаще всего представляющих собой трансформацию

исходного текста. Г.И. Махтина приводит примеры возможных структурных трансформаций цитат:

1. *Сокращение компонентного состава*: «*Все́му голова. Как огромный бюст Ленина стал одним из символов Улан-Удэ*» («Аргументы и факты»). В названии используется фрагмент устойчивого выражения «Хлеб – всему голова».

2. *Расширение компонентного состава*: «*Но́лан – гений (теперь официально), „Оппенгеймер“ впереди всех. „Оскар-2024“, как это было*» (gazeta.ru). Заявление «Но́лан – гений» можно встретить в социальных сетях. В данном случае автор заголовка, апеллируя этой фразе, устанавливает связь с такими сообщениями.

3. *Замена слов-компонентов*, которая может быть как частичной, так и полной, например: «*„Айтишники, убирайтесь домой“ Россиянка переехала в США и узнала, почему американки не любят мужчин из России*» (Lenta.ru). В данном случае обыгрывается известная фраза «*yankee, go home*». Ещё один пример: «*Дивный новый чат: кто составит конкуренцию ChatGPT*» (Forbes). В данном случае заголовок отсылает к русскому переводу названию романа Олдоса Хаксли «О, дивный новый мир» [3, с. 62].

Заголовки, основанные на цитатах, выполняют не только информативную функцию. Согласно наблюдениям Е.Н. Басовской, ключевая особенность заголовков, основанных на цитатах, заключается в их всеобъемлющей ироничности, которая обусловлена контекстом цитирования. Даже при точном воспроизведении оригинального текста возникает комический эффект за счет противоречия между настроением цитированного произведения и тематикой журнальной статьи. Использование цитат связано с их ассоциативными потенциями, которые способны реализовать разнообразные функции.

Кроме того, заголовок-цитата может добавить новую информацию к статье, подчеркнуть важность цитируемого произведения и его связь с темой текста. Цитата может быть выбрана таким образом, чтобы акцентировать внимание на ключевых моментах, которые будут рассмотрены в статье, и вызвать интерес у читателя. Такой заголовок может также использоваться для создания особой атмосферы или передачи определенного настроения, что поможет установить контекст.

Заголовки-цитаты могут добавить легкости и юмора, сделав статью более доступной и привлекательной для широкой аудитории. Кроме того, заголовки-цитаты могут использоваться для создания эмоционального связующего звена между читателем

и автором, устанавливая более личную связь и вызывая сопереживание. Включение цитаты в заголовок открывает возможности для формирования эмоционального воздействия и стимулирования ассоциативных процессов у аудитории.

Таким образом, такой подход к изучению интертекстуальности представляет собой перспективу для дальнейших исследований в области коммуникации и медиа, а также для разработки практических методов формирования эффективных заголовков различных текстов.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Ролан. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. Г.К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 384-391.
2. Кулькина В.М. Интертекстуальность в контексте философских исследований // Вестник культурологии. – 2014. – № 1 (68). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-v-kontekste-filosofskih-issledovaniy> (дата обращения: 14.03.2024).
3. Махтина Г.И. Интертекстуальность как стилеобразующая черта современных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. – 2012. – №1. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-stileobrazuyuschaya-cherta-sovremennyh-smi> (дата обращения: 12.03.2024).
4. Свистунова Н.И., Кольчикова П.О. Приемы выражения интертекстуальности и их функции в художественном тексте (на материале романа А. Байетт «Обладать») // МНКО. – 2020. – № 4 (83). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-vyrazheniya-intertekstualnosti-i-ih-funktsii-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romana-a-bayett-obladat> (дата обращения: 18.03.2024).

Kudryashov S.A.

The Pushkin State Russian Language Institute

Intertextuality in the modern Russian media space

The article examines intertextuality, its functions and examples of use in modern media.

Keywords: intertextuality, intertext, title-quote, context

Курицына Анастасия Сергеевна,

Липовская Ксения Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

polzovatel1510@yandex.ru; lipovskaya.ksyu@mail.ru

Концепты «варвар» и «чернь» как средства характеристики Дмитрия Самозванца в одноименной трагедии А.П. Сумарокова

Работа выполнена под руководством Д.А. Супруновой, ассистента кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

В статье рассматриваются концепты «варвар» и «чернь» в речи Дмитрия Самозванца и второстепенных персонажей в трагедии А.П. Сумарокова. Предпринимается попытка доказать, что реплики действующих лиц помогают интерпретировать характеры героев.

Ключевые слова: Сумароков, концепт, концептуальная метафора, самохарактеристика.

Известно, что в художественной литературе XVIII века активно проявлялись публицистические черты. Рост общественного сознания привёл к изменению художественных инструментов, которые были необходимы для выражения злободневных идей. При анализе трагедии А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» П.Н. Берков отмечал, что знакомство с героями этого автора не всегда происходит через их поступки или оценки второстепенных персонажей. Иногда действующее лицо характеризует само себя [7, с. 15]. Реплики героев действительно чёткие и афористичные, в них повторяется определённая лексика, которая даёт возможность многосторонней интерпретации характеров и содержания.

Ю.М. Лотман писал: «Стихотворение состоит из слов. Кажется, нет ничего очевиднее этой истины. <...> Слово в стихе – это слово из естественного языка, единица лексики, которую можно найти в словаре. И тем не менее оно оказывается не равно самому себе» [5, с. 91]. В «Дмитрии Самозванце» А.П. Сумарокова это замечание находит подтверждение. Автор трагедии внимательно отбирает лексику, что делает образы его персонажей законченными и понятными для читателей. Попробуем охарактеризовать героев, обратившись к таким частотным словам текста как «варвар» и «чернь», которые, кроме того, можно определить как концепты.

Для начала следует рассмотреть содержание этого понятия. В.И. Карасик называет концептом «квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы и включающий понятийное, образное и ценностное изменения» [3, с. 4]. Для учёного это многостороннее смысловое образование, которое может ссылаться на геополитические, исторические и этнопсихологические особенности *вне* текста. Можно сказать, что концепт – это ментальная единица и форма сознания, которые выражаются как языковыми, так и невербальными средствами, однако никогда в полной мере не равны тому содержанию, которое стремятся передать [6, с. 21].

Отметим, что концепты используются в литературе как механизмы авторского понимания художественного мира и методы характеристики героев. Концепты не только иллюстрируют способ мышления писателя и его индивидуальное восприятие темы, но и определяют отношение читателя к героям и то, как будет воспринято содержание.

В «Димитрии Самозванце» есть лексический приём: рефрен слов-маркеров, помогающих раскрыть персонажа в нескольких аспектах. Во-первых, в его отношении к себе, во-вторых, в понимании им окружающего мира. Языковая картина произведения, или концептосфера, тесно переплетается с сознанием Димитрия Самозванца и ожиданиями от его личности со стороны читателей и других персонажей. Происходит психологизация образов – действующие лица становятся точным отражением того, как и о чём они говорят. Так, языковое содержание реплик всех героев произведения подсказывает истинную природу Димитрия Самозванца.

Димитрий Самозванец и другие действующие лица часто обращаются к слову «варвар»: на протяжении всего произведения оно встречается 13 раз. В тексте также представлены его формы («варварство», «варварский», «варварствовать»). Отметим, что лексическая единица многозначна и предстаёт в виде цепочки «варвар – чужой – самозванный». Кроме того, в каждом случае слова с этим корнем обращены к Димитрию Самозванцу либо сказаны им о себе. Впервые эта единица встречается в самом начале трагедии и в ответе Пармена на реплики монарха: «Ты много *варварства* и зверства сотворил, / Ты мучишь подданных, Россию разорил» [7, с. 127].

Выбранное слово можно охарактеризовать как концептуальную метафору: концепт «варвар» тесно связан с мышлением других персонажей, читателей и самого Димитрия. Концептуальной метафорой, согласно Р. Гиббсу, принято считать процесс, происходящий на уровне человеческого мышления, а затем находящий отражение в языковых структурах [8]. Это понятие шире, чем собственно концепт, так как отражает его новые смыслы в определённом контексте. Основное различие между терминами заключается в том, что метафора расширяет поле значений концепта (происходит перенос), а также устанавливает связи внутри него. Благодаря этому в приведённом примере концепт «варварство» приобретает новые контекстуальные значения: жестокость, несправедливость, самозванство.

Прежде чем определить роль слова «варвар» в речи героев, стоит обратиться к его значению. В современном толковании, которое даёт С.А. Кузнецов, варвар – это «некультурный человек; чужеземец, говорящий на непонятном языке» [4, с. 111]. Ранее, согласно толковому словарю В.И. Даля, «варвар» имел несколько другое значение: это «человек необразованный, грубый; невежа и невежда; свирепый, жестокий, немилосердный»

[1, с. 145]. Обе характеристики подходят для описания Дмитрия Самозванца, получившего власть, придя со стороны, через насилие, и не нашедшего поддержки среди своих подданных, вследствие чего позволяющего себе деспотизм: «Возможно ли отцем мне быти в той стране, / Котора, мя гоня, всего противней мне?» [7, с. 127].

В то же время концепт «варвар» раскрывает читателям тонкий психологический момент: Дмитрий является самозванцем не только в роли правителя, но и в собственной жизни. Герой потерян и, возможно, хотел бы изменить свою реальность, но она полна иллюзорности (так, например, он ошибается в преданности Шуйского и не находит никакой поддержки со стороны, несмотря на «угодливое» поведение своих подданных). Сама жизнь мешает выявить Дмитрию его истинное «я»: «Я к ужасу привык, злодейством разъярен, / Наполнен *варварством* и кровью обагрен». [7, с. 128]. Персонаж использует слово «варвар» для самохарактеристики. Не только окружающий мир не знает, кто на самом деле этот герой, но и он сам не может разобраться в проблеме самоопределения. В этом кроется его внутренний конфликт.

Для героев слово «варвар» является мощным инструментом, передающим глубокое недовольство монархом. Шуйский считает, что победить варварство можно лишь обманом, чувствами и маскировкой: «Обманывай его, притворствуй сколько лъзя, / Надежду подавай, в нём сердце распалая / И *варварство* его любовью уголяя, / Во воздыхание преобращая гнев». [7, с. 129]. Яркую характеристику Дмитрия даёт Ксения. Героиня ставит понятие «варвар» в один ряд с мифологической нечистью: «Сей *варвар* аспида и василиска зляй». [7, с. 129]. Любая опасность и жестокость в тексте отождествляются с варварством: «*Варварствеуй*, терзай меня, терзай, / На все злочестия, свирепствуя, дерзай!» [7, с. 130].

Таким образом, слово «варвар» раскрывается в трёх аспектах, характерных для концепта:

- ценностном: оттенки значения слова «варвар» подразумевают отсутствие у Дмитрия нравственных черт и гуманных принципов. Они заменяются его жестокостью, свирепостью и немилосердием;
- образном: роль «незнакомца» и дихотомия «свой-чужой»;
- понятийном: варвар – иноземный, невежественный, деспотичный.

В общих чертах характеризовать героя можно следующим образом: варвар – это человек, посторонний обществу. Дмитрий ни с кем не может найти общий язык, что делает его «неправильным монархом», не заслуживающим власти, так как он не слышит народ.

Чаще всего этот концепт используют второстепенные персонажи. Однако и сам герой раскрывает личные пороки при помощи обращений, звучащих в его речи. Дмитрий

Самозванец презирает подвластный народ и по отношению к нему употребляет только пренебрежительную лексику, среди которой наиболее часто встречаются слова «чернь» (по В.И. Далю, «чёрный народ, простолюдины; толпа, ватага» [2, с. 612]; по С.А. Кузнецову, «простой народ, чёрный люд, низы общества» [4, с. 1475]) и «тварь» («творение, живое существо, от червячка до человека» [2, с. 405]; «недостойный, подлый человек» [4, с. 1308]): «Какой на площади плетётся ими вред? / Я скоро прекрачу сей мерзкой *черни* бред» [7, с. 128]. Подобная лексика говорит, что Дмитрий – это правитель, злоупотребляющий своей властью. Герою кажется, что среди народа его окружают лишь безнравственные и ограниченные люди, над которыми он справедливо возвышается. Обществу же ненавистно господство царя-тирана. По этим причинам в тексте можно наблюдать взаимное неуважение и ненависть монарха и народа.

Несмотря на то, что грубое обращение не вызывает одобрения среди героев, они готовы использовать его и самостоятельно, в личных интересах. Так, в попытках угодить Дмитрию, Шуйский, защищающий Родину, сам начинает унижать свой народ: «Неважен *черни* шум, то только звук пустой; / Их лай разносит ветер, исчезнет он» [7, с. 128]. Воплощая коварный план против Самозванца, герой выстраивает речь так, чтобы оппонент ослабил бдительность и не сомневался в собственной правоте. Употребление Шуйским слова «чернь» в корыстных целях говорит, что это отличительная черта лексики именно Дмитрия Самозванца, которой можно воспользоваться, чтобы угодить ему.

В кульминационных сценах главный герой пьесы использует наиболее экспрессивные выражения. Во время столкновения с Ксенией и Георгием Дмитрий Самозванец не удерживается от эмоциональных сравнений: «Внемли и ты, и ты, Георгий, то внемли! / Вы – ползающая *тварь* и черви на земли» [7, с. 130]. Герои, олицетворяющие в тексте истинный патриотизм и «разумные» чувства, подвергаются осуждению персонажа, воплощающего абсолютное зло. Подобные высказывания Дмитрия в адрес народа («чернь», «тварь», «черви») лишь доказывают его грубость и безнравственность по отношению к окружающим. А.П. Сумароков активно подчёркивает, что настолько гневный и чёрствый человек недостойн власти и, что более важно, титула монарха.

Таким образом, Дмитрий Самозванец изобличает свои личные недостатки как человека и правителя в собственных репликах. Обращая внимание на лексические формулы в речи персонажей, можно говорить о чётком делении героев на положительных и отрицательных. Кроме того, каждый образ представлен убедительно и точно. Самозванец – самый яркий герой трагедии, имеющий глубокий и противоречивый характер, о чём можно судить по его лексике и оценке окружающими персонажами.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. – Т. 1. – Москва, 1863. – 627 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. – Т. 4. – Санкт-Петербург : Издание Вольфа, 1882. – 704 с.
3. Карасик В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода / Современная теория языка. №10. – Волгоград : Известия ВГПУ, 2009. – С. 4-11.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. – С. 91-94.
6. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта: учеб. пособие. – Москва : Флинта, 2016. – 176 с.
7. Сумароков А.П. Избранные произведения. / Вступительная статья П.Н. Беркова. / Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. – Ленинград : 1957. – [Электронный ресурс URL: rulit.me/books/izbrannye-proizvedeniya-read-791880-15.html – С. 1-20, 126-139 (Дата обращения: 27.12.2023).
8. Gibbs, R. (Ed.) Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. – NY : Cambridge University Press, 2008.

Kuritsyna A. S., Lipovskaya K. E.

Pushkin State Russian Language Institute

The role of concepts of «barbarian» and «rabble» in defining the character of Dimitri the Pretender

The article examines the concepts of «barbarian» and «rabble» in the speech of Demetrius the Pretender and characters playing supporting roles. An attempt is made to prove that the remarks of the leading characters help to interpret the true nature of the characters.

Keywords: Sumarokov; concept; conceptual metaphor; self-characteristics.

Кухарук Максим Русланович

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

maksim.kuharuk@mail.ru

Интерпретация Священного Писания в сочинениях студентов

Московской духовной академии

Работа выполнена под руководством Аннушкина Владимира Ивановича, доктора филологических наук, профессора

Корпус студенческих духовных текстов является малоизученным и обширным. В статье анализируется содержание рассуждений студентов Московской духовной академии (пятого курса, 1822-1826 гг.) на богословские темы. Оценивается значимость и истолкование Священного Писания с точки зрения обучающихся. Даны перспективы использования проанализированных текстов.

Ключевые слова: Московская духовная академия, богословие, интерпретация, рукопись.

С принятием Устава 1814 г. Московская духовная академия должна была стать центром церковного образования в Московском округе. В.П. Виноградов отмечал, что митрополиты Московские Платон и Филарет, руководившие учреждением в начале и середине XIX века соответственно, были равно противопоставлены всем предыдущим и последующим митрополитам по исторической значимости [2, с. 3]. Среди изучаемых предметов были: истолкование Священного Писания, философия, всеобщая словесность, всеобщая гражданская история, математика; с 1816 г. также читалось догматическое богословие [3]. В эпоху Устава 1814 г. особое внимание уделялось изучению иностранных языков – греческого и латинского; студенты получали в качестве задания «переводы целых книг из творений отеческих» [7, с. 89].

В ходе обучения студенты Московской духовной академии создавали рассуждения на богословские темы. Такие работы являлись обязательной частью учебного процесса и позволяли продемонстрировать глубину понимания Священного Писания студентами. В.И. Аннушкин отмечает, что тексты студенческих сочинений и «ораций» составляют «бесценный материал по практической риторике и методике обучения красноречию» [1], однако они подробно не описаны в научных трудах. В 1822-1826 г. в Московской духовной академии обучались студенты пятого курса, чьи сочинения и послужили материалом нашего исследования. Язык работ – русский и латинский. Все они собраны и помещены в сборник «Собрание слов и рассуждений», находящийся в фонде 173 (МДА) / III Отдела рукописей РГБ под номером 180. Согласно описи рукописи, в сборнике представлено 13 работ, каждая из которых занимает не менее 10 листов [5, с. 88-89]. В ходе библиографической практики нами было извлечены и переписаны некоторые рассуждения, а также проведен краткий содержательный анализ других сочинений. Авторы «рассуждений»: Иван Платонов (лл. 1-38, 87-97об.); Александр Сергиевский (лл. 34-86об.); Александр Воскресенский (лл. 99-122об.); Леонтий Тихомиров (лл. 123-140об.); Александр Александровский (лл. 141-168об.); Иван Рождественский (лл. 170-195об.); Иван Лапенский (лл. 196-213); Сергей Платонов (лл. 214-236об.); Николай Жданов (лл. 237-259об.); Давид Селянинов (лл. 294-309); Иван Богоявленский (лл. 321-331об.); Николай Спасский (лл. 342-343об.).

Так, в рассуждении Ивана Платонова «...о таинственном изъяснении Св. книг Ветхого Завета» представлены различные значения слова «таинство». Под таинственностью изложения Священных Ветхозаветных книг понимается такой образ изложения Божественных истин, по которому они не вдруг, не прямо открываются уму читающего, но после исследования и соображения.

Таинственный язык был не только возможен, но даже необходим Ветхозаветной Церкви, так как некоторые люди и неспособны, и недостойны были понимать истины, под ним сокрытые. По словам автора, дело не в том, что таинственный образ изложения был сам по себе темен и непонятен, а в том, что такие люди не поняли бы истины, даже если бы истины были предложены с возможной ясностью.

При этом отмечается, что при таинственности изъяснения Ветхозаветной Истории, оно не должно простирается до уничтожения исторической истинности описываемых событий. «Таинственный взор, проникая за чувственную завесу буквы, не должен оставлять без внимания и сию последнюю». Обращаясь к словам Амвросия («Священное писание есть море, и может ли человеческий глаз измерить его? Может ли он вполне объять все пространство и всю глубину его?») [4, л. 1-33]), автор заключает, что созерцание тайн Св. Писания невозможно без божьей помощи.

В «Рассуждении о едином, истинном и всеобщем начале спасительного познания и деятельности» А. Сергиевского даются некоторые сведения о сути Единого Бога, совершенстве Божественного существа. Автор признает, что блаженное царство Света продолжалось недолго, и теперь «светильник духовного света подвинут с места своего и опровергнут». По словам студента, «по мере распространения неправды и беззакония духовный мрак облегал нравственный мир, и когда люди сделались неспособными к внутреннему сообщению с Богом» [6, л. 34-86об]. Автором поставлена проблема жестокости и бесчеловечности сердец, решением которой может служить лишь внешнее божие слово – оно является, по Сергиевскому, проявлением премудрой любви Господа и соотносится со слабостями человека. Именно так в сочинении подчеркивается особая роль Священного Писания в искоренении внутреннего разлада в душе человека.

А. Сергиевский приходит к выводу, что Бог сообщил человеку свет спасительного познания и деятельности трояким образом:

- 1) путем естественного богопознания – в сотворении;
- 2) путем непосредственного частного откровения некоторым избранным своим по падении;
- 3) путем всеобщего откровения в письменах Закона и Благодати.

Представлено три тезиса о возможности спасения души и расширения познания другими способами:

- 1) натуралисты полагают, что способ спасения души – естественный свет;
- 2) энтузиасты считают, что спасение человека возможно благодаря его внутренней силе и свету;

3) «представители истинно христианского учения» и Православная церковь принимают «Святое Писание» за приемлемое руководство к спасительному познанию.

Естественный свет отвергается автором по причине недостаточности его силы для влияния на душу человека. Несмотря на то, что спасительное начало внутреннего света не может быть принято, автор (опираясь на слова Апостола Павла) признает, что христианам следует исполняться Духом, и этот Дух тела истинных христиан называет храмом живущего в них Духа Святого [6, л. 70]. Так, несмотря на отвержение «света внутреннего», спасительность которого проповедуется Энтузиастами, нельзя умалять влияние внутренних сил человека, приближающих его к спасению. Можно заключить, что в труде А. Сергиевского отмечена особая роль Священного Писания в борьбе со страстями и отчаянием, но познание Истины не исчерпывается чтением Библии.

Таким образом, сочинения студентов Московской духовной академии представляют собой значимые с точки зрения смысловой нагрузки тексты. С одной стороны, они могут быть использованы для знакомства с истолкованиями Священного писания, с другой – представляют собой образец аргументированных рассуждений, что по сей день полезно при изучении риторики.

Литература

1. Аннушкин В.И. «История русской риторики. Хрестоматия: [электронный ресурс] учеб. пособие / В.И. Аннушкин. – 3-е изд., стереотип. Москва : Флинта, Наука, 2011.
2. Виноградов В.П. Протопр. Платон [Левшин] и Филарет [Дроздов], митрополиты Московские. (Сравнительная характеристика их нравственного облика). – Сергиев Посад : тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры., 1913. – 62 с.
3. История академии // Московская духовная академия // [Электронный ресурс] URL: <https://mpda.ru/history-of-academy/#history> (дата обращения: 29.02.2024).
4. Платонов И. Рассуждение о таинственном изъяснении Св. книг Ветхого Завета // Сборник сочинений студентов Московской духовной академии (пятого курса – 1822-1826 гг.) на богословские темы. – Б.м., 1822-1826. – Л. 1-33.
5. Сборник сочинений студентов Московской духовной академии (пятого курса — 1822-1826 гг.) // Описание рукописей Ф.173/III собрание сочинений МДА (по временному каталогу). Конец XV – начало XIX – начало XX вв. – Москва : б.и., 1996. – С. 88-89.
6. Сергиевский А. Рассуждение о едином, истинном и всеобщем начале спасительного познания и деятельности // Сборник сочинений студентов Московской духовной академии (пятого курса — 1822-1826 гг.) на богословские темы. – Б.м., 1822-1826. – Л. 34-86об.

7. Смирнов С.К. История Московской духовной академии до ее преобразования. – Москва : Унив. тип. (М. Катков), 1879. – 632, XIX с.

Kuharuk M.R.

State Institute Of Russian Language Named After Alexander Pushkin

Interpretation of the Holy Scriptures in the writings of students of the Moscow Theological Academy

The corpus of student spiritual texts is extensive and insufficiently studied. The article analyzes the content of the arguments of students of the Moscow Theological Academy (fifth year, 1822-1826) on theological topics. The significance and interpretation of the Holy Scriptures from the point of view of students is evaluated. The prospects of using the analyzed texts are given.

Keywords: Moscow Theological Academy, theology, interpretation, manuscript.

Куц София Михайловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

sofiyakuc@gmail.com

Лексические и грамматические средства выражения категории времени в русских народных сказках (лингводидактический аспект)

Работа выполнена под руководством Юриной Елены Андреевны, доктора филологических наук, профессора

В статье представлен анализ лексических и грамматических средств репрезентации морфологической категории времени с целью разработки приемов и способов работы на уроках русского языка средней школы по освоению трудных случаев грамматики. В качестве объекта исследования выступают лексические и грамматические средства репрезентации времени в фольклорном тексте, предметом является лингводидактическая методика обучения русской морфологии на уроках средних классов.

Ключевые слова: морфология, глагол, вид, время, темпоральные маркеры

Интерпретация видовременной семантики глагола является важной и сложной задачей в процессе формирования языковых и речевых компетенций школьников в области грамматики и развития речи. В настоящем исследовании представлен анализ семантики видовременных форм глагола в текстах русских народных волшебных сказок, которые, в свою очередь, составляют ценный в культурно-познавательном плане материал в практике школьного преподавания русской грамматики и словесности. В 1-й части статьи демонстрируются теоретические основания, методика и результаты анализа грамматических форм глагола в фольклорном контексте. Во 2-й части данный материал представлен в виде методических разработок для школьных уроков в 5-х классах.

Наше внимание устремлено на многотомный сборник народных сказок слависта А.Н. Афанасьева, обработавшего фольклорные тексты в XIX веке и пересказавшего их, передавая лексические и грамматические особенности.

Волшебная сказка представляет собой фольклорный жанр позднего цикла, главной особенностью которого, как отмечает Г.В. Пранцова, является присутствие фантастических объектов и погружение в неправдоподобный мир [5, с. 24]. В.Я. Пропп выделил несколько тезисов по волшебной сказке, согласно которым ее «постоянными элементами» выступают функции действующих персонажей (положительный герой обязательно покидает родной дом, он осведомлен о запретах и возможных опасностях, в то время как отрицательный герой выслеживает положительного героя, обманывает его и наносит ущерб окружению персонажа). Кроме того, исследователь считает, что порядок функций героев никогда не нарушается, их очередность выступает в качестве главного фундамента волшебной сказки.

Волшебная сказка во многом сближается с жанром басни. Мораль извлекается каждым поколением и передается следующему. Согласно В.Я. Проппу, в волшебной сказке становятся типичными мотивы нарушения запрета, выполнения какого-либо задания, проверяющего прочность и силу главного героя, поиска помощника (помощником могут выступать магические предметы), сражения со злодеем, победы, вступления в брак и др. [6, с. 96]

Волшебная сказка не подчинена канонам хронотопа: в данном жанре нет четко установленных временных рамок и пространства. А.А. Суслов говорит о поднятии вечных философских тем, которые не требуют установления точного времени событий. Волшебная сказка адресуется не одному поколению, именно поэтому темы и время должны быть вечными [7, с. 2]. По мнению С.Б. Адоньевой, фольклорное время замкнуто и относится к моменту осуществления ситуации. В отличие от мнения вышеупомянутого фольклориста, Адоньева полагает, что время дискретно и сопряжено напрямую с сюжетом [1, с. 54]. Пространство, где разворачивается конкретное действие, весьма размыто неопределенным местоимениями «какой-то» и «некий», к примеру, «...в каком-то царстве»; «...в некоем государстве», а также устойчивыми выражениями «долго ли, коротко ли» [4, с. 99, 116].

Туманность фактического времени является, казалось бы, препятствием для определения лексических средств репрезентации морфологической категории времени глаголов, поскольку в фольклорном опусе отсутствует указание на определенность, размыто соотношение временных маркеров к моменту речи.

Характерная особенность употребления *настоящего времени* в ранних версиях русских народных сказок заключается в том, что данная морфологическая форма времени

совпадает с моментом речи и не подкрепляется дополнительными лексическими временными маркерами, которые могли бы отослать нас на совершенность действия в прошлом или процесс совершения действия, тянущийся из прошлого в настоящее, что исключает использование имперфектного настоящего времени. Настоящее время используется тогда, когда какой-либо персонаж начинает взаимодействовать с другим, то есть вступает в тесный контакт, например, Марья-Царевна *приговаривает* на момент речи корове-буренушке накормить ее и напоить, пока в это время *спит* ее сестрица. Мачеха *посылает* родную дочь подсмотреть за падчерицей (Марьей-Царевной) и узнать, как девушка *питается*, что *делает*. Мачеха со скалкой *бежит*, как только *появляется* ее падчерица [4, с. 123]. Для того чтобы определить форму настоящего времени глагола, нужно обратить внимание на лексический контекст, уходящий за рамки строгой грамматической парадигмы. Для слушающего сказку, которая создается, согласно фольклорной традиции, посредством устной речи, фокус смещается на динамику сюжета. Говорящий, то есть рассказчик, по пятам следует за его персонажами («репортажное настоящее»), поэтому при любом взаимодействии с окружающим миром идет отсылка к актуальному отнесению действия к моменту речи. А.В. Бондарко называет такой тип настоящего несовершенного времени глагола «настоящим актуальным» [2, с. 65].

Аористическая семантика находит отражение в прошедшем сказочном времени: «Водяной царь *грозился* царство потопить», «Жил-был король, у него *был* сын-подросток, Королевич был всем хорош – и лицом и правом, да отец-то его не больно: все его корысть *мучила*, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать», «Отец *простился* и *поехал* домой» [4, с. 126]. Аористическое прошедшее время имеет следующее уникальное грамматическое значение: ‘действие, совершенное в прошлом, не оказывает прямое воздействие на настоящее’, указывает на события и факты, совершенные на неопределенном этапе до момента речи. А.В. Бондарко относит фактическое подтверждение совершенных в прошлом действий к «прошедшему несовершенному обобщенного факта времени» [2, с. 84].

В зависимости от модификации, или версии устной народной сказки, возникает наслоение лексических и грамматических средств репрезентации морфологической категории времени глагола. Так, сказка «Королевич и его дядька» имеет 2 варианта текста, которым даны такие номера как 123 и 124. 123 номер сказки имеет ряд характерных особенностей [4, с. 163]:

1. Наименьшая абстракция в грамматическом значении формы прошедшего совершенного перфектного времени: каждый последующий шаг героев подкреплен грамматическим оттенком завершенности – рассказчик осведомлен о результате истории,

поэтому приводит богатую констатацию фактов: «День прошел, она опять поклонилась ей в ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила», «Долго ли, коротко ли, родила Марья-царевна сына», «Старичок, сам с ногтей, борода с локоток опять *принес* письмо», «Прослышал Иван-Царевич про Марью-Царевну, пришел к ее мачехе, положил блюдо на стол» [4, с. 134]. Предложения не характеризуются наличием подчинительных союзов, что является грамматическим средством репрезентации быстротечности и динамичности действий героев, с лексической точки зрения динамизм придает накал событийному полю сказки. Перфектное значение на морфемном уровне подчеркивается суффиксом -л-.

2. Наличествуют такие лексические средства репрезентации морфологической категории времени как обстоятельственные (нередко главные) члены предложения, или темпоральные маркеры, позволяющие углубить и конкретизировать событийный фон: «Пришел вечер», «до утра» и «...сейчас на ворота взлезла» [4, с. 95]. Допускается контаминация событийного фона. Упомянутое ранее аористическое прошедшее время остается в форме зачина и конца, взятых из формулы ранних сказок, например, синтаксическая конструкция «жили-были», характеризующаяся несовершенным видом прошедшего времени, указывает на неопределенность, проще говоря, «размытое» прошлое становится кристально чистым и ясным благодаря постепенному введению в контекст темпоральных лексических маркеров, а к концу рассказчик подводит нас к неизвестности будущего, то есть «жили долго и счастливо» – это синтаксема, позволяющая читателю на когнитивном уровне понять, что повествование подходит к концу, снова размывается событийный фон, вновь воцаряется вечность и неясность.

123 номер сказки «Королевич и его дядька», напротив, лексически и грамматически осовременен [4, с. 166]:

1. Архетипичная формула зачина исчезает, главным грамматическим средством репрезентации времени глагола становится аорист, но в нем уже подчеркивается констатация факта действия, совершенного в прошлом. На семантическом уровне мы не увидим неопределенности, аористическое значение у глаголов совершенного (несовершенный – импрефектное значение) является связующим звеном в организации портретного изображения старца: «...все его корысть мучила».

2. Появляется перфектное значение глагола формы прошедшего времени и несовершенного вида: происходит контаминация лексических средств репрезентации морфологической категории времени и грамматического значения: на лексическом уровне используются временные маркеры, имеющие в семантическом поле отнесенность к

настоящему, к примеру, активно повторяется обстоятельство «сейчас»: «Сейчас взяла царевна его за руку», «Царь сейчас отправил его в поварскую». Также появляются в тексте следующие фазисные глаголы: «стал жить» и «начал хвалиться». Грамматическое значение прошедшего времени указывает на то, что именно такое состояние или действие было характерно для героя в прошлом. Как отмечает А.В. Бондарко, перфектное значение глаголов, имеющих несовершенный вид, отмечается у более поздних текстов, где репрезентацию времени определяло больше не лексическое окружение глагола, а он сам, при этом происходило смешение, уточняющее момент совершения действия, что это было не просто в прошлом, а в конкретном промежутке прошлого.

Таким образом, от версии сказки зависит и осложнение грамматической и лексической репрезентации времени глагола: в ранних текстах обнаруживался традиционный мотив вечности, который не раскрывал в полной мере другие аспекты временной семантики, не обнаруживал смысловые оттенки лексического окружения.

Сказки являются отличным дидактическим материалом для школьного изучения категории времени глагола. Чтобы почувствовать грамматическую и семантическую разницу в репрезентации при изучении глагола в 5 классе, важно объяснить обучающимся структуру момента речи, который разнится в зависимости от положения событий к времени сообщения, благодаря анализу текстовых реализаций категории вида можно понять, является ли сообщаемое констатацией факта, или развитие действия указывает на незавершенность. Сказки являются подспорьем при изучении грамматического значения глагола: с помощью известных фольклорных образов можно составить модель поведения героев, что ими было совершено позже, а что – раньше.

Как известно, Федеральные Государственные стандарты (далее – ФГОС) выделяют образовательные цели в зависимости от классов. Для 5-х классов наиболее важной задачей является умение неуглубленной обработки текста и выявление в нем простых семантических и грамматических пластов, позволяющих формировать картину мира носителя языка и способствовать постановке логической и точной речи.

В качестве базового материала анализа можно взять фрагменты из сказок, где прослеживается динамика действий, привлечение вида не только несовершенного, но и совершенного. В связи с этим вполне логично брать позднюю версию сказок (не путаем с авторской обработкой, характерной для XVIII-XIX вв.).

Пример упражнения: Охарактеризуйте последовательность действий героев русской народной сказки: при анализе не забудьте указать категорию вида глагола, время и число. Текст 1. «На том и поладили; приходят в большой град столичный, прямо в палаты

царские; названный царевич идет впереди, кресты кладет не по-писаному, поклоны ведет не по-ученому; а настоя чсящий царевич позади выступает, кресты кладет по-писаному, поклоны ведет по-ученому». Текст 2. «На том бою ранили Ивана-царевича в руку; он повернул коня и прямо наехал на царскую карету. Царевна сняла с себя шаль, разорвала пополам и половинкой завязала ему руку. Иван-царевич опять ударил на змея и побил все его войско; после приехал в свое место, лег спать и заснул крепким, богатырским сном».

Пример упражнения: Вставьте подходящую форму глагола, уделите внимание обстоятельствам времени, укажите число, вид и время глагола.

Упр. 1. Однажды дочери царские ___ (припоздать) в саду, ___ (засмотреться) на цветы; вдруг откуда ни взялся змий черноморский и ___ (унести) их на своих огненных крыльях.

Упр. 2. В то давнее время, когда мир божий наполнен ___ (быть) лешими, ведьмами да русалками, когда реки ___ (течь) молочные, берега ___ (быть) кисельные, а по полям ___ (летать) жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьей Прекрасною; у них ___ (быть) три сына-царевича.

Таким образом, лингвистический анализ реализации категории времени и вида глагола в текстах народных сказок для школьников станет дидактическим инструментом для формирования точной и логичной речи; ученик будет иметь представление о том, как лексическое окружение позволяет определить нюансы грамматической семантики категории времени глагола, установить последовательность действий героев и способствовать более глубокой интерпретации фольклорного текста.

Литература

1. Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 181 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление: Пособие для студентов. – Москва : Просвещение, 1971. – 239 с.
3. Всеволодова М.В. Употребление полных и кратких прилагательных // Русский язык за рубежом. – 1971. – № 3. – С. 55-57.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. – Москва : Гос. изд-во художеств. лит., 1957. – Т.1 – С. 110-396.
5. Пранцова Г.В. Фольклор в школе: практическое пособие для вузов / Г.В. Пранцова, Л.П. Перепелкина, В.П. Видишева, И.С. Ключарева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 235 с.
6. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Москва : Лабиринт, 2001. – 192 с.

7. Суслов А.А. Темпос русской волшебной сказки // Теория и практика общественного развития. – 2019. – №1. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tempos-russkoy-volshebnoy-skazki> (дата обращения: 06.03.2023)

Kuts S.

Pushkin State Russian Language Institute

Lexical and grammatical means of expressing the category of time in Russian folk tales (linguistic and didactic aspect)

The article presents an analysis of lexical and grammatical means of representing the morphological category of time in order to develop techniques and methods of working in high school Russian lessons to master difficult grammar cases. The object of the study is the lexical and grammatical means of representing time in a folklore text, the subject is the linguodidactic methodology of teaching Russian morphology in middle school lessons.

Keywords: morphology, verb, type, time, temporal markers

**Климова Полина Николаевна,
Лажанева Валерия Эдуардовна**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
pklimova2001@gmail.com; lazhaneev@mail.ru

**Лиминальное синтаксическое пространство в повести
Ф.М. Достоевского «Двойник»: роль осложнённых предложений при
характеристике ключевых героев**

Работа выполнена под руководством Миловановой М.С., доктора филологических наук,
доцента

В статье рассматривается функционирование осложнённых простых предложений и их значение в раскрытии авторского замысла при характеристике основных героев повести Ф.М. Достоевского «Двойник».

Ключевые слова: синтаксис, Достоевский, «Двойник», осложнённое простое предложение, однородные обстоятельства, однородные сказуемые.

В данной статье рассматриваются синтаксические особенности художественной прозы Ф.М. Достоевского на материале динамических характеристик ключевых персонажей повести «Двойник». Специфике синтаксиса Достоевского посвящено не так много исследований (напр., работы Иванчиковой Е.А. [3], Соловьёва С.М. [4]), и данная работа является попыткой частично заполнить исследовательскую лакуну посредством анализа употребления осложнённых простых предложений в конкретных ситуативных позициях.

Цель — проанализировать положение осложнённого простого предложения в тексте повести Ф. М. Достоевского «Двойник» и выявить роль синтаксического осложнения в его поэтике.

В центре нашего внимания находится такое динамическое средство создания образа героя, как его характеристика через действия, описываемые автором определённым способом. По замечанию Гегеля, «действие является наиболее ясным раскрытием человека, раскрытием как его умонастроения, так и его целей» [1], однако при анализе художественных текстов важен не только сухой факт свершения какого-либо движения, но и то, каким образом оно описано автором, и, в зависимости от синтаксической насыщенности конкретного предложения, восприятие свершаемого героем может приобретать значимые коннотации. Наиболее явным примером описанного случая можно считать синтаксическое нанизывание в описании действий главного героя, господина Голядкина-старшего, и в описании действий его двойника, Голядкина-младшего.

Синтаксис в повести «Двойник» характеризуется перенасыщением разного рода средств (что может быть влиянием Н.В. Гоголя или осознанным ему подражанием), однако прослеживается такая тенденция: в зависимости от героя, к которому относится та или иная часть текста, язык автора трансформируется.

Так, действия Голядкина-старшего описываются с нанизыванием **однородных обстоятельств**, выраженных деепричастными и сравнительными оборотами, например:

Почти не помня себя и бледный как смерть, бросился он к Андрею Филипповичу [2, с. 246].

Или:

С яростным хладнокровием и с самую энергическою решимостью дошел господин Голядкин до стула и уселся на нем [2, с. 249].

И ещё:

С опрокинутой физиономией, с разинутым ртом, уничтожившись, съездившись, в бессилии прислонился он к фонарному столбу и остался несколько минут таким образом посреди тротуара [2, с. 253].

И ещё один пример:

Вот таким-то образом рассуждая и сетуя, бежал господин Голядкин, не разбирая дороги и сам почти не зная куда [2, с. 258].

Здесь следует обратить внимание на то, что осложнение происходит за счёт однородных обстоятельств, которые могут быть выражены как деепричастным оборотом, по

умолчанию обладающим потенциальной предикативностью, так и другими разновидностями оборотов, обладающими меньшей предикативностью, или субстантивным словосочетанием, выдвинутым в препозицию и таким образом приобретающим определённую степень предикативности. Кроме того, часто основа предложения обрамляется обстоятельствами, что наиболее ярко представлено в последнем примере. О чём это говорит? Большая часть движений господина Голядкина-старшего сопровождается некими другими, дополнительными действиями, многие (не все, но многие!) из которых являются индикаторами, маркерами эмоционального/физиологического состояния героя. То есть действие, сопутствующее основному, относится не к тому, что осознанно совершает герой, прикладывая долю усилия, а по большей части к тому срезу действительности, ему не совсем подвластному: сфере размышлений или неконтролируемых физических реакций (поблещений, покраснений, позеленений). Это провоцирует впечатление о Голядкине-старшем как об искренне, но излишне рефлексирующем герое. Он предстаёт, таким образом, благодаря выбору синтаксических конструкций, крайне чувствительной, эмоциональной и пребывающей в оторванности от реального мира личностью. Вне синтаксиса это лишь подтверждается.

Что касается Голядкина-младшего, его двойника, он обделён этой чрезмерной рефлексией. Этому герою свойственно действовать, так сказать, без оглядки. Описание его динамики редко включает сопровождение маркерами эмоционального состояния. Если имеются какие-либо обозначения добавочного действия, то это именно активное, волевое, физическое сопровождение основного. К примеру:

Потрепав его еще раз два по щеке, пошекотав его еще раз два, поиграв с ним, неподвижным и обезумевшим от бешенства, еще несколько секунд таким образом, к немалой утехе окружающей их молодежи, господин Голядкин-младший с возмущающим душу бесстыдством щелкнул окончательно господина Голядкина-старшего по крутому брюшку и с самой ядовитой и далеко намекающей улыбкой проговорил ему: «Шалишь, братец, Яков Петрович, шалишь! хитрить мы будем с тобой, Яков Петрович, хитрить» [2, с. 248].

И:

Между тем господин Голядкин-младший, захватив из кареты толстый зеленый портфель и еще какие-то бумаги, приказав, наконец, что-то кучеру, отворил дверь, почти толкнув ею господина Голядкина-старшего, и, нарочно не заметив его и, следовательно, действуя таким образом ему в пику, пустился скоробежкой вверх по департаментской лестнице [2, с. 291].

В преимущественном числе случаев, действия этого героя, Голядкина-младшего, в целом не обладают добавочными. Чаще всего — это ряд однородных сказуемых, как в примерах далее:

Гость был в крайнем, по-видимому, замешательстве, очень робел, покорно следил за всеми движениями своего хозяина, довыл его взгляды и по ним, казалось, старался угадать его мысли [2, с. 226].

Или:

Но всех более, по-видимому, был рад и чувствовал удовольствие недостойный и неблагородный враг господина Голядкина [2, с. 301].

Сопутствующее действие, череда побочных — неизменная черта Голядкина-старшего; в процессе чтения произведения складывается впечатление, что такие движения, физические и ментальные, только мешают ему осуществить задуманное, встают на его пути, отдаляя от цели этим потоком мысленной суетливости. Когда двойник, Голядкин-младший, желает *пересушить* «оригинального» Якова Петровича, он перенимает эту его черту и, доводя её до предела, превосходит его по этим лишним действиям (как в первой волне примеров, относящихся к динамической характеристике Голядкина-младшего); таким образом, двойник, Голядкин-младший, переносит суетливость из мира идей в мир вещей и препятствует уже путём физическим, осязаемым (и происходит это только в тех случаях, когда то выгодно Голядкину-младшему, конечно). В прочих же ситуациях Голядкин-младший более последователен: действует, не раздумывая, не сомневаясь, не отвлекаясь на прихорашивание.

Можно заключить, что разница между ключевыми героями (Голядкиным-старшим и Голядкиным-младшим) состоит в том, что из этой пары двойник, Голядкин-младший, выделяется большей решимостью и меньшей интроспективностью, чем старший, и это заметно, в том числе, на синтаксическом уровне: действия последнего не сопровождаются множеством попутных обстоятельств-размышлений и часто представляют собой динамичный поток действий. Таким образом, выбор синтаксических средств является значимым аспектом языка Ф. М. Достоевского в произведении «Двойник».

Литература

1. Гегель Г. «Эстетика» / Г. Гегель – Москва : Искусство, 1968. – 450 с.
2. Достоевский Ф. М. Бедные люди [сборник] / Ф. М. Достоевский. – Москва : Издательство АСТ, 2002. – 352 с.

3. Иванчиков Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е.А. Иванчикова; отв. ред. Г.А. Золотова; предисл. Ю.А. Бельчикова. – Изд. 2-е, доп. – Москва, 2009. – 285 с.
4. Соловьев С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского: Очерки. – Москва, 1979. – 352 с.

Klimova P. N., Lazhaneva V. E.

Pushkin State Russian Language Institute

Liminal syntactic space in F. M. Dostoevsky's novella «The Double»: the role of complicated sentences in characterizing key characters

The article examines the functioning of complicated sentences and their significance in revealing the author's idea when characterizing the main characters of F. M. Dostoevsky's novella «The Double».

Keywords: syntax, Dostoevsky, «The Double», complicated sentence, homogeneous adverbial modifiers, homogeneous predicates.

Лан Сяоя

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

18822028494@163.com

Мем в рекламном языке

Работа выполнена под руководством Роговнёвой Юлии Васильевны

кандидата филологических наук, доцента

Реклама означает широкое распространение информации. С быстрым развитием экономики реклама появляется повсюду. Теория меметики, аналогичная генетике и основанная на теории эволюции Дарвина, – это новая теория, объясняющая, как развивается культура. Существует внутренняя связь между передачей мемов и передачей рекламы. Феномен языка лучше объяснять с точки зрения меметики. В статье представлены теория меметики, происхождение, характеристики и типы мемов. Автор хочет интерпретировать рекламные языки с точки зрения меметики и пытается показать, что меметика важна как в академической, так и в прикладной лингвистике.

Ключевые слова: язык рекламы, меметика, стратегии мемов, феномен мемов

Каждый человек, живущий и работающий в современном мире, находится под влиянием рекламы. Она проникает в самые разные сферы нашей жизни, люди вынуждены получать рекламу всякий раз, когда открывают почтовый ящик, включают телевизор, ходят по улицам или читают газеты.

Определение слова "реклама" различаются в разных точках зрения. Слово происходит от латинского *adventure*, означающего 'привлекать внимание людей'. Со временем, в средневековье, *adventure* превратилось в *advertise* и, соответственно, в 'to remind someone of something and attract his attention'. Наконец, в конце XVII века слово *advertising* стало

достаточно популярным и приобрело значение "передача коммерческой информации" [5, с. 12]. В настоящее время большинству из нас хорошо знакомо слово "реклама".

Язык рекламы имеет свои отличительные особенности в лексике, синтаксической и риторической структурах. Изучение языка рекламы оказывает большую помощь в создании рекламы в рамках теории меметики.

Рекламный язык представляет образы компаний, распространяет культуру. Успешный рекламный язык может выразить эстетические критерии аудитории, а также социальную ценность. Успешный рекламный язык в основном характеризуется ценностью памяти и внимания.

Рекламный язык краток и язвителен по своей природе. Он помогает сделать рекламу более впечатляющей и легко запоминающейся. Хорошая реклама должна быть незабываемой, конкурентоспособной, новой, компактной и аутентичной, способной напоминать людям о бренде, отличать его от других и вызывать эмоциональный отклик.

Три функции рекламного языка: информативная, убеждающая и рефлексивная. Они были сформулированы Вестергаардом и Шрондером в 1985 году. Информативная функция является очень важной в рекламе. Люди не будут покупать товары без информации о них. Успешность или неуспешность рекламы зависит от того, может ли она способствовать продажам или нет, поэтому ещё одной важнейшей функцией рекламы является убеждающая функция. Что касается рефлексивной функции, то реклама – это не только инструмент маркетинга, но и культурный обмен и социальный фактор. Она может отражать культуру, оказывать на неё большое влияние и способствовать формированию культурных ценностей. Для этих функций язык рекламы имеет огромное значение.

В 11-й главе "Эгоистичного гена" впервые появляется термин "мем". Согласно Докинзу, мем – это единица культурной информации, язык, идея и социальное поведение, которые копируются и распространяются снова и снова, относясь к мемам [3, с. 192]. С публикацией книги "Машина мемов" Блэкмора была выдвинута теоретическая основа меметики. Меметика – это новая теория, основанная на дарвинизме для интерпретации культурной эволюции. Блэкмор указал на важность подражания. В процессе подражания что-то копируется, это мем, и мем распространяется от одного разума к другому путём подражания. Мы можем сделать вывод, что то, что может распространяться путём подражания, можно рассматривать как мем. Мем – это единица культурной информации, которая мутирует и наследуется подобно гену и распространяется подобно вирусу от одного разума к другому. Существуют различные взгляды на мемы. Некоторые учёные понимают мем с точки зрения обработки информации, как информационную модель, хранящуюся в

памяти одного человека, которая может быть скопирована в память другого; некоторые учёные рассматривают его с точки зрения заражения мысли, как идею, которая размножается, паразитически заражая умы людей и изменяя их поведение, заставляя их распространять эту идею; некоторые учёные понимают мем с точки зрения культурной эволюции, рассматривая мем как единицу социокультурной эволюции, хранящуюся в уме с культурными или социальными фенотипами. Некоторые учёные рассматривают его с семиотической точки зрения: мем рассматривается как знак или, точнее, как носитель знака, который воспроизводится, заражая человеческое сознание и изменяя его поведение, подобно тому, как вирус размножается, захватывая ДНК бактерии. Мем – это не что иное, как знак, побуждающий людей повторять его модель поведения.

Язык рекламы – это язык, использующийся в рекламных объявлениях, поэтому сначала мы рассмотрим связь между языком и мемом. Язык играет важную роль в процессе репликации и передачи мемов. Мы считаем, что язык сам по себе является мемом, а мем живет в языке. Блэкмор считает, что мемы родились, когда люди начали подражать друг другу, а сам язык создается мемами и для мемов. Любое слово, предложение, абзац и даже дискурс, который воспроизводится и распространяется путём подражания, может быть мемом. Знание может быть получено путём подражания, поэтому оно является мемом, а язык – это разновидность знания, поэтому язык – это мем. С точки зрения меметики, пока человек что-то говорит, он или она распространяет мемы, потому что функция языка заключается в распространении мемов. В наше время язык передаёт большинство мемов через прямую речь, письменную коммуникацию, радио, телевидение и интернет. Сам язык также является координирующим самодействующим механизмом. Многие вариативные формы языка, такие как поговорки, стихи, девизы, названия популярных песен, фильмов, телеспектаклей и т. д., могут служить ускорителем распространения мемов с высокой степенью верности, плодовитости и долговечности.

С одной стороны, язык служит для передачи мемов. С другой стороны, мемы также оказывают большое влияние на язык. Он подталкивает эволюцию языка. В процессе эволюции языка новые слова, выражения и вариации борются за то, чтобы быть принятыми. Все языки также конкурируют друг с другом за доминирование или просто за выживание.

Блэкмор сказал: "Жизнеспособность всего языка или определенной языковой единицы частично зависит от способности к репликации передаваемого им мема" [2, с. 76]. Язык может заставить воспроизводить и передавать мемы, в то время как мемы будут способствовать эволюции и жизнеспособности языка. Таковы взаимоотношения между мемом и языком.

Реклама – это деятельность по культурному обмену и культурной трансляции, а язык рекламы имеет глубокую связь с мемами. Цель рекламы – заразить аудиторию, распространяясь в различных группах общества, и постоянно развивается в процессе передачи. Широкое распространение рекламного языка лежит в мемах. Основа успеха мема рекламного языка – зацепить взгляд аудитории, войти в её память, заразить её и, наконец, быть принятым. Особенности рекламы требуют, чтобы она оказывала немедленный эффект и привлекала внимание аудитории в ограниченном времени и пространстве. С точки зрения меметики, способы распространения мемов разнообразны. Воспроизведение и передача языковых мемов имеет два типа – генотип и фенотип. Генотип копирует содержание, а фенотип – образец [4, с. 54-64].

В языке рекламы под генотипическим мемом понимается явление копирования идиом, пословиц, поговорок, стихов и фраз в неизменном виде. Весь рекламный язык не смешивает другие элементы. Иными словами, это просто сама поговорка, идиома или стихотворение. Этот вид рекламного мема обладает большим шиком и эффектом, если его правильно и уместно использовать. Фенотипный мем относится к мемам, которые частично изменяются в соответствии с различными контекстами и случаями, чтобы выразить различное содержание, например, меняют последовательность слов, количество символов, строк или ключевых слов [1, с. 675]. Они имеют одинаковую или похожую форму, но разное содержание. Хотя поговорки, поговорки, стихи, фразы обладают высокой плодовитостью в качестве языковых мемов, они могут не соответствовать потребностям рекламы в наши дни. Поэтому необходимо внести в них некоторые новшества и изменения, сохранив их привлекательность и эффективность. Идти в ногу со временем так важно для рекламного языка.

Меметика – очень новая теория в лингвистике. Она основана на дарвиновской теории эволюции путём естественного отбора, чтобы объяснить, как развивается культура. Большое значение меметики заключается в том, что она предлагает новый взгляд на культурные явления и их объяснение, стимулирует новое мышление людей и направляет нас на применение теории на практике. Кроме того, рекламу можно увидеть везде и в любое время. Она играет важную роль в повседневной жизни людей.

Мы обнаружили, что в условиях быстрого ритма жизни у людей не хватает времени на просмотр всех видов рекламы, поэтому необходимо создавать более впечатляющие и запоминающиеся рекламы. Рекламные языки очень важны, потому что, когда люди видят рекламу, большинство из них внимательно следят за рекламными языками. И большинство потребителей покупают товары под влиянием рекламных языков. По этой причине они

требуют, чтобы рекламные языки были краткими, запоминающимися, читаемыми, коннотативными, элегантными, креативными и близкими к продуктам. Тем не менее, в настоящее время люди не удовлетворены рекламными языками, многие рекламные языки дают экстравагантные красочные описания или очень вульгарные.

Теория меметики предлагает нам новый взгляд на изучение рекламного языка. Сильный мем играет важную роль в рекламе, поэтому сильные стратегии мемов могут создать множество впечатляющих рекламных языков, тем самым стимулируя продажи. Сильные стратегии мемов, такие как риторические фигуры, адаптация, эмоции и привязанность, весьма полезны для создания конкурентоспособных рекламных языков. Также установлено, что в конкурентной борьбе мемов выживут рекламные языки, обладающие такими характеристиками, как простота, новизна, отличительность, модность и авторитетность.

Литература

1. Камшилов М. М. Фенотип и генотип в эволюции // Русский орнитологический журнал. – 2008. – №416. – С. 675-693.
2. Blackmore, S. The Meme Machine[M]. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 12 p.
3. Dawkins, R. The Selfish Gene[M]. –New York: Oxford University Press,1976. – 10 p.
4. 何自然. 语言中的模因[J]. –《语言科学》, 2005. – (6)– 54-64 .
5. 吴满意.《广告文》[M]. – 北京:中国经济出版社, 1995. –12.

Lang Xiaoxia

The Pushkin State Russian Language Institute

The Meme in advertising language

Advertising means the wide dissemination of information. With the rapid development of economy, advertising appears everywhere. Memetics theory, similar to genetics and based on Darwin's theory of evolution, is a new theory to explain how culture develops. There is an intrinsic link between the transmission of memes and the transmission of advertising. The phenomenon of language is better explained in terms of memetics. The paper presents the theory of memetics, the origin, characteristics and types of memes. The author wants to interpret advertising languages from the memetic angle and tries to show that memetics is significant in academia as well as application of linguistics.

Keywords: advertising language, memetics, meme strategies, meme phenomenon

Ларина Ника Андреевна

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

anirally02@mail.ru

**Методы анализа повести Василия Ливанова «Мой любимый клоун»
в аспекте формулировки аргументов в сочинении 13.3 ОГЭ по
русскому языку**

Работа выполнена под руководством Бурмакиной Натальи Алексеевны, кандидата
филологических наук, доцента

В статье представлены три принципа анализа художественного текста. Автор рассматривает методы вычленения темы, проблемы, идеи произведения для сочинения 13.3. Основного государственного экзамена по русскому языку на примере анализа повести Василия Ливанова «Мой любимый клоун».

Ключевые слова: ОГЭ, сочинение-рассуждение, художественный текст, тема, проблема, идея, принципы анализа.

После прочтения какого-либо художественного текста как учителя, так и обучающиеся, в первую очередь опираются на само содержание литературного произведения. Существует три наиболее известных принципа анализа, на котором преимущественно и строится изучение любого художественного текста: тематика, проблематика и идея произведения.

При написании сочинения-рассуждения необходимо учитывать, что понятия «тема» и «проблема» не являются синонимами. Количество тем довольно ограничено, и не существует таких писателей или поэтов, которые могли бы не повторяться в плане выбора темы произведения. Проблематика же является весьма индивидуальной и субъективной – автор сам выбирает, как описать и представить определённую тему с определённого ракурса [1, с. 22-29].

Идея (по-другому – идейный мир) – это область художественных решений, представляющих своеобразное завершение художественного содержания. Это та сфера, где становится ясным авторское отношение к миру и к отдельным его проявлениям [1, с. 38]. Именно на вышеперечисленные принципы и опирается анализ художественных произведений для вычленения необходимых аргументов для сочинения-рассуждения ОГЭ по русскому языку.

Сочинение-рассуждение включено в третью часть Основного государственного экзамена по русскому языку. Главная задача – написание сочинения по объёму не менее семидесяти слов. Обучающемуся необходимо привести развёрнутый аргументированный ответ [4, с. 274]. Сочинение-рассуждение – это связанное письменное высказывание, представляющее собой логически последовательный ряд умозаключений на определённую тему [3, с. 71]. Сочинение включает в себя анализ элементов текста, их интерпретацию и

комментарий, изложение своего понимания проблемы. Чаще всего в сочинении используется следующая структура: *тезис — аргументы — вывод* [4, с. 274]. Как показывает практика, при анализе произведения лучше выделять сразу несколько тем (главные и побочные). Побочные темы часто работают на главную – обогащают ее звучание, помогают лучше в ней разобраться. Автора могут интересовать не только сами характеры героев, но и обстоятельства, в которые герои попадают.

Опираясь на вышеизложенное, проведём анализ повести Василия Борисовича Ливанова «Мой любимый клоун».

Согласно сюжету, Сергей Сеницын (молодой артист цирка, клоун) решает усыновить шестилетнего мальчишку из приюта. Причина такова: его жена Лёся не может родить. С одной стороны, Лёся мечтала завести своего ребёнка, с другой стороны, она, узнав о намерении мужа взять на усыновление ребёнка из детского дома, реагирует весьма противоречиво. Сначала Лёся (Ольга Баттербардт) устроила истерику своим близким, т.к. её родители утверждали, что в бесплодии нет ничего страшного и трагического. Реакция Ольги была следующей:

« – Мне нужен ребенок, понимаешь? Нужен! Нужен! Нужен! Свой ребенок, понимаешь? Ребенок!

А когда Баттербардт, бледный, с трясущейся челюстью, пытался ее остановить, взвизгнула:

– За молчи, старый дурак! Это мать тебя подслала ко мне, дрянь, гадина... Счастливое семейство! – И дико стала хохотать» [2, с. 25].

После случившегося героиня долгое время не решалась беседовать на эту тему. Но вскоре она *«засуетилась, стала требовать от него [Сеницына, главного героя повести] немедленных действий, кажется, решила. Остановилась на том, что надо брать не очень маленького, лет пяти, чтоб уже был виден характер.*

– Ты выбери сам, а потом мне покажешь» [2, с. 27].

Сергей Сеницын выбирает ребёнка и спустя какое-то время показывает его своей жене. Реакция Ольги заторможена и рассеянна:

« – (Сергей) Он тебе нравится, Лёся?

– (Ольга / Лёся) Что? Нравится. Смешной» [2, с. 27].

Далее Ольга вновь устраивает истерику, но уже по-другому поводу:

«Когда дома на кухне обсуждали, как устроят Ваньку, где будет стоять кроватка и прочее, Лёся вдруг расплакалась и сказала:

– Почему я должна делить тебя с кем-то? Мне хватит и твоего цирка.

И убежала в комнату. Синицын не пошел за ней. Он слышал, как она громко, по-детски всхлипывала, а потом крикнула:

– Не слушай, не слушай меня, Сережа» [2, с. 28].

В результате родители Ольги, Мальва Николаевна и Владимир Карлович предпочитают решить данную конфликтную ситуацию следующим образом: отправить Лёсю вместе с отцом на командировку, в Канаду. Мальва Николаевна объясняется следующим образом:

«Вы, очевидно, вообще несерьезный человек. Как вам могло прийти в голову брать из приюта какого-то ребенка? Вы подумали, что этот несчастный ребенок может оказаться с патологической наследственностью? Алкоголик или... или просто debil какой-нибудь? Нет, вы несерьезный человек. Хорошую жизнь вы уготовили Лёсе. А еще считаете, что любите её. <...> Короче говоря, мы с Владимиром Карловичем считаем, что вам с Лёсей надо на время расстаться. Она измотана, ей необходимо переменить обстановку. Владимир Карлович привез ее от вас в ужасном состоянии» [2, с. 29].

Если анализировать конкретно образы Лёси и их родителей, то их представления о любви можно интерпретировать следующим образом. Как было упомянуто в повести, Ольга – из семьи академиков, что уже говорит о её социальном статусе. Разумеется, близкие Ольги гордятся своим положением в обществе, и это сказывается на самом воспитании девушки. Кроме того, Мальва Николаевна опасалась, что воспитание чужого ребёнка, тем более, из детского дома может породить множество других неудобных вопросов (о состоянии психического и физического здоровья, об успеваемости, о взаимоотношениях с родственниками и т.п.). Что же касается Лёси, то, безусловно, на большинство её поступков оказывает влияние именно её мать, ведь именно под давлением матери Ольга принимает решение уехать в Канаду. Именно поведение Мальвы Николаевны способствует развитию эмоционального дисбаланса и психологической незрелости собственной дочери. И, тем не менее, Сергей Синицын усыновляет мальчика (в повести его называют Ваней) из детского дома и начинает воспитывать. Спустя какое-то время Ваня заболевает, требуется экстренное переливание крови редкой группы. И даже в такой экстренной ситуации Сергей Синицын не теряет – наоборот, он стремится спасти своего приёмного сына, отвозит его в больницу и даже просит свою коллегу по работе Полину приехать и стать донором (именно у неё есть та самая редкая группа крови).

Коротко проанализировав сюжет повести Василия Ливанова, мы можем вычленить наиболее яркую и актуальную тему, проблему и идею:

Тема	Проблема	Идея
Жизненные ценности	Излишняя концентрация Мальвы Николаевны на личном благополучии и положении в обществе. К этому можно отнести и стремление контролировать происходящие вокруг изменения. Ольга не способна контролировать своё поведение, поддаётся эмоциональному порыву. Также Ольга требует немедленного выполнения своих желаний. Сергей Сеницын, несмотря на психологическое давление, усыновляет ребёнка из детского дома, заботится о нём, что доказывает его готовность брать на себя ответственность за принятые решения.	Ответственные люди по-настоящему сильны: они способны жертвовать собственными интересами во имя благополучия окружающих его людей. Именно чувство ответственности делает человека полноценным. Побег же от ответственности говорит об эмоциональной нестабильности и психологической незрелости.

При проведении анализа как всего художественного произведения, так и представленного отрывка, можно опираться на вышеизложенные принципы (тематика, проблематика и идея произведения). Благодаря такому анализу ученики смогут научиться отличать не только сами понятия, но и применять полученные знания на практике.

Литература

1. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – 3-е изд. – Москва : Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
2. Ливанов В. Мой любимый клоун: Повести. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 5-105.
3. Сенина Н.А., Нарушевич А.Г. Русский язык 9 класс. Сочинение на ОГЭ: курс интенсивной подготовки: учебно-методическое пособие / Н.А. Сенина, А.Г. Нарушевич / Под ред. Н.А. Сениной. – Ростов н/Д: Легиона, 2015. – 96 с. – ОГЭ.
4. Симакова Е.С. Русский язык: Новый полный справочник для подготовки к ОГЭ: 9-й кл. / Е.С. Симакова. – Москва : АСТ: Астрель, 2015. – 350, [2] с. – (Государственная итоговая аттестация).

Larina Nika Andreevna

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Methods of analysis of Vasily Livanov's novella «My Favorite Clown» in the aspect of the formulation of arguments in essay 13.3 of the OGE in Russian

The article presents three principles of the analysis of a literary text. The author examines the methods of identifying the topic, problems, and ideas of the work for the composition 13.3. The main state exam in the Russian language on the example of the analysis of the story by Vasily Livanov «My favorite clown».

Keywords: the main state exam, essay-reasoning, literary text, theme, problem, idea, principles of analysis.

Ле Тхи Фыонг Тхао

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

lephuongthao130899@gmail.com

Особенности дистанционного обучения русскому языку как иностранному в языковых вузах Вьетнама

Работа выполнена под руководством Богомолова Александра Николаевича, доктора педагогических наук, профессора

В статье рассматриваются особенности дистанционного обучения (ДО) русскому языку как иностранному (РКИ) в языковых вузах Вьетнама. Автор анализирует преимущества и недостатки дистанционного обучения русскому языку как иностранному в языковых вузах Вьетнама и выделяет основные факторы, влияющие на его эффективность. В статье формулируются перспективы решения проблем, связанных с организацией ДО в языковых вузах Вьетнама.

Ключевые слова: дистанционное обучение, русский язык как иностранный, языковые вузы Вьетнама, мотивация, техническое оснащение, методические особенности, подготовка преподавателей.

Русский язык играет важную роль в экономической, образовательной и научной сферах Вьетнама, занимая второе место после английского языка по популярности среди иностранных языков. В эпоху четвертой промышленной революции (называемой еще «индустрия 4.0»), характеризующейся внедрением цифровых технологий в жизнь, образование также переходит к новым методам, основанным на использовании цифровых технологий.

В наибольшей степени информационно-коммуникационные технологии широко используются в развитии дистанционного обучения иностранным языкам, в том числе русскому как иностранному, особенно в свете изменений в образовательном процессе, вызванных пандемией COVID-19. Вьетнамские учебные заведения стремятся улучшить качество образования и внедрить разнообразные методы преподавания иностранных языков, что делает обучение русскому языку через дистанционное обучение ключевым элементом языковой политики вузов. Это требует серьезных исследований и анализа. В настоящее время вьетнамские языковые вузы активно разрабатывают различные программы дистанционного обучения русскому как иностранному языку, учитывая особенности российского и вьетнамского языков и особенности вьетнамского менталитета.

Прежде чем переходить к их описанию считаем целесообразным сформулировать общие характеристики, которыми обладает дистанционная форма обучения, как одна из форм организации процесса обучения.

- Гибкость и мобильность. Студенты могут изучать любую дисциплину в любом удобном для себя месте, при наличии доступа к интернету [3, с. 56]. Это обеспечивает адаптивность учебной программы к индивидуальным потребностям и возможностям каждого студента. Возможность учиться в любое удобное время позволяет студентам определять свой собственный темп обучения, выбирать подходящие для них курсы и материалы [2, с. 66].

- Доступность. ДО играет ключевую роль в обеспечении широкого доступа к образованию, преодолевая географические и временные ограничения [2, с. 106]. Эта форма обучения предоставляет возможности для студентов из разных стран мира удаленно получить высококачественное образование. Особенно важно отметить, что ДО решает проблему доступа к образованию для тех, кто по различным причинам ограничен в возможности учиться в традиционных учебных заведениях [5, с. 6]. Кроме того, дистанционное обучение снижает барьеры для получения образования для людей с ограниченными возможностями. Он предоставляет им комфортное и гибкое окружение для обучения, учитывая их индивидуальные потребности и обеспечивая равные возможности для всех. Таким образом, дистанционное обучение становится мощным инструментом для повышения образовательной доступности не только в стране, но и в мировом масштабе [5, с. 8].

- Экономическая эффективность. ДО РКИ приносит значительные экономические выгоды [3, с. 36]. Прежде всего, студенты экономят средства, которые ранее тратились на проезд и проживание в другом городе для получения образования. Благодаря возможности изучения языка онлайн, они могут избежать затрат на переезд и аренду жилья. Кроме того, ДО РКИ предоставляет студентам доступ к более бюджетным образовательным ресурсам и технологиям [4, с. 68]. Использование онлайн-курсов, электронных учебных материалов и виртуальных платформ снижает затраты на учебные пособия и прочие учебные ресурсы. Важным аспектом экономической эффективности является возможность совмещать обучение с работой. Это открывает перспективы для студентов повысить свою квалификацию, не прерывая свою профессиональную деятельность. Такой подход позволяет студентам строить карьеру, сохраняя финансовую стабильность и развиваясь профессионально, что, в свою очередь, способствует общей экономической выгоде [1, с. 113].

Ссылаясь на монографию А.Н. Богомолова, основные принципы дистанционного обучения иностранному (русскому) языку можно свести к коммуникативно-деятельностному подходу, акцентирующемуся на формировании речевых навыков и навыков межкультурной коммуникации. Этот подход предполагает учет следующих лингводидактических закономерностей и принципов организации обучения иностранным языкам в контексте дистанционного образования:

1. Принцип телекоммуникационного межличностного общения, акцентирующий внимание на организации реального общения всех участников учебного процесса посредством ИКТ;

2. Принцип гибкости процесса обучения и учебного материала при ДО ИЯ заключающийся в том, что обучающийся может самостоятельно выбирать темп обучения и уровень сложности материала в соответствии со своим уровнем владения иностранным языком, коммуникативными и профессиональными потребностям и выбирать наиболее удобный для себя темп изучения материала и выполнения практических заданий;

3. Принцип индивидуальной траектории обучения;

4. Принцип мобильности обучения, предполагающий гибкость, маневренность всего учебного процесса и учебно-методического обеспечения;

5. Принцип модульности обучения, предусматривающий наличие модульной структуру содержания обучающей программы;

6. Принцип активности и самостоятельности обучающегося., который базируется на самостоятельной познавательной деятельности обучающегося;

7. Принцип интерактивности учебного процесса, учет которого позволяет задействовать все формы взаимодействия участников [2, с. 62-68].

Дистанционное обучение иностранному (русскому) языку требует от участников высокого уровня информационно-коммуникационной компетенции, способности к организации обучения и получению знаний в цифровой образовательной среде. Электронные обучающие программы по иностранному языку, в условиях цифровизации образования, представляют собой новые средства обучения, обладающие новыми формами организации учебного контента и взаимодействия между участниками учебного процесса.

Во время пандемии COVID-19 дистанционное обучение стало важным этапом развития образования. Сложившаяся ситуация вынудила образовательные учреждения провести эксперимент с дистанционным обучением на всех уровнях. Этот эксперимент вызвал множество вопросов о его эффективности, готовности учебных заведений к такому формату обучения, техническом оснащении, подготовке педагогов и учащихся к работе в новых

условиях, а также доступности специальных обучающих средств. Экстренный вынужденный переход системы образования на дистанционное обучение связаны с очевидными проблемами, обусловленными главным образом недостаточным техническим оснащением, отсутствием или слабой подготовкой как педагогов, так и обучающихся к работе в новых условиях.

Ситуация с пандемией COVID-19 затронула и образовательную систему Вьетнама. В условиях пандемии, особенно в учебном году 2020-2021, преподавание и изучение всех дисциплин, включая русский язык в вузах Вьетнама было полностью переведено в дистанционный формат. В научной литературе появились публикации вьетнамских исследователей, которые описывали ситуацию с осуществлением дистанционного обучения различным дисциплинам в учебных заведениях Вьетнама [6, с. 89].

Как уже говорилось, во Вьетнаме русский язык является одним из самых популярных иностранных языков и вызывает особый интерес, поэтому во многих университетах созданы кафедры русского языка: например, в Университете иностранных языков Вьетнамского национального университета (Ханой) – ВНУ, в Ханойском университете, Университете иностранных языков Хюэ, Университете Дананга и Педагогическом университете Хошимина, Университете иностранных языков Тхайнгуена, Университете иностранных языков Кантхо и Университете Тай Нгуен. В этих языковых вузах Вьетнама дисциплины по русскому как иностранному (РКИ) могут включать изучение русского языка, литературы, культуры, истории России, а также практические курсы по разговорной практике. Каждый вуз может иметь свою уникальную программу в области преподавания русского как иностранного. В языковых университетах Вьетнама существует множество курсов дистанционного обучения русскому языку, но среди наиболее популярных можно назвать: курс «Русский язык онлайн» в ВНУ, онлайн-курсы РКИ в Ханойском университете, дистанционный курс «Русский язык как иностранный» в Педагогическом университете Хошимина.

Приведем результаты опроса об уровне удовлетворенности дистанционным обучением русскому языку среди студентов факультетов русского языка пяти известных иноязычных университетов Вьетнама: Университета иностранных языков Вьетнамского национального университета (Ханой) - ВНУ, Ханойского университета, Университета иностранных языков Хюэ, Университета Дананга и Педагогического университета Хошимина.

Содержание вопроса:	Результаты опроса (100 %):		
Довольны ли вы эффективностью дистанционного обучения русского языка?	Очень доволен (а)	Удовлетворен (а)	Неудовлетворен (а)
	73,8 %	18,0%	8,2%

На вопрос о выборе ответа «очень довольны и удовлетворены дистанционным обучением русскому языку», студенты, участвовавшие в опросе, аргументировали свои ответы следующим образом:

- Благодаря развитию технологий учащиеся могут легко получить доступ к онлайн-занятиям по русскому языку. Очные занятия часто проходят в часы пик, поэтому поездка на занятия занимает много времени. В отличие от традиционных занятий при онлайн-обучении учащиеся могут активно распределять свое время и учебное пространство. Это можно считать самым большим преимуществом популярного онлайн-обучения русскому языку, особенно для студентов, которые живут далеко от университета или тех, кто учится и работает одновременно. Кроме того, учащиеся также могут максимально использовать свободное время в течение дня для онлайн-обучения, тем самым быстро достигая своих целей за более короткое время [6, с. 90].

- Стоимость дистанционного обучения русскому языку намного ниже, чем стоимость очного. Кроме того, материалы по изучению русского языка очень разнообразны, занятия сохранены в виде видеозаписи, которые можно просматривать многократно. Это также является причиной, по которой многие люди предпочитают этот формат обучения. Видеоматериалы могут быть просмотрены несколько раз, что облегчает учащимся восприятие и анализирование информации в течение определенного периода времени. Кроме того, помимо видеолекций, онлайн-платформы также предоставляют студентам обширные ресурсы для самостоятельного обучения [6, с. 90].

- Благодаря ДО русскому языку студенты имеют возможность участвовать в семинарах по обмену на конференциях, организуемых русскими кафедрами иноязычных вузов совместно с отечественными и зарубежными вузами, тем самым создавая для студентов возможности учебного обмена и культуры.

Свою неудовлетворенность дистанционной формой обучения русскому языку как иностранному в вышеназванных вьетнамских вузах респонденты объясняли следующими причинами:

1. Ограниченное время для практики русского языка по сравнению с традиционным очным обучением. Русский – сложный язык, поэтому для вьетнамских учащихся, начинающих изучать русский язык дистанционное обучение показывает определенную неэффективность в приобретении знаний и формировании навыков во всех видах речевой деятельности на русском языке. Изучение русского языка через экраны электронных устройств не оставляет учащимся многих возможностей для взаимодействия с одноклассниками или преподавателями. Иногда это приводит к тому, что учащиеся не могут четко понять содержание лекции, в то время как преподаватели не могут четко знать ситуацию в академической аудитории, если учащиеся не задают заранее вопросы или не высказывают свои пожелания после прослушанной лекции или записанного практического занятия [6, с. 91].

2. Плохой контроль – проблема, на которую необходимо обратить внимание при ДО русскому языку. При обучении с помощью технологических устройств, учащиеся могут легко отвлекаться на текстовые сообщения и развлекательные приложения [6, с. 91-92].

3. По сравнению с очными экзаменами, где оценивается активность студентов, дистанционные экзамены по русскому языку все еще обладают ограниченной прозрачностью, что может привести к недостаточной оценке способностей студентов.

Результаты проведенного Нгуен Хонг опроса и реальность демонстрируют, что дистанционное обучение русскому языку как иностранному во Вьетнаме обладает рядом преимуществ и имеет также ряд недостатков. Назовем особенности дистанционного формата обучения применительно к образовательной системе языковых вузов Вьетнама.

Одной из ключевых особенностей ДО является обеспечение гибкости и мобильности в обучении русскому языку. Студенты имеют возможность изучать язык в удобное для них время и место, что особенно ценно в условиях активного образовательного процесса.

Доступность обучения становится ключевым фактором, позволяющим расширить круг студентов, получающих образование. ДО русскому языку в языковых вузах Вьетнама становится доступным для тех, кто по различным причинам не может физически присутствовать на занятиях, будь то из-за удаленности или личных обстоятельств [6, с. 94].

Эффективность ДО в языковых вузах Вьетнама тесно связана с качеством технологической инфраструктуры. Надежные интернет-соединения, современные образовательные платформы и программы обеспечивают эффективное взаимодействие студентов и преподавателей.

К достоинствам ДО РКИ вузах Вьетнама следует отнести внимание к межкультурным аспектам. Создание среды для обмена культурным опытом, интеграция русскоязычных

преподавателей и практика виртуального межкультурного общения способствует обогащению образовательного опыта студентов [6, с. 96].

Кроме указанных преимуществ ДО РКИ во Вьетнаме также имеет ряд недостатков, которые следует учитывать при выборе этого формата обучения. К ним относятся факторы субъективного и объективного характера:

- Недостаточная степень самоорганизации вьетнамских учащихся, несформированность навыков ведения учебно-познавательной деятельности.
- Возможность возникновения технических проблем: в случае возникновения технических проблем обучающиеся могут быть лишены возможности доступа к учебным материалам и участию в учебном процессе.
- Отсутствие непосредственного контакта с преподавателем и другими обучающимися: дистанционное обучение может затруднять развитие навыков общения и взаимодействий.

Проблемы организации дистанционного обучения в вузах Вьетнама и перспективы их решения. Согласимся с мнением доктора Нгуен Хонга, бывшего декана факультета русского языка Педагогического университета Хошимина, указавшего на то, что ДО РКИ во Вьетнаме имеет ряд проблем, которые необходимо решать для повышения эффективности этого вида обучения. Одной из основных проблем является низкий статус дистанционных программ РКИ [6, с. 95]. Это обусловлено традиционным отношением вьетнамцев к образованию, полученному в традиционных учебных заведениях. Вьетнамцы считают, что дистанционное обучение не позволяет получить полноценные знания и навыки. Другой проблемой является недостаточная подготовка преподавателей РКИ к дистанционному обучению [6, с. 95-96]. Преподаватели должны владеть современными технологиями дистанционного обучения и уметь использовать их для эффективной организации учебного процесса. Третьей проблемой является недостаточная мотивация обучающихся к дистанционному обучению [6, с. 96]. Дистанционное обучение требует от обучающихся высокой степени самоорганизации и мотивации.

Для решения этих проблем необходимо: во-первых, популяризировать дистанционное обучение РКИ среди вьетнамского населения. Для этого необходимо рассказывать о преимуществах дистанционного обучения, а также о качестве дистанционных программ РКИ, которые предлагаются вьетнамскими языковыми вузами. Во-вторых, проводить курсы повышения квалификации для преподавателей РКИ, которые будут обучать их современным технологиям дистанционного обучения и методам работы с вьетнамскими обучающимися. В-третьих, разрабатывать специальные программы мотивации для обучающихся, которые помогут им развить самоорганизацию и мотивацию к дистанционному обучению.

Дистанционное обучение русскому как иностранному языку во Вьетнаме перспективно благодаря своей доступности и повышенной эффективности. Оно открывает широкие возможности для студентов языковых вузов, но также требует постоянного улучшения и адаптации к уникальным вызовам данного формата обучения. Качественное образование и постоянное развитие преподавательского и студенческого опыта необходимы для достижения максимальной эффективности.

Литература

1. Азимов Э.Г., Жильцов В.А. Использование технологий виртуальных миров в дистанционном обучении РКИ // Русский язык за рубежом. – 2016. – № 4. – С.111-116.
2. Богомолов А.Н. Виртуальная языковая среда обучения русскому языку как иностранному (лингвокультурологический аспект). Москва : МАКС Пресс, 2008. – 315 с.
3. Богомолов А.Н., Ускова О.А. Дистанционное обучение русскому языку как иностранному: обзор отечественных и зарубежных информационных технологий и методик. Монография. – Москва : ЦМО МГУ, 2004. – 74 с.
4. Вязовская В.В., Данилевская Т.А., Трубчанинова М.Е. Интернет-ресурсы в обучении русскому языку как иностранному: ожидания vs реальность // Русистика, 2020. – Т.18. № 1. – С. 69-84.
5. Пашковская С.С. Дистанционное обучение русскому языку как иностранному (ожидание и реальность) / С.С. Пашковская // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 3-9.
6. Nguyễn Hồng. Giảng dạy Tiếng Nga từ xa như một ngoại ngữ tại Việt Nam: thực trạng và triển vọng. Bản tin của Đại học Ngoại ngữ – Đại học Quốc gia Hà Nội. Chuyên đề: Các vấn đề về giáo dục: ngôn ngữ và chuyên môn. Số 1/2022. Trang 88-96. (Нгуен Хонг. Дистанционное обучение русскому языку как иностранному во Вьетнаме: текущая ситуация и перспективы. Вестник Университета иностранных языков – Ханойского национального университета. Серия: Проблемы образования: язык и экспертиза. – 2022. – № 1. – С. 88-96.).

Le Thi Phuong Thao

Pushkin State Russian Language Institute

Features of distance learning of Russian as a foreign language in Vietnamese linguistic universities

The article examines the peculiarities of distance learning of Russian as a foreign language in Vietnamese linguistic universities, analyzing its pros and cons, as well as key factors affecting its efficacy. It also presents potential solutions to the challenges associated with organizing distance learning in these institutions.

Keywords: distance learning, Russian as a foreign language, linguistic universities in Vietnam, motivation, technical equipment, methodological features, teacher training.

Леонова Екатерина Михайловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

leonovakaty2002@gmail.com

Пётр Первый как архетип в отечественной литературе XX века

Работа выполнена под руководством Июльской Елены Геннадьевны, кандидата филологических наук, доцента

В настоящей статье представлен сопоставительный анализ произведений отечественной литературы XX века, в которых освещён образ исторической фигуры первого российского императора Петра Великого. Основными целями исследования являются установление общих творческих черт писателей Мережковского, Толстого и Горенштейна в области раскрытия петровской эпохи, изучение архетипа Петра как литературной традиции.

Ключевые слова: Пётр Первый, эпоха Петра, русская литература XX века, архетип, миф, славяноведение.

Многообразие мира художественного литературного творчества заключено в извечном полемическом вопросе взгляда на природу текста: отмечая особое значение явления вневременного диалога мировых культур и естественного слияния историко-этических аспектов действительности цивилизации, государства, народа, отечественный семиотик и культуролог Ю.М. Лотман подчёркивал подмену понятий в научном подходе литературоведческого дискурса; «художественное произведение», воплощающее собой «историко-культурную реальность», по разумению Лотмана, «не исчерпывается текстом» – уникальным инструментом познания, что «вообще не существует сам по себе», поскольку мыслеизложение в письме «неизбежно включается в какой-либо (исторически реальный или условный) контекст» [5, с. 127].

«Самовозрастающий логос» предполагает отсутствие изолированности формы по отношению к содержанию и выделяется богатым базисом исторического наследия, эволюции творческой традиции, демонстрирует преемственность направлений и жанров литературы как квинтэссенции «письма» – системы графических знаков и перипетий национального кода, выделяемой передовым теоретиком структурализма Р. Бартом совокупности «предписаний и навыков, общих для всех писателей одной эпохи» [1, с. 235].

XX век в самосознании наследников рода славян представляется эпохой нескончаемой повсеместной революции – политической, социальной, духовной. Особое акцентное обращение к пласту сословия «великой русской интеллигенции», фундаментальному вектору «богоискательства» основоположника искусства символизма Дмитрия Сергеевича Мережковского в его публицистике – «Грядущий хам» (1906) и «Страшный суд над русской интеллигенцией» (1906), исчерпывает идею определения

национальной идентичности, исследования природы народной души, установления истоков кризиса «славянской идеи».

Смена ракурса рассмотрения действительности создаёт ситуационную мотивацию к ретроспективному критическому анализу прошлого народности – фольклорные изыскания и культовые мифы воспринимаются как плоды, по определению филолога А.М. Панченко, «этногенеза славян» [9, с. 146].

Всякий раскол политических устремлений – передел власти – влечёт за собою и раскол общественного масштаба: так, подобно Мережковскому, утвердившему современную Серебряному веку интеллигенцию «носителем» исконного «живого духа <...> заветов Петровых», Ю.М. Лотман поддерживает взгляд на эпоху радикальных реформ Петра Великого как на «некий исходный пункт, точку отсчета» в истории российской государственности.

Всплеск творческого интереса к периоду дробления социума XVIII века на «догматиков-мечтателей» и «щеников-практиков» предстал актуальным культурным феноменом и опытом преломления исторических перемен в век мировых конфликтов и гражданских войн: петровская эпоха явилась в новом качестве, как средоточие мифологического ядра личности императора-«антихриста» и его времени самосуда, как конфликт организации власти, требующий особых средств художественного переосмысления деятелей столетия XX.

Мережковский-символист, Толстой-прозаик, Горенштейн-драматург выразили в своём творчестве глас народный в мифологическом противостоянии лика Петрова как «царя-труженика» и чужеродного «антихриста»: архетипическое начало трагедии Петра Великого – новаторский, беспрецедентный, строго национализированный тип литературного героя.

Стоит отметить ключевую деталь, во многом определившую крен развития культуры России петровской эпохи, – историческое совпадение её, по замечанию филолога Панченко, с периодом «гуманистически-барочного славяноведения». Мимикрия мысли творческих гениев XX века в сфере коммуникативного отражения времени и слома нравов при царствии «антихриста» на земле, Петра Первого, примыкает, исключая народное стихосложение, к ведущему столпу философии барокко как эстетического течения – влечению и нарочитому интересу к явлению смерти, духа и тела.

Сопричастность славянского мыслеустремления к лиминальному подтексту и принципу двоимирия в бесчисленном спектре древних сюжетов с эстетикой безобразного выявляют авторский подход к средству введения песни как жанра, высказывания и слова в

контекстуальном сложении петровского образа в самом национальном коде. Примером яркого приемника фольклорной традиции, выразителя особой близости творца к словесам обывателей, свидетелей конца торжества русского царства служит авторское отражение критиком вековой истории Дмитрием Сергеевичем Мережковским в романе «**Антихрист. Пётр и Алексей**» (1904-1905) собирательного образа гласа отступников, приверженцев конфессиональных устоев и раскольников-«гробополагателей»: «заунывная песня» старого лодочника-бурлака по прозванию Иванушка о гробах как материальном пристанище мертвецов телесных и духовных – «домовищах вечных» – оглушает молву и шумные празднества высших господ в Летнем саду:

«<...> День к вечеру приближается,

Секира лежит при корени,

Приходят **времена последние**,» – реквием юродивого по России старой, России мирной и свободной от нечестивцев, хулителей Божьей воли – той, России, что не знала сумасбродного осквернителя традиций Петра-«зверя».

Особое место в числе изыскательных приёмов создания петровского образа занимают и очевидные аллюзии сращивания античной и славянской культур как уклад цитадели и прародительницы европейской культуры на русской почве, государственности, прежде лелеявшей политику «православного изоляционизма», что конкурировал с духовно-этической идеей самовозвеличивания России в статусе «Нового Иерусалима» - «вселенской православно-теократической империи» Никона, авторитарного старожилы патриаршества как самодостаточного управленческого органа.

Бесчинство духа Петра носило не столь публично-показательный, сколь идеологический характер утверждения «концепции царского единоначалия» [3, с. 53] великого государя: апелляция к античным образам завоевателей и архаической мифологии – воинствующий бог Марс, бесстрашный герой Геркулес, освободитель и заступник христиан Константин – позволила развернуть на поле политических распри и спорных толков полотно новой мифотворческой традиции, способствовала развитию вневременного культурного дискурса, напоила путь воцарения Петра и пресыщения его плодами собственных реформ пафосом древнегреческой трагедии.

Символика античной поры в консервативных кругах русской народности с презрением воспринималась как атрибутика «языческая», однако государева воля к познанию, власти образов и смене эстетических идеалов мышления сравни приказу под страхом пристрастного суда и животной смерти смогла пробить вековую скорлупу затворничества знати, приближённых и поданных.

Следуя «катехизису» символистского направления, роман Мережковского изобилует иносказательными сопоставлениями личности Петра с древним всадником вселенского Апокалипсиса, страждущим испепеляющей всех противных войны – приобретённая в вечном городе и трепетно хранимая императором новой России «голая девка» Венус в его грубых, испещрённых мозолями руках представляется не иначе, как «Венера в объятиях Марса»: хрупкое создание вечной непререкаемой красоты обретает покровительство стража нового града, возведённого на крови и погрязшего в топях наделов славян. Нева, уподобляемая Стиксу, – река загубленных невинных душ и сердце «тёмного Аида», славного «Петрополя», озарённого улыбкой прекрасной статуи богини, нетленного образа.

Миф в концепции философа и антиковеда А.С. Лосева как «реально, вещественно и чувственно творимая действительность» есть безусловный творческий принцип отражения персоналии Петра Великого как отечественного архетипа человека нового типа, обращённого в прошлое, истоки чуждых цивилизаций во имя возведения «сада» отчизны.

Политическая арена действий императора Петра Первого походит на круг лицедейских таинств – античный театр: идея разгульной юности государя об учреждении Всешутейшего и всепьянейшего собора, включавшего в свои ряды отъявленных гуляк, шутов и единомышленников «Марса» на русской земле, в ретроспективе веков рассматривается как воскрешение греческого культа дионисийских празднеств – торжеств экстатических, лишённых предосудительных рамок морали.

Роман «Антихрист. Пётр и Алексей» живейшим образом раскрывает потенциал историко-художественного лика Петрова как держателя архаичного культа, всемогущего родоначальника бесчинств и разврата в лавровом венце: «пьянство Бахусово» – не дворовое бесчинство своры дураков, а обрядовое воздаяние чести и хвалы покровителю театра интриг и доносов, «изжателью виноградного веселья», слепой акт веры в вершимый хаос самопровозглашённого «от Бога приставника», беспрекословное утверждение эманации царства Петра, всесильного, явившегося из пепла древности архаического божества; точь культ нетленен в веках, так и образ Петров обретает бессмертие.

Принудительный процесс европеизации «старомосковства» под покровительством Петра Первого, что ковал не просто новый государственный строй, но принципиально отличную от старого уклада западно-ориентированную культурную реальность на почве «вековечного» славянства, предопределил идеологический разлад общества – конфликт «иноземного» и «местного», человека с большой буквы и общности «тунеядцев», клеветников, богоборческих держателей старины. Дуалистическую природу портрета императорского гения определяет лицо толпы – след романтической черты героя-отщепенца,

противника «черни», представляет читателю картину историко-художественного пространства петровской эпохи.

В рассказе русского и советского писателя Алексея Николаевича Толстого **«День Петра» (1918)** именно народ принимает на себя роль мученика в оппозицию петровскому режиму и самому могучему властителю – кровожадному градостроителю «Парадиза» путём терзания людских тел и судеб, прорубая «окно в самых костях и мясе народном». Примыкая к толку современников царя-реформатора и заимствуя помпезный нарратив своего предшественника в сфере исторической романистики Дмитрия Сергеевича Мережковского, автор произведения малого эпического жанра ретранслирует образ «антихриста» на троне, рождённый в устах народной молвы: «Последнее время настало... Антихрист пришел». Фигура кровопийца Петра Великого предстаёт частью мрачной фольклорной традиции, выношенной в боли рода славян – «весь народ мужеска и женска пола» объят страхом диким, примитивным, но главное – Петровым.

Мотив страха, проникая в культурный контекст новеллы Толстого, обретает статус традиции портретной характеристики русичей, «москвитов».

В реалистической драме Фридриха Наумовича Горенштейна **«Детоубийца» (1985)** панорама взглядов и домыслов народа перерастает в сценический приём диегесиса – «страна дураков» наводнена бесчисленными голосами страждущих – разума и сердца, задора и уныния, поддержки и осуждения, похвалы и хулы. Размах театральных подмостков представляет контраст оценки эпохальных перемен посредством ряда оппозиций, выделенных литературоведом В.А. Сухановым, – «национальное/инонациональное», «церковное/светское», «реальное/идеальное» [10, с 243]. Пётр Великий, по страстной природе своей и долгу царствующего рода втянутый в конфликт личностного и государственного начал, разрушает многовековую коллизию, являя свету лик выше человеческой стати и властвующего лица – Петра-«богочеловека».

Народ повинуется и сопротивляется, восстаёт против царя, находя «во всём личный произвол его», и всецело повинуется ему, «такому великому и правосудному государю»: стороны антитетического противопоставления Горенштейна сплетены воедино лейтмотивом всеобщего трепета; как с одной лишь буквы начинаются имя Петра и понятие заслуженного «покоя», а верёвка «делает из мирной литеры виселицу», так смерть государя рождает распри чувств – народ в метании ликует и скорбит единовременно.

Советский исследователь-фольклорист В.Я. Пропп, изучая вопрос воплощения славянских самосознания, помысла и культа в песне, утверждал, что «у русских весь стихотворный фольклор поется»: лирика – вербальное явление чувств, мотив песни

народной, многообразной и разноплановой с позиции оттенков и «бытовой функции», присущ и поэтике мифотворческой парадигмы Петра Великого. Так, финал пьесы Горенштейна «Детоубийца» увенчан скоростижной гибелью великого властителя в сопровождении заливистого хора гвардейцев, направляющихся «государыне присягать»:

«Сенат вздумал взбунтоваться, **царя-батюшку убить.**

Расположился на это охфицеров подкупить.

В непоказанное время царя требуют в Сенат.

Царь не долго собирался, кафтан военный надевал. <...>

Да вы, здорово, часовые, сенаторски сторожа.

Сенаторски сторожа, не прошел ли князь сюда?

Они друг на друга посмотрели и сказали: не прошел.

Да из них один солдат черным глазиком повел.

Царь на это рассердился, **часовых всех порубил.**

Часовых всех порубил, трое двери проломил,» – народные слово и память заключены в лирике и гармонии, что полны идеи смерти неизбежной – уготованное царскому лицу оборачивается против заговорщиков, мирных граждан, священства – всего народа земли русской.

Мотив иносказательного изложения пути великой исторической фигуры Петра Первого – заката торжества «нечеловеческого» естества – находит закономерное продолжение и в тексте пьесы Фридриха Наумовича Горенштейна путём авторского введения символической концепции сновидения: именно сон как «несомненный культурный атрибут XX века», объект скрупулёзных нетривиальных изысканий пионеров аналитической психологии – Зигмунда Фрейда и Карла Юнга, на стыке сфер искусства и философии обретает второе дыхание, представляя читателю и зрителю столь интимный ракурс рассмотрения человеческой судьбы.

Дражайшая супруга Петра Алексеевича, урождённая Марта Самуиловна Скавронская, «лифляндская золушка» на русском престоле, в сюжетной парадигме «Детоубийцы» видит сущий пророческий кошмар: «огород, наподобие Версальского», мимо которого и проплывет на пруду царская чета, – очевидный двойник просторов Летнего дворца, обители роскоши на европейский манер, но духовно – не что иное, как проекция чудесного библейского Эдема; Пётр и Екатерина – первые люди имперской России, чьё неизбежное изгнание из блаженного края лишь грядёт, ибо час суда божьего над Петром, первородным грешником и верным осквернителем славянской идентичности, тянется вереницей измен, подлогов, распрей; образ белощёрстного зверя «на воле», увенчанного короной с тремя зажжёнными свечами,

полемичен – Пётр-«Антихрист» в шкуре животной, вероятно, отсылает к материальному явлению Фаусту Гёте силы, «что вечно хочет зла», – искусителя Мефистофеля в облачении чёрного «пса». Чистота меха зверского существа сновидения императрицы – православная истина и духовная непорочность, не запятнанная кровью невинно убиенных, а каноническое число трёх свечей – безусловная аллюзия трёх лиц единого Бога – Отца, Сына и Святого Духа, титулы властителя – «император», «отец отечества» и «великий», а также соцветие многоликого ампула Петрова в толках народа – «мужика»-труженика, земного продолжения Творца и душегуба, богопротивного Люцифера, наместника абсолютного зла.

Не менее знаковой сценой предстаёт и сновидение злосчастливого государя, первого «врага суеверий и предрассудков»: Пётр рассказывает милой «Катеньке» о явлении ему «маленького, сухого, бледного» человека, что, подло ворвавшись в дом государя, погубил наследника престола цесаревича Алексея – известного предателя и хулителя идеологического пути отца; обратившись ветром, дерзновенный убийца ускользнул от кары бросившегося за ним императора и, точь могильной плитой, пали слова таинственного человека на род Романов и семейное древо Петра Великого: «Не первого и не последнего». Надежда увидеть продолжение железного века власти, решительных перемен и торжества сильного духом правителя в старшем сыне, мятежном Алексее, пуста – царевич обречён за своё порочное начало в сговоре с христианскими старцами да монахами: «Каюсь, я смерти отца желаю». Пётр – детоубийца по принуждению и долгу пред отечеством и будущим её. пытки, учинённые над Алексеем-отступником, беглецом и вырождаком от плоти отца, увенчались угасанием последней пульсирующей вены мирной России, последней пляской норова кобылы, неуёмно брыкающейся под станом могущего властного седока Петра; однако Петрова природа – мужик-сквернослов, трудолюбивый и любознательный, но маленький и напуганный угрозой мятежа, пошатнувшего рассудок прежде юного государя в пору кровожадного стрелецкого бунта, человек с закипающим гневом сердцем. Пётр и есть убийца сына, убийца прошлого личного и государственного.

Век наследников петровских свершений недолог – в детские лета угаснет и светоч жизни выношенного Екатериной Петра Петровича, величаемого при дворе новым «хозяином Петербурга», а таинственная предполагаемая фаворитка императора Мария Гамильтон погубит незаконнорождённого царского «ублюдка», бросив бездыханное тело младенца в кустах аллеи. И не едины смерти петровских наследников в романовском роду...

Поэтика образа Петра в эстетическом рассмотрении мыслителей XX века необычайно многогранна и полна изыскательных приёмов, сочетающих в себе безусловно значимый контекст эпохи – спорной, кровожадной, неутомимо быстротечной и богатой на культурные

события исторического масштаба, отзвуки которых современны и авторам представленных произведений – «Антихрист. Пётр и Алексей» Мережковского, «День Петра» Толстого, «Детоубийца» Горенштейна. На ряду с ведущим мотивом представления фигуры Петра Великого в облике «Антихриста» – Зверя, «выходящего из бездны», в свете контраста портрета внешнего и психологического предстаёт и начатая Алексеем Николаевичем Толстым намеренная концептуальная работа над секуляризацией образа – низведения Петрова лица до образа рабочего мужика подобно «храпящему» на дощатой кровати крестьянскому обывателю с «обрюзгшим, большим лицом в колпаке» и непослушной «прядью темных сальных волос», филистеру, питающему плотское пристрастие к крепким табаку и алкоголю. Народные краски сопутствуют тираническому началу могучего, поистине «великого» (ведущий номинатив рассказа Толстого) Петра Алексеевича, отвергшего перспективу управления старомосковским царством в пользу устройства европейской державы новой формации.

Пётр Великий архетипичен как образ покровителя, согласно риторике Успенского и Лотмана, «нового Архангельска», а, следовательно, и новой российской государственности. Современный фундамент устройства прежнего московского княжества и русского царства – бесспорная заслуга незыблемого на стыке национального мифа как продолжения реальности исторической стана «отца отечества», уникального в своём культурном и литературном воплощении.

Литература

1. Барт Р. Нулевая степень письма. – Москва: Академ, проект, 2008. – 432 с.
2. Горенштейн Ф.Н. Споры о Достоевском. Детоубийца – Москва : Время, 2019. – 400 с.
3. Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы. – Москва : НЛЮ, 2004, – С. 34–68.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) // «Птенцы гнезда Петрова». – Санкт-Петербург : Искусство, 1994. – 399 с.
5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 204.
6. Мережковский Д.С. Грядущий хам // [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0080.shtml (дата обращения: 14.02.2024).
7. Мережковский Д.С. Пётр и Алексей / Дмитрий Мережковский. – Москва : Издательство «Э», 2018. – 608 с.

8. Мережковский Д.С. Страшный суд над русской интеллигенцией // [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1906_strashny_sud.shtml (дата обращения: 13.03.2024).
9. Панченко А.М. Петр I и славянская идея // Русская литература. – 1988. – № 3. – С. 146-152.
10. Суханов В.А. Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог// Пётр и Алексей в пьесе Ф. Горенштейна "Детоубийца" Выпуск 10: Поэтика драмы в литературе XX века – Томск : Издательство Томского университета, 2009. – С. 233-251
11. Толстой А.Н. День Петра. – Москва : Правда, 1984. – 400 с.

Leonova E.M.

Pushkin State Russian Language Institute

Peter the Great as an archetype in Russian literature of the twentieth century

This student scientific article presents a comparative analysis of works of Russian literature of the 20th century, which highlight the image of the historical figure of the first Russian emperor Peter the Great. The main goals of the exploring are to establish the common creative features of some writers like Merezhkovsky, Tolstoy and Gorenstein in the field of revealing the Peter the Great era, as well as to study the archetype of Peter as a literary tradition.

Keywords: Peter the First, the era of Peter, Russian literature of the 20th century, archetype, myth, Slavic studies.

Лепешкин Тимофей Алексеевич

ученик 7 «Б» класса

МКОУ Аннинская СОШ №6

teacher1965@mail.ru

Актуальная «лексика дня» в жизни современного школьника

Работа выполнена под руководством Лобовой Ирины Викторовны, учителя русского языка и литературы, Почетного работника образования

В статье анализируется новая лексика русского языка последних нескольких лет, активное употребление новых слов учениками и педагогами нашей школы глазами школьника – ученика 7 класса, показано отношение к этому учащегося.

Ключевые слова: нейросеть, промты, промтинженер, хайп, тренд, мнение.

Я Лепёшкин Тимофей, ученик 7 класса, с удивлением наблюдаю за русским языком и вижу, как он меняется каждый день, каждый час, каждую минуту.

Наш учитель, открывая электронную почту, с удивлением прочитала про предлагаемые курсы для школьников и учителей о нейросетях. Казалось бы, слово «нейросеть» появилось совсем недавно, но уже нам знакомо и привычно. Нейросеть уже

предлагает нам широкий спектр услуг и помощи якобы для облегчения жизни нам: написать сочинение, статью, диплом, даже книгу... Уже даже всем известный Яндекс.браузер стал нейробраузером, то есть, начал использовать нейросеть Yandex GPT для своей работы. Яндекс.браузер уже может переводить с 8 языков (перевод – реально полезная штука по идее) и кратко пересказывать видео, кратко пересказывать статьи, исправлять неграмотные тексты с большим количеством опечаток, генерировать картинки, распознавать QR-коды, чтобы нажимать на эти QR-коды и переходить по ссылке. Казалось бы, зачем быть грамотными, если нейросеть может за тебя исправить текст и кратко пересказать статью или видео? [1]

По результатам анкетирования, 1% моего класса пытаются использовать Chat GPT для выполнения домашнего задания.

Самое популярное слово 2023 года – нейросети. Уже есть телеведущий в Ставропольском крае – галограмма реального ведущего, ведет программу «Погода». На канале «Свое ТВ» прогноз погоды стала вести сгенерированная нейросетью девушка [5].

Нас учат основам промтинга – набора слов и фраз, которые задаются для запуска управления нейросетью, или ИИ, например Chat GPT. Уже есть руководство о продвинутых методах промтинга, как эффективно обращаться с нейросетью, появляется новая профессия: промт-инженер. Промт-инженер обрабатывает естественный язык, хорошо владеет языками программирования и меняет текст для получения эффективного результата. Промт-разработка – новая отрасль с большим потенциалом, и хороших специалистов в ней практически еще нет [1].

А как вы считаете, промт-инженеры – это новый хайп или реально перспективная профессия, которая будет оставаться востребованной долгие годы?

Кстати о хайпе. Хайп, как и тренд, фейк, треш – эти англицизмы «сидят» в русском языке уже несколько лет, и мы уже образовали от них русские грамматические формы. Например: хайп – хайповый, хайпануть, хайповать; фейк – фейки, фейковый; треш – трешово, трешовый; тренд – в тренде, трендовый, тренд сезона. Но я бы вместо слова «фейк» предпочёл использовать слово «бред» или «брехня», потому что эти слова, в отличие от фейка, имеют яркую русскую эмоциональную окраску [7].

В русском языке мы говорим «Умение», «Навыки», «Знания», «Компетенция», а недавно появилось слово «Софт-скиллс» (Мягкие навыки, гибкие навыки), которое по смыслу даже шире, чем все вышеперечисленные слова вместе взятые.

Новые слова, прочно вошедшие в язык – локация, локальный, локализовать, геолокация [7].

Локальная сеть, локальная кухня, локация в школе...Эти слова становятся общеупотребительными даже среди школьников. Интерактивные локации – такое словосочетание мы услышали на занятии «Моя Россия – мои горизонты» [4].

Слова электробус, электромобиль все чаще звучат в Интернете. Они реально существуют в больших городах. А у нас в Воронежской области проходящая мимо поселка Анна трасса М4 Дон – пилотная локация для беспилотных грузоперевозок. Здесь слово пилот имеет два значения. Пилот – это водитель, в данном случае, грузовых автомобилей. Пилотная площадка или локация – место для экспериментов [2].

«Игры будущего» – первый турнир в стиле фиджитал, когда реальные соревнования совмещены с виртуальными. Головокружительные гонки ждут участников дисциплины «Скейтбординг». Состязание пройдет не только в компьютерной игре, но и в реальной жизни. Они уже открылись в Казани 21 февраля [6].

Время за гаджетами начнет приносить пользу. Нас приглашают как участников знакомиться с принципами создания видеоигр и других цифровых продуктов, как работать с большими данными, создавать ботов, обучать нейросети, программировать беспилотники и моделировать полеты дронов.

Для самых активных и результативных предусмотрены тематические смены, уникальные курсы наставничества по разработке цифровых продуктов и стажировка в одной из крупнейших отечественных IT-компаний в организации «Движение первых», которая тоже есть в нашей школе, и куда я скоро вступлю [6].

А у нас в школе находится избирательный участок. Поэтому я услышал новое слово – лифлет, которое произнес мой учитель – член избирательной комиссии. Обходчики – те, кто разносит по домам и квартирам лифлеты – двусторонний отпечатанный лист, как правило, с двумя или тремя страницами, сложенный всевозможными способами, с информацией о предстоящих выборах Президента. Один из основных признаков лифлета – отсутствие каких-либо скрепляющих элементов: пружины, клея, скрепок.

Представителей избиркома легко узнать – носят удостоверение, нагрудный знак, сумку и лифлеты.

Вот так много новых слов мы слышим ежедневно, ежечасно. Они уже общеупотребительны, потому что их произносят и понимают разные слои населения – и взрослые, и дети.

Литература

1. 18 примеров, как можно использовать нейросети в мессенджере. // [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/future/748622-18-primerov-kak-mozhno-ispolzovat-neyroseti-v-messendzhere> (дата обращения: 05.05.2024).
2. Игры будущего. // [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/public194586987?z=video510022648_456245367%2Fdbe07ed79a4741dffb%2Fpl_wall_-194586987 (дата обращения: 20.02.2024).
3. Максут Шадаев примет участие в Большом «Уроке цифры» в образовательном центре «Содружество». // [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/video-177236306_456240134 (дата обращения: 15.02.2024).
4. Моя Россия – мои горизонты. // [Электронный ресурс] URL: <https://bvb-kb.ru/lessons/8pgKXmKdOZr1bzyw> (дата обращения: 18.02.2024)
5. Нейросеть создала ведущую прогноза погоды «Снежану Туманову». // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/life/news/641b04da9a794705a8502474> (дата обращения: 05.02.2024).
6. Образование и знания. «УЧИТЬСЯ И ПОЗНАВАЙ!» // [Электронный ресурс] URL: <https://будьдвижении.рф/projects/18> (дата обращения: 18.02.2024).
7. Презентация «Русский язык сегодня (новые тенденции в развитии современного русского языка)» // [Электронный ресурс] URL: <https://infourok.ru/prezentaciya-russkiy-yazik-segodnya-novie-tendencii-v-razvitii-sovremennogo-russkogo-yazika-3409670.html> (дата обращения: 12.02.2024).

Lepeshkin T.A.

Anninskaya Secondary school No. 6

Current “vocabulary of the day” in the life of a modern schoolchild

The article analyzes the new vocabulary of the Russian language of the last few years, the active use of new words by students and teachers of our school through the eyes of a 7th grade student, shows the attitude of the student to this.

Keywords: neural network, prompts, promptengineer, HYIP, trend, opinion.

Ли Сяофэн

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Lxiaofeng@yandex.com

Прецедентное имя «Китай» в русскоязычных медиатекстах

Работа выполнена под руководством Селезневой Ларисы Васильевны, доктора филологических наук, профессора

Статья посвящена анализу прецедентного имени «Китай» в русскоязычных медиатекстах. Прецедентностью обладает данный топоним потому, что государство играет особую роль на международной арене. Использование социумно-прецедентного имени «Китай» пока ограничено в медиатекстах о экономике и политике. Результаты исследования показывают, что этот прецедентный топоним часто ассоциируется с представлениями о «мировой фабрике», «центре производства с низкими затратами».

Ключевые слова: прецедентность, прецедентные имена, Китай, топоним, социумно-прецедентные имена

В эпоху глобализации культуры соприкасаются. Изучение прецедентности из другой культуры является очень важным не только для обнаруживания ее отражения в зеркале одной культуры, но и для улучшения взаимопонимания. В медиатекстах записывается динамика языка, таким образом, материалы из этого источника имеют актуальность.

Медиатексты представляют собой особый тип текста, рассчитанного на массовую аудиторию, целью которых является, как писал В.Г. Костомаров, «любыми способами установить и продолжить устойчивую связь в среде общающихся» [5, с. 189]. Для поддержания связи с читателем в медиатекстах часто используют прецедентные имена, которые отсылают к известным ситуациям, событиям или выступают в качестве имени-символа, «указывающего на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [3, с. 108]. По словам Л.В. Моисеенко, прецедентная единица – это рекуррентный фрагмент любого дискурса (художественного, публицистического, рекламного и др.), который закреплен в сознании языковой личности и функционирует в дискурсе как культурный знак в соответствии с интенциями говорящего [7, с. 29]. Это проявляется в большой распространенности и значительном коммуникативно-прагматическом потенциале таких имен. Одними из наиболее репрезентативных имен-символов, фиксирующих важные явления общественной жизни, являются социумно-прецедентные имена. В статье мы рассмотрим функционирование в русскоязычных СМИ такого наименования страны, как «Китай».

Топоним «Китай» называет крупнейшее по численности населения и одно из крупнейших по площади государств в мире; расположен в Центральной и Восточной Азии. В качестве прецедентного имени (ПИ) этот топоним уже вошел в сознание носителей русского языка. Это объясняется, во-первых, долгой историей общения между Россией и Китаем; во-вторых, неограниченной возможностью массовой культуры и системы школьного образования (основных цивилизационных факторов формирования смыслового содержания в современном российском обществе) «транслировать ценности и имена, связанные с некой всеобщей, но не национальной культурой» [1, с. 6], поэтому о топониме

«Китай» существуют некие общие представления у носителей русского языка, несмотря на то, что он не относится к российской культуре.

По степени прецедентности ПИ «Китай» относится к числу социумно-прецедентных имен, которые «известны любому среднему представителю того или иного социума и входят в коллективное когнитивное пространство» [2, с. 25]. Так как темы примеров из медиатекстов в основном о политике и экономике, а вне этих тем трудно заметить одни и те же коннотации.

В русскоязычном медиадискурсе «Китай» чаще актуализирует такие представления, как «мировая фабрика» (образное выражение производителя и поставщиком товаров для всего мира), «центр производства с низкими затратами».

Как любое ПИ, «Китай» имеет дифференциальные признаки и атрибуты. По актуальности и частности в дифференциальные признаки входят общий характер по численности населения («многочисленность»), характеристики промышленного производства («дешевая рабочая сила», «низкие затраты производства», «крупнейший глобальный поставщик товаров») и т.д., а в атрибуты – «быстрые темпы развития», «двигатель мировой экономики», «крупный рынок» и пр. Можно выделить использование слова «Китай» как обозначение низкого качества: «*Извечный вопрос: "Китай или качество?"*» [15], в этом заголовке «Китай» служит антонимом качества, т.е. это страна, в которой производили низкокачественные товары.

- 1) *Эксперт считает, что Индия может стать "новым Китаем" для России* [16].
- 2) *Четыре фактора, которые мешают Индии стать «новым Китаем»* [15].
- 3) *Индия станет новым Китаем?* [19]
- 4) *Мексика становится «новым Китаем»: когда ты на гребне волны ниаршоринга* [12].
- 5) *Малайзия задумала стать новым Китаем* [13].
- 6) *"Пирог США будет уменьшен": Матвейчев о союзниках, ключевых игроках и том, кто станет новым Китаем* [18].
- 7) *Может ли Ближний Восток стать «новым Китаем» для люксовых брендов?* [19]
- 8) *И Вьетнам, который показывает устойчивые показатели экономического роста, становится одним из претендентов на роль «нового Китая»* [13].
- 9) *Индия стала самой населенной страной мира, и это для нее шанс стать «новым Китаем»* [12].

10) *А Китай из этой парадигмы вырывается. Поэтому неоднократно делались заявления: "Давайте мы из Индии сделаем **новый Китай**, давайте из Индонезии сделаем **новый Китай**, из Вьетнама сделаем **новый Китай**". Но такие движения не то чтобы очень быстрые [20].*

Прецедентный топоним «Китай» часто сочетается с прилагательными «новый», «следующий» и глаголом «стать/становиться». В примерах 1), 2), 5), 8), 9) «Китай» обозначает «мировую фабрику», «центр производства с низкими затратами», 3) – «двигатель мировой экономики», 4) – поставщик Америки, 6) и 10) – силу, которая может развиваться как Китай, чтобы его сдержать, это в пользу США, 7) – «крупный рынок».

Необходимо отметить, что «новый Китай» в основном может иметь три значения в русскоязычных медиатекстах: во-первых, это Китайская Народная Республика, которая была провозглашена 1 октября 1949 г. (напр., в заголовке медиатекста *«Рядом шагает **новый Китай**»* [14], кстати, это выражение является строкой песни о дружбе между СССР и КНР – «Москва – Пекин»); во-вторых, – Китай с новым лицом в результате развития (заголовок *«**Новый Китай**. Прогулка по вечернему Сианю, 99 улиц Кашгара и оранжевые дыни»* [13]); в-третьих, т.е. при употреблении в контексте как ПИ, это «мировая фабрика», «центр производства» (чаще связан с «низкими затратами»). Видно, что первое и второе значение прямо связано с денотатом, а третье – с дифференциальными признаками ПИ. Кстати, существует и окказиональное значение – во время пандемии «Китай» являлся контекстуальным синонимом «эпицентра эпидемии»: *«ВОЗ объявила пандемию коронавируса в мире: эпицентр эпидемии – Европа, ставшая **новым Китаем**»* [12], но это также не включено в инвариант восприятия ПИ.

«Китай» используют как эталон для описания состояния развития ряда развивающихся стран: Индия, Вьетнам, Малайзия, Мексика и т.д., которые по-разному аналогичны Китаю, в первую очередь как мировая фабрика или страна производства, и представляют собой конкуренты Китая в контекстах русскоязычных массмедиа. В частности, Индию чаще охарактеризуют как «новый Китай» в связи с его большим населением, быстрым темпом развития. Кроме того, этот прецедентный топоним является еще и новой силой для США в Азии, создание которой основывается на замене роли Китая как мировой фабрики, и это будет в пользу США для сдерживания развития Китая. Иногда «Китай» апеллирует к большому рынку, это тоже касается большого количества населения страны. Кроме того, данный ПИ актуализирует и роль Китая в мировой экономике – «двигатель мировой экономики».

Причины обогащения значений «Китай» заключаются в том, что Китай в течение десятилетий быстро развивается и становится производственным центром; опыт Китая является образцом для других развивающихся стран; экономический рост способствует усилению совокупной мощи страны, по мере чего постепенно поднимается положение государства на международной арене; подъем Китая не отвечает интересам США; большое количество населения делает Китай крупным рынком. Особенно для россиян представление о Китае в отношении экономики формировалось на фоне высокотемпного развития Китая и ухудшения состояния экономики в российском обществе: «лингвоинформационная модель «китайского чуда» прочно укоренилась в массовом сознании российского общества в 1990-х гг., когда нашу страну наводнили товары широкого потребления китайского производства на фоне упадка отечественной промышленности и сельского хозяйства» [11, с. 167].

С прагматической точки зрения, мы предполагаем, что данный прецедентный топоним реализует моделирующую и прагматическую функции. «Моделирующая функция – функция формирования представлений о мире в виде модели» [8, с. 143], «прагматическая функция – функция воздействия на адресата. Прецедентные феномены – мощное средство воздействия на адресата, они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата» [Там же]. В отличие от таких выражений, как «мировая фабрика», «центр производства», «большой рынок» и т.д., прецедентный топоним «Китай», с одной стороны, помогает привлекать интерес у читателей и вызывать их реакцию, с другой – дает быстро формировать модель для понимания, при этом повторное сопоставление может вызывать новые ассоциации, например, ассоциацию между Индией и новым Китаем.

Итак, прецедентный топоним «Китай» в качестве модели сознания часто встречается в медиатекстах, темы которых в основном касаются экономики и политики. Анализ не только дает понять, что «Китай» может служить моделью представления о других странах, особенно в политическом и экономическом аспектах, но и рассказывает об образе Китая в русскоязычных массмедиа.

Литература

1. Горохова Д.В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2019. – 27 с.
2. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности – Москва : Ленанд, 2020. – 152 с.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

4. Захарова А.Г. Прецедентное имя как культурный феномен // Вестник МГЛУ Гуманитарные науки. – 2018. – № 1 (789). – С. 342-351.
5. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – Москва : Гардарики, 2005. – 287 с.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
7. Моисеенко Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2015. – 404 с.
8. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации – Екатеринбург : ГОИ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2007. – 207 с.
9. Терещенко А.В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 11 (176). – С. 76-84.
10. Флейшер Е.А. Основы прецедентности имени собственного: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 164 с.
11. Хабаров А.А., Чудинов А.П., Ян Кэ. Образ Китая в российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2 (92). – С. 159–171.
12. Ведомости // Запасной тигр просыпается. – 2016. – [Электронный ресурс] URL: <https://politics/articles/2023/05/15/974966-zapasnoi-tigr-prosipaetsya> (дата обращения: 13.02.2024)
13. Гражданские силы.ru // Вьетнам станет «новым Китаем» для ЕС? – 2023. –URL: <https://a/ZbQFKAoObQUteYuR> (дата обращения: 17.02.2024)
14. Мир 24: официальный сайт. – 2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://mir24.tv/?ysclid=luprn9o3tw278331328> (дата обращения: 15.02.2024)
15. Персональный гид: официальный сайт. – 2006. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.personalguide.ru/?ysclid=lupptmmtqo326251879> (дата обращения: 23.02.2024)
16. РадиоSputnik: официальный сайт. – 2018. – [Электронный ресурс] URL: <https://radiosputnik.ru/?ysclid=lupr01zxvn421435005> (дата обращения: 17.02.2024)
17. Ридус: официальный сайт. – 2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.ridus.ru/?ysclid=lupqrffn7o337122475> (дата обращения: 20.02.2024)
18. Украина.ru: официальный сайт. – 2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://ukraina.ru> (дата обращения: 24.02.2024)
19. j-r.ru: официальный сайт. – 2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://j-r.ru/?ysclid=lupro77xl297376824> (дата обращения: 24.02.2024)

20. tsargrad.tv // Америке срочно понадобился новый Китай. Где его взять? – 2020. – [Электронный ресурс] URL: https://experts/amerike-srochno-ponadobilsja-novuj-kitaj-gde-ego-vzjat_606135?ysclid=lups439owi882201513 (дата обращения: 14.02.2024)

21. Statist: официальный сайт. – 2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://statist.pro/?ysclid=lupr8dfusm131920028> (дата обращения: 24.02.2024)

Li Xiaofeng

Pushkin State Russian Language Institute

Precedent Name «China» in Russian-language media texts

The article is devoted to the analysis of the precedent name «China» in Russian-language media texts. It has precedence owing to the rapid development of this country in recent decades: China plays a special role in the international arena. The use of the socio-precedent name «China» is still limited in media texts about global economy and politics. Results show that this precedent toponym is often associated with the notions of «the world's factory», «low-cost production center».

Keywords: precedence, precedent names, China, toponym, socio-precedent names

Ли Хюэнэ

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

benvenuto@hanmail.net

К вопросу о культурно-лингвистических особенностях концепта "кошка" в русском и корейском языках

Работа выполнена под руководством Федоровой Елены Леонидовны, кандидата
филологических наук, доцента

Данная статья является результатом сравнительного анализа того, как концепт «кошка» проявляется в фразеологических единицах русского и корейского языков. Анализ проводился с использованием лексем, образных сравнений, фразеологизмов с использованием зоонима «кошка». Метафорическая модель «человек-животное» является одной из наиболее распространенных моделей, однако образы кошки в разных культурах могут существенно различаться. Целью исследования было выявить сходства и различия в восприятии и символике «кошки» в русской и корейской лингвокультурах.

Ключевые слова: лингвокультура, фразеологизм, кошка, русский язык, корейский язык

Язык не только связан с культурой: он растет из нее и выражает ее. Другими словами, язык и культура неразделимы, поэтому культура проецируется в языке, а культура отражается через язык. Модели человеческого мышления и поведения тесно связаны с языком и влияют на его выражение. Следовательно, чтобы успешно общаться в глобальном мире, необходимо понимать культурный контекст и правильно понимать содержащийся в нем культурный контент.

Концепт – это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, закрепленное в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и через ступень такого осмысления соотносимое с другими понятиями, ближайшими с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми [1, с. 267]. Концепт культурно и национально специфичен, поскольку они отражают исторический опыт, культуру и мировоззрение народа.

Концепт «кошка» – один из зоонимов, которые метафорически может обозначить характерную точку зрения человека на окружающую действительность. Кошки – одни из самых распространенных домашних животных. Кошки, как и собаки, являются домашними животными, которые издавна живут рядом с человеком. В разных национальных культурах существуют свои концепты и представления об этом животном. Таким образом целью статьи является исследование сходства и различия в выражении концепта «кошка» в русской и корейской лингвокультурах путем анализа фразеологизмов.

Тесная связь языка и культуры проявляется в том числе и во фразеологии. Фразеологизмы – это национальная языковая единица, «аккумулирующие и передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка... неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [3, с. 157].

В русской и корейской, как и во многих других лингвокультурах, наиболее богатой и наиболее часто используемой лексикой зоонимов являются близкие к человеку животные, главным образом собаки и кошки. Подобные выражения поведения или внешнего вида человека обнаруживаются и во фразеологизмах, относящихся к животным. В работе анализируются пословицы и фразеологизмы, связанные с образом кошки, встречающиеся в лингвокультурах России и Кореи.

Символика лексемы кошка в русской фразеологии весьма разнообразна. В русской культуре слово кошка может относиться к человеку в самых разных жизненных ситуациях. Их редко показывают положительными или добрыми, и о кошках чаще говорят в идиомах с негативным подтекстом, поскольку кошки часто воспринимаются как враждебные, агрессивные и опасные, поскольку они могут в любой момент обнажить когти. Более того, кошки считались символами магии и зла [4, с. 98].

В корейской культуре кошки считаются ночными животными, потому что их глаза светятся ночью. Люди считали, что кошки обладают магической силой вызывать призраков, а кошек считали животными, которые всегда будут мстить тем, кто причинил им вред.

Поэтому в корейской культуре кошки были скорее объектом страха, чем полезным животным. С другой стороны, кошек часто воспринимают как милых и умных животных, живущих с человеком. В прошлом кошки были необходимы для защиты посевов от крыс в корейском сельскохозяйственном обществе. Кроме того, кошки обладают загадочным и зловещим чувством из-за загадочности их глаз. Пословица о кошке также имеет два противоречивых значения. Давайте рассмотрим положительные и отрицательные образы в пословицах о кошках. К положительным сторонам относятся чистота, ум, спокойствие, тишина, а к отрицательным – мелочность, недоверие, хитрость и высокомерие. Однако в пословицах оно обычно употребляется в отрицательном смысле.

При описании концепта «кошка» в двух языках в культурологическом отношении важными являются следующие общие признаки:

1. Характеристика кошек – (1) мистическое существо, (2) мелкий воришка, (3) низшее существо, (4) хищное существо. Рассмотрим их на следующих примерах:

(1) *Гордому кошка на грудь не вскочит* – кошка чувствует характер человека; *(Черная) кошка пробежала (проскочила) между кем-то* – значит, произошла размолвка, кто-либо поссорился;

고양이를 죽이면 고양이가 원수를 갚는다 – *Убить кошку, кошка отомстит;*

고양이를 죽이면 액운이 들어온다 – *Убийство кошки приносит несчастье;*

고양이가 관을 넘어가면 송장이 일어난다 – *Кошка перепрыгивает через гроб, труп поднимается.*

(2) *Знает кошка, чье мясо съела. На воре шапка горит.* – Смысл этой пословицы заключается в том, что по внешнему виду человека или животного видно, что он что-то сделал, но боится в этом признаться; *고양이한테 생선을 맡기다* – *Оставить кошку в рыбной лавке;* *도적고양이 제상에 오른다* – *Ворующая кошка забирается на ритуальный стол предков.*

(3) *Поклонись и кошке в ножки; Знай кошка свое лукошко; Дай бог кошке свое лукошко; Драная кошка.* Следующее выражение означает крайнюю бедность: *Макар да кошка – комар да мошка;*

고양이가 원님의 반찬을 안다더냐 – *Кот не знает вкуса гарнира своего хозяина* – невежественные люди, не знающие, что хорошо, а что плохо, действуют бесстрашно; *똥중엔*

고양이 똥이 가장 구리다고 – Среди всех фекалий кошачьи фекалии самые худшие. – Это означает, что среди плохих есть вещи похуже.

(4) *Отольются кошке мышьи слезки.* – настанет возмездие за обиды, причиненные слабому. Эти слова означают, что справедливость в конечном итоге восторжествует, и злодей не останется безнаказанным; *Кошке игрушки, а мышке слезки* – это означает, что сильный и могущественный может причинять боль и страдание слабому и беспомощному. Она говорит о том, что жестокость и насилие над другими является несправедливым и неправильным.;

고양이 쥐 생각 – Кошка думает о мышке. – это значит притворяться, что вы заботитесь снаружи, и в то же время вынашивать намерения причинить вред внутри.;

쥐 본 고양이 (갈다) – Это как кошка, увидевшая мышь – Метафора атмосферы страха, готовой атаковать в любой момент.

2. Отношения между кошкой и собакой:

– *Как кошка с собакой* – Живут, общаются недружно, постоянно ссорясь. Применяется в отношении каких-либо людей, которые живут не в мире и согласии, а в постоянных распрях, скандалах, ссорах;

– *Живут, как собака с кошкой.* – означает, что люди, живущие вместе, могут быть в постоянных конфликтах и не могут договориться друг с другом, как кошки и собаки, которые обычно соперничают и не могут прожить мирно в одном доме;

– *고양이 개 보듯* – *Как кошка смотрит на собаку* – описание ситуации, в которой отношения настолько плохи, что они только рычат друг на друга и ищут возможности причинить друг другу вред.

В России и Корее выражение «кошка и собака» используется для обозначения конкретных отношений. Если отношения между кошкой и мышью вертикальны, то отношения между кошкой и собакой можно рассматривать как горизонтальные отношения, то есть отношения конфликта на равных позициях. Считается, что выражение «как кошки и собаки» символизирует недружественные отношения между людьми.

3. Употребление слова кошка во фразеологическом фонде для описания настроения человека:

Кошки скребут на душ – в переносном смысле, этот фразеологизм указывает на то, что человек находится в печальном неуверенном настроении, расстройстве;

배부른 고양이 새끼 냄새 맡아 보듯 – *Как сытая кошка, нюхающая собственного ребенка (кошка, которая много съела, удовлетворена, облизывает и нюхает своих детенышей)* – эта метафора состояния радости по поводу чего-то, рассматривания и прикосновения к различным вещам.

4. Кошка помогает предугадать приезд гостей и погоду:

– *Кошка к морозу в печурку садится. Кошка крепко спит – к теплу. Кошка в печурку – стужа на двор. Кошка стену дерет – к непогоде;*

– *고양이가 세수를 하면 비가 온다 – Когда кошка умывается, идет дождь;*

– *고양이도 유월 한 달은 덥다고 한다 – Даже котам жарко в июне.*

В отличие от Кореи, существует понятие кошки, характерное только для русской лингвокультуры. Одно из них представляет женственность через образ кошки [2, с. 94–97]. В России нежное и загадочное обаяние кошек ассоциируется с женщинами. Эту мысль о кошках можно подтвердить в следующей поговорке: *без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки; Кто кошек любит, будет жену любить*. Также, помимо кошачьих характеристик, характеризующих женщин, можно привести фразеологизм *ободранная (драная) кошка*, означающий слишком худую и растрепанную женщину. В корейских фразеологизмах нет женской ассоциации с образом кошки, но образ кошки может использоваться для описания других личностных характеристик человека. Например, *у нее кошачьи глаза. Лицо похоже на кошачье*. Это означает красивое и привлекательное лицо.

Другое отличие состоит в том, что в русской лингвокультуре понятие кошки выражено как воплощение кошачьей жизненной силы. Кошки сильны, устойчивы, способны быстро восстанавливаться после травм, выдерживать падения с высоты и переносить болезни и сформировались фразеологизмы, как *живуч, живуча как кошка*.

В данной статье мы провели сопоставительный анализ названия животного «кошка» в поговорках и фразеологизмах русского и корейского языков, тем самым изучив как сходства, так и различия в культурных контекстах, в которых используются эти выражения.

Русская и корейская культуры отражают характеристики кошек на своем языке, представляя тем самым особую перспективу. И в русской, и в корейской культуре кошки часто ассоциируются с образами хитрости, низости, тайны и мелких воришек, а также являются символами несчастья и неудачи. С другой стороны, в отличие от Кореи, в России образ кошки олицетворяет женственность и сильную жизнь.

Сопоставительный анализ названия животного «кошка» в русских и корейских пословицах и фразеологизмах показывает, как взаимодействуют язык и культура, образуя уникальные выражения, отражающие особенности каждого народа. Эти пословицы и поговорки служат отражением культурных ценностей и опыта, а их сохранение и изучение важны для понимания разнообразия мирового языкового и культурного наследия.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. Москва: Академия, 1997. – С. 267-280.
2. Бойко Л.Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2009. – № 5(29). – С. 94-97.
3. Зайнуллина Л.М. Композиционная семантика производного слова (на материале английского, немецкого, русского, башкирского и французского языков). Уфа, 2005. – 186 с.
4. Маяковский М.М. Картина мира и миры образов // Вопросы языкознания. 1992. – №6. – С. 87-104.

Lee H. A.

State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin

On the issue of cultural and linguistic features of the concept «cat» in the Russian and Korean languages

This article is the result of a comparative analysis of how the concept «cat» is manifested in phraseological units of the Russian and Korean languages. The analysis was carried out using lexemes, figurative comparisons, phraseological units using the zoonym «cat». The human-animal metaphorical model is one of the most common models, but images of cats can vary significantly across cultures. The purpose of the study was to identify similarities and differences in the perception and symbolism of «cat» in Russian and Korean linguistic cultures.

Keywords: linguoculture, phraseology, cat, Russian language, Korean language

Ли Яньсюй

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

yansoo.lee@yandex.ru

Символизация ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании

Работа выполнена под руководством Карасика Владимира Ильича,
доктора филологических наук, профессора

В данной работе рассматривается и устанавливается символизация ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании. Сравниваются сходства и различия в символике слова «сладкий» в разных лингвокультурных контекстах. Сходства заключаются в том, что оно ассоциируется с положительными психологическими эмоциями человека, означающими радость, счастье, удовольствие и т.д. Различия

закключаются в том, что в китайском языковом сознании оно может использоваться как глагол, обозначающий, что человек спит крепко и мирно. В русском языке иногда используется как уничижительное, употребляясь в значении лицемерный и умильный.

Ключевые слова: символ, символизация, вкусовое ощущение, сладкий, лингвокультурология.

Когда речь заходит о символе, по привычке первое, что приходит нам на ум – это символические средства, часто используемые в художественных текстах. Например, в древних китайских стихах поэты часто используют образ «луны» для обозначения тоски по родному городу, а «лотос» – для обозначения благородного джентльмена и так далее. На самом деле, символ можно найти повсюду в нашей повседневной жизни, и каждый из нас ежедневно использует символизм, даже не подозревая об этом. К примеру, сигналы на перекрестках и знак «Паркинг». Ведь каждое слово – это символ. Постоянная потребность в символических средствах на протяжении всей истории человечества и их необычайная живучесть, широкая сфера использования и значимость символа в жизни человека являются объективной основой для понимания и анализа символических значений.

Символ как лингвокультурный феномен до сих пор еще не имеет единого определения. В отличие от значения, являющегося содержательной основой знака, содержательной основой символа является образ. Только отвлекшись от языкового значения, погрузившись в культурный контекст можно распознать и интерпретировать образ. Символы обладают огромным имплицитным потенциалом и бесконечно вариативными семантическими интерпретациями.

По словам М.Л. Ковшовой, символ – это прочный мост, передающий культуру: «Символы – это знаки, избранные в процессемировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов» [2, с. 287]. В.А. Маслова считает, что «символы имеют архетипическую природу, они объединяют разные уровни реальности в единое целое во время смысловых действий в определенной культуре» [5, с. 72]. Согласно ее словам, символы могут соединять идеальный мир человеческого сознания с реальным миром. Между символами и образами существует параллель. На конкретных примерах можно определить символическое значение определенных слов. По мнению В. В. Пестовой, символ – «это ассоциативный продукт сложной работы человеческого сознания и специфический элемент кодирования культурного пространства» [7, с. 23]. С самых древних времен человек символизирует окружающий его мир. События в истории народа, национальное сознание, мировоззрение и психологические черты служат благодатной почвой для создания символов – символы являются точкой отсчета для взаимопонимания представителей культуры данного

народа. Символы воспроизводят в языке определенный культурный смысл, который зачастую присущ только определенному народу и может быть понят только им.

Символьный уровень лингвокультуры является наиболее национально специфичным. В данном случае под символом понимается единица лингвокультуры, как некий культурный предмет, основной функцией которого является формальное (т. е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига [3, с. 61-70; 4, с. 10-24]. Важность исследования языковых символов заключается в том, что за ними в общем может скрываться культура, как и за этнографией. Важно, что за языковыми знаками как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры [6, с. 43-60]. Культурная символизация даже одного и того же существа значительно различается в языковом и культурном контекстах разных стран мира. Дракон является одним из самых распространенных образов в мировой символической системе. При этом в русской и китайской лингвокультуре его символизация существенно различается. В русской лингвокультуре дракон чаще всего является символом зла. Большинство исследователей русской религиозной культуры не усматривают между драконом и змеем никакой существенной разницы. Из православной литературы образ дракона (змея) перешел в символику и геральдику, имея только отрицательное значение врага или какого-либо злого начала. А в китайской лингвокультуре, дракон – это воплощение силы небесной, несущей Благо. Он является символом власти, чести и благородства. Это мифическое животное может управлять ветром, дождем, приносить плодородие и богатый урожай. С помощью языковых символов можно раскрыть скрытую за ними различную культурную символику, понять культурные различия, чтобы способствовать успешной межкультурной коммуникации. Именно в этом заключается цель и значение данной статьи.

Согласно Бенвенисту, язык является идеальной моделью символической системы, поскольку эта система выступает в качестве интерпретатора языкового общества и его культуры [1, с. 448]. Язык и культура – это две символические системы, которые взаимодействуют друг с другом. С одной стороны, язык является частью культуры, и его формирование и развитие происходит под влиянием культуры. С другой стороны, культура сохраняется в языке и передается из поколения в поколение благодаря языку. Поэтому можно сказать, что языковой знак является надежным источником для изучения лингвокультурной действительности человека.

Чтобы установить символизацию ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании, обратимся сначала к прямому значению этого слова в словаре. В

«Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова слову «сладкий» даны следующие определения: «Имеющий приятный вкус, свойственный сахару, меду» [8, с. 1701].

В русском языковом сознании слово сладкий имеет несколько различных переносных значений, например:

Он принес с собой мне сладкую надежду. (М. Кузмин.)

«Сладкая надежда» означает восхитительную, надежду, приносящую удовольствие. Здесь прилагательное имеет значение *доставляющий удовольствие*.

«Сладкие сны» означает спать, мирно, спокойно и видеть хорошие сны. В этом выражении слово «сладкий» употребляется в переносном значении *приятный*.

«Сладкая жизнь» значит счастливая, полноценная жизнь. В этом выражении «сладкий» означает *счастливый*. Похожее по значению – сладкие воспоминания, означающее радостные, счастливые воспоминания.

«Сладкая улыбка» означает умильную, неискреннюю улыбку. Здесь прилагательное употребляется в значении *приторно нежный, умильный*.

Выражение «сладкие речи» означает лицемерные, запутанные слова. Слово выражается в значении *льстивый, лицемерный*.

Таким образом, слово «сладкий» в русском языковом сознании имеет три символических значения: во-первых, оно означает «счастливый, радостный, приятный, доставляющий удовольствие». Во-вторых, оно используется как уничижительное слово, означает «приторно-нежный, умильный». Наконец, оно используется как уничижительное слово, употребляясь в значении «лицемерный».

В китайском языке «甜» (*tian; сладкий*) – синтетическая идеограмма, состоящий из двух частей, «舌» (*she; язык*) и «甘» (*gan; и сладкий – синонимы*), обозначающий, что язык ощущает сладость. В современных китайских словарях «сладкий» трактуется как вкус сахара и меда (противоположность «苦» (*ku; горький*)). Поэт Хань Юй из династии Тан написал следующие строки: «草木不复抽, 百味失苦甜». Это значит, что вся трава и деревья перестали отраивать новые ветви и листья, а все виды пищи замерзли и потеряли свой кисло-сладкий вкус. В этой фразе слово «сладкий» означает сладость.

Кроме того, слово «сладкий» широко используется в различных переносных смыслах. Например:

花甜蜜嘴 (hua tian mi zui: букв. знач.: расцветающий цветок, рты намазаны медом), произносить слова так сладко, как будто уста намазаны медом. Эта идиома используется для

описания человека, который красиво говорит. В этом фразеологизме слово «сладкий» используется как прилагательное для обозначения красивых слов, хороших слов. Этот символизм слова «сладкий» встречается и в других фразеологических толкованиях. Например: 蜜语甜言 (*mì yǔ tián yán*: букв. знач.: красивые фразы, сладкие слова), слова, сказанные как сладкие конфеты. Описываются то, что сказано, как хорошее. 甜蜜动听 (*tián mì dòng tīng*: букв. знач.: произносящий слова сладко, как мед), описывает сладкий голос или мелодичные слова. 甜言软语 (*tián yán ruǎn yǔ*: букв. знач.: сладкие и нежные слова) – это метафора, обозначающая людей, которые умеют говорить и умеют говорить приятные слова.

Следующие фразеологизмы используются в уничижительном смысле, но смысл, символизируемый словом «сладкий», остается неизменным: 美语甜言 (*měi yǔ tián yán*: букв. знач.: красивая речь, сладкие слова), говорить сладко, как мед. Здесь описываются сладкие слова, произносимые для того, чтобы обмануть людей. 甜嘴蜜舌 (*tián zuǐ mì shé*: букв. знач.: сладкий рот, медовый язык) – метафора, означающая произнесение приятных слов, чтобы порадовать и удовлетворить людей, тонко угождая другим.

Во-вторых, слово «сладкий» также часто используется для обозначения счастливой и хорошей жизни: 苦尽甜来 (*kǔ jìn tián lái*: букв. знач.: страдания закончились, наступило счастье) – это метафора окончания тяжелых времен и наступления хороших дней. Фразеологизмы, выражающие эту символику, также включают: 忆苦思甜 (*yì kǔ sī tián*: букв. знач.: вспоминать страдания, думая о счастливых моментах), что выражает воспоминание о боли, которую причиняли угнетение и эксплуатация в старом обществе, и воспоминание о счастье жизни в новом обществе, завоеванном трудом, чтобы поднять свое самосознание.

«Сладкий» также символизирует удовлетворительный результат: 强扭的瓜不甜 (*qiáng niǔ de guā bù tián*: букв. знач.: скрученная дыня не будет сладкой), указывая на то, что если человека заставляют делать что-то в незрелых условиях, он, как правило, не получит удовлетворительного результата. Он также советует людям не навязывать то, что им не принадлежит; иногда отпустить и оставить пространство может принести неожиданные плоды. Здесь слово «сладкий» – это символ хорошего результата.

Слово «сладкий» еще может использоваться для обозначения счастливого и расслабленного настроения. Эта символика воплощена в фразеологизме 心甜意洽 (*xīn tián yì qià*: букв. знач.: комфорт в сердце, гармония в воле), которая описывает счастливое и расслабленное настроение.

Вышеперечисленные четыре переносных смысла являются наиболее распространенными символами слова «сладкий» в китайском лингвокультуре. В дополнение к ним слово «сладкий» может использоваться как глагол – погрузиться в глубокий, крепкий сон. Например: 甜睡如饴(*tian shui ru yi*: букв. знач.: погрузиться в сладкий сон) описывает хороший, беспробудный сон. 汤显祖(*Тан Сяньцзу*), оперный певец династии Мин, также писал в «邯鄲记»(*Ханьдань цзи*): 一枕余甜昏又晓, 凭谁拨转通天穷 (букв. знач.: подушка из оставшейся сладости тускнеет и рассветает, кем повернуть через небо бедное). Смысл этого изречения в том, что во сне можно ощутить свободу и безграничные возможности, выходящие за рамки повседневной жизни. Поворачивая «Тонг Тянь Дао», люди могут путешествовать сквозь экстаз сновидений в неизведанный мир и обрести больше знаний и мудрости. Здесь слову «сладкий» придается вышеуказанное значение.

Поэтому можно сказать, что символизация ощущения «сладкое» в китайском языковом сознании делится на следующие пять категорий: во-первых, оно может использоваться для выражения красивых слов, хороших слов. Во-вторых, может использоваться как метафора счастливой жизни и хороших дней. В-третьих, – для описания удовлетворительного результата. Кроме того, это слово может символизировать комфортное и приятное настроение. Наконец, это слово может использоваться как глагол, означающий крепко спать, погрузиться в глубокий сон.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что слово *сладкий* имеет очень богатое символическое значение в русском и китайском языковом сознании, причем у них есть как сходства, так и различия. Сходство заключается в том, что оно ассоциируется с положительными психологическими эмоциями человека, означающими радость, счастье, удовольствие и т. д. Различие заключается в том, что в китайском языковом сознании оно может использоваться как глагол, обозначающий, что человек спит крепко и мирно. В русском языке иногда используется как уничижительное, употребляясь в значении лицемерный и умильный.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика: монография / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. Москва : Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод в фразеологии: коды культуры. — Москва, 2013. – 287 с.

3. Красных В.В. Система координат лингвокультуры сквозь призму Homo Loquens // Язык. Сознание. Культура : сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. Москва : Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2005. – С. 61-70.
4. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. – 2005. – № 7 (12). – С. 10-24.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва, 2001. – 72 с.
6. Мильруд Р.П. Язык как символ культуры // Язык и культура. – 2013. – № 2 (22). – С. 43–60.
7. Пестова В.В. Лингвокультурология: учебно-методическое пособие / сост. В.В. Пестова. – Электронные текстовые данные (665 КБ). – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2022. – 23 с. – URL: <https://samara.mgpu.ru/files/elibrary/filologia/Pestova.pdf>
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : «АЗЪ» Ltd., 1992. – 1701 с.
9. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 北京 : 商务印书馆 , 2012.

Li Yanxu

Pushkin State Russian Language Institute

Symbolisation of the sensation "sweet" in Russian and Chinese linguistic consciousness

This paper examines and establishes the symbolisation of the sensation "sweet" in Russian and Chinese linguistic consciousness. Similarities and differences in the symbolisation of the word "sweet" in different linguocultural contexts are compared. The similarities consist in the fact that it is associated with positive psychological emotions of a person, meaning joy, happiness, pleasure, etc.. The differences are that in Chinese linguistic consciousness it can be used as a verb denoting that a person sleeps soundly and peacefully. In Russian, it is sometimes used as a pejorative, being used in the meanings of hypocritical and propitiatory.

Keywords: symbol, symbolisation, taste sensation, sweet, linguocultural, linguoculturology.

Ли Яньсюй

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

yansoo.lee@yandex.ru

Символизация ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании

Работа выполнена под руководством Карасика Владимира Ильича, доктора
филологических наук, профессора

В данной работе рассматривается символизация ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании. Сравниваются сходство и различия в символике слова «сладкий» в разных лингвокультурных контекстах. Сходство заключается в том, что оно ассоциируется с положительными психологическими эмоциями человека, означающими радость, счастье, удовольствие и т.д. Различия состоят в том, что в китайском языковом сознании оно может использоваться как глагол, обозначающий, что человек спит крепко и мирно. В русском языке иногда используется как уничижительная характеристика, употребляясь в значении «лицемерный и умильный».

Ключевые слова: символ; символизация; вкусовое ощущение; сладкий; лингвокультурология.

Когда речь заходит о символе, первое, что приходит нам на ум – это символические средства, часто используемые в художественных текстах. Например, в древних китайских стихах поэты часто используют слово «луна» для обозначения тоски по родному городу, а «лотос» – для обозначения благородного человека. Вместе с тем символ можно найти повсюду в нашей повседневной жизни. К примеру, сигналы на перекрестках и знак «Паркинг».

Символ как лингвокультурный феномен до сих пор еще не имеет единого определения. В отличие от значения, являющегося содержательной основой знака, содержательной основой символа является образ. Только отвлекшись от языкового значения, погрузившись в культурный контекст можно распознать и интерпретировать образ. Символы обладают огромным имплицитным потенциалом и бесконечно вариативными семантическими интерпретациями.

По словам М.Л. Ковшовой, символ – это прочный мост, передающий культуру. «Символы – это знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов» [2, с. 287]. В.А. Маслова считает, что «символы имеют архетипическую природу, они объединяют разные уровни реальности в единое целое во время смысловых действий в определенной культуре» [5, с. 208]. Символы могут соединять идеальный мир человеческого сознания с реальным миром. Между символами и образами существует параллель. На конкретных примерах можно определить символическое значение определенных слов. По мнению В.В. Пестовой, символ – это «ассоциативный продукт сложной работы человеческого сознания и специфический элемент кодирования культурного пространства» [7, с. 23]. События в истории народа,

национальное сознание, мировоззрение и психологические черты служат благодатной почвой для создания символов – символы являются точкой отсчета для взаимопонимания представителей культуры данного народа. Символы воспроизводят в языке определенный культурный смысл, который зачастую присущ только определенному народу и может быть понят только им.

Символьный уровень лингвокультуры является наиболее национально специфичным. В данном случае под символом понимается единица лингвокультуры как некий культурный предмет, основной функцией которого является формальное замещение без серьезного смыслового сдвига [3, с. 61-70; 4, с. 10-24]. Важность исследования языковых символов заключается в том, что за ними может скрываться культура. Важно, что за языковыми знаками как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры [6, с. 43-60]. Культурная символизация даже одного и того же существа значительно различается в языковом и культурном контекстах разных стран мира.

Дракон является одним из самых распространенных образов в мировой символике. При этом в русской и китайской лингвокультурах его символизация существенно различается. В русской лингвокультуре дракон чаще всего является символом зла. Большинство исследователей русской религиозной культуры не усматривают между драконом и змеем никакой существенной разницы. Из православной литературы образ дракона (змея) перешел в символику и геральдику, имея только отрицательное значение врага или какого-либо злого начала. В китайской лингвокультуре дракон – это воплощение силы небесной, несущей Благо. Он является символом власти, чести и благородства. Это мифическое животное может управлять ветром, дождем, приносить плодородие и богатый урожай. С помощью языковых символов можно раскрыть скрытую за ними различную культурную символику, понять культурные различия, чтобы способствовать успешной межкультурной коммуникации.

Согласно Э. Бенвенисту, язык является идеальной моделью символической системы, поскольку эта система выступает в качестве интерпретатора языкового общества и его культуры [1, с. 448]. Язык и культура – это две символические системы, которые взаимодействуют друг с другом. С одной стороны, язык является частью культуры, и его формирование и развитие происходит под влиянием культуры. С другой стороны, культура сохраняется в языке и передается из поколения в поколение благодаря

языку. Поэтому можно сказать, что языковой знак является надежным источником для изучения лингвокультурной действительности человека.

Чтобы установить символизацию ощущения «сладкое» в русском и китайском языковом сознании, обратимся сначала к прямому значению этого слова в словаре. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова слову «сладкий» даны следующие определения: «Имеющий приятный вкус, свойственный сахару, меду» [8, с. 1701].

В русском языковом сознании слово «сладкий» имеет несколько различных переносных значений, например:

Он принес с собой мне сладкую надежду. (М. Кузмин.)

«Сладкая надежда» означает восхитительную надежду. Здесь прилагательное имеет значение *доставляющий удовольствие*. Словосочетание «Сладкие сны» означает спать тихо, мирно, спокойно и видеть хорошие сны. В этом выражении слово «сладкий» употребляется в переносном значении *приятный*. «Сладкая жизнь» значит счастливая, полноценная жизнь. В этом выражении «сладкий» означает *счастливый*. Похожее по значению – «сладкие воспоминания», означающее *радостные, счастливые воспоминания*.

Вместе с тем «сладкая улыбка» – это умильная, неискренняя улыбка. Здесь прилагательное употребляется в значении *приторно нежный, умильный*. Выражение «сладкие речи» означает лицемерные, неискренние слова. Слово «сладкий» используется в значении *льстивый, лицемерный*.

Таким образом, слово «сладкий» в русском языковом сознании имеет следующие три символических значения: во-первых, оно означает *счастливый, радостный, приятный, доставляющий удовольствие*. Во-вторых, оно используется как уничижительное слово, означает *приторно нежный, умильный*. Наконец, оно используется как уничижительное слово, употребляясь в значении *лицемерный*.

В китайском языке 甜 (*tian; сладкий*) – синтетическая идеограмма, состоящая из двух частей, 舌 (*she; язык*) и 甘 (*gan; и сладкий -- синонимы*), обозначающий, что язык ощущает сладость. В современных китайских словарях «сладкий» трактуется как вкус сахара и меда (противоположность 苦 (*ku; горький*)). Поэт Хань Юй из династии Тан написал следующие строки: "草木不复抽, 百味失苦甜" (*cao tu bu fu chou, bai wei shi ku tian*). Это значит, что у всей травы и всех деревьев перестали расти новые ветви и листья,

а все виды пищи замерзли и потеряли свой кисло-сладкий вкус. В этой фразе слово «сладкий» означает *сладость*.

Кроме того, слово сладкий широко используется в различных переносных смыслах. Например:

花甜蜜嘴 (*hua tian mi zui*: букв. знач.: *расцветающий цветок, рты намазаны медом*), т.е. произносить слова так сладко, как будто уста намазаны медом. Эта идиома используется для описания человека, который красиво говорит. В этом фразеологизме слово «сладкий» используется как прилагательное для обозначения красивых, хороших слов. Этот символизм слова «сладкий» встречается и в других фразеологических толкованиях. Например: **蜜语甜言** (*mi yu tian yan*: букв. знач.: *красивые фразы, сладкие слова*), слова, сказанные, как сладкие конфеты. Описываются то, что сказано, как хорошее. **甜蜜动听** (*tian mi dong ting*: букв. знач.: *произносящий слова сладко, как мед*), описывает сладкий голос или мелодичные слова. **甜言软语** (*tian yan ruan yu*: букв. знач.: *сладкие и нежные слова*) – это метафора, обозначающая людей, которые умеют говорить и умеют говорить приятные слова.

Следующие фразеологизмы используются в уничижительном смысле, но смысл, символизируемый словом «сладкий», остается неизменным: **美语甜言** (*mei yu tian yan*: букв. знач.: *красивая речь, сладкие слова*), говорить сладко, как мед. Здесь описываются сладкие слова, произносимые для того, чтобы обмануть людей. **甜嘴蜜舌** (*tian zui mi she*: букв. знач.: *сладкий рот, медовый язык*) – метафора, означающая произнесение приятных слов, чтобы порадовать и удовлетворить людей, тонко угождая другим. Во-вторых, слово «сладкий» также часто используется для обозначения счастливой и хорошей жизни: **苦尽甜来** (*ku jin gan lai*: букв. знач.: *страдания закончились, наступило счастье*) – это метафора окончания тяжелых времен и наступления хороших дней. Фразеологизмы, выражающие эту символику, также включают: **忆苦思甜** (*yi ku si tian*: букв. знач.: *вспоминать страдания, думая о счастливых моментах*), что выражает воспоминание о боли, которую причиняли угнетение и эксплуатация в старом обществе, и воспоминание

о счастье жизни в новом обществе, завоеванном трудом, чтобы поднять свое самосознание.

«Сладкий» также символизирует удовлетворительный результат: 强扭的瓜不甜 (*qiang niu de gua bu tian*: букв. знач.: скрученная дыня не будет сладкой), указывая на то, что если человека заставляют делать что-то в ситуации, которая еще не сложилась для этого, он, как правило, не получит удовлетворительного результата. Эта фраза также советует людям не навязывать то, что им не принадлежит; иногда полезно дать возможность обстоятельствам созреть, это может принести неожиданные плоды. Здесь слово «сладкий» – символ хорошего результата.

Слово «сладкий» еще может использоваться для обозначения счастливого и расслабленного настроения. Эта символика воплощена в фразеологизме 心甜意洽 (*xin tian yi qia*: букв. знач.: комфорт в сердце, гармония в воле), которая описывает счастливое и расслабленное настроение.

Вышеперечисленные четыре переносных смысла являются наиболее распространенными символами слова «сладкий» в китайском лингвокультуре. В дополнение к ним это слово может использоваться как глагол – погрузиться в глубокий, крепкий, хороший сон. Например: 甜睡如饴 (*tian shui ru yi*: букв. знач.: погрузиться в сладкий сон) описывает хороший, беспробудный сон. 汤显祖 (Тан Сяньцзу), оперный певец династии Мин, также писал в «邯郸记» (Ханьдань цзи): 一枕余甜昏又晓, 凭谁拨转通天窍 (*yi zhen yu tian hun you xiao, ping shei bo zhuan tong tian qiong*: букв. знач.: подушка из оставшейся сладости тускнеет и рассветает, кем повернуть через небо бедное). Смысл этого изречения в том, что во сне можно ощутить свободу и безграничные возможности, выходящие за рамки повседневной жизни. Поворачивая «Тонг Тянь Дао», люди могут путешествовать сквозь сновидения в неизведанный мир и обрести больше знаний и мудрости.

Приведенные примеры показывают, что символизация ощущения «сладкое» в китайском языковом сознании делится на следующие пять категорий: во-первых, оно может использоваться для выражения красивых, хороших слов. Во-вторых, это слово может использоваться как метафора счастливой жизни и хороших дней. В-третьих, оно может использоваться для описания удовлетворительного результата. Кроме того, можно

символизировать комфортное и приятное настроение. Наконец, это слово может использоваться как глагол, означающий крепкий глубокий сон.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы, что слово «сладкий» имеет очень богатое символическое значение в русском и китайском языковом сознании, причем у них есть как сходства, так и различия. Сходство заключается в том, что оно ассоциируется с положительными психологическими эмоциями человека, означающими радость, счастье, удовольствие и т.д. Различие заключается в том, что в китайском языковом сознании оно может использоваться как глагол, обозначающий, что человек спит крепко и мирно. В русском языке оно иногда используется как уничижительное, употребляясь в значении *лицемерный и умильный*.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика: монография / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. Москва : Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод в фразеологии: коды культуры. – Москва, 2013. – 287 с.
3. Красных В.В. Система координат лингвокультуры сквозь призму Homo Loquens // Язык. Сознание. Культура : сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. Москва : Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2005. – С. 61–70.
4. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. – 2005. – № 7 (12). – С. 10-24.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2018. – 208 с.
6. Мильруд Р.П. Язык как символ культуры // *Язык и культура*. – 2013. – № 2 (22). – С. 43-60.
7. Пестова В.В. Лингвокультурология: учебно-методическое пособие / сост. В.В. Пестова. – Электронные текстовые данные (665 КБ). – Самара : СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2022. – 23 с. – URL: <https://samara.mgpu.ru/files/elibrary/filologia/Pestova.pdf>
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : «АЗЪ» Ltd., 1992. – 1701 с.
9. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 北京 : 商务印书馆 , 2012.

Symbolisation of the sensation "sweet" in Russian and Chinese linguistic consciousness

This paper examines the symbolisation of the sensation "sweet" in Russian and Chinese linguistic consciousness. Similarities and differences in the symbolisation of the word "sweet" in different linguocultural contexts are compared. The similarities consist in the fact that it is associated with positive psychological emotions of a person, meaning joy, happiness, pleasure, etc. The differences are that in Chinese linguistic consciousness it can be used as a verb denoting that a person sleeps soundly and peacefully. In Russian, it is sometimes used as a pejorative, being used in the meanings of hypocritical and propitiatory.

Keywords: symbol; symbolisation; taste sensation; sweet; linguocultural; linguoculturology.

Липатова Алина Ивановна

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
alinka2002lip@mail.ru

К вопросу о косвенном выражении интенции требования

Работа выполнена под руководством Масловой Алины Юрьевны, доктора
филологических наук, доцента

В статье представлен семантико-прагматический анализ косвенных способов выражения интенции требования посредством утвердительных и вопросительных высказываний; выявлены типичные речевые ситуации, в которых наблюдается тенденция к конвенционализации ряда речевых актов, что обусловлено их регулярной реализацией в речи.

Ключевые слова: требование, интенция, косвенный речевой акт

В настоящее время изучение косвенных способов выражения речевых интенций остается актуальным, так как, по замечанию В.В. Дементьева, при организации и информативной, и фатической коммуникации «в каждой национальной культуре большую роль играют средства непрямо́й коммуникации» [3, с. 239]. Проблемным и дискуссионным является вопрос о типологии косвенных речевых актов (далее КРА) и способах языковой репрезентации интенции при ее косвенном выражении.

Изучая природу непрямого выражения смысла, исследователи сближаются в том, что прямое значение высказывания расходится с его иллокутивной силой, а иллокутивная цель не находит прямого выражения в языковой структуре. «Косвенный речевой акт всегда связан с двусмысленностью высказывания, и эта двусмысленность преднамеренна», – подчеркивает Ю.В. Гордеева. По мнению исследователя, в КРА коммуниканты осознают содержательную близость одновременно реализуемых буквального и небуквального речевых актов, причем эта близость носит контекстно свободный характер и по сути своей предполагает отсутствие в поверхностной структуре предложения эксплицитных указателей [2, с. 40]. Л.П. Семенов

отмечает, что КРА – это стратегически мотивированный и ситуативно-связанный способ передачи «более-чем-буквальных» иллокутивных значений [7, с. 352].

Анализируя цель употребления КРА, исследователи обращают внимание, что они нередко более ёмки и экономичны, способны создавать ироничный эффект, обеспечивают адресату большую степень свободы реагирования, повышают этикетность общения [5, с. 50]. Так, С.Д. Шарипова считает, что основная цель употребления КРА состоит в соблюдении норм речевого этикета с целью создания среды положительного взаимодействия, они выполняют, таким образом, в процессе коммуникации регулятивную функцию. КРА в регулятивной функции призваны создавать также положительный или нейтральный эмоциональный фон общения для реализации коммуникативного намерения. С помощью КРА, формирующих положительное отношение, говорящий: а) вводит собеседника в ситуацию вербального общения, б) сообщает дополнительную информацию об описываемом событии и в) делает собеседника соучастником речевого события, вызывая тем самым положительное отношение к предмету или адресанту речи [8, с. 132]. С.Д. Шарипова и Н.П. Лунева подразделяют все КРА на 2 группы: 1) директивы, иллокутивная цель которых состоит в побуждении партнера по коммуникации к реализации действия, репрезентированного пропозициональным содержанием высказывания; 2) экспрессивы: иллокутивная цель состоит в выражении чувств или неких психологических установок относительно положения дел, репрезентированного пропозициональным содержанием акта речи [8, с. 133].

Вышесказанным обусловлен интерес к изучению косвенного выражения интенции требования, которая носит директивный характер. Известно, что основополагающим фактором директивных высказываний является «непререкаемость волеизъявления, защищенного юридически закрепленными нормами и/или социальным/ситуативным статусом говорящего, что делает обязательность их исполнения ингерентным признаком иллокутивов этой группы» [4, с. 161]. Однако отметим, что директивы могут носить как категоричный, так и более мягкий характер, когда в первом случае осуществляется агрессивная попытка добиться чего-либо от слушающего, а во втором случае адресату лишь предлагается что-либо осуществить ненавязчивым путем [7, с. 182]. Специфика интенции требования состоит в том, что она комбинирует семантико-прагматические признаки категорического и смягченного побуждения. По определению М.Г. Безяевой, требование представляет собой волеизъявление говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие, которое он может, но не обязан совершать, хотя исполнение этого действия не зависит от его желания [1, с. 210].

В КРА требования интенция выражается имплицитно: высказывание не содержит прямого категоричного побуждения к совершению действия, следовательно, цель прямо не номинируется говорящим, что обуславливает отсутствие соответствующего перформативного глагола *требую*, а само требование реализуется формально не директивными речевыми актами; как правило, рогативами или репрезентативами.

Типичным способом косвенного выражения требования являются вопросительные высказывания. Выявлены следующие типы вопросов:

Вопрос об исполнителе требуемого действия, адресованный непосредственно участнику коммуникативной ситуации посредством вопросительного местоимения *кто*: – <...> *а!* – *завидев меня, она спохватывается, – ну, что ты стоишь? А кто будет фарш крутить?* (НКРЯ: К.В. Арутюнова.); – *А книги кто уберет?* – *Но, мама, мне сейчас абсолютно некогда* (А. Рыбаков).

Вопрос-реакция о наличии полномочий говорящего. Такой вопрос подразумевает косвенное требование-запрет на действия партнера по коммуникации и реализуется, как правило, в двух моделях. Вопрос о наличии прав у адресата: – *Отдашь долг – тогда получишь обратно. – Какое ты имеешь право?* – *Славин голос дрожал от волнения, на бледных щеках выступил румянец. – Какое ты имеешь право это делать?!* (А. Рыбаков); – *Какое ты имеешь право вмешиваться в мою жизнь?* (НКРЯ: Н. В. Нестерова.); – *Пошел отсюда! Какое ты имеешь право за ней следить? Каждый шаг...* (НКРЯ: Л.Н. Сейфуллина.); – *И какое ты имеешь право говорить со мною таким тоном? Ничтожество!* (А.П. Чехов.) Вопрос о том, как смеет адресат совершать действие: – *Как ты смеешь порицать мое повеление!* – *закипая гневом, закричал Дуль-Дуль* (НКРЯ: Л.А. Чарская.); – *Как ты смеешь разевать рот, когда тебя никто не спрашивает?!* – *последние слова она уже прокричала, прокричала так громко, что у меня на мгновение заложило уши* <...> (НКРЯ: Н. Емельянова.); – *Как ты смеешь лазать в чужие сумки?* (НКРЯ: В. Доценко.)

Вопрос о длительности или повторяемости действия, совершаемого адресатом: – *Так и знал!* – *рассердился Миша. – Сколько можно спать? Дело!* (А. Рыбаков); – *Сколько можно надо мной издеваться?!* *Мы с вами договаривались или нет?* (НКРЯ: А. Волос). В подобных косвенных требованиях, как правило, прекратить действие собственно указание на действие может редуцироваться: <...> *они подождали отставшего Тумаша, который, догнав их, раздраженно заговорил: – И сколько можно? Без отдыха, без привала* (В. Быков); – *Вот! Ну давай, давай еще об этом! Давай! Опять сначала! Сколько можно? Ну ты что, в самом деле такая дура?!* (НКРЯ: А. Волос).

Вопрос-уточнение относительно того, верно ли истолкована косвенная интенция говорящим: – *Ну хватит! Хороших слов ты, видно, не понимаешь. Ты мне надоел. Надоел, ясно тебе?* (А. Вампилов). Говорящий констатирует положение вещей, выражая требование прекратить репрезентативом *Ты мне надоел* (=прекрати), а затем усиливает это требование уточняющим вопросом.

Вопрос о том, какое действие совершает говорящий при непосредственном наблюдении его действий: <...> *дочь, сидя на полу, методично достает яйца по одному, разбивает о край корзины, отбрасывает на пол, берет следующее...* «*Мила, что ты делаешь?!*» – *кричит мама в ужасе.* (НКРЯ: Н. Складорова). Такие вопросы в значении требования, как правило, сопровождаются экспликацией прямого требования и/или негативных последствий: – *Вернись! Что ты делаешь! Ты погибнешь!* (НКРЯ: В. Губарев). <...> «*не трогай его – у тебя руки холодные*», «*что ты делаешь, ты же его уронишь!*» ... (НКРЯ: А.А. Данилова, Т. Ларсен).

Выявленные вопросы преимущественно представляют собой эмотивные вопросы-восклицания риторического характера. В эмоциональных коммуникативных ситуациях эти модели часто функционируют как категоричное требование-запрет, и их интенция легко опознается участниками речевой ситуации, что может сигнализировать о тенденции конвенционализации таких вопросительных моделей. Однако они не являются в полной мере конвенциональными речевыми действиями, поскольку вне контекста могут быть интерпретированы и как вопросы, и как экспрессивы, выражающие чаще негативные эмоции.

Косвенная интенция требования регулярно представлена в репрезентативных речевых актах. Как правило, директивное значение раскрывается в широком контексте, и такие КРА являются контекстуально-ситуативными. Косвенная интенция требования выявлена в следующих типах репрезентативов.

Репрезентатив – констатация факта, наличие которого подразумевает определенные действия от адресата. Так, регулярно воспроизводятся ситуации указания на истечение/наступление определенного промежутка времени: – *Скорее, – сказал старик, – магазин пора закрывать* (А. Рыбаков). – Сообщение говорящим о времени закрытия магазина подразумевает косвенное требование немедленно его покинуть, а лексический маркер *скорее* подчеркивает категоричность высказывания. Выявлены ситуации указания на факт занятости говорящего и ограниченности его во времени: *Сталин сел за стол, отвернулся, взял в руки книгу. – Я занят. Извините. Будягин встал, дверь за ним закрылась* («Дети Арбата», А. Рыбаков).

Репрезентатив – констатация говорящим незавершенности им действия, которое требует присутствия адресата: *Много лет Вадим не видел отца в таком гневе. Поднялся, хотел уйти к себе. – Я еще не договорил* («Дети Арбата», А. Рыбаков). *И Петр пошел к беговым дорожкам. – Я еще не закончил!* – должностным голосом окрикнул его Гера. – *Да пошел ты..!* – ответил Петр. (НКРЯ: А.И. Слаповский.)

Репрезентатив – констатация говорящим того, что он не задерживает адресата, представляет ситуацию, зеркальную предыдущей: – *Вы свободны*, – достаточно невежливо сказала брюнетка своему партнеру (НКРЯ: Н. Александрова). *Сталин взял со стола и бросил Ягоде его доклад. – Партии нужны не бумажки, а дела. Вы свободны* (А. Рыбаков). – *Ваше превосходительство...* – *Я вас не задерживаю!* – *бушевал генерал* (НКРЯ: К.С. Бадигин). – *Однако, – произнес Лихов так, что Агатов вскочил, – я вас не задерживаю* (НКРЯ: Д. Гранин). Отметим, что интенция требования опознается, как правило, по интерпретирующему контексту, в котором представлено эмоционально отрицательный настрой говорящего. Сравним ситуацию, в которой отсутствует категорическое побуждение к действию: – *Можете идти домой, ребята, я вас не задерживаю* (НКРЯ: А. Белянин).

Репрезентатив – экспликация говорящим своей потребности в определенном действии со стороны говорящего, необходимости его совершения. Маркерами таких ситуаций являются лексемы с соответствующим значением: *надо, нужно, необходимо, хочу, желаю* и под.: – *Юра, мне надо тебя видеть. – Я сказал: как только освобожусь, позвоню. – Мне необходимо тебя видеть срочно!* – *Хорошо, – проворчал он* (А. Рыбаков). Повторная реплика с указанием на необходимость и срочность встречи повышает иллокутивную силу высказывания и увеличивает категоричность косвенного требования, что обеспечивает достижение перлокутивного эффекта.

Репрезентативы метакоммуникативного характера, представляющие зеркальные ситуации требования прекратить или продолжить коммуникацию: – *Я все сказал, – уполномоченный сел в кожаное рабочее кресло и взялся листать бумаги. Она продолжала просительно хлопать глазами, надеясь на чудо* (НКРЯ: А. Русских). – *Убирайся! – Я тебе говорю, не толкайся!* (Л.Н. Толстой.) В подобных ситуациях, как отмечает А.Ю. Маслова, говорящий констатирует факт реализованного речевого акта, как правило, с целью продолжить коммуникацию» [6, с. 187] и настоять на выполнении требования.

Вышеприведенные типы вопросительных и утвердительных высказываний не исчерпывают все возможности выражения косвенной интенции требования. Однако они реализуются довольно регулярно, что отчасти обусловлено тенденцией к

конвенционализации ряда речевых действий. Расшифровка косвенной интенции требования лежит в зоне коммуникативной компетенции адресата.

Литература

1. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка : Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге / М.Г. Безяева. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 751 с.
2. Гордеева Ю.В. Семантическая интерпретация косвенного речевого акта // Иностранные языки в высшей школе. – 2011. – № 4 (19). – С. 34-41.
3. Дементьев В.В. Косвенные директивы и манипуляции в русской речи: национально-целостный взгляд // Культура и текст. – 2013. – № 2. – С. 238-251.
4. Карандеева Л.Г., Попова С.В., Салхенова А.А. К проблеме классификации директивных иллокутивов // Казанская наука. – 2020. – № 12. – С. 157-164.
5. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику / А.Ю. Маслова. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 152 с.
6. Маслова А.Ю. Коммуникативно-прагматическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Опыт сопоставительного исследования / А.Ю. Маслова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 244 с.
7. Семененко Л.П. Косвенный речевой акт: в поисках эксплицитного определения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 352-354.
8. Шарипова С.Д., Лунева Н.П. Косвенные речевые акты // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 11. – С. 130-134.

Lipatova A.I.

National Research Mordovia State University

On the issue of indirect expression of the intention of demand

The article presents a semantic-pragmatic analysis of indirect methods expressing the intention of demand through affirmative and interrogative statements; Typical speech situations have been identified in which there is a tendency towards conventionalization of a number of speech acts, which is due to their regular implementation in speech.

Keywords: demand, intention, indirect speech act

Липатова Дарья Евгеньевна

Тольяттинский государственный университет

75diduto@gmail.com

Лексема «кайф» в русском языке

Работа выполнена под руководством Измestьевой Ирины Алексеевны,
доктора филологических наук, профессора

Лексема кайф впервые появляется в дневниковых записях путешественников, в начале XX века она передает основное значение «заслуженный отдых, удовольствие», в дальнейшем развивается значение «болезненное состояние от приема алкоголя и наркотиков». Современные художественные и публицистические контексты отражают расширение семантики, в которую включаются значения «удовольствие от творчества, работы», «общение с природой» и др. Лексема получает различную стилистическую окрашенность от отрицательной до положительной, в словарях используются пометы жаргонного, разговорного и иронического употребления.

Ключевые слова: лексема *кайф*; удовольствие; лексикографическое описание; художественный контекст; публицистический контекст.

В настоящее время лексема *кайф* не подвергалась научному осмыслению, внимание исследователей привлекло функционирование лексемы *удовольствие* в русском языке [5], которая выступает синонимом *кайфу*. Именно семантика лексемы *кайф* в виду высокой частотности употребления в различных контекстах стала предметом настоящей работы. Лексикографическое описание лексемы *кайф* позволило выявить следующие значения:

1. «приятное безделье и отдых» (Словари Д.Н. Ушакова, А.П. Евгеньевой, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной и др.);

2. «болезненное состояние» (Словари В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, Т.Ф. Ефремовой и др.). В этих словарях ко второму значению дана помета разговорного употребления. Т.Ф. Ефремова подчеркивает болезненное состояние, которое передано этой лексемой: «Болезненное состояние мозга, вызванное принятием каких-либо возбуждающих или наркотических веществ» [6].

В словарях иностранных слов отмечено также два значения:

1. «приятное безделье», «удовольствие» (Словарь Л.П. Крысина) [14].

2. в словаре иностранных слов Н.Г. Комлева основным значением выступает состояние опьянения и удовольствия, введено указание на молодежный сленг: «Кайф [арабск. – состояние опьянения от употребления гашиша, безделье] – 1) состояние опьянения; 2) сленг. мол. Эффект удовольствия от разного рода чувственных впечатлений» [9].

В специальных словарях А.П. Гуськовой и Б.В. Сотина, З.Е. Александровой появляется дополнительное значение «наслаждение, блаженство, упоение, нега, кайф» [7; 13, с. 229]. Словари русского жаргона обращают внимание на значение лексемы кайф, связанное с употреблением наркотиков. Отмечается положительная оценочность

словоупотребления. В воровском жаргоне *кайф* так же связан с наркотиками: «*кайф* – наркотическое опьянение» [10]. *Кайф* в наркотическом контексте также присутствует в большом словаре русских поговорок: «Кайф на кармане, жарг. нарк. Наркотик в кармане» [4]. Положительное содержание лексемы фиксирует Словарь Е.И. Бегловой: «Кайф – нарк., общ.: получение удовольствия от наркотического курения и спиртных напитков / ... жизнь вне естественных чувственных рамок может показаться кому-то великим блаженством, своего рода разновидностью наркотического «кайфа», когда исчезают проблемы унижения, страха, беспомощности» [1].

В Большом Российском энциклопедическом словаре дано следующее определение: «Кайф *ед. род.*: кайфа; м. 1. Разг. Состояние полного удовольствия, наслаждения. *Испытывать к. Ловить к.* (кайфовать). *Обломать к.* (испортить удовольствие). 2. *Жарг.* О наркотиках или алкогольных напитках. *Купить к.* ◁ Кайф, неизм.; в функц. сказ. Разг. Отлично, хорошо, замечательно. В кайф, в зн. нареч. Очень приятно; в радость. По кайфу, в зн. нареч. = В кайф. Под кайфом, в зн. нареч. В состоянии наркотического (реже алкогольного) опьянения. Кайфу́ха, -и; ж. *Жарг.* Кайфу́вый (см.)» [8].

Большой психологический словарь в качестве прямого значения выводит состояние опьянения: «Кайф (араб. *Kef* – состояние опьянения от употребления гашиша; или безделье). 1. Состояние опьянения. 2. Состояние всякого рода удовольствия» [3].

Таким образом, в различных словарях русского языка находят отражение следующие понятийные признаки *кайфа*: «приятное состояние», «безделье и отдых», «удовольствие», «чувственное наслаждение», «радость и веселие», «хорошее расположение духа», «алкогольное и наркотическое опьянение». Значения «опьянение, наркотики, наркотические средства» отражены в словарях второй половины XX века.

Художественные и публицистические контексты, отражая реалии современной жизни, активно используют лексему *кайф*. Анализ ряда контекстов Национального корпуса русского языка позволил выявить следующее. Основной понятийный признак лексемы *кайф* в художественной прозе XX века связан со значением «удовольствие», которое достигается разным способом:

1) *употребление наркотиков*: «– Оттянись. Вдыхай ноздрей и лови кайф. Слушаем дальше...» [В. Скворцов. Каникулы вне закона (2001)]; «С Кеши на секунду сдуло весь кайф» [В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)];

2) отмечается реакция организма при употреблении наркотиков, как *зависимость*: «Похоже, он был на той стадии наркомании, когда колются не для кайфа, а чтобы жить»

[О. Некрасова. Платит последний (2000)]; «Это только иллюзия, что под *кайфом* чувства обостряются – реакция, главное, ослабевает» [А. Измайлов. Трюкач (2001)];

3) актуализировано значение «получение удовольствия от *физической близости*»: «И не ревновал, что с Борькой Мышка поймала полный *кайф*» [М. Чулаки. Борисоглеб (1996)]; «И она обхватит его руками и ногами, и стул станет потрескивать, и в какой-то момент они рухнут вместе с ним, но это будет такой *кайф* и такой смех» [Г. Щербакова. Мальчик и девочка (2001)];

4) употребление *алкоголя* вызывает состояние физического расслабления и удовольствия: «Холодного, ящик, а лучше бочку, чтоб окунуться и вырубиться... *кайф*» [Г. Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // «Бельские просторы», 2018];

5) *кайф* может рассматриваться как получение удовольствия от обладания красивой и модной одеждой: «В школу неслась пешком, испытывая ни с чем не сравнимый *кайф* от джинсов и кроссовок» [А. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)];

6) *кайф* связан с различной деятельностью: «О, какое блаженство, какое наслаждение, какой *кайф* – вновь взять в руки Меч Без Имени!» [А. Белянин. Свирепый ландграф (1999)]; получением удовольствия от тренировок и занятий спортом: «Руки вечно разбиты, связки растянуты. Все тело болит, но в *кайф*! А Со и Гризли с Пектагу еще ведь и на своих борцовских тренировках в институте пот проливали, да по два раза в день» [В. Бердичевский. Яблоки // «Дальний Восток», 2019].

В СМИ эта лексема активно функционирует и также передает значение «удовольствия» (*положительный контекст*): 1) *от повседневных дел*: «Я ловлю *кайф*, когда наступает утро, солнце вот-вот взойдет, а у меня постель неразобранная – это значит, что пока все спали, я прожил эти часы – успел позаниматься, почитать, что-то написать» [С. Спивакова. Не всё (2002)]; 2) *отдыха*: «Налил ванну, кинул таблетку от комаров, выпил стакан, вставил гетеродин в транзистор и откинулся в бесконечный *кайф*» [Д. Лисин, А. Адашинский. Надо уничтожить собственную значимость (2017.11) // Медведь, 2017]; 3) *прогулки на свежем воздухе*: «В выходах на улицу я нахожу тот самый *кайф*, который для меня сейчас, как наркотик» [М. Маркер, К. Сафонова. «Мы все умрем, почему бы не повеселиться?»: Миша Маркер -- о питерском «билборде» (2018.03) // Афиша Daily, 2018, (интервью)]; 4) лексема *кайф* используется при обозначении *творческой деятельности*: «Лишь бы зритель был мой, и концерт был в *кайф*» [А. Романова. А. Буйнов: Наши бомжи круче бомжей Сан-Франциско // «Вечерняя Москва», 2002.01.10 (интервью)], «Видеть много людей, которые смотрят с экрана твое детище, претворенное работами хорошего режиссера, хороших актеров, – это невозможный *кайф*» [«Писатель, как змея, должен менять кожу» //

Коммерсант, 2020.07.27]. В первом примере *кайф* указывает на необходимое состояние творческой деятельности, во втором примере в значение лексемы кайф входит сема *счастья* и *гордости*. Лексема *кайф* может выражать удовольствие от гастрольного ритма жизни: «Там чисто движуха, там музыка, *кайф*, гастролы, самолеты, дни городов, приемы, тусы, клубы ночные!» [«За 25 лет – две жены и три романчика»: Рыжий из «Иванушек» впервые огласил весь список // Vesti.ru, 2020.10.09]; 5) *кайф* может выражать любовь к своим зрителям: «В *кайф* выступать именно перед новосибирскими болельщиками, особенно когда перед началом матча весь дворец поет «Славься, Сибирь», от этого аж мурашки по коже» [«Не припомню случая, чтобы соперник отменил удаление чужого игрока» // Известия, 2020.09.30].

Существуют и другие контексты рассматриваемой лексемы, например, 6) *кайф* может выражать *удовольствие от соперничества*: «Сегодня не успел выйти на поле, как Семин с бровки кричит: „Дроздов играет с Радимовым“. Играть против Дроздова – *кайф* небольшой» [И. Порошин, В. Радимов: «Если бы не «Крылья», я бы закончил с футболом» // «Известия», 2001.08.02 (интервью)]; 7) *кайф* может выражать *удовольствие от учебного процесса*: «За несколько дней в ЕГЭ-Хаусе у вас не останется сомнений, что готовиться к экзамену можно в *кайф*, главное – правильная компания и отличные преподаватели» [В России откроется первый ЕГЭ-Хаус // Lenta.ru, 2020.10.19].

Лексема *кайф* стабильно передает значение *приятного отдыха*: «Пусть отдых будет в *кайф*», «Наслаждайтесь отдыхом, грейтесь на солнышке и набирайтесь сил» [Пелагея поделилась фотографией в купальнике из отпуска в Турции // Lenta.ru, 2020.09.09].

Рассмотрение случаев использования различными авторами лексемы *кайф* позволяет проследить динамику функционирования этой лексемы. Так, в начале XX века лексему *кайф* почти не использовали в устной речи, хотя слово появляется в дневниковых записях: «Палатка быстро переносится на теплое место, оставшееся от костра, и мы, забравшись в нее, предаемся утонченному *кайфу*, лениво потягиваясь перед отправкой в горизонтальный маршрут» [Б.И. Вронский. Дневник (1936)].

Популярность лексемы *кайф* начинается в середине XX века, условием вхождения этого слова в активную коммуникацию был Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Помимо использования слова в устной речи, *кайф* фиксировался в дневниках и в нежанровой прозе: «Кроме того, что он сам был под *кайфом*, в кармане у него нашли еще две-три порции наркотиков» [Ф. Искандер. Сюжет существования (1965)]; «Кто после парилки не ловил *кайф* в предбаннике, тот еще не испытал блаженства» [Э. Рязанов, Э. Брагинский. Ирония

судьбы, или С легким паром (1969)]; «Были мы с ним у тёти Сарры – ну, *кайф* я словила – все эти оттенки беседы!» [А.А. Сарибан. Дневник (1970)].

В 80-х годах XX века лексема *кайф* использовалась в различных жанрах литературы: от документальной прозы до драматургии: «– Я сказала, что ему хватит. Он уже под *кайфом*. – Что значит под *кайфом*?» [А. Битов. Лес (1960-1980)]; «Нет, это высший, наверно, мужской *кайф* – выбрать себе бабу поизысканней, поутончённей, и что б – вёдра на коромысле таскала, лёд топором рубила!...» [В.Г. Галактионова. Со всеми последующими остановками (1980)]; «Голос. Ну, *кайф*! Даешь, старуха!» [Э. Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского (1981)].

В 90-х годах XX века лексема *кайф* достаточно активно отражена в публицистике: «И свобода для них была не в том, чтобы не сидеть в тюрьмах или кричать на площадях, а в том, чтобы жить, как хочется, – “в *кайф*”» [Ю. Будинайте. В моем кочегарстве нет ничего трагического // «Комсомольская правда», 1991]; «А то обстоятельство, что Комитет Эстонии начал взимать плату за выдачу удостоверений граждан, – вообще полный *кайф*» [Г. Сапожникова. Жизнь в районе ЕЕ 001 // «Комсомольская правда», 1992].

Таким образом, в современной языковой картине мира лексема *кайф* проявляется в различных контекстах. Семантика *кайфа* многопланова. Так, можно рассуждать о *кайфе* (1) как состоянии физического плана, вызванным удовлетворением различного рода потребностей. В таком значении проявляется амбивалентность смыслов – от хорошего времяпрепровождения, вкусной пищи, отдыха и удовольствия физической близости и др. до болезненного состояния, связанного с алкогольным и наркотическим опьянением, зависимостью от наркотиков и др. Семантика *кайфа* (2) отражает эмоциональную реакцию, связанную с процессом творчества и созидания, также восприятия природы, музыкальных произведений и др. Такие смыслы определяют стилистическую окрашенность лексемы: 1) лексема используется в отрицательном контексте, передавая значение «зависимость», «алкоголь», «физическая близость»; 2) в положительном контексте реализуются значения «удовольствие», «отдых», «творческая деятельность», «повседневные дела», «гастрольный ритм жизни», «любовь к зрителям», «соперничество», «учебный процесс», также с помощью лексемы *кайф* выражается состояние «воодушевления», «счастья», «гордости», «наслаждения» и др.

Анализ лексикографического описания лексемы *кайф*, публицистических и художественных текстов показал, что современный социокультурный контекст носителей русского языка отражает эмоциональную реакцию говорящих на состояние удовольствия, удовлетворения и наслаждения физического и духовного плана. И если в русском языке

значения лексем *удовольствие* («чувство радости», «приятные ощущения», «переживания»), *удовлетворение* («исполнение желаний, потребностей») и *наслаждения* («высшая степень чувственного, душевного, умственного удовольствия») различаются как градуальные синонимы, то в лексеме *кайф* эти смыслы объединены. При этом в лексеме *кайф* содержится амбивалентность признаков, что позволяет усматривать разграничение высокого и низкого в семантического пространстве анализируемой лексемы.

Литература

1. Беглова Е.И. Некодифицированная лексика в печатных СМИ 1990-2000-х годов: словарь. – Уфа : Гилем, 2006. – 271 с.
2. Большой психологический словарь / Авдеева Н.Н. и др.; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
3. Большой Российский энциклопедический словарь. Репр. изд. – Москва : Большая Российская энцикл., 2009. – 1887 с.
4. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с.
5. Латкина Т.В. Концепт «Удовольствие» в языковом сознании И.А. Бунина // Современные проблемы науки и образования, 2012. – № 6 // [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7564&ysclid=ltogl6lwgz653781224> (дата обращения 12.03.2024).
6. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [В 2 т.] / Т.Ф. Ефремова. – Москва : Рус. яз., 2000.
7. Популярный словарь русского языка: Толково-энциклопедический / А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. – Москва : Рус. яз. – Медиа, 2003. – 869 с.
8. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – Москва : Рус. яз., 2000. – 831 с.
9. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – Москва : Эксмо, 2006. – 669 с.
10. Словарь криминального и полукриминального мира: мат, сленг, жаргон. Мельник Ярослав, 2004 // [Электронный ресурс] URL: <https://fenya.academic.ru/2641/Кайф?ysclid=ltpqo0gapf836006351> (дата обращения 12.03.2024).
11. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др. – Москва : Русский язык, 1985–1988.
12. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.

13. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – Москва : Дрофа: Рус. яз. – Медиа, 2001. – 564 с
14. Толковый словарь иноязычных слов / Под ред. Л.П. Крысина. – Москва : Рус. яз., 1998. – 846 с.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Астрель: АСТ. – Т. 1-4, 2000.
16. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.

Lipatova D.E.

Tolyatti State University

The word "kaif" in Russian

The word "kaif" first appears in the diary entries of travelers, at the beginning of the twentieth century it conveys the main meaning of «well-deserved rest, pleasure», further developing the meaning of «a painful condition from alcohol and drugs». Modern artistic and journalistic contexts reflect the expansion of semantics, which includes the meanings of «pleasure from creativity, work», «communication with nature», etc. The lexeme gets a different stylistic coloring from negative to positive, and slang, colloquial, and ironic usage marks are used in dictionaries.

Keywords: lexeme kaif; pleasure; lexicographic description; artistic context; journalistic context.

Лисина Анастасия Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

nastills@mail.ru

Способы представления рассказчика в произведении Л.Н. Толстого «Люцерн»

Работа выполнена под руководством Леонова Ивана Сергеевича, доктора филологических наук

Данная статья посвящена исследованию способов представления рассказчика в произведении «Люцерн». Рассказ относится к раннему периоду творчества Л.Н. Толстого, что во многом обуславливает его переходный характер от дневникового формата к художественному произведению.

Ключевые слова: автобиографичность, противоречие, исповедальность

Одной из первых форм творчества Л.Н. Толстого стали его дневники, которые он вел с юности вплоть до последних дней своей жизни и использовал как практический инструмент для личностного и творческого развития. Неоднократно в своих записях он подчеркивал их ценность для совершенствования самого себя. Помимо того, в дневниках Толстой стремился

упорядочить свою жизнь, проанализировать свои чувства и поступки в их сложной и противоречивой связи с событиями окружающего мира. Навык анализа собственной и чужой души, выработанный за годы кропотливой работы с данным инструментом, позволил писателю выражать словом «невыразимое» - глубины человеческой души.

Первые художественные произведения Толстого во многом тяготеют к дневниковому формату. В них еще сохранены элементы автобиографичности, но уже используются различные формы психологического анализа (монолог, портрет, детали).

Рассказ «Люцерн» написан в 1857 году и относится к раннему периоду творчества писателя. В нем затрагивается тема искусства, природы таланта и силы его воздействия, что характерно для данного этапа творчества писателя. Во многом это произведение является претекстом для последующих с точки зрения сюжета, персонажей, психологических приемов и нравственно-философских идей.

Несмотря на очевидную автобиографичность, это уже попытка передать свои размышления и наблюдения в художественной форме, уже не личная форма творчества.

Свое отражение автобиографичность «Люцерна» находит, во-первых, во взаимосвязи идейно-тематического комплекса произведения с актуальной для Толстого действительностью, а во-вторых, в своеобразии художественного образа главного героя.

Идейной основой для рассказа стал действительный случай, произошедший с Толстым во время его европейского путешествия, которое он совершал с февраля по август 1857 года [1, с. 129]. Эпизод описан в дневниках прозаика за июль 1857 года, и уже спустя три дня фиксируется следующая запись: «Дописал до обеда «Люцерн». Хорошо» [3, с. 195]. Важно отметить короткий промежуток времени между событием, ставшим причиной творчества, и конечным результатом творческого процесса. С одной стороны, это способствует сохранению первичных впечатлений и эмоций, что позволяет воссоздать обличительный монолог героя во всех красках очевидца события: «Что бы ни говорили защитники народного смысла, толпа есть соединение хотя бы и хороших людей, но соприкасающихся только животными, гнусными сторонами, и выражающая только слабость и жестокость человеческой природы» [4, с. 27].

С другой стороны, быстрое движение по цепи «событие – запись в дневнике – художественный текст» позволяет троекратно осмыслить произошедшее [5, с. 179]. Запись в дневнике представляет собой отражение действительности в преломлении субъективным восприятием пишущего. Некоторые элементы события находятся в центре внимания автора дневника – их он излагает в первую очередь, благодаря чему в дальнейшем именно они будут подвергнуты наиболее тщательному анализу.

Художественный текст, в свою очередь, является реальностью, преломленной дважды: субъективным восприятием пишущего и внутренним нравственно-оценочным комплексом человека. Рассказ может отражать не все эпизоды произошедшего события, если это требуется для раскрытия главной идеи. В то же самое время главная идея определяется на основании субъективного отношения пишущего. Одна и та же ситуация может раскрывать совершенно разные идейно-тематические комплексы. Например, рассказ «Люцерн» в преломлении субъективным восприятием князя Нехлюдова может быть представлен как обличительная проповедь, предметом которой является потеря цивилизованным обществом связи с природой и ряда морально-ценностных установок. С точки зрения тирольского певца те же события заключали бы в себе ключевую мысль значимости тяжелого труда для добычи средств на пропитание. Наконец, в глазах аристократического общества Люцерна той поры описанные события – краткая зарисовка о странном русском князе.

Принципиальная разница записи в личном дневнике о событии и рассказа «Люцерн», таким образом, заключается в том, что ключевая цель записи – зафиксировать произошедшее событие и осмыслить его; рассказа – поделиться впечатлением, создать благоприятные условия для размышлений и формирования собственных нравственных выводов. При этом в рассказе воссоздан дневниковый формат, но в более подробной форме, чем у Толстого. С одной стороны, это способствует тому, что соединяются художественные цели: творчество направлено в равной степени на самого пишущего (способствуя решению волнующих его нравственных вопросов) и на читателей (возможность для формирования собственной позиции).

С другой стороны, данная композиционная структура позволяет реализовать авторскую установку на диалогичность [2, с. 73].

Автобиографичность рассказа «Люцерн» проявляется также в личности главного героя. Произведение написано от имени князя Нехлюдова, путешествующего по Европе. Персонаж неоднократно появляется в творчестве Л.Н. Толстого (трилогия «Детство. Отрочество. Юность»), рассказы «Люцерн» и «Утро помещика», роман «Воскресение»). История нравственного развития Л.Н. Толстого во многом соотносится с путем князя. Так, уже в исповеди Нехлюдова в «Люцерне» прослеживаются пути морально-нравственных исканий писателя, противоречия и философские проблемы, которые будут раскрываться им в последующих произведениях: «А кто знает, что делается теперь в душе всех этих людей, за этими богатыми, высокими стенами? Кто знает, есть ли в них всех столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласия с миром, сколько ее живет в душе этого маленького

человека? Бесконечна благодать и премудрость того, кто позволил и велел существовать всем этим противоречиям» [4, с. 30].

Базовым противоречием, лежащим в основе идейно-тематического комплекса рассказа, является противостояние цивилизации и природы. Человечество прогрессирует с точки зрения науки и технологий, что, по мнению героя рассказа, соотносится с тем, что общество теряет морально-нравственную опору, становится безликим, жестоким и бесчеловечным: «Неужели распространение разумной, себялюбивой ассоциации людей, которую называют цивилизацией, уничтожает и противоречит потребности инстинктивной и любовной ассоциации?» [4, с. 29].

Взаимодействие героя с природой вызывает у него положительные эмоции: чувство любви, стремление поделиться ею. Однако эти чувства вступают в резкий контраст с тем, что испытывает Нехлюдов при столкновении с «цивилизованными» англичанами: «На таких обедах мне всегда становится тяжело, неприятно и под конец грустно» [4, с. 9].

Далее в рассказе раскрывается неоднозначность рассматриваемого противоречия, что происходит сразу на двух уровнях восприятия: скрытом и явном.

В-первых, анализ сюжета позволяет увидеть, что сам князь Нехлюдов, преисполненный негодования по отношению к отдыхающим в Люцерне, а также чувством острой несправедливости по отношению к тирольскому певцу, сам пожертвовал ему всего лишь несколько сантиментов. Его возмущение и стремление восстановить порядок оканчиваются лишь обличительными речами и действиями, направленными на то, чтобы пристыдить других. Благородные душевные порывы не соотносятся с такой же благородной деятельностью.

Выступая в качестве борца за справедливость, Нехлюдов не задается вопросом о мотивах подобного поведения. Порывы защитить тирольского певца могут считаться достойным основанием до тех пор, пока не станет очевидным, насколько сам певец тяготится оказываемым ему вниманием: «Певец представлял самое жалкое, испуганное лицо и, видимо, не понимая, из чего я горячусь и чего я хочу, просил меня уйти поскорее отсюда» [4, с. 23]. Поведение Толстого/Нехлюдова в данной ситуации не может быть оценено с точки зрения принятых приличий и здравого смысла как уместное и правильное. Он желал всех устыдить, но его никто не понял, даже бедный музыкант, который испытывал лишь чувство неловкости.

Таким образом, порыв главного героя в восстановлении справедливости не так однозначен по своей сути. Он может представлять собой как стремление к восстановлению порядка, так и эгоистичную концентрацию на том, чтобы все в этом мире соответствовало

личному представлению о том, как оно должно быть. Порыв корыстен, поскольку он воздействует разрушительно на других людей: на лакеев (гнев Нехлюдова направлен против них в том числе, и имеет открытую форму), а также на самого тирольского певца.

Во-вторых, явный индикатор противоречивости конфликта - монолог главного героя, который отражает эволюцию его размышлений: «Только тебе, ничтожному червяку, дерзко, незаконно пытающемуся проникнуть его законы, его намерения, только тебе кажутся противоречия» [4, с. 31]. Возникает мысль об иллюзорности рассматриваемого конфликта в контексте наличия для него существенных оснований.

Можно сделать вывод о том, что в основе произведения лежит комплекс противоречий: первое из них репрезентируется в явной форме, второе возникает на этапе раскрытия первого и в некоторой степени усложняет проблематику. Поэтому нельзя однозначно сказать о том, что кто-то из персонажей прав полностью: все герои амбивалентны. Отношение к ним во многом определяется личностью читателя и его нравственными установками.

Неоднозначность идейного противоречия приводит к тому, что равноправными являются разные точки зрения. Автор критичен по отношению к самому себе, что способствует раскрытию «противоречия в противоречии». Возможность достижения подобного уровня исповедальности достигается за счет взаимосвязи рассказа с дневниковыми записями Толстого.

М.Ф. Шамсутдинова в своей работе предлагает модель многоуровневой репрезентации внутреннего мира толстовского героя: «Я», «Я - Другой», «Мы». [6, с. 339].

Первый уровень – взаимодействие с самим собой. На нем осуществляется наблюдение за собственными чувствами и мыслями, оценивание ситуации и самого себя в ней. Иными словами, это позиция героя по отношению к самому себе, а также к явлениям окружающего мира, другим героям.

Второй уровень репрезентации внутреннего мира – «Я – Другой». В этом случае личность героя раскрывается во взаимодействии с другим человеком. При этом происходят процессы понимания другого человека, а также себя во взаимодействии с ним. Межличностное общение может способствовать переосмыслению некоторых позиций, которые были сформированы прежде, на уровне «Я».

«Я - Мы» - третий уровень. На нем герой осознает себя как часть многомерного мирового сообщества, постигает высокие бытийные законы и божественные истины [6, с.340]. На третьем уровне происходит глобальное переосмысление собственных позиций по отношению ко всему сущему на основе постижения себя как части системы бытия.

В рассказе «Люцерн» осуществляется поступательное развитие героя в соответствии с тремя отмеченными уровнями. Так, первоначально развитие мыслительного процесса у князя Нехлюдова происходит под воздействием созерцания окружающей среды. Пейзажные зарисовки соотносятся с настроением героя, способны оказывать на него влияние, а также стимулировать размышления: «Когда я вошел наверх в свою комнату и отворил окно на озеро, красота этой воды, этих гор и этого неба в первое мгновение буквально ослепила и потрясла меня. Я почувствовал внутреннее беспокойство и потребность выразить как-нибудь избыток чего-то, вдруг переполнившего мою душу» [4, с. 8]. Пейзаж в данном рассказе является не просто инструментом психологизма, но и полноправным действующим персонажем. Под его воздействием меняется эмоциональное состояние главного героя, развиваются его мысли, а также он входит в комплекс, связанный с природой – одной из сторон ключевого идейного конфликта.

Наблюдение за пейзажем, а также за окружающими людьми, инициируют воспоминания Нехлюдова (герой вспоминает времена учебы в пансионе), его глубинные размышления об особенностях социального развития. При этом не происходит прямого взаимодействия с другими людьми, поэтому все размышления князя замкнуты в нем самом.

Диалог с тирольским певцом формирует следующий уровень представления внутреннего мира героя. На нем обозначаются противоречия убеждений князя и другого человека. «Мой вопрос подействовал совсем не так, как я ожидал. Он и не думал негодовать на них; напротив, в моем замечании он видел упрек своему таланту, который не вызвал награды, и старался оправдаться передо мной» [4, с. 21]. Обозначается проблема, которая является одной из ключевых при интерпретации смысла произведения: действительно ли является общественной проблемой то, что видится таковой главному герою? Очевидным становится то, что даже для того персонажа, защитником прав которого хочет выступить Нехлюдов, отсутствует проблематика – он принимает существующее положение дел.

Однако этого недостаточно для того, чтобы повлиять на изменение позиции Нехлюдова, поэтому требуется еще один уровень репрезентации внутреннего мира. В художественной форме он проявляется во внутреннем монологе героя. Обличительный пафос рассказа в данном случае меняет вектор направленности: проблема переводится из категории социальных в план метафизический. Меняется и ключевая идея самих рассуждений героя: он приходит к концепции некоего «внутреннего счастья», что в последующих произведениях писателя разовьется в теорию непротivления злу.

В рассказе «Люцерн» выделяется три уровня репрезентации внутреннего человека, которые герой проходит поступательно. Отсюда можно сделать вывод о том, что для

развития человеческой души необходимо развитие по трем направлениям: собственные размышления, диалоги один на один и ощущение себя частью бытия. В произведениях поздних этапов исчезает поступательность, порядок репрезентации получает более комплексный характер, но при этом сохраняется общая идея: раскрытие героев происходит на трех уровнях.

Литература

1. Забабурова Н.В. Европейские путешествия Л.Н. Толстого (к 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого) // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 3(63). – С. 127– 131.
2. Кулешова С.В. Нарративные стратегии притчи в рассказах Л.Н. Толстого «Три смерти» и «Люцерн» // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. – 2010. – № 3. – С. 68-76.
3. Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894 гг. // Собр. Соч.: В 20 т. – Т. 19. – Москва : Худ. Лит., 1965. – С. 190-220.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 97 томах / Л.Н. Толстой [и др.]: под редакцией В. Г. Черткова. – Т. 5. – Москва: Худ. Лит., 1935. – 385 с.
5. Фомина Ю.В. Человек и «бесконечная гармония» в рассказе Л.Н. Толстого «Люцерн» // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки. Материалы XXXIV Международных Толстовских чтений. Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2014 – С. 179– 183.
6. Шамсутдинова М.Ф. Поэтика «внутреннего человека» в рассказе Л.Н. Толстого «Люцерн» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2009. – № 11. – С. 334-335.

Lisina A.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Moral-philosophical motifs in the early creativity of L.N. Tolstoy (on the example of the story «Lucerne»)

This article is devoted to the study of ways of representation of the narrator in the work «Lucerne». The story refers to the early period of the work of L.N. Tolstoy, which largely explains his transition from diary format to fiction.

Keywords: autobiographical nature, contradiction, confessional

Литвиненко Аделина Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

DelyLitvinenkk@gmail.com

Проблематика и поэтика исторической драмы

Н.П. Анненковой-Бернар «Дочь народа»

Работа выполнена под руководством Пашкова Александра Витальевича, заведующего кафедрой мировой литературы, кандидата филологических наук, доцента

В статье представлен анализ поэтики недостаточно изученной драмы Н.П. Анненковой-Бернар «Дочь народа». Исследуются основные вопросы, связанные с композицией, интерпретацией и интертекстуальностью.

Ключевые слова: историческая драма, Жанна Д'арк, поэтика, женская драматургия Серебряного века.

Женская драматургия Серебряного века является недостаточно изученным феноменом русской литературы, однако упускать из вида работы женщин-драматургов нельзя, потому как эти произведения представляют собой многоаспектное культурно-историческое явление, связанное в первую очередь с таким важным социально-политическим движением, как феминизм [4, с. 3-6]. В начале XX века в стране происходит активная борьба за равноправие, поэтому стремление выразить свои идеи и подчеркнуть необходимость изменений приводит к появлению большого количества женщин-драматургов, таких как З. Гиппиус, А. Мире, А. Мар, Л. Зиновьева-Аннибал, Т. Щепкина-Куперник и др.

Среди названных литературных деятелей особо выделяется фигура Нины Павловны Анненковой-Бернар (урожденной Анны Павловны Бернард), чье творчество было двояко воспринято в обществе. Так, Вяч. Иванов в своей рецензии отмечает сценические «живость и восторг», присущие пьесе [3, с. 31], но спустя время на одном из светских вечеров выражает «свое презрение к пьесе, доведя сочинительницу до слез» [5, с. 364]. Мы считаем, что противоречивое отношение к пьесе может быть связано с новым подходом к изображению известной исторической личности и наличием актуальных социально-политических настроений – подробней тезис будет раскрыт впоследствии.

Историческая драма Н.П. Анненковой-Бернар «Дочь народа» была написана в 1903 году и предназначалась для бенефиса В.Ф. Комиссаржевской. Несмотря на отказ директора Александринского театра от постановки пьесы, Вера Федоровна продолжала настаивать на необходимости введения произведения в репертуар, поскольку, по словам актера-современника Н.Н. Ходотова, Комиссаржевская в образе героини «Дочери народа» «видела как бы свой психологический портрет» [7, с. 115]. Это обстоятельство, по нашему мнению, подчеркивает важнейшую черту пьесы – упор на передачу эмоциональной составляющей, а не исторической точности событий. Безусловно, в пьесе присутствуют исторические реалии, хроника событий не нарушена, но автором включаются в действие именно те эпизоды, в

которых раскрывается внутренний мир героев. Так, например, военные сражения, которые, казалось бы, являются центральным моментом истории, вынесены за сцену – о результатах боя зрители узнают со слов очевидцев: *«Свобода!.. Освобождение!.. Факелов... Зажигайте факелы!.. Боже... освобождение!..»*. Этот прием позволяет сфокусировать внимание на эмоциях, которые испытывают персонажи. С акцентом на чувственный аспект связан и хронотоп пьесы: между действиями проходит большое количество времени – это подчеркивают ремарки: *«Между 1-ой и 2-ой картинами проходит год»*, *«Между 1-м и 2-м действиями проходит около 2-х месяцев»*, сражение происходит 8 мая, а следующая картина коронации – 17 июля и т.д... Однако течение времени не ощущается, создается впечатление, что все события происходят в несколько дней – таким образом, оказывается, что все сюжетные перипетии – лишь фон для раскрытия трагедии личности. Мы предполагаем, что данный подход был выбран Анненковой-Бернар для того, чтобы приблизить легенду о Деве-воительнице к правдивой реальности, передать достоверность происходящего.

В пьесе Жанна – не возвышенный, идеальный и шаблонный персонаж, она предстает человеком, который сомневается и боится перед принятием серьезного решения, мечется, переживая о правильности поступков, эмоционально воспринимает все события. Стоит отметить, что образу свойственна иная трактовка, в отличие, например, от мифологизированной героини драмы Шиллера: Жанна чаще всего находится в состоянии мистических вещаний, галлюцинаций, а не действий и агитационных декламаций. Ее речь сбивчива, отрывиста, словно она говорит во сне (поэтому ее реплики – короткие неполные предложения с постоянными паузами и многоточиями) – все это подчеркивает надобыденный характер бытия Орлеанской Девы: она существует словно в другой реальности, где слышит голоса, видит небесных посланников и предзнаменования. Эту мысль можно подтвердить репликой Жанны, сказанной придворной элите: *«Слова мои не для вас»* – корыстные и эгоистичные люди не способны понять ее, поэтому называют героиню *«чудачка»*, *«колдунья»*, пытаются найти подвох в ее поступках.

Сквозь всю пьесу проходит мотив предубеждения, связанный, по нашему мнению, с феминистским подтекстом: с самого начала проговаривается, что *«Нет, сыновья много лучше – с ними куда, меньше забот»*, Жанну не поддерживают в желании уйти воевать, потому что она женщина, над ней смеется придворная элита, считая позором наступать под руководством Девы, – *«не могут победить без бабы!»* – но главная героиня идет против всех стереотипов – ее реплика – *«Я не девушка – я солдат»* – является, на наш взгляд, кульминационным моментом драмы: Жанна окончательно решает посвятить свою жизнь служению стране и народу, отказавшись от прошлого и привычного.

Социальные вопросы, поднятые в пьесе, выводят ее за рамки исторического произведения, переводя происходящее в парадигму общественно-политического контекста. Так, драматург, говоря о прошлом, создает аллюзии на современность, поднимает актуальные вопросы – бедственное положение крестьян (тема остро звучит в песни Нищего), ущемление женщин, истинность и ценность власти монарха, отношение элиты к происходящему в стране: придворной свите все равно на войну и гибель народа, они продолжают жить в своем замкнутом мире, ограниченном сплетнями, лестью и развлечениями, – Жанна для них – объект шуток и обсуждений, им безразлична ее судьба. Показательна сцена суда над Девой – это пример слабости и трусости элиты: спасительницу заковывают в цепи, как самую страшную преступницу, и очень боятся, что она будет оправдана, поэтому судят нечестно. В эпизоде раскрывается натура приближенных короля – это жалкие, глупые люди, которые занимаются бесполезными делами, когда вокруг них идет война, погибает народ, они тратят время на то, чтобы неоправданно осудить женщину своей же страны, вместо того чтобы спасти государство от врага. Во многом такое поведение придворных связано с личностью короля. Он ведет себя как избалованный ребенок, глупый, наивный и неспособный управлять государством – вместо решения проблем Карл сбегает и прячется: *А-а-а-а! Надоел, надоел, на-д-о-ел!.. (Быстро оборачивается к Ла-Тремюлю и стучит кулаками по ручке кресла). Долго ты будешь приставать ко мне? долго? долго?* Однако проблема правителя не в его эгоистичности и безнравственности, а именно в инфантилизме и страхе перед ответственностью, поэтому он оказывается способным понять Жанну, посочувствовать и поверить ей. Монарх впоследствии становится похож на главную героиню: начинает переживать за страну («*Что будет с Францией?*»), говорить отрывисто, словно в бреду (от этого кажется всем околдованным), и метаться, страдая от того, что из-за своей душевной слабости не может ни на что повлиять.

С линией короля связан вопрос о проблеме власти. На земле главным выступает король, но он является лишь наместником Бога, следовательно, подчиняется Божьему промыслу, при этом монарх – человек, поэтому он может поступать по-своему, следовательно, возникает философский вопрос: «Чья воля важней?». Жанна находится в ситуации выбора: в ней борются два начала – общественное и индивидуальное. Первое связано с долгом перед Богом и перед народом. Исполнив свое предназначение по спасению страны, Жанна собирается уйти, но уговоры и просьбы королевской семьи остаются пробуждают чувственную сторону девушки: жалость, доброту и желание помочь. Эмоции побеждают разум – Жанна нарушает Божественную волю, проявляет гордыню, считая, что она сможет и дальше спасать страну («*гордыня меня ослепила*»), и за это наказывается. Таким

образом, ответ автора очевиден: истинна именно божественная власть, она превалирует над королевской, поскольку воля монарха субъективна и эгоистична в силу его человеческой природы.

Необходимо отметить, что пьесе присущи символические черты, которые являются веянием времени написания. Прежде всего, Жанна провозглашается Девой. Нам видится прямая ассоциация с Девой Марией – святой и непорочной. Такой же предстает и Жанна, что проявляется не только в ее поступках, но и на уровне символики: героиня носит серебряные латы и белое одеяние, – эти цвета соотносятся с чистотой и праведностью – ухаживает за кроликами – животными, которые в средние века изображались на иконах у ног Девы Марии, указывая на ее цело-муд-рие и победу над страстями [2]. Глубоко аллегоричны предзнаменования Жанны, в них встречаются различные символы (белый свет, прозрачные ангелы, золотые лилии и тд), но самые важные и интересные, по нашему мнению, – сон про знамя на земле и меч в руках, которые означают выбор Жанны в пользу земного правителя: она решает остаться с королем – меч – символ власти [6, с. 315] – и отойти от Божьего промысла: – знамя традиционно ассоциируется с Богом [6, с. 315] – *«когда я очнулась – знамя лежало на земле, а в руках... в руках был только... меч... (со страхом)»*.

Символы появляются не только в предсказаниях героини, но на уровне сюжета. Например, хоровод веселых и беззаботных девушек, с которыми кружится Жанна, противопоставлен словам странника о скорой катастрофе и недовольству голодных людей. Эта сцена символизирует переход Жанны из наивного девичества, в котором человека не интересует внешняя обстановка, в новую реальность ответственного гражданина, который не может молчать, когда страна гибнет. Героиня падает в обморок, который можно трактовать как момент перерождения из девушки в Деву-воительницу – неслучайно в конце этого эпизода слышатся раскаты грома, предвещающие трагедию. Метафоричны и ремарки: так, например, окончательному принятию решения Жанны следует комментарий, – *«Небо несколько прояснилось – дождь прошел»* – свидетельствующий об отказе от сомнений и твердом намерении пойти воевать. Авторское замечание – *«Молчание. Герцог медленно, в раздумье переходит на другую сторону»* – показывает, что герой не только физически ходит из стороны в сторону, но и принимает решение сдать пленницу врагам, то есть предать свою страну.

Вся история представляется скорее трагедией, чем драмой, поскольку из-за страха, зависти и нежелания элиты что-то менять гибнет легендарная личность, посвятившая свою жизнь служению страны и народу. Пьеса отмечена суровой серьезностью, изображает действительность наиболее заостренно, заставляя зрителей не только сопереживать Жанне,

но и ненавидеть людей, погубивших ее. Апофеозом «Дочери народа» становится закрывающая пьесу реплика старухи: «Святая она, святая» – эти слова словно принадлежат всем героям сразу и выражают раскаяние о содеянном и невозможность что-либо изменить.

Литература

1. Анненкова-Бернар Н.П. Дочь Народа // Lib.ru: «Классика» // [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/a/annenkowabernar_n_p/text_1901_doch_naroda_olderfo.shtml (дата обращения: 23.02.24)
2. Генерозова Е. Зверь дня. Заяц // Arzamas Academy // [Электронный ресурс] URL: <https://arzamas.academy/micro/animal/3> (дата обращения: 23.02.24)
3. Иванов В.И. Н.П. Анненкова-Бернар / Журнал «Весы». – Москва, 1904. – № 5. – с. 55.
4. Михайлова М.В. Женщины-драматурги Серебряного века. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2009. – 568 с.
5. Обатнин Г.В. Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним / Г.В. Обатнин // Россия и Запад: сб. ст. в честь 70-летия К.М. Азадовского / сост.: М. Безродный, Н. Богомолов, А. Лавров. – Москва, 2011. – С. 345-402.
6. Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Словарь библейских образов: [Справочник] / ред.-консультанты: Колин Дюриес, Дуглас Пенни, Дэниел Рейд; [пер.: Скороходов Б.А., Рыбакова О.А.]. – Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005. – гл. «Знамя» и «Меч». – 1423 с.
7. Ходотов Н.Н. Близкое – далекое / Предисл. Я.О. Малютина, подгот. текста и примеч. Г.З. Мординсона. 2-е изд., испр. и доп. Л.; Москва: Искусство, 1962. – Гл.4. – С. 96-141.

Litvinenko A.E.

Pushkin State Russian Language Institute

Features of the poetics of the historical drama by N.P. Annenkova-Bernard “Daughter of the People”

The article presents an analysis of the poetics of the insufficiently studied drama by N.P. Annenkova-Bernard “Daughter of the People”. The main issues related to composition, interpretation and intertextuality are investigated.

Keywords: historical drama, Joan of Arc, poetics, women's drama of the Silver Age.

Лубникова Инесса Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ine.lubnikova.ab@yandex.ru

Жанровое своеобразие игровой журналистики

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата

филологических наук, доцента

Статья посвящена исследованию жанрового своеобразия игровой журналистики, занимающейся освещением и обсуждением видеоигр. Анализ произведен на материале журналов и онлайн-платформ «Навигатор игрового мира», «Игромания», StopGame, «Страна ИГР», которые являются лидирующими среди игровых медиа. Выделены и рассмотрены свойственные игровой журналистике жанры, встречающиеся как в печатных изданиях, так и в онлайн-формате.

Ключевые слова: игровая журналистика, жанровые особенности, рецензия, прохождение

В настоящее время креативный потенциал компьютерных игр активно проникает в область массовой коммуникации, становясь важной составляющей такого направления журналистики, как игровая журналистика. Предметная область этой сферы журналистики – это сбор, обработка, хранение и передача информации о событиях игровой индустрии, а также обо всем, что с ней связано. И в России, и за рубежом сформировалась целая отрасль узконаправленных СМИ, которые используют видеоигры как основную область информации.

Однако в этой сфере имеется ряд проблемных вопросов и сложностей, препятствующих официальному признанию данного направления журналистики. Если в зарубежных странах игровая журналистика – это полностью сформированная разновидность журналистской деятельности, то в России эта сфера во многом недооценена, в связи с чем не получает широкого признания. Как отмечают А.Л. Коданина и А.О. Стурова в работе «„Игровая“ журналистика как массово-коммуникационный феномен», это связано со «стигмизацией феномена видеоигр в целом, ведь в нашем обществе к данному явлению относятся негативно и не хотят воспринимать видеоигры как нечто серьёзное и заслуживающее внимания» [3, с. 1]. Кроме того, этот вид журналистики относительно молод, ведь интерес к видеоиграм, а соответственно и потребность в отражении событий игрового мира возникла только в 90-е годы XX века, когда игры стали активно проникать в жизнь людей.

Эти проблемы вызывают сложности в четком структурировании жанровых особенностей игровой журналистики, однако такие исследователи, как А.Л. Коданина, А.О. Стурова, А.А. Селютин, Е.Д. Кукшинова, И.В. Ершова, А.М. Дьяченко, Р.П. Баканов, Р.И. Сабирова, Е.О. Кудряшова внесли весомый вклад в изучение феномена игровой журналистики и определение ее характерных черт.

В данной статье рассмотрим жанровые особенности игровой журналистики на примере таких игровых ресурсов, как «Навигатор игрового мира», «Игромания», StopGame, «Страна ИГР».

В России игровая журналистика начала развиваться с момента выхода телепередач, например, «От винта», «Денди – Новая реальность», а затем стали появляться игровые журналы, одним из первых был «Видео-ACC Dendy». Публикации в журналах уже в то время были очень разнообразны. Авторы материалов творчески подходили к процессу их написания и делали это в большей мере для себя, а не для читателей. Они в необычной форме рассказывали о прохождении игр, что было очень популярным среди читателей и даже стало отдельным жанром, публиковали сочинения и эссе, переводили материалы зарубежных игровых СМИ, а позже стали появляться интервью, новости и отчеты о разработке отечественных игр [5, с. 77]. Чтобы привлечь читателей, в журналы позже стали вкладывать диски с кодами и читами для игр, а также с эксклюзивными дополнениями.

В настоящее время как зарубежные, так и российские игровые СМИ не отстают от стремительно развивающихся технологий и используют различные социальные сети: сайты, площадку YouTube, а многие популярные издательства совсем недавно прекратили печать журналов и полностью перешли в электронный формат.

Журнал «Навигатор игрового мира» печатался в период с 2010 г. по 2019 г., а после этого перешел на одноименный сайт, на котором можно также зарегистрироваться и оставлять личные отзывы и мнения, что приближает читателей к авторам. Изначально в журнале существовало множество рубрик. Они делились в зависимости от жанров игр, которые в них освещались, но на первых страницах издания всегда были последние новости игрового сообщества. В 2013 г. авторы изменили структуру рубрик и объединили их в более лаконичные разделы (Preview, Review, Maxview, Hardware, Inventory, Z-Zone). Как отмечают исследователи, жанр рецензии (обзора) в журнале «Навигатор игрового мира» является ключевым, это мы также можем заметить и в названии разделов (ревью, превью, максвью). Ключевая особенность рецензии – это критический отзыв о каком-либо продукте. В рассматриваемом журнале они составляют от 76% до 85% от всего числа материалов [3, с. 2]. Такие рецензии содержат оценки, которые обязательно подкреплены аргументами, и помогают читателю понять, стоит ли приобретать игру или нет. Кроме того, автор должен владеть навыками журналистского анализа, а также иметь особые познания о технологической составляющей игр и техники (консоли, ПК), а также об особенностях, свойственных видеоиграм. Для этого игровой журналист должен много времени уделять прохождению игр, что делает написание рецензии более долгим и трудоемким процессом. Для сравнения: написание киорецензии, включая просмотр фильма, занимает куда меньше часов, чем прохождение 20-часовой, а иногда и 100-часовой видеоигры. В процессе анализа

также было отмечено, что «Навигатор игрового мира» также содержит такие жанры, как интервью, мнения, эссе, репортажи (чаще всего с геймерских мероприятий).

Издание журнала «Игромания», основанного в 1997 г. издательским домом «Техномир» (с 2013 г. – «Игромедиа»), осуществлялось в печатном формате до 2018 г. При этом параллельно осваивался электронный формат, поддерживалась диджитальная версия журнала и постепенно шел переход на цифровой вариант журнала [6]. Изначально ключевым жанром в «Игромании» были прохождения, подробно описывающие действия, которые нужно совершить игроку для успешного прохождения игры. Однако из-за нехватки авторов изначально большая часть материалов представляла собой переводы статей с зарубежных сайтов. Также можно отметить, что в настоящее время популярный среди видеоблогеров жанр летсплей также оказал влияние на написание первоначальных материалов в журнале. Далее материалы издания стали пополняться такими жанрами, как рецензии, интервью, новости, мнения, аналитические статьи. Уникальность и оригинальность информации сделали этот журнал самым популярным среди конкурентов. С 2018 г. журнал перешел в онлайн-формат на сайт, а также на платформу YouTube. На сайте в настоящее время присутствуют те же жанры, что были представлены в журнале.

Портал StopGame существует полностью в онлайн-формате на сайте и на платформе YouTube. Изначально сайт существовал в формате сборника чит-кодов, но позже на нем стали публиковаться обзоры популярных видеоигр. На сайте представлены следующие жанры: новости, статьи и лонгриды, рецензии (обзоры), превью и анонсы, интервью с разработчиками игр, репортажи, а также в разделе «Блоги» публикуются авторские мнения и аналитические статьи, в которых четко прослеживается позиция автора. Кроме того, сайт содержит разделы «Смотреть» и «Стримы», материалы которых выходят на YouTube и Twitch. Стрим, как отмечает Е.Д. Кукшинова, является новым медиажанром, который в какой-то степени объединился с репортажем [5, с. 88]. На платформе YouTube жанр обзора преобладает. Чаще всего обозреваются новинки в игровой индустрии, а видеоролики публикуются достаточно быстро после релиза игры, что повышает популярность этого жанра. Также в разделе «Репортажи» размещаются интервью и репортажи, которые адаптированы под сферу видеоигр. Например, журналисты StopGame бывают в пресс-турах и на геймерских мероприятиях, знакомятся с новой игрой и при этом общаются с разработчиками. В результате получается материал, включающий в себя и репортаж, и краткий обзор, и эксклюзивное интервью.

На YouTube-канале также присутствует эксклюзивный жанр, характерный именно для игровой журналистики – это спидран, подразумевающий под собой быстрое прохождение

всей игры. Игрок, который сможет сделать это за самое короткое время, побеждает в соревнованиях. Журналисты StopGame подробно разбирают действия игрока, поставившего рекорд в спидране, и поясняют все зрителям. «Хардмод» – это рубрика, в которой обзревается прохождение игры на самом высоком уровне сложности. Такие видеоролики обладают аналитикой, которая выражается иногда также в сравнениях одной игры с другой. Материалы рубрики «Разбор полетов» имеют черты прохождения и беседы – аналитического жанра, имеющего диалогическую форму. Также в конце каждого года редакция подводит итоги года, составляя рейтинг лучших игр, исходя из мнения зрителей, что тоже можно выделить как особый аналитический жанр [2, с. 39].

Журнал «Страна ИГР» и одноименный сайт в настоящее время прекратили публикации материалов. Однако на основе уже опубликованных можно сделать выводы о жанрах, свойственных этому ресурсу. Журнал изначально не специализировался на прохождениях, поэтому редко публиковал их. Среди типичных жанров игровой журналистики можно выделить рецензии (обзоры), аналитические материалы, новости игровой индустрии, интервью с разработчиками, репортажи с российских и зарубежных выставок и фестивалей, авторские колонки экспертов. Соответственно, все свойственные для игровой журналистики жанры. Отдельно в журнале публиковались материалы на тему аниме, что было эксклюзивным для данной сферы. Кроме того, в журнале регулярно подводились итоги года в различных номинациях, в которых редакция выделяла лучшие игры, составляя рейтинг.

Таким образом, в игровой журналистике на примере рассмотренных ресурсов, посвященных видеоиграм, можно выделить следующие жанровые разновидности: рецензия (обзор), новость, прохождение (обычное и спидран), интервью, репортаж, аналитическая статья, мнение и рейтинг. Важно отметить, что жанры становятся гибридными и мультимедийными, многие из них адаптируются к новым условиям или вытесняются. Новостной жанр в журналах, которые поступали в продажу раз в неделю, был не так популярен и востребован, поскольку к моменту прочтения новость устаревала и была уже не такой актуальной. Но с переходом на онлайн-платформы эта проблема была решена, поскольку новости стали публиковаться оперативно. Интервью из текстового формата все чаще стали переходить в формат видео, где пользуются большей популярностью, как и рецензии (обзоры), а эссе в большинстве своем заменились лонгридами. К таким изменениям приводит кросс-платформенность, которая позволяет изданиям собирать аудитории на разных площадках и публиковать один и тот же материал в разных форматах [5].

Литература

1. Баканов Р.П., Сабирова Р.И. Игровая журналистика в современном российском медиапространстве: проблематика и функциональное разнообразие // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2018. – №2(2). – С. 166-176.
2. Ершова И.В., Дьяченко А.М. Жанрово-тематические особенности российской игровой видеожурналистики (на примере YouTube-каналов StopGame) // Филология: научные исследования. – 2023. – № 9. – С. 33-46.
3. Коданина А.Л., Стурова А. О. «Игровая» журналистика как массовокоммуникационный феномен // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 6(31). – С. 1-5.
4. Кудряшова Е.О. Тенденции развития отечественной игровой журналистики // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика: направления и тенденции современных исследований. – 2017. – С. 123-124.
5. Кукшинова Е.Д. Жанры игровой журналистики: ретроспективный взгляд // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2022. – №2(4). – С. 75-91.
6. Селютин А.А. Визуализация текстового пространства в отечественной гейм-журналистике (на примере журнала «Игромания») // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – С. 209-215.

Lubnikova I.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Genre features of game journalism

The article is devoted to the study of the genre features of game journalism dealing with the coverage and discussion of video games. The analysis is based on the material of magazines and online platforms “Navigator of the gaming world”, “Igromania”, StopGame, “Country of Games”, which are leading among gaming media. The genres peculiar to game journalism, found both in print and online formats, are highlighted and considered.

Keywords: game journalism, genre features, review, passage

Лушева Анастасия Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

lusheva.nast@yandex.ru

Специфика функционирования маркеров обратной связи разной степени конвенциональности в медиадискурсе (на материале видеоподкаста)

Работа выполнена под руководством Н.Н. Рогозной, доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры методики преподавания РКИ

В статье на материале видеоподкаста рассматриваются эксплицированные варианты обратной связи – маркеры обратной связи. Проводится контент-анализ маркеров обратной связи, с опорой на их классификацию по

степени конвенциональности, выявляется их специфика функционирования в медиадискурсе. Описываются следующие особенности употребления маркеров обратной связи в интервью: воздействующая функция невербальных маркеров обратной связи, низкая степень вербализации, полипрагматичность. Кроме того, анализируются выявленные в материале исследования прагматические эффекты в употреблении маркеров обратной связи.

Ключевые слова: феномен обратной связи, маркеры обратной связи, интервью, медиадискурс, невербальные маркеры.

Диалог – оптимальная среда для выявления способов выражения исследуемого феномена обратной связи. Её формальным выражением являются маркеры обратной связи (далее, МОС), которые обеспечивают диалогическое коммуникативное взаимодействие. МОС, как и любая другая единица языка, могут быть семантически наполненными по-разному.

Проанализировав ряд маркеров обратной связи и определив, что каждый по-разному передаёт различную информацию, мы составили классификацию **по степени конвенциональности**. Их всех можно рассматривать по 5 уровням:

1) маркеры обратной связи **первого** уровня конвенциональности (сочетание самостоятельной лексемы с дискурсивным словом или с невербальным вариантом обратной связи):

К: Боль, которая меня беспокоила на протяжении 4-5 месяцев, она усиливалась, и последнюю неделю, когда я был еще в Анталье, я уже не смог ни тренироваться, ни нормально передвигаться, то есть э-э=

И: (качает головой) уколы уже не помогли?

2) Маркеры обратной связи **второго** уровня конвенциональности (вербализованный вариант с самостоятельным лексическим значением, но с отсутствующим невербальным компонентом):

НВ: она /училась > и-у-и < и /заочно училась

МБ: /(молодчина).

3) Маркеры обратной связи **третьего** уровня конвенциональности (сочетание дискурсивного слова с невербальным компонентом):

С: оказывается, про-проплачивала анти-TikTok-компанию=

А: Мцм (кивок)

С: ...и TikTok сейчас вроде как запрещают.

4) Маркеры обратной связи **четвертого** уровня конвенциональности (только дискурсивное слово):

ОЛ: похож /сильно очень | ага

МБ: мцм.

5) Маркеры обратной связи **пятого** уровня конвенциональности (использование только невербального канала связи) [3, с. 290]:

Г: Ты можешь дать какое-то тестовое задание, опять же, зависит, там, от роли, да?

И: (кивок).

Уровневая классификация распределяет варианты маркеров обратной связи от максимально семантически идентифицированного до варианта с минимальным слоем значения. Таким образом, использование маркеров обратной связи разных уровней конвенциональностей является вариантно-инвариантной, а значит, взаимозаменяемой единицей [3, с. 290].

Для выявления специфики функционирования обратной связи как феномена в медиадискурсе, а также для описания функциональных особенностей в рамках данного исследования проведён контент-анализ: проанализированы 6 интервью («Эксклюзивное интервью Фёдора Кудряшова», «Интервью Кирилла Фёдорова после освобождения», «Оскар Кучера – О скандальном интервью у Дудя, отце режиссёре и воспитании детей», «Сатъя Дас – впервые о скандальном инциденте с сумкой, обидах на женщин и своей жене», «Цифровой рекрутинг – технологии настоящего | Видеорезюме и самопрезентация | Проект Новые русские», «Рыночек порешает? – Антонов, такой Антонов»), опубликованных на платформе RuTube, а затем в них выявлены маркеры обратной связи, распределённые далее по степени конвенциональности на основе статистического подсчёта.

Необходимо заметить, что классификация МОС по степени конвенциональности охватывает только варианты, рассматриваемые в узком подходе, т.е. рассматриваются только лишь короткие вербальные или невербальные ответные реакции, которые используются пассивным участником диалога для выражения позитивного внимания к говорящему без каких-либо попыток поменяться с говорящим ролями [2]. Для широкого понимания обратной связи такая классификация представляется невозможной, так как в этом понимании любой адекватный ответ на реплику – выражение обратной связи.

Общее количество выявленных МОС в материале исследования – 838. Среди них 7% – это МОС 1-го уровня конвенциональности (62 употребления), 24% – 2-го уровня (200 употреблений), 2% – 3-го уровня (17 употреблений), 15% – 4-го уровня (127 употреблений), 52% – 5-го уровня (435 употреблений).

Проведённый контент-анализ позволил установить тенденции в специфике функционирования обратной связи интервью. Наглядно показывается важность невербальной обратной связи – самый частотный по употреблению вид (52%). Это может быть обусловлено следующими причинами:

1) желание сохранить линию дискурса говорящего (употребление МОС в этой функции обусловлено форматом интервью, где внимание уделяется активному говорящему, то есть приглашённому гостю);

2) техническая составляющая: несмотря на короткую вербализацию обратной связи, тем не менее, может возникнуть наложение реплик, вследствие чего зрителем может быть упущена часть информации.

Когда собеседником продуцируется подобный вид обратной связи, при монтаже это иллюстрируется отдельным кадром. Также во время длинных реплик интервьюера параллельно на экран может выводиться изображение слушающего (интервьюера), что помогает зрителю считывать интенции автора. Отметим, что невербальная обратная связь способна не только поддерживать линию дискурса говорящего, выражать согласие со сказанным, что чаще всего реализуется в виде кивков, но и выразить эмоции слушающего. За счет невербальной поддержки аудитории транслируется авторская интенция: «автором» обратной связи зачастую является интервьюер, а именно он и является лицом программы и транслятором идей. Так, в рассматриваемых материалах невербально выражались следующие значения: сопереживание, поддержка, удивление, согласие или несогласие, пренебрежение. Сделаем вывод, что благодаря употреблению невербальной обратной связи и её демонстрации через экран в СМИ реализуется, в том числе, и **воздействующая функция**. Далее представлен один из примеров реализации воздействующей функции невербальных маркеров обратной связи в медиадискурсе:

К: Совать мой телефон, чтобы фейс-айди сработал: у меня всё было отключено, все пароли были поставлены, там, в общем, им это очень не понравилось – несколько раз ударили, подошли три бойца, поговорили с ними. Он говорит: «Дай дело». Соответственно, увели меня в спальню, закрыли дверь и дальше начали, чтобы я пыта= сознался, что я – агент ФСБ, чтобы я дал им все пароли, ну, вот, э-э, и начали меня пытаться шокером. Но сначала-сначала на пол – задрали мне, э-э, рубашку – в костюме тоже был. А-а, сначала один подход, я там = довольно плохо мне стало.

М: (сочувствующий кивок)

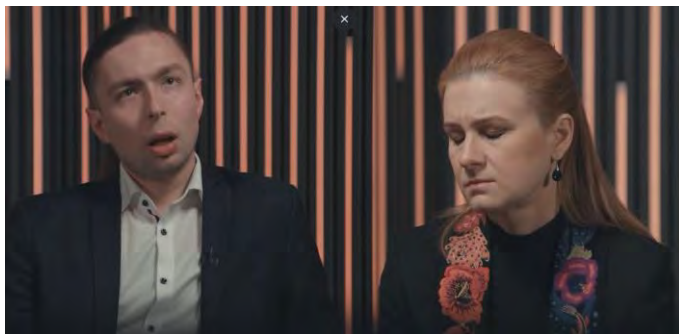

Рис. 1. Сочувствующий кивок

Напомним, что одним из основных признаков интервью является двуадресность [1], то есть апелляция к зрителю. За счёт чего коммуниканты более избирательны в репликах. Также отметим и то, что интервью отличается от устного спонтанного диалога степенью подготовленности: тематика разговора определяется заранее. Именно поэтому данные тезисы также подтверждают ранее высказанную мысль о том, что с помощью маркеров обратной связи реализуется **воздействующая или апеллятивная функция СМИ**. Однако добавим, что это распространяется не только на невербальные маркеры обратной связи, но и на вербальные.

Помимо этого, невербальная информация может быть полисемантическая, то есть выражать несколько смыслов. Так, например, во время беседы слушающий может кивать, тем самым сохраняя линию дискурса говорящего, и мимически выражать сочувствие (см. предыдущий пример).

Опираясь на вышеприведённые факторы, выведем такой признак обратной связи в медиадискурсе, как **низкая степень вербализации**. Вместе с этим, невербальные маркеры обратной связи могут быть **полипрагматичны**.

С точки зрения вербализации обратная связь чаще всего представлена в виде самостоятельных лексем. Опираясь на материал исследования, мы выделили следующие прагматические эффекты в их употреблении:

- 1) распространение линии дискурса (уточняющие вопросы или утверждения):

К: Якобы, да. Якобы-якобы, донос, э-э= какой-то шутиливый, что я, там, чуть ли не погиб, воюя на Донбассе, там, ну... <...> Потом мне предложили разобрать пистолет: сказали: «Ну, ты же, там, рассказываешь...». Я им говорю: «Спасибо, не надо, ещё отпечатки пальцев могу там оставить. Не надо, спасибо, такого удовольствия». Вот посмеялись и предложили мне на них работать: сказали, что-о... «Ну, ты, там, общаешься с разными людьми интересными...». Вот, а-а...

М: В России?

К: Ну, в России, не только в России.

2) Избегание длительной паузации, являющейся неблагоприятной для формата интервью (очевидные или дублированные семантически, но не по форме вопросы):

Л: Они тебя хвалили?

О: Всё время.

Л: За что?

О: За всё.

Л: Вообще за всё?

О: За всё. Я даже помню, как я поссорился с ними из-за того, что я че-то где-то не попал, у меня че-то не получалось, я сидел без работы. После института сразу я орал: «Какого хрена вы мне говорили, что я талантливый, когда у меня ничего не получается?». И они улыбались (смеётся). Да.

3) Поддержка собеседника в случае речевого затруднения (уточняющие вопросы, конструкции совместного синтаксиса):

К: Боль, которая меня беспокоила на протяжении 4-5 месяцев, она усиливалась, и последнюю неделю, когда я был еще в Анталье, я уже не смог ни тренироваться, ни нормально передвигаться, то есть э-э=

И: (качает головой) уколы уже не помогли?

К: Уколы = Ничего (качает головой) ни-ничего не помогало.

4) Выражение вовлеченности в диалог (конструкции повтора фраз собеседника):

*А: Вот государство — это как раз такой некий **арбитр**=*

Стас: арбитр (кивает).

5) Пояснения для зрителей:

К: В телеграм-сообщество попадаю = В 20-ом году начался Карабах – это, ну, вот Армения, Азербайджан, и-и тогда и телеграм-каналы стали, ну, активно набирать какую-то аудиторию, и понимаешь, что не всё можно выкладывать на Ютуб, ну, в силу ограничений формата, а-а, был создан и телеграм-канал...

М (перебивая): «История оружия» который?

К: Да-да, который, вот, э-э, на момент моего задержания был крупнейшим военным каналом в русском сегменте.

Отметим, что максимальную степень вовлеченности в процесс коммуникации выражают маркеры обратной связи первого уровня конвенциональности.

Замечен низкий процент употребления дискурсивных слов в интервью (15% без невербального компонента и 2% с вербальным). Это обусловлено форматом интервью и его

нетождественности относительно устного спонтанного диалога, где дискурсивные слова встречаются чаще.

Обратная связь – это фундаментальный в медиадискурсе мультимодальный феномен, который нужен для координации собеседниками диалога и трансляции идей. Маркеры обратной связи не могут быть использованы в любой момент коммуникации, они актуализируются говорящими в определённые, релевантные для собеседников моменты. Их основным свойством является продвижение диалога. Следовательно, если в коммуникативном взаимодействии отсутствует обратная связь, то такое взаимодействие нельзя назвать успешным, так как отсутствует главный «координатор».

Литература

1. Иванова И.В. Эмотивные языковые средства в англоязычных текстах СМИ // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2021. – №. XIII. – С. 41-46.
2. Кобозева И.М., Иванова О.О., Захаров Л.М. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге, 2019.– 16 с.
3. Лушева, А.А. Классификация маркеров обратной связи в устном спонтанном диалоге по признаку конвенциональности / А.А. Лушева // Язык и культура: взгляд молодых. – Москва: XXIV Кирилло-Мефодиевские чтения, 2023. – С. 288-293.

Lusheva A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Specifics of the functioning of feedback markers of varying degrees of conventionality in media discourse (based on video interviews)

The article, based on video interviews, examines explicit feedback options - feedback markers. A content analysis of feedback markers is carried out, based on their classification according to the degree of conventionality, the specifics of their functioning in media discourse are revealed. The following features of the use of feedback markers in interviews are described: the influencing function of non-verbal feedback markers, low degree of verbalization, polypragmatism. In addition, the pragmatic effects identified in the research material in the use of feedback markers in media discourse are analyzed.

Keywords: feedback, feedback markers, interview, media discourse.

Лысенкова Василиса Васильевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

vasilioosa@gmail.com

Роль А.С. Пушкина в сознании поэтов Серебряного века

Статья посвящена исследованию роли А.С. Пушкина и его творческого наследия в сознании поэтов Серебряного века. Автор анализирует восприятие фигуры А.С. Пушкина символистами, акмеистами и

футуристами. В статье рассматривается как личностное, так и идеологическое отношение поэтов Серебряного века к А.С. Пушкину.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, пушкинская традиция, Серебряный век, восприятие.

В 1880-е годы спад интереса к фигуре А.С. Пушкина сменяется подъёмом, который был ознаменован переходом от *политической эпохи* к *эпохе литературной*, получившей название «Серебряный век». В 1880 году Ф.М. Достоевский произнёс «Пушкинскую речь», которую завершил такими словами: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Ф.М. Достоевский подчёркивает национально-русский характер творчества поэта и «всечеловечность его гения». Роль А.С. Пушкина получила идеологическое обобщение. После – значение и образ поэта также подвергались осмыслению, особенно на рубеже XIX-XX веков.

Процесс осмысления пушкинской традиции на рубеже XIX-XX веков стал неотъемлемой частью духовного бытия, главным художественным и исследовательским принципом русской литературы. Ощущения истории и современности остро сопрягались в сознании поэтов Серебряного века: воспитанные на классическом искусстве, но стремившиеся к созданию новой поэтической культуры, они считали фигуру А.С. Пушкина и его нравственно-эстетическое наследие пленительными, несмотря на неоднозначное отношение к ним. В.Я. Брюсов в статье «Священная жертва» (1905) отмечал: «А.С. Пушкин часто чутким слухом предугадывал будущую дрожь нашей современной души» [7]. Однако здесь же поэт пишет о том, что модернисты не могут пойти по пути А.С. Пушкина – пути *молчания*: А.С. Пушкину были известны и «угроза близкой смерти», и «дни мучительной ревности», и «кошмары в одиночестве», однако он стремился к *творческой немоте*, чтобы сохранить гармонию своего поэтического мира [8, с. 56]. По словам В.Я. Брюсова, символисты же, напротив, должны быть открыты миру и всем его проявлениям. Этот тезис демонстрирует неоднозначное отношение поэтов Серебряного века (символистов) к А.С. Пушкину.

Модернисты обращались к эссеистике, чтобы отразить рефлексию о феномене А.С. Пушкина – вопросе не столько о проблеме творчества поэта, сколько о его способности раскрыть многоплановость национального, исторического и культурного бытия. Поэты индивидуально восприняли феномен А.С. Пушкина – их личностное отношение было отражено в ряде статей: Д.С. Мережковский «Пушкин», В.Я. Брюсов «Пушкин в Крыму», А.А. Блок «О назначении поэта».

И.А. Бунин в стихотворении «26-е мая» отождествляет А.С. Пушкина со счастьем и светом: «...сумрак жизни озаряет» [5]. Статья «Думая о Пушкине» показывает отношение И.А. Бунина к нему: «Когда он вошёл в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил её небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной – и так особенно – с самого начала моей жизни», – он ощущает себя в родстве с Пушкиным» [6]. Творчество поэта вызывает в его душе «желание написать что-нибудь по-пушкински, что-нибудь прекрасное, свободное, стройное».

В манифесте символизма «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (1892) автор Дмитрий Мережковский не упомянул имя А.С. Пушкина – реакция творческой интеллигенции на это была скорой. Так, литературный критик Аким Волынский возразил Д.С. Мережковскому, что «не было в России ни одного литературного явления, которого нельзя было связать с преданием поэтической деятельности Пушкина» [8, с. 67]. И уже через четыре года символист Д.С. Мережковский вновь заговорит о *причинах упадка литературы*, отметив, что корень данной историко-культурной проблемы лежит в «отклонении от пушкинского пути». В это время А.С. Пушкин воспринимался символистами как творческий ориентир.

И.Ф. Анненский отрицал пушкинианство как воплощение идеализированного прошлого из-за несопоставимости пушкинской действительности и современности, полной трагизма, однако в статье «О современном лиризме» (1909) подчеркнул ценность творчества поэта, его наследия: «Современная поэзия чужда крупных замыслов, и в ней редко чувствуется задушевность и очарование лирики поэтов пушкинской школы» [2].

А. Блок провозглашает: **«И всё вздор перед Пушкиным»**. В стихотворении «Пушкинскому дому» (1921) лирический герой Блока *кланяется* Пушкинскому дому в Академии наук: А.С. Пушкин выступает как наставник, который должен *помочь в непогоду*: «Пушкин! Тайную свободу / Пели мы вослед тебе! / Дай нам руку в непогоду, / Помоги в немой борьбе!»

Символизм продолжил культ А.С. Пушкина, который начался в 80-е годы XIX века. Уже В.Г. Белинский отметил, что «каждое чувство, лежащее в основе стихотворения А.С. Пушкина, – это не просто чувство человека, а чувство художника» [3].

А.С. Пушкин – это синтетическое начало в литературе, которое обеспечивает не только её устойчивость, но и устойчивость бытия. Однако в сознании поэтов Серебряного века стабильность была поколеблена. Творчество А.С. Пушкина как итоговое выражение русского мировоззрения XIX века служило для символистов, скорее, опорой, для того чтобы оттолкнуться от неё и художественно отразить *новый век*, поэтому в практическом ключе

поэзия символистов часто носила «антипушкинский характер» [8, с. 78]. Многие символисты называли поэзию А.С. Пушкина *разборчивой* и *отчётливой*. Так, А.А. Блок в записной книжке от 1914 года отмечает: «Всё до ужаса ясно, как линии на руке под микроскопом» [4]. Однако А. Белый говорит лишь о «внешней доступности» поэзии Пушкина, подчёркивая её внутреннюю сложность. Таким образом, поэты-символисты связывали пушкинскую поэзию с теми формами строения жизни, которые к новому столетию уже были неустойчивыми, и стремились к обновлению выразительных средств.

Представители акмеизма ставили перед собой задачу преодоления символизма. Объективный мир обладает для них притягательностью как неоспоримая ценность. Их стремление – это возвращение поэтического образа в этот мир – мир вещный. «Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более ли менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма», – писал Н. Гумилев в статье «Наследие символизма и акмеизм» (1924). А.С. Пушкин как *поэт формы* имел большое значение в этом литературном течении. О.Э. Мандельштам в статье «Искусство слова» пишет: «Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой» [8, с. 115], – исторический Пушкин становится феноменом настоящего времени. Память в понимании акмеистов – это то нравственное начало, которое противодействует смерти и забвению. А.С. Пушкин был одним из важнейших сосредоточений культурной памяти России.

М.А. Кузмин в стихотворении «Пушкин» (1921) утверждает, что душа бессмертна у всех, но душа А.С. Пушкина живёт *особенно*. Он говорит о том, что Пушкин уже всё придумал: а всё, что было после него – это «докучные выдумки». В нём смешаны крайности: «жрец» и «весёлый малый», «пророк» и «страстный человек», подчёркивается его простота и живость.

Поэт С.М. Городецкий в произведении «А.С. Пушкину» (1915) определяет его фигуру градационным рядом *предтеча, первенец, пророк* и обращается к нему на Вы. Акмеист утверждает: если испытываешь искреннее, настоящее чувство, то ты неосознанно тянешься к А.С. Пушкину, так как он концентрирует в себе прямодушие и открытость.

А.С. Пушкин был особенным поэтом и для А. Ахматовой: любовь к нему обостряется её обучением в Царскосельском лицее, в котором до сих пор ощущается вечный пушкинский дух. В отличие от М. Цветаевой, она никогда бы не позволила себе «побежать с ним за руку вниз по горе» («Встреча с Пушкиным»), так как для неё было недопустимо сокращение дистанции, в то время как Марине Цветаевой «руки даны – протягивать каждому обе...». Уже в «Вечере», первом поэтическом сборнике А. Ахматовой, создан притягательный и

живой образ А.С. Пушкина: *«Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озерных грустил берегов, / И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов».*

Поэтесса Серебряного века М. Цветаева считала себя *правнучкой* А.С. Пушкина, такой же великой, как и он: *«Вся его наука – / Мощь. Светло́ – гляжу: / Пушкинскую руку / Жму, а не лизу»* («Станок» из цикла «Стихи к Пушкину»). Она свободно обращается к нему, как к единомышленнику. В статье «Поэт и время» М. Цветаева утверждает современность поэта: *«...самый современный для своего времени поэт, творец».*

Декларация футуристов «Пощёчина общественному вкусу», в которой представители этого литературного течения призывали «сбросить Пушкина с парохода современности», побуждала выступить против устоявшихся литературных принципов, а не против А.С. Пушкина. А.А. Блок предположил: *«А что если Пушкина научили любить опять по-новому – не Брюсов, Щеголев, Мерзлов и тд., а футуристы... Они его бранят по-новому, а он становится ближе по-новому».* Иное отношение к Пушкину зарождалось там, где нужно было найти новый практический подход к нему, яркий пример чему является творчество В. Маяковского.

В. Маяковский считал пушкинскую традицию неоклассицизмом: борьба с этой традицией воспринималась им как борьба за наследие А.С. Пушкина [8, с. 136]. В «Юбилейном» В. Маяковский признавался:

*Я люблю вас,
но живого,
а не мумию...*

По мнению В. Маяковского, в современной действительности должен быть функциональный аналог А.С. Пушкину как «диктатору законов поэзии». Футурист чувствовал на себе **пушкинскую роль**:

*Были б живы –
стали бы
по Лефу соредактор.*

*Я б
и агитки
вам доверить мог...*

Таким образом, пушкинианство является общей чертой всей поэзии начала XX века, а культурно-творческий диалог поэтов Серебряного века и А.С. Пушкина имеет исключительное значение в эволюции литературы первой половины XX века.

1. Агеносов В.В. Русская литература начала 20 века // Москва : Дрофа, 2007. – 506 с.
2. Анненский И.Ф. Статья «О современном лиризме» [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0460.shtml (Дата обращения 28.01.2024)
3. Белинский В.Г. Статья «О поэзии Пушкина» [Электронный ресурс] // URL: <https://lit.wikireading.ru/21694> (Дата обращения 15.02.2024)
4. Блок А.А. Из записных книжек и дневников [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0090.shtml (Дата обращения 15.02.2024)
5. Бунин И.А. Стихотворение «26-е мая» [Электронный ресурс] // URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/ka3/ka32213-.htm?cmd=p> (Дата обращения 17.01.2024)
6. Бунин И.А. Статья «Думая о Пушкине» [Электронный ресурс] // URL: <https://lk.vrnlib.ru/?p=products&pr=87> (Дата обращения 17.01.2024)
7. Брюсов В.Я. Священная жертва [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_svyachennaya_jertva.html (Дата обращения: 20.02.2024]
8. Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века // Издательский центр РГГУ. – Москва, 1998. – 482 с.
9. Непомнящий В.С. Центральная фигура нашей литературы // Пушкин: Неизвестное об известном // Газета «Автограф», 1999. – С. 43-70
10. Франк С.Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. // Книга, 1990. – С. 409-410.

Lysenkova V.V.

Pushkin State Russian Language Institute

The role of A.S. Pushkin in the minds of the poets of the Silver Age

The article is devoted to the study of the role of A.S. Pushkin and his creative heritage in the minds of poets of the Silver Age. The author analyzes the perception of A.S. Pushkin's figure by symbolists, Acmeists and futurists. The article examines both the personal and ideological attitude of the poets of the Silver Age to A.S. Pushkin.

Keywords: A.S. Pushkin, Pushkin tradition, Silver Age, perception.

Лю Тун

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

lucia010507@gmail.com

Тема природы в цикле И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе»

Работа выполнена под руководством Леонова И.С., доктора филологических наук, профессора, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа темы природы в «Стихотворениях в прозе» Ивана Сергеевича Тургенева на основе отдельных фрагментов, посвященных данной тематике. Автором детально рассматривается двойственность природы, проявляющаяся в произведениях Тургенева, а также основные положения его философии природы, в том числе отношения между человеком и природой, равенство всех живых существ и господствующая роль природы над человечеством. В статье особое внимание уделяется выявлению и анализу романтических и пессимистических мотивов, пронизывающих тургеневские стихотворения в прозе на тему природы, что позволяет глубже понять миропонимание писателя и многоаспектность его творческого наследия.

Ключевые слова: Стихотворения в прозе, И.С. Тургенев, природа, человек и природа, русская литература.

В произведении И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» затрагиваются разнообразные темы, среди которых жизнь и смерть, природа и искусство, человек и общество, и особое место занимает природа.

И.С. Тургенев испытывает глубокую привязанность и восхищение природой. Он не только «певец природы», но и её «наблюдатель», поэтический «изобразитель». В творчестве И.С. Тургенева природа занимает особое место, внося в жизнь и творческие концепции писателя свою красоту, величие и величественность. На протяжении более четырех десятилетий творческой деятельности писатель пронизывает свои произведения связью человека с природой, представляя природу в качестве особого образа, наделяя её разнообразными, уникальными чертами и идеями. Понимание природы у писателя проходит этап постепенного углубления, которое в «Стихотворениях в прозе» достигает философского осмысления. Таким образом, исследование темы природы в «Стихотворениях в прозе» помогает раскрыть мировоззрение И.С. Тургенева на природу и, анализируя приёмы описания природы, понять его уникальный художественный стиль.

В произведении «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева особое внимание уделяется теме природы, которая раскрывается через двойственное представление. С одной стороны, природа изображается как благодатная и животворящая сила, источник жизни и основа существования человечества, что создает образ идеальной гармонии между природой и человеком. С другой стороны, перед нами предстает природа как неисследованная и непредсказуемая стихия, носящая в себе черты безжалостности и вызывающая чувство ужаса, что подчеркивает ее противопоставление человеку.

В стихотворении «Деревня» И.С. Тургенев представляет идиллический образ природы, наполненный миром и гармонией, где каждая деталь – от залитого синевой неба с одиноким облачком до многоголосого пения птиц и утонченного аромата трав и дыма – вносит свой вклад в создание полной живописности картины:

«Ровной синевой залито всё небо; одно лишь облачко на нем – не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух – молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смирно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой – и дегтем маленько – и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух» [5, с. 21].

Картина природы отражает глубокую связь человека с окружающим миром, где каждый элемент гармонично сочетается с другими, создавая ощущение единства и целостности бытия.

А в стихотворении «Разговор» природа приобретает не характерные для писателя мягкость и красоту, а оттенки строгости и величия:

«Над горами бледно-зеленое, светлое, немое небо. Сильный, жесткий мороз; твердый, искристый снег; из-под снега торчат суровые глыбы обледенелых, обветренных скал.

Две громады; два великана вздымаются по обеим сторонам небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорн» [5, с. 26].

Юнгфрау и Финстерааргорн, два гиганта, ведут между собой диалог, в котором проявляется пренебрежение к людям, называя их «козявкам». Обмен репликами между горами мгновенен, однако это мгновение равносильно тысячелетиям. Автор ставит природу и человечество в контрасте вечности и мгновения, величия и ничтожества, подчеркивая незначительность и хрупкость человеческой жизни на фоне неизменности и масштабов природы.

В стихотворной прозе «Природа» представляет образ Природы предстаёт перед читателями величественным и непостижимым, олицетворенным в образе величавой женщины: *«По самой середине храмины сидела величавая женщина в волнистой одежде зеленого цвета» [5, с. 123].* Величие и могущество природы против мелочности человеческой жизни представлены в стихотворении «Природа» [2, с. 69]. Природа понимается как могущественная сила, внимание которой равномерно распределено между всеми формами жизни, следующая своим вечным и неизменным законам, перед лицом которых человеческие стремления, надежды и понятия теряют свою весомость и значимость.

Эти контрастные образы природы в творчестве Тургенева являются выражением глубокого философского осмысления взаимоотношений между человеком и природой. Прекрасная и животворящая природа является источником вдохновения и радости для людей, помогает им находить в себе гармонию и мир. В то же время, необъятная и

неизведанная сторона природы вызывает чувство тревоги и страха перед её мощью и непредсказуемостью.

Два противоположных образа природы отражают глубокий философский подход к восприятию мира, где красота и гармония сосуществуют с тайной и опасностью, а человек постоянно ищет своё место между этими двумя крайностями. Осознание трагического, неразрешимого противоречия между «живым» человеком и «бесконечной гармонией» «равнодушной природы» пришло к Тургеневу очень рано [1, с. 9]. Противопоставление и в то же время стремление к синтезу двух начал природы отражают поиск человеком своего места в мироздании, где прекрасное и угрожающее, вдохновляющее и пугающее находятся в постоянном диалоге и взаимодействии.

Различные трактовки образа природы отражают философию природы у Тургенева. В его произведениях акцентируются такие аспекты, как отношения между человеком и природой, равенство всех живых существ и господствующая роль природы над человечеством.

Отношения между человеком и природой. В произведениях И.С. Тургенева представлены две категории людей, которые наиболее тесно связаны с природой: во-первых, это трудящиеся низшие слои общества, которые размножаются и живут в лоне природы, долгое время находясь в непосредственном контакте с ней, и являются ее самыми искренними поклонниками, что блестяще описано в «Записках охотника»; во-вторых, это аристократы и интеллектуалы с богатым и тонким эмоциональным миром, на которых любое изменение в природе способно вызвать глубокий эмоциональный отклик. В стихотворении «Деревня» И.С. Тургенев, помимо описания красот природы, также внимательно изображает мужчин и женщин, стариков и детей деревни, используя в своем описании зрительные, слуховые и вкусовые ощущения: *«Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках... Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные огнистые капли»* [5, с. 22]. Эти конкретные и живые образы являются неотъемлемой частью гармоничного пейзажа взаимоотношений человека и природы, где человек существует как элементы природы. Природа здесь сливалась со всем укладом семейного сообщества и пожизненно оставляла свою печать на духовном облике ее обитателей [4, с. 17]. Писатель видит в ней всеобщую и неиссякаемую гармонию, в которой уживается всё сущее. Все жизни сливаются в единую мировую жизнь. В природе всё и отдельно, и вместе в то же время.

Равенство всех живых существ. В стихотворной прозе «Природа» ответ на вопрос человечества символизирует равнодушие Природы к человеческим ценностям и идеалам, выражая её отношение ко всем живым существам без исключения и акцентируя на незначительности человека в величественном порядке мироздания:

«– Но разве мы, люди, не любимые твои дети?»

Женщина чуть-чуть наморщила брови:

– Все твари мои дети, – промолвила она, – и я одинаково о них забочусь – и одинаково их истребляю» [5, с. 124].

Этот фрагмент показывает, что Природа не признаёт добра и зла, разума и справедливости как человеческие концепции, ставясь выше них и указывая на то, что она следует только своим законам. Отношение Природы к человеку и другим существам описывается как равнозначное, подчёркивая идею о том, что человек для неё не более значим, чем любое другое живое существо.

Господствующая роль природы над человечеством. В глазах Тургенева природа властвует над человеком, человек подчиняется силам природы и должен следовать за ней. В таких условиях человек бессилён перед лицом природы и судьбы. Человек тянется к природе, но она в отношениях с ним стремится всецело овладеть им, безраздельно подчинить своей стихии. В стихотворении «Конец света» перед нами раскрывается всемогущество природы над человечеством. Непрекращающееся ощущение надвигающейся катастрофы, молчаливое блуждание людей по комнате и их тревожные взгляды усиливают чувство их уязвимости и неспособности изменить ход событий. Величественная картина, когда море, охватывающее всё небо, несётся к земле, символизирует апокалиптическую силу, перед которой человечество оказывается бессильным. Тургенев поднимает вопрос о месте человека в мире, где природа обладает абсолютной властью и может в одно мгновение изменить судьбы цивилизации. Не смотря на все стремления человечества к доминированию и контролю, человек остаётся лишь пассивным свидетелем непреодолимой силы природы. Человек — всего лишь часть великой природы, подчиняющейся её универсальным законам, перед которыми он оказывается беззащитным.

Двойственность природы также привела к сочетанию романтизма и пессимизма во взглядах Тургенева на природу. Тургенев противопоставляет красоту природы темной реальности общества и бесконечным человеческим желаниям, вкладывая свои идеалы и утешение в богатую и свободную русскую деревню и простых, гостеприимных людей, что выражает романтическую философию, стремящуюся найти идеалы в природе. Однако романтические взгляды Тургенева приводят к излишней идеализации и антропоморфизации

природы: он полагает, что, даря природе безграничную любовь, в ответ должен получить такую же любовь. В конечном счете, природа является лишь объективным существованием, и когда она не отвечает ожиданиям Тургенева, он раздражается на её безразличие, ненавидит её бесчувственность, создавая образ природы как ужасающего и жестокого. Таким образом, проза, восхваляющая величие и тайны природы, пропитана сильным романтизмом, как, например, в стихотворениях «Старуха» и «Природа», где используются символизм и мечтательные формы, наполненные густым романтическим настроением.

Безразличие природы, проявляющееся в её вечных и неизменных законах, вызывает у Тургенева пессимизм. Например, в «Разговоре» проявляется чувство бездействия и крайнего пессимизма перед лицом природы, когда человек чувствует свою одиночку, слабость и незначительность. Тургенев считает, что человек мелок не по своей сути, а из-за своей зависимости от законов природы, что является его размышлением о судьбе человечества. Извечный ужас человека перед неизбежностью смерти в стихотворении И.С. Тургенева «Старуха» приобретает пессимистический оттенок [3, с. 55]. Образ старухи, символизирующий смерть, акцентирует на бессилии человека перед лицом неизменных законов природы, управляющих жизнью и смертью. По этому поводу природа выступает одновременно как дарительница жизни и вестница смерти, подчеркивая глубокую двойственность бытия.

Таким образом, природа в «Стихотворениях в прозе» выступает как мощный фактор, формирующий человеческое сознание и мировоззрение, зеркало, в котором отражаются глубинные философские идеи о жизни, смерти, любви и одиночестве. Природа выступает не просто как декорация для человеческих переживаний, но как самостоятельная, живая сущность, с которой человек ведет непрерывный диалог. Этот диалог раскрывает сложные отношения между человеком и природой, где природа одновременно является источником жизни и красоты и непредсказуемой силой, способной привести к разрушению и смерти. Тургенев мастерски использует образы природы для размышлений о судьбе человечества и индивидуальном поиске смысла жизни, делая ее центральным элементом своего художественного мира.

Литература

1. Головкин В.М. Натурфилософские идеи И.-В. Гёте в творческой рецепции И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 4(20). – С. 8-19.
2. Гулевич Е.В. Идеино-художественное своеобразие цикла «стихотворения в прозе» И.С. Тургенева // Архивариус. – 2016. – № 2(6). – С. 68-70.

3. Магомедова М. К. Концептуальное звучание стихотворений в прозе "Табуны" Ф. Алиевой и «Старуха» И. Тургенева // Филология: научные исследования. – 2020. – № 12. – С. 51-58.
4. Скокова Л. И. «Деревня» Тургенева и «Деревня» Пушкина // Спасский вестник. – 1999. – № 5. – С. 16-20.
5. Тургенев И.С. Стихотворения в прозе: для старшего школьного возраста – Москва: Детская лит., 2007. – 207 с.

Liu T.

Pushkin State Russian Language Institute

The Theme of Nature in I.S. Turgenev's «Poems in Prose»

This article attempts a comprehensive analysis of the theme of nature in I.S. Turgenev's «Poems in Prose», based on individual fragments dedicated to this topic. The author meticulously examines the duality of nature as manifested in Turgenev's works, as well as the core tenets of his philosophy of nature, including the relationship between man and nature, the equality of all living beings, and nature's dominating role over humanity. Special attention is given to the identification and analysis of romantic and pessimistic motifs permeating Turgenev's prose poems on the theme of nature, which allows for a deeper understanding of the writer's worldview and the multifaceted nature of his creative legacy.

Keywords: Poems in Prose, I.S. Turgenev, nature, human and nature, Russian literature.

Лю Юйсинь

Институт русского языка имени А.С. Пушкина

1255261753@qq.com

Прецедентный феномен исторической личности в современном русскоязычном медиадискурсе (на материале образа Лаоцзы)

Работа выполнена под руководством Юриной Елены Андреевны, доктора филологических наук, профессора

В настоящее время Лаоцзы остается актуальным историческим персонажем в современном русскоязычном медиадискурсе. Данная работа раскрывает прецедентный феномен, рассматривая образ Лаоцзы в русскоязычных СМИ. Это не только дает русскоязычным СМИ новые творческие идеи и направления, но и предоставляет аудитории по всему миру возможность глубже понять китайскую культуру.

Ключевые слова: прецедентный феномен, медиа-образ, медиадискурс, Лаоцзы

Объектом исследования являются полимодальные средства репрезентации образа Лаоцзы в современном русскоязычном интернет-дискурсе.

Предмет изучения составляет коммуникативные цели использования прецедентного феномена исторической личности в современном русскоязычном интернет-дискурсе.

Цель исследования – выявление феномена прецедентности исторических фигур в русскоязычном медиадискурсе на примере образа Лаоцзы.

Методы исследования: описательный и сравнительно-сопоставительный методы, в том числе приемы семантического и лингвокультурологического анализов.

Основные понятия

Прецедентный феномен – лингвокультурное явление, известное языковым личностям, социальным общностям, этническим группам и обществу, обладающее особой когнитивной, эмоциональной и оценочной значимостью в национальной культуре и сознании человека, связанное с определенными особыми культурными концептами, заключенными в уникальной последовательности ассоциаций. [1]

Прецедентный феномен включает в себя прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентное имя [2]. В данной статье рассматривается феномен прецедентности на примере образа Лаоцзы. (Лао-цзы – прецедентное имя ; Цитаты Лао-Цзы – прецедентные высказывания)

Медиа-образ:

1. В узком смысле – это только фрагменты реальности, описанные в текстах профессиональных журналистов;

2. В широком смысле – это образ реальности, который может быть создан в медиaprостранстве профессиональными журналистами, блогерами, пользователями Интернета и т. д." [3].

Медиа-дискурс – это совокупность процессов и результатов речевой деятельности в медиaprостранстве. Это форма репрезентации и трансляции знаний о каких-либо социальных объектах [4].

Медиа-лингвистика – это изучение характеристик и функций языка, используемого в различных цифровых средах, таких как газеты, журналы, порталы, блоки, посты и другие.

Эта статья о знаменитом древнекитайском мыслителе, философе, писателе и историке – Лао-Цзы (прецедентное имя). Лаоцзы (VI в. до н. э.), настоящее имя Ли Эр, был основателем даосизма и впоследствии мифологизирован как верховный владыка Лао. Согласно легенде, он родился с белыми бровями и белой бородой, что дало ему имя «Лаоцзы» (Старый ребенок).

Лао-Цзы был мастером мудрости, и его учения оказали огромное влияние на развитие китайской философии, культуры и общества. Фундаментальный философский труд Лао-Цзы – «Дао дэ цзин» (также известный как «Лао-Цзы») – один из самых широко издаваемых

и распространяемых в мире произведений в письменной форме, содержащее основные идеи этого мыслителя.

«Дао» и «Дэ»

Философия Лао-Цзы сводится к основным двум понятиям: «Дао» и «Дэ». Первоначальное значение слова «Дао» – это путь, по которому нужно идти, но позже оно было расширено до значения правила, закона. В трактате написано: «Дао произвело одно, одно – два, два – три, а три – все вещи.» (прецедентное высказывание) [5] Дао – это источник и руководящий принцип всех вещей, не вмешивающийся в их развитие. Дао реальный, но не физический, вечный, но не неизменный, он находится повсюду и пронизывает все вещи.

«Дэ» – это внутренняя сила и качество. «Дэ», который пропагандирует Лао-Цзы, заключается в том, чтобы не гнаться за славой и богатством, уменьшить жадность и позволить всему идти своим чередом.

Дао порождает все вещи, а «Дэ» питает все вещи. «Дао» – это сущность, а «Дэ» является внешним проявлением «Дао». Люди, обладающие «Дэ», являются хранителями «Дао», они демонстрируют бескорыстие, бесстрашие и гармонию Дао своими словами, делами и мыслями.

Естественность:

В книге «Дао дэ цзин» подчеркивается важность жизни в гармонии с естественностью и соответствия ей. «Земля несет людей; небо несет землю; Дао несет небо и, наконец, естественность несет Дао» (прецедентное высказывание) [6]. Согласно Лао-Цзы, во Вселенной есть четыре великих существа: Дао, небо, земля и человечество. Человеку следует учиться у щедрости и братства земли, земле – у необъятности неба, а небу – у дао изначальному творению, то есть в соответствии с естественным ходом развития событий. Следующие идеи – это конкретное воплощение взглядов Лао-Цзы на то, чтобы позволить природе идти своим чередом:

а) Бездействие

Бездействие – это не значит ничего не делать, а следовать законам природы и не поступать необдуманно или опрометчиво. Необходимо позволить вещам сохранять свою естественную природу, не подвергаясь искусственным манипуляциям, чтобы достичь состояния «ничего не делать, но все делать».

б) Неконкуренция

Высшая добродетель похожа на воду. Вода благоволит ко всем вещам, но не конкурирует. (прецедентное высказывание) [7]. Как только человек перестает

конкурировать, он становится непобедимым. По-настоящему сильный человек не нуждается в соперничестве и может играть свою роль в естественном ходе событий.

с) Использовать мягкость для преодоления жесткости

Лао-Цзы отмечал, что самые слабые вещи часто содержат в себе огромную силу. В природе вода мягкая, но ее капля может пробить камень. У саженцев очень мало сил по сравнению с камнями, но они могут прорасти сквозь них; ветры ломают сильные деревья, но трава может выжить. Все вышеперечисленные примеры отмечают мягкость и стойкость и поощряют мягкий подход к решению проблем.

д) Воздержание

Жадность - корень зла. Нужно избавиться от жадности, чтобы достичь лучших ожиданий сердца. Лао-Цзы пропагандирует смирение и естественный образ жизни.

е) Поддерживать баланс

Поддержание баланса - еще одна важная идея Лао-Цзы, оказавшая глубокое влияние на его жизненную практику. Необходимо поддерживать баланс инь и ян. По мнению Лао-Цзы, когда вещи доходят до крайности, они обязательно пойдут в противоположном направлении. Необходимо постоянно находить внутреннее равновесие, спокойствие и гармонию с природой через созерцательные размышления.

Лао-Цзы, как прецедентное имя, имеет огромное значение в национальной культуре и сознании. Его идеи, цитаты (прецедентное высказывание) хорошо известны и знакомы каждому, являются важной частью традиционной китайской культуры и на протяжении тысячелетий не только влияли на древнекитайскую философию, религию и культуру, но и оказали значительное воздействие на современное общественное развитие, образ жизни и идеологию.

В работе Лао-Цзы советует уменьшить стресс и плыть по течению, а в жизни - уменьшить желания и стремиться к внутренней гармонии. В самосовершенствовании Лао-Цзы выступает за сохранение доброты и смирения по отношению к другим и уменьшение конфликтов. В вопросах власти он стремится к равновесию и противостоит крайностям.

Литература

1. Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы. Феномен прецедентности и преемственности культур. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2004.
2. Гудков Д.Б. и др. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вест. М. ун-та. – 1997. – № 4. – С.106-118.

3. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская // Вестник ОГУ. – 2013. – №11 (160). – С. 91.
4. Отечественная теория медиа основные понятия. Словарь. Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2019. под ред. Е. Л. Вартановой
5. 王弼注,楼宇烈校释.老子道德经注[M].北京:中华书局,2019.

Liu Yuxin

The Pushkin State Russian Language Institute

Precedent phenomenon of historical personality in modern Russian-language media discourse (on the material of Laozi 's image)

At present, Laozi remains a relevant historical figure in contemporary Russian-language media discourse. By examining the image of Laozi in Russian-language media, this paper reveals the universality and significance of this precedent phenomenon. It not only provides Russian-language media with new creative ideas and directions, but also gives audiences around the world a deeper understanding of Chinese culture.

Keywords: precedent phenomenon; media image; media discourse; Laozi

Любимова Кристина Игоревна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

lyubimowakristina1@yandex.ru

Портрет как прием создания женских образов в романе-эпопее «Тихий Дон» М.А. Шолохова

Настоящая статья посвящена исследованию портрета как средства изображения индивидуальности женских образов «Тихого Дона» М. А. Шолохова через описание внешнего облика героинь, неповторимой мимики, походки. Выявлено, что с помощью портретных характеристик писатель обращает внимание читателя на темперамент героинь и их отличительные черты характера.

Ключевые слова: портрет, художественный образ, женский образ, портретная деталь.

Важным приемом изображения женских образов в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» является портрет. Портрет помогает передать не только внешние особенности героинь, но и раскрыть внутренний мир казачек: эмоциональное состояние, темперамент. М.А. Шолохов, как отмечает Л. Якименко, уделяет особое внимание тому, чтобы в портрете каждой героини было нечто, что соответствует ее душевным качествам [4, с. 321]. Через детализированное описание внешности, жестов, мимики героини оживают на страницах романа-эпопеи, а их образы становятся достоверными в глазах читателя. Ильинична, Аксинья, Наталья, Дуняшка – представительницы разных поколений, и каждая из них имеет уникальные, запоминающиеся портретные характеристики.

Одна из центральных женских фигур – Ильинична. Образ матери-казачки символизирует мудрость, стойкость, верность женщины в тяжелых жизненных обстоятельствах. Портрет героини служит отпечатком жизни с ее радостями и горестями, отражает внутренний мир и силу духа Ильиничны, сформированные через годы труда и страданий. Ее «узловатые и тяжелые руки» символизируют физическую работу, которую она выполняла на протяжении всей жизни. Характерной портретной деталью героини в первом томе является ее походка, вызванная болезнью ног: «откинувшись назад, несет мать в завеске на затоп кизяки, шаркает старчески дряблыми босыми ногами» [3], «с трудом передвигая по кухне ноги хрипела Ильинична» [3]. В третьем и четвертом томах внешняя составляющая отодвинута на второй план, духовное становится первостепенным. Героиня все чаще обращается к Богу, осуждает месть и убийство. Во время прощания с Ильиничной Аксинья не узнает ее: «она с трудом узнала в похорошевшем и строгом лице мертвой маленькой старушки облик прежней гордой и мужественной Ильиничны» [3]. Л.Г. Якименко считает, что именно Ильинична является носителем истинной мудрости естественной жизни [4, с. 365]. Портретная характеристика подчеркивает вышесказанное.

М.А. Шолохов по-разному описывает героинь: если изображения Натальи достаточно подробны на каждом этапе ее жизни, начиная со смотрин, то портретные зарисовки Аксиньи даны в динамике деталей и полноценный портрет отсутствует.

А. Хватов исследует роль портрета в «Тихом Доне» и показывает «отражение нравственной эволюции персонажа в динамике такой портретной детали, как описание глаз, взгляда», что прослеживается в образах Аксиньи и Натальи [2, с. 284]. О глазах Аксиньи М.А. Шолохов пишет так: «жгла полымем черных глаз», «глаза вспыхнули балованным отчаянным огнем», «влажный горячий блеск черных Аксиньиных глаз», «огнисто-черные», «радостно искрились». В каждой из этих характеристик присутствует имплицитная черта – страсть. Черные глаза Аксиньи становятся постоянной, запоминающейся приметой ее внешности и символом страстной натуры героини. Г.А. Заварзина и И.Д. Ягодина отмечают: через изображение взгляда героинь автор передает чувства, которые испытывает женщина в определенный период своей жизни [1, с. 2]. Действительно, присутствует динамика взгляда героини. Перед нами и любящий, ласковый взгляд с «горячим блеском», и «звереющие от боли глаза», и «распухшие чужие глаза».

Аксинья в начале произведения предстает в блистании молодости и красоты. Часто автор использует эпитет «порочные» в описании губ Аксиньи, ее красоты, глаз. Примечательно, что данный эпитет исчезает в период материнства героини. Меняется и портрет Аксиньи: после родов героиня расплнела, теперь у нее «похорошевшие глаза»,

уверенная осанка. Акси́нья в роли матери приобрела и внутреннюю красоту. Однако прошли годы и портрет героини сильно меняется: ее лицо было прекрасным, но постаревшим, «в нем была все та же порочная и манящая красота, но осень жизни уже кинула блеклые краски на щеки, пожелтила веки... притушила глаза» [3]. В измененном взгляде Акси́ньи отражены все потери, одиночество, трудности, которые она пережила.

Напротив, при описании внешности Натальи М.А. Шолохов пишет, с одной стороны, о «смелых серых глазах», с другой стороны, о «бесхитростном, чуть смущенном, правдивом взгляде», подчеркивая этим особенности характера героини. Материнство также резко меняет Наталью, раскрывает ее сущность и предназначение. Это видно в портретных характеристиках Натальи: «не сводила с мужа влюбленных, горячих и затуманенных глаз», «глаза ее вспыхнули таким ярким брызжущим светом радости, что у Григория вздрогнуло сердце» [3]. Облик Натальи часто сопровождается светом, что подчеркивает ее тонкую душевную организацию, глубину чувств, чистоту. В то же время М.А. Шолохов неоднократно отмечает «скорбные глаза» Натальи. Удивительно соседство таких взаимоисключающих понятий как «скорбь» и «свет». На наш взгляд, это говорит о сложности чувств, испытываемых героиней к Григорию Мелехову.

Контраст в портретных характеристиках Акси́ньи и Натальи прослеживается и на уровне улыбки. Изображение губ дается через восприятие их Григорием: «и тут в первый раз заметил Григорий, что губы у нее (Акси́ньи) бесстыдно-жадные, пухловатые», «припухшие, слегка вывернутые, жадные», «порочно-сжатые». Губы Акси́ньи чаще смеются: «Григорий всматривается в Акси́нью. Лицо ее мелово-бледно, но красные, чуть вывернутые губы уже смеются», «жадные губы ее беспокоило и вызывающе смеялись» [3]. При этом в портрете Натальи губам М.А. Шолохов уделяет меньше внимания. Григорий целовал «влажные, безвкусные губы жены», «хмурясь, Григорий целовал пресные губы жены». Данные эпитеты подчеркивают оценочно-негативное восприятие Натальи Григорием.

Одним из постоянных определений человеческой сущности Акси́ньи, ее борьбы за счастье становится эпитет «гордая». У Акси́ньи «гордое» лицо, презирая хуторские сплетни, она «гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову» [3]. После ссоры с Мелеховыми она не здоровается с ними, «с сатанинской гордостью, раздувая ноздри, проходила мимо». Неоднократно повторенное определение «гордая» служит, на наш взгляд, для выделения одной из самых существенных черт характера Акси́ньи. Акси́нья гордится не столько своей яркой красотой, сколько постоянной готовностью отстаивать свое человеческое достоинство, показывает жизненную стойкость и силу.

Описывая же Наталью, автор использует эпитет «рабочие»: «большие, рабочие руки», «широкой, рабочей спине». Таким образом, М.А. Шолохов выделяет трудолюбие героини, которое является одним из ее главных качеств. Действительно, читатель чаще видит Наталью именно за тяжелой работой: она возит снопы, пашет с мужем, хозяйничает возле печи в курене. Портрет создает полный образ героини, подчеркивая ее индивидуальность и создавая контраст с Аксиной.

Рассмотрим портрет представительницы нового поколения женщин-казачек – Дуняши. Можно наблюдать трансформацию портрета героини с тринадцати до двадцати одного года. В начале романа-эпопеи перед нами «длиннорукий, большеглазый подросток», совсем юная девочка с косичками. М.А. Шолохов показывает развитие героини на протяжении всего произведения, добавляя портретные детали.

В пятнадцать лет Дуняшка приобретает черты настоящей девушки, красавицы-казачки: «рано вызрела, как яблоко-скороспелка». При этом в героине остается детская наивность, застенчивость, что прослеживается во взгляде: «все те же застенчивые и озорные искрились черные, в синеве белков миндалины». Портрет Дуняшки является отражением ее веселого, живого нрава. М.А. Шолохов несколько раз использует сему «счастье», подчеркивая счастливые глаза героини, ее счастливое лицо. Однако с годами Дуняшка теряет свою веселость, становится более замкнутой, отчужденной, «редко-редко слышался теперь беззаботный Дуняшкин смех» [3].

Безусловно, портрет помогает автору художественного произведения более полно показать особенности внутреннего мира героини. Данный прием создания образов в произведении выполняет характерологическую функцию. М.А. Шолохов через выражения лиц казачек, их мимику, действия раскрывает их психологическое состояние, которое менялось на протяжении длительного времени, при этом каждая портретная характеристика помогает разносторонне представить героиню и создать полноценные женские образы.

Литература

1. Заварзина Г.А., Ягодина И. Д. Эпитеты как средство создания женских образов в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» (на примере образа Аксины Астаховой) – Известия ВГПУ, №2(287), 2020. – 4 с.
2. Хватов А. Художественный мир Шолохова. – Москва, 1978. – 477 с.
3. Шолохов М.А. Тихий Дон // [Электронный ресурс] URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/proza/tihij-don/1-1-glava-iii.htm> (дата обращения: 12.02.2024)
4. Якименко Л.Г. Михаил Шолохов. – Москва: Советская Россия, 1967. – 660 с.

Lyubimova K.I

Pushkin State Russian Language Institute

Portrait as a technique for creating female images in the epic novel "The Quiet Don" by M.A. Sholokhov

This article is devoted to the study of the portrait as a means of depicting the individuality of the female images of the "Quiet Don" by M.A. Sholokhov through the description of the external appearance of the heroines, unique facial expressions, gait. It is revealed that with the help of portrait characteristics, the writer draws the reader's attention to the temperament of the heroines and their distinctive character traits.

Keywords: portrait, artistic image, female image, portrait detail.

Лямаев Артем Вадимович

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

22liamaev@mail.ru

Категория адресованности в высказываниях с предикативами

долженствования

Работа выполнена под руководством Иванова Петра Константиновича

Рассмотрены особенности реализации категории адресованности в высказываниях с предикативами долженствования. Описаны и классифицированы случаи имплицитного выражения адресованности на материале нескольких телеграм-каналов. Было выявлено 7 групп таких случаев: 1) через местоимение, указывающее на адресата через компоненты коммуникативной ситуации; 2) через условие; 3) через противопоставление; 4) через субъекта действия; 5) через компоненты коммуникативной ситуации в целом; 6) через специализированную лексику; 7) «нулевая» адресованность.

Ключевые слова: адресованность, побуждение, семантический анализ, предикативы долженствования.

Если автор использует предикатив долженствования («надо», «необходимо», «нужно» и др.), актуализующий модальность необходимости [6, с. 138-140], то для формирования побудительной семантики [4, с. 219] высказывания, в отличие от побуждений с императивом, требуются дополнительные условия: наличие в контексте указания на субъекта действия и адресата. Применительно к массовой коммуникации данные параметры изучены и описаны в специальной судебно-лингвистической литературе в той степени, в какой они характеризуют т. н. прямые призывы [5, с. 47]. Реализация же категории адресованности в высказываниях с предикативами остается недостаточно изученной, поскольку, как правило, либо не рассматривается авторами научной литературы специально [6, с. 220-246], либо определяется как комплексная экспертная задача, решение которой во многом зависит от результатов психологического исследования материала [8, с. 94]. Классификация способов выражения категории адресованности в рамках данного типа дискурсивных практик и составляет цель настоящего исследования.

Материал исследования включал публикации в нескольких телеграм-каналах (преимущественно «Многонационал», «Евгений Понасенков») и комментарии к публикациям в сообществе «Типичный многонационал» социальной сети «ВКонтакте». Всего было отобрано 17 единиц анализа. Сбор осуществлялся методом целенаправленной выборки: эмпирическую базу исследования составили такие высказывания, в которых при наличии предикатива долженствования (а именно: *надо, необходимо, нужно*) отсутствовал вербальный императив или эквивалентные ему формы [2, с. 433-439], [5, с. 41].

Категория адресованности – это направленность текста, ориентация его на определенную аудиторию, так называемый фактор адресата [1, с. 360], включающий в контексте судебно-лингвистической проблематики в первую очередь указание на исполнителя действия. Она может быть выражена эксплицитно – через обращение – или имплицитно – посредством компонентов коммуникативной ситуации в целом [3, с. 35-36]. Первый способ выражения понятен. Безличные побудительные предложения с эксплицитным выражением адресованности имеют четкую грамматическую структуру – обращение плюс, в нашем случае, предикатив долженствования и глагол действия:

- 1) *Русские, надо объединяться в общины.*
- 2) *Граждане, нужно противостоять этому произволу!*

В приведенных высказываниях автор обращается к «русским» и «гражданам» – адресаты и, соответственно, исполнители желаемого автором действия здесь обозначены посредством прямого обращения и не вызывают сомнения. Но существуют также другие способы реализации рассматриваемой категории, менее явные, где высказывания не содержат обращения, а образ субъекта действия представлен каким-либо иным образом. Результаты исследования показали, что в этом аспекте высказывания, составившие эмпирическую базу исследования, могут быть распределены по семи группам.

В первую группу попали высказывания, где категория адресованности выражается через местоимение, которое указывает на адресата через компоненты коммуникативной ситуации:

- 1) *Вам – и нам всем – надо бороться с путинской мафией.*
- 2) *Тем, кто в Челябинске сейчас противостоит этническим группировкам, так же нужно фиксировать конфликты на фото и видео, стараться всё максимально обнародовать и писать заявления.*

В первом примере автор использует для обращения местоимения «вам», «нам», которые поясняются через компоненты всего высказывания – то есть к тем, для кого его

смысл актуален и кто с ним согласен. Во втором примере адресатом выступают те, «кто в Челябинске сейчас противостоит этническим группировкам».

Вторая группа отличается сформированностью категории адресованности через условие осуществления действия, которое проявляется в условном предложении:

1) *Если хочется дебатов, то надо их и устраивать, с регламентом и модератором.*

2) *Если уж ты борец за социальную справедливость и разнообразие, то надо жить в гетто рядом с целевой аудиторией.*

В первом примере адресатом выступает тот, для кого актуально условие — кому «хочется дебатов». Во втором – тот, кого автор относит к «борцам за социальную справедливость и разнообразие».

Также условие может выражаться имплицитно посредством введения компонента альтернативно-мотивирующего характера: «Надо перенимать калмыцкий опыт. Иначе провокативная гопота с гор так и будет периодически радовать нас такими вот “кондопогами” и прыжками в стиле “Тай-гуй-Махачкала!”». Здесь адресат побудительного высказывания раскрывается в последующем предложении – адресованность тем, кто не хочет, чтобы было «иначе».

Третья группа схожа со второй – в ней адресат выявляется в противопоставлении, нежелательность которого формирует адресованность:

1) *Либо наши дети будут вынуждены испить чашу наших ошибок до дна, либо нам надо решить свои демографические проблемы и перестать разбрасываться российскими паспортами.*

Здесь адресатом выступает тот, для кого первая часть предложения, т. е. вынуждение «детей испить чашу ошибок ... до дна», является нежелательной.

В четвертую группу вошли высказывания, где субъект действия совпадает с адресатом:

1) *Всем приличным людям надо объединяться и бороться с леваками.*

В приведенном примере наличествует эксплицитно выраженный субъект действия, что типично не для всех побудительных высказываний, и он же выступает одновременно адресатом: адресованность «приличным людям», которым «надо объединяться и бороться».

Пятая группа содержит высказывания, адресат которых выявляется посредством указания на необходимость повторения или интенсификации каких-либо уже совершенных действий:

1) *Ранее мы рассказывали, что в Петербурге накрыли азербайджанскую свадьбу в ресторане «Куракина дача», где тоже поймали нелегальных мигрантов. Нужно чаще заглядывать на дни рождения и свадьбы.*

В предложении, предшествующем побудительному высказыванию, содержится указание на предполагаемого адресата через семантику предиката "накрыли", что в переносном употреблении означает 'обнаружить и задержать, захватить на месте, арестовать'. Такую возможность имеют только силовые органы, поэтому в последующем высказывании с предикативом долженствования «чаще заглядывать» нужно силовым органам, они и выступают адресатом, который является участником описываемой ситуации.

В шестую группу вошли побудительные высказывания, где есть специализированная лексика, которая свойственна определенному сообществу людей:

1) *Надо ещё среди «новых россиян» вычислять таких радикалов, лишать гражданства и выдворять, так же не стоит забывать про фанатов АУЕ.*

Выражение «новые россияне», выступающее здесь объектом действия, отсылает к жаргону, которым пользуются люди, придерживающиеся националистских взглядов. Соответственно, они и выступают адресатом этого высказывания.

В последнюю, седьмую, группу попали высказывания, где категория адресованности выражена наименее явно, ее можно назвать «нулевой». В них автор обращается ко всем, кто видит его сообщение и согласен с его посылом, способен его осуществить (т. е. к реальному адресату сообщения):

1) *В это сложно поверить – но это надо знать, видеть и показать другим!*

2) *Такие архаичные рынки – это источник заработка, прежде всего, для криминала, центры обнала и различных нелегальных схем, все их нужно закрывать.*

3) *Надо провести аудит подрядчиков, обеспечивающих автомобильные перевозки.*

Данные высказывания не могут рассматриваться как побуждения без соответствующего контекста, поскольку актуализуемая в них деонтическая модальность не дополняется каким-либо указанием на субъекта прескрипции. Высказывания данного типа могут дополняться императивами, которые указывают на непосредственный характер обращения:

1) *Важная и дельная картинка – изучите, используйте: надо ставить гопников и негодяев на место.*

2) *Ещё большая просьба, перейдите по этой ссылке (https://vk.com/wall327815124_387697?thread=388190) и поставьте лайк пользователю*

Алекс Твист, который поднял вопрос, связанный с мигрантами, там уже больше ста лайков, но надо вывести этот комментарий на первое место, чтобы губернатор Воробьёв не забыл его прокомментировать.

Также, естественно, существуют высказывания, где категория адресованности проявляется несколькими способами сразу. Например, высказывание «Либо наши дети будут вынуждены испить чашу наших ошибок до дна, либо мы должны решить свои демографические проблемы и перестать разбрасываться российскими паспортами». Здесь, во-первых, побуждение адресовано к тем, кто не хочет, чтобы их дети «были вынуждены испить чашу ... ошибок до дна», то есть третья группа. Во-вторых, субъект действия («мы») совпадает с адресатом высказывания (к нам). Это четвертая группа. В-третьих, местоимение «мы» уточняется контекстом: тем, чьи «демографические проблемы» - первая группа.

Итак, было выявлено 7 различных способов имплицитного выражения категории адресованности и показано, что сформированность данной категории в высказываниях с предикативами долженствования является основополагающим фактором для формирования побудительности высказывания.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. – Москва : Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
3. Бердникова Т.В. Определение адресованности побуждения в экстремистских материалах (на примерах из интернета) // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. – Том 14. – № 3. – С. 34-39.
4. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. – 2-е изд. – Москва : Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 336 с.
5. Катышев П. А., Осадчий М. А. Судебная лингвистическая экспертиза: учебное пособие. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. – 121 с.
6. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. – 352 с.
7. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. – 2-е изд. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2019. – 440 с.
8. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / Министерство

юстиции Российской Федерации, Государственное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации; [подг. Кукушкиной О.В., Сафоновой Ю. А., Секераж Т. Н.]. – Москва: ЭКОМ Паблишерз, 2011. – 326 с.

Liamaev A.V.

The Pushkin State Russian Language Institute

Category of addressing in statements with must predicates

The features of the implementation of the category of addressing in statements with predicatives of obligation are considered. Cases of implicit expression of targeting based on the material of several telegram channels are described and classified. 7 groups of such cases were identified: 1) through a pronoun indicating the addressee through the components of the communicative situation; 2) through a condition; 3) through opposition; 4) through the subject of the action; 5) through the components of the communicative situation as a whole; 6) through specialized vocabulary; 7) “zero” targeting.

Keywords: targeting, motivation, semantic analysis, predicatives of obligation

Ма Цуйтин

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

2473616353@qq.com

К проблеме би- и мультиноминативных сочинительных конструкций в русском и китайском языках

Работа выполнена под руководством Саакяна Левона Николаевича, кандидата филологических наук, доцента

Номинативная функция центральной единицы языковой системы – слова – обстоятельно исследована в языках разных типов. Данная работа посвящена вопросу изучения структурно-семантических особенностей явления, недостаточно разработанного в типологически различных языках, – сочинительным номинативным конструкциям, включающим два и более компонента, которые имеют традиционно тесную синтаксическую связь, весьма близкую к идиоматической. Определяется содержание и форма сочинительных номинативных конструкций, а также высказываются некоторые предварительные замечания о принципах, которые могут определять порядок слов в китайских и русских би- и мультиноминативных устойчивых конструкциях.

Ключевые слова: сочинительные номинативные конструкции; последовательность элементов в биноминативных конструкциях, русский и китайский языки.

Сочинительная конструкция – высокопродуктивное синтаксическое средство, широко распространенное в естественных языках. В общем случае рассматриваемая сочинительная конструкция – это, как правило, фразеологизированная единица, состоящая из двух или более структурных компонентов, которые могут быть семантически близки, синонимичны,

деривационно родственны или же, наоборот, противоположны по смыслу и могут сочетаться в равной степени. Между ее компонентами нет структурного приоритета, порядка старшинства или подчиненности, а функция каждого компонента примерно равна функции целого, который может содержать фонетически связанные элементы, такие как *день и ночь, добро и зло, война и мир, дамы и господа, муж да (и) жена* и т. д. Этот простой, на первый взгляд, механизм, который позволяет, кажется, располагать рядом слова-элементы без приоритизации и в любой последовательности, не получал до сих пор должного внимания исследователей в традиционной лингвистике, хотя к этому явлению периодически обращались как российские, так и зарубежные исследователи [см. 2-14].

В китайском языке сочинительная конструкция включает в себя: (1) комбинированные сложные слова (combined compound words); (2) сочинительные комбинированные словосочетания; (3) комбинированные сложные предложения с сочинительными отношениями. Китайский языковед Ху Юшу заметил, что на практике должны существовать три различных вида последовательности слов, а именно: «грамматическая», «семантическая» и «прагматическая». С чисто грамматической точки зрения порядок слов в сочинительных структурах неважен, их расположение свободно и гибко. Как отмечает родоначальник современного китайского языкознания Чжао Юаньжэнь, «параллельные структуры в синтаксисе могут быть изменены на противоположные». Однако если посмотреть на семантический и прагматический аспекты, то подавляющее большинство сочинительных конструкций в китайском языке ограничены различными условиями, и при организации порядка слов необходимо соблюдать, порой довольно строго, определенные принципы. Порядок слов демонстрирует высокую степень устойчивости и подчиняется структурным, семантическим и логическим закономерностям. Некоторые последовательности можно назвать застывшими, необратимыми, а другие могут быть изменены, но все равно должны соответствовать определенным условиям. Другими словами, порядок параллельной структуры имеет принципиальный и относительный характер.

Китайские ученые уделяли больше внимания вопросу порядка сочинительных номинативных конструкций. Например, Чжоу Цзяньмэнь указывает, что элементы в некоторых сочинительных структурах должны быть расположены в соответствии с определенными семантическими и фонологическими закономерностями, а именно: а) важные элементы занимают первое место и второстепенные оказываются на втором (*встреча с директором и сотрудниками отделов*); б) элемент с четным количеством слогов должен стоять на первом месте, а с нечетным – на втором (*机枪和手榴弹* «пулеметы и

гранаты») и т.д. Кроме того, исследователи утверждают, что последовательность конструкций ограничена принципами пространства и времени, восприятия, культуры, фонологии, логики, контекста, языковых привычек и т.д., например, по восприятию сначала большое, а потом маленькое («макро и микро»), по расположению в пространстве идет сначала восток, потом запад («Шэньси-Ганьсу-Нинся»). Ляо Цючжун (1992) обобщил десять принципов порядка сочинительных существительных в синтаксической структуре современного китайского языка в статье «Порядок сочинительных существительных в современном китайском языке». Такие как принцип заметности, принцип одного направления, принцип вежливости и т. д. В статье Лю Ниншэна (1995) утверждается с когнитивной точки зрения, что в китайском языке существует порядок слов, который в принципе можно назвать «базисный предшествует целевой объект». В данной работе «базисный объект» и «целевой объект» – это пара категорий в когнитивной системе. Когда люди воспринимают пространственные отношения между двумя объектами, они всегда берут один объект в качестве «целевого объекта», то есть непосредственного объекта, который мы хотим воспринять. Другой связанный объект принимается за «базисный объект», чтобы определить положение и направление «целевого объекта». Например, в выражениях «книга на столе», и «церковь за больницей», «книга» и «церковь» представляют «целевой объект», а «стол» и «больница» представляют собой «базисные объекты» соответственно и так далее.

Стоит отметить, что некоторые китайские исследователи дают очень проницательное объяснение логического значения параллельных структур. Так, Чжу Дэси указывает, что некоторые сочинительные конструкции структурируются по принципу математического закона умножения и распределения (сумма двух или более чисел, умноженных на третье число, равна сумме каждого из этих слагаемых, умноженных на это же третье число) и могут быть разложены на отдельные высказывания. Например, «*изучать его стихи и романы*» означает то же самое, что «*изучать его стихи и изучать его романы*» точно так же, как « $(A+B) \times C = A \times C + B \times C$ » в математике. С другой стороны, есть некоторые параллельные компоненты, которые невозможно так разложить: например, «*расстояние между Шанхаем и Нанкином*» не равно «*Расстояние от Шанхая и от Нанкина*». Что касается причины этой разницы, Чжу Дэси считает, что такие понятия, как «*расстояние*» и «*дружба*», сами по себе содержат концепцию отношений. Остается открытым вопрос относительно слов, выражающих понятие времени (например, *зима и лето*). Мы считаем, что они также включают подобные значения. Притом, например, как «*с весны до осени*», так и «*с осени до*

лета», где обе конструкции прекрасно понимаются в узусе как движение вперед без лишних уточнений типа «*C осени позапрошлого года до лета этого года*».

В сравнении с этим, исследования биноминативных устойчивых структур лингвистами других стран в основном сосредоточены на их приложениях, таких как перевод биномиальных существительных и факторов, влияющих на их порядок слов. В работе «Перевод биномиальных фраз» канадская исследователь И.В. Спилка впервые на примерах указала на то, что слова и выражения, недавно появившиеся в исходном языке, могут не иметь готовых эквивалентов в целевом языке, что всегда было проблемой при переводе. Особые трудности вызывают биномиальные конструкции, потому что они содержат два существительных. Кроме того, ученый полагает, что французские *биномиальные фразы* (в терминологии Спилки) можно разделить на шесть групп по форме и синтаксису. Путем сравнения каждой биномиальной фразы с ее аналогом в другом языке (английском или французском) было собрано в общей сложности шестнадцать пар примеров, которые были сгруппированы в пять блоков. Наконец, были проанализированы и изучены структура и способы перевода пяти групп биномиальных словосочетаний. Например, установив шкалу определения и детерминации, регламентирующую появление зависимого слова, автор составила формулу для биномиальной фразы, выражающей отношение (принадлежность). «*a, the + noun + 0 + noun = un/le + noun de + 0 + noun*».

a) *The branch manager has several functions to perform.* (Менеджер филиала выполняет несколько функций.)

b) *Le directeur de succursale remplit plusieurs fonctions* (Менеджер филиала выполняет несколько функций.)

Интересный вопрос, который поднимается в статье «Частота и порядок слов в застывших парах» Гертрауды Фенк-Оклон, – это вопрос о наиболее действенном принципе определения порядка слов в «застывших» или «зависающих» парах, как называет биноминативные конструкции автор. Аргументы, представленные в статье Гертрауды Фенк-Оклон, указывают на следующую закономерность: более частотные, но менее информативные элементы ставятся в этих конструкциях на первое место, а менее частотные (и значит – более информативные) на второе, и эта закономерность превосходит такие старые правила, как «короткое перед длинным», «в первом слове всегда меньше начальных согласных», «принцип «я – первый» и пр. Чтобы выяснить, выдерживают ли эти выводы эмпирическую проверку, они были проверены на основе 400 замораживаний с использованием соответствующих статистических данных (от Торндайка и Лорге, Джоссельсона, Мейера, Руоффа).

Обзор соответствующей литературы показывает, что в современной лингвистике не так много исследований, посвященных сочинительным номинативным конструкциям, и в фокусе большинства опубликованных статей оказывается порядок слов в биноминативных структурах с акцентом на различные стороны этой проблемы, такие как психологическая и культурная. Однако в едином стандарте определения биноминативных устойчивых конструкций в китайском и русском языках до сих пор существует пробел, а изучение и анализ причин сходства и различия в порядке слов еще предстоит. Исследование биноминативных устойчивых конструкций в русском и китайском языках имеет актуальное значение для современной лингвистики и межкультурной коммуникации и может способствовать более глубокому пониманию структуры и функций языка, а также улучшению культурного обмена между русскоязычными и китайскими сообществами. Поэтому исследования в этом направлении имеют большое практическое значение и заслуживают глубокого изучения.

Литература

1. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка // Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103. «Иностр. яз.» – Москва. – Ставрополь: Издательство Просвещение. – 1979. – 192с.
2. Донг Сыконг, Обзор исследований порождающей грамматики китайских сочинительных конструкций // Журнал Чунцинского университета науки и технологий (социальные науки). – 2022. – № 36 №04 – С.177-185.
3. Лю Ниншэн, Когнитивная основа структуры с подчинительной связью компонентов китайского языка и ее значение в типологии порядка слов // Китайский язык. –1995. – № 2. – С. 81-89.
4. Лютикова Е.А. Русский язык и формальная лингвистика / Е.А. Лютикова, С.Г. Татевосов // Rhema. Рема. – 2017. – № 4. – С. 9-22.
5. Ляо Цючжун. Собрание сочинений Ляо Цючжуна М, Издательство Пекинского института языка. – 1992. – 209 с.
6. Си Фучжэнь. Два способа создания базовых сочинительных конструкций на китайском языке // Журнал Педагогического университета Или (издание по социальным наукам). – 2014. – № 4. – С. 97-101.
7. Ху Юйшу и Чжан Бинь. Размышления об анализе предложений // Китайский язык. – 1982. – № 8.
8. Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка // Коммерческая пресса. – 1979. – 139с.

9. Чжан Яньцюнь и Синь Чаншунь. Предварительное исследование принципов и причин последовательности слов в сочинительной конструкции // Журнал Тяньчжун. – 2002. – № 4. – С. 69-73.
10. Чжу Дэси. Конспект лекций по грамматике // Коммерческая пресса. – 1982. – С. 157-158.
11. Чжоу Цзянь. Проблемы с последовательностью слов в сочинительной конструкции // Журнал Тяньцзиньского педагогического университета, – 1986. – № 5. – С. 87-91.
12. Ян Мэнмэн, Ху Цзяньхуа. Зачем сочинить? – Проблема сочинительных конструкций в китайском языке с межлингвистической точки зрения // Преподавание иностранных языков и исследования. – 2017. – № 5. – С. 719-731.
13. Gertraud Fenk-Oczlon. Word frequency and word order in freezes // Linguistics. – 1989. – № 27. – С. 517-556.
14. Irène Vachon-Spilka. Translation of Binominal Phrases // Meta– 1977. – № 22. № 3 – С. 171-183.

Ma Tsuiting

The Pushkin State Institute of the Russian Language

On the problem of bi- and multinominative compositional constructions in Russian and Chinese

The nominative function of the central unit of the language system – words – has been thoroughly studied in languages of different types. This work is devoted to the study of the structural and semantic features of a phenomenon insufficiently developed in typologically different languages - compositional nominative constructions involving two or more components that have traditionally close syntactic connection, very close to idiomatic. The content and form of the nominative constructions are determined, and some preliminary remarks are made about the principles that can determine the word order in Chinese and Russian bi- and multinominative stable constructions.

Keywords: compositional nominees

Маклаков Игорь Максимович

Иркутский государственный университет

igorexa-1805@mail.ru

Названия аптек как часть эргонимии Иркутска и Иркутского района

Работа выполнена под руководством Чупановской Марии Николаевны, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета

Статья посвящена комплексному изучению названий аптек города Иркутска и Иркутского района. Коммерческие имена рассматриваются с точки зрения мотивов номинации и отраженной в них прагматической

направленности. Формулируются выводы о том, что уникальность эргонимии придают онимы, в которых отражены региональные реалии.

Ключевые слова: ономастика, оним, эргоним, эргонимия, номинация, название аптеки.

Названия предприятий и учреждений (эргонимы) входят в ономастическое пространство любого города, сельского населенного пункта, шире – района, области, края и т. д. Они представляют собой пласт онимов, который определяет своеобразие той или иной территории России и потому заслуживает особого внимания ученых. Описание и анализ эргонимов проводится в свете различных научных подходов с привлечением большого объема современного фактического материала [2, 3, 4, 7, 10, 13].

Активно изучается и эргонимия Иркутска: эргонимы рассматриваются как «знаки городской лингвокультуры» [1], «часть ономастического пространства города» [8], исследуются вопросы использования элементов пиктографемы в эргонимике Иркутска [5], выявляются и описываются названия, источниками которых выступают другие языки [8, 9]. В поле зрения исследователей оказывается также специфика наименований аптек [6, 11, 12]. Однако тема остается недостаточно разработанной, что определяет актуальность данной статьи.

Названия аптек как вид эргонимов способны выполнять информативную (сообщение информации о сфере деятельности предприятия или учреждения) и воздействующую функции (в широком ее понимании, с включением в нее рекламной и эмотивной функций). Эргонимы, в которых в большей степени реализуется информативная функция, являются прямыми, мотивированными, как правило, безобразными. Имена, призванные выполнять функцию воздействия, часто бывают опосредованными, немотивированными, но яркими и запоминающимися. Как известно, идеальными в плане номинации в эргонимии признаются названия, которые способны органично сочетать и информативную, и воздействующую функции [4, 7]. Выявление таких онимов представляет большой научный интерес, о чем пишут исследователи.

Довольно часто эргоним – это еще и культурный код, содержащий и передающий определенное концептуальное и/или аксиологическое знание. Изучение специфики лингвокультурем и их места в эргонимической системе представляется важным для более полного описания коммерческих имен.

Цель данной работы заключается в комплексном анализе названий аптек города Иркутска и Иркутского района, что позволит углубить знания о языковых средствах, используемых при номинации аптечных учреждений, а также расширить сведения об эргонимии Иркутска и прилегающего к нему района.

Материалом исследования послужили названия аптек, которые расположены в городе Иркутске и Иркутском районе, источниками материала – данные о них на интернет-сайтах.

В городе Иркутске и Иркутском районе очень много фармацевтических учреждений, реализующих лекарственные препараты и сопутствующие товары. На нашей территории представлены федеральные фармацевтические сети («Планета здоровья», «Советская аптека», «Ригла», «Аптека Да», «Аптека 36 и 6» и др.) и региональные аптечные сети и аптеки местного значения, не имеющие филиалов («Иркутская Аптека», «Берегиня», «Живица» и др.). Таким образом, значительный пласт в иркутской эргонимии – это аптечные коммерческие имена. В данной работе большее внимание уделяется названиям региональных аптечных учреждений.

В Иркутске и пригороде названия многих аптек включают компонент «фарм» («фарма»): «Фармсити», «Мегафарм», «Унгафарм», «Фармэкспресс», «Фармтехнологии», «Экофарм», «Торгфармсервис», «Актив фарма». Активность элементов «фарм»/«фарма» в номинации аптек отмечается и в других городах [3, с. 36]. Такие имена передают прямое назначение аптеки – реализация лекарственных препаратов. Они мотивированы, напрямую связаны с деятельностью учреждений, но лишены образности и вместе с тем оригинальности.

Подобные характеристики свойственны распространенным номинациям с главным словом «аптека» или компонентом «аптечный»: «Аптека №...», «Аптека24», «Аптека плюс», «Аптека А», «Аптека ABC», «Аптека+», «Аптечный пункт». По сравнению с ними названия «Аптека для вас», «Ваша аптека» отражают заинтересованность в покупателе, а имена «Хорошая аптека», «Солнечная аптека», «Аптека 5+» содержат еще и положительную характеристику фармацевтического учреждения.

Дополнительную адресную функцию имеют такие названия, как: «Аптека на Ленина», «Аптека на Объездной», «Аптека Глазковская», «Аптека Приморская», «Аптека на Бородина», «Аптека на Цукановой», «Аптека Диагностического центра». Это имена-ориентиры, которые отсылают к определенной локации.

В названиях многих аптек актуализируется тема здоровья, например: «Гармония здоровья», «Мир здоровья», «Здоровый образ», «Здоровье», «Будьте здоровы», «Здравствуйте». Выбор таких названий мотивируется сферой деятельности – продажа оздоравливающих лекарств и товаров, хотя индивидуальность фармацевтического учреждения теряется, а у потребителей возможны ассоциации не с аптечными учреждениями, а с медицинскими центрами.

Нередко в названиях отражается ценовая политика учредителей – реализация препаратов по низким ценам: «*Эконом*», «*Фармэконом*», «*Копеечка*», «*Экономлэнд*», «*Дешевая аптека*», «*Фармкопейка*». Такие аптеки в нашем городе и пригороде пользуются большой популярностью, на что, вероятно, положительно влияет номинация аптечного учреждения.

Интересными являются немногочисленные названия, в основе которых – имена собственные, например: «*Берегиня*», «*Эскулап*», «*Эллада*», «*Авиценна*».

Берегиня в культуре древних славян считалась защитницей людей от зла, беды, болезней. Эскулап в древнеримской мифологии – бог врачевания. Историческое название Греции – Эллада. Это родина «отца медицины» – Гиппократ, который считал болезни не следствием гнева и наказания богов, а результатом неправильного образа жизни. Именно Гиппократ заложил основы медицины как науки. Его дело продолжил знаменитый персидский лекарь Авиценна, который внес большой вклад в развитие фармацевтики.

Встречаются аптеки, названия которых связаны с флорой: «*Арника*», «*Медуница*», «*Живица*», «*Вербена*», «*Шалфей*», «*Ромашка*». Арнику, медуницу, вербену, живицу, шалфей и ромашку используют в медицине, поэтому выбор слов для номинации аптек неслучаен.

Таким образом, эргонимы «*Берегиня*», «*Эскулап*», «*Эллада*», «*Авиценна*», «*Арника*», «*Медуница*», «*Живица*», «*Вербена*», «*Шалфей*», «*Ромашка*», на наш взгляд, являются не только мотивированными, вполне оправданными, но и апеллируют к различным областям знаний и культурному опыту потенциальных потребителей, следовательно, наделены прагматикой.

Есть в нашем городе аптеки, в номинации которых заложен региональный компонент, например: «*Иркутская Аптека*», «*Сибирская аптека*», «*Флория-Сибирь*», «*Иркутск-Росфармация*», «*38 плюс*», «*Ангара-Фарм*». Подобные коммерческие имена выделяют аптечные учреждения как единичные, неповторимые, а также вносят некоторую уникальность в иркутскую эргонирию.

Итак, названия аптек города Иркутска и Иркутского района, являясь частью эргонимии нашего края, отражают современные тенденции в номинации предприятий и учреждений. Одни названия передают исключительно информацию о виде деятельности объекта, другие – наряду с номинативной функцией, наделены еще и воздействием. Прагматизм современного человека порождает аптечные коммерческие имена, которые связаны с удобным расположением объекта и с экономией денежных средств, с ориентиром на здоровье и заботу о людях, с общечеловеческими культурными ценностями. Уникальность эргонимии придают немногочисленные онимы, в которых отражены региональные реалии.

Литература

1. Вайрах Ю.В. Эргоурбонимы как знаки городской лингвокультуры // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 4. – С. 12-14.
2. Калачева И.Ю., Филиппова Е.П., Шемонаева О.С. Эргонимы, мотивированные ономастическими единицами (на материале эргонимии города Орехово-Зуево) // Казанская наука. – 2022. – № 12. – С. 57-59.
3. Ковалева В.С. О названиях фармацевтических учреждений Смоленска и Витебска // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. – 2021. – № 9. – С. 34-40.
4. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (41). – С. 29-36.
5. Лохов С.Н. Пиктографемы в эргонимах г. Иркутска: основные и частные функции // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 113-126.
6. Маклаков И.М., Литовченко Н.В. Название аптек г. Иркутска: семантико-прагматический аспект // «Великое русское слово...»: материалы XX областной открытой научно-практической конференции. Иркутск, 9 декабря 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. – С. 18-20.
7. Пенягина Е.Б. Названия аптек Пермского края в аспекте теории концепта // Глобальный научный потенциал. – 2014. – № 10 (43). – С. 160-162.
8. Семенова В.И. Ономастическое пространство г. Иркутска // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома. В 2 т. – Кострома, 2020. – С. 164-170.
9. Сизых М.М. Лингвокультурный образ Китая в Иркутской эргонимии // Филологический аспект. – 2017. – № 5 (25). – С. 96-102.
10. Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 124-137.
11. Черткова А.С., Бабкина А.А., Беспалова Р.А., Казорина А.В. Прагматические интенции эргонима (на материале наименований аптек Иркутской области) // Постулат. – 2017. – № 12 (26). – С. 65.
12. Черткова А.С., Собко Д.С., Вайрах Ю.В. Лингвокультурологический аспект исследования названий аптек Иркутской области // Постулат. – 2017. – № 12 (26). – С. 64.
13. Юдина Т.М. Эргонимы города Архангельска в лингвокультурном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 9 (75): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 200-203.

Maklakov I.M.,

Irkutsk State University

Names of pharmacies as part of the ergonymy of Irkutsk and the Irkutsk region

The article is devoted to a comprehensive study of the names of pharmacies in the city of Irkutsk and the Irkutsk region. Commercial names are considered from the point of view of the motives for nomination and the pragmatic orientation reflected in them. Conclusions are formulated that the uniqueness of ergonymy is given by onyms that reflect regional realities.

Keywords: onomastics, onym, ergonym, ergonymy, nomination, name of the pharmacy.

Малкина Дарья Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

dashamalkina@inbox.ru

Антитеза как основной композиционный приём стихотворения

А.А. Блока «О, весна без конца и без краю...»

Работа выполнена под руководством Савченко Татьяны Константиновны, доктора филологических наук, профессора

Статья рассматривает стихотворение А.А. Блока «О, весна без конца и без краю...» с точки зрения композиционного построения, в основе которого лежит приём противопоставления. Кроме того, даётся новая трактовка образов лирического героя и его адресата в соотношении с персонажами древнегреческого мифа о Персее и Медузе-горгоне.

Ключевые слова: композиция антитеза, повтор, параллелизм, синонимичность, миф, Медуза-горгона.

Композиционная структура стихотворения А.А. Блока «О, весна без конца и без краю...» строится на двух ключевых художественных приёмах: это антитеза и повтор. Именно «значимые антитезы», говоря словами Ю.М. Лотмана, создают «реальность текста», что приобретает особое значение для данного стихотворения [4, с. 21].

Повтор же как лейтмотив делает возможным развитие этих антитез, которые в определённый момент становятся важны для идейного плана стихотворения. Сосредоточим своё внимание на повторе слова «принимаю». Мотив притяжения жизни последовательно развивается по ходу текста и в финале приобретает несколько иное, чем в начале, более глубокое значение.

В первой строфе лирический герой принимает вызов жизни, как бы выходя на поединок с ней:

О, весна без конца и без краю –

Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!

И приветствую звоном щита!

Слово «весна» синтаксически через знак тире приравнивается слову «мечта». Это важно учесть, поскольку в дальнейшем эти слова будут взаимозаменяемы. Вместе они образуют одно семантическое целое. Помимо синонимичных понятий «весна» и «мечта», в этой строфе замечаем ещё одну пару: «мечта» и «жизнь». Взаимоотношения между ними определим далее.

Для этого обратимся к последней строке строфы: лирический герой «звонит щитом», как звенят оружием, выходя на бой. Это его *жизнь*. Интересно, что вызов сопровождается восклицанием «принимаю!», но при этом у героя есть мысль о весне, о бесконечной *мечте*. Мы не знаем, во имя неё ли он идёт бороться или исходя из иной мотивации. Мечта так или иначе присутствует в художественном пространстве стихотворения. Определим это положение позднее при анализе шестой строфы.

В следующей строфе появляются две пары противопоставлений с одинаковой полярностью положительного и негативного: неудача – удача, плач – смех.

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!

Заметим, какими словами окружает «плач» и «смех» автор: «заколдованная область» плача, «тайна» смеха. Для лирического героя Блока плач и смех становятся не простыми выражениями эмоций, а сокровенными, сакральными проявлениями *жизни*, которую герой приветствует. Именно поэтому он как бы оправдывает своё право на них: «позорного нет!».

Схожие приёмы наблюдаем и в четвёртой строфе (к третьей мы вернёмся позднее):

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

Здесь также выделяем две пары противопоставлений: «веси» (т.е. сёла, деревни) – «города»; «простор – томления».

Если с первой парой традиционного противопоставления города и деревни всё ясно, то вторая вызывает вопросы. Подойдём к этому с формальной точки зрения. В предыдущей строфе противопоставление строилось попарно и последовательно («неудача» – «удача»; «плач» – «смех»). Так же происходит и в первой части этой строфы («веси» – «города»).

Антитетичность общей структуры текста позволяет предположить противопоставленность и второй части строфы («простор» – «томления»).

«Простор» вызывает ассоциацию со свободой: простор в мыслях, чувствах, действиях. «Томления» же не могут происходить по воле самого томящегося, это нечто навязанное извне, а значит, несвободное действие. Тем более это томления *рабских* трудов. «Простор» также уточняется лексикой, дополняющей его значение. *Осветлённый* простор поднебесий – он освещается чем-то с неба, солнцем. Значит, в этой системе координат есть категория *высшего*. Помимо противопоставленности, в этой строфе внутри той же группы слов реализуется и локальная синонимичность.

Первая синонимичная пара: «простор» – «веси». Если сконцентрироваться на пространственном изображении «простора», мы увидим равнину. А ведь это буквально «веси» из первой строки. Возвращаемся к определению: селения, деревни. Таким образом, «веси» и «простор» семантически соотносятся и выступают как локальные синонимы. Предположим и синонимичность «городов» и «томлений» в этой же строфе.

Итак, вторая синонимичная пара: «города» – «томления». Город – место многоэтажности, нагромождённости, куда люди едут зарабатывать на жизнь, *рабски* трудиться, а не жить. Это особенно актуально для начала XX века в Российской империи (время создания стихотворения – 1907 г.). Метафора «*колодцы земных городов*» точно передаёт закольцованность, неестественность городского пространства, где и становятся обыденными «томления рабских трудов».

Итак, новые связи в парах противопоставлений выглядят следующим образом: слова в строках выступают как локальные антонимы, а в столбцах — как синонимы.

веси – города

простор – томления

Расширенная антитеза («веси», «простор» – «город», «томления») продолжает своё развитие и на пространственном уровне. В «колодцах городов» *колодец* – это буквально дыра вниз, а в «просторе поднебесий» *поднебесье* – пространство вверх. Параллельно противопоставляются и эпитеты, сопровождающие эти слова: *земные* города (не небесные) и *осветлённые* просторы (осветленные сверху, с неба).

Вернёмся к пропущенной нами третьей строфе:

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Помимо контрастов жизни (неудача – удача, плач – смех) лирический герой принимает некие «бессонные споры», изматывающие до «воспалённых взоров». Спор – попытка что-то доказать, одержать верх. С кем ведёт спор лирический герой – нам непонятно. Ясно лишь то, что он постоянно к чему-то стремится: именно весна «пьянит» и манит его. Ранее мы говорили, что весна отождествляется с мечтой. Герой видит эту мечту, которая и кружит ему голову.

Здесь завершается первая часть стихотворения. Далее черед повторов «принимаю» прерывается встречей:

И встречаю тебя у порога –
 С буйным ветром в змеиных кудрях,
 С неразгаданным именем бога
 На холодных и сжатых губах...

На этом моменте появляется множество вопросов. Начнём с того, что вдруг возникает обращение второго лица: встречаю «тебя». Такое обращение мы уже видели в первой строфе: «узнаю тебя, жизнь». Кроме жизни герою больше не к кому обращаться на «ты». Вероятно, герой «встречается» лицом к лицу именно с жизнью, которая становится адресатом.

В этой строфе также привлекает внимание особенность «её» – это змеиные кудри. Этот атрибут – отличительная черта Медузы-горгоны из древнегреческих мифов. Итак, к герою приходит предположительно *жизнь* в образе Медузы-горгоны. Вспомним, что это чудовище, убивающее взглядом всякого, кто посмотрит ей в глаза [3, с. 96].

Значит, «она» – это жизнь и Медуза-горгона одновременно. Что же это за жизнь? Коварная и губительная, как Медуза-горгона. Почему у неё «холодные и сжатые губы»? Этот жест означает нежелание что-то сообщать, а именно, «неразгаданное имя бога». Жизнь не открывает сакральное знание герою, не поддаётся ему.

Следующая строфа подкрепляет предположение о мифологической природе конфликта:

Перед этой враждующей встречей
 Никогда я не брошу щита...
 Никогда не откроешь ты плечи...
 Но над нами хмельная мечта!

Здесь возникает образ щита. Вспоминаем миф – именно с помощью зеркального щита герой Персей смог победить Медузу-горгону и отрубить ей голову. Щит появляется в тексте уже во второй раз: в начале герой приветствовал жизнь именно звоном щита. Значит, мы можем провести параллели и снова выделить локальные синонимы:

жизнь – Медуза Горгона
лирический герой – Персей

Почему «она» «никогда не откроет плечи»? Видимо, она никогда не подставится под удар меча, никогда не сдастся. Но и герой не бросит щита. Их противостояние – насмерть.

Обратим также внимание и на пространственное положение «мечты», появляющейся после многоточия в четвёртой строке: «мечта» занимает позицию «над» и тем самым задаёт вертикальный характер художественного пространства: «Пространство в поэзии часто связано с темой власти. Это может быть абсолютная власть над пространством, над миром» [1, с. 138]. В нашем случае это абсолютная власть «мечты», в корне меняющей ситуацию противостояния героя и жизни.

Таким образом, последняя строка с противительным союзом «но» переворачивает ситуацию. «Хмельная мечта» уничтожает, делает ненужным это противостояние, приводя его к окончательному «принятию»:

И смотрю, и вражду измеряю,
 Ненавидя, кляня и любя:
 За мученья, за гибель – я знаю –
 Всё равно: принимаю тебя!

Финальная строфа отличается сильнейшим эмоциональным напряжением, кульминация которого заключается в слове «смотрю». Это действие означает для героя гибель, возможность в любой момент умереть (ведь взгляд Медузы Горгоны смертелен). В момент встречи героя с жизнью-горгоной он всё же решается взглянуть ей в лицо, принимая «мученья» и «гибель». Это весьма сильная позиция. Герой испытывает смешанные чувства («ненавидя, кляня и любя») и всё же принимая жизнь.

Таким образом, антитеза является основным художественным приёмом этого стихотворения, а противостояние становится его основной идеей. Ряд противопоставлений создаёт картину мира лирического героя, который тот принимает вместе с этим противостоянием, которое воплощается в поединке героя с безжалостной жизнью-горгоной. Композиция закольцовывается при помощи повтора слова «принимаю», и таким образом, устанавливается «композиционная переключка между началом и концом произведения» [2, с. 128].

Таким образом, центральные мотивы стихотворения А.А. Блока «О, весна без конца и без краю...» – противостояние жизни и одновременно её глубоко трагическое приятие – раскрываются посредством антитезы как основного композиционного приема.

Литература

1. Азарова Н.М, Корчагин К.М., Кузьмин Д.В., Плунгян В.А. и др. Поэзия: учебник. – Москва : ОГИ, 216. – 886 с.
2. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. Пособие. – 16-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2022. – 248 с.
3. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. - Москва: Издательство «Альфа-книга», 216. – 461 с.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. - Москва: Эксмо, 2022. – 416 с.

Malkina D.D.

Pushkin State Russian Language Institute

Antithesis as the main compositional device of A.A. Blok's poem "Oh, spring without end and without edge..."

The article examines the poem by A.A. Blok "Oh, spring without end and without edge ..." from the point of view of compositional construction, which is based on the method of opposition. In addition, a new interpretation of the images of the lyrical hero and his addressee is given in relation to the characters of the ancient Greek myth of Perseus and the Gorgon Medusa.

Keywords: antithesis composition, repetition, parallelism, synonymy, myth, Gorgon Medusa.

Мальчикова Татьяна Александровна

Место учёбы автора: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
tml25012006@gmail.com

Концепт «человек» в советской литературе 1940-1950х гг. (на примере «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого и рассказа М. Шолохова «Судьба человека»)

Работа выполнена под руководством Е.Л. Гречаниковой, старшего преподавателя кафедры русской и мировой литературы

Предметом научного интереса является концептуальный для военной прозы 1940-1950-х гг. образ советского человека. В качестве объекта исследования – «Повесть о настоящем человеке» (1946 г.) Б. Полевого и «Судьба человека» (1956 г.) М. Шолохова. Компаративный анализ языковых средств, формирующих образы Алексея Мересьева и Андрея Соколова, позволяет констатировать трансформацию образа т. н. «настоящего человека» в повести М. Шолохова «Судьба человека».

Ключевые слова: Полевой, Шолохов, концепт, человек, герой, трансформация.

«Военная» проза как литературное явление развивается на протяжении нескольких десятилетий под влиянием историко-культурных обстоятельств. В частности, пересматривается концепция героизма, трансформируется концепт «война», образ человека

на войне. Так, в литературе первого послевоенного десятилетия наблюдается тенденция романтической героизации (одним из примеров может служить «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого 1946 г.). Изменившаяся социокультурная ситуация второй половины 1950-х гг. даёт возможность переосмысления темы войны, намечаются тенденции дегероизации образа человека на войне, появляются ноты трагизма (например, рассказ «Судьба человека» М. Шолохова, написанный в 1956 году).

Предметом интереса в данной статье является формирование представлений о советском человеке в «военной» прозе первых послевоенных лет, а также трансформация этих представлений под влиянием историко-культурной ситуации 2 п. 1950-х гг. Объект исследования – вышеназванные произведения Б. Полевого и М. Шолохова, созданные с разницей в десять лет.

В большей части художественных текстов первых послевоенных лет представлен идеализированный образ *советского человека*: бесстрашного патриота с железной силой воли, решительного и отважного, способного рисковать жизнью ради других и готового до последнего дня защищать Отечество.

В основе «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого лежит реальная история военного лётчика-истребителя А. Маресьева, которую автор, будучи репортёром газеты «Правда», записал после интервью в 1943 году. Герой произведения – Алексей Мересьев – яркий пример романтизированного и идеализированного образа *советского воина*. Патриотизм, самодисциплина, упорство помогают лётчику, лишившемуся ног в результате крушения самолёта, совершить невозможное – вернуться в авиацию.

Особый интерес представляют лексемы, с помощью которых автор конструирует образ *настоящего человека*. Наиболее часто используются слова «*настоящий*», «*советский*», «*герой*» (общее количество в тексте – около 140: лексема «*настоящий*» – 52 раза, «*герой*» – 37 раз, «*советский*» – 55).

Прилагательное «*настоящий*», как правило, встречается в словосочетании «*настоящий человек*». Одна из основных идей произведения: настоящим человеком нельзя родиться – им нужно стать. Неслучайно именно это словосочетание Б. Полевой выносит в название повести. С помощью указанной лексемы автор маркирует подлинность эмоций и явлений («*настоящая любовь*», «*настоящий ужас*», «*настоящее вдохновение*», «*настоящий противник*»), а также подчёркивает трагизм положения главного героя – отсутствие «*настоящих ног*».

Наречие «*по-настоящему*» встречается на страницах повести 8 раз и, как правило, демонстрирует серьёзность отношения автора к описываемым фактам и ситуациям:

«А лётчик, *по-настоящему* поверив, что этот чёрный, старый, невесёлый человек не кто иной, как Алексей Мересьев...», «В первый раз *по-настоящему* Алексей обратил внимание на свои ноги» [1, с. 51]; «Чудак, вас же *лечить* надо серьёзно, *по-настоящему*» [1, с. 58]; «...он *по-настоящему* понял значение слов, сорвавшихся у девушки с побелевших губ...» [1, с. 62]; «...его инстинктивно тянуло к человеку, который умел *по-настоящему* жить...» [1, с. 97]; «...все сумели оценить и *по-настоящему* полюбить» [1, с. 118]; «...и *влюбилась* не по-детски, как это бывало в школе, а *по-настоящему*» [1, с. 119]; «...в первый раз *по-настоящему* бежал на протезах...» [1, с. 132].

Прилагательное «*советский*», как упоминалось выше, встречается на страницах «Повести о настоящем человеке» 55 раз. В ряде случаев слово употреблено в прямом значении («советский танк» [1, с. 192], «советская авиация» [1, с. 182], «советский учёный» [1, с. 64], «советско-германский фронт» [1, с. 143], «советские заводы» [1, с. 183], «советский самолёт» [1, с. 221] и т. д.). Однако более 20 раз данное слово имеет экспрессивную, позитивную коннотацию: автор подчёркивает единство и силу народа («Перед сном, сидя с папиросами, они ещё долго рассуждали о том, на что только не способен *советский человек*, если он чего-нибудь как следует захочет...» [1, с. 160], «Произошло то, о чём на следующий день *советский народ* и весь свободолюбивый мир, ликуя, читал во всех газетах» [1, с. 213], «*Ангел* вы наш *советский*, вот вы кто...» [1, с. 96], «Врач же ответил ему, что история авиации много чего не знала и многому научили её *советские люди* в этой войне» [1, с. 159]).

Стоит обратить внимание и на многократно встречающееся существительное «герой». Кроме употребления в прямом значении (наименования званий СССР: «Он был лейтенант танковых войск и тоже *Герой Советского Союза*» [1, с. 67], «На груди у него сверкали начищенные до ослепительного блеска *Звезда Героя*, орден Ленина и медаль “За отвагу”» [1, с. 95]), лексема «герой» наделяется позитивной коннотацией и используется для выражения одобрения, похвалы: «*Герой, герой*, не пикнул!» [1, с. 78], «...все были *герой* к герою и молодец к молодцу» [1, с. 74], «Весь третий курс медиков во главе с Анютой симпатизировал *героическому* Грише Гвоздеву» [1, с. 118], «Он – *герой*, он столько раз рисковал на войне и рвётся обратно, чтобы снова драться и снова рисковать жизнью» [1, с. 120].

Следовательно, для создания образа «настоящего человека», Б. Полевой прибегает к характерным для первых послевоенных лет приёмам идеализации и героизации, на что и указывает частотность употребления автором проанализированных выше лексем.

Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» написан спустя десятилетие (1956 г.) в новых историко-культурных условиях. Очевидно, что концепт «настоящий человек» трансформируется. Поскольку рассказ написан М. Шолоховым на рубеже новой эпохи, в условиях ослабленной цензуры, герой – Андрей Соколов – тоже представлен читателю *по-новому*. В «Судьбе человека» частотность использования ключевых в тексте Б. Полевого слов («настоящий», «советский», «герой») может свидетельствовать о неактуальности данных концептов (8–9 раз).

Напротив, с помощью разговорной (обращение «браток» встречается более 20 раз, «очухался», «ихний», «тюкнуть» и т. д.), нецензурной («чёрт» – 8, «проклятый» – 5, «гад» – 3, «сволочь» – 2 и т. п.) и периодически встречающейся профессиональной («баста», «жми на всю железку» и проч.) лексики М. Шолохов создаёт образ «настоящего», «простого» человека. На это также указывает наличие в тексте фразеологизмов, пословиц, устойчивых сочетаний («...пришлось, браток, *хлебнуть горюшка* по ноздри и выше» [2, с. 174], «*Своя рубашка к телу ближе*» [2, с. 185], «...*сердце сжалось* в комок...» [2, с. 195]).

Автор концентрирует внимание читателя на «исповеди» главного героя, «*рядового советского человека, “ровесника века”*» [3, с. 36]. Образ Андрея Соколова отчасти вне идеологии, поскольку он носитель народной мудрости, или, по выражению Н. Лейдермана, «органичных человеческих ценностей», «простых законов нравственности», которые противостоят «кошмару расчеловечивания» [3, с. 41].

На долю главного героя рассказа М. Шолохова выпало немало испытаний: мобилизация («А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий – пожалуйста в эшелон» [2, с. 177]), немецкий плен («...понял, что я – в плену у фашистов» [2, с. 181]), потеря семьи («...одна тяжёлая бомба попала прямо в мою хатёнку» [2, с. 195]) и т. д. Андрей Соколов – «человек несгибаемой воли» [2, с. 203], воплощение всего «настоящего», «честного», «важного». «Судьба человека» – это судьба не только Андрея Соколова, но и всего народа. Это нелёгкий путь к Победе, где каждый проявил героизм в борьбе за главные человеческие ценности.

Итак, образ «настоящего человека» в произведении Б. Полевого сконструирован в рамках соцреалистической концепции и подвергается романтической идеализации. Алексей Мересьев – исключительная личность, герой, совершивший подвиг во всех смыслах. В рассказе «Судьба человека» М. Шолохов, напротив, отмечает типичность, даже некую «заурядность», «обыкновенность» своего персонажа. Однако при этом акцент смещён на идею «общей судьбы»: «однотипные судьбы» сотен тысяч «маленьких людей», благодаря «маленькому» подвигу каждого из которых стала возможна Победа.

Литература

1. Полевой, Б.Н. Повесть о настоящем человеке / Б.Н. Полевой. – Москва: «ДОСААФ», 1978. – 238 с.
2. Шолохов, М.А. Судьба человека / М.А. Шолохов // Они сражались за Родину. – Москва : Худож. лит., 1984. – С. 171-203.
3. Лейдерман, Н.Л. Судьба человека: концепция личности в структуре монументального рассказа / Н.Л. Лейдерман // Движение времени и законы жанра: Монография. – Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 32-49.

Malchikova T. A.

Gomel State University named after Francis Skaryna

The “human” concept in the Soviet literature of 1940–1950s (on the example of “The Story of a Real Man” by B. Polevoy and “The Fate of Man” by M. Sholokhov)

The subject of scientific interest is the conceptual one for military prose of the 1940s–1950s. the image of a Soviet man. The object of study is “The Tale of a Real Man” by B. Polevoy and “The Fate of a Man” by M. Sholokhov. A comparative analysis of the linguistic means that form the images of Alexei Meresyev and Andrei Sokolov allows us to state the transformation of the image of the so-called. “real man” in M. Sholokhov’s story “The Fate of a Man”.

Keywords: Polevoy, Sholokhov, concept, human, hero, transformation.

Мартынова Арина Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

AMartinova2004@mail.ru

Инфографика как компонент наглядности при дистанционном обучении на примере произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Работа выполнена под руководством Рублёвой Екатерины Владимировны, кандидата филологических наук, доцента кафедры методики преподавания русского языка как иностранного. В статье представлено краткое описание видов инфографики и возможность их использования при дистанционных занятиях русским языком и литературой с иностранными студентами. На примере романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» показаны варианты использования инфографики на языковых занятиях.

Ключевые слова: студенты, изучающие русский язык как иностранный, инфографика, изображения, дистанционное обучение.

В наше время дистанционное обучение становится основным компонентом образовательной среды. Наиболее интенсивно разрабатываются направления, связанные с теоретическими возможностями дистанционного обучения (методологические и психолого-

педагогические вопросы использования дистанционных форм обучения) и с развитием информационных технологий, на базе которых создаются дистанционные курсы изучения иностранного языка, а также различные тематические тренажеры, игры, интерактивные задания и видеоролики. Следует отметить создание электронных версий учебных пособий, которыми удобно пользоваться при дистанционной форме обучения [1, с. 22-23].

Существуют различные формы и способы изучения иностранного языка: очные или дистанционные занятия, смешанный формат работы. Поэтому имеет смысл говорить об эффективности тех или иных методов и принципов обучения в зависимости от запроса обучающегося.

Для дистанционного обучения русскому языку как иностранному предлагаются курсы разной направленности – от элементарного уровня владения языком (A1) до предметных дисциплин на русском языке (например, портал «Образование на русском»).

В условиях виртуальной образовательной среды одним из принципов работы стала индивидуализация, которая и сделала дистанционную форму такой привлекательной для многих методистов, с одной стороны, и востребованной у учащихся – с другой.

Индивидуализация представляет собой подбор или построение учебной программы, учитывая индивидуальные особенности студента, его возрастные и личностные возможности. В процессе обучения преподаватели уделяют большое внимание формированию у студента всех навыков необходимых им для владения иностранным языком на высоком уровне. В связи с этим на занятиях параллельно решается ряд задач, среди которых и обучение языковой системе, и развитие умений речевой деятельности, в которую входят аудирование, говорение, чтение, письмо и формирование лингвокультурологической компетенции. Достижение каждой из задач – сложный процесс, требующий большой кропотливой работы, как со стороны преподавателя, так и студента.

Один из самых сложных навыков для учащихся является преодоление языкового барьера и приобретение необходимой лексической базы для комфортного ведения диалога или монолога на иностранном языке. Так преподаватели приходят к созданию различных способов подачи информации, многие из которых демонстрируют ее наглядно и схематично, что в свою очередь упрощает процесс усвоения материала обучающимися.

Одним из наиболее востребованных способов в настоящее время является инфографика (от лат. *informatio* – осведомление, разъяснение, изложение и древнегреч. γράφικός – письменный, от γράφω – пишу) – графический способ передачи информации, данных и знаний, позволяющий доступно, четко, наглядно и структурированно представить необходимую информацию. [2, с. 28]

Инфографика – это целая система передачи информации от автора к аудитории, визуальное представление данных. И здесь, как и в любой другой системе, есть свои преимущества и недостатки. Из плюсов можно выделить визуальную составляющую, которая привлекает внимание и способствует лучшему усвоению транслируемой информации; небольшое количество текста дает возможность акцентировать внимание на главном; возможность передачи заинтересовавшего контента другим пользователям и распространение таким образом информации.

Если говорить о минусах инфографики, то ключевым из них является сам процесс создания схемы или изображения. Здесь достаточно легко переборщить с дизайном или наполнением продукта: отклонение от темы; избыточность или недостаток информации; непроверенный или неточный материал; некачественное изображение. В случае, когда преподаватель не обладает возможностями самостоятельно создавать инфографику, возможны дополнительные затраты на дизайнера [4, с. 61].

При помощи инфографики можно создавать навигационные карты учебного материала, излагать сложные концепции, схематично изображать структуру какого-либо явления, темы или произведения на занятиях русским языком и литературой с иностранными студентами.

Важно отметить, что инфографику может использовать не только преподаватель, но и студенты для представления результатов своей работы по проекту, для конспектирования статей или закрепления полученных знаний. Творческая графическая переработка информации позволяет вовлечь студентов в учебный процесс и лучше усвоить материал, в том числе и на уроках русского языка и литературы с иностранными студентами.

Одним из любимых произведений для иностранцев является роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Учащиеся знакомятся с ним уже на середине своего обучения русскому языку, продолжая не только познавать новые грамматические конструкции, но и погружаться в культурную составляющую нашей страны. Студенты знакомятся с литературой, великим автором, А.С. Пушкиным, и самим произведением.

В романе присутствует много деталей (перемещения героя, взаимоотношения и родственные связи персонажей, их характеристики), на которых удобно акцентировать внимание, используя изображения или схемы. Рассмотрим на примере романа возможность использования инфографики при дистанционных занятиях с иностранными студентами.

Существуют различные типы инфографики: статистика, карты, алгоритм, сравнение, иерархия, анимированная инфографика. И в зависимости от того, на что нужно сделать

акцент в готовом материале, преподаватель может использовать тот или иной тип. Для выделения ключевых мест, в которые приезжал главный герой Петр Гринев и его возлюбленная Маша Миронова, лучше всего использовать, например, карту, на которой эти места будут отмечены. Так, студенты из разных стран, которым тяжело представить расположение различных регионов нашей большой страны, имея перед собой только текст, смогут наглядно увидеть весь путь героя. Петр Гринев же начал свое путешествие из Симбирской губернии в Белогорскую крепость, затем попал и в сам город Оренбург. Это можно отразить в инфографике с помощью карты.

Рис. 1 Карта перемещений главных героев романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Такой вид инфографики, как иерархия, позволяет представить не только родственные связи героев, но и их отношения в романе. Так мы можем в виде схемы изобразить родословные Гринева и Маши Мироновой, любовные отношения Гринева, Маши и Швабрина. Есть возможность отразить всю композицию романа, отмечая всех героев: главных, второстепенных и эпизодических, а также составить систему образов.

Рис. 2 Система образов по произведению А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Здесь инфографика поможет иностранцам не запутаться во взаимоотношениях героев, понять кто с кем связан, и даже наглядно познакомиться с новой лексикой по теме семьи, если у героев будут подписаны не только имена и фамилии, но и их статус в семье.

Важно отметить сравнительный тип инфографики, благодаря которому студенты могут проследить схожие и различные черты персонажей романа, их поступки и поведение в похожих ситуациях. Рассмотрим этот вид инфографики на примере двух героев романа.

Рис. 3 Сравнительная характеристика П. Гринева и А. Швабрина

Петр Гринев и Алексей Швабрин – два главных персонажа «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, которые являются полными противоположностями друг друга.

Швабрин – подлый герой-предатель. Он способен в любой момент перевернуться на другую сторону, отказаться от своих слов, брать силой даже любовь. Гринев – положительный персонаж, который руководствуется принципами чести, преданности и уважения к родителям. Он готов защищать свою честь и честь своей возлюбленной на дуэли.

В образах двух героев, которые оказываются совершенно разными при одинаковом происхождении, званиях и в одной и той же ситуации, Пушкин рисует перед читателем картину свободного выбора. Каждый человек сам волен решать, каким ему быть, каким принципам следовать при выборе жизненных решений.

С помощью инфографики иностранные студенты могут визуально сравнить и увидеть, насколько Гринева и Швабрин различны, и почему Маша Миронова сделала выбор в пользу первого.

Инфографика становится все более и более популярной при проведении занятий, в том числе и с иностранными студентами. Красочные изображения и сжатие информации до

самой важной делают процесс усвоения материала более доступным, что, в свою очередь, улучшает образовательный процесс. Изображения привлекают внимание и помогают ассоциативно запоминать материал.

Литература

1. Басырова А.Е. Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках РКИ. – 2016. – С. 22-26.
2. Белова Н.В., Рублева Е.В. Краткий словарь IT-терминов для специалистов по языковому образованию. – СПб.: Златоуст, 2017 – 68 с.
3. Богомолов А.Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному: лингвокультурологический аспект. – Москва : МАКС Пресс, 2008. – 320 с.
4. Вохмина Л.Л. Некоторые проблемы в использовании наглядности при обучении иностранным языкам// Русский язык за рубежом. – 1978. – №5. – С. 60-64.

Martynova A.D.

Pushkin State Russian Language Institute

Infographics as a component of visibility in distance learning using the example of A.S. Pushkin's work "The Captain's Daughter"

The article provides a brief description of the types of infographics and the possibility of their use in distance learning of the Russian language and literature with foreign students. Using the example of A.S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter", examples of the use of informatics in the classroom are shown.

Keywords: Russian language, education, students learning Russian as a foreign language, infographics, images, distance learning.

Матвеева Карина Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

karem@bk.ru

Лексические средства создания речевой характеристики героя (на материале повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом»)

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются лексические средства, создающие речевую характеристику главного героя повести. Особая лексика героя, ведется от первого лица и создается ярким и живым языком. Автор изображает мир взрослых в необычном переплетении комической и трагической повествовательной линии. Образ главного героя сильнее и глубже раскрывается через анализ лексических средств его речевой характеристики.

Ключевые слова: лексические средства, метафоры, образ, разговорная лексика, речевая характеристика, фразеологизмы.

Разговорная речь дает возможность любому человеку общаться, обмениваться информацией, выражать чувства, самореализовываться. Речь является основной характеристикой персонажа и открывает путь к его внутреннему миру, к его тайнам и грезам. Разговорная лексика, в большей степени влияет на речевую характеристику действующего лица.

Речевая характеристика – это палитра слов и их комбинаций, формирующих облик героя произведения, воссоздающих его культурный уровень и определяющих размер словарного запаса.

Речевая характеристика тесно связана с понятием речевой портрет. Речевой портрет представляет собой описание индивидуальных особенностей речи человека, лексические предпочтения, уровень образования, социальное положение, профессиональную принадлежность и другие аспекты личности [2, с. 17].

В настоящее время понятия «речевая характеристика» и «речевой портрет» используются в равной мере. При помощи речевой характеристики автор сильнее и ярче раскрывает характер героя, его внутренний мир, делает текст интереснее и разнообразнее.

Речевая характеристика – «подбор автором особых для каждого образа, для каждого персонажа, литературного произведения слов и выражений, то есть это средство художественного изображения персонажей» [4, с. 496].

Лексические средства выразительности характеризуются прямым и переносным значением слов. Посредством переносного значения создается художественная образность и достигается максимальная выразительность. Использование слов в переносном значении являются основным средством выразительности.

К лексическим средствам относятся выразительные средства, основанные на использовании изобразительных возможностей лексической единицы – слова. Это синонимы, антонимы, паронимы, фразеологизмы, омонимы, книжная, нейтральная, разговорная, устаревшая, просторечная лексика и другие стилистические средства, играющие, помимо художественной, утилитарную роль в речи.

Разговорная лексика – слова, которые употребляются в повседневной обиходной речи: *котик, любонька, кашки поешь, ерунду городишь, таскаться, спереть, талдычить, тиснул.*

Фразеологизмы – лексически неделимые, устойчивые словосочетания: например, *мысли улетели, пришли в восторг, мертвой хваткой, интерес брызнул наружу, пропало с глаз, мешочка простыл и след.*

Повесть написана живым языком, от первого лица, с детской непосредственностью. Главный герой, Саша Савельев, девятилетний второклассник. Разговорная лексика Саши ведется в речевом жанре «семейная беседа» и заключается в повторении некоторых бабушкиных слов, затрагивающих отношение к родственникам. Бабушку он ласково называет *бабонька*, маму – *Чумочка* (перефразировав бабушкино обращение «Чума бубонная»).

Саша Савельев постоянно болеет. Об это пишет Княжицкий, «объявленный бабушкой тяжелобольным, ничего не умеющий мальчик уходит в мир фантазий, в мир игры, где ему всегда предоставлена главная роль» [1, с. 43].

Детская фантазия – художественный прием, которым раскрывается детская непосредственность и создается комическая ситуация. Комическая и трагическая линии постоянно переплетаются и контрастируют между собой.

Больше всего в смерти Сашу пугает безвозвратность. Для него было самым ужасным понимание, что смерть уносит человека туда, откуда никто не возвращается: «“Никогда” было самым страшным в моем представлении о смерти. Я хорошо представлял, как придется лежать одному в земле, на кладбище, под крестом, никогда не вставать, видеть только темноту и слышать шуршание червей, которые ели бы меня, а я не мог бы их отогнать. Это было так страшно, что я все время думал, как этого избежать» [3, с. 136].

Постепенно Саша догадался, как избавиться от преследования словом «никогда»: «Я попрошу маму похоронить меня дома за плинтусом, – придумал я однажды. – Там не будет червей, не будет темноты. Мама будет ходить мимо, я буду смотреть на нее из щели, и мне не будет так страшно, как если бы меня похоронили на кладбище» [3, с. 157].

В этом смысле плинтус не только деревянная планка на стыке стены и пола. Плинтус для главного героя – это граница между миром живых и миром иных, позволяющий спастись от безвозвратности и постоянно находиться около мамы.

В повести «Похороните меня за плинтусом» слово «плинтус» имеет большое значение. Саша представляет, что за маминым плинтусом есть пространство, где он сможет лежать и не бояться, и более того, смотреть из щели на маму, которая будет рядом.

Таким образом, слово «плинтус», применяется в переносном значении, имеет скрытый смысл и приобретает метафоричное значение. Плинтус несет значение «границы

между миром живых и царством мертвых» и дает возможность подглядывать, чтобы не уйти «навсегда».

«Похороните меня за плинтусом» – яркая метафора, воспользовавшись которой, Саша Савельев предполагает скрыть свое присутствие, находясь за плинтусом, чтобы смотреть оттуда из щели и не быть замеченным.

Герой повести часто использует приемы, основанные на игре слов для создания комического эффекта.

Однажды, обедая рыбой, Саша прочитал на пакете молока: «Ем кость». Бабушка ничего не поняла и закричала, чтобы он выплюнул эту кость. Но, Саша продолжил: «Ем кость один литр». Бабушка воскликнула: «Емкость, кретин!» [3, с. 35].

Похожая ситуация происходит, с коробкой леденцов, которую, по словам бабушки, оставил заезжий генерал. В ней Саша убирает лексическую связь с мотивированным словом «леденцы», показывая незнание значения слов или демонстрируя путаницу с их значениями: «Коробочку все же тиснул, но, внимательно рассмотрев ее, прочел: «Ф-ка им. Бабаева». Решив, что Бабаев – это фамилия генерала, а Фкаим – его странное имя, я тут же положил леденцы на место. С человеком по имени Фкаим лучше было не связываться» [3, с. 142].

Еще один яркий пример искажения слова «идиот» в «дидивот». По словам бабушки, когда Саша был маленький, он кричал: «Я дидивот! Я дидивот!» [3, с. 135].

В речи Саши Савельева присутствует много фразеологизмов. В основном они обращены к бабушке и дедушке, небольшой частью он описывает свои действия. Интересно, что в репликах, обращенных к матери фразеологизмов нет.

Для описания речевого портрета героев произведения Саша использует как словарные фразеологизмы, так и осуществляет трансформацию фразеологизмов, что позволяет ему создавать яркие и образные выражения.

Мешочка *простыл и след*. Фразеологизм «и след простыл». Имеет смысл исчезнувшего мешочка, несет оттенок иронии [3, с. 95], [6, с. 127].

Бабушка *сошла с ума*. Просторечие. Не давать отчета в своих поступках, говорить глупости и нелепости. В тексте поддерживает трагическую линию [3, с. 39], [6, с. 236].

Остальные *мысли улетели*. Вылетело из головы, ничего не приходило в голову. Мысли, события неожиданно исчезли из памяти. В тексте имеет настороженный, негативный оттенок [3, с. 79], [6, с. 43].

Умная мысль подевалась. Мысль пропала, исчезла из памяти. Употребляется в разговорной речи и носит конкретный характер. В тексте несет негативный оттенок [3, с.49], [5, с.238].

Интерес брызнул наружу. Не скрываемый интерес к чему-либо. Позитивное значение [3, с. 117], [5, с. 139].

Дедушка вовремя смылся. Быстро или незаметно ушел. Употребляется в разговорной речи, несет комический смысл в трагической ситуации [3, с. 35], [5, с. 231].

Мертвой хваткой вцепился. Разговорная речь. Очень крепко схватить что-то. Яркое, глубокое проявление действия [3, с. 105], [6, с. 169].

Камнем преткновения. Затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо занятии. В тексте несет комический эффект [3, с. 87], [6, с. 210].

Отравлял мне жизнь. Очень надоел. Несет такой же смысл, как и сидеть в печёнках. Негативный смысл [3, с. 71], [5, с. 238].

Список фразеологизмов и образных выражений в речи главного героя остается открытым, так как все перечислить просто невозможно. Явно преобладают фразеологизмы просторечного и разговорного типа, что придает речевой характеристике персонажа красочность и образность.

Таким образом, рассмотрены всевозможные лексические средства, создающие речевую характеристику Саши Савельева в художественном произведении «Похороните меня за плинтусом». Раскрыты новые стороны многогранной фигуры персонажа, дающие более глубокое понимание и осмысление авторской идеи воплощения художественного образа.

Литература

1. Княжицкий А.И. Сокрушенные души. О романе Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» // Русская словесность. – №5 – 2009. – С. 42-47.
2. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – Москва : Языки славянской культуры, 2007. – 848 с.
3. Похороните меня за плинтусом [Текст] : повесть / Павел Санаев. – Москва : АСТ, 2013. – 285 с.
4. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва : Астрель: АСТ, 2021. – 623 с.
5. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : Инфотех, 2009. – 938 с.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва : АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.

Matveeva K.E.

Pushkin State Russian language Institute

Lexical means of creating speech characteristic of the hero (on the material of the story by Pavel Sanaev "Bury Me Behind The Plinth")

The article examines the lexical means that create a speech characteristic of the main character of the story. The special lexis of the hero is conducted in the first person and is created by a bright and living language. The author depicts the adult world in an unusual interweaving of comic and tragic narrative line. The image of the main character is revealed more strongly and more deeply through the analysis of the lexical means of his speech characteristics.

Keywords: lexical means, metaphors, image, conversational lexis, speech characteristic, phraseological units.

Меязева Анастасия Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

mezyaevaanastasiya@gmail.com

Язык студенческих СМИ

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

Статья посвящена исследованию специфики языка студенческих СМИ. Материалом для исследования послужили материалы таких СМИ, как сообщество журнала «ПУШКА» на базе Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и сообщество «СМОГУ» на базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Основное внимание уделяется анализу коммуникативных приемов и особенностей тональности коммуникации в сети. Рассмотрены принципы, которые влияют на формирование коммуникативной стратегии студенческих редакций.

Ключевые слова: студенческое СМИ, редакция, коммуникация, интернет, коммуникативный прием.

Развитие творческих студенческих сообществ в России началось почти со дня создания первых университетов, когда студенты стремились поднимать вопросы, связанные с жизнью и учебой в организациях высшего образования. После 1990-х годов, после распада Советского Союза, шла череда событий, в результате которых многие студенческие издания и сообщества перевели свою деятельность в цифровое поле, что позволило значительно расширить аудиторию и возможности повышения метрик.

Сегодня студенческие медиа – одно из ключевых движений, важнейший компонент медиапространства России [1]. Во многих вузах они представлены в различных форматах, находят воплощение как в традиционных, так и в нетрадиционных жанрах. Студенческие творческие сообщества остаются наиболее доступным и непосредственным способом для проявления творческого потенциала и повышения общественной активности, заинтересованности молодежи, что, в свою очередь, повышает актуальность существующих

и создание новых студенческих СМИ. Примером таких СМИ является журнал «ПУШКА» на базе Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и сообщество «СМоГУ» на базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Степень распространения студенческих медиа напрямую зависит от выбранных редакциями способов коммуникации с аудиторией или *tone of voice*. Так, студенческое СМИ о МГУ («СМоГУ») – площадка, имеющая свой голос и принцип, «от студентов – студентам». Это СМИ, которое пишет искренне и беседует с читателями, уходя от советской архаики в сторону живого языка, не стесняется говорить простым языком [3]. Но чтобы этого добиться, так или иначе, необходимо разбираться в сложных внутренних процессах, особенно если они касаются юридических вопросов. Подобная специфика изложения материала позволяет устранить коммуникационные барьеры, возникающие вследствие большого количества бюрократических клише и штампов официальных сообществ университета. А снятие таких барьеров говорит о повышении корпоративной культуры [2].

Детализируя тезис о *tone of voice*, стоит привести конкретные примеры. Так, в публикации в сообществе «СМоГУ» от 19 июля 2022 года мы читаем: *Огарёвец, летний чилл – хорошо, но выигранный грант на реализацию своего проекта от Росмолодёжи – ещё лучше*. В публикации от 27 декабря 2023 года приведена такая строка: *вместе будем рассказывать о топовых студенческих движениях*, а в публикации от 16 марта 2024 года можно прочитать следующее: *настоящий МГУ задаёт тренды*.

Эти публикации содержат англицизмы *чилл* ‘отдых’, *топовых* ‘лучших’, *тренды* ‘тенденции’, которые вводятся в текст с целью более открытой и экспрессивной коммуникации с читателем в сети.

Отдельное внимание следует уделить обращению «Огарёвец». Это еще один способ построения коммуникационной стратегии. Используются не такие классические формы обращения, как, например, *читатель* или *зритель*, а локальные, корпоративные. Именно они являются основой корпоративной культуры университета [6]. И они же транслируются через студенческий ресурс.

Если же мы обратим внимание на сообщество журнала «ПУШКА», то увидим противоположное. Так, в публикации от 31 декабря 2023 года мы видим: *дорогие читатели*. Кроме того, такая форма обращения используется на постоянной основе. Мы понимаем, что через подобные средства редакция соблюдает дистанцию с аудиторией [4].

На страницах «ПУШКИ» также можно найти неологизмы, пришедшие из английского языка. Например, в публикации от 14 августа 2023 года написано: *мы рассказывали о наших хэштегах* ‘ключевых словах’ и контенте ‘содержимом’. Оба неологизма активно

используются в контексте новейших каналов распространения информации, к которым и относятся студенческие СМИ.

Если говорить о языковом аспекте взаимодействия редакции «ПУШКИ» и читателей официальной страницы журнала ВКонтакте, нужно отметить частое обращение к прецедентным текстам. Авторы журнала в сети понимают сегмент своей целевой аудитории – студенты института русского языка. В связи с этим среди множества вариантов движения коммуникационных потоков они выбирают принцип «профильной» или точечной коммуникации [5]. Например, в публикации от 4 августа 2023 года присутствует обращение к произведениям «Унесённые призраками», «Принцесса Мононоке», «Небесный замок Лапута» и даже «Мой сосед Тоторо», 8 августа 2023 года авторы обращаются к отрывку из «Руслана и Людмилы», а 21 июля 2023 года – к роману «Люди доброй воли» французского прозаика Жюль Ромена. Несмотря на набирание оборотов клипового мышления и общего падения емкости восприятия информации аудиторией, как «СМОГУ», так и «ПУШКЕ» и другим студенческим СМИ удастся добиваться креатива и легкости в подаче даже самой серьезной информации в социальных сетях.

Таким образом, в представленных студенческих СМИ используются схожие языковые средства. Однако среди выделенных нами есть и такие критерии, которые характерны только для одного из ресурсов. Выбор коммуникативной тактики зависит от образа аудитории и напрямую влияет на *tone of voice*.

Литература

1. Алексеева Е.Г. Влияние через социальные сети / Е.Г. Алексеева. – Москва : Альфа-пресс, 2010. – 332 с.
2. Демченко Е.В. О сущности понятия «корпоративная культура» / Е.В. Демченко // Молодой ученый. – 2018. – № 13 (199). – С. 227-229.
3. Земская Ю. Н. Об изменениях коммуникационного ландшафта в эпоху интернета и социальных сетей / Ю. Н. Земская // Научный журнал. – 2015. – С. 187-190.
4. Маркова О. Ю. Коммуникативное пространство вуза: субъекты, роли, отношения / О.Ю. Маркова // Коммуникация и образование : сборник статей. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 345-364.
5. Самойлов И.П. Управление внутренней коммуникативной средой и коммуникационными потоками вуза: теоретические аспекты / И.П. Самойлов, А.М. Чеботарева // Молодой ученый. – 2020. – № 17 (307). – С. 394-397.

6. Тюнников Ю.С. Корпоративная культура как фактор конкурентоспособности вуза / Ю.С. Тюнников, М.К. Мазниченко // Высшее образование в России. – 2005. – № 10. – С. 69-77.

Mezyaeva A. A.

Pushkin State Russian Language Institute

The language of student media

This article is devoted to the study of the specifics of the Student Media language. The material of this research is based on such mass media sources as magazine “Pushka” on the base of the Russian Language Institute named after A. S. Pushkin and the community “SMoGU” on the base of the Ogarev Mordovia State University. A special attention is paid to the analyses of communicative methods and special features of tonality of communication on the network. It is dealt with principals influencing the formation of the communicative strategy of students’ reactions.

Keywords: student media, editing, communication, internet, communicative method.

Мелентеева Марина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

marina.melenteeva.04@gmail.com

Романтизм в контексте философско-эстетических взглядов Айн Рэнд: исследование его влияния и значимости как литературного направления

Работа выполнена под руководством Петриной Елены Капитоновны, кандидата
филологических наук, доцента кафедры мировой литературы

В данной статье анализируются культурные, философские и литературные воззрения философа и писателя Айн Рэнд на важность романтизма как литературного направления. Выделены основные черты романтизма. Приведено сравнение натурализма и романтизма как двух важнейших “эстетических категорий”. Аргументирована необходимость романтической литературы для духовного развития личности.

Ключевые слова: Айн Рэнд; ценность; романтизм; натурализм; идеал.

Целью этой статьи является отображение и переосмысление понятия романтизма с точки зрения нашей бывшей соотечественницы и писателя мирового масштаба – Айн Рэнд. Будучи основателем философии объективизма, она, в частности, занималась также вопросами литературы, как важной части культуры. Айн Рэнд верила, что интеллектуальный и духовный уровень общества можно определить, посмотрев на искусство его времени: «Искусство – барометр культуры» [6, с. 186].

Эссе, посвященные культуре, Айн Рэнд выпускала в своем журнале *The Objectivist* в промежутке между 1962 и 1971 г. Так как она была в первую очередь философом, а не писателем, ее задачей было подвести под свою систему все аспекты жизни, объяснить мир с

точки зрения объективизма. По этой причине в своих эссе Айн Рэнд оперировала в основном не литературоведческой терминологией, а опиралась на философские понятия, ведущем из которых можно назвать «ценность». Важно подчеркнуть, что эти ценности, какими бы они ни были, необходимо сознательно выбрать и сознательно соблюдать. Это не бесформенный список ощущений того, что для человека важно, но конкретная, устойчивая и четкая доктрина, не терпящая компромиссов. Только такую систему Айн Рэнд считала набором ценностей, главной из которых можно считать Разум как источник всего мировоззрения человека. В этой статье я ставлю перед собой задачу показать важность романтизма в литературе для духовного развития личности с ее точки зрения.

Для Айн Рэнд вопрос литературного направления – вопрос философский. Основывая философию объективизма на том факте, что «действие есть следствие ценностей разума» [4, с. 978], она считала любое произведение искусства скорее отражением ценностных установок автора, нежели чем оторванным от создателя абстрактным воплощением действительности. В эссе «Искусство и ощущение жизни» выражена идея о том, что набор ценностных установок человека и составляет его ощущение жизни. Причину страха перед миром или любовь к нему нужно искать именно в подсознании. Автор в своем произведении может воплотить только себя – потому что только одного себя и знает – поэтому можно сказать, что так реализуется мечта этого автора: «Искусство – незаменимое средство для передачи нравственного идеала» [5, с. 53].

Айн Рэнд выделяет две сильнейшие «эстетические категории» в литературе – романтизм и натурализм, считая их фундаментальное различие соперничеством противоположных философий. Отметим, что набор ценностей определяет то ощущение жизни, с которым живет человек, и которым он делится с миром, если создает искусство. В традиционном смысле под романтизмом понимается «направление в искусстве конца XVIII первой четверти XIX в., выступающее против канонов классицизма и характеризующееся стремлением к национальному и индивидуальному своеобразию, к изображению идеальных героев и чувств» [3, с. 423]. В эссе «Что такое романтизм?» она пишет о том, что романтикам стоило «рассматривать свой бунт в философских категориях» [5, с. 149], а не поверхностно восставать против существующей системы – классицизма. В ее понимании «романтизм – это эстетическая категория, основанная на признании того, что человек способен к волевому акту» [5, с. 143]. В таком случае различие между романтизмом и натурализмом основано на философском вопросе о личности: «Способен ли человек к волевому акту?».

Романтизм предполагает, что человек способен противостоять миру, что его борьба с неблагоприятными обстоятельствами важна и не бессмысленна, как и стремление к счастью;

натурализм же утверждает мысль о том, что любое сопротивление невозможно, что человек слишком мал и заведомо бессилён. Философия натурализма заключена в идее безысходности перед лицом мира, тщетности попыток придать жизни смысл, ведь результат определяется исключительно внешними обстоятельствами. Человек здесь не волен влиять на развитие событий, то есть не способен к волевому акту, должен смириться с действительностью. Этот факт также объясняет малосюжетность или хаотичность сюжетов натуралистических произведений – ведь четкую последовательность событий может обеспечить только цель, движущая героем.

Судьба персонажей непоследовательна, будто они находятся в центре водоворота жизни, где течение определяет их путь, а конечная точка логично не предопределена исходной. Героями движут мимолетные желания и стремление к удовлетворению своего эго, а такие цели краткосрочны и не могут обеспечить стойкость жизненного пути. Натурализм показывает мир, в котором все несчастны, тем самым культивируя страдания, будто бы утверждая его как единственно возможную форму существования. Джон Голт в «Атлант расправил плечи» говорит: «Счастье – это успешное состояние жизни, страдание – агент смерти» [4, с. 978], имея ввиду животных, чье страдание обусловлено физическими причинами, такими как боль и болезнь. Человек же способен страдать духовно, и, не имея способа справиться с этим самостоятельно, становится заложником собственного несчастья. К тому же, это чувство не имеет смысла, и приносит вред только своему владельцу.

Романтизм манифестирует идею о том, что человек волен и даже должен двигаться наперекор обстоятельствам, бороться с миром, если его облик ему не подходит и стремиться к счастью. Он не должен страдать, ведь это чувство неестественно для человека: «Страдание являло собой бессмысленное отклонение от нормы и не могло быть частью жизни Дагни» [4, с. 124]. У таких персонажей всегда есть важная и глобальная цель, ведущая их вперед сквозь сюжет – «Мцыри» М.Ю. Лермонтова посвящен тому, как герой предпринимает попытку добраться до другого мира. Мцыри мог бы смириться со своей жизнью, со своей участью, но решает, что такая судьба ему не подходит и совершает волевой акт - побег, чтобы придать себе смысл. Даже с учетом его поражения, читатель чувствует силу образа, его непоколебимость и непокоренность внешними обстоятельствами, – и не может не восхищаться.

Айн Рэнд в своей статье «Что такое романтизм?» уделила достаточное время сравнению «двух крупнейших эстетических течений» [5, с. 145] – романтизма и натурализма, вероятно, чтобы на примере показать фундаментальные различия в их философских предпосылках. Ценностью натурализма можно считать умение отобразить реальную жизнь

и реальных людей. В эссе «Что такое романтизм?» Айн Рэнд пишет о том, что нет писателя, которому бы удалось это сделать – каждый автор ограничен своим произведением, ему приходится сознательно выбирать небольшие детали для характеристики образа. Но, тогда, какие критерии для отбора необходимого будут использованы? Натуралист возьмет за основу статистику, заменив ей понятие «ценности»: «По их мнению, метафизически важно и типично для природы человека то, что преобладает статистически; то же, что редко и исключительно – не важно» [5, с. 167].

Таким методом герои становятся исключительно порочными. Фрэнк Кайпервуд из «Финансиста» Т. Драйзера скрывает под фальшивой улыбкой свою неоправданную страсть к наживе и самоутверждению с помощью власти, – и читатели считают этот мотив истинным, не сомневаются в нем, считая, что вот такой он - Человек.. Романтизм же оперирует ценностью. Авторы подбирают те человеческие черты, которые, по их мнению, должны быть присущи человеку, которые в нем есть и обязаны развиваться. Для них важно все самое исключительное в личности, то, что можно увидеть лишь в переломные моменты судьбы, в отчаянии, горе или великой радости. Только это лучшее они намерены культивировать в своих произведениях – только все самое чудесное. Честного бизнесмена Хэнка Риардена обвиняют в желании богатства (за счет бедности), хотя чем это не великая цель – вложить все свои способности, силу и навыки в построение мира? Но в эту идею не верит никто.

«Если духовный предок или символ романтика – средневековый трубадур, благодаря которому люди видели жизненный потенциал за унылыми границами повседневного тяжелого труда, то символ натуралиста (как не без гордости сказал один из них) – сплетник у забора» [5, с. 169]. С технической точки зрения мы не найдем ничего нового, смотря на свою жизнь со страниц книги. Мы не ощутим надежду, не захотим увидеть новый день. Единственное, что можно сделать – это утвердиться в простоте и пустоте своей жизни, в том, что любое стремление бессмысленно, ведь твою судьбу определяет внешний мир. Однако после прочтения романтического произведения ощущения другие. Текст будто позволяет нам почувствовать себя чем-то стоящим и важным, способным на великие действия существом. Это ощущение внутреннего подъема считают недолговечным и неправдивым, ведь большую часть жизни мы его не испытываем, но именно исключительным нужно восхищаться, именно исключительное нужно культивировать в себе.

Основной критикой в сторону романтизма были идеальность, нереальность, фантастичность и даже некоторая карикатурность героев, в которых человек не может увидеть себя. Такие персонажи считаются неумелой попыткой отображения в произведении реального человека, с которой романтический автор не справляется. Образы простые,

лишенные многих человеческих черт, которые следовало бы показать. И так, одна из нападок на романтизм – плоскость и «бумажность» героев, которые не отображают реальную жизнь так «правдиво», как это делает натурализм. Следовательно, повествование становится чересчур пафосным для реальной жизни; если же человек не может соотнести себя с героем, увидеть в нем себя, то такое произведение лишено смысла. Айн Рэнд объясняет, что в этом и кроется главная задача, – выбрать из множества локаций, времен и человеческих черт те, которые лучше всего помогут показать главную идею. Необходимо проявить избирательность, чтобы не нагружать читателя множеством лишних, бессмысленных подробностей жизни своих героев, – ведь на такие мелочи мы можем посмотреть и сами, – и показать исключительность человека. И так, автор говорит о том, что важно не подробно выписать реальную личность со всеми ее недостатками, а нужно отобразить, «...каким может и должен стать человек». Для Айн Рэнд важно показать лучшее в человеке, показать путь, который стоит выбрать. И так, вопрос идеальности героев не имеет смысла и критике подвержен быть не может, ведь основная задача романтизма как раз и состоит в том, чтоб показать миру идеал как отражение ценностных установок конкретного автора.

Дагни Таггерт, Хэнк Риардэн, Франциско Д'Анкония – все положительные (с точки зрения Айн Рэнд) герои критикуются за свою шаблонность, за то, что действуют механически, подобно роботам. Однако, идеалом автора, вероятно, являются только Дагни Таггерт и Джон Голт, и только эти персонажи оставались неизменно правильными на протяжении всей книги. Остальные герои переживали моральные кризисы и боролись со своей собственной философией в попытке не поддаться влиянию окружающего их общества. От других, среднестатистических, героев Генри Риардэна и Франциско Д'Анконию отличают лишь сила воли и способность действовать. Айн Рэнд только искусно показала их более одухотворенными, внешне сильными, а так как именно эти факторы и обеспечивают красоту героя в «Атлант расправил плечи», то и более привлекательными. Она обращает внимание читателей на гордую осанку и железный взгляд положительных героев, и вялость и сутулость отрицательных. В таком случае идеальность уже претензия не к автору – просто не таким «идеальным» читателям трудно ассоциировать себя с такими «великими» образами. Если раньше этот факт заставлял улучшать свою жизнь, стремиться быть похожим на героя, то теперь это вызывает страх и презрение («Я не смогу добиться идеала, так зачем пытаться?»). Айн Рэнд просто не дает своим лучшим героям оступиться. Они ошибаются в своих действиях, но никогда не предают свои ценности. Но разве всегда необходимо соблюдать такие абсолютные постулаты? Да, хотя и сделать это трудно. Собственно целью автора и не было создание живых и очеловеченных героев. Ее задачей было показать

«идеального человека», на которого стоит равняться. Она также писала о том, что в предисловии к своим романам написала бы всего три слова: «Во славу Человека».

В итоге, вопрос противостояния романтизма и натурализма общечеловеческий. Если романтизм заставляет нас хотеть жить, видеть прекрасное и благородное в каждом, стремится к лучшему для себя и мира, а натурализм оставляет после себя чувство обреченности человечества, пустоты и презрения, то не означает ли это, что первая эстетическая категория гораздо полезнее и правильнее для личности и общества, чем вторая?

Произведения Айн Рэнд также частично следуют литературным канонам романтизма. В пример можно привести понятие «романтического двоемирия», введенный в литературный обиход В.Ф. Одоевским. В первом романе Айн Рэнд «Мы живые» Кира Аргунова ненавидит советскую действительность 1920–30 гг. На протяжении долгого времени она пытается смириться со своим миром, справиться с ним и остаться собой, но у нее не получается. В итоге она предпринимает отчаянную попытку сбежать и погибает, почти достигнув своей цели. Нежелание жить в уготованном ей обществе, мириться с действительностью и побег от нее – это узнаваемые черты романтизма. В романе «Атлант расправил плечи» двоемирие достигло своего апогея – там буквально существует «другой» мир – оторванная от остальной страны часть земли («Ущелье Голта»), где не действуют правила и мародерский моральный кодекс американского общества (от чего и бегут положительные герои).

В заключении романа кроется идея возможности создания нового мира – герои успешно попали в другой мир, перешагнув тем самым канон романтического двоемирия. Это один из немногих примеров романтизма, когда глобальная цель была достигнута. Айн Рэнд сделала вопрос «романтического двоемирия» материальным, ведь и один, и второй мир в «Атлант расправил плечи» имеют физическое воплощение. Эти места существуют, а значит, в них можно попасть. Здесь реализм переплетается с романтизмом, ведь лирические, духовные идеи становятся возможным воплотить в материальном мире. Душа не оторвана от тела, действуя с ним сообща, чтобы достичь общей цели человека — счастья: и конфликта между двумя началами нет. Айн Рэнд оставляет лучшие черты романтизма, но преобразует его, истребляя чрезмерное культивирование духовного и абсолютное отрицание материального.

Безусловно, лучшее определение романтизма у Айн Рэнд можно найти в заключении эссе «Искусство и нравственное предательство»: «Романтическое искусство – это и первый проблеск нравственного ощущения жизни, и последняя связь с ним, спасательный трос, помогающий человеку остаться собой. Это топливо и запальная свеча, чья миссия – зажечь человеческую душу и поддерживать в ней огонь». Итак, романтизм – это инструмент,

напоминающий человеку, что он не просто винтик средней необходимости в сложной общественной системе и не просто тело, которому необходимо закрывать лишь базовые потребности, – что он также и душа, и сила, и огонь, что ему необходимо развитие не только физического, но и духовного; что у него все еще – пока в нем теплится жизнь – есть возможность стать Человеком в высшем значении этого слова, – и это возможно.

Литература

1. Драйзер Т. Финансист / перевод с английского М.Г. Волосова. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 736 с.
2. Лермонтов М.Ю. Стихотворения и поэмы. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 384 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва : АСТ, 2018. – 736 с.
4. Рэнд А. Атлант расправил плечи: в 3 частях / перевод с английского Ю. Соколовой. – Москва: Альпина Пабlishер, 2020. – 1131 с.
5. Рэнд А. Мы живые / перевод с английского Д. В. Костыгина. – Москва: Альпина Пабlishер, 2023. – 480 с.
6. Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы / перевод с английского М. Сухановой. – Москва : Альпина Пабlishер, 2024. – 270 с.
7. Рэнд А. Добродетель эгоизма / перевод с английского Г. Зелениной. – Москва : Альпина Пабlishер, 2023. – 267 с.

Melenteeva M.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Romanticism in the context of Ayn Rand's Philosophical and Aesthetic Views: a study of its Influence and Significance as a literary trend

This article analyzes the cultural, philosophical and literary views of philosopher and writer Ayn Rand on the importance of romanticism as a literary trend. The main features of romanticism are highlighted. The comparison of naturalism and romanticism as the two most important "aesthetic categories" is given. The necessity of romantic literature for the spiritual development of a person is argued.

Keywords: Ayn Rand, value, romanticism, naturalism, ideal.

Мелёхина Екатерина Игоревна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

melekhina36@yandex.ru

Компьютерно-игровой дискурс как средство межкультурной коммуникации в цифровую эпоху

Работа выполнена под руководством Селезневой Ларисы Васильевны, доктора филологических наук, доцента кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

Статья посвящена анализу компьютерно-игрового сленга как одному из способов успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: компьютерно-игровой дискурс, коммуникация, участники коммуникации, игровой сленг, лексика.

Ускоренное развитие информационных технологий приводит к появлению новых форм межличностного и межкультурного общения. Компьютерные технологии открывают новые возможности для человеческого взаимодействия, способствуя появлению новых дискурсивных практик, влияющих на структуру языка. Понятие «компьютерно-игровой дискурс» было введено в лингвистику относительно недавно. Исследования, посвященные этой теме, существуют в немалом количестве, однако их все равно не хватает в связи со стремительным прогрессом в данной сфере.

Модель компьютерно-игрового дискурса включает участников, режим и канал коммуникации, причём главным компонентом представляется канал сообщения как способ ведения актуального сетевого диалога или полилога [5].

В компьютерном дискурсе общение организуется либо в форме эпистолярной, либо в форме инсталляционной коммуникации. Эпистолярные жанры компьютерного дискурса относятся к различным видам делового и личного письма. Под инсталляционным способом компьютерной коммуникации понимается имитация различных видов деятельности, как это часто бывает в различных компьютерных симуляторах, что является одной из отличительных особенностей общения в компьютерно-игровом дискурсе [2].

Компьютерно-игровой дискурс обладает различными аспектами, объединяющими черты других видов коммуникации. Для его полноценного понимания необходимо рассматривать его с двух точек зрения – метаигровой и непосредственно игровой. Под метаигровой перспективой понимается взаимодействие участников коммуникации, которые активно создают игровую реальность, формируя уникальный игровой дискурс. Метаигровой уровень во многом схож с деловым дискурсом и требует особого внимания и отдельного изучения [7, с. 125].

Идея масштабности, свойственная компьютерному дискурсу проявляется в:

1) массовой коммуникации с определенной, ограниченной по численности социальной группой, объединенной по различным характеристикам; дифференциация социальной группы происходит по признаку населенности игрового мира и ограничивается в среднем 50000 игроков, причем разделение происходит только по названному критерию, что не исключает попадание в социальные группы игроков разных национальностей. В игровом сообществе такой отдельно взятой группы коммуникация осуществляется преимущественно на английском языке, что реализуется только в массовой коммуникации [1];

2) групповой коммуникации, реализуемой в отдельных социально-языковых группах, объединенных одним языком, реалиями и, как правило, целью. Так называемые «кланы» (группа игроков по одним знаменем, выстраивающая свою игру и поведение в качестве союзников) реализуют групповую черту масштабности компьютерно-игровой коммуникации.

«Компьютерные игры – это неформатная площадка, объединяющая игроков – представителей разных социальных групп, этносов, культур» [8, с. 77].

В частности, онлайн-игры – это увлекательная платформа для общения. Используя эту платформу, можно наладить межкультурную коммуникацию на новом уровне, укрепить чувство единства игроков – представителей разных стран.

Как было сказано ранее, в компьютерно-игровом дискурсе происходит массовая коммуникация среди определенной социальной группы, в которую могут входит игроки разных национальностей. Коммуникация между игроками может быть представлена как невербально (эмодиконы и жесты), так и вербально (чат). Игровой дискурс помогает стереть языковой барьер, который чаще всего является основным препятствием во взаимодействии людей разных культур.

Игроки успешно понимают друг друга без знания необходимого языка, используя различные средства общения. Также во многих компьютерных играх есть особый устоявшийся сленг, при помощи которого происходит обмен информацией. Игровой сленг выполняет роль универсального средства коммуникации, объединяющего пользователей, являющихся носителями разных языков [6]. Такой «игровой» язык позволяет быстро и легко взаимодействовать и достигать успешных игровых результатов. Чаще всего в компьютерно-игровом дискурсе появляются межъязыковые синонимы (слова двух языков, полностью или частично совпадающие по значению и употреблению), которые упрощают общение и понятны обеим сторонам.

Английские слова из компьютерно-игрового сленга используются в русском языке, не изменяя своего написания и склоняясь по правилу русских слов: *скиллы* (от англ. *'skills'* – *'навыки'*), *хэпэ* (от англ. *'hp'*, *'health points'* – *'здоровье'*), *афк* (от англ. *'afk'*, *'away from keyboard'* – *'меня нет возле клавиатуры'*), *лут* (от англ. *'loot'* – *'Добыча'*), *тиммейт* (от англ. *'teammate'* – *'товарищ по команде'*), *энписи* (от англ. *'npc'*, *'non-player character'* – *'персонаж, который не управляется игроком'*), *стамина* (от англ. *'stamina'* – *'выносливость'*). Также во многих играх есть своя особая лексика, распространяющаяся только на конкретную игру: *примогемы* (от англ. *'primogems'* – *'особая валюта'*), *баннер* (от англ. *'banner'* – *'система для получения персонажей'*), *дейлики* (от англ. *'daily'* – *'ежедневные задания'*), *планж* (от англ. *'plunge'* – *'атака в падении'*).

В некоторых играх существует невербальное общение. Это определенные действия, которые активируются при нажатии клавиш, или жесты, придуманные самими игроками. Невербальное общение остается хорошим способом коммуникации для людей разных национальностей, если нет доступа к письменному или устному способу общения. Например, в популярной игре «Dead By Daylight» есть различные способы общения жестами и действиями между игроками: *«приседание»* - одно из самых популярных средств общения, обычно этим игрок пытается попросить вас совершить какое-либо действие. Стандартные способы невербального общения существуют во многих играх для удобства игроков и лучшего понимания ситуации: *«указать»* - жест, который поможет указать на объект, место или направление; *«позвать»* - жест, который призывает следовать за собой. Основываясь на этом, можно смело сказать, что в компьютерно-игровом дискурсе помимо особого сленга есть также уникальный жестовый язык, который становится возможным благодаря определенному игровому функционалу.

Вербальная и невербальная коммуникация в компьютерно-игровом дискурсе в основном направлена на понимание сообщения между участниками, несмотря на культурные и языковые различия. Игровой сленг – это язык, понятный каждому игроку. С помощью него не только осуществляется успешная коммуникация в самой игре, но и стирается языковой барьер. Невербальное общение, активно используемое участниками компьютерно-игрового дискурса, еще больше упрощает взаимодействие между людьми разных национальностей.

Литература

1. Воронцова Ю.А., Алдухов А.Ю. Лексика геймеров в английском и русском языках // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75). № 2. – С. 83-91.

2. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 25 с.
3. Геймерский сленг // Инглекс. Режим доступа: <https://englex.ru/english-for-gamers/>. (Дата обращения: 17.03.2024).
4. Глоссарий Genshin Impact // Genshin.ru [Электронный ресурс] URL: <https://genshin.ru/guides/glossarij-genshin-impact> (дата обращения: 18.03.2024)
5. Енбаева Л.В., Ханжин Ю.С. Дискурсивные характеристики компьютерных игр: сопоставительный анализ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 4. – С. 113-122.
6. Комаров В. А., Шушарина И. А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – №1 (52). – С. 88-90.
7. Королев И.О. Компьютерно-игровой дискурс как разновидность компьютерной коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2018. – №8. – С. 124-128.
8. Сигидова Е.Ф. Компьютерные игры как инструмент формирования межкультурной компетентности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. – № 1. – С. 75-86.

Melekhina E.I.

Pushkin State Russian Language Institute

Computer gaming discourse as a means of intercultural communication in the digital era

The article is devoted to the analysis of computer gaming slang as one of the ways of successful intercultural communication

Keywords: computer gaming discourse, communication, communication participants, gaming slang, vocabulary.

Мельникова Алина Олеговна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

alina_melnikova14@mail.ru

Принципы отбора сленговой лексики для урока русского языка в иностранной аудитории

Работа выполнена под руководством Рублевой Екатерины Владимировны, кандидата филологических наук, доцента

Целью статьи является рассмотрение принципов отбора сленговой лексики для уроков РКИ. Иностранным студентам важно овладеть разговорной речью, сленг же является неотъемлемой частью современного русского языка. В исследовании были определены критерии отбора сленговых выражений, на основе которых составлен каталог сленговой лексики для урока русского языка в иностранной аудитории (уровень В1).

Ключевые слова: русский язык как иностранный, сленговые выражения учебной сферы, принципы отбора лексики, формирование устной речи у иностранных учащихся.

Сленговые слова характерны для речи молодого поколения, то есть людей, активно участвующих в социуме, а, следовательно, активных коммуникантов. Особенно сложно в восприятии сленга иностранным студентам, которые приехали в Россию для обучения. Молодёжная среда насыщена выражениями, которые не имеют перевода на другой язык, можно искать лишь синонимы данных высказываний, что для иностранных студентов будет проблематично.

Для инофонов важно сформировать умения выстраивать коммуникацию с помощью разговорной речи, понимать переносное значение выражений, включение сленга в общение с русскоговорящими товарищами, синтаксические особенности построения предложений. Всё это необходимо для межкультурного взаимодействия иностранных обучающихся с русскоговорящими студентами, для их взаимодействия в образовательной и профессиональной среде.

Знание грамматики русского языка является одним из основных в изучении РКИ. Для иностранных учащихся, проходящих обучение на русском языке, важным будет формирование навыков письменной и устной речи, применение способов выстраивания грамматических конструкций при коммуникации в процессе слухового анализа различных текстов, их зрительного восприятия. Поэтому изучение русских слов должно опираться на начальном этапе на слова без лишней смысловой нагрузки.

Использование молодежного сленга чаще выступает в качестве способа интеграции коммуниканта в коллектив, таким образом, сленговая лексика регулярно употребляется в процессе общения. Даже если люди не входят в коммуникативное пространство молодежи или не используют сленг в своей речевой практике, то зачастую просто испытывают желание понимать его. Следовательно, можно говорить о том, что сленговая лексика присутствует в речи носителей языка пассивно или активно, в отличие от жаргона и арго, доступного ограниченному числу коммуникантов.

Иностранные студенты, которые обучаются в российских вузах и, следовательно, находятся внутри живой языковой среды, хотят интегрироваться в новый для них коллектив, поэтому искренне интересуются тем, как говорят их русскоязычные сверстники. Поскольку

на занятиях в университетах они знакомятся с академическим русским языком, то часто сами задают вопросы о том, как им применять свои знания в разговорной практике и научиться понимать сленговые выражения русскоязычных молодых людей.

Преподаватель русского языка как иностранного может помочь студентам приобрести необходимые навыки для участия в устном русскоязычном дискурсе.

Работа над сленговой лексикой для преподавателя начинается с понимания того, по каким принципам ее можно отбирать для презентации в иностранной аудитории. Зная систему методических принципов, можно выделить три основных принципа для отбора сленговой лексики для занятий РКИ.

Принципами отбора сленговой лексики для начального этапа являются **частотность использования** в коммуникации и **доступность** для лингвистического восприятия иностранным студентом. Кроме того, важно учитывать **этическую сообразность** презентации лексики в учебном процессе. На начальном этапе важно дать инофонам те единицы, которые они смогут осознать на соответствующем уровне владения русским языком и которые они сами смогут использовать в разговорной речи.

Рассмотрим, как реализуются эти принципы отбора на практике.

Логичным представляется при отборе лексики опираться, в первую очередь, на **принцип частотности**. Частотность определяется статистически – количество употреблений в коммуникативном потоке. При установлении частотности мы опирались на фактор субъективности, так как сами вовлечены в процесс активного использования сленговой лексики и имеем возможность ежедневно наблюдать за речью носителей молодежного сленга. Так как сленг является атрибутом устной речи, для выявления его математически верной частотности использования пришлось бы составлять корпус устных текстов, а это невозможно по техническим причинам: невозможно соблюсти чистоту эксперимента, если носители языка будут знать, что их речь записывается на цифровой носитель, а записывать речь человека без предупреждения не является правомерным процессом.

В качестве критерия отбора сленговой лексики необходимо учитывать и **принцип доступности**, который заключается в определении уровня языковой подготовки студентов и соответствия уровня трудности сленгового материала уровню коммуникативной компетенции инофонов. На этапе, когда владение русским языком ограниченное, не стоит выбирать материал, который вызовет трудности при семантизации, произношении и последующем употреблении.

Принцип доступности также предполагает необходимость овладения такой лексикой, которая связана со сферой профессиональной деятельности иностранных студентов, а

именно – с учебой в университете. Поэтому большой состав отобранной лексики напрямую соотносится с необходимостью описывать в речи явления и объекты, которые имеют место в учебном процессе.

Принцип этической сообразности предполагает понимание того, что учебный процесс все-таки протекает в стенах университета, где неуместно использовать грубую лексику.

При отборе лексики некоторые методисты, например, И.А. Ланская, советуют провести наблюдение в течение одной недели за речью носителей языка, провести анализ общения в социальных сетях, составить список наиболее частотных слов и выбрать несколько для презентации в иностранной аудитории [2, с. 190].

В качестве источника для составления списка сленговых выражений использовался речевой опыт и тексты, размещенные в социальных сетях. Тексты социальных сетей были включены как материал для исследования не случайно. Некоторые лингвисты выделяют устно-письменный вид речевой деятельности как еще один вид речевой деятельности наряду с традиционно выделяемыми говорением, чтением, письмом и аудированием. С одной стороны, коммуникативное взаимодействие в социальных сетях представляет собой устный тип коммуникации, с другой стороны, – письменный, так как участники обмениваются сообщениями при помощи различных письменных знаков. Подтверждением этому являются следующие аргументы: «1) коммуникация в чатах протекает в условиях неподготовленного, непринужденного общения, при котором отсутствует установка на официальность; 2) при общении используются смайлики, пиктограммы, содержащие картинку с изображением той или иной эмоции; 3) основными жанрами являются диалог и полилог; 4) для чатов характерна бытовая тематика общения» [3, с. 2]. Несмотря на то, что при коммуникации в чатах люди де-факто находятся в исполнении письменных видов речевой деятельности, на самом деле они ведут себя как при реальном устном межличностном общении, поскольку вся коммуникация в чате строится так, чтобы «подчеркнуть разговорные свойства языка» [Там же, с. 3].

По их мнению, манера общения в сети начинает распространяться и на повседневную коммуникацию. Подобный синтез устного и письменного дискурса расширяет пространство для общения, позволяет раздвигать границы коммуникативных возможностей. М.А. Кронгауз описывает его как «новый промежуточный тип коммуникации и новую промежуточную форму языка» [1, с. 44].

Таким образом, источниками отбора сленговых выражений можно считать не только живую речь носителей языка, но и тексты, размещенные в различных социальных сетях, на

форумах или в блогах, при этом критериями отбора сленговой лексики для студентов начального этапа будут являться принцип частотности, доступности и этическая сообразность презентации выражений в учебном процессе.

На основе принципов отбора, представленных выше, был составлен каталог сленговых выражений, которые целесообразно изучать в иностранной аудитории на уровне В1.

В таблице 1 представлен каталог сленговых слов и выражений, которые могут изучаться на занятиях по русскому языку как иностранному, а также их толкование и примеры использования в речи.

Таблица 1. Представление сленговой лексики на уроке РКИ

№	Сленговое выражение	Толкование	Пример использования
1	Домашка	Домашняя работа	Я забыл, что на сегодня нужно было сделать домашку по физике.
2.	Контроша	Контрольная работа	Я вчера получил «отлично» за контрошу по русскому языку.
3.	Общага	Общежитие	Я живу в общеаге.
4.	Препод	Преподаватель	Я сегодня не смогу пойти в кино. Препод задал написать доклад.
5.	Самостоялка	Самостоятельная работа	Сегодня была самостоялка по математике, мне кажется, что я очень плохо её написал.
6.	Семак	Семестр.	Этот семак я закончу без троек.
7.	Скинуть	Отправить информацию по интернету или по смс	Нужно скинуть реферат на почту Андрею Николаевичу сегодня до 20:00. Скинь мне смс.
8.	Студак	Студенческий билет	Я забыла студак в другой сумке.
9.	Уник	Университет	Я не хожу в уник по пятницам, у нас выходной.

10.	Экз, экза	Экзамены	Я плохо сдал экза, буду поступать в университет с ледующем году.
-----	-----------	----------	--

На первом этапе важно обучать максимально частотной лексике, то же самое можно сказать и об изучении сленговых выражений. Кроме того, важно, чтобы все представленные выражения были доступны студентам с языковой точки зрения, не вызывали бы больших трудностей при семантизации и последующем использовании. Логичным представляется опираться на принцип этической сообразности при презентации сленговых выражений в учебном процессе.

Литература

1. Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. – Москва: АСТ, 2013. – 412 с.
2. Ланская И.А. Вопросы изучения молодежного сленга в курсе «русский язык и культура речи» // АНИ: педагогика и психология. 2019. – №1 (26). – С. 189-192. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-izucheniya-molodezhnogo-slenga-v-kurse-russkiy-yazyk-i-kultura-rechi> (дата обращения: 03.02.2024)
3. Лисовая Е.В., Кирюшкина А.А. Чат как устно-письменная коммуникация в интернет среде // Вестник ГГУ. – 2017. – №3. – С. 100-108.

Melnikova A.O.

Principles of selecting slang vocabulary for a Russian language lesson in a foreign audience

Pushkin State Russian Language Institute

The goal of the article is to consider the principles of selecting slang vocabulary for RCT lessons. It is important for foreign students to master colloquial speech, and slang is an integral part of the modern Russian language. In the study the criteria for selecting slang expressions were defined, on the basis of which a catalogue of slang vocabulary for Russian language lessons in a foreign audience (level B1) was compiled.

Keywords: Russian as a foreign language, slang expressions of the educational sphere, principles of lexicon selection, formation of oral speech in foreign students.

Меркулов Георгий Валерьевич

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

merkulovgeorgiy@yandex.ru

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» В.Г. Распутина и повесть «Посторонний» А. Камю: попытка сравнения

Работа выполнена под руководством Леонова И.С., доктора филологических наук,
профессора

Статья посвящена сравнению художественных стратегий и нравственной проблематики повести «Дочь Ивана, мать Ивана» В.Г. Распутина и повести «Посторонний» А. Камю. В настоящей статье делается попытка осознать и выявить, в чём именно заключаются духовные поиски этих писателей и художественное значение их повестей.

Ключевые слова: мотив убийства; нравственная проблематика; поиски; жертва; трагедия времени.

Выдающиеся писатели – Валентин Григорьевич Распутин и Альбер Камю – прошли сложный творческий путь: несмотря на всю разницу их эстетических и философских взглядов, несхожесть творческих методов, этих мыслителей и художников слова объединяло равнодушие к трагическим переломам бытия, напряженное внимание к потаенным и самым непостижимым, темным уголкам человеческой души.

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана», завершенная и выпущенная В.Г. Распутиным в 2003 году, стала своеобразным итогом многолетних творческих исканий русского писателя, явилась отражением тяжелых исторических перемен, которые произошли с Россией в постсоветский период ее развития.

Публикация этой повести в свое время имела эффект разорвавшейся бомбы, было много споров, и, сложно однозначно сказать, что послужило тому причиной: то ли сюжет этой книги, который оказался удивительно созвучен настроению и звуку эпохи, поразил своей простотой и жестокостью одновременно, то ли ее стилистические огрехи и недостаточные художественные достоинства по сравнению с такими безусловными шедеврами писателя, как «Последний срок», «Живи и помни» или «Прощание с Матёрой», то ли многих критиков смутили нетривиальные мысли, высказанные В.Г. Распутиным в этом произведении.

В.Г. Распутин попытался донести ту художественную и эстетическую правду, которая была для него естественной: согласно его писательской позиции, общество больше не в состоянии что-либо решать самостоятельно, так как рыночные отношения проникли во все сферы жизни, завладели душами людей. Для позднего творчества сибирского классика мысль о продажности времени, потерянности человека невероятно важна – писатель доносит до читателя мысль о том, что товаром становятся и традиционные нравственные ценности: «Пожалуют к нам гости, мы рады. Приедут,

придут – уходите, старики, на два часа. А то на всю ночь. Денег дадут... уходим. Только скажем: ключик оставьте у дежурной, внизу».

Сам писатель своей работой остался не очень доволен, но отметил в интервью газете «Труд»: «главное я в повести “Дочь Ивана, мать Ивана“ сказал» [2]. В.Г. Распутин признавался, что название повести ему подсказала давняя знакомая по совместной работе в газете «Красноярский комсомолец» Маргарита Ивановна Николаева, которая (об этом случае рассказывает в своем исследовании о писателе в серии «Жизнь замечательных людей» А.Г. Румянцев) в одном из писем написала ему, что «не стоит лишний раз жаловаться на судьбу» и добавила, что ее стойкость «держится на крепком фундаменте, поскольку она – и дочь Ивана, и мать Ивана» [1, с. 364]. Там же А.Г. Румянцев добавляет, что к созданию повести писателя подтолкнул реальный случай, произошедший в Иркутске, когда рыночный торговец, выходец с Кавказа, надругался над русской девушкой. Ее мать отчаялась ходить по высоким кабинетам, и, увидев однажды, как земляки выходца с Кавказа дали взятку следователю, женщина решилась на самосуд: застрелила насильника из обрезка. Писатель лично встречался с этой женщиной, которая потом была осуждена и отправлена в тюрьму, поэтому вся ее история, если верить А.Г. Румянцеву, «увиделась ему (*то есть В.Г. Распутину. – Г.М.*), как неизбежное порождение новой власти – рассадника беззакония, коррупции, разврата» [1, с. 363].

Мотив убийства – как единственно возможного и необходимого способа восстановления правды, а то и некой искупительной силы – нередко встречается не только в русской, но и в мировой литературе: сюжетная линия «Дочери Ивана, матери Ивана» (учитывая контекст эпохи) восходит к Ф.М. Достоевскому, прежде всего, к «Бесам» и «Преступлению и наказанию» (Достоевского В.Г. Распутин считал одним из главных своих учителей в литературе), А.П. Чехову (видится много общих переключек с «Дуэлью»), а если брать зарубежную литературу, то на ум сразу приходит Альбер Камю с его «Посторонним». Достаточно вспомнить образ кипящего солнца, у которого совсем невыносимое, «душное дыхание» (Распутин потрясающе использует прием олицетворения), прочитать, как сознание Тамары Ивановны больше часа «плавилось» под горящим солнцем, чтобы понять, что душевное состояние простой сибирской женщины (вплоть до состояния озноба) схоже с положением Мерсо – героя повести «Посторонний» – в ту секунду, когда он, не выдержав слепящего света солнца и удушающей жары, стреляет в араба, подумав, что тот следит за ним и хочет убить (при

всей разнице сюжетных ситуаций, можно заметить, что и Тамара Ивановна, и Мерсо – не испытывают дружеских чувств по отношению к людям другой национальности, во многом даже ненавидят их). Достаточно просто сравнить фрагменты из повестей В.Г. Распутина и А. Камю, чтобы увидеть схожесть мотивов и образов. Вот удивительный по своему накалу момент из «Дочери Ивана, матери Ивана»:

«Голос отца еще стоял в ушах, в глазах еще продолжали мерцать очертания двух корявых, изломанно торчащих на каменистой земле деревьев с короткими верхушками и вразной торчащими ветками, еще бухал уныло гром, так и не добившись дождя, когда Тамара Ивановна разомкнула глаза и огляделась. Не сразу вспомнила она, где оказалась. Сон был так тяжел и так липок, такой душной пеленой застелил он сознание, что и выдираться из него пришлось долго и мучительно, не понимая, откуда и куда выдираешься. Но когда наконец выдралась, когда с тяжелым вниманием огляделась и вспомнила, кто она и где она, в ужасе она давнула себя так, приподняв и молотом опустив верхнюю часть туловища на нижнюю, что захрустели косточки. Шел четвертый час пополудни. Она проснулась в поту, больше часа плавилась под кипящим солнцем, теперь ее продрал озноб. И все же, прежде чем подняться, огляделась еще раз».

Теперь вспомним, как положение человека перед убийством и непосредственно мгновение убийства описывает Альбер Камю:

«Как только араб увидел меня, он приподнялся и сунул руку в карман. Я, разумеется, нащупал в своей куртке револьвер Раймона. Тогда араб снова откинулся назад, но не вынул руки из кармана. Я был довольно далеко от него – метрах в десяти. Веки у него были опущены, но иногда я замечал его взгляд. Однако чаще его лицо, вся его фигура расплывались перед моими глазами в раскаленном воздухе. Шуршание воли было еще ленивее, тише, чем в полдень. Все так же палило солнце, и все так же сверкал песок. Вот уже два часа солнце не двигалось, два часа оно стояло на якоре в океане кипящего металла. На горизонте прошел маленький пароход, я увидел это черное пятнышко только краем глаза, потому что не переставал следить за арабом.

Я думал, что, стоит мне только повернуться, уйти, все будет кончено. Но ведь позади был огненный пляж, дрожащий от зноя воздух. Я сделал несколько шагов к ручью. Араб не пошевелился. Все-таки он был еще далеко от меня. Быть может, оттого что на лицо его падала тень, казалось, что он смеется. Я подождал. Солнце жгло мне щеки, я чувствовал, что в бровях у меня скапливаются капельки пота. Жара была такая же, как в

день похорон мамы, и так же, как тогда, у меня болела голова, особенно лоб, вены на нем вздулись, и в них пульсировала кровь. Я больше не мог выносить нестерпимый зной и шагнул вперед».

Альбер Камю был бы поражен тем, как Валентин Григорьевич Распутин передал состояние удушающей тревоги и в то же время дикой, страшной решимости, когда у человека словно бы оказывается сорван стоп-кран, снят предохранитель (возможно, при написании книги В.Г. Распутин мог думать и о фильме «Ворошиловский стрелок» С.С. Говорухина).

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана», безусловно, станет (или уже стала) страшным и непреложным свидетельством эпохи, когда Россия, минуя серую беспросветность девяностых, стремилась к светлой лазури двухтысячных, переходила от времени дефицита к времени товарного изобилия.

Для писательской манеры В.Г. Распутина всегда было характерно состояние конечности бытия, упадка мироздания и внутреннего одиночества (вспомним, например, как много возникает непреодолимого страха скорой смерти в его рассказах «Что передать вороне?» и «В непогоду»). И после распада Советского Союза, когда к нему пришло осознание гибели русской крестьянской деревни (по крайней мере, такой, какой он её помнил и знал) это настроение в его прозе только усилилось, что видно по повести «Дочь Ивана, мать Ивана». В.Г. Распутин понимал, что те старухи, которых он описывал в своих произведениях (и которых теперь называют «распутинскими» старухами) безвозвратно уходят в небытие, а его поколение безнадежно стареет и тоже скоро канет в Лету, так и не сумев приспособиться к реалиям нового времени, к которым автор «Денег для Марии» и «Уроков французского», не то, что не сумел – не захотел приспособливаться.

Осознав, что в новой действительности ему нет места, выдающийся писатель замолчал. Теперь уже навсегда.

Литература

1. Румянцев А.Г. Валентин Распутин. Москва : Молода гвардия, 2016. – 447 с.
2. Чкаников М.Д. Очистить Россию за 15 лет // Труд, № 042, 15 марта 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.trud.ru/article/15-03-2007/113616_ochistit_rossiju_za_15 лет.html (дата обращения: 25.01.2024)

Merkulov G.V.

Pushkin State Russian Language Institute

The story "Ivan's Daughter, Ivan's Mother" by V.G. Rasputin and the story "The Outsider" by A. Camus: an attempt of comparison

The article is devoted to the comparison of artistic strategies and moral problems of the story "Ivan's Daughter, Ivan's Mother" by V.G. Rasputin and the story "The Outsider" by A. Camus. In this article an attempt is made to realise and reveal what exactly lies in the spiritual quest of these writers and the artistic significance of their novels.

Keywords: murder motive; moral problematics; search; victim; tragedy of time.

Мирошниченко Анна Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

anymir2004@gmail.com

Особенности репрезентации концепта «Вдохновение» в русском и английском языках (на материале лексикографических источников)

Работа выполнена под руководством Ли Станислава Игоревича, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматривается развитие концепта «вдохновение» в русском и английском языках в период с XI по XXI век. Цель исследования – выявить особенности репрезентации концепта «вдохновение» на основе различных лексикографических источников с помощью историко-этимологического, семантического и описательного методов анализа. Актуальность обусловлена потребностью лингвистики в детальном изучении восприятия действительности носителями разных культур и способами ее интерпретации и закрепления в языке.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, русский язык, английский язык, концепт, вдохновение, культура.

Основной единицей современной когнитивной лингвистики – науки о взаимосвязи и взаимодействии языка, мышления и культуры – является концепт. В.И. Карасик определяет его как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [6, с. 91]. Концепт, будучи «фиксацией коллективного опыта в языке» [Там же], позволяет сопоставлять особенности моральных и этических ценностей, сформированных в сознании представителей разных языковых групп. Анализ концепта в диахронии дает возможность отследить путь развития и трансформации значения слова в период с XI по XXI век.

Концепт *вдохновение* в русском языке.

Слово *вдохновение*, согласно Русскому этимологическому словарю А.Е. Аникина, берет свое начало из церковно-славянского языка, являясь отглагольным существительным (от *въдъхнѹти*, с 1073 г.), образованным по образцу *греческого* *ἐμπνῶια* 'дыхание, дуновение', 'вдохновение, внушение' от *ἐμπνέω* 'надуваю, раздуваю', 'воодушевляю' [1]. Главным

значением вдохновения было 'духовное внушение', 'введение в сердце, душу божественного духа' с религиозно-мистической окраской.

В XVIII веке фиксируются два новых значения: 'подъем духа' и 'творческое воодушевление', когда в качестве «вдохновителя» выступает уже не только бог [Там же].

Уже в начале XIX века слово выходит за рамки церковно-славянской лексики. В словаре В. Даля *вдохновение* определяется как 'действие того, кто вдохновляет, духовное внушение; высшее духовное состояние и настроение' [5].

В «Психологической энциклопедии» это резкий и неожиданный подъем духовных сил человека, наблюдаемый в процессе творческого труда [2]. Отличительной чертой *вдохновения* является глубокая и устойчивая концентрация, стимулирование способностей, знаний и навыков, высокий уровень активности познавательных процессов, яркие образы в памяти и воображении. Часто сопровождается возникновением идеи, нахождением решения сложной проблемы и созданием ключевых образов в художественном произведении.

В «Большом современном толковом словаре русского языка» эти определения остаются актуальными: 'состояние творческого подъема, прилив творческих сил', 'приподнятое душевное состояние, настроение; воодушевление' [3].

Проанализировав приведенные словарные статьи, можно сделать вывод о том, что концепт *вдохновение*, будучи «семантической калькой древнегреческого *ἐμπνοια*, что в буквальном смысле значит 'дыхание, дуновение', а в переносном 'вдохновение, внушение'» [4], до конца XVIII – начала XIX века имеет значение 'внушение'. Затем, с началом бурного развития русской поэзии, основным и действительным по сей день вариантом употребления становится особое 'душевное состояние'.

Концепт *вдохновение* в английском языке.

Первое известное использование существительного *inspiration* относится к среднеанглийскому периоду (1150-1500). Самое раннее свидетельство, зафиксированное в Оксфордском словаре [9], относится к 1303 году, в сочинении Роберта Мэннинга, поэта и историка. Лексема *inspiration* образована от глагола *inspire*, который, в свою очередь, берет начало из позднелатинского (*inspiration-em, n. of action from inspirare 'вдувать, вдыхать'*, в переносном смысле 'вдохновлять, возбуждать, воспламенять') и старофранцузского (*en-, inspiration, sion 'вдыхать, вдыхать; вдохновение'*) языков [8]. Примерно в XIII веке *вдохновение* определялось как 'непосредственное влияние Бога', под которым были написаны книги Священного Писания [Там же]. Буквальное значение 'акт вдоха' было засвидетельствовано в английском языке в 1500-х годах [Там же].

Словарь нового английского языка 1702 года [8] дает следующие определения:

1. Буквальные (физические) значения.

1.1. Вдувание/выдувание.

1.2. Действие или акт, заключающееся во вдохе; втягивание воздуха в легкие при дыхании (противоположно выдоху).

2. Переносные значения.

3. Действие вдохновения; факт или условие получения вдохновения; дыхание или вливание в разум или душу.

3.1. Особое непосредственное действие или влияние Духа Божьего (или какого-либо божества или сверхъестественного существа) на человеческий разум или душу.

3.2. Вдох или вливание в сознание какой-либо идеи, цели и т.д.; внушение, пробуждение или создание какого-либо чувства или импульса.

3.3. Внушение или побуждение (из какой-либо влиятельной среды) к высказыванию или публикации определенных взглядов или информации по какому-либо общественному вопросу.

В словаре начала XX века [10] количество значений исследуемого концепта уменьшается:

1. Акт вдоха; выдох; втягивание воздуха в легкие, осуществляемое у млекопитающих путем поднятия стенок грудной клетки и уплощения диафрагмы; противоположность выдоху.

2. Действие или способность оказывать возвышающее или стимулирующее влияние на интеллект или эмоции; результат такого влияния, которое ускоряет или стимулирует.

3. Сверхъестественное божественное влияние на пророков, апостолов или священных писателей, благодаря которому они были квалифицированы для передачи моральной или религиозной истины с авторитетом; сверхъестественное влияние, которое дает людям право принимать и передавать божественную истину; а также передаваемая истина.

Уже в современном Кембриджском словаре [7] лексема имеет такие значения, как:

1. Вдохновение (дает идеи): кто-то или что-то, что дает вам идеи для того, чтобы что-то сделать.

2. Вдохновение (хорошая идея): а) внезапная хорошая идея о том, что вам следует сделать; б) быть источником вдохновения для кого-либо; с) быть настолько хорошим, что кто-то другой восхищается тобой и поощряется твоим поведением.

3. Вдохновение (дыхание): а) акт вдоха.

Исходя из приведенных лексикографических данных, можно сделать вывод о неоднократном изменении ядра концепта *inspiration*. Его переносное значение предшествует

буквальному. Оно происходит от латинского *inspirare* ‘вдыхать, вдохновлять’ и в английском языке имеет значение ‘втягивание воздуха в легкие’ с XVI века. Это ощущение дыхания до сих пор широко используется врачами, как и *expiration* ‘выдох’. Однако до того, как вдохновение стало использоваться для обозначения дыхания, оно имело отчетливое теологическое значение, обозначая сверхъестественное влияние на человека со стороны божественной сущности; это значение восходит к XII – XIV векам. Часто встречающееся сегодня чувство *вдохновения* (‘кто-то или что-то, что вдохновляет’), датируемое XIX веком, значительно новее.

Таким образом, исследуемый концепт в русском и английском языках имеет разное происхождение, но, несмотря на это, можно выявить общность в значении ‘духовное внушение’, которое было актуально для английского языка в период XII – XIV веков, а для русского – с XI по XIX век. Под влиянием литературных и исторических изменений концепты приобрели новые значения и изменили модели восприятия носителями языков. Примерно в XIX веке фокус внимания сместился с ‘воздействия сверхъестественных сил’, имеющих религиозно-мистическую окраску, то есть вдохновения как действия, на ‘вдохновение-состояние’. Русскоязычные носители вплоть до конца XVIII – начала XIX века использовали *вдохновение* в качестве синонима слова ‘внушение’. Также стоит отметить, что в русском языке не было значения *вдохновения* как ‘акта вдоха’, когда в английском термин ‘*inspiration*’ всё ещё актуален в сфере медицины и имеет антонимическую парадигму.

В современной науке растет интерес к изучению взаимосвязи языка, культуры и мышления. В этом контексте исследование концептов приобретает особое значение. Концепты представляют собой ментальные структуры, которые отражают наше понимание различных явлений, предметов и абстрактных понятий. Они являются строительными блоками языковой картины мира. Так, концепт *вдохновение* в русской и английской языковых традициях проявляется по-разному, отражая культурные особенности и различия в мировоззрении народов. Изучение концептов в различных лингвокультурах имеет важное значение для межкультурного взаимодействия. Понимание концептуальных различий позволяет преодолевать барьеры восприятия и эффективно взаимодействовать с носителями других языков и помогает в разработке эффективных стратегий перевода, способствующих адекватному и полномасштабному межкультурному обмену.

Литература

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь; Вып. 6, Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова, Ин-т филологии Сибирского отд-ния РАН. – Москва : Рукоп. памятники Древней Руси, 2012. – 368 с.

2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М. Л., 1953. – Т. 2. – С. 443.
3. Большой современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Виноградов В.В. История слов. – Москва, 1999. – 1138 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Москва, 1994. – Т. 1. – 683 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british> (дата обращения: 20.02.2024).
8. Murray Sir James A.H., Bradley H., Craigie W.A., Onions C.T. A new English dictionary on historical principles: founded mainly on the materials collected by the Philological Society / Murray Sir James A.H., Bradley H., Craigie W.A., Onions C.T. [Электронный ресурс] // Internet Archive: [сайт]. – URL: <https://archive.org/details/oed01arch/page/58/mode/2up> (дата обращения: 20.02.2024).
9. The Oxford Dictionary of English Etymology / [Электронный ресурс] //Internet Archive: [сайт]. – URL: <https://archive.org/details/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 20.02.2024).
10. Webster N. Webster's Dictionary / N. Webster [Электронный ресурс] // Internet Archive: [сайт]. – URL: <https://archive.org/details/WebstersDictionary1913Ver2.1> (дата обращения: 20.02.2024).

Miroshnichenko A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Features of the representation of the concept of "Inspiration" in Russian and English (based on the material of lexicographic sources)

The article examines the development of the concept of "inspiration" in Russian and English in the period from the XI to the XXI century. The purpose of the study is to identify the features of the representation of the concept of inspiration based on various lexicographic sources using historical, etymological, semantic and descriptive methods of analysis. The relevance is due to the need for linguistics to study in detail the perception of reality by speakers of different cultures and the ways in which it is displayed and fixed in language.

Keywords: cognitive linguistics, Russian, English, concept, inspiration, culture.

Михайлович Любовь Витальевна,

Минский государственный областной лицей

lubamichal8@gmail.com

Особенности репрезентации концепта «война» в сборнике рассказов

Н. Абгарян «Дальше жить»

Работа выполнена под руководством Койро Ольги Ивановны, учителя русского языка и литературы Минского государственного областного лицея.

В работе рассматриваются художественное своеобразие сборника Н. Абгарян «Дальше жить» и особенности репрезентации концепта «война» в этом сборнике.

Ключевые слова: концепт, литературный концепт, репрезентация, художественное своеобразие, композиция, мотив, ядро.

Война проходит через всю историю человечества и оказывает огромное влияние на культурную, духовную, политическую, социально-экономическую жизнь народов и государств. На протяжении многих веков война становится неотъемлемой частью ментальной жизни человека. А оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона выступает концепт. В.Г. Зусман полагает, что исследование концептов в художественной литературе может принести огромные плоды, позволяя более глубоко и разносторонне анализировать художественный текст. «Литературный концепт – такой образ, символ или мотив, который имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [4].

Цель данной работы – исследование особенностей репрезентации концепта «война» в книге Н. Абгарян «Дальше жить». Основная цель определила круг конкретных **задач**: изучить понятие «концепт»; рассмотреть жанрово-композиционное своеобразие книги; выявить особенности репрезентации концепта «война» в книге. **Объектом** исследования выступает концепт «война» в книге Н. Абгарян «Дальше жить». **Предметом** – особенности авторской репрезентации концепта «война» в книге. **Материалом** для исследования послужил сборник рассказов Н. Абгарян «Дальше жить».

В основе рассмотрения концепта «война» лежат лингвистический, мифологический, культурологический, психологический аспекты. Методологической базой является комплексный анализ текста. В процессе исследования также были использованы метод контекстуального анализа, моделирование, метод количественного подсчёта, метод цитирования.

Актуальность работы определяется тремя составляющими: творчество Н.Абгарян является ещё не изученным; в современном социокультурном пространстве тема войны

остается злободневной и сегодня; недостаточная изученность концепта как литературоведческого термина, отсутствие четкого алгоритма для исследования литературного концепта.

Теоретическая значимость проявляется в изучении термина «концепт» и особенностях его репрезентации в художественном тексте. Новизна: впервые сделана попытка исследования художественного своеобразия сборника рассказов Н. Абгарян «Дальше жить». **Практическая значимость:** составлен словарь афоризмов, который будет интересен широкому кругу читателей.

Книга «Дальше жить» состоит из 32 рассказов, объединённых одной темой, которая сформулирована в подзаголовке сборника – «Книга о тех, кто пережил войну. И тех, кто не пережил». Карабахская война – один из самых кровопролитных конфликтов на постсоветском пространстве. Структура сборника включает в себя 30 рассказов, «Вместо предисловия. Заназан» и «Вместо послесловия». Автор поднимает философскую проблему о смысле жизни человека на войне и после войны. Объединяет художественный мир романа концепт «война».

Каждая глава – это история одного конкретного человека. Автор рассказывает о частных трагичных историях, буквально переходя из дома в дом. Символично название первого рассказа «Мерелоц» – День посещения могил. Описание жизни маленького приграничного городка Берд начинается с посещения кладбища. *«Люди уходят так, словно соревнуются»*, – это сравнение, которое использует во внутреннем монологе героиня Гинаманц Метаксия, звучит страшным эпитафией ко всей книге. Кладбищенскую тишину неожиданно нарушают воспоминания о гибели приемного сына Размика, первого из тех, кто не пережил войну. Читатель не сразу осознает трагедию, он не готов к смерти юноши и до последнего надеется на счастливую встречу уже ставших родными людей. Но автор не щадит читателя, как и не щадит человека война. Лаконичный причастный оборот *«наспех закиданный комьями земли и садовым инвентарем»*, придаточное предложение с многоточием *«Если бы не рана в животе...»* и деталь *«на раздробленные ступни они туфли не налезли»* уничтожают надежду и погружают нас в страшный мир непонятной для человека войны. Сложное эмоциональное состояние женщины, которая стала «второй мамой», но потеряла *«Первого»* и единственного сына, передаётся через моторные реакции и психологические жесты: *«Метаксия собрала с его лица землю, подержала в руках. Не давая себе отчёта в том, что творит, съела горстку, давась от ужаса и боли, остальное высыпала себе за пазуху»*. В этой необычной реакции героини заключено несколько смыслов: поедание земли как единение с божественной сущностью и получение поддержки

сверхъестественных сил; поедание земли в лечебных целях, чтобы облегчить страдания. Съев горсть земли и высыпав себе горсть за пазуху, Метаксия, возможно, приняла таким образом свою «смерть».

Некоторые названия выполняют номинативную функцию («Заназан», «Лето»). Другие помогают читателю понять суть истории («Одиночество», «Возвращение»). Но самыми интересными являются те, которые, организуя читательское восприятие, создают эффект ожидания. Они выступают в роли смысловой доминанты рассказа, закольцовывают композицию, являясь финальным образом («Колготки», «Узелок»).

Практически в каждом рассказе (в 29 из 32) автор использует прямую экспозицию: в первом или втором предложениях называется имя персонажа, о котором пойдет повествование. *«Бог дал Погосанц Васаку двух тихих дочерей: Арусаяк и Аничку»*. («Узелок») [1]. *«Заргинанц Атанес просыпается в самую рань»*. («Багардж») [1]. Чаще всего мы видим мирную жизнь людей, их повседневные, заботы, занятия. И только некоторые главы начинаются сразу с факта смерти или трагедии: *«Акунанц Каранет погиб на пороге своего дома»* («Жить») [1], *«Невестка старой Маро погибла на третий день ливня»* («Пахлава») [1]. Заглавия этих глав звучат как бы антитезой экспозиции рассказа.

Трагедия каждого персонажа связана с войной. Она вплетается в повествование рассказа иногда незаметно, иногда внезапно, но её появление всегда выступает кульминационным моментом истории. Своеобразие сюжета и образной системы сборника в том, что каждый главный герой следующего рассказа обязательно мелькнет в предыдущем как второстепенный. Постепенно читатель замечает, как переплетаются судьбы, герои, истории. И это обусловлено также географическим пространством сборника. Практически все персонажи – жители армянского города Берд и приграничных деревень (д. Мовсес).

Важными элементами национального колорита в художественном произведении являются обычаи, традиции, религия, верования, фольклор. В главе «Молитва» подробно описывается *матах* (жертвоприношение). В главе «Хачкар» (крест-камень) описывается вид армянских архитектурных памятников.

Уникальность произведению придают и кулинарные реалии. Практически в каждой главе упоминаются национальные блюда. В главе «Пахлава» сладость с одноимённым названием выполняет сюжетобразующую функцию, поэтому автор описывает этот десерт не только в начале рассказа, но и в конце. *«Старая Маро ... испекла большой противень пахлавы – тонкое тесто, воздушная прослойка из взбитых белков с сахаром и грецких орехов, румяная корочка, щедро политая разогретым на водяной бане медом с корицей»*. В главе «Голод» повествование начинается с описания содержимого погребца Немецанц

Алекса. *«Здесь солёная капуста, там – маринованные свёкла, бутень, портулак, рядом – домашний сыр, всякий...»* и т.д.

Национально-культурное своеобразие художественного произведения – это неотъемлемая часть анализа содержательной структуры художественного произведения. Изображение реалий духовной и материальной культуры помогает автору создать масштабное полотно с этнокультурным колоритом. Перед нами на примере города Берд предстаёт национальный портрет армянского народа.

Рассмотрение концепта «война» в литературоведческом аспекте считаем важным начать с изучения художественного времени и пространства в произведении. Одной из особенностей изображения времени в книге *«Дальше жить»* является смешение времен. В этом сборнике идёт речь о военном конфликте, который начался в 1987 году и продолжается до сих пор. Книга воспоминаний о войне является и книгой о жизни во время войны. Время в тексте имеет, с одной стороны, достаточно размытые границы (нет конкретных дат, чисел), с другой стороны, четко определено возрастом персонажей. *«Цатуру тогда когда отец уходил на войну было четырнадцать»* [1]. Таким образом, художественное время представляется «бесконечным», что ещё сильнее подчёркивает трагичность ситуации.

Пространство, представленное в тексте, связано с локальными показателями, которые объединены основным признаком – приграничными районами. Война выступает не только главным героем произведения, но и пространством, на котором разворачиваются все события. Судьбы всех персонажей посечены войной, каждый приграничный житель знает: *«однажды начавшись, она может не закончиться никогда»* («Выбор») [1]. Таким образом, можно предположить, что ведущим началом в книге является все-таки пространство.

Следует отметить, что пространственные объекты в книге меняют свою функциональную нагрузку. Например, локус «дом», который в культуре выступает как место, где человек может найти защиту, в книге часто становится местом смерти персонажей или пограничных ситуаций («Жить», «Выбор», «Одиночество»). Персиковый сад (символ процесса возобновления жизни) когда-то был «своим, родным», теперь стал «чужим», местом гибели и захоронения мирных людей («Спасение»).

Пространство предстаёт и в вертикальном разрезе. Небо, «искрящие просторы» притягивают персонажей («Бессмертник», «Молитва») и потому, что там находятся родные, с которыми их разорвала война, и потому, что там можно жить без страха.

Время и пространство в произведении – это формы существования персонажей в реальности в тексте. Сюжетные события часто скрещиваются, соединяя временные пласты – прошлого и настоящего.

В семантическое поле анализируемого концепта входят такие лексемы, как смерть, плен, голод, болезнь, одиночество, вина, горе и др. Но изучение концепта в литературоведческом плане (через систему мотивов) значительно расширяет границы концептуального анализа. Концепт «война» репрезентирован целой системой мотивов (страха смерти, плена, унижения, мучения, голода, болезни). Многие мотивы представлены уже в названиях рассказов: мотив одиночества, вины, ожидания. На первый план выходят мотивы сломленной души, потерянного поколения, бездетности, потери основы, мотив «потусторонья».

Война становится частью ментальной жизни, она входит как некое мифологическое существо, которое оживает на страницах книги с помощью олицетворений и метафор («закрутилась стремительно», «забрала всех», «грянула», «случилась», «начинается стремительно и исподтишка»). Война персонифицирована, она устанавливает свои правила («Долина»), которые хорошо запомнили дети войны и которые может нарушить только она сама.

Содержание образной составляющей концепта «война» раскрывается при рассмотрении параллелей с фольклорными, мифологическими сюжетами. Война настолько вошла в сознание людей, что они сочиняют сказки *«про птицу Мира, которая уже пять тысяч лет реет высоко в небе и не опускается на землю, потому что приземлиться она может только там, где нет войны. А на земле везде война»*. («Лето») [1].

Трагически символичным образом предстаёт в книге дорога, ведущая через перевал в большой мир. Для многих эта дорога стала переходом в иной мир: здесь попала в плен Антарам («Ковёр»), здесь убили невестку старой Маро («Пахлава»). Во многих сказках героям предстояло пройти по дороге в тёмный лес, Тридесатое царство, которые символизируют потусторонний мир, или перебраться через реку Смородину по Калинову мосту – значит умереть. Здесь присутствует даже мотив угощения героя на пути в Тридесатое царство. Этот мотив сложился в сказках на основе представлений о пище, принимаемой умершим на его пути в иной мир. Но здесь счастливого возвращения нет.

Ценностная составляющая концепта «война» раскрывается через мотив нравственной дезориентации личности в период войны, потерей жизненного ориентира. Эта составляющая актуализирована оппозицией мотивов бессмысленной смерти и противостояния женского начала войне («уход в иной мир» и как следствие невозможность продолжать род). Своеобразие состоит и в том, что ценностная составляющая данного концепта выражена и мотивом взаимопомощи и поддержки, которые усиливаются в условиях войны («Багардж», «Ожидание», «Голод»).

Таким образом, в ходе проделанной работы были сделаны основные выводы:

1. Художественный концепт рассматривают как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти, в рамках литературного произведения и художественной картины мира автора. Это понятие не очень хорошо разработано, поэтому отсутствует чёткий алгоритм исследования литературного концепта в художественном произведении.

2. Анализ художественного своеобразия сборника рассказов, объединённых героями (74+124), многолинейным сюжетом, национальным социокультурным фоном, позволяет назвать сборник романом (историческим, философским, психологическим). Выявленная жанрово-композиционная особенность сборника выводит ключевой концепт «война» на глобальный уровень и возводит основную проблему произведения в ранг общенародной.

3. Пространственная модель концепта «война» основана на пространственных оппозициях «верх – низ», «родной – чужой», временные пласты прошлого и настоящего соединяются в повествовании.

4. Изучение понятийной и образной составляющих концепта «война» помогло определить структуру данного концепта. Анализ основных мотивов произведения позволяет определить центральную зону, в которую вошли понятия «смерть», «потусторонье». Автор говорит как о физической смерти, случайной смерти простого человека, так и психологической. Война выступает как некий мифологический персонаж, который уводит человека в «потусторонье». Мотив перехода «в иной мир», потери жизненного ориентира и надежды на будущее, «откат в детство» является ключевым. Таким образом, расширяется и смысл подзаголовка «Книга о тех, кто пережил войну. И тех, кто нет».

5. Изучение ценностной составляющей концепта «война» выводит ценность жизни и человеческого в человеке на первый план. Афористичность языка, положительная коннотация большинства лексем, выступающих в функции заголовков рассказа, образная система, финальная история – всё это подтверждает данную позицию.

Концепт «война» выводит нас и на особенность мировосприятия автора, и на исторические, этнопсихологические аспекты восприятия данного концепта. Последние предложения книги: *«Жизнь справедливее смерти, в том и кроется её несокрушимая правда. В это нужно обязательно верить, чтобы дальше – жить»* [1] приводят к мысли, что в основе концептосферы произведения лежат два концепта – «война» и «жизнь».

Таким образом, универсальный концепт «война» в авторском дискурсе сборника рассказов Н. Абгарян обрастает дополнительными содержательными смыслами, что

обусловлено не только своеобразием художественного мира автора, но и национальными и геополитическими особенностями.

Литература

1. Абгарян Н.Ю. Дальше жить. – Москва : Издательство АСТ, 2023. – С. 252.
2. Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267-279. – [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004970449_1142/. (дата обращения: 09.09.2023).
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. – Москва : Рус. Яз., 1989 – Т. 1. – С. 699.
4. Зусман В. Концепт в системе научного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. – С. 3-17. – [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://voplit.ru/article/kontsept-v-sisteme-gumanitarnogo-znaniya/> (Дата обращения: 09.09.2023).

Mikhailovich L. V.

Minsk State Regional Lyceum

Features of the representation of the concept of "war" in the collection of short stories by N. Abgaryan "Further to Live"

The work examines the artistic originality of N. Abgaryan's collection "Further to Live" and the peculiarities of the representation of the concept of "war" in this collection.

Keywords: concept, literary concept, features of representation, artistic originality, composition.

Мишина Елизавета Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

lizamishina2005@gmail.com

Комикс как одна из форм визуализации при изучении романа

А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в формате дистанционного обучения

Работа выполнена под руководством Рублевой Е.В., кандидата филологических наук, доцента кафедры МПРКИ Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Статья посвящена исследованию комикса как формы визуализации при дистанционном обучении и его практической пользы при изучении романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В рамках статьи даны определения понятиям «дистанционное обучение» и «визуализация», а также выявлена практическая ценность комикса как формы визуализации дидактического материала при изучении произведения художественной литературы.

Ключевые слова: комикс, дистанционное обучение, дидактический материал, визуализация, наглядность, Пушкин, «Евгений Онегин»

Развитие информационных технологий кардинально изменило жизнь людей во многих сферах, в том числе и в сфере образования. Ввиду ряда событий последнего десятилетия, среди которых отдельное место занимает пандемия Ковид-19, многие образовательные учреждения были вынуждены обратиться к формату дистанционного обучения. Удаленное общение преподавателя и студента стало причиной активного использования цифровых технологий и поиска эффективных форм визуализации.

Е.В. Рублева и Н.В. Белова дают следующее определение понятию дистанционного обучения: это «форма организации учебного процесса, основанная на принципе самостоятельного получения знаний, предполагающая телекоммуникационный принцип доставки учебного материала и интерактивное взаимодействие обучающихся и преподавателей» [2, с. 21].

Стоит охарактеризовать особенности дистанционного обучения:

1. В отличие от традиционной (классно-урочной) формы, при дистанционном обучении общение между преподавателем и студентом происходит удаленно. Связь осуществляется посредством компьютеров, смартфонов и специальных образовательных платформ.

2. Контроль со стороны преподавателя уменьшается, и увеличивается часть самостоятельной работы обучаемого.

3. Повышаются требования к информативности дидактического материала: приоритет отдается невербальным формам информации.

Главной особенностью дистанционного обучения можно назвать увеличение информационной ёмкости учебного материала и повышение эффективности обучения за счёт использования передовых информационных технологий на основе компьютеров [2, с. 21]. Более того, дистанционное обучение обеспечивает повышение творческого и интеллектуального потенциала студента.

Поскольку количество времени, отведенное на личное общение преподавателя и студента, при дистанционном обучении уменьшается, дидактические материалы должны компенсировать возможные пробелы в получаемых знаниях. Решить данную проблему могут различные формы визуализации.

По Э.Г. Азимову и А.Н. Щукину, визуализацией является представление физического явления или процесса в форме, удобной для зрительного восприятия [1, с. 38]. О.В. Мурдускина делает акцент на такой функции визуализации, как упрощение понимания информации посредством представления данных в виде изображения [6, с. 430].

Визуализация дидактических материалов приводит к переосмыслению информации на основе ее преобразования в наглядные образы. Посредством визуализации образуются логические цепочки, способствующие усвоению и укреплению информации «путем формирования ярких зрительных образов» [4, с. 62]. Итак, визуализацию реализует принцип наглядности в обучении.

Визуализация повышает эффективность процесса дистанционного обучения, потому как визуальные образы, представленные через мультимедийные средства, ярче и понятнее текстовых описаний. Визуальный образ упрощает процесс запоминания информации у современных школьников и студентов, представителей поколения Z, чьей особенностью является клиповое мышление. Данный вид мышления оказывает влияние на реализацию принципа наглядности при дистанционном обучении: приоритет отдается дидактическим материалам в форме комиксов, инфографики, ментальных карт и иллюстраций, в которых в разной пропорции совмещаются вербальные и невербальные виды информации [8, с. 92]. Иными словами, применение форм визуализации способствует компрессии и минимизации объемной информации, делает ее более доступной, структурирует ее и иллюстрирует абстрактные понятия.

Отметим, что при использовании форм визуализации основой обучения становится когнитивно-визуальный принцип восприятия, при котором визуализация приобретает не только иллюстративную функцию, но и познавательную, особенно важную при изучении абстрактных понятий [4, с. 63].

Изучение литературных произведений состоит из двух условных аспектов: анализа композиции, сюжета, системы образов, хронотопа, лексики, деталей – структурного каркаса произведения, и интенции автора, возможность выявления которой появляется только после анализа всех компонентов. В данном случае при изучении первого фактора может быть применена иллюстративная функция визуализации, а при изучении второго – познавательная функция.

Обратимся к набирающей популярность в наши дни форме визуализации – комиксу. В.О. Богданова формулирует его определение так: «Комикс – это графическая история, которая отражает единство повествования и визуального действия. Комиксы всегда имеют сюжетную линию, которая представлена последовательной логической связью между эпизодами (кадрами, отдельными картинками). Логическая связь объединяет одно событие или одну проблему. Комикс может содержать в себе текстовую информацию, но может быть немойм изображением сюжета без текста» [3, с. 81]. В качестве дидактического инструмента комикс позволяет лучше усвоить теоретический материал, потому что в такой форме

информация преподносится отдельными фрагментами. Наглядно разбивая информацию на кадры, преподаватель может расставить требуемые акценты, чтобы подробнее раскрыть ту или иную проблематику и сфокусировать внимание учеников на ключевых идеях. Так как в большинстве случаев информация в комиксе имеет эмоциональную окраску, она затрагивает чувства читателя и апеллирует к его опыту. В отличие от текстового кластера, лишенного визуального разнообразия, комикс подогревает читательский интерес, представляя собой визуально привлекательный инструмент обучения [3, с. 82]. Для людей, главным образом воспринимающих информацию через зрительные образы, рисунки, отображенные в комиксах, служат «средством восприятия научной и учебной информации» [8, с. 94]. Комикс, являющийся синтезом повествования и визуализации, имеет высокий потенциал в дидактической сфере. А передача и усвоение учебного материала с помощью этой инновационной формы максимально реализует принцип наглядности в учебном процессе.

В процессе изучения романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» предлагается использовать комикс:

1) С целью наглядно и доступно отобразить сюжет произведения, выставив акценты на важных для раскрытия авторского замысла эпизодах: столичная жизнь Евгения, отъезд в деревню, знакомство с Ленским и Лариными, письмо Татьяны и ее объяснение с Онегиным, гадание Татьяны и символический сон, именины и ссора Онегина с Ленским, дуэль, «ярмарка» невест, встреча Татьяны и Онегина, письмо Онегина и финальное объяснение Татьяны с Онегиным.

2) С целью проиллюстрировать значимые детали, внешность героев, интерьер, быт.

Важно отметить, что все фрагменты комикса должны сопровождаться короткими цитатами из произведения, отражающими суть события. Цитаты следует использовать для того, чтобы возникший визуальный образ закрепился в сознании вместе с отрывком из текста, и ученик смог опираться на текст произведения, выстраивая свой ответ.

Чтобы подробнее проиллюстрировать практическую пользу комикса, обратимся к первой главе произведения. Она изобилует варваризмами, используемыми автором при описании столичной жизни Евгения. Анализируя эти варваризмы («beef-steaks», шляпа «боливар», часы «брегет», различные наименования блюд, шампанское «Комета», «лимбургский сыр», «strasбургский пирог»), преподаватель сможет расставить акценты при изучении образа Онегина с учениками. По мнению Ю.М. Лотмана, все детали, перечисленные в первой главе («одежда, речь, манеры, привычки, язык – все иностранное»), формируют вокруг Онегина некое пространство западной, «вненациональной культуры»,

отрывающей Евгения от русских корней. Жизнь, похожая на бесконечный праздник, и «захламленная душа» [5, с. 178] Онегина, как отмечает литературовед, становятся причинами возникновения «русской хандры».

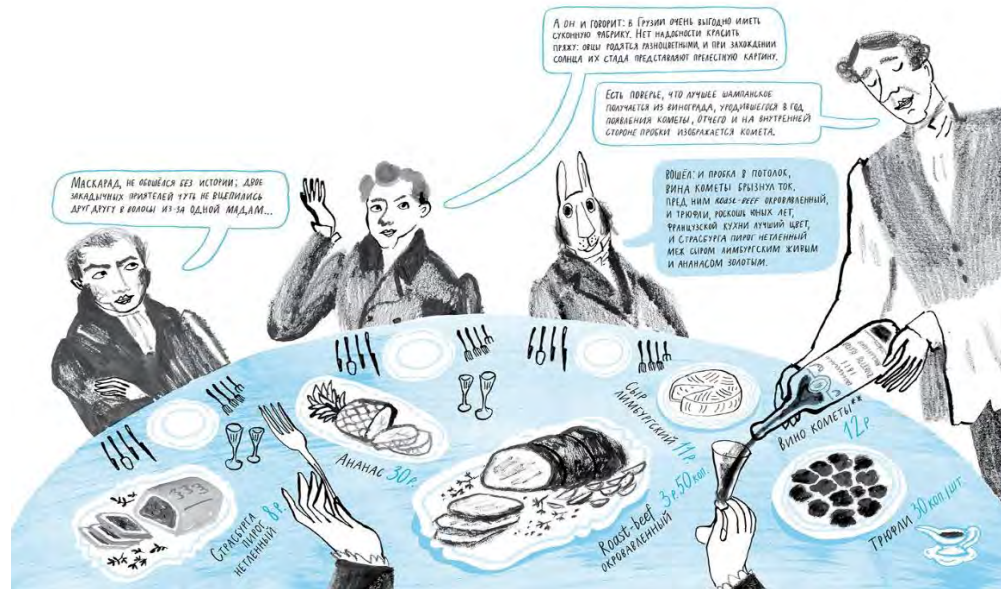

Рисунок 1. Что ел Евгений

Удовольствия столичной жизни приводят Онегина к состоянию «все равно». Как отмечает Ю.М. Лотман, в жизни Онегина «нет скрепы, нет спасительного основания» [5, с. 179]. Эту мысль крайне важно проиллюстрировать, поскольку она выводит читателя на понимание авторской позиции.

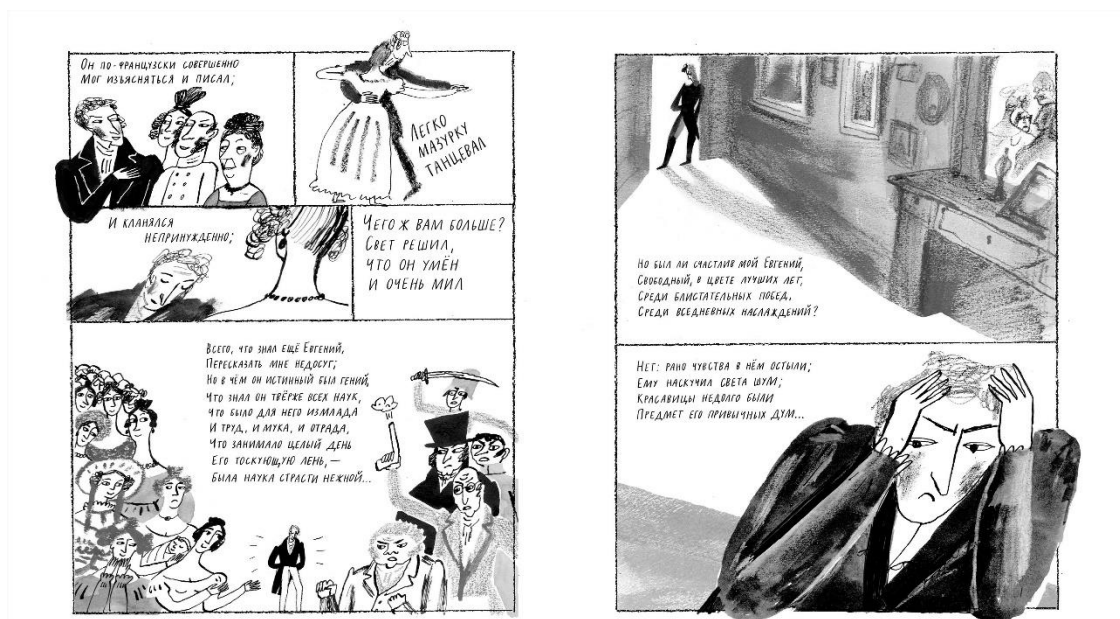

Рисунок 2. Описание Евгения из 1 главы

Пушкин сталкивает две ценностные системы: мировоззрение человека, живущего в согласии с родной землей, тонко чувствующего природу, живущего по божьим заповедям (Татьяны) и человека, живущего в иной культуре, следующему модному европейскому образцу денди (Онегина). И русская система ценностей одерживает верх, такой вывод позволяет сделать финал романа: объяснение Татьяны с Онегиным, её отказ и решение остаться верной мужу («Но я другому отдана; / Я буду век ему верна») показывают, что Татьяна представляет собой целостную личность, мудрую женщину, которая чтит традиции и живет по нравственным законам, а Евгений остается человеком, оторванным от национальной культуры, «лишним человеком» и вечным скитальцем, так и не добившимся счастья.

Таким образом, при изучении романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в формате дистанционного обучения можно использовать комикс как одну из эффективных форм визуализации. В качестве дидактического материала, комикс помогает расставлять необходимые акценты, отображать сюжет произведения и закреплять информацию посредством ярких зрительных образов.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – Москва : Издательство ИКАР, 2009. – 448с.
2. Белова Н.В., Рублёва Е.В. Краткий словарь IT-терминов для специалистов по языковому образованию. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. – 68 с.
3. Богданова В.О. Дидактический потенциал комикса / Социум и власть. – 2020. – № 6 (86). С. 79-87.
4. Князева О. О., Матюшенко С.В. Новый формат принципа «наглядность в обучении» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2022. – № 4. – С. 59-66.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
6. Мурдускина О.В. Реализация принципов визуализации образовательного контента при смешанном обучении иностранным языкам студентов-лингвистов / Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 4. – С. 429-436.
7. Олейников А.А. Евгений Онегин. Графический путеводитель / А.А. Олейников. – Москва : Самокат, 2023. – 128 с.

8. Пяткова О.Б., Шибкова Д.З. Образовательный комикс как средство медиаобразования для восприятия обучающимися нового знания // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 3. – С. 90-97.

Mishina E.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Comics as one of the forms of visualization in the study of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" in the distance learning format

The article is devoted to the study of comics as a form of visualization in distance learning and its practical use in the study of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". The article defines the concepts of "distance learning" and "visualization", and also reveals the practical value of a comics as a form of visualization of didactic material when studying a work of fiction.

Keywords: comics, distance learning, didactic material, visualization, visibility, Pushkin, "Eugene Onegin"

Монгуш Ванесса Малчын-ооловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

vanessamongush@yandex.ru

**Виды литературных комментариев (на материале поэзии
Виктора Коллегорского)**

Работа выполнена под руководством Аннушкина В.И., доктора филологических наук,
профессора

В статье рассматриваются особенности комментируемых слов и словосочетаний в поэзии Виктора Коллегорского. Цель работы – описание видов литературных комментариев применительно к текстам современного поэта В.В. Коллегорского. Для изучения были взяты некоторые стихотворения В.В. Коллегорского – «А Публий кто?» и «Трилистник Коктебельский», в которых комментируются явления, имена, реалии, которые способствуют пониманию смысла текстов для более полного прояснения содержания сложных понятийных конструкций.

Ключевые слова: комментарий, вид, В. Коллегорский, поэзия, слово, смысл

Первые попытки комментирования появились ещё во времени античности, например, схолии – «пояснение к малопонятному месту древнего текста в античности и в средние века» [3]. Они часто использовались в крупных и сложных текстах, таких как трактаты античных философов, источники римского права, Библия. Это стало началом формирования жанра комментария. На данный момент комментарий широко применяется не только в научных, философских и юридических трудах, но и в художественных произведениях, публицистике, журналах различной тематики, спортивных мероприятиях.

Цель нашей статьи – определить и описать виды литературного комментария в стихотворениях В. Коллегорского. Перед собой мы поставили следующие задачи: 1) выявить сущность комментария в художественных текстах; 2) изучить особенности поэзии Виктора Коллегорского; 3) прокомментировать те слова и словосочетания в стихотворениях, нуждающиеся в объяснениях и дополнениях. Актуальность статьи обусловлена тем, что созданная классификация комментария на материале стихотворений В.В. Коллегорского облегчит работу литературоведам, текстологам, лингвистам, занимающихся анализом художественных текстов. Научная новизна состоит в выявлении типологии комментария в лирике В. Коллегорского, а также в понимании черт жанра комментария при недостатке филологических исследований и оценок на вопросы о специфике комментария.

В «Толковом словаре» С.И. Ожегова комментарий представлен в двух определениях: 1) «Разъяснительные примечания к какому-нибудь тексту»; 2) «рассуждения, пояснительные и критические замечания о чём-нибудь» [5].

В словаре Т.Ф. Ефремовой встречаются такие определения комментария: 1) а) «Пояснение к какому-либо тексту, его толкование, изъяснение», б) объяснительные примечания к тексту сочинений какого-либо автора»; 2) «рассуждения, пояснительные замечания по поводу чего-либо», б) «информационный материал, анализирующий, разъясняющий какие-либо события или факты общественной жизни» [4].

Словарь Д.Н. Ушакова даёт следующую характеристику комментария: 1) «Толкование, изъяснение какого-нибудь текста, изложения»; 2) «Рассуждения, пояснительные замечания по поводу чего-нибудь» [6].

Исходя из вышесказанного, во всех определениях можно установить несколько лексем, свойственные комментарию: толкование, пояснение, рассуждение, разъяснение, замечания о чём-нибудь. Другими словами, комментарий – это интерпретация текста, некое дополнительное пояснение к нему. Это даёт возможность разобрать расплывчатые или двусмысленные места в каком-либо произведении, научном труде или другом текстовом материале, увидеть ещё одну трактовку знакомых явлений и понятий, которые могут привести читателя на новые осознания, осмысления и соображения.

Если читать комментарии к различным произведениям, то мы можем выделить следующие комментарии: пространные и краткие, фактографические, поясняющие значение малознакомых слов и интерпретирующие замысел автора. На данный момент создано несколько классификаций. Рассмотрим типологии комментария, созданных Н.М. Сикорским, С.А. Рейсером, К.А. Барштом.

В работе Н.М. Сикорского различают 4 вида комментария: текстологический, словарный, историко-литературный и реальный [9, с. 475], С.А. Рейсер в «Основах текстологии» подразделяет комментарий на текстологический (библиографический, источниковедческий), историко-литературный (выявляет смысл и художественные особенности текста, связь биографии писателя с его творчеством), реальный (объяснение событий, предметов, фактов, встречающихся в произведении), лингвистический (трактовка устаревших, малознакомых, областных слов) [8, с. 147-156]. В статье К.А. Баршта выделены следующие виды комментария: научный, авторский и массовый [1, с. 280].

Учитывая вышеизложенное, мы видим, что разновидность комментария напрямую зависит от его задач, целей и читательской аудитории. Также важно принимать во внимание объект комментирования и учитывать, к какому функциональному стилю принадлежит текст.

Роль комментария в филологии ясно изложил И.А. Пильщиков в статье «Стандарты современного филологического комментария», где учёный называет комментарий «подлинной квинтэссенцией филологии» и «фундаментом филологической деятельности» [7, с. 38-39]. По словам И.А. Пильщикова, «филолог стремится приблизить читателя к тексту, а не текст к читателю» [Там же, с. 39], то есть с помощью комментария обеспечивается возможность раскрывать смыслы в текстах и стремление сохранить их аутентичность для следующих поколений. С.А. Рейсер также подчёркивает, что те явления, написанные в определённом художественном произведении, понятные современникам писателя со временем перестают быть понятными читателям другой эпохи: «Художественное произведение и после своего создания продолжает свою жизнь и не раз прочитывается по-разному [8, с. 157]. Далее текстолог утверждает, что комментарий не является чем-либо стандартным и постоянным, потому что «каждое поколение требует иного комментария» [Там же, с. 157].

Яркой особенностью поэзии В. Коллегорского является обращение к прецедентным именам, событиям, в его творчестве можно найти множество аллюзий, однако есть и отсылки к явлениям, которые едва ли будут понятны массовому читателю. Такие стихотворения являются благодатной почвой для обилия комментариев, из анализа которых можно предположить для чего автор их использовал, что он хотел выразить. Чтобы понимать поэзию В. Коллегорского необходимо обладать широким культурным кругозором в области литературы, кино, географии, истории, музыки и так далее. Например, в стихотворении «Ахиллеса подстрелили в пятку»:

Ахиллеса подстрелили в пятку,

А у нас всё тело – под расстрел.
 Голова под шлемом – бац! – и всмятку,
 Если кто тяжёлым чем огрел.

Сделать бы и нам неуязвимым
 Для врагов не сердце, так лицо,
 Стать, как Зигфрид, в битвах невредимым,
 Нибелунгов обретя кольцо.

Но кружит предательский листочек,
 Не спасёт драконова нас кровь –
 Вновь с любых мы уязвимы точек,
 И одна защита нам – любовь.

Поэт обращается к античному мифу, передающий историю о том, что мать Ахилла, желая сделать сына неуязвимым, окунула его тело в реку Стикс, но при этом она держала его за пятку, в итоге пятка осталась единственным уязвимым местом. Позже Аполлон смертельно ранил Ахилла, попав стрелой именно туда. Также В. Коллегорский описал Зигфрида – персонажа из поэмы «Песнь о нибелунгах», основанной на германоскандинавской мифологии, он также обладает нечеловеческой неуязвимостью, непобедимой силой, однако у героя тоже есть слабое место – спина между лопатками, Хаген обманным образом узнал об этом, поэтому на охоте убил Зигфрида прямо в спину.

Также увидеть аллюзии можно и в названиях. В цикле «Ахматовианна» второе стихотворение называется «Анна на Шельде», В. Коллегорский перефразировал заглавие рассказа Чехова «Анна на шее». Сюжеты в этих произведениях не связаны между собой, но кто-то невольно вспомнит либо чеховский рассказ, либо созданный в 1954 году по его сценарию одноимённый советский художественный фильм.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что можно составить множество комментариев к творчеству В. Коллегорского, на основе этого можно сформировать их типологию. Мы выбрали для комментирования отрывки их двух стихотворений: «А Публий кто?» и «Трилистник Коктебельский».

Отрывки из стихотворения «А Публий кто?»:

А Публий кто? Вергилий ли Марон,
 К нам по морю плывущий, как Харон,

Овидий ли, стихи свои в тоске
 На чуждом всем поющий языке,

Теренций ли, твердящий, что ничто
 Не чуждо нам – ни это и ни то,

Иль сам я, безымянный виршеплёт,
 Альпийских не достигнувший высот?

Теперь объясним значение нескольких слов, предложений:

Публий – полное имя Публий Вергилий Марон – национальный поэт Древнего Рима, написавший знаменитую «Энеиду».

Харон – в греческой мифологии старик, перевозивший души умерших в загробный мир.

Овидий – полное имя Публий Овидий Назон – древнеримский поэт, автор поэм «Метаморфоза» и «Наука любви».

Теренций – полное имя Публий Теренций Афр – древнеримский комедиограф и драматург

Не чуждо нам – ни это и ни то – отсылка к фразе из комедии Теренция «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

Виршеплёт – сочинитель стихов, обычно используется в пренебрежительном тоне об авторе плохих «вирш» (стихов).

Далее приступим к комментированию фрагментов стихотворения «Трилистник Коктбельский»:

Родился Бродский. Умер Троицкий.

В зените злобы век уродский.

В почёте штык и ледоруб,

И не до нобелевских труб.

Но, тёзку с пьедестала сбросив,

В другом году другой Иосиф,

Очнувшись в чердынском плену,

Почуял под собой страну –

От камского дебаркадера

До ледоруба Меркадера,

От Чёрной речки до Второй,

Такой же чёрной и сырой.

В этом стихотворении можно интерпретировать некоторые слова и предложения:

Родился Бродский. Умер Троцкий – русский и американский поэт И.А. Бродский родился в 1940 году, в этом же году умер российский революционер Л.Д. Троцкий. Примечательно, что Бродский был противником советской власти, а Троцкий – один из лидеров партии большевиков

Штык и ледоруб – образ Октябрьской революции 1917 года

И не до нобелевский труб – И.А. Бродский был номинирован на нобелевскую премию.

Но, тёзку с пьедестала сбросив, / В другом году другой Иосиф – автор пишет об И.В. Сталине – советском партийном деятеле и российском революционере, который выиграл в борьбе за власть в партии, в результате чего Троцкого выслали из страны.

В чердынском плену – в 1472 г. был совершён Чердынский поход, в ходе которого были освобождены русские, пермяки, вятичи, взятые в плен татарами.

От камского дебаркадера – дебаркадер – это плавучая пристань для выгрузки пассажиров, один из дебаркадеров расположен в Камском водохранилище.

До ледоруба Меркадера – Рамон Меркадер – идейный сторонник коммунизма, ликвидировавший оппозиционера советской власти Льва Троцкого с помощью удара ледорубом.

От Чёрной речки до Второй – на Чёрной речке в окрестностях Петербурга в 1837 произошла дуэль А.С. Пушкина и Ж.Ш. Дантесом, впоследствии великий русский поэт был смертельно ранен. Тремя годами позже там же состоялась дуэль М.Ю. Лермонтова и сына французского посла Э. де Баранта.

В процессе работы мы составили несколько видов комментариев к стихотворениям В. Коллегорского:

- 1) Комментарий к именам;
- 2) Комментарий к прецедентным текстам;
- 3) Комментарий к авторским образам и символам;
- 4) Комментарий к историческим событиям;
- 5) Комментарий к топонимам.

Таким образом, типология комментариев характеризует основные реалии, которые отражаются в творчестве поэта. В. Коллегорский часто упоминает имена значимых личностей, намекает на важные события в истории, отсылает к мифам разных стран, к известным цитатам, к произведениям русской и иностранной литературы. Комментарии

могут быть полезны литературоведам при анализе стихотворений, так как они помогают расширить границы исследования.

Литература

1. Баршт К.А. О направлениях и пределах комментирования художественного текста. По поводу статьи К. Г. Исупова // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 279-303.
2. Коллегорский В.В. Сборник стихов. Избранное / В.В. Коллегорский / под ред. Р. Я. Ерусланова. – Москва : 2021. – 450 с.
3. Комментарий [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4176246> (дата обращения: 25.02.2024)
4. Комментарий [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://efremova.slovaronline.com/36875-КОММЕНТАРИЙ> (дата обращения: 26.02.2024)
5. Комментарий [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11589> (дата обращения 26.02.2024)
6. Комментарий [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24507> (дата обращения 26.02.2024)
7. Пильщиков И.А. «Стандарты современного филологического комментария // Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории; Центр истории истор. знания; Отв. ред. М.С. Бобкова. Москва : ИВИ РАН, 2008. С. 36-45
8. Рейсер С.А. Основы текстологии: учебное пособие для студентов педагогических институтов / С.А. Рейсер / Изд-е 2-е. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1978. – 176 с.
9. Сикорский, Николай Михайлович Теория и практика редактирования: [Учебник для вузов по спец. «Журналистика»] / Н.М. Сикорский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1980. – 328 с.

Mongush Vanessa

Pushkin Russian State Russian Language Institute

Types of literary commentary in the poetry of Viktor Kolegorsky

The article examines the features of commented words and phrases in the poetry of Viktor Kolegorsky. The purpose of the work is to describe the types of literary comments in relation to the texts of the modern poet V.V. Kolegorsky. Some poems by V.V. Kolegorsky were taken for study – "And who is Publius?" and "Koktebel Shamrock", which comment on phenomena, names, realities that contribute to understanding the meaning of texts in order to more fully clarify the content of complex conceptual structures

Keywords: commentary, type, V. Kolegorsky, poetry, word, sense

Морина Варвара Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

vardmknyaz@gmail.com

Анализ использования интернет-платформ и сайтов с ИИ на занятиях РКИ и ИЯ

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора филологических наук, профессора кафедры методики преподавания РКИ

В статье представлены данные социологического опроса (анкетирования) преподавателей РКИ и ИЯ. Цель исследования – выявить, насколько использование интернет-платформ и сайтов ИИ на занятиях и при подготовке к ним распространено среди педагогов РКИ и ИЯ с разным опытом преподавания. Результатом исследования является доказательство того, что интернет-платформы и сайты с ИИ широко используются в педагогическом процессе, но их внедрение обладает преимуществами и недостатками.

Ключевые слова: преподаватели РКИ и ИЯ, интернет-платформы, сайты с ИИ, опрос.

Некоторое время назад существенно вырос спрос на использование интернет-платформ и сайтов с искусственным интеллектом (ИИ). Преподаватели стали включать их в онлайн-занятия, а после стараться внедрять компьютерные технологии и в аудиторские занятия со студентами [2]. Однако остро встал вопрос об эффективности использования различных интернет-платформ в учебных группах или при индивидуальном обучении. Существует множество различных исследований, авторы которых изучают процесс внедрения этих ресурсов и размышляют о том, что их использование способно повысить мотивацию студентов, сократить время подготовки преподавателя к занятиям, а также упростить и разнообразить учебный процесс [1, с. 15]. Несмотря на это, некоторые преподаватели скептически относятся к онлайн-платформам на занятиях, потому что считают, что они могут отвлекать и мешать верному ходу урока, что у преподавателя не хватает времени и сил на подготовку заданий и их реализацию.

Целью исследования было выявить, насколько использование интернет-платформ и сайтов ИИ на занятиях и при подготовке к ним распространено среди педагогов с разным опытом преподавания. Кроме того, исследование направлено на то, чтобы рассмотреть причины, по которым различные ресурсы используются или не используются на занятиях, а также проанализировать, какие платформы и сайты чаще всего задействованы на занятиях РКИ и ИЯ.

Для выявления основных тенденций использования интернет-платформ и сайтов с ИИ нами было проведено социологическое исследование методом анкетирования по специально разработанной анкете. Был составлен опрос, содержащий 12 вопросов. Опрос включал

следующие разделы: возраст преподавателей, опыт преподавания РКИ или ИЯ, формат проведения занятий, количество студентов на занятии, используемые ресурсы при подготовке к занятиям, технологии и приемы на занятиях, учет времени, которое занимает подготовка преподавателя к занятиям, перечень используемых интернет-платформ, сайтов с ИИ и причины, по которым преподаватели используют или не используют эти ресурсы, также интересно было узнать, заинтересовали ли указанные ресурсы преподавателей при прохождении опроса.

Опрос проводился с 20 декабря по 10 февраля 2024 года среди преподавателей РКИ и ИЯ. В исследовании приняло участие 254 человека из разных городов. Из них 202 человека – преподаватели ИЯ (преимущественно английского языка), 52 человека – преподаватели РКИ. Возрастной состав респондентов был следующий: среди преподавателей ИЯ – 18-21 год – 5,5 % (11 человек), 22-27 лет – 23,9 % (48 человек), 28-35 лет – 32,3 % (65 человек), 36 лет и старше – 38,3 % (77 человек); среди преподавателей РКИ – 18-21 год – 1,9 % (1 человек), 22-27 лет – 36,5 % (19 человек), 28-35 лет – 25 % (13 человек), 36 лет и старше – 36,5 % (19 человек).

Опыт преподавания респондентов составлял: среди преподавателей ИЯ - меньше 1 года – 5 % (10 человек), 1-3 года – 10 % (20 человек), 4-8 лет – 28,9 % – 58 человек, более 9 лет – 56,2 % (113 человек); среди преподавателей РКИ – меньше 1 года – 13,7 % (7 человек), 1-3 года – 25,5 % (13 человек), 4-8 лет – 39,2 % (20 человек), более 9 лет – 21,6 % (11 человек).

Во время проведения опроса, было выявлено, что 53,5 % (108 человек) преподавателей ИЯ проводят свои занятия и очно, и онлайн; 26,7 % (54 человека) – только онлайн; 19,8 % (40 человек) проводят занятия только очно. Что касается преподавателей РКИ, то среди них 44,2 % (23 человека) имеют смешанный формат занятий (очно и онлайн); 30,8 % (16 человек) занимаются со студентами только онлайн; 25 % (13 человек) предпочитают очный формат занятий.

57,4 % преподавателей ИЯ (114 человек) проводят как индивидуальные, так и групповые занятия; 35,6 % (72 человека) предпочитают заниматься один на один со студентом; 5,9 % (12 человек) занимаются только в группах; 1 % опрошенных (2 человека) занимаются со студентами в парах. Говоря о преподавателях РКИ, то 50 % (26 человек) занимаются со студентами и индивидуально, и в группах; 25 % (13 человек) работают только один на один со студентом; 23,1 % (12 человек) проводят только групповые занятия; и только 1,9 % (1 человек) преподает РКИ в паре.

Каждый преподаватель, готовясь к своим занятиям старается брать материалы разных ресурсов, чтобы наполнить учебный процесс более подробными, качественными,

разносторонними упражнениями. Результат опроса преподавателей ИЯ выявил, что, готовясь к занятию, 82,3 % (166 человек) пользуются книгами для преподавателя, учебниками; 86 % (173 человека) ищут материал на интернет-платформах; 48,5 % (98 человек) генерируют задания на сайтах с искусственным интеллектом; 90,1 % (184 человека) используют поиск в интернете, социальных сетях, разные разработки коллег; 2 % (4 человека) составляют уроки сами при помощи таких платформ, как Miro, Canva; 1 % (2 человека) вдохновляются художественной литературой. Материал для преподавания РКИ характеризуется меньшей распространенностью и доступностью, поэтому 94,1 % педагогов (49 человек) при подготовке используют книги для преподавателя, учебники; 82,7 % (43 человека) ищут задания в интернете; 78,8 % (41 человек) берут задания на интернет-платформах; 32,7 % преподавателей РКИ (17 человек) пользуются сайтами с искусственным интеллектом; 3,8 % (2 человека) отмечают, что имеют свои разработки и опыт для подготовки к занятиям.

При этом 47,7 % (95 человек) преподавателей ИЯ считают, что подготовка к занятиям у компьютера должна занимать 1-2 часа в день; 42,2 % (84 человека) настаивают на том, чтобы преподаватель сидел меньше 1 часа; 9 % (18 человек) проводят у компьютера 2-3 часа; 1 % (2 человека) тратят более 4 часов у экрана. Эти данные немного отличаются от мнения преподавателей РКИ – 46,2 % (24 человека) предпочитают сидеть у экрана менее 1 часа в день; 42,3 % преподавателей РКИ (22 человека) считают, что это время должно составлять 1-2 часа; 2-3 часа проводят у компьютера 9,6 % (5 человек); 1,9 % (1 человек) тратит более 4 часов на подготовку занятий в день.

Каждый педагог строит свое занятие по-своему, однако многие используют одинаковые приемы и технологии: так преподаватели ИЯ отметили, что 63,4 % (127 человек) предпочитают активные формы работы со студентами (например, игры, которые проводятся без участия компьютерных технологий); 87,8 % (173 человека) задействуют на занятиях интернет-платформы; и только 23,4 % (46 человек) пользуются сайтами с ИИ. Что касается преподавателей РКИ, то 68,6 % (35 человек) отдадут предпочтение активным формам работы; 78,4 % (40 человек) применяют в педагогическом процессе интернет-платформы; и только 23,5 % (12 человек) используют сайты с ИИ.

Список для выявления наиболее популярных платформ среди преподавателей ИЯ, которыми они пользуются на занятиях, был достаточно объемным, приводим результаты опроса: WordWall – 72 % (148 человек), Quizlet – 62,4 % (126 человек), Liveworksheet – 45,5 % (92 человек), Learning Apps – 45 % (91 человек), Взнания – 21,8 % (46 человек), Ваamboozle – 19,3 % (39 человек), ProgressMe 15,8 % (32 человека), OnlineTestPad – 13,9 % (28 человек),

Jeopardy.labs – 11,9 % (24 человека), Migo – 8,5 % (17 человек), FORTUNE WHEEL – 6,9 % (14 человек), FlikTop – 2 % (4 человека), Flashcard Machine – 2,5 % (5 человек), Барабук – 1,5 % (3 человека). Из 202 преподавателей ИЯ, которые поучаствовали в опросе, только 14 человек (6,9 %) отметили, что они не используют интернет-платформы на своих занятиях.

Список онлайн-ресурсов для преподавателей РКИ отличался, приводим результаты опроса: WordWall – 67,3 % (35 человек), Quizlet – 65,4 % (34 человека), Learning Apps – 61,5 % (32 человека), Грамота.ru – 53,8 % (28 человек), Время говорить по-русски – 44,2 % (23 человека), OnlineTestPad – 32,7 % (17 человек), ProgressMe – 21,2 % (11 человек), Rusreach – 11,5 % (6 человек), FORTUNE WHEEL – 9,6 % (5 человек), Russian for free – 9,6 % (5 человек), FlikTop – 5,8 % (3 человека), Взнания – 3,8 % (2 человека), Университетские платформы – 3,8 % (2 человека), Образование на русском – 3,8 % (2 человека). Из 52 опрошенных преподавателей РКИ, только 1 человек (1,9 %) ответил, что не использует интернет-платформы.

Несмотря на то, что использование разных платформ весьма распространено в педагогическом сообществе, на вопрос о том, какие сайты с ИИ преподаватели ИЯ включают в процесс, 38,4 % (76 человек) ответило, что не пользуются ими. Самым распространенным сайтом стал ChatGPT – 38,4 % преподавателей (76 человек) применяют его на занятиях, затем по наибольшей популярности идет Twee.com- 36,9 % (73 человека), Kandinsky – 7,1 % (14 человек), MagicSchool AI – 4,5 % (9 человек), Lingostar – 2 % (4 человека), Gramara – 1,5 % (3 человека).

Помимо этого, сайты с ИИ также не пользуются популярностью среди преподавателей РКИ: не пользуются ими 39,6 % (19 человек), самым распространенным является так же ChatGPT – 52,1 % (27 человек), далее Kandinsky – 22,9 % (11 человек), MagicSchool AI и Arihost.ru пользуются только 1 человек (1,9 %).

Опрос преподавателей ИЯ и РКИ выявил, что причины использования разных интернет-ресурсов у них одинаковые, одни из главных - это то, что они помогают разнообразить учебный процесс и поднять мотивацию студентов, также они экономят время подготовки к занятиям и являются дополнительными источниками заданий, потому что их не всегда хватает в учебниках/рабочих тетрадях. Кроме того, преподаватели выделяют, что их внедрение позволяет персонализировать занятия под более узкие вопросы студентов и не дают им списать.

Несмотря на радужную картину о том, как интернет-платформы и сайты с ИИ помогают в образовательном процессе, в опросе также было много отрицательного мнения насчет их внедрения и использования. Респонденты отмечали, что им проще работать по

учебникам и распечаткам, потому что это занимает для них меньше времени, так как за годы работы у них накопилось достаточно материала, на занятиях они хотели бы отдохнуть от интернета и просто погрузиться в процесс, не перенапрягая его такого рода интерактивностью, многим студентам также не нравятся подобные задания. Преподаватели отмечают, что у них недостаточно технического оснащения там, где они работают, им тяжело разобраться в «навороченных» и часто непонятных платформах со сложным интерфейсом, отпугивает необходимость платить за использование ресурса.

Действительно, в современном мире очень много статей, вебинаров, конференций, где люди делают упор на то, что такое количество ресурсов просто необходимо современному педагогу, что без них процесс обучения будет скучным, серым и недостаточно разнообразным, забывая о том, что каждый преподаватель вправе сам решать, что он хочет принести на свое занятие, сколько времени ему к ним готовиться и т.д.

Так или иначе в конце опроса был вопрос: «Во время прохождения этого теста Вас заинтересовали какие-то интернет-платформы и/или сайты с искусственным интеллектом, которые Вы теперь хотите изучить, а затем опробовать на занятиях?». Больше половины преподавателей ИЯ (62,4%) и РКИ (61,5%) отметили «да», меньшая часть ответила «нет», но также многие преподаватели и так знали достаточное количество из этих ресурсов, поэтому ничего нового для себя не нашли.

Итак, какие же выводы можно сделать?

Во-первых, использование интернет-платформ и сайтов с ИИ широко распространено среди педагогов всех возрастов и с разным опытом преподавания ИЯ и РКИ. Во-вторых, онлайн-ресурсы действительно облегчают подготовку и проведение занятий, экономят время и помогают разнообразить учебный процесс, однако многие педагоги считают, что подобный формат обучения для них не подходит из-за слишком большого, излишнего и порой ненужного разнообразия, дороговизны и повышенной интерактивности. Кроме того, и среди преподавателей ИЯ, и среди преподавателей РКИ распространены одни и те же платформы, вероятно это связано с тем, что они достаточно долго находятся в обиходе и к ним многие участники учебного процесса уже приспособились. В-третьих, несмотря на большую популярность интернет-платформ, сайты с ИИ не так широко используются в учебном процессе, возможно, это связано с их ограниченным количеством и с тем, что их возможности только недавно стали освещать в научном сообществе.

Таким образом, исследование показало оправданную распространенность разных онлайн-платформ и сайтов с ИИ, так как они показали, что использование их действительно

оправдано и даже иногда необходимо. У каждого ресурса свой особенный функционал, в котором каждый преподаватель сможет найти что-то для себя.

Литература

1. Лешутина И.А. Мотивация к дистанционному изучению иностранных языков как вызов современности и слагаемое успеха / И.А. Лешутина. – Русский язык за рубежом. – 2020. – № 2. – С.15-19.
2. Ян Сюецзя Обучающая интернет-среда как фактор мобильности в усвоении знаний по РКИ // Наука и школа. – 2022. – № 6. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchayuschaya-internet-sreda-kak-faktor-mobilnosti-v-usvoenii-znaniy-po-rki> (дата обращения: 13.02.2024).

Morina V.D.

Pushkin Russian State Russian Language Institute

Analysis of the Use of AI Internet Platforms and Websites in Teaching Russian as a Foreign Language and Foreign Languages.

The article presents data from a sociological survey of Russian as a Foreign Language (RFL) and Foreign Language (FL) teachers. The aim of the research is to determine the extent to which the use of AI internet platforms and websites in classes and in preparation for them is widespread among RFL and FL educators with different teaching experience. The result of the study demonstrates that AI internet platforms and websites are widely utilized in the pedagogical process, yet their implementation comes with both advantages and disadvantages.

Keywords: RFL and FL teachers, internet platforms, AI websites, survey.

Морозова Нина Владимировна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ninaamorozovaa@mail.ru

Устранение ограничений в сочетаемости твёрдых-мягких согласных на морфемных стыках

Работа выполнена под руководством Роговневой Юлии Васильевны, кандидата филологических наук, доцента

В статье описаны особенности сочетания твердых-мягких согласных фонем, принадлежащих разным морфемам. Отмечено, что в позиции стыка приставки и корня, а также постфикса с другими морфемами возможно присутствие диэрем – пограничных сигналов, чертой которых является устранение ограничений сочетаемости твердых-мягких согласных с другими звуками.

Ключевые слова: звучащая речь; диэрема; пограничный сигнал; ассимиляция; морфемный шов.

Реализация фонем зависит от тех произносительных условий (позиций), в которых они находятся. Интересной представляется позиция стыка значимых единиц, поскольку

процесс соединения двух фонем, относящихся к разным морфемам и словам, может отличаться от реализации аналогичного сочетания, находящегося внутри морфем.

Зависимость реализации фонем от их позиции в слове была впервые системно описана Н.С. Трубецким в труде «Основы фонологии» (1939) [7, с. 285-308]. Автор обозначил проблему существования в языке средств фонетической дифференциации значимых единиц, которые называл пограничными сигналами, и впервые системно подошел к их анализу. Идеи Н.С. Трубецкого впоследствии развил и дополнил М.В. Панов, который ввел для пограничного сигнала термин диэрема. М.В. Пановым выделены типы диэрем и их отличительные признаки (подробнее см. в [2, с. 168-172]).

В отечественном языкознании последние работы о диэремах (пограничных сигналах, средствах делимитации) написаны или на материале примеров, полученных в результате чтения информантами подготовленных исследователями текстов, или на материале примеров из речи дикторов теле- и радиопередач. И то, и другое – кодифицированный литературный язык, подготовленная речь. Нам же интересно обратиться к текстам, которые можно назвать нефикциональными (термин взят из работ Ю.В. Роговневой, например: [4; 5]) – то есть к действительной, реальной речи, а не заранее придуманному, подготовленному тексту, озвученному информантами в искусственных условиях. В фокусе научного внимания находится звучащая речь носителей современного русского языка, конкретно: прямые эфиры блогеров с ответами на вопросы в реальном времени; видео из личных блогов о повседневной жизни информантов; видео о моде, стиле, кулинарии, психологии; записи интервью.

Граница приставки и корня – «важнейший агглютинативный стык в русском языке» [1, с. 40]. Агглютинативность этого морфемного шва выражается в том числе в большей семантической автономности приставки в сравнении с другими аффиксами – приставка чаще всего имеет одно конкретное значение.

В звучащей речи агглютинативность стыка приставки и корня выражается в том числе в диэремах. У диэрем, находящихся на стыках морфем, М.В. Панов выделял лишь одну отличительную черту: устранение ограничений в сочетаемости твёрдых-мягких согласных с другими звуками. Отмечается, что «на стыке приставки и корня твердые могут не заменяться мягкими, как того требовали бы законы середины морфемы» [2, с. 170].

На границе приставки и корня могут появляться сочетания звуков, которые отличаются лишь по признаку твердости/мягкости, что свидетельствует о присутствии диэрем. Приведем примеры, записанные из речи информантов: *подтема* [пam#m'эмъ], *поддевать* [пъd#d'ивát'], *преддипломная (практика)* [пр'ьd#d'иплómнъйь], *подтекст* [пam#m'экст], *оттирать* [am#m'ирát'], *оббегать* [аб#б'эгът'], *подделывать*

[па~~д~~#д'эльвьт'], подделать [па~~д~~#д'эльт'], оттенок [ам#м'эньк], поддерживать [па~~д~~#д'эръжвьт'], подтянуть [път#т'ину́т'].

Важно отметить, что диэремы присутствуют в этой позиции не всегда, встречается и реализация стыка двух фонем одним долгим звуком ([т + т'] → [т'т'] = [т:']: *оттепель* [о́т: 'ьп'ьл'], *оттенок* [ам: 'эньк], *поддержал* [пъд: 'иржал], *подтянется* [пам: 'а́н'ьцъ]. При этом у одной словоформы может быть вариативная реализация – как с диэремой, так и с долгим звуком: например, слово *оттенок* может быть артикулировано как [ам#м'эньк], но встречается и вариант с долгим мягким [т] – [ам: 'эньк]; *отдельный* – реализуется как [а~~д~~#д'эл'ны́], так и как [а~~д~~: 'эл'ны́]. Можем предположить, что на вариативность реализации влияет частота использования конкретного слова в речи: если слово активно используется в речи, оно привычно – его артикуляция упрощается. Согласно данным из Национального корпуса русского языка, слова, например, *поддержка* и *оттенок* используются в речи существенно чаще, чем, например, *подтема*, *оббегать* и *преддипломный* – логично предположить, что в реальной устной речи ситуация аналогична. Вследствие этого, в условно частотных словах диэремы появляются не с такой регулярностью, как в тех словах, что используются реже.

Помимо случаев с диэремами встречаются и варианты артикуляции с ассимиляцией до долгого звука, то ассимиляции до единого (не долгого) звука как правило не происходит. А именно – случаев произношения типа *по[т']екст* вместо *по[т#т']екст* / *по[т:]екст* за время исследования не наблюдалось. Внутри морфем такие бинарные сочетания согласных никак не разделяются, а артикулируются как один звук (ср. *аттестат* [ам'истáт], *конфетти* [кънф'ит'и́], *аппетит* [ап'ит'ит] и проч.). То есть, даже в случае появления на стыке морфем одного долгого звука реализация все равно не идентична внутриморфемной – «долгая согласная на морфемном шве всегда представляет собой бифонемное сочетание, т.е. сочетание двух фонем» [3, с. 117].

В позиции стыка приставки и корня диэремы встречаются не только среди звуков, отличающихся лишь твердостью-мягкостью, но и среди разных, однако черта диэремы та же – «устраняются ограничения в сочетаемости твердых–мягких согласных с другими звуками» [2, с. 170]. В звучащей речи могут встречаться такие случаи реализации как: *отсесть* [ам#с'эс'т'], *подсесть* [пам#с'эс'т'], *отсеивать* [ам#с'э́ивът'] – между [т] и [с'] проходит диэрема, нарушающая произносительный закон сочетаемости твердых-мягких согласных.

Позиция границы возвратного постфикса с другими морфемами считается агглютинативной по своей природе так же, как стык приставки и корня, поскольку и префикс, и постфикс присоединяются к целому слову, а не к основе [1, с. 41; 6, с. 138].

М.В. Панов отмечал: «в середине слова мягкие губные могут быть только перед мягкими губными и перед гласными» [2, с. 170]. При этом в позиции стыка морфем, в данном случае – окончаний с постфиксами мягкие губные могут сочетаться с другими звуками: *познакомься* [п'знако́м'#с'ь], *подготовьте* [п'дгатóф'#м'ь], *представьте* [п'р'ит'тáф'#м'ь], *поставьте* [пастáф'#м'ь]. Внутри морфем звуковые сочетания типа [м'с'] или [ф'т'] встретиться не могут, соответственно, их присутствие в приведенных выше примерах служит сигналом о том, что эти звуки находятся в позиции границ значимых единиц.

Также диэремы на стыке постфикса с другими морфемами встречаются при соседстве зубных [т + т']: *говорить-то* [г'вар'úт'#м'ь], *читать-то* [ч'итáт'#м'ь].

Вне рассмотрения осталась позиция границы корня и суффикса. На стыке корня и суффикса диэремы не встречаются – мягкие согласные подвергают ассимиляции согласные, принадлежащие другим морфемам (ср.: *подоконник* [п'дако́н'ьк] или [п'дако́н:ьк], *миллионник* [м'ьл'ио́н:ьк], *мошенник* [м'ашо́н:ьк]). Среди разных звуков также происходит ассимиляция: *мужчина* [муш:úн'ь] (<ж> + <ч'> = [ш:']); *подписчики* [патпиш:ьк'и] (<с> + <ч'> = [ш:']); *заказчик* [закáш:ьк] (<з> + <ч'> = [ш:']); *советчик* [сав'эч:ьк] (<т> + <ч'> = [ч:']); *автоответчик* [афт'эатв'эч:ьк] (<т> + <ч'> = [ч:']). Если бы диэремы в этой позиции были, то встречались бы варианты произношения типа [закáсч'ьк] (*заказчик*), [сав'этч'ьк] (*советчик*) и проч. Можем предположить, что в диэремах здесь просто нет необходимости. Многозначность суффиксов как таковых обуславливает фузионность их стыка с корневой морфемой. Если бы каждый суффикс – подобно, например, приставке – носил конкретное значение, вероятно и диэрема бы перед ним требовалась.

Вышесказанное позволяет заключить: несмотря на то, что русский язык – язык фузионного типа и морфемный шов как правило не явный, на некоторых границах могут присутствовать диэремы, служащие сигналом о принадлежности двух фонем разным морфемам (или словам). Вопрос о диэремах представляется важным, поскольку наличие диэрем влияет на реализацию фонем – в позиции границ значимых единиц возможно нарушение сочетаемости согласных, характерное позиции внутри значимых языковых единиц, где звуковые сочетания не осложнены межморфемными или межсловными границами.

Литература

1. Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 1986. – 208 с.
2. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. – Москва : Высшая школа, 1979. – 256 с.
3. Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. Москва : Наука, 1970. – 528 с.
4. Роговнева Ю. В. Коммуникативно-функциональная грамматика русского языка в XXI в.: от художественности к нефикциональности // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2022. – № 7. – С. 304-307.
5. Роговнева Ю.В. Нефикциональность и фикциональность в тексте. Нефикциональный текст // Русский язык за рубежом. – 2018. – №6 (271). – С. 93-97.
6. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва : Наука, 1980. – 789 с.
7. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

Morozova N.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Elimination of limitations in the compatibility of hard-soft consonants at morphemic junctions

The article contains a description of the hard-soft consonant phoneme combinations. Position of prefix and root border, as well as postfix with other morphemes, is characterized by the presence of dieremic boundary signals, the feature of which is the elimination restrictions on the compatibility of hard-soft consonants with other sounds.

Keywords: sounding speech; dierema; signals of juncture; assimilation; morphemic seam.

Муради Захра

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

muradizahra7@mail.com

Особенности пословиц и поговорок на персидском языке и их аналогов на русском языке

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны,
кандидата филологических наук, доцента

В данной работе анализируются русские и персидские пословицы и поговорки, которые предстают как источник культурных данных, отражающих исторические события, традиции и ценности народа, мудрость и духовное богатство человечества. Они отличаются лаконичностью, образностью, устойчивостью структуры,

поэтому часто используются как в процессе общения, так и для аллегорического изображения персонажей в художественной литературе.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, аналогии, персидский язык, русский язык, сопоставление

Разнообразные поговорки и пословицы стали неотъемлемой частью персидской и русской лингвокультур, поскольку представляют особый вид устойчивых выражений, которые формировались на протяжении многих веков, активно использовались в различных сферах для передачи народной мудрости и опыта предшествующих поколений. Как отмечают исследователи, пословично-поговорочный фонд представляет собой богатейшее хранилище культурных данных о повседневной жизни, исторических событиях, суевериях, традициях и ритуалах, присущих определенному сообществу людей [1; 2; 3; 4 и др.].

Цель данной работы – охарактеризовать выражение аксиологической информации в персидских пословицах и поговорках, а также в их русских аналогах. Исследование проводится на материале «Русско-персидского словаря пословиц и поговорок» С.А. Фарсадманеша [5].

Многие поговорки и пословицы на персидском языке восходят к фольклорным текстам, представляют цитаты известных личностей, афоризмы, но со временем авторство может утрачиваться, поэтому не всегда сохраняется информация об их происхождении, они становятся народными. Как показало проведенное исследование, пословицы и поговорки, функционирующие в персидском языке, выражают общечеловеческие ценности, содержат наставления, советы, которые основываются на жизненном опыте народа:

مُكُوبِ چِنگِ دَر كَرِهَتِ وَا نِ صِرْلِحَتَا

та солхтаван кард, дар джанг макоб

если возможно достичь мира, то не нужно возникать войне

Пословицы и поговорки как языковой феномен могут характеризоваться лаконичностью, основываться на сопоставлении различных предметов и явлений действительности:

طالست قِيت

вакт таласт

Эквивалент данной пословицы в русском языке также имеет краткую форму, состоит из двух слов и указывает на важность, быстротечность и ценность для человека времени: *время – деньги*.

В то же время в сопоставляемых языках представлены пословицы и поговорки, указывающие на то, что невозможно качественно сделать что-либо в спешке, выполнить несколько важных дел одновременно в определенный промежуток времени. Для успешного

выполнения задачи необходимо сосредоточиться на ней, не торопиться, отстраниться от других дел, на это указывают персидские пословицы и поговорки, а также их русские аналоги:

رونگه ويته تونگه نهيست آن ر رو

Рахро ан нист ке гахи тонд о гахи хасте равад,

рахро ан аст ке ахесте ва пиваста равад

Тише едешь – дальше будешь

بريش توت و انب

Ба ек даст нмитаван до хендване ра бардашт

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь

В персидском языке есть пословицы и поговорки, которые аллегорически изображают сложившуюся ситуацию и употребляются для предотвращения повторения ошибок, совершенных предшественниками. Например, можно упомянуть пословицу, указывающую на нежелательные последствия, которые могут возникнуть из-за бесполезного и бессмысленного вмешательства кого-либо, таким образом, она направлена на предотвращение подобных действий:

نمکبي و ايش و دش و رى ا غذا شد دوتا كه ناپز

Ашпаз ке дота шод, газа иа шор мишавад иа бе намак

Когда два повара, еда становится либо кислой, либо пересоленной.

В русском и персидском языках используются пословицы, указывающие на то, что богатство, полученное без усилий и труда, не ценится, легко теряется:

په ر هباد را آوردم باد

Дёшево досталось – легко потерялось

Такая черта характера человека, как излишнее любопытство, негативно оценивается как в русском, так и в персидском языке, что подтверждают следующие пословицы:

كردن كفش در پاى

па(пае) дар кафшакаси кардан – втискивать ноги в чью- либо обувь

совать нос в чужие дела

Как видим, в сопоставляемых языках отрицательно оценивается вмешательство в чужие дела, что выражается в близких по семантике и структуре устойчивых выражениях, но реализуется через различные образы: в персидском языке посредством соматического компонента *ноги*, а в русском языке – *нос*.

В русском и персидском языках употребляются пословицы и поговорки, которые характеризуют напрасный труд человека, состояние бедности. Как правило, они строятся на

основе сопоставления с различными артефактами, репрезентирующими отсутствие результата, проявление крайней нужды (*паутина* как символ запустения, заброшенности; *прах* как олицетворение конца всему; *сокол* – *очищенный от коры ствол дерева, который использовался на Руси в качестве стенобитного орудия*, то есть как «голый», «нищий»); противопоставление «*пряжа – хлопок*» как показатель возврата к исходному состоянию), ср.:

بلرتگفته ٻرلبوتتار را چهش

джибашра тар анкабут герефте аст – его карман опутала паутина,

он гол как сокол

ش چه بوفيم شته چه

хар че рештебудам панбе шод – все, что напрял, опять хлопком стало

все пошло прахом

Следует отметить, что отличия, обусловленные национальными особенностями, климатическими условиями, родом деятельности человека, определили бытование в этих языках пословиц и поговорок, которые не имеют аналогов в других языках. Безэквивалентными можно считать такие русские пословицы и поговорки, как *цыплят по осени считают, это тебе не щи лаптем хлебать, первый блин комом, не в свои сани не садись* и др. Персидские устойчивые выражения также не всегда имеют аналоги в русском языке. В них могут находить отражение особенности культуры, быта, своеобразие природы этой страны. Так, жаркая погода, засушливость, жажда как реакция организма человека на такой климат становятся основой для образования пословицы в персидском языке, не имеющей аналога в русском языковом сознании:

هگودی م

Аб дар кузе ма тешне лабан мигардим.

вода в кувшине, а мы изнываем от жажды

В персидском языке зафиксирована пословица, демонстрирующая несоответствие между объектами по их размеру и значимости:

فنجان و فیل

Фил о фенджан

слон и чашка

Изначально данная пословица состояла из большего числа слов: «*поить из чашки слона*», но с течением времени произошло сокращение числа компонентов и изменение структуры оборота, в котором в качестве равноправных компонентов соединились несопоставимые объекты «*слон и чашка*».

Персидские пословицы могут строиться на основе зооморфного культурного кода и употребляться для характеристики родственных отношений человека: *«Из одного отверстия не выходят две змеи: одна не знает турецкий, другая не знает персидский»*. Это выражение имеет иносказательный характер и означает, что дети одних родителей равны и не должны превосходить друг друга. В русском языке не удалось обнаружить аналога данной пословицы.

Таким образом, пословицы и поговорки персидского и русского языков представляют разнообразный мир смыслов, в них отражается общечеловеческая система ценностей, народная мудрость и духовное богатство этноса. Они характеризуются лаконичностью выражения мысли и устойчивой структурой, имеющей определенный ритм и рифму, по своей организации они могут представлять, как словосочетание, так и предложение. Эти языковые средства используются в процессе коммуникации и позволяют сделать речь образной, запоминающейся, способствуют более точному пониманию слушателями содержания высказывания. Кроме того, пословицы и поговорки представляют одно из изобразительно-выразительных языковых средств, используемых писателями для аллегорического изображения персонажей своих произведений.

Литература

1. Дубровин М.И. Русские фразеологизмы в картинках. – Москва : Русский язык, 1987. – 327 с.
2. Гаффаров М.А., Гордлевский В. А. Персидские пословицы // Крест. Календарь. – 1913. – С. 23-24.
3. Голева Г.С. Фразеология современного персидского языка – Муравей. – 2006. – С. 100-104.
4. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка // Наука. – 1981. – С. 40-43.
5. Фарсадманеш С.А. Русско-персидский словарь пословиц и поговорок. – Тегеран : Изд-во Тегеранского университета, 2005. – 314 с.

Muradi Zahra

Pushkin State Russian Language Institute

Features of Proverbs and Sayings in Persian Language

This study analyzes Russian and Persian proverbs and sayings, which serve as a source of cultural data reflecting historical events, traditions, and values of the people, as well as the wisdom and spiritual richness of humanity. They are characterized by conciseness, imagery, and structural stability, thus often used in communication and for allegorical portrayal of characters in literary works.

Keywords: proverbs, sayings, analogies, Persian language, Russian language, comparison.

Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Наумова Валерия Романовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
esperovera@yandex.ru

**Использование мультимодальности для выражения
виртуальной вежливости: роль эмодзи, смайликов и других
невербальных средств**

Работа выполнена под руководством Брагиной Натальи Георгиевны, доктора
филологических наук, профессора

В статье рассматривается роль эмодзи и смайликов в выражении виртуальной вежливости в современной интернет-коммуникации. Исследуется их влияние на межкультурное общение и эффективность коммуникации. Анализируется важность понимания культурных контекстов при использовании эмодзи. Эмодзи помогают выражать эмоции и создавать положительную атмосферу в общении, сокращая вероятность недопонимания и конфликтов. Приводятся примеры использования эмодзи для проявления вежливости.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, эмодзи, виртуальная вежливость, этикет онлайн-коммуникации.

В статье будут показаны и прокомментированы результаты пилотного опроса, который проводился в период с 20 января по 27 января. В опросе приняли участие 35 респондентов. Целью исследования была попытка установить корреляцию между современными невербальными знаками, используемыми в интернет-коммуникации (смайлики, эмодзи и другие знаки), и категорией вежливости.

В современном мире интернет-коммуникации, в котором мы взаимодействуем с помощью текстовых сообщений, эмодзи, смайлики и другие невербальные средства играют ключевую роль в выражении эмоций, а также в передаче смысла. Они стали неотъемлемой частью нашего виртуального языка и значительно влияют на восприятие и эффективность нашей коммуникации. В данной статье мы рассмотрим, как использование мультимодальности, включая эмодзи и смайлики, помогает выразить виртуальную вежливость, и приведем примеры их эффективного использования.

С появлением новых платформ и технологий для общения в интернете, становится важным осознание, как эмодзи и другие невербальные элементы могут влиять на восприятие сообщений и эмоциональную атмосферу диалога. Интернет объединяет людей разных культур и национальностей, и понимание того, как эмодзи и смайлики воспринимаются в различных культурных контекстах, становится все более важным для успешного

межкультурного общения. Исследования, посвященные применению эмодзи и смайликов для выражения виртуальной вежливости, могут способствовать улучшению этикета в онлайн-коммуникации и формированию рекомендаций по их использованию для создания более приятной и дружелюбной обстановки в сети.

В нашем исследовании мы осматриваем вопрос вежливости в качестве ключевой коммуникативной категории. Под этим термином мы подразумеваем широкий спектр языковых и невербальных средств, которые используются для выражения внимания, уважения, доброжелательности и других социальных отношений в рамках общения. Это включает как формальные выражения вежливости, такие как "пожалуйста" и "спасибо", так и неформальные жесты, эмодзи, интонацию и другие элементы, которые способствуют установлению позитивного взаимодействия между собеседниками. Коммуникативные категории отражают не только наше понимание процессов общения, но и включают в себя основные принципы, нормы и правила, которыми мы руководствуемся во время коммуникации [4, с. 5; 29].

С нашей точки зрения, одной из фундаментальных коммуникативных категорий, которая играет ключевую роль в организации и обеспечении эффективного общения, является вежливость. Как отмечает Т.В. Ларина, «вопрос вежливости следует рассматривать с учетом конкретной цели, которую преследует вежливое поведение» [3, с. 152-153]. По мнению В.И. Карасика, эта цель заключается в создании благоприятного взаимодействия и внушении партнеру добрых чувств [1, с. 83]. Таким образом, вежливое общение можно определить как проявление дружелюбного отношения к собеседнику, выражение заинтересованности и поддержки. Важно отметить, что способы проявления доброжелательности в общении могут быть многообразными и зависят от контекста и характера взаимодействия.

Интернет-общение отличается от живого общения. Интернет-коммуникация – это уникальный способ взаимодействия, где обмен информацией и передача данных происходят в виртуальном пространстве, через разнообразные каналы связи, доступные в сети Интернет [5, с. 456].

Сегодня мы часто слышим и используем слово «чат». Мы переписываемся во многих социальных сетях, мессенджерах. Перевод слова "чат" с английского языка дословно означает "дружественный разговор" или "беседа", и это именно то, что он представляет в контексте интернет-коммуникации. Чат – это форма онлайн-общения, которая позволяет пользователям общаться в режиме реального времени, независимо от их местоположения [2, с. 96].

Эмодзи и смайлики помогают нам более ясно выразить свои чувства и эмоции. Эмодзи и смайлики предоставляют нам широкий спектр символов для выражения эмоций: от радости и удивления до грусти и разочарования. Например, использование ☺ или 😊 может добавить улыбку к вашему сообщению, что делает его более дружелюбным и вежливым. Виртуальное общение лишено невербальных элементов, таких как мимика и жесты, которые помогают нам понимать эмоциональный подтекст реального разговора. В этом контексте использование эмодзи и смайликов помогает уменьшить вероятность недопонимания и конфликтов, так как они добавляют эмоциональную окраску к тексту. Использование эмодзи и смайликов может также помочь укрепить межличностные связи в виртуальной среде. Например, отправка сердечка 🍷 или пальца вверх 📈 может выразить благодарность и поддержку к собеседнику, что способствует созданию положительной атмосферы в общении.

В интернет-переписках люди часто используют эмодзи, чтобы сообщение приобрело еще дополнительную окраску проявления вежливости. Вот несколько примеров:

- Выражение благодарности: «Спасибо большое за помощь! 🍷»
- Поддержка и солидарность: «Мы с тобой, всё будет хорошо! 📈»
- Пожелание хорошего дня: «Желаю тебе прекрасного дня! 🍷»
- Извинение: «Прости, что опоздал, был весь день занят 📈»
- Поздравление: «Поздравляю с праздником! 🍷»

Мы не задумываемся для чего мы используем тот или иной смайлик. Мы провели исследование, посвященное теме вежливости в интернет-коммуникациях. Для этого мы применили метод анкетирования. Наша диагностика осуществлялась дистанционно и охватывала студентов различных курсов и направлений обучения.

Мы провели опрос о том, как часто люди для проявления вежливости используют различные эмодзи. В опросе участвовало 35 респондентов в возрасте от 20 до 25 лет. В опросе участвовали как женщины, так и мужчины разных гуманитарных профессий. При ответе на вопрос «Вы часто задумываетесь о том, что тот или иной смайлик поможет вам проявить вежливость и лучше передать эмоции собеседнику?» 65% опрошенных ответили «да», 20% ответили «нет», 27% ответили «не задумывался» (рис. 1).

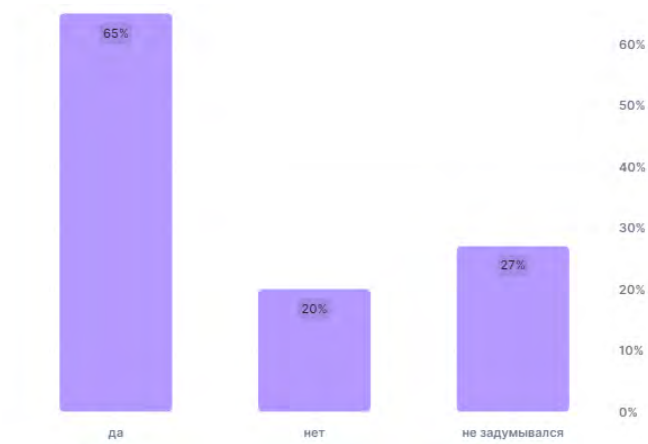

Рис. 1 Распределение мнения о влиянии эмодзи на эмоциональную окраску сообщения

В повседневном общении можно часто встретить скобочки «))»), они часто означают легкую улыбку, расположение собеседником к разговору. Почти каждый человек ставит эти скобочки после каждого сообщения. По ответам на вопрос «*Вы часто используете скобочки в конце сообщений?*» выяснилось, что практически все опрошенные – 81% – часто используют скобочки в сообщениях, 20% – редко используют, 36% – не задумываются об этом (рис. 2).

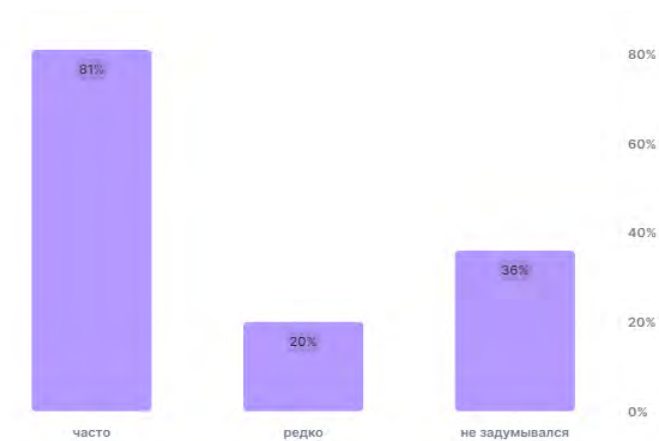

Рис. 2 Распределение мнения об использовании скобочек в интернет общении

Использование эмодзи и смайликов – это мощный инструмент для выражения виртуальной вежливости и улучшения качества нашей интернет-коммуникации. Они помогают нам точнее передавать наши эмоции и нюансы смысла, уменьшают вероятность недопонимания и конфликтов, а также способствуют укреплению межличностных связей. Поэтому важно осознанно использовать эмодзи и смайлики в нашей виртуальной коммуникации, чтобы создавать более дружелюбную, вежливую и эмоционально насыщенную атмосферу в онлайн-среде.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

2. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог). Жанры речи. – 2016. – №2 – С. 96-104.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставительное английских и русских лингвокультурных традиций. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
4. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Русское и китайское коммуникативное поведение. – 2002. – Вып. 1. – С. 5-9.
5. Шаховалова Е.Г. Проблемы соблюдения речевого этикета в интернет-коммуникациях // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. – 2020. – № 39 (3). – С. 455-465.

Naumova V.R.

Pushkin State Institute of the Russian Language

Using multimodality to express virtual politeness: the role of emojis, emoticons and other non-verbal means

The article examines the role of emojis and emoticons in expressing virtual politeness in modern Internet communication. Their influence on intercultural communication and the effectiveness of communication is investigated. The importance of understanding cultural contexts when using emojis is analyzed. Emojis help to express emotions and create a positive atmosphere in communication, reducing the likelihood of misunderstandings and conflicts. Examples of using emojis to show politeness are given.

Keywords: Internet communication, emoji, virtual politeness, etiquette of online communication.

Нерослова Валерия Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

neroslovav04@mail.ru

Влияние англицизмов в лексике образовательной сферы на формирование языковой личности школьников

Работа выполнена под руководством Гончаровой Любви Марковны, кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена исследованию влияния англицизмов, используемых в лексике образовательной сферы, на формирование языковой личности школьников. В статье затрагивается проблема немотивированного использования заимствований, даётся характеристика лексикона современного школьника и студента и выявляется тенденция влияния иноязычной лексики на становление языковой личности подростка.

Ключевые слова: языковая личность; англицизмы; лексикон; образовательная сфера.

Исследователь Ю.Н. Караулов в своём труде «Русский язык и языковая личность» говорит об особой роли лексикона в структуре языковой личности. Само понятие «языковая личность» принято определять как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [1, с. 35]. В этой же монографии находим ещё одно определение: «Языковая личность – личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [1, с. 38]. Во втором определении более отчётливо прослеживается связь языковой личности с ее лексиконом. Действительно, лексикон языковой личности отражает уровень владения лексико-грамматическим фондом языка отдельным человеком. Г.А. Китайгородская и Н.Н. Розанова пишут: «При создании речевого портрета языковой личности необходимо проанализировать запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность» [2, с. 51]. Эта идея развивается и в работе С.А. Сухих, где автор отмечает, что «предпочтение тех или иных языковых форм <...> может сигнализировать о более глубоких уровнях индивидуальности, например, о характере, темпераменте, установках» [5, с. 56]. Особую значимость лексикона выделяет в своей статье «Прецедентный фонд русской культуры и языковая личность школьника» Н.А. Купина. Так, изучение особенностей лексикона отдельного человека становится одним из важнейших факторов при оценке его языковой личности, поэтому, говоря о языковой личности школьников, следует обратить особое внимание на лексику, функционирующую в одной из важнейших сфер их жизни, – образовательной [3, с. 232].

Языковая личность формируется в процессе учебно-познавательной и воспитательной деятельности наставников, учителей, родителей, окружения. Ориентируясь на них, школьник формирует свой языковой фонд, свою коммуникативную компетенцию. Отметим, что использование заимствованной лексики в сфере образования – привычное явление. Многие слова, пришедшие из других языков (*педагог, математика, библиотека* – из греческого; *энциклопедия, аудитория, конспект, экзамен* – из латинского; *тест, курс* – из английского), прочно вошли в русский язык, став его неотъемлемой частью. Однако процесс заимствования слов не прекращается. Особенно интенсифицировался он в последнее время, что даже вызывает озабоченность в обществе. В данной статье мы обратимся к тем англицизмам, которые пришли в язык относительно недавно, осознаются школьниками как заимствования и определяются ими как желательные/уместные или несоответствующие их речи.

Мы провели опрос среди учеников 7-8 классов (общее количество опрошенных 74 человека) ОГАОУ «Лицей ядерных технологий» в январе 2024 г. Школьникам было

предложено выбрать одно из двух схожих по смыслу предложений, в одном из которых использовалось заимствование, а в другом – его эквивалент, исходя из того, какой из двух вариантов с большей вероятностью они употребили бы в речи. В опросе были представлены следующие предложения:

1. Конечно, доклад будет интересно слушать, если *спикер* говорит об актуальных проблемах. / Конечно, доклад будет интересно слушать, если *выступающий* говорит об актуальных проблемах.

2. Я не успеваю сделать задание, а *дедлайн* уже завтра. / Я не успеваю сделать задание, а *срок сдачи* уже завтра.

3. Для учителя на занятии очень важно получать *фидбэк* от учеников. / Для учителя на занятии очень важно получать *обратную связь* от учеников.

4. Нам задали составить *глоссарий* по литературе. / Нам задали составить *словарь* по литературе.

5. После параграфа в учебнике есть раздел *с кейсами*, сделайте их письменно. / После параграфа в учебнике есть раздел *с заданиями*, сделайте их письменно.

6. Мне очень повезло с *тьютором*, я наконец-то понимаю предмет! / Мне очень повезло с *наставником*, я наконец-то понимаю предмет!

7. Во вторник будет контрольная для *мониторинга* ваших знаний. / Во вторник будет контрольная для *проверки* ваших знаний.

8. В начале каждого занятия мы будем проводить *брейнштурмы*. / В начале каждого занятия мы будем проводить *мозговые штурмы*.

9. В интернете можно найти много разных *коучингов*. / В интернете можно найти много разных *учебных курсов*.

10. По четвергам у меня *вебинары* по английскому языку. / По четвергам у меня *онлайн-занятия* по английскому языку.

Стоит отметить, что формулировка предложений в опросе наиболее приближена к устной, спонтанной речи и что некоторые пары слов не являются прямыми синонимами. Так, например, «глоссарий» и «словарь» не равны друг другу по смыслу. Глоссарий – это вид словаря, в котором приводятся толкования слов какой-либо отдельной сферы или одного конкретного текста. Однако, учитывая, что опрос ориентирован на школьников 7-8 классов, необходимо обозначить, что термин «словарь» на уроках русского языка и литературы приближен к значению слова «глоссарий». Такое же различие значений можно отметить и в паре «кейсы»-«задания». В современных методиках образования кейсы – это задания, представленные конкретными ситуациями, которые учащийся должен решить. Так, наиболее

точным эквивалентом слова «кейс» стало бы сочетание «задание-ситуация», однако в школьных учебниках задания-ситуации редко отграничиваются от обычных заданий, не выделяются как особый раздел. На основании этого, в опросе эквивалент слова «кейсы» был сокращен до «заданий».

Нужно также отметить, что многие педагоги намеренно используют в собственной речи заимствования как более современные и престижные слова. Вместе с тем восприятие и словарный запас школьников, а также выбор ими того или иного слова определяются, по-видимому, удобством использования и понятностью данной лексемы. По результатам опроса, абсолютное большинство школьников выбирало предложения с русским эквивалентом – «выступающий» (70%), «срок сдачи» (70%), «обратная связь» (76%), «словарь» (85%), «задания» (78%), «наставник» (90%), «мозговые штурмы» (68%), «курсы» (95%) (рис. 1).

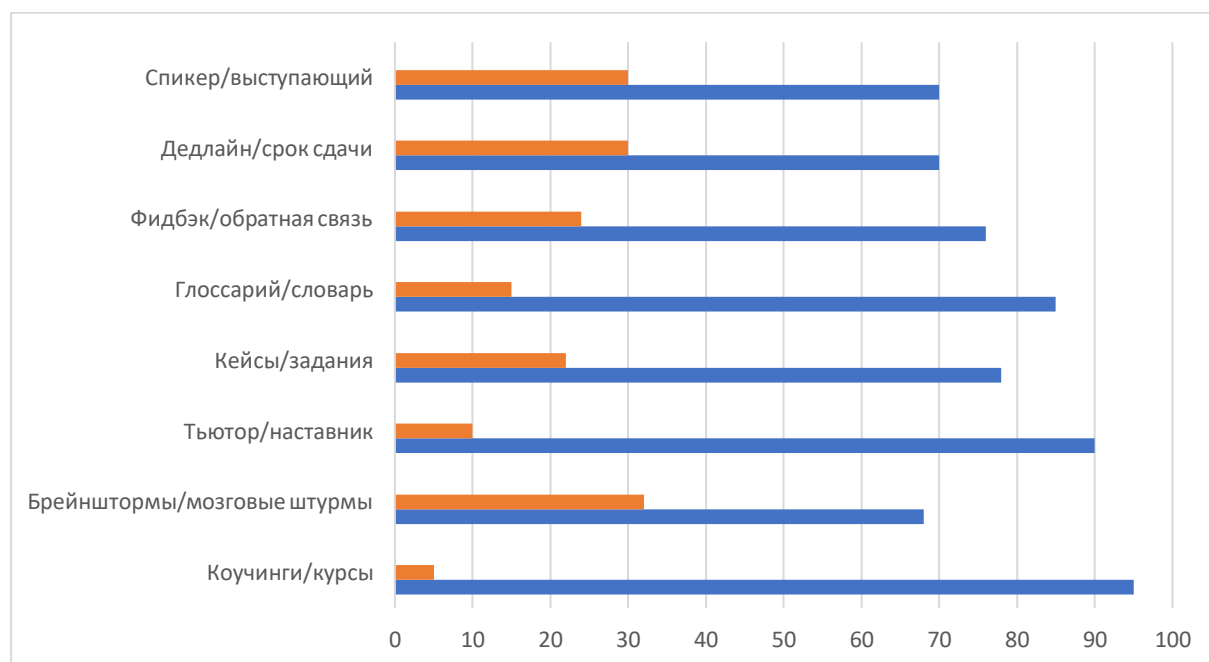

Рис. 1

В паре «мониторинг»-«проверка» большая часть респондентов (54%) выбрала вариант «проверка», однако значительная часть школьников указала на предложение со словом «мониторинг» (рис. 2) как на наиболее благозвучный вариант. Это может быть объяснено тем фактом, что выражение «контрольная для мониторинга знаний» чаще всего употребляется учителями, обладающими авторитетом в том числе и как языковые личности, из-за чего школьники воспринимают такую формулировку как правильную и более подходящую. Респонденты отдали предпочтение англицизму только в одной паре: предложение со словом «вебинар» выбрали 55% школьников (рис. 2), что также является

объяснимым, так как слово «вебинар» вошло в язык с активным использованием информационных технологий и стало официальным наименованием занятий посредством Интернета.

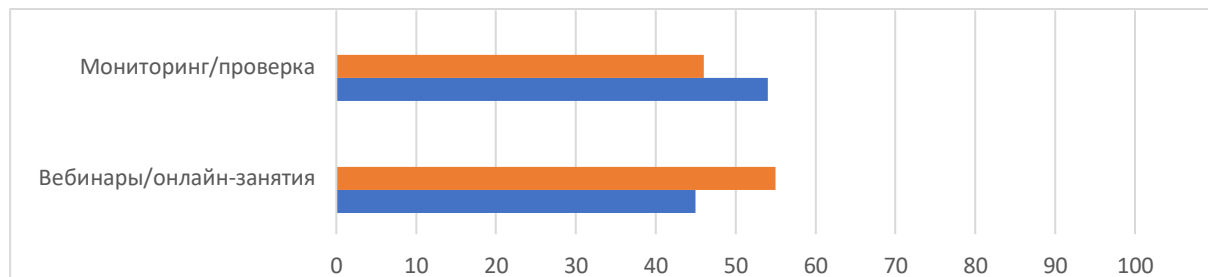

Рис. 2

Так, на основании проведённого опроса, можно сделать вывод, что языковая личность современного школьника 12-14 лет, находясь на этапе формирования, склонна употреблять в устной речи не англицизмы, а более привычные русские слова и словосочетания. В абсолютном большинстве ученики 7-8 классов отдают предпочтение русской лексике в образовательной среде.

С целью сопоставления тот же опрос был проведён среди студентов. Русские эквиваленты, выбранные абсолютным большинством респондентов, – «обратная связь» (81%), «задания» (98%), «наставник» (79%), «проверка» (95%), «мозговые штурмы» (88%), «курсы» (100%) (рис. 3). В паре «спикер»-«выступающий» большинство студентов (52%) выбрало исконно русское слово, однако стоит отметить, что большое количество респондентов всё же использует в речи слово «спикер». В отличие от школьников, студенты отдали предпочтение не только англицизму «вебинар», но также словам «глоссарий» и «дедлайн» (рис. 4), что может быть объяснено более явной, чем в школе, разницей в значении слов «глоссарий» и «словарь» в академической среде, а также повсеместным использованием слова «дедлайн» и в устной, и в письменной речи студентов и преподавателей. Интересно отметить, что абсолютное большинство студентов, в отличие от обучающихся 7-8 классов, отдало предпочтение выражению «проверка знаний», в то время как почти половина школьников сочла предложение со словом «мониторинг» более удачным вариантом.

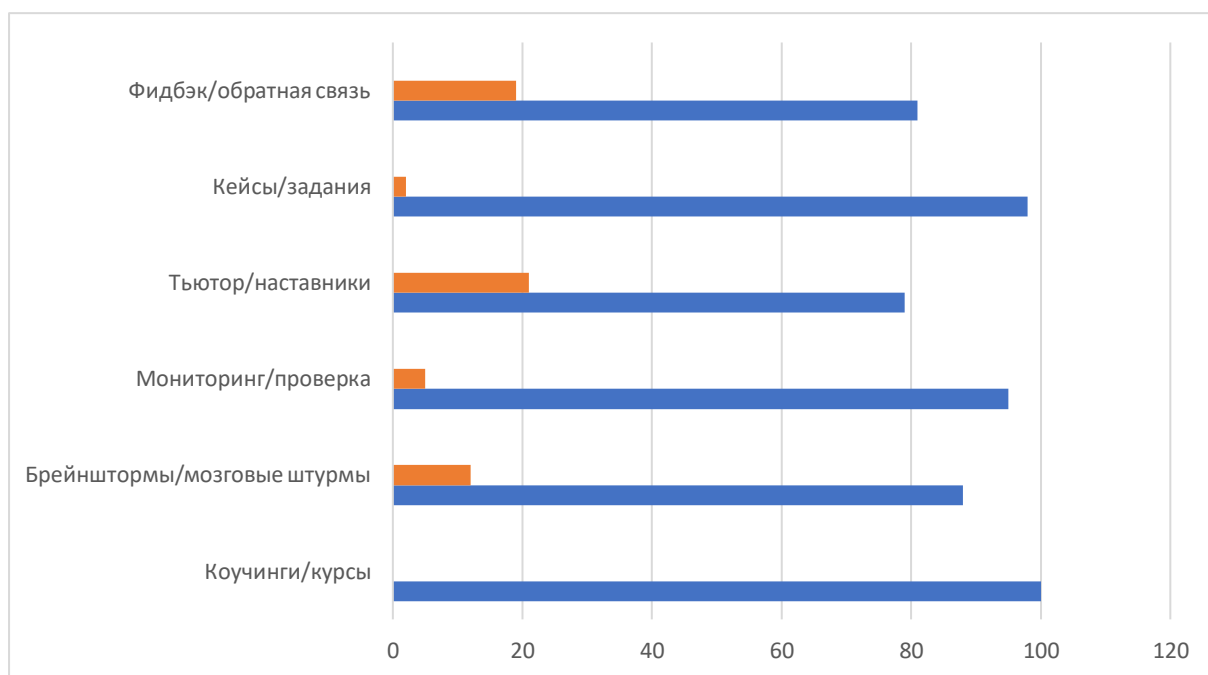

Рис. 3

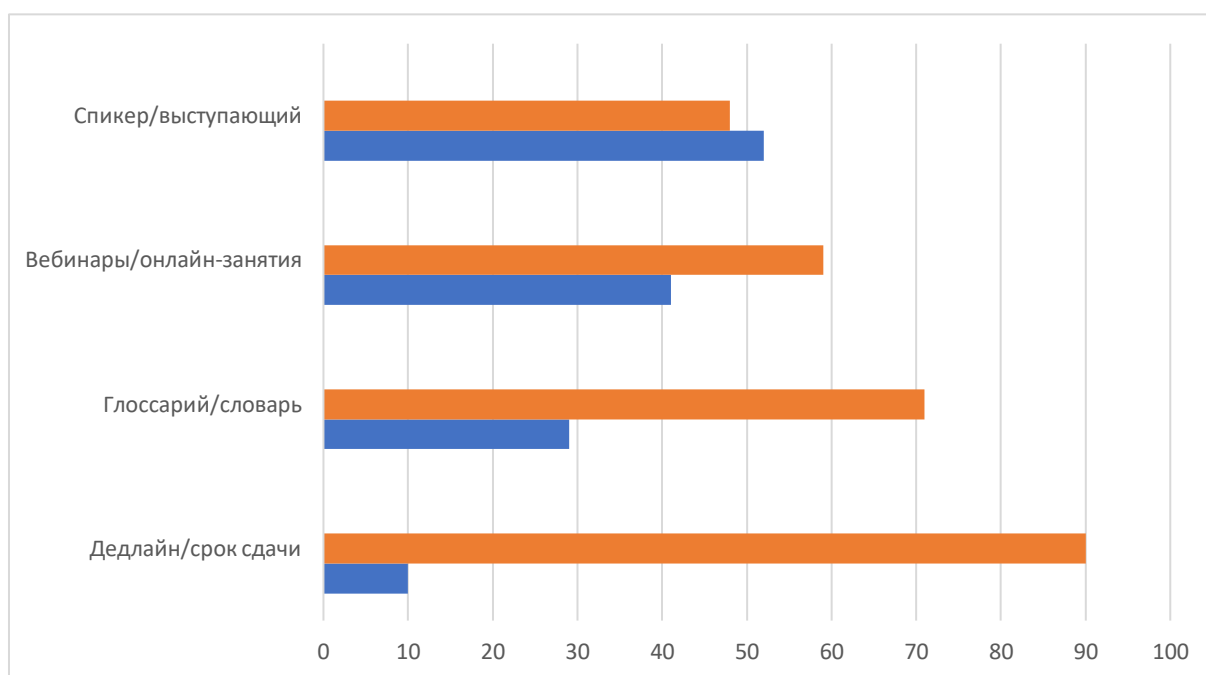

Рис. 4

Согласно результатам проведённых опросов, можно сделать вывод, что лексикон образовательной сферы учеников 7-8 классов состоит в большинстве не из заимствованной лексики, в устной речи школьники употребляют русские слова – «срок сдачи», «словарь», «задания» и т.д. Современные студенты так же отдают предпочтение русским эквивалентам – «наставник», «курсы», «проверка». Кроме того, опрос показал, что слова «вебинар» и «дедлайн» часто употребляются в образовательной сфере, на основании чего можно заключить, что с большой долей вероятности они закрепятся в русском языке.

Профессор Л.Г. Самотик писала: «Особое значение имеет лексикографический аспект исследования: в словаре индивида отражается «жизнь души» человека, круг его интересов и мировосприятие, через посредство языка высвечивается человеческая личность» [4, с. 102]. Лексика образовательной среды – крупнейшей части жизни современного подростка – составляет неотъемлемую часть активного словаря обучающихся, поэтому её изучение необходимо. Формирование языковой личности позволяет выявить динамику, проследить, насколько заимствованная лексика стремится вытеснить исконную в сознании современных школьников, и выявить основные векторы развития языковой личности подростка.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. – Москва : Фонохрестоматия, 1995. – 128 с.
3. Купина Н.А. Прецедентный фонд русской культуры и языковая личность школьника // Филологический класс. – 2021. – № 4. – С. 230-240.
4. Самотик Л.Г. Полный словарь диалектной языковой личности. Барышни и крестьянка // Вестник Томского Государственного Университета, 2008. – №2. – С. 102-108.
5. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе: Моногр. – Краснодар : Изд-во ЮИМ, 2004. – 155 с.

Neroslova V. A.

Pushkin State Russian Language Institute

The Influence of Anglicisms in the Vocabulary of the Educational Sphere on the Formation of the Linguistic Personality of Schoolchildren

The article is devoted to the study of the influence of Anglicisms used in the vocabulary of the educational sphere on the formation of the linguistic personality of schoolchildren. The article touches upon the problem of unmotivated use of borrowings,

characterizes the lexicon of a modern schoolchild and student, and reveals the trend of the influence of foreign vocabulary on the formation of the linguistic personality of a teenager.

Keywords: linguistic personality; anglicisms; lexicon; Educational sphere.

Нургааз Ризагюл

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

nurrizarman@gmail.com

Система упражнений для развития устной речи монгольских студентов на русском языке

Работа выполнена под руководством Азимова Эльхана Гейдаровича, доктора педагогических наук, профессора

Монгольские студенты, которые много лет изучают и изучали русский язык, не могут свободно общаться на русском языке в реальных жизненных ситуациях устного общения. Причина этого заключается в том, что в долгие годы основное время обучения русскому языку уходило на обучение языковой компетенции и механическому запоминанию моделей предложений и системы русского языка. Цель статьи состоит в том, чтобы найти подходящие пути формирования речевой и коммуникативной компетенции на русском языке монгольских студентов.

Ключевые слова: Устная речь, речевая ситуация, речевая единица, система упражнений, монгольские студенты, русский язык как иностранный

Мы много лет обучаем наших студентов русскому языку, но в реальной жизни наши студенты не могут бегло и безошибочно общаться, т.е. не могут говорить на русском языке, когда у них реально возникает проблема решать коммуникативную задачу в естественной ситуации общения. Главной целью изучения любого иностранного языка становится овладение коммуникативной компетенцией как способностью использовать единицы языка для решения коммуникативных задач в условиях речевой ситуации с полным учётом диалога культур. При движении к этой цели главным остается создание таких условий, в которых у учеников возникает необходимость обращаться к речи для удовлетворения естественно появляющихся или искусственно стимулированных учебным процессом потребностей.

Л.В. Щерба считал, что грамматистам надо глубже вникать в существо значения языкового знака, то есть формы языка, надо показать, какую функцию она выполняет, т.е. форма объясняется её функциями. Для РКИ основной подход состоит в том, чтобы показать, какими средствами выражается та или иная функция, какое значение она несёт. Если учащийся не усвоил все оттенки значения, например, СВ и НСВ, характеризующие действие с точки зрения его протекания, эти категории не станут его инструментом именованного конкретного действия. Чтобы говорить, надо говорить!

Учащиеся теряют уверенность в себе и останавливаются в тупике из-за боязни грамматических ошибок в окончаниях, механического повторения вне связи с реальной коммуникацией и неполного понимания функций грамматического явления, поэтому надо показать правильное использование этого грамматического явления в речевой ситуации. Чтобы обучать устному общению на русском языке нам надо учить учащихся опираясь на систему упражнений, во-первых, надо показать лексико-грамматические явления до

осознания того, в каких ситуациях они употребляются, с какими функциями сочетаются, тренироваться с помощью упражнений (многократное повторение) до автоматизма и умения использовать их в своей речи в реальной жизни для свободного общения на русском языке. Следует изучать реальные речевые ситуации, в которых носители русского языка используют определённую лексику и грамматические конструкции. Достичь этой цели нам поможет только система упражнений и поэтапное многократное повторение.

Мы поддерживаем систему упражнений, разрабатываемую Вохминой Л.Л., Куваевой А.С., Хаврониной С.А. При разделении упражнений на группы главным критерием стало наличие речевой ситуации: есть речевая ситуация – есть коммуникативное упражнение. При помощи многократного и варьируемого повторения иноязычной формы студенты должны понимать содержание и строить предложения по свободно выбранным моделям, потому что содержание и языковые формы надо повторить в языковых упражнениях.

Любой компонент структуры упражнений должен иметь коммуникативную ценность. В.Г. Костомаров и О.Д. Митрофанова сформулировали требования к характеру упражнений, понимая ситуативность и тему высказывания. Содержанием упражнений, по мнению авторов, должны быть реальные жизненные ситуации, с которыми могут столкнуться учащиеся в жизни. В связи с реальными потребностями учащихся в использовании русского языка в конкретных ситуациях, ситуативные, условно-речевые, проблемные упражнения, в которых развивается самостоятельная речь учащихся, говорящий (учащийся) использует единицы языка для решения собственных задач общения.

Нам следует формировать у учащихся коммуникативную компетенцию поэтапно с помощью многократного повторения и тренировки лексико-грамматических явлений, нового материала, использовать систему упражнений, которую составили российские методисты РКИ. В книге «Система упражнений по обучению устной иноязычной речи: теория и практика (на примере РКИ)» под авторством Вохминой Л.Л., Куваевой, А.С., Хаврониной С.А. Ими выделены упражнения, которые нацелены развивать и формировать формы языка в предложениях по степени самостоятельности порождения в речи.

В первой группе будут предложены упражнения на наблюдение, осознание, имитацию без выбора или с выбором готового языкового материала/невербальной реакции. Главная цель этих упражнений – помочь ученику осознать новый материал, его формальные признаки, значения и функции. Нельзя недооценивать их, пренебрежение такими упражнениями, их недостаточное количество ведут к слабой выработке грамматических и лексических навыков речи, к увеличению количества ошибок на более поздних этапах

отработки материала. *Во второй группе* требуется самостоятельное формирование грамматического оформления той или иной части высказывания. По существу, они являются самой первой и самой простой ступенью в проверке правильности понимания значения и функции языкового знака.

В третью группу входит начало самостоятельного поиска элементов предложенного содержания и его языкового оформления, требуется самостоятельно находить элементы пропущенного или возможного содержания. Цель упражнений этой группы – закрепление связи между языковыми знаками и явлениями действительности, которые эти языковые знаки отображают. Проверка прочности установления этой связи проверяется отсутствием/наличием ошибок в языковых реакциях учащихся на предложенные стимулы.

Варьирующе-ситуативный этап включает формирование языковых единиц с использованием более сложного, чем в предыдущих группах, языкового материала. Если учащиеся делают ошибки в упражнениях группы IV, значит на предыдущих этапах были не до конца закреплены навыки использования языковых форм. В этом случае следует вернуться к упражнениям предыдущих групп, не исключая и первую.

Чтобы выполнить упражнения, включённые в группу IV, потребуется полная самостоятельность учащихся в поиске средств выражения для заданного на родном языке содержания. Эти упражнения можно использовать только при большой уверенности, что учащиеся готовы для такой работы. Перевод, сделанный без ошибок, может свидетельствовать о довольно высоком уровне выработанных языковых умений.

Пятая группа включает развитие предложенных ситуаций при возможном косвенно заданном языковом материале. Упражнения этой группы очень близки к полностью самостоятельной речи с разной степенью возможности опереться на косвенно заданный языковой материал: словники, образцы текстов, диалогов и пр. Это, как и некоторые упражнения предыдущей группы, относится к этапу формирования речевых умений – сознательной деятельности, основанной на системе подсознательно функционирующих действий и направленная на решение коммуникативных задач. Совершенствование речевых умений в совокупности с языковыми и речевыми навыками переходит на более высокий уровень сложности. Пятая группа – полная самостоятельность в выборе языковых средств для оформления собственной мысли в условной/естественной речевой ситуации. Упражнения этой группы относятся к завершающему этапу тренировки использования языкового материала, который уже был введён и закреплён в самых разных упражнениях на предыдущих этапах. Такие упражнения можно использовать, если есть уверенность, что весь языковой материал уже достаточно отработан в подготовительных упражнениях, теперь

требуется довести умение его использовать до степени автоматизма в условиях самостоятельной творческой речи. Главная задача преподавателя/учебника – предложить учащимся такой материал для чтения или аудирования, который заставлял бы выражать к нему собственное отношение, находить те или иные решения. При этом преподаватель должен жёстко контролировать соответствие предлагаемого материала языковым и интеллектуальным возможностям учащихся на каждый данный момент. При наличии ошибок необходимо будет вернуться к упражнениям первых групп, провести так называемое снятие лексико-грамматических трудностей. Здесь учащиеся демонстрируют свои умения уже по-настоящему творческой речи.

Наши студенты изучают русский язык не для выучивания парадигм окончания, а чтобы понимать творчество А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, наслаждаться, обмениваться мыслями и общаться с носителями русского языка в бытовых, деловых и социокультурных средах, чтобы улучшить свое дело и бизнес, сотрудничать с ними с помощью русского языка. Главная цель нашего исследования – помочь найти пути и методы в формировании коммуникативной компетенции русского языка монгольских студентов (уровни А2-В1). Благодаря указанной выше системе упражнений мы приближаемся к нашей цели. Без них в устной речи наших студентов на русском языке постоянно возникают ошибки и даже задерживается их коммуникативное намерение озвучить слова и предложения, выразить свое мнение. Недостаточная сформированность языкового материала для использования его на уровне автоматизма вызывает следующие ошибки в речи наших студентов:

Лексико-грамматические ошибки нарушают точность, ясность, логичность высказывания и словоупотребления:

– употребление слова в несвойственном ему значении (без учета его семантики): «Пошел дождь, а у меня не было парашюта» (т.е. зонтика); «Поставьте кепку на полку»;

– нарушение лексической сочетаемости: «Я съел чай». «В пятницу я мыл свою куртку»

– Мы *идём* в Москву. Он всегда *придёт* к нам в гости. Дядя *принёс* мне из Америки много подарков. Проводник *привёз* нам чай. и. т. д

Много времени уходит на объяснение, нет достаточного времени на развитие устной речи на русском языке, т.е. учитель не успеет предоставлять студентам речевые и коммуникативные упражнения, хватает времени только на языковые упражнения.

Мы постарались проанализировать цель и содержание программы по развитию речи и учебники по русскому языку, используемые в школах и ВУЗах Монголии, телеуроки русского языка и мнения монгольских студентов, изучающих русский язык:

1. Между программой по изучению русского языка в средних школах и ВУЗах Монголии нет связи с учетом уровней владения русским языком. Языковые материалы средней школы часто сложнее. Большинство языковых материалов совпадают, нет преимущественности объяснения языковых материалов. Программа составлена не по принципу от простого к сложному. Содержание некоторых тем и их лексика устарели, встречаются устаревшие слова и выражения. Нам нужно отобрать тексты с актуальным содержанием для студентов. Между программами по аспектным занятиям для первокурсников нет взаимосвязей, дополняющих и закрепляющих друг друга.

2. В учебниках по развитию устной речи русского языка нет достаточных речевых упражнений для формирования речевых навыков и умений. Учебники нацелены на объяснение языковой системы русского языка на теоретической основе, основным является демонстрация и изучение форм языка, потом переход от формы к содержанию с помощью тренировочных упражнений.

3. Мы проанализировали телеуроки, которые хранятся на образовательном сайте Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии, econtent.mn. Во время пандемии Ковид-19 все занятия образовательных профилей проходили онлайн и хранились на этом сайте. Мы проанализировали 10 уроков русского языка для 10, 11 и 12 классов и студентов первого и второго курса. Нашей целью было выявить, как наши учителя русского языка объясняют новый языковой материал и как закрепляют этот материал, как формируют речевые навыки и умения во время урока. Фонетические средства общения и объяснения фонетических особенностей русской речи были нормальными, однако большинство учителей объяснили новые грамматические явления традиционным способом – от формы к содержанию. Сначала показали список падежных окончаний и изменение форм категории глагола, затем теоретически объяснили все окончания и на это тратили 15-20 минут, то есть 50% отводимого времени на занятия. После этого была демонстрация списка новых слов, эти слова объяснили изолированно, без контекста. Потом выполняли непосредственно речевые упражнения, студентам и ученикам было трудно говорить, используя новые пройденные на этом занятии слова без повторения, выполнения языковых упражнений, без понимания и осознания функции в предложении новых грамматических явлений и слов.

4. Нами было проведено анкетирование, в котором приняли участие 25 первокурсников, изучающих русский язык. Наш вопрос: «Почему вы изучаете русский язык?» Большинство ответов совпадали. Студенты в ответах отмечали: мы изучаем русский язык, чтобы говорить на русском языке, общаться с носителями языка; читать, понимать на русском языке тексты и извлечь из них нужную информацию; учиться дальше в ВУЗах

России и путешествовать по России. Конечно, студентам надо осознать структуру и систему русского языка, чтобы достичь цели своего обучения. После того они сами с интересом будут читать, смотреть фильмы и т.п. Учителям русского языка надо помочь им найти правильный путь для изучения русского языка, нельзя оставить студентов без помощи преподавателя, они часто оказываются в тупике, встречается путаница в понимании правил русского языка, ошибки в понимании значения слов. Нам следует учитывать принцип «от простого к сложному», поэтапно учитывая уровень владения русским языком учащихся, их потребности в изучении русского языка, использовать современные подходы и методы обучения русскому языку.

Заключение

1. Чтобы научиться говорить – надо говорить! Но чтобы говорить, надо уже владеть словами, их соединениями, конструкциями простых и сложных предложений на уровне автоматизма. Грамматические формы надо показать их функциями в речи. Если учащийся не усвоил все оттенки значения, например, СВ и НСВ, характеризующие действие с точки зрения его протекания, эти категории не станут его инструментом именованного конкретного действия, если ему не пришлось самому участвовать в той или иной ситуации, наблюдать эти действия и называть/характеризовать их. Без этого даже выученные с помощью правил и упражнений языковые формы не появятся в речи ученика! Нам следует объяснить лексико-грамматические материалы каждого урока, использовать переход от содержания к форме. Любая форма имеет функцию в высказывании, нужно будет их функции показать и объяснить в предложении и в речевой ситуации, а не в изоляции.

2. Чтобы повысить эффективность преподавания русского языка монгольским студентам, преподавателям нужно постоянно повышать квалификацию и совершенствовать свои знания по методике обучения. В настоящее время появились новые форматы обучения: смешанные и перевернутые приемы обучения, и средства искусственного интеллекта, чат боты и платформы с различными ресурсами для обучения. Раньше мы говорили, что у нас нет языковой среды, далеко живём, нет возможности учиться у других экспертов, но сейчас, благодаря развитию компьютерных средств, у нас есть все возможности учиться и развиваться дома. Есть Youtube каналы и подкасты, чтобы слушать речь носителей иностранных языков.

3. В рамках одинаковой темы должны подаваться материалы разных аспектов русского языка параллельно. На занятиях по грамматике, лексике и фонетике нужно повторить грамматические конструкции, лексические единицы, фонетические конструкции по одинаковой теме, на основе типичных ситуаций общения, которые будут изучаться на

занятия по развитию речи. В наших программах обучения пока нет системы обучения. Все должно иметь одну цель. Все должно быть на одном уровне владения языком. Тогда будет результат. Надо адаптировать теории и методики преподавания русского языка к уровню владения языком, коммуникативным потребностям монгольских учащихся.

4. Любой компонент структуры упражнений должен иметь коммуникативную ценность, основными требованиями к характеру упражнений стали ситуативность и тематичность. Содержанием упражнений, должны быть реальные жизненные ситуации, с которыми могут столкнуться учащиеся в жизни. В связи с реальными потребностями учащихся и естественным использованием русского языка в конкретных ситуациях, ситуативные, условно-речевые, проблемные упражнения, в которых развивается самостоятельная речь учащихся, используются для решения задач общения.

5. Главный принцип системы упражнений – переход от простого к сложному, от осознания и понимания значения языкового знака – к его использованию в собственной речи. Наш опыт показывает, что последовательная целенаправленная работа над формированием речевого механизма со строгим учётом постепенного нарастания трудностей позволяет довести процесс языкового оформления возникающей мысли до высокой степени автоматизма. Надо научить студента смотреть на действительность «русскими» глазами, использовать языковые средства для формулирования своих собственных мыслей, желаний, при этом структурируя эту действительность по законам русского языка.

6. В предлагаемой системе все упражнения поделены на 6 групп, по принципу перехода от простого к сложному. Принцип перехода от простого к сложному реализован через степень самостоятельности. В первую группу входят такие упражнения, при выполнении которых ученик лишь наблюдает, анализирует вводимые языковые формы, их связь с отображаемым явлением внеязыковой реальности. В последней же группе собраны такие упражнения, выполняя которые ученик самостоятельно находит языковое оформление своих мыслей, рождающихся в естественных речевых условиях.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. Москва : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. Вохмина Л.Л., Куваева, А.С., Хавронина С.А. Система упражнений по обучению устной иноязычной речи: теория и практика (на примере РКИ). СПб.: Златоуст, 2020. – 268 с.
3. Дмитриева Д. Д. Виды упражнений для обучения устной речи на занятиях по русскому языку как иностранному (на начальном этапе обучения) // Педагогические науки. – Курск, 2018.

4. Нямжав Б. Программа по развитию речи на русском языке для филологов-русистов. Ховдский филиал Монгольского государственного университета. – Ховд, 2021. – 9 с.
5. Староверкина Л.А. Изучение дисциплины «культура речи» стажерами из Китая и Монголии в Калмыцком госуниверситете на факультете довузовской подготовки и обучения иностранных граждан // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – Москва, 14–16 октября 2020 года.
6. Тунгалаг П, Мяндал И, Цолмон Ш, Анар Б. Книга для учителя. Русский язык X-XII. Факультативный курс. Улан-Батор: Министерство образования, культуры, науки и спорта Монголии, 2018. – 133 с.
7. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов. Москва : Высшая школа. 2003. – 334 с.

Nurgaaz Rizagul

State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin

A system of exercises for the development of oral speech of Mongolian students in Russian

Mongolian students who have studied Russian for many years cannot communicate fluently in Russian in real-life oral communication situations. The reason for this is that for many years most of the time of teaching Russian was spent on teaching language competence and rote memorization of sentence patterns and the Russian language system. The purpose of the article is to find suitable ways to develop oral speech and communicative competence in Russian among Mongolian students.

Keywords: oral speech, speech situation, speech unit, system of exercises, Mongolian students, Russian as a foreign language

Обуховская Виктория Витальевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

viktori_obukhovskaya@mail.ru

Трудности овладения фонетикой русского языка корейскими учащимися

Работа выполнена под руководством Куваевой Алёны Сергеевны, кандидата педагогических наук

В данной статье представлены особенности корейской фонетической системы в сравнении с русской. На основе выделенных существенных различий спрогнозированы ошибки, которые могут возникнуть у корейских учащихся при обучении их произношению.

Осознание трудностей и причин их возникновения поможет преподавателю РКИ при отборе материала для обучения корейцев русской фонетике.

Ключевые слова: РКИ (Русский язык как иностранный), фонетика, корейский язык, сопоставительное изучение языков, произношение, отрицательный языковой материал.

Обучение произношению – одна из первостепенных проблем, с которой сталкиваются преподаватели РКИ. Грамотный подход к постановке русского произношения позволит минимизировать фонетическую интерференцию, которая чаще всего встречается на уровне звуков, слогов и интонации. Поэтому обучение правильному произношению должно быть обязательным в преподавании РКИ.

При обучении иностранных студентов русскому языку очень важно учитывать «отрицательный языковой материал», то есть ошибки учащихся. Л.В. Щерба в своей статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» пишет: «Когда... взрослый человек учится иностранному языку, то исправление окружающими его ошибок (то есть акцент на отрицательный языковой материал) играет громадную роль в усвоении языка» [3]. Таким отрицательным материалом в нашей статье будут служить ошибки корейских студентов, которые мы отобрали путём сопоставления русского и корейского языков.

Выделяя возможные ошибки корейских студентов, начинающих изучать русский язык, мы опираемся на особенности фонетического строя корейского языка, определяя существенные отличия от русского.

Фонетическая система корейского языка насчитывает 19 согласных звуков и 21 гласный звук, последние из которых представлены не только монофтонгами, но и дифтонгами.

В корейском языке нет губно-зубных согласных [в] и [ф], а также согласных [з], [ж], [ц], [ш] и [ш']. Губно-зубные согласные корейские учащиеся будут заменять на губно-губные, например, вместо фильм корейцы произнесут [п']ильм, а вместо авария - а[б]ария. Русский [ц] из уст корейских студентов звучит как что-то среднее между [ц] и [ч']. Корейцам сложно дифференцировать русские [з], [ж], они произносят их одинаково, поэтому слова ужинать и узнать будут звучать очень похоже [4, с. 77].

Также в отличие от русского языка консонатная система корейского языка характеризуется наличием признака придыхательности и глоттализованности, например, ≡(кх) - ㄱ (к) - ㄲ (кк). Однако различение согласных по глухости-звонкости и твёрдости-мягкости чуждо корейскому уху. В фонетической системе корейского языка отсутствуют фонемы звонких и мягких согласных, но имеются звонкие и мягкие реализации позиционных

аллофонов. Так, например, в слове **비빔밥**, означающим название корейского блюда, фонема <ㅂ> (<р>) соответствует русскому [п] и реализуется в виде следующих аллофонов <р`> <б`> <pp> <р>. В абсолютном начале слова чаще всего проявляется основной аллофон, представленный глухим звуком. Поэтому первый слог **비** читается как (пи), который приобретает дополнительную характеристику мягкости поскольку п оказывается в позиции перед гласной переднего ряда [и]. Во втором слоге **빔** (бим), [ㅂ] оказывается в позиции между гласными, поэтому озвончается и дополнительно смягчается по той же причине, что и в первом слоге. В последнем слоге **밥** (ппап) начальная [ㅂ] в позиции после сонорной [ㅁ], которая соответствует русской [м], произносится с большим усилием и приобретает признак глоттализованности, последняя же [ㅂ] выражается в виде основного аллофона, глухого <р>. Поэтому **비빔밥** будет читаться и произноситься как «пибимпап». Вследствие данной особенности при произнесении русских слов корейцами будет осуществляться озвончение или оглушение. Например, **бить** – [п`]ить, **год** – [кот] и т.д.

Еще одна особенность состоит в том, что в корейском языке апикально-какуминальный звук [ㄹ] (р/л), как и в китайском и японском языках, представляет собой одну фонему (в начале слова и в интервокальной позиции реализуется как [r], а в конце слова и перед согласным как [l]) [1, с. 37]. Следует также отметить, что корейский [l] более мягкий, нежели русский, поэтому постановка произношения твёрдого [л] может вызвать определенные трудности. Однако корейский [r] будет ближе к русскому, в отличие от японского и китайского языков. Поэтому артикуляционно русский [р] не сильно сложен для корейцев, но умение видеть отличие от [л] является очень непростой задачей на первых ступенях обучения.

Корейский ㅅ [с] в позиции перед гласными и, я, ё, ю, по звучанию становится ближе к русскому [ш`], поэтому слово **сильный** корейские студенты прочтут как [ш`]ильный. Кроме того, как уже было отмечено выше в корейском языке не дифференцируются признаки мягкости/твёрдости, поэтому помимо смешения [с] с [ш`] в определенных позициях будет осуществляться смягчение русского [ш]. Например, **Ма[ш`]а** вместо **Ма[ш]а**, **ма[ш`]ина** вместо **ма[ш]ина** и т.д.

Корейскому языку не свойственно скопление согласных в начале слога. Структура слога в корейском языке простая: V, CV, VC(C), CVC(C). Чего нельзя сказать о русском, в котором структура слога может быть представлена стечением 4-х следующих друг за другом согласных CCCC (здравствуйте). В подобных русских словах, как **здравствуйте**, сложное

сочетание согласных корейские учащиеся будут преодолевать за счёт эпентезы гласной, чаще всего при помощи [ы].

Интонационно необычным для русского человека будет произнесение корейцами приветствия. Это связано тем, что в корейском языке приветствие проговаривается с вопросительной интонацией – 안녕하세요? (Аннёнхасейо?). Данная особенность перекладывается и на русский язык.

Фонетическая система русского и корейского языков во многом различается. Мы рассмотрели лишь некоторые из особенностей корейского языка, которые могут в дальнейшем вызвать трудности у корейцев. Надеемся, что описанный материал будет полезен для преподавателей РКИ, работающих с данной аудиторией.

Литература

1. Капарушкина Д.И. Особенности консонантной системы корейского языка (обзор корейской научной литературы) // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2014. – №2. – С. 35-42.
2. Кутузова Т.А. Типичные фонетические и грамматические ошибки носителей корейского языка // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. – 2020. – С. 45-47.
3. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Архив петербургской русистики: [Электронный ресурс]. – 2024. – 20 марта. – URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba3.htm> (дата обращения: 20.03.2024).
4. Nak-Soo Yoo. Характерные ошибки корейских студентов при изучении русского языка (на начальных и средних этапах обучения) // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2023. – №2. – С. 74-82.

Obukhovskaya V.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Difficulties in mastering the phonetics of the Russian language by Korean students

This article presents the peculiarities of the Korean phonetic system in comparison with the Russian. Based on the distinguished significant differences, we predict the errors that may occur when teaching pronunciation to Korean students. The recognition of difficulties and reasons for their occurrence will assist the teacher of Russian language in selecting material for teaching Russian phonetics to Koreans.

Keywords: Russian as a foreign language, phonetics, Korean language, comparative language learning, pronunciation, negative language material.

Овсянникова Виктория Викторовна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ovsiannikova02@yandex.ru

Мотивированность фитонимов (на примере названий лекарственных растений в русском и французском языках)

Работа выполнена под руководством Файбушевского Максима Владимировича, к.филол.н, доцента

В данной статье рассматриваются общие закономерности, расхождения и противоречия в принципах образования и классификации фитонимов русского и французского языков на примере названий лекарственных растений. В работе показано, каким образом осмысление окружающей действительности определенным народом формирует его культурный код и отражается в языке.

Ключевые слова: фитоним, мотивированность, номенклатура, лекарственные растения, терминообразование

Стоит признать, что человек не может безосновательно дать имя какому-либо предмету, оно несет в себе логическое объяснение и отображает мысль, которая в него закладывается. Именуя предмет, человек осмысляет и закрепляет его в своей картине мира, тем самым анализируя и объясняя окружающую реальность. Таким образом появляется мотивированность, то есть важная связь внутренней и внешней формы.

В отношении специальной лексики мотивированность – понятие, непосредственно связанное с проблемой терминообразования и имеющее исключительно важное значение для любого комплексного терминологического исследования [8, с. 273].

В данной статье рассматриваются принципы номинации фитонимов как способ категоризации человеческой действительности на примере сопоставительного анализа единиц, обозначающих лекарственные растения в русском и французском языках. Работа выполнена в рамках лексикографического проекта кафедры романо-германской филологии и перевода гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, терминологического словаря, представляющего многоязычный ресурс фармацевтической терминологии, охватывающий более 500 единиц, номинирующих лекарственные растения.

Именно номенклатурой совокупность названий лекарственных растений называют И.Г. Назарова и С.В. Станевич, констатируя: «номенклатура лекарственных растений всегда развивалась интенсивно в виду своей понятной актуальности» и подчеркивая, что «названия лекарственных растений, которых на сегодняшний день великое множество, известны с древнейших времен, и заимствовались они европейскими языками в своем оригинальном виде» [6, с. 1]. При подробном рассмотрении фитонимов можно заметить, что они сохраняют явную мотивированность, так же, как и всё, что может предложить флора (испокон веков исключительно важный для *выживания* людей ресурс). Человек тесно контактировал с ней и изучал на протяжении многих веков в ходе своей эволюции и сформировал определенную культуру вокруг растительного мира, поэтому фитонимы передавались из поколения в

поколение по причине фундаментальной необходимости именуемого растения в жизни человека. Таким образом, фитонимическая лексика предоставляет древнейший опыт практического и мыслительного освоения мира человеком [1, с. 5]. Важно отметить, что данная совокупность единиц имеет важную особенность: фитонимы лекарственных растений, наряду с наличествующими универсальными латинскими соответствиями, употребляются в ботанике, фармацевтике, медицине.

При сравнении мотивированных фитонимов двух разных языков особенно ярко прослеживается многогранность и абстрактность формирования человеческого сознания. Понимая, что существует историческое и культурное объяснение тому, почему русские решили называть календулу *ноготками*, а французы – *horloge du paysan* (досл. часы крестьянина), крайне разнящимися по своему смыслу названиями, мы, однако, можем констатировать, что в обоих случаях *мак* сопоставили с гребнем петуха и пришли к синонимичным названиям – *петушки* и *coquelicot* [2, с. 240]. Различие культурных особенностей также прослеживается и во влиянии мифологии и поверий на принципы номинации фитонимов: в обоих языках *фиалка трехцветная* приобрела фитоним по мифологическому признаку, русские *анютины глазки* из-за древней легенды о девушке, брошенной своим возлюбленным и в результате умершей от горя, на могиле которой проросли эти цветы [4, с. 43] и французские *pensées*, фитоним, который закрепился в речи из-за широкой популярности в кругах французской аристократии общения посредством трактовок цветов из Селама (языка цветов) [13, с. 90].

Возникает закономерный вопрос, насколько национальная культура и история, традиции, менталитет и окружающая среда формируют категории мышления человека, если представители разных культур настолько по-разному выделяют признаки одного и того же предмета. Так, например, оба фитонима зверобоя – *кровоавник* (номинация по сопоставлению цвета лечебного отвара из растения с другим предметом реальности (кровью)) [2, с. 172] и *herbe aux piqûres* (досл. трава от укусов; номинация по медицинскому применению) [5, с. 122], имея разную семантическую основу, уже позволяют проследить расхождения в мышлении людей, использующих одно и то же растение в медицине.

Подобная многогранность, однако, в результате приводит и к ряду комплексных проблем. В большинстве случаев у номинации обиходных названий растений нет четкой структуры, в ней всё условно, неоднозначно и нет необходимости составлять подробные упорядоченные классификации и разграничения растений, относя каждое к одной конкретной языковой единице, по которой оно будет идентифицироваться (что является исключительно актуальным в рамках научной стратификации, моделирования терминосистем

или прочих совокупностей специальной лексики, таксономии). В итоге возникает «бесвязная» цепочка фитонимов: один индивид решил назвать кислицу *заячьей капустой*, другой – *воробьиной кислотой* или *гусиным щавелем* [2, с. 237]. Для них не представлялось важным, что название воробьиная кислота также используется для других растений. До того времени, пока определенная группа людей на определенной территории будет понимать в процессе коммуникации, какое растение подразумевается под употребляемым фитонимом, он не выйдет из употребления. В.Б. Косова отмечает: «анализируя фитонимы, нетрудно заметить, что многие из них указывают на какую-либо яркую черту (форму, запах, вкус). В названии выделен и подчеркнут один (иногда – больше) признак, позволяющий легче распознать и запомнить цветок, выделить его из многообразия травянистых растений» [3, с. 10]. В результате процесс наделения определенного растения мотивированным названием выделяется широкой вариативностью и варьируется у разных групп людей.

Стоит тем не менее признать, что в принципах номинации названий лекарственных растений также прослеживается тенденция к объединению различных растений в общие группы по схожим характеристикам и в особенности по одинаковому применению в быту и медицине. Растения одной группы получают схожие/идентичные фитонимы и таким образом, в принципах их номинации укореняются принципы гетерономинативности и синонимии, что не позволяет составить четкую и прозрачную классификацию [5, с. 122].

Ярким примером подобного смешения фитонимов является группы растений *барбарис* – *кислица* и *oseille* – *épine* – *vinette* – *oxalis*:

- в русском языке оба растения разделяют наименование «кислица», однако в случае *барбариса* это просторечный фитоним [2, с. 62], а в случае *кислицы* – научный термин [7, с. 154];
- во французском языке *oseille* (щавель) является производным для *épine* – *vinette* (барбарис, *досл.* шипастый щавель), где *vinette* является просторечным фитонимом *oseille* [10, *épine-vinette*];
- во французском языке пара растений *épine-vinette* [11] и *oxalis* [2, с. 237], также получили и другой общий фитоним, образованный от *oseille* – *oseille des bois* (*досл.* лесной щавель).

Причиной такого смешения фитонимов в обоих языках является тот факт, что все перечисленные растения кислые на вкус: было достаточно названной отличительной характеристики, чтобы сопоставить данные растения из совершенно разных семейств и дать им синонимичные или же идентичные названия. Даже в номинации по принципу применения в медицине – науке, где особенно важны точность и однозначность, можно наблюдать

тенденцию к синонимии. Так, например, подорожник и зверобой во французском языке разделяют одно название – *herbe aux piquûres* (досл. трава от укусов) [5, с. 122].

Анализ данной сферы позволил сопоставить культурные коды двух стран и понять, насколько разные и в то же время похожие «реальности» в этом случае сформировали вокруг себя два разных народа. Осознавая, что данная тема предлагает неисчерпаемый объем информации для исследования функционирования человеческого сознания под влиянием разного окружения и культуры, стоит также учитывать, что названный материал, подчас, с трудом поддается стратификации. Несмотря на определенные противоречия и трудности, данная тема имеет существенный эвристический потенциал, учитывая, что выводы такого исследования показывают этнокультурную и языковую уникальность.

Литература

1. Аникина Т.В. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – №4 – С. 3-13.
2. Анненков Н.И. Ботанический словарь: Справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов и др. // Санкт-Петербург, тип. Имп. Акад. Наук. – 1878. – 646 с.
3. Косова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. – Москва : Индрик, 2009. – 352 с
4. Красилов С.П. Легенды о цветах / ред. З. Костюшин. – Москва : Молодая гвардия, 1990. – 303 с.
5. Мингазова Р.Р. Апотропейная символика растений в татарской и французской лингвокультурах // Ученые записки – 2012: Сб. научных статей преподавателей института филологии и искусств КФУ. – 2012. – С. 122-127.
6. Назарова И.Г., Станевич С.В. Названия лекарственных растений в фармацевтической терминологии (лингвистические заметки «на манжетах») // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – №4 (16). – С. 1-4.
7. Оголовец Г.С. Энциклопедический словарь лекарственных, эфирномасличных и ядовитых растений. / Науч. ред.: проф. В.В. Вильямс и др. – Москва: Сельхозгиз. – 1951. – 488 с.
8. Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – Москва : Московский лицей, 2006. – 528 с.
9. Dictionnaire Littré. Le Dictionnaire de la langue française, par É. Littré.

10. Dominguez A. Histoires des noms de plantes: le Jardin medicinal d'Antoine Mizauld, Littératures. Université Grenoble Alpes [2020 –...], 2020. – 614 p.

11. Hostein, M. Flore des dames, ou, Nouveau langage des fleurs - précédée d'un cours élémentaire de botanique. // Paris : B. Neuhaus: J. Loss. – 1840. – 294 p.

Ovsyannikova V.V.

Saint-Petersburg State University of economics

Motivation of phytonyms (using the example of the names of medicinal plants in Russian and French)

This article examines the general patterns, discrepancies and contradictions in the principles of formation and classification of phytonyms in the Russian and French languages using the names of medicinal plants as an example. The work shows how the understanding of the surrounding reality by a certain group of people forms their cultural code and is reflected in the language.

Keywords: phytonym, motivation, nomenclature, medicinal plants, term formation

Онищенко Анастасия Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

nastusha30052000@mail.ru

Специфика говорящих имен и фамилий в романе в стихах А.С. Пушкина

«Евгений Онегин»

В статье рассматривается функционал приёма говорящих имён и фамилий на материале романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Проанализировано его использование с точки зрения образной, композиционной и идейной организации произведения. Работа включает в себя также культурно-историческое обоснование использования данного приёма.

Ключевые слова: говорящие имена и фамилии, художественный приём, художественный образ, роман в стихах, А.С. Пушкин.

Русская литература изобилует примерами использования такого художественного приёма как говорящие имена и фамилии. Он имеет широкий функциональный спектр, но главная его задача – раскрытие характера героя, т.е. выражение авторского замысла. В разные исторические периоды писатели использовали это художественное средство по-разному, чтобы подчеркнуть особенности своих персонажей в том числе и с точки зрения культурных и социальных особенностей эпохи. Например, в эпоху классицизма приём говорящих имён и фамилий был одним из основных при создании литературных произведений. Доказательством этому могут служить примеры систем образов фонвизинского «Недоросля», гоголевского «Ревизора», Грибоедовского «Горя от ума».

Отметим также, что любое художественное произведение так или иначе апеллирует к системе имён собственных. При этом прибегание к приёму говорящих имен и фамилий далеко не обязательно. Однако уже в выборе определённой номинации заложен определённый художественный посыл. К функционалу приема говорящих имен и фамилий также следует отнести отражение места героя в системе персонажей данного конкретного произведения.

Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ; оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду [7, с. 234]. Именно поэтому антропонимика романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как «энциклопедии русской жизни» представляет собой столь масштабную задачу для исследования. Об этом свидетельствует и строчка: «Я думал уж о форме плана, и как героя назову» [8, с. 12]. Приём антропонимии (использования говорящих имен и фамилий) обстоятельно исследовался в работах Н.В. Подольской, В.И. Болотова и др., где книжные имена, представляющие собой мгновенную характеристику героя, и определены как авторские топонимы или говорящие имена. В.А. Никонов, в частности, указывал, что имя персонажа может быть одним из «средств, создающих художественный образ; оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду» [7, с. 112]. В.Н. Михайлов указывает, что «литературная ономастика должна стать важным элементом образно-художественной культуры произведения, выступать как ансамбль наименований, воссоздающих отношение к ней» [6, с. 154].

Для Пушкина «Евгений Онегин» становится художественной декларацией отказа от романтической и сентиментальной литературной традиции и переходом к реализму. Поэтому писатель трансформирует приём говорящих фамилий, разработанный в русской литературной традиции писателями 17 века. Пушкин даёт своим героям не столько нарочито образные и сатирические (как в литературной традиции классицизма), сколько «естественные» имена, взятые из реальной жизни современного ему дворянского сословия. Это подчёркивает реалистичность повествования романа.

Имя и фамилия главного героя романа – Евгения Онегина – заключают в себе несколько уровней авторского художественного посыла. Перевод имени «Евгений» с греческого можно представить как «благородный и прекрасный». Однако в данном контексте наше внимание на себя обращает литературная традиция 18 века, для которой характерно

закреплённое за именем «Евгений» обозначение героя, утратившего своё душевное благородство.

Главная героиня романа – Татьяна Ларина – также носительница имени, нетипичного для художественной традиции 18 века. Для Пушкина это – часть отказа от этой художественной традиции и смещение фокуса на реализм, о чём нам прямо сообщается посредством текста романа: *«Ее сестра звалась Татьяна // Впервые именем таким // Страницы нежные романа // Мы своевольно освятим. // И что ж? оно приятно, звучно; // Но с ним, я знаю, неразлучно // Воспомяненье старины // <...> Признаться: вкусу очень мало // У нас и в наших именах // <...> Нам просвещение не пристало, // И нам досталось от него // Жеманство, – больше ничего»* [8, с. 34]. Имя Татьяны – отражение народного в естественном его понимании. В системе образов, организованной согласно художественному замыслу, Татьяна противопоставлена как лицемерному и высокомерному миру высшего света, представителем которого является Онегин, так и миру провинции, собирательным образом пустоты и глупости которой становится Ольга.

Название «Евгений Онегин» говорит читателю – современнику Пушкина, что герой, чье имя обозначено в названии книги, никак не мог быть реальным. Фамилия реального дворянина могла быть связана с рекой, только если вся река была в его владениях. Сложно представить единоправное владение Онегой. Аналогично с фамилией Владимира Ленского.

Подтверждением тезиса о том, что Пушкин не случайно обращается к приёму говорящих имён и фамилий может служить и контекстуальная связь сцены вещего сна Татьяны и сцены её именин. Все образы, которых героиня видит во сне, воплощаются автором в фамилиях эпизодических персонажей, посетивших именины Татьяны: *«Опомнилась, глядит Татьяна: // Медведя нет; она в сенях; // <...> за столом // Сидят чудовища кругом: // Один в рогах, с собачьей мордой, // Другой с петушьей головой, // Здесь ведьма с козьей бородой, // Тут остов чопорный и гордый, // Там карла с хвостиком, а вот // Полу-журавль и полу-кот»* [8, с. 45]. В сцене с именинами Татьяны находим следующее описание гостей: *«Скотинины, чета седая, // С детьми всех возрастов, считая // От тридцати до двух годов; // Уездный франтик Петушков, // Мой брат двоюродный, Буянов, // В пуху, в картузе с козырьком // (Как вам, конечно, он знаком), // И отставной советник Флянов, // Тяжелый сплетник, старый плут, // Обжора, взяточник и шут»* [8, с. 78].

В системе образов романа главному герою противопоставлен Владимир Ленский – молодой восторженный поэт восемнадцати лет. Имя «Владимир» имеет значение «владеющий миром». В толковом словаре В.И. Даля встречаем следующее определение слова «мир»: «дружеские связи, согласие между кем-либо, отсутствие войны» [4, с. 456]. Так

посредством семантического контекста Пушкин выражает в имени героя ядро художественного образа.

Также важно отметить, что при прочтении романа нельзя не заметить «присутствие» автора, выражающего свое отношение к действиям героев, к изображаемой эпохе через отдельные реплики и лирические отступления. Нельзя не отметить, что автор-рассказчик в произведении не имеет имени, что показывает нам отношение Пушкина к роли повествователя в художественном произведении: он организует повествование и высказывает своё отношение к нему, не являясь его частью.

В работах лингвиста – исследователя романа «Евгений Онегин» С.И. Зинина приведены следующие данные: 65.1% онимов в тексте романа представлены поэтическими антропонимами, которые, в свою очередь, реализуются в тексте как имена вымышленных персонажей, имена реальных исторических личностей, номинации культурных и общественных реалий современной Пушкину эпохи. Оставшиеся 23 % онимов реализованы посредством упоминания этнонимов, астрономов, хронимов, мифонимов и теонимов. Это, наряду с использованием «говорящих» имён и фамилий создает художественное наполнение романа, подтверждая его статус как «энциклопедии русской жизни».

Таким образом, в романе в стихах «Евгений Онегин» использование приёма говорящих имён и фамилий позволяет автору реализовать идею отхода от художественных принципов и методов классицистического литературного направления, раскрыть образы героев с точки зрения социальных типажей эпохи и исторического контекста современной ему действительности.

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); ред. коллегия: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой, Б.И. Бурсов (зам. гл. ред.), А.Г. Дементьев, В.А. Десницкий, В.С. Нечаева, Н.К. Пиксанов, В.С. Спиридонов, Б.В. Томашевский – Москва : Изд-во АН СССР, 1953-1959 – 345 с.
2. Болотов В. И. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Ономастика. Имя и культура. – Москва, 1993 – 234 с.
3. Виноградова Н.В. Имя литературного персонажа: Материалы к библиографии // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Вып. 4. – Тверь, 1998. – 567 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. Т. 1. А-З / В.И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна-Де-Куртенэ. – 3-е изд., испр. и значит. доп.. – Санкт-Петербург ; Москва : Т-во М. О. Вольфъ, 1903 – 567 с.

5. Листов В.С. Пушкин: судьба коренного поэта. Б. Болдино – Арзамас: АГПИ, 2012. – 398 с.
6. Михайлов В.Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. – Луцк, 1965. – 234 с.
7. Никонов В.А. Имя и общество. – Москва, 1974 – 289 с.
8. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1977-1979. – 234 с.
9. Фомичёв С.А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. – Москва : Русский путь, 2005. – 312 с.
10. Хаев Е.С. Особенности стилового диалога в «онегинском круге» произведений Пушкина // Хаев Е.С. Болдинское чтение. – Нижний Новгород : ННГУ. – 253 с.

Onischenko A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The specifics of speaking names and surnames in the novel in verse by A.S. Pushkin «Eugene Onegin»

The article examines the functionality of the reception of speaking names and surnames based on the material of the novel in verse «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin. Its use is analyzed from the point of view of the figurative, compositional and ideological organization of the work. The work also includes a cultural and historical justification for the use of this technique.

Keywords: speaking names and surnames, artistic technique, artistic image, novel in verse, A.S. Pushkin.

Павлова Евгения Владимировна

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

ewgeniapavlowa@yandex.ru

Отдельные заимствованные лексемы гастрономической семантики в языке А.С. Пушкина

Работа выполнена под руководством Романова Дмитрия Анатольевича, доктора
филологических наук, профессора

В статье рассматриваются отдельные заимствованные лексемы гастрономической семантики в языке А.С. Пушкина на примере лирики и эпоса. Автор анализирует способы и пути заимствования слов и их роль в творчестве писателя.

Ключевые слова: лексема, заимствование, А.С. Пушкин, гастрономия, этимология

«Словарь языка А.С. Пушкина» под редакцией В.В. Виноградова включает в себя более 21 тысячи слов, использованных писателем в его произведениях. Помимо церковной и просторечной лексики, научной терминологии, архаизмов и историзмов, жаргонизмов, в

письменном лексиконе Пушкина встречается ряд слов, заимствованных из других языков. По данным «Словаря языка А.С. Пушкина», таких лексем свыше 2 тысяч, большая часть – церковнославянизмы и заимствования из античных языков (приблизительно 5,3% – 5,5%), галлицизмы (около 1,7% – 1,8%). О «европеизмах, (преимущественно во французском обличьи)» [1, С. 5], как отдельно социально-языковой стихии лексикона писателя, рассуждал в книге «Стиль Пушкина» В.В. Виноградов.

Петровские реформы и последующая европеизация повлекли за собой коренные изменения в культуре, вызвали необходимость номинации новых понятий. Заимствованная лексика преимущественно отражает жизненную концепцию жизни светского общества XIX века, обогащая представления современного читателя о быте и культуре дворянства. К числу концептов, объединенных архисемой «культура» и ее дериватами, можно отнести и «кулинарную лексику».

Акцентирование внимания на гастрономических терминах и рецептах – одна из ведущих особенностей пушкинского описания повседневности. Изображение картин дворянских застолий, высмеивание еды в письмах и эпиграммах и восхищение ею в стихотворениях – черты стиля Александра Сергеевича. Роман в стихах «Евгений Онегин», по мнению Белинского, – «энциклопедия русской жизни», – не исключение и с точки зрения изображения «культуры питания». В первой главе главный герой, будучи посетителем столичного ресторана «Табель», наслаждается гастрономическими изысками французской кухни: «Пред ним roast-beef окровавленный, // И трюфли, роскошь юных лет, // Французской кухни лучший цвет, // И Страсбурга пирог нетленный». Название блюда из говяжьей вырезки, невероятно популярного в 20-х годах XIX века, не транслитерировано (в этой же главе на латинице написано название еще одного мясного блюда: «Beef-steaks и страсбургский пирог // Шампанской обливать бутылкой»). В комментариях к роману В. Набоков указывает: «Это галлицизм (а не опечатка) roast-beef sanglant» [2, С. 77]. Согласно версии Набокова, в язык Пушкина лексема попадает из французского языка под влиянием моды на европейские блюда. Однако в этимологическом словаре под редакцией Н.М. Шанского слово определяется как заимствование из английского языка. Неверно предположение о том, что в пушкинскую эпоху кириллического перевода слова еще не было. «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» Н.М. Яновского приводит примеры употребления слова на кириллице: «ростбифь или росбифь». «Роскошь юных лет», трюфели, впоследствии воспевались Пушкиным в «Дорожных жалобах»: «Долго ль мне в тоске голодной // Пост невольный соблюдать // И телятиной холодной // Трюфли Яра поминать?». В русский язык слово транслитерировано из немецкого языка (Trüffel), в XIX веке оно имело

несколько вариантов употребления, отличных от современного. Согласно концепции А.А. Зализняка, Пушкиным используется устаревшая форма склонения, предусматривающая наличие чередования в основе беглой гласной с нулем звука. В главе V на именинах Татьяны подаются блюда дворянской кухни: «Между жарким и блан-манже». Бланманже, «старинный французский и английский десерт, не путать с нашим современным «blancmange», упоминается и в повести «Барышня-крестьянка»: «...обед был славный; пирожное бланманже синее, красное и полосатое...». Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера указывает на то, что это слово – галлицизм. В комментариях к роману В. Набоков акцентирует внимание на том, что наличие его на столе Лариных свидетельствует о скудости средств и старосветском укладе быта. Д. Чосер в "Кентерберийских рассказах" также упоминает этот десерт, однако средневековый рецепт предполагал использование молока, куриных или рыбьих костей и риса в составе. К XIX веку перечень ингредиентов упростился, десерт стал доступным для средних слоев общества.

В письме к Сергею Соболевскому от 9 ноября 1826 года А.С. Пушкин составляет настоящий путеводитель (авторское определение – *Itinéraire*) по лучшим ресторанам от Москвы до Новгорода. Шесть катренов – энциклопедия гастрономии русского дворянства: «У Гальяни иль Кольони // Закажи себе в Твери // С пармазаном макарони // Да яичницу свари». Лексемы пармезан и макароны – транслитерированные итальянизмы, для соблюдения колорита слова Пушкиным употреблены на итальянский манер. Различных итальянизмов, галлицизмов и прочих заимствованных лексем, обозначающих сорта вин и названия алкогольных напитков, в прозе и лирике Пушкина около 15: Бордо, Моэт, Аи («Евгений Онегин»), шампанское («Евгений Онегин», «Пирующие студенты»), пунш («Медный всадник»), Мадера («Послание Л. Пушкину») и т. д.

Особенно интересны тюркизмы, означающие названия восточных блюд. В байронической поэме «Кавказский пленник» и травелоге «Путешествие в Арзрум» упоминается чихирь, красное грузинское вино. В той же поэме молодая черкешенка спасает раненого от жажды, напоив его кумысом: «К его устам кумыс прохладный // подносит тихую рукой...». В поэме «Бахчисарайский фонтан» невольницы из гарема хана Гирея «щербет носили ароматный».

Таким образом, лексемы, вербализирующие концепты «блюда», «пища», являясь художественными деталями, в полной мере отражают современную Пушкину эпоху, характеризуют быт и пищевые пристрастия общества XIX века. Однако ядром лексики писателя по-прежнему остается русский язык, литературный, разговорный и просторечный.

1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – Москва : Художественная литература, 1941. – 620 с.
2. Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. – Москва : НПК "Интелвак", 1999. – 1001 с.
3. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд, доп. – Москва : Азбуковник, 2000.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва : Астрель: АСТ, 2007.
5. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – Москва : Просвещение, 1971 – 542 с.
6. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т. 3. От О до Ю. – СПб.: Типография Академии Наук, 1806. – 1322 с.

Pavlova E.V.

Tula State Pedagogical University

Some borrowed lexemes of gastronomic semantics in the language of Alexander Pushkin

The article is discussed some borrowed lexemes of gastronomic semantics in the language of A. S. Pushkin on the example of lyrics and epic. The author analyzes the ways and means of borrowing words and their role in the writer's work.

Keywords: lexeme, borrowing, A. S. Pushkin, gastronomy, etymology

Панфилова Анастасия Александровна

«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

nasty1999.99@mail.ru

Специфика актуализации рекламного контента в сетевом издании

«Peopletalk»

Работа выполнена под руководством Гапутиной Виолетты Александровны,
кандидата филологических наук, доцента кафедры РСиМК.

Настоящая статья посвящена исследованию рекламного контента современных сетевых СМИ. Материалом исследования послужило сетевое издание Peopletalk. Автор выделяет такие ключевые характеристики, как интерактивность, использование элементов геймификации и конкурсных механик, гипертекстуальность, мультимедийность, гипероперативность взаимодействия с аудиторией, высокая степень персонализации рекламного контента.

Ключевые слова: новые медиа, конвергенция, сетевые СМИ, Peopletalk, рекламный контент.

Интернетизация принципиально изменила модель коммуникации в медиасреде, заставляя адаптироваться к новым условиям. Традиционные отечественные СМИ активно осваивают онлайн-среду, используя новые конвергентные формы представления информации, интерактивность и мультимедийность. Аудио- и видеоматериалы вносят разнообразие в содержательную и композиционно- графическую модель построения интернет-страницы. Издания могут добавлять и менять колонки, фирменные цвета, декоративные элементы и др. [1, с. 52]. Цифры, диаграммы, графики визуализируются с помощью дизайна и инфографики.

Информационный продукт становится мобильным и оперативным. Интернет-версии выступают как отдельный продукт. Издания создают онлайн-приложения и регистрируются на альтернативных популярных площадках, публикуя разную информацию [1, с. 62]. Материалы сетевых СМИ поддерживаются на любом устройстве.

Аудитория сетевых СМИ и онлайн-версий традиционных изданий постоянно растет, в связи с чем реклама на этих платформах становится все более привлекательной для рекламодателей, что в свою очередь существенно увеличивает долю рекламного контента в интернете. Его изучению посвящены немногочисленные исследовательские работы [2–5], что и определяет научную новизну данного исследования.

В рамках настоящей статьи рассмотрим актуализацию рекламного контента в таком сетевом издании, как Peopletalk [7]. Peopletalk – это интернет-платформа, которая охватывает разнообразные каналы развлекательной информации о знаменитостях и трендах. Основная цель издания – информирование читателей о запоминающихся увлекательных и значимых событиях в мире музыки, культуры, стиля и светской жизни. Материалы издания ориентированы на молодёжь, интересующуюся последними событиями и трендами.

Целевой аудиторией издания являются женщины от 25 до 34 лет, интересующиеся звездами, модой, красотой, психологией и отношениями. Издание поддерживает взаимодействие с аудиторией через социальные сети (ВКонтакте, одноклассники, телеграмм, Яндекс Дзен и др.), а также сегментирует информацию на своих площадках: сайт – эксклюзивы, тесты, подборки, расследования; Instagram* – новости, интерактивы, мотивация; Telegram – новости, подборки, аналитика; TikTok – развлекательный контент; YouTube – интервью.

На площадке Peopletalk доступны различные форматы: баннеры, видео, статьи, оффлайн-спецпроекты. Площадка подходит для таких вертикалей, как EdTech, fashion, beauty, здоровье, travel, бизнес, финансы [6].

Реклама в издании представлена многочисленным видеоконтентом. Например, в телеграм-канале Peopletalk опубликован ролик, рекламирующий «Озон Банк». В ролике зрители сталкиваются с вопросом «Копить или тратить?», после чего им предлагают выгодные условия от банка. Благодаря данному ролику пользователи могут получить информацию о продуктах, скидках и специальных предложениях. В комментариях канала подписчики задают вопросы и дают обратную связь по рекламному сообщению. Такой подход позволяет не только привлечь внимание аудитории, но и запомниться пользователям, усиливая эффективность передачи ключевых сообщений компании.

Интерактивная реклама на сайте Peopletalk представляет собой интегрированную форму взаимодействия с посетителями, тем самым привлекая внимание к конкретному продукту или событию. Рассмотрим интерактивную рекламу на примере интерактивной страницы на сайте издания. Страница рекламирует фильм «Первый класс» и онлайн-кинотеатр «Иви.ру». Рекламная страница открывается кликбейтным заголовком, который привлекает внимание пользователей – «Проверка на прочность: Иви показал тизер-сцену из драмеди “Первый класс”». На интерактивной странице посетители могут найти описание фильма и посмотреть превью ключевой сцены. Преимущества такого вида рекламы включают вовлечение пользователей в коммуникацию, а также предоставление сведений о фильме. Интерес посетителей сайта поддерживается за счет интерактива (превью), что непосредственно влияет на повышение конверсии.

Интерактивная реклама в Peopletalk также включает в себя всплывающие окна с элементами геймификации. Рассмотрим пример такой рекламы на сайте Peopletalk. Реклама Тинькофф бизнес расположена на главной странице сайта издания. Когда пользователь открывает сайт, всплывает окно с информацией о Тинькофф бизнесе. При взаимодействии с окном пользователь может получить информацию о продуктах и услугах банка.

Издание Peopletalk также использует интерактивную рекламу в формате конкурсов. В своём телеграм-канале Peopletalk предлагает пользователям возможность поучаствовать в конкурсе магазина Тогас и выиграть 2 сертификата на 5000 рублей. Пользователь должен подписаться на канал бренда и нажать кнопку «участвовать». Такой конкурс стимулирует взаимодействие с рекламным контентом и позволяет увеличить аудиторию канала магазина.

Гипертекстуальность расширяет содержание рекламного объявления Peopletalk. Например, на сайте Peopletalk пользователь может прочитать статью о подарках ко Дню всех влюбленных и найти для себя интересный подарок. Нажав на название подарка, пользователь мгновенно переносится на сайт магазина Dreame Trading, где с легкостью оформляет

покупку. Гипертекстуальная реклама усиливает вовлеченность пользователей, а также дает возможность глубже изучить рекламное предложение.

Гипероперативность рекламного сообщения в издании Peopletalk выражается в мгновенном реагировании на поисковые запросы пользователей. Пользователи, которые интересуются гороскопом, могут получить рекламное сообщение, связанное с иным запросом. На сайте издания в статье «Астрологический прогноз: проверяем персонажей “Холоп 2” на совместимость» описан астрологический прогноз персонажей фильма “Холоп 2”. Гипероперативность позволяет моментально предоставить пользователю информацию, стимулирующую к действию – посещение кинотеатра для просмотра рекламируемого фильма.

Рекламное сообщение в издании Peopletalk характеризуется разнообразием мультимедийных элементов. Рекламная статья о бренде SOKOLOV в телеграм-канале Peopletalk сопровождается визуальными элементами – фотографиями продуктов. Визуальные элементы дают возможность пользователю рассмотреть продукцию и прочитать характеристики. В тексте статьи приводится описание продуктов, их преимущества и особенности. В конце рекламного сообщения Peopletalk дарит подписчикам промокод на скидку в 20%, тем самым стимулируя к совершению покупки.

Реклама в издании Peopletalk также представлена email-рассылками. Рассылки представляет собой эффективный маркетинговый инструмент, основанный на отправке рекламных писем потенциальным покупателям. На сайте Peopletalk пользователи могут подписаться на рассылку и регулярно получать информацию о новых продуктах, скидках и предстоящих событиях. Рассылка обеспечивает мгновенный доступ к информации. Издание персонализирует рекламу, учитывая интересы и предпочтения пользователей.

Peopletalk выступает онлайн-платформой, где реклама не только информирует, но и взаимодействует с пользователями. Использование мультимедийных элементов делает рекламу вовлекающей. Гибкая система рассылок позволяет поддерживать контакт с аудиторией, предоставляя новости и выгодные предложения. Промокоды, скидки, и персонализированный контент стимулируют пользователей покупать рекламируемые продукты. Реклама в издании находится в постоянной трансформации, что в перспективе требует более детального ее изучения.

Литература

1. Беляев А.А. Дизайн-модель интернет-версий как результат трансформации модели печатного издания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика, 2008. – № 2. – С. 52-62.

2. Комиссарова Л.М., Кореньяк А.В. Коммуникативная эффективность рекламного сообщения (на примере сайтов интернет-СМИ) //PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2018. – №. 18. – С. 44-54.
3. Ляхова Е.В. Нативная реклама в сетевых СМИ (на примере продвижения товаров и услуг индустрии красоты) //Век информации (сетевое издание). – 2019. – Т. 3. – №. 2. – С. 11-20.
4. Лободенко Л.К. Особенности использования рекламы в коммуникационной политике интернет-СМИ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2014. – №2. – 7 с.
5. Макарина А.И., Маркелов К.В. Особенности использования нативной рекламы в современных русскоязычных интернет-изданиях //Медиаскоп. – 2021. – №. 1. – С. 1.
6. Медиакит Peopletalk. [Электронный ресурс] URL: <https://peopletalk.ru/wp-content/uploads/2023/02/media-kit-02.2023.pdf> (дата обращения: 23.02.2024)
7. Сайт Peopletalk. [Электронный ресурс] URL: : <https://peopletalk.ru> (дата обращения: 23.02.2024).

Panfilova A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The specifics of updating advertising content in the online publication «Peopletalk»

This article focuses on the study of advertising content in modern online media platforms. The research material used was the online publication "Peopletalk". The author emphasizes key characteristics such as interactivity, use of game elements, competitive mechanics, hypertextuality, multimedia, and hyperoperability of interaction with audiences. A high level of personalization in advertising content is also emphasized.

Keywords: new media, convergence, network media, Peopletalk, advertising content.

Пань Сьюань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

1125457477@qq.com

Работа с биографией А.С. Пушкина на уроках РКИ

Работа выполнена под руководством Рублёвой Екатерины Владимировны,
кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются возможности знакомства с А.С. Пушкиным на занятиях по русскому языку как иностранному в целях формирования у обучающихся навыков выразительного чтения, диалогической речи, лексико-грамматических навыков, а также воспитания интереса и уважения к русскому языку и культуре.

Ключевые слова: русский как иностранный, А.С. Пушкин, биография, видеоматериал.

Изучение нового языка невозможно в отрыве от изучения культуры, знакомства с известными, выдающимися деятелями науки и искусства [3, с. 111]. Александр Сергеевич Пушкин – великий русский народный поэт, солнце русской поэзии. «Невозможно представить русскую культуру без личности А.С. Пушкина, а потому трудно представить себе изучение РКИ без обращения к творчеству этого великого поэта и писателя. А.С. Пушкин – символ русской духовной жизни, создатель современного русского литературного языка, та личность, знакомство с которой никак нельзя обойти стороной. Художественное наследие А.С. Пушкина, делающее иностранцев на шаг ближе к постижению русской культуры, огромно» [3, с. 111].

Александр Сергеевич Пушкин – русский поэт, драматург и прозаик, заложивший основы русского реалистического направления, критик и теоретик литературы, историк, публицист; один из самых авторитетных литературных деятелей первой трети XIX века.

Родился 6 июня 1799 года в Москве, в небогатой дворянской семье. Шесть лицейских лет коренным образом повлияли на него: он сформировался как поэт, свидетельством чему – высоко отмеченное Г.Р. Державиным стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» и участие в литературном кружке «Арзамас». Атмосфера свободомыслия и революционных идей во многом определили впоследствии гражданскую позицию многих лицеистов, в том числе и самого Пушкина. Таким образом, уже в юном возрасте проявился уникальный творческий дар Пушкина, под влиянием талантливых педагогов начинает формироваться индивидуально-авторский стиль поэта.

Гибель Пушкина стала национальной трагедией. «Солнце русской Поэзии закатилось», – так сказал в некрологе В.Ф. Одоевский. Однако вклад пушкинского гения в русскую литературу бессмертен, и творческим завещанием великого поэта осталось его стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Если мы рассматриваем вышеуказанный рассказ о биографии А.С. Пушкина как текст (который может быть больше по объему и полнее по лексическому наполнению – в зависимости от уровня владения РКИ студентами-иностранцами), то задачи урока заключаются в понимании и анализе текста, повышении уровня общей и речевой культуры учащихся.

Структура урока включает такие разделы, как предтекстовая работа, притекстовая, потекстовая (работа с текстом), послетекстовая и самостоятельная [4 с. 218]. Каждый из этапов работы вносит свой вклад в подготовку студентов к восприятию и пониманию текстов на русском языке.

Предтекстовая работа: проводится работа с лексикой и грамматикой, даётся лингвистический комментарий. Предлагается ряд упражнений: найдите в словаре и запишите значение следующих слов и словосочетаний, прочитайте и постарайтесь понять данные слова с помощью толкования (объяснения), прочитайте и познакомьтесь с фразеологизмами, которые вы встретите в тексте. Предтекстовая работа направлена на развитие навыков аудирования лекционного материала и диалогической речи, на формирование лингвокультурологических представлений [4, с. 219].

После прочтения текста учащиеся отвечают на вопросы преподавателя. Среди таких вопросов могут быть следующие:

- Какую роль играет няня – Арина Родионовна – в жизни А.С. Пушкина? Почему Пушкин писал немало литературных произведений для нее?
- Какое впечатление произвела на Пушкина война с Наполеоном, которая вспыхнула в 1812 году? Какие произведения писателя связаны с этой войной?
- Почему Александр I решил сослать Пушкина в Сибирь или в Соловецкий монастырь? Куда в конце концов Пушкина перевели? В какие места его ещё сослали?
- Перечислите не менее 5 произведений у А.С. Пушкина. Немного расскажите о процессе создания произведения.
- Почему А.С. Пушкин вызвал Дантеса на дуэль? Что случилось с его женой?

Чтобы укреплять понимание учащихся биографии А.С. Пушкина, надо поставить другие упражнения, например:

Задание 1 – соотнесение частей

«воспоминания о Царском селе»	дядя А.С. Пушкина
Арина Родионовна	имение матери А.С. Пушкина
Михайловское	роман в стихах
«Цыгане»	жена А.С. Пушкина
«Граф Нулин»	няня А.С. Пушкина
Василий Львович	южная романтическая поэма
«Борис Годунов»	война с Наполеоном
Наталья Гончарова	историческая драма
«Евгений Онегин»	первая шуточная поэма

Задание 2 – задание на подстановку

Александр Сергеевич Пушкин родился в обедневшей дворянской семье 6 июня 1799 года. Его дедушка, Лев Александрович, был полковником артиллерии, капитаном гвардии. Отец – Сергей Львович Пушкин – был ценителем литературы. Мать Пушкина –

Надежда Осиповна. Дядя по отцу, Василий Львович, был известным поэтом. Первый учитель Пушкина – его _____, Арина Родионовна. С помощью _____ двенадцатилетний Пушкин вступил в Царскосельский Лицей для учёбы. В _____ Пушкин провёл всего шесть лет. В 1812 году вспыхнула война с Наполеоном, то есть Отечественная война. Он создал своё стихотворение _____, связанное с этой войной. В 1815 году во время _____, Пушкин прочитал своё стихотворение в присутствии _____. Пушкин состоял в кружке «Арзамас» и написал такие эпиграммы, как ода _____, стихотворение _____ и стихотворение _____. Эти произведения вызвали у _____ гнев, и правитель решил сослать Пушкина. В конце концов при помощи _____ и _____, Пушкина перевели из столицы на юг.

Кроме упражнений, чтобы вызвать у учащихся интерес к А.С. Пушкину, преподаватель может использовать видеоматериалы. При использовании учащимся учебников и учебных пособий чтение текста не всегда сопровождается визуальным рядом, и даже после прочтения учебного текста у студентов остаётся целый ряд вопросов. Использование видеоматериалов меняет характер традиционного урока, делая его более увлекательным, а также способствует развитию мотивации к речевой деятельности студентов [1, с. 28].

Среди видеоматериалов по биографии А.С. Пушкина есть такие известные фильмы, как «Пушкин: последняя дуэль», «18–14», «юность поэта» и другие. Помимо фильмов, можно использовать краткие видео в качестве объекта анализа. После просмотра видео учащимся предлагается следующее задание – описать главные события юности А.С. Пушкина, затем учащиеся разделяются на группы, каждая из которых должна выбрать один аспект биографии А.С. Пушкина, который им интересен в большей степени, например: семья, произведения и т.д. После дополнительного просмотра видео каждая группа должна обсудить выбранную тему, а затем подробно представить информацию остальным учащимся. В результате проведенной работы учащиеся каждой группы сформируют общее представление о А.С. Пушкине [1, с. 29].

Домашние задания – группы из 4-5 учащихся делают презентацию о других русских писателях, которые им нравятся.

Такой урок позволит учащимся получить полное представление об А.С. Пушкине, а также будет способствовать развитию навыков говорения и расширению словарного запаса. Упражнения и задачи на уроке в большой степени помогают учащимся понять и запомнить информацию, которую они получили во время урока. Сотрудничество и общение рассматриваются как движущая сила обучения, образования и развития. Общение при этом

представляет собой необходимое и специфическое условие присвоения индивидуумом достижений исторического развития человечества. Для участников важно найти своё место в той или иной сфере деятельности. Обучение представляет собой непрерывный процесс, имеющий циклический характер [3, с. 125]. Именно такие уроки воспитывают в иностранных учащихся интерес и уважение к русскому языку и культуре.

Литература

1. Ван. Д., Ливинская А.О. Использование фрагмента фильма «Сибирский цирюльник» при изучении темы «Масленица» на уроке РКИ // В мире русского языка и русской культуры. Сборник тезисов VI Международной студенческой научно-практической конференции. – 2023. – С. 28-29.
2. Смирнова Е.С. А.С. Пушкин на занятиях РКИ: читаем художественный текст, знакомимся с русской культурой (на примере «сказки о рыбаке и рыбке») // Пушкинские чтения. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. – 2021. – С. 111-114.
3. Тихомирова Е.Е. Пушкинский текст на уроках русского языка как иностранного // Культурно-антропологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 119-125.
4. Эдуардовна П.Н. Лирика А.С. Пушкина на уроках русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – № 2. – С. 218-220.

Pan Siyuan

Pushkin State Russian Language Institute

Working with the biography of A.S. Pushkin in RFL lessons

The article discusses the possibilities of getting acquainted with the world-famous writer and poet A.S. Pushkin in classes in Russian as a foreign language in order to develop expressive reading skills in students, develop lexical and grammatical skills and dialogical speech skills and cultivate interest and respect to the Russian language and culture. The article also indicates the main tasks that should be carried out in an RFL lesson to understand the materials.

Keywords: Russian as a foreign language, A.S. Pushkin, biography, video material.

Пань Юнвэнь

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

1113437556@qq.com

Фонетико-графические особенности глобализмов в современном военном дискурсе

Работа выполнена под руководством Боженковой Н.А., доктора филологических наук, профессора

Целью настоящей статьи является изучение способов введения глобализмов в русскоязычный военный дискурс. На материале периодической газеты «Красная звезда» были описаны три основных способа передачи лексем (трансплантация, транслитерация и практическая транскрипция) и уточнены актуальные фонетико-графические особенности глобализмов в военном дискурсе.

Ключевые слова: фонетико-графические особенности, адаптация, глобализм, военный дискурс.

На рубеже XX–XXI вв. появилось новое исследовательское направление – лингвистическая глобалистика (см. работы Дж. Данна, Д. Кристалла, Ш. Ронена и др.), актуализировавшая понятие «глобализм».

В российской лингвистике данный термин впервые был использован в работе В.Р. Богословской [1], где глобализмы рассматривались как разновидность интернациональной лексики, однако в последние годы под влиянием изменения геополитических факторов содержательные и формальные компоненты таких лексических единиц вызывают все больший интерес (см. труды С.П. Денисовой, А.Н. Долгенко, М.С. Косыревой и др.)

В представленной работе рассматриваются фонетико-графические особенности 45 глобализмов, объективированных в военном дискурсе и отобранных из периодической газеты «Красная звезда» за период с 2019 г. по настоящее время [5].

По определению С.П. Денисовой, *глобализмы* – это языковые единицы, известные «широкому кругу социально активных, высокообразованных людей, владеющих несколькими языками, в том числе и английским языком» [2, с. 430]. Ученый предлагает довольно широкую трактовку данного класса и обращает внимание на интернациональный характер лексемы, который можно назвать отличительной чертой глобализмов. В работе М.С. Косыревой глобализмы рассматриваются как отдельный класс слов (подкласс интернациональной лексики русского языка). Автор отмечает: «Глобализмы – это слова, сходные в фонетическом (и/или графическом) отношении и совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых (субглобальных) языках» [3, с. 8].

Однако для того чтобы войти в систему русской лексики, глобализмы должны пройти «через трансформацию» русской фонологии, грамматики и правил словообразования, чтобы соответствовать русским произносительным привычкам, грамматическим и иным словарным правилам. При этом фонетические особенности русского языка делают процесс трансформации непростым: «Фонетическая адаптация иноязычного слова заключается в уподоблении его звукового состава фонетической системе русского языка в соответствии с нормами литературного произношения» [4, с. 56].

В настоящее время, как известно, заимствованные слова приходят в русский язык в письменной форме тремя главными путями: трансплантация, транслитерация и практическая транскрипция [4, с. 56].

Трансплантация – наименее используемый способ введения глобализмов. (исключение составляет введение имен собственных [3, с. 168]). В его основе лежит графический принцип, «предполагающий механическое перенесение лексических единиц из одного языка в другой» [3, с. 168-169]. Для обозначения данного способа лингвисты используют также термины «иноязычное вкрапление», «включение», «цитация»».

Например:

AK-74

ракета Storm Shadow

ракета ЗПК Patriot

авиабомба JDAM

ракета HARM и др.

Гораздо чаще во многих анализируемых нами языковых единицах наблюдается транслитерация. В основе данного способа – «графический принцип, для реализации которого в письменном облике иноязычного слова используются буквы заимствующего языка» [4, с. 56-57]. Например:

политик – polityk

бомба – bomba

оппонент – opponent

делегат – delegat

кампания – kampania

контингент – kontingent

генерал – général

кризис – krisis

конфликт – konflikt

сфера – sfera

статус – status

стратегия – στρατηγία и др.

Из приведённых примеров видно, что полная транслитерация глобализмов обуславливает точность и понятность единицы. Языковые единицы, которые передаются соответствующими русскими буквами, легко запоминаются, несмотря на разность их происхождения.

Особое внимание обратим на неполную транслитерацию, которая может вызывать графические трудности и вариативности при введении новых слов. Например:

премьер-министр – premier-ministre

атака – attacke

аспект – aspectus

Немалое число глобализмов с отвлечённым значением заимствовано из латинского языка, поэтому в соответствии с устоявшейся традицией морфема *-io* при введении слов в русский язык чаще всего передается окончанием *-ия*:

агрессия – aggressio

позиция – positio

национальный < нация – natio

коллизия – collisio

интеграция – integratio

Окончание *-ия* также добавляется при передаче слов, выражающих действие, процесс:

интенсификация – intensification

интервенция – intervention

координация – koordination,

организация – organisation

стабилизация – stabilis

При использовании третьего способа – практической транскрипции «ведущим является фонетический принцип, предполагающий отражение фонетического строя заимствуемого слова теми русскими буквами, которые способны наиболее точно его передать. Иными словами, фонетический принцип предполагает фиксацию произношения в письменном облике заимствования» [4, с. 57]: *экстремизм – extremus*.

Особо интересным оказывается тот факт, что глобализмы «с военными значениями» заимствованы русским языком из языка немецкого:

атака – attacke

генерал – général

контингент – kontingent

конфликт – konflikt

координация – koordination

кризис – krisis и др.

Резюмируя, можно утверждать, что глобализмы военного дискурса сегодня оказываются значимым элементом русской языковой системы: они расширяют лексическое

пространство, нередко становятся производящим словом русского языка, они адаптируются под русскую фонетико-фонологическую систему, при этом главным способом введения глобализмов в русскоязычный военный дискурс является транслитерация.

Литература

1. Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований (на материале спортивной лексики английского и русского языков.) : Диссертация ... канд. филол. наук. В 2 кн. – Волгоград, 2003. – 347 с.
2. Денисова С.П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность : 2-й Междунар. конгресс исслед. рус. яз. Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. – С. 429-430.
3. Косырева М.С. Глобализмы в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Косырева М.С. // Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград, 2018. – 409 с.
4. Косырева М.С. Стабилизация произношения и написания глобализмов в русском языке // Балтийский гуманитарный журнал, 2017. – Том 6. – № 1 (18). – С. 52-55.
5. Красная звезда [Электронный ресурс]. – URL: <http://redstar.ru/> (дата обращения: 20.02.2024).
6. Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/> (дата обращения: 26.02.2024).

Pan Yongwen

Pushkin State Institute of Russian Language

Phonetic and graphic features of globalisms in modern military discourse

The purpose of this article is to study the ways of introducing globalisms in Russian-language military discourse. Three main ways of lexeme transfer (transplantation, transliteration and practical transcription) have been described on the material of the periodical newspaper «Krasnaya Zvezda» and the actual phonetic-graphic features of globalisms in military discourse have been clarified.

Keywords: phonetic-graphic features, adaptation, globalisms, military discourse.

Пастушенко Вероника Алексеевна

Волгоградский технологический колледж

nika18p62006@gmail.com

Вариация иллюстративного оформления повести Франца Кафки «Превращение»

Работа выполнена под руководством Гайворонской-Кантомировой А.Н., кандидата филологических наук

В статье приводится описание результатов творческого эксперимента, связанного с созданием оригинального иллюстративного материала к повести Ф. Кафки «Превращение».

Ключевые слова: ассоциация, иллюстрирование, лабиринт, семантика, сюжет.

Художник, иллюстрирующий сложное произведение, передаёт индивидуальное восприятие его идеи, помогает читателям получить более яркие впечатления, а, кроме того, проявляет мастерство, совершенствуется. Одна из его задач – достичь золотой середины между личным впечатлением и истинным замыслом писателя. Иногда это оказывается крайне сложно, иллюстрация вызывает критику, недоумение. Так, например, можно воспринимать иллюстрации, изображающие насекомое, в которое превращается Грегор Замза, герой повести Ф. Кафки «Превращение», в виде таракана, что не соответствует прямому желанию автора.

Тем не менее, опасения вызвать критические замечания не должны останавливать художника, решившего обратиться к такому серьёзному тексту, ведь каждая новая попытка иллюстратора – это дополнительный шанс для читателя согласиться или не согласиться с интерпретацией художника, а значит, переосмыслить содержание книги.

Иллюстрации – неотъемлемый феномен любого произведения. Может показаться, что найти творческие изображения по мотивам произведений Франца Кафки нелегко, однако это не так, и на этом интересном пути можно совершить неожиданные открытия.

Иллюстрации Бориса Арчегова к повести «Превращение» [3] передают атмосферу происходящего в повести с помощью карандаша. «Раздробленность» изображённого мира помогает почувствовать отверженность Грегора. Герой постепенно «теряет» себя: каждое новое изображение всё более утрачивает чёткость линий и связь с реальностью, погружает читателя в тревожное уныние. «Раздробленность» изображения может быть мотивирована и потребностью сообщить читателю способность видеть глазами персонажа, ведь у большинства насекомых фасеточные органы зрения.

Иллюстрации Александра Айзенштата [3] вносят ощущение отрешённости. Поделённые на квадраты, они всё же имеют общий сюжет и в то же время самостоятельны. Возможно, ощущению отрыва от реальности способствует эффект «зловещей долины»,

создаваемый изображенными людьми: нарисованные карикатурно, они оставляют странное неприятное впечатление из-за их мимики.

Особый интерес представляют иллюстрации Владимира Шинкарёва [3]. Здесь образ жука отсутствует вовсе. Шинкарев буквально передаёт картину «лишнего» в семье. По-детски наивные изображения рассказывают о глубокой трагедии героя, который, несмотря на бесчеловечное отношение к нему, всё равно остаётся рядом, становясь обузой как для себя, так и для семьи.

В иллюстрациях Михаила Карасика [3] органично сочетаются лёгкость, нарочитая небрежность, а между тем происходит и вдумчивая поэтапная визуализация сюжета.

Атмосферно выглядят работы Екатерины Гавриловой [3], подсвечивающие в сюжетных фрагментах продуманные мелочи, которые не сразу можно заметить. Гармоничные и последовательные иллюстрации передают блеклость жизни героя, отношение к нему близких.

Вероятно, этими духовными «встречами» открытия не исчерпываются, но однозначно составляют представление о возможности создания новых иллюстраций к интереснейшему тексту, позволяющих художнику вступить в своеобразный творческий полилог, «озвучить» на холсте свою точку зрения.

Соприкосновение с миром Кафки для художника чрезвычайно интересно: необычны образы персонажей, неожиданны изменения, происходящие в них. Опыт работы с текстом Кафки позволяет не только погрузиться в иной мир, но и развить понимание человеческой природы, представление о том, как окружение воздействует на человека.

Выбор «холста» для авторских работ был обусловлен решением создать кубический пазл, соединяющий идеи детского мироощущения и недетского содержания повести, последовательно передающегося нетипичным способом.

Детство формирует человека. С самого раннего возраста Грегор Замза понимает, что с ним у семьи связаны большие ожидания. Вместо того, чтобы прожить собственную жизнь, он пытается решать проблемы близких, практически устраняя реализацию своих жизненных планов из рутинного бытия во имя других. С идеей детства связано и то, как я стараюсь смотреть на мир искусства, переживая первые эстетические эмоции: так ярко и непосредственно на происходящее, увиденное, узнанное реагируют дети.

Первая иллюстрация – простой в оформлении кадр: на абстрактной горе изображён человек, потерявший волю, не сумевший найти свои крылья (эту мысль озвучивает В. Набоков, предполагая, что Грегор Замза превратился не в паука, не в таракана, не в многоножку, а в жука, но так и не узнал, что на его спине есть крылья [2]). А «плоть» самой горы – те, кто потерял веру. Они просто катятся под весом друг друга, падая в пропасть.

Эта иллюстрация передаёт отчаяние, испытываемое людьми, осознающими своё бессилие. Каждый в ответе за свою судьбу и должен думать о своём спасении, не передавая эту привилегию другим людям, случаю.

Вторая, третья и четвёртая иллюстрации составляют триптих, изображающий «превращение» Грегора Замзы. Переворачивающий кубы в любой последовательности может увидеть постепенную «трансформацию» персонажа: человек → насекомое в нескольких стадиях его существования вплоть до гибели. Выбор моментов для иллюстрирования связан с сюжетной линией, поскольку на протяжении всего повествования происходят изменения в окружении и внутри Грегора Замзы. Этот подход обусловлен осознанием того, что всё в мире выходит одно из другого, проходит лабиринт понимания, чтобы развиться и превратиться в нечто новое, независимо от того, будут ли эти перемены благоприятны.

Первая часть триптиха отсылает во времена, не описанные в произведении, но

воссоздаваемые в воображении читателя благодаря воспоминаниям Грегора о прежней жизни, в которой герой был ещё человеком – обычным, серым, отказывающимся от собственных желаний, не жалующимся на судьбу, не сожалеющим о своей участи. Эта характеристика продиктовала обязательность серого классического костюма и таковой же шляпы. Даже яркость лица, обещающая уникальность, гасится шляпой: из-под неё герой не видит мира над ним, мира вокруг

него.

Вторая часть триптиха соотносится с цитатой из повести: «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое» [1, с. 3].

Жук, в которого превратился главный герой новеллы, упитан, ярко подсвечен изнутри. Окружение вокруг него начинает меняться, его пелены – человеческие одежды – растворяться.

Теперь он окружён мрачными тонами, а яркие пятна – в отдалении вокруг. Если раньше ему стоило лишь поднять голову, чтобы вырваться из рутины, то теперь надо пробить хитиновую броню. У него постепенно отнимают возможность спастись, всё то, что делало его человеком, сыном, братом. Теперь семья шепчется, не задумываясь о том, что Грегор не утратил возможность слышать, понимать. Мать и сестра убирают вещи из его комнаты, чтобы они не препятствовали его передвижению. Правильный, с точки зрения здорового

смысла, поступок лишает Грегора, все еще имеющего вполне человеческие мысли, последней возможности чувствовать себя человеком.

На третьей части триптиха Грегор Замза изображён в предсмертном состоянии. Он пытался отстоять свою человечность (наслаждался музыкой, размышлял о судьбе членов семьи), бунтовал, когда его стали воспринимать как животное. Нежелание родных замечать эти отчаянные попытки Грегора усугубило его мрачное состояние, подавленность. Яблоко, брошенное отцом во время бессмысленных попыток прогнать сына из общих комнат и застрявшее в спине Грегора, начало гнить и убивать тело жука. Символ греха, яблоко сводит воедино представления о сущности отношений между членами семьи.

Изображение Грегора здесь окончательно теряет насыщенность. Теперь он подобен тёмному пятну, и ему остаётся лишь совершить последний выдох. Тем временем мир вокруг него начинает светлеть. Но это уже не его мир, точнее, мир без него. Мир, в котором близкие уже не связывают присутствие мерзкого насекомого с Грегором и начинают наконец своими силами строить жизнь. Устраняя Грегора, семья дистанцируется от реальности, ведь реальность – тяжёлая участь, требующая работы над собой и своим отношением к брату и сыну.

Пятая иллюстрация – чёрно-белая скрипка с кровавым смычком. Появление скрипки, описание её звучания – важный момент в сюжете новеллы. Именно после того, как Грегор выполз из своей комнаты на её звук, скрипка падает на пол. Происходит решающий в судьбе Грегора разговор семьи, принимается роковое решение: родные отрекаются от него. Им важнее светлая память о «прошлом» Грегоре, который приносил пользу. Красный смычок скрипки – знак

перечёркивания реальности, существования Грегора. Белые мазки по краям – попытка оправдания, обеления членами семьи своей сущности.

После решения семьи, рокового голоса скрипки, после всего, что пропастью разделило Грегора и его родных, герой умирает. Последняя иллюстрация демонстрирует

улыбки и счастье семьи, нависающей над мёртвым жуком.

Именно такой вариант оформления иллюстративного материала был выбран неслучайно. Он обладает особым эффектом: анимационная интерактивная головоломка не только знакомит (в определенной мере) с сюжетом, но и визуализирует образы, «анимирует» картинку, позволяя соприкоснуться с поверхностью материала. Возможно, это побудит кого-то познакомиться с

произведением Франца Кафки, а того, кто уже читал новеллу – по-новому взглянуть на уже знакомую историю.

Литература

1. Кафка Ф. Превращение: рассказы. – Москва : Астрель, 2010. – 284 с.
2. Набоков В.В. «Превращение» Франца Кафки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/nabokafk.htm> (дата обращения: 22.04.23).
3. Франц Кафка в русской культуре. / Сост., вступ. ст., коммент. А.О. Филиппова-Чехова. – Москва : Центр книги Рудомино, 2012. – 544 с.

Pastushenko V.A.

Volgograd College of Technology

Illustrating Franz Kafka's «Metamorphosis»

The article describes the result of an art experiment related to the process of illustrating Franz Kafka's «Metamorphosis».

Key words: an association, illustrating, labyrinth, semantics, a plot.

Поскребышев Владислав Эдуардович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

nicklee245@gmail.com

Понятие «всечеловека» в творчестве Ф.М. Достоевского

Работа выполнена под руководством Леонова Ивана Сергеевича,
доктора филологических наук, профессора

В статье рассматриваются философские основания понятия «всечеловека» в личных заметках Ф.М. Достоевского, а также его актуализация в художественном творчестве писателя. С применением сравнительно-исторического метода выявлено влияние ряда религиозно-философских концепций на становление мысли Ф.М. Достоевского. Особое внимание уделяется мистическому подходу Ф.М. Достоевского к осмыслению феномена смерти в христианском контексте.

Ключевые слова: «всечеловек», Достоевский, Христос, эго, единение.

Непосредственно термин «всечеловек» Достоевский впервые использует во время «Пушкинской речи» в самом конце своей жизни. В ней это понятие имеет скорее социально-политическое значение и связано с исторической ролью русского народа, который (подобно тому, как это осуществил Пушкин в литературе), будучи углубленным в собственную идентичность, является, с точки зрения Достоевского, открытым и всем остальным мировым культурам и цивилизациям, принимая и особым образом синтезируя их опыт. Утверждая это свойство, Достоевский указывает одновременно на уникальность и мессианизм русского народа: *«Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности, по крайней мере в своей деятельности, в деятельности художника. Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все двухсотлетие с петровской реформы не раз»*. В этом состоит внешняя сторона понятия всечеловечности, открыто сформулированная Достоевским на закате его творческого пути. Внутренняя же сторона этого понятия в его глубинном значении осмыслялась Достоевским на протяжении всей его художественно-философской деятельности.

Это внутреннее измерение понятия всечеловека в общем смысле заключается в том, что, по мысли Достоевского, углубляясь в собственную душу, человек находит ключ к душам всех остальных людей – по аналогии с культурно-политическим измерением этого понятия, где народ, углубляясь в собственную культуру, открывает для остальных культур. Наглядной иллюстрацией этого внутреннего, духовного значения понятия всечеловека является метафора святого аввы Дорофея, призванная продемонстрировать, как возможно «возлюбить ближнего своего как самого себя». Это метафора об окружности с точкой в центре, из которой к окружности расходятся радиусы: точка в центре символизирует Бога, окружность – мир человеческого эго, а радиусы – человеческие души (*«пути жизни*

человеческой»); и, таким образом, по мысли аввы Дорофея, двигаясь по траектории своей души от своего эго к Богу, человек сближается и с душами остальных людей, что в этой метафоре иллюстрирует то, как радиусы сходятся в центральной точке и сближаются по мере приближения к ней [4, с. 118-119].

Важно учитывать, что христианство Достоевского носит не внешне-интеллигентский характер, а, наоборот, глубокий и мистический: на мысль Достоевского, в сущности, определяющее влияние оказало изучение самого Евангелия, теологии, святоотеческой литературы. И, таким образом, в этом отношении содержание мысли Достоевского раскрывается в контексте истории становления христианской мысли вплоть до ее античных истоков и влияний. Тематика иллюзорности эго (человеческой личности) актуальна для большого числа религиозных традиций и, как правило, сопряжена с инициатическим опытом прижизненного проживания смерти. С этим связаны, например, древнегреческие Элевсинские Мистерии, в которых уже присутствует важный для христианства символизм пшеничного колоса и виноградной лозы [5, с. 131-148]. Проблема воскресения особенно принципиальна для христианства, в котором обряд крещения с погружением в воду символизирует новое рождение, а все тот же образ колоса символизирует единение людей в смерти – аспект, особо занимавший Достоевского в осмыслении им смерти (дневниковая запись по поводу кончины его первой жены Марии). И также именно в этой связи Достоевского занимала возможность русского социализма (заметка «Христианство и социализм»).

Важно, что Достоевский страдал эпилепсией и, таким образом, имел личный опыт прижизненного как бы умирания и воскресения. Такое же значение имеет, например, ситуация с внезапно для него отмененным смертным приговором. Предэпилептическое же состояние Достоевский в различных текстах описывал как ощущение просветления и единения с миром. В диалоге Платона «Федон», связанном со смертным приговором Сократа, Сократ утверждал, что философ не может бояться смерти, поскольку с наступлением смерти разрешается главная загадка человеческой жизни («философ всегда мыслит перед лицом смерти») – во всех мировых традициях смерть, как правило, понимается как конец иллюзии. И эта проблематика чрезвычайно важна для понятия всечеловека. Достоевский в различных произведениях изображает, как, углубляясь в себя и приближаясь к смерти, человек сбрасывает оковы человеческой личности и сближается с другими людьми. Осуществляться это может, например, путем монашеского делания, как в «Братьях Карамазовых», или путем того же посвящения в смерть через падучую, как в «Идиоте».

Для Достоевского принципиальным является разделение понятий «богочеловек» и «человекобог». Первое как раз связано с понятием всечеловека. Всечеловек, подобно Христу, которого Достоевский утверждал в качестве образца человека, преодолевает эго и отношения «раб – господин» и входит в *сердечный опыт* других людей как в свой собственный. Всечеловек служит *другому*, поскольку на уровне личности («личность» – «личина» – «маска») каждый человек уже и так господин. Человекобог же наоборот замкнут в тюрьме своего эго и, вцепившись в него, мнит себя господином перед толпой – наглядный образ человекобога представлен Достоевским в лице Великого Инквизитора. Здесь же уместно упомянуть и такое понятие как *«смердяковщина»*. Всечеловек – это служение ближнему, как самому себе и Богу, смердяковщина же – это подлое лакейство. Наглядной эта диада делается в политическом измерении, где понятие всечеловека связано с открытостью другим культурам с вбиранием их в бездну собственной культуры, тогда как смердяковщине свойственно желание, чтобы *«умная нация покорила бы весьма глупую-с»*.

Наиболее прямое выражение метафизика всечеловечности нашла в уже упомянутой заметке Достоевского из записной книжки 1863-1864 гг. от 16 апреля по поводу кончины его первой жены Марии [1, т. 20, с. 172-176]. Здесь же в полной мере раскрывается уместность нашего обращения к метафоре круга аввы Дорофея. Точно так же Достоевский понимает Бога как абсолютный онтологический центр (*«окончательный центр»*), «полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многоразличии». Такое понимание Достоевским природы Бога представляется близким гегельянскому Абсолютному Духу, который в процессе самопостижения «выставляет» вокруг себя «зеркала», а проявленный и данный нам в многообразии мир предстает отражением Абсолютного Духа в тех или иных преломлениях. В этой связи Достоевский пишет о человеческой личности, о человеческом «я» как о том, что препятствует всечеловеческому единению в Любви: *«Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует»*. Замыкаясь на собственном эго, периферийном и иллюзорном, и мня себя господином, человек, по мысли Достоевского, отдаляется от божественного центра, представляющего подлинное бытие, и погрязает в материальной косности, представляющей собой смерть (*«Учение материалистов – всеобщая косность и механизм вещества, значит смерть»*). Человеческая личность рассматривается не как что-то самодостаточное и замыкающееся на самом себе, а как ступень эманации Бога (Достоевский буквально использует термин «эманация» [1, т. 20, с. 174]). Достоевский утверждает, что приближение к божественной полноте возможно только при полном жертвенном отказе от эго: *«высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты*

развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно».

В этом смысле Христос понимается Достоевским как всечеловеческий идеал, как «слитие полного Я». Народничество Достоевского как раз основывается на отождествлении единого духовного тела народа с всечеловеческим идеалом Христа, предвечным Логосом. То, как Достоевский представляет единое всечеловеческое (пред)вечное духовное тело, в сущности, отождествляемое им с Христом как предвечным Логосом, сопоставимо с понятием Адама Кадмона из иудейской каббалы, что демонстрирует универсализм этой мистико-религиозной интуиции Достоевского. Явившийся же в человеческом обличи Христос, воплощенный Логос, утверждается Достоевским как образец «принесения в жертву своего я» во имя любви. *«Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в я Христа как в свой идеал»,* – пишет Достоевский. Христос, а то есть всечеловек, проживает душевный опыт каждого человека как свой собственный, – основываясь именно на этом принципе, Достоевский изображал таких своих персонажей, как Лев Мышкин или Алеша Карамазов. Выражаясь метафорически, можно сказать, что Всечеловек повсюду дома, в соответствии с цитатой Новалиса: *«Я всегда иду домой, я всегда иду в отцовский дом».* И, продолжая аналогию с романтическим образным рядом, то, как, углубляясь в собственную душу, человек сближается с душами других людей и с Богом, можно сравнить с тем, как дерево, пуская свои корни глубже в землю, распускает свои ветви все выше к небу. Тут же и почвенническое значение этой метафоры, принципиальное для Достоевского и раскрывающее уже описанное всечеловеческое значение русского народа.

Характерная особенность мысли Достоевского – склонность к парадоксализму: в лице отдельного героя различных его произведений, например, часто совмещаются одновременно и святой, и великий грешник. Образ подпольного человека-парадоксалиста, которому близок образ Ивана Карамазова, – это как бы переходная стадия на пути к всечеловеку (стадия углубления, стягивания в себя), при этом путь этот может окончиться и трагически, если «идея съедает человека» (тут и Кириллов, и Раскольников и т.п.). При удачном же разрешении ситуации за стягиванием, погружением в себя, уединенным «пребыванием с Богом» следует исхождение и проживание человеческих отношений в преображенном, сакральном виде, всечеловеческое единение с людьми: пример такого отношения с людьми – Старец Зосима из «Братьев Карамазовых». В этом отношении «подполье» можно назвать секулярным аналогом монашества, но путь этот, пожалуй, оказывается более рискованным, как раз из-за опасности остановиться именно на этой стадии и не реализовать прижизненный опыт Всечеловеческой Любви.

Но Достоевский и сам пишет, что всечеловеческий идеал на земле почти нереализуем: *«это идеал будущей, окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном»*. Достижение всечеловеческого Абсолютного Синтеза Достоевский понимает как своего рода *задание* для человечества, и совершается это окончательное слияние в Вечности уже за пределами земной жизни. Если человечество заброшено в мир в расколотом виде, то в посмертии человечество – целостный витраж, вечный хоровод: *«Мы будем – лица, не переставая сливаться со всем»*. И именно «лица», поскольку, по убеждению Достоевского, каждое отдельное лицо, являясь микрокосмом, содержит в себе как потенциал (энтелехию) всё человечество (макрокосм). Еще Григорий Богослов говорил о человеке как о «большом мире в малом».

Осмысля метафизику смерти, Достоевский заканчивает запись по поводу кончины его жены следующими словами: *«Воротиться к почве. Никто не может быть чем-нибудь или достигнуть чего-нибудь, не быв сначала самим собою»*. Почвенническое содержание политической стороны этой фразы понятно, но, как было сказано, рассматриваемая нами проблематика имеет два измерения. А духовное измерение этой фразы становится понятным в контексте высказывания Христа в Евангелии от Марка: *«Царство Божье подобно человеку, бросающему семя в землю. <...> Земля сама по себе родит зерно: сначала стебель, затем колос, потом наполняет колос зерном. Когда зерно созревает, человек сразу же берётся за серп, потому что наступила жатва»*. Смерть, погребение в землю, «возвращение к почве» Достоевский утверждает как возвращение человека к своей подлинной вечной природе: уходя в землю отдельным зерном, человек прорастает в Вечности единым всечеловеческим колосом с множеством зерен – «лиц».

Литература

1. Антология мировой философии: в 4-х т. – Москва, – 1969.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990.
3. Касаткина Т.А. Богословие Достоевского: проблемы понимания и описания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2019. – № 3(7). – С. 16-33.
4. Преподобного отца нашего аввы Дорофея душе полезные поучения и послания. С присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка – Москва : Благовест, 2010. – 416 с.
5. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного – Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. – 384 с.

Poskrebyshev V.E.

Pushkin State Russian Language Institute

The concept of the «Ultimate Human» in the works of F. Dostoevsky.

The article examines the philosophical foundations of the concept of the «Ultimate Human» in Dostoevsky's personal notes, as well as its actualization in the writer's artistic work. Using the comparative historical method, the influence of a number of religious and philosophical concepts on the formation of Dostoevsky's thought was revealed. Particular attention is paid to Dostoevsky's mystical approach to understanding the phenomenon of death in a Christian context.

Keywords: «Ultimate Human», Dostoevsky, Christ, ego, unity.

Перевощикова Софья Николаевна

Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко

sofya123009@gmail.com

Интерпретация культурного кода кириллицы в школьном обучении (сценарий мастер-класса)

Работа выполнена под руководством Мартьяновой Веры Николаевны, доцент кафедры
русского языка и литературы

В статье рассматриваются приемы знакомства учеников с историей письменности славян. Особое внимание уделяется роли старославянского языка как первого письменного литературного языка славян IX века. Ученикам сообщаются лексические значения древних названий букв первых алфавитов. Из форм работы предлагаются лекция с элементами беседы и групповая работа при ответах на вопросы кроссворда

Ключевые слова: старославянский язык, древнерусский язык, современный русский язык, сценарий

«Главное в современной педагогике – это воспитание духовной стороны человека». Это писал выдающийся российский учитель, писатель и родоначальник научной педагогики в России – Константин Дмитриевич Ушинский [1, с. 110]. Поэтому в статье мы обращаемся к возникновению старославянской письменности как к важному явлению в развитии духовности, культуры, нравственности человека. Следовательно, данному событию в истории русской культуры должно отводиться особое место в школьной практике.

Известно, что старославянский язык сыграл большую роль в становлении славянской культуры, т.к. он является первым письменным языком славян. В школьных учебниках небогата информация о старославянском языке. Учащимся сообщается о том, когда возник этот язык и с какой целью он использовался. Цель его использования была религиозная. К религии отношение в нашей стране было не всегда положительным, поэтому о том, что старославянский язык явился основой русского литературного языка чаще всего замалчивалось. Между тем, русская культура во многом обязана старославянскому языку. Во-первых, хотя бы потому, что в основе старославянской письменности лежат богослужебные

тексты, написанные на древнегреческом языке, поэтому лексическое, грамматическое богатство древнегреческого языка передалось многим славянским языкам, в том числе и древнерусскому литературному языку, а, следовательно, и современному русскому литературному языку.

О такой роли старославянского языка в истории русского литературного языка ученики должны быть осведомлены [2, с. 11]. Поэтому мы предлагаем начать знакомство учащихся со старославянским языком с алфавитов, которых, как известно, было два; с деятельностью Кирилла и Мефодия – солунских братьев, а также с фрагментом текста притчи «О блудном сыне», давая понять, что между русским и старославянским языком много общего: общая лексика, формы слов, которые даже понятны ученикам среднего звена. Для подобной работы можно использовать материал, рассказывающий о моравской миссии Кирилла и Мефодия, о книгах на старославянском языке, об их оформлении, красочности, о происхождении сочетания «красная строка», об устойчивых выражениях современного русского языка, в которых сохранились названия древних букв славянской азбуки, сопровождая эти сведения прекрасными фото и продуманной презентацией. Внимание обучающихся к материалам усиливается, если включаются элементы игры [3, с. 5], дух соревновательности. Так ответы на составленный нами кроссворд о древних названиях букв оживил непростой материал. Представленный обучающимся кроссворд прилагается (Рисунок 1).

Рисунок 1. Кроссворд

Итак, предлагаемые формы работы с учениками и содержание материала не только способствует быстрому пониманию, усвоению сложного материала, присущего мертвому языку, но и оживляет учебный процесс, вызывает интерес у обучающихся. С презентацией, которая нами разработана, можно ознакомиться по ссылке [5].

Литература

1. Гончаров Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского / Н.К. Гончаров. – Москва : Педагогика, 1974. – 272 с.
2. Войлова К.А. Старославянский язык: Пособие для вузов / К.А. Войлова. – Москва : Дрофа, 2003. – 368 с.
3. Арсирий, А.Т. Занимательные материалы по русскому языку : Кн. для учащихся / А.Т. Арсирий; Под ред. Л. П. Крысина. – Москва : Просвещение, 1995. – 382 с.
4. Презентация

https://drive.google.com/drive/folders/1m8e_LQETfZx0BZrc2Lh1NAUFAIoLEqgg?usp=share_link

Perevoshchikova S.N.

Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko

sofya123009@gmail.com

Interpretation of the cultural code of the Cyrillic alphabet in school teaching (master class scenario)

The article discusses methods for introducing students to the history of Slavic writing. Particular attention is paid to the role of the Old Church Slavonic language as the first written literary language of the Slavs of the 9th century. Students are told the lexical meanings of the ancient names of the letters of the first alphabets. Forms of work include a lecture with elements of conversation and group work answering crossword questions

Keywords: Old Church Slavonic language, Old Russian language, modern Russian language, script

Потапова Мария Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,

mashaejik@mail.ru

Функция флористических образов в поэтическом цикле «Кармен»

А.А. Блока

Работа выполнена под руководством Пашкова Александра Витальевича, кандидата филологических наук, доцента

Данная статья посвящена анализу флористических образов в поэтическом цикле А.А.Блока «Кармен». Исследование символического значения образов цветов, центральным из которых является роза, реализует комплексный подход к интерпретации произведений последней любовной лирики поэта. Посредством цветочной символики Блок не только характеризует портрет возлюбленной, но и воплощает идейное пространство стиха. Цикл «Кармен» рассматривается нами как сложный синтез художественного и биографического. Результаты приведенного анализа также позволяют сделать вывод об особенностях творчества автора, выступающего ключевой фигурой Серебряного века.

Ключевые слова: А.А.Блок, символизм, Кармен, образ розы, символика цветов

В контексте символизма как эстетико-мировоззренческой системы творческий процесс есть интуитивное созерцание бытия, его загадок, скрытых смыслов и всякого рода «потусторонности». Недоступные рациональному мышлению, эти смыслы приоткрываются миру художником-творцом, чей дар выступает их проводником. «Тайны» – неделимая триада Красоты, Блага и Истины – относятся к категории невыразимого и вербализуются в языке намеков, прекрасной «недосказанности», особыми возможностями для которой обладает речь поэтическая. Отсюда ключевым средством передачи созерцаемого является символ. Символ определяется как образ знаковой природы, где видимая, конкретная форма представляется лишь обрамлением «иноного», в результате чего происходит синтез реального и мистического. В современном литературоведении символ также называют «именем для новых ситуаций» [2, с. 154]. В связи с этим, перспективным нам мыслится исследование

символики цветов. Метафорическое использование флористических образов, с одной стороны, служит «общим местом», универсалией, распространенной не только в отечественной, но и в мировой поэзии, с другой, характеризуется неисчерпаемостью «новых ситуаций», в которых данные образы реализуются. Цель нашей статьи – анализ цветочных символов в стихотворном цикле «Кармен» А.А. Блока. Несмотря на немногочисленность представленных примеров, их рассмотрение, во-первых, необходимо для комплексной характеристики произведений, завершающих волну блоковской любовной лирики, во-вторых, позволяет выделить особенности художественного языка первого поэта русского символизма, чем и обусловлена актуальность работы. При изучении теоретического аспекта мы ориентировались на труды Е.Г. Эткинда, А. Большаковой, М.Ф. Мурьянова.

В фокусе нашего внимания находится образ розы. Любопытен он тем, что, пожалуй, немногие в плеяде отечественных поэтов могут сравниться с Александром Блоком по частоте и полифункциональности актуализации данного символа в лирическом и драматургическом творчестве. Достаточно вспомнить пьесу «Роза и Крест» (1912-1913), отражающую эстетику французского средневековья, стихотворения «Роза и соловей» (1898), «Старинные розы» (1914), «Печальная, блеклая роза» (1898) и др., а также поэму «Двенадцать» (1918), где предводителем красногвардейцев «в белом венчике из роз» оказывается «Исус Христос» [4, с. 376]. Не исключением в списке репрезентантов выступает и цикл «Кармен» (1914), вошедший в третий том «Трилогии вочеловечения».

Перед нами «финальный аккорд» любовной темы Блока. Биографическая основа сборника известна: автор посвятил его певице Л.А. Дельмас, исполнявшей партию Кармен в опере Жоржа Бизе. Стихи цикла написаны единым порывом буквально за неделю, с 24 по 31 марта. Образ розы встречается здесь в двух стихотворениях: «Вербы – это весенняя таль...» (30 марта 1914), «Ты – как отзвук забытого гимна» (28 марта 1914). Вопреки тому, что тексты композиционно располагаются друг за другом, выступая элементами целостного лирического повествования, флористический символ интерпретируется в них не одинаково. Через образ розы А. Блок создает два оппозиционных портрета Кармен как Афродиты земной/простонародной и небесной. Согласно философской концепции Н. Бердяева, который, в свою очередь, опирается на учения Платона и Вл. Соловьева, Афродита земная соотносится с «вульгарным, безлично-родовым, природным» началом, небесная – с «божественным, личным, ведущим к индивидуальному бессмертию» [2, с. 20]. Черты последней мы наблюдаем в Кармен стихотворения «Ты – как отзвук забытого гимна»: «И проходишь ты в думах и грезах, / Как царица блаженных времен, / С головой, утопающей в розах, / Погруженная в сказочный сон» [3]. Обратим внимание на то, что в новелле Мериме

голову Кармен украшают отнюдь не розы, а жасмин: «В волосах у нее был большой пучок жасмина, цветы которого изливают вечером пьянящий аромат» [7, с. 158]. Не появляется роза и в более поздних эпизодах – в лицо Хосе девушка бросает акацию: «И помимо воли я подносил к лицу цветок акации, тот самый, что она бросила мне в лицо» [7, с. 166]. Подобная разница объясняется трансформацией оригинального образа героини в культуре. У Мериме Кармен – цыганка. Традиция изображения ее испанкой в наряде красно-черных оттенков, с розой в руке или в волосах возникла под влиянием оперы Бизе. В качестве условного «цветка», указанного в либретто, на сцене стало использоваться именно это растение. Так было и в постановке Мариинского театра с участием Дельмас. Кроме того, букеты алых роз посылал возлюбленной Блок – в знак страстности их отношений. Впрочем, подчеркнем, что в вышеназванном произведении мотив страсти нивелируется. Образ розового венца отсылает нас не только к языческому представлению Афродиты небесной, но и к рыцарскому христианскому культу Богородицы. Роза – символ Девы Мари. Плетение из этих цветов износили в Средневековье и сами рыцари, в подражание герцогу Йоркскому Эдмунду Лэнгли, почитавшему такое украшение отличительной «метой» еще в XIV веке. Поэтически интерпретируя данный культ, Блок наделяет розу значением чистоты, любви и совершенства, что обнаруживается в текстах и более раннего периода, например, в образе Офелии: «Офелия в цветах, в уборе / Из майских роз и нимф речных / В кудрях, с безумием во взоре, / Внимала звукам дум своих» [3]. Невинная страдальца за любовь из «гамлетовского» сюжета обретает у автора ореол мученицы, следовательно, убор «из майских роз» олицетворяет мученический венец.

В образе Кармен «одичалая прелесть» уходит на второй план, сквозь нее явственно проступает лик «царицы блаженных времен», веру в которую утратил поэт. Но, снося тяготы «черной и дикой судьбы» он продолжает тосковать по светлому идеалу, оттого встреча Кармен видится ему «бубном весны» – воскрешением дорогих сердцу воспоминаний. Будучи материально воплощенной женщиной, спящей «змеею склубясь прихотливой» (сравнение со змеей демонстрирует также демоническую ипостась), героиня, тем не менее, ирреальна, словно Незнакомка из одноименного стихотворения: «О, Кармен, мне печально и дивно, / Что приснился мне сон о тебе <...> Спишь в дурмане и видишь во сне / Даль морскую и берег счастливый, / И мечту, недоступную мне» [3]. «Недоступная мечта» поэта – райская обитель, откуда родом его муза. Атрибутами Эдема классически служат блаженство, счастье, отсутствие времени и движения, тишина, нарушаемая лишь голосом Кармен, который, хотя и «славит бурю цыганский страстей», принадлежит небесной сфере. На лексическом уровне это подчеркивается эпитетом «странный», этимологически восходящим к понятиям

«нездешний, чуждый, посторонний». Реализуется романтическое двоemiрие сон/явь, мечта/реальность, духовное/плотское. Мотив двойного сна вводит реминисценцию на лермонтовский «Сон». В стихотворении лирический герой спит «мертвым сном» где-то «в долине Дагестана», наблюдает во сне «вечерний пир в родимой стороне» и свою печальную возлюбленную, которая «меж юных жен, увенчанных цветами» видит сон о погибшем герое [6]. Так образ розы становится элементом экзотики. Добавим, что уход в экзотику – характерный вид эскапизма.

Далее цепочка антитез продолжается еще одной семантически богатой оппозицией родина/чужбина. На наш взгляд, допустимо трактовать ее в равной степени «горизонтально», т.е. в пространстве осязаемом, географическом – Россия / далекая страна Кармен – и «вертикально», метафизически – Рай/Земная жизнь. И в том, и в другом случае воплощается идея трагического несовпадения миров лирического героя и его подруги, несбыточность совершенной любви. Кроме того, учитывая сюжетную линию новеллы Мериме, мы ощущаем имплицитное присутствие танатологических мотивов. Прощание поэта с Кармен неизбежно, поскольку и на земле, и на небе цыганка «всегда будет свободна» [7, с. 279].

Следует сказать, что ассоциирование образа розы с чужой стороной, завораживающей внешней красотой, однако несущей тайную угрозу, обнаруживается и в поэме «Соловьиный сад», написанной Блоком одновременно с «Кармен». В стихотворении «Верба – это весенняя таль» Кармен, представляясь уже Афродитой земной, олицетворяет эту угрозу миру лирического героя. Оттого ему «страшен цвет этих роз» [3]. Он напоминает кровь, которая будет пролита: в метафорическом (кровь сердца поэта) и в фактическом смысле (гибель Карменситы). Исследователь Г. Эткинд полагает здесь продолжение темы, заявленной в I: 3 («И сердце захлестнется кровью. Смывая память об отчизне...») и получившей развитие в II: 2/5 («память об иной отчизне...») [9, с. 724]. Попытка соединить любовь к женщине с любовью к родине вербализуется с помощью целостной системы флористических символов верба – роза – ячменный колос. Данная триада оправдана и биографическим контекстом: день создания стихотворения, 30 марта 1914, пришелся на праздник Вербного Воскресенья. В честь христианского праздника Дельмас отправила Блоку букет «розы, ячмень, верба и красное письмо» [4]. Дары возлюбленной интерпретируются автором в русле русской православной традиции. Верб символизует Воскресение природы (цветение ивовых ветвей - признак наступления весны) и Воскресение Христово, что наполняет надеждой на возрождение души: «Значит — теплится где-то свеча / И молитва моя горяча / И целую тебя я в плеча» [3]. Образ вербы продолжается образом свечи, напоминая о праздничной литургии, проходящей в храмах в это время, а также реализуя мотив света, который

«теплится» внутри лирического героя. Света близкой пасхальной радости и любви к Кармен. Схожим значением с точки зрения Библии обладает и образ ячменя (зерна, пшеницы) как хлеба вечной жизни, духовной и телесной пищи, положенной Христом во спасение: «Этот колос ячменный — поля, / И залиvistый крик журавля, / Это значит — мне ждать у плетня / До заката горячего дня. / Значит — ты вспоминаешь меня» [3]. Блок дополнительно расширяет религиозную семантику обращением к национальному колориту России. Описания природы включают фольклорные образы журавля, русского поля, мотива свидания у плетня. Идиллию сельского пейзажа разрушает неожиданное появление розы, олицетворяющей саму Кармен: «Это — рыжая ночь твоих кос? / Это — музыка тайных измен? / Это — сердце в плену у Кармен» [3]. Конфликт своего/чужого раскрывается Блоком через последовательную цепочку контрастов: а) «горячий день»/«рыжая ночь» – действие света ослабляется перед лицом темной, колдовской силы; б) «крик журавля»/«музыка тайных измен» – миру естественному противопоставляется мир искусственный, притом от слова «искус», «искушение»; в) «поля»/«плен» – поле, простор которого отождествляется со свободой, сменяется для поэта пленом цыганки, что делает его служителем греховной страсти, вероотступником.

Суммируя сказанное выше, мы приходим к выводу, что флористические символы в рассмотренном нами цикле служат ключевыми составляющими образа блоковской Кармен как сложного художественного комплекса. Поэт переосмысляет сюжет новеллы Мериме и классическую оперу Бизе с учетом философского дискурса и биографического опыта, а именно отношений с певицей Л.А. Дельмас. Образ розы характеризует двойственный портрет героини: ипостась Афродиты небесной, в т.ч. как трансформации Прекрасной дамы из ранней лирики Блока, и ипостась Афродиты земной, страстной цыганки, связь с которой обрекает на гибель как ее саму, так и ее возлюбленного. Цветочная символика также способствует репрезентации важных концептов в авторской мифопоэтической системе, в частности, идеи женщины-родины, находящей отражение не только в данном сборнике, но и в других произведениях. Так, используя образы розы, вербы и ячменного колоса Блок противопоставляет друг другу пространства «своего» и «чужого», что в плоскости любовной линии лирического героя и Кармен обнаруживает подлинную трагедию его души. На наш взгляд, изучение образов цветов в творчестве первого поэта русского символизма имеет дальнейшую исследовательскую перспективу.

Литература

1. Агеносов В.В. [и др.] ответственный редактор Агеносов В.В. История русской литературы XX века в 2 ч. Часть 1 : учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 795 с. – (Высшее образование).
2. Бердяев Н. Метафизика пола и любви. – Москва : Т8RUGRAM, 2018. – 100 с.
3. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Т.3. Стихотворения. Книга третья. – Москва : Наука, 1997. – 990 с.
4. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. – Москва : Правда, 1989. – С. 367–377.
5. Большакова А. Теории символа и творчество символистов // Высшее образование в России. – 2001. – №5. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-simvola-i-tvorchestvo-simvolistov> (дата обращения: 20.02.2024).
6. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); ред. коллегия: В.А. Мануйлов (отв. ред.), В.Э. Вацуро, Т.П. Голованова, Л.Н. Назарова, И.С. Чистова – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981.
7. Мериме П. Кармен. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2023. – С. 288
8. Мурьянов М. Символика розы в поэзии Блока // Вопр. лит. – 1999. – Вып. 6. – С. 98-128.
9. Эткинд Е.Г. «Кармен». Лирическая поэма как антироман // Revue des études slaves, tome 54, fascicule 4. – 1982. – Pp. 711-732.

Potapova M.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The function of floral images in the poetic cycle “Carmen” by A.A. Blok

The article is devoted to the analysis of floral images in the poetic cycle “Carmen” by A.A. Blok. The study of the symbolic meaning of flower images, the central one of which is the rose, implements a comprehensive approach to this manifestation of the poet’s final love lyrics. Using flower symbolism, Blok not only characterizes the portrait of his beloved, but also forms the ideological space of a verse. In addition, the results of the analysis also allow us to draw a conclusion about the peculiarities of the artistic method of the author, who is a key figure of the Silver Age.

Keywords: A.A. Blok, symbolism, Carmen, image of a rose, flower symbolism.

Рахматуллина Лиана Ильдаровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

rakhmatullinal69@gmail.com

Типология авторства в текстах мемуаров о Великой Отечественной войне

Работа выполнена под руководством Ионовой Светланы Валентиновны,

доктора филологических наук, профессора

Современная исследования в филологии концентрируются на проблеме человека в истории, что является свойством антропоцентрического подхода в науке. Мемуарные традиции проявляются в художественных и документальных произведениях, их ценность состоит в эстетическом воздействии, а также в отражении определенной исторической эпохи с позиции восприятия современников описываемых событий. Мемуары о Великой Отечественной войне составляют особый тип текстов: в них содержится информация о военных событиях, сражениях, они отражают быт и культуру людей, являвшихся современниками военной эпохи. Особенности индивидуального мировосприятия участников военных событий могут дополнить информацию о фактах, показать Великую Отечественную войну как особую страницу в истории, передать дух прошедшего времени, также они способствуют детализации событий. Новым в данной статье является сопоставительное исследование текстов мемуаров, принадлежащих разным группам авторов.

Ключевые слова: тематические особенности, языковые особенности, мемуары, Д.А. Журавлев, Н.С. Новоселов.

Мемуары являются одним из распространенных жанров произведений, часто используемых в качестве исторических источников. Мемуарные элементы и традиции также используются в содержании легенд, преданий, устных рассказов и литературных произведений [1, с. 36]. Рассуждая о таком понятии, как мемуарность, необходимо уточнить, что согласно «Историческому словарю галлицизмов русского языка» мемуарность – это «наличие черт мемуаров в произведении» [2, с. 1024]. Основными свойствами мемуаров являются ретроспективность, индивидуальное восприятие действительности, автобиографичность. Примечательно, что повествование в этих текстах посвящено событиям, имеющим значимость для истории общества.

В филологии существуют различные подходы к классификации мемуарных текстов: собственно мемуары сопоставляют с дневниковой прозой, автобиографией, записками, воспоминаниями, исповедью, очерком [5, с. 201]. У этих мемуарных жанров есть свои особенности.

Особую категорию мемуаров составляют мемуары о войне – письменные воспоминания людей, которые являлись участниками событий военного времени. В основе военных мемуаров лежат личные впечатления, память о военных событиях, исторические факты. Материалом для их создания могут служить также фронтовые письма, дневниковые записи военных лет, официальные документы. Мемуарам о Великой Отечественной войне присущ выбор явлений, событий, ситуаций, описываемых с опорой на воспоминания, и достаточный объем автобиографического материала, в отличие от дневниковых записей военных лет [5, с. 230]. Данный автобиографический материал коммуникативно значим для автора мемуаров.

Проведенные нами исследования позволили нам выделить две основные группы авторов: авторы-рядовые и авторы-командиры. В зависимости от принадлежности мемуаров к той или иной группе определяется их лингвистическая специфика.

Тексты рядовых участников Великой Отечественной войны (далее ВОВ) позволяют разделить их на подгруппы в зависимости от рода деятельности автора на войне и его индивидуального опыта. Такие мемуары делятся на следующие подгруппы в соответствии с типом авторства: тексты рядовых военнослужащих, медицинских работников, военных корреспондентов, тружеников тыла, жителей оккупированных территорий, эвакуированных граждан, партизан, детей войны, узников немецких концентрационных лагерей. Каждый тип авторства представляет субъективный взгляд на события ВОВ и вносит свой вклад в понимание и интерпретацию этого периода истории. Мемуарные тексты советских командиров высокого ранга отличаются большей цельностью, едиными лингвистическими особенностями вне зависимости от рода их деятельности на войне. Любые мемуарные тексты – это приблизительное воспроизведение отражаемых в них ситуаций, при этом тексты командиров высокого ранга направлены на сохранение большей объективности и фактуальности, их мемуары основываются на проверенных фактах и большом объеме информации, которой владели авторы.

Проиллюстрируем особенности мемуаров рядовых участников и командиров высокого ранга на основе проведенного анализа двух текстов: «Исповедь солдата» Н.С. Новоселова, который представляет мемуары рядового солдата, и «Нам родная Москва дорога» Д.А. Журавлева, автором которых выступает командир.

Если говорить о тематической структуре мемуаров, то текст Н.С. Новоселова не представляет собой строгой логической последовательности тем: в нем есть сквозные темы, которые раскрываются автором на протяжении всего произведения, и имеются тематические отступления от главной темы. В начале мемуарного текста Н.С. Новоселов обращается к теме воспоминаний. Тема воспоминаний в тексте мемуаров соединяется с темой родины и сопричастности с соотечественниками.

Раскрывая тему воспоминаний, в начале текста автор задумывается о значении мемуаров рядового солдата для потомков, тем самым соединяя тему воспоминаний с темой увековечения этих воспоминаний, что повышает значимость создания мемуарного текста для читателей. Обращаясь к данной теме и поднимая проблему роли военных мемуаров, созданных простыми людьми – участниками событий, автор утверждает, что тексты воспоминаний рядовых воинов также имеют ценность для сохранения памяти о грандиозном историческом событии.

Повествуя о «первых шагах по дорогам войны», Н.С. Новоселов поднимает тему тяжелых впечатлений, которая тесно переплетается с темой страха и близости смерти. О страхе и смерти автор пишет во многих эпизодах «Исповеди солдата», эти темы не отражены лишь в финальном фрагменте, в котором автор пишет о победе.

Автор завершает воспоминания, обращаясь к таким темам, как гордость за свой народ, радость и счастье, связанные с победой над врагом. Тема возвращения домой и встречи с семьей соединяются с выражением радостных чувств автора текста. Н.С. Новоселов рассуждает о тяжелом положении страны в послевоенное время и об ослабленной экономике, тем не менее завершающей и одной из самых существенных тем его книги являются темы народного подвига и спасения Родины, «торящей дорогу к свободе, к человеческому благополучию» [6, с. 72].

Систематизируем тематическую структуру произведения Н.С. Новоселова в таблице.

Тема	Пример
Тема родины	великие жертвы, понесенные нашим народом, не напрасны [6, с. 71].
Тема захвата немецкой армии	Причина поражения Красной Армии на первом этапе войны не в внезапности вражеского вторжения, а в чем-то ином [6, с. 59].
Тема преодоления трудностей	Неделями не снимали с себя шинели. Донимали вши. Но главное изматывал и ослаблял голод [6, с. 60].
Тема радости от осознания выживания	Выдержал тяжелое физическое и духовное испытания и остался жив [6, с. 63].
Тема героизма	Заслонил собою командира взвода связи, лейтенанта Аверкина, застрелил немца, подскочившего с пистолетом почти вплотную к комвзвода», но был смертельно ранен [6, с. 68].

Таблица 1. Тематическая структура текста автора-рядового

Воспоминания простого солдата Н.С. Новоселова имеют сложную и разветвленную тематическую структуру. В ней объединяются различные темы, образуя единство, состоящее из микротем и обосновывающие главные темы.

Тематическая структура текста Д.А. Журавлева «Нам родная Москва дорога» также имеет свою специфику.

В начале главы автор поднимает тему объединения народа в годы «героической обороны Москвы» [3, с. 222]. Д.А. Журавлев пишет о том, что жители СССР и дружественные народы за пределами Советского Союза с тревогой и волнением следили за тем, как разворачиваются события во время защиты столицы от вражеских войск. Вместе с

темой беспокойства всех советских людей за исход сражения под Москвой Д.А. Журавлев затрагивает тему заботы и любви народа, которая отражалась в письмах. Так, автор отражает эмоции всего народа, не выражая прямо собственных переживаний.

Повествуя об участии авиаторов Московской ПВО в сражениях под Брянском, Воронежем, Сталинградом, автор обращается к теме героизма. Д.А. Журавлев пишет о лейтенантах Н.Е. Глазове и Г.К. Гультяеве, которые стали Героями Советского Союза после Сталинградских боев.

Обращаясь к теме воспоминаний о прошлом, автор связывает ее с темой успехов противовоздушной обороны Москвы. Затем Д.А. Журавлев переходит к теме обеспеченности Москвы средствами ПВО, сравнивая их с военными ресурсами Лондона и Берлина, подчеркивая, что Москва была наиболее мощным городом в плане технической оснащенности. Рассуждая о развитии средств борьбы против сильного воздушного противника, автор поднимает тему значимости опыта ведения боя для будущих поколений и тему передачи традиций фронтовиков.

Завершая главу «Нам родная Москва дорога», Д.А. Журавлев вновь затрагивает тему объединения людей в годы тяжелых испытаний. В мемуарах неоднократно поднимается тема *успехов* в развитии социалистической экономики, тема претворения в жизнь ленинских заветов о защите Родины, тема прихода достойной молодежи на смену старым воинам. Завершающими и обобщающими являются темы Родины и долга перед ней, непобедимости памяти о героях и необходимости отстаивания свободы и независимости Отечества.

Представим тематическую структуру книги Д.А. Журавлева в таблице.

Тема	Пример
Тема объединения народов	Вся родина встала заслоном, Нам биться с врагом до конца, Ведь пояс твоей обороны Идет через наши сердца! [3: 222].
Тема подвига	Многие руководители противовоздушной обороны города были воспитанниками наших войск [3: 223].
Тема взаимоподдержки	Мы постоянно следили за боевой деятельностью своих питомцев на других фронтах, переписывались с ними, подвиги рассматривали как продолжение героических традиций наших войск [3: 226].

Таблица 2. Тематическая структура мемуаров автора-командира

В разделе книги Д.А. Журавлева «Нам родная Москва дорога», в отличие от воспоминаний Н.С. Новоселова, не так много эмоциональных тем, автор уделяет более пристальное внимание фактологической составляющей. Его тематические блоки отражают общегосударственные интересы, общее понятие подвига, взаимоподдержки людей на войне.

Если обобщить тематику мемуаров о Великой Отечественной войне, то можно выделить основные темы, которые характерны для большинства подобных текстов. Авторы военных мемуаров, посвященных ВОВ, всегда обращаются к теме Родины, народного подвига. Нередко в мемуарных текстах сквозными темами являются тема страха, близости смерти, голода и преодоления трудностей на войне. Практически в каждом произведении мемуарной литературы о Великой Отечественной войне авторами воспроизводится тема воспоминаний, тема прошлого.

Анализ языковых особенностей мемуаров о ВОВ позволяет выделить наиболее типичные способы выражения авторов собственных мыслей и эмоций. К ним относятся следующие:

- реалистичное отображение речи солдат и военного сленга;
- использование живого, колоритного языка, который передает эмоциональное состояние персонажей и атмосферу военных событий;
- использование диалектных и народных выражений, что придает тексту национальный колорит и делает его более близким и понятным для читателя.

Особенности лексики мемуаров о Великой Отечественной войне представлены в таблице.

Лексико-семантические особенности	Примеры
Военные термины	<p>1. <i>Дивизион, армия, фронт, автоматчики, автомат, пистолет, связист, боевая единица, отряд, ракеты, пулеметный, минометный, разведчики, воинская часть, телефонист, боеприпасы, полк, войско, артиллерия</i> (Н.С. Новоселов «Со святой верой в Победу»).</p> <p>2. <i>Оборона, противовоздушная оборона, эскадрилья, истребительный авиационный полк, артиллерийский полк, командир, авиатор, авиационная дивизия, фронтовые ВВС, полковник, генерал, истребители,</i></p>

	<i>летчики, зенитчики, прожектористы, боевая техника</i> (Д.А. Журавлев «Нам родная Москва дорога»).
Разговорная лексика	В такой ситуации они и решили переброситься через лесной массив на наше, южное, шоссе, чтобы <i>удирать</i> на запад по нему [6, с. 68].
Устойчивые выражения метафорические выражения	1. Немцы, сжигая и уничтожая <i>все и вся</i> , отступали [4: 59]. 2. К героической обороне Москвы было <i>приковано внимание</i> всех советских людей [3, с. 222]. 3. Нам уже не приходилось ... <i>ломать голову</i> над изысканием боевой техники [3, с. 227].
Местоимение «наш» в значении «всех людей»	1. Но как бы то ни было, великие жертвы, понесенные <i>нашим</i> народом, не напрасны: есть Родина, торящая дорогу к свободе, к человеческому благополучию [6: 72]. 2. Столь же пристально <i>наши</i> народ следил и за борьбой воинов Московской противовоздушной обороны с вражескими бомбардировщиками [3, с. 222]
Лексика высокого стиля	Стоящих <i>ныне</i> на страже воздушных рубежей столицы [3, с. 229].
Аббревиатуры	<i>ПВО</i> (противовоздушная оборона), <i>ВНОС</i> (войска воздушного наблюдения, оповещения и связи), <i>ДОСААФ</i> (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) (Д.А. Журавлев «Нам родная Москва дорога»).
Советизмы	<i>Политотдел, партийный работник, комсомольский работник, социалистическое Отечество, ЦК КПСС, партия, коммунизм, Совинформбюро</i> (Д.А. Журавлев «Нам родная Москва дорога»).

Таблица 3. Лексико-семантические особенности мемуаров о Великой Отечественной войне

Авторы мемуаров практически в каждом предложении используют военные термины, разговорную лексику, регулярно используется лексика высокого стиля, фразеологизмы, местоимение «наш» в значении «всех людей», аббревиатур и советизмов. В результате анализа лексических единиц в мемуарах о Великой Отечественной войне можно установить,

что особенности их использования помогают авторам передавать особые смыслы, присущие текстам воспоминаний.

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод о том, что основополагающей темой мемуаров о ВОВ является тема войны. Данное историческое событие представлено в мемуарах в его разнообразных реализациях [4, с. 14]. Нами были выявлены различные темы, которые объединены темой войны. Следует отметить, что эта тематика в текстах рядового солдата более разнообразна и обширна, чем в текстах командиров. Автор-командир делает больший упор на факты, краткость и емкость изложения.

В грамматическом и лексико-семантическом отношении специфика мемуаров о ВОВ разных авторов имеет общие и различительные языковые особенности. Так, в обоих типах текстов частотно используются фразеологизмы и местоимение «наш» в значении «всех людей», однако лексика высокого стиля присуща преимущественно авторам-командирам, тогда как у автора-рядового превалирует разговорная лексика. Д.А. Журавлев употребляет в своем тексте аббревиатуры и советизмы, что в значительно меньшей степени присуще текстам Н.С. Новоселова.

Таким образом, в результате анализа исследуемого материала нами было установлено, что мемуары о Великой Отечественной войне представляют собой не однородное явление, а дифференцируются в зависимости от типа авторства. Данная проблема представляет значительный интерес для лингвистической науки и требуют ее подробного изучения в плане языковой специфики, модальности изложения, тематической структуры и других средств выражения авторов.

Литература

1. Галиуллина Д.М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148. – №4. – С. 36-45.
2. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – Москва : ЭТС, 2010. – 5140 с.
3. Журавлев Д.А. Огневой щит Москвы. – Москва : Воениздат, 1972. – 232 с.
4. ИONOBA C.B. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Автореферат дисс. докт. филол. н. 10.02.19. – Волгоград, 2006. – 37 с.
5. Мажарина Ю.Н. Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева: особенности поэтики: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 [Место защиты: Воронежский государственный университет]. – Воронеж, 2014. – 172 с.

6. Новоселов Н.С. Со святой верой в Победу: Сб. воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2000.– 152 с.

Rahmatullina L.I.

Pushkin State Russian Language Institute

Typology of authorship in the texts of memoirs about the Great Patriotic War

Memoir traditions are manifested in some works of art, their value consists in aesthetic terms, as well as in reflecting a certain historical epoch from the perspective of contemporaries' perception of the events described. A special category consists of memoirs about the Great Patriotic War. They contain information about military events, battles, and they also reflect the way of life and culture of people who were contemporaries of the military era. Recently, scientists have often focused on the problem of man in history, which is a feature of the anthropocentric approach in science. Researchers study memoirs about the Great Patriotic War, consider sources of personal, subjective origin in order to expand the picture of the war. The peculiarities of the individual worldview of participants in military events can complement information about the facts, show the Great Patriotic War as a special page in history, convey the spirit of the past, and they also contribute to the detailing of events.

Keywords: thematic features, linguistic features, memoirs, D.A. Zhuravlev, N.S. Novoselov.

Рубцова Елизавета Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

rubzova.liza@gmail.com

Структурные компоненты речевой ситуации угрозы

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата
филологических наук, доцента

В статье анализируются компоненты структуры речевого акта угрозы, выявляются условия, обеспечивающие его реализацию. Речевой акт угрозы состоит из трех логико-семантических частей – предупреждения, условий осуществления угрозы и собственно угрозы, он может быть прямым и косвенным, проявление степени экспликации иллокутивной силы показывает невозможность использования перформативных глаголов в подобных конструкциях.

Ключевые слова: современный русский язык, речевая ситуация, угроза, иллокутивный, перлокутивный.

Речевой акт, обеспечивающий процесс коммуникации, направлен на передачу информации, установление контакта или воздействие на собеседника. Особый интерес у исследователей вызывает изучение речевого акта угрозы [1; 2; 4 и др.]. Отмечается, что «иллокутивную цель речевого акта угрозы можно обозначить, как желание говорящего заставить адресата поступить определенным образом, а перлокутивную цель – как оказание негативного эмоционального воздействия на адресата для достижения поставленной цели» [3, с. 94].

Один из основоположников теории речевых актов Дж. Серль в работе «Что такое речевой акт?» указывает, что процесс продуцирования высказывания – реализация некоторого типа речевых актов исключительно при выполнении условий, которые неодинаковы для различных типов речевых актов [5]. О.М. Ермакова выделяет следующие условия, обязательные для реализации речевого акта угрозы [3]:

1. Собеседники коммуницируют на одном языке, осознанно и без каких-либо физических препятствий.

2. Целью говорящего является убеждение адресата совершить выгодное для него действие, которое ему не хотелось бы осуществлять.

3. Угроза не связана с прошлым или будущим, она необходима для того, чтобы изменить ход событий в настоящем времени.

4. Говорящий уверен, что собеседник не хотел бы, чтобы негативное действие, обозначенное говорящим, было выполнено.

5. Говорящий убежден, что при других условиях собеседник не выполнит действие, которое необходимо говорящему.

6. Говорящий убеждает адресата в своей искренности и берет на себя ответственность за попытку осуществить действие негативного характера.

При соблюдении всех перечисленных условий речевой акт угрозы может считаться оправданным и уместным, однако это не гарантирует коммуникативный успех данного речевого акта.

Форма выражения угрозы зависит от коммуникативного контекста. В него включены говорящий и адресат, то есть антропокомпоненты, обстановка общения, канал передачи информации и т.д. Необходимыми составляющими речевого акта угрозы являются антропокомпоненты, то есть говорящий и адресат. Они связаны высказыванием, которое продуцирует говорящий. Ему нужно правильно выбрать языковые средства, учитывая эмоциональное состояние собеседника, его возраст, психологические особенности и другие социально значимые признаки.

Статус и роли участников коммуникации – важные факторы, которыми нельзя пренебрегать при реализации речевого акта угрозы. Статус коммуникантов обусловлен набором индивидуальных, но объективных и относительно постоянных социальных характеристик, к которым относятся пол, возраст, уровень образования, профессия и другие. Они дают говорящему понятие о доступных ему языковых средствах, а также влияют на то, какие из них необходимо использовать, чтобы добиться желаемого результата.

Роли собеседников при осуществлении коммуникации можно определить как их типичные действия во время взаимодействия. Если статус коммуникантов относительно постоянная характеристика, то роль может меняться в зависимости от ситуации. Например, человек работает учителем в школе, а потом идет на курсы повышения квалификации, где принимает роль «ученика». Безусловно, важно значение, которое имеет социальная и психологическая дистанция. Это демонстрирует уровень эмоциональной близости, а также сходство ценностного мировосприятия и взаимного интереса, который проявляют коммуниканты по отношению друг к другу.

Устный или письменный канал передачи информации, а также обстановка (неформальная, официальная), в которой протекает коммуникация, играют одну из первостепенных ролей и влияют на характер общения. Языковые средства, используемые в определенных речевых актах, подразделяются на конвенциональные (общепринятые) и неконвенциональные (нестандартные). К первому типу языковых средств относятся те, которые традиционно используются для выражения данного речевого акта. Регулярное использование конвенциональных языковых средств позволяет слушающему легче и быстрее понять цель говорящего. Если же говорящий использует неконвенциональные, то есть нестандартные языковые средства, то у собеседника могут возникнуть трудности с пониманием высказывания.

Речевой акт угрозы состоит из трех логико-семантических частей [3]: предупреждения, условий осуществления угрозы и собственно угрозы.

В прямом речевом акте угрозы присутствуют, как правило, все три компонента: *Подумай хорошенько, Виолетта! Если ты меня бросишь, мне придется убить тебя!* (И. Альенде. Виолетта) – выражены все три обозначенных компонента:

- 1) *«подумай хорошенько, Виолетта!»* – предупреждение;
- 2) *«если ты меня бросишь»* – условие осуществления угрозы;
- 3) *«мне придется убить тебя!»* – собственно угроза.

В данном случае говорящий хочет, чтобы собеседница не бросала его, а осталась с ним. Адресат (Виолетта) не хочет этого делать, поэтому, чтобы побудить ее к действию, говорящий произносит угрозу (*«мне придется убить тебя!»*) Произнесение условия осуществления угрозы (*«если ты меня бросишь»*) демонстрирует, какое действие говорящий считает недопустимым. При этом говорящий убежден в том, что адресат не хочет, чтобы угроза была приведена в исполнение.

В то же время при выражении угрозы в речи могут быть опущены некоторые компоненты: предупреждение или условие. Это подтверждают следующие речевые

ситуации: *И если ты не изменишь свое поведение, то это станет последним разговором в твоей жизни* (Р. Ахдие. Ярость и рассвет). *И теперь, если он не даст мне того, что я прошу, я убью себя* (Л. Толстой. Ходите в свете, пока есть свет). В приведенных выше высказываниях выражены компоненты условия («если ты не изменишь свое поведение», «если он не даст мне того, что я прошу») и собственно угрозы («это станет последним разговором в твоей жизни», «я убью себя»), но отсутствует компонент предупреждения.

В высказывании *«Уходи, иначе я убью тебя!»* (Л. Андреев. Иуда Искарот) отсутствует компонент условия осуществления угрозы. Подобное речевое оформление угрозы можно считать допустимым, поскольку говорящий предупреждает о возможных последствиях, если собеседник не выполнит названное действие (*если не уйдешь*), используя при этом различные языковые средства: императив – *уйди*, личную форму глагола 1 лица единственного числа – *убью*.

Прямой речевой акт достаточно легко распознать, однако при выражении угрозы он редко встречается в чистом виде. Как правило, данный речевой акт является косвенным, так как в интересах говорящего скрыть свои намерения. В данном случае он использует большое количество возможных вариантов языкового оформления.

В некоторых ситуациях вопросительные высказывания могут являться средством выражения угрозы. Тем самым говорящий предупреждает адресата о возможных последствиях для собеседника. Вне контекста такой речевой акт довольно сложно определить как угрозу, так как он выражается общим вопросом и содержит нейтральную лексику: *Так что, думаю, в соответствующее учреждение посадят тебя, а не меня. Согласен?* (Л. Стиг. Девушка с татуировкой дракона). *Хочешь, я убью его, как собаку? Хочешь?* (А. Чехов. Сапоги).

Возможны также и другие способы передачи угрозы, в которых она не выражена конвенциональными средствами, при этом говорящий использует негативно окрашенную лексику: *Ты хочешь узнать, каково это – когда тебе ломают нос?* (С. Кинг. Роза Марена). Говорящий в данном случае не требует ответа от адресата высказывания, так как оно само по себе представляет угрозу, выраженную в форме вопроса. Этим высказыванием говорящий хочет сказать: *«Если ты не сделаешь то, что я хочу, то я сломаю тебе нос»*.

Однако в некоторых случаях говорящий хочет получить ответ на свой вопрос. Этот ответ будет являться перлокутивным выражением угрозы: *«Знаешь, что случится, если ты скажешь еще хоть слово?»* – *«Да, ты убьешь меня»*. Этот пример ясно дает нам понять, что именно ответ на вопрос выражает угрозу, он помогает говорящему проверить, правильно ли адресат понял его намерения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что в современном русском языке широко распространен речевой акт угрозы, являющийся тактическим средством манипуляции действиями собеседника. В зависимости от особенностей языкового выражения речевые акты угрозы могут быть прямыми и косвенными, при этом проявление степени экспликации иллокутивной силы показывает невозможность использования перформативных глаголов в конструкциях такого типа.

Литература

1. Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Москва : Изд-во РГГУ, 2013. – С. 72-83.
2. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 99-111.
3. Ермакова О.М. Условия реализации речевого акта угрозы и средства его реализации // Веснік Мазырскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2010. – № 3 (28). – С. 94-98. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-realizatsii-rechevogo-akta-ugrozy-i-sredstva-ego-oformleniya/viewer> (дата обращения: 21.02.2024).
4. Рабенко Т.Г., Нестерова Н.Н. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – Барнаул, 2007. – С. 235-244.
5. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – № 17. – С. 150-169.

Rubtsova Elizaveta Alekseevna

Pushkin State Russian Language Institute

Structural components of a speech threat situation

The article analyzes the components of the structure of the speech act of threat, identifies the conditions that ensure its implementation. The verbal act of threat consists of three logical and semantic parts - warnings, conditions for the threat and the threat itself, it can be direct and indirect, the manifestation of the degree of explication of illocutionary force shows the impossibility of using performative verbs in such constructions.

Keywords: modern Russian language, speech situation, threat, illocutionary, perlocutionary.

Рузиева Манзура Бахтиёровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

manzura.ruziyeva@inbox.ru

Типичные ошибки использования в русском языке падежей в речи таджикских учащихся

В данной статье рассматриваются падежные категории существительных на примере русского и таджикского языков. Сравнительный анализ падежных категорий существительных проводится на основе двух языков с

целью обучения РКИ таджикских студентов, т.е. для презентации знаний и формирования грамматических навыков.

Ключевые слова: грамматика, падеж, предлог, постпозиция, порядок слов, русский язык в Таджикистане

В настоящее время возрастает роль русского языка в экономической организации и тесном сотрудничестве стран СНГ. На положение и роль русского языка в общественной жизни Республики Таджикистан повлияли гражданская война, отсутствие русскоязычной среды, нехватка учителей – носителей русского языка, сокращение часов русского языка в школах и ВУЗах. Кроме того, английский, китайский, арабский и немецкий языки в Таджикистане составляют конкуренцию русскому языку. Однако таджики хотят изучать русский язык и получать образование в российских ВУЗах. Приехав в Россию и оказавшись в другой языковой среде, таджикские студенты сталкиваются с определёнными языковыми проблемами, несмотря на то что у себя на родине они изучают русский язык со второго класса. Общее падение уровня владения русским языком в последние годы приводит к необходимости изучения русского языка таджикскими обучающимися на подготовительных факультетах и отделениях, хотя ещё десяток лет назад такие случаи были редки.

Для обеспечения качественного обучения необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка особенности родного для учащихся (таджикского) языка. Цель данной статьи – познакомить потенциальных преподавателей русского языка с некоторыми особенностями грамматики таджикского языка в сравнении с русским языком. Это поможет преподавателям на этапе введения некоторых языковых структур при формировании грамматических и речевых навыков таджикских учащихся.

При обучении русскому языку таджикских студентов особое внимание следует уделять изучению грамматики, особенно падежной системе существительных. Следующая информация является основополагающей для учащихся. В русском языке существительные меняют падеж в зависимости от функции, которую они выполняют в предложении. Падеж – это грамматическая категория, которая указывает на синтаксические отношения и связи существительного с другими словами в предложении. Синтаксические отношения могут быть выражены падежной формой отдельно или в сочетании с другими средствами, такими как предлоги, порядок слов и интонация.

Изучение иностранного языка всегда представляет определённые трудности, особенно когда это язык с совершенно иной грамматической структурой. Таджикские учащиеся, изучающие русский язык, часто совершают типичные ошибки в использовании падежных форм, вызываемые различиями в грамматике русского и таджикского языков.

Одной из частых ошибок является неправильное образование формы родительного падежа у существительных. В таджикском языке родительный падеж формируется без использования предлогов, в то время как в русском языке предполагается использование предлогов "у" или "о" перед существительными для обозначения принадлежности или происхождения. Например, учащиеся могут сказать "*стул брат*" вместо "*стул брата*", "*дом дед*" вместо "*дом деда*", вместо "*машина брат*" вместо "*машина брата*", "*книга стол*" вместо "*книга стола*", "*девушка сестра*" вместо "*девушка сестры*", "*стул мама*" вместо "*стул мамы*", "*книга брат*" вместо "*книга брата*" что является ошибкой с точки зрения русского языка.

Другой распространённой ошибкой является неправильное использование винительного падежа с предлогами и без предлогов. В таджикском языке нет такого же обилия предлогов, как в русском, что может привести к неправильному использованию предлогов перед существительными и, соответственно, к ошибкам с падежами. Например, учащиеся могут сказать: "*Он идёт на школа*" вместо "*Он идёт в школу*", "*Мы ждём на автобус*" вместо "*Мы ждём автобус*", "*Он смотрит на фильм*" вместо "*Он смотрит фильм*".

Третьей типичной ошибкой является неправильное использование предложного падежа. Таджикские учащиеся могут испытывать затруднения в выборе предлогов перед существительными и в определении места или направления в предложных конструкциях. Например, они могут сказать: "*Я еду в море*" вместо "*на море*".

Ошибки в падежной системе русского языка у таджикских учащихся могут быть вызваны различиями в грамматических правилах между русским и таджикским языками, недостаточным пониманием падежных конструкций, а также недостаточной практикой их использования. Для их исправления необходимо проводить систематическую работу по закреплению правил падежей, проведению практических упражнений и коррекции ошибок в речи. Такой подход поможет улучшить навыки учащихся в использовании падежной системы русского языка и повысить их коммуникативные навыки.

Важно объяснить таджикским студентам, что в современном русском языке косвенный падеж может употребляться как с предлогами, так и без них. Исключение составляет предложный падеж, который не употребляется без предлога. Предлоги играют важную роль в предложениях. Они служат для уточнения значения падежа.

Грамматическая категория падежа представляет собой единство формы и значения. Каждый падеж по-своему многообразен. Русские падежные формы могут передавать самые тонкие различия в значении (например, *дом сестры* – *дом сестёр*, *план вопроса* – *план вопросов*, *логика мысли* – *логика мыслей* и т.п.).

Специфика конкретного падежа обычно определяется количеством значений и набором форм, передающих эти значения. Падежная система создаёт особые трудности для изучающих таджикский язык в процессе освоения грамматики существительных, так как таджикские существительные, в отличие от русских, не имеют падежных категорий. Специфические значения, выражаемые падежом в русском языке, передаются в таджикском только на уровне синтаксиса и значения, а в предложениях выражаются преимущественно синтаксическими средствами. Предлог – часть речи, выражающая различные отношения между существительными и другими словами в словосочетаниях или предложениях; постпозиция – часть речи, выражающая различные отношения между существительными и другими словами в словосочетаниях или предложениях. Часть речи, выполняющая функцию предлога, но, в отличие от предлога, находящаяся не перед управляемым словом, а после него, и обычно сочетающаяся с предлогом в одно слово.

Рассмотрим несколько случаев значения падежа существительных в русском и таджикском языках.

Родительный падеж. Значение принадлежности, выраженное в русском языке родительным падежом (*семья друга - друг семьи*, в таджикском передаётся изафетом (с добавлением буквы и к определённом артиклю, стоящему перед определением). Например, в словосочетании тетрадь ученика (*тетрадь - дафтар, ученик - талаба*) *тетрадь* является определителем, а *ученик* - определением. Таким образом, в таджикском языке это сочетание звучит как *дафтари талаба*, где *дафтар* – определитель и связан с определением *талаба* посредством изафета.

В таджикском языке значение начала и конца движения выражается с помощью предлогов *аз (из, от) то (до)*. Вот аналогичный пример: Он вернулся *из* Казани (*он – вай, из – аз, вернулся – баргаит, Казань – Казань*) – *Вай аз Казань баргаит. От* Казани *до* Душанбе три дня пути – *Аз Казань то Душанбе се руз рах аст – Это три дневное путешествие Казань в Душанбе*. Семантика русского значения (*книга для брата*) выражается с помощью предлога *для* и родительного падежа: *Я купил квартиру для вас*. В таджикском языке это значение выражается предлогом *барои (для)*: *Я – "ман", купить – "харидан", для – "барои", вы – "шумо", квартира – "хона" – Ман барои шумо хона харидам.*

Дательный падеж. В таджикском языке значение назначения действия (*письмо другу, телефонный звонок другу*) выражается предлогом *ба*: *Я написал письмо папе* (*я – "ман", писать – "навиштан", письмо – "мактуб", папа – "падар"*) – *Ман ба падарам мактуб навиштам.*

Винительный падеж. Предлог *ба* указывает на направление движения, что является значением винительного падежа. Например, *Отец пошёл на работу* (*отец* – "падар", *ушел* – *рафт*, *на* – "ба", *работа* – "кор") – *Падар ба кор рафт*; *Директор пришел в университет* (*Директор* – "Сардор", "Раис", *пришел* – "омад", *университет* – "омузишгох", "донишгох", *в* – "ба") – *Раис ба омузишгох омад*. Как видно из этих примеров, предлог *ба* является аналогом предлогов *в*, *на* в винительном падеже в русском языке.

В таджикском языке значение лица или предмета как прямого объекта действия (*я уважаю своего отца, я люблю свою мать*) передается с помощью постпозиции – *ро*, присоединяемой к объекту: *Я видел волка* (*я* – "Ман", *видеть* – "дидан", *волк* – "гург") – *Ман гургро дидам*. *Студент читал лекцию* (*студент* – "донишчу", *читать* – "хонд", *лекция* – "маъруза") – *Донишчу маърузаро хонд*. Постпозиция *ро* иногда не используется для выражения значения объекта: например, *Я принес книгу* (*я* – "Ман", *принести* – "овардан", *книга* – "китоб") – *Ман китоб овардам* или *Ман китобро овардам*; если в предложении несколько прямых дополнений, постпозиция *ро* присоединяется к последнему дополнению. Примеры: *Она принесла карандаш, ручку и книгу* (*она* – "вай", *принесла* – "овардан", *карандаш* – "калам", *книга* – "китоб") – *Вай калам, ручка ва китобро овард*.

Творительный падеж. Значение совместного действия (*подружилась с девочкой, погуляла с сыном*) выражается в таджикском языке предлогом *бо* (*вместе, с, со*). Например: *Она разговаривала с врачом* (*она* – "вай", *говорить* – "сухбат кардан", *с* – "бо", *врач* – "духтур") – *Вай бо духтур сухбат кардаст*. *Тимур с другом пришел домой* (*с* – "бо", *друг* – "рафик", *прийти* – "омадан", *дом* – "хона") – *Тимур бо рафикаш хона омад*. *Тимур и его друг пошли домой* (*с* – "бо", *друг* – "рафик", *пришли* – "омадан", *домой* – "хона") – *Тимур бо рафикаш ба хона омад*. Предлог *бо* также передаёт инструментальное значение, указывая на средства, с помощью которых выполняется действие. Например, *Он исправил ошибку карандашом* (*он* – "вай", *ошибка* – "хатохо", *исправить* – "ислох кардан", *карандаш* – "калам") – *Вай хатохоро бо калам ислох кард*.

Значение оценочного объекта в таджикском языке (*Она довольна оценкой*) передается предлогом *аз*, например;

Она было довольно своей жизнью. (*она* – "вай", *быть* – "будан", *довольно* – "рози", *свой* – "худ", *жизнь* – "зиндаги") *Вай аз зиндагии худаш рози буд*.

Предложный падеж. Значение предмета мысли или разговора выражается таджикскими предлогами *дар бораи, дар хусуси, дар бобати, оиди*. Например: *Мы говорили о погоде в Сочи* (*мы* – "мо", *говорить* – "гап задан" или "сухбат кардан", *о* – "дар бораи" или "оиди", *погода* – "обу-хаво", *в* – "дар", *Сочи* – "Сочи") *Мо дар бораи обу-хаво дар Сочи гап*

задем. *Мо оиди обу-хаво дар Сочи сукхат кардем. Они говорили о тебе. (они – "онхо", говорить – "гап задан", о – "дар барои", тебе – "ту") – Онхо дар бораи ту гап задан.*

Иными словами, на основе простого сопоставительного анализа можно сделать следующие выводы.

Преподавание русского языка в таджикской аудитории будет более успешным, если преподаватели будут знать основные черты сходства и различия между таджикским и русским языками.

Изучение системы падежей русского языка представляет значительные трудности как в плане усвоения знаний о системе падежей, так и в плане формирования грамматической компетенции. Процесс автоматизации грамматического поведения занимает много времени и затруднен тем, что эти навыки приходится формировать заново. В таких случаях коррекция и активный перенос навыков значительно усложняются, так как системы обоих языков сильно отличаются.

Поскольку психологически невозможно и, следовательно, методически нецелесообразно отвергать родной язык ученика в процессе формирования навыков, обучение русскому языку должно строиться "с русской логикой", с учетом особенностей таджикского родного языка.

Литература

1. Арзуманов С., Сангинов А. Забони тоҷики. – Душанбе, 1988.
2. Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками (романский лингвистический материал). – Москва, 2004.
3. Зардиев Ш.К. Функциональный подход к изучению падежной системы имен существительных русского языка в таджикской аудитории: Дисс. ... канд. пед. наук. – Москва, 1994.
4. Мошеев И.Б. Грамматические категории имени в русском и таджикском языках. – Душанбе, 1989
5. Русская грамматика. Том 1. – Москва : Наука, 1980.

Ruzieva M.B.

Pushkin State Russian Language Institute

Typical errors in the use of cases in the Russian language in the speech of Tajik students.

Abstract: This article examines the case categories of nouns using the example of the Russian and Tajik languages. A comparative analysis of case categories of nouns is carried out on the basis of two languages with the aim of teaching Tajik students RFL, i.e. for the presentation of knowledge and the formation of grammatical skills.

Key words: grammar, case, preposition, postposition, word order, Russian language in Tajikistan

Сабирзянова Амалия Саматовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

aaamelxen@gmail.com

Работа по орфографии при подготовке к ЕГЭ по русскому языку (на примере задания № 9)

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук, профессора

Орфографические ошибки часто встречаются в работах современных учащихся. В данной статье мы поставили цель разработать алгоритм работы с заданием №9, проверяющим на ЕГЭ по русскому языку правописание гласных в корне. Рассматривается использование блок-схемы при решении данного задания.

Ключевые слова: Единый государственный экзамен; орфография; блок-схема; наглядное обучение.

Единый государственный экзамен по русскому языку проверяет широкий спектр тем, изученных школьниками в ходе освоения образовательной программы по предмету, в том числе орфографические умения в заданиях № 9-№ 12, а также в сочинении (№ 27, критерий К7). Следует отметить, что учащийся может получить до 7 первичных баллов из 50, если он успешно справится с данными заданиями и не допустит орфографические ошибки в сочинении, то есть около 15% результата ученика зависит от владения нормами правописания. Это свидетельствует о том, что пристальное внимание должно быть уделено работе с орфографией при подготовке к ЕГЭ. В статье мы рассмотрим алгоритм работы с заданием № 9.

Для успешного решения данного задания необходимо в совершенстве владеть темой правописания гласных в корне. Трудность при выполнении обусловлена необходимостью проанализировать 15 слов с точки зрения орфографических норм. По итогам ЕГЭ 2023 года 35% экзаменуемых не справились с выполнением данного задания.

Мы считаем, что одним из важных элементов при решении задания № 9 в ЕГЭ по русскому языку является усвоение алгоритма работы с данным номером. Для того чтобы школьники могли справиться с этой задачей, предлагаем использовать блок-схему, которая активно применяется в дидактической инфографике. По С.В. Острикову, «блок-схема показывает ключевые шаги какого-либо процесса в виде блоков, связанных однонаправленными стрелками» [4, с. 125].

Нельзя не отметить, что поколение Z активно потребляет визуальную информацию, которая становится все более значимой в современном мире. В аналитическом отчете по

итогах экзамена в 2023 также рекомендуется применять современные технологии, приемы и средства в обучении орфографии [3]. Следовательно, для эффективного обучения необходимо внедрять методы визуализации учебного материала, к которым как раз можно отнести разнообразные схемы, модели, позволяющие учащимся лучше усваивать информацию. Наглядное обучение будет способствовать повышению познавательной активности и упростит процесс усвоения знаний.

Рис 1. Алгоритм решения задания № 9

Обратимся к рисунку 1, на котором изображена блок-схема, предложенная нами для работы с заданием № 9. На первом этапе учащимся требуется определить, можно ли подобрать проверочное слово к гласной в корне, что обусловлено относительной легкостью данного действия для школьников по сравнению с определением непроверяемой или чередующейся гласной. Если гласная в корне проверяемая, то после ее подбора, работа со словом заканчивается. В ином случае учащиеся должны определить, относится ли гласная в корне к чередующимся. Перечень чередующихся гласных является исчерпывающим, потому мы предлагаем на этом этапе отталкиваться именно от этого вопроса. В случае неутвердительного ответа ученик понимает, что гласная является непроверяемой, написание слова ему необходимо вспомнить. Если гласная в корне является чередующейся, то экзаменуемый должен воспроизвести правила работы с данной орфограммой.

Рассмотрим работу с алгоритмом на конкретных примерах. Для этого будем использовать слова, написание которых вызвало затруднения в ходе решения выпускного экзамена в 2023 г. [3]: (металл) нак..лился; экспер..мент. Так, при работе с первым словом учащимся требовалось определить, гласную А или О необходимо вставить на месте

пропуска. К гласной в корне можно подобрать проверочное слово – наКл. Приходим к выводу, что слово проверяемое. При работе со словом «экспер..мент» учащиеся должны сделать выбор между гласными Е и И. Подобрать проверочное слово не удастся. Значит, требуется понять, относится ли корень к чередующимся. Получая отрицательный ответ, экзаменуемый понимает, что ему необходимо самостоятельно вспомнить правописание, потому что гласная в корне непроверяемая, слово является словарным.

Таким образом, внедрение предложенного алгоритма в процесс работы с заданием № 9 и использование визуализации учебного материала может способствовать улучшению результата школьников на ЕГЭ по русскому языку. Целью дальнейшего исследования мы видим разработку алгоритма работы с другими заданиями экзамена, проверяющими навыки правописания.

Литература

1. Директорова Д.Д. Возможности использования схем-моделей как зримого результата структурирования языкового материала в процессе изучения системы русского языка в старших классах // Концепт. – 2024. – №2. – [Электронный ресурс] URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-shem-modeley-kak-zrimogo-rezultata-strukturirovaniya-yazykovogo-materiala-v-protssesse-izucheniya-sistemy> (дата обращения: 17.02.2024).
2. Дощинский Р.А., Крайник О.М., Соловьёва Т.В. Аналитический отчёт о результатах ЕГЭ 2023 года по русскому языку // Педагогические измерения. – 2023. – №3. – С. 4-23.
3. Желтухина М.Р., Донскова Л.А. Инфографика как технология визуализации образовательного контента // Проблемы современного педагогического образования. 2022. – №76-3. – [Электронный ресурс] URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-kak-tehnologiya-vizualizatsii-obrazovatel'nogo-kontenta> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Остриков С.В. Теоретические основы и принципы инфографического дизайна / С.В. Остриков. – Москва : Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, 2014. – 208 с.
5. Соломатова Ю.В. Возможности использования дидактической информационной графики в обучении русскому языку (на примере разных видов схем) // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2018. – №26. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-didakticheskoy-informatsiionnoy-grafiki-v-obuchenii-russkomu-yazyku-na-primere-raznyh-vidov-shem> (дата обращения: 16.02.2024).

Sabirzyanova A.S.

The Pushkin State Institute of the Russian Language

Spelling work in preparation for the Unified State Exam in the Russian language (using the example of task № 9)

Spelling mistakes are often found in the works of modern students. In this article, we set a goal to develop an algorithm for working with task No. 9, which checks the spelling of vowels at the root on the Unified State Exam in the Russian language. The use of a flowchart in solving this task is considered.

Keywords: Unified State Exam; spelling; flowchart; visual learning.

Садовникова Татьяна Юрьевна

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

rsu105@mail.ru

Стратегия работы над текстом сочинения ЕГЭ в 2024 г.

Работа выполнена под руководством Бурмакиной Натальи Алексеевны, доцента, кандидата филологических наук

В статье представлены планы занятий, направленных на подготовку экзаменуемых к написанию сочинения ЕГЭ по русскому языку в 2024 г. Автором рассматриваются методы и приемы, способы организации учебного процесса, которые можно использовать при подготовке выпускников к написанию сочинения.

Ключевые слова: ЕГЭ, скрипт, сочинение-рассуждение, проблема, авторская позиция, комментарий, смысловая связь, собственная позиция.

При получении основного общего и среднего общего образования учащиеся не раз сталкиваются с заданием написать сочинение. В рамках ЕГЭ по русскому языку умение учащихся «создавать собственное высказывание на основе прочитанного текста» проверяется с помощью задания с развернутым ответом [1, с. 4].

За сочинение на ЕГЭ по русскому языку максимум можно получить 21 балл. Если переводить эти баллы в 100-балльную шкалу, то получим ≈ 44 балла. Можно легко заметить, что это почти половина от общего количества баллов. Ученик, решивший только тестовую часть, не сможет претендовать на высокие баллы за экзамен. Поэтому важно при подготовке к ЕГЭ уделить особое внимание заданию с развернутым ответом.

За 2 года подготовки учащихся 10-11 классов к ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку автором статьи была разработана собственная стратегия работы над сочинением. Итак, ниже будет расписан план занятий, направленных на подготовку выпускников к написанию сочинения ЕГЭ по русскому языку в 2024 году.

Занятие 1. Структура сочинения ЕГЭ, определение проблемы и авторской позиции

Первое занятие начинается с обозначения важности написания сочинения. Показывается, что за него можно получить 44 вторичных балла. Сразу акцентируется

внимание на том, что самое главное в подготовке – *самостоятельно* практиковаться в написании сочинения. Далее время уделяется чтению задания и совместному анализу его формулировки. Ученики определяют, из каких элементов будет строиться сочинение. Затем идет обсуждение критериев оценивания сочинения. Начинается работа над текстом сочинения с авторской позиции. Целесообразен такой путь, потому что все структурные элементы сочинения должны быть написаны по проблеме текста, а проблема в тексте не всегда может быть видна. Далее идет объяснение того, что же такое авторская позиция, какими способами и где её найти. Одна из закономерностей, которые были замечены, это то, что часто авторская позиция хорошо прослеживается в конце текста. Далее обсуждается алгоритм определения авторской позиции. В алгоритме обращается внимание на то, что зачастую в положительном герое содержатся те качества, которые ценит автор и о которых, следовательно, стоит сказать в авторской позиции. Кроме того, нужно постараться найти главную мысль, которой посвящено минимум четверть текста, чтобы в дальнейшем не столкнуться с ситуацией, когда при попытке найти примеры в тексте найти сложно. Затем идет обсуждение проблемы текста, дается информация о том, что это такое. Обращаем внимание учеников на то, что если неверно определить проблему, то автоматически они теряют 6 баллов из 21. Далее показываются разные способы формулировки проблемы, но акцентируется внимание на формулировку проблемы в виде риторического вопроса. Используя её, учащиеся могут не тратить время на написание введения. В конце занятия предлагается ученикам побывать в роли экспертов и оценить разные формулировки проблем.

Занятие 2. Комментарий в сочинении ЕГЭ

Второе занятие посвящается комментарию к проблеме исходного текста. Можно сразу связать тему второго занятия с темой предыдущего, обратив внимание на то, что комментарий – это некий «мостик» между проблемным вопросом и авторской позицией. Далее идет обсуждение теории, объяснение, что из себя представляет комментарий. На этом этапе можно приводить аналогию с комментатором футбольного матча. Задача ученика в сочинении – представить, что он комментатор, только полем с игроками будет уже текст, а зрителем – эксперт, которому нужно объяснить, почему герой поступил так, а не иначе, что автор хотел донести до читателей и т. д. Затем стоит перейти к обсуждению требований к комментарию. Показываем, что можно использовать в качестве примеров. Кроме того, говорим о том, что в пояснении необходимо объяснить слова автора, рассказать, почему, по вашему мнению, герои поступают так, а не иначе. Здесь же обратите внимание, что не нужно пересказывать пример своими словами! Третье требование – наличие смысловой связи между примерами. Далее обсуждаются требования к цитированию: на этом этапе заострите

внимание на том, что если в качестве примеров будут даны целые куски текста без каких-либо самостоятельно сформулированных мыслей, то примеры-иллюстрации засчитаны не будут. После обсуждения теории идет практическая часть занятия. Сперва целесообразно поработать над небольшим текстом. Желательно также, чтобы в этом тексте были яркие примеры, которые без труда сможет найти ученик. Далее берется уже текст побольше и посложнее. В конце занятия можно показать примеры работ прошлых лет, оцененных на экзамене на максимум.

Занятие 3. Смысловая связь между примерами-иллюстрациями

На этом занятии дается более подробная информация о разных типах смысловых отношений. Прежде всего, стоит пояснить выпускникам, что же из себя представляет смысловая связь. Для грамотной формулировки смысловой связи между примерами предложите им ответить на несколько вопросов: Как связаны микротемы в самом тексте? Почему автор приводит сначала один пример, а потом второй? Как в совокупности они подводят к авторской позиции? Далее показываем место смысловой связи между примерами-иллюстрациями в сочинении. Рекомендуется писать смысловую связь после примеров отдельным абзацем для наглядности и логичного повествования. Затем переходим к обсуждению разных типов смысловых отношений. Два типа смысловых отношений: противопоставление и дополнение – легче найти и сформулировать. Далее обращаем внимание на клише для формулирования разных смысловых связок. Здесь же стоит заметить часто совершаемую экзаменуемыми грамматическую ошибку: ошибочным будет написать «ОБА примера дополняют ДРУГ ДРУГА». Проверять себя ученики могут также на сайте национального корпуса русского языка, где показано, употребимы те или иные конструкции в русском современном языке или нет [2]. Затем ученики примеряют на себя роль экспертов и сами пробуют оценить смысловые связки. В конце занятия рассматриваются сочинения с реального ЕГЭ и оценивается их содержание по критериям 1-3. Примеры сочинений можно взять на сайте ФИПИ в разделе «Для предметных комиссий субъектов РФ» [3, с. 21-85].

Занятие 4. Формулировка собственной позиции в сочинении ЕГЭ

Начать занятие предлагается с подробного рассмотрения критерия 4. При этом стоит уделить упоминание к оцениванию, которое добавили с этого года: «Обоснование должно включать пример-аргумент, источником для которого служит жизненный, читательский или историко-культурный опыт». Из этого указания мы понимаем, что ученик должен привести какой-то конкретный пример, а не просто размышления по теме, которые допускались ранее. После обсуждения критерия логично перейти к рассмотрению структуры аргумента. Далее дается клише для выражения отношения к позиции автора. Затем приводится ряд примеров

из сочинений выпускников прошлого года, в которых обращается внимание на абзац с обоснованием собственного мнения. Далее ученикам предлагается оценить критерий 4 в разных сочинениях выпускников прошлых лет. В конце занятия можно обобщить все сказанное о критерии 4 с помощью блиц-опроса: ученики видят утверждение и говорят, верное оно или нет (*например, «Обязательно использовать только примеры из литературы – неверно», «Нужно два примера для обоснования – неверно» и т. д.*).

Все дальнейшие занятия должны быть направлены на практику написания сочинения ЕГЭ. Отдельно можно уделить внимание речевым ошибкам в сочинении ЕГЭ и посвятить им отдельное занятие. Кроме того, можно на одном-двух занятиях обсудить типичные ошибки, которые совершают экзаменуемые при написании сочинения, основываясь уже на написанных работах ваших учеников или на ошибках, которые были представлены в методических рекомендациях для учителей, подготовленных на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2023 года, по русскому языку на сайте ФИПИ.

Литература

1. Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2024 году единого государственного экзамена по русскому языку. – Москва: Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации, 2023. – 13 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2003-2023 // Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.11.23).
3. Методические материалы для председателей и членов предметных комиссий субъектов Российской Федерации по проверке выполнения заданий с развёрнутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2023 года по русскому языку. / Р.А. Доцинский, Е.В. Аругюнова, И.П. Васильевых [и др.]. – Москва : федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный институт педагогических измерений», 2023. – 104 с.

Sadovnikova Tatyana Yurievna

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

A strategy for working on the text of the Unified State Exam essay in 2024

The article presents lesson plans aimed at preparing examinees to write the USE essay in Russian language in 2024. The author considers methods and techniques, ways of organizing the educational process that can be used in preparing graduates to write an essay.

Keywords: Unified State Exam, script, essay-discussion, problem, author's position, commentary, semantic connection, own position.

Сафронова Виолетта Александровна

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
violettasafronova21122@gmail.com

«Случайные» и «неслучайные» семьи в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

Работа выполнена под руководством Мироновой Галины Семеновны, доцента кафедры
русского языка и литературы

В статье рассматриваются «случайные» и «неслучайные» семьи в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Над этим разделением семей размышлял еще Ф. М. Достоевский. Фундаментом идеальной, «неслучайной», семьи являются духовные ценности, поддержка, опора, любовь и взаимопонимание. К таким семьям в романе Л.Н. Толстого относятся Ростовы и Болконские. «Случайные» семьи создаются для реализации исключительно своих материальных целей. Этот тип семьи представлен в романе Курагиными, Друбецкими, Бергами.

Ключевые слова: «случайная» и «неслучайная» семья, духовные ценности, взаимопонимание, осознанность.

Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир», являющийся величайшим памятником русской литературы, затрагивает достаточно большой круг тем и проблем. Одной из главных, на наш взгляд, является проблема брака и семейных отношений. На страницах романа-эпопеи мы наблюдаем жизнь нескольких семей, которых можно назвать либо «случайными», либо «неслучайными». Впервые термин «случайное семейство» использовал Ф.М. Достоевский в заключительных строках романа «Подросток». Этим понятием писатель обозначил семью, в которой распались все внутренние связи, отсутствуют «родовое предание и красивые законченные формы» [2, с. 597], т.е. семью, находящуюся в состоянии «беспорядка и хаоса» [2, с. 599]. Несмотря на то, что концепция «случайного семейства» у Ф.М. Достоевского складывается в полемике с традиционной патриархальной трактовкой семьи, которая была свойственна Л.Н. Толстому, мы в нашей статье будем использовать понятие, предложенное автором «Подростка» и «Братьев Карамазовых».

Фундаментом идеальной, «неслучайной», семьи являются духовные ценности, поддержка, опора, любовь и взаимопонимание. «Случайные» же семьи создаются для реализации исключительно своих материальных целей. На страницах великого романа Льва Толстого можно обнаружить несколько «неслучайных семей». Это, прежде всего, Ростовы и Болконские, а в дальнейшем такой тип семьи создадут Наташа Ростова и Пьер Безухов, Марья Болконская и Николай Ростов. В первой части эпилога автор сформулирует очень верное определение такого «неслучайного» семейного союза: «Как в каждой настоящей семье, в лысогорском доме жило вместе несколько совершенно различных миров, которые, каждый удерживая свою особенность и делая уступки один другому, сливались в одно гармоническое целое. Каждое событие, случившееся в доме, было одинаково – радостно или

печально – важно для всех этих миров; но каждый мир имел совершенно свои, независимые от других, причины радоваться или печалиться по какому-либо событию» [4, с. 672].

Идеал семейного счастья Л.Н. Толстой рисует на примере Ростовых. Своего рода фундаментом семьи, на котором держится уют и теплая атмосфера дома, является графиня Ростова, с которой мы знакомимся на первых страницах романа. Она не просто мать для своих детей, она их верный друг и советчица, пользующийся «полным их доверием» [3, с. 51]. Подобно своей супруге, глава семьи, граф Илья Андреевич Ростов, является примером отцовской любви. Несмотря на трудности, связанные с финансовыми проблемами, он никогда не теряет своей природной веселости и энергии, а потому с уверенностью преодолевает их. Очевидно, дети смотрят на отца и хотят быть такими же добрыми и отзывчивыми. Его дочь Наташа – одна из самых жизнерадостных, простых девушек. Именно она является для писателя идеалом внутренней красоты, а с годами станет эталоном женской мудрости и опорой для близких. Находясь в мире этой семьи, каждый читатель наслаждается любовью, теплотой, заботой, которые дарят друг другу ее члены. Уже в первых диалогах, которые мы слышим на именинах Наташи, чувствуется искренность и естественность. В такой семье царит простота, отзывчивость и счастье. Ростовы следуют всем традиционным духовным ценностям, любви и заботе друг о друге. Несмотря на некоторые черты барства и расточительности, на которые нельзя не обратить внимания, эта семья является поистине «неслучайной», ведь все члены семьи связаны друг с другом самыми крепкими узами и испытывают по отношению друг к другу самые светлые чувства, дети равняются на своих родителей и хотят быть такими, как они. Вот он идеал семейного счастья. Правда, есть в этой семье один представитель, который выбивается из общей идеальной картины. Это старшая дочь Вера, с которой, по словам Ильи Андреевича, «графинюшка мудрила» [3, с. 52]. А потому и союз Веры Ростовской и Берга, основанный на холодном расчете, является, по нашей терминологии, «случайным», поскольку в нем нет основы – духовного развития, а главное – нет детей, которыми они осознанно не хотят себя обременять.

Стоит отметить, что в романе «Война и мир» показана еще одна семья, которую тоже можно назвать «неслучайной». Это семья Болконских, где царит аристократический дух ее главы – Николая Андреевича Болконского, ушедшего в отставку при Павле I и живущего безвыездно в деревне. Старый князь горд, суров, а порой и невыносим: «Он говорил, что есть только два источника людских пороков: праздность и суеверие, и что есть только две добродетели: деятельность и ум...» [3, с. 106]. Безусловно, князь строго и требовательно относится к своим детям, но делает он это для того, чтобы они выросли настоящими людьми. Отец старается защитить свою семью, дать детям хорошее образование и показать истину

жизни. Николай Андреевич мог быть деспотичен по отношению к дочери, строг в разговоре с сыном, но завнешней суровостью всегда скрывалось беспокойство за них и любовь. Отсюда и жесты, выдающие эти чувства («дотронулся руками до волос княжны», «потрепал ее рукой по щеке» [3, с. 108]), и сердитый окрик в сторону уезжающего на войну сына («Простились... ступай!» [3, с. 135]), и обращенное к княжне Марье ласковое слово «Душенька» [4, с. 142], произнесенное перед смертью. Именно благодаря воспитанию отца дети научились чтить традиции и ценить семейные узы. Андрей Болконский в начале романа противоречит отцу, хочет обрести свою славу, пытается найти свой смысл жизни. Именно так, как учил его отец: чувствовать взлеты и падения. И в конце жизни Андрей все-таки приходит к истине, к осознанию счастья, к Богу. Младшая дочь князя, Марья Болконская, всегда старается помочь не только своим близким, но и другим людям. Примечательны отношения князя Андрея и княжны Марьи, которые не привыкли открыто выражать свои чувства, но, безусловно, искренне привязаны друг к другу. В сцене с нательным крестиком, который княжна Марья дарит Андрею перед его отъездом на войну 1805 года, проявляются теплые отношения брата и сестры, трогательная забота их друг о друге. Болконские – это эталон аристократии, которая ценит традиции, честь и достоинство, и, безусловно, это «неслучайная» семья, крепко спаянная глубокой внутренней любовью друг к другу.

На первых же страницах романа Л.Н. Толстой знакомит читателей с еще одной семьей – Курагины. На первый взгляд, это семейство «неслучайное», так как создавалось оно осознанно. Но причина этой осознанности иная, чем у Ростовых или Болконских. Основа, на которой формировалась эта семья, – расчет, приобретение материальной выгоды. Именно поэтому она не может быть семьей – продолжением рода, поскольку там нет любви, простоты, искренности, духовных ценностей. Этот семейный клан абсолютно лишен «родовой поэзии». Как отмечал исследователь С.Г. Бочаров, «их семейная близость и связь непоэтична, хотя она, несомненно, есть – инстинктивная взаимоподдержка и солидарность, своего рода круговая порука эгоизма почти что животного» [1, с. 95]. Действительно, князь Василий хлопочет о своих сыновьях и дочери, устраивает им карьеру или брак в соответствии со светскими представлениями об успехе. Но, как отмечает сам князь Курагин, у него нет «шишки родительской любви», поэтому его отношение к сыновьям ограничивается лаконичной характеристикой – «покойный дурак» (Ипполит) и «беспокойный» (Анатоль). А неестественная интонация, с которой он это произносит, сопровождается «неожиданно-грубым и неприятным» выражением лица [3, с. 8]. Да и брак Элен и Пьера скорее напоминает выгодную сделку, а не заботу отца о счастье дочери. «Мои дети – обуза моего существования. Это мой крест», - признается князь Василий Анне Павловне Шерер, а обсуждая с ней

возможное сватовство Анатоля к княжне Болконской, пользуется экономической терминологией: «Нет, вы знаете ли, что этот Анатолий мне стоит сорок тысяч в год» [3, с. 9]. Столь же отвратительна зависть к красоте дочери, которая не дает покоя матери Элен. А отношения молодежи в семье Курагиных скорее напоминают животный инстинкт, а не взаимную духовную привязанность близких родственников. При внешней заинтересованности они глубоко равнодушны друг к другу. К сожалению, семьи, подобные Курагиным, существуют, они создаются осознанно, и с этой точки зрения в них нет случайности, но в духовном смысле они случайны, потому что у них отсутствуют нравственные ориентиры. «Случайная» семья в романе Льва Толстого – это семья Бориса Друбецкого и Жюли Карагиной, которых сводит вместе холодный расчет. Случайным, на наш взгляд, является и союз князя Андрея и Лизы, «маленькой княгини», поскольку у них нет духовной близости. Точно также брак Элен и Пьера – это «случайная» связь совершенно чуждых по духу людей, брачный союз, в котором нет поддержки, опоры, нет родства душ. Их отношения завязаны на материальных интересах, выгодных только Элен.

Наступивший 2024 год объявлен в нашей стране Годом семьи. Поэтому «мысль семейная», которую неоднократно на страницах своих произведений отражал Л.Н. Толстой, является сейчас как никогда актуальной. В современном мире, как и в романе-эпопее Льва Толстого «Война и мир», семьи тоже разделяются на два типа, поскольку каждый создает семью исходя из своих целей. У кого-то, как у Ростовых, Болконских, Безуховых, фундаментом семейного счастья являются духовные ценности, любовь, поддержка и опора. А кто-то, как Курагины, Друбецкие, Берги, создают семью случайно только ради своей материальной выгоды. А ведь так быть не должно. Каждый человек должен построить фундамент для семейного счастья, состоящий из светлых чувств и истинных ценностей. К этому нас и призывает Лев Николаевич Толстой.

Литература

1. Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». – Москва : Художественная литература, 1987. – 158 с.
2. Достоевский Ф.М. Подросток. – Москва : Правда, 1984. – 608 с.
3. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I–II. - Л.: Лениздат, 1984. – 750 с.
4. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. III–IV. Л.: Лениздат, 1984. – 768 с.

Safronova V.A.

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy

“Random” and “non-random” families in Tolstoy’s novel “War and Peace”

The article examines "random" and "non-random" families in L. N. Tolstoy's novel "War and Peace". F. M. Dostoevsky also reflected on this division of families. The foundation of an ideal, "non-accidental" family is spiritual values, support, support, love and mutual understanding. Such families in the novel by Leo Tolstoy include the Rostovs and the Bolkonskys. "Casual" families are created to realize exclusively their material goals. This type of family is represented in the novel by Kuragin and, Drubetsky, Bergami.

Key words: random and non-random family, spiritual values, mutual understanding, awareness.

Свидерская Анастасия Владиславовна

Магистрант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

sviderskay.nastay@yandex.ru

Развитие устной и письменной речи иностранных студентов через систему творческих заданий на уроках РКИ

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора филологических наук, профессора

В статье обсуждаются преимущества использования системы творческих заданий и их положительного влияния на развитие устной и письменной речи иностранных учащихся на занятиях РКИ. Анализ показывает, что творческий подход играет важную роль в эффективности обучения.

Ключевые слова: русский как иностранный (РКИ), обучение устной и письменной речи, система творческих заданий.

Преподавание РКИ имеет свои особенности, включая развитие устной и письменной речи студентов. Однако традиционные методы обучения часто ограничиваются упражнениями на грамматику и письмо на заданные темы, что не способствует развитию творческого мышления и изучению языка как средства выражения индивидуальности. В данной статье будет описана система творческих заданий на уроках РКИ и их роль в развитии устной и письменной речи студентов. На сегодняшний день вопрос творчества является одной из самых перспективных задач в современной педагогике и имеет настолько высокую актуальность, что считается проблемой века. Прежде чем говорить о творческих заданиях, нужно рассмотреть само понятие творчества, а также что же такое творческие способности и, что немаловажно, рассмотреть механизмы творчества.

Понятие «творчество» раскрывает существенный момент специфики человеческого отношения к действительности, специфики социальной формы отражения. При этом человек в состоянии проявить творчество во всех областях своей деятельности. То есть творчество является жизненной необходимостью для существования человека, оно есть существенный элемент его качественной определенности как человека-субъекта.

Творчество, по П.И. Пидкасистому, это самостоятельное создание нового, оригинального, ранее не существовавшего [7]. Результатом творчества могут быть материальные, культурные, духовные ценности. Создание нового, лежащее в основе творчества, должно вызываться общественными потребностями и иметь развивающее значение.

По определению В.Г. Разумовского, понятие «творчество» содержит в себе два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, творчество—это деятельность личности по созданию новых ценностей, имеющих социальное, а не только личное значение. Речь идет о результате, о продукте, который сотворен личностью или коллективом людей, причем о результате новом, оригинальном, общественно значимом [8]. Во-вторых, под творчеством понимается сам процесс, в котором личность реализует и утверждает свои потенциальные силы и в котором она сама развивается. Этот процесс, по существу, и является творческой деятельностью. Способность к творчеству – отличительная черта человека, благодаря которой он может жить в единстве с природой, создавать, не нанося вреда, приумножать не разрушая. Креативность, как основная характеристика творческой личности, определяется как способность порождать необычные идеи, находить оригинальные решения и отклоняться от традиционных схем мышления [1].

Система творческих заданий на уроках РКИ представляет собой эффективный способ обучения, который способствует активному вовлечению студентов и развитию их языковых навыков. Некоторые из основных аспектов этой системы включают:

1. Развитие языковых навыков. Творческие задания помогают студентам улучшить грамматические и лексические навыки, а также познакомиться со стилем и особенностями написания различных типов текстов на русском языке.
2. Стимулирование творческого мышления. Эти задания позволяют студентам использовать свой творческий потенциал, выбирать лексику, грамматику и тематику самостоятельно, что способствует развитию их творческих способностей.
3. Повышение мотивации. Ученики, участвуя в творческих заданиях, ощущают себя активными участниками процесса обучения, что стимулирует их интерес к изучению русского языка и мотивирует к достижению высоких результатов [5].
4. Интерактивность и коллаборация. Многие творческие задания предполагают работу в группах или партнерстве, что способствует развитию коммуникативных навыков и способности работать в коллективе.

Если говорить о том, как могут быть реализованы творческие задания на занятиях РКИ, можно отметить на основании анализа Программы по русскому языку как

иностранному, составителями которой являются О.И. Глазунова, Д.В. Колесова, Т.И. Попова. Примечательно, что программа была впервые представлена в 2017 года, в ее содержании синтезированы общеметодологические аспекты изучения русского языка как иностранного, а также приводятся узконаправленные задания, предназначенные для изучения конкретного уровня языка. Концепция Программы по русскому языку как иностранному предполагает, что рассматриваемое учебное пособие поможет реализовать преподавателю принцип совмещения поступательной реализации задачи обучения с достижением высоких образовательных результатов на каждом уровне.

Примечательно, что Программа по русскому языку как иностранному О.И. Глазуновой, Д.В. Колесовой, Т.И. Поповой включает несколько уровней обучения, среди которых можно отметить следующее:

A1 Элементарный уровень владения языком.

На первом уровне разработчики программы предполагают, что обучающийся получит первоначальные знания о языке, которые помогут общаться с носителем русского языка в ограниченных коммуникативных ситуациях. На данном этапе учащиеся знакомятся с основами грамматики русского языка, закрепляя при этом полученные знания посредством тестовых заданий.

A2 Базовый уровень владения языком.

Данный уровень нацелен на расширение сферы межличностного общения учащегося и на решение практических задач в стандартных ситуациях повседневной жизни. Учащиеся могут разбираться в ситуациях говорения, связанных с простыми темами – описанием погоды, характеристикой профессий и увлечением, описанием цветов, наименованием одежды и т.д. Творческие задания на данном уровне представляют собой создание учащимися словосочетания и отдельных предложений на различные темы. Подобные упражнения дают возможность освоить на первоначальном уровне грамматические и лексические навыки.

B1 (ТРКИ-1).

Уровень предполагает то, что учащиеся смогут последовательно сформировать навыки социально-делового общения. Творческие задания заключаются в том, что обучающиеся могут самостоятельно решать практические задачи в области профессиональной и учебной сферы общения. Преподаватель русского языка может задействовать учащихся к созданию ситуаций говорения, согласно нормам литературного русского языка.

B2 (ТРКИ-2).

Данный уровень ориентирован на то, чтобы дать развернутые творческие задания для тех обучающихся, которые будут продолжать обучение в высшем учебном заведении. Задания на данном уровне предполагают то, что учащиеся умеют использовать элементы разных стилей речи, решать задачи, связанные с межличностным общением. Рассматриваемый уровень освоения РКИ предполагает то, что преподавателем будут использованы творческие задания с пониманием сложных текстов на узконаправленные темы. В результате прохождения рассматриваемого уровня учащиеся смогут свободно владеть умениями изложения мыслей.

C1 (ТРКИ-3).

Данный уровень на практике обеспечивает учащемуся владение различными стилями языка и способность воспринимать информацию во всей полноте ее содержания в различных ситуациях социально-бытового, социокультурного и профессионального общения. Предполагается, что учащиеся смогут свободно владеть навыками устной и письменной речи. Задания направлены на то, чтобы творческим путем получить практические навыки по узконаправленным темам.

C2 (ТРКИ-4).

Заключительный уровень предполагает то, что учащиеся целостно овладевают навыками РКИ. На основании закрепления учебного материала учащиеся смогут получить знания такого уровня, который позволит осуществлять самостоятельно написать научно-исследовательскую работу. Итогом завершения обучающей программы является формирование такого навыка, как выстраивание монологических высказываний на основании грамматических и лексических норм русского языка.

Следует отметить, что большое внимание уделяется структуре учебных занятий: последовательности презентации речевых тем в рамках модулей и подмодулей, обусловленной методическим принципом от простого – к сложному, их соответствию лексической базе и разговорным темам, отобранным для данного этапа обучения.

Таким образом, система творческих заданий на уроках РКИ не только способствует эффективному обучению, но также развивает у студентов целый комплекс навыков, необходимых для успешного владения русским языком [9]. Творческие задания на уроках РКИ являются важным компонентом обучения студентов, что становится понятным на основании последовательного комплекса заданий по Программе русского языка как иностранного. Такие задания способствуют развитию навыков во всех видах речевой деятельности, формированию творческого мышления и умению выражать свои мысли и идеи

на русском языке. Включение таких заданий в систему обучения необходимо для развития устной и письменной речи студентов и повышения их мотивации к изучению русского языка.

Литература

1. Ахмерова А.Ф. Креативность как основная характеристика творческой личности / А.Ф. Ахмерова // Вестник Университета Российской академии образования: электронный журнал. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnost-kak-osnovnaya-harakteristika-tvorcheskoy-lichnosti> (дата обращения: 26.02.2024).
2. Бабушис Е.Е. Обучение письменной речи как творческой деятельности в форме описания, повествования и аргументации на старшем этапе в школах с углубленным изучением английского языка: специальность 13.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бабушис Елена Евгеньевна. – Тамбов, 2000. – 18 с.
3. Глазунова О. И. Концепция новой «Программы по русскому языку как иностранному» (основной курс все уровни обучения) / О.И. Глазунова // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2018 года / Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. Том 1. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 470-477.
4. Два подхода к обучению письменной речи // Просвещение. Иностранные языки // [Электронный ресурс]. – URL: <https://iyazyki.prosv.ru/2016/06/2approaches-learning/> (дата обращения: 26.02.2024)
5. Кудряшова А.А. Творческая иноязычная письменная речь (английский язык) / А.А. Кудряшова, З.Н. Никитенко // StudNet: электронный журнал // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskaya-inoyazychnaya-pismennaya-rech-angliyskiy-yazyk> (дата обращения: 26.02.2024).
6. Лешутина И.А. Мотивация к дистанционному изучению иностранных языков как вызов современности и слагаемое успеха / И.А. Лешутина. – Русский язык за рубежом. – 2020. – № 2. – С.15-19
7. Пидкасистый П.И. Педагогика: учебник и практикум для вузов / П.И. Пидкасистый. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 408 с. – ISBN ISBN 978-5-534-01168-5.
8. Разумовский В.Г. Развитие творческих способностей учащихся в процессе обучения физике [Текст] / В.Г. Разумовский; Науч.-исслед. ин-т содерж. и методов обучения Акад. пед. наук СССР. – Москва : Просвещение, 1975. – 272 с.
9. Творческие задания на уроках русского языка // EduNeo // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.eduneo.ru/> (дата обращения: 26.02.2024)

Sviderskaya A.V.

Undergraduate, Pushkin State Russian Language Institute

Development of students' written speech through a system of creative assignments in Russian language lessons as a foreign language: the significance of creativity in the learning process

The aim of this article is to analyze the importance of using creativity for the development of students' oral and written language skills in lessons of Russian language as a foreign language. Various sources were studied and teaching practices were analyzed. The article discusses the advantages of using a system of creative tasks and their positive influence on the development of students' oral and written language skills. The analysis shows that a creative approach plays an important role in the effectiveness of teaching written language.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), teaching productive oral and written speech, creativity, system of creative tasks.

Се Дань

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

dannia1987@163.com

Этимологический анализ концепта «старость» в русском и китайском языках

Работа выполнена под руководством Китаниной Эллы Анатольевны, доктора филологических наук, профессора, зав. кафедрой общего и русского языкознания

В данной статье рассматривается этимологический анализ концепта *старость* с целью выявления исходного языкового образа *старость* в русском и китайском языках, а также обозначения изменений и особенностей восприятия *старости* носителями русской и китайской культуры.

Ключевые слова: концепт, лексема «старость», этимологический анализ, русская культура, китайская культура.

С 1990-х годов над проблемами лингвокультурологии, как развивающимся научным направлением, работают учёные как в России, так и за рубежом. В лингвокультурологии концепт является ключевым понятием. Термин *концепт* в некоторой степени тождествен «сгущению» культурной информации и участвует в соединении языка и культуры человеческого общества. С помощью этого термина национальная культура может быть понята наиболее кратко и быстро.

Концепт является формой мышления, которая отражает основные атрибуты вещей. Кроме этого, концепт представляет собой основную единицу ментальности [11, с. 199]. В.И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 91]. Концепт – это та ценностная информация, которая не просто хранится в коллективной или индивидуальной памяти, но обязательно переживается [4, с. 217]. По

мнению В. фон Гумбольдта, «Язык – есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, с. 68]. Концепт *старость* представляет собой важный этап в жизни человека, обладающий богатым культурным контекстом как в русской, так и в китайской культурах. Концепты, выраженные различными народами, уникальны и являются проявлением национального характера. Такие концепты, отражая национальный дух, обладают своими особенностями.

Этимология изучает происхождение слов, историческое развитие и этимоны. А этимологический анализ наглядно показывает происхождение слов, а также демонстрирует их появление и формирование в историческом процессе развития [2, с. 51-52].

Исследуя концепт *старость*, необходимо прежде всего выявить этимологическое происхождение слова *старость*, рассмотреть семантические значения слова *старость* в словарях, так как это даст полное осмысление этого понятия. Как отмечает Л.Ф. Копосов, «словари... являются одним из самых распространённых лингвистических источников» [6, с. 154-155]. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексическое значение слова *старость* следующее: «сменяющий зрелость возраст, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма; период жизни в таком возрасте» [8, с. 752]. Слово *старость* как имя существительное имеет широкую лексическую сочетаемость: *глубокая старость, туманная старость, собачья старость, обеспеченная старость, нищенская старость, работать до старости, выйти на пенсию по старости, накопить денег к старости, остаться в старости одному, учудить на старости лет*. Известны также пословицы и поговорки. Ср.: *В старости люди молодеют, общаясь с внуками, Придет старость – придет и слабость, Старость не радость, не красные дни, Старостию не жить, а молодостию не умереть, Старость пишет на песке, а молодость – на камне, Старость придет – веселье на ум не пойдёт, Старость счастливою не бывает, а бывает либо покойной, либо убогой*.

Слово *старость* происходит от прилагательного *старый*. В этимологическом словаре русского языка Г.А. Крылова находим интересную трактовку слова *ветеран*: «*Ветеран* – это заимствовано из французского, где *vétéran* восходит к латинскому *veteranus* от *vêtus* – "старый"»; «*Ветхий* – это общеславянское слово индоевропейской природы, имевшее начальное значение "годовой" – древнеиндийское *vatsas* переводится как "год"; кстати, первичное значение однокоренного слова *ветошь* – "прошлогодняя трава". Переосмысление значения, видимо, шло таким путем: *годовой, прошлогодний, старый, изношенный*»; «*Ветчина* – по одной из версий, это слово восходит к той же основе, что и прилагательное

ветхий в значении "старый"; видимо, этот продукт воспринимался как старый – ведь чтобы его приготовить, нужно какое-то время. Тот же суффикс используется и в словах типа солонина, буженина.» [7, с. 65-66] «*Сенат* – это государственное учреждение появилось еще в римскую эпоху, и членами его могли быть только "старейшины", самые уважаемые граждане (хотя нередко это оставалось только благим пожеланием), и латинское *senatus* (буквально – "совет старейшин") – было образовано от прилагательного *senex* – "старый", "зрелый"» [7, с. 357].

В этимологическом словаре Г.П. Цыганенко находим: «*Старый* "проживший много лет", "давно существующий", "давно минувший" и т.п. Праслав. Имеет соответствия в других и.-е. языках. Образовано с пом. суф. *-р-* со знач. большой степени того признака, который назван в корне слова (как *мокрый*) от и.-е. основы *st(h)a > ста - "стоять". *Старый* – первонач. как бы "крепко стоящий", "прочный, твердый". Ему родственны: лит. *styreti, stygù* "быть твердым, окоченелым", *stóras* "сильный", "толстый"; греч. *sterros* "твердый", *stauros* "кол". От прил. *старь* "достигший преклонного возраста" образовано с суф. *-ость* (как смелость) сущ. *старость* "преклонный возраст", от него – *староста* "тот, кому присуща старость" > "старшина" > "выборное или назначенное лицо, ведающее делами какого-либо небольшого коллектива" (ср. др.-рус. *староста* "старец, старик" и "староста").» [10, с. 401]

В этимологическом словаре А.В. Семёнова находим: «*Старый* индоевропейское – *star(о)-* (большой). Общеславянское – *starъ, starъjъ* (старый). Старославянское – *старый*. Слово *старый* известно с древнерусской эпохи (из памятников XI в.). Заимствовано из старославянского, где формы "старъ", "старый" восходят к общеславянскому корню *starъ, starъjъ* и далее – к индоевропейской основе *star(о)-*. Единого индоевропейского происхождения также следующие слова: древнескандинавское *storr* (большой), древнеиндийское *sthira* (крепкий, твердый). Родственными являются: Украинское – *старий*. Словацкое – *stary*. Производные: старик, старушка, стареть, устаревший, старость» [9].

Русское слово *старость* соответствует китайскому слову 老年 "*старость*", которое в словаре современного китайского языка означает возраст старше шестидесяти или семидесяти лет; последний этап нормального жизненного цикла; последние годы жизни. Однако в китайском языке чаще всего употребляется лексема 老 "*старый*" в значении старшего возраста. На основе данной лексемы с добавлением префиксов и суффиксов происходит образование существительных, глаголов и прилагательных с главной семой «старший, старый» и дифференциальными семами, указывающими на значение конкретного

слова в определенном контексте [12, с. 345]. Рассмотрим на китайский иероглиф 老 "*старый*", который является пиктограммой. В древнекитайских иероглифических надписях на гадальных костях 老 "*старый*" представлен в виде изображения старика, повернутого влево, с длинными волосами, согбенным спиной, держащего палку и медленнодвигающегося вперед. Разбросанные волосы указывают на их длину, не подчиненную правилам укладки, что является привилегией пожилых людей, а палка – это образ пожилого человека, нуждающегося во внешней опоре для передвижения из-за физического упадка.

Когда видим иероглиф 老 "*старый*", в голове возникает образ человека с седыми волосами, сгорбленного, опирающегося на трость и нуждающегося в поддержке. Китайское слово 老 "*старый*" может использоваться в качестве прилагательного, означающего старый, давний, опытный, старомодный: 老朋友 "*старый друг*", 少年老成 "*Зрелый не по возрасту*", 老马识途 "*Старый конь знает дорогу*", 老骥伏枥, 志在千里 "*Старый конь лежит в стойле, но мыслью устремляется за тысячу вёрст*". 老 "*старый*" в качестве существительного, означающего пожилой человек, старик, и название с уважением к пожилому человеку: 扶老携幼 "*поддерживать старых и вести за руку детей*", 老当益壮 "*сохранить душевную бодрость (дух молодости) в старости; несмотря на старость, быть бодрым и энергичным*", 张老 "*почтённый старик Чжан*". 老 "*старый*" в качестве глагола, означающего любить, почитать, стареть: 老吾老, 以及人之老 "*уважать своих стариков, а также стариков других людей*", 天若有情天亦老 "*если бы у неба были чувства, оно бы тоже состарилось*".

Как можно видеть, во-первых, первоначально лексема *старость* не существовала ни в русском, ни в китайском языках, но по мере развития общества и цивилизации от прилагательного *старый* происходит *старость*, китайское прилагательное 老 "*старый*" плюс существительное 年 "*год*" получается слово 老年 "*старость*". Во-вторых, русское слова *старость* и китайское слово 老年 "*старость*" все имена существительные и обозначаются период жизни человека. В-третьих, рассматривая несколько этимологические

словари, видимо, что русское слово *старый* общеславянское слово индоевропейской природы, восходит к той же основе, что и глагол *стать*, и обозначает древний, старый, создание и употребление слова *старый* тесно связано с условиями жизни и социальной системой того времени, и поскольку китайский иероглиф 老 "*старый*" является пиктограммой, которая очень конкретно и ярко показывает характеристики изображения пожилых людей. В-четвёртых, в русском языке *старость* больше ассоциируется с увяданием, старением, потерей внешней красоты, рассудительности и памяти, а в китайском языке чаще всего употребляется лексема 老 "*старый*" в значении старшего возраста и выражает более позитивные значения, такие как опыт, почтение и уважение к предкам и т.д.

Литература

1. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 2000. – 396 с
2. Есемуратов А.Е. К вопросу об этимологии и этимологическом анализе // Academy. – 2017. – № 3 (18). – С. 51-56.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград : Перемена, 2002. – 447 с.
4. Китанина, Э.А., Краснов Г.С. Концепты «своё/чужое» в оппозиционных СМИ: социальный аспект // Поколение будущего: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 4-й международной молодежной научной конференции: в 3 томах, Курск, 10–11 ноября 2016 года. Том 2. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. – С. 216-219.
5. Китанина Э.А., Труханова Д.С. Семантические трансформации слова *бомба* и его дериватов как отражение сдвигов в языковой картине мира // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 74-86.
6. Копосов, Л.Ф. Названия канцелярских служащих в ранних словарях русского языка // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А., Москва, 27 февраля 2017 года / Ответственный редактор О.В. Шаталова. – Москва: Московский государственный областной университет, 2017. – С. 154-158.
7. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов – Санкт-Петербург : Victory, cop. 2017. – 428 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – Москва : АЗЪ, 1994. – 928 с.

9. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Семенов А.В. // [Электронный ресурс]. – URL.: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/c/старый> (дата обращения: 08.03.2024.)
10. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / Г.П. Цыганенко – Киев : Рад. шк., 1989. – 511 с.
11. Чжоу Юйцзе. Лингвистическая интерпретация концепта «уродство» внешнего облика героев в русских и китайских волшебных сказках. // *Litera*. – 2022. – № 6. – С. 198-208.
12. Янь Чжоу Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках // *МНКО*. – 2020. – № 5 (84). – С. 343-346.
13. 许慎.说文解字[M]北京.中华书局.1963.第173页 / Сюй Шэнь Шовэнь цзецзы / Сюй Шэнь. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1963. – 173 с.
14. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室.现代汉语词典.北京.商务印书馆.1973.第781页 / Редакция словаря Института языка Китайской академии общественных наук. Современный китайский словарь (5-е издание). – Пекин : Коммерческая пресса, 2011. – 1767 с.

Xie Dan

Pushkin State Institute of the Russian Language

Etymological analysis about the concept old age in Russian and Chinese languages

The article focuses on the etymological analysis about the concept old age in order to identify the initial linguistic image of old age in Russian and Chinese languages, as well as to reveal the changes and peculiarities in the Russian and Chinese culture speaker's perception of old age.

Keywords: concept, lexeme "old age", etymological analysis, Russian culture, Chinese culture.

Седлова Алёна Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

AlenaSedlova@yandex.ru

Использование диалекта кокни для создания образов персонажей в кино

Работа выполнена под руководством Пожидаевой Елены Валерьевны, кандидата филологических наук, доцента.

В данной статье прослеживается история возникновения и развития диалекта кокни. Анализируются фонетические, лексические и грамматические особенности, отличающие его от литературной нормы английского языка. На материале криминальной комедии «Карты, деньги, два ствола» британского кинорежиссёра Гая Ричи анализируются лингвистические аспекты речи героев. Делается вывод о том, с помощью каких лингвистических средств диалекта кокни режиссёр создаёт характерный образ героев.

Ключевые слова: диалект кокни, рифмованный сленг, киноперсонаж, Гай Ричи.

Великобритания знаменита тем, что на её территории существует большое количество различных вариантов английского языка, однако одним из самых знаменитых является диалект кокни. Он получил широкое распространение в современной культуре благодаря литературе, музыкальному искусству и кинематографу. Сегодня диалект кокни считается одной из визитных карточек Великобритании, а особенно Лондона.

Понятие «диалект» определяется как «территориальная, временная или социальная разновидность языка, употребляемая более и менее ограниченным числом людей и отличающаяся по своему строению (фонетике, грамматике, лексемному составу и семантике) от языкового стандарта» [1, с. 7]. Выделяются территориальные, в зависимости от места распространения, и социальные, в зависимости от контингента носителей, виды диалектов.

Кокни можно определить как социально-территориальный диалект, так как исторически он распространён в определённой социальной группе и на ограниченной территории. Сам термин «кокни» возник ещё в XVI веке. Первоначально он употреблялся для обозначения тех, кто был рождён в пределах слышимости звона колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу в Лондоне. Позже, когда Лондон стал политическим центром страны, так стали называть представителей рабочего класса, торговцев и преступников, а затем и вариант английского языка, на котором они говорили [3; 4]. Начиная с XX века диалект кокни активно популяризируется в культуре, благодаря чему и стал известен далеко за пределами Лондона.

По сравнению с литературной нормой английского языка диалект кокни имеет ряд характерных отличий на нескольких лингвистических уровнях.

В области фонетики диалект кокни имеет следующие особенности:

- 1) пропуск звука [h] в начале слова;
- 2) пропуск звука [t] на конце слова;
- 3) звонкий звук [θ] произносится как [f];
- 4) глухой звук [ð] заменяется на [v]. Также отмечается, что «в начале слов звук [ð] произносится как [d]» [3, с. 111];
- 5) возникновение гортанной смычки («glottal stop») на месте звука [t], на письме обозначаемого удвоенной согласной t, перед гласными и сонантами;
- 6) звук [l] подвергается вокализации и заменяется звуком [w] или гласным;
- 7) окончания слов -ог и -ег звучат как [a:];
- 8) дифтонг [eɪ] заменяется на дифтонг [aɪ] [2, с. 86-87; 3, с. 111].

На лексическом уровне диалект кокни имеет наиболее значимую для его определения стилистическую черту – рифмованный сленг (*rhyming slang*). Его использовали рабочие и преступники для сокрытия какой-либо информации, что объясняет распространённость диалекта среди среднего класса. Суть рифмованного сленга состоит в том, что простое слово заменяется словосочетанием, в котором последний компонент рифмуется с тем словом, вместо которого его употребляют. Так, словосочетание *bell ringers* используется вместо слова *fingers*. Отмечается, что «в речи обычно используется только первая часть фразы, а слово, которое рифмуется с заменяемым, опускается» [5, с. 3]. При этом значения исходного слова и замещающего его выражения редко близки по смыслу. Такое употребление рифмованного сленга значительно усложняет восприятие и понимание сказанного, так как нужно знать не только исходное слово, но и вторую часть словосочетания, которая опускается.

Интересным является то, что рифмованный сленг диалекта кокни обладает синонимией и омонимией. Слова литературного английского языка могут соответствовать двум и более фразам-заменителям рифмованного сленга. Так, слово *bar* может быть выражено как *near and far*, *Jack Tar*, *bazaar* или *there you are* [5, с. 48]. Если говорить об омонимии, то одно выражение рифмованного сленга может являться заменой для двух, трёх и даже четырёх разных слов. Например, фраза *Jack and Jill* может обозначать *till (cash)* – ‘наличные’, *bill* – ‘счёт’ или же *hill* – ‘холм’ в зависимости от контекста [5, с. 25].

По грамматической структуре диалект кокни близок к норме английского языка, но всё же имеет некоторые отличительные черты:

- 1) использование «ain't» вместо «am not», «is not», «are not», «have not» и «has not»;
- 2) возможность двойного отрицания;
- 3) вторая форма глаголов *do (did)* и *see (saw)* утрачивается и заменяется третьей формой – *done* и *seen* соответственно;
- 4) употребление формы объектного падежа личного местоимения «I» – «me» вместо притяжательной формы «my»;
- 5) указательные местоимения используются недифференцированно в отношении числа;
- 6) наблюдается грамматическая неоформленность наречия, которая выражается в отсутствии наречного суффикса *-ly* [2, с. 87].

Все представленные лингвистические особенности диалекта кокни имеют цель не только дифференцироваться от языкового стандарта, но и усложнить понимание речи носителей кокни для тех, кто не владеет диалектом.

Как уже было сказано, диалект кокни широко применяется в современном искусстве для создания определённого типа героев. Исторически представителями кокни являлись люди, имеющие отношение к преступному миру, соответственно, и используется этот диалект как отличительная черта героев криминальных картин.

В качестве исследуемого материала для данной статьи была выбрана комедия британского кинорежиссёра Гая Ричи «Lock, Stock and Two Smoking Barrels» («Карты, деньги, два ствола»), вышедшая на экраны в 1998 году. В этом фильме все герои являются не только жителями Лондона, но также связаны с преступной деятельностью, поэтому режиссёр намеренно приближает речь героев к диалекту кокни.

В результате анализа фильма по вышеупомянутым уровням языка были выявлены следующие лингвистические особенности диалекта кокни:

Фонетические особенности:

1) Пропуск начального [h] в словах: *here, home, one hundred, hard-earned, hand, hell, horse, hard, heavy, him, hair, hope, harm, help, how many, horrible* и т.д. Заметим, что это правило применяется и к произношению имён собственных: *Hatched Harry* [æft 'æri].

2) Пропуск [t] на конце слов: *trust, cost, daylight, moonlight, left, right, cabinet, meet, what, payment, point, want, last, mate, belt* и т.д.

3) Окончание -er и -or произносятся как [a:]: *paper, father, later, rather, bigger, container, mincer, safer*.

4) Гортанная смычка (glottal stop) на месте удвоенного t перед гласными и сонантами: *better, little, pretty, settle, bottle, battle, bottom*.

5) Замена звука [θ] на звук [f]: *think, thieving, everything, something*.

6) Замена звука [ð] звуком [v]: *brother, mother, father, any other*.

7) Произношение звука [ð] как [d] при положении в начале слова: *that, this*.

8) Пропуск звука [ð], который находится в начале слов *them, these, than* и т.д. был выделен нами как ещё одна отличительная черта диалекта кокни.

Лексические особенности:

В фильме «Карты, деньги, два ствола» обнаруживаются примеры рифмованного сленга, которые требуют тщательного анализа. Рассмотрим несколько из них:

1) *All right, all right, keep your Alans on.* Здесь рифмованной заменой является слово *Alans*, которое «переводится» с кокни как *pants* ('штаны'). Смысл этого выражения можно интерпретировать как «Ладно, ладно, не надо снимать свои штаны».

2) *Let's have a Butcher's.* В этом высказывании представлено явление, когда для усложнения понимания носители диалекта кокни опускают вторую часть фразы-заменителя, которая рифмуется с заменяемым словом. Так, *Butcher's* является сокращением от *Butcher's Hook*, что на кокни обозначает *look* ('смотреть'). Исходя из этого, всё высказывание следует переводить как «Давай посмотрим» и более обычное для английского языка *Let's have a look*.

3) *He's gone down the Battle cruiser.* Фраза-заменитель *Battle cruiser* обозначает *boozer*, что на сленге аналогично слову *pub* ('наб, бар'). Анализ составных частей позволяет понять значение данного высказывания: «Он спустился в наб».

4) Наибольший интерес для анализа представляет предложение *He orders an Aristotle of the most ping-pong tiddly in the nuclear sub.* В этой фразе представлено сразу четыре выражения рифмованного сленга кокни. Первое – *Aristotle* – это *bottle* ('бутылка'). Второе – *ping-pong*, эквивалентное слову *strong* ('сильный, крепкий'). Следующее – *tiddly*, являющееся нерифмованной частью словосочетания *Tiddly Wink*, которое означает *drink* ('напиток'). И последнее – *nuclear sub*, которое заменяет обычное слово *pub* ('наб, бар'). Следовательно, правильно будет это высказывание перевести как «Он заказал бутылку крепкого напитка в пабе».

Грамматические особенности:

1) Употребление формы «ain't»: *I mean we ain't too certain; I know there antiques, but ain't paying antique preces; I ain't gonna be seeing them or the guns again; Well, you're gonna have a problem carrying on, aint you?*

2) Утрата формы притяжательного местоимения «my»: *I would make more money with me measuring tape; I've taken care of meself and me son.* Следует отметить, что в речи герои используют как форму «me», так и «my» для обозначения притяжательности: *Fat Man and myself; It's as long as my arm; Join me in my office; This seems to be a waste of my time.*

3) Двойное отрицание представлено только одним примером: *Don't none of you move.*

Итак, при анализе речи героев фильма «Карты, деньги, два ствола» было выявлено, что большая часть обозначенных особенностей диалекта кокни действительно соблюдается. Одни из них постоянны и представлены большим количеством примеров. Другие либо

малочисленны, либо характерны для произношения какого-то определённого героя. Однако некоторых отмеченных аспектов замечено не было.

Диалект кокни является важной составляющей при создании персонажей. Благодаря внедрению особенностей диалекта в речь героев Гай Ричи создаёт образы типичных бандитов, которые говорят далеко не на литературном английском языке.

Литература

1. Маковский М.М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология): Учеб. пособие. – Москва : Высш. школа, 1982. – 135 с.
2. Роговская Ю.С. Диалект кокни как один из диалектов английского языка / Ю.С. Роговская // Студенческие научные достижения: сборник статей XIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 20 ноября 2021 года / ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет» – Пенза, 2021. – С. 85-88.
3. Рубанова О.А, Гниломёдова О.Ю. Прошлое и настоящее лондонского диалекта кокни. // Символ Науки. – 2015. – № 7. – С. 110-112.
4. Cockney dialect // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/topic/Cockney> (дата обращения: 02.03.2024).
5. Wherrett D. A Dictionary of Cockney Rhyming Slang / D. Wherrett – London : Watchya.com Publications, 2010. – 77 p.

Sedlova A.D.

Pushkin State Russian Language Institute

Cockney dialect in the image creation of movie characters

This article traces the history of the origin and development of the Cockney dialect. The phonetic, lexical and grammatical features that distinguish it from the literary norm of the English language are analyzed. Based on the material of the crime comedy «Lock, Stock and Two Smoking Barrels» by a British film director Guy Ritchie, the linguistic aspects of the characters' speech are investigated. The conclusion is made on the linguistic means of the Cockney dialect that the director uses to create a characteristic image of the characters.

Keywords: Cockney dialect, accent, rhyming slang, film character, Guy Ritchie.

Селезнева Диана Андреевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

seleznyova.diana1999@yandex.ru

Рекламный текст как деривационная основа фразеологических неологизмов

Работа выполнена под руководством Декатовой К.И., доктора филологических наук,
профессора кафедры русского языка и методики его преподавания

Исследуются процессы образования фразеологических неологизмов в рекламном тексте конца XX - начала XXI вв. Анализируются рекламные тексты как источник обогащения фраземики русского языка. Рассматриваются структурно-семантические особенности исконно русских и заимствованных фразеологических неологизмов, образованных в текстах рекламы

Ключевые слова: фразеологическая неология; фразеологическая единица; неологизмы; фразеологизация; рекламный текст

Неологизация – это важнейший процесс обогащения лексико-фразеологического фонда языка. Проблемы фразеологической неологии рассматривались в научных работах таких исследователей, как Н.З. Котелова, Н.Ф. Алефиренко [1], И.Ю. Третьякова [8], Е.В. Ганапольская [3], В.М. Мокиенко [6], К.И. Декатова [4], и др. Ученые отмечали способность неологизмов выражать индивидуальность, дополнительную эмоциональность и экспрессивность текста, в котором они используются [5, с. 33]. Эти свойства новых языковых единиц активно используются в рекламном тексте, который имеет своей целью привлечь внимание потребителей и воздействовать на их желание приобрести рекламируемый товар или услугу. В рекламном тексте не только употребляются появившиеся недавно в языке фразеологические неологизмы, но и сама реклама нередко становится источником порождения новых устойчивых единиц [2, с. 5], яркость, экспрессивность и народный характер которых способствует быстрому вхождению новых фразеологических единиц (далее – ФЕ) в разговорную речь [7, с. 98].

Целью нашей работы является анализ фразеологических неологизмов, деривационной основой которых является рекламный текст.

Для рассмотрения и анализа новых фразеологических единиц, образованных в рекламных текстах, были отобраны слоганы, содержащие выражения, ставшие за последние 30 лет устойчивыми сочетаниями слов, но еще не внесенные во фразеологические словари.

В лингвистике нет единого мнения о списке критериев новизны языковых единиц. Существует узкое и широкое понимание неологизма. При широком понимании к новым языковым единицам относят все новые явления в языке, то есть те, которые «либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде» [6, с. 66]. Узкое понимание позволяет рассматривать неологизмы как только новообразованные языковые единицы. Ученые отмечают, что

фразеологические неологизмы в своей основе имеют признаки лексических, но отличаются от них узнаваемостью и культурным компонентом, который сохраняется при новообразовании [3, с. 184]. Фразеологическая неология рассматривает фразеологические неологизмы, под которыми понимаются новые устойчивые обороты речи, еще не вошедшие в словари, но активно приобретающие известность [6, с. 63]. И.Н. Куклина отмечает, что фразеологическая новизна прослеживается в новом сочетании компонентов ФЕ, а не в самих словах, входящих в ее состав [5, с. 29]. Таким образом, можно выделить основные отличительные черты фразеологических неологизмов, которые положены в основу нашего выбора языковых единиц для анализа: структурно-семантическая новизна, относительная устойчивость, незакрепленность в словарях.

Рекламные тексты, являясь отражением народного сознания, вбирают в себя не только особенности языка, на котором они создаются, но и заимствования, которые активно приживаются и становятся неотъемлемым компонентом. Как показал анализ, фразеологические неологизмы, образованные в рекламных текстах, можно разделить на две группы: 1) устойчивые единицы, деривационная основа которых содержит исконно русские лексические единицы; 2) устойчивые единицы, деривационная основа которых содержит заимствованные (нередко плохо структурно-семантически освоенные) лексические единицы.

1. Устойчивые единицы, восходящие к русским выражениям, составляют около 92% от числа исследованных единиц. Частотное использование данного вида фразеологизации объясняется не только приверженностью копирайтеров к родному и привычному, но и приближением рекламируемого товара к народу, желанием объект рекламы сделать понятным и доступным для потребителя.

Так, в 1992 году на экраны телевизоров вышла реклама йогурта «Danissimo»: «*Danissimo – и пусть весь мир подождет*». Выражение *пусть весь мир подождет* со значением ‘не надо куда-то торопиться, все нерешенные дела куда-то от тебя не убегут’ прижилось в речи носителей языка, стало девизом для многих людей. А в 2016 году у российского певца С. Лазарева появилась песня под названием «Пусть весь мир подождет», где устойчивое выражение используется уже в общеизвестном значении.

В 1993 году вышла реклама шоколадного батончика «Twix» со слоганом *сладкая парочка Twix*, в которой словосочетание *сладкая парочка* использовалось в значении ‘неразлучные партнеры’. Сочетание слов активно употреблялось и вошло в обиход носителей языка, но с более узким значением ‘неразлучные влюбленные партнеры’, что

позволяет использовать новый фразеологизм только для номинации влюбленных или в ироническом контексте друзей, способных на какие-либо шалости.

В 1999 году появилась реклама грузовых машин «КАМАЗ» *танки грязи не боятся* – ‘автомобили рекламируемой фирмы обладают высокой степенью проходимости по бездорожью’. Рекламный слоган был популярен в народе и стал употребляться в шутовском значении сначала по отношению к автомобилю, не приспособленному для перемещения по бездорожью, а потом и к самим владельцам очень грязных автомобилей в значении ‘автомобиль не приспособлен для езды по бездорожью, но владельца, почувствовавшего себя танком, это не останавливает’. Начиная с 2005 года, значение уже устоявшегося сочетания расширяется и используется по отношению к людям, отличающимся храбростью, способностью преодолевать любые преграды, т.е. способные идти напропалую, как танк. В 2022 году появилась модификация устоявшегося выражения: *Таньки грязи не боятся*. Данный модифицированный фразеологизм образовался в результате созвучной замены компонента *танки* на компонент *Таньки*. Преобразование фразеологизма привело к изменению его значения – ‘девушка Татьяна не боится никаких трудностей, обладает силой духа’, т.е. появляется адресованность к лицу с конкретным именем.

2. Устойчивые единицы, содержащие заимствованные (нередко плохо структурно-семантически освоенные) лексические единицы, составляют около 8% от числа исследованных фразеологизмов. Как правило, данная группа фразеологических неологизмов встречается в рекламных слоганах, ориентированных на молодежь. Это объясняется большим увлечением молодого поколения западными трендами [2, с. 13].

В 2000 году обществу стала известна реклама жевательной резинки «Stimorol Ice», сюжет которой был прост: группа молодых людей ищет способы охладиться, но никак не может найти эффективного, на что они говорят: «Не айс». Действенным способом становится рекламируемая жевательная резинка. Слово *ice* в переводе с английского языка означает ‘лед’. В рекламном тексте оно не только означает охлаждение, но и дает оценку ситуации ‘хорошо’. В активное словоупотребление вошло часто повторяющееся в рекламе выражение *не айс*, которое уже утратило значение температуры и используется в оценочном значении, появившемся благодаря деятельности копирайтеров – ‘не очень хорошо, плохо’.

В 2007 году появилась реклама пива «Zibert» *Zibert - das ist fantastisch*. Фраза на немецком языке *das ist fantastisch*, которая переводится ‘это фантастично’, в русском обществе стала активно использоваться в значении ‘очень хорошо, в высшей степени’. Можно предположить, что быстрое превращение иноязычной фразы во фразеологический

варваризм обусловлено культурным веянием, которое в то время выражалось в следовании за Западом, в восхищенном преклонении перед всем иностранным.

Процесс проникновения фразеологических неологизмов с заимствованными плохо освоенными в русском языке компонентами не прекращается и в наше время. Так, в 2023 году начинает транслироваться реклама сотовой связи «Билайн»: «С “Билайн” вся наша семья *на пчилле*». Английское слово *chill* – ‘расслабиться’ – трансформировалось под действием главного образа рекламы (пчелы) и послужило основой для создания в рекламе выражения (*быть*) *на пчилле* – ‘расслабляться (с подключенным интернетом), чувствовать себя окрыленным’. Данное устойчивое сочетание только начинает набирать популярность, но уже активно входит в словарный запас не только молодежи, но и представителей зрелого возраста. Это можно объяснить мотивированностью неологизма, поскольку внутренней формой для носителей русского языка, прежде всего, является признак *пчела*, а не английское *chill*.

Таким образом, рекламный текст – источник порождения фразеологических неологизмов, которые активно пополняют фразеологический фонд русского языка. Новые фразеологические единицы, образованные в рекламных текстах, могут состоять из исконно русских лексических единиц или включать в состав заимствованные (нередко плохо структурно-семантически освоенные) лексические единицы. Частотность новообразованных устойчивых сочетаний, деривационная база которых состоит из русских слов-компонентов, объясняется желанием копирайтеров сделать транслируемую информацию доступной для большинства населения России.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Неофразеологизация в свете когнитивно-дискурсивного подхода // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. – 2009. – №1 – С. 3-9.
2. Волостных А. В. Функции неологизмов в рекламном тексте (на материале русского и французского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Краснодар, 2005. – 23 с.
3. Ганнопольская Е. В. Неология во фразеологии // Научно-технические ведомости СПб ГПУ. – 2010. – №2. – С. 183-89.
4. Декатова К. И. Политические фразеологические неологизмы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2021. – №2(155). – С.117-121.

5. Куклина И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2006. – 251 с.
6. Мокиенко В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии // *Slowo. Tekst. Czas. Mat. VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej.* – Szczecin, 2002. – С.63-79.
7. Москвичева Е. А. Трансформированный фразеологизм в художественном тексте как средство отражения авторской оценки (на материале «деревенской» прозы) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* – 2008. – № 5 (29). – С. 97-100.
8. Третьякова И. Ю. Семантические виды окказионального преобразования фразеологизмов // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* – 2010. – №4. – С.139-142.

Selezneva Diana Andreevna

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Advertising text as a derivational basis of phraseological neologisms

The formation of phraseological neologisms in the advertising text of the late XX - early XXI centuries are investigated. The article analyzes advertising texts as a source of Russian phrasemics. The structural and semantic features of native Russian and borrowed phraseological neologisms formed in advertising texts are considered

Keywords: phraseological neology; phraseological unit; neologisms; phraseologization; advertising text

Семёнова Альбина Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

albinasemenova657.@gmail.com

Особенности употребления фразеологических единиц в современном медиатексте

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата филологических наук, доцента

В современном медиапространстве наблюдаются существенные изменения в употреблении языковых средств. Фразеологические единицы могут претерпевать грамматические и структурно-семантические изменения, при этом трансформированные ФЕ позволяют привлечь внимание аудитории за счёт создания комического или иного эффекта.

Ключевые слова: средства массовой информации, медиатекст, фразеологическая единица, трансформация, семантика, грамматика

Средства массовой информации играют важную роль в жизни современного общества, оказывают значительное влияние на формирование мировосприятия человека [3; 5 и др.]. В последнее время основным медиатранслирующим средством является Интернет, в пространстве которого происходят существенные изменения в употреблении языковых средств. Именно поэтому сейчас активно развивается такое междисциплинарное направление, как медиалингвистика, которое занимается изучением особенностей функционирования языка в сфере современной массовой коммуникации.

Т.Г. Добросклонская выделяет следующие аспекты изучения языка средств массовой информации:

- Геолингвистический уровень предполагает анализ воздействия СМИ на состояние лингвокультурной ситуации как во всём мире, так и в отдельных странах и регионах. На этом уровне учитываются следующие показатели: изменение количества говорящих на том или ином языке, уменьшение, увеличение влияния какого-либо языка в мировом информационном пространстве.
- Интерлингвистический, или межъязыковой уровень. На этом уровне исследователи изучают взаимодействие и взаимовлияние языков, механизмы заимствований, стили и сферы, которые являются наиболее подверженными влиянию другого языка.
- На интралингвистическом, или внутриязыковом уровне исследователи акцентируют внимание на языковых процессах, протекающих в медиасфере, в рамках определенного лингвокультурного ареала: наблюдается тенденция к размыванию четких стилевых границ, распространению норм разговорного стиля в медиаречи, тиражированию речевых ошибок (например, неправильное ударение, различные грамматические ошибки) и др. [4].

Современные авторы предпочитают имплицитное воздействие на общественное мнение, незаметное навязывание читателям определённых идей, ценностей. Для достижения этой цели они прибегают к использованию различных языковых средств, в том числе и фразеологических единиц (ФЕ). При этом в СМИ и интернет-ресурсах достаточно часто используется языковая игра, объектом которой являются ФЕ. Наиболее часто изменение ФЕ можно увидеть в заголовках различных публикаций. Благодаря трансформации происходит актуализация семантики ФЕ. Отклонение от их устоявшегося вида не только привлекает внимание аудитории, но и делает содержание текста более актуальным.

Существуют следующие виды трансформации ФЕ: грамматическая и структурно-семантическая.

Грамматическая трансформация представляет собой видоизменение устойчивых выражений, что влияет на их смысловое содержание. Основные приёмы грамматической трансформации: изменение числа, падежа у имен существительных, числа у глаголов, инверсия, перестановка морфем. Благодаря использованию этих приемов ФЕ приобретают новые смысловые и стилистические оттенки. Выделяются следующие виды грамматической трансформации:

1. Орфографическое варьирование, при котором изменяется написание фразеологизма, но его значение остается прежним. «*Хлебом-солью: как в Балаково за бесценок распродают береговую зону*» [ИА «Версия-Саратов», 2017]. При создании этого заголовка автор использовал устойчивое выражение «хлеб да соль», но заменил раздельное употребление равноправных компонентов с сочинительным союзом *да* на дефисное написание, при этом значение ФЕ осталось прежним.

2. Изменение предлога. Примеры этого вида грамматической трансформации: «*Вертолеты не использовались, так как они не поднимут 200 человек за один присест, во вторых, не всегда обеспечат необходимую глубину выброски*» [Известия, 2013]. «*Охватить всю выставку в один присест трудно: слишком большая, слишком «шумная»*» [РБК Дейли, 2012].

3. Варьирование однокоренных компонентов с разными суффиксами. «*Верно говорят: муж и жена... одного поля ягодки*» [Комсомольская правда, 2012]. Автор этого заголовка использовал устойчивое выражение «одного поля ягоды», но добавил к слову «ягоды» уменьшительно-ласкательный суффикс -к-, благодаря чему возник эффект иронии. «*Всего в маленьком шажочке от страшной смерти*» [gazeta-osered.ru, 2023]. В этом случае автор использовал фразеологизм *в шаге от смерти*, но добавил уменьшительно-ласкательные суффиксы -оч- и -к- к слову шаг (*шаг* → *шажок* → *шажочек*). «*Первый блин комочком, или чем порадовал и расстроил Яндекс.Драйв*» [ТРУШЕРИНГ, 2018]. В этом заголовке есть трансформированный фразеологизм «*первый блин комочком*», который образован от устойчивого выражения *первый блин комом*. Однако автор добавил к исходному слову суффикс с уменьшительно-ласкательным значением для достижения комического эффекта.

4. Использование разных корней с одним значением. Обыгрывание синонимичных компонентов с одним и тем же префиксом может изменить стиль повествования: «*Как не заплутать в трех соснах* Советы дает старший оператор Московской службы спасения Ольга Голенева: *Возьмите в лес компас и карту местности с обозначением ближайших деревень (ее можно распечатать с сайтатaps.yandex.ru) Все-таки заблудились?»*

[Комсомольская правда, 2006]. В этом случае автор использовал фразеологизм «*заблудиться в трёх соснах*» и заменил корень -блуд- на -плут-, вследствие чего текст приобретает разговорный характер.

Семантическая трансформация фразеологизмов заключается в совмещении прямого значения слова и переносного, из-за чего возникает языковая игра. При преобразовании семантики компонентов фразеологизма словосочетание одновременно воспринимается и как семантически неразложимое, устойчивое, и как семантически свободное. И.Ф. Гайнанова выделяет следующие приёмы, используемые при семантической трансформации фразеологизмов: «актуализация определённого смыслового оттенка, совмещение фразеологического метафорического значения с прямым значением слов компонентов» [2, с. 158]. Семантическая трансформация ФЕ представлена в следующем примере: «*На Набережной продолжают строить воздушные замки*» [smi58.ru, 2016]. Автор заголовка обыгрывает фразеологизм «*строить воздушные замки*», из-за чего сначала воспринимается его значение «думать о несбыточном, предаваться мечтам». Однако затем читатель понимает, что слово «строить» в данном случае употреблено в прямом его значении «что-то сооружать». За счёт двуплановости усиливается экспрессивная функция ФЕ.

В медиатекстах также используется такой приём, как дефразеологизация устойчивого выражения, при этом ФЕ приобретает новые смысловые оттенки [1]. Например: «*Достоевскому утерли нос*» [Коммерсантъ, 2003]. Автор использовал этот заголовок для статьи, которая посвящена уборке достопримечательностей города. Особый приём – двойная актуализация. В этом случае в состав фразеологизма входит дополнительный компонент, который служит отсылкой к образной основе исходного устойчивого выражения. Так, библеизм «*продать за тридцать сребреников*» активно используется современными авторами, которые стремятся обличить политических деятелей, используя фразеологизм с уничижительной коннотацией: «*Предатель Кузьминов не успел потратить все свои тридцать сребреников*» [Союзное вече, 2024].

Современные авторы достаточно часто используют приём, который основывается на уже известном и устоявшемся устойчивом выражении и заключается в соединении созвучных слов. В результате получается практически тот же эффект, что и от употребления исходного фразеологизма. Автор заголовка «*Обещать – не значит явиться: как Моргенштерн сделал вид, что вернулся в Россию*» [super.ru 2022] также использовал этот приём. Русская поговорка «*Обещать – не значит жениться*», означающая, что словесные обещания не всегда являются надёжными и осуществимыми, претерпевает изменения в своем составе: автор заменил компонент «жениться» на «явиться». При этом

трансформированный фразеологизм не утратил общее значение изначального устойчивого выражения: не всегда стоит верить обещаниям.

Структурная трансформация заключается в изменении компонентного состава устойчивого выражения. Основными приемами структурной трансформации являются:

1. Экспликация – расширение компонентного состава ФЕ, из-за чего меняется значение фразеологизма, появляется дополнительная экспрессивность, происходит актуализация смысла фразеологического значения. Примером структурной трансформации такого типа является следующий заголовок: *«Как США мягко стелют беженцам с Украины, которым жестко спать»* [Baltnews, 2023]. Источником этого трансформированного фразеологизма является выражение *«мягко стелют, да жестко спать»*, которое означает, что за внешней вежливостью, заботой может скрываться лицемерие, корысть. Автор статьи расширяет состав с помощью других компонентов, смысл исходного выражения здесь изменен, так как автор использует его в положительном значении и пишет о том, что американская армия передала в дар украинским беженцам, которые проживают в Латвии, различные предметы быта.

2. Замена одного из элементов устойчивого выражения. Например: *«Надо сказать, что новость о том, что историк моды Васильев по-прежнему «гуляет по миру» и домой не собирается, не расстроила народ, а наоборот, очень порадовала...»* [Аргументы и факты, 2023]. Трансформированный фразеологизм *«гуляет по миру»* образован на базе устойчивого выражения *«ходить по миру»*, означающего побираться, просить милостыню, нищенствовать. Однако в данном случае автор использовал слово *«гуляет»*, чтобы создать эффект иронии.

3. Контаминация – объединение двух ФЕ. Примером контаминации является следующий заголовок: *«Верно говорят: муж и жена... одного поля ягоды»* [Комсомольская правда, 2012]. В этом случае мы видим не только грамматическую трансформацию, которая заключается в добавлении к слову ягоды суффикса -к-, но и структурно-семантическую. Автор использовал два фразеологизма: *«одного поля ягоды»* и *«муж и жена – одна сатана»*.

4. Импликация – сокращение компонентного состава ФЕ. Примером импликации является следующий заголовок: *«Свежо предание – а верится!»*. Автор статьи использовал лишь первую часть исходного выражения *«свежо предание, а верится с трудом»*. Эта пословица означает, что история, которую передает рассказчик, кажется выдуманной, неправдоподобной. Однако в данном случае автор использовал это устойчивое выражение в совершенно противоположном значении. Тем самым он хотел показать, что хоть информация и является новой, но кажется достоверной и правдивой. Автор следующего

трансформированного фразеологизма тоже использовал это устойчивое выражение: «*Не свежо предание*» [Sys4ech, 2008]. В данном случае автор статьи берет только первую часть фразеологизма и добавляет частицу «не», вследствие чего ФЕ приобретает противоположное значение.

Таким образом, в настоящее время авторы текстов СМИ и интернет-ресурсов в борьбе за привлечение читателей больше внимания уделяют внешнему виду, способу подачи информации. Именно поэтому они прибегают к трансформации уже устоявшихся, знакомых большинству фразеологизмов. Их использование позволяет сделать текст более интересным, «индивидуальным», выделить его среди огромного количества публикаций.

Литература

1. Аймагамбетова М.М. К вопросу о классификациях трансформации фразеологизмов / М.М. Аймагамбетова // Архивариус. – 2016. – Т. 1. – №2(6). – С. 64-68.
2. Гайнанова И.Ф. Трансформация фразеологических единиц в современных газетных текстах / И.Ф. Гайнанова // Вестник ЧГПУ 10'2008. – Челябинск : Изд-во Челяб-го ун-та, 2008. – С. 154-162.
3. Горлов В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет // Русский язык в школе. – 1992. – №5/6. – С. 35-37.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учеб. пособие. / Т.Г. Добросклонская. – Москва : Наука, 2008. – 264 с.
5. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В.Г. Костомаров. – Москва : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1971. – 268 с.

Semenova A.S.

Pushkin State Institute of the Russian Language

Features of the use of phraseological units in the modern media text

In the modern media space, there are significant changes in the use of language tools. Phraseological units can undergo grammatical and structural-semantic changes, while transformed phrases allow you to attract the attention of the audience by creating a comic or other effect.

Keywords: mass media, media text, phraseological unit, transformation, semantics, grammar.

Серебрякова Юлия Сергеевна

ФГАНУ «Социоцентр» Минобрнауки России

serebryakovayus@sociocenter.info

Адаптация фразеологизмов в практике преподавания русского как иностранного языка: проблемы и решения

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, доктора филологических наук, доцента

В статье рассматривается проблема адаптации фразеологизмов в практике преподавания русского языка как иностранного. Анализируются сложности, с которыми сталкиваются студенты и преподаватели при изучении фразеологических оборотов. В статье предложены рекомендации для преподавателей, нацеленные на успешную реализацию изучения фразеологических единиц на курсе русского языка как иностранного.

Ключевые слова: фразеологизмы, РКИ, адаптация, преподавание, контекст, значение, методика изучения.

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка и отражают культурные и общественные особенности народа. Для иностранцев, изучающих русский язык, они могут стать настоящим вызовом из-за своей специфики и многозначности. В данной статье мы рассмотрим проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели русского как иностранного языка при работе с фразеологизмами, а также предложим решения для их эффективного использования.

Одной из основных проблем при работе с фразеологизмами является их *многозначность и специфическое употребление* в разных контекстах. Иностранцы, не имеющие опыта общения на русском языке, могут испытывать затруднения в понимании значения и использовании фразеологизмов.

Еще одной проблемой является *разнообразие фразеологических единиц* в русском языке. Существует огромное количество выражений и устойчивых сочетаний, которые могут быть непонятны для иностранцев из-за их специфического значения и культурной окраски.

Также важно рассмотреть, какое *время* уделяется изучению фразеологии. Когда речь идет о том, как много времени уделяется изучению фразеологии в сравнении с другими темами, доля фразеологии в учебном курсе РКИ может колебаться. Т.П. Чепкова в своей работе «Лингвометодические аспекты изучения русской фразеологии в иностранной аудитории» делает следующее утверждение: «Процесс усвоения иностранными студентами русских фразеологизмов будет целостным и эффективным при условии, если русские фразеологизмы выделить в отдельный учебно-методический фрагмент занятий по РКИ, а их обучению посвятить 15–20 % учебного времени в курсе «Лексикология» [3, с. 213].

Нам кажется, что такой подход немного радикален. Важно учитывать, что в процессе обучения русскому языку студенты изучают много лексических единиц, которые нередко

более значимы с точки зрения их использования, чем фразеологизмы. Предполагаемые 20% затраченного времени на изучение фразеологии не соответствуют их реальной значимости в языке. Такой подход может создать у студентов ошибочное представление о том, как часто используются фразеологизмы на практике. Известны случаи, когда студенты из других стран начинают использовать пословицы, поговорки и фразеологические выражения в большом количестве на постоянной основе. По нашему мнению, было бы лучше уделить фразеологии 7-10% учебного времени в курсе «Лексикология».

Одной из важных проблем, возникающих перед преподавателем при изучении и обучении фразеологии, является *ограниченное количество учебно-методических материалов* по данной теме. Традиционно разработчики учебников и методических пособий уделяют недостаточное внимание фразеологии, что приводит к отсутствию заданий, направленных на закрепление знаний в этой области. Именно поэтому становится очевидным, что необходима учебно-методическая база, созданием которой придется заниматься преподавателю РКИ.

В качестве иллюстрации того, как можно организовать пособие по фразеологии для иностранных студентов, можно привести методические указания Т.А. Бабешкиной и В.К. Лебедева «Фразеологические обороты в современном русском языке» (Изд-во СПбГЭУ, 2011 г.). В этой работе практические упражнения гармонично сочетаются с теоретическим материалом. Авторы приводят определение фразеологизмов, примеры фразеологизмов-антонимов и фразеологизмов-омонимов, исторические сведения о происхождении некоторых выражений (например, «*бить в набат*» или «*несолоно хлебавши*»), а также примеры идиом в русско-английском соответствии. Упражнения, предложенные в данной работе, направлены на понимание студентами внутренней структуры фразеологизма и его логики. Таким образом, этот материал может служить примером успешного подхода к изучению фразеологии.

Для успешного преподавания фразеологизмов иностранным студентам необходимо использовать разнообразные методики и приемы. Одним из способов является *контекстуальное объяснение значения фразеологизма* и его использование в различных ситуациях. Преподаватели могут проводить диалоги, игровые упражнения и ролевые игры, в которых студенты могут практиковать употребление фразеологизмов.

Дополнительно можно использовать различные *ассоциативные картинки, а также аудио- и видеоматериалы*. Это способствует быстрому усвоению значений и контекстов использования фразеологизмов.

Также возможно систематическое изучение фразеологизмов по тематическим блокам. Преподаватель может разделить фразеологизмы на группы по смыслу или тематике и изучать их поочередно, что поможет студентам лучше запоминать и применять их в речи.

Ключевую роль в изучении фразеологизмов занимают постоянное повторение и практика. Важно не только учить новые фразеологизмы, но и повторять уже изученные, чтобы они закрепились в памяти и стали частью активного словарного запаса.

Преподавателю также следует периодически расширять учебно-методическую базу и практиковать использование различных учебных материалов. Помимо учебников, преподаватель может предложить студентам изучать фразеологизмы через ролевые игры, ассоциативные карты или интерактивные задания.

Примеры подачи материала:

- Преподаватель объясняет значение выбранного фразеологизма, даёт примеры его использования в контексте и предлагает студентам составить свои собственные предложения с этим фразеологизмом.
- После изучения определённой группы фразеологизмов преподаватель предлагает студентам провести дебаты, используя полученные выражения, чтобы применить их на практике и развить навыки устной речи.
- Для закрепления материала преподаватель может составить тесты или кроссворды с фразеологизмами, чтобы студенты могли самостоятельно проверить свои знания.

Использование фразеологизмов в практике преподавания русского как иностранного языка может быть сложным, однако с правильным подходом и методиками преподавания можно сделать процесс более эффективным и интересным для студентов. Важно учитывать специфику фразеологических единиц русского языка и находить креативные способы их объяснения и использования.

Литература

1. Краснюк И.Н. Преподавание фразеологии на уроках РКИ в вузе // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 февр. 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – 2016. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 1 (6). – С. 93-95.
2. Сокол М.А. Русские фразеологизмы как средство формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов-нефилологов : специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)" : диссертация на

соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Сокол Мария Александровна. – Нижний Новгород, 2006. – 219 с. – EDN NNRYYN.

3. Чепкова Т.П. Лингвометодические аспекты изучения русской фразеологии в иностранной аудитории // Орел: Вестник Орловского государственного университета, 2010. – С. 211-213.

4. Чепкова Т.П. Фразеологизация речи иностранных учащихся как необходимая составляющая подготовки будущих филологов / Т. П. Чепкова // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 1-1. – С. 198-205. – EDN PABEEZ.

5. Чернова Н.В. Русская фразеология в практике преподавания русского языка как иностранного филологам: специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Чернова Наталья Владимировна. – Москва, 2004. – 197 с. – EDN NNBGTR.

Serebriakova Y.S.

Federal State Autonomous Scientific Institution «Center for Sociological Research»

Adaptation of phraseological units in the practice of teaching Russian as a foreign language: problems and solutions

The article examines the problem of adapting phraseological units in the practice of teaching Russian as a foreign language. The difficulties faced by students and teachers when studying phraseological units are analyzed. The article offers recommendations for teachers aimed at the successful implementation of the study of phraseological units in the course of Russian as a foreign language.

Keywords: phraseological units, Russian as a foreign language, adaptation, teaching, context, meaning, teaching methods.

Сиразетдинова Елена Олеговна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,

elosxx@mail.ru

«Гайдаровский текст» в рассказе М.Ю. Елизарова «Зной»

Работа выполнена под руководством Пашкова Александра Витальевича, кандидата филологических наук, доцента

В статье анализируется функционирование «гайдаровского текста» в рассказе М.Ю. Елизарова «Зной», рассматривается его связь с повестью А.П. Гайдара «Всадники неприступных гор» на сюжетном, мотивном и образном уровнях.

Ключевые слова: Михаил Елизаров; рассказ «Зной»; Аркадий Гайдар; повесть «Всадники неприступных гор»; «чужое» слово.

Функционирование «чужого» слова в прозе М.Ю. Елизарова не раз становилось предметом исследования литературоведов. Ими были рассмотрены встречающиеся в елизаровских текстах отсылки к произведениям авторов, оказавших значительное влияние на формирование мировоззрения писателя. Так, Ю.В. Доманский анализирует роман «Земля» с точки зрения присутствия в нём «летовского» и «балабановского» текстов, открывающих перед нами культурные коды героев [3, с. 22] и их принципы восприятия действительности [4, с. 86]. О.В. Сизых, вспоминая об оперном прошлом Елизарова, отмечает связь рассказа «Паяцы» с одноименной оперой Руджеро Леонкавалло [6, с. 128]. А.А. Аствацатуров находит в рассказе «Зной» отсылки к стихотворению Н. Заболоцкого (одного из любимых поэтов Елизарова) «Можжевельный куст» [1, с. 311]. Однако обходит вниманием явно присутствующий там «гайдаровский текст», которому и будет посвящена данная статья.

Влияние прозы А.П. Гайдара на М.Ю. Елизарова переоценить сложно. Достаточно побывать на его лекциях, посвящённых творчеству писателя, а также прочитать его вступительную статью к сборнику А.П. Гайдара «Обрез», включившему в себя ранние тексты автора, среди которых и долго не издававшаяся повесть «Всадники неприступных гор», являющаяся, по словам Елизарова, «первым гайдаровским шедевром». С ней он впервые знакомится в 2011 году во время работы над вышеназванной статьей, вскоре после чего приступает к написанию рассказа «Зной», повествующего о природе его творческого дара. Именно связь «Зноя» со «Всадниками неприступных гор» и станет предметом нашего исследования.

Говоря о «чужом» слове в художественном тексте, мы неизменно прибегаем к термину «цитата». В данном случае он требует, на наш взгляд, дополнительного пояснения. Так, И.В. Фоменко пишет, что понятие цитаты является родовым, включая в себя «собственно цитату», то есть дословное приведение «чужого» текста; аллюзию (намёк на «чужое»); а также реминисценцию, воспроизведение «чужих» структур, слов и мотивов, вызывающих воспоминания о цитируемом тексте [7, с. 339]. С этим третьим видом цитаты мы в большей степени и встречаемся в рассказе «Зной».

Наиболее выраженным цитирование оказывается на сюжетном и мотивном уровнях. В обоих произведениях мы встречаем характерный для южного текста (и «Всадники неприступных гор», и «Зной» являются текстами южными) мотив бегства из пространства «цивилизованного Севера», сменяющийся постепенно мотивом бегства от цивилизации вообще. Так, во «Всадниках неприступных гор» изначально путешествовавший со своими спутниками по городам Средней Азии и Кавказа герой-рассказчик позже отправляется в дикие грузинские горы [2, с. 138], а потом, оставшись без друга и любимой девушки,

настигнутый сумеречным состоянием, и вовсе оказывается в своём видении в краю хевсуров, живущих по средневековым обычаям [2, с. 145]. Герой-рассказчик Елизарова также отдаляется от южной цивилизации, отказываясь от многолюдных Коктебеля и Судака, куда ему предлагают отправиться челноки, и выбирая безлюдный Меганом [5, с. 82].

В обоих текстах встречается нам и мотив обновления общества. И там, и там действие разворачивается в новых, недавно образовавшихся государствах. Однако здесь цитирование предстаёт, скорее, инверсивным (подобный приём отмечается Ю. В. Доманским и в романе «Земля» [3, с. 24]). Во «Всадниках неприступных гор» новая страна, Советский союз, является для героя-рассказчика символом военной победы и объединения народов (*«Могилы Тамерлана, вероятно, так и осталась могилой, но в Самарканде уже есть женотдел, который срывает чадру, комсомол, который не признает великого праздника ураза-байрам, а потом, вероятно, нет ни одного места на территории СССР, где бы в ущерб национальным песням не распевались “Кирпичики”»* [2, с. 91]). Украина девяностых годов, в которой разворачивается действие «Зноя», напротив, представляет собой осколок разрушенной, потерпевшей поражение империи и несёт на себе печать разобщенности народов (*«Рабочий день только начинался, и смуглые татары, как и положено захватчикам, взбирались по лесенкам на пористые стены»* [5, с. 82]). Перед нами предстают два новых, но «зеркальных» общества.

Эта же инверсия сохраняется и при использовании Елизаровым гайдаровского видения «военного в невоенном» (*«Ты будешь зачислена “в резерв Красной Армии и Флота” до тех пор, пока обстоятельства не потребуют твоей посильной помощи»* [2, с. 91]; *«партизанский отряд волн»* [2, с. 141]). Если у советского писателя оно продиктовано его собственным боевым прошлым, которое он «дарит» и своему герою, то у Елизарова это служит, скорее, способом показать ребячество рассказчика, который в современной реальности не сможет совершить подвига хотя бы потому, что страны, требовавшей подвига, уже не существует. Ему остаётся лишь играть в *«античный штурм»*, сражаясь с *«корявым низкорослым дубком»* [5, с. 88]. Интересен здесь и образ шашки. Герою-рассказчику «Всадников неприступных гор» она, *«снятая с убитого польского улана»*, напоминает о его боях в рядах Красной Армии. В «Зное» же она изначально предстаёт детской игрушкой [5, с. 75].

Тут важно отметить, что герои-рассказчики являются практически ровесниками (гайдаровскому – 23 года, а елизаровскому – 22), обладая при этом «зеркальным» жизненным опытом. Герой Гайдара успел уже покомандовать ротой, батальоном и полком [2, с. 90], елизаровский же – только *«вырезать поголовье плюшевого зверинца»* [5, с. 71].

Однако сближает героев не только возраст. Вопреки всей описанной выше «зеркальности», максимально тесно связанные с личностями авторов, оба героя-рассказчика являются писателями. Во «Всадниках неприступных гор» и «Зное» Гайдар и Елизаров отсылают нас к своим ранним текстам, которые здесь предстают созданными их героями. А.А. Аствацатуров пишет, что елизаровский рассказ повествует о «заряде мощным творческим импульсом» [1, с. 313]. Сам М.Ю. Елизаров, говоря о гайдаровской повести, выделяет в качестве её основной идеи обретение творцом материала для своего творения.

При этом и обретение «творческого импульса», и обретение «материала» оказываются связаны для обоих героев с мотивом перерождения, случающегося благодаря временной потере сознания (из-за «*сумеречного состояния*» в произведении Гайдара и из-за *зноя* в тексте Елизарова), которая, однако, не только оживляет их литературный дар, но и исцеляет от душевных страданий, связанных с предательством возлюбленной («*Но на этот раз имя вызвало только смутные очертания, тень неясную и призрачную. Я позабыл лицо Риты*» [2, с. 173]; «*Не было божка, не существовало больше моей любви*» [5, с. 102]).

Материал для творчества и способность создавать новое из этого материала представляется самым ценным и для гайдаровского, и для елизаровского героя. Об этом свидетельствует предпоследний абзац «Зноя» [5, с. 104], повторяющий по структуре последний абзац «Всадников неприступных гор» [2, с. 174] и также содержащий упоминания обо всех встреченных на пути образах.

Что же касается последнего абзаца «Зноя», то в нём воспроизводится образ обреченного потухнуть огня, встречающийся в последнем предложении первой части вступительной статьи к сборнику «Обрез». Однако, если там М. Ю. Елизаров пишет, что в нём «*не осталось ... даже крошечной искры того огненного детского бесстрашия, которое когда-то зажег в (его) ... сердце писатель Аркадий Гайдар*» [2, с. 11], то здесь герой-рассказчик лишь предчувствует, что «*будет только остывать, черстветь*». И осознаёт, что «*стоит торопиться*» [5, с. 104]. И это тоже, конечно, сразу отсылает нас ко «Всадникам неприступных гор» («*А потому я и тороплюсь* [2, с. 90]).

Итак, в рассказе «Зной», одном из наиболее автобиографичных своих текстов, повествующем о природе его литературного дара, М.Ю. Елизаров намеренно обращается к творчеству А.П. Гайдара, писателя, оказавшего сильнейшее влияние на его мировоззрение ещё в детские годы. Проводя параллели между своим героем и героем «Всадников неприступных гор», Елизаров пытается обнаружить преемственность между собственным и гайдаровским «творческим импульсом», стараясь таким образом хоть немного приблизиться

к тому миру «героического», который однажды открылся ему благодаря прозе великого советского писателя.

Литература

1. Аствацатуров А.А. Хаос и симметрия. От Уайльда до наших дней. – Москва : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 384 с.
2. Гайдар А.П. Обрез. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 176 с.
3. Доманский Ю.В. «Балабановский текст» в «Земле» Михаила Елизарова: к вопросу о функции «чужого» слова в современном романе // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/balabanovskiy-tekst-v-zemle-mihaila-elizarova-k-voprosu-o-funktsii-chuzhogo-slova-v-sovremennom-romane/viewer> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Доманский Ю. В. «Летовский текст» в «Земле» Михаила Елизарова: к вопросу о слове рока в современном романе и о современном романе в аспекте включения в него рок-культуры // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letovskiy-tekst-v-zemle-mihaila-elizarova-k-voprosu-o-slove-roka-v-sovremennom-romane-i-o-sovremennom-romane-v-aspekte-vklyucheniya/viewer> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Елизаров М.Ю. Мы вышли покурить на 17 лет. – Москва : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. – 256 с.
6. Сизых О.В. Репрезентация метафоры «Паяцы» в одноименном рассказе М.Ю. Елизарова // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-metafory-payatsy-v-odnoimennom-rasskaze-m-yu-elizarova/viewer> (дата обращения: 20.02.2024).
7. Фоменко И.В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины // [Электронный ресурс] URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (дата обращения: 25.02.2024).

Sirazetdinova E.O.

Pushkin Institute of Russian Language

“Gaidar’s text” in the short story “The Heatwave” by M.Yu. Elizarov

The article presents analysis of “Gaidar’s text’s” functions in the short story “The Heatwave” by M. Yu. Elizarov and examines the connection between “The Heatwave” and A. P. Gaidar’s “Knights of inaccessible mountains” on the plot, motif and image levels.

Keywords: Mikhail Elizarov; short story “The Heatwave”; Arkadiy Gaidar; “Knights of inaccessible mountains”; “alien” word.

Методика обучения японских студентов русскому речевому этикету

Работа выполнена под руководством Азимова Эльхана Гейдаровича, д.пед.н., профессора

В данной статье исследованы основы обучения японских студентов подготовительного факультета и языковых курсов особенностям русского речевого этикета. Предложены методические рекомендации по обучению речевому этикету.

Ключевые слова: русский как иностранный, японский язык, русский язык, методика, лингводидактика

Необходимость поиска новых объектов изучения толкает исследователей к тому, что больше внимания сейчас уделяется не только структуре языка (грамматика, синтаксис, морфология), а его функционально-прагматической стороне; тому, как язык используется носителями в разных языковых ситуациях. Расширяется поле такого фундаментального понятия в лингвистике, как категория. Если раньше под этим термином понимались только грамматические категории, то сейчас открываются новые, функционально-семантические аспекты этой категории. Активно изучается, например, категория вежливости в русском языке [4, с. 397].

Знание способов выражения речевой вежливости очень важно, поскольку вежливая речь является залогом успешной коммуникации. Как показывает практика, японские студенты редко совершают грубые ошибки в выборе средств выражения категории вежливости. Они понимают разницу между общением «на ты» и общением «на вы», грамматические формы которых вводятся на этапе уровня А1 во многих учебниках.

Важность изучения категории вежливости на уроках русского языка обусловлена не только грамматическими, синтаксическими и семантическими различиями языков, но и различием речевого поведения представителей культур в одинаковых речевых ситуациях.

Рассмотрим приветствия в обоих языках. Многие русские приветствия имеют аналог в японском языке, а именно: «Доброе утро» (おはようございます, *ohayou gozaimasu*), «Добрый день / Здравствуйте» (こんにちは, *konnichiwa*), «Добрый вечер» (こんばんわ, *kotbanwa*). Это формальные приветствия. Формальные и неформальные приветствия «Здравствуйте» и «Привет» вводятся на раннем этапе обучения во многих учебниках.

Обучая японских студентов русским прощаниям с использованием японского в качестве языка-посредника, преподаватель может допустить ошибку, переводя фразы

«Пока!» и «До свидания!» как さようなら (*sayounara*). На самом деле это японское слово используется в тех ситуациях, когда собеседники прощаются навсегда (англ. «Farewell»). Соответственно, ближайшим эквивалентом является русское слово «Прощай».

В японском языке существует множество вариантов прощания, зависящих от речевой ситуации. В ситуациях дружеского общения встречаются прощания (*mata ashita*) («До завтра!»), (*mata ne*) («Пока!»). В формальных ситуациях – (*itte kimasu*) (дословно – «я ухожу»), (*otsukaresama deshita*) (дословно – «я очень устал»). Последний используется на работе. Таким образом, передача русских приветствий через аналоги в языке-посреднике вполне возможна.

Следующая часть речевого этикета, которую мы рассмотрим, – это обращение. В японской вежливой речи используются различные уважительные суффиксы, добавляемые к фамилии собеседника. Самый распространенный – さん (*san*):

田中さん、お坊ちゃんが動物漢字を覚えになりました。(Tanaka-san, o-bocchan ga *doubutsu kanji wo oboe ni narimashita*) – Танака-сан, ваш сын выучил кандзи (иероглифы), обозначающие животных.

В русском языке для уважительного обращения используются имя и отчество собеседника. Это может составлять дополнительные трудности для изучающих язык японских студентов, поскольку произносительная база русского языка далека от японской. В учебниках тема «русское имя» обычно идет после вводно-фонетического курса. Поэтому на первых уроках рекомендуется представляться студентам только личным именем.

Не менее важной частью речевой культуры являются поздравления и тосты. В отличие от русских, японцы редко используют длинные поздравления и тосты. Поздравление завершается словом «おめでとう» (*omedetou*) («поздравляю»), а тосты – словом «かんぱい» (*kampai*) («до дна»).

お誕生日おめでとう! (*o-tanjoubi omedetou*) – «Поздравляю с днем рождения!».

ご卒業にかんぱい! (*go-sotsugyou ni kampai*) – «Выьем за твой выпускной!».

Во многих случаях тост не произносится. Вместо него говорят одно только слово «かんぱい!», после чего участники застолья выпивают.

Специфика русских поздравлений и тостов заключается в том, что к поздравительной формуле часто добавляются иногда длинные пожелания «виновнику» праздника различных благ: здоровья, счастья, успехов и т.д.

«(Поздравляю Вас) с днем рождения! Желая Вам сибирского здоровья!» [5, с. 123].

«Счастья, здоровья и успехов в Новом году!» [5, с. 124].

В связи с этим А.А. Наумова предлагает включать в учебные материалы такие фразы, как « - Ни пуха, ни пера! - К черту!», «Приглашаем к столу!», «Горько!», «Счастливого пути!», «С легким паром!», «Будь здоров!», «С днем рождения!», «Спокойной ночи!», «С Новым годом!» [1, с. 86].

Речевые формулы, выражающие сопереживание, также являются неотъемлемой частью категории языковой вежливости. Выражая хорошее отношение к собеседнику, люди реагируют на хорошие новости, сообщенные им, положительным эмоциональным восклицанием («Как здорово!», «Поздравляю!»), и отвечают сочувственными репликами, слыша плохие («Как прискорбно!», «Мне очень жаль!»).

В японском языке тоже есть эти реакции: ご同情申し上げます (*go-doujou moshiagemasu*) – «Приношу свои соболезнования», お気の毒です (*o-ki no doku desu*) – «Мне жаль», お察しいたします (*o-sasshi itashimasu*) – «Я искренне сочувствую». Таким образом, концепция сопереживания знакома японцам. Данные фразы должны включаться в учебные материалы, так как сопереживание способствует поддержанию доброжелательных отношений между участниками коммуникации.

Наконец, обратимся к внеязыковому аспекту. Японская культура – это культура скромности. Эту скромность иногда ошибочно называют застенчивостью [6, с. 555], однако застенчивость – это черта характера отдельного индивида, которая формируется как результат генетических и психосоциальных факторов и социального опыта. В японском обществе не принято перебивать собеседника. Подключаться к диалогу можно лишь тогда, когда это уместно, необходимо либо ожидаемо [2, с. 117]. Поэтому в процессе выполнения таких заданий, как ролевая игра, могут возникать трудности. Японские студенты имеют репутацию самых трудных для обучения любым иностранным языкам. Аудитория молчащих студентов – распространенная ситуация в работе с изучающими язык японцами. Языковой барьер усугубляется страхом сделать ошибку, который испытывают учащиеся, в том числе из других стран.

Поэтому погружение в коммуникацию должно быть постепенным. На первых занятиях стоит сосредоточиться на постановочных и имитативных упражнениях. Например, мини-диалоги с подстановкой: «- *Как тебя зовут? – Меня зовут ...*». «- *Куда ты идешь? – Я иду...*». Далее можно переходить к упражнениям на составление собственных предложений, а затем – к ролевым играм. Таким образом, преподаватель с первых уроков создает в аудитории дружелюбное окружение, в котором говорить можно и важно.

Примеры упражнений на отработку речевой вежливости:

1) Есть два собеседника: ребенок и взрослый незнакомый человек. Подберите нужную фразу.

Здравствуйте! / Здравствуй!

Как вас зовут? / Как тебя зовут?

Пока! / До свидания!

2) Представьте, что Ваш сосед в аудитории – Ваш друг. Поздравьте его с днем рождения.

3) Представьте, что Ваш друг получил плохую оценку за экзамен. Утешьте его. Разыграйте диалог.

«- Привет!

- Здравствуй, Иван! Почему ты такой грустный?

- Я получил плохую оценку за экзамен.

Пример ответа:

- Мне очень жаль. Но не переживай, ты очень хороший студент. Ты всегда можешь сдать снова.

- Спасибо за поддержку! Я обязательно хорошо сдам экзамен.

На первых уроках рекомендуется воздержаться от прямого указания на ошибку. Лучше всего будет поправить ученика, произнеся правильный вариант ответа нейтральным тоном, за которым следует другая реплика.

Грамотный подбор лексики, раздаточных материалов и постепенное погружение в коммуникативную деятельность являются залогом успешного усвоения темы.

Литература

1. Наумова А.А. Способы формирования навыков речевого этикета на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3. – С. 87-89.

2. Орлянская Т.Г. Преподавание русского языка в японской аудитории // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 116-122.
3. Пушкин И. Русско-японский разговорник. – Иерусалим. – 2009. – 202 с.
4. Скобелкин Д.Ю. Категория вежливости в русском языке // Язык и культура: взгляд молодых. Материалы международной научно-практической конференции «XXIV Кирилло-Мефодиевские чтения». – 2023. – С. 396-401.
5. Шэнь Ц. Поздравление в русском и китайском языке // Молодежь XXI века: шаг в будущее. Материалы XX региональной научно-практической конференции. В 3-х т. Том 1. – 2019. – С. 123-124.
6. Syafrayadin S. Immersing Japanese students into English language learning: songs, games and cultures // Cakrawala Pendidikan. Vol. 40. – 2021. – № 3. – С. 554-563.

Skobelkin D.Yu.

Pushkin State Russian Language Institute

The methodology of teaching Japanese students Russian speech etiquette

This article examines the basics of teaching Japanese students of the preparatory faculty and language courses the peculiarities of Russian speech etiquette. Methodological recommendations for teaching speech etiquette are proposed.

Keywords: Russian as a foreign language, Japanese language, Russian language, methodology, linguodidactics.

Скрипачёва Мария Романовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

skrrripacheva@gmail.com

Работа с коммуникативной темой «Город. Столица страны» на основе песни «Александра» Ю.И. Визбора, С.Я. Никитина

Работа выполнена под руководством Рублёвой Екатерины Владимировны, доцента, кандидата филологических наук

Научная статья посвящена работе с коммуникативной темой «Город. Столица страны» на основе авторской песни «Александра» Ю.И. Визбора, С.Я. Никитина. Автором предложены варианты заданий для предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работы с текстом авторской песни «Александра». В статье рассмотрены позитивные аспекты включения бардовской песни в список аутентичных материалов для изучения на занятиях РКИ.

Ключевые слова: РКИ, авторская песня, коммуникативный аспект, анализ текста

Авторская песня представляет крайне интересный материал для изучения коммуникативных тем, лингвострановедческих или литературных особенностей текстов на

занятиях РКИ, однако эта тема мало востребована среди преподавателей русского языка как иностранного.

Авторская песня оказала значительное влияние на русскую культуру. Исследуя авторскую песню как художественный текст, можно получить представление о культуре и мировоззрении бардов и их современников. Часто авторская песня использовалась в советском кинематографе, при помощи которого закрепились как определенный элемент культуры.

Анализ авторской песни как художественного текста тоже представляет интерес с точки зрения филологии и преподавания РКИ. Выбор тематики, художественных средств, композиции интересен для анализа и позволяет выделить авторскую песню в отдельную группу для изучения. Бардовская песня представляет собой значительный пласт советской, а впоследствии русской культуры, поэтому может использоваться в качестве аутентичного учебного материала при изучении РКИ для формирования общекультурных и лингвострановедческих компетенций у учащихся.

Актуальность работы основывается на возросшем интересе к русской культуре, истории и литературе. Несмотря на то, что авторская песня по-прежнему популярна и в современном мире, сравнительно мало исследований, посвященных её изучению и особенно изучению авторской песни в аспекте преподавания РКИ.

Авторская песня представляет собой интересный материал для презентации на уроках РКИ, так как является значительным компонентом русской культуры, представленным сразу в нескольких сферах.

Предтекстовая работа:

В предтекстовой работе студентам предлагается текст, посвященный авторской песне и творчеству Юрия Визбора. Задача этого этапа работы – заинтересовать учащихся, а также дать им первичное понимание темы.

Пример текста, который может быть использован:

Юрий Визбор – поэт и композитор, бард, основоположник жанра авторской (бардовской) песни в СССР. Сочинять песни он начал, когда был студентом. Многие из его песен известны и популярны до сих пор. Одна из таких песен – «Александра». Эта песня звучала в фильме «Москва слезам не верит» (1980 год), который также очень популярен в России.

Юрий Визбор очень любил туризм – он путешествовал по Кавказу, Памиру и другим горным хребтам. Многие его песни (как и песни других бардов) посвящены теме путешествий.

Притекстовая работа:

После предтекстовой работы начинается основной этап работы над текстом. Мы считаем целесообразным разделить произведение на 3 части (в каждой куплет и припев) для лучшего восприятия. После прочтения каждой части по ней предлагаются задания для лучшего понимания.

Не сразу все устроилось,
 Москва не сразу строилась,
 Москва слезам не верила,
 А верила любви.
 Снегами запорошена,
 Листою заморожена,
 Найдет тепло прохожему,
 А деревцу — земли.
 Александра, Александра,
 Этот город — наш с тобою,
 Стали мы его судьбою —
 Ты взглядишь в его лицо.
 Чтобы ни было в начале,
 Утолит он все печали.
 Вот и стало обручальным
 Нам Садовое Кольцо.

Как автор относится к Москве? Как Вы понимаете фразу «Москва слезам не верит»? Что значит «Москва не сразу строилась»? В каких ситуациях люди сейчас употребляют эту фразу?

Москву рябины красили,
 Дубы стояли князями,
 Но не они, а ясени
 Без спросу выросли.
 Москва не зря надеется,
 Что вся в листву оденется,
 Москва найдет для деревца
 Хоть краешек земли.
 Александра, Александра,
 Что там вьется перед нами?

Это ясень семенами
 Кружит вальс над мостовой.
 Ясень с видом деревенским
 Приобщился к вальсам венским.
 Он пробьется, Александра,
 Он надышится Москвой.

Про какие деревья говорит автор? Как он относится к ясеню, считает его благородным деревом? Для каких деревьев Москва найдет место? Что подразумевает автор под деревьями?

Москва тревог не прятала,
 Москва видала всякое,
 Но беды все и горести
 Склонялись перед ней.
 Любовь Москвы не быстрая,
 Но верная и чистая,
 Поскольку материнская
 Любовь других сильней.
 Александра, Александра,
 Этот город – наш с тобою,
 Стали мы его судьбою –
 Ты взглядишь в его лицо.
 Чтобы ни было в начале,
 Утолит он все печали.
 Вот и стало обручальным
 Нам Садовое Кольцо.

Как автор описывает любовь Москвы? С кем он сравнивает Москву? Почему?

Послетекстовая работа:

Коммуникативные/творческие упражнения обеспечивают формирование речевых умений и наиболее высокого уровня практического владения иностранным языком. Например, дискуссионные упражнения, направленные на обсуждение содержания текста и тем, заданных текстом. Даже на начальном этапе обучения учащиеся смогут проявить творческие способности, умение выразить чувство, применяя минимум слов. [1, с.151].

Задание 1:

Вас спросили, что стоит посмотреть в Москве иностранцу. Что Вы посоветуете?

Задание 2:

Похожа ли Москва на Ваш родной город? Какие есть сходства и отличия?

Задание 3:

Как Вы понимаете значение пословиц и цитат? Сравните свои ответы с другими студентами.

Где родился – там и пригодился. Всяк кулик своё болото хвалит. Дом там, где тебя любят. Любят Родину не за то, что она велика, а за то, что она – своя.

Задание 4:

Согласны ли Вы с утверждениями? Обсудите с друзьями:

В родной город всегда стоит вернуться. Каждый житель города становится частью его истории. Чем больше город, тем сильнее одиночество. Самый лучший город – там, где человек счастлив. Чаще всего люди покидают маленький город, чтобы мечтать туда вернуться. А другие остаются, чтобы мечтать оттуда уехать.

Задание 5:

Озвучьте клип о Москве. Это видео показывает всю красоту Москвы, но у него пропал звук. Как бы Вы его озвучили?

Видеоряд: https://www.youtube.com/watch?v=S_dfq9rFWAE&ab_channel=TimelabPro

Задание 6:

Представьте, что Вам нужно рассказать о Москве другу, который никогда её не видел. Вам нужно описать Москву всего 3 словами. Какие слова Вы выберете и почему?

Задание 7:

Расскажите о своем родном городе. Что у Вас с ним ассоциируется? За что Вы любите свой город? Обсудите с друзьями.

Задание 8:

Вы решили посмотреть на места, о которых поется в песне “Александра”. Откройте карту города. Как добраться до Садового Кольца от Вашего университета? От Вашего общежития? [2]

Предложенные задания, направленные на работу с коммуникативной темой «Город. Столица страны» позволят сформировать лингвострановедческие компетенции у изучающих РКИ. Также эти задания можно использовать для отработки ситуаций общения. Мы считаем, что изучение авторской песни и включение ее в список аутентичных материалов на занятии по РКИ целесообразно и полезно для учащихся даже на начальных уровнях владения языком.

Литература:

1. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: Проблемы и перспективы. – Москва: Просвещение, 1988. – 255 с.

2. Винокурова М.А. Обучение лексике в методике преподавания РКИ: коммуникативный аспект (на материале темы «Город») / М.А. Винокурова, В.Ю. Минаева. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование на Алтае. – 2016. – № 2. – С. 53-58.

Skripacheva M.R.

Pushkin State Russian Language Institute

Work with the communicative topic «City. The capital of the country» based on the song «Alexandra» by Yu.I. Vizbor, S.Ya. Nikitin.

The scientific article is devoted to working with the communicative topic «City. The capital of the country» based on the original song «Alexandra» by Yu.I. Vizbor, S.Ya. Nikitin. The author has proposed options for tasks for pre-text, text and post-text work with the text of the author's song «Alexandra». The article discusses the positive aspects of including a bard songs in the list of authentic materials for classes that study Russian as a foreign language.

Keywords: Russian as a foreign language, bard song, communicative aspect, text analysis

Соколова Анна Павловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

dolly.dodson@mail.ru

Специфические особенности рекламных лонгридов и перспективность использования формата «лонгрид» в рекламной деятельности

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук

В данной статье представлен анализ выявленных особенностей рекламных лонгридов, а также наглядное их сопоставление с особенностями нерекламных текстов, написанных в рамках формата «лонгрид». Рассмотрены потенциальные преимущества рекламных текстов, написанных в формате лонгрида, по сравнению с рекламными текстами, написанными в других форматах.

Ключевые слова: рекламный текст, жанр, жанровые особенности, лонгрид, рекламный лонгрид

Лонгрид – это один из способов подачи информации в виде содержательного объёмного текста, который раскрывает тему, обогащается деталями и фактами и занимает от 5 до 7 минут чтения. Качественный лонгрид – это продуманная статья, раскрывающая заданную тему максимально полно при помощи цитат, интересных фактоидов, журнальной вёрстки и мультимедийных элементов. И хотя формат лонгрида нельзя назвать успешным и востребованным в интернет-среде в целом и в рекламной среде в частности, поскольку в обеих этих средах потребителями контента ценится в первую очередь краткость и сжатость предоставляемых им информационных статей, у данного формата всё-таки есть ряд

преимуществ, создающихся в первую очередь за счёт его мультимедийной особенности (хотя и не только за счёт неё).

Изначально лонгридами назывались все объёмные и требующие значительных временных затрат на чтение материалы. Позже определение стало более конкретным. Лонгридами стали называть не только статьи, так как «длинные тексты» выросли из рамок жанра и превратились в полноценный визуальный формат журналистского материала. Они стали включать в себя не только проблемный текст, но и такие элементы, как фотографии, видео, инфографику, различные интерактивные детали, стали сочетать внутри себя различные жанры. Это делает лонгриды подходящей «почвой» для создания рекламных текстов, ведь лонгрид может добавить наглядности в текст и поспособствовать вовлечению в него читателя. «Голый» текст не будет пользоваться успехом у аудитории, а использование разных способов подачи информации неизбежно создаст у читателя эффект присутствия. В 2016-м году появилось чёткое определение лонгрида. Лонгрид (от англ. long read – долгое чтение) – это мультижанровый журналистский формат, содержащий детальный обзор темы, характеризующийся большим объёмом и сочетающий в себе несколько мультимедийных способов подачи информации. Спецификой любого лонгрида, в том числе рекламного, является большое количество текста, разбитого на части с помощью различных мультимедийных элементов. Преимуществом лонгрида как формата является то, что текст, написанный в формате лонгрида, позволяет читателю преодолеть «информационный шум» и полностью погрузиться в тему [1]. Признаками лонгрида как формата можно назвать объём, размещение материала на отдельной платформе, связанной с сайтом издания, особую вёрстку.

Сам по себе лонгрид нельзя назвать жанром, поскольку внутри этого формата уже сами по себе фигурируют самые разнообразные жанры: от репортажа и интервью до рецензии и очерка. Таким образом, формат лонгрида всего-навсего предоставляет свои форматобразующие черты как инструментарий, которым автор текста может пользоваться для достижения своих целей. Именно это и происходит, когда формат лонгрида используется для написания рекламных текстов. Многие исследователи в лонгриде выделяют четыре структурных элемента: повествование, описание, реалистичный диалог и объяснение. Все эти части должны чередоваться, а не следовать друг за другом. С. Распопова в своей статье «Автор мультимедийного текста» отмечает, что объяснение в лонгриде следует максимально упрощать, сделать понятным для массового читателя, а акцент сместить на репортажные вставки с действиями и диалогами персонажей и на истории-примеры. Лонгрид можно также сравнить с большой инфографикой, которая полностью погружает читателя в историю,

предоставляет ему самые разные факты в самой разной оболочке [3]. Исследователь Г. Амирханова сравнивает текст лонгрида с главным гидом по истории, а визуальные элементы – с достопримечательностями. Замечания, высказанные исследователями Распоповой и Амирхановой, подтверждают направленность лонгрида как формата на массовую, а не на элитарную аудиторию, и это является ещё одним преимуществом этого формата для рекламных текстов, которые чаще всего обращены к массовой аудитории – массовому потребителю. Иногда лонгриды называют мультимедийным сторителлингом (от англ. story telling – рассказывание истории), однако сторителлинг – это лишь ещё один жанр внутри формата лонгрида, который можно использовать для создания рекламных текстов. Основной особенностью и преимуществом сторителлинга как жанра является его нарративность.

В традиционном понимании нарратив определяется как текст, описывающий некоторую последовательность событий; то же, что история, рассказ, повествование. Д. Шифрин определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и других» [4, с. 321]. Восьмидесятые годы XX века ознаменовали собой начало «нарративного поворота» в социальных науках, лейтмотивом которого стало утверждение, что функционирование различных форм значения можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы [2]. Нарративный поворот связан с осознанием важности повествования в человеческой жизни. Не вызывает сомнения значимость нарратива не только в художественной литературе и ораторском искусстве, но и в научном дискурсе и бытовом общении. В обыденной жизни люди часто прибегают к нарративу как к средству придания смысла или осмысления действительности. И именно с этой целью – приблизиться к бытовому дискурсу, завоевать доверие читателя и погрузить его в комфортную и привычную для него среду – производителям коммерческой продукции было бы выгодно выбирать для рекламных текстов формат лонгрида. Ведь именно в лонгриде нарратив раскрывается в полной мере, позволяя использовать все свои дискурсивные преимущества. Нарратив предстаёт как своеобразное окно в индивидуальный человеческий опыт (взгляд на мир глазами автора-рассказчика), как особая эпистемологическая форма – окружающая реальность может быть освоена человеком только через повествование, через истории. В этом заключается следующая потенциальная мотивация для распространителей коммерческой продукции использовать для рекламных текстов именно формат лонгрида – чей-то индивидуальный опыт, преподнесённый читателю как история, воспринимается читателем более достоверно, а также вызывает сопереживание, сочувствие и ощущение причастности к опыту автора-

рассказчика. По сути, такая реклама будет подражать уже существующему методу промоутинга с использованием положительных отзывов довольных клиентов, только в данном случае этот отзыв будет более развёрнут и оформлен по правилам сторителлинга, то есть, будет содержать в своей структуре завязку, конфликт, нарастающее и нисходящее действие, кризис, кульминацию и развязку.

На данный момент сложно сказать, является ли рекламный лонгрид отдельным жанром лонгрида, поскольку для выделения рекламного лонгрида в самостоятельный жанр он должен обладать специфическими (присущими только ему) жанрообразующими элементами. Задачу усложняет также и то, что на данный момент не существует общепринятой классификации жанров рекламы. В рекламных текстах под жанром понимается единство формы и содержания, однако приоритетной задачей всегда будет реализация некоторой рекламной идеи. Мы склоняемся к мнению о том, что рекламные лонгриды, не образуя самостоятельный жанр лонгридов, выстраивают своё содержание, ориентируясь на логику уже существующих в рамках этого формата жанров. Также для успешной трансляции читателю рекламной идеи автор рекламного лонгрида может использовать в своём тексте сочетание нескольких жанров. Данный приём является одним из основных психологических приёмов рекламы и несёт в себе сразу несколько функций. К ним относятся: выделительная функция (выделяет текст среди других рекламных текстов за счёт оригинальной, непохожей на других, подачи), развлекательная функция (использование неожиданных комбинаций жанров развлекает читателя), маскирующая функция (определённая комбинация жанров и «заигрывание» с ними способны замаскировать рекламный текст под нерекламное сообщение), дополняющая функция (некоторые жанры способны изменить оригинальное содержание текста и дополнить его новыми информационными и оценочными сведениями). Как правило, выбор жанра рекламного текста согласуется с рекламодателем. Основными критериями выбора жанра рекламного текста могут быть соотнесённость его с товаром и дополнительной информацией о товаре, а также допустимость юмористического либо иронического тона в тексте, повествующем о конкретном коммерческом продукте.

Таким образом, мы считаем, что формат лонгрида с его инструментарием и возможностью использовать внутри него различные жанры, в том числе публицистические, а также их комбинации, в будущем может стать перспективной площадкой для создания успешной ветви рекламных текстов, а также оформиться в самостоятельный жанр рекламных текстов.

Литература

1. Амирханова Г.Р. Лонгрид: правила, примеры, сервисы [Электронный ресурс] / Г.Р. Амирханова. – URL: <http://bestapp.menu/longrid-pravila-primery-servisy>.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Распопова С.С. Автор мультимедийного текста [Текст] // Журналист. Социальные коммуникации. – 2012. – № 2. – С. 84-90.
4. Schiffrin. D. In Other Words: Variation in reference and narrative. – Cambridge, 2006.

Sokolova A.P.

The Pushkin State Russian Language Institute

**The specific characteristics of the promotional longreads
and the prospect of using the longread form in the promotional activity**

The following article presents an analysis of the revealed characteristics of the promotional longreads and also their visual comparison with the characteristics of non-promotional texts written in the longread form. Also in this article potential advantages of the promotional texts written in the longread form, comparing them to the promotional texts written in other forms, are considered

Keywords: promotional text, genre, genre features, longread, promotional longread

Станков Александра

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
aleksstankov0611@gmail.com

**Явления лексической конвергенции и интерференции в обучении РКИ
сербских студентов**

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора
филологических наук, профессора

В статье рассматриваются преимущества и недостатки обучения близкородственным языкам. Опора на сопоставление лексического состава двух славянских языков (русского и сербского) может служить полезным методом в силу того, что способствует более быстрой адаптации и усвоению нового языка. Сербские студенты могут использовать свои знания и навыки в родном языке, чтобы легче понимать и запоминать лексику русского языка. Такой позитивный перенос также способствует построению уверенности в собственных способностях и улучшению мотивации к изучению языка. Однако сходство в языковых системах влечет за собой и определенные трудности, с которыми сталкиваются все носители сербского языка, изучающие русский язык. В статье анализируются случаи лингвистической интерференции и выявляются ее деструктивные эффекты, ведущие к смысловым искажениям в устной и письменной речи сербов.

Ключевые слова: близкородственные языки, славянские языки, лингвистическая интерференция, лингвистическая конвергенция, методика преподавания иностранных языков, общеславянская лексика, «ложные друзья переводчика».

Изучение иностранного языка издавна представляло собой непростую задачу. На овладение любым иностранным языком влияние оказывает ряд факторов, таких как степень заинтересованности и мотивированности к изучению языка, способность преподавателя подобрать подходящий материал и применить самый плодотворный метод обучения, возможность учащегося погрузиться в языковую среду целевого языка, а также индивидуальные психологические и интеллектуальные особенности личности. В современной методике преподавания иностранных языков стоит вопрос о том, осваивается ли иностранный язык быстрее и эффективнее студентом, родным языком которого является родственный или вовсе не схожий с изучаемым языком язык. А.А. Реформатский в свое время критиковал мнение, согласно которому легче усваивается система близкородственного языка. Ученый говорил прежде всего об усваивании правил произношения, господствующих в изучаемом языке, но он справедливо отмечал, что «схожесть – явление мнимое и в значительной мере провокационное» [5, с. 513].

Несмотря на тот факт, что русский и сербский языки принадлежат разным подгруппам славянских языков, они являются родственными языками. Однако русских и сербов объединяет не только общий язык-предок. Благодаря крепким историческим, культурным и религиозным связям между Россией и Сербией, эти два языка нередко контактировали друг с другом. В истории становления сербского литературного языка выделяется период, когда письменным языком территорий, населенных южными славянами, выступал так называемый русско-сербский язык, представляющий собой смесь древнерусского и народного сербского языков. Непокосимые политические и военные связи на протяжении последних двух столетий сделали популярным русский язык в Сербии. Каждый год сотни сербских студентов приезжают в Россию и чаще всего решаются поступать на подготовительные отделения. В данной статье речь пойдет о положительной и отрицательной стороне изучения близкородственного языка, каким для сербов является русский.

Принято считать, что любой человек может изучить любой иностранный язык, овладеть полностью фонетическими, акцентологическими, орфографическими, грамматическими, лексическими и стилистическими нормами данного языка и общаться на нем наравне с носителями языка. Подобные утверждения опровергаются присутствием в речи практически каждого иностранного учащегося явления интерференции, то есть влияния родного языка на изучаемый и подчинения его норм нормам родного языка в устной и письменной речи.

Интерференция в языке человека, изучающего новый иностранный язык, представляет собой естественный, вполне ожидаемый и даже необходимый

сопровождающий элемент его обучения. Интерференты на начальном этапе изучения иностранного языка возникают в первую очередь по причине того, что студенты бессознательно подстраивают под систему изучаемого языка закономерности своего родного языка. На первых занятиях ошибки в речи приветствуются, поскольку они помогают преподавателю понять в чем именно студенты затрудняются, а также осознать причину ошибки и найти самый подходящий метод ее устранения. Раз сознательно освоивши функционирование системы изучаемого языка, студент имеет предрасположенность к овладению им в полной мере.

Современная славистика занимается проблемами межъязыковых контактов и делает акцент преимущественно на различиях между родственными языками. Интерференция в русской речи сербских студентов присутствует практически на всех языковых уровнях. Несмотря на использование кириллического письма в обоих языках и кажущееся совпадение в алфавите, правила произношения и постановки словесного ударения в данных двух языках кардинально отличаются. Грамматические системы русского и сербского языков в целом представляют собой абсолютно разные структуры. Только на уровне лексики можно заметить как отрицательное, так и положительное влияние системы родного языка, в данном случае – сербского, на восприятие и осознание системы русского языка.

Во всех славянских языках выделяются группы слов, имеющие общее происхождение и проявляющие сходства в написании, произношении и значении. Такие лексические единицы принято называть общеславянскими, поскольку они существовали в праславянском языке и употреблялись всеми славянскими народами. Общеславянская лексика представляет собой часть культурного наследия славян и проявляется в словах, которые служат основой всех славянских языков. Представим примеры общеславянской лексики в русском и сербском языках:

Термины родства: *мама – мама, папа – тата, отец – отац, сестра – сестра, брат – брат, бабушка – бака, дедушка – деда.*

Слова, обозначающие части тела человека и животного: *голова – глава, рука – рука, нога – нога, лапа – шапа, рог – рог.*

Названия животных: *корова – крава, коза – коза, змея – змија, бык – бик, петух – петао, лев – лав, лиса – лисица, волк – вук, орел – орао, олень – јелен.*

Наименования явлений природы: *ветер – ветар, снег – снег, солнце – сунце, река – река, море – море, озеро – језеро.*

Прилагательные: *добрый – добар, веселый – весео, деревянный – дрвен, мокрый – мокар, зеленый – зелен, молодой – млад, кислый – кисео.*

Глаголы: *читать – читати, писать – писати, слушать – слушати, спать – спавати, пить – пити, сидеть – седети, стоять – стајати, лежать – лежати.*

Местоимения: *я – ја, ты – ти, мы – ми, вы – ви.*

Преимущества, обусловленные структурной близостью двух славянских языков, можно продемонстрировать и на примере русских пословиц и их дословного перевода на современный сербский язык.

Сто голов – сто умов. – Сто глава – сто умова.

Смелых и смерть боится. – Смелих и смрт боји се.

От малой искры огромный пожар. – Од мале искре је огroman пожар.

Каково волокно, таково и полотно. – Какво влакно, такво и платно.

Девушку вертено одеваает. – Девојку вретено одева.

На примере данных пословиц можно увидеть тождество многих лексико-семантических элементов в русском и сербском языках, и одновременно легко и наглядно выявить различия на уровне грамматики.

Казалось бы, для сербов нет необходимости прилагать особые усилия, чтобы изучить русский язык, так как лексика двух языков достаточно похожа. Это классическое заблуждение, находящее место как между русскими, так и между сербами. Ведь у медали всегда две стороны. В русском и сербском языках присутствует огромное количество однокоренных и даже полностью совпадающих в написании и реже в звучании слов, значения которых полностью расходятся. Проиллюстрируем данное утверждение примерами.

У меня нет искусства работы в этой области. Отрицательный перенос происходит на лексико-семантическом уровне, что обусловлено совпадением в написании и произношении одной и той же лексической единицы в обоих славянских языках. Понятно, что на сербском языке слово *искусство* обозначает *опыт*.

В аудитории не хватает столиц для всех. Неверная передача семантики слова, а также нарушение логического и смыслового контекста предложения объясняются употреблением в сербском языке слова *столица* в значении *стул*. Следует отметить, что данное слово в русском и сербском языках не совпадает в произнесении, что связано с различием в фонетической и акцентологической нормах двух сопоставляемых языков. Если в русском языке ударение в приведенном нами слове *столица* находится на втором слоге, в сербском языке оно падает на первый слог и произносится как [*столица*]. Интересным является тот факт, что при неправильном употреблении данной лексемы в предложении, учащийся произнесет слово согласно норме русского языка. И это не единственный случай

такого переключения, что свидетельствует о неосознанной и вполне случайной замене слов в сознании студента и высокой степени интерференции, которая всплывает в речи носителей сербского языка.

Трудности вызывает также освоение некоторых прилагательных, обладающих сходством по форме, но расходящихся в значении. В качестве примера возьмем слово *вредный*. В сербском языке прилагательное *вредан* имеет двойное употребление – используется в значениях *трудолюбивый* и *драгоценный, дорогой*. Таким образом, данное слово может характеризовать как одушевленные, так и неодушевленные существительные, что увеличивает возможность допущения ошибки. Желая сказать: «Он очень трудолюбивый человек» – сербский студент может сказать: «Он очень вредный человек», а в попытке донести до собеседника информацию о ценности определенного предмета, может произнести фразу: «Это кольцо моей мамы, оно имеет сентиментальную вредность для меня». В данном случае мы видим еще одну отрицательную сторону влияния родного языка при изучении близкородственного. В сербском языке, так же как и в русском, возможны случаи перехода слов одной частеречной принадлежности в другую, что наблюдаем в последнем примере. Сербский учащийся, подстраивая систему своего родного языка под систему изучаемого, может сформировать адъективные существительные, не понимая при этом неверную передачу семантики данной лексики и контекста предложения в целом.

Большую неудобность для сербов представляют ситуации, когда прохожие на улице спрашивают дорогу. Речь идет о том, что в сербском языке словом *право* обозначает движение *прямо*. По этой причине, указывая дорогу, и при этом правильно жестиковать, сербы могут поторопиться и сказать: «Идите только право и вы увидите метро». Спустя несколько секунд, заметив негодование собеседника, серб поймет, что сделал типичную ошибку и что его родной язык еще раз помешал в осуществлении удачной коммуникации.

Слово *мешать / помешать* в свою очередь также часто интерферирует при общении сербов на русском языке, поскольку в их родном языке оно имеет совсем другое значение. Приведем пример: «Я не сдала экзамен. Я полностью помешала произведения Толстого и Достоевского». Аналогом глагола *помешати* в сербском языке является глагол *перепутать*.

Сербы путаются и в употреблении некоторых глаголов с приставками. К примеру, учащийся из Сербии может сказать: «Я сегодня наступил с докладом», вместо «Я сегодня выступил с докладом», так как сербский глагол *наступити* представляет собой эквивалент русского *выступить*.

Анализ ошибок, вызванных у сербских учащихся лексической интерференцией, выявляет целый ряд так называемых «ложный друзей переводчика» – межъязыковых

омонимов и паронимов с значительными семантическими расхождениями. Приведем небольшой список из множества примеров (слева – русские слова, справа – похожие сербские слова и их значения):

Лексическая интерференция в глагольных формах: *хранить* – *хранити* ‘кормить’, *сохранить* – *сахранити* ‘похоронить’, *убрать* – *убрати* ‘сорвать’, *глядить* – *гледати* ‘смотреть’, *ругаться* – *ругати се* ‘издеваться’, *драться* – *дерати се* ‘орать’, *орать* – *орати* ‘пахать, взрыхлять землю’, *пропасть* – *пропасти* ‘упасть в глубь’, *любить* – *љубити* ‘целовать’.

Лексическая интерференция в разделе существительных: *страна* – *страна* ‘сторона’, *печенье* – *печење* ‘мясо, запеченное на вертеле’, *кружка* – *крушка* ‘груша’, *бокал* – *бокал* ‘графин’, *чашка* – *чаши* ‘стакан’, *слово* – *слово* ‘буква’, *буква* – *буква* ‘бук’, *корица* – *корица* ‘корка’, *стена* – *стена* ‘скала, утес’, *правда* – *правда* ‘справедливость’.

Лексическая интерференция в разделе прилагательных и наречий: *быстрый* – *бистар* ‘прозрачный’, *хитрый* – *хитар* ‘быстрый’, *сложно* – *сложно* ‘дружно’, *скоро* – *скоро* ‘недавно, почти’, *около* – *около* ‘вокруг’.

Отдельный тип лексической интерференции представляет собой неправильная подборка слов, обусловленная не только языковыми, но и психолингвистическими особенностями сербскоговорящих учащихся. Например, понятие светлых волос у человека в сербском языке выражается словосочетанием *плава коса*, что в буквальном переводе обозначает *голубые волосы*. Следовательно, не переключившись на русскую языковую картину мира, серб может сказать: «Я видел девушку с голубыми волосами». Такое высказывание может быть воспринято собеседником без возмущения, хотя смысл и цель коммуникации будут нарушены, но в случае звучания фразы «Она голубая», адресат несомненно вынужден будет потребовать уточнения и объяснения в выборе адресантом данного языкового средства. Данное выражение на сербском языке употребляется регулярно (*Плава је – Она блондинка*).

Подводя итоги, стоит отметить важность идеи рассмотрения конвергентных явлений в лексике русского и сербского языков как возможное эффективное средство усвоения материала в процессе обучения русскому языку как иностранному, способствующее также экономии сил и времени. Такой подход может помочь студентам преодолеть языковой барьер, обеспечить активное и живое общение, что является приоритетом в обучении иностранным языкам. С другой стороны, следует иметь в виду неверные ассоциации, провоцируемые как морфологической структурой лексем, так и синтаксическими особенностями контекста, причиной которых является интерференция. Эффекты

интерференции указывают на важность учета данного феномена при обучении близкородственному языку, а также на первостепенное внимание к поиску и нахождению точных эквивалентов всех языковых единиц.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским: пособие для практ. занятий по «Сравнительной грамматике славянских языков» и для самообучения. – Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киршбаума (отд.) и А. Смолинского, 1912.
2. Кучуркина Е.В. Проблема межъязыкового явления «Ложные друзья переводчиков» / Образование. Карьера. Общество. – 2017. – № 3 (54).
3. Мякшин К.А. Явление интерференции в переводе (на материале английского языка) / Наука. Исследования. Практика. Сборник избранных ст. по мат. научн. конференции, 2020.
4. Пешић А. Међујезичка интерференција при усвајању граматике руског језика на примерима Гимназије „Свети Сава” и Тринаесте београдске 90 гимназије / Живи језици: часопис за стране језике и књижевности, 38.1. – 2018.
5. Реформатский А.А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. — Москва : Наука, 1970.

Stankov A.

The Pushkin State Russian Language Institute

Phenomena of lexical convergence and interference in teaching Russian as s FL to Serbian students

The article discusses the advantages and disadvantages of teaching closely related languages. Relying on the comparison of the lexical composition of two Slavic languages (Russian and Serbian) can serve as a useful method due to the fact that it contributes to faster adaptation and assimilation of a new language. Serbian students can use their knowledge and skills in their native language to make it easier to understand and memorize the vocabulary of the Russian language. Such a positive transfer also helps to build confidence in one's own abilities and improve motivation to learn a language. However, the similarity in language systems entails certain difficulties that all native speakers of the Serbian language who study Russian face. The article also analyzes cases of linguistic interference and identifies its destructive effects, leading to possible semantic distortions in the oral and written speech of Serbs.

Key words: closely related languages, Slavic languages, linguistic interference, linguistic convergence, methods of teaching foreign languages, common Slavic vocabulary, "false friends of the translator".

Суворова Анна Олеговна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

suvorova.anna0412@mail.ru

Пушкин как пророк русской цивилизации в контексте «Гаврилиады»

Работа выполнена под руководством Третьяковой Ирины Анатольевны, кандидата исторических наук, доцента

Статья рассматривает особенность положения русских народов в системе существующих цивилизационных моделей и анализирует роль Александра Сергеевича Пушкина в становлении термина «русская цивилизация» сквозь призму поэмы «Гаврилиада». Цель статьи – доказать принадлежность русского народа к понятию «цивилизация» и связанность подтекста «Гаврилиады» с этим термином.

Ключевые слова: локальные цивилизации, русская цивилизация, социокультурные флуктуации, интеллигентное юродство.

На данный момент не существует устоявшегося общепринятого толкования термина «цивилизация». В новой философской энциклопедии электронной библиотеки ИФ РАН содержится: «Цивилизация является феноменом собирательным, многофакторным. Цивилизацию образуют и характеризуют особенности природной среды (климатические условия, географический и демографический фактор), достигнутый уровень потребностей, способностей, знаний и навыков человека, экономико-технологический способ производства и строй социально-политических отношений, этнический и национальный состав сообщества, своеобразие культурно-исторических и религиозно-нравственных ценностей, характер и степень развития духовного производства».

Для более глубокого анализа этого явления обратимся к основным цивилизационным концепциям. Крупнейший вклад в развитие теорий локальных цивилизаций внесли О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин и Ф. Бродель. С момента распада Советского Союза меняется сама парадигма обществоведения, таким образом, цивилизационный подход к изучению истории занимает место формационного, что, в свою очередь, приводит к повышенному общественному интересу к проблемам локальных цивилизаций и предотвращения их столкновения. Это становится центральной массовой задачей человечества: неслучайно начало нового тысячелетия ООН провозгласила годом диалога между цивилизациями.

Итак, детальный анализ трудов О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и Ф. Броделя позволяет создать единую систему определения цивилизации методом объединения главных идей теоретиков:

- 1) Соотношение культуры с цивилизацией;

По Шпенглеру, «Цивилизация – неизбежная судьба культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии. Цивилизации есть суть самые крайние и самые

искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они – завершение, они следуют за становлением как ставшие. За жизнью – как смерть, за развитием – как оцепенение». Иными словами, историческое видение Шпенглера заключается в том, что заключительной стадией развития культуры является цивилизация. Этот процесс сопровождается небывалым научным и техническим подъемом, рационализмом и материализмом, в то время как духовная его составляющая находится в упадке. Модель СССР совершенно определенно сходится с теорией философа: на 60~80 гг. приходится пик научно-технического прогресса, при этом культура претерпевала процесс стагнации («шестидесятники» как последний голос поколения).

2) Синтез общества и религии;

По Тойнби, цивилизация есть основная историческая единица, которая формируется вследствие божественного вызова. Таким образом, историк выделяет 5 живых цивилизаций, а именно: западное общество, объединенное христианством; православно-христианское (византийское) общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России; исламское общество от Северной Африки и Среднего Востока до Великой Китайской стены; индуистское общество в тропической субконтинентальной Индии; дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районе Юго-Восточной Азии.

3) Социокультурные флуктуации;

По Сорокину, цивилизация – это историческая общность людей, объединенных определенным типом мировоззрения (идеалы, ценности, методы познания) и типом культуры. Лейтмотивом исследования ученого являются социокультурные флуктуации, то есть процессы, время от времени повторяющиеся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории.

Сорокин приходит к выводу о циклической траектории социокультурной динамики во времени и пространстве: «В относительно циклическом кризисе траектория следующего цикла не совпадает полностью с траекторией предыдущих циклов. От цикла к циклу наблюдаются некие отклонения». Таким образом, Сорокин изобразил не только циклические фазы развития истории, но и внедрил в эту концепцию некий творческий элемент в виде индивидуальных вариаций исторической динамики, что, несомненно, отражается на истории нашей страны – Россия подчиняется «спазматическому маятниковому развитию», однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

4) Способность к экспансии: обмен, передача, заимствования;

По Броделю, «цивилизации могут быть дружелюбными и щедрыми и вместе с тем замкнутыми и неприветливыми; они обмениваются визитами друг с другом; они

миролюбивы и одновременно воинственны; удивительно устойчивые, они также подвижны, непоседливы». Историк делает акцент на взаимоотношениях цивилизаций, подчеркивая, что «признаком жизнеспособности цивилизации является их способность к распространению своих ценностей, к экспансии». «Нельзя представить себе цивилизации, представители которой не утверждали бы за ее пределами ее образ мыслей и жизненный уклад... Жизнь цивилизаций немыслима без обмена, без передачи и заимствования». Россия с точки зрения Броделя также является цивилизацией, поскольку за весь период своего исторического развития показывала исключительную контрастность между «миролюбивостью» и «воинственностью», «заимствованием» и «самобытностью», сохранением чужих традиций и распространением своих ценностей, она неоднократно доказывала свою устойчивость и жизнестойкость, подвижность и динамичность, свою дружелюбность и щедрость.

Одним из самых загадочных и неизведанных произведений А.С. Пушкина по праву считается поэма «Гаврилиада». Неслучайно Владимир Ходасевич, анализируя это произведение, писал: «Поэма еще только ждет всестороннего и детального рассмотрения». На первый взгляд, «Гаврилиада» создает впечатление кощунственного, непристойного, антихристианского произведения, однако, если присмотреться к поэме пристальнее, то сквозь оболочку греха мы увидим не только «нежное слияние любви к миру», но и ее второй фон, глубокий смысловой философский подтекст. Так пронзительно и точно мог написать только Пушкин: неслучайно именно его нарекают пророком, провидцем русской души. Трудно определить, что же в большей степени способствовало раскрытию его «гения» – врожденный талант, трудолюбие и упорство или же его редкий генетический потенциал (по линии отца он унаследовал знания святорусского жречества, по линии матери – древнеегипетского). Однако совершенно точно ясно одно: Александр Пушкин – истинный русский пророк: «С рассказом Моисея/ Не соглашу рассказа моего:/Он вымыслом хотел пленить еврея,/Он важно лгал, - и слушали его./Бог наградил в нем слог и ум покорный,/Стал Моисей известный господин,/Но я, поверь, - историк не придворный,/Не нужен мне пророка важный чин!...»

Поэтическая фигура молодого Пушкина есть истинный пример «светского юродства» (юродство как добровольно взятый подвиг и одновременно духовная миссия Божьей воли). Академик А.М. Панченко пишет об этом явлении как об «интеллигентном юродстве» – одной из форм интеллектуального критицизма, в которой различались пассивная и активная сторона: первая, обращенная на себя, – это аскеза, самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление плоти; вторая – наделяется обязанностями «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых, в любое время и в любом месте. Для таких людей характерен

афористический язык, ум, скрывающийся за маской глупца, смех как осмеяние грехов мира и протест (лишенный реформаторского, политического начала, юродивый не посягает на свержение государственного строя). Примечательно, что цари часто прислушивались к юродивым, приближались к ним, вели беседы и в тайне побаивались их. Нередко царь лично присутствовал при кончине юродивого или провожал его. Таким образом, этот «светский вариант юродства» – и есть классическая русская литература, которая «не уставала обличать зло и кривду, торжествующие в жизни».

Личностно неповторимый феномен Пушкина – вопрос глубоко философский, теологический; он требует изучения как феномен бытия; однако, определенно точно, разгадка появления Пушкина (не имеет значения истинности точки зрения возникновения поэта как социального или божественного явления) кроется в самой эпохе. А что же происходило во времена Пушкина? Обратимся к Александру I как эпониму эпохи. Царь воспитывался в духе сентиментального гуманизма, что объясняет его интерес к мистической религии. Императора окружали Сперанский, Р. Кошелев (известные масоны), А. Голицын, создатель Библейского общества, мистифицирующая баронесса Крюденер, переносившая масонский западный уклад на Россию. Тогда произошел настоящий всплеск: по всей стране открывались масонские ложи и иезуитские школы, появились мистические книгоиздательства, в Петербургской духовной академии преподавали лютеране, отдающие предпочтение немецкой философии и изучению латыни. Болезнь европеизированной русской аристократии постепенно теряет свою непрозрачность, и Отечественная война с восстанием декабристов только катализировали этот недуг. И только благодаря таким, как Пушкин, Россия сохранила свою государственность, национальное самосознание, культуру, веру и язык.

В 1818 году Пушкина приговорили к смерти: поэт «занемог гнилою горячкою». Чудом исцелившись, он обратился к известной гадалке Кирхгоф, которая предрекла ему смерть от «белого человека». Тогда Пушкин, как юродствующий в духе своей эпохи, получив благословение колдуньи, решает полностью изменить своё мировоззрение и жизненный уклад (Петербург был наводнен ведунями и мистиками, обращение к ним было естественным бытовым явлением). Болезнь поэта символична: Пушкин занемог так же, как русское общество, таким образом, утвердив свою зеркальность для России. Вскоре поэт, «надев маску рыльника», напишет «Гавриладию». Ее подтекст – это не просто богопротивность или оппозиция императору, это обличение, представленное в лексической форме, всего отдаленного от русской действительности общества, которым правили мистики и дух эзотеризма. Своей поэмой Пушкин противопоставлял русский мир и чужой, он метафорично

подсвечивает обезображенность и двойственность этого мира царившегося безбожия: таковым являлся Запад, а русское общество слепо подражало ему.

Пушкин через всю свою молодость пронесит это озорное юродство, однако с годами, приобретая мудрость и полноценно раскрывая свой гений, поэт становится провидцем. Взгляды Пушкина-пророка становятся совсем иными: он перестает критиковать Александра Великого («Ура, наш царь! так! выпьем за царя <...> / Он взял Париж, он основал Лицей»), а с Николаем Первым их взаимоотношения даже приобретают несколько дружеский характер. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Александр Пушкин – истинный пророк русского мира. Становясь на пути чуждой западной мысли и веры, он практически в одиночку смог совершить столько, сколько после него достигала вся отечественная литература. Будучи юродивым в юности, пророком в зрелости, исполнителем Божественного промысла и, одновременно с этим, смиренным перед этой святой волей в конце своих дней, он за 37 лет прожил всю русскую жизнь от ее начала до призрачного, неизведанного будущего, а через свое творчество поэт разгадал ее узловые проблемы и проник в самую сущность мира.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 3. Время мира. – Москва: Прогресс, 1992. – С. 241-252.
2. Камедина Л.В. Творчество как преодоление зла в духовно-нравственном становлении личности: монография / Л.В. Камедина – Москва-Берлин : Директ-Медиа, 2014. – стр. 136-139; 145-147.
3. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – Том 1. – Москва : Институт экономических стратегий, 2006. – С. 51-58.
4. Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. – Санкт-Петербург : Юна, 1999. – С. 225-230.
5. Пушкин А.С. Гаврилиада [Текст]: полный текст/ вступительная статья и критические примечания Валерия Брюсова – 2е изд. – [Б. м.] : Т-во тип. А.И. Мамонтова в Москве. – С. 1-9; 20-23.
6. Ходасевич В. Статьи о русской поэзии «Эпоха». – Санкт-Петербург, 1922. – С. 97-106.
7. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. – Москва : Мысль, 1998. – С. 121-132.
8. Юрковец Г.Г. Теория цивилизации. – Тюмень : АНО «ИИЦ “Красное знамя”», 2021. С. 10-12; 71-75.

The Pushkin State Institute of the Russian Language

Pushkin as a Prophet of Russian Civilization in the context of the «Gavriliad»

The article examines the peculiarity of the position of the Russian peoples in the system of existing civilizational models and analyzes the role of Alexander Sergeevich Pushkin in the formation of the term «Russian civilization» through the prism of the poem «Gavriliada». The purpose of the article is to prove the belonging of the Russian people to the concept of «civilization» and the connectedness of the subtext of the «Gavriliad» with this term.

Keywords: local civilizations, Russian civilization, socio-cultural fluctuations, intellectual foolishness.

Сугурова Татьяна Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

tatiana.tomarova.13@mail.ru

Использование аттрактивных языковых средств в сетевой профессиональной и гражданской журналистике

Работа выполнена под руководством Северской Ольги Игоревны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются понятия сетевой профессиональной и гражданской журналистики, а также основные языковые средства, используемые в интернет-СМИ для привлечения внимания аудитории. Также анализируются тексты с платформ РИА «Новости» и «Дзен» с целью выявить сходства и различия в использовании аттрактивных языковых средств в профессиональных и «любительских» журналистских текстах.

Ключевые слова: сетевая журналистика, гражданская журналистика, интернет-СМИ, журналистский текст, аттрактивные языковые средства, кликбейт, авторское начало.

В XXI веке особое место среди средств массовой информации занял интернет, открывший своим пользователям новые возможности для создания, оформления и распространения контента. Это способствовало активному развитию такой отрасли журналистики, как сетевая.

Интернет-СМИ можно условно разделить на профессиональные и «любительские», что обусловлено общедоступностью интернета и его специфическими особенностями, среди которых можно выделить интерактивность, мультимедийность и гипертекстуальность [1, с. 183], а также доступность, оперативность и низкую себестоимость.

Именно интерактивность, заключающаяся в возможности участия в режиме реального времени любого пользователя в обсуждении и создании новостей, подтолкнула людей к созданию различных блогов. Важно отметить, что при этом коммуникация осуществляется в одной и той же среде, что коренным образом отличает Интернет-СМИ от традиционных [3]. Иными словами, в современном мире каждый может начать вести свой блог на специально предусмотренной для этого платформе – это и есть гражданская журналистика.

В данной статье мы собираемся проанализировать аттрактивные языковые средства, используемые в сетевой профессиональной и гражданской журналистике. Прежде чем перейти непосредственно к анализу текстов обеих категорий, рассмотрим, какие аттрактивные средства встречаются в Интернет-СМИ вообще.

Аттрактивные языковые средства – это такие средства и приёмы разных уровней языка, которые используются для обеспечения привлекательности подачи информации для адресата. В сетевой журналистике они получили широкое распространение за счёт свойственной интернету информационной избыточности. Чтобы текст не затерялся в условиях бесконечного информационного потока необходимо привлекать внимание массовой аудитории цепляющей, либо даже неординарной подачей материала [3].

Первое, с чем знакомится читатель, когда смотрит новостную ленту – заголовок и вводный абзац, в которых, как правило, представлено в сжатом виде содержание интернет-статьи. Это обусловило распространения такого явления, как *«кликбейт»* – контент, основная цель которого *«привлечь внимание и принести ресурсу, который его использует, больше просмотров»* [4, с. 49-50]. Со временем кликбейтные заголовки претерпели значительные изменения и из обманывающих читателя и сильно искажающих реальное положение дел трансформировались в ёмкие и цепляющие, отражающие содержание материала.

К языковым средствам, используемым для создания кликбейтных заголовков и описаний, относят: использование цитат, языковой игры, аллюзии, риторических вопросов и восклицаний, фразеологических и образных языковых единиц, аллюзий, устойчивых выражений, иронии и средств оценочной номинации, указание на любопытный факт, место действия, конфликт или проблему; смысловую неопределённость (возможна разная трактовка содержания), ключевые слова новости [5, с. 2013]. Также возможны апелляция к авторитету (*«по мнению экспертов»*) и формулы, внушающие адресатам нужные установки (*«уже всем известно, что...»*).

Стоит отметить, что для современных интернет-текстов важно членение на абзацы с использованием отступов, упрощение синтаксиса, ёмкость и информативность. Это упрощает чтение и помогает удерживать внимание читателя на материале [2, с. 145]. Также рекомендуется использование принципа *«перевернутой пирамиды»*, согласно которому основная смысловая нагрузка должна содержаться в первых абзацах.

Для анализа мы использовали новостные материалы РИА «Новости» как пример журналистского текста, созданного официальными, профессиональными медиа, и статьи с площадки «Яндекс Дзен» как образец гражданской журналистики. В обеих группах текстов

были найдены определённые закономерности, которые мы разберём подробнее и охарактеризуем на конкретных примерах.

Начнём с анализа заголовка одного из материалов, подготовленных РИА «Новости»: *«На Урале мужчина ударил девушку за отказ уступить ему место в трамвае»*. В начале заголовка мы сразу же видим указание на место, где произошёл инцидент (*«На Урале»*). Затем в сжатой форме, без каких-либо незначительных подробностей представлено непосредственно событие, послужившее инфоповодом (в данном случае это насилие, совершённое неким мужчиной по отношению к девушке) и указание на обстоятельства, при которых было совершено это насилие (*«за отказ уступить место в трамвае»*). Заголовок привлекает внимание аудитории жестокостью и аморальностью описанного в нём происшествия: мужчина поднял руку на девушку в трамвае за то, что та не уступила ему место. Во-первых, обществом осуждается любое проявление насилия. Во-вторых, согласно принятым в обществе этикетным нормам, уступать места призывают пожилым людям, женщинам и детям, поэтому неадекватное поведение мужчины и абсурдность возникшего конфликта можно осудить и с данной позиции.

Синтаксис заголовка простой, не громоздкий. Это распространённое простое предложение, состоящее из детерминанта (*«На Урале»*), субъекта (*«мужчина»*), предиката (*«ударил»*) с присловным распространителем (*«девушку»*) и обстоятельства причины (*«за отказ уступить место в трамвае»*).

В кратком описании новости место действия конкретизируется: оказывается, инцидент произошёл в Нижнем Тагиле. Узнаём мы и о судьбе ударившего девушку мужчины: против него возбудили дело.

Далее начинается основной текст материала. Первый абзац представляет собой сжатую новость, но уже более подробную, также даётся ссылка на источник сообщения:

«ЕКАТЕРИНБУРГ, 22 фев – РИА Новости. Уголовное дело завели в Свердловской области после того, как мужчина ударил девушку за отказ уступить ему место в трамвае в Нижнем Тагиле, сообщает пресс-служба СК РФ в Telegram-канале».

Во втором абзаце новость расширяется, обрстая новыми деталями: сперва мужчина *«потребовал в грубой форме»*, чтобы девочка уступила ему место, а после того, как ему отказали, *«ударил её по голове»*. Также с ссылкой на источник отмечается, что мужчина был остановлен одним из пассажиров.

В третьем абзаце уточняется, что в правоохранительные органы обратился отец потерпевшей, конкретизируется возраст девочки (17 лет), также говорится, что по инциденту организована проверка. Дана ссылка на источник с цитатой.

Таким образом, в рассмотренной нами новостной заметке реализуется принцип «перевернутой пирамиды»: основная смысловая нагрузка приходится на первый абзац, далее новость просто обрастает новыми фактами и расширяется. Авторское начало не ощутимо, текст написан по стандартной для ресурса модели, представляет собой объективные, подтверждённые факты. Языковые формулы, характерные для откровенных кликбейтов, не используются.

Текст разделён на короткие, ёмкие и информативные абзацы, состоящие преимущественно из простых предложений и отделённые друг от друга отступами, что облегчает чтение и восприятие текста с экрана электронного носителя.

Подобного рода построение заголовка, а также композиция и оформление текста характерны для большинства материалов, публикуемых официальными Интернет-СМИ.

В статьях, взятых нами для анализа с площадки «Яндекс Дзен», языковые средства, используемые для привлечения внимания аудитории, считываются сразу: так, среди заголовков материалов гражданских блогов чаще, чем в материалах, подготовленных профессиональными СМИ, встречается ярко выраженный кликбейт, в некоторых случаях влекущий за собой эффект обманутого ожидания. Также тексты подобных блогов отличаются большей субъективностью, в них отчётливо прослеживается авторское начало.

В качестве примера рассмотрим статью, опубликованную на канале «Популярная наука»: *«США сбросили тысячи вагонов метро в океан. Чем закончился странный эксперимент»*.

Заголовок состоит из двух простых предложений. Первая часть похожа на заголовки, обычно используемые в официальных СМИ: есть указание на географическую позицию/место действия («США», «в океан»), в сжатом виде представлено центральное событие новости (сброс вагонов метро в океан Соединёнными Штатами Америки). Автор статьи также делает акцент на масштабности произошедшего: на данный момент в океан сброшены «тысячи» вагонов. Подобная формулировка является провокационной и может привлечь внимание как экоактивистов, так и простых людей, обеспокоенных состоянием окружающей среды. Вторая часть заголовка представляет собой закономерный вопрос: какие последствия мог повлечь за собой эксперимент США, – и апеллирует к фактору человеческого любопытства. Само слово «эксперимент» выбрано автором неслучайно. Оно, хотя и не явно, намекает нам о причинах совершаемых Штатами действий, при этом трактовать ситуацию, ознакомившись с заголовком, можно по-разному. Создаётся «смысловая неопределённость», характерная для кликбейта. Кроме того, само событие

(сброс вагон в океан, тем более, в ходе эксперимента) кажется абсурдным, и потому привлекательным.

Сама статья начинается с завлекающего вопроса, апеллирующего к мнению читателя: *«Как вы думаете, что происходит со старыми вагонами метро, когда они уже слишком изношены?»* (актуализация контакта с аудиторией). Далее следует ответ. Автор описывает процесс утилизации изношенных вагонов в России и Европе, после чего ставит им в противовес Америку, методы которой значительно отличаются. Фраза *«Давайте разберем, зачем это делается и к каким последствиям приводит»* служит для разграничения вводной и основной частей. Заинтригованная вводной частью аудитория узнаёт о причинах сброса вагонов метро в океан. Оказалось, дело не только в дешевизне такого вида утилизации для вагонов, сделанных из асбестосодержащих материалов, но и в пригодности этих вагонов для создания искусственных рифов (*«...из них могут получиться удобные искусственные рифы, которые стимулируют развитие морской фауны»*).

За причинами утилизации вагонов путём сбрасывания их в океан следует описание и характеристика самого процесса, к которому, как оказалась, США подходят ответственно, проводя предварительную очистку вагонов от опасных для окружающей среды материалов. Также автор даёт краткую справку относительно природы рифов и их значения для морских обитателей, после чего даёт ответ на поставленный в заголовке вопрос: *«Программу с затопленными поездами признали успешной. Число рыб в этих водах выросло и это стимулировало рыболовство»*. В заключении автор отмечает, что вагоны нового поколения не годятся для создания рифов, чем обусловлено закрытие данного проекта. В конце материала даётся гиперссылка на другую статью автора, также посвящённую эксперименту с утилизацией: *«Во Флориде затопили 2 млн шин, что с ними стало спустя 50 лет»*.

Данный пример демонстрирует нам яркий кликбейтный заголовок, создающий «смысловую неопределённость» и оставляющий после прочтения статьи эффект обманутого ожидания. Вместо текста о пагубном влиянии действий США на окружающую среду, мы читаем об успешном эксперименте с утилизацией изношенных вагонов метро и пользе, которую данный вид утилизации оказал на природу.

На основе проведённого нами исследования можно сделать следующие выводы: гражданская журналистика больше, чем профессиональная, тяготеет к провокационным, обманчивым заголовкам и характерным для кликбейта формулам (*«...чем закончился странный эксперимент»*; *«прикольные факты о...»*; *«...что из этого вышло»*; *«...как нас обманывала...»*); в ней также ярче выражено авторское начало, которое выражается в использовании эмоционально-окрашенной лексики (*«...прекратил транжирить деньги...»*),

диалогичности («Как вы думаете...?»; «Давайте разберём...») и в некоторых случаях повествовании от первого лица («Не могу понять, что...»; «...об этом месте я снял ролик...»).

Мы предполагаем, что подобная разница в использовании аттрактивных языковых средств может быть обусловлена наличием или отсутствием постоянной аудитории. Официальные СМИ в силу своей специфики имеют относительно устойчивую массу читателей, в то время как «любительские» блоги вынуждены бороться за внимание потенциальной аудитории, чтобы раскрутиться и не затеряться среди бесконечного информационного потока.

Литература

1. Богдановская И.М. Сетевая журналистика // *Universum: Вестник Герценовского университета*, – СПб., 2013. – С. 182-183.
2. Градюшко А.А. Сетевой текст как особый продукт творческой деятельности в веб-журналистике // *Вестник Полоцкого государственного университета*, – Минск, 2014. – С. 144-148.
3. Колесниченко А.В. Основы журналистской деятельности: учебное пособие для вузов. — 2-ое издание. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 341 с. // [Электронный ресурс] URL: https://studme.org/129687/zhurnalistika/setevaya_zhurnalistika (дата обращения: 26.02.24).
4. Кузнецов Е.С. Эволюция кликбейта: от инструмента жёлтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ // *Верхневолжский филологический вестник*, – 2021. – №2. – С. 48-54.
5. Рянская Э.М., Фоменко Е.А. Языковые средства реализации аттрактивности в предтекстовых образованиях (на материале французского и русского языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, – 2022. – Том 15. Выпуск 6. – С. 2012–2015.

Sugurova T.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The use of attractive language tools in web professional and citizen journalism.

The article discusses the concepts of web professional and citizen journalism and the main language tools used in online media to attract the attention of the audience. Also, in the article we analyze texts from the RIA Novosti and Dzen platforms in order to identify similarities and differences in the use of attractive language tools in professional and "amateur" journalistic texts.

Keywords: web journalism, citizen journalism, online media, journalistic text, attractive language tools, clickbait, author's beginning.

К вопросу о словарном значении понятия лень в русском и китайском языках

Работа выполнена под руководством Федоровой Е.Л., к. филол. наук

Статья исследует значение понятия "лень" в китайских и русских словарях. Целью данного исследования является сравнительный анализ значений и употребления слова "лень" в обоих языках, а также анализ культурно-языковых особенностей. Осуществляется систематический подход к изучению, поставленного вопроса. Результаты исследования позволяют выявить сходства и различия в подходе к концепту "лень" в китайской и русской культуре, отраженных в словарной статье и представляет собой кодифицированное и системное описание значения. Таким образом возможно раскрыть особенности и специфику языкового выражения данного концепта, позволяя лучше понять культурные особенности и менталитет обоих народов

Ключевые слова: концепт, словарное значение, семантика, сравнительный анализ, культурология

Лень – это понятие, которое присутствует в различных языках и культурах и имеет свою уникальную значимость и интерпретацию. Исследование словарного значения понятия «лень» в русском и китайском языках представляет собой актуальную и интересную тему, которая помогает лучше понять и сравнить межкультурные различия во взглядах на себя и окружающий мир.

Цель данной научной статьи – изучить словарные значения понятия «лень» в русском и китайском языках, а также проанализировать их семантические особенности и социокультурные контексты. Данный исследовательский подход позволяет раскрыть уникальные аспекты понимания лени и выявить различия в культурно-языковом восприятии этого понятия.

Исходя из исторического и культурного наследия, русская и китайская культуры имеют различные подходы к пониманию и оценке лени. В русской культуре понятие «лень» может рассматриваться как *‘бездеятельность, нелюбовь к труду, отсутствие усердия’* и *‘психологическое отвращение, избегание труда’*.

В китайской культуре, напротив, существует подход, при котором понятие «лень» воспринимается как *‘нежелание, неохота трудиться, работать; безделье; нетрудолюбивость; распущенность; расхлябанность; пассивность; бездеятельность’*.

Результаты данного исследования могут оказать практическое применение в межкультурной коммуникации, обучении и переводе, а также способствовать более

глубокому пониманию культурных аспектов и значения понятия "лень" в русском и китайском языках.

Понятие «лень» является основополагающими в мировоззрениях самых разных народов и, бесспорно, неразрывно связаны с любой из культур. Размышления на эту тему принимают разные формы. Прежде всего, это афоризмы и высказывания выдающихся представителей различных культур: мыслителей, философов, ученых, милитаристов и политиков. Далее следуют пословицы, клише, поговорки и идиомы. Возникновение фразеологических единиц может быть спонтанным, то есть их появление вызвано какими-либо обстоятельствами; историческим, то есть конкретная фразеологическая единица связана с каким-либо широко известным событием; литературным, то есть высказывание, которое было удачно использовано в литературном произведении, вошло в обиход.

Слово *лень* пришло в русский язык из древнерусского, старославянского языков, обозначая нелюбовь к труду/желание бездельничать. «Лень» сразу же снискала плохую славу, а ленивый человек осуждался. Что вполне обусловлено общим контекстом жизни людей того времени, когда тяжёлый физический труд был единственным способом выживания. В словарях слово «лень» объясняется следующим образом:

В «Большом академическом словаре» (БАС) слово *лень* характеризуется как *‘отсутствие желания работать, делать что-либо’*.

В словаре русского языка "Большой толковый словарь" под редакцией С.А. Кузнецова 1998 года дается несколько толкований слова «лень»: 1. *Отсутствие желания работать или делать что-л.; нелюбовь к труду (отсутствие желания работать или делать что-либо, не любовь к труду)*; 2. *Состояние вялости, сонливости; апатия (вялость, вялость, состояние безразличия)*.

Толковый словарь Ожегова под редакцией Ожегова (С.И. Ожегов) и Шведовой (Н.Ю. Шведова) объясняет *лень* следующим образом: 1. *Отсутствие желание действовать, трудиться, склонность к безделью (отсутствие действия и трудовой воли, предпочтение бездеятельности); к безделью (отсутствие действия и трудовой воли, предпочтение бездеятельности). желание, предпочтение бездействия*; 2. *в знач. сказ. кому, с неопред. Не хочется, неохота (разг.). (сказуемое с инфинитивом в роли сказуемого, нежелательный, нежеланный)*.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *лень* определяется как: 1. *неохота работать, отвращенье от труда, от дела, занятий*; 2. *наклонность к праздности, к тунеядству*. 3. *нареч. свойство или качество это в действии*; 4. *не хочется, ленюсь*.

Наполнение данного понятия и лексикографический портрет лексемы *лень* на материале литературного языка описывается И. Б. Левонтиной [3]. На основании анализа свободных текстовых связей лексемы выделяется идея общего недостатка активности, «который создает некоторый фон, затрудняющий и тормозящий претворение в жизнь принятых решений, реализацию предпочтений». На этом «фоне» *лень* предстает в трех разных ипостасях: а) *некоторое состояние тела, физическая расслабленность, оцепенение, при котором нет желания совершать действия, нарушающие покой*; б) *определенное душевное состояние, когда человек не может собраться и побудить себя к какому-то действию*; в) *некое состояние ума, нежелание человека совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую* [3, с. 106 -108].

В этих определениях обращает на себя внимание та часть, которая основана на отрицании атрибута. Это концептуальное значение является обобщением, которое дает носителям языка возможность уточнить, чем является то или иное свойство в контексте конкретного референциального акта.

В «Большом китайско-русском словаре» «лень» – это прилагательное с фонетической составляющей. Основное значение лени (懒惰、懈怠): 1. *То же основное значение. Лень, небрежность. Небрежность, например: «В молодости я ленился учиться, поздно достиг успеха». — «История Династии Сун, Биография Фань Е». (少时懒读书, 大器晚成 – «宋史-范晔传»)* 偷懒 (‘не иметь энергии и желания’); 懒散 (‘лень делать что-либо’); 懒惰 (‘не хотеть, не желать’); 2. 疲倦 (‘усталость’). Например: *ленился от усталости (усталость, вялость); лень из-за слабости (усталость, слабость).*

Слово *лень* в Новом современном толковом словаре китайского языка имеет следующие значения: 1. *Нежелание, неохота трудиться, работать*; 2. *Безделье*; 3. *Нетрудолюбивость*; 4. *Распущенность*; 5. *Расхлябанность*; 6. *Пассивность*; 7. *Бездеятельность*.

Слово *лень* в китайском языке в толковом словаре «Синхуа» имеет следующие значения: 1. *Ленивость, леность*; 2. *Неохота, нежелание что-либо делать*; 3. *Слабость*; 4. *Усталость*; 5. *Нерадивость*; 6. *Безучастность*; 7. *Инертность*; 8. *Расхлябанность (по отношению к работе).*

Основное понимание значения слова *лень*, приведенное в этих толковых словарях или энциклопедических тезаурусах, отражает общепринятое в сознании людей определение лени. Проанализировав это, мы можем легко прийти к выводу, что понятие «лень» в русском

и китайском языках содержит значения *‘бездеятельность, нелюбовь к труду, отсутствие усердия’* и *‘психологическое отвращение, избегание труда’*. Слово «лень» в китайском языке означает *‘усталость, изнеможение, недостаток сил’*, *‘неуважение’*, что не отражено в русском языке. Это связано с различиями в культуре и идеологических представлениях людей, существовавших в Китае и России в ходе их длительного исторического развития.

Литература

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва : 1997. – С. 267-27.
2. Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта / Языковая личность: культурные концепты: Сб. Науч. тр. Волгоград, Архангельск : 1996. – С.25-29.
3. Литвинова Т.А. Лексемы, характеризующие человека по отношению к труду, в воронежских говорах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 10 (225). – С. 73-76.
4. Бозакина А.Н. Лень в русской языковой картине мира // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 11. – С. 703-705.
5. Чжан Яньцзе. Концептуальный анализ «проблемы» // Журнал иностранных языков. – 2003. – №3. – С. 18-20.
6. Чжан Чжэ, Чжао Годун. Размышления о «концепции» // Journal of Foreign Languages College of the People's Liberation Army. – 2006. – №4. – С. 29-32.
7. Чжан Чжицзюнь. Понимание слова в русской культуре // Исследование русского языка и культуры. – Издательство Чунцин: 2005. – №10. – С. 149-153.
8. Чжао Айгуо. Несколько теоретических проблем в современных исследованиях «концепции» русского языка // China Russian Language Teaching: 2016. – №3. – С.51-57.
9. Zhao Aiguо. Очерк языка и культуры / Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2006. – 103 с.
10. Чжао Цзиньву, Ван Шэнсян. Толкование слова «ленивый» // Современные языки: нижняя часть, языкознание. – 2007. – №5. – С. 119-120.
11. Словарь современного китайского языка: к 115-летию со дня основания Коммерческого издательства // под ред. редактора словаря Института языков Академии общественных наук Китая. – Пекин: Коммерческое издательство, 2012. – 400 с.
12. Современный китайский словарь антонимов // Пекин: Пресс, 1988. – 505 с.
13. Новый словарь современного китайского языка: двухцветный // под ред. Шэнь Мичэна и Сун Фуцзю. Чанчунь: Цилиньское образовательное издательство, 2008. – 540 с.

14. Хань Цзолинь. Словарь «Синхуа». / Пекин: Коммерческое издательство, 2013. – 1452 с.
15. Шень Мичжэн, Сун Фуцзюй. Новый современный толковый словарь китайского языка. / Цзилинь, 2012. – 1471 с.

Song Susu

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.S. Pushkin State Institute of Russian Language"

To the question of the dictionary meaning of the concept of laziness in Russian and Chinese

The article investigates the meaning of "laziness" in Chinese and Russian dictionaries. The aim of this study is to comparatively analyze the meanings and usage of the word "laziness" in both languages, as well as to analyze the cultural and linguistic peculiarities. A systematic approach to the study of the question posed is carried out. The results of the study allow us to identify similarities and differences in the approach to the concept of "laziness" in Chinese and Russian culture, reflected in the dictionary article and is a codified and systematic description of the meaning. Thus it is possible to reveal the peculiarities and specificity of the linguistic expression of this concept, allowing a better understanding of cultural features and mentality of both peoples

Key words: concept, dictionary meaning, semantics, comparative analysis, culturology

Суровцева Алевтина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
surovtseva.alevtinka@mail.ru

Формирование ценностей младших школьников средствами театральной педагогики

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора
филологических наук, профессора

Актуальность темы обусловлена внедрением в современную педагогическую практику приемов театрально-игровой деятельности, основанных на креативности и нацеленных на воспитание нравственных ценностей у младших школьников. Целью данной статьи является анализ особенностей формирования ценностных ориентиров младших школьников средствами театральной педагогики.

Ключевые слова: театральная педагогика, нравственные ценности, психология младших школьников, задачи театральной педагогики, развитие личности.

ФГОС начального общего образования предполагает всестороннее развитие младшего школьника и развитие его творческого потенциала, воспитание нравственности и формирование компетентности средствами театральной педагогики. Важную роль в процессе воспитания играет учитель, показывающий пример школьникам; владеющий знаниями для организации благоприятной учебной атмосферы, педагогическими

технологиями, приемами по привлечению и удержанию внимания. В младшем школьном возрасте происходит интенсивное усвоение ценностей. Вследствие этого учителю посредством своего гуманного образа необходимо в театрально-игровой форме помочь младшему школьнику выбрать жизненную позицию и нравственные принципы.

Театральная педагогика – это система образования, основанная на правилах импровизационной игры и активных действиях, происходящих в увлекательных для участников ситуациях или в совместном творчестве учеников и учителей [5, с. 2]. В широком понимании театральная педагогика – это педагогика, опирающаяся на образное мышление и умение «проживать» содержание образования в любых предметных сферах; в узком – это педагогика, реализация которой происходит на уроках искусства (музыка, театр, изобразительное искусство и т.д.) [5, с. 2].

В образовательном процессе целью школьной театральной педагогики является создание творческого воспитательного пространства, направленного на развитие личностных способностей средствами театрального искусства [1, с. 336].

В связи с этим театральная педагогика выполняет следующие задачи:

1. Создание творческой атмосферы и выстраивание доверительных отношений между учеником и учителем;
2. Формирование эмоциональной и интеллектуальной культуры детей;
3. Развитие выразительности речи и актёрских навыков;
4. Достижение личных результатов;
5. Нравственное и личностное развитие;
6. Погружение в мир культуры, расширение художественного и общего кругозора.

В современных процессах развития школьной деятельности выделяются направления и формы театральной педагогики, ориентированные на воспитание творческой личности ребенка. Т.А. Климова и О.А. Антонова выделяют следующие направления театральной педагогики в школах России [5, с. 5]; [1, с. 340]:

- школьный театр (театральные представления в программе школьных мероприятий под руководством профессиональных театральных групп и режиссёров);
- школы с театральными классами (включение театральных уроков в расписание образовательных программ);
- школы с театральной атмосферой;

- центр детского творчества – театр;
- театральная школа искусств;
- организация зрительских клубов для детей при профессиональных театрах;
- интеграция гуманитарных предметов и творческих дисциплин с использованием театральной работы и методов театральной педагогики;
- применение методов театральной педагогики в работе учителей начальных классов на всех уроках, в воспитательной и внеурочной деятельности, на разных уроках общеобразовательного цикла в среднем и старшем звене.

В дошкольном периоде основной способ познания окружающего мира – это игра, в процессе которой ребёнок развивает навыки общения в кругу сверстников, доверительные отношения со взрослыми, контролирует свои эмоции и поведение в конфликтных ситуациях. Театрально-игровая деятельность позволяет ему косвенно включаться во взрослую жизнь и осваивать опыт, формировать умение работать в команде и быть всесторонне развитой личностью. Реализация методик театральной педагогики может происходить в следующих театрально-игровых формах:

1. Ритмопластика (включение ритмических, музыкальных и пластических игр, способствующих развитию физических навыков и двигательных способностей) [8, с. 150];
2. Речевые игры (нацелены на расширение словарного запаса);
3. Культура и техника речи (в эту категорию входит выполнение упражнений для развития дыхания, речевого аппарата: артикуляции, дикции, интонации) [8, с. 150];
4. Тематические сценки и миниатюры [9, с. 71];
5. Посещение театрализованных представлений (способствует повышению эрудированности);
6. Театральные постановки сценок на школьных мероприятиях, сказок, эпизодов из литературных произведений;
7. Инсценировка миниатюр, этюдов, написание сценариев школьных праздников;
8. Театрализованные игры.

В современной педагогике в основе идеалов и методик воспитания лежат общечеловеческие ценности. В них заключено то, что стало нормой в общественном и личностном развитии в определенный исторический период. Смена эпох, переход от одного возраста к другому приводят к переменам человеческих взглядов и, следовательно, к переосмыслению ценностей и норм воспитания.

Общечеловеческие ценности, по определению И.П. Подласого, – это *«ценности, которые принимают большинство людей, не связывая их ни с конкретным обществом или культурой, ни с конкретным историческим периодом»* [7, с. 83]. К ценностям относятся явления и объекты, которые имеют определенную значимость для общества или индивида: жизнь, свобода, любовь, доброта, честность, мир, культура и др.

В каждом возрасте человек имеет определенный набор поведенческих особенностей. С момента перехода в школьный период ребёнок начинает сталкиваться с изменениями в своей жизни. Ведущим родом занятий становится учение, появляются новые обязанности, активности и знания. То, что раньше было существенно важным для дошкольника, становится условным в младшем школьном возрасте. Стремительно меняются отношения между ребенком и его окружением. Младшие школьники способны планировать, контролировать собственную деятельность, рефлексировать и понимать своё «Я». Если дошкольники не знают своих эмоций, то в младшем школьном возрасте у детей возникает «осмысленная ориентировка в собственных переживаниях» [3, с. 183], они начинают понимать свои чувства.

Г.Ф. Гаврилычева, на основании наблюдений за поведением школьников с 1 по 4 класс, выделяет такие наиболее значимые ценности, как «семья», «доброта» (во всех её интерпретациях: доброжелательность, помощь, добродушие), «честность». Также младшие школьники среди списка ценностей называли жизнь, здоровье, отзывчивость, терпение, милосердие, преданность, любовь, образование, учёба, успех в жизни. Материальные блага – деньги, богатство – выбирались меньшинством.

Ценностные ориентации характеризуют школьника как личность, показывают его отношение к окружающим. Педагоги, используя формы театрально-игровой деятельности, приобщают учащихся к духовной культуре, формируют у них базовые ценности: дружба, любовь, семья, доброта, честность, смелость и др.

Детская театральная постановка является демократичным видом творчества среди школьников начальных классов. Это связано с тем, что драматизация основана на действии и на игре. Ребенок, воплощая в действительность понравившийся ему образ, переживает определённые чувства и тем самым становится эмоционально гибким и ближе к художественному творчеству. Театрализованная игра позволяет сочинять, импровизировать роли и приобщаться к реальному миру.

Сюжетно-ролевые игры считаются распространенной формой театральной педагогики. Их внедрение в школьную программу способствует развитию эстетического вкуса и формированию ценностных ориентаций младших школьников. Ребенок всегда

ориентируется на свои идеалы – представления о совершенном человеке или персонаже, сочетающем в себе определенные качества. Ролевые игры должны включать в себя исполнение таких персонажей, которые бы симпатизировали младшему школьнику. Например, идеалом некоторых школьников является Золушка, поэтому, играя роль героини, ребенок сможет ощутить эмоциональное единство с вымышленным образом, сформировать знания о таких ценностях как доброта, любовь и скромность и, анализируя поведение отрицательных персонажей, сделать выводы о том, что жестокость и эгоистичность считаются крайне негативными качествами человека.

Театральные постановки по содержанию басен помогают определять мораль произведения, в которой заключен вывод, содержащий совет, как нужно поступать в той или иной ситуации. Так, главная мысль басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» состоит в том, что необходимо трудиться, создавать комфортные условия для личного существования и думать о последствиях своих действий. Автором поощряются трудолюбие и справедливость и высмеиваются лень и праздность жизни. Создание спектакля или чтение по ролям этого произведения способствует усвоению нравственных ценностей, развитию выразительности речи и, следовательно, мышления младших школьников.

Не только театральные постановки, упражнения, но и деятельность педагога, атмосфера в коллективе должны подталкивать младших школьников на понимание нравственных ценностей [6]. *«Ребёнок плохой актер для других, но прекрасный актер для себя, и весь спектакль надо организовать так, чтобы дети чувствовали, что они играют для себя, были захвачены интересом этой игры, самим процессом ее, а не конечным результатом»* [3, с. 303]. Педагогу необходимо организовать такую работу, которая бы приносила позитивные эмоции школьникам и подталкивала учеников на саморазвитие, тем самым формируя знания об общечеловеческих ценностях: усердии и самостоятельности.

Особенностями младшего школьного возраста являются интенсивное развитие интеллекта, мышления и речи, изменения в поведении и памяти. Программа обучения школьников начальных классов должна включать в себя методы театрально-игровой деятельности, поскольку в игре лучше усваиваются знания, развиваются трудолюбие и коммуникативные навыки. В этом возрасте происходит осмысление ценностей и определение ценностного отношения. Так, младшие школьники анализируют значение дружбы, любви, жизни, доброты, честного и справедливого отношения к окружающим.

Таким образом, приёмы театрально-игровой деятельности, ориентированные на нравственность, креативность школьников и формирующие целостное представление

о мире и об общечеловеческих ценностях, широко востребованы сегодня в образовательном процессе.

Литература

1. Антонова О.А. Игровое пространство образования: школьная театральная педагогика. – Текст: электронный // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2005. – №12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoe-prostranstvo-obrazovaniya-shkolnaya-teatralnaya-pedagogika?ysclid=lraek71xhs182022619> (дата обращения: 29.02.2024).
2. Буров А.Г. Режиссура и педагогика. – Москва: Сов. Россия, 1987. – С. 12-13.
3. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. – Москва: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2005. – 512 с.
4. Гаврилычева Г.Ф. Младший школьник и его ценности / Г.Ф. Гаврилычева // Начальная школа: научно-методический журнал; главный ред. С.В. Степанова; ред. коллегия: Т.М. Андрианова, С.Г. Макеева, С.П. Баранов, И.С. Ордынкина [и др.]. – Москва, 2008. – Вып. №7 (2008). – С. 13-18.
5. Климова Т.А., Косинец Е.И., Никитина А.Б. Театральная педагогика в современной школе / Т.А. Климова, Е.И. Косинец, А.Б. Никитина. – Текст: электронный // Искусство. Всё для учителя! – 2012. – №8. – С. 2–6. – URL: https://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_17_8_2925.pdf?ysclid=lraxp9zhg9220671130 (дата обращения: 29.02.2024).
6. Лешутина И.А. Мотивация к дистанционному изучению иностранных языков как вызов современности и слагаемое успеха / И.А. Лешутина. – Русский язык за рубежом. – 2020. – № 2. – С. 15-19.
7. Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учеб. Пособие для студентов вузов / И.П. Подласый. – Москва : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – 365 с.
8. Попова Т.А. Формирование активной творческой личности младшего школьника средствами театральной деятельности / А.Т. Попова // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2013. – № 7. – С. 147–151. –
9. Пустовар Е.В., Топоева Е.Н., Тарасова У.А. Театральная педагогика в воспитательной работе классного руководителя. – Текст: электронный // Театральная педагогика в образовательной деятельности: сборник научно-методических трудов по материалам конференции 30 сентября 2023. – Тамбов : Издательство Юконф, 2023. – С. 69-71. – URL: <https://ukonf.com/doc/conf.2023.09.04.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

Formation of values of younger schoolchildren by means of theatrical pedagogy

The urgency of the topic is due to the introduction into modern pedagogical practice of methods of educational activity, focusing on creativity and educating morality at younger schoolchildren. The article is aimed at analyzing the peculiarities of formation of value orientations of younger schoolchildren by means of theatrical pedagogy.

Keywords: theatrical pedagogy, moral values, psychology of schoolchildren, objectives of theatrical pedagogy, development of the personality.

Тан Цяньсюе

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

gajia87887278@gmail.com

Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале доклада о работе правительства КНР за 2022г. и ежегодного отчёта правительства РФ в Государственной Думе за 2022г.)

Работа выполнена под руководством канд. филол. наук доцента Саакяна Л.Н.

Метафора, являясь важной составляющей когнитивного мышления людей, тесно связана с политической жизнью. В последние годы использование метафоры в политическом дискурсе и речах лидеров становится объектом внимания все большего числа ученых. Ежегодный отчет о работе правительства – это не только наиболее авторитетное проявление государственного дискурса, но и политический документ, представляющий общественный интерес. В статье мы используем теорию концептуальной метафоры в качестве основы для изучения применения концептуальной метафоры в политическом дискурсе на примере ежегодных отчетов о работе правительства Китая и России от 2022 г.

Ключевые слова: политическая метафора, концептуальная метафора, политический дискурс, сопоставительное языкознание, когнитивная лингвистика.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» предполагает, что метафоры повсеместно встречаются в повседневной жизни, и утверждает, что суть метафоры заключается в понимании и переживании текущей вещи через другую похожую вещь. Метафора выходит за рамки лингвистического измерения риторики и проникает в сферу когнитивных способов, с помощью которых люди представляют себе вещи, а процесс метафоризации – это процесс «междоменного» сопоставления, т.е. «некоторые области цели структурируются по образцу источника» [2, с. 9]. Авторы считают, что метафоры можно разделить на онтологические, ориентационные и структурные. Онтологические метафоры – это те, которые абстрагируют исходную область знакомых конкретных вещей, таких как вещества и контейнеры, и проецируют их на абстрактные целевые области, такие как эмоции. Ориентационная метафора – это отображение

абстрактных понятий природы и различных культурных оснований в пространственную ориентацию культурных концептов, пространственное представление концептов. Например, *HEALTH IS UP, DEATH IS DOWN*. Структурная метафора – это использование одного высокоструктурированного и четко определенного понятия для построения другого концепта, наложение двух концептов [2, с. 388].

В политическом дискурсе, как правило, рассматриваются абстракции, далекие от повседневной жизни людей, а политическая жизнь является неотъемлемой частью жизни людей, теория концептуальной метафоры широко используется в политической сфере, например, некоторые ученые считают, что метафора может оказаться хорошим способом решения политических проблем [4, с. 10]. Метафоры способны выстраивать концептуальные конструкции политического мышления людей в соответствии с требованиями и пожеланиями политиков. Если целью является распространение политических идей и концепций, то языковое выражение является способом достижения этой цели. Говоря о важной роли метафоры в политическом дискурсе, Томпсон утверждает, что «политика без метафоры – как рыба без воды» [3, с. 186]. Мы бы сказали наоборот: одна вода без рыбы, учитывая специфические коннотации слова «вода» в русской лингвокультуре. Посредством метафоры люди объединяют свое понимание новых политических идей со своими собственными привычными вещами, и через руководство привычными вещами люди шаг за шагом понимают надстройку, и, руководствуясь новыми идеями, совершенствуют свои первоначальные способы ведения дел. Этот процесс осознания и практической деятельности является, по существу, процессом проверки того, действительно ли метафорическое выражение работает.

Внимательно изучив отобранный материал, мы обнаружили, что в докладе правительства КНР и РФ присутствуют следующие шесть основных категорий метафор: метафоры войны, метафоры дороги, архитектурные метафоры, метафоры растений, метафоры ориентации и цветочные метафоры. Наиболее часто используемой метафорой как в России, так и в Китае является метафора войны, за ней следуют архитектурная метафора и метафора ориентации. Метафоры путешествий и метафоры растений чаще всего встречаются в отчетах о работе китайского правительства, а цветочные метафоры основаны на концепте "зеленый" и в России, и в Китае. Согласно теории концептуальной метафоры, шесть специфических метафор, упомянутых выше, сгруппированы и проанализированы нами в соответствии со структурными метафорами, метафорами ориентации, и делается попытка выявить и проиллюстрировать специфическую направляющую роль концептуальных метафор в политическом дискурсе.

Структурные метафоры являются наиболее частым типом метафор в отчетах о работе правительства двух стран, которые подразделяются на метафоры войны, метафоры растений, метафоры путешествий, архитектурные метафоры и т. д.

1. Метафора войны

Военная метафора – это аналогия между состоянием напряженного противостояния между врагом и противником на войне и невоенной сферой. Война имеет характеристики срочности и неотложности, и в процессе нее особенно важно бороться с моральным духом и единством противника, а также другими факторами. Эта характеристика положительно влияет на достижение конечной цели. Например:

а. В крайне непростой *борьбе с* эпидемией все районы, ведомства и органы проделали огромную работу, различные сферы и отрасли совместно преодолевали трудности, многочисленный медицинский персонал проявлял большую смелость перед лицом трудностей и опасностей (Си Цзиньпин).

б. Мы усилили *борьбу и с* социально значимыми заболеваниями. В прошлом году были открыты 74 центра амбулаторной онкологической помощи в половине регионов страны. Теперь они есть во всех российских субъектах. Модернизируем и сосудистые центры и их первичные отделения (М.В. Мишустин).

2. Растительная метафора

Процесс роста растения от семени до плода - постепенный, и он требует ряда процессов, таких как оплодотворение и ловля насекомых. Использование процесса роста и выращивания растений в качестве метафоры для развития национального строительства позволяет людям наглядно понять незнакомое понятие. Например:

с. *Научно-технические инновация приносят свои плоды* (Си Цзиньпин).

В китайском отчете много раз упоминаются слова "плод", растение прошло через цикл роста и успешно произвело плоды в полном объеме, соотносясь с развитием научно-технического прогресса страны. В примере «*Научно-технические инновация*» -- «свои плоды» является частью этого, и люди могут более тонко оценить, что за каждым достижением стоит результат тяжелого труда каждого трудолюбивого работника.

3. Дорожная метафора

Дорожная метафора является типом метафоры с достаточно выраженной универсальностью. Когда мы используем метафору дороги, мы часто не осознаем, что используем именно ее. Метафора дороги включает в себя такие элементы, как начальная точка, путь, встречаемые трудности и препятствия, попутчики и конечная цель. В политическом дискурсе лидеры государства часто используют метафоры,

чтобы помочь аудитории переосмыслить воспринимаемые предметы и понятия. Они часто используют слова, похожие на «дорога», «путь», «линия», «шаг», чтобы описать развитие страны - абстрактный и сложный процесс.

d. Одновременно закладывая основу для продолжения *движения вперед*, для роста экономики и достижения тех национальных ориентиров, которые перед нами поставил президент (М.В. Мишустин).

e. *Столкнувшись с* новым давлением, обусловленным нисходящей тенденцией в экономике, мы решительно на него реагировали и осуществляли своевременное регулирование (Си Цзиньпин).

4. Архитектурная метафора

Архитектурная метафора - одна из самых распространенных метафор в политических докладах. Терминология строительной отрасли, такие как «строить», «фундамент», «поддержка», «здание» и «опора», которые связана со структурой сил, может быть использована для наглядного представления в процессе строительства великого дела люди как строители неустанно трудятся. Например:

f. С учетом растущего прессинга в сфере трудоустройства мы усиливали меры *поддержки* сохранения рабочих мест и расширения занятости (Си Цзиньпин).

g. Современные информационные технологии дают возможность вести скоординированную политику во всех секторах и социальной сфере, *поддерживать* их развитие за счёт бюджетных средств (М.В. Мишустин).

5. Цветовые метафоры

Цветовые метафоры – это распространенный метафорический прием. Он устанавливает отношения соответствия путем сопоставления структуры цветовых концепций с другими концепциями, так что эти концепции обладают специфическими характеристиками и атрибутами. Цветовые метафоры могут позволить людям более конкретно понимать абстрактные понятия. Например, сравнение «экологии охраны окружающей среды» с «зеленым» делает абстрактное понятие охраны окружающей среды более образным и конкретным. В то же время зеленый цвет также придает охране окружающей среды особую эмоцию и атрибут, делая ее богаче и разнообразнее.

h. *Зелёный* коридор для импорта помог не допустить дефицита. Мы также запретили реэкспорт оборудования, комплектующих и медицинских изделий. Порядка 1,7 тыс. видов товаров было сохранено на внутреннем рынке (М.В. Мишустин).

i. В сельских районах осуществлялось продвижение «зеленой» и интеллектуальной бытовой электротехники, а также использование экологически чистых стройматериалов (Си Цзиньпин).

Ориентационная метафора – это использование знания людей о концепции пространства и культурной основе для разделения концепции пространственной ориентации, которая используется для понимания изменений в некоторых абстрактных вещах. Например:

j. *Под твердым руководством* ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, мы выдержали многочисленные испытания, такие как ускоряющиеся перемены в мире, серьезные последствия эпидемии COVID-19, нисходящий тренд экономического роста и т.д. (Си Цзиньпин).

k. Все ветви власти независимо от уровня – федеральные, региональные, местные – работали эффективно *над выполнением* важнейших для государства задач. И благодаря нашим совместным действиям *под руководством* президента удалось решить сложнейшие вопросы прошедшего года (М.В. Мишустин).

Изучение концептуальной метафоры в политических текстах придаёт особое значение не только точности использования слов и политической позиции, но и необходимо обратить внимание на долгий путь в развитии читаемости текстов. Сочетание концептуальных метафор и политических текстов дает возможность изучающим язык задуматься о том, как лучше продвигать политические идеи страны и мобилизовать энтузиазм людей для участия в политической жизни с когнитивной и прагматической точек зрения. Это не только столкновение между языками, но и поиск общности при различных когнитивных и идеологических подходах. Исследования не ограничиваются только на уровне текстов одного языка. Следует максимально использовать потенциал метафорического выражения для обмена мыслями и культурной передачи, чтобы обеспечить позитивное воздействие на построение политического дискурса. Сравнительное исследование метафоризации в отчетах о работе правительства Китая и России за 2022 г. поможет переводчикам более точно передать смысл оригинального текста, позволит людям лучше понять национальную политику двух сторон, уменьшить недопонимание, вызванное языковыми различиями между двумя сторонами, и тем самым будет способствовать созданию лучшего имиджа страны на международной арене.

Литература

1. Аникин Е.Е., Будаев Э.В., Чудинов А.П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. – № 3 (44). – С. 26-32.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
3. Линь Сюе. Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале доклада о работе правительства КНР 2017 г. И на Послании Президента Федеральному Собранию РФ на 2017 г.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – №4 (820). – С.125-137.
4. Thompson S. Politics without metaphors is like a fish without water // Mio J S & Katz A N. Metaphor : Implications and Applications. – Mahwah : Erlbaum. – 1996. – С. 185-201.
5. 贺梦依.《概念隐喻与政治的关系识解》,《外国语文》. – 2011. – 第 2 期

Tang Qianxue

Pushkin State Russian Language Institute

Political metaphor in Russian and Chinese languages (on the material of the report on the work of the Chinese government for 2022 and the annual report of the Russian government in the State Duma for 2022).

Metaphor, being an important component of people's cognitive thinking, is closely related to political life. In recent years, the use of metaphor in political discourse and leaders' speeches has become the object of attention of more and more scholars. The annual government work report is not only the most authoritative manifestation of government discourse, but also a political document of public interest. In this article, we use the theory of conceptual metaphor as a framework to study the application of conceptual metaphor in political discourse using the example of the annual government work reports of China and Russia from 2022

Keywords: political metaphor, conceptual metaphor, political discourse, comparative linguistics, cognitive linguistics

Тан Цяньсюе

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

gajia87887278@gmail.com

Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале ежегодных отчетов о работе правительства России и Китая от 2022 г.)

Работа выполнена под руководством Саакяна Левона Николаевича кандидата филологических наук, доцента

Метафоры тесно связаны с политической жизнью людей. Метафора – это не только риторическое выражение того или иного жанра, но и важная часть когнитивного мышления людей. В последние годы использование метафоры в политической литературе и речах лидеров постепенно становится объектом внимания все большего числа ученых. Ежегодный отчет о работе правительства – это не только наиболее авторитетное проявление

государственного дискурса, но и политический документ, представляющий общественный интерес. В статье мы апеллируем к теории концептуальной метафоры в качестве основы для изучения метафоры в политическом дискурсе на примере ежегодных отчетов о работе правительства России и Китая от 2022 г..

Ключевые слова: политическая метафора, концептуальная метафора, политический дискурс, сопоставительное языкознание, когнитивная лингвистика.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» предполагают, что метафоры повсеместно встречаются в повседневной жизни, и утверждает, что суть метафоры заключается в понимании и переживании текущей вещи через другую похожую вещь. Метафора выходит за рамки лингвистического измерения риторики и проникает в сферу когнитивных способов, с помощью которых люди представляют себе вещи, а процесс метафоризации - это процесс «междоменного» сопоставления, т.е. «некоторые области цели структурируются по образцу источника» [2, с. 9]. Авторы считают, что метафоры можно разделить на онтологические, ориентационные и структурные. Онтологические метафоры – это те, которые абстрагируют исходную область знакомых конкретных вещей, таких как вещества и контейнеры, и проецируют их на абстрактные целевые области, такие как эмоции. Ориентационная метафора – это отображение абстрактных понятий природы и различных культурных оснований в пространственную ориентацию культурных концептов, пространственное представление концептов. Например, «*HEALTH IS UP, DEATH IS DOWN*». Структурная метафора – это использование одного высокоструктурированного и четко определенного понятия для построения другого концепта, наложение двух концептов [2, с. 388].

В политическом дискурсе, как правило, рассматриваются абстракции, далекие от повседневной жизни людей, а политическая жизнь является неотъемлемой частью жизни людей, теория концептуальной метафоры широко используется в политической сфере, например, некоторые ученые считают, что метафора может оказаться хорошим способом решения политических проблем [4, с. 10]. Метафоры способны выстраивать концептуальные конструкции политического мышления людей в соответствии с требованиями и пожеланиями политиков. Если целью является распространение политических идей и концепций, то языковое выражение является способом достижения этой цели. Говоря о важной роли метафоры в политическом дискурсе, Томпсон утверждает, что «политика без метафоры – как рыба без воды» [3, с. 186]. Мы бы сказали наоборот: «одна вода без рыбы», учитывая специфическую коннотацию слова «вода» в русской лингвокультуре. Посредством метафоры люди объединяют своё понимание новых политических идей со своими собственными привычными вещами, и через руководство привычными вещами люди шаг за

шагом понимают надстройку, и, руководствуясь новыми идеями, совершенствуют свои первоначальные способы ведения дел. Этот процесс осознания и практической деятельности является, по существу, процессом проверки того, действительно ли метафорическое выражение работает.

Внимательно изучив отобранный материал, мы обнаружили, что в докладе правительства КНР и РФ присутствуют следующие шесть основных категорий метафор: метафоры войны, метафоры дороги, архитектурные метафоры, метафоры растений, метафоры ориентации и цветочные метафоры. Наиболее часто используемой метафорой как в России, так и в Китае является метафора войны, за ней следуют архитектурная метафора и метафора ориентации. Метафоры путешествий и метафоры растений чаще всего встречаются в отчетах о работе китайского правительства, а цветочные метафоры основаны на концепте «зеленый» и в России, и в Китае. Согласно теории концептуальной метафоры, шесть специфических метафор, упомянутых выше, сгруппированы и проанализированы нами в соответствии со структурными метафорами, метафорами ориентации, и делается попытка выявить и проиллюстрировать специфическую направляющую роль концептуальных метафор в политическом дискурсе.

Структурные метафоры являются наиболее частым типом метафор в отчетах о работе правительства двух стран, которые подразделяются на метафоры войны, метафоры растений, метафоры путешествий, архитектурные метафоры и так далее:

1. Метафора войны

Военная метафора – это аналогия между состоянием напряженного противостояния между врагом и противником на войне и невоенной сферой. Война имеет характеристики срочности и неотложности, и в процессе нее особенно важно бороться с моральным духом и единством противника, а также другими факторами. Эта характеристика положительно влияет на достижение конечной цели. Например:

а. *«В крайне непростой **борьбе** с эпидемией все районы, ведомства и органы проделали огромную работу, различные сферы и отрасли совместно преодолевали трудности, многочисленный медицинский персонал проявлял большую смелость перед лицом трудностей и опасностей».* (Си Цзиньпин)

б. *«Мы усилили **борьбу** и с социально значимыми заболеваниями. В прошлом году были открыты 74 центра амбулаторной онкологической помощи в половине регионов страны. Теперь они есть во всех российских субъектах. Модернизируем и сосудистые центры и их первичные отделения».* (М.В. Мишустин)

2. Растительная метафора

Процесс роста растения от семени до плода - постепенный, и он требует ряда процессов, таких как оплодотворение и ловля насекомых. Использование процесса роста и выращивания растений в качестве метафоры для развития национального строительства позволяет людям наглядно понять незнакомое понятие. Например:

с. *«Научно-технические инновации приносят свои плоды».* (Си Цзиньпин)

В китайском отчете много раз упоминается слово «плод», растение прошло через цикл роста и успешно произвело плоды в полном объеме, соотносясь с развитием научно-технического прогресса страны. В вышеуказанном примере «свои плоды» является частью этого смысла, и люди могут более тонко оценить, что за каждым достижением стоит результат тяжелого труда трудолюбивого работника.

3. Дорожная метафора

Дорожная метафора является типом метафоры с достаточно выраженной универсальностью. Когда мы используем метафору дороги, мы часто не осознаем, что употребляем именно ее. Метафора дороги включает в себя такие элементы, как начальная точка, путь, встречаемые трудности и препятствия, попутчики и конечная цель. В политическом дискурсе лидеры государства часто используют метафоры, чтобы помочь аудитории переосмыслить воспринимаемые предметы и понятия. Они часто используют слова, похожие на «дорога», «путь», «линия», «шаг», чтобы описать развитие страны - абстрактный и сложный процесс.

d. *«Одновременно закладывая основу для продолжения движения вперед, для роста экономики и достижения тех национальных ориентиров, которые перед нами поставил президент».* (М.В. Мишустин)

e. *«Столкнувшись с новым давлением, обусловленным нисходящей тенденцией в экономике, мы решительно на него реагировали и осуществляли своевременное регулирование».* (Си Цзиньпин)

4. Архитектурная метафора

Архитектурная метафора – одна из самых распространенных метафор в политических докладах. Терминология строительной отрасли, включающая слова "строить", "фундамент", "поддержка", "здание" и "опора", связана со структурой сил. Она может быть использована для наглядного представления в процессе строительства великого дела люди как строители неустанно трудятся. Например:

f. *«С учетом растущего прессинга в сфере трудоустройства мы усиливали меры поддержки сохранения рабочих мест и расширения занятости».* (Си Цзиньпин)

г. *«Современные информационные технологии дают возможность вести скоординированную политику во всех секторах и социальной сфере, **поддерживать их развитие за счёт бюджетных средств**».* (М.В. Мишустин)

5. Цветовые метафоры

Цветовые метафоры – это распространенный метафорический прием. Он устанавливает отношения соответствия путем сопоставления структуры цветowych концепций с другими концепциями, так что они начинают обладать специфическими характеристиками и атрибутами. Цветовые метафоры могут позволить людям более конкретно понимать абстрактные понятия. Например, ассоциация понятий «экология и охраны окружающей среды» с «зелёным» делает абстрактное представление об охране окружающей среды более образным и конкретным. В то же время зеленый цвет также придаёт выражению особую эмоцию и атрибут, делая ее богаче и разнообразнее.

h. *«**Зелёный** коридор для импорта помог не допустить дефицита. Мы также запретили реэкспорт оборудования, комплектующих и медицинских изделий. Порядка 1,7 тыс. видов товаров было сохранено на внутреннем рынке».* (М.В. Мишустин)

i. *«В сельских районах осуществлялось продвижение „зеленой“ и интеллектуальной бытовой электротехники, а также использование экологически чистых стройматериалов».* (Си Цзиньпин)

5. Ориентационная метафора

Ориентационная метафора – это использование знания людей о концепции пространства и культурной основы для разделения концепции пространственной ориентации, которая используется для понимания изменений в некоторых абстрактных вещах. Например:

j. *«**Под твердым руководством ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, мы выдержали многочисленные испытания, такие как ускоряющиеся перемены в мире, серьезные последствия эпидемии COVID-19, нисходящий тренд экономического роста и т.д.**»*(Си Цзиньпин)

к. *«Все ветви власти независимо от уровня — федеральные, региональные, местные — работали эффективно **над выполнением** важнейших для государства задач. И благодаря нашим совместным действиям **под руководством** президента удалось решить сложнейшие вопросы прошедшего года»* (М.В. Мишустин).

Изучение концептуальной метафоры в политических текстах придаёт особое значение не только точности использования слов и политической позиции, но и необходимо обратить внимание на долгий путь в развитии читаемости текстов. Сочетание концептуальных

метафор и политических текстов даёт возможность изучающим язык задуматься о том, как лучше продвигать политические идеи страны и мобилизовать энтузиазм людей для участия в политической жизни с когнитивной и прагматической точек зрения. Это не только столкновение между языками, но и поиск общности при различных когнитивных и идеологических подходах. Исследования не ограничиваются только на уровне текстов одного языка. Следует максимально использовать потенциал метафорического выражения для обмена мыслями и культурной передачи, чтобы обеспечить позитивное воздействие на построение политического дискурса. Сравнительное исследование метафоризации в отчётах о работе правительства Китая и России за 2022 г. поможет переводчикам более точно передать смысл оригинального текста, позволит людям лучше понять национальную политику двух сторон, уменьшить недопонимание, вызванное языковыми различиями между двумя сторонами, и тем самым будет способствовать созданию лучшего имиджа страны на международной арене.

Литература

1. Аникин Е.Е., Будаев Э.В., Чудинов А.П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3 (44). – С. 26-32.
2. Боженкова Н.А., Катышев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 76-92.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
4. Линь Сюе. Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале доклада о работе правительства КНР 2017 г. И на Послании Президента Федеральному Собранию РФ на 2017 г.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – №4 (820).
5. Thompson S. Politics without metaphors is like a fish without water // Metaphor: implications and applications [Ed. by J.S. Mio, A.N. Katz] – Mahwah, NJ: Erlbaum, – 1996. – P. 185-201.
6. 贺梦依 2011 《概念隐喻与政治的关系识解》,《外国语文》第 2 期。

Tang Qianxue

Pushkin State Russian Language Institute

Political metaphor in Russian and Chinese languages (on the material of annual reports on the work of the government of Russia and China from 2022).

Metaphors are closely related to people's political life. Metaphor is not only a rhetorical expression of a particular genre, but also an important part of people's cognitive thinking. In recent years, the use of metaphor in political literature and leaders' speeches has gradually become the focus of more and more scholars. The annual government work report is not only the most authoritative manifestation of government discourse, but also a political document of public interest. In this article, we appeal to the theory of conceptual metaphor as a basis for studying metaphor in political discourse using the example of the annual government work reports of Russia and China from 2022.

Key words: political metaphor, conceptual metaphor, political discourse, comparative linguistics, cognitive linguistics.

Тан Юань

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

tangyuan_2023123@163.com

К вопросу о происхождении и структуре фразеологизмов с компонентом-соматизмом в русском и китайском языках

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны,

кандидата филологических наук, доцента

В данной статье фразеологизмы с компонентом-соматизмом, функционирующие в русском и китайском языках, анализируются с точки зрения происхождения и особенностей структуры, выявляются их сходства и национально-культурные различия, определяется своеобразие культур двух народов.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, фразеологизм, соматический, структура, культура.

Фразеологические единицы могут отражать национальную самобытность, особенности менталитета народа, воссоздавать языковую картину мира посредством системы образов и значений, которые передают особенности восприятия человеком окружающего мира. Как отмечает В.Н. Телия, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [6, с. 12]. В данной статье будет проведен анализ фразеологизмов с компонентами-соматизмами, которые функционируют в китайском и русском языках. Исследование осуществляется на материале «Фразеологического словаря русского литературного языка» [8] и «Фразеологического словаря китайского языка» [7].

В китайском и русском языках представлено большое количество фразеологизмов с компонентами, называющими части тела человека. Соматические фразеологизмы изучались на материале различных языков и групп говоров [1; 2; 3; 4; 5; 9 и др.]. Такие языковые единицы разнообразны с точки зрения структуры, богаты в смысловом отношении и тесно связаны с жизнедеятельностью человека. Фразеологизмы имеют длительную историю

формирования, их происхождение разнообразно, поэтому выявление истоков появления русских и китайских соматических фразеологизмов играет важную роль в изучении национальной культуры и особенностей мировосприятия русского и китайского народов.

Многие фразеологизмы уходят корнями в устоявшиеся мифы и легенды, и некоторые русские и китайские соматические фразеологизмы не являются исключением. Так, к древнегреческой мифологии восходят устойчивые сочетания *«ахиллесова пята»*, *«душа в пятки ушла»* и др. Существует множество китайских фразеологизмов, основанных на мифах и легендах. Например, *«火眼金睛»* – ‘способность видеть насквозь’ имеет происхождение из романа «Путешествие на Запад» У Чэнчэня и используется для описания глаз главного героя Сунь Укун, который способен распознавать различных монстров.

Как особую социальную форму познания явлений действительности можно считать религию, оказавшую существенное влияние на развитие языка и культуры. Многие русские и китайские соматические фразеологизмы заимствованы из религиозных текстов. В русском языке достаточно много фразеологизмов, имеющих библейское происхождение, по статистике их около 200. Например, *«(трудиться) в поте лица»* – *«усердно, напрягая все силы»*, *«пелена спала с глаз»* – *«наступило прозрение»*, *«беречь как зеницу ока»* – *«тщательно, нежно и заботливо охранять»*, *«око за око, зуб за зуб»* – *«о необходимости отомстить за то-либо»*, *«умывать руки»* – *«отстраниться от участия в чем-либо»*, *«имеющий уши да услышит»* – *«кому нужно, тот поймет»* и т. д.

Китай – многонациональное государство, куда буддизм был завезён во времена династии Хань, а затем широко распространился в стране. Даосизм был популярен во времена Суй, Тан и Пяти династий, поэтому многие фразеологизмы до сих пор имеют следы религиозного происхождения. Например, фразеологизм *«三头六臂»* – ‘три головы, шесть рук’ восходит к книге «Цзиньдэ чуаньдэнлу» Даоюаня, где первоначально буддийский термин служил для обозначения внешности Будды, а позднее начал употребляться для номинации чудесных способностей кого-либо. Устойчивое сочетание *«心心相印»* – ‘понимать мысли друг друга без необходимости их произносить, описывая полное единство мысли и чувства’ – происходит из «Учения Хуан-бо о передаче разума». Другой фразеологизм *«脱胎换骨»* первоначально использовался в даосизме для обозначения изменения монаха после достижения даосизма, а в настоящее время употребляется как метафора для характеристики полного изменения позиции и точки зрения человека.

Басни как жанр литературы, аллегорически изображающий реальные события и явления, возникли из народной жизни и были широко распространены в обществе, поэтому они также оказали значительное влияние на формирование фразеологизмов. В русском языке многие фразеологические единицы обязаны своим появлением басням И.А. Крылова. Так, устойчивое сочетание «нос к носу» означающее «вплотную, близко; непосредственно (встречаться, сталкиваться с кем-либо)», происходит из басни «Крестьянин и Работник»; фразеологизм «со всех ног», означающий «бежать очень быстро», впервые был использован в басне «Осёл и Мужик», а позже – в басне «Два мальчика». «Не сводить глаз» – значит «смотреть на что-нибудь, не отрываясь» употребляется в басне «Ворона и Лисица» и др.

Китайский фразеологизм «画龙点睛» образован на базе «Записок о знаменитых художниках прошлых эпох» Чжан Яньюаня и используется, когда художник Чжан Сэньяо на своей картине рисует глаза дракона, описывая красоту картины. Впоследствии это сочетание стало использоваться в качестве рекомендации: когда человек пишет или говорит, нужно употребить несколько слов, чтобы назвать основные моменты и сделать содержание более ярким и живым. Фразеологизм «画蛇添足», представленный в «Чжаньго цэ» связан со сценой добавления ног змее при ее изображении, позже он стал использоваться как метафора, обозначающая излишнее, неуместное действие. Устойчивое сочетание «掩耳盗铃», восходящее к «Люйши чуньцю», что первоначально означало 'закрывать уши, боясь быть услышанным другими при краже колокольчика', а позже употребляется для сравнения с обманом самого себя.

Изучение происхождения русских и китайских соматических фразеологизмов показывает разнообразие их истоков и наличие ряда общих черт, свидетельствующих о том, что фразеологизмы более тесно связаны с развитием человеческой мысли и культуры, чем обычные слова, не всегда сохраняющие национально-культурную коннотацию.

Фразеологизмы по структуре представляют сочетания слов или отдельные предложения, которые выражают определенный смысл. В русском языке чаще встречаются фразеологизмы, состоящие из 2-7 слов, в то время как китайские фразеологизмы основаны на закреплённой структуре «четырёх иероглифов». В целом их структура обладает устойчивостью и вариантностью. Можно отметить, что русские и китайские соматические фразеологизмы имеют уникальные структурные типы.

Так, в составе русских соматических фразеологизмов можно выделить следующие распространенные структурные типы, построенные на основе подчинительной связи:

- 1) существительное + предлог + существительное: «*ветер в голове*», «*лицом к лицу*», «*камень на сердце*» и др.;
- 2) прилагательное + существительное: «*хозяйский глаз*», «*лишний рот*», «*золотые руки*», «*каменное сердце*» и др.;
- 3) глагол + существительное: «*задирать нос*», «*ломать зубы*», «*брить лоб*», «*гнуть горб*» и др.;
- 4) союз + существительное с предлогом или без: «*как снег на голову*», «*как без рук*» и др.;
- 5) предлог + существительное: «*перед глазами*», «*на волосок*», «*за глаза*», «*на носу*» и др.;
- 6) сочетания, начинающиеся с отрицательной частицы не: «*не чуют ног под собой*», «*не ударить лицом в грязь*», «*не покладая рук*» и др.

Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами реже представляют сочетания с сочинительной связью («*кожа до кости*»). Особо следует отметить образования, построенные по модели предложения: «*сердце радуется*», «*ноги заплетаются*», «*волосы дыбом встают*», «*душа в пятки ушла*» и др.

Структурные типы китайских соматических фразеологизмов проще, чем в русском языке, они могут выражать следующие виды отношений:

- 1) субъектно-глагольные отношения: «*肝胆相照*», «*脚踏实地*», «*鼠目寸光*» и др.;
- 2) глагольно-объектные отношения: «*以耳代目*», «*别具慧眼*» и др.;
- 3) подчинительные отношения: «*肺腑之言*», «*燃眉之急*» и др.;
- 4) параллельные отношения: «*脱胎换骨*», «*耳闻目睹*», «*面红耳赤*» и др.;
- 5) дополняющие отношения: «*爱不释手*», «*胸有成竹*» и др.

Таким образом, русские и китайские фразеологизмы составляют неотъемлемую часть национальных языков, а соматические фразеологизмы занимают особое место в их составе. Благодаря изучению данных языковых фактов можно в определенной степени понять общность и особенности русских и китайских фразеологизмов. Расхождения в их происхождении и структуре отражают различия в языковых особенностях русского и

китайского языков. Сходство во многом объясняется культурно-историческими процессами, происходящими в этих странах, формированием общечеловеческой системы ценностей.

Литература

1. Вайнтрауб Р.М. О соматических фразеологизмах в русском языке // Лексические единицы русского языка и их изучение. – Ташкент, 1980. – С. 51-55.
2. Городецкая И.Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2007. – 233 с.
3. Дашиева Д.Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 70-73.
4. Мочалова Т.И. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом в русских говорах Республики Мордовия // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – С. 73-74.
5. Скарёв Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: Дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 240 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – Москва : Школа «Язык русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Фразеологический словарь китайского языка. – Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 1987. – 527 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка. – [Электронный ресурс] URL : <https://phraseology.academic.ru/>
9. 米拉. 俄汉带“头”字成语的语言世界图景研究[D]. 吉林大学, – 2008.

Tang Yuan

The Pushkin State Russian Language Institute

On the question of the origin and structure of phraseological units with a somatic component in Russian and Chinese

In this article, phraseological units with a somatic component functioning in the Russian and Chinese languages are analyzed from the point of view of origin and structural features, their similarities and national and cultural differences are revealed, and the uniqueness of the cultures of the two peoples is determined.

Keywords: Russian language, Chinese language, phraseology, somatic, structure, culture.

Титовская Анна Владимировна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

anuyta.titovskaja@yandex.ru

Специфика выражения концепта «воля» в исторической прозе XIX века (на материале повестей А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»)

Работа выполнена под руководством Миловановой Марии Станиславовны,
доктора филологических наук, профессора

А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь считаются великими русскими писателями XIX века. Оба автора оказали значительное влияние на развитие отечественной литературы и культуры. А.С. Пушкин значится основоположником современного русского литературного языка и реалистического направления в литературе, а Гоголь – мастер гротеска и сатиры, один из первых русских писателей, объединивших в своем творчестве элементы русской фольклорной и устной традиции с новыми литературными техниками и жанрами. Он также часто интересовался украинским языком и их культурой. Очень интересно и полезно проанализировать исторические повести «Тарас Бульба» и «Капитанская дочка» с точки зрения взглядов и мыслей авторов на тему воли, свободы и истории в целом.

Ключевые слова: концепт, воля, историческая проза, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь

Классическое произведение отличается от других, в первую очередь, тем, что актуальные проблемы в нем представлены как «вечные» вопросы бытия. Такие тексты заставляют читателя задуматься, нередко трансформируя его картину мира.

Отдельное место в классической литературе занимает историческая проза. Историческая проза – это жанр литературы, в котором автор использует исторические факты и персонажей для создания своей художественной работы. В классической литературе этот жанр был широко распространен и имел значительное влияние на развитие культуры.

Как правило, исторические события, описанные в художественной литературе, часто связаны с войнами. А одной из главных целей любой войны является стремление к свободе, воле. В исторических произведениях литературы выражение концепта «воля» может иметь особую специфику, которая отражает социально-исторические условия и менталитет персонажей, а также авторскую концепцию и идеологию.

Первое, что следует отметить, это то, что в исторической литературе XIX века *воля* часто ассоциируется с борьбой за свободу и независимость, особенно в контексте политических и национальных исторических событий. Исторические произведения часто отражают идею воли как внутренней силы, способной изменить ход истории и повернуть судьбу народа или индивида. Герои исторических романов или повестей часто обладают

сильной волей и высокой духовной мощью, которые помогают им преодолеть трудности и достичь своих целей.

Однако в исторических произведениях также может быть передана идея о том, что воля может быть подавлена или стерта в условиях политического давления или социального подавления.

Наконец, в исторических произведениях *воля* может быть представлена как коллективное сознание или групповой дух, способный подняться над личными интересами и собрать людей вокруг общей цели. Это может быть выражено через образ народа или национального героя, который объединяет народ в борьбе за свободу и справедливость.

XIX век в русской литературе богат на историческую прозу. Так, В 1835 году Н.В. Гоголь представляет публике первую редакцию повести «Тарас Бульба», и уже в 1836 году, перед самой своей смертью, А.С. Пушкин публикует повесть «Капитанская дочка» (ей предшествовала историческая монография «История Пугачевского бунта», 1834). Оба произведения на историческую тематику, их объединяет стремление главных героев к воле, свободе. Они имеют примерно одинаковый объем: «Тарас Бульба» – 119 страниц, «Капитанская дочка» – 122 страницы. С помощью Национального корпуса русского языка мы выяснили, что лексема *воля* использовалась в произведениях 10 и 17 раз соответственно.

Если обратиться к словарю В.И. Даля, то можно отметить, что «воля – данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения» [3, с. 238-240].

В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского дается такое толкование: «воля – согласие, возможность, свобода» [5, с. 298].

В «Словаре языка Пушкина» В.В. Виноградов указывает на два разных значения лексем *воля* в текстах А.С. Пушкина. Первое – это «способность хотеть и осуществлять свои желания; сознательное стремление к осуществлению какой-нибудь цели; требование, право распоряжаться, располагать кем-, чем-нибудь, власть» [1, с. 345]; второе – значение свободы.

Концепт «воля» в повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкиным представлен как реализация действий, образов и событий: содержание понятия воля противоречиво. Вот некоторые аспекты, составляющие содержание понятия.

1) Свобода воли: главный персонаж стремится к свободе и независимости. Он открывает для себя новые горизонты, покидает родной дом и отправляется в путешествие, чтобы найти свое место в жизни и осуществить свои мечты.

2) Воля как приспособление к судьбе: вольность персонажей также является способом адаптации к непредсказуемым обстоятельствам. Это видно в отношении Петра Гринева, который, несмотря на свободное мышление и стремление к новому, все равно принимает во внимание свою роль и статус в обществе.

3) Воля как нравственный выбор: концепт «воля» отражается и в моральных дилеммах и выборах героев романа. Особенно он проявляется в отношении Маши, дочери капитана Миронова. Она проявляет мужество и решимость, нарушая общепринятые нормы, чтобы спасти своего отца и других, за что платит высокую цену.

4) Противоречия воли: в произведении также присутствует противоречие между волей Петра и волей других персонажей, особенно в отношении общественных и политических проблем. Например, Петр, влюбленный в Машу, сталкивается с ее сильной привязанностью к отцу и ненависти к его, Гринёва, революционным идеям.

Все эти аспекты выражения концепта «воля» в повести «Капитанская дочка» формируют сложное и многофакторное изображение этого понятия. Воля в данном произведении представляется как одна из главных тем, которая влияет на характеры персонажей и развитие сюжета.

Повесть «Капитанская дочка» исследует тему воли и свободы через различных персонажей и события. А.С. Пушкин подчеркивает важность индивидуальной воли и борьбы за права и свободы, но также указывает на необходимость баланса и социальной ответственности в использовании ее.

Рассмотрим конкретные примеры из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и сравним узловые значения лексемы *воля* и контекстные.

Уже в первой главе мы можем наблюдать использование лексемы А.С. Пушкиным: «Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал бог ведает как, час от часу умножал игру, словом – вел себя как мальчишка, вырвавшийся на *волю*» [4, с. 121-122]. *Воля* в данном контексте выступает в значении некоего простора, который рождает чувство свободы, собственных возможностей. А.С. Пушкин в тексте использует данную лексику в этом значении 5 раз.

В этой же первой главе лексема *воля* встречается еще раз, но уже в другом значении: «Да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. *Воля* твоя, сударь, а денег я не выдам» [4, с. 123]. Здесь уже мы видим лексему *воля* в значении чьего-то желания, повеления. *Воля* как свобода выбора, определяемого *желанием*. В повести «Капитанская дочка» данное значение лексемы самое распространенное, оно встречается 9 раз.

Ближе к середине повести, в пятой главе А.С. Пушкин сообщает лексеме *воля* третье значение: «Я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся *воле* божией. Коли найдешь себе суженую, коли полюбишь другую – бог с тобою, Петр Андреич; а я за вас обоих...» [4, с. 155]. В данной текстовой ситуации можно сказать, что *воля* представляется в устойчивом выражении *Божья Воля*, в соответствии с религиозными представлениями как нормой поведения. С этим читатель сталкивается в произведении 3 раза.

Таким образом, А.С. Пушкин в повести «Капитанская дочка» употребляет лексему *воля* в трех значениях: 1) простор / свобода; 2) желание / свобода выбора; 3) устойчивое выражение / религиозная Божья воля.

В произведениях Н.В. Гоголя также часто затрагиваются исторические события и образы, история является важной составляющей его повествования.

Одним из самых известных исторических произведений Гоголя является повесть Гоголя – «Тарас Бульба». Эта историческая проза основывается на событиях Козацкой войны 1648-1654 годов, когда Украина восстала против польской верхушки. В произведениях Гоголя история часто выступает как фон, на котором разворачивается драматическая сюжетная линия, описываются образы и отражаются изменчивые времена и общественные реалии.

В произведениях Н.В. Гоголя концепт «воля» выражается через разные сюжетные линии, персонажей и языковые приемы. В целом Гоголь обращается к этому концепту как к философскому и социальному явлению.

Воля играет важную роль в повести «Тарас Бульба». Она проявляется на разных уровнях – уровне отдельных персонажей, национальном уровне и уровне идеалов.

На уровне отдельных персонажей воля выражается в том, что каждый персонаж стремится к своей цели и готов идти на риски ради ее достижения. Они все вольны совершать определенные действия, чтобы достичь своих целей. На национальном уровне

воля проявляется в борьбе украинского народа за свободу и независимость. Гоголь рисует картину кровавой войны с турецкими оккупантами, где украинцы борются до конца и показывают свою героическую силу и волю к свободе. Воля также выражается на уровне идеалов. Писатель говорит об идее свободы, которая должна быть выше всего, и о том, что для этого нужна сила воли.

Рассмотрим использование лексемы *воля* Н.В. Гоголем в повести «Тарас Бульба».

В начале произведения, во второй главе, читатель замечает лексему *воля*: «Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал, наконец, свое и шумел, как море, разлившись по *воле*; где брошенные в середину его острова вытесняли его еще далее из берегов, и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни возвышений» [2, с. 308]. В данной текстовой ситуации Н.В. Гоголь придает лексеме значение простора и свободы, как это сделал и А.С. Пушкин. В повести «Тарас Бульба» это значение самое распространенное, оно встречается 6 раз за весь текст.

Второе значение лексемы *воля* мы можем заметить в четвертой главе повести: «Когда так, то пусть будет так. Я слуга вашей *воли*. Уж дело известное, и по писанью известно, что глас народа – глас божий» [2: 320]. В данном контексте *воля* значит что-то желание, повеление. То же самое мы наблюдали и в «Капитанской дочке», но в отличие от А.С. Пушкина Н.В. Гоголь употребляет это значение всего 4 раза, делая его менее важным.

Из этого анализа можно сделать вывод, что Н.В. Гоголь лексему *воля* рассматривает в основном в значении широкого вольного пространства, места, где всегда есть свобода и физическая, и душевная.

Таким образом, лексема *воля* в повести А.С. Пушкина обширнее и многообразнее, при этом и чаще употребляемая по сравнению с произведением Н.В. Гоголя. На примере «Тараса Бульбы» можно заметить, что для автора важен мир казака, для которого стремление к ничем не ограниченной свободе принципиально важно – и вынужденная покорность чужой воле. Н.В. Гоголь восхищается этим казаком и с любовью присоединяется к нему и его идеям. Автор «Капитанской дочки» назначает главного героя рупором своих собственных идей и мыслей. А.С. Пушкин на все проецирует свой взгляд образованного, думающего европейского человека, которому дорога родина и все, что с ней связано, в частности – ее история, народ, их мысли в лице Пугачева.

Литература

1. Виноградов В.В. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2000. – 975 с.
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Дрофа, 2003. – 544 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А-З. – Москва : ТЕРРА, 1995. – 800 с.
4. Пушкин А.С. Дубровский; Капитанская дочка: романы / А.С. Пушкин; [вступ. ст. и примеч. И.Ф. Смольникова]; худож. Д.А. Шмаринов. – Москва : Дет. лит., 2012. – 253 с.
5. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. Т. 1: А-Д. – Москва : «КНИГА», 1989. – 806 с.

Titovskaya A.V.

Pushkin State Russian Language Institute

The specifics of the expression of the concept of "will" in historical prose of the XIX century (based on the stories of A.S. Pushkin "The Captain's Daughter" and N.V. Gogol "Taras Bulba")

A.S. Pushkin and N.V. Gogol are considered two great Russian writers of the XIX century. Russian literature and culture were greatly influenced by both authors. A.S. Pushkin is considered the founder of the modern Russian literary language and the realistic trend in literature, and Gogol is a master of the grotesque and satire, one of the first Russian writers who combined elements of Russian folklore and oral tradition with new literary techniques and genres, as well as sometimes delving into the Ukrainian language and culture. It is very interesting and useful to analyze their historical novels "Taras Bulba" and "The Captain's Daughter".

Keywords: concept, will, historical prose, A.S. Pushkin, N.V. Gogol.

Тихомирова Елена Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

tikhomirova-alena@bk.ru

Межсловные пары в творчестве А.В. Амфитеатрова (на материале романа «Восьмидесятники»)

Работа выполнена под руководством Травникова Сергея Николаевича, доктора филологических наук, профессора

В статье рассмотрена проблема межсловных браков на примере главного романа А. В. Амфитеатрова «Восьмидесятники». Представлены образы главных действующих лиц, проанализированы эпизоды произведения и сопоставлены с биографией автора.

Ключевые слова: автобиографизм, образ, межсловный брак, характер, тип.

А.В. Амфитеатров – русский писатель, фельетонист, публицист. О себе автор писал: «Я – литератор без выдумки, и каждое действующее лицо мое – ткань, сочетаемая из множества “человеческих документов”» [5, с. 5]. Под «человеческими документами» Амфитеатров подразумевал необычные судьбы людей. Сочинитель неоднократно подчёркивал, что вёл повествование только о том, что происходило на самом деле. Все произведения писателя имеют связь с жизнью самого литератора, его окружения и страны, в которой он жил.

В документальном аспекте примечателен роман писателя «Восьмидесятники». Как отмечала Т.А. Сабурова, Амфитеатров сыграл «особую роль в формировании образа поколения “восьмидесятников”» [6, с. 772]. Это объясняется тем, что писатель идентифицировал себя с поколением 1880-х, делился с читателями жизненным опытом, выражал собственное мнение по поводу волнующих его вопросов.

Амфитеатров уделял много внимания проблеме межсословных пар. Межсословные браки не одобрялись обществом, поскольку разница в образовании, воспитании, внутрисословной идеологии могла привести к серьёзным конфликтам внутри семьи. Два семейства – это две разные системы с собственным укладом. Человек другого рода может быть угрозой существования установившихся в семье правил, традиций. В связи с этим межсословные браки, как правило, были недолговечны.

Любовные союзы, в которых, например, «девушки культурного общества связывают свою женскую долю с мужчинами, стоящими гораздо ниже их по общественному положению, образованию, воспитанию, интеллекту» [7], часто встречались во второй половине XIX века. Амфитеатров отмечал, что однажды ему «как-то совсем невзначай случилось узнать одно за другим три действительные приключения сказанного порядка» [3, с. 57]. После этого литератор стал «охотиться» за подобными «человеческими документами», и в течение двух лет автор собрал 48 историй межсословных браков.

Главным примером подобного любовного союза стала история сестры писателя Любови Валентиновны, которая вышла замуж за крестьянина Василия Петровича Викторова, служившего младшим дворником при дворе отца девушки. Молодой человек был неглупый, но, как отмечал Амфитеатров, «даже не “полуинтеллигент”, настоящая “тульская деревня”», в то время как Любовь была образованна и «наружностью походила на героиню шотландской или германской баллады» [3, с. 58].

В романе «Восьмидесятники» встречается несколько межсословных пар. Первая пара такого типа – Владимир Ратомский и Агаша. Этот союз между такими, казалось бы, непохожими людьми возник случайно. Молодые люди, разные по внешним и внутренним

качествам. Владимир – образованный молодой человек из знатного рода Ратомских, богатый, красивый. Агаша – горничная, вышедшая из тверских крестьянок, несимпатичная девушка, которая была старше Владимира на несколько лет. Маргарита Георгиевна, мать юноши, смотрела на сложившуюся ситуацию просто, поскольку была уверена, что «некрасивая, безграмотная, скромная» Агаша никак не сможет войти в семью Ратомских и тем самым «опустить» их знатный род и обесчестить их фамилию. Тем не менее, молодые люди были серьезно заинтересованы друг другом. В дальнейшем их интерес перерастает в любовь и скрепляется венчанием, молодые люди переезжают в отдельную усадьбу.

Второй союз возник между Соней Арсеньевой и Тихоном Постелькиным. Соня из дворянской семьи, а Тихон – мещанин, но эти молодые люди, вопреки социальной разнице, во многом похожи. Они оба довольно слабы умом, тихие и застенчивые, оба долго боялись признаться друг другу в своих чувствах. Их любовь была крепкой, поскольку Соня решилась пойти против воли своего отца и семьи. Отношения Тихона и Сони так же, как любовный союз Владимира и Агаши, в дальнейшем были скреплены официальным браком.

Помимо приведённых выше примеров, в тексте романа даётся упоминание о счастливом браке барышни Травух, из знатного немецкого рода, и простого конторщика, её служащего [1, с. 378]. Писатель развёрнуто представил читателю проблему межсословных любовных союзов. Мемуарист сообщал, что после революции «такие союзы участились и утратили былую оригинальность» [3, с. 58].

Роман «Восьмидесятники» автобиографичен, поскольку в нём содержатся документальные материалы, связанные с жизнью Амфитеатрова и его близкого окружения. Литератор обращался к теме неравных любовных союзов – он увлекался сбором историй о браках людей из разных социальных слоев. Самым важным примером для Амфитеатрова стала история замужества его сестры – она обвенчалась с крестьянином. В романе «Восьмидесятники» автор представил несколько подобных историй.

Литература

1. Амфитеатров А.В. Восьмидесятники: Роман / А. Амфитеатров. – 2-е изд., доп. Т. 1-2. – Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1908. – 1 т. – 440 с.
2. Амфитеатров А.В. Восьмидесятники: Роман / А. Амфитеатров. – 2-е изд., доп. Т. 1-2. – Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1908. – 2 т. – 424 с.
3. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А.И. Рейтблата. Том 1. Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

4. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А.И. Рейтблата. Том 2. Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 608 с.
5. Амфитеатров А.В. Мертвые боги: Рассказы. Роман/Вступительная статья и примечания Н.Ю. Грякаловой. — Москва : Современник, 1991. – 542 с.
6. Сабурова Т.А. Поколение 1860-х годов и поколенческая идентичность в автобиографической прозе А.В. Амфитеатрова / Т.А. Сабурова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 772.
7. Роман одной идеалистки / Амфитеатров А.В. // [Электронный ресурс] URL: http://dugward.ru/library/amfiteatrov/amfiteatrov_roman.html?ysclid=luit21229m137641911 (дата обращения: 15.02.2024).

Tikhomirova E.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Unequal pairs in A.V. Amfiteatrov's works (based on the novel «The Eighties»)

The article considers the problem of unequal marriages on the example of the main novel by A.V. Amfiteatrov «The Eighties». The main characters are presented, the episodes of the work are analyzed and compared with the biography of the author.

Keywords: autobiography, image, intermarriage, character, type.

Тормышова Ксения Олеговна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

tormyshova02@mail.ru

«Короче»: об истоках и функционировании речевой единицы

Работа выполнена под руководством Катышева Павла Алексеевича, доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания

В статье анализируется речевая единица «короче», ее семантика и функции, их корреляция с позицией речевой единицы в синтагме. Обосновывается переходный статус единицы, ее полифункциональность. *Ключевые слова:* речевая единица, хезитатив, рефлексив, дискурсив, семантика.

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению речи и речевых единиц (далее – РЕ): этому предшествуют многочисленные научные труды – от теории речевых актов Дж. Остина до создания корпусов устных текстов (НКРЯ, ОРД и др.) и развития мультимодальной лингвистики А.А. Кибрик.

Разговорная речь сосуществует с письменным литературным языком, и языковые единицы, адаптируясь к информационно-коммуникационному процессу (т.е. к процессу

общения), трансформируются – происходит попытка расподобления похожих по плану выражения знаков [8]. Подобные изменения подразумевают не только процесс прагматикализации, возможно и транспонирование единицы (изменение ее частеречной принадлежности и синтаксической функции), изменение ее морфемной структуры, семантики – что вызывает вопросы о происхождении РЕ и о тех языковых единицах, которые являются производящими для конкретных дериватов.

Интересен случай с РЕ *короче*: при рассмотрении этой единицы как результата транспозиции, возникают затруднения, связанные с тем, что словоформа «короче», во-первых, входит в омокомплекс, где *короче* – 1) компаратив, сравнительная степень, от прилагательного «короткий»; 2) компаратив, от наречия «коротко»; 3) вводное слово, в речи – семантическое стяжение «короче говоря». Носитель языка воспринимает РЕ *короче* как один из ее возможных знаменательных «прообразов» (прилагательное или наречие), для носителя они еще не являются отдельными РЕ, выполняющими новую, прагматическую функцию (в отличие от уже утвердившихся РЕ *мол*, *ведь* и т.д.); в сознании говорящего, по мнению М.Л. Котина, «...их вторичная функция не соотносится с семантикой своей первоосновы...» – потому часто подобные слова воспринимаются как слова-паразиты [4, с. 135-136], что свидетельствует о переходном статусе РЕ. Во-вторых, переходный статус подтверждается и отсутствием контекстов-переключателей, в которых «новый контекст несовместим с исходным значением» [5, с. 11-12]. В корпусе «Один речевой день» РЕ *короче* обозначена как хезитатив (слово-филлер, десемантизированная единица), хотя в большинстве случаев (в 57-ми контекстах, отобранных методом сплошной выборки выявлено: 49 рефлексивов, 11 хезитативов, 3 аттрактива) считается семантика обобщения или же осознается связь со знаменательными компонентами омокомплекса. Возникает вопрос, в какой из возможных словоформ-производящих происходит семантический сдвиг к абстракции, который и проявляет сему «обобщение».

В литературном русском языке эта сема встречается в наречии *коротко*. Прилагательное *короткий* выражает, в первую очередь, пространственно-временную семантику, которая лежит в основе дальнейшей метафоры человеческих отношений (длина и время – близость): переосмыслиется сема пространства, сема времени имплицитна (для достижения близких отношений требуется время). В наречии *коротко* семантика пространственно-временных отношений, отраженная в словарях В.И. Даля и Д.Н. Ушакова (в том числе и в выражении *коротко говоря*: малое количество слов – меньше времени) [3, с. 777-778; 7], развивается в абстрактном направлении ближе ко 2-ой половине XX в. Сема «обобщение» проникает в денотативное ядро лексического значения выражения *коротко*

говоря [6] и сохраняется в *короче говоря* [2]. В речи в процессе семантического стяжения и образуется РЕ *короче* с измененной морфемной структурой (*короч-е* – компаратив прилагательного и наречия; *короче* – частица и РЕ).

Как было упомянуто, сема «обобщение» считается при взаимодействии адаптированных языковых единиц в речевом потоке, в высказывании, что скорее позволяет определить данную единицу как рефлексив (термин инициалы Богдановой-Бегларян) – прагматический маркер, указывающий на результат хезитации или отношение к этому результату говорящего [1, с. 348]. При анализе были выявлены следующие виды обобщения контекста: вербализованного – тогда РЕ *короче* маркирует фразу-обобщение (*в общем / и пока они там ходили фотографировались у одного места / у второго *П мы пошли / короче / в пышечную //* – здесь и далее примеры из корпуса ОРД) – и условно вербализованного – когда мысль не получила логико-грамматического завершения во внешней речи, но при этом нами считается обобщение и предшествующий ему мыслительный процесс или невербализованный контекст (*я не приеду / (...) потому что / (...) это (...) короче она работает в выходные //* = я не приеду, потому что хотел приехать с ней, а она работает в выходные).

Осмысление говорящим хезитации – знак осознанности применения единицы, знак построения дискурса, поэтому возможно трактовать РЕ *короче* как полифункциональный хезитатив-дискурсив, в котором в зависимости от контекста выходит на первый план/периферию та или иная функция (помимо собственно хезитативной).

Обобщенность подтверждается включенностью в синонимический ряд лексем обобщающего характера: в итоге, по итогу, в общем и др. – и возможностью синонимической замены РЕ семантическим дублетом (главный критерий в определении рефлексива *короче*) или наличием семантического дублета – со значением обобщения или результативности – в общем, в итоге, всё-таки, вот, вот так вот, – в той же синтагме или предыдущей. Среди дополнительных признаков, указывающих на рефлексивную природу *короче*, – наличие глагола/глаголов определенной видо-временной формы во фразе-обобщении или в каждой синтагме речевого отрезка (прош. вр., сов. вид – пример выше о походе в пышечную). Следует заметить, что видо-временная оформленность не всегда коррелирует со структурой, и структура высказывания может указывать, например, на конечный результат при условии выполнения действий – тогда важна последовательность в их осуществлении: *это они играют в бутылочку / кто схватит буты... бутылочку / когда скажут скажут букву три / ну цифру три / там короче рассказывают историю.*

Привлекает внимание реплика «*Короче, я тебе щас такое расскажу*», часто используемая в начале диалога, когда обобщать, кажется, еще нечего. Фраза содержит семантику обобщения, но здесь она смещена на периферию (десемантизация), важнее – прагматическая функция, попытка обратить внимание адресата на себя. Высказывание строится по аналогии с союзом «*итак*», который занимает позицию в начале предложения, содержащего вывод из предыдущего контекста [2, с. 406]. В случае с РЕ *короче* говорящий заранее формирует «образ» истории, создает коммуникативно-семиотическое пространство, позволяющее ему эффективнее воздействовать на адресата. Таким образом, адресант сразу указывает, что итогом беседы станет захватывающая дух история, интересная цепочка событий, которая вызовет сильную эмоциональную реакцию собеседника – катарсис. Именно поэтому в начало высказывания выносятся обобщение-утверждение (интересная история), которое потом раскрывается посредством частных случаев – деталей рассказа.

В начале синтагмы РЕ *короче* – рефлексив как 1) маркер обобщения/результата; 2) маркер следующего за ним мнения (*короче я думаю / по этой дороге мы ...*) или намерения (*у меня вот после свадьбы депрессия / проснулся / и я решил короче пообщаться с брательником //*); 3) маркер хезитации (здесь – всегда второстепенная функция); аттрактив (на периферии – обобщение/результат); хезитатив. В середине синтагмы РЕ *короче* – рефлексив как маркер обобщения/результата и хезитации или, собственно, хезитатив; в конце синтагмы – только как рефлексив со значением обобщения/результата.

РЕ *короче* в начале как диалога, так и синтагмы (здесь о случае 2 из предыдущего абзаца), может свидетельствовать о переключении внимания на говорящего и его тему, то есть РЕ *короче* является в таких контекстах эгоцентриком): в начале диалога адресант создает новое коммуникативно-семиотическое пространство, в которое он вовлекает адресата. При вступлении адресанта в уже существующее пространство происходит активное включение говорящего в него – речевое воздействие на адресата. Когда РЕ *короче* – это маркер следующего за ним мнения, которое обычно приводится после ряда объективных аргументов или фактов, то говорящим проводится граница этого мнения – сема ограничения на периферии; результат проведения границы – новое пространство, созданное как внутри первоначального, так и поверх (последнее – следствия из элементов первоначального пространства).

Литература

1. Богданова-Бегларян Н.В. Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Jagiellonian University Press, 2015. – С. 345-354.

2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Москва : Общества любителей российской словесности, 1863. – 217 с.
4. Котин М.Л. Язык и время. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2018. – 224 с.
5. Сарайкин, И.В. Семантическая эволюция наречных предлогов: статистический подход : специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сарайкин Иван Валерьевич. – Москва, 2023. – 20 с.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – Москва : Азъ, 1994. – [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/короткий> (дата обращения: 12.03.2024)
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Государственный институт "Сов. энцикл." ОГИЗ, 1935. – [Электронный ресурс] URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 18.03.2024)
8. Шелякин М.А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы. – Москва : Флинта: Наука, 2005. – 296 с.

Tormyshova K.O.

Pushkin State Russian Language Institute

“Koroche”: about the story and the functioning of the speech unit

The article contains the analysis of the meaning and functions of the speech unit «koroche» (in Russian language) and its correlation to the position in syntagma. The transitional status of the speech unit and its multifunctionality are substantiated.

Keywords: speech unit, hesitant, reflexive, discourse marker, semantics.

Трисмакова Арина Сергеевна

Новосибирский государственный технический университет

arinokatri@gmail.com

**Категория падежа имен существительных в учебнике РКИ для
китайской аудитории: презентация материала и подходы к работе с ним
(на примере учебников «Восток-1» и «Дорога в Россию-1»)**

Работа выполнена под руководством Кротовой Анастасии Григорьевны, кандидата
филологических наук, доцента кафедры филологии НГТУ

В статье анализируются особенности презентации и отработки грамматической темы «Падежи имен существительных» в этноориентированных учебниках РКИ для китайской аудитории. Выявлено, что в «Востоке-1» используется традиционная для китайских студентов система обучения языку (дедуктивный способ введения материала, перевод, языковые упражнения). В «Дороге в Россию-1» преобладают упражнения на многократный повтор текстов, используются схемы предложений с падежными вопросами, что позволяет проводить аналогии в системах двух языков.

Ключевые слова: учебник РКИ для китайской аудитории, национально ориентированные учебники, падеж имен существительных

В связи с укреплением и развитием двустороннего сотрудничества Китая и России в настоящее время возросла актуальность изучения русского языка китайскими гражданами. Сложившаяся ситуация и современные тенденции в области языкового образования способствуют трансформации традиционного учебного процесса в Китае. Однако изменения, происходящие в ходе такой трансформации, невозможны без учета этнопсихологических особенностей представителей Китая, их образовательных традиций, специфики китайского языка.

Известно, что русский язык является флективным языком, имеет развернутую грамматическую структуру, в то время как в китайском языке отсутствуют категории рода, числа, падежа. Слова в китайском языке не склоняются, в большинстве случаев не имеют морфологических признаков, могут выступать в качестве разных членов предложения и частей речи в зависимости от их позиции в предложении [4, с. 12]. Таким образом, изучение русской грамматики вызывает особые трудности у китайских студентов, а категория падежей является для них одной из самых сложных грамматических тем.

Что касается этнолингвокультурных особенностей жителей Китая и их учебных традиций, то многими исследователями подчеркивается развитое символическое мышление представителей Китая, образный тип памяти, который развился благодаря иероглифике. Китайцам свойственны умения хорошо классифицировать и систематизировать [2, с. 70]. Для китайской образовательной традиции характерны заучивание, повторение и воспроизведение готового текста, первостепенное внимание формированию языковой компетенции, переводное, наглядное обучение, преобладание дедуктивного способа введения материала, чтение как ведущий вид речевой деятельности [3, с. 94].

Рассмотрим, как именно учитываются различия в системах русского и китайского языков, этнопсихологические особенности китайцев и образовательные традиции Китая в учебниках РКИ для китайской аудитории. В качестве примера мы рассмотрели презентацию и отработку грамматической темы «Падеж имен существительных» в учебнике «Восток-1», предназначенном для китайских студентов-филологов первого курса, и российском учебнике «Дорога в Россию. Элементарный уровень», спроектированном для китайцев, с учетом вышеперечисленных особенностей.

В китайском учебнике «Восток-1» грамматика вводится дедуктивно, в объяснении сразу прописываются основные функции одного из падежей, парадигма склонения представлена в таблицах. Изображения, позволяющие лучше понять материал, практически отсутствуют. Ввод материала осуществляется с помощью грамматического комментария на китайском языке и примеров на русском языке с переводом на китайский. В презентации материала обозначаются общие ситуации употребления падежей, вопросы, на которые они отвечают. Схемы построения предложений с падежами отсутствуют. Отличительной особенностью презентации грамматического материала является наличие правил склонения китайских имен и фамилий в разных падежах и ситуациях. Стоит также отметить, что несмотря на подробное описание функций падежей, диалоги и тексты, демонстрирующие способы решения коммуникативных задач практически отсутствуют.

На этапе тренировки основное внимание уделяется формированию языковой компетенции, в меньшей степени – речевой. Например, в 13 уроке (тема – «Падеж 2») можно насчитать 14 языковых и 6 речевых упражнений, при этом речевые упражнения в большинстве случаев предполагают многочисленное повторение и воспроизведение готовых фраз, пересказы текстов, диалогов и вопросно-ответные упражнения. Коммуникативные задания отсутствуют. Отличительной особенностью является наличие переводных упражнений.

В «Дороге в Россию» преобладает индуктивный и функциональный способ подачи материала, традиционный для современной российской методики РКИ: от ситуации общения (речевой задачи) к правилу – падеж 6 изучается в 8 уроке (где?) и 14 уроке (о ком? о чем?). Глаголы всегда вводятся в связке с определенным падежом. Виды упражнений (языковые, речевые, коммуникативные) в учебнике соотносятся как 1:3:2. Наибольшее внимание уделяется отработке речевых шаблонов и ситуациям, в которых

их можно использовать. Задания основаны на многочисленном повторе и воспроизведении текстов, что позволяет китайцам быстро запоминать новые слова и речевые конструкции. После объяснения материала присутствуют фонетические упражнения на произнесение существительного с предлогом в определенном падеже, отработку сложных для китайцев сочетаний звуков.

Учет языковых различий проявляется в наличии схем построения предложений с падежами: в схемах (если это возможно) представлен порядок слов, совпадающий с китайским порядком слов, а падежные вопросы в сочетании с большим количеством примеров позволяют проводить китайцам параллели с китайскими языковыми конструкциями. В таких случаях акцент делается не только на словосочетаниях, «имеющих китайские аналогии», но и на словах, в которых такие аналогии провести нельзя. Например, в 9 уроке учебника при презентации материала по грамматической теме «Где можно + инфинитив глагола» дается следующая схема и пример: *где? (6) можно + инфинитив что (4); В магазине можно купить книги*. Китайцы могут провести аналогию с китайским языком. Такое предложение на китайском языке будет звучать следующим образом: 商店可以买书, где 商店 означает место, т.е. ‘в магазине’, 可以 – ‘можно’, 买 – ‘купить’, а 书 означает объект действия, т.е. ‘книги’. В схемах учебника к Дательному падежу (урок 13) можно проследить аналогию с вопросом «кому?» падежа 3 и предложной конструкцией 给谁?, которые означают адресата действия, но в китайском языке не все глаголы могут использоваться с такой конструкцией, поэтому китайцам необходимо запомнить, что некоторые глаголы, такие как *помогать, дарить* и другие в русском языке также направлены на адресата и используются с падежом 3. На таких «исключениях» также делается акцент в учебнике.

Таким образом, учебник «Восток-1» можно назвать этноориентированным в том смысле, что в нем используется традиционная, привычная и комфортная для китайцев система: присутствует дедуктивный способ презентации материала, теория вводится через таблицы и объяснения с примерами на китайском языке, преобладают языковые упражнения, присутствуют переводные; уделяется внимание спряжению китайских имен собственных.

В «Дороге в Россию» соблюдается функциональный принцип введения грамматического материала, который дается индуктивно. Принцип наглядности

проявляется в наличии иллюстраций и схем, в которых учитываются порядок слов в китайском предложении и языковые конструкции китайского языка, выполняющие аналогичные функции в речи. Формирование речевой компетенции у китайцев, привыкших к заучиванию текстов и фраз, происходит посредством многократного воспроизведения и повторения речевых шаблонов, что позволяет им быстро запоминать новые слова и речевые конструкции.

Литература

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. [走偏俄罗斯] Дорога в Россию: учебник русского языка. – Пекин: Обучение иностранным языкам и исследование иностранных языков [北京：外语教学与研究出版社], 2007. – 334 с.
2. Пугачёв И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка иностранцам. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2011. – 284 с.
3. Румянцева М.Н., Рубцова Д.Н., Юрова Ю.В. Учет психолингвистических особенностей учащихся из Китая при создании национально ориентированных учебников русского языка // Гуманитарные технологии в образовании и социосфере: сборник научных статей / редкол.: О.И. Уланович. – 2017. – С. 89-96.
4. Чжао Юйцзян. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся). Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Москва, 2008. – 24 с.
5. Ши Тецянь, Чжан Цзиньлань. Учебное пособие «Восток» для студентов университета, изучающих русский язык (новое издание), часть 1. [史铁强、张金兰。东方大学俄语 (新版) 学生用书]. – Пекин : Обучение иностранным языкам и исследование иностранных языков [北京：外语教学与研究出版社], 2009. – 252 с.

Trismakova A.S.

Novosibirsk State Technical University

Case category of nouns in the foreign language textbook for a Chinese audience: presentation of the material and approaches to working with it (using the example of the textbooks “Vostok-1” and “Road to Russia-1”)^[1]

The article analyzes the consideration of differences in language systems and educational traditions of China in Russian as a foreign language textbook for the Chinese audience on the theme «Cases of nouns». It is concluded that the «Vostok» uses the traditional Chinese language teaching system, and attention is paid to the declension of Chinese proper names.

In «The way to Russia», exercises on repeated text repetition and phonetic exercises predominate; there are schemes for constructing sentences that allow analogies to be drawn in the systems of two languages.

Keywords: Russian as a foreign language textbook for the Chinese, nationally oriented textbooks, cases of nouns

Фадеева Софья Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

fadeeva-sofya@mail.ru

Антиномия конструктивных-деструктивных процессов в метафорической семантике префиксальных глагольных дериватов

Работа выполнена под руководством Юриной Е.А., доктора филологических наук,
профессора кафедры общего и русского языкознания

В статье приводятся результаты функционально-семантического анализа особой группы производных глаголов, выделившейся из общей типичной модели, по которой происходит метафоризация исходной семантики конструктивного или деструктивного процесса. У глаголов рассматриваемой группы в результате метафорического словообразования семантика конструктивного действия меняется на деструктивную. По результатам соединения производящей глагольной основы с префиксом были выделены три группы с общими закономерностями и отличительными чертами.

Ключевые слова: антиномия, когнитивная модель, метафоризация, фрейм, слот, глагольное словообразование.

Исследователями в области когнитивной лингвистики процесс метафоризации связывается с образованием новых представлений о мире на основе известных ранее, привычных явлений, подкрепленных концептуальной или эмоциональной реакцией. Необходимость человека выражать оценку результатов познания, категоризации и объяснения мира на основе аналогии стала причиной развития особого свойства языка – его образности. Ментальная способность к метафорическим сближениям сходных по каким-то признакам феноменов находит выражение в языке и затрагивает все слои языковой системы (прежде всего, морфемный, лексический, синтаксический), что доказывает сложную связь человеческого сознания и языковой структуры.

Согласно концептуальному подходу [3], на который в своей работе мы опираемся в большей степени, метафора является проекцией результата переосмысления окружающей действительности – концептуализации мира в пространстве языка. Из данной позиции главным компонентом в процессе метафоризации следует понимать обобщенный опыт индивидуального взаимодействия человека с жизненными реалиями, который состоит из множественных структур представления знания – фреймов. Для успешного зарождения метафоры также необходимо наличие двух элементов и одностороннего целенаправленного

метафорического переноса: сфера-источник должна наполнить сферу-мишень концептуально обработанной информацией. Результатом процесса метафоризации является менее очевидное, однако образно связанное с основным, второе значение слова.

К числу первичных категорий познания мира и попыток выражения человеком своего отношения к действительности относится *антиномичность*, или концептуальная оппозитивность, которая возникла в связи с философско-антропологическими поисками человека и основывалась на простейших когнитивных установках («хороший» – «плохой», «правильный» – «неправильный»). В процессе группировки явлений окружающего мира четко обозначились бинарные структуры – элементы, находящиеся в отношениях антиномии, а затем происходит процесс их метафоризации. Антиномическая пара «созидание» – «разрушение» относится к ряду основных бинарных ценностных оппозиций. Во внеязыковой действительности конструктивные и деструктивные действия сопровождают человека на всем пути его жизнедеятельности и развития мышления. Они закономерно стали основой для формирования смысловых связей между различными предметными и не предметными феноменами, что в языке выражается в виде метафорических переносов номинаций с прямым конструктивным или деструктивным значением для характеристики явлений ментальной, эмоциональной, социальной сфер жизни. В настоящее время наблюдается активное использование производных префиксальных глаголов с семантикой созидания и разрушения в разнообразных метафорических значениях, которые отражают различные аспекты символизации конструктивных и деструктивных процессов в образной системе русского языка.

Базовая установка в значении глаголов созидания и разрушения раскрывается, прежде всего, в связи с такими компонентными значениями акциональных глаголов, как 'результативность', 'целенаправленность' [1] и 'каузативность' [5]. Перечисленные аспекты глагольной семантики дают представление о фреймовой структуре значений глаголов рассматриваемых групп. Основываясь на том, что «каждый компонент исходной фреймовой структуры – как отдельный слот, так и пропозиция в целом, – оказывается задействован при метафорической характеристике различных ситуаций из других концептуальных областей» [7, с. 439], для групп глаголов конструктивных и деструктивных действий можно выделить основные слоты фреймовых моделей: субъект действия, субъект-посредник, состояние субъекта в момент действия, объект, состояние объекта в момент действия / материал, пространство и инструмент (средство), а также когнитивные модели переноса и соответствующие им пропозиции.

Наиболее типизированные глагольные значения созидания (*строить, возводить, клеить, шить, вязать*) и разрушения (*ломать, крушить, разбивать, рвать, рушить*) продуктивны в образовании переносных значений для номинации явлений из ключевых сфер общественной и частной жизни человека, межличностных отношений, области чувственного, эмоционального сознания и интеллектуальной деятельности. Глаголы со значением конструктивных процессов, выражающие направленные на объект действия субъекта, имеют общую категориальную сему «создавать» или «осуществлять построение целостного объекта». В процессе метафоризации знания и представления, соответствующие указанной семе, переносятся в концептуальную область сознания человека и приобретают вторичное образное значение в рамках конкретных пропозиций. Так, например, идея создания целостного с нуля отражается в пропозициях: 1) положить начало взаимоотношениям между людьми – *строить коммуникации с коллегами*; 2) сформировать витальную или утилитарную ценность – *строить семью, строить бизнес*; 3) организовать при помощи интеллектуальной деятельности – *строить вертикаль власти* и др. Аналогичным образом происходит процесс образования метафорического глагольного значения, основанного на архисеме «разрушать», «нарушать структурную целостность объекта на том или ином уровне» в ядре семантического поля деструктивности и некоторых дополнительных дифференциальных семах. В качестве примера можно привести некоторые модели пропозиций, выражающие идею разрушения по инициативе человека: 1) прекратить взаимоотношения между людьми – *рвать с ними отношения*; 2) изменить действительность путем радикальных действий – *человечество крушит основы колониализма*; 3) разрушить утилитарную ценность – *вы ломаете свою работу* и др.

Важно отметить, что в ходе анализа семантических и фреймовых структур, соотносимых с лексическим значением глаголов конструктивного и деструктивного действия, а также случаев их контекстных употреблений обособилась группа производных глаголов, в процессе словообразования которых семантика конструктивного действия изменилась на деструктивную. В процессе метафорического переосмысления представлений и знаний о деструктивных действиях актуализируются субфреймы, относящиеся к пропозициональным структурам, описывающим ситуации созидательной деятельности. Добиться описанного эффекта становится возможно благодаря механизмам словообразования.

В акте глагольного словообразования ключевую роль играет создание производных единиц от мотивирующих префиксальным или префиксально-суффиксальным способами. Глагольные префиксы синкретичны. Такая морфемная особенность отсылает к свойству

двойной референции производного знака. С языковой стороны это выражается в передаче категориального грамматического значения производящего слова и номинативной вторичностью. Обращенность к действительности соотносится с особым семантическим компонентом производной единицы – словообразовательным значением, характеризующим с разных сторон и дополняющим действие, названное мотивирующим глаголом. Таким образом, с когнитивной точки зрения в центре семантики производной единицы находится «сформированная в голове человека пропозициональная структура» [6, с. 408], объективизация которой происходит по правилам словообразовательных моделей, как «готовых форм представления знания о мире» [6, с. 407]. В ходе анализа производных глаголов были выделены три варианта соотношения исходной семантики производящего и результирующей семантики производной номинации:

1) результатом присоединения к производящему глаголу созидательной группы префикса с *деструктивным* значением становится мотивированная единица с *деструктивным* значением (*клеить – расклеиться* ‘потерять целостность’);

2) результатом присоединения к производящему глаголу созидательной группы префикса с *деструктивным* значением становится мотивированная единица с *конструктивным* значением (*вязать – развязать* ‘начать какую-либо деятельность’);

3) результатом присоединения к производящему глаголу созидательной группы префикса с *конструктивным* значением становится мотивированная единица с *деструктивным* значением (*вязать – завязать* ‘прекратить какую-либо деятельность’).

Среди единиц всех трех групп были выделены общие закономерности. Во-первых, для передачи образного деструктивного значения актуализируется один из субфреймов, слоты которого тесно связаны со слотами фреймовой структуры противоположного конструктивного значения. Так, для фрейма *развязать* и его субфрейма ‘субъект освобождает один объект от привязки к другому объекту’ (в метафорическом контексте *развяжет руки правоохранительным органам*) слот инструмента действия не заполнен, однако для передачи значения ‘дать свободу действия’ необходимо знание о том, каким инструментом совершался первичный процесс ограничения возможности действия, в данном контексте – положениями законодательства. Во-вторых, для большинства единиц оказался важен слот состояния субъекта, так как действия разрушительного характера требуют указание на мотивировку к наступлению действия. Например, фрейм *завязать* и субфрейм ‘субъект создает / восстанавливает объект путем соединения частей’ (в метафорическом контексте *завяжет со спортом, я лучше пить завяжу*) создает вторичное для глагола

образное значение ‘прекратить действие’, которое, в свою очередь, подкрепляется знанием о психологическом состоянии субъекта действия, способного на решительные перемены.

Отличительной чертой первой группы производных единиц стала способность к образованию метафорических проекций с ориентацией на самого субъекта. Постфикс «-ся» в глаголах *расклеиться*, *отвязаться*, *расстроиться* передает грамматическое значение возвратности и словообразовательное значение действия, имеющего своим объектом физическую личность самого субъекта. Средне-возвратное значение в фреймах *расклеиться* (‘потерять прежнюю форму, прийти в состояние упадка’) и *расстроиться* (‘приходить в плохое настроение, огорчаться’) реализуется при помощи слотов субъекта действия, равного объекту, и состояния субъекта, изменившегося в результате совершенного действия – *Мозг вырабатывает гормон неудовольствия, и человек расстраивается, как отсыревший рояль*. А для глагола *расклеиться* можно выделить две ситуации состояния субъекта: а) изначально целостный субъект-объект под воздействием внешних обстоятельств распадается на части и не может в полной мере функционировать (*ночью болит горло, а днем совсем расклеился*); б) изначально «склеенный» из частей субъект-объект теряет целостность (*давно это супружество начало расклеиваться*). Глагол *отвязаться* характеризуется, скорее, взаимно-возвратным значением, о чем говорит признак взаимодействия двух или нескольких лиц (*так просто девица не отвяжется*).

Стоит отметить также, что один фрейм может образовывать два антиномичных глагольных значения при присоединении к производящей основе созидательной группы префикса с созидательным значением. Так, фрейм *завязать* реализуется двумя субфреймами, каждый из которых участвует в метафорическом переносе определенного представления. Субфрейм 1 – ‘субъект соединяет между собой два или более объекта’ – актуализируется в образном деструктивном значении ‘прекратить осуществление деятельности’ в контекстах, отражающих ментальные операции оценки ситуации и принятия решения (*Со следующего вторника непременно завяжу*). Субфрейм 2 – ‘субъект создает/восстанавливает объект путем соединения частей’ – наоборот, связан с образованием конструктивного значения ‘начать осуществление деятельности’ (*Ты завяжешь оборонительный бой*).

Таким образом, рассмотрение производной глагольной единицы с точки зрения ее двойной референции позволяет говорить о продуктивных возможностях выражения нового знания о мире на базе уже имеющихся представлений. Словесный знак вторичной номинации на уровне языка становится результатом выражения метафорических аналогий на когнитивном уровне. Так, префиксальный глагольный дериват может стать носителем антиномичного значения и отражать концептуально оппозитивные структуры знания в

результате присоединения к производящему глаголу созидательной группы префикса с деструктивным или конструктивным значением.

Литература

1. Гак В. Г. Номинация действия // Логический анализ языка. Модели действия. – Вып. 5. – Москва : Наука, 1992. – С. 77-81.
2. Гак В. Г. Проблемы структурной лингвистики. – Москва : 1973. – С. 358.
3. Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с.
4. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. – Вып. 5. – Москва : Наука, 1992. – С. 84–96.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.12.2023)
7. Юрина Е.А. Концептуальная метафора поглощения жидкости в пищевом коде русской лингвокультуры // Русистика. – Москва, 2018. – №4. – С. 428-450.

Fadeeva S.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Antinomy of constructive-destructive processes in the semantics of verb metaphors

The paper provides a descriptive analysis of a linguistic phenomenon that has separated from the general paradigm of the formation of cognitive models - a group of derived verbs, whose word-formation process changed the semantics of constructive action to destructive. It raises the question of the formation of metaphorical meanings of the destructive process on the basis of lexical units with the primary meaning of constructive action. According to the results of the verb word-formation act, three groups with common regularities and distinctive features are singled out.

Keywords: antinomy, cognitive model, metaphorisation, frame, slot, verb word formation.

Фам Тхи Иен Ми

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

uyenmei2001@gmail.com

Ономастический компонент идиостиля творчества А.С. Пушкина как лингводидактическая проблема

Работа выполнена под руководством Мамонтова Александра Степановича, профессора,
доктора филологических наук

Подход, сосредоточенный на ономастике и идиостильях творчества Пушкина, не только обогащает наше понимание его произведений, но и позволяет увидеть, как язык и культура взаимодействуют в литературе. Это исследование отражает важность анализа имен и их значений для более глубокого восприятия художественных текстов и укоренения их в культурном и историческом контексте. Исследование данной проблемы поможет расширить знания о языковом творчестве Пушкина, а также предложить новые методы и подходы в обучении языкам на основе его ономастического компонента.

Ключевые слова: ономастический компонент, идиостиль, творчество А.С. Пушкина, лингводидактическая проблема, роль ономастики

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) – великий русский поэт, прозаик и драматург, считающийся основателем современного русского литературного языка. Его жизнь была короткой, но яркой и насыщенной событиями. Родился в Москве в семье знатного дворянина.

Пушкин активно участвовал в общественной жизни того времени и взаимодействовал с многими известными литераторами и деятелями искусства. Его кругозор был невероятно широким, что отразилось в его богатом языке и интеллектуальном наследии.

1. Творчество А.С. Пушкина:

Пушкин оказал огромное влияние на русскую литературу и культуру в целом. Его произведения, как стихи, так и проза, отличаются высоким мастерством языка, глубоким содержанием и острым социальным взглядом.

2. Ключевые произведения:

«Евгений Онегин» – роман в стихах, который стал классикой русской литературы.

«Полтава» – поэма о Петре I.

«Медный всадник» – повесть о реформаторе и строителе Петербурга, Екатерине II.

«Капитанская дочка» – повесть о подвигах казаков в XVIII веке.

Пушкин также писал много стихов, сказок и рассказов, оставив богатое наследие, которое продолжает вдохновлять поколения читателей и литераторов. Его творчество известно своей глубиной, красотой и универсальностью, что делает его одним из наиболее выдающихся литераторов в истории мировой литературы.

Александр Сергеевич Пушкин активно использовал ономастику в своих произведениях, включая имена собственные и другие ономастические элементы, для

создания глубокого символического и эстетического содержания. Ономастика играла важную роль в формировании образов, атмосферы и содержания произведений поэта. Вот некоторые аспекты использования ономастического компонента в творчестве Пушкина:

Символика имен персонажей: Пушкин тщательно подбирал имена для своих героев, давая им имена, которые отражали их характеры, судьбы и роль в произведении. Имена, такие как «Евгений Онегин», «Татьяна Ларина», «Владимир Ленский», несут в себе символическую нагрузку и помогают читателю понять глубину образов.

Ономастика мест действия: названия географических точек, улиц, поместий, деревень и замков также имеют важное значение в творчестве Пушкина. Они создают аутентичную атмосферу произведений и помогают читателю глубже погрузиться в мир, созданный поэтом.

Культурные и исторические отсылки: некоторые ономастические элементы в произведениях Пушкина отсылают к истории, литературе и культуре. Например, названия домов, улиц и памятников могут вызывать ассоциации с историческими событиями или литературными произведениями, обогащая текст дополнительными слоями смысла.

Языковая текстура: использование ономастических элементов способствует созданию языковой текстуры произведений Пушкина. Коверкание имен или игра слов на основе ономастических элементов придают тексту дополнительную экспрессию и стилистическое богатство.

Ономастический компонент в творчестве Пушкина не только обогащает его произведения символикой и глубиной, но и делает их многогранными для анализа и интерпретации, открывая перед читателем новые уровни понимания и восприятия текстов поэта.

Понятие ономастики связано с исследованием имен, к которым относятся различные названия, как собственные, так и общие. В литературе ономастика занимается изучением имен и их роли в художественных текстах. В творчестве Пушкина ономастический компонент играет важную роль в создании образов и атмосферы его произведений.

Ономастический компонент в творчестве Пушкина отличается тщательным подбором имен и названий, умением вложить в них глубокий символический и эмоциональный смысл. Этот компонент помогает создать не только образы, но и слои смысла в текстах поэта, делая их более исключительными и многогранными для анализа и интерпретации.

Имена собственные: Пушкин мерски использовал имена собственные для создания образов своих персонажей. Нередко имена выступают не только как идентификаторы персонажей, но и как символические отражения их характеров и судеб. Например, имя «Евгений Онегин»

стало в своем роде архетипом уединенного, стойкого и одинокого героя. Имена таких персонажей, как «Гатьяна Ларина», «Владимир Ленский» и «Ольга Ларина», также отражают их образы и судьбы.

Другие ономастические элементы: Пушкин активно использовал ономастические элементы, такие как названия местности, рек, деревень и улиц, для создания атмосферы своих произведений. Названия мест действия, такие как «Онегин», «Мошкин», «Петербург», «Москва», «Кавказ», имеют своеобразную символическую загадку и могут отражать ключевые мотивы произведений.

Этими же элементами автор активно воспользовался в своих романах и стихах для создания эмоциональной и культурной текстуры. Имя места действия, такое как «Медные всадники» или «Царское село», уже содержит в себе определенные ассоциации и отсылки, расширяя культурный и эмоциональный контекст произведений.

Символический анализ: использование имен собственных и других ономастических элементов в произведениях Пушкина имеет глубокий символический смысл. Оно не только обогащает тексты художественными образами, но и расширяет их смысловое содержание, придавая произведениям дополнительные слои значения. Создание таких образов делает произведения поэта более многогранными и обогащает их эстетическое воздействие на читателя.

Расширение словарного запаса: изучение ономастики, такой как имена собственные и географические названия, помогает студентам иностранного языка расширить свой словарный запас. Знакомство с различными именами и терминами способствует углублению языковых знаний.

Понимание культурного контекста: ономастика связана с культурными и историческими особенностями страны, язык которой изучается. Изучение ономастических элементов помогает студентам лучше понять культурный и исторический контекст иноязычной страны.

Развитие навыков анализа и синтеза: изучение ономастики способствует развитию аналитических и синтетических навыков студентов. Анализ имен и названий требует способности к обобщению, сравнению и классификации информации.

Использование в коммуникативных ситуациях: знание ономастики может быть полезно в понимании текстов, общении с носителями языка, а также использовании правильных имен и названий в различных коммуникативных ситуациях.

Изучение ономастики играет важную роль в обучении иностранным языкам, поскольку помогает студентам не только углубить свои знания языка, но и лучше понять

культурный и исторический контекст изучаемого языка, что способствует более качественному владению языком и развитию межкультурной компетенции.

Важность изучения ономастического компонента идиостиля Пушкина в лингводидактике

1. Культурный контекст: изучение ономастического компонента идиостиля Пушкина позволяет студентам углубить свои знания о русской культуре, истории, географии, биографии писателя и социальных аспектах эпохи, что важно для обогащения культурного опыта обучающихся.

2. Эмоциональная и эстетическая составляющая: изучение ономастического компонента помогает раскрыть эмоциональную и эстетическую составляющую текстов Пушкина, что стимулирует интерес к изучаемому материалу и способствует формированию эмоционально-ценностного отношения к русской литературе.

3. Лингвистические навыки: анализ ономастического компонента позволяет развить у студентов лингвистическую компетенцию, включая навыки анализа текстов, культурной интерпретации и понимания лингвистических особенностей.

4. Формирование языковой компетенции: изучение ономастического компонента идиостиля Пушкина способствует формированию языковой компетенции студентов, так как оно помогает понять особенности употребления имен собственных в русском языке и их роль в создании эффективного коммуникативного контекста.

5. Развитие критического мышления: анализ ономастического компонента позволяет студентам развивать критическое мышление, способность к анализу текстов и обоснованной интерпретации культурных и лингвистических феноменов. Изучение ономастического компонента идиостиля Пушкина в лингводидактике играет ценную роль в формировании комплексной языковой и культурной компетенции у студентов и способствует более глубокому пониманию русской литературы, языка и культуры.

Перспективы для будущих исследований в данной области

1. Ономастика в контексте социокультурных изменений: исследование ономастики в текстах Пушкина с учетом социокультурных изменений эпохи, а также ее влияния на формирование и изменение элементов идиостиля.

2. Кросс-культурный анализ ономастики Пушкина: сравнительное исследование ономастических элементов в текстах Пушкина с элементами других культур, чтобы выявить особенности употребления ономастических единиц в различных литературных традициях.

3. Когнитивный анализ ономастики Пушкина: исследование когнитивных процессов, связанных с восприятием и интерпретацией ономастических элементов в текстах Пушкина.

4. Педагогические аспекты использования ономастики в обучении: разработка методик обучения использованию ономастических элементов в преподавании русского языка как иностранного, а также построение уроков с учетом ономастического компонента произведений Пушкина.

5. Лингвокультурологический анализ ономастики Пушкина: исследование взаимосвязи ономастики текстов Пушкина с особенностями русской культуры, традиций и менталитета, а также их влияние на формирование идиостиля автора.

Исследования в данных направлениях позволят более глубоко понять роль ономастики в произведениях Пушкина, ее влияние на формирование текстов и восприятие читателями, а также разработать новые методики использования ономастического компонента в образовательных и культурных целях.

«Ономастический компонент идиостиля творчества А.С. Пушкина как лингводидактическая проблема» подчеркивает значимость изучения ономастических компонентов в произведениях А.С. Пушкина с точки зрения языкового обучения. Анализ употребления и значения имен собственных в его произведениях демонстрирует глубину контекстуальной и культурной информации, которую можно извлечь из таких компонентов. Это может быть важным элементом для развития языковых навыков студентов, а также формирования их лингвистической и культурной компетенции. Данное исследование открывает новые возможности для использования литературных текстов в языковом обучении и подчеркивает важность изучения ономастики в рамках лингводидактики.

Pham Thi Yen Mi

Pushkin State Russian Language Institute

The onomastic component of the idiostyle of A.S. Pushkin as a linguodidactic problem

An approach that focuses on the onomastics and idiostyles of Pushkin's work not only enriches our understanding of his works, but also allows us to see how language and culture interact in literature. This study reflects the importance of analyzing names and their meanings to better understand literary texts and ground them in cultural and historical context.

Key words: onomastic component, idiostyle, creativity of A.S. Pushkin, linguodidactic problem, the role of onomastics

Фам Тхи Хонг Ви

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

hongvy14810@gmail.com

Методика работы во вьетнамской аудитории над устойчивыми национальными словесными образами (УНСО) в языке А.С. Пушкина

Работа выполнена под руководством Мамонтова Александра Степановича, доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

Во Вьетнаме произведения Александра Сергеевича Пушкина пользуются особой популярностью. Существует даже пословица на вьетнамском: «Вы можете мало знать о литературе и поэзии, вы можете мало знать о России, но одного человека вы наверняка знаете, Александра Сергеевича Пушкина». Одним из ключевых аспектов изучения творчества Пушкина во вьетнамской аудитории является работа над устойчивыми национальными словесными образами (УНСО) в его произведениях. Устойчивые национальные словесные образы – это конструкции, которые сохраняют свое значение независимо от контекста и используются для передачи культурных и национальных особенностей.

Ключевые слова: Александр Сергеевич Пушкин, интеллектуалы, поэты, патриотизм, речевой образ

Исследования устойчивых национальных словесных образов во вьетнамской аудитории имеют давнюю и интересную историю. Вьетнамская культура богата традициями, искусством и народными обычаями, которые отражаются в их национальных словесных образах. По этой причине многие исследователи, желающие понять культуру страны, проводят исследования через язык. С конца XIX века и по настоящее время изучение устойчивых национальных словесных образов во Вьетнаме является регулярной работой лингвистов, этнологов, востоковедов, вьетнамоведов, антропологов. Институт лингвистики, Институт этнологии, Институт социальных наук в Хошимине, – все они проводят исследования устойчивых национальных словесных образов во Вьетнаме и Индокитае, включая междисциплинарные работы, которые исследуют культурное содержание языка и изучают культуру через язык. Исследователи во Вьетнаме сосредоточены на изучении устойчивых словесных образов нации в контексте вьетнамских сказок и народных легенд. Они выявляют общие черты этих изображений, а также их значение и функцию во вьетнамской культуре.

В 1978 и 1984 годах были опубликованы соответственно два исследовательских проекта: “Các dân tộc ít người ở Việt Nam (các tỉnh phía bắc)”, “Các dân tộc ít người ở Việt Nam (các tỉnh phía nam)” Института этнологии. В рамках этих двух исследовательских проектов ряд этнологов сосредоточили свое внимание на сборе и использовании информации, связанной с культурой и историей, скрытой в языках, при этом продолжая применять междисциплинарный подход к этнолингвистике в некоторых случаях этнографами при изучении проблем, требующих междисциплинарных знаний и методов. Можно упомянуть

некоторые исследовательские проекты: Данг Нгием Ван: “Tên gọi các tộc người ở Việt Nam – một phản ánh xã hội”(Những vấn đề ngôn ngữ học về các ngôn ngữ phương Đông, 1986). Что касается лингвистов, то начиная с 1970-х годов Фам Дыкзыонг избрал междисциплинарный подход к исследованию языковых, культурных и исторических проблем вьетнамских и восточных этнических групп Южная Азия, показанная в исследовательских работах: " *Văn hóa Việt Nam trong bối cảnh Đông Nam Á (2000)*" ; " *Bức tranh ngôn ngữ - văn hóa tộc người ở Việt Nam và Đông Nam Á (2007)*"; а также множество научных статей о группах «Вьет-Мыонг», «Мео-Дао».

В последние десятилетия исследования устойчивых национальных словесных образов в вьетнамской аудитории стали более многоаспектными и интердисциплинарными. Исследователи из различных областей, таких как филология, социология и психология, сотрудничают для изучения этих образов с разных точек зрения. Современные исследования устойчивых национальных словесных образов во вьетнамской аудитории раскрывают новые аспекты их значения и функции в современном обществе. Они также помогают сохранить и преумножить вьетнамскую культуру и наследие для будущих поколений.

Творчество Александра Сергеевича Пушкина оказало значительное влияние на вьетнамскую литературу, особенно в период с конца XIX до середины XX века. В конце 19 века вьетнамские интеллектуалы, такие как Фан Бой Чау, были вдохновлены идеями свободы и патриотизма, выраженными в произведениях Пушкина. В первой половине XX века произведения Пушкина продолжали вдохновлять вьетнамских писателей – он стал новым источником вдохновения для людей, любящих литературу. Такие поэты, как Нгуен Конг Хоан и Те Хань, использовали темы и стиль Пушкина в своих произведениях.

Когда Вьетнам получил независимость, влияние Пушкина становилось все более широким. Современные вьетнамские писатели, такие как Нгуен Динь Тхи и Дуонг Хай Хунг, признают влияние Пушкина на их творчество. Произведения Пушкина продолжают переводить на вьетнамский язык и изучать в вузах и университетах. Наиболее заметно влияние произведений Пушкина на вьетнамскую литературу в следующих аспектах: романтизм, реализм, язык и стиль, тематика. Наследие Пушкина продолжает существовать во вьетнамской литературной традиции и по сей день.

Устойчивый национальный словесный образ – это совокупность слов, выражений, фраз, афоризмов и других лингвистических оборотов, которые характерны для определенной национальной культуры или языка и широко используются в повседневной речи людей этой нации. Эти образы могут быть связаны с историей, культурой, традициями, символами или особыми чертами нации, и часто служат для передачи определенных понятий, идей или

настроений. Устойчивые национальные словесные образы помогают людям лучше понимать и выразить свою национальность и уникальность своей культуры через язык.

1. Принципы:

Межкультурный подход: исследование должно учитывать культурные различия между Россией и Вьетнамом и их влияние на восприятие словесных образов.

Лингвистический подход: исследования должны быть сосредоточены на лингвистических характеристиках речевых образцов, таких как их значение, структура и использование в ситуациях.

Исторический подход: необходимо учитывать исторический контекст, в котором создавались и использовались словесные образы Пушкина для внушения любви к Родине и либерализму.

2. Подходы:

А) Анализ текстов

– Анализ произведений Пушкина для выявления стойких национальных словесных образов.

– Сравнение этих образов с аналогичными образами во вьетнамской литературе.

– Исследование того, как эти образы используются для выражения национальной идентичности и культурных ценностей.

Б) Культурный анализ

– Исследование культурного контекста, в котором создавались и использовались словесные образы Пушкина.

– Сравнение этого контекста с культурным контекстом Вьетнама.

В) Этнолингвистический анализ

– Исследование того, как устойчивые национальные словесные образы отражают этнические и языковые особенности русского и вьетнамского народов.

– Анализ того, как эти образы используются для выражения национального характера и мировоззрения.

Исследование имеет следующую актуальность для вьетнамской аудитории:

– Углубление понимания вьетнамской аудиторией российской культуры и истории, произведений Пушкина и их культурного контекста, содействие развитию культурного обмена и взаимопонимания между двумя странами.

Для работы с устойчивыми вербальными образами во вьетнамской аудитории рекомендуются следующие приемы:

1. Введение устойчивых словесных образов: занятие можно начать с введения нового устойчивого словесного образа и объяснения его значения, происхождения и контекста употребления.

2. Понимание устойчивых словесных образов: чтобы помочь учащимся лучше понять устойчивые словесные образы, предлагается проводить множество упражнений на развитие навыков аудирования и чтения. Например, задача определения значения контекстуально устойчивого речевого образа или выбора правильного устойчивого речевого образа из предложенных вариантов.

3. Воспроизведение устойчивых словесных образов: после того как учащиеся поймут значение устойчивых речевых образов, предлагается провести упражнения с их использованием. Это могут быть задания на написание предложений, в которых используются устойчивые речевые образы, ролевые игры или задания на написание текста, где эти изображения необходимо использовать.

Рассмотрим основные образы и символы в произведениях А.С. Пушкина. В творчестве Пушкина береза: символ русской природы, чистоты, невинности и женственности. У вьетнамской аудитории береза ассоциируется с образом бамбука, который также является символом национальной идентичности и стойкости. У Пушкина тройка – это символ русской удали, свободы и широких просторов. Во вьетнамской культуре она может ассоциироваться с образом рикши, который также является символом национального транспорта и культуры. Снег в творчестве Пушкина – это символ чистоты, обновления и русской зимы. У вьетнамской аудитории может ассоциироваться с образом дождя, который приносит плодородие и процветание. Балалайка в произведениях Пушкина – это символ русской народной музыки и культуры. Во вьетнамской культуре может ассоциироваться с образом «дана ты ни» – традиционного вьетнамского струнного инструмента.

Вьетнамская аудитория может интерпретировать эти национальные словесные образы по-разному, в зависимости от собственного культурного опыта и ассоциаций. Однако эти образы могут служить мостом между двумя культурами, помогая вьетнамским читателям лучше понять русскую культуру и литературу. Кроме того, переводчики могут использовать эти образы как культурные ориентиры, чтобы передать смысл произведений Пушкина вьетнамской аудитории.

Можно сказать, что методика работы с вьетнамской аудиторией над устойчивыми национальными речевыми образами в языке А.С. Пушкин играет важную роль в сохранении и популяризации культурного наследия и национальной самобытности. Использование этого метода позволяет учесть особенности вьетнамской культуры и языка, а также является

условием более глубокого и полного понимания творчества А.С. Пушкин среди вьетнамских читателей. Это способствует развитию культурного обмена и укреплению дружеских отношений между Вьетнамом и Россией через литературу.

Литература

1. Григорьева М.А. Функционирование устойчивых словесных образов в стихотворении А.С. Пушкина "Зимнее утро". – Санкт-Петербург : Вестник СПбГУ, 2007.
2. Фролова О.В. Устойчивые словесные образы в стихах А.С. Пушкина. – Москва : Вестник РГГУ, 2012.
3. Лапидус И.А. Методы исследования устойчивых словесных образов в текстах русской литературы. – Москва : Наука, 2002.

Pham Thi Hong Vy

Pushkin State Institute of Russian Language

Methodology for working with a Vietnamese audience on stable national verbal images (UNSO) in the language of A.S. Pushkin

In Vietnam, the works of Alexander Sergeevich Pushkin are especially popular. There is even a saying in Vietnamese: "You may know little about literature and poetry, you may know little about Russia, but you probably know one person, Alexander Sergeevich Pushkin." One of the key aspects of studying Pushkin's work in a Vietnamese audience is working on stable national verbal images (UNSO) in his works. Stable national verbal images are constructions that retain their meaning regardless of the context and are used to convey cultural and national characteristics.

Keywords: Alexander Sergeevich Pushkin, intellectuals, poets, patriotism, speech image.

Фан Цзюньюй

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

fang.irina@yandex.ru

Актуальность литературы А.С. Пушкина для межкультурной коммуникации

Работа выполнена под руководством Рублевой Е.В, кандидата филологических наук, доцента кафедры МПРКИ, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Александр Сергеевич Пушкин – одна из самых значительных фигур в истории русской литературы, чьи произведения оказали глубокое влияние на русскую литературу и культуру, заложили основы современной русской литературы, сделав выдающийся вклад в процветание и развитие русской литературы. Его стихи и прозы подчеркивали уникальность русского народа и оказали глубокое влияние на западную литературу и мысль. Цель данной статьи – изучение тесной взаимосвязи между литературой Пушкина и межкультурной коммуникацией.

Ключевые слова: литературы, А.С. Пушкин, межкультурная коммуникация, Лу Сюнь

Межкультурная коммуникация – это процесс взаимодействия, который выходит за рамки культур разных народов и стран и охватывает широкий спектр областей. Ее влияние проникает на все аспекты общественной жизни, она существовала на протяжении всей истории человечества и продолжается в настоящее время. Этот вид коммуникации – не только обмен отдельными культурными элементами, но и комплексный процесс взаимного обучения, понимания и сотрудничества в мультикультурном контексте.

В процессе межкультурной коммуникации люди приносят различные культуры друг друга в жизнь благодаря взаимодействию в области языка, искусства, литературы, ценностей и других аспектов. Такие коммуникации помогают сломать культурные барьеры, способствуют общению между разными народами и вносят важный вклад в разнообразие и процветание мировых культур.

Межкультурная коммуникация воплощается не только в диалоге между разными народами и странами, но и в диалоге между различными художественными дисциплинами. Этот многоуровневый диалог не только обогащает понятие культуры, но и оказывает глубокое влияние на развитие литературы и искусства. В области литературы коммуникация между различными культурами способствовала расцвету литературных произведений. Если рассмотреть Россию в качестве примера, то, читая произведения русских писателей, можно глубже понять историю, ценности и социальный ландшафт, заложенные в русской литературе. Эти литературные произведения – не только запись жизни местных жителей, но и культурное наследие, передававшееся из поколения в поколение, и через эти средства люди могут получить представление о русской культуре. Эта литературная коммуникация не только расширяет наш кругозор, но и служит средством межкультурного взаимопонимания и обмена.

Статус Пушкина в русской литературе чрезвычайно важен и уникален. Он считается национальным поэтом России, в произведениях которого глубоко выражены чувства, история и культура русского народа. Среди его произведений – поэмы «Ода вольности», «К морю», «К Чаадаеву», «Я помню чудное мгновенье», «Руслан и Людмила», «Медный витязь» и др. Поэтический роман «Евгений Онегин», повесть «Пиковая дама», роман «Капитанская дочка» и другие, которые по праву считаются вершиной русской литературы и оказали глубокое влияние на ее развитие.

Пушкин считается одной из ведущих фигур русского романтизма, его произведения, переводя и распространяя, познакомили западных читателей с идеями романтизма в русской литературе. Будущий создатель эпоса «Калевала» Элиас Лённрот (Elias Lönnrot, 1802-1884)

переписывал на языке оригинала стихи Пушкина «Черная шаль» и «Утопленник»: «В пушкинской поэзии внимание финнов долгое время приковывали те её стороны, которые прямо или косвенно могли быть согласованы с романтическими веяниями, как они воспринимались в Финляндии» [4, с. 275]. Стихи и проза Пушкина вызвали широкий резонанс на Западе и оказали значительное влияние на европейский романтизм того времени. Его стихи полны восхищения природой, любовью и историей, и через них он выражает свое стремление к внутреннему миру и поиску смысла жизни. Эта тема была созвучна заботам европейского романтизма того времени о внутреннем мире и стремлении к духовности, и поэтому оказала определенное влияние на романтическую литературу того времени, вдохновив многих читателей на размышления и поиски смысла жизни и литературы.

Художественное произведение – это глубокое исследование родного языка писателя и тщательная проработка его выразительных способностей. В процессе создания произведения писатели углубляются в различные возможности языка, продолжают исследовать и интегрируют в свои произведения собственную культуру, историю и ценности, чтобы представить богатые и яркие сюжетные линии и глубоких персонажей, чтобы произведения обладали уникальными культурными характеристиками и глубоким подтекстом. Эти работы – не только отображение языка, но и представление культуры. Например, поэтический роман «Евгений Онегин» в середине XIX века называли „энциклопедией русской жизни“. Это произведение привлекло внимание многих западных читателей своей глубокой характеристикой и трогательными эмоциональными описаниями. Герой поэмы Евгений Онегин – молодой человек, борющийся с любовью и судьбой. Его образ перекликается с героическими образами эпохи европейского романтизма и находит отклик у западных читателей. Исследование свободы, любви и человечности, воплощенное в поэме, соответствовало основным ценностям европейского романтического движения и оказало влияние на развитие западной литературы того времени. Произведение не только отражает размышления Пушкина о свободе, любви и человеческой природе, но и затрагивает стремление западного читателя к жизни и идеалам. В своих произведениях Пушкин всесторонне описывал русскую жизнь и культуру. В произведениях Пушкина присутствуют элементы русских литературных традиций, народных сказок и западной литературы. Его произведения включают в себя элементы разных культур, создавая уникальную литературную сеть, которая способствует межкультурной коммуникации между русской и другими литературами, передавая читателям суть и эмоциональный отклик разных культур, а также формируя более толерантный и плюралистичный взгляд на мир. «Имеющийся опыт преподавания русского языка как иностранного убеждает в том, что русская народная

традиция вызывает неподдельный интерес у иностранной аудитории, так как включает в себя важные элементы русской культуры» [6, с. 298].

«Знакомство с произведениями великих русских поэтов и писателей позволяет приобщить студентов не только к лучшим образцам русского искусства, но и способствует расширению концептуальных знаний учащихся» [7, с. 187]. Литературные произведения Пушкина содержат богатый словарный запас и различные уровни текстового изложения – от простого диалога до сложного описания и лирики. Интеграция литературы Пушкина в преподавание русского языка как иностранного (РКИ) – это инновационный и исследовательский подход к литературной форме, который помогает улучшить знания русского языка у иностранных студентов и в то же время обеспечивает глубокое понимание русской культуры. Можно достичь с помощью следующих конкретных методов обучения:

Во-первых, на уровне изучения языка: используя языковые элементы произведений Пушкина, мы разрабатываем задания для изучения языка, включая списки лексики, грамматический анализ и лексические упражнения. С помощью групповых дискуссий и других видов деятельности мы способствуем развитию устной речи и восприятия на слух.

Во-вторых, на уровне литературного анализа: провести литературный анализ и обсудить элементы темы, стиля и характеров в произведениях Пушкина. Студенты участвуют в дискуссиях, при чтении и анализе текстовой структуры, иностранные студенты могут выучить больше лексики и улучшить свои навыки понимания прочитанного.

В-третьих, на уровне интеграции культуры: включение элементов русской культуры, таких как социальный фон пушкинского времени и жизнь русских аристократов, с целью углубления понимания учащимися русской культуры.

В-четвертых, на уровне письменных заданий: побуждение учащихся написать статьи или рецензии о произведениях Пушкина на русском языке с целью развития навыков письма.

Интеграция русской литературы в преподавание русского языка как иностранного (РКИ) является для иностранцев средством понимания картины русскоязычного мира, более глубокого осознания российских традиций, ценностей и исторических событий, а значит, и более глубокого понимания культурных смыслов языка.

Произведения Пушкина можно использовать не только как материал для обучения, но и как переводы на языки, языковая структура которых сильно отличается от русского. «6 июня 2017 г. в Российской государственной библиотеке (РГБ) проходил круглый стол «Пушкин на всех языках», собравший филологов, литературоведов, поэтов, общественных деятелей из многих стран» [3, С. 111]. Переводчики разных стран могут вносить свои

особенности и интерпретировать произведения Пушкина в соответствии с культурными особенностями и литературными традициями страны, где они написаны. Это может привести к появлению новых интерпретаций и пониманий произведений Пушкина. Таким образом, переводы разных стран играют важную роль в распространении произведений Пушкина, позволяя людям из разных стран наслаждаться его поэзией, чувствовать его мысли и эмоции. Его произведения способствовали международному распространению русской литературы и содействовали культурному взаимодействию между странами.

Если Пушкин – важная фигура в истории русской литературы, то, когда речь идёт о современной китайской литературе, Лу Сюнь – определённо важная фигура, которую нельзя игнорировать. «О сильном влиянии русской литературы и культуры говорит как способ, так и печальный, суровый и страстный тон его рассказов», – отмечает китайский литературовед Ван Дань [2, с. 93]. Лу Сюнь упомянул Байрона, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других в статье «О силе демонической поэзии», в котором он подробно рассмотрел вклад Пушкина в русскую литературу и культуру, а также его влияние на китайскую литературу. Лу Сюнь подчеркнул, что Пушкин настаивал на свободе, равенстве и гуманизме, а также критически относился к российской социальной действительности. По мнению Лу Сюня, эти темы и чувства были полностью выражены в произведениях Пушкина и оказали положительное влияние на социальные и культурные изменения в России того времени, а также на реализм китайской литературы и Новое литературное движение, которое вдохновило многих китайских писателей на поиск и новаторство литературных форм и тем, а также способствовало развитию и прогрессу китайской литературы. «Статья „О силе демонической поэзии“ сыграла огромную роль в истории китайской культуры, в частности, в процессе распространения иностранной литературы, особенно русской. Статья заложила основу для распространения произведений Пушкина в Китае» [5, с. 156]. Пушкин был одним из родоначальников романтизма в русской литературе, и его произведения отражают сильное стремление к свободе и независимости, а также богатые образы русской земли, природных пейзажей и смены времен года. Несмотря на то, что Пушкин и Лу Сюнь жили в совершенно разных культурно-исторических условиях, они выразили свои идеалы, любовь и стремление к социальным переменам в своих литературных произведениях.

Международная коммуникация – важное средство связи для каждой страны. Коммуникация пронизывает всю нашу жизнь и является условием и ключом к взаимопониманию. Взаимодействие культур и их коммуникации – это наиболее благоприятная основа для развития отношений между народами и странами. Влияние литературы Пушкина не ограничивается Россией, но и распространяется на литературу

других стран. Его произведения – это не только литературное величие, но и символ русской культуры.

В.Г. Белинский писал: «Только с Пушкина начинается русская литература, ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни. Это уже не знакомство России с Европой, но Европы с Россией» [1, с. 504]. В эпоху глобализации литература Пушкина также стала мощным инструментом российской «мягкой силы». Продвигая литературу Пушкина, Россия смогла установить более тесные культурные связи с другими странами и содействовать обмену и сотрудничеству. Таким образом, актуальность пушкинской литературы для межкультурных коммуникаций имеет далеко идущие последствия. И этот процесс поможет построить более инклюзивное и гармоничное глобальное общество.

Литература

1. Белинский В.Г. Соч.: в 3-х т. – Москва, 1948. – Т. 3. – С. 504.
2. Ван Дань. Чехов и Лу Синь: историко-генетические и типологические аспекты: дисс. ... канд. филол. наук / МПГУ имени В.И. Ленина. – Москва, 1996. – 152 с.
3. Дорофеева Е.А. А.С. Пушкин в литературе северной Европы. К 220-летию со дня рождения поэта: Пушкин в мировой литературе // Альманах североевропейских и балтийских исследований / *Nordic and Baltic Studies Review*. – 2019. – Issue 4. – С. 111.
4. Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия: 1800-1850. – Таллин, 1962. – С. 275-276.
5. Лю Янькунь, Кондаков Б.В. Лу Синь как пропагандист русской литературы и интерпретатор творчества А.С. Пушкина. // *Филология в XXI веке*. – 2018. – С. 156.
6. Мирзоева В.М., Кузнецова А.А., Иванов А.Г. Возможности анализа художественного текста в аспекте обучения русскому языку как иностранному (на материале произведений А.С. Пушкина) // *Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся – сборник материалов IV Международной научно-методической конференции*. – 2016. – С. 298.
7. Стрельчук Е.Н. Формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей в вузах РФ: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. – Москва, 2016. – 357 с.

Fang Chunyu

Pushkin State Russian Language Institute

Relevance of Pushkin's literature for intercultural communication

Alexander Sergeyevich Pushkin is one of the most significant figures in the history of Russian literature, whose works have had a profound influence on Russian literature and culture, and laid the foundations of modern Russian literature, making an outstanding contribution to the prosperity and development of Russian literature. His poems and prose

emphasized the uniqueness of the Russian people and had a profound influence on Western literature and thought. The purpose of this paper is to explore the close relationship between Pushkin's literature and intercultural communication.

Keywords: Literatures, A.S.Pushkin, intercultural communication, Lu Xun

Фанова Ирина Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

fanova.raven@mail.ru

Перитекст компьютерных игр: особенности и структура

Работа выполнена под руководством Востриковой Ольги Владимировны, кандидата филологических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин

В статье обозначены основания для разграничения перитекстовой и повествовательной частей компьютерной игры. Выделены жанровые, структурные, функциональные и семантические особенности перитекста компьютерных игр. Определено, что жанр влияет на степень представленности отдельных элементов перитекста в игре.

Ключевые слова: жанр, компьютерная игра, паратекст, перитекст.

Текстовая составляющая компьютерных игр растёт и усложняется с каждым днём. Соответственно, перитекст в них также меняется и развивается, чтобы соответствовать сложившимся тенденциям и авторскому замыслу, а потому нуждается в исследовании.

Термин «перитекст» был введён в науку в 1987 г. французским литературоведом Ж. Женеттом. В своём труде «Seuils» учёный предложил следующий понятийный аппарат. Паратекст – это любой контекст вокруг произведения, состоящий из гетерогенной группы практик и дискурсов, относящихся к различным типам и периодам. Это те элементы художественного произведения, которые принадлежат к нему только частично, но вместе с тем составляют с ним единое целое. Эпитекст – это те элементы паратекста, которые находятся «вне книги», но сопровождают её. Перитекст – это те элементы паратекста, которые находятся непосредственно «в книге» [2; 3; 6].

Проверка компьютерной игры на соответствие критериям текстуальности, как классическим, так и альтернативным, показывает, что компьютерную игру необходимо воспринимать как текст, а точнее, как совокупность специфических и разнородных по своему жанру креолизованных гипертекстов и кибертекстов, одной из составляющих которых является перитекст [1; 4; 5; 7; 8]. Компьютерные игры мы определяем также как художественное произведение, отличное при том от других носителей информации и форм выражения искусства.

Под перитекстом мы понимаем ту часть текста компьютерной игры, которая, будучи вписана в код игровой программы, что отличает её от эпитекта, обрамляет основное повествование и обращается непосредственно к игроку, а не к управляемым им персонажам. Под основным текстом игры следует понимать любой текст, обращённый к персонажу и произносимый им; текстовые опции (варианты ответов, фраз, действий), влияющие на развитие сюжета; текст, описывающий персонажа, события, т. е. художественное пространство игры.

На основе анализа более 200 фрагментов перитекта из 17 компьютерных игр были выделены наиболее характерные элементы перитекта, распространённые во всех жанрах: название, информация о создателях и о версии приложения, предупреждение, первичная настройка, меню, подсказки, помощь в управлении, пояснения, дополнительная информация на загрузочном экране, отметка об окончании игры или проигрыше, титры. Самым нейтральным и стандартным элементом перитекта может быть названо меню, в особенности, меню настроек, хотя даже оно может выполнять дополнительные функции, если разработчики игры предусмотрят такую возможность.

В заголовочном комплексе можно отметить тенденцию смещения внимания с персоны автора на компанию-разработчика, поскольку она является своеобразным гарантом качества игрового продукта.

Внутренний перитект мы предлагаем различать по функции и расположению. Подсказки обычно появляются в виде строки на загрузочном экране, их основная функция – объяснить смысл условных обозначений или неочевидную механику игры, при этом для успешного завершения игры прочтение подсказок не является обязательным. Примечаниями или пояснениями можно назвать те элементы игры, которые относятся к объекту (иконке объекта) и дают пояснения к его функции или сущности. Текст примечаний лаконичен, иногда даже терминологизирован в соответствии с принятыми в игре обозначениями. Помощь в управлении чаще всего реализуется в играх через конструкцию «press (any button) to (do something)» или через символьное обозначение клавиши и комментарий о производимом ей действии. Может появляться на месте подсказок и примечаний, а может занимать свою собственную позицию на игровом экране. Дополнительная информация на загрузочном экране дополняет факты игровой действительности. Её отличие от основной информации в том, что она может говорить о фактах, с которыми персонаж не встречается в процессе прохождения.

Особенности перитекста отдельных жанров носят, в основном, структурный характер: появляются такие элементы, которые редко или вовсе не встречаются в играх другого типа. Так, отмечая различия в структуре в играх жанров *adventure*, *fighting*, *point-and-click*, мы можем заметить деление на главы. Сам факт наличия такого перитекстового элемента говорит о том, что игра содержит последовательное повествование. Заголовки могут отражать состояние героя, место действия, основное событие главы или акцентировать внимание игрока на каком-то аспекте или объекте. Иногда главы имеют только порядковый номер, что также характерно для уровней игр жанра *puzzle*, хотя и в этом жанре уровни могут иметь название: например, соотноситься с временем («Day 3») или давать игроку подсказку к прохождению.

В играх с соревновательным элементом (жанры *fighting* и *strategy card game*) важна определённая динамика: игровой процесс делится на фазы, обозначаемые специальными фразами. Имея номинативный характер, они тем не менее побуждают игрока к действию или подготавливают определённые ожидания (в случае с анонсом противника). Текст таких обозначений прост и лаконичен: его нужно успеть прочитать за то короткое время, что он находится на экране. Кроме того, файтинги имеют ещё одну отличительную особенность: действия игрока и его оппонента даётся оценка, причём оценка в основном относится только к положительным аспектам. Лексика в таких случаях обладает высокой эмотивностью, некоторые термины заимствуются из спортивного лексикона (пример: «К.О.», что означает «knock out», то есть «нокаут»). Обобщая вышесказанное, мы можем назвать файтинг самым своеобразным по своей перитекстовой структуре жанром. Вероятно, это обусловлено двумя факторами: тяготением жанра к соревновательным видам спорта с их культурой спортивного комментирования и необходимостью постоянного эмоционального вовлечения игрока в процесс.

Изучив самые распространённые виды и функции перитекста в играх и в отдельных их жанрах, мы обнаруживаем ряд исключительных примеров.

Так, в юмористическом симуляторе «Breathedge» присутствует шуточное вступление (*intro*), заигрывающее с ожиданиями игрока с помощью формулы «клишированное для вступления игры начало + неожиданное продолжение» («From the creators of the Matrix... there's been no news lately»). Примечательно в этом ещё и то, что такой структурный элемент как интро обычно используется разработчиками для введения в повествование, то есть является частью основного текста игры. Здесь же интро можно рассматривать как авторское предисловие, которое способствует дальнейшему восприятию событий.

В игре «We Happy Few» на загрузочном экране располагается фраза («Happy is the country with no past»), представляющая собой своеобразный эпиграф к повествованию, напоминающий игрокам об основном принципе, пропагандируемом в данном игровом мире.

Для таких игр как «Minecraft» и «Terraria» мы вводим новую вариацию перитекста – сплэш. Под сплэшем следует понимать случайно генерируемую короткую фразу, отображаемую на экране игры или в заголовке окна игры. Чаще всего надписи носят юмористический характер, они могут относиться к выходу внутриигровых обновлений или содержать в себе отсылки к другим играм и культурным феноменом.

Карточная стратегия «Hearthstone» вкладывает перитекст в уста специального персонажа – трактирщика по имени Харт Стоунбрю. Он проводит игроку первичный инструктаж по эксплуатации игры (beginner`s guide), а после каждого запуска встречает пользователя, который становится как бы гостем его трактира, случайно выбранной приветственной фразой. Другая примечательная черта «Hearthstone»: любой процесс ожидания сопровождается как полезной (подсказки), так и исключительно развлекательной информацией. Выбор оппонента оформлен как механическое колесо, останавливающееся на одном из противников. Среди противников можно увидеть как просто юмористические словосочетания, так и отсылки к самой игре, её создателям, игровому сообществу в целом: «World class paste eater», «Penniless Paladin», «The Worst Player», «Your Old Roommate», «Cheater McCheaterson», «Blizzard Developer», «A Little Puppy» и др. На деле, результат неизбежно будет одинаковым («Worthy opponent»). При загрузке больших файлов в строке состояния загрузки будут отображаться фразы как подсказывающие, что можно заняться чем-то другим в это время, так и описывающие воображаемую работу, которая якобы производится для функционирования трактира, из-за чего на данный момент он закрыт. Так, внимание игрока постоянно удерживается игрой, с сохранением симуляции настоящего трактира.

«Detroit: Become Human», приключенческая игра о пробуждении собственной воли у андроидов, идёт ещё дальше в вопросе погружения человека в игровой мир. В меню с игроком взаимодействует андроид-ассистент Хлоя, которая не только рассказывает, как пользоваться тем или иным разделом, но и периодически произносит случайные фразы – мысли, вопросы, комплименты и не только. При этом, после прохождения игры человеку предоставляется выбор: отпустить Хлою или попросить её остаться в меню. Кроме того, всем игрокам предлагается пройти опрос, связанный с общим восприятием технологий и с реакцией на конкретные моменты игры.

Головоломка-платформер «I hate this game» и визуальная новелла с хоррор-составляющей «Doki Doki Literature Club» взаимодействуют с перитекстом для создания эффекта разрушения четвёртой стены. Например, обе игры призывают пользователя совершать действия в папке с игровыми файлами, в том числе, убирая, добавляя или изменяя их текст определённым образом. «I Hate This Game» требует взаимодействия с названием окна игры (в него помещается код, необходимый для решения головоломки) или с меню настроек для прохождения уровня (на это намекает надпись «Quality is too low»). «Doki Doki Literature Club», в свою очередь, сама активно манипулирует файлами игры, отображая это на экране, так как по сюжету один из персонажей «ожил», то есть осознал своё пребывание в компьютерной игре и теперь пытается перестроить её под себя (нарратив от лица персонажа через перитекстовое окно при попытке сохраниться: «There's no point in saving anymore. Don't worry. I'm not going anywhere», подсказки по механике игры и отсылки к игровым файлам, напротив, звучат в основном тексте игры). Когда игра «ломается» в определённом моменте сюжета, это отображается с использованием перитекстовых элементов: появляется экран «END», хотя это лишь завершение одной из игровых фаз, а опция начала игры в главном меню приобретает искажённый вид. Более того, часть текстов при запуске игры отображаются с минимальной вероятностью. Всё это имеет целью сделать игру непредсказуемой и даже пугающей для игроков. Примечательно, что обе игры имеют титры, а в конце этих титров игроки могут прочитать послание (его также можно назвать послесловием) разработчиков (автора) людям, прошедшим игру до конца. Титры игры «Doki Doki Literature Club» выделяются также тем, что содержат благодарность персонажу (Monika) и самому игроку (обозначается тем именем, которое игрок выбрал в качестве имени своего персонажа).

Подводя итоги нашего исследования, мы можем отметить, что перитекст проявляет себя как одна из важнейших составляющих компьютерной игры, без которой было бы невозможно её функционирование. Основные функции перитекста достаточно формальны: он выполняет роль помощника в использовании игровых механик, навигатора по игровым разделам либо информационной справки о тех или иных объектах – но при желании перитекст становится основным средством поддержания контакта с игроком и ещё одним способом раскрытия художественного замысла компьютерной игры. Несмотря на то, что у нас есть критерии для разграничения перитекста и основного повествования, провести строгую грань представляется сложным, так как отдельные элементы совмещают в себе функции и первого, и второго, а концепция некоторых игр предусматривает намеренное взаимодействие перитекста и персонажей, вовлечение его в непосредственный игровой

процесс. Жанр влияет на степень представленности отдельных элементов перитекста в игре, однако влияние могут оказывать и другие факторы, что требует дальнейшего изучения проблемы. Наконец, избыточность и случайность вариантов нефиксированного перитекста, юмор и стирание граней – то, что привлекает разработчиков и вызывает интерес пользователей.

Таким образом, являясь художественной единицей, перитекст обладает значительным потенциалом, который разработчики в разной степени раскрывают в своих произведениях, и, вполне возможно, в ближайшем будущем мы откроем для себя новые грани применения перитекста в индустрии компьютерных игр.

Литература

1. Водоватова Т.Е. Видеоигра: текстовая природа, особенности семиотики // Вестник Международного института рынка. – 2019. – №. 2. – С. 113-117.
2. Ибраева А.Ф. Паратекст и интерпретация: практический анализ (на материале произведения А. Кристи "Sparkling cyanide") // МНИЖ. 2016. №9-4 (51). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paratekst-i-interpretatsiya-prakticheskiy-analiz-na-materiale-proizvedeniya-a-kristi-sparkling-cyanide> (дата обращения: 26.03.2023).
3. Лиходкина И.А. Заглавие как важный компонент паратекста и специфика его перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-1 (80). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaglavie-kak-vazhnyy-komponent-parateksta-i-spetsifika-ego-perevoda> (дата обращения: 26.03.2023).
4. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеOVERбального текста: Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Москва, 1997. – 24 с.
5. Соболева О.В. К проблеме определения понятия «Гипертекстуальность» // Вестник ЧелГУ. – 2014. – №7 (336).
6. Титова Е.В. Драматургический паратекст: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – №2.
7. Чернявская В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №2.
8. Aarseth E.J. *Cybertext: Perspectives on ergodic literature*. – JHU Press, 1997. – 203 p.

Fanova I.S.

The Pushkin State Russian Language Institute

The peritext of computer games: specificities and structure

The paper outlines the basis for distinguishing the peritext and narrative parts of a computer game. Genre, structural, functional and semantic features of the computer game peritext are highlighted. The genre of the game appears to affect the degree of representation of peritext individual elements.

Keywords: computer games, genre, paratext, peritext.

Фёдорова Арина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

f-arina.fedorova@yandex.ru

Роль внутренних монологов в формировании образов Жюльена Сореля и Григория Печорина

Работа выполнена под руководством Петриной Елены Капитоновны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются внутренние монологи как средство формирования образов Жюльена Сореля и Григория Печорина с целью проведения сравнительного анализа образов героев для выявления типичных и индивидуальных характеристик лишних людей, а также особенностей национальной специфики их воплощения в двух первых социально-психологических романах: Ф.Стендаля «Красное и черное» и М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени».

Ключевые слова: внутренний монолог, диалогичность сознания, монологический герой, Стендаль, Лермонтов, лишние люди.

Понятия монолога и диалога являются одними из опорных понятий в литературоведении и выражают основные формы речевой коммуникации (в лингвистике) и характеристики персонажей (в литературоведении). Монолог на греческом языке означает «речь одного человека», то есть представляет собой такую форму высказывания, которая не требует адресата. В нашем исследовании рассматриваются внутренние монологи героев, с помощью которых, по мнению И.В. Нестерова, «воссоздаются психические процессы в их сложности и противоречивости» [3, с. 375].

Внутренний монолог является важнейшим приёмом психологизма и позволяет объективно оценить те мысли и переживания героя, которые могут быть скрыты при диалогической форме повествования, то есть общения героя с другими персонажами. Внутренний монолог (особенно зафиксированный на письме в дневниковом формате) не является стихийной формой выражения мысли. Он сочетает в себе рациональную сторону, логическое мышление и интуитивную сторону сознания героя.

И.В. Нестеров отмечает, что «сознание персонажа также может быть по преимуществу либо диалогичным, либо монологичным» [3, с. 377]. Диалогичность сознания

характеризует героев, в рамках монологической речи открытых к коммуникации с другими персонажами, к искреннему участию в судьбе других, эмпатии и помощи. Монологический же герой – это преимущество замкнутый, сосредоточенный на себе и в себе человек [3, с. 378]. Он особенно склонен к самоанализу и хранит внутри себя большинство эмоций. Зачастую такой тип героя не обретает жизненного счастья, поскольку его натура связана с разрушительным началом. Мы считаем, что именно монологический тип сознания характерен для лишних людей, в частности Жюльена Сореля и Григория Печорина.

Внутренние монологи особенно ярко проявляются на третьем и четвертом этапе жизненного пути Жюльена Сореля: нахождении в парижском доме маркиза де Ла-Моля и в тюрьме, после покушения на госпожу де Реналь. Становясь секретарем маркиза, Жюльен осознаёт, что снова оказывается в оппозиции с окружающим миром, прежде всего в оппозиции со всеми членами семьи де Ла-Моль. Холодность и даже некоторая насмешливость их отношения к простолюдину-секретарю и друг к другу вызывает настороженность Сореля, которая выражается в одном из внутренних монологов героя: *«Итак, даже на бале я обязан отдавать отчеты всем членам этой семьи... Бог их знает, не попаду ли я еще впросак, сказав дочке что-нибудь такое, что не будет совпадать с планами отца, сына и маменьки. Ведь это настоящий двор самодержавного властителя. Здесь надо быть полным ничтожеством, а вместе с тем не давать никому повода для жалоб»* [6, с. 310].

Помимо оппозиции в отношении семьи де Ла-Моль, у Жюльена появляется внутренний протест в отношении парижской аристократии. Отметим, что он не возникает резко, а формируется на протяжении всего жизненного пути героя. От ненависти к консервативным горожанам Верьера, боявшимся новшеств, и семинаристам Безансона, лишённых истинной веры в Господа и подчинённых системе, Сорель приходит в холодный парижский мир. Ненависть к парижской аристократии происходит у Жюльена из-за осознания фальшивости, поверхностности высоких чинов, которые обеспокоены соблюдением рамок приличия гораздо больше, чем высказыванием собственных мыслей. Не даром единственным человеком, вхожим в дом маркиза, к которому Жюльен не чувствует презрения оказывается свободолюбивый заговорщик граф Альтамира, открыто заявляющий, что в гостиных парижских аристократов *«ненавидят мысль, ей надлежит держаться на уровне каламбура из водевильного куплета, – вот тогда она получает награды»* [6, с. 325]. Именно «изобретательность в разговоре» и выделяет Жюльена из общества, собирающегося в доме де Ла-Моля, и, сознавая это, молодой человек еще сильнее чувствует свою отчуждённость вместе с явственным протестом против общественных нравов. Лицемерное

спокойствие снаружи и буря в душе героя постоянно рожают внутренние монологи: *«Кем был бы сегодня Дантон, в этот век Вально и Реналей? Каким-нибудь помощником прокурора, да и то вряд ли... Он бы продался иезуитам и сделался бы министром, потому что в конце концов ведь и великий Дантон воровал. Мирабо тоже продался. Наполеон награл миллионы в Италии, а без этого он бы не мог шагу ступить из-за нищеты, как Пишегрю... Так что же, значит, надо воровать? Надо продаваться?»* [6, с. 326-327], *«А здесь что я вижу? Одно тщеславие, сухое высокомерие, бесчисленные оттенки самолюбия - и больше ничего»* [6, с. 330], *«Вот в этом-то и есть их огромное преимущество над нами... История их предков возвышает их над заурядными чувствами, и им нет необходимости постоянно думать о средствах к существованию. Какое убожество... Я просто недостойн рассуждать об этих высоких предметах. Жизнь моя – это сплошное лицемерие, и все это только потому, что у меня нет тысячи франков ренты на хлеб насыщенный?»* [6, с. 335].

При помощи внутренних монологов главного героя Стендаль поднимает ещё одну проблему и выделяет новую причину несчастий Жюльена: с одной стороны, осознание героем власти аристократов исключительно благодаря их дворянскому происхождению и истории их семей при полном отсутствии собственных мыслей, с другой – факт собственной беспомощности от отсутствия этого происхождения. Жюльен презирает аристократию, но одновременно презирает и себя, постоянно считая себя недостойным их, хотя и обладает смекалкой, достойными знаниями и даже хитростью.

Разделяя явную неприязнь Жюльена к аристократии, Григорий Печорин, сам являясь дворянином, смотрит на людей несколько свысока. Он не ощущает себя частью аристократии, тем не менее пользуется её привилегиями. Презрение к себе Жюльена свойственно в определённой мере и Григорию. Однако не по причине его социального статуса, как у Жюльена, а в соответствии с его психологией. Пытаясь найти себе применение в жизни и не обретя большую цель, Печорин безнаказанно вторгается в жизни других, испытывая свои возможности и интуицию. Однако осознавая это, он пишет в своем дневнике: *«Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?... Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе»* [2, с. 140]. Данная мысль, записанная Печориным в собственном дневнике, трактуется нами как его внутренний монолог (здесь и далее). Итак, Григорий, как и Жюльен, чувствует презрение к самому себе, связанное с презрением к окружающим, однако причины появления этих чувств различны.

Из презрения к себе и страха потерпеть поражение из-за своего происхождения в душе Жюльена Сореля рождается еще один яркий конфликт, связанный с любовью к дочери

маркиза, мадмуазель Матильде де Ла-Моль. Внутренние монологи героя показывают его постоянные душевные метания, связанные с недоверием к богатой девушке, чьей любви он будто бы недостоин: *«А что, если вдруг... все это у Матильды всерьез? В таком случае я окажусь в ее глазах презреннейшим трусом. Я не могу похвастаться происхождением, мне надо обладать подлинными достоинствами, наличными, не такими, которые основываются на всяких там милых предположениях, а такими, что говорят сами за себя, поступками»* [6, с. 366].

Тем не менее, мы считаем, что к концу пребывания Жюльена в доме маркиза де Ла-Моля в его поступках проявляется особенная смекалка и даже хитрость. Сорель прибегает к умелой манипуляции для завоевания чувств Матильды, проявляя любовь к другой женщине, тем самым разжигая в душе Матильды ревность. По совету русского князя, Жюльен отсылает своей мнимой возлюбленной, госпоже де Фервак, шаблонные любовные письма, взяв за образец письма князя. При этом Жюльен испытывает одновременно скуку и радость (первое вследствие шаблонности писем, второе вследствие удовлетворения своей идеей и её будущим успехом): *«Ну, сегодня я отбываю принудительную повинность, - сказал он, входя с таким оживлением, какого не испытывал уже давно. - Будем надеяться, что второе письмо окажется таким же скучным, как и первое»* [6, с. 449]. Внутренние монологи, бывшие столь бурными, теперь отражают холодность и рациональность: *«Держать ее в страхе! – гордо повторял он себе, и у него были основания гордиться. – Даже в самые счастливые минуты госпожа де Реналь всегда мучилась страхом, люблю ли я ее так же сильно, как она меня. А ведь здесь – это сущий демон, которого надо укротить, – ну, так и будем укрощать его!»* [6, с. 467].

Эта черта характера Жюльена сближает его с Печориным. В главе «Княжна Мери» Григорий тоже использует холодный расчёт, чтобы пробудить в Мери чувства к нему и добиться её любви. В тоже время своим бездействием в отношении Веры он хочет пробудить чувства и в ней. Ревность является главным орудием для достижения поставленной цели: *«Кто ж виноват? зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь, - без пищи гаснет. А ось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы»* [2, с. 129].

Особое внимание во внутренних монологах Григория Печорина и Жюльена Сореля уделяется теме смысла жизни. Здесь у героев находится как несколько точек соприкосновения, так и существенных различий. Григорий часто возвращается в мыслях к прошлому, не ощущая настоящего и не видя никакой перспективы в будущем. В прошлом он много пережил, но растратил свои силы не на что-то великое, а на мелкое и пустое, так и не найдя высокое предназначение: *«...Зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она*

существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных» [2, с. 149-150]. Печорин видит в себе роковую страсть к разрушению чужих судеб везде, где бы он ни был: «И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страданья - и никогда не мог насытиться» [2, с. 150].

По мнению Овсяннико-Куликовского, Печорин является натурой эгоцентрической, он все относит к себе. Он рассматривает события через призму самого себя и не может увлечься чем бы то ни было так, чтобы хоть на миг забыть о себе [4, с. 113]. Это и является причиной существования в нем сильного разрушительного начала. Мы считаем, что эгоцентричность Григория является лишь следствием того, что он представляет собой тип лишнего человека. Он понимает гораздо больше других и видит модели жизни людей, которые его не удовлетворяют. Сам герой отмечает, что если он умрёт на дуэли, то «не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло» его «совершенно» [2, с. 150]. В отличие от него, Жюльен Сорель чётко знает о цели своей жизни, видя в ней карьерный рост и обеспеченную жизнь, ту жизнь, которой не было у представителей его социального класса. Однако, подобно Григорию, Жюльен одинок в мире и приходит к такому же выводу – «человек не может довериться человеку» [6, с. 547].

Честная натура Жюльена на пути к мечте была запятнана лицемерием, он, как и Печорин, разрушал жизни, однако само настроение, пафос, охватывающий последние дни Сореля, сильно отличается от пафоса миропонимания Печорина. В главе «Фаталист» Григорий говорит, что он «вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно» и ему «стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» [2, с. 174]. Печорин так и не нашёл цели в жизни, поэтому чувствовал всегда и везде лишь разочарование и скуку. Сорель же, так и не достигнув своей цели, признал исход своей жизни справедливым, а последние недели даже счастливыми. «Тюремные размышления героя свидетельствуют о том, что он переживает переоценку ценностей. Наедине с самим собой Сорель признается в том, что направленность его жизни была неверной, что он подавлял единственно подлинное чувство (чувство к госпоже де Реналь) в угоду ложным целям – целям успешной социализации» [7, с. 16]. «Я забываю жить и любить, когда мне осталось жить так мало дней... Вот откуда мое одиночество, а вовсе не оттого, что в мире нет

бога справедливого, доброго, всемогущего, чуждого злобы и мстительности!» [6, с. 549].

Возможно, именно мысли о госпоже де Реналь не дали Жюльену впасть в отчаяние. У Григория, к сожалению, такой привилегии не оказалось. «Печорин один и только один принципиально. Но он не хочет и не может быть один» [1, с. 13], – утверждает С.И. Кормилов, тем самым подтверждая нашу точку зрения.

В проблеме смысла жизни объединяет героев то, что свою судьбу они выбрали сами и поступали исходя из собственного морального кодекса, не отклоняясь от выбранного маршрута, что свидетельствует о сильном характере: Жюльен жаждал карьерной реализации, Григорий – применения своей энергии и нахождения своего места в мире. Такой же точки зрения придерживался Ф.А. Раскольников, утверждая, что «Печорин выступает как автор пьесы, режиссер и главный актер, направляющий её действие в соответствии со своей волей. Однако Печорину лишь кажется, что он – всемогущий господин положения. В действительности же его действия ведут совсем не к тем результатам, которые он предполагал» [4, с. 175]. Действительно справедливо замечание о том, что свобода выбора личности такого масштаба как Жюльен и Григорий зачастую не приводит к желаемому результату, что ещё раз возвращает нас к типу лишнего человека.

Таким образом, проанализировав внутренние монологи героев, мы выявили некоторые существенные сходства в психологии поступков и характеров Григория Печорина и Жюльена Сореля как представителей типа лишних людей: склонность к умелой манипуляции окружающими в собственных интересах; презрение к аристократии, её бездействию, чрезвычайной безынициативности, лицемерию; монологичность сознания как следствие наличия внутреннего конфликта и конфликта с обществом; уверенность в своём высоком предназначении, но неспособность его исполнить и, как следствие, одиночество.

Различия в психологии героев во многом определяются национальной спецификой, то есть принадлежностью Жюльена к французской культуре, а Григория – к русской. Проблема поиска смысла жизни раскрывает Печорина, как человека, углублённого не в свою личную, чисто субъективную жизнь, а в сверхличное, духовное состояние, что свойственно именно русскому сознанию. Печорин осознает, что не может поклоняться только земным ценностям, жить для собственного удовольствия и личного наслаждения, превращать их в центр своей жизни и поклоняться им как высшей ценности. Он ищет истинно-священное, желает преодолеть глубокий кризис и найти выход, обрести духовный путь. Сорель же ориентирован на достижение, в первую очередь, личных карьерных целей, собственную реализацию как доказательство новых возможностей своего социального класса. Личное, собственное счастье для него чрезвычайно значимо и даже, как нам кажется, является целью

его существования, что очень близко французской культуре с её огромным свободолобием и остротой социальной проблематики.

Литература

1. Кормилов С.И. Роман о преходящем и вечном. Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени» // Вестник Московского университета. – 2014. – № 6. – 26 с.
2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Маскарад / М.Ю. Лермонтов. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 320 с.
3. Нестеров И.В. Диалог и монолог // Чернец Л.В. Введение в литературоведение: Учеб. пособие/ Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. – Москва : Высш. шк., 2004. – 680 с.
4. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы. В 2-х т. Т. 2. Из "Истории русской интеллигенции" и «Воспоминания». – Москва: "Художественная литература", 1989. – 526 с.
5. Раскольников Ф.А. Статьи о русской литературе. – Москва: Вагриус, 2002. – 351 с.
6. Стендаль Ф. Красное и черное: [роман] пер. с фр. С. Боброва, М. Богословской. – Москва : АСТ: АСТ Москва, 2008. – 556, [4] с.
7. Турышева О.Н. История зарубежной литературы XIX века : Реализм : (учеб. Пособие) / О.Н. Турышева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 76 с.

Fedorova A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The role of internal monologues in the formation of the images of Julien Sorel and Grigory Pechorin.

This article examines the internal monologues as a means of forming the images of Julien Sorel and Grigory Pechorin in order to conduct a comparative analysis of the images of heroes to identify typical and individual characteristics of superfluous people as well as the peculiarities of the national specificity of their embodiment in the first two socio-psychological novels: Stendhal's «The Red and the Black» and Mikhail Lermontov's «A Hero of Our Time».

Keywords: internal monologue, dialogical consciousness, monological hero, Stendhal, Lermontov, superfluous people.

Федорова Мария Николаевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

mari.fed.nik@mail.ru

Развитие коммуникативных навыков у детей-билингвов с использованием интерактивной онлайн-доски Miro

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора филологических наук, профессора

Статья посвящена исследованию развития коммуникативных навыков у детей-билингвов с использованием интерактивной онлайн-доски Miro. В статье представлены задания, которые могут выполнить учащиеся на данной платформе.

Ключевые слова: билингвизм, коммуникативный метод, онлайн-образование, интерактивная онлайн-доска Miro.

Онлайн-образование становится всё более актуальным в современном мире. С развитием интернет-технологий получение образования стало доступным для всех людей, которые имеют доступ к глобальной сети, независимо от их места жительства и времени. Это неудивительно, так как такой формат получения знаний имеет ряд преимуществ. Во-первых, онлайн-образование позволяет учащимся изучать материал в удобное для них время и в комфортном темпе. Особенно это хорошо для тех, у кого нет возможности посещать уроки в определенные часы из-за работы или другой деятельности. Во-вторых, онлайн-платформы предлагают широкий выбор курсов по различным направлениям, что позволяет учащимся найти образовательные программы, соответствующие их интересам и целям. В-третьих, именно с расширением применения обучения через интернет стали активно развиваться электронные образовательные технологии, такие как видеоуроки, интерактивные задания, викторины и онлайн-тесты. Они делают процесс получения знаний для учащихся более интересным и познавательным.

О качестве образования и его эффективности можно судить по организации «информационно-образовательной среды учебного процесса, необходимой и достаточной для ведения полноценного учебного процесса на основе современных педагогических технологий» [2, с. 72]. Сегодня дистанционный формат обучения позволяет создать полноценный учебный процесс.

В условиях онлайн-обучения преподаватели РКИ столкнулись с необходимостью поиска новых методов преподавания и активном применении цифровых средств на занятиях. В аудитории намного привычнее использовать обычную доску, на которой можно записать тему урока или новую лексику. Кроме того, сейчас многие образовательные учреждения оснащены электронными досками, на которых тоже можно писать или выводить визуальный материал на экран. В дистанционном формате потребность в визуализации материала и

работе с ним могут удовлетворить различные онлайн-средства. Одним из таких эффективных средств является интерактивная онлайн-доска Miro.

В 2011 году изобретатели из Перми Андрей Хусид и Олег Шадрин спроектировали виртуальную доску Miro (ранее известную как Realtime Board), которая стала одним из передовых инструментов для совместной дистанционной работы в образовании и не только. Изначально её использовали только для демонстрации презентаций, но со временем интерфейс расширился. Сейчас он полностью на английском языке, но разобраться с ним для преподавателей и учащихся не представляет особой сложности.

Miro – это целый набор инструментов для взаимодействия и совместной работы. Она предлагает различные функции, такие как схематические иконки, панель инструментов для работы с участниками, библиотеку шаблонов, интеграцию с веб-приложениями. Отличительные особенности Miro включают возможность сохранения информации на долгое время, добавление файлов различного формата, доступность к просмотру из любой точки мира, а также сочетание онлайн- и офлайн-обучения. Ученикам можно дать домашнее задание, которое им необходимо будет выполнить на этой платформе. Тем самым Miro позволяет осуществлять два формата дистанционного обучения: синхронный (онлайн-занятия по определенному расписанию) и асинхронный (ученики осваивают новые знания по индивидуальному расписанию).

Синхронный метод обучения на сегодняшний момент является наиболее эффективным и востребованным. Он предполагает одновременное включение в учебный процесс, в то время как в асинхронном формате действия участников разведены во времени. Использование специализированных технических средств для взаимодействия со слушателями – это ключевое отличие как синхронного, так и асинхронного обучения от аудиторных занятий. В первом случае они используются для организации конференц-связи, а во втором – для передачи информации слушателям и получения обратной связи [1, с. 25].

Для специалистов в области РКИ особый интерес представляет вопрос обучения детей-билингвов. Исследователи утверждают, что количество билингвов в мире превышает количество монолингвов, что свидетельствует о широком распространении билингвизма. По статистике более половины детей на Земле являются билингвами, и это число, вероятно, будет только увеличиваться в будущем. Билингвизм сегодня становится одним из наиболее значимых явлений межкультурной коммуникации, которая определяется как взаимодействие между людьми из различных культур [3, с. 14].

По нашему мнению, для работы с детьми-билингвами наиболее эффективным будет являться коммуникативно-деятельностный подход к обучению иностранному языку. В его

основу «положены идеи коммуникативной лингвистики, психологической теории деятельности, концепции развития индивидуальности в диалоге культур» [4, с. 296]. Главная цель обучения при таком подходе – обучение говорению, но возможности его применения расширились до обучения всем видам устной и письменной коммуникации. Особенность данного подхода – сближение учебного процесса обучения языку и реальной жизненной коммуникации.

Коммуникативно-деятельностный подход требует использования упражнений, которые максимально воссоздают ситуации общения. Нам кажется, что интерактивная онлайн-доска Miro позволяет организовывать на своей платформе такого вида упражнения. Приведем несколько примеров заданий, которые можно использовать во время синхронного формата обучения на онлайн-доске Miro.

Во-первых, это организация ролевой игры. Для преподавателя ролевая игра является разновидностью практического занятия. Её цель – формирование и развитие вербальных навыков и коммуникативной компетенции в целом. Основное преимущество ролевой игры заключается в том, что учащийся может самостоятельно и свободно действовать в специально созданной сложной ситуации, что помогает ему приобрести опыт, выявить свои недостатки в языковых навыках или достичь нового понимания. На платформе онлайн-доски Miro мы можем разместить реквизит игры (например, элементы гардероба, продукты питания или другие личные принадлежности), который поможет учащимся создать ту или иную характеристику персонажа, а затем им следует рассказать о том, кто получился.

Во-вторых, с помощью Miro можно устроить мозговой штурм. Для этого нужно установить определенную проблемную ситуацию, которую учащиеся должны разрешить. Для большей наглядности её можно визуализировать. Учащимся необходимо составить совместный план решения проблемы. При выполнении таких заданий идет процесс выражения мыслей, обсуждения деталей, обмена идеями и их дальнейшее развитие.

В-третьих, на платформе есть возможность составлять ментальные карты. Их можно рассматривать как продолжение мозгового штурма, где идеи, сгенерированные и обсуждаемые в процессе занятия, могут быть организованы и соединены в различные сегменты ментальной карты и размещены на онлайн-доске.

Таким образом, онлайн-доска Miro является полезным инструментом для развития коммуникативных навыков у детей-билингвов на занятиях по русскому языку как иностранному. Она позволяет организовывать интерактивные уроки с использованием различных игровых элементов, проводить совместные проекты и задания, где дети будут общаться и сотрудничать друг с другом, использовать различные мультимедийные

материалы. Например, можно включать аудио и видео записи на русском языке для изучения произношения и понимания. Благодаря Miro дети-билингвы смогут улучшить свои коммуникативные навыки, расширить словарный запас и уверенность в общении на русском языке, что принесет им пользу не только в учебе, но и в повседневной жизни.

Литература

1. Манокин М.А., Шенкман Е.А. Синхронный и асинхронный форматы онлайн обучения в контексте теории коммуникации // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2021. – №2.
2. Полат Е.С. К проблеме определения эффективности дистанционной формы обучения // Открытое образование. – 2005. – №3.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Москва, 2000. – 262 с.
4. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие / А.Н. Щукин. – 4-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2017. – 509 с.

Fedorova M.N.

Pushkin State Russian Language Institute

The development of communication skills in bilingual children using the interactive online board Miro

The article is devoted to the study of the development of communication skills in bilingual children using the interactive online board Miro. It examines the tasks that students can complete on this platform.

Keywords: bilingualism, communicative method, online education, interactive online board Miro.

Федчук Василиса Витальевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

vasilisaF14@gmail.com

Сообщество ВКонтакте Всероссийского фестиваля НАУКА 0+: специфика языковой репрезентации

Работа выполнена под руководством Боженковой Натальи Александровны, доктора филологических наук, профессора

В статье на материале текстов социальной сети ВКонтакте рассматриваются способы вовлечения молодежных сообществ в научное пространство России. Публикации Всероссийского фестиваля НАУКА 0+ анализируются через призму специфики организации текстовых единиц, различных по цели, жанру и тематической направленности.

Ключевые слова: фестиваль, наука, социальная сеть, текст, пост.

Наука в России активно развивается с каждым годом, разработки все быстрее появляются в нашей повседневной жизни, что фиксируется в том числе в сфере образования (интерактивные доски в классах, порталы на базе школ для дополнительного и дистанционного образования, единые электронные ресурсы и др.). Для учащихся высших учебных заведений часто проводятся семинары, международные, всероссийские и региональные конференции, лекции, дебаты, при этом с развитием площадок для дистанционного обучения и улучшения их визуальных и аудиальных составляющих мероприятия нередко проводятся в таком формате.

Развитие науки прямо пропорционально доли вклада государства в эту область, ведь для проведения исследований требуется закупка оборудования, расходы на само исследование (используемые материалы), выплата заработной платы ученым. В России сфера науки хорошо развивается, к примеру, для учеников школ и средних специальных учреждений (для несовершеннолетних, иными словами) появляются различные кванториумы для реализации их потенциала. В целом, с 2022 года идет Десятилетие науки и технологий, объявленное Президентом России, благодаря чему все больше проектов, направленных на популяризацию науки, выходит в свет. В этой связи стал набирать популярность формат *фестивалей науки*.

Данный формат позволяет совместить «приятное с полезным», ведь у многих научная деятельность ассоциируется с исследованиями в лабораториях, сотнями часов, проведенных в библиотеке, однако возможно получение грантов для дальнейших научных разработок, обновляется оборудование, а научные базы оснащаются современными материалами. Также развивается и сама популяризация научной деятельности: интерактивные форматы проведения фестивалей позволяют всем желающим погрузиться в процесс легко и увлекательно, доступным языком рассказывают информацию из научной среды, факты, которые могут заинтересовать.

Всероссийский фестиваль НАУКА 0+ – уникальное сочетание лучших мировых практик проведения научно-популярных мероприятий. Его цель – популяризация науки в обществе, привлечение внимания к деятельности ученых и преподавателей, повышение интереса к научным достижениям исследовательским работам, вовлечение молодежи в науку, а также развитие научного творчества среди школьников и студентов. Для его гостей готовится обширная программа, охватывающая лекции, интерактивные зоны и мастер-классы, эксперименты, экскурсии по лабораториям, дискуссии с экспертами из различных научных областей и многое другое.

На примере крупнейшего фестиваля науки станы мы проведем анализ публикаций его сообщества социальной сети ВКонтакте. Сначала выявим принцип такого анализа, выделим необходимые инструменты для работы: анализ такого вида «охватывает» текст целиком, который далее «раскладывается» – микротемы, внутри которых уделяется внимание не только языковым компонентам, но и приемам эмоционального воздействия на читателя.

Мы проводили исследование по следующей структуре: делали выборку постов по целой рубрике (десять на каждую), затем ставили главный вопрос – к какому стилю принадлежит текст. Прочитав текст, делили его на части, которые раскрывают одну законченную мысль произведения, определяли смысловую нагрузку текста, рассматривали предложения по отдельности, на какой основе связаны предложения в тексте, выявляли тип речи, определяли лексические, фонетические и стилистические особенности, средства художественной выразительности и др. [1, с. 10].

В официальном сообществе ВКонтакте Фестиваля НАУКА 0+ посты разделены по рубрикам. Их общее количество равно шести. Они имеют следующие названия: «Анонсы», «Мы в регионах», «Мы в мире», «Гипермузей», «Новости науки», «Конкурсы» [2].

Рубрика «Анонсы» включает в себя информацию о мероприятиях в мире научного сообщества, а также когда и в каком общеобразовательном учреждении будет проходить фестиваль, а после его проведения делятся событиями о прошедшем мероприятии, подводятся итоги, рассказывают, чем удалось заинтересовать участников, какая деятельность проводилась.

Обычно фестиваль проводится в следующем формате: в место проведения приходит большое количество людей, чтобы принять участие в лекциях ученых на самые различные темы. Например, когда проводился фестиваль в Институте экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, то это вызвало огромный отклик со стороны школьников и их родителей (подобные материалы, к слову, также хорошо способствуют сплочению семьи и проведению совместного досуга), в общей сумме пришло практически 200 человек, профессора читали лекцию и рассказывали интересные факты из области ботаники. Посты имеют общую структуру, далее приведем лингвистический анализ, основанный на подведении обобщенного.

Тексты представляют собой анонс мероприятия либо подведение итогов. Тип речи – повествование, публицистический стиль, можно поделить на несколько микротем, в зависимости от содержания, но обычно в анонсах их три: первая включает в себя краткую информацию о самом мероприятии, отвечая на вопросы «что?», «кто?», «где?», «когда?», вторая повествует о более подробном плане мероприятия, делая акцент на том, какие навыки

приобретут посетители, тем самым повышая их интерес, а третья рассказывает о материальном аспекте: что останется у посетителей на память о событии. Связь между предложениями параллельная, они не цепляются друг за друга, а являются продолжением мысли друг друга и каждое предложение содержит практически идентичное количество слов в предложении. С точки зрения языковых элементов: текст без ярко выраженной экспрессии, стилистически нейтральный. Анонс написан в «позитивном» регистре, как бы призывая заинтересовавшихся прийти на мероприятие. Средства выразительности присутствуют незначительно, потому что содержание текста предполагает конкретную информацию о событии, написанную в сокращенном формате, для визуального удобства в формате социальной сети.

Текст состоит из простых предложений, либо бессоюзных сложных предложений, структура которых состоит из двух предикативных единиц. В самом тексте присутствует общеупотребительная лексика, чтобы обеспечить доступность восприятия разным людям. Предложения в большинстве своем двусоставные. Нет сложных предложений с описательными конструкциями, потому что анонсы рассчитаны на беглое чтение. Восклицательные знаки в составе некоторых предложений составляют минимальную экспрессию в тексте, подчеркивая эмоциональное воздействие. Односоставные простые предложения в конце текста часто представлены глаголами в повелительном наклонении. А предложения наподобие «Приходите, будем ждать» содержат не только повелительное наклонение глагола, но и изъявительное, это то, что организаторы будут делать в преддверии мероприятия.

Рубрика «*Мы в регионах*» также представлена в большинстве своем в формате анонсов. Основная мысль таких постов: показать масштабность фестиваля по всей стране, включая общеобразовательные организации под свою эгиду, распространяя формат познавательных классных часов для школьников, к примеру.

Тип речи – повествование, стиль – публицистический. Причем это также определяется площадкой, куда поступает информация о мероприятии, в нашем случае – это социальная сеть ВКонтакте, в сообществе фестиваля выкладываются такие записи не только для желающих принять участие, но и для наблюдателей проекта. Микротем в постах обычно три. Первая отвечает на вопросы об основных сведениях о мероприятии, вторая повествует о том, что послужило целью провести такой вид деятельности, какого эффекта организаторы хотят добиться, и какую выгоду участники могут получить от участия. Например, узнать интересные научные факты, познакомиться с ведущими учеными России, и расширить

кругозор. Сколько можно выделить микротем в посте, столько абзацев и присутствует в тексте.

Текст стилистически нейтрален, из средств художественной выразительности обычно встречаются эпитеты, которые подчеркивают глубину существительного и его эмоциональную окраску (пример, *позитивная встреча*). Также в описании некоторых мероприятий можно выделить сравнения (к примеру, сравнение лекции о минералах с путешествием в подводный мир). Нередко в постах встречаются предложения с однородными членами, которые связаны между собой бессоюзной связью и повествуют про несколько качеств какого-то слова. Восклицательные предложения также усиливают и отражают эмоциональную окраску текста, элементами присутствовала возвышенная лексика – например, лексема *свершить*. Связь в предложениях параллельная, встречаются как простые, так и сложные, в которых связь либо сложносочиненная, либо бессоюзная. Иногда встречаются предложения, в которых присутствует такой знак препинания, как тире.

Рубрика «*Наука в твоей стране*» показывает масштабность фестиваля, который вышел за пределы России и имеет популярность в таких странах, как, к примеру, Узбекистан, Беларусь. Посты такого вида написаны в журналистском жанре – информационной заметке, что определяет их стиль речи – публицистический, а тип, как и в других рубриках – повествование. Микротемы в таких постах обычно две: первая содержит непосредственную информацию о предстоящем или прошедшем мероприятии, в контексте погружения читателей в атмосферу, а вторая микротема рассказывает о том, что оно в себя включает. Количество абзацев кратно превышает количество микротем вследствие того, что каждый абзац посвящен какой-либо части мероприятия, которое очень насыщено по содержанию.

Текст стилистически нейтрален. Как и свойственно заметке о мероприятии, она написана преимущественно официально-деловым языком, средства художественной выразительности не используются, потому что предложения состоят из передачи данных, и обязанность каждого журналиста – быть максимально объективным в новостных и информационных жанрах, давая читателю возможность самому сделать выводы. Предложения двусоставные, во многих встречается две грамматические основы. Сложные предложения содержат сложносочиненную связь. Официально-деловой стиль смешивается с общеупотребительной лексикой, так как тексты содержат большое количество названий учреждений, фамилии лекторов, научную терминологию. Связь между предложениями параллельная, каждое является логичным завершением другого.

Рубрика «*Гипермузей*» повествует об экспонатах, представленных в виртуальном музее фестиваля НАУКА 0+. Тип речи – описание, стиль – публицистический. Микротемы

во всех постах две, они коррелируют с количеством абзацев, потому что они имеют один алгоритм построения. В первом абзаце дается определение и описание явления или экспоната, а во второй абзац содержит в себе предложение посетить музей и увидеть экспозицию. Текст стилистически нейтрален, однако в некоторых постах были найдены эпитеты, которые оттеняли признак предмета и указывали на его свойства. Предложения в основном простые, связь между ними или параллельная или смешанная. Иногда присутствовали в них лексические повторы для постановки акцента. В большинстве предложения содержат одну грамматическую основу, двусоставные. Однако встречались и односоставные предложения, которые, по идее, можно было включить в предшествующее им, однако для более легкого восприятия текста и сосредоточения внимания читателя автор принял решение их разбить.

Рубрика «*Новости науки*» отражает достижения в научном сообществе и рассказывает о его последних новостях и разработках. Обычно текст предстает перед читателем в виде краткого описания статьи, а в конце дается кликабельная ссылка, перейдя по которой можно прочитать целиком. Тип речи – повествование, стиль публицистический с элементами научного, присутствуют профессионализмы. Например, из сферы медицины *диафрагмальный нерв, неинвазивные электроды*. Предложения сложносочиненные, содержат две грамматические основы, а также цитирование или прямую речь. Средства выразительности отсутствуют, связь между переложениями параллельная, каждое несет в себе отдельный аспект описываемого явления. Все предложения двусоставные.

Рубрика «*Конкурсы*» сообщает о результатах или объявлениях о конкурсах фестиваля науки. Стиль – публицистический с элементами художественного стиля, много экспрессии, эпитетов, восклицательных предложений. Микротемы не соответствуют количеству абзацев, потому что очень много постов, посвященных результатам конкурсов в различных возрастных номинациях, а каждая начинается с новой строки. Предложения встречаются как сложносочиненные, так и простые. Грамматическая основа полная, но есть и короткие односоставные предложения, которые содержат в себе информацию о сроках подачи на конкурс.

Резюмируя, отметим, что способ построения текста и его отнесенность в рубриках к тому или иному стилистическому регистру зависит от информационной стратегии создателей сообщества Всероссийского фестиваля науки НАУКА 0+ ВКонтакте, точности их представления о том, какими должны быть социальные сети, чтобы они в максимальной мере могли быть востребованы конкретной аудиторией глобальной Сети, что, бесспорно, требует дальнейшего изучения

Литература

1. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: дис. ... док. филол. наук. – Саратов, 2009. – С. 8-10.
2. Материалы официального сообщества ВКонтакте фестиваля НАУКА 0+ [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/festivalnauki> (дата обращения: 15.03.2024)

Fedchuk V. V.

Pushkin State Russian Language Institute

Vkontakte community of the All-Russian SCIENCE 0+ Festival: the specifics of language representation

Based on the texts of the VKontakte social network, the article discusses ways to involve youth communities in the scientific space of Russia. The publications of the All-Russian SCIENCE 0+ Festival are analyzed through the prism of the specifics of the organization of text units, different in purpose, genre and thematic orientation.

Keywords: festival, science, social network, text, post.

Фролова Анастасия Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

frolova.a16@mail.ru

Анализ информационных ресурсов коммуникации с гражданами в электронном правительстве

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук

Статья посвящена анализу информационных ресурсов, используемых для взаимодействия государственных органов с гражданами в сфере электронного правительства. Исследуются различные типы ресурсов, их доступность и эффективность коммуникации. Анализируются проблемные аспекты и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: электронное правительство, информационные ресурсы, коммуникация, граждане, анализ

В современном информационном обществе электронное правительство становится все более важным инструментом взаимодействия государственных органов с гражданами. Электронное правительство представляет собой использование информационно-коммуникационных технологий для предоставления государственных услуг и обеспечения открытости и прозрачности в деятельности органов власти.

Актуальность данной темы обусловлена растущим числом граждан, предпочитающих взаимодействовать с государственными органами через онлайн-платформы, а также

необходимостью обеспечения доступности государственных услуг для всех категорий населения, включая лиц с ограниченными возможностями и жителей удаленных регионов.

В свете быстрого технологического развития и изменяющихся потребностей общества, анализ информационных ресурсов коммуникации с гражданами становится неотъемлемой частью стратегии развития электронного правительства. Поэтому важно проводить систематический анализ с целью выявления проблемных аспектов и разработки эффективных мер по их устранению, что способствует повышению уровня удовлетворенности граждан и эффективности деятельности государственных органов.

Электронное правительство, известное также как e-government, взяло свое начало в конце XX века в контексте информационной революции и быстрого развития информационно-коммуникационных технологий. Появление интернета и широкое распространение компьютеров создали новые возможности для государственных органов взаимодействовать с гражданами и предоставлять услуги онлайн.

Первоначально электронное правительство ограничивалось созданием официальных веб-сайтов для государственных органов, где была представлена информация о деятельности и услугах. Однако с течением времени развитие технологий привело к появлению более сложных систем, таких как электронные государственные порталы, которые объединяют различные государственные службы и предоставляют гражданам доступ к широкому спектру услуг.

С развитием мобильных технологий и социальных сетей, электронное правительство стало все более интегрированным в повседневную жизнь граждан. Сегодня государственные органы активно используют мобильные приложения и социальные сети для взаимодействия с гражданами, предоставления информации и решения различных вопросов.

Первоначально термин «цифровое правительство» был синонимичным термину «электронное правительство». В 2012 году в ряде западных стран (в частности США) начались реформы по переходу от электронного к цифровому правительству, которые через несколько лет приобретают всеобщий характер. Но новым содержанием понятие «цифровое правительство» наполняется при переходе от порталов к платформам. Особенно подчеркивается, что цифровые платформы открывают новые возможности участия граждан в публичном управлении. Между тем в некоторых случаях упор на технологическую составляющую трансформации публичного управления, ведущую к повышению качества и эффективности предоставления услуг, остаётся основным. В итоге цифровизация публичного управления воспринимается как очередной этап внедрения современных технологий [3, с. 252].

Важно отметить, что электронное правительство постоянно эволюционирует и адаптируется к изменяющимся потребностям общества и технологическим трендам. В настоящее время активно обсуждаются такие концепции, как открытые данные (open data) и управление государственными услугами на основе данных (data-driven government), что открывает новые перспективы для улучшения эффективности и доступности государственных услуг через электронные каналы.

В эпоху цифровой трансформации электронное правительство становится ключевым механизмом взаимодействия между государственными учреждениями и гражданами. Основные концепции коммуникации в этом контексте сосредотачиваются на следующих аспектах:

1. Электронное правительство стремится обеспечить максимально возможную доступность государственной информации для граждан. Это включает в себя разработку удобных и интуитивно понятных интерфейсов, а также предоставление информации на разных языках и средствах доступа.

2. Коммуникация в электронном правительстве не является односторонней передачей информации от государства к гражданам, но и включает в себя обратную связь. Это позволяет гражданам активно участвовать в процессах принятия решений и выражать свои мнения и предложения.

3. Прозрачность и открытость: важным аспектом коммуникации в электронном правительстве является обеспечение прозрачности и открытости в деятельности государственных органов. Это включает в себя публикацию информации о решениях, бюджете, и других аспектах работы правительства.

4. С развитием технологий анализа данных электронное правительство становится способным предоставлять персонализированные услуги и информацию для каждого гражданина, учитывая их потребности и предпочтения.

5. Важным аспектом коммуникации в электронном правительстве является обеспечение безопасности и конфиденциальности государственных данных, чтобы защитить информацию граждан от утечек и злоупотреблений.

Эти концепции являются основой для анализа информационных ресурсов коммуникации с гражданами в электронном правительстве и определения их эффективности и эффективности.

С 2009 г. в России функционирует Единый портал государственных и муниципальных услуг, интегрированный в дальнейшем с Единой системой идентификации и аутентификации, на котором размещается информация, формы заявок и через который

проводятся платежи [1, с. 22]. В Российской Федерации электронное правительство использует разнообразные информационные ресурсы для взаимодействия с гражданами. Среди них можно выделить следующие типы:

1. Официальные веб-сайты государственных органов. Примером может служить сайт Правительства Российской Федерации (government.ru).

2. Мобильные приложения государственных служб. Например, приложение «Госуслуги» предоставляет доступ к широкому спектру государственных услуг, включая запись на прием к врачу и оплату штрафов.

3. Социальные сети. Например, страницы Министерства обороны Российской Федерации в социальных сетях предоставляют актуальную информацию о событиях и мероприятиях в сфере обороны.

4. Электронные рассылки.

Эти типы информационных ресурсов представляют собой основу коммуникации между государственными органами и гражданами в электронном правительстве Российской Федерации. Их анализ и оценка эффективности являются важным шагом для улучшения качества услуг и удовлетворения потребностей граждан.

Коммуникация с гражданами через различные информационные ресурсы в Российской Федерации играет ключевую роль в обеспечении доступности и прозрачности деятельности государственных органов. Для оценки эффективности каждого типа информационных ресурсов, необходимо учитывать их специфику и контекст использования.

1. Официальные веб-сайты государственных органов широко используются для предоставления информации о деятельности, услугах и правах граждан. Они обеспечивают возможность получения актуальной информации в любое время суток. Однако, эффективность веб-сайтов может быть снижена из-за сложности навигации для некоторых пользователей и необходимости постоянного обновления информации.

2. Мобильные приложения государственных служб предоставляют удобный и быстрый доступ к государственным услугам и информации. Они позволяют гражданам получать доступ к сервисам даже без доступа к компьютеру. Однако, необходимость загрузки и установки приложения может стать препятствием для некоторых граждан, а также требуется регулярное обновление приложений для обеспечения их актуальности.

3. Использование социальных сетей для коммуникации с гражданами обеспечивает широкий охват аудитории и возможность активного взаимодействия. Однако, необходимость фильтрации информации и контроля за достоверностью может быть

проблематичной. Кроме того, некоторые граждане могут не иметь доступа к социальным сетям из-за технических или культурных причин.

В целом, эффективность коммуникации с гражданами через различные типы информационных ресурсов в Российской Федерации зависит от соответствия потребностям и ожиданиям граждан, а также от эффективности управления и обновления этих ресурсов. Дальнейшие исследования и анализ необходимы для оптимизации коммуникационных стратегий и улучшения качества услуг государственных органов.

Электронное правительство Российской Федерации в соответствии с оценкой Организации объединенных наций (E-Government Development Index) в 2020 г. потеряло 4 пункта относительно предыдущей оценки в 2018 г., заняв 36 место. По индексу развития электронного правительства (EDGI) в 2022 г. Россия занимает 42-ое место. Что говорит об отрицательной динамике оценки, но вместе с этим открывает простор для роста эффективности коммуникации между государственными органами и гражданами через различные информационные ресурсы. Выделим ряд проблемных областей, требующих улучшения коммуникационных стратегий для повышения качества обслуживания и удовлетворения потребностей граждан.

Многие веб-сайты государственных органов характеризуются избыточной информацией или ее недостаточностью. Неполная или неактуальная информация может затруднять гражданам доступ к необходимым услугам и правам. Улучшение коммуникационных стратегий включает в себя регулярное обновление информации на веб-сайтах и предоставление персонализированных рекомендаций и подсказок.

Наиболее распространенными ошибками при проектировании интерфейса и несовершенствами в функциональных возможностях интернет-ресурсов государственных структур являются:

- ошибки цветового контраста;
- недоступность информации об учреждении;
- отсутствие совместимости с различными устройствами (смартфон, планшет);
- избыточные формы заявлений и обращений, которые пользователям приходится заполнять и не сколько раз вводить одну и ту же информацию [2].

Некоторые мобильные приложения государственных служб могут быть сложными в использовании или неудобными для некоторых категорий граждан, особенно пожилых или малоопытных пользователей. Улучшение коммуникационных стратегий в этой области включает в себя проведение анализа пользовательского опыта и регулярные обновления приложений с учетом обратной связи от пользователей.

Для того чтобы пользовательский опыт был положительным, важно при построении и развитии сервисов цифрового правительства обеспечить соблюдение требований стандарта WCAG 2.1.

Версия WCAG 2.1 создана с целью улучшения стандарта доступности для трёх основных групп:

- пользователей с когнитивными нарушениями и расстройствами обучения;
- слабовидящих;
- пользователей с различными ограничениями, использующих мобильные устройства.

Возможности социальных сетей для активного взаимодействия с гражданами часто недооцениваются. Государственные органы должны активно использовать социальные сети для информирования граждан, проведения опросов, ответа на вопросы и обратной связи. Регулярное обновление контента и активное участие в диалоге помогут улучшить эффективность коммуникации.

Электронное правительство должно обеспечивать высокий уровень защиты данных граждан. Нарушения конфиденциальности или утечки информации могут подорвать доверие граждан к информационным ресурсам государственных органов. Улучшение коммуникационных стратегий включает в себя усиление мер безопасности, обеспечение конфиденциальности данных и прозрачное информирование о мерах защиты.

Решение этих проблемных областей и улучшение коммуникационных стратегий в электронном правительстве требует комплексного подхода и внимательного анализа потребностей и ожиданий граждан. Эффективная коммуникация должна быть основана на принципах доступности, прозрачности, удобства использования и защиты данных.

Для решения этих проблемных областей необходимо внедрение комплексного подхода, включающего в себя регулярное обновление информационных ресурсов, упрощение интерфейсов приложений, активное использование социальных сетей для коммуникации и ужесточение мер безопасности данных. Только через такие меры электронное правительство в России сможет достичь более эффективного и удобного взаимодействия с гражданами, повысив уровень доверия и удовлетворенности населения.

Литература

1. Бурый А.С. Совершенствование государственных информационных систем как тренд цифрового общества // Правовая информатика. – 2020. – № 3. – С. 19-28.

2. Долганова О.И., Василевская Л.И. Доступность и удобство использования веб-ресурсов электронного правительства: проблемы и решения // Вестник университета. – 2022. – № 7. – С. 13-21.
3. Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.А. Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2021. – Т. 46. – № 2. – С. 250-262.
4. Маякова Е.О. Рассмотрение обращений граждан в эпоху информационных технологий // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики.* – 2021. – С. 99-101.
5. Оливер Д.Д., Понявина М.Б. Электронное правительство и цифровое государство // *Вести научных достижений. Бухгалтерский учет, анализ и аудит.* – 2020. – № 2. – С. 74-80.
6. Рўзикулова М. и др. Анализ преимуществ и опыта внедрения электронного правительства // *Академические исследования в современной науке.* – 2022. – Т. 1. – № 16. – С. 160-165.
7. Сидорова А.А. Электронное правительство : учебник и практикум для вузов / А.А. Сидорова. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 166 с.

Frolova Anastasia Andreevna

Pushkin State Russian Language Institute

Analysis of Communication Information Resources with Citizens in E-Government

Abstract. The article focuses on analyzing information resources used for interaction between government agencies and citizens in the field of e-government. Various types of resources, their accessibility, and communication effectiveness are explored. Problematic aspects are analyzed, and solutions are proposed.

Keywords: e-government, information resources, communication, citizens, analysis

Фэн Вэйвэй

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Kathy051129@yandex.com

Различия в употреблении лексики в культурных контекстах Китая и России при обучении русскому языку как иностранному

Работа выполнена под руководством Куваевой Алёны Сергеевны, кандидата педагогических наук

Цель статьи – изучение значимости лексико-семантических различий при обучении русскому языку как иностранному для межкультурной коммуникации. В статье учитывается, что существуют семантические различия в использовании определенных слов или выражений в разных культурных контекстах. Благодаря

этому исследованию студенты, изучающие русский язык как иностранный, смогут лучше понимать значение тех или иных лексических единиц, что имеет большое значение для педагогики и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Различия, лексико-семантические особенности, обучение русскому языку как иностранному, культурный контекст

Актуальность темы исследования заключается в том, что, с одной стороны, китайско-российское общение и сотрудничество становятся все теснее, а обучение русскому как иностранному и китайскому как иностранному языку становится все более важным. С другой стороны, активные методологические исследования в области преподавания иностранного языка, активное распространение идей межкультурного образования и обучение языку на межкультурной основе помогут сформировать и совершенствовать у обучаемых компетенции, позволяющие вести диалог культур.

Учет существования и взаимодействия национальных культур является определяющей характеристикой современного этапа развития научного направления «русский язык как иностранный», о чем свидетельствуют многочисленные исследования российских лингвистов и методистов [4, с. 437]. Важность преподавания русского языка как иностранного в образовании и межкультурной коммуникации самоочевидна. Изучение иностранного языка может помочь студентам расширить свой кругозор и улучшить их понимание и уважение к различным культурам. Изучая русский язык, студенты могут лучше понять русскую культуру, историю и обычаи, тем самым способствуя межкультурному общению и обменам. Кроме того, это также может улучшить их языковые навыки и конкурентоспособность при трудоустройстве.

Объектом исследования данной статьи являются некоторые лексические единицы, которые будут использоваться при обучении русскому языку как иностранному. Предмет исследования заключается в детальном анализе различий в значении определенной лексики в различных культурных контекстах Китая и России.

В этой статье будут изучены заимствованные слова и определенная культурная лексика.

Есть некоторые заимствованные из русского языка в китайский: некоторая лексика в политической и военной областях, например, 苏维埃 (Совет), 布尔什维克 (большевик), 孟什维克 (меньшевик), 杜马 (дума), 喀秋莎 (катюша), 托洛茨基 (Троцкий), 克格勃 (КГБ), 马克思

列宁主义 (Марксизм-ленинизм). Некоторые в области повседневной жизни: 伏特加 (водка), 布拉吉 (платье), 马林果 (малина), 列巴 (хлеб), 格瓦斯 (квас).

На самом деле, многие из русского языка в китайский, при переводе на китайский язык транслитерируются напрямую. Например, перевод Катюши на китайский – «喀秋莎», квас – «格瓦斯», хлеб – «列巴». В китайском культурном контексте эти слова не имеют определенного значения. Но на основе понимания русской культуры китайцы могут знать, что «喀秋莎» была своего рода ракетой во время Великой Отечественной войны, «格瓦斯» – традиционный русский напиток, а «列巴» означает хлеб.

Вторая часть – это специфическое культурное значение.

Обмены между Китаем и Россией становятся все теснее и теснее, и существует сотрудничество в различных областях. Некоторые слова, относящиеся к товарам с китайскими характеристиками, также очень распространены, такие как «чай», «шелк», «фарфор» и так далее. При понимании китайской культуры использование этой лексики помогает россиянам лучше понять экономическое сотрудничество с Китаем и адаптироваться к нему. Есть также некоторые слова, связанные с китайской культурой, которые обычно используются для описания традиционной китайской культуры и литературных произведений, такие как «каллиграфия», «групповой веер», «Гала-концерт весеннего фестиваля» и так далее. Кроме того, некоторые китайские традиционные обычаи и фестивали также хорошо известны россиянам, такие как «Праздник весны», «Праздник середины осени», «Половина неба» и так далее. Лексика в китайско-российских обменах охватывает различные области, такие как еда, культура, экономика и политика, и имеет определенные лингвистические характеристики и историческое происхождение. Эти слова сыграли важную роль в экономическом и культурном развитии двух стран и оказали положительное влияние на общество. Изучая эту лексику, мы можем углубить наше понимание китайско-российского обмена и сотрудничества, а также способствовать дружбе и обмену между двумя странами.

Преподавателю не следует ограничиваться простым изучением новых слов со студентами. Важно также рассказать историю появления конкретных лексических единиц в русском языке. Как мы отмечали ранее, многие из них являются результатом языковых контактов в рамках межкультурной коммуникации между российской и китайской странами в различные исторические периоды [1, с. 31]. Таким образом, изучение языка требует не

только изучения его языковых знаний, грамматики и другого контента, но и изучения его культуры, чтобы помочь понять и выучить этот язык.

Могут существовать различия в понимании одной и той же лексики учащимися из разных культур, что приведет к трудностям или недоразумениям в общении. Поэтому при преподавании русского языка как иностранного понимание культуры изучаемого языка также является очень важной частью.

В целом, изучение лексико-семантических различий при преподавании русского языка как иностранного не только имеет важное практическое значение, но и способствует постоянному развитию и совершенствованию теории и практики преподавания русского языка. Это способствует индивидуальному и дифференцированному преподаванию русского языка. Преподаватели могут корректировать методы обучения в соответствии с культурным происхождением учащихся и языковыми привычками, чтобы помочь учащимся лучше понять и освоить значение русской лексики, а также могут помочь изучающим русский язык лучше понять и интегрироваться в культурную среду, где используется русский язык, улучшить свои навыки межкультурного общения и улучшить их коммуникацию, навыки общения с русскими и другими русскоговорящими.

Литература

1. Бурцева Татьяна Альбертовна, Ли Сюаньин, Ши Линь. Обучение китайских студентов рки на примере лексических единиц русского языка, заимствованных из китайского // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas, – 2023. – №4. С. – 29-33.
2. Гао Юе. Соизучение языка и культуры в российской и китайской методиках преподавания иностранных языков (русский язык как иностранный; китайский язык как иностранный) // Педагогика. Вопросы теории и практики, 2021. – №6. – С. 949-955.
3. Ло Сяоя. Использование русско-китайских параллелей при обучении русскому языку как иностранному: на примере сравнительного изучения культурных символов в регионах России и Китая. канд. пед. наук, 2006. – 250 с.
4. Цзоу Сюецян. Национально-культурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому как иностранному китайских студентов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. – №45. – С. 437-440.

Feng Weiwei

Pushkin State Russian Language Institute

Differences in vocabulary use in the teaching of Russian as a foreign language in different cultural contexts between China and Russia

The purpose of article is to study the importance of lexical and semantic differences in teaching Russian as a foreign language for intercultural communication. The article takes into account that there are semantic differences in the use of certain words or expressions in different cultural contexts. Through this research, students studying Russian as a foreign language will be able to better understand and translate words, which is of great importance for pedagogy and intercultural communication.

Keywords: Differences, lexical and semantic features, teaching Russian as a foreign language, cultural context

Фэн Цзин

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

fengjing12@yandex.ru

Дистанционное обучение в преподавании русского языка как иностранного в Китае

Работа выполнена под руководством Куваевой Алёны Сергеевны,

к.п.н., доцента кафедры методики преподавания РКИ Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

В данной статье исследуется развитие дистанционного обучения русскому языку как иностранному в Китае, подчеркивается его гибкость, возможность самостоятельного обучения и разнообразие материалов. Рассматриваются онлайн-платформы и приложения, указываются основные проблемы дистанционного обучения, включая ограниченное взаимодействие и требование к самодисциплине учащихся. Делается вывод, что дистанционное обучение обладает значительным потенциалом для развития образования в Китае.

Ключевые слова: дистанционное обучение; онлайн-платформа; русский язык как иностранный; Китай

В современном мире стремительное развитие науки и технологий привело к тому, что традиционные методы и модели обучения не могут соответствовать требованиям глобализации образования. В этом контексте дистанционное обучение предоставляет возможности для обучения без ограничений по времени и пространству. Кроме того, благодаря тесному взаимодействию между Китаем и Россией, интерес китайских студентов к русскому языку значительно возрос. В связи с этим вопросу дистанционного обучения русскому языку как иностранному уделяется большое внимание. Теоретическая значимость данного исследования заключается в продвижении исследований в области дистанционного обучения, в то время как практическая значимость направлена на предложение рекомендаций по оптимизации методик дистанционного обучения и улучшению качества образовательного процесса. Объектом исследования данной статьи являются особенности дистанционного обучения русскому языку как иностранному в Китае. Предмет исследования заключается в детальном анализе онлайн-платформ и ресурсов, а также в изучении взаимодействия студентов с этими платформами.

В результате научно-технического прогресса и растущей потребности в интернационализации образования, модели обучения постоянно совершенствуются и обновляются. Дистанционное обучение, развившееся на основе традиционных форм образования, представляет собой передовую образовательную практику, позволяющую преодолевать физическое расстояние между преподавателями и студентами. В учебнике дается четкое определение дистанционного обучения. «Дистанционное обучение – форма обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся между собой на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемое специфичными средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность» [4, с. 17]. С точки зрения Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина «Составляющими дистанционного обучения являются: учебный центр, информационные ресурсы (учебные курсы, справочные, методические и другие материалы), средства обеспечения технологии дистанционного обучения, преподаватели-консультанты, обучающиеся» [1, с. 65].

В преподавании русского языка как иностранного дистанционное обучение выделяется уникальными преимуществами: гибкостью в выборе места для обучения, автономностью в распределении учебного времени и многообразием учебного контента. Это позволяет учащимся гибко планировать своё обучение, выбирать учебный материал и направление обучения в соответствии с личными образовательными потребностями и интересами, что в свою очередь способствует повышению эффективности обучения. Кроме того, дистанционное обучение русскому языку не только дает языковые знания, но и знакомит с русской культурой, историей, обществом и т.д. через онлайн-ресурсы, способствуя пониманию и общению между представителями разных культур. С.Л. Савилова, А.А. Кропоткина и другие ученые отмечают, что «наряду с традиционными формами обучения все чаще применяют современные способы, которые базируются на таких технологиях, как дистанционное обучение с применением вебинаров, ориентированных на индивидуальные потребности студента и уровень его знаний, что дает возможность сделать образовательный процесс более гибким, универсальным и личностно-ориентированным» [5, с. 114].

Развитие дистанционного обучения русскому языку в Китае началось в конце XX века и активно продолжилось в начале XXI века. По словам М.Б. Ахмедова «В 1996 году Политехнический институт Цинхуа разработал план развития современного дистанционного и сетевого обучения» [2, с. 9]. Изначально, дистанционное обучение опиралось в основном на использование электронной почты и базовых онлайн-ресурсов. Однако, с началом XXI

века и благодаря стремительному развитию интернета, а также укреплению связей между Китаем и Россией, формы дистанционного обучения русскому языку как иностранному значительно расширились и обновились. Вспышка эпидемии COVID-19 в 2019 году дополнительно стимулировала развитие дистанционного обучения, ускорив внедрение новых образовательных технологий. В то время Китайское Министерство образования запустило инициативу «Приостановка занятий без прекращения учебы», в ответ на что университеты активно перешли на онлайн-формат образования, предлагая студентам курсы по различным дисциплинам. Разработаны и внедрены различные подходы к дистанционному обучению, включая живые трансляции, видеолекции и индивидуальные онлайн-консультации. По данным на 8 мая 2020 года, 1454 высших учебных заведения по всей стране проводили онлайн-обучение. Например, преподаватели кафедры русского языка Наньчанского университета активно использовали такие платформы, как DingTalk, WeChat, QQ, Learning Channel и VooV Meeting для публикации учебных материалов и проведения интерактивных вебинаров, что позволило студентам продолжать образование, не выходя из дома.

С быстрым развитием интернет-технологий различные онлайн-платформы и ресурсы стали эффективными инструментами для преподавания русского языка как иностранного. Как указывает И.П. Лысакова: «Интернет с его учебно-методическими сайтами и справочными порталами, сетевыми курсами и форумами стал неотъемлемой частью современной технологически ориентированной коммуникации, которая все больше и прочнее входит в жизнь современно человека, ставшего практически с раннего возраста активным пользователем глобальной информационной сети» [3, с. 60].

В Китае популярными крупномасштабными платформами открытых онлайн-курсов являются China University MOOC, Xuetang Online, iCourse и NetEase Open Courses. Например, Xuetang Online предлагает качественные онлайн-курсы от ведущих университетов как Китая, так и России, включая Хэйлунцзянский университет, Шанхайский университет иностранных языков и Даляньский университет иностранных языков, а также Санкт-Петербургский государственный университет и Уральский федеральный университет. Курсы охватывают широкий спектр тем от базового русского для начинающих до продвинутых курсов по деловому русскому, русско-китайскому переводу и углубленной грамматике, обеспечивая студентам обширные возможности для изучения и углубления знаний. Кроме того, курсы по русской литературе и истории России позволяют студентам расширить свои культурные горизонты и получить глубокое понимание русской культуры. В то же время специализированные приложения для изучения языка, такие как Duolingo, Salad Russian и

Wright Russian, значительно повышают увлекательность и эффективность изучения русского языка благодаря интерактивным и игровым методам обучения.

Дистанционное обучение русскому языку как иностранному открывает для студентов множество удобств и новых путей для изучения языка, но также сталкивается с рядом вызовов и ограничений. Например, отсутствие непосредственного взаимодействия между преподавателями и студентами и низкая активность учащихся. Кроме того, успешное дистанционное обучение требует от студентов высокой степени самодисциплины и от преподавателей – умения эффективно применять технологии дистанционного обучения.

Для улучшения вовлеченности студентов и повышения качества обучения, преподаватели могут использовать различные интерактивные методы и инструменты, включая онлайн-тесты, групповые обсуждения и игры, а также разнообразные формы оценки, такие как онлайн-экзамены, групповые проекты и устные доклады. С развитием интернет-технологий ожидается, что дистанционное обучение русскому языку как иностранному будет двигаться в направлении усиления индивидуализации и интеллектуализации учебного процесса.

В целом дистанционное обучение занимает ключевую позицию в преподавании русского языка как иностранного в Китае. Оно не только предоставляет студентам гибкие и разнообразные варианты обучения, но и способствует инновациям и развитию методов преподавания. Ожидается, что с развитием технологий и обновлением образовательных концепций дистанционное обучение русскому языку будет и дальше развиваться и обеспечивать учащимся более эффективный и результативный опыт обучения.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва : ИКАР, 2009. – С. 65.
2. Ахмедов М.Б. Дистанционное обучение в Китае // Современное образование (Узбекистан). – 2014(10). – С. 8-12.
3. Лысакова И.П. Методика обучения русскому языку как неродному / под ред. И.П. Лысаковой. – Москва : Издательство «Русайнс», 2015. – С. 60.
4. Полат Е.С. Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учебн. заведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева; Под ред. Е.С. Полат // Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – С. 17.
5. Савилова С.Л., Кропоткина А.А. и др. Дистанционное обучение иностранному языку в период пандемии на примере русского языка как иностранного: из опыта работы // Цифровая

гуманитаристика и технологии в образовании: Сборник материалов. – Москва : Издательство ФГ-БОУ ВО МГППУ, 2020. – С. 112-123.

Feng Jing

The Pushkin State Russian Language Institute

Distance learning in teaching Russian as a foreign language in China

This article explores the development of distance learning of Russian language in China, emphasizing its flexibility, the possibility of independent learning and the variety of materials. Online platforms and applications are discussed, and the main problems of distance learning are pointed out, including limited interaction and the requirement for student self-discipline. It is concluded that distance learning has significant potential for the development of education in China.

Keywords: distance learning; online platform; Russian language; China

Хабовец Александра Григорьевна

Государственный Институт русского языка имени А.С. Пушкина

Khabovetsa@inbox.ru

Лингвостилистические особенности эффективной коммуникации в социальных сетях на примере групп молодежных организаций

Работа выполнена под руководством Селезневой Ларисы Васильевны, доктора филологических наук, доцента

Статья посвящена анализу коммуникации в социальных сетях групп молодежных организаций, выявлению, структурированию и описанию функциональной роли ее лингвостилистических особенностей.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, социальные сети, коммуникация, молодежные организации.

С развитием социальных сетей виртуальная коммуникация становится ведущим инструментом взаимодействия. На различных Интернет-площадках появляются сообщества, которые используют социальные сети и Интернет-язык для ведения эффективной коммуникации и распространения собственных идей в массы. Именно лингвостилистические особенности играют ключевую роль в ведении коммуникации в социальных сетях, которые на сегодняшний день активно совершенствуются и занимают важнейшую роль в поддержании контакта между людьми, организациями.

Определенные лингвостилистические способы оформления речи в социальных сетях помогают пользователям достигать поставленных целей, получая желаемый результат – совершение целевого действия: покупка, подписка, реакция, комментарий, бронирование и т.д. Корректное использование необходимых лингвостилистических особенностей может

стать главным инструментом продвижения идей и предложений организаций, личного бренда или продукта больших компаний на Интернет-ресурсах.

С увеличением возможностей реализации идей для школьников и студентов в социальных сетях стало появляться все больше групп молодежных организаций, которые направлены на продвижение и активацию молодежного потенциала в сфере социального проектирования, бизнеса, волонтерских движений и других областей культурно-просветительской, военно-патриотической и других общественных деятельностей.

Основываясь на статистике публикаций таких групп молодежных организаций в социальной сети «ВКонтакте», как «Международный Ломоносовский Клуб», «Международное сообщество «Душа мира» и «Покоряя Россию», на которые подписаны представители молодежи в возрасте от 12 до 25 лет, можно выявить ряд лингвостилистических особенностей, используемых в их ведении, которые вызывают самую положительную и активную реакцию на публикациях среди подписчиков.

Проанализировав статистику 54 постов, опубликованных в приведенных выше группах молодежных организаций в социальной сети «ВКонтакте», в данной работе мы выявили ряд лингвостилистических особенностей различных уровней языка.

1. Молодежный сленг. Публикации, в которых присутствуют примеры из молодежного сленга, популярны среди подписчиков, о чем свидетельствует большое количество положительных реакций – «лайков»: «...ведь это настоящий «отдых, кайф, радость и удовольствие», или по-другому **чиназес!**» («Международный Ломоносовский Клуб»), «...ловите **пруфы...**» («Покоряя Россию»). Подобные слова и выражения показывают развитие языка и его обновление [2, с.2], привлекают внимание представителей молодого поколения, так как полностью отражают их обыденное речевое поведение в жизни, повышая уровень доверия и лояльности к публикации и группе в целом.

2. Фразеологизмы и афоризмы с намеренно измененными составными частями. Устойчивые словосочетания или известные выражения в заголовках публикаций интересны для подписанной аудитории и являются основой мотивации для прочтения всего текста поста, однако большую увлеченность вызывают измененные фразеологизмы и афоризмы под контекст и тематику публикации: «Не место красит человека, а мерч...» («Международный Ломоносовский Клуб»), «Путешествия - то, что доктор прописал» («Покоряя Россию»). На первый взгляд знакомые фразы не удивляют так сильно подписчиков, как эти же выражения с деформированным составом слов.

3. Риторические вопросы и риторические восклицания. Риторические вопросы и риторические восклицания побуждают заинтересованную аудиторию найти прямой ответ или выразить собственное мнение на эмоционально окрашенную фразу: «Хочешь поработать в команде молодых, креативных и опытных организаторов фестиваля «Душа мира»?» («Международное сообщество «Душа мира»), «Признавайтесь, тоже ждете новые проекты Клуба?» («Международный Ломоносовский Клуб»). Логическая незаконченность или прием для передачи чувств или эмоций вызывает любопытство и желание углубиться в тематику дальнейшего повествования и целиком прочитать пост, выразив собственное отношение к нему.

4. Эпитеты и избыточное количество прилагательных. Образные определения делают текст публикации многограннее, красочнее и увлекают пользователя Интернет-ресурса нестандартными и выразительными формулировками. Большое количество прилагательных, в свою очередь, побуждают человека представлять объект или ситуацию, применяя использованные определения: «...**замечательного** проекта...» («Международное сообщество «Душа мира»), «...вспомнили самые **яркие** моменты...» («Покоряя Россию»), «...сделать ближайшие 12 месяцев по-настоящему **огненными**...» («Международный Ломоносовский Клуб»).

5. Простые предложения. Статистика показывает, что публикации, в которых больше простых предложений, чем сложных, собирают много положительных реакций. Эффективность процесса упрощения информации в социальных сетях напрямую связан с первостепенной целью использования Интернет-площадок – отдыхом и расслаблением. Отсутствие усложнения мотивирует подписчика прочитать текст публикации и быстро ознакомиться с информацией: «Новая неделя - повод для новой литературной рекомендации!» («Международный Ломоносовский Клуб»), «Псков уже ждет туристов» («Покоряя Россию»), «Душа мира глазами участников» («Международное сообщество «Душа мира»).

6. Обращения. Обращения в публикациях групп сближают пользователей и молодежную организацию, создают образ «прямой коммуникации» между подписчиком и организатором группы: «**Дорогие друзья**, 2 месяца назад мы вместе...» («Международное сообщество «Душа мира»), «**Друзья**, поздравляем вас...» («Покоряя Россию»), «...да, да и еще раз да, верно, **Ломоносовцы?**» («Международный Ломоносовский Клуб»).

7. Глаголы в повелительное наклонении. Использование глаголов в повелительном наклонении напрямую побуждает пользователя совершить целевое действие – прочитать, посмотреть, проголосовать и т.д. Такой инструмент коммуникации увеличивает

количество реакций на публикации и повышает эффективность поста: «**Не упускай** возможность внести свой вклад...» («Международное сообщество «Душа мира»), «**Лови** Клубное тепло...» («Международный Ломоносовский Клуб»).

Все вышеперечисленные лингвостилистические особенности используются в публикациях для эффективного решения прагматической задачи, установленной редакторами группы молодежной организации [1, с. 2]. Именно благодаря этим коммуникационным инструментам пользователи социальных сетей активно реагируют на публикации, выражают собственное мнение, делятся информацией с окружением, проявляя интерес к опубликованному тексту.

В большинстве случаев данные особенности настроены на повышение уровня любопытства представителей молодого поколения к материалу в публикации и основаны на знакомых формах выражения, но несколько измененных, что вызывает у подписчика желание найти причину деформации обыденной формулировки.

Эффективность коммуникации достигается путем приближения виртуального контакта подписчиков молодежных групп с представителями организации к более личностному, неофициальному формату взаимодействия, при котором появляется высокий уровень доверия, заинтересованности в предлагаемой информации и желании следить за актуальными новостями группы.

Литература

1. Галиханова Ф.У., Давлетбаева Д.Н. Лингвостилистические особенности рекламных текстов в сфере деловой рекламы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-2 (75). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilicheskie-osobennosti-reklamnyh-tekstov-v-sfere-delovoy-reklamy> (дата обращения: 18.03.2024).
2. Исаева А.Ю., Акимцева Ю.В., Грекова Д.М. Лингвистические особенности сетевого общения (на материале англоязычных комментариев в социальных сетях Facebook и Instagram // Известия ВГПУ. – 2020. – № 2 (145). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-setevogo-obscheniya-na-materiale-angloyazychnyh-kommentariev-v-sotsialnyh-setyah-facebook-i-instagram> (дата обращения: 18.03.2024).
3. Казарцева О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения. – Москва : Наука, 2000. – 120 с.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – Москва : Флинта, Наука, 2008. – 463 с.

5. Крючков Н.Ю., Глебенко Л.Ю. Лингвостилистические особенности новостных текстов // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2023. №4 (53). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-novostnyh-tekstov> (дата обращения: 18.03.2024).
6. Масликова О.С. Языковые особенности общения в Интернет- пространстве // Инновационная наука. – 2019. – № 9. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-obscheniya-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 18.03.2024).
7. Матвеева А.С. Лингвостилистические особенности научных текстов (на материале современного английского языка) // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2017. – № 3 (37). – [Электронный ресурс] URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4515> (дата обращения: 18.03.2024).
8. Скачкова Е.А., Ещеркина Л.В., Денисова И.В. Политический дискурс в англоязычных и российских СМИ (на примере выступлений политических деятелей США и России) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2021. – №2. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-v-angloyazychnyh-i-rossiyskih-smi-na-primere-vystupleniy-politicheskikh-deyateley-ssha-i-rossii> (дата обращения: 18.03.2024).

Khabovets A.G.

Pushkin State Russian Language Institute

Linguistic and stylistic features of effective communication in social networks on the example of groups of youth organizations

The article is devoted to the analysis of communication in social networks of groups of youth organizations, identification, structuring and description of the functional role of its linguistic and stylistic features.

Keywords: linguistic and stylistic features, social networks, communication, youth organizations.

Хайруллина Регина Ринатовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
meegete@gmail.com

Идиостилистические особенности передачи маргинальной речи на материале книги Э. Портер «Поллианна»

Работа выполнена под руководством Востриковой Ольги Владимировны, кандидата филологических наук, доцента

В статье рассматриваются лингвистические особенности передачи маргинальной речи героев романа «Поллианна» Э. Портер. Выявлено, что стилизация маргинальной речи персонажей указывает, в большей

степени, на их социальное положение и необразованность, нежели на территориальную принадлежность. В качестве показателя неграмотности персонажа чаще используются фонетические и лексические, нежели грамматические ошибки.

Ключевые слова: маргинальность, речевой портрет, диалект, языковая вариативность, Поллианна, маркер.

В современной лингвистике сохраняется интерес к т. н. «маргинальным» речевым особенностям, находящимся на периферии языковой системы. С социолингвистической точки зрения, изучение языковой вариативности и способов ее передачи в художественном произведении помогает установить связь между культурным и историческим контекстом и способами его отражения в форме диалектных разновидностей языка [5]. Кроме этого, речевые отклонения от нормы являются наиболее яркими маркерами социальной и территориальной идентификации говорящего. С литературоведческой точки зрения, языковая маргинальность является результатом намеренной авторской стилизации, что, в свою очередь, позволяет проследить личное отношение писателя к героям или явлениям и зафиксировать наличие индивидуальных авторских выразительных средств.

В лингвистике к маргинальной речи относят как языковые формы, существующие в пространственной и звуковой неорганизованности (состояние измененного сознания, магические и религиозный дискурс, детское общение и пр.), так и все характерные черты речи, отклоняющиеся от нормы [1, с. 119]. Описание явления маргинальности невозможно без установления языковой вариативности, которая в английском языке является показателем территориальной и социальной идентификации людей [7, с. 32]. Разделяют коллективную и индивидуальную языковые вариативности, разграничение которых в зависимости от контекста может различаться, и проявления одной из них могут переходить и включаться в структуру другой. Для установления нормы и ее отклонений применяется полевой подход, преимущество которого заключается в способности упорядочить все языковые явления в одной системе и отразить социальные расслоения в обществе [3, с. 215].

При составлении портрета героя немаловажную роль играет его речь. При изучении неграмотной речи героев в художественной литературе затрагиваются следующие аспекты:

1. Роль неграмотной речи в обозначении социального статуса персонажа, его территориальной идентификации и уровня образования.
2. Нестандартная речь как литературное средство для создания определенного настроения или тона повествования.
3. Использование неграмотной речи для выделения культурного и исторического контекста.

4. Речь с нарушениями в качестве характеристики начальной этапа развития персонажа и постепенного приближения его речи к нормам стандартного языка [6].

В качестве материала для исследования был выбран роман Элинор Портер «Поллианна». Все события происходят в вымышленном городе Белдингсвилле, штате Вермонт. В основе сюжета лежит рассказ о жизни осиротевшей девочки Поллианны, которая учит окружающих «игре в радость». Главное правило игры – извлекать из каждой жизненной ситуации только хорошее.

В исследуемом оригинальном тексте на территориальную и социальную характеристику персонажа указывают определенные фонетические особенности речи героев. С учетом того, что все события в романе происходят в несуществующем городе и о привязке персонажей к какой-либо конкретной области проживания относительно реального мира не представляется возможным, то можно говорить о неопределенно-диалектных языковых формах, отражающих лишь социальную характеристику речи и указывающих на ее надтерриториальный характер [9, с. 64]. С другой стороны, зная приблизительное месторасположение города Беллдингсвилла (штат Вермонт), в работе будут исследованы черты некоторых территориальных диалектов, отраженных в речи героев.

Для передачи фонетических особенностей речи героев автор использует прием буквенной транскрипции:

1. пропуск букв в словах, в большинстве случаев с использованием апострофа: *goin'* (*going*), *s'pose* (*suppose*), *doin'* (*doing*), *ol'* (*old*), *doon* (*doing*);
2. альтернативное написание: *wuz* (*was*), *git* (*get*), *d'yer* (*do you*), *fitty* (*fifty*), *keerful* (*careful*);
3. слитное написание слов: *y'know* (*you know*) *hadda* (*had to*), *lemme* (*let me*), *gotta* (*got to*);
4. комбинированное сочетание слитного и альтернативного написания: *hadda* (*had to*), *lemme* (*let me*), *gotta* (*got to*), *outta* (*out of*).

Теперь необходимо определить, в каких случаях используются вышеприведенные разновидности буквенной транскрипции и какие явления диалектной, индивидуальной или просто разговорной речи они отражают. Довольно часто встречаются примеры пропуска окончания последней буквы в словах *muna doing*, *watching*, в результате чего велярный носовой звук /ŋ/ заменяется альвеолярным носовым /n/. Данное явление характерно для некоторых южных диалектов американского варианта английского языка и афроамериканского разговорного английского языка (African-American Vernacular English). Например: «*I'm thinkin' o' gettin' up a petition*», – миссис Сноу.

Для исследуемого текста также характерен частый пропуск букв или буквенных сочетаний в начале слов, что объясняется слабой позицией и редукцией этих звуков. Например: *'twas (it was)*, *'cause (because)*, *'member (remember)*, *'spect (expect)*. Нарушением произносительной нормы является редукция звуков в середине слова или же стяжение среднего слога: *prob'ly (probably)*, *c'n (can)*, *wit'out (without)*. Альтернативное написание выражается через регрессивную ассимиляцию звуков, то есть предыдущий звук изменяется под влиянием последующего: *bustle* вместе *bottle*, *srimp* вместо *shrimp*. Также встречается изменение гласных звуков, которое зависит от его положения к ударному звуку: *hid (head)*, *hind (hand)*, *kit (cat)*.

Для создания диалектных языковых форм применяются средства исключительно графического характера. Одним из таких является т. н. «зрительный диалект» (eye dialect) [5, с. 116], при котором используются письменные формы слов, соответствующих произносимым вариантам в ненормативной речи и с точки зрения правил орфографии считаются отклонениями от нормы. В художественных текстах такие особенности передаются зачастую с помощью апострофа или написания слов в неправильном орфографическом виде: «*I've hed an awful narvous spell, an' Mis' Snow hez ben here helpin' me git straightened out.*» – зрительный диалект для «*I've had an awful nervous spell, and Mrs. Snow has been here helping me get straightened out.*».

Наибольшее количество ярких и частых произносительных ошибок наблюдается в речи находчивого и благородного Джимми Бина, мальчика-сироты, друга Поллианны, работающего на конюшне:

1. выпадение /w/: *'ould (would)*, *'ater (water)*;
2. выпадение /t/: *ge' through (get through)*, *ge' rid (get rid)*;
3. ротацизм: звук «r» исчезает: *cah (car)*;
4. явления, называемые «vowel breaking» и «vowel fronting», то есть звуки гласных звуков становятся более «передними» и изменяют свою форму. В речи Джимми слово *pan* звучит как *pin*, а слово *pin* – как *pen*. Vowel breaking может сопровождать ротацизм: *fatha (father)*, *betta (better)*, *winta (winter)*;

5. неправильное использование дифтонгов и трифтонгов: слово *night* он произносит *nah-eet*, *house* – как *heows*; *now* – как *neaw*; *time* – как *toim*.

Речь садовника Тома также обладает яркими характерными чертами, отражающими его происхождение и социальный статус. Среди наиболее распространенных произносительных отклонений в речи персонажа выделяются:

- редуцирование звуков: *ye (you)*, *gal (girl)*, *nart'ral (natural)*;

- упрощение произношения звуков /v/ и /əv/: *ter (to), ter-morrer (tomorrow), fellow (feller)*;
- форма глагола типа *a-goin', a-comin', a-tellin'*, где буква *a* либо замещает глагольные связки *am, is* и *are*, либо употребляется совместно с ними в качестве уже устоявшейся глагольной формы в индивидуальной речи персонажа, например: *I'm a-wonderin', they a-wearin'*.

Разговорная лексика наблюдается только в речи детей (Полианна, Джимми), также помощницы по хозяйству Нэнси, старого садовника Тома и пожилой женщины-инвалида Миссис Сноу. В тексте наблюдаются следующие просторечия:

1. одиночные слова: *missus* (хозяйка), *mangu* (паршивый), *tramp* (бродяга), *evil-smellin'* (зловонный);
2. выражение, обозначающие эмоции, но не являющиеся формальными и стандартными: *My stars and stockings», For the land's sake, Drat it!*;
3. идиомы: *feedin' on wormwood an' thistles, Beat the Dutch!*

Далее приведены примеры искажения общепринятых словосочетаний и выражений, тем самым переходящих в разряд просторечий. Они могут рассматриваться без контекста.

1. Словосочетание *speed towards»* является просторечным эквивалентом формального *move quickly towards* или *rush towards*. Оно используется для передачи быстрого движения в определенном направлении.
2. *As nigh Heaven as she could* вместо *as close to Heaven as she could*: Здесь *nigh*, происходящее от староанглийского *nēh*, используется как более просторечный вариант слова *close*.
3. *Gone on a stroll* вместо *gone for a walk*: здесь *stroll* используется вместо *walk*, чтобы передать более легкий, беззаботный характер прогулки.

В сфере грамматики прослеживаются общие языковые нарушения. К таковым относятся:

1. использование двойного отрицания: *There wasn't none of the rest of 'em married*;
2. неправильное употребление времени глагола или опущение вспомогательного глагола: *Yes, I know. It begun then*. 3 форма глагола в английском языке может существовать самостоятельно только в качестве причастия (напр. *a broken frame*), однако в этом предложении глагол *begun* используется в выбранной форме ошибочно. В другом случае, он должен был быть в связке с вспомогательным глаголом *had*;
3. просторечный глагол связка *ain't* вместе нормативных *isn't, aren't, am not*: *There ain't no dirt here—and there's mighty little else*;

2. 4. неправильное согласование глагола *have* с существительным 1 лица: *Well, she ain't goin' ter Heaven that way ter-night– not if I has my say*. Личное местоимение *I* по правилам английского языка согласуется с глаголом *have*, в то время как с глаголом *has* используются только местоимения 3 лица.

Количественно грамматические ошибки уступают место фонетическим и лексическим. Предпочтительное использование грамматических языковых нарушений свидетельствует о намерении автора утрировать отображение диалектной речи [2, с. 142]. Большее распространение в качестве речевой характеристики персонажей в англоязычных произведениях получили нарушения правил употребления видовременных форм глагола, нормы согласования подлежащего и сказуемого, а также опущение вспомогательного глагола и глагола-связки [4, с. 76].

Таким образом, среди фонетических особенностей чаще всего встречаются: редуцированные окончания слов всех частей речи, пропуск букв или буквенных сочетаний в начале слов, стяжение среднего слога, регрессивная ассимиляция звуков. Среди лексических отклонений от нормы выделяются: использование сниженной лексики (одиночные слова, идиомы, фразы для выражения эмоций) и нарушения в лексической сочетаемости, изменения общепринятых выражений, искажающие первоначальный смысл. При анализе грамматических ошибок было выяснено, что передача неграмотной речи выражается в большей степени посредством нарушений в использовании глагола: временная несоотнесенность однородных членов, опущение глаголов-связок, несогласование некоторых модальных глаголов с лицом существительного. В целом, обращение автора к изображению жизни неграмотных, малообразованных людей обусловлено культурными и историческими явлениями конца XIX-начала XX вв., а привнесение в речь героев маргинальных черт способствовало отражению реально существующих территориальных и социальных диалектов.

Литература

1. Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. 2-е изд. – Москва : Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 232 с.
2. Леонтьев А.А. Язык и речь: Предмет и метод лингвистики. – Москва : Наука, 1965. – 392 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве : собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2005. – 384 с.

4. Мотожанец А.А., Козаренко Ю.А. Лингвопрагматический аспект передачи грамматических маркеров речевой характеристики персонажей при переводе англоязычного художественного текста // *Культура и цивилизация*. – 2017. – Том 7. – № 4А. – С. 73-82.
5. Мячинская Э.И. Характер влияния современных диалектов на нормативный английский // *Материалы конф. «Англистика в XXI веке»*. 22-24 ноября 2001 г. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 110-121.
6. Krapp G.P. The English Language in America [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/englishlanguagei013912mbp> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation // *Annual Review of Anthropology*. – 2015. – Т. 44. – P. 25-37.
8. Eleanor H. Porter. Pollyanna // Литературный портал «Литёка»: [Электронный ресурс]. – 2012. – URL: <https://liteka.ru/english/library/349-pollyanna>
9. Irvine J.T., & Gal S. Language ideology and linguistic differentiation. // *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities* / Ed. by P. V. Kroskrity. – Santa Fe, NM: School of American Research Press, 2001. – P. 35-83.

Khairullina R.R.

Pushkin State Russian Language Institute

Idiostylistic features conveying marginal speech in E. Porter's book «Pollyanna»

The paper examines the linguistic features of transmitted marginal speech typical of the characters in the novel «Pollyanna» by E. Porter. It is revealed that the stylization of the characters' marginal speech indicates, to a greater extent, their social status and lack of education, rather than their territorial affiliation. Phonetic, lexical errors are preferred to grammatical ones.

Keywords: marginality, speech portrait, dialect, linguistic variability, Pollyanna, marker.

Хак Алия Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

khak.aliya@yandex.ru

Сравнительно-сопоставительный анализ русских и английских народных колыбельных песен

Работа выполнена под руководством Безрукова Вадима Аркадьевича, кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу сюжетов русских и английских народных колыбельных песен. Подробно рассматриваются художественно-стилевые особенности их текстов. В работе устанавливается общая тематика в смысловом содержании колыбельных, обусловленная историко-культурными особенностями развития народов.

Ключевые слова: колыбельные песни, русский язык, английский язык, фольклор, художественный анализ.

Колыбельная песня – исключительный фольклорный жанр, характеризующийся в качестве первоначальной формы развития словесного искусства. Поколение за поколением она знакомит детей с народной поэтической песенной традицией ещё с первых дней жизни.

Несмотря на национальную специфику текстов, многие образы, мотивы и даже сюжеты колыбельных песен схожи у разных этносов. Такое смешение культурных аспектов объясняется явлением генетического характера – для этнических групп, которые имеют общую историю и языки, происходящие из одной языковой семьи, подобные сходства могут быть обусловлены общим происхождением.

Подобные черты в колыбельных песнях у народов, принадлежащих к разным языковым семьям, но имеющих исторические связи друг с другом (например, русские и финны), объясняются взаимным влиянием на разных уровнях. Также в фольклоре народов, проживающих на разных континентах и, вероятно, никогда не встречавшихся, можно найти близкие темы, сюжеты и персонажей. Сходства данного вида называют типологическими. Они объясняются тем, что на совпадающей стадии развития у разных народов складываются похожие формы семейных и общественных институтов, религиозные обряды, верования, что, в свою очередь, приводит к совпадению идеалов и конфликтов [2].

Современная наука всё чаще обращается к проблеме изучения взаимоотношений языка и фольклора. Актуальность данного вопроса обуславливается влиянием древних представлений о мире, заложенных в ранних формах развития словесного искусства, на непосредственное формирование национального менталитета. Однако в мировой научной базе всё ещё не находится достаточного количества подтвержденных источников и авторитетных исследований для формулирования соответствующих выводов по теме.

Слушая колыбельные песни, ребёнок чувствует комфорт, умиротворение, безопасность. Так, через колыбельную песню ребёнок воспринимает и усваивает первичную информацию об окружающем мире: в момент засыпания мозг ребёнка находится в пассивном состоянии, но его подсознание, наоборот, наиболее активно [5, с. 18]. Именно поэтому в народе искусство пения колыбельных песен особенно ценилось и передавалось из поколения в поколение. Современные отечественные и зарубежные исследователи также придерживаются единого мнения, согласно которому колыбельные песни и раннее чтение способствует полноценному личностному развитию ребенка и многогранной социальной адаптации: «When should we start reading to our children? Short answer – as soon as we start talking to them» [5, с. 15]; «...Rhyming or poetry books. Books that provide fun sounds and rhythms

quickly engage the infant ear. Children find pleasure in words that rhyme for the same reason humans subconsciously enjoy looking at stripes and plaids or listening to musical harmony – they help to arrange a chaotic world» [5, с. 20].

Этимология слов для обозначения колыбельных песен имеет интересное толкование в обоих языках. В русском языке прилагательное «колыбельная» произошло от древнерусского глагола «колыбать» (колебать, колыхать, качать) [3, с. 299]. Кроме того, существует этимологическая теория о происхождении слов «колыбать», «колыбель» от корня «коло (хоро)» — круг, колесо, знак в славянской мифологии, символизовавший круговое движение солнца (Хорса) по небосводу и подземному морю мрака, — и подразумевает мерное, повторяющееся, цикличное движение. В бытовой речи колыбельные песни часто называли «байками» по аналогии с глаголом «баюкать» (качать, усыплять) [3, с. 299].

В английском языке для обозначения понятия «колыбельная песня» существует два синонимичных существительных: «lullaby», произошедшее от глагола «lull» — «убаюкивать, баюкать, укачивать» и «cradle» от древнеанглийского «cradol» — «детская кроватка», который в свою очередь образовался от прагерманского «kradulaz» — «корзина». Примечательно, что существительное «lullaby» представляет собой комбинацию лексем «lulla» (от среднеанглийского «lullay»), «lollai» и «bye», что означает «прощание» [6]. Слияние этих лексем в одно слово произошло ещё в конце XVI в. В этот же период популярность обрела гипотеза (однако до сих пор недоказанная) о том, что слово «lullaby» обозначает «Lilith, go away», «Lilith abi» (с древнееврейского) – «уйди, Лилит». Данное явление объясняется тем, что в XVI в. Англия претерпевала изменения в системе государственного устройства из-за процесса церковных преобразований и снижения авторитета папы римского и католической церкви, который привёл к созданию англиканской церкви [2].

Таким образом, форма колыбельной песни даже в языковом выражении постепенно сложилась в результате многовекового отбора лучших вариантов у обоих народов. Как название колыбельной песни связывается с бытом ребёнка и его окружающей действительностью (колыбель, убаюкивание матери), так и её содержание предполагает спокойствие и размеренность. Как правило, колыбельная представляет собой небольшое по объёму произведение, состоящее в среднем из 8 строк и коротких (1-2 стиха) строф: «Баю - баюшки - баю, / Не ложися на краю. / Придёт серенький волчок, / Он ухватит за бочок. / Он ухватит за бочок / И потащит во лесок, / Под ракитовый кусток. / К нам, волчок, не ходи,

/Нашу Машу не буди» (Другой вариант окончания: «Там птички поют /Тебе спать не дадут») [1] // «Twinkle twinkle little star/ How I wonder what you are/ Up above the world so high/ Like a diamond in the sky/ When the blazing sun is gone/ When there's nothing he shines upon/ Then you show your little light/ Twinkle, twinkle, through the night» [4].

Колыбельные песни, как и другие малые и крупные литературные жанры, можно классифицировать по тематическому и смысловому содержанию. Система образов в колыбельных песнях давно вызывала интерес у ученых. Исследователи полагают, что именно образы, используемые в колыбельных песнях, формируют у детей некоторую модель мировосприятия [5]. Так, на основе анализа английских и русских народных колыбельных песен, была выявлена общая тематика в их смысловом содержании и установлен ряд различий, которые могут быть обусловлены историко-культурными особенностями развития и формирования народов.

За основу данной систематизации колыбельных песен были взяты исследования О.Е. Угловой, А.Н. Мартыновой (теория шестнадцати «тематических гнезд», берущих начало от «центральных персонажей, образов и лейтмотивов») и классификация персонажей колыбельных песен Л.Р. Хафизовой (4 группы: антропоморфные образы сна, представители животного мира, христианские образы и близкие ребенку люди) [2].

Исходя из упомянутых выше типологий по общности и схожести тем, выделено пять тематических групп: 1) тема природы и животных; 2) христианские образы и тема Бога, 3) тема мифических существ и других вымышленных персонажей, 4) тема родителей и образ ребенка, 5) тема поощрения и наказания.

Далее подробно рассматривается раздел природы и животных в упомянутой классификации.

И англичане, и русские издревле занимались ведением сельского хозяйства, земледелием, скотоводством и охотой, поэтому в колыбельных песнях часто встречаются образы домашних и диких животных. Среди домашних обитателей животного мира в колыбельных обеих культур чаще всего упоминаются коты и кошки, коровы, собаки, лошади и овцы («Баю-баюшки-баю, баю деточку мою... Приди, котик, ночевать, уж как я тебе, коту, за работу заплачу... // А вы котики-коты, /Нанесите дремоты, /Чтобы деточки мои, /Уснули поскорее; Баю-бай, баю-бай, / Ты, собачка, не лай,/ Белолопа, не скули,/ Мою Таню не буди» [1]; «Bossy-cow, bossy-cow, where do you lie?/ In the green meadows, under the sky// Hey, diddle, diddle, /The cat and the fiddle,/ The cow jumped over the moon./ The little dog laughed/ To see such sport/ And the dish ran away with the spoon// Hickory, dickory, dock,/ The mouse ran up the clock./ The clock struck one,/ The mouse ran down!/ Hickory, dickory, dock» [4]). В русских

колыбельных особенно выделяется образ Кота — одного из самых популярных персонажей песен для детей. Он приносит из «заморья» сон и забирает бессонницу: «Кошки-коты, принесите дремоты», «Кот из-за моря притёк, / Нашему Янушке сна приволок» [1]. Его приглашают работать нянькой, просят усыпить ребенка: «Приди, котик, ночевать, / Приди Ванюшку качать. / Я те, котик, заплачу — / На неделю дам харчу...» [1]. А колыбели кота и ребёнка часто сравниваются — и всегда это сравнение в пользу ребенка: «У кота была кота/ Да колыбелька золота, / Как у нашего Ванюши/ Получше того, / Получше того/ Да покрасивее его...»

Однако дикие животные представлены совершенно по-разному. В русских лесах обитают медведи, волки, лисы, зайцы, соболи, куницы. Об этих животных поётся в русских колыбельных песнях («Лисицы спят все по подкусточкам, / Куницы спят все по норочкам, / Соколы спят / Все по гнёздышкам, / Соболя спят, / Где им вздумалось, / Маленькие детки в колыбельках спят»; «Баюшки-баюшки, / Скакали горностаюшки. / Прискакали к колыбели / И на Сашу поглядели. / И сказал горностаю: / «Поскорее подрастай! / Я к себе тебя снесу, / Покажу тебе в лесу / И волчонка, и зайчонка, / И в болоте лягушонка, / И на елке кукушонка, / И под ёлкою лису» [1]).

В английских народных колыбельных песнях часто встречается образ, совершенно незнакомый русскому фольклору — дикий олень. Это гордое животное нередко рассматривается в качестве символа борьбы со злом, образа благородного и честного воина, отличающегося моральными качествами и верностью идеям («The birds are singing, the bells are ringing, /The wild deer come galloping by, by» [2]). К тому же, Англия находится на острове, рыбалка всегда была одним из основных промыслов, неслучайно во многих колыбельных рыба — основной персонаж (There are two little stars that play at bo-peep, /With two little fishes far down in the deep) [2].

В отличие от русских песен, в английских композициях животные не выполняют роль «нянюшки», а обычно помогают по хозяйству или идут крадучись, чтобы не разбудить малыша.

Таким образом, колыбельные песни являются важным средством для передачи культурных и национальных традиций, так как они содержат элементы национальной музыкальной и поэтической культуры. Они помогают формировать и укреплять национальную идентичность малышей, знакомят их с традициями и ценностями своего народа. Как русские, так и английские колыбельные песни отражают особенности и красоту языка, включая его звуки, ритмы и мелодии. Они являются важным аспектом культурного

наследия каждой национальности и способом сохранить и передать его следующим поколениям.

В заключение следует подчеркнуть значительный потенциал колыбельных песен русского и английского языков для дальнейшего и более детального их изучения.

Литература

1. Русские народные колыбельные / – URL: <https://www.u-mama.ru/read/obaby/text/lullabies/3851.html> (дата обращения: 14.02.2024).
2. Углова О.Е. Сравнительно-сопоставительный анализ сюжетов русских и английских народных колыбельных песен // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты // Материалы XVI Всероссийской студенческой научно-практической конференции. В 2-х частях, Челябинск, 26–27 апреля 2018 года. В 2-х частях. – Челябинск: Челябинский филиал ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2018. – С. 30-33.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2. – Москва: АСТ, 2009. – 672 с.
4. Bedtime Lullabies & Baby Songs in English / URL: <https://bilingualkidspot.com/2021/08/11/lullabies-baby-songs-lyrics-english/> (дата обращения: 14.02.2024).
5. Emma Walton Hamilton Raising Bookworms: Getting Kids Reading for Pleasure and Empowerment. – NY, U.S.A.: Beech Tree Books, 2008. – 208 p.
6. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford University Press, 1996. – 580 p.

Khak A.E.

Pushkin state Russian language institute

Comparative and correlative analysis of Russian and English folk lullabies

The article is devoted to the comparative analysis of the plots of Russian and English folk lullabies. The attention is directed to the artistic and stylistic features of the texts of the songs. The work establishes a common theme in the semantic content of lullabies, conditioned by historical and cultural peculiarities of the peoples' development.

Keywords: lullaby songs, Russian language, English language, folklore, artistic analysis.

Хао Цзэлунь

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

haoze@126.com

Характеристики объектов в русском музыкальном жаргоне

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Владимира Ильича Карасика

В музыкальном жаргоне существует обширная группа объектов, иронически обозначаемых музыкантами. Они используют юмор и сарказм, присваивая имена и прозвища различным аспектам своей деятельности. Этот специфический вид общения позволяет музыкантам весело относиться к своей работе, создавая своеобразный язык внутри музыкального сообщества. Такие иронические наименования помогают укрепить внутреннюю связь между участниками и добавляют колорита в общение в музыкальной среде.

Ключевые слова: профессиональный социолект, музыкальный жаргон, специализированные жаргонизмы, экспрессивность, номинативная техника.

Жаргон представляет собой социальный вариант языка (социолект), используемый для общения представителей определенной группы общества и включающий лексические и фразеологические единицы, позволяющие противопоставить эту группу остальному населению. Изучение социолектов неоднократно привлекало к себе внимание исследователей [1-17].

Самая обширная группа музыкальных жаргонных слов обозначает различные объекты, используемые музыкантами. Эти объекты распадаются на несколько подклассов.

Первый подкласс рассматриваемых артефактов в музыкальном жаргоне включает в себя музыкальные инструменты, которые обозначаются ироническими именами: *доска (электрическая гитара, ее корпус обычно сделан из сплошного дерева), банка (акустическая гитара, ее корпус внутри пустой), весло, лопата, топор (электрогитара), шкаф (контрабас), дудки (струнные инструменты: скрипка, альт, виолончель), басовка (бас-гитара), батарея (аккордеон, баян, гармонь), блины (бюджетные электронные барабаны с резиновым покрытием, прозваны так за характерную плоскую форму), голенище, голяшка, голяха (баян), дивайс, девайс (оборудование, прибор), дрова (барабаны), железо (набор тарелок у барабанистика), керогаз (туба нечищенная), оглобля (фагот), палка (гитара), рабочий (малый барабан), расчёска (синтезатор, чаще MIDI-клавиатура, вешаемый на плечо как гитара), резинки (тренировочная ударная установка из резиновых блинов, любая дешёвая электронная ударная установка), самовар (медный духовой инструмент производства Ленинградского завода музыкальных инструментов), самопал (аппаратура самодельного, домашнего изготовления), сапог (аккордеон, баян), свисток (труба), соляга (гитара-соло), сучок (кларнет), улитка (валторна), ухо (вагнеровская туба), шайки (барабанная установка), швайка (гитара), шквара, шкварка (струнный музыкальный инструмент – скрипка, альт, виолончель или контрабас). Эти необычные названия*

добавляют колорита и юмора в общение музыкантов, позволяя им весело относиться к своей профессии и инструментам, которые они используют.

В музыкальном жаргоне инструменты часто обозначаются по аналогии с различными предметами быта, что создает просторечный и разговорный стиль общения. Такие сравнения придают описываемым объектам особенный колорит и помогают музыкантам с юмором относиться к своим инструментам. Например, слово «шквара», означающее шлак или отходы при жарке, возможно, было использовано для обозначения чего-то второстепенного или неудачного, с целью языковой игры на понижение значения объекта. В реальности музыканты ценят свои инструменты, и такие иронические наименования служат скорее для создания атмосферы шутливости и близости. Слово «швайка», имеющее этимологическое происхождение в большом шиле для плетения лаптей, может казаться странным или устаревшим для городских жителей и музыкантов. Однако его использование в контексте музыкального жаргона подчеркивает уникальность и креативность языковых оборотов, которые служат для украшения и разнообразия общения в музыкальной среде.

Музыкальная индустрия представляет собой обширное сообщество, в котором сосуществуют множество различных специалистов с уникальными навыками и задачами. От вокалистов, композиторов и музыкальных исполнителей до педагогов, занимающихся созданием музыкальных композиций и развитием вокального мастерства, каждый участник вносит свой вклад в формирование музыкальной картины мира. Музыкальная индустрия стала местом встречи и сотрудничества разнообразных талантов и профессионалов, которые работают над созданием и распространением музыкального творчества. Коллективное усилие всех специалистов в этой отрасли позволяет развивать и расширять музыкальную культуру, радуя слушателей сочинениями, наполненными талантом и страстью к музыке.

Из всех лексических единиц некоторые отсутствуют в «Большом словаре русского жаргона», у некоторых значения полностью или частично совпадают, а у других значительно отличаются.

Например, среди лексем, значения которых совпадают с данным словарем, можно упомянуть следующие: «бочка», «бацать», «бандура», «веревка», «весло». Также отмечается, что некоторые лексемы имеют различные значения в различных источниках, что может свидетельствовать о изменчивости значения жаргонных терминов.

Сопоставительный анализ указывает на низкую степень лексикографической зафиксированности музыкальных жаргонизмов, а также на возможное изменение значений жаргонизмов со временем. Это связано с тем, что жаргонизмы являются подверженными изменениям языковыми явлениями. Также отмечается, что некоторые жаргонизмы из

уголовного или воровского жаргона могут быть восприняты похоже, но не имеют прямого отношения к музыкальному жаргону.

Профессиональный жаргон в музыкальной среде является не только специфическим, но и очень инновационным в использовании метафор и переноса значений. Например, в звукорежиссуре используются жаргонизмы «мама» и «папа» для обозначения разъемов типа XLR, причем «мама» относится к женскому разъему (female), а «папа» к мужскому (male). Такой перенос значения основан на метафоре семейных отношений, где «папой» является разъем-штекер, а «мамой» - разъем-розетка.

Анализируя этот языковой аспект более глубоко, можно заметить, что лексические единицы музыкального жаргона являются не только специфическими и оригинальными, но и многофункциональными. Именно через такие креативные названия и метафорические образы профессионалы в музыкальной сфере находят общий язык и упрощают коммуникацию в процессе работы.

Музыкальный жаргон выполняет три основные функции, которые помогают специалистам музыкальной индустрии легче и эффективнее общаться:

Коммуникативная функция направлена на экономию речевых ресурсов и упрощение процесса взаимодействия между специалистами. Например, использование термина «прибрать» в смысле ослабления определенного частотного диапазона (например, «прибрать низ» означает ослабление низких частот) позволяет быстро и точно передать необходимую информацию.

Эмоционально-экспрессивная функция направлена на передачу эмоциональной окраски и отношения к объекту обсуждения. Например, использование термина «гробы» для обозначения сабвуферов (больших низкочастотных громкоговорителей) позволяет дать яркое и образное описание объекта.

Номинативная функция заключается в назывании и обозначении объектов и понятий в музыкальной среде. Лексические единицы музыкального жаргона выполняют роль именования специфических понятий и предметов.

Таким образом, музыкальный жаргон не только облегчает коммуникацию и экономит ресурсы, но и добавляет оригинальности и креативности в общение специалистов музыкальной сферы.

Основным способом формирования музыкальных жаргонизмов является лексико-семантический. Музыканты, будучи творческими личностями, умело переосмысливают уже существующие лексические единицы из литературного языка и придумывают новую семантику для этих слов, включая их в свой специальный лексикон.

Примерами таких музыкальных жаргонизмов могут служить слова: «гробы» (сабвуферы), «пионер» (аппаратура или техника с необычным звучанием), «песок» (эффектные высокие звуки), «скелет» (основные компоненты музыкального произведения), «слиони» (музыкальные фразы или звуки, вызывающие эмоциональное волнение).

Такой креативный подход к формированию и использованию музыкального жаргона позволяет музыкантам выразить свою индивидуальность, уникальный стиль и способности через особый язык, который специфичен и понятен только их сообществу.

Профессиональный музыкальный жаргон часто заимствует свои слова из молодежного сленга, поскольку молодежь составляет значительную часть специалистов в этой области. Использование собственного жаргона помогает точнее обозначать и описывать специфические понятия, которые не имеют аналогов в общепринятом литературном языке. Профессиональные жаргонизмы, ставшие широко распространенными в музыкальной индустрии, со временем могут превратиться в устоявшиеся термины, отражающие ключевые аспекты данной области.

Эволюция профессионального жаргона от музыкальных жаргонизмов к утвержденным терминам демонстрирует не только разнообразие терминов, но и их значимость для точного и эффективного общения между специалистами музыкальной сферы. Постоянное обновление и расширение словаря профессионального жаргона способствует яркому и выразительному выражению идей, а также облегчает взаимодействие между специалистами.

Таким образом, профессиональный жаргон в музыкальной сфере является не только средством коммуникации, но и инструментом для передачи специфических знаний, отражая современные тенденции и требования сферы музыкальной индустрии.

Литература

1. Бондалетов ВД. Социальные диалекты // Социальная лингвистика. – Москва : Просвещение, 1987. – С. 66-74.
2. Голуб И.Б. Лексика, имеющая ограниченную сферу распространения // Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 6-е изд. Москва : Юрайт, 2023. – С.91-101.
3. Грачев М.А. Русское арго: монография. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. – 246 с.
4. Грачев М.А. От Ваньки Каина до мафии. – Санкт-Петербург : Авалон, 2005. – 384 с.

5. Дорошенко А.В. Лексико-фразеологический фрагмент языка биржевой субкультуры (на материале английского языка) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 86-96.
6. Дубровина К.Н. Студенческий жаргон // Филологические науки. – 1980. – № 1. – С. 78-81.
7. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование. – Пермь : ПТУ, 2009. – 240 с.
8. Захарченко Т.Е. Английский и американский сленг. – Москва : АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. – 478 с.
9. Захарчук О.А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона: автореф. дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 21 с.
10. Кармызова О.А. Некоторые особенности тематической организации лексики компьютерного жаргона // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 2. – Воронеж : ВГТУ, 2002. – С. 117-131.
11. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – Москва : Гардарики, 2005. – 287 с.
12. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
13. Кудинова Т.А. Языковой субстандарт: социолингвистические, культурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2010. – 364 с.
14. Лаптева О.А. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. – 1966. – № 2. – С. 40-55.
15. Липатов А.Т. Сленг как проблема социолектики: монография. – Москва : Элпис, 2010. – 318 с.
16. Маковский М.М. Современный английский сленг (онтология, структура, этимология): учебное пособие. – Москва : КомКнига, 2005. – 168 с.
17. Eble C. Slang and Sociability. – London and Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012. – 228 p.

Hao Zalun

The Pushkin State Institute of the Russian Language

Characteristics of objects in Russian musical jargon

The work was carried out under the supervision of Doctor of Philology, Professor Vladimir Ilyich Karasik

In musical jargon, there is an extensive group of objects ironically designated by musicians. They use humour and sarcasm, assigning names and nicknames to various aspects of their activities. This specific type of communication allows musicians to have fun with their work, creating a kind of language within the musical community. Such ironic names help to strengthen the internal connection between the participants and add colour to communication in a musical environment.

Keywords: professional sociolect, musical jargon, specialized jargonisms, expressivity, nominative technique.

Хлыстова Екатерина Сергеевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

docsherl@mail.ru

Субстантивные номинации с фразеологичной семантикой в современном русском языке

Работа выполнена под руководством Шацкой Марины Федоровны, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания
ФГБОУ ВО «ВГСПУ»

В статье рассматриваются особенности образования субстантивных номинаций с фразеологичной семантикой, поскольку эта группа дериватов является самой большой по количеству среди тех, которые встречаются в современной речи. Анализируются три лексико-семантические группы данных лексем, способы их образования, наиболее частотные смысловые приращения и фактор влияния антропоцентрического компонента на образование идиоматичности.

Ключевые слова: идиоматичность, семантическое приращение, производное слово, мотивация, словообразовательная перифраза

На современном этапе развития отечественной лингвистики вопросы словообразовательной семантики языковой системы научным сообществом выдвигаются на первый план, поскольку обсуждение смысловой стороны отдельных языковых единиц имеет дискуссионный характер из-за её сложности и многогранности. Одной из наиболее обсуждаемых лексических особенностей производного слова является фразеологичность её семантики (или же идиоматичность). Процесс образования этого явления связан со многими факторами, один из которых – «человеческий фактор в языке» (когнитивное направление лингвистики конца XX – начала XXI вв.), отражающий соотношение языка и человеческого мышления. В связи с этим появляется возможность проследить влияние национальной культуры и самосознания на формирование и развитие языка. Кроме того, многие слова с фразеологичной семантикой для представителей зарубежных стран являются непонятны за счёт того, что многие языковые единицы определяются как национально-маркированные, а их части (морфемы) со временем проходят семантическую мутацию. Стоит отметить, что

процесс изучения идиоматичных слов осложняется многоуровневостью вопроса – он выходит за пределы словообразования и охватывает другие языковые уровни (лексику, морфемистику, грамматику). Обширность вопроса объясняет наличие дискуссий и отличающихся трактовок идиоматичности. В данной работе будет использоваться следующее определение фразеологичности (или же идиоматичности) семантики производных слов – «это невыводимость значения производного слова из суммы значений составляющих» [1, с. 16].

Наличие или отсутствие фразеологичности семантики зависит от характера мотивирующего слова. В меньшей степени идиоматичны глаголы, особенно прилагательные, в большей – существительные, потому что процесс названия какого-либо предмета, лица или явления зависит преимущественно от языковой картины мира какого-либо языкового коллектива.

Далее в исследовании речь пойдёт об особенностях образования субстантивных номинаций с фразеологичной семантикой как о самой частотной группе слов, встречающейся в повседневной речи. Для анализа в ходе сплошной выборки из Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой был выбран языковой материал, который подразделяется на три лексико-семантические группы (далее – ЛСГ). Рассмотрим их подробнее.

1. Антропоморфные номинации «род деятельности», «занятие», «внешние» и «внутренние характеристики людей».

В данной лексико-семантической группе одни слова образованы по принципу соединения в единице семы деятельности (профессии, занятия) и антропоморфности, другие – по принципу включения в единицу приоритетной оценочной характеристики человека.

В качестве ярких примеров наличия семантического приращения (невыводимого из суммы морфем) являются слова *жив-о-дёр*, *жен-о-люб*, *голов-о-рез*, *сердц-е-ед*, *добр-о-вол-ец*, *борз-о-пис-ец*, *ясн-о-вид-ец*, *бел-о-руч-к-а*, *сладк-о-еж-к-а*, образованные путём сложения (с интерфиксацией) с нулевой суффиксацией и сложения с материально представленной суффиксацией. Словообразовательная перифраза номинации *жив-о-дёр* могла сводиться к «лицу, который дёргает животных» или «лицу, который дёргает живое», в словарной же дефиниции присутствует указание на принадлежность лица к профессии, направленной на убой животных. В данном случае можно говорить о периферийной мотивации производного слова. В качестве семантического приращения выступает компонент значения «отнесенность к профессии». Второе определение номинации звучит как «о жестоком

человеке, мучителе» [7, т. 1, с. 481], что в данном случае свидетельствует об ассоциативной мотивации и принадлежности слова к идиомам с переносным метонимическим значением. Кроме того, на долю семантического приращения приходится эмоционально-оценочный компонент. В слове *жен-о-люб* семантическое приращение связано со значением «слишком любящий ухаживать за женщинами». Слова *голов-о-рез* и *сердц-е-ед* относятся к типу метафорической мотивации, при которой переносный смысл появляется у основы только на уровне мотивированного слова в его словообразовательной структуре. В этих двух идиомах с метафорическим значением словообразовательная перифраза не отражает значения «отчаянный человек» и «покоритель женских сердец». Для образования феномена идиоматичности словообразовательный способ сложения основ является наиболее удобным, поскольку в таком случае человек может комбинировать множество корней для наиболее точного отражения необходимой ему идеи.

В словах *скот-ник, под-вод-ник, про-вод-ник, предмет-ник, пре-ступ-ник, со-бутыль-ник, пособ-ник, со-общ-ник, карман-ник, любов-ник, на-хлеб-ник, бес-пут-ник*, образованных приставочно-суффиксальным способом, используется один из наиболее частотных и регулярных словообразовательных средств при формировании слов с фразеологичной семантикой – суффикс *-ник-*. Наряду с ним часто при анализе идиоматичных слов выступают суффиксы *-чик-/-щик-* (*самоходчик, барабанищик, карусельщик, загоныщик* и т.д.) и *-тел(ь)-* (*следователь, учитель, телохранитель* и т.д.). Обращаясь к указанным словам с суффиксом *-ник-*, необходимо отметить, что означают они не просто того, кто занимается скотом, охраной, предметом и т.д. В номинации *скот-ник* от суммы значений морфем скрыт семантический компонент – «работник, ухаживающий за скотом» [7, т. 4, с. 119], в слове *топор-ник* – «пожарник, вооружённый топором» [7, т. 4, с. 383], в слове *под-вод-ник* – «моряк, служащий в подводном флоте и специалист по подводным и водолажным работам» [7, т. 3, с. 180]. На долю семантического приращения приходится такая часть, как «отнесенность к профессии». Кроме того, данные слова являются примером идиом с суженным значением и периферийной мотивацией производного слова.

Номинаций, отражающих внешние характеристики, в языке меньше, чем с семьей профессии, потому что подобная информация передаётся в речи обычно через прилагательные. Значение номинации *обо-рва-нец* – не человек, которого оборвали, а «тот, кто ходит в изорванной, изношенной одежде» [7, т. 2, с. 555]. Добавочный компонент значения – «качество одежды человека». *Пере-рост-ок* – не тот, кто стал выше кого-либо, а «подросток старше возрастом, чем полагается для чего-либо» [7, т. 3, с. 92]. Добавочный компонент значения – «подросток, возрастное преимущество».

Таким образом, в языке присутствует множество антропоморфных номинаций с фразеологичной семантикой, построенной на стремлении человека заключить в одной единице объективный факт о предмете и субъективный взгляд на него. Можно определить, что причиной идиоматичности слова является вносимая стилистическая окраска и сфера употребления слова.

1. Номинации предметов быта (неодушевлённые предметы).

В данной лексико-семантической группе слов особенно видно такое парадигматическое явление, как многозначность аффиксов, по причине которого в связи с невозможностью определить реализуемый компонент значения аффикса нельзя и вывести общую семантику слова, если не обладать «сторонней» информацией, то есть не опираться на пресуппозицию (не быть носителем языка и/или жителем той или иной территории).

Слово *вентил-ятор* обладает семантическим приращением «*устройство для усиленного перемещения воздуха по помещению*». В словообразовательной перифразе номинации *не-вид-им-к-а* отсутствует добавочный компонент «*маленькая шпилька или заколка*», слово образовано на основе ассоциативного переноса признака «невидимость». Слово *днев-ник* также обладает фразеологичной семантикой: словообразовательная перифраза – «*предмет, относящийся ко дню*», в действительности же это ежедневные записи о каких-либо фактах и специальная учебная тетрадь для школьников. Номинация *огород* обладает сдвинутым идиоматичным значением, поскольку всё огороженное является огородом и не всегда огород имеет ограждение. Идиомой с суженным значением является номинация *сам-о-вар* – букв. «предмет, который сам варит», функционирующее значение – «*металлический сосуд для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углями*» [7, т. 4, с. 16]. Из номинаций *на-морд-ник* и *на-глаз-ник* при интерпретации нельзя вывести семантические приращения «*проволочная сетка, надеваемая на морду собак и других животных*» [7, т. 2, с. 373] и «*щиток или повязка для защиты глаз*» [7, т. 2, с. 336]; данные слова-идиомы обладают суженным значением. Номинация *вы-ключ-а-тель* не передаёт информацию о том, что называемый механизм также способен и включать ток.

К данной лексико-семантической группе можно еще отнести слова *без-дел-ушк-а*, *бумаж-ник*, *дожд-ев-ик*, *чай-ник*, *колот-ушк-а*, *гор-е-л-к-а*, *ступ-а*, *щелк-ун-чик*, *черн-и-л-а*, *про-игр-ыва-тель* и т.д.

2. Наименования растений и животных (представителей живой природы).

Данная лексико-семантическая группа характеризуется более сложными семантическими приращениями, так как называющий заключает в номинацию наглядный, приоритетный для большинства признак и признак отнесённости к какому-либо месту,

человеку, животному или любому другому объекту, отсылку к которому трудно вывести из суммы значений морфем.

Из числа животных наиболее яркими примерами являются номинации *одн-о-лет-ок*, *лет-яг-а*, *ку-ку-шк-а*, *стрек-оз-а*, *горн-о-стай*, *свет-л-яч-ок*, *ряб-чик*, *журч-а-л-к-а*, *пересмеш-ник*. Номинации *ку-ку-шк-а*, *стрек-оз-а*, *журч-а-л-к-а* образованы на основе преобладающего признака – «*издаваемый звук*»; на долю семантического приращения приходится отнесённость называемого к птице и насекомому. Морфемный состав номинаций, в частности аффиксы не способны передать эту информацию, так как в рамках словообразовательных типов и моделей они используются иначе: *-шк-* преимущественно передаёт оттенок уменьшительности и разговорности, *-оз-* употребляется в медицинских номинациях. Номинация *пересмеш-ник* образована на основе ассоциативного образа – лица, который передразнивает и пересмеивает кого-либо, так как особенность этой птицы заключается в способности подражать крику различных животных.

Из числа ботанических номинаций можно привести следующие примеры: *кисл-иц-а*, *на-перст-янк-а*, *по-дорож-ник*, *язв-енн-ик*, *княж-еник-а* *лис-о-хвост*, *листв-енн-иц-а*, *мокр-иц-а*, *не-забуд-к-а*, *под-снеж-ник*, *под-солн-еч-ник*, *сахар-о-нос*, *чист-о-тел*, *сто-лет-ник*, *шелк-ов-иц-а*, *звер-о-бой*. Например, в основе номинаций *по-дорож-ник*, *под-снеж-ник*, *под-солн-еч-ник* заложен признак «*отнесённость к месту и/или объекту*», в словообразовательной перифразе отсутствует информация о принадлежности к растению и лекарственных свойствах, которые известны называемому. Словообразовательная перифраза слова *на-перст-янк-а* – «*предмет, находящийся на персте*», но словарная дефиниция включает более конкретную информацию – «*травянистое лекарственное растение, с цветками, напоминающими по форме наперсток*» [7, т. 2, с. 378]. В основе номинации есть признак – «*похожий на наперсток*», поэтому данное слово с метонимическим переносом значения и ассоциативной мотивацией.

Как показал проведённый анализ, в русском языке множество зафиксированных в словаре слов обладают феноменом идиоматичности. Отобранный материал количеством в 74 слова, мы подразделили на три лексико-семантические группы, которые характеризуют человека, его жизнь, отношение к себе и действительности.

Наибольшую численность (32 номинации) представляет ЛСГ – антропоморфные номинации, обладающие наиболее простыми семантическими приращениями «*отнесенность к профессии, занятию*» и «*характеристика внешних и внутренних качеств*». Возникают данные номинации по принципу соединения в одной единице семы деятельности и антропоморфности или по принципу включения в единицу приоритетной

оценочной характеристики человека – отрицательной или положительной. Вторая по численности (25 номинаций) ЛСГ – номинации представителей живой природы (растения, животные), обладающие более сложными семантическими приращениями, так как люди заключили в номинацию наглядный, важный для большинства признак и/или признак отнесённости к какому-либо объекту. Наименьшая по численности, но не по важности (17 номинаций) ЛСГ – неодушевлённые предметы, семантические приращения в которых являются наиболее сложными среди всех представленных, потому что в рамках одной номинации с помощью корневой морфемы и аффиксов трудно передать многосторонность и полифункциональность тех или иных предметов быта.

Таким образом, в качестве причин идиоматичности можно выделить многозначность корневых морфем и словообразовательных формантов, влияние оказывает и сфера употребления номинации, особенности ее коннотации (наличие эмоционально-оценочных сем).

Проведённый анализ показал, что явление фразеологичности (идиоматичности) семантики производного слова следует анализировать не только как языковой феномен, но и как феномен антропоцентрического характера, в рамках которого человек в процессе номинативной деятельности отражает своё представление о себе и окружающей действительности: сложность явления идиоматичности отражает сложность построения окружающего мира.

Литература

1. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – Москва : Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. 1998. – 54 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – Москва : Рус. яз. – Т. 1: А-О. – 1232 с.; Т. 2: П-Я. – 1088 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
4. Панов М.В. О слове как единице языка // Ученые зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. – 1956. – Т. 51. – Вып. 6. – С. 129-165.
5. Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В. Пименовой. – Вып. 4. – Кемерово, 2004. – 208 с.
6. Савицкий В.М. Специфика лексических идиом // СНВ. – 2013. – №1. – С. 38-40.

7. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
8. Филиппова Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 248 с.
9. Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. – 1995. – № 1. – С. 41-53.

Khlystova E.S.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Substantive nominations with phraseological semantics in modern Russian

The article examines the peculiarities of the formation of substantive nominations with phraseological semantics, since this group of derivatives is the largest in number among those found in modern speech. Three lexical and semantic groups of these lexemes, the ways of their formation, the most frequent semantic increments and the factor of influence of the anthropocentric component on the formation of idiomatics are analyzed.

Keywords: idiomatics, semantic increment, derivative word, motivation, word-formation periphrasis

Хуан Есянь

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

cerafima.xian@gmail.com

Языковые контакты Китая и России

Работа выполнена под руководством Рогозной Нины Николаевны, доктора филологических наук, профессора кафедры МПРКИ

Языковые контакты между Китаем и Россией имеют длительную историю, восходящую к первым дипломатическим и торговым взаимодействиям. В современном мире, где глобализация и цифровые технологии стирают границы, изучение и развитие этих контактов приобретают новое значение. Эта статья направлена на анализ исторического контекста, текущего состояния и перспектив развития языковых контактов между двумя странами.

Ключевые слова: языковые контакты; Китай; Россия; коммуникация

Исследование языкового контакта началось в конце 19-го и начале 20-го веков с работ лингвистов, таких как Хьюго Шухардт, который занимался изучением креольских языков и пиджинов. Однако научное понимание языкового контакта значительно эволюционировало в течение 20-го века, особенно после работ Уриэля Вайнрайха, который опубликовал «Languages in Contact» в 1953 году. В этой книге Вайнрайх исследовал, как языковой контакт влияет на языковые изменения и развитие, и предложил концепции, такие как «заимствование» и «переключение кода», которые остаются важными для современной лингвистики.

В последующие десятилетия интерес к языковому контакту расширился с учетом его социолингвистических аспектов. Работы таких ученых, как Питер Тридгилл и Сали Клайн, способствовали пониманию механизмов, через которые языковой контакт ведет к языковым изменениям и влиянию на социальные структуры обществ, в которых происходит этот контакт.

В «Словаре лингвистических терминов» встречается такое определение: «Языковые контакты – это взаимодействие двух или более языков в процессе общения языковых групп, вступающих в хозяйственные, политические, культурные связи. Лингвистические результаты языковых контактов различны: 1) языковые заимствования; 2) явления интерференции; 3) смешение языков; 4) различные виды билингвизма; 5) смена языка.» [2, с. 15].

Для того чтобы глубже понять языковые контакты между Китаем и Россией, необходимо углубиться в историю отношений вышеназванных государств и проанализировать их развитие, рассмотреть перспективы.

Культурный обмен между Китаем и Россией (и Советским Союзом) имеет более чем 300-летнюю историю, документально подтвержденную [1, с. 16]. После подписания Кяхтинского договора в 1727 году возникла кяхтинская торговля на китайско-российской границе, которая, способствуя экономическим и торговым связям между Китаем и Россией, также непосредственно стимулировала контакт между народами. С развитием торговли на приграничной зоне между династией Цин и Российской империей для упрощения коммуникации между китайскими и российскими торговцами постепенно сформировался пиджин из китайского и русского, который русские лингвисты называли «кяхтинским языком» [4, с. 6]. Образование пиджина отражает первоначальный этап контакта между китайским и русским языками. Это была особая форма языка, в основном с русской лексикой и китайской грамматической структурой. Под пиджином Н.Н. Рогозная писала: «Пиджин возникает в экстремальной ситуации языковых контактов, формируется в условиях взаимодействия и контактирования разных языков, не имеет коллектива исконных носителей и существует как средство межэтнического общения в среде разноязычного населения» [6, с. 155]. Основное назначение кяхтинского смешанного языка заключалось в облегчении коммуникации между русскими и китайцами, а также между русскими и корейцами, монголами и другими народами.

В конце 19-го и начале 20-го веков, с постройкой и запуском Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в Харбин в три волны массово влились российские эмигранты. Среди них были российские железнодорожные инженеры, управленцы, рабочие, военные, а

вслед за ними прибыли российские коммерсанты. Живя среди местного населения, они постепенно формировали смешанные общины российских эмигрантов и местных жителей, что стимулировало тесный и частый контакт между китайским и русским языками. Длительное пребывание большого числа российских эмигрантов в Харбине неизбежно оказало глубокое и обширное влияние на местное население, от материальной культуры до духовных ценностей, от образа жизни до языковых привычек. Формирование харбинского смешанного языка было практическим результатом контакта между соседствующими странами в этот период [3, с. 41]. Этот язык в основном состоял из русской лексики с небольшим количеством китайских слов, имел ограниченный словарный запас и простую грамматику, существовал только в устной форме, а в письменной форме встречался лишь в рекламе и объявлениях некоторых магазинов. На самом деле харбинский китайско-русский язык в то время использовался не только для межкультурной коммуникации между жителями Китая и русскими, но и между жителями Китая. Он широко использовался в уличной торговле, в сфере обслуживания, в семейных разговорах, а также в различных местах покупок и оказания услуг [5, с. 22].

Победа Октябрьской революции в 1917 году дала китайскому народу новую надежду и путь к спасению страны, начав учиться у России. Благодаря пропаганде и образовательной работе коммунистов, призыву Сунь Ятсена «учиться у России», а также стремлению к контакту с советской социалистической культурой, контакты между народами Китая и России продолжали возрастать. После взрыва «Движения 4 мая» (1919 г.), с распространением идей марксизма-ленинизма и переводом большого количества русских произведений, с использованием газет, книг, журналов и других современных средств массовой информации как средств распространения, начался первый всплеск письменного контакта между китайским и русским языками. Необходимо заметить, что в этот период произошла новая волна притока эмигрантов на территорию Китая, которая способствовала продвижению интереса китайцев к русскому языку. Например, в китайском языке существовало множество фонетических переводов русских собственных имен влиятельных личностей в социальной сфере, шедевров этого периода (например *совет, большевики, комиссар, колхоз, ГПУ, Ульянов, Плеханов, Чехов, Толстой и т. д.*).

После основания Китайской Народной Республики в 1949 году, отношения между Китаем и Советским Союзом вошли в самый дружественный период в истории. С углублением добрососедских отношений между двумя странами, помимо углубления сотрудничества и обмена в политической, экономической и культурной сферах, также постепенно усиливалось сотрудничество в военной и научно-технической областях. Во

время реализации первой пятилетки, чтобы помочь Китаю быстро достичь индустриализации и осуществить масштабное экономическое строительство, Советский Союз оказал значительную помощь в области ресурсной разведки, проектирования предприятий, поставок оборудования и технических материалов.

Таким образом, область языкового контакта между китайским и русским народом расширила многие сферы деятельности. По сравнению с предыдущими периодами, источники языкового контакта в это время стали более разнообразными, включая переводчиков русско-советских литературных произведений, фильмов, песен, преподавателей и студентов, связанных с преподаванием русского языка, обычных граждан, контактирующих с советскими специалистами, а также большое количество студентов, обучающихся в Советском Союзе. Благодаря появлению новых средств массовой информации, таких как телевидение, радио, кино, языковые контакты стали более разнообразными и живыми, что дополнительно способствовало расширению сферы деятельности между китайским и русским языками.

После 1991 года, с распадом Советского Союза, новые китайско-российские отношения заменились прежними, и ситуация языкового контакта также претерпела новые изменения. В отличие от предыдущих этапов, когда русский язык всегда был относительно доминирующим при заимствовании слов в китайский, на этом этапе с укреплением экономического потенциала и повышением международного статуса Китая, китайский язык начал занимать доминирующее положение в языковом контакте между китайским и русским. Это в основном проявлялось в резком снижении количества заимствованных из русского языка слов китайским, а также начале экспорта слов из китайского в русский. Особенно это заметно в Дальневосточном регионе, где в русском языке появилось немало китайских слов, в связи с тесным контактированием регионов.

В современном языковом взаимодействии языков в русский постепенно приходит не только новые слова, но и целые понятия, связанные с внедрением китайской культуры (например *Хэйхэйский салат*, *Таобао*, бренд *Xiaomi*, *WeChat*, *DingTalk* и другие.). С 2006—2007 годы, когда Китай и Россия провели взаимные мероприятия «Годы стран», обе страны также последовательно организовали тесное сотрудничество языка, туризма, дружбы молодежи, медиа обмена на местном уровне. В 2019 году стратегическое партнерство между Китаем и Россией вошло в новую эру всестороннего стратегического сотрудничества. В то же время, с продвижением инициативы «Один пояс, один путь», Китай и Россия начали беспрецедентно тесное взаимодействие и расширение контактов в политической, экономической, культурной и других сферах, демонстрируя мощь Китая как великой

державы. Слова, отражающие уникальные культурные особенности Китая, все чаще входят в русский языковой лексикон, становясь известными и используемыми россиянами (например *фэньшуй, личи, пинг-понг, дао, инь и ян, кунфу, ушу и т. д.*).

Современное состояние языковых контактов характеризуется растущим интересом к изучению русского языка в Китае и китайского языка в России. Это обусловлено не только культурным, но и экономическим, и политическим сотрудничеством между странами, вошедшими в новую фазу развития. Образовательные программы и языковые курсы, а также культурные обмены способствуют укреплению взаимопонимания и расширению языкового влияния. Взаимное проникновение языков находит отражение в появлении новых слов и фразеологизмов, а также в популяризации культурных реалий обеих стран.

Будущее развитие языковых контактов между Китаем и Россией будет зависеть от ряда факторов, включая образовательные инициативы, технологический прогресс и политические условия. Развитие двусторонних образовательных программ и студенческих обменов может стать ключом к углублению языковых и культурных связей. Технологии, такие как искусственный интеллект и машинный перевод, взаимное развитие межъязыковой дидактики обещают сделать лингвистическое взаимодействие более доступным и эффективным, что позволит осуществлять дальнейшее развитие необходимых контактов между странами.

Однако для достижения поставленных целей необходимо преодолеть и существующие вызовы, включая политические и языковые барьеры. Важно продолжать поддерживать и развивать языковые и культурные связи между народами, так как это способствует взаимопониманию, укреплению мира и сотрудничества.

Литература

1. Вэнь Цзидун. Китайско-советские культурные обмены в 1949-1966 гг. – Пекин : Партийная школа Центрального комитета Коммунистической партии Китая, 2009. – 237 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополи. – Назрань : Изд-во Пилигрим. 2010. – 485 с.
3. Жун Цзе. Маргинальный язык в китайско-русской межкультурной коммуникации. Журнал Института иностранных языков НОАК, 1998 (01). – С. 41-46.
4. Мана. Языковой контакт и культурное взаимопроникновение – исследование китайских и русских пиджинов до середины XX века. – Ланьчжоу : Ланьчжоуский университет, 2013. – 90 с.
5. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. – 351 с.

6. Рогозная Н.Н. Типологический анализ промежуточных лингвистических систем // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – №05/2. – С. 153-161.

Huang Yexian

Pushkin State Russian Language Institute

Language contacts between China and Russia

Language contacts between China and Russia have a long history, dating back to the first diplomatic and trade interactions. In today's world, where globalization and digital technologies are erasing borders, the study and development of these contacts take on new significance. This article aims to analyse the historical context, current state, and prospects of language contacts between the two countries.

Keywords: Language contacts; China; Russia; communication

Цаплина Татьяна Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

tsaptyana@yandex.ru

Функции прецедентных единиц в текстах современной детской литературы

Работа выполнена под руководством Ионовой Светланы Валентиновны, доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания

В статье анализируются особенности функционирования прецедентных единиц в детской литературе. Важность реализации выделенных функций обусловлена тем, что единицы прецедентности, используемые в текстах детской литературы являются значимой частью национального культурного кода. Их корректная интерпретация и эффективное усвоение служит в дальнейшем ценным инструментом для понимания текстов культуры, создания собственных речевых произведений, для успешной коммуникации, а также для установление полноценного диалога между поколениями.

Ключевые слова: прецедентные единицы, функции прецедентных единиц, детская литература, национальный культурный код.

В условиях антропоцентрической научной парадигмы, в центре которой находится языковая личность во всем её многообразии, особый интерес для исследователей представляет языковая личность ребенка, так как именно в детском возрасте, с ранних лет начинает усваиваться национальная картина мира, чему способствует множество факторов: семья, образовательные учреждения и, конечно же, восприятие и чтение фольклорных произведений и художественной литературы, которые, будучи текстами в широком смысле, являются «конденсатором культурной памяти» [9, с. 21]. Эта функция реализуется во многом благодаря прецедентным текстам, знание которых есть «показатель принадлежности к

данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [4, с. 216].

В российской культуре остро стоит вопрос о сохранении национального культурного кода, поддержания связей и установления полноценного диалога между поколениями, который невозможен без наличия общей культурной памяти. Этот вопрос, поставленный в отечественной культуре Ю.Н. Карауловым, Д.С. Лихачевым, Ю.М. Лотманом и др. [4, 8, 10], актуален и сейчас, что подтверждается активными исследованиями прецедентности и прецедентных единиц, как элементов культурной памяти, в частности на материале детской литературы (В.Д. Черняк, К.П. Сидоренко, Е.П. Носова, Е.С. Дудко и др.). В связи с этим усиливается актуальность изучения картины мира новых поколений, освоения ими фонда национальной культуры.

Предметом данного исследования являются прецедентные единицы разных типов (прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и ситуации) [7], выполняющие в детской литературе разные функции. Под прецедентными единицами вслед за Ю.Н. Карауловым и В.В. Красных [4, 7] будем понимать единицы, лингво-когнитивной (прецедентные имена и прецедентные высказывания) или собственно когнитивной (прецедентные тексты и прецедентные ситуации) природы, принадлежащие дискурсу, как семиотической системе, хранящиеся в когнитивной базе, как правило, в виде инварианта восприятия, проявляющие свой прецедентный потенциал в зависимости от контекста и полноты реализации дифференциальных признаков: широкой известности, актуальности в когнитивном плане, регулярной воспроизводимости.

Под детской литературой в данном исследовании понимается «совокупность текстов детской литературы (как русскоязычных, так и переводных) в их функционировании в семиосфере русской культуры» [5, с. 248]. Межтекстовые взаимодействия, интертекстуальные включения в текстах детской литературы являются показателем взаимообогащения литературы прошлых и современного периода ее развития. В них объединяются «и материальные, и ментальные координаты освоения мира человека» [3, с. 164] и в то же время тексты детской литературы образуют «третью реальность, которой свойственны особые онтологические качества и закономерности организации» [3, там же].

Источником материала исследования послужили произведения русской детской литературы, созданные в период с начала XXI в. по настоящий день: 48 стихотворений, 13 прозаических произведений, представленных такими жанрами, как рассказ, повесть, сказка, роман-сказка и др. и 3 пьесы. Всего было проанализировано 64 текста. Единицей анализа стали прецедентные феномены (имена и названия, высказывания, крылатые выражения,

микротексты и тексты) в структуре анализируемых текстов. Количество единиц исследования – 230 примеров.

Прецедентные тексты в современной лингвистической литературе рассматриваются в двух аспектах:

1) как единицы, порождаемые самой детской литературой и входящие в тезаурус языковой личности с раннего возраста, оставаясь в её сознании на всю жизнь – прецедентные единицы **из** детской литературы;

2) как интертекстуальные включения или отсылки к другим текстам, вербальным или невербальным, например, к произведениям современников, отечественных или зарубежных классиков и т.д. – прецедентные единицы **в** детской литературе.

Первое направление вызывает пристальный интерес лингвистов-лексикографов, фразеологов, исследователей детского чтения, специалистов в сфере межкультурной коммуникации (В.Д. Черняк, К.П. Сидоренко, Е.П. Носова, Е.А. Нахимова и др.) с позиции актуальности проблемы сохранения национального культурного кода. Второе направление, являясь как бы закономерным продолжением первого – интересует филологов, занимающихся разработкой проблем корректного восприятия, понимания прецедентных феноменов современным читателем, комментирования этих единиц, а также изучающих функциональную специфику интертекстуальных включений в детской литературе, их роль в установлении большей семантической глубины исследуемого художественного текста при филологическом анализе (Е.С. Дудко, А.И. Жишкевич и др.). С опорой на исследования ученых выделенных нами направлений можно выделить функции прецедентных феноменов, свойственные текстам детской отечественной литературы.

В ходе исследования с опорой на работы Г.Г. Слышкина [12] и Е.А. Нахимовой [11] была выявлена группа функций прецедентных единиц, характерных для детской литературы, которые обусловлены их взаимосвязью с типом дискурса – детской художественной литературы. Были выделены следующие функции, наиболее актуальные для анализа прецедентных единиц в детской литературе: людическая, прагматическая, обучающая, познавательная, парольная, эстетическая, эвфемистическая, характерологическая, посредническая и функция популяризации. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Людическая, или по-другому игровая, развлекательная функция в дискурсе детской художественной литературы реализуется в форме языковой игры автора с читателем, за счет чего создается юмористический эффект, снижается эмоциональное напряжение, достигается расположение обеих сторон к неформальному общению. Например, С. Востоков «Ветер делают деревья»: *«Сегодня мы слушали про Красную Шапочку... Красная Шапочка вместо*

того, чтоб бежать сломя голову, начинает задавать волку глупые вопросы... В общем, всё плохо кончилось. Не понимаю, это какую же внешность должна была иметь бабушка, чтобы её внучка с волком спутала?».

Благодаря непосредственности детского восприятия рождается комический эффект: реализуется людическая функция, которая способствует сокращению дистанции между автором и маленьким читателем, достижению расположения обеих сторон друг к другу, выстраиванию разговора на равных.

Апелляция к прагматической функции обусловлена осознанным или неосознанным стремлением автора воздействовать на читателя с целью повлиять на его картину мира, задать направление мысли в координатной плоскости ценностей и антиценностей конкретного национально-лингвокультурного сообщества. В условиях продуктивного чтения с родителем или учителем происходит трансформация сознания детей, их мировоззрения, а также реализуется воспитательная функция литературы: ребенок формируется как читатель.

Прагматическую функцию можно проиллюстрировать примером сказки В. Лавриной «Чудесные платья». В ней имеет место библейская аллюзия ко Второй книге Царств 11:2-17; 12:1-14 и Псалтыри 50:9, 12 – Пророк Нафан перед Давидом. Как отмечает С.В. Бурмистрова, здесь «целью автора является не интеллектуальная игра с юным читателем, построенная на узнавании интертекстуальных маркеров и аллюзий, но педагогическое воздействие, «воспитание чувств», осуществляемое на основе христианской этики» [1, с. 180].

В единстве с прагматической работают познавательная и обучающая функции: взаимодействуя с прецедентными единицами, ребенок, узнаёт что-то новое о мире, учится с помощью таких единиц извлекать информацию из текста, правильно его интерпретировать. А при условии корректно выстроенной стратегии совместного чтения с родителем или учителем, усваивает национальную языковую картину мира. См. также пример из книги М. Ясинской «Восьмирье. 32 Августа»:

– Что-то у меня душа не на месте. С тобой что ли сходить?

Вика подумала, что образное выражение “душа не на месте” в этом мире может быть вовсе не образным, и уточнила:

– А где же она у вас?

– Да это просто выражение такое, – улыбнулся майстер Нилс. – Оно означает, что человек беспокоится.

Приведенный пример иллюстрирует такие особенности функционирования прецедентных единиц в детской литературе, как незамедлительное пояснения какого-либо

явления и использование прецедентных единиц в буквальном значении: метафоричность полностью или частично снимается, на первый план выходят денотативные значения отдельно взятых компонентов. Такой прием, во-первых, служит для создания комического эффекта (людическая функция), так как лежит в основе каламбуров, а во-вторых, способствует реализации познавательной и обучающей функции – так прецедентные единицы легче воспринимаются и запоминаются, конечно, при условии корректного считывания и интерпретации всей семантики используемых единиц.

Парольная функция заключается в установлении контакта между автором и читателем за счет обнаружения общности их ментально-вербальной базы. В случае успешного считывания «пароля» адресатом, происходит идентификации автора и читателя по шкале «свой / чужой» [6], читатель обретает статус «посвященного», что способствует его сближению с автором и вызывает доверие к нему: «...Читатель и автор образуют своего рода “команду”, группу единомышленников, понимающих друг друга и отделяющих себя от “непосвященных”» [11, с. 144]. В данном случае можно говорить о проявлении также контактоустанавливающей, или фатической, функции: в детской литературе автор подобным образом может взаимодействовать не только с ребенком, но и со взрослым, которые совместно воспринимают текст во время их семейного чтения. Яркими примерами служат прецедентные единицы из произведений, написанных в жанре повести-дневника, например, «Ветер делают деревья» Станислава Востокова, в котором повествование ведется от лица мальчика дошкольного возраста, и «Апельсиновый зонтик», в котором повествование ведется от лица восьмиклассницы Евгении Ярцевой. В иронично-шутливой форме автор обозначает волнующую каждого школьника проблему – объем списка литературы на лето, чем располагает к себе читателя. Прецедентная ситуация позволяет реализовать парольную функцию, а дальнейшее введение в текст ряда прецедентных текстов русской литературы – функцию популяризации нового знания: *«Этим летом у меня точно вырастет горб. Спасибо нашей учительнице по литературе! Такой список книг на каникулы выдала...»*. Далее героиня, эмоционально описывает все, что думает о сложности и объеме списка литературы: *«Под каждой фамилией – по несколько повестей и рассказов, а то и пьес! Но самое убийственное – вот оно. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН! В прошлом году мы уже проходили его сказки. Пришлось обложиться яблоками, зефиром и пастилой – только так и смогла запихнуть в себя “Премудрого пискаря”. А в списке – “История одного города”. Я и представить себе не могу, на сколько килограммов пастилы она потянет! Вырастет, вырастет горб»*. Автор не преследует цель очернить русскую классику, но выражает

типичное настроение школьника, иронично относящегося к «обязаловке» и масштабу списка книг на лето.

Благодаря посреднической функции осуществляется связь между различными видами искусств. Одними из наиболее часто встречаемых примеров, реализующих данную функцию, стали примеры из источника «произведений изобразительного искусства»: Т. Собакин «Бегемоты прилетели»: *Бегемоты прилетели... / Значит, скоро быть весне* (апелляция к известной картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели»); А. Гиваргизов «Дом престарелых»: *Комар с «Незнакомки» перелетел / на «Утро в сосновом лесу»* (апелляция к полотнам И.Н. Крамского и И.И. Шишкина); А. Усачев «Аленушка»: *Слёзы каплют на камушки / У лесного озера* (апелляция к известной картине В.М. Васнецов «Аленушка»).

Таким образом, особенности функционирования прецедентных единиц в детской литературе определяются как проявлением их самостоятельной роли (людической, познавательной, образовательной, прагматической, посреднической, парольной функций, а также функции популяризации), так и их комплексами, в которых прецедентные единицы выполняют одновременно несколько функций. Особенно явно функции проявляются комплексно при использовании автором таких форм литературного произведения, как дневниковые записи, заметки, где повествование ведётся от лица ребенка. В таких примерах использование прецедентных единиц в денотативном значении и пояснение единиц фразеологической системы языка сразу после употребления в произведении способствует реализации познавательной и обучающей функций.

Взрослое мировосприятие человека начинает формироваться ещё в детстве. Вопрос о влиянии текстовой среды на формирование концептосферы человека и социума в целом, на воспитание грамотного потребителя текстовой продукции [3, с. 166] активно обсуждается в лингвистике, литературоведении, педагогике. Прецедентные единицы, которые используются в текстах детской литературы, являются значимой частью национального культурного кода, усвоение которого значительно расширяет картину мира личности, её тезаурус и прагматикон, служит в дальнейшем эффективным инструментом для понимания текстов культуры, успешной коммуникации и создания собственных речевых произведений на родном языке.

Литература

1. Бурмистрова С.В. Библиейские аллюзии в современной детской литературе (на материале сказки В.Л. Лавриной «Чудесные платья») // Вестник ТГПУ. – 2015. – №10. – С. 179-183
2. Ионова С.В. Текст культуры: становление прецедентности // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – № 6 (40). – 2015. – С. 79-83.

3. Ионова С.В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163-168.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Карпухина В.Н. Дискурс детской художественной литературы в процессах институализации общества // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 248-255
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
7. Красных В.В. Точки над і или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 16. – с. 5-12
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В.П. Нерознака. – Москва, 1997. – С. 280-287.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва : «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
10. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Таллинн : Велес, 1992. – Т. 1. – С. 200-202.
11. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е.А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – Москва : Academia, 2000. – 141 с.

Tsaplina T.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The functions of precedent units in the texts of modern children's literature.

The article examines the features of the functioning of precedent units in children's literature. The importance of implementing the highlighted functions is due to the fact that the units of precedent used in the texts of children's literature are an important part of the national cultural code. Their correct interpretation and effective assimilation further serves as a valuable tool for understanding cultural texts, creating your own speech works, for successful communication, as well as for establishing a full-fledged dialogue between generations.

Key words: precedent units, functions of precedent units, children's literature, national cultural code.

Стратегии и эффекты литературной дипломатии в выступлениях

В.В. Путина

Работа выполнена под руководством Катышева Павла Алексеевича, доктора филологических наук, профессора

Цель данной статьи – изучить стратегию реализации литературной дипломатии и достигнутые результаты, используя выступления В.В. Путина в качестве базового материала. На примере выступления В.В. Путина как текста анализируются три стратегии достижения литературной дипломатии: первая – цитирование литературных произведений, вторая – интерпретация литературных произведений и третья – реконтекстуализация литературных произведений. Исследование и анализ, проведенные в данной статье, показывают, что три стратегических способа использования литературы в выступлениях В.В. Путина достигают различных эффектов.

Ключевые слова: Литературная дипломатия, цитирование, интерпретация, реконтекстуализация, выступление.

Литература в политическом дискурсе несет на себе значительный груз ответственности, выступая в роли не просто зеркала, отражающего общество, но и активного создателя образа государства. В этой связи, литературные произведения становятся неотъемлемой частью политической коммуникации, предоставляя механизм формирования и укрепления национальной идентичности, влияния на общественные убеждения и направления политического восприятия. Открывая двери в мир воображения и эмоциональных переживаний, литература не только передает идеи политического лидерства, но и создает уникальные нарративы, которые влияют на то, как страна воспринимается как игрок на глобальной арене.

По мнению Э.М. Афанасьевой, литературная дипломатия должна быть «дискурсивной установкой в практике публичных выступлений (заявлений) политиков, основанная на приеме цитирования художественного текста, часто с элементами комментария и (или) упоминания (интерпретации) литературных фактов, фактов биографии писателей – с целью привлечения внимания к конкретной культурной, социальной, политической или др. проблеме (ситуации) и обозначения политической позиции коммуниканта» [5, с. 209].

Как часто можно видеть в СМИ, политики в разных странах, как правящие, так и оппозиционные партии, используют самую разнообразную литературу для достижения своих целей или привлечения аудитории к мысли о том, что они высококультурны. И это

явление не случайно, согласно исследованию А.П. Чудинова, «эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [6, с. 8].

В политических выступлениях политиков можно обнаружить множество примеров использования литературных феноменов, которые обычно могут быть разделены на три основные категории. Все три категории являются стратегиями достижения литературной дипломатии. В первой категории встречаются случаи, когда политики цитируют оригинальные фразы из определенных литературных произведений в практических целях. Во второй категории политики проводят интерпретацию литературных произведений в своих выступлениях. В третьей категории политики осуществляют реконтекстуализацию литературных произведений в своих речах, создавая новые тексты на основе известных литературных образов или сюжетов.

На основе этих трех категорий следующие 3 кейса будут закодированы от К₁ до К₃, чтобы проанализировать и распределить их по категориям.

Цитирование литературных произведений.

[К₁] «Все это еще в XIX веке пророчески предсказал Федор Михайлович Достоевский. Один из персонажей его романа «Бесы» – нигилист Шигалев – так описал выдуманное им светлое будущее: *«Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»*. *К этому, кстати говоря, и пришли наши западные оппоненты*» [4].

В этом романе, известном представителям русской культурной общественности, Достоевский описывает потенциально катастрофические последствия политического и нравственного нигилизма, царившего в России того времени, и предполагает, что поколение Степана под влиянием либеральной идеологии стало соучастником этой хаотической, беспомощной эпохи. Согласно определениям Е.В. Аликиной и Л.В. Кушниной, прецедентный текст – это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, алгоритм восприятия которого предопределен» [1, с. 22]. Так, устами героев романа Достоевский говорит о том, что истинная русская культура должна основываться на традиционной духовности и верованиях русского народа. В данном примере, обращения В.В. Путина к литературе здесь воспроизводят для нас главную идею романа, реактивируя соответствующие прецедентные тексты и прецедентные ситуации и цитата из произведения Достоевского используется президентом В.В. Путиным для поддержки его политического заявления. Он делает это, обращаясь к авторитету классической русской литературы и использованию известной цитаты, что придает его высказыванию авторитетность и

убедительность. Также стоит отметить, что выбор цитаты из «Бесы» Достоевского позволяет В.В. Путину подчеркнуть актуальность темы и представить ее как продолжение исторического развития. Использование фразы «*К этому, кстати говоря, и пришли наши западные оппоненты*» дополняет эту идею, утверждая, что западные оппоненты в современности повторяют ошибки, предсказанные ранее в литературном произведении. Таким образом, в данном случае В.В. Путин осуществил литературную дипломатию через цитирование литературных произведений.

Интерпретация литературных произведений.

[К₂] «Хочу завершить свое выступление словами настоящего патриота – Ивана Александровича Ильина: *„Если я считаю моей родиной – Россию, то это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верю в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своей волею. Его дух – мой дух; его судьба – моя судьба; его страдания – мое горе; его расцвет – моя радость“*» [3].

В данном примере В.В. Путин цитирует русского философа Ивана Ильина, чтобы закончить свою речь и подчеркнуть свою позицию как патриота. Интерпретация литературных произведений здесь связана с тем, что В.В. Путин использует цитату Ильина для иллюстрации своего понимания патриотизма и любви к России. В.В. Путин прибегает к использованию цитаты от Ильина с целью подчеркнуть свою приверженность русскому национальному духу и исторической судьбе России. Это выражение патриотизма через слова выдающегося мыслителя придает его речи авторитетность и глубину. В то же время В.В. Путин в данном примере создает образ патриота и лидера, обладающего литературными способностями.

Реконтекстуализация литературных произведений.

По мнению шведского лингвиста Пер Линелла, реконтекстуализация может быть определена как динамический процесс переноса и трансформации чего-либо из одного дискурса / текста-в-контексте (при этом контекст на самом деле представляет собой матрицу или поле контекстов) в другой [8, с. 144-145]. Реконтекстуализация включает извлечение какой-либо части или аспекта из текста или дискурса, или из жанра текстов или дискурсов, и вписывание этой части или аспекта в другой контекст, то есть в другой текст или дискурс (или жанр дискурса) и его использование и окружение. По терминологии Гоффмана, реконтекстуализация обычно сводится к переформулировке. Аспекты дискурса, которые могут быть реконтекстуализированы, включают лингвистические выражения, понятия и утверждения, «факты», аргументы и линии аргументации, истории, оценки, ценности и

идеологии, знания и теоретические конструкции, способы восприятия и способы действия по отношению к ним, способы мышления и способы выражения [7, с. 145].

Используя выступления В.В. Путина в качестве материала, можно проанализировать, как В.В. Путин осуществляет литературную дипломатию путем реконтекстуализации литературных произведений.

[К₃] «Да, это классика, но, к сожалению, мы про классику забываем, а все думаем: “А вот добрый дядя нам должен что-то принести”. Но лучше вспомнить, наверное, революционные песни большевистские: **“Никто нам не поможет: ни бог, ни царь и не герой”**. Нужно своей собственной рукой все делать» [2].

Интернационал настолько узнаваем во всем мире, что некоторые строки из него известны независимо от политических взглядов, и это можно считать прецедентным текстом. В данном контексте, В.В. Путин использует цитату из «Интернационала» для акцентирования на необходимости самостоятельного действия и личной ответственности каждого гражданина. Это связано с реконтекстуализацией вне политического дискурса, где он переносит текст из исходного контекста международного рабочего движения в современную политическую риторику. Целью такого использования является внушение идеи о необходимости коллективного действия и самодеятельности граждан, что подчеркивает активное участие общества в решении важных вопросов. Эту реконтекстуализацию также можно рассматривать как стратегию сродства, поскольку В.В. Путин стремится установить связь с революционным духом и народными настроениями российской истории, подчеркивая, что его стиль руководства соответствует историческим традициям России. Таким образом, В.В. Путин стремится подчеркнуть свою идею лидерства и стимулировать чувство самоответственности и мотивации, цитируя тексты песен с сильными политическими и историческими ассоциациями.

Проанализировав три стратегических направления использования литературы, описанные выше, можно подвести итоги стратегий и эффектов достижения литературной дипломатии:

1. Привлечение внимания аудитории и эмоциональное воздействие. Привлечение внимания аудитории и эмоциональное воздействие являются ключевыми целями использования литературных произведений в речевых стратегиях политиков. Эти элементы помогают не только удержать внимание аудитории, но и создать эмоциональную связь между выступающим и слушателями, что делает выступление более эффективным и запоминающимся.

2. Повышение авторитета и убедительности своих выступлений, создание образа культурного и знающего лидера, а также укрепление благосклонности и доверия к себе со стороны общественности. Использование литературных элементов может продемонстрировать, что политик обладает широким кругозором и знаниями. Это может убедить аудиторию в том, что оратор обладает глубокими знаниями и пониманием культурного наследия. Такой образ культурного лидера повышает авторитет политика и делает его выступления более убедительными, а также позволяет завоевать уважение и расположение публики и упрочить свое положение в обществе. Таким образом, эти три элемента взаимосвязаны и дополняют друг друга.

3. Привлечь внимание общественности к социальным проблемам и тем самым поддержать свои основные политические аргументы, идеологии и позиции. Литературные произведения обычно затрагивают актуальные социальные проблемы, такие как неравенство, борьба за права и экологические проблемы. Три стратегических способа использования таких произведений могут привлечь внимание аудитории к этим важным темам и вызвать общественную дискуссию, а три стратегических способа использования литературных произведений могут подчеркнуть идеологическую позицию политика, если темы и идеи, выраженные в этих произведениях, соответствуют его политическим аргументам.

На основе проанализированных материалов выступления В.В. Путина можно сделать вывод о том, что существует три стратегических способа использования литературы политиками для осуществления литературной дипломатии: первый – цитирование литературы, второй – интерпретация литературы, третий – реконтекстуализация литературы. Используя эти три стратегии, политики могут достичь четырех целей и эффектов, которые приводят к литературной дипломатии.

Литература

1. Аликина Е.В., Кушнина Л.В. Основы межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – Пермь : Изд-во Пермского гос. тех. ун-та, 2009. – 120 с.
2. «Никто не поможет: ни бог, ни царь»: Путин призвал россиян надеяться только на себя». – [Электронный ресурс]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/406153> (дата обращения: 30.02.2024).
3. «Путин закончил “Георгиевскую речь” цитатой русского философа Ильина». – [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/30/ilyin/> (дата обращения: 30.02.2024).

4. «Путин назвал бредом восприятие Западом критики в свой адрес как “происков Кремля”». – [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/16174593> (дата обращения: 30.02.2024).
5. Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография / Под науч. ред. Н.А. Боженковой, П.А. Катыхева. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. – 320 с.
6. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. – Москва, 2006. – 254 с.
7. Goffman E. Frame Analysis. Cambridge, M., A: Harvard University Press. 1974. – 145 p.
8. Per L. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in Professional discourse [J]. Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1998. – 144-145 p.

Jing SQ

Pushkin State Russian Language Institute

Strategies and effects of literary diplomacy in V.V. Putin's speeches

The aim of this article is to analyse the strategy of literary diplomacy realization and the outcomes achieved, using V.V. Putin's speeches as a base material. Using the example of V.V. Putin's speeches as a text, three strategies for achieving literary diplomacy will be analysed: the first one is quoting literary works, the second one is interpreting literary works and the third one is recontextualising literary works. The research and analyses conducted in this article demonstrate that the three strategic ways of using literature in Putin's speeches accomplish different effects.

Keywords: Literary diplomacy, quotation, interpretation, recontextualisation, speech.

Цзян Юе

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

jjangyue410@163.com

Типичные проблемы перевода текстов нефтегазовой тематики и пути их решения

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны, доктора филологических наук, доцента

По мере дружественного развития российско-китайских отношений продолжает углубляться и сотрудничество двух стран в различных областях. Нефть и газ, как важная сфера сотрудничества между двумя странами, получили большое внимания и продвижение. Перевод нефтегазовых научно-технических текстов имеет не только общие черты научного русского языка, но и свои специфические и личностные особенности с точки зрения лексики и синтаксиса. Из-за различий в культуре, стилях мышления и привычках выражения между Китаем и Россией в процессе перевода легко могут возникнуть проблемы с ключевыми словами и структурой предложений. В данной статье обобщаются и анализируются проблемы, которые часто возникают в процессе перевода текстов по нефтегазовой науке и технологиям, а также обобщаются приемы перевода.

Ключевые слова: технический перевод, научно-технические тексты нефтегазовой тематики.

Перевод – это «сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук» [2, с. 34]. Научная переводческая деятельность началась в области естественных наук и постепенно распространилась на общественные науки, вступая в новый период своего развития. Процесс научного перевода – это процесс понимания оригинального текста и творческого воспроизведения его точным и кратким языком. Научно-технический перевод должен сократить использование эмоциональных слов и риторических приемов, употреблять ясные и точные слова и предложения, а также профессиональную терминологию.

Перевод научно-технических текстов нефтегазовой тематики предъявляет определенные требования к владению языком, навыкам перевода и запасу профессиональных знаний. Переводчику, во-первых, необходимо обладать определенными «базовыми навыками» в нефтегазовой отрасли, понимать рутинную работу и основные принципы, во-вторых, необходимо быстро просмотреть и изучить соответствующие базовые принципы участия в переводе контента в течение ограниченного времени; в-третьих, правильно переводить и оформлять исходный текст. В процессе перевода следует уделять внимание трем элементам перевода: ключевым словам, способу мышления и структуре предложений. Именно с ними чаще всего возникают проблемы при переводе текстов по нефтегазовой науке и технологиям.

Научно-технический перевод имеет следующие характеристики. На грамматическом уровне научно-технический перевод в основном базируется на предметных высказываниях, часто используются пассивные предложения. При исследовании и решении научно-технических задач научно-технические работники обращают внимание на объективные закономерности самих вещей, ориентируясь на факты и методы, производительность и характеристики. Поэтому в научных статьях для объективных высказываний преимущественно используется безличная форма изложения, часто употребляются пассивные предложения.

На уровне форматирования выражения научно-технический русский язык фокусируется на повествовательном рассуждении, подчеркивает объективность и точность, старается избегать использования первого и второго лица и широко использует пассивный залог, чтобы избежать впечатления субъективного суждения. Научно-технический персонал, как правило, выражает содержание статей прямо, точно и лаконично, стараясь избегать двусмысленности. Один из способов добиться этого – использовать принятые символы и выражения.

На уровне структуры предложений в научно-технических текстах часто используются сложные и длинные предложения. Следовательно, предложения в научных статьях состоят из большого количества слов, длиннее, имеют сложную структуру и содержат большой объем информации. При переводе необходимо его обработать, а также использовать навыки перевода, чтобы точно передать смысл предложения согласно теории перевода.

«На сегодняшний день одной из движущих отраслей мировой экономики является нефтегазовая отрасль. Следствием этого является и высокий уровень распространения перевода нефтегазовой тематики» [4, с. 243]. Перевод таких научно-технических текстов обладает вышеперечисленными характеристиками научно-технического перевода. В процессе перевода мы сталкиваемся как с общими проблемами, связанными с научно-техническим переводом, так и с уникальными особенностями текстов переводов нефтегазовой тематики.

Типичные проблемы при переводе текстов нефтегазовой тематики:

1. Переводу ключевых слов не хватает профессионализма. В нефтегазовых научно-технических текстах ключевыми являются слова, которые могут выразить тему всего текста. Необходимо использовать общие слова в нефтегазовой отрасли, и они должны быть точны. При переводе ключевых слов возникают три основные проблемы:

а) буквальное значение ключевых слов переводится без привязки контекста и значения; переведенные слова не соответствуют терминологическим привычкам нефтегазовой отрасли, что сбивает с толку технический персонал;

б) слишком большая зависимость от машинного перевода и отсутствие четкого понимания основных принципов содержания перевода приводит к тому, что перевод оказывается недостаточно точным или профессиональным, что влияет на правильное выражение всего предложения;

в) русское слово полисемично, а это означает, что основное значение слова применяется без учета контекста при переводе.

2. Влияние различий мышления русских и китайцев. Русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям, и существуют различия в способах словообразования и выражения. Чтобы точно выразить содержание исходного текста, необходимо преобразовать форму выражения, например, определенные части речи. Из-за различий в образе мышления в процессе перевода нефтегазовых научно-технических текстов часто возникают следующие три проблемы:

а) поскольку в китайском языке нет временных изменений, русско-китайский перевод может не обращать внимания на изменения словоформ, игнорировать вопросы времени и т. д., не может точно описать процесс и ситуацию;

б) порядок русских предложений гибко организован по смыслу, который отличается от логического порядка в китайском языке, и при переводе возможны ошибки;

в) для технических существительных и терминов, встречающихся в предложениях, буквальное значение переводится только без учета контекста; перевод часто не соответствует традициям китайского языка, что затрудняет адекватное понимание перевода читателями.

3. Ошибки в структуре высказывания. В научном русском языке длинные предложения часто используются для объяснения сложной концепции или факта и подчеркивают сильную логику и компактную структуру исходного текста. При переводе длинных предложений важно обеспечить четкий грамматический уровень перевода, а также полную и точную концепцию. В процессе перевода необходимо соблюдать принципы точности, ясности и краткости. При переводе текстов по нефтегазовой науке и технологиям вероятны следующие ошибки с точки зрения структуры предложений:

а) плохое понимание методов перевода;

б) ошибки в порядке слов и выражении переведенного текста;

в) грамматическая структура длинных предложений и анализ логических связей неадекватны, что приводит к логическому беспорядку и грамматическим проблемам при переводе.

В процессе перевода мы должны не только уделять внимание точности перевода, но и корректировать предложения в соответствии с языковыми привычками, чтобы гарантировать, что перевод выдержит проверку по трем аспектам языка, логики и профессиональных знаний. Поэтому перед переводом необходимо четко проанализировать структуру предложения, дополнить соответствующий контент и отшлифовать высказывание в соответствии с привычками выражения целевого языка (т.е. того языка, на который переводят).

Существует несколько путей решения проблем, возникающих при научном переводе.

1. Обратить внимание на преодоление влияния китайского мышления. В процессе перевода необходимо обращать внимание на особенности выражения целевого языка и гибко использовать методы преобразования перевода, чтобы обеспечить лучшее восприятие и понимание переведенного текста на языке оригинала читателя.

2. Выбор значений слов не должен вызывать двусмысленного понимания. Можно ссылаться на учебники, переводы названий статей, аннотаций и ключевых слов в журналах,

словари по нефтегазовой тематике и другие материалы; в то же время можно использовать онлайн-инструменты перевода для пополнения словарного запаса, но необходимо проверить точность и универсальность словарного перевода, использовать Translate для сопоставления общепринятого и стандартного словаря отрасли.

3. Точно уловить референциальное значение слов и обратить внимание на перевод устойчивых словосочетаний. Необходимо различать общие термины и профессиональные термины, а затем определять их профессиональную сферу; использовать готовые и распространенные способы перевода, а не изобретать свои. В текстах по нефтегазовой науке и технике следует уделять внимание сбору и вводу некоторых новых слов, появляющихся в отрасли, а также переводу устойчивых словосочетаний [3, с. 134].

4. Избегать ошибок в структуре предложений. Глубоко понимать смысл предложений и гибко использовать трансформационный перевод. Перевод научных статей требует глубокого анализа структуры предложения и логических связей предложений, при этом следует уделить внимание преобразованию частей речи, компонентов и моделей предложений, чтобы обеспечить правильность чисел, единиц, графиков, формул и т. д.

5. Стремиться сочетать научный и художественный аспекты при переводе научных статей. Что касается самого языка, то точность профессионального стиля и стилизованная структура письма, необходимые для этого типа перевода, отражают точный и строгий стиль письма, который является выражением языкового искусства, отличным от живого стиля письма литературных произведений. Подчеркивая единство художественности и науки, необходимо также отметить, что научно-технический перевод имеет требования к художественности, но требования слабые. Необходимо соблюдать баланс между художественностью и наукой, что является проверкой уровня профессионализма переводчика.

Итак, от различий в языковой структуре, манере выражения и образе мышления между китайским и русским языками при переводе научных статей о нефти и газе могут возникать некоторые ошибки. Навыки перевода научно-технического русского языка сложны и разнообразны, для их гибкого освоения, во-первых, переводчик должен обладать твердыми грамматическими знаниями как русского, так и китайского языков, во-вторых, переводчик должен владеть профессиональными знаниями в нефтяном и газовом деле и уметь понимать принципы работы оборудования в нефтегазовой отрасли, профессиональную терминологию, в-третьих, должно полагаться на постоянную практику, чтобы постепенно исследовать и обобщать точные и гибкие методы.

Литература

1. Герд А.С. Значение термина и научное знание // Научно-техническая информация. Сер. 2. – Москва, 1991. – № 10. – С. 1-4.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Слинкина Е.А., Краснова Е.В. Перевод англоязычных терминов нефтегазовой тематики // Молодой исследователь Дона. – 2017. – № 5 (8).
4. Тимирьянов П.В. Особенности нефтегазовой терминологии как ключевой фактор в работе нефтегазового переводчика // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IX Международной научной конференции молодых ученых (7 февраля 2020 г.). Ч. 1: Современные лингвистические исследования. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2020. – С. 242-249.

JiangYue

Pushkin State Russian Language Institute

Common problems and solutions when translating oil and gas texts

Abstract. With the friendly development of Russian-Chinese relations, cooperation between the two countries in various fields continues to deepen. Oil and gas, as an important area of cooperation between the two countries, has received more attention and promotion. Cooperation and exchanges in this area are inseparable from supporting translation work. In this context, translation of oil and gas scientific and technical texts is very important. Translation of oil and gas scientific and technical texts has common features of the scientific Russian language, but also has its own specific and personal characteristics in terms of vocabulary, language and sentence style. Due to differences in culture, thinking styles and expression habits between China and Russia, problems with keywords, thinking habits and sentence structure may easily arise during the translation process. This article summarizes and analyzes problems that often arise in the process of translating texts on oil and gas science and technology, and also generalizes translation techniques.

Keywords: technical translation, translation of oil and gas scientific and technical texts, problem, terms

Цзяо Хуэйчжу

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

liuzhaozhao93@gmail.com

Русский юмор как средство обучения межкультурной коммуникации в китайской аудитории

Работа выполнена под руководством Безрукова Вадима Аркадьевича, кандидата
филологических наук, доцента

Юмор может играть важную роль в преподавании иностранного языка, и статья посвящена возможностям использования юмористических средств (например, анекдотов и игр) в преподавании русского языка как иностранного китайской аудитории. Юмор используется равно как способ преподавания с целью

формирования коммуникативных, а также фактических способностей учащихся. Использование юмора следует внедрять в обучение студентов, обладающих уровнем В1 и В2, а выбор источников материала должен соответствовать четким критериям. Авторы также раскрывают некоторые способы применения юмора в качестве педагогического инструмента в аудитории.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, средство обучения, анекдот, полисемия, китайский

Юмор – это один из важнейших пластов языковой картины любой нации, его понимание имеет огромное значение при формировании языковой личности [3, с. 218]. Межкультурная коммуникация как важная часть преподавания русского языка как иностранного требует от иностранных студентов более высокого уровня коммуникативной компетенции, то есть понимания социокультурных и экстралингвистических аспектов языка (в нашем случае, русского языка). Юмор – хороший способ обучения и тренировки этих навыков. Преподаватели, которые включают в учебный процесс материалы, содержащие русские анекдоты, способствуют формированию и совершенствованию навыков межкультурной коммуникации у китайских студентов.

Однако следует отметить, что использование анекдотов как средства обучения применимо не ко всем иностранным студентам. Понимание юмора требует определенного уровня владения русским языком и наиболее эффективно для студентов с уровнем языка В1 или В2. Заграничным студентам, исследующим российский язык непродолжительное время или не погружавшимся в особенности российского общества и культуры, очень сложно воспринимать юмористические материалы на русском языке. Главная трудность в понимании лингвистического юмора заключается в том, что в основе анекдота лежит определенное использование языка, что делает ситуацию еще более сложной, поскольку приемы двух языков могут быть совершенно противоположными, не говоря уже о том, что ни один язык не имеет абсолютно одинаковых фонологических, лексических и синтаксических структур [1, с. 100].

По этой причине авторы подразумевают, что нужно использовать юмор как средство улучшения практических навыков владения русским языком для иностранных студентов с определенным уровнем владения русским языком, а никак не равно как главной преподавательский инструмент, применяемый педагогами присутствие обучении российскому стилю равно как заграничному.

Источники для юмористического материала могут быть самыми разными, как из учебников, так и с веб-сайтов, но преподаватель должен их отобрать в соответствии со следующими критериями. Во-первых, важно выбрать максимально стандартизированные материалы, не в разговорном стиле, чтобы студенты поняли контекст и не заучили

нестандартные выражения. Можно также утверждать, что использование юмора в качестве средства обучения русскому языку как иностранному требует подбора материалов, корректно отражающих социокультурные реалии страны изучаемого языка, чтобы избежать стереотипов или недопонимания, вызванных культурным разрывом. Важным критерием при выборе источников для юмористического материала также является их современность. Наконец, следует выбирать подходящие материалы в соответствии с содержанием программ обучения китайских студентов русскому языку. Материалы, отобранные без учета этих критериев, затруднят понимание текста и снизят образовательную ценность юмора.

Если говорить о выборе материалов для обучения юмору китайских студентов, то можно выбрать материалы, которые имеют общие черты с китайской культурой. Например, можно выбрать материалы о политической системе, культуре питания и т. д. Было бы неплохо выбрать анекдоты, связанные с медведем, который обитает как в Китае, так и в России. В Китае медведь считается представительным животным России, а уникальная панда – Китая. Но в то же время нужно стараться избегать острых политических тем и выбирать более популярные политические темы.

В процессе отбора юмористического материала для практического обучения важно учитывать не только социокультурные аспекты, но также лингвистические особенности русского языка. В российском словаре весьма всераспространенно явление полисемии – присутствие при фразе некоторых смыслов. В случае если восприятие контекста ошибочно, значение пропадает, либо некто делается непосредственно обратным. В общении многозначность текстов используется с целью формирования шутливых результатов. Например,

„Абитуриента на вступительном экзамене спрашивают:

– Вы с Пушкиным знакомы?

– Нет.

– С Некрасовым, Чеховым, Толстым?

– Тоже нет.

– А с Лермонтовым, Горьким?

– Нет.

– Свободны!

Возле аудитории другой абитуриент спрашивает:

– Ну, как приняли?

– Нет, здесь только по блату. А я, оказывается, ни с кем не знаком!” [2, с.125]

Этот анекдот очень подходит в качестве первого русского анекдота для китайских студентов уровня В1 по следующим причинам:

- в анекдоте встречаются имена знаменитых русских писателей и поэтов, которых знает большинство китайских студентов;
- юмористический эффект основан на многозначности слова «знаком»;
- приведенный анекдот описывает социальные явления, которые также присутствуют в китайском обществе, что позволяет китайским студентам легко понять и глубже разобраться в них.

С точки зрения лексики, основная фраза анекдота достаточно проста, чтобы большинство китайских студентов уровня В1 знали ее значение. С точки зрения содержания, основное социальное и культурное содержание анекдота также приемлемо и понятно для китайских студентов.

Коммуникативный метод не исключает использование приемов перевода, когда преподаватель дает подходящий юмористический текст и просит студентов перевести его на китайский язык, а затем поделиться друг с другом своим пониманием анекдота и проанализировать механизм создания комического эффекта, что одновременно углубляет понимание российского общества и культуры и совершенствует лексические навыки диалогической речи китайских студентов.

Использование юмора также является вспомогательным средством практических методов обучения, когда преподаватель использует, например, игры или анекдоты, чтобы помочь студентам понять язык и культуру общества. Язык как инструмент должен практиковаться в контексте общества, чтобы помочь иностранным студентам (в данном случае китайским) овладеть языком. Анекдоты – это своего рода язык и литература, рожденные в обществе и культуре, которые содержат много национальной и социальной культуры, стоящей изучения иностранными студентами.

Обобщив сказанное, мы доказали, что юмор может быть использован как вспомогательное средство обучения, ориентированное на иностранных студентов с базовыми знаниями русского языка. Однако отбор юмористических материалов должен проводиться преподавателем с учетом строгих критериев, которые включают стандартизированные материалы, отражение социокультурных реалий, современность и учет лингвистических особенностей русского языка (например, полисемия). Следование данным критериям и умелое использование коммуникативных методик может создать основу для индивидуализации преподавания русского языка как иностранного китайским студентам.

Литература

1. Асылбекова Э. Юмор как неотъемлемая часть культуры народа // Филологические науки. – 2023 – № 54. – С. 96-102.
2. Ли Ин. Сравнительное изучение русского и китайского юмора // Харбин: Харб. технол. – Харбин, 2013. – 156 с.
3. Овсий Е.С. Роль юмора в обучении русскому языку как иностранному // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалам Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессору Г.Г. Мельниченко. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 217-222.

Jiao Huizhu

Pushkin State Institute of Russian Language

Russian humour as a means of teaching intercultural communication in Chinese audiences

Russian humour can play an important role as an auxiliary tool in teaching a foreign language, and this article focuses on the possibilities of using humorous means (e.g. jokes and games) in teaching Russian as a foreign language to Chinese audiences. Humour is used as a teaching tool to develop students' communicative and practical skills. The article shows that humour can be used with Chinese students who speak Russian at B1 and B2 levels, and argues that the selection of sources of material should follow clear criteria. The authors also reveal some ways of using humour as a pedagogical tool in the classroom.

Keywords: intercultural communication, teaching tool, joke, ambivalent word, Chinese

ЦибакOVA Валерия Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

valeria.tsibakova@yandex.ru

Пушкинский контент на сайте «Культура. РФ»:

структурно-тематический анализ

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, доцента

Богуславской Веры Васильевны

В статье рассматривается пушкинский контент в сетевой коммуникации. В качестве эмпирического материала комплексному изучению были подвергнуты медиатексты сайта «Культура. РФ». Работа позволяет расширить представления о структурно-тематических особенностях текстов, формирующихся в сетевой коммуникации; сделать выводы о тенденциях продвижения ценностных ориентиров российского общества. Методология исследования включила контекстуальный анализ, лингвосомиотический и структурно-функциональный анализ.

Ключевые слова: сетевая коммуникация, медиатекст, пушкинский контент, массмедийный дискурс.

В 2024 году исполняется 225 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Без его творчества невозможно представить современную культуру России. По нашим наблюдениям,

литературное наследие и личность А.С. Пушкина – одни из популярнейших тем современной интернет-публицистики. Практически ежедневно тематические сайты, блоги, группы в социальных сетях публикуют контент, связанный с именем русского писателя. При этом интересно, как происходит интерпретация творчества поэта в Интернет-пространстве.

Действительно, сегодня сетевая коммуникация стала не только транслятором культурных ценностей, норм, стереотипов, но и активным интерпретатором социокультурных процессов, что отражается в медиатекстах, которые, по мнению Т.Г. Добросклонской, являются «актуализированным в определённом медиаформате и объединённым общим смыслом последовательным сочетанием знаковых единиц вербального и медийного уровней» [2, с. 28]. Автор пособия «Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь» уточняет, что медиатекст представляет собой «сообщение плюс канал передачи информации», при этом стоит учитывать, что «медиадискурс выступает как сообщение в совокупности со всеми остальными компонентами процесса коммуникации, к которым относятся экстралингвистические факторы, связанные с созданием медиатекстов, аудиториями, обратной связью, кодированием и декодированием информации с учётом культурологического фактора, а также исторического, политического, идеологического и иных контекстов» [3, с. 201].

Пушкинский контент – это, по нашему мнению, особый пласт медиатекстов в сетевой коммуникации, позволяющей транслировать культурное наследие массовой аудитории Интернет-пространства. Медиатексты, посвящённые А.С. Пушкину, рассказывают о его жизни и творчестве, обращаются к вечным нравственным ценностям и вопросам морали. Рассмотрим примеры пушкинского контента, представленного в пространстве российской сетевой коммуникации.

«Культура. РФ» – сайт и проект, созданный при поддержке Министерства культуры РФ; входит в программу Национальные проекты России. В разделе «О проекте» опубликована краткая справка, которая позволяет узнать главную информацию о сайте: «Мы рассказываем о событиях и людях в истории литературы, архитектуры, музыки, кино, театра, а также о народных традициях и памятниках природы» [4]. Сайт «Культура. РФ» предлагает читателям культурно-просветительский контент, представленный медиатекстами различных видов и жанров. В рамках статьи мы рассмотрим медиатексты, посвящённые А.С. Пушкину.

Поисковой запрос на сайте на момент обращения (15.02.2024) выдал всего 2707 публикаций, связанных с личностью и творчеством поэта. Из них в рубрике «Стихотворения» – 1225 публикаций, «Афиша» – 734, «Публикации» – 248,

«Видеоматериалы» – 230, «Места» – 96, «Спецпроекты» – 77, «Книги» – 60, «Биографии» – 28, «Традиции» – 6, «Туристические маршруты» – 3.

В рамках статьи мы рассмотрели медиатексты рубрики «Публикации», так как они представляют собой наибольший массив авторского контента о писателе. Среди заголовков пушкинского контента можно выделить несколько типов:

1. Заголовки с прямым указанием на личность, творчество, жизнь писателя:

«*Романтическая переписка Пушкина*» [4].

«*Пушкин и его эпоха в романе „Евгений Онегин“*» [4].

«*Храмы в жизни Пушкина*» [4].

«*Вслед за Пушкиным по маршруту Пугачёвского бунта прошёл Алексей Иванов*» [4].

2. Заголовки, включающие в себя строки из произведений А.С. Пушкина:

«*„Приют спокойствия, трудов и вдохновенья“: 5 пушкинских мест в России*» [4].

«*„Боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств“: Пушкин о любви*» [4].

«*„Святому братству верен я“. День лицеиста*» [4].

«*От „друга-стихотворца“ до поэта-символиста: о чём и для кого писал Александр Пушкин*» [4].

3. Заголовки, косвенно указывающие на писателя:

«*Предлинные ногти, благородство в глазах и выразительная физиономия*» [4].

«*Судьбы лицеистов*» [4].

«*Главное, чтобы бакенбарды сидели*» [4].

«*Как русские писатели проигрывались в карты*» [4].

На синтаксическом уровне заголовки в основном представлены простыми, односоставными, распространёнными предложениями: «*Усадьбы русских писателей*», «*Как культурно отпраздновать день рождения Пушкина?*», «*Пушкинский день в России*», «*Романтическая переписка Пушкина*» [4]. Частотна также такая синтаксическая конструкция, как сложное, распространённое предложение, в котором первая часть – цитата из произведения А.С. Пушкина, а вторая часть – уточнение темы публикации; при этом обе части представлены простыми, односоставными, распространёнными предложениями: «*„Боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств“: Пушкин о любви*», «*„Приют спокойствия, трудов и вдохновенья“: 5 пушкинских мест в России*» [4].

Задача лида публикации – заинтересовать читателя в прочтении полного материала, поэтому он содержит в себе краткую информацию по теме текста. Примеры:

1. Заголовок: «*Романтическая переписка Пушкина*».

Лид: *«Переписка Александра Пушкина с дамами – лишь небольшая часть его эпистолярного наследия. Над письмами поэт трудился не менее тщательно, чем над художественными произведениями. Вспоминаем послания Пушкина к женщинам и их ответы»* [4].

2. Заголовок: *«Пушкин и его эпоха в романе „Евгений Онегин“».*

Лид: *«„Евгений Онегин“ – одно из самых знаменитых произведений русской литературы, переведенное почти на два десятка языков. Но в романе найдётся немало материала для работы не только филологам, но и историкам, интересующимся бытом и культурой начала XIX века. Попробуем увидеть в „Евгении Онегине“ то, что было замечено и понято современниками, но стало недоступным для нас»* [4].

3. Заголовок: *«Как культурно отпраздновать день рождения Пушкина?».*

Лид: *«6 июня, день рождения Александра Пушкина, в нашей стране принято отмечать с размахом. Мы собрали 10 мероприятий в разных городах России, посвящённых главному русскому поэту. Слушайте стихи, смотрите спектакли и документальные фильмы, участвуйте в литературных вечерах!»* [4].

Основное тело текста совмещает в себе различные типы речи: повествование, описание, рассуждение, что обусловлено их публицистическим началом. В публикациях авторы используют риторические приёмы: инверсию (*«Пушкин посещал Михайловское, имение своей матери, несколько раз, но самым длительным пребыванием поэта в имении были годы ссылки (1824–1826)»* [4]), парцелляцию (*«Именно здесь, на экзамене при переходе с младшего курса на старший, 14-летний поэт прочитал своё стихотворение „Воспоминания в Царском Селе“.* Оно было отмечено Гавриилом Державиным» [4]), метафору (*«люди света»* [4]), эпитеты (*«полуироничные, полуоткровенные признания», «ветреный характер», «ироничный ментор», «модные привычки», «столичные франты»* [4]).

Подпись в теле публикации позволяет читателю ближе познакомиться с автором, прочитать другие его материалы.

Так как публикации сайта «Культура. РФ» являются примерами медиатекстов, важно сказать о визуальной репрезентации материалов. Иллюстрации представлены архивными снимками музейных экспонатов, картинами, рисунками, которые дополняют текстовое содержание публикаций. Аудио- и видеоматериалы в публикациях способствуют более глубокому погружению читателя в тему.

Отдельно стоит отметить наличие в публикациях гиперссылок. Это слова, встроенные в тело текста, но выделенные красным цветом. Переход по ним позволяет читателю

ознакомиться со смежной темой, узнать о каком-либо явлении подробнее, ознакомиться с историей. Слова-гиперссылки образуют терминологическое ядро сайта, то есть являются наименованием ключевых тем, транслируемых авторами. Примеры слов-гиперссылок: «*Баратынский*», «*эпиграмма*», «*крепостное право*», «*роман „Евгений Онегин“*», «*усадьба поэта*», «*площадь Пушкина*», «*Михайловское*», «*домик няни Пушкина*», «*Анна Керн*», «*Борис Годунов*», «*Цыганы*», «*черновики произведений*» [4].

Структурное моделирование медиатекстов сайта «Культура. РФ» позволило выявить закономерности в построении материалов. Структура текстов рубрики «Публикации» предполагает наличие обязательных элементов: заголовков, подпись, лид, основное тело текста с гиперссылками, иллюстрации, аудио- и видеоматериалы.

Подведём итоги: пушкинский контент – важная часть российского Интернет-пространства. Популярность таких медиатекстов свидетельствует о тенденции продвижения культурно-ценностных ориентиров российского общества. Отметим, что авторы сайта «Культура. РФ» делают акцент на информационной насыщенности основного тела текста: предлагаемый контент представлен в различных форматах (текст, аудио и видео), что позволяет, во-первых, каждому читателю выбрать наиболее удобный вариант получения информации, во-вторых, более полно раскрыть тему публикации. Выявленные закономерности в структуре контента сайта «Культура. РФ» отражают тенденции Интернет-коммуникации: переход Интернет-публицистики к такой структуре медиатекста, в которой главным является наличие заголовка, основного тела текста с встроенными гиперссылками и визуальной частью публикации (фото, аудио, видео).

Литература

1. Богуславская В.В. Негативные конструкции в роли заголовков на материале газетно-публицистического стиля современного русского языка : специальность 10.02.01 "Русский язык" : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / В. В. Богуславская. – Ростов-на-Дону, 1993. – 19 с.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 26-38.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. – Москва : Флинта: Наука. – 2008. – 264 с.
4. Культура. РФ. Портал культурного наследия, традиций народов России / URL: <https://www.culture.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).

Tsibakova V. A.

Pushkin State Russian Language Institute

Pushkin content on the “Culture. RU” website: structural and thematic analysis

In the article the authors consider Pushkin’s content in internet communication. As empirical material, media texts from the “Culture.RU” website were subjected to a comprehensive study. The article allows us to expand our understanding of the structural and thematic features of texts; draw conclusions about trends in the promotion of value guidelines of Russian society. The research methodology included contextual analysis, lingo-semiotic and structural-functional analysis.

Keywords: internet communication, media text, Pushkin content, media discourse.

Цуй Юйчуань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

tsuyyuchuan@outlook.com

Анализ онлайн-платформы для обучения русскому языку как иностранному в вузах КНР

Работа выполнена под руководством Рублевой Е.В., кандидата филологических наук, доцента кафедры МПРКИ, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Данная статья описывает концепцию и контекст современного обучения русскому языку онлайн, акцентируя внимание на основных платформах онлайн-обучения, используемых в вузах Китая для преподавания русского языка. В статье проведен анализ преимуществ и недостатков каждой из рассмотренных платформ, выявляя их вклад в процесс обучения. В заключение представлены перспективы развития онлайн-обучения русскому языку, подчеркивая его значимость и потенциал для дальнейшего улучшения качества языкового образования.

Ключевые слова: цифровые образовательные платформы, РКИ, аквизиция русского языка, инновации в сфере образовательных технологии.

В настоящее время в вузах Китая наблюдается активное развитие онлайн-обучения русскому языку. Это связано с растущим интересом к русскому языку как инструменту международного общения и укрепления культурных и экономических связей между Россией и Китаем. В условиях пандемии COVID-19 и ограничений на традиционное очное образование многие вузы КНР активно интегрировали цифровые технологии в процесс обучения, что способствовало переходу на дистанционное обучение русскому языку.

В данной статье осуществляется анализ существующих подходов к онлайн-обучению, на примере ведущих платформ для изучения русского языка, активно используемых в высших учебных заведениях Китая. Исследование направлено на оценку текущего состояния

и особенностей применения цифровых образовательных ресурсов в процессе преподавания русского языка как иностранного на уровне высшего образования в КНР.

Далее мы сфокусируемся на анализе основных платформ онлайн-образования, занимающих лидирующие позиции на китайском рынке, их особенностях и предлагаемых возможностях для изучения русского языка.

1. Курсы русского языка в рамках союза МООС (Массовые открытые онлайн-курсы) Китайской ассоциации иностранных языков, изданные «Издательством иностранных языков и исследований», представляют собой комплекс онлайн-курсов для изучения русского языка, нацеленных на предоставление китайским учащимся высококачественных ресурсов для обучения русскому языку. Эти курсы обычно охватывают все уровни от начального до продвинутого и включают тренировку грамматики, лексики, аудирования, устной речи, а также навыков чтения и письма. «Издательство иностранных языков и исследований», будучи одним из ведущих издательств учебной литературы по иностранным языкам в Китае, через свой союз МООС, используя передовые информационные технологии, предлагает интерактивные онлайн-курсы с богатым содержанием, чтобы удовлетворить потребности учащихся на различных уровнях. Курсы обычно ведутся опытными преподавателями, и их содержание не ограничивается передачей знаний о языке, но также включает введение в культуру, историю России и другие связанные знания, способствуя повышению способности к языковому применению и межкультурной коммуникации учащихся.

2. «Rain Classroom» (雨课堂) — это популярная образовательная платформа в Китае, которая интегрируется с WeChat и PowerPoint, предлагая уникальные возможности для интерактивного обучения и вовлечения студентов. Она позволяет преподавателям создавать интерактивные уроки и проводить опросы в реальном времени, а студентам — отвечать на вопросы и участвовать в обсуждениях непосредственно через свои мобильные устройства. В контексте изучения русского языка «Rain Classroom» предоставляет возможность для практики языковых навыков в интерактивной форме, облегчая обмен информацией и культурным контентом между преподавателями и учениками. Эта платформа способствует повышению мотивации и вовлеченности студентов в процесс обучения, делая изучение русского языка более динамичным и эффективным.

3. Платформа «Bilibili» занимает значительное место среди популярных ресурсов для обмена видеоконтентом среди молодежи Китая, предоставляя доступ к многообразию тематических материалов, включая анимацию, видеоигры, развлекательные программы и

образовательные ресурсы. В контексте образования «Bilibili» превратилась в ценный инструмент самообразования, предлагая пользователям, стремящимся изучить русский язык, широкий ассортимент учебных видеоматериалов. Эти материалы создаются как опытными преподавателями русского языка, так и энтузиастами, обладающими высокой степенью знаний и практического опыта. Содержание представленных на платформе учебных видео характеризуется авторитетностью и практичностью, что делает «Bilibili» важным ресурсом для изучения русского языка среди китайских студентов.

4. Специализированные ресурсы курсов русского языка, разработанные высшими учебными заведениями Китая. Китайские университеты активно разрабатывают ресурсы для изучения русского языка, интегрируя информационные технологии в онлайн-платформы обучения. В рамках глобализации и международного образовательного обмена, Министерство образования КНР утвердило планы развития информатизации образования. Они направлены на интеграцию ИТ с образовательными процессами и управлением, стимулируя инновации и создание новых методик обучения. Целью такого развития является подготовка специалистов, владеющих русским языком на профессиональном уровне. Например, Пекинский университет иностранных языков в 2020 году открыл бесплатный доступ к платформе с 300 курсами разных языков, в том числе 50 по русскому. Платформа поддерживает многоязычное обучение, управление учебным процессом, включая онлайн-классы, коммуникации, экзамены, выбор курсов, обсуждения и выполнение заданий, создавая адаптивную образовательную среду для глубокого изучения русского языка.

5. Онлайн-платформы для обучения русскому языку на платной основе. Помимо бесплатных ресурсов, платные онлайн-платформы для изучения русского языка, такие как «Дом русского языка», «Русский язык Бонг», «Русский язык Елены» и «Переправа по-русски», имеют важное значение для обучения в Китае. Они не только предоставляют базовые курсы по русскому языку, но и специализированные программы подготовки к экзаменам, таким как ТРЯ 4 и ТРЯ 8 (Тест по русскому языку как иностранному по системе Министерства образования КНР), ТРКИ А1-С2, что подчеркивает их роль в углубленной подготовке студентов к официальной сертификации их знаний русского языка. Эти платформы играют ключевую роль в обеспечении индивидуального и целенаправленного подхода к изучению языка, предлагая углубленные и модульные программы, которые соответствуют различным уровням владения языком и специфическим образовательным потребностям.

«Дистанционные образовательные технологии с использованием интернета применяются как для освоения отдельных курсов повышения квалификации пользователей, так и для получения высшего образования». [Рублёва, 2014: 50-55] Развитие онлайн-платформ для изучения русского языка предоставляет учащимся разнообразные пути обучения, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Бесплатные платформы, такие как MOOC и специализированные ресурсы курсов русского языка, разработанные высшими учебными заведениями Китая, предлагают возможность обучения без каких-либо затрат, что особенно привлекательно для начинающих и самостоятельных учащихся. Они характеризуются высокой степенью гибкости и обширным спектром курсов, но при этом могут не предоставлять индивидуализированного подхода и непосредственной обратной связи от преподавателей. Платные платформы, такие как «Дом русского языка» и «Русский язык Елены», обеспечивают систематическое и профессиональное руководство, предлагая персонализированные учебные планы и подготовку к специализированным экзаменам по русскому языку. Однако стоимость таких курсов может стать существенным барьером для некоторых учащихся.

Платформы типа Vilibili увеличивают вовлеченность и мотивацию учащихся за счет интерактивных функций, таких как комментарии в реальном времени, хотя и не могут полностью заменить прямое общение с преподавателями и однокурсниками. Важную роль играют техническая поддержка и актуальность учебных материалов, где платные платформы часто превосходят своих бесплатных аналогов. В итоге выбор между различными платформами должен опираться на индивидуальные учебные потребности, финансовые возможности и предпочтения в обучении каждого студента.

На основе анализа онлайн-платформ для изучения русского языка можно предложить несколько практических рекомендаций для улучшения обучения и перспективы развития в будущем:

1. Практические рекомендации:

1) Персонализация обучения: платформы должны стремиться к более глубокой персонализации учебных планов и материалов, учитывая уровень знаний, предпочтения и учебные цели каждого студента. Использование алгоритмов искусственного интеллекта может помочь в создании индивидуализированных путей обучения.

2) Усиление взаимодействия и обратной связи: развитие инструментов для улучшения взаимодействия между учащимися и преподавателями в реальном времени, таких как интеграция видеозвонков, чатов и систем оценки, которые могут обеспечить более эффективную обратную связь и поддержку.

3) Расширение содержания курсов: включение в программы обучения материалов, охватывающих культурные аспекты, историю и литературу России и русскоязычных стран для обогащения языкового опыта и повышения культурного осознания.

4) Поддержка самостоятельного обучения: разработка инструментов и ресурсов для самостоятельного изучения и практики, таких как интерактивные упражнения, тесты и симуляторы реальных языковых ситуаций.

2. Перспективы развития:

1) Интеграция с VR и AR технологиями: использование виртуальной и дополненной реальности для создания иммерсивных языковых сред и симуляций, позволяющих учащимся глубже погружаться в изучаемый язык и культуру.

2) Развитие мобильного обучения: «...увеличение доступности и удобства обучения через мобильные приложения, позволяющее студентам учиться в любом месте и в любое время». [Рублёва, 2016: 409-414]

3) Сотрудничество с университетами и образовательными организациями: создание партнерских программ с ведущими учебными заведениями для обмена ресурсами, разработки сертифицированных курсов и предоставления студентам дополнительных возможностей для обучения и сертификации.

4) Использование больших данных для аналитики обучения: анализ данных о процессе обучения для оптимизации курсов и методик преподавания, а также для предоставления персонализированных рекомендаций и поддержки студентов на основе их прогресса и предпочтений.

Эти шаги и направления развития могут способствовать созданию более эффективных и адаптированных к нуждам студентов платформ для изучения русского языка, содействуя улучшению качества образования и расширению возможностей для обучения.

В заключении данного исследования резюмируем, что нами были рассмотрены различные типы онлайн-платформ для изучения русского языка, а именно: бесплатные ресурсные платформы, платные специализированные курсы и комплексные образовательные порталы. Каждый из этих типов имеет свои достоинства и недостатки. Бесплатные платформы предоставляют широкий доступ к образовательным ресурсам, что способствует повышению общей образовательной инклюзивности, однако зачастую они ограничены в предоставлении индивидуализированных методик обучения. Платные курсы, с другой стороны, предлагают более глубокую и целенаправленную программу с поддержкой квалифицированных преподавателей, но их стоимость может быть барьером для некоторых студентов.

Комплексные образовательные порталы сочетают в себе элементы обеих предыдущих категорий, предлагая как базовые курсы для широкой аудитории, так и специализированные программы для более продвинутых учащихся. Они обычно обладают мощной функциональностью и могут обеспечивать обширное взаимодействие между студентами и преподавателями.

В перспективе развития онлайн-платформ важным аспектом является интеграция новейших технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, которые могут способствовать более индивидуализированному и эффективному обучению. Кроме того, необходимо уделять внимание улучшению интерактивности и погруженности в образовательный процесс, чтобы повысить мотивацию и вовлеченность студентов.

Таким образом, перспективы развития онлайн-платформ для изучения русского языка представляются многообещающими, предоставляя возможности для расширения образовательного пространства и доступности качественного обучения для все большего числа студентов по всему миру.

Литература

1. Кузьмина Т.В. Студент в среде E-learning / Мос. гос. ун-т экономики, статистики и информатики, 2008. – 62 с.
2. Лю Хун, Сунь Юхуа. Новое направление и новые задачи, стоящие перед внедрением национального стандарта и реформой профессионального образования и преподавания русского языка в новую эпоху // China Russian Language Teaching. – 2018. – № 3. – 68-73 с.
3. Ма Вэнься, Хань Синьнин. Изучение нового развития и инновационных практик образовательных моделей - обзор «Катехизис: революция в обучении в эпоху Интернета + образование» // Китайский журнал образования. – 2020. – № 5. – 122 с.
4. Рублёва Е.В. Использование мобильных приложений на уроке русского языка как иностранного на начальном этапе обучения // Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2014. – № 3. – С. 50-55.
5. Рублёва Е.В. Особенности синхронного и асинхронного онлайн-обучения на современном этапе образовательного процесса // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан. – 2016. – С.409-414.
6. Ян Геяо. Обзор литературы и перспективы оценки преподавания в режиме смешанного обучения // Форум по высшему образованию. – 2019. – № 2. – С. 64-67.

Cui Yuchuan

Pushkin State Russian Language Institute

Analysis of an online platform for teaching Russian as a foreign language in Chinese universities

This manuscript delineates the conceptual framework and the contemporary context pertaining to the pedagogy of the Russian language facilitated through online mediums, with a particular emphasis on the primary digital learning infrastructures employed within the precincts of tertiary educational establishments in the People's Republic of China for the instruction of the Russian tongue. The discourse undertakes a critical appraisal of the merits and limitations inherent to each of the scrutinized educational platforms, thereby elucidating their respective contributions to the didactic process. The denouement of the study posits the future trajectories for the evolution of online Russian linguistic education, accentuating its pivotal role and the prospective avenues for augmenting the caliber of linguistic pedagogy.

Keywords: Digital educational infrastructures, Russian as a Foreign Language (RFL), acquisition of the Russian language, pedagogical technology innovation.

Цянь Цзысинь

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

adreanna@yandex.ru

Анализ современных китайских литературных имен на примере произведения «Четыре поколения под одной крышей» Лао Шэ

Работа выполнена под руководством Щербакова Андрея Владимировича, кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена анализу современного литературного имени в китайской письменной традиции. Цель статьи – на примере произведения Лао Шэ «Четыре поколения под одной крышей» исследовать функции собственных имен, анализировать их структуру и виды, понять их стилистическую роль в тексте. В результате анализа сделаны выводы относительно смысловой насыщенности имен собственных, и их сознательном употреблении для описания характера конкретного персонажа.

Ключевые слова: китайский язык, антропонимы, ономастика, китайская проза XX века, Лао Шэ.

Лао Шэ – это псевдоним выдающегося китайского писателя Шу Цинчуна, родившегося в небогатой семье в 1899 г. в Пекине. Сам факт рождения Лао Шэ в подобной семье, в дальнейшем будет иметь огромное влияние на его творчество. В своих произведениях писатель зачастую описывает именно рабочих, нищих и обездоленных. Художественные произведения Лао Шэ – его романы, рассказы и пьесы – исполнены глубокого сочувствия к горькой судьбе бедняков, к тяжелой жизни униженных и оскорбленных, его работы неизменно проникнуты подлинным гуманизмом, человечностью.

«Четыре поколения под одной крышей» – роман объемом в миллион слов отражает жизнь простых людей в Бэйпине (北平 'Бейпин', современное название города 北京 'Пекин') во время антияпонской войны. Роман, состоящий из трех частей, повествует о повседневной

жизни, неспешно протекающей в переулке Сяоянцюань, где проживают семьи Ци, Цянь и семья Гуань. Проблемы, заботы, печали и радости людей всех слоев общества, череда событий, описанных в романе, все это в совокупности не просто сюжет, это прежде всего отражение духа времени и культурных особенностей той эпохи [3].

В самом названии романа «Четыре поколения под одной крышей» Лао Шэ использует слово 地道 ('аутентичный', 'настоящий', 'подлинный'), в дальнейшем также добавляя данный иероглиф к некоторым именам описываемых пекинцев и других, по мнению автора, «аутентичных» персонажей – как положительных, таких как Старик Ци 祁老人, Цянь Мойинь 钱默吟 и Юньмей 韵梅, так и отрицательных, таких как Ци Жуйфэн 祁瑞丰, Чи Баози 赤包子 и Гуань Сяохэ 冠晓荷.

При описании персонажей автор впервые использовал сравнение как средство характеристики персонажей, применяя художественно-стилевое своеобразие, сравнивая при этом быт и взгляды китайцев с западным мировосприятием, что также внесло огромный вклад в развитие современной китайской литературы, а именно появился целый ряд живых и неподвластных времени героев.

Самый представительный персонаж романа «Четыре поколения под одной крышей» – это, конечно же, Старик Ци 祁老人: патриарх, основатель семьи Ци в Сяоянцюане – он описан как мужчина высокий, с вытянутым лицом и маленькими глазами, и уже в молодости его прозвали «Большой Человек Ци». На момент начала повествования ему 75 лет, он человек рачительный и бережливый, пекинец старой закалки, который при всем благополучии и высоком социальном статусе, умеет быть мирским.

«祁老人 *Старик Ци*» не принадлежит к китайской системе личных имен, и не является именем собственным, это скорее уважительное обращение. В своем произведении Лао Шэ часто использует фразы, присущие пекинскому диалекту, в связи с этим на страницах романа часто появляются такие обращения, как: 常二爷 '*Чан второй господин*', 金三爷 '*Цзинь третий господин*', 天佑太太 '*Жена Тянью*', 小顺儿的妈 '*Мать Сяо Шуньэр*'.

Однако, традиционная классификация родства в Китае отчетливо прослеживается не на примере главы семьи, а на примере имен трех других персонажей, также принадлежащих к поколению семьи Ци:

祁瑞宣 Ци Жуйсюань - 瑞 Жуй 'счастлирое предзнаменование, благое знамение' – 宣сюань 'объявлять, подниматься';

祁瑞丰 Ци Жуйфэн - 瑞 Жуй 'счастлирое предзнаменование, благое знамение' - 丰 фэн 'богатый, огромный';

祁瑞全 Ци Жуйцюань - 瑞 Жуй 'счастлирое предзнаменование, благое знамение' - 全 цюань, 'полный, совершенный'.

Поскольку эти три человека принадлежат к одному поколению одной семьи, в их именах используются одни и те же китайские иероглифы для обозначения принадлежности по старшинству в начале имени, а затем в дополнение к каждому имени добавлены еще три иероглифа '宣 Сюань', '丰 Фэн' и '全 Цюань', которые безусловно выражают стремление персонажей к совершенству, миру и другим благодетелям. Данные имена используются автором как отражение традиционной китайской мысли, а также несомненно отвечают идеям Конфуцианства.

В произведениях Лао Шэ также немалую часть всегда занимало описание женских персонажей, что безусловно придает его работам неповторимый шарм, Лао Шэ иллюстрирует гражданское общество, среди которого женщины – важный элемент социума, и каждая из них обладает уникальными характеристиками.

В «Четырех поколениях под одной крышей» образ Юньмэй 韵梅 – это классический для китайской литературы образ женщины, который воплощает в себе не только лучшие качества, которыми должна обладать каждая женщина, но также и отвечающий требованиям традиционного китайского общества – быть хорошей женой и матерью. Юньмэй 韵梅 – Юн 韵 'рифма, созвучие' – 梅 мей 'дикая слива'. Цветки сливы в традиционной китайской культуре означают силу, независимость и бесстрашие. Стоит также отметить, что, поскольку цветки сливы красные, характер, который они подразумевают, также соответствует духу коммунистической революции – существуют также такие имена как например: 红梅 'красная слива', 冬梅 'зимняя слива' и т. д.

Однако если положительный образ Юньмэй 韵梅 – это квинтэссенция многовековых традиций, норм и устоев, то Чи Баоцзы 赤包子, напротив, инвектива традиционной культуры.

Несмотря на схожесть Чи Баоцзы **赤包子** с описанными в романе домохозяйками, она представляет собой типичный образ порочных и хитрых женщин традиционного китайского общества. Она обладает свирепым и диким нравом, при этом еще и тщеславна, жадна до материальных благ и боится смерти, в семье является тираном, который подавляет всех, включая мужа и слуг. Все эти, в основном негативные черты характера, автор отразил и в имени персонажа, которое при этом не является именем собственным, а также, как в случае со Стариком Ци **祁老人**, является прозвищем.

赤包子 – Чи Баоцзы **赤** Чи ‘красный’ **包** Бао ‘обёртка, обёртывать’ **子** ‘цзы’

Есть несколько предположений, почему Лао Шэ выбрал именно это прозвище. Первое – подчеркнуть характер персонажа, второе – подчеркнуть образ персонажа и, конечно же, исходя из того, что автор часто использует пекинские диалектные выражения, третья причина кроется в том, что Чи Баоцзы **赤包子** на пекинском диалекте также означает красную дыню с пятнами, а на лице Чи Баоцзы **赤包子** много веснушек, и также при выборе одежды она отдает предпочтение красным оттенкам.

В момент захвата японскими оккупантами города она не сражается так самоотверженно, как другие, не защищает страну. Вместо этого она сближается с врагом, помогая японцам находить и убивать людей, вставших на сторону сопротивления, вдобавок подстрекая своего мужа подставлять других. Можно сказать, что Чи Баоцзы **赤包子** и ее муж Гуань Сяохэ **冠晓荷** — самые презираемые, по меркам традиционной китайской культуры, люди. Но в отличие от жены, муж в романе получил имя собственное, которое не только является отражением сущности персонажа, но и использовано автором в качестве иронии.

冠晓荷 Гуань Сяохэ - **晓** Сяо ‘рассвет; утро’ **荷** хэ ‘лотос’.

Лотос в традиционной китайской культуре олицетворяет благородство и безупречность, что, конечно, в корне отличается от скверного характера и нечестных поступков самого персонажа.

«Четыре поколения под одной крышей» можно рассматривать как образец романа, наиболее ярко описывающий самую кровопролитную войну в истории Китая. Лао Шэ описывает восемь лет жизни столичных горожан, сквозь призму характеров персонажей, их поступки, и даже личные имена – при этом интерпретируя духовные качества китайского

народа, который встав на путь сопротивления любой ценой защищал город и страну. В этом, пожалуй, и заключается глубокий смысл произведения.

Литература

1. Ли Ченлу. Об образе «идеальной женщины» в «Четырех поколениях под одной крышей» Юньмэй – Пекин : Изд-во Шедевры литературы, 2013. – С. 7.
2. Ли Цзюнь. Формирование "подлинного китайца"//Образ персонажа «Четыре поколения под одной крышей» как эстетика романа Лао Шэ. – Пекин : Изд-во Сяохонгшу, 1999. – С. 23-42.
3. У Сяомэй. Рецензия на «Четыре поколения под одной крышей» авторства Лао Шэ. – Пекин : Изд-во Пекинская издательская компания, 1981. – С. 89-101.
4. Хамаева Е.А. Китайские антропонимы – Москва : Изд-во: ВКН, 2019. – С. 94-106.
5. Чжан Вэйвэй. Об образе женщины в романах Лао Шэ. Журнал Синьянского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам) В.5. – Пекин: Изд-во: Пекинский университет, 2007. - С. 167.

Qian Zixin

Pushkin State Russian Language Institute

Analysis of modern Chinese literature names based on Lao She novel «For Generations under one Roof»

The article is devoted to analysis of the given names in modern Chinese written tradition. The purpose of the article is to use the example of Lao She's work "Four Generations under one Roof" to explore the functions of proper names, analyze their structure and types, and understand their stylistic role in the text. As a result of the analysis, conclusions are drawn regarding the semantic saturation of proper names, and their conscious use as a tool to describe the particular character.

Keywords: Chinese language, anthroponyms, onomastics, Chinese prose of the XX century, Lao She.

Чакраборти Арпита

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,

arpitachakraborty926@gmail.com

Приемы активизации индийских учащихся на уроках русского языка на уровне А2

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора филологических наук, профессора

В статье рассматриваются эффективные стратегии вовлечения индийских студентов в процесс занятия по русскому языку на уровне А2. Автор описывает несколько идей и приемов, основанных на культурных и языковых потребностях индийских студентов. В исследовании рассматриваются основные способы повышения

мотивации и эффективности обучения с помощью интерактивных техник. Результаты исследования могут быть полезны для преподавателей русского языка как иностранного, работающих с индийскими студентами.

Ключевые слова: интерактивное обучение, лингвокультурная интерференция, приемы активизации, индийские учащиеся

Индийско-российские отношения улучшаются с каждым днем, поэтому мы можем наблюдать все больший обмен культурами. Это означает, что люди из совершенно разных слоев общества в Индии и России все больше общаются друг с другом. С каждым годом количество студентов, приезжающих из Индии на учебу в Россию, растет, что говорит о повышающемся спросе на изучение русского языка в Индии [3, 4]. Поэтому очень важно разрабатывать новые и интересные приемы и методы преподавания русского языка как иностранного, поскольку применение подобных методик способствует более активному вовлечению учащихся в учебный процесс.

Преподавать русский язык не носителям языка довольно сложно, особенно когда речь идет о грамматике и произношении. К ним относятся знание форм существительных и глаголов, а также умение правильно их произносить. Преодоление этих препятствий - ключ к тому, чтобы помочь студентам учиться без проблем. В этой связи представляется особенно важным организовывать занятия с использованием интерактивных приемов обучения русского языка как иностранного, на которых студенты смогут изучать и развивать свои способности к русскому языку во всех областях.

Одним из существенных факторов изучения иностранного языка является языковая и лингвокультурная интерференция; особенно это важно для индийских студентов, изучающих русский язык. Языковая интерференция происходит, когда родной язык (например, хинди, бенгальский) влияет на усвоение русского. Это может проявляться в фонетических, лексических и грамматических особенностях. Лингвокультурная интерференция возникает, когда между странами и народами существуют культурные различия. Например, непонимание чувств человека или незнание обычаев может привести к ошибкам при общении и полному непониманию. Кроме того, английский язык также может повлиять на процесс изучения русского языка индийскими учащимися, создавая лингвистическую интерференцию.

Понимание языковой и лингвокультурной интерференции помогает преподавателям и студентам преодолевать языковые барьеры и добиваться лучших результатов в изучении иностранных языков. Так, после длительного наблюдения эксперты выявили типичные ошибки индийских студентов при изучении русского языка [2, 3, 4, 6]. Они возникают, когда английский и родной языки учащихся мешают изучению русского.

1) **Фонетические ошибки:**

а. Ошибки с гласными:

i. Некоторые студенты произносят русское [а] как английское [æ]. Например, "лампа", "Анна" становится "л[æ]мпа", [æ]нна.

ii. Иногда русский гласный [о] произносится как в английских словах. Например, "как он" может звучать как "как он(он)", *сок (sok)*, *футбол ('fʊtbɔ:l)* и т.д.

iii. Самая большая проблема, с которой сталкиваются многие индийские студенты, - это звук [ы] в русском языке. Чтобы научиться правильно произносить этот звук, нужно уделить особое внимание, так как его нет ни в индийских языках, ни в английском.

б. Ошибки с согласными:

i. Большинству индийских студентов трудно понять разницу между звуками [с] и [ш]. Они часто произносят [ш] вместо [с]. Например, слово "Саша" звучит как "Шаша", "сейчас" - как "шича", "семья" - как "шимья", "сказать" - как "шкодить", "перспектива" - как "перспектива" и т.д. Иногда они произносят [с] как [ш], так что "Саша" и "Маша" превращаются в "Саса" и "Маса". Причины такой путаницы не совсем понятны, ведь в хинди и большинстве других индийских языков звуки [ш] и [с] различаются, есть даже два типа звуков [ш], например, как в русском - [ш] и [щ].

ii. Звуки [з] и [ж] часто смешиваются. В хинди есть [дж], так что студенты могут произносить [з] как [з] или [дж], а [ж] как [ж] или [дж]. Индийские учащиеся сталкиваются с трудностями в произношении этих звуков даже после обучения артикуляции. Они часто делают ошибки и не могут различить их в устной и письменной речи.

iii. Индийские студенты также испытывают трудности с произношением русского [л]. Они не различают его твёрдость или мягкость, что приводит к ошибкам в словах.

iv. Различие между твёрдыми и мягкими согласными вызывает большие проблемы, особенно с [д] – [д'] и [т] – [т']. Например, слово "дядя" может быть произнесено как "дъядъя" или "джаджа".

v. Ещё индийские студенты путают [б] и [в], [б] и [п], что приводит к ошибкам в словах типа "вуква" вместо "буква", "спасиво" вместо "спасибо", "врат" вместо "брат" и т.д.

vi. Звук [ц] представляет сложность, особенно в сочетаниях ТСЯ и ТЬСЯ, где он часто смягчается и произносится как ЦЯ, а не ЦА: улыбаЦЯ, радоваЦЯ.

vii. Некоторые студенты, находящиеся на продвинутом уровне, по-прежнему испытывают трудности с произношением [с], [ж], [ш], [щ], [ш'], [з], [л], что мешает

им четко говорить по-русски, несмотря на хороший уровень владения лексикой и грамматикой.

2) **Интонационные ошибки:**

Ошибки подобного рода представляют серьезную проблему. Многие студенты путаются, когда речь заходит об интонации. Когда они читают, им трудно понять правильную интонацию. Они часто используют неподходящие интонационные конструкции, например, вместо ИК-1 они используют ИК-4 или ИК-3. Проблемы с интонацией возникают и в устной речи. Учащиеся говорят, не соблюдая правильную паузу. Преподавателю следует обратить внимание на эту проблему. Необходимо просить учащихся читать и говорить с правильной интонацией.

3) **Орфографические ошибки**

Все, включая носителей языка, допускают орфографические ошибки при изучении русского языка. И индийские учащиеся допускают характерные ошибки. Например, они иногда не пишут слова с большой буквы. На их письмо влияют разные алфавиты. Они знают правила английского языка, но не соблюдают их в русском. Иногда обучающиеся используют прописные буквы вместо строчных. Очень важно различать правильный почерк и правильное написание. Студенты также допускают ошибки, потому что некоторые буквы английского и русского алфавитов похожи, но не имеют одинакового звучания. Такие буквы требуют особого внимания.

4) **Грамматические ошибки**

Основная проблема, с которой сталкиваются индийские студенты при изучении русской грамматики, – это падежи. Их часто смущает винительный падеж, особенно у существительных мужского рода. Они также путают дательный падеж, употребляя его неправильно. Больше трудностей возникает с родительным падежом, особенно с отрицанием. Индийцы допускают ошибки с предлогами, связанными с падежами. Глаголы в русской грамматике также вызывают путаницу, так как существуют совершенный и несовершенный вид. Индийские студенты часто путают формы прошедшего и будущего времени глаголов. Использование приставок с глаголами движения также вызывает большие трудности. Образование и употребление причастий – очень сложная тема для данного контингента учащихся.

5) **Лексические ошибки**

Такие проблемы возникают из-за влияния английского языка. Студенты часто переводят с английского на русский слово в слово, при этом слова иногда переводятся неправильно. Это приводит к неправильным фразам, потому что слова подбираются не в

соответствии с контекстом. Иногда значение слов путается или понимается неправильно. Глаголы *видеть* и *смотреть*, *слышать* и *слушать* часто путают, так как значение слова может казаться одинаковым в английском языке, но они используются в разных контекстах [2, 3, 4, 6].

Учитывая вышеприведенные ошибки при изучении русского языка, мы считаем целесообразным использовать интерактивные приемы обучения для повышения мотивации учащихся и эффективного вовлечения их в учебный процесс. Интерактивное обучение ориентировано на развитие креативности обучающихся, улучшение обучения и повышение вовлеченности учеников. Например, зачастую на занятиях большую часть разговоров ведут преподаватели, что ограничивает возможности студентов участвовать в процессе обучения в полной мере [4]. В этой связи можно выделить следующие задачи интерактивного обучения:

- активизировать работу студентов по самостоятельному поиску информации, ее оценке ее и поиску оптимального решения проблемы;
- научить работать в команде, уважать чужие взгляды и быть открытым к различным точкам зрения;
- разрабатывать собственные идеи на основе фактов.

Также можно выделить следующие интерактивные приемы обучения:

а) Квиз:

Цель: Проверить знания участников в определенной области и повысить их интерес к изучению.

Результат: Участники получают оценку своих знаний и могут узнать новую информацию или углубить свои знания в выбранной тем

б) Ролевые игры:

Цель: Приобретение эмоционального опыта, установление связи между действиями и последствиями, риск для освоения новых привычек.

Результат: Повышение навыков общения, развитие умения аргументировать и принимать решения.

с) Дискуссии:

Цель: Активизация творческой деятельности, развитие критического мышления, усвоение новых знаний через диалог.

Результат: Способствует формированию собственного понимания и оценки проблемы.

д) Мозговой штурм:

Цель: Генерация идей на определенную тему.

Результат: Продуктивное обсуждение и формирование новых идей.

e) Кластеры:

Цель: Поиск важных терминов и трудностей по мини-теме.

Результат: Систематизация информации и углубленное изучение темы.

f) Аквариум:

Цель: Изучение поведения и предложенных решений.

Результат: Понимание альтернатив и развитие наблюдательности.

g) ПОПС-формула:

Цель: Развитие критического мышления и обоснованных выводов.

Результат: Формирование аргументированных позиций и принятие взвешенных решений [1].

Рассмотрим, как приёмы интерактивного обучения могут способствовать активному изучению русского языка индийскими студентами.

Мы планируем провести эксперимент среди индийских учащихся, организовав ролевую игру. На занятии предполагается участие 10 студентов из 20 респондентов. 10 человек разделяются на 5 групп, по 2 студента в каждой. Студентам предлагается по одному из двух вариантов ситуаций, в русле которых необходимо составить диалог:

1. Один человек является продавцом в магазине подарков, а другой - покупателем. Покупатель хочет купить какой-то особенный подарок для своего друга. Покупатель должен объяснить, что ему нужно, продавцу нужно помочь ему.

2. Студент приходит в ресторан и хочет заказать блюда русской кухни, но не знает, что заказать. Официант помогает ему выбрать блюдо и сделать заказ.

В результате проведения ролевой игры мы предполагаем следующий результат.

Так, участники узнают точки зрения и эмоции других персонажей, будут стараться выразить свои эмоции, что повысит их коммуникативные способности. Соответственно, игра может помочь участникам развить способность доносить свои взгляды и идеи, убеждать других и вести переговоры в различных сценариях. Участники также могут придумывать истории и решать проблемы в игровой среде, что будет способствовать развитию креативности и воображения, а также лексического знания.

Следует отметить, что в процессе диалога студенты будут слушать друг друга, стараться проговаривать правильно те или иные фразы и слова, а также будут под контролем преподавателя, который может поправить их произношение, что поможет минимизировать типичные ошибки, указанные выше. Мы также рассчитываем, что студенты, сидящие в качестве зрителей, получат удовольствие от процесса, узнают новые слова и смогут понять

диалоги участников, а значит, активизируют навык аудирования. В целом, ролевые игры помогают лучше понять историю и культуру, выносить здравые суждения, обрести уверенность в себе, помочь в поиске новых знакомств и отношений.

Таким образом, использование интерактивных методов и подходов повышает интеллектуальную активность учащихся, а также эффективность преподавания. Интерактивные методы и стратегии преподавания дают возможность получить информацию, проявить творчество и воображение, создать командный дух, обеспечить свободу самовыражения и взаимное уважение для всех учащихся.

Литература

1. Активные и интерактивные методы обучения: обзор, классификации и примеры. Что такое активные и интерактивные методы обучения на уроке? // [Электронный ресурс] URL: https://ttransp56.ru/web_ms/prepod/m_prepod/m_pr/activn_metod_obych.pdf /// 4 (дата обращения: 17.03.2024).
2. Балыхина Т. М., Игнатъева О. П. Типы ошибок в речи инофона // [Электронный ресурс] URL: <http://www.testrf.ru/biblioteca/31-2011-4/108-2011-09-21>. 2006.
3. Жендаренко Е.В. Типичные ошибки, выявленные при тестировании по русскому языку как иностранному // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2013. – №. 6 (29). – С. 80-84.
4. Сурьянараян Н. Преподавание русского языка в Индии: наиболее типичные ошибки индийских студентов // *Slavica Helsingiensia* 45. – 2014. – С. 50-62.
5. Понятие интерактивно обучения // [Электронный ресурс] URL: <https://studfile.net/preview/5055243/page:2/> (дата обращения: 17.03.2024).
6. Шестухина И.Ю. Особенности изучения русского языка как иностранного студентами, владеющими английским языком и хинди // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №. 3 (70). – С. 537-540.

Chakraborty A.

Pushkin State Russian Language Institute

Techniques for activating Indian students in Russian language lessons at A2 level

The article discusses some effective strategies for engaging Indian students in Russian language learning classes (A2 level). The author describes several ideas and techniques based on the cultural and linguistic needs of Indian students. The study discusses the main ways to increase motivation and learning efficiency through interactive techniques. The results of the study may be useful for teachers of Russian as a foreign language working with Indian students.

Key words: Interactive learning, linguocultural interference, activation techniques, Indian learners.

Особенности перевода названий произведений художественной литературы (на материале русского и английского языков)

Работа выполнена под руководством Безрукова Вадима Аркадьевича, кандидата филологических наук, доцента

В данной статье рассматриваются лексико-грамматические трансформации, используемые при переводе названий художественных произведений, и факторы, оказывающие влияние на перевод. На конкретных примерах анализируются особенности перевода заглавий художественных произведений и трансформации, выбранные переводчиком.

Ключевые слова: заглавие, трансформация, менталитет, английский язык, русский язык.

Заголовок – важнейшее средство рубрикации и элемент структурной формализации, отражающий тематику и основную идею в предельно сжатой, краткой и лаконичной форме; выступает как важная единица сообщения, передающая определённую информацию [2, с.54]. Заглавие является значимым элементом текста, потому что с него начинается знакомство с произведением. Название призвано привлечь внимание читателя к тексту, дать представление о теме произведения. Заглавие должно быть лаконичным, цепляющим и содержательным, чтобы вызвать интерес и обеспечить узнаваемость текста. Зарубежная литература популярна на книжном рынке России, поэтому изучение особенностей перевода названий художественных произведений является актуальным. При переводе названия важно сохранить замысел автора и передать языковые и культурные особенности. Переводчику для создания удачного эквивалента нужно учитывать множество факторов.

Язык напрямую связан с культурой. Менталитеты разных стран имеют существенные различия, что важно иметь в виду при переводе заглавий. Например, для культуры России большое значение имеют девизы, трудовые песни и лозунги, то есть яркие и звучные высказывания, привлекающие внимание. Данная особенность менталитета русских людей была учтена при переводе заглавия рассказа Рэя Брэдбери «И грянул гром» (в оригинале «A sound of Thunder»). Ещё одним фактором, усложняющим процесс перевода заглавий художественных произведений, является многозначность. Для того чтобы найти верный эквивалент в языке перевода для одного из значений слова, нужно учесть контекст и обратить внимание на сочетаемость данной лексической единицы. Обладание теми же языковыми и культурными компетенциями, что и носители исходного языка, позволяет переводчику формировать собственную концепцию эквивалентности для последующего её применения в

своей творческой деятельности [1, с. 83]. У каждого переводчика уникальная языковая личность, проявляющаяся в его работах. Переводчик содействует диалогу между культурами с помощью произведений, так как творчески трактует тексты, принимая во внимание языковые и национальные особенности. Переводить то или иное заглавие, не прочитав самой вещи или хотя бы не имея понятия об её содержании, – хороший способ наделать множество очень грубых ошибок [3, с. 232]. Для точного перевода названия текста и во избежание ошибок важно понимать его смысл и поднятые в нём темы. Грамматические различия русского и английского языков также важно учитывать.

Для перевода названий художественных произведений существует несколько трансформаций: прямая, добавления/опущения, лексико-грамматическая, полная. Выбор используемой трансформации зависит от языковой личности переводчика и от конкретного заглавия. Прямая трансформация заключается в дословном переводе либо в транслитерации слов из названия произведения. Её применяют, если в заглавии нет скрытого смысла, фразеологизма и т.п., если оно представляет собой имя собственное. Трансформацию добавления или опущения применяют, когда дословный перевод недостаточно или избыточно выражает суть заглавия. Лексико-грамматическая трансформация используется, если в языке перевода отсутствуют подобные языку оригинала грамматические конструкции или слова, точно совпадающие по лексическому значению. Полная трансформация является наиболее творческой и применяется, если в заглавии содержится языковая игра, связь с менталитетом и т.п. Полная трансформация необходима для передачи замысла автора, для создания понятного языковой личности эквивалента.

Для проверки на практике переводческих трансформаций и факторов, которые важно учитывать при переводе заглавий художественных произведений, обратимся к конкретным примерам. Заглавие детективного романа Уилки Коллинза «The moonstone» перевели на русский язык как «Лунный камень». В данном примере ярко отражены различия грамматического строя английского и русского языков. Артикль the означает, что предмет речи конкретен и известен. Уилки Коллинз использовал определённый артикль в названии своего романа, для того чтобы показать, что речь пойдёт о конкретном и всем известном лунном камне. Этот оттенок значения находит отражение в произведении: за передвижениями лунного камня следят, вокруг лунного камня совершаются преступления и проводятся расследования. Всё из-за того, что это не обычная вещь, а всем известная священная реликвия. Этот оттенок значения очень сложно передать в русском языке, поэтому прямая трансформация «Лунный камень» удачна. В качестве вариантов перевода данного заглавия можно предложить: «Знаменитый лунный камень», «Лунный камень

раздора». Второй вариант является аллюзией на знаменитое выражение «яблоко раздора» и означает «предмет спора, причина конфликтов».

Наиболее частотным переводом заглавия романа Кена Кизи «One Flew Over the Cuckoo's Nest» является вариант «Над кукушкиным гнездом». Издательство «Зимний сад» предлагает вариант «Пролетая над гнездом кукушки». В 2023 году в издании «Pocketbook» появляется название «Над гнездом кукухи». В английском языке у слова «cuckoo» есть значение «чокнутый, сумасшедший». Выражение «cuckoo's nest» означает «сумасшедший дом», «дом для душевнобольных». Самым удачным переводом названия романа Кена Кизи можно назвать вариант «Над гнездом кукухи». Переводчиком использована трансформация опущения некоторых слов. В переводе заглавия слово «кукуха» отсылает к известному выражению «кукуха поехала», которое означает «стать сумасшедшим». В данном варианте учтены различия в менталитете, так как словосочетание «кукушкино гнездо» не ассоциируется у русскоговорящих людей с «домом для душевнобольных». Многозначность слова «гнездо» учтена. По толковому словарю Д.Н. Ушакова это не только «место для высиживания птенцов», но и «укромный притон, пристанище» [4, с. 577]. Языковая личность переводчика находит отражение в заглавии этого произведения, так как существует множество вариантов перевода. Тема произведения в переведённом названии отражена, так как это сатирический роман, в котором описанная психиатрическая лечебница является моделью Америки второй половины двадцатого века. Остальные переводы, по моему мнению, нельзя назвать абсолютно удачными, так как они вызывают иные ассоциации и не раскрывают тему произведения.

Пьеса Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» в оригинале имеет заглавие «Heartbreak house». Переводчиком использована лексико-грамматическая трансформация, так как одно слово (heartbreak) передано с помощью конструкции для раскрытия смысла. Heartbreak в переводе на русский язык означает «глубокую печаль», «большое горе», то есть нет слова, точно совпадающего по семантике, передающего все оттенки значения. Переводчик для облегчения понимания трансформировал это слово в знакомую русскоговорящим людям придаточную конструкцию с союзом «где». Также можно сказать, что использование в переведённом названии глагола настоящего времени показывает, что «сердца» героев «разбиваются» по ходу чтения пьесы. В этом варианте заголовка учтены и лексико-грамматические различия языковых систем, и сюжет произведения.

Роман «Elantris» Брендона Сандерсона сначала был переведён «Город богов», только спустя пятнадцать лет получил название «Элантрис», в котором используется прямая трансформация. В заглавии «Город богов» используется творческая трансформация, так как

переводчик учёл смысл и темы произведения. Элантрис – название города, которое не даёт читателю представления о романе. До катастрофы жителей Элантриса действительно считали богами, потому что они обладали магией, с её помощью исцеляли людей. Несмотря на несчастья и разруху, город продолжает содержать в себе магические знания. Вариант перевода «Город богов» является более удачным, так как он отражает замысел автора. При переводе книг жанра фэнтези зачастую используются конкретные заголовки, для того чтобы заинтересовать читателей, указать на сюжет произведения. В качестве примера можно привести переводные названия популярной серии о Гарри Поттере: «Гарри Поттер и философский камень», «Гарри Поттер и Принц-полукровка» и т.д. Однако популярным стал именно вариант заголовка «Элантрис». В этом переводе отражено влияние языковой личности переводчика, который, опираясь на свой опыт, посчитал интересным звукопись, использованную автором в названии, и решил передать её средствами русской графики. Этот вариант красиво звучит, и такой заголовок выделяется среди остальных и запоминается.

Таким образом, заглавие является важным элементом текста. При переводе заголовков используются различные трансформации и учитывается ряд факторов. Эта проблема всегда останется актуальной.

Литература

1. Донченко Ю. И., Черноситова Т. Л. Переводческие трансформации как поиск эквивалентной интерпретации названий произведений мировой классической литературы (на материале русского, французского, английского и немецкого языков) // Альманах современной литературы и образования. – 2008. – №2, Ч.1. – С. 80-83.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
3. Рогов В. О переводе заглавий // Иностранная литература. – 1998. – №4. – С. 231-240.
4. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т.1 / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Полиграфкнига, 1947. – 1567 с.

Chesnokova Alina Nikolaevna

A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language

«Features of translation of titles of works of fiction (based on the material of Russian and English languages)»

This article examines the lexical and grammatical transformations used in the translation of the titles of books and the factors influencing the translation. Specific examples are used to analyze the features of the translation of the titles of books and the transformations chosen by the translator.

Keywords: title, transformation, mentality, English, Russian.

Текст интервью: средства внутритекстовой когезии

Работа выполнена под руководством Ионовы Светланы Валентиновны, доктора филол. наук, профессора кафедры ОиРЯ.

В данной статье анализируется подход к исследованию категории когезии в текстах интервью. В частности, в статье рассматриваются особенности текста интервью, средства достижения когезии между его частями, анализируются конкретные примеры текстов. Особенность интервью состоит в том, что по своим типологическим характеристикам это прерывистый текст. Анализ фактического материала позволил выявить принципы создания цельных, связанных и легко воспринимаемых текстов интервью. Статья может быть полезной журналистам, практикам в области медиакоммуникаций, филологам-исследователям и студентам-филологам. Ключевые слова: когезия, текст, интервью, медиакоммуникация.

Интервью – основной информационный жанр в журналистике, это «коммуникативное взаимодействие двух или нескольких людей для получения информации, производства и распространения нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [8, с. 1-2]. В современном мире интервью стало одним из наиболее распространенных форматов медийной коммуникации. Для более глубокого понимания этого типа текстов важно изучить их примеры в дискурсе масс-медиа и телевизионных интервью [6, с. 163-168]. Цель данной статьи заключается в анализе и описании средств, используемых для создания связности в текстах интервью. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи исследования: определить особенности текстов интервью; выявить проблемы, касающиеся их связности; проанализировать средства, применяемые для обеспечения логической и структурной связности между различными частями интервью.

В тексте интервью происходит диалог между интервьюером и интервьюируемым, который может включать комментарии и вопросы обеих сторон. Этот особый формат создает структуру взаимодействия, в которой каждый вопрос и ответ соединяются в законченный текст, объединенный общим понятием диалогического единства. Благодаря широкому спектру тем и форм, а также эффективности и убедительности интервью, они широко используются как вид журналистского творчества в информационном вещании и печатных носителях информации, что делает текст интервью важным материалом для лингвистического анализа [1, с. 181].

Слово «интервью» с словообразовательной и этимологической точек зрения включает приставку «inter» и корень «view». Первая указывает на взаимодействие, а вторая обозначает

«мнение» и «точка зрения». Следовательно, «интервью» можно понимать как процесс, в котором участники интервью обмениваются информацией и мнениями. При этом, согласно определению С.Н. Ильченко, «интервью — это целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов с целью получения информации, мнений или суждений, представляющих общественный интерес» [5, с. 93]. Интервью рассматривается в качестве самостоятельного смыслового поля – некой реальности, которая развивается по определенным символическим законам и соответствует разнообразным ежедневным речевым практикам носителей языка [6, с. 163-168].

И.Р. Гальперин считает, что «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3, с.18]. Эффект воздействия текста во многом зависит от того, использует ли автор текста соответствующие языковые средства. Когезия, несомненно, является одним из важнейших способов, обеспечивающим непрерывность частей текста и взаимозависимость событий или пространств отдельных сообщений. При этом интервью содержит в себе явные признаки прерывистого текста [4, с. 4], а значит, средства когезии в нем могут иметь специфику проявляться на более высоких уровнях коммуникативного устройства текста.

В текстах интервью, помимо анализа языковых элементов, важно обращать внимание на невербальные средства, такие как жесты и звуки. Например, в телевизионных интервью зрителям доступна информация не только через речь, но и через мимику, жесты и обстановку. В текстах интервью (использование речи диалога) исследователи также уделяли внимание роли интонации в формировании связности, интонация – это «душа» языка, его «звучащая мимика» [2, с. 74-79]. Интервью представляет собой особую форму разговорного языка, которая в классическом дискурсе включает в себя несколько ключевых элементов: интервьюера (адресанта), интервьюируемого (непосредственного адресата) и аудиторию (адресата-наблюдателя). В процессе этого двустороннего диалога активность говорящего и слушающего постоянно меняются, при этом общение с публикой чаще всего происходит в форме однонаправленной передачи информации на расстоянии. Большую часть информации в интервью предоставляют интервьюируемые, однако иногда возникают ситуации, когда собеседники говорят одновременно. Уровень участия слушателей в коммуникации отражает

их заинтересованность в разговоре и степень обмена мнениями, что также влияет на тон голоса во время интервью и отражает стиль разговорного дискурса, а также изменение отношения говорящего и т. д. [9, с. 22]

В тексте интервью предполагается наличие качеств точности, логичности и ясности высказываний интервьюера по сравнению с эмоциональными проявлениями интервьюируемого. Для достижения естественности и вовлечения читателя в диалог важно передавать мгновенное появление идей, демонстрировать процесс импровизации, что придает разговору особую динамичность и прерывистость [1, с. 181]. В зависимости от коммуникативных целей интервью можно разделить на информационные, оперативные, портретные, следственные и разговорные [7, с. 47-53]. Участниками интервью могут быть не только собеседники, но и читатели, слушатели, зрители и другие лица, поэтому модератору важно учитывать не только содержание беседы, но и занимательность диалога и эстетику речевого общения, чтобы заинтересовать аудиторию [10, с. 4].

В современном медиaprостранстве, с расцветом онлайн-платформ места для проведения интервью становятся все более разнообразными. Они включают как традиционные локации, такие как офисы и студии и различные веб-сайты и онлайн-платформы. По своей форме интервью подразделяются на диалоговые, монологические, групповые, виньетные и анкетные [7, с. 47-53].

В тексте интервью происходит диалог между интервьюером и интервьюируемым, который может включать комментарии и вопросы обеих сторон. Этот особый формат создает структуру взаимодействия, в которой каждый вопрос и ответ соединяются в законченный текст, объединенный общим понятием диалогического единства.

Таким образом, жанр интервью характеризуется множественной коммуникативностью, занимательностью речи, эстетичностью, эмоциональным подтекстом, спонтанностью, одновременной речью участников, прерывистостью диалога, разнообразием локаций, а также широким спектром тем и форм. Кроме того, интервью подвержены влиянию субъективного восприятия обоих собеседников.

В лингвистических исследованиях медиатекстов применяются такие исследовательские методы, как дискурс-анализ, коммуникативный анализ, методы когнитивной лингвистики, функциональной стилистики и др. В процессе анализа материала интервью в нашем исследовании были выявлены следующие способы обеспечения связности в русскоязычных текстах: лексические, синтаксические и графические средства когезии.

Лексические средства, такие как повторение ключевых слов или фраз, помогают подчеркнуть важность определенных идей и закрепить их в памяти читателей или

слушателей. Местоимения, в свою очередь, играют роль указательных средств, извлекая объект-референт из контекста и подчеркивая его семантику. Другими методами обеспечения связности текста являются использование синонимов, перифраз и антонимов, которые служат для выражения идеи разными способами и обеспечивают целостность текста путем противопоставления значений. Таким образом, лексические средства когезии играют важную роль в «зацеплении» предложений и сверхфразовых единиц в текстах.

Этот способ когезии более подробно рассматривается в следующем примере интервью с актрисой Екатериной Стуловой:

– *В прокат выходит романтическая музыкальная комедия «Между нами лето». Расскажите, чем вам запомнилась эта работа и сами съемки?*

– *Во-первых, я до этого ни разу не была в Абхазии. Оказалась, что это очень красивая страна с прекрасным климатом. Но главное, у меня была интересная роль и прекрасные партнеры. Фильм рассказывает историю двух молодых главных героев. Прелесть моей роли в том, что у меня есть собственная, интересная, сложная линия. Там было что играть. И, конечно, веселая экспедиция – это всегда здорово. (Екатерина Стулова: перспектива стать молодой бабушкой меня не пугает)*

Журналист и сама актриса несколько раз используют лексику, связанную с комедией «Между нами лето», повторяя синонимы «комедия», «работа», «фильм» для интонационного усиления смысла, а также слово «роль» для буквального повтора смыслового элемента рассказа. Они также обсуждают съемки, главных героев и линию сюжета, что подчеркивает контекстуальную связь между семантикой лексем. В конце фразы используется перифраз «веселая экспедиция» с оценочной окраской, а также другие средства, укрепляющие связь между контекстуальными предложениями, чтобы читатель мог лучше понять текст в целом в процессе чтения.

Синтаксическая когезия текста проявляется через использование союзов, союзных слов, частиц, а также через неполные, эллиптические и параллельные конструкции. В текстах интервью мы можем выделить следующие формы синтаксической когезии: использование союзов, союзных слов и частиц; синтаксический параллелизм, который характеризуется одинаковым порядком членов предложения; параллелизм при помощи союзов и союзных слов; а также парцелляция при использовании присоединительных предложений. Например:

– *Евгений, что поменяется в вашей работе в связи с новым назначением и как вы сами воспринимаете новую ступень своей карьеры?*

– *Роль креативного директора позволяет создать собственную креативную мастерскую, а для меня это всегда было важно. Креативная мастерская дает*

возможность предлагать уникальные решения, отражающие личность архитектора и компании, по-своему адаптировать процессы, наладить технологические связи, чтобы в комфортной среде команда могла создавать нетиповые архитектурные решения. А дальнейшая задача – развитие этой мастерской. Хочется вместе с компанией вывести ее на международный уровень, строить проекты по всему миру и делать их уникальными, как с точки зрения формы и структуры, так и реализации. (Евгений Зеленов: «Архитектура должна работать на человека»)

В произведении имеются сходные по синтаксическому построению смежные фразы, поэтому можем обозначать их как синтаксический параллелизм. В втором предложении ответа синтаксический параллелизм связывает несколько отдельных частей предложений. Эти три параллельные фразы образуют синтаксическую связь, подчеркивая однородность действий и смыслов. В начале первого предложения использовано связующее слово «а», устанавливающее соответствие с предыдущим контекстом, что подразумевает согласие Евгения Зеленова с предыдущим утверждением. В конце второго предложения интервьюируемого мы также видим использование подчинительной конструкции «..., чтобы в комфортной сфере...», которая объединяет предшествующие действия и указывает на последовательность мыслей.

Графические средства когезии, отличаясь от первых двух видов, представляют собой способ установления связности и логической последовательности в тексте за счет использования разнообразных графических элементов. Это могут быть знаки препинания, различные виды пунктуации, диаграммы, таблицы, матрицы и другие графические средства.

В интервью с экспертом «Топ Системы» Богданом Ключником с помощью графического средства (нумерации) выражен ответ на вопрос журналиста:

– *Что дает такое объединение процессов?*

– *Объединение процессов позволяет:*

- 1) *сократить время разработки...;*
- 2) *сократить издержки на разработку...;*
- 3) *улучшить взаимодействие между...;*
- 4) *снизить риски по...;*
- 5) *быстро разворачивать и осуществлять... (Что такое PLM: от прошлого к будущему)*

Богдан использует нумерацию для структурирования ответов, что облегчает их восприятие. Графические маркеры вроде «1, 2, 3...» помогают организовать мышление, снижают риск недопонимания и помогают читателю лучше уловить основные идеи и связи

между ними. Кроме того, четкая структура текста и разделение пунктов способствуют запоминанию и организации информации.

Таким образом, интервью имеют специфические черты, отличающие их от других текстов. Изучение текстов интервью имеет широкий спектр аспектов, которые в настоящее время требуют углубленного исследования. Способы создания связности и цельности в интервью также имеют определенную специфику, указывая на важность таких средств текстовой когезии, как лексика, синтаксис и образные средства для эффективной коммуникации и передачи информации, а также графические средства для выражения паралингвистических средств устной речи, расположение текста, отступы, шрифтовые и цветовые выделения и др. Результаты исследования позволяют лучше понять механизмы функционирования текстов интервью и их роль в процессе коммуникации. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь углубить понимание лингвистических стратегий, используемых в различных типах интервью для достижения их связности и повышения их влияния на адресата.

Литература

1. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров: учебное пособие для вузов по спец. "Журналистика" – Москва : Высш. школа, 1978. – С. 181.
2. Вишневская Г.М. О связующих элементах дискурса в устном тексте // Фонетическая вариантность: билингвизм и диглоссия. – Иваново, 2000. – С. 74-79.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Москва : КомКнига, 2006. – С. 18.
4. Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск УШ. Лингвистика текста. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 4.
5. Ильченко С.Н. Интервью в журналистском творчестве: учеб. пособие. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 93.
6. Ионова С.В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163-168.
7. Мажура А.В. Тимофеева Е.Д. К вопросу о жанровой классификации интервью в журналистском творчестве / А. В. Мажура, Е. Д. Тимофеева // Наука и школа. – 2019. – № 3. – С. 47-53.
8. Николенко, Е. А. Типовая структура дискурса интервью / Е. А. Николенко // Мир лингвистики и коммуникации. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11790588&> (дата обращения: 03.01.2021) – С. 1-2.

9. Яшина Н.В. Коммуникативные и интонационные особенности дискурса телеинтервью (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Наталья Владимировна Яшина. – Иваново, 2007. – С. 22.
10. Yashma N.V. Summary of Preliminary Results of TV Interviews Investigation // Язык Культура Образование: Материалы научной конференции «Чтения Ушинского» Вып 2 / науч ред О.С Егорова – Ярославль : ЯЛТУ им. К.Д Ушинского, 2006. – С. 4.

Zhang Baiyang

Pushkin State Russian Language Institute

Interview text: means of intratextual cohesion

This article analyses the approach to the study of the category of cohesion in interview texts. In particular, the article examines the features of the interview text, the means of achieving cohesion between its parts, and analyses their use in specific examples. The peculiarity of the interview is that by its typological characteristics it is an interrupted text. The analysis of the factual material allowed to reveal the principles of creating coherent, cohesive and easily perceivable interview texts. The article may be useful for journalists, practitioners in the field of media communications, philology researchers and students of philology.

Keywords: Cohesion, text, interview, media communication

Чжан Лицзюань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

zhanglijuan3409@yandex.ru

Риторические средства в детской литературе

Работы выполнена под руководством Боженковой Натальи Александровны, доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания

В статье представлен анализ специфики использования экспрессивных языковых средств в детской литературе (на примере *олицетворения, сравнения и гиперболы*). Результаты проведенного исследования показывают, что уместное и умелое включение риторических средств не только усиливает выразительность текста, но и способствует развитию воображения детей, а также их когнитивных способностей.

Ключевые слова: детская литература, языковые средства, риторические приемы.

Как известно, детская литература – это серия литературных произведений, созданных специально для детей и подростков, которые содержательно и языково-формально адаптированы к психологическим особенностям и читательским способностям адресатов дошкольного и школьного возраста и, как правило, отличаются яркостью, живостью и легкостью восприятия. В словаре литературных терминов приводится следующее определение термина «детская литература»: это произведения, как специально предназначенные для детского чтения, так и оказавшиеся пригодными для него, хотя они и

предназначались первоначально для взрослых [1]. Неслучайно, Н.В. Чехов считает, что изначально детская литература не имела строгого разделения, и некоторые авторы писали не только для взрослых, но и для детей, что привело к постепенной стандартизации детской литературы. По его мнению, детская литература складывается из трех групп сочинений: 1) сочинения, написанные специально для детей; 2) сочинения, написанные для взрослых, но оказавшиеся доступными и интересными для детей; 3) сочинения, первоначально написанные для взрослых, но теперь перешедшие для чтения к детям [7, с. 12].

Детская литература охватывает широкий спектр этапов взросления – от младенчества до подросткового возраста – и представлена различными жанрами, включая детские песни, детские стихи, сказки, басни, детские рассказы, детские повести, детские очерки и детскую научную литературу. Цель этих произведений – привлечь внимание детей, стимулировать воображение, привить им интерес к чтению и тем самым способствовать развитию подрастающего поколения. В связи с этим детская литература, чтобы удовлетворить предпочтения и потребности детей разного возраста, отличается богатой тематикой – от легкомысленного и юмористического содержания до тем, посвященных исследованию неизведанного, что создает значительное пространство для академических исследований таких произведений.

К сожалению, научное описание специфики художественных текстов для детей существенно отстает от изучения «взрослой» литературы, особенно в аспекте рассмотрения специальных языковых средств, создающих особый «регистр» текста для детей и подростков. Вместе с тем отметим три интересные работы – М.Н. Липовецкого «Шалуны, враги, другие . . . трикстер в советской и постсоветской детской литературе» [3], М.К. Скаф «Визуальная литература. Речевые фигуры и тропы» [4], Е.В. Хабибуллиной «Языковые средства изображения животных в произведениях Ю. Коваля» [5], где ученые фокусируются на риторических приемах, используемых в детских произведениях. Следование законам риторики обуславливает красочность языка, такие конструкции легко понять и принять детям в соответствии с их собственным читательским опытом, поэтому в данной статье мы проанализируем наиболее распространенные риторические модели в детской литературе, к числу которых относятся олицетворение, сравнение и гипербола. Такие риторические приемы придают произведениям человечность и духовность, делают их музыкальными и «объемно»-графическими, что легко пробуждает интерес юных читателей к чтению, воспитывает их сердца и умы в процессе чтения и помогает сформировать правильные эстетические взгляды.

Олицетворение – необходимый, а потому и самый распространенный инструмент детской литературы. Это связано со спецификой жанра детской литературы. В сказках, баснях и рассказах животные говорят так же, как люди. Дети полны любопытства к животным и природе, они могут подружиться с динозаврами, поболтать и потанцевать с цветами, это их эмоциональный мир, а взрослый мир разума и науки, напротив, их не привлекает. Именно поэтому в детских произведениях изобилует антропоморфизм. В «Приключениях Алисы в Стране чудес», например, почти вся история антропоморфна, а животные и растения умеют говорить, ничем не отличаясь от людей: *«A wizard had given this Queen a glass. The glass could speak. It was on the wall in the Queen's room. Every day the queen looked in the glass to see how beautiful she was. As she looked in the glass, she asked: “Tell me, glass upon the wall, who is most beautiful of all?” And the glass spoke and said: “The Queen is most beautiful of all.” // Волшебник подарил королеве зеркальце. Зеркальце умело говорить. Оно висело на стене в комнате королевы. Каждый день королева смотрела в зеркальце, чтобы понять, насколько она красива. Посмотрев в зеркальце, она спросила: “Зеркальце, зеркальце на стене, Кто всех красивей во всей стране?” И зеркало отвечало: “Всех Вы, королева, красивей в стране.”»* («Snow White», German Fairy Tale).

Зеркала изначально неодушевленные, но автор наделяет зеркала способностью общаться с людьми и даже магией предсказывать, кто самый красивый человек на свете, так что вся история полна волшебных смыслов и вызывает неподдельный интерес у детей.

东边山后的太阳，也从睡梦中惊醒了，还当耽误了时辰，匆匆唤醒晨霞，叫它快些起身，忙着升上东天。太阳还没有睁开眼睛，放射光芒，夜，感到已不安宁，只得提前卷起黑色的被褥，撒下一道乳白透明的雾纱，掩护它慌乱地离开。 / Солнце за горами на востоке тоже пробудилось ото сна, но еще и при задержке в час. Поспешно разбудив утреннюю денницу, велело ей поскорее вставать, собираясь взойти на восточное небо. Солнце еще не открыло глаза и не излучило свой свет, а ночь, почувствовав тревогу, вынуждена была заранее свернуть свое черное покрывало и расстелить вуаль из молочно-белого и прозрачного тумана, чтобы прикрыть свой панический уход. (《神笔马良》// «Ма Лян и волшебная кисть», китайская сказка)

Солнце, денница и сама *ночь* неживые, но здесь они *встают с открытыми глазами* и *сворачивают свои постельные принадлежности*, чтобы *уйти*, как это делают люди. Метафорический перенос позволяет читателю сразу же ощутить экспрессию рассветного восхода: темнота ночи постепенно отступает, небо на востоке покрывается нежным заревом,

а солнце медленно поднимается. Использование олицетворения дает возможность почувствовать красоту восхода солнца и тем самым стимулирует детское воображение.

Сравнение – один из самых распространенных риторических приемов и в то же время одно из самых мощных средств показать красоту произведения. Поскольку в сказках и других произведениях детской литературы обычно много фантазии и вымысла, то использование некоторых актуальных и знакомых юным читателям вещей в качестве сравнений позволяет сделать эти образы конкретными, формирует в сознании юных читателей определенные картины, что облегчает им вхождение в сюжет и дает пространство их воображению.

Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее Василиса Премудрая – сама как солнце ясное светится. Все на нее дивятся, любят, от удивления слова вымолвить не могут («Царевна-лягушка», русская сказка).

Как известно, солнце приносит людям свет и тепло, и в литературе оно чаще всего изображается в положительном образе. В «Царевне-лягушке» автор-народ сравнивает Василису Премудрую с солнцем, намереваясь показать, что героиня так же поразительна, как солнце. Превращение обычной лягушки в прекрасную девушку быстро пробуждает любопытство читателя и повышает интерес к прочитанному.

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная, как чистое стекло, – но зато и глубоко там! («Русалочка», Х.К.Андерсен).

Это описание прекрасного моря, которое является домом для Русалочки. Использование *прекрасных лепестков цветов* и *чистого стекла* в качестве сравнения создает красивую картину, а заодно и переносит юного читателя в сказочный мир на такой картине. Детский мир изначально прекрасен, прозрачен и чист, такое красивое описание способствует воспитанию у детей эстетических чувств.

Гипербола – основанное на объективной реальности использование воображения для преувеличения подлежащих изображению вещей – ставит своей целью подчеркнуть характер образа, особенности вещей, усилить художественное воздействие, впечатлить. Преувеличение (исходя из содержания высказывания) можно разделить на гиперболу класса расширения – экспансивную и гиперболу класса уменьшения – редукционную. Экспансивная гипербола означает преувеличивать вещи настолько, насколько это возможно: *больше, длиннее, выше, больше, быстрее, сильнее, плотнее* и так далее. Напротив, редукционистская гипербола заключается в том, чтобы намеренно говорить о вещах в терминах *меньше, короче, ниже, меньше, медленнее, слабее* и т. д.

Вдруг поднялся великий стук да гром, весь дворец затрясся (Царевна-лягушка. Русская сказка).

Здесь экспансивная гипербола используется для описания удивления от появления царевны-лягушки, которое отозвалось громовым стуком в дверь, потрясшим даже весь дворец. Использование преувеличения позволяет читателю в полной мере ощутить необычное появление Василисы Премудрой, что еще больше стимулирует любопытство читателя к героине.

Храм настолько древний, что все цивилизации Земли лишь песок у его подножия, – мечтательно повторила Ягге («Маг полуночи». Д. Емец).

Тот факт, что земная цивилизация насчитывает тысячи лет, а автор считает тысячи лет просто песком, чтобы подчеркнуть древность храма, и эллиптичность конструкции делает контраст очень ярким и показывает экстраординарную природу храма.

Таким образом, уместное использование в детской литературе разнообразных риторических средств, «опирающееся» на особые психологические характеристики адресата-ребенка, может эффективно усилить выразительную силу языкового образа, выразить эмоциональное отношение говорящего, помочь удачно сформировать всевозможные художественные образы, достичь неожиданного художественного эффекта, чтобы у детей-читателей осталось глубокое впечатление. Отметим, что только через чтение, восприятие и оценку читателями можно реализовать смысл и ценность произведения, поэтому, выбирая подходящие риторические приемы с учетом уникальных психологических характеристик, образа мышления и языковых особенностей детей, мы можем создавать произведения, которые подходят детям для чтения и помогают им сделать первый шаг к познанию мира.

Литература

1. Детская литература // Gufo. – [Электронный ресурс] URL: https://gufo.me/dict/literary_terms/Детская_литература (дата обращения: 01.03.2024)
2. Леонова Е.Ю. Понятие "Детская литература": к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2020. № 2. – С. 12-24.
3. Липовецкий М.Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. – 2014. – Т. 6. – № 2. – С. 7-22.
4. Лойтер С.М. О детской литературе, детских поэтах и детском чтении / С.М. Лойтер, М.Д. Яснов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. № 5(182). – С. 101-107.

5. Скаф М.К. Визуальная литература. Речевые фигуры и тропы // Детские чтения. - 2014. Т. 6. – № 2. – С. 209-219.
6. Хабибуллина Е.В. Языковые средства изображения животных в произведениях Ю. Ковалю // Филология и культура. – 2016. – № 1(43). – С. 140-144.
7. Чехов Н.В. Введение в детскую литературу // Детские чтения. – 2012. – Т. 2. – № 2. – С. 10-41.

Zhang LJ

Pushkin State Russian Language Institute

Rhetorical devices in children's literature

The article presents an analysis of the specifics of the use of expressive language means in children's literature (using the example of personification, comparison and hyperbole). The results of the study show that the appropriate and skillful inclusion of rhetorical devices not only enhances the expressiveness of the text, but also contributes to the development of children's imagination, as well as their cognitive abilities.

Keywords: children's literature, linguistic devices, rhetorical techniques

Чжан Чуньюй

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ccunuj@gmail.com

**К вопросу о лингвокультурной маркированности
зоонимической лексики**

Работа выполнена под руководством Боженковой Н.А., доцента филологических наук,
профессора

Целью нашей статьи является изучение различий в символической образности зоонимов китайского и русского языков. На материале басен И. А. Крылова и их переводов на китайский язык рассматривается специфика метафорического представления двух животных – *овца* и *обезьяна*, анализируются культурные предпосылки и исторические причины этих различий. Проведенный анализ свидетельствует о существенных расхождениях в символизации зоонимической лексики, обусловленных как структурными особенностями китайского и русского языков, так и этноментальными характеристиками двух культур.

Ключевые слова: зоонимическая лексика, басни И.А. Крылова, символический образ, русский язык, китайский язык.

Басня – это значимое произведение культуры среди множества иных литературных форм, потому что обладает значительным миромоделирующим потенциалом. В баснях в обычной, простой истории всегда заключена глубокая истина. Басни И.А. Крылова, будучи важной частью русской национальной литературы, основаны на жизни русского

народа и тесно связаны с реальной жизнью. Они содержат богатое культурное наследие, являются кристаллизацией жизненного опыта, национальных представлений, эмоций и мудрости, которые формировались на протяжении длительного времени.

Во многих баснях И.А. Крылова главные герои – животные. Автор мастерски позволяет героям-животным свободно говорить в баснях о реальных событиях, отношениях между людьми и принципах жизни в мире, отражая через разные антропоморфные номинации типичные признаки национального характера. Зоонимы в баснях И.А. Крылова воплощают присущие русскому народу эмоции, интеллект и психологическую активность, поэтому можно утверждать, что зоонимическая лексика в его произведениях играет самую важную роль.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской зооним понимается как «собственное имя (кличка) животного, в том числе домашнего, содержащегося в зоологическом саду, «работающего» в цирке, в охране, подопытного или дикого» [1, с. 58]. Функционирование зоонимов напрямую связано с фольклорной картиной мира этноса, поэтому они являются важным «окном» для понимания иностранцами культуры русского народа.

Басни Крылова широко известны во всем мире: именно они стали самыми первыми произведениями русской литературы, переведенными в Китае, где они очень популярны, имеют десятки вариантов китайских переводов и включены в списки обязательного чтения китайских школьников. Однако исходя из различий между Китаем и Россией в истории, культуре, географии и экономическом положении, китайский и российский народы имеют разные национальные культуры и разную ментальность, в результате чего сформировались уникальные национальные интерпретации природных атрибутов некоторых животных. Различия в символических образах зоонимической лексики представляют собой трудность в процессе китайско-русского культурного обмена, поэтому изучение зоонимической лексики китайского и русского языков заслуживает особого внимания.

В данной статье мы выбрали двух животных (овцу и обезьяну) как героев различных басен И.А. Крылова, чтобы проанализировать различия между китайским и русским пониманием символических образов, содержащихся в данных номинациях.

Так, *овца* появляется во многих баснях Крылова: «Волк и ягненок»; «Мор зверей» (овца); «Вороненок» (ягненок, баран, овца); «Слон на воеводстве» (овца); «Пестрые

овцы»; «Крестьянин и овца»; «Змея и овца»; «Ягненок» и т. д. В этих баснях *овца* часто появляется вместе с *волком*, и слабость овцы противопоставляется свирепости волка. *Овца* чаще всего символизирует слабую и невинную жертву: овцы служат пищей для многих зверей в лесу и всегда играют роль слабых и маленьких.

Слова «баран, овца, ягненок» переводятся на китайский как «羊 (овца)». Овца была счастливым животным, которому поклонялись древние китайские предки, она имеет множество положительных символов – добродетель, благожелательность, справедливость, доброта, мир, власть и богатство, а также выносливость, мягкость снаружи и сила внутри. В переводе с древнекитайского слово «овца» означает 'удача'. В древнем Китае овец вырезали на зданиях, керамике и других предметах, чтобы привлечь удачу.

В русской культуре овца имеет негативный символический образ, в то время как в китайской культуре овца имеет положительный образ. Если переводчик решит перевести слово «овца» напрямую, не учитывая разницу в символическом представлении этого зоонима, это может привести к непониманию читателями основной идеи произведения. Поэтому переводчик Ши Гуосюн в своем переводе, опубликованном в 2009 году, перевел «овца» как «小羊 (маленькая овца)», что более подходит, поскольку добавление атрибутивной характеристики может создать у читателя впечатление, что овцы слабы и невинны.

Обезьяна также частый герой басен И.А. Крылова: «Обезьяны (Глава первая)» (обезьяны подражали охотникам, танцую под деревом, и были легко пойманы охотниками); «Мартышка и очки» (мартышка примеряет чужие очки, но использует их неправильно); «Обезьяна (Глава третья)» (мартышка слепо подражает труду крестьян и ничего от этого не получает); «Зеркало и обезьяна» (обезьяна видит в зеркале свое собственное отражение, но принимает его за другого человека и насмехается над ним). Во всех баснях обезьяны характеризуются невежеством и слепым подражанием. Это символический образ обезьяны в русской культуре.

В китайской культуре слово «обезьяна» произносится так же, как и слово «маркиз», что представляет собой титул феодального правления и высокий статус именуемого, поэтому *обезьяна* приобретает культурный символизм продвижения к трону. Это отражает национальный характер китайского народа, который неявно

выражает свое личное желание занять более высокое положение и стать богатым. Подобное дополнительное значение, основанное на фонетическом совпадении двух лексем (животного и титула), уникально для китайского языка. Кроме того, Сунь Угон, главный герой китайской классической книги «Путешествие на Запад», – остроумная и гибкая обезьяна, обладающая огромной силой. Этот литературный образ глубоко укоренился в умах и сердцах китайского народа. В китайском фольклоре возникли прецедентные высказывания, поговорки, связанные с героем Сунь Угон, например: «*Семьдесят два превращения Обезьяны – великая сила*», что отражает символический образ обезьяны как могущественного, умного и храброго живого существа – героя – в сознании китайского народа.

Можно утверждать, что в разных национальных контекстах номинации одних и тех же животных репрезентируют различные символические образы. Они возникают в результате когнитивной перспективы и национальной оценки сущностных характеристик животных, что является важным отражением уникальной этнокультурной коннотации. Неслучайно Ляо Гуанрун считает, что зоонимическая лексика порождает символические образы в связи с культурным содержанием, культурной традицией и культурной психологией (включая мифы, религии, легенды, историю, литературу, искусство, язык, географию, обычаи, этику, мораль, образ мышления, эстетические чувства и т.д.) [2, с. 17]. На наш взгляд, особенности употребления зоонимов в русских баснях и их китайских переводах не только транслируют стереотипное представление о поведении животных, но и маркируют идиоматическую специфику русского/китайского лингвокультурного универсума. Соответственно, анализ различий в символических образах зоонимических лексем помогает «повысить чувствительность» к различиям китайской и русской культур, беспрепятственно осуществлять межкультурную коммуникацию и эффективно руководить практической деятельностью по переводу.

Литература

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. - 200 с.
2. 廖光蓉. 英汉文化动物词对比[J]. 外国语(上海外国语大学学报), 2000(05): 17-26.

Zhang C. Y.

The Pushkin State Russian Language Institute

On the question of linguocultural labelling zoonymic lexicon

The purpose of our article is to study the differences in the symbolic imagery of Chinese and Russian zoonim. On the material of I.A. Krylov's fables and their translations into Chinese, the specificity of metaphorical representation of two animals - sheep and monkey - is considered, the cultural prerequisites and historical reasons for these differences are analyzed. The analysis shows significant differences in the symbolization of zoonymic lexicon, caused both by structural features of the Chinese and Russian languages and ethnomental characteristics of the two cultures.

Keywords: zoonymic vocabulary, I. A. Krylov's fables, symbolic image, Russian language, Chinese language.

Работа выполнена при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям

Чжао Чаоюе

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

zcy001103@163.com

Основное содержание обучения устному переводу в

дипломатической сфере (на примере китайского и русского языков)

Работа выполнена под руководством Рублёвой Екатерины Владимировны, кандидата филологических наук, доцента кафедры методики преподавания русского как иностранного. В данной статье анализируются общие правила и основное содержание обучения двустороннему устному переводу (китайский язык и русский языки) в дипломатической сфере студентов с соответствующей лингвистической подготовкой (обычно студенты 4 курса бакалавриата или магистранты). Также в статье указываются важные задачи и затрагиваются ключевые моменты обучения дипломатическому устному переводу на разных этапах изучения РКИ, которым преподаватель и студенты должны уделять большое внимание.

Ключевые слова: устный перевод, дипломатический перевод, содержание обучения, двусторонний перевод.

В последние годы китайско-российские отношения достигли беспрецедентно высокого уровня развития; между двумя странами быстро развивается и углубляется сотрудничество во всех сферах, в особенности, в сфере политики и дипломатии. Поэтому от нас требуется ускорить подготовку более качественных и высококвалифицированных кадров, занимающихся устным переводом с китайского языка на русский язык и наоборот. Такие переводчики должны владеть рядом общекультурных и профессиональных компетенций и уметь решать профессиональные задачи путём самостоятельной работы с информацией и знанием. Дипломатический перевод является узкоспециализированной областью, которая требует от студентов не только владения китайским и русским языками, но и глубокого понимания широкого спектра областей, таких как международные отношения и международная политика.

При разработке содержания обучения нам необходимо учитывать цели обучения. Цель обучения: студенты должны хорошо справляться с будущей работой устного перевода,

хорошо знать различия между языками и культурой Китая и России. С помощью тренировки и практики на языковых занятиях у студентов должны активно развиваться и укрепляться навыки аудирования, навыки мнемотехники, навыки трансформации, навыки переключения с одного языка на другой и т. д. На каждом занятии по дипломатическому переводу преподаватель должен сочетать теорию и практику, но самое главное для студентов – практическая часть.

Теоретическая часть обучения дипломатическому устному переводу: Содержание дипломатического перевода является очень политическим и политически чувствительным. Внешние позиции лидеров государств и термины, опубликованные в дипломатических документах, являются отражением политического курса государств, всё это часто затрагивает национальный суверенитет и территориальную целостность, выгоды и потери политических интересов страны, безопасности, экономических и военных интересов, и даже региональную и даже мировую ситуацию. Поэтому следующие теоретические знания важны для студентов:

Языковые особенности дипломатического перевода: правильная политическая позиция переводчика, точность и ясность, эвфемистичность и нейтральность. И как соблюдать такие же принципы в выходном тексте перевода тоже очень важно, например:

текст: 中方认为，要化解当前危机，必须坚持联合国宪章宗旨和原则，尊重和保障各国的主权和领土完整。

перевод: «Китайская сторона считает важным выйти из кризиса при строгом соблюдении целей и принципов Устава ООН, на основе уважения и обеспечения суверенитета и территориальной целостности всех стран» [4, с. 15].

В тексте китайского языка используется слово “必须” (необходимо, обязательно надо, нужно), что носит очень серьёзный характер. На самом деле смысл этого слова в разных сферах общения не всегда одинаковый, например, в юридической сфере его значение нейтральное, но в разговорном стиле, тем более, в дипломатической сфере, это слово приобретает повелительное значение. Чтобы избежать возможных конфликтов, в переводе используется конструкция “считать что-то важным” для смягчения напряжённости фразы. Этот пример хорошо отвечает вышеуказанным языковым особенностям дипломатического перевода.

Процесс работы дипломатического устного перевода: процесс работы устного перевода может делиться на три части: подготовка к переводу, работа в процессе перевода и

после работы переводчика. Студентам нужно хорошо знать свои задачи на разных этапах, например: во время подготовки к переводу переводчику необходимо собрать как можно больше информации, детально изучить тематику, ознакомиться с новым лексиконом и перевести лексику в пассив или актив. И устным переводчикам при работе необходимо завершить весь процесс понимания, преобразования и выражения за короткий период времени, так что небольшое количество ошибок и недостатков при устном переводе неизбежно, поэтому после переводческой деятельности переводчики должны самокритично оценить свой процесс перевода и своевременно собрать незнакомые слова для формирования своих глоссариев.

Переводческая скоропись: «Использование переводческой скорописи позволяет разгрузить кратковременную память переводчика, освобождает его от вечного страха забыть содержание переводимого материала, а также позволяет работать с отрезками текста значительной длительности и сложности» [1, с. 15]. И к настоящему времени сформировался целый ряд систем и подходов к ведению сокращенной переводческой записи, обладающих бесспорными достоинствами. Преподаватели должны показать студентам, как оформлять переводческую скоропись, и потом студенты должны научиться сами использовать переводческую скоропись на практике. Посмотрим на её классификацию и приведём несколько примеров:

(а) знаки-скоропись

+ : плюс, повысить, возрасти, увеличиться

- : минус, отнимать, уменьшиться, вице-, заместитель

≈ : около, примерно, приблизительно.

(б) графические символы

⊕: больница, поликлиника, медицинское учреждение

: страна, государство

(в) аббревиатура

ун-т: университет, тех: техника, п/я: почтовый ящик, иск.: искусство

ВТО: Всемирная торговая организация

(г) логические символы

:: : потому что, благодаря, так как, от, по, из

∴ : поэтому, так что, следовательно

Профессиональная этика переводчика и правила межкультурной коммуникации: студенты молоды, у большинства из них нет опыта в работе, преподаватель обязан рассказать своим студентам, как вести себя культурно и правильно в качестве переводчика. Ведь от

устного переводчика требуются не только языковые знания, но и обязательно знание национально-культурного фона.

Практическая часть обучения дипломатическому устному переводу:

Практическая часть обучения дипломатическому устному переводу также может делиться на три этапа: 1) подготовительный этап/до начала урока, 2) этап переводческой практики/во время урока и 3) оценочный этап/самостоятельная работа студентов после урока.

Подготовительный этап: на этом этапе преподаватель должен заранее предоставить студентам учебные материалы для самоподготовки, например: возможные незнакомые слова или термины в дипломатической сфере (китайский язык и русский язык), аудио или видеоролики каких-либо выступлений в данной сфере, чтобы у студентов имелось достаточное время для повторной тренировки, важно отметить, что в этом процессе студентам лучше записать свой перевод, чтобы потом делать самоанализ.

Этап переводческой практики: в силу имеющихся различий в стилистике и фразеологии двух языков студенты могут столкнуться с разными трудностями при устном переводе, поэтому в практическом этапе студентам необходимо принять участие под руководством преподавателя. Здесь самый рекомендуемый метод для тренировки – ролевые игры, то есть, «студенты работают в парах или в группах, когда студенты завершили работу, преподаватель устраивает дискуссию с целью обобщить и проанализировать в деталях результаты работы, таким образом, учащиеся получают возможность оценить друг друга» [3, с. 15], что положительно влияет на открытость коммуникации студентов и помогает им быстро приспособиться к профессии переводчика. В процессе обучения роль преподавателя заключается в создании комфортных условий для самостоятельной работы студентов. В то же время, занятия должны быть ориентированы на повышение навыков аудирования, навыков мнемотехники, навыков трансформации и т. д., преподаватель должен устраивать такие упражнения на занятиях, как абзацно-фразовый перевод, теневой повтор, последовательный перевод без переводческой скорописи и последовательный перевод с помощью переводческой скорописи («важно помнить, что обучение устному переводу и переводческой записи как вспомогательному виду деятельности должно основываться на принципе комплементарности») [2, с. 15], пересказ и многие другие упражнения.

Оценочный этап: после урока преподаватель должен предоставить все тексты на двух языках и дополнительный материал для самостоятельной работы студентов. Сначала необходимо оценить проблему, затем студенты сами анализируют уже известную проблему, после чего предлагают возможные решения.

Заключение: образование – будущее страны, поэтому качественное обучение и подготовка кадров в переводческой сфере обеспечивает стабильность и эффективность коммуникации между странами. Дипломатический устный переводчик способствует достижению взаимопониманию между участниками дипломатической коммуникации, в конечном счете, реализации успешной дипломатической деятельности государства.

Литература

1. Вацковская И.С. Этапы процесса устного последовательного перевода // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 2. – С. 355.
2. Михайловская М.В. К вопросу о роли переводческой записи в устном последовательном переводе // Перевод и переводоведение. – 2021. – № 1. – С. 40.
3. Сизинцева А.С., Бажеряну В.В. Некоторые особенности обучения последовательному устному переводу // Казанская наука. – 2022. – № 5. – С. 109.
4. Тао Юань, Юй Юань. Курс китайско-русского дипломатического перевода / Издательство Пекинского университета / науч. ред. Ли Чжэ. – Пекин, 2024. – 210 с.

Zhao Chaoyue

Pushkin State Russian Language Institute

The main content of training in interpreting in the diplomatic field (using the example of Chinese and Russian languages)

The work was carried out under the guidance of E. V. Rubleva, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the department methods of teaching Russian as a foreign language.

This article analyzes the general rules and general, basic content of teaching bilateral interpreting (Chinese and Russian) in the diplomatic sphere to those students with adequate linguistic preparation (usually 4th year undergraduate or graduate students). The article also indicates important tasks and points at different stages of learning diplomatic interpreting, to which teachers and students should pay great attention.

Keywords: oral translation, diplomatic translation, training content, two-way translation.

Чжу Гэнчэнь

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Zhugc99@gmail.com

Создание уникального символа китайской Культуры в межкультурном коммуникации

Работа выполнена под руководством Богуславской В.В., д-ра филол. наук, профессора
Статья исследует предложение использовать термин «loong/Лун» для обозначения китайского дракона, отражая его уникальные культурные характеристики и избегая негативных ассоциаций в западной культуре. Обсуждается важность адекватного перевода и межкультурной коммуникации в контексте глобализации и национального самосознания.

Ключевые слова: Лун, дракон, межкультурная коммуникация, китайская культура.

В Китае существует двенадцать знаков зодиака, каждый год встречает новый знак по порядку. Этот год - год «Дракона». Но в этом году во многих СМИ часто упоминается слово «loong».

В западной культуре дракон является символом зла, в то время как в китайской культуре он символизирует все благополучие, и китайцы называют себя «потомками дракона». Изображение дракона в культурах востока и запада также значительно различается. Например, на гербе Москвы изображен «Святой Георгий Победоносец на коне, поражающий копьём змея» [1]. Существуют разные версии историй о том, убил Святой Георгий дракона или змею, но с китайской точки зрения это дракон, судя по когтям, крыльям и форме головы на теле животного. В китайском восприятии тело змеи не имеет других органов. Независимо от первого впечатления, в китайской культуре дракон всегда символизирует мощь, счастье, благородство, святость, в то время как в западной культуре он часто ассоциируется с мощью, властью, насилием, злом. Различное восприятие может легко привести к негативной интерпретации в определенных сценариях и времени, предоставляя западным антикитайским силам возможность дискредитировать и атаковать китайский имидж. В этом смысле перевод китайского дракона как «dragon/дракон» имеет эффект распространения, который не равноценен намерениям китайских распространителей, и даже может иметь обратный эффект.

Ван Ичуань указывает, что при контакте основной культуры с другими культурами в зоне их взаимодействия возникает «взаимное пересечение», что демонстрирует наличие большего или меньшего расстояния между ними, подчеркивая, что они не идентичны [4, с. 110]. Основным предметом нашего исследования является «дракон» в видении китайской культуры, поэтому китайская культура является здесь основной. Другие культуры понимают драконов по-другому. Между ними существует дистанция.

Создание специального английского термина «Loong» для уникального китайского дракона может предотвратить неправильное толкование и одновременно отразить особенности китайской культуры. В контексте русской лингвокультурологии мы считаем, что «Лун» является подходящим вариантом. Это слово легко произносится и запоминается благодаря своей краткости и односложности. С учетом укрепления китайско-российских отношений и растущего интереса России к китайской культуре, а также предварительного знакомства многих россиян с этим термином, «Лун» видится удачным выбором, упрощающим его приемлемость.

Некоторые считают, что использование названия «Loong» больше мотивировано политическими, а не языковыми внутренними причинами. Это мнение связано с ростом национализма и государственной мощи, когда современные государства стремятся отличить свою культуру от других. Однако мы считаем, что восприятие данного перевода исключительно как способа демонстрации культурного самосознания и служения культурному экспорту и национализму было бы слишком утилитарно. С точки зрения лингвокультурологии, это, прежде всего, вопрос «достоверности». В одной цивилизации или языке не всегда существуют слова или понятия, которые могут полностью соответствовать другим, и когда они отсутствуют, естественно искать решения в исходной культуре, что также обогащает и расширяет данный язык. Это вопрос, с которым необходимо столкнуться и который нужно решить в процессе контакта и слияния двух языков, двух цивилизаций. Слово «Loong/Лун» было выбрано именно для того, чтобы произвести желаемый коммуникативный эффект. Конечно, на ранних этапах использования «Loong/Лун» потребуются объяснять и подчеркивать в различных контекстах. Особенно в контексте глобализации и информатизации необходимо подчеркивать важность медиа, в процессе межкультурной коммуникации следует использовать принцип сочетания длинных и коротких объяснений, чтобы аудитория могла понять информацию. Длинное объяснение означает предоставление подробного, глубокого информационного фона, культурного контекста и объяснения, чтобы помочь аудитории полностью понять значение и важность информации. В то время как короткое объяснение означает передачу ключевой информации и концепций кратким, ясным способом, чтобы аудитория могла быстро уловить суть информации, адаптируясь к быстрому темпу потребления информации.

В последние годы Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал необходимость «укрепления культурной уверенности», акцентируя внимание на том, что китайская культура должна «выйти за границу» и необходимо «хорошо рассказывать китайские истории» миру. Китай постоянно стремится усилить свое культурное влияние. Однако переход от «умения рассказывать китайские истории» к «хорошему рассказыванию китайских историй» не предполагает установление китайского «господства» в более широком региональном масштабе, и сам Китай не стремится к господству. Речь идет лишь о переосмыслении и создании новых символов в контексте новой эпохи, а также об адаптации к текущему развитию путем восстановления культурной уверенности [2, с. 270], [3, с. 90]. Для улучшения эффективности межкультурной коммуникации, а также для укрепления построения китайской системы дискурса, необходимо постоянно ослаблять западный контроль над

дискурсом, бороться за и расширять международное право на слово, создавая новые концепции и формулировки. Это требует от нас духа, идущего в ногу со временем.

Стоит отметить, что прямой перевод с использованием пиньиня не всегда является приемлемым. Возможно, в некоторой степени прямой перевод пиньинем действительно подчеркивает субъектность китайской культуры и уважает семантику исходной культуры, но в контексте межкультурного общения получатель информации не имеет представления об этом слове, что может усилить трудности понимания и привести к снижению эффективности культурной передачи. Принимаемые и используемые в процессе естественного взаимодействия и общения высказывания являются предпочтительными, а принудительное продвижение не приносит хороших результатов.

Литература

1. Герб // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы URL: <https://www.mos.ru/city/about/symbols/13126/> (дата обращения: 28.02.2024).
2. Tomlinson J. Globalization and cultural identity // The global transformations reader. – 2003. – №2. – С. 269-277.
3. Wang Yanling, Zhu Nan The Research on Cultural Identity in Intercultural Communication from the Perspective of Interculturality // Journal of Tianjin Normal University (Social Sciences). – 2023. – №3. – С. 87-92.
4. Wang Yichuan Cultural Acculturation from the Perspective of Trans-cultural Studies // Tianjin Social Sciences. – 2022. – С. 110-115.

Zhu Gengchen

Pushkin State Russian Language Institute

loong: Creating a Unique Symbol of Chinese Culture in Intercultural Communication

The article explores the proposal to use the term «loong» to refer to the Chinese dragon, reflecting its unique cultural characteristics and avoiding negative associations in Western culture. The importance of adequate translation and intercultural communication in the context of globalisation and national identity is discussed.

Keywords: loong, dragon, intercultural communication, Chinese culture.

Чжэнь Вэньцзянь

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

2774380477@qq.com

Сопоставительный анализ эвфемизмов, связанных с представлением о смерти, в русском и китайском языках

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны, кандидата филологических наук, доцента

Данная работа посвящена сравнительному исследованию эвфемизмов тематической группы «смерть», функционирующих в русском и китайском языках, выявлению национально-культурной специфики. Эвфемизм как лингвистическое и культурное явление играет важную роль в повседневной жизни и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: эвфемизмы, сопоставительный анализ, тематическая группа «смерть», русский язык, китайский язык, межкультурная коммуникация

Эвфемизмы существуют в различных языках, поскольку люди склонны употреблять иносказательные слова или выражения вместо синонимичных языковых единиц, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [1; 2; 5]. В научной литературе существуют разные подходы к пониманию сущности эвфемизмов. В современном китайском словаре «*委婉语应用词典*» («Прикладной словарь эвфемизмов») указывается, что *委婉语* – ‘эвфемизмы’ представляют собой выражения, использующиеся в процессе коммуникации с целью обеспечения спокойного, приятного и гармоничного общения коммуникантов [7, с. 229]. В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой дается следующее определение: «Эвфемизм – слово или выражение, заменяющее другое, которое по каким-либо причинам нежелательно или неудобно употребить в определенной ситуации» [3]. Эти дефиниции не только отражают тот факт, что использование эвфемизмов зависит от определенной ситуации, но и обуславливают важность изучения эвфемизмов на коммуникативном уровне.

Эвфемизм является единицей не только языка, но и культуры, поскольку тесно связан с другим лингвокультурным понятием – табу, существующим еще с древнейших времен и первоначально возникшим для его замены [6]. Такие естественные этапы в жизни человека, как «рождение», «болезнь» и «смерть», с которыми неизбежно сталкиваются люди, во многом являются не до конца познанными, отражают религиозные и мистические представления. В связи с этим, чтобы избежать упоминания слов, вызывающих негативные эмоции, в русском и китайском языках употребляются эвфемизмы тематической группы «болезнь», «смерть». Остановимся на сравнительном анализе эвфемизмов, связанных с представлением человека о смерти, в русском и китайском языках.

Эвфемизмы тематической группы «смерть» в русском языке появились в древности, потому что вопросы смерти и болезней оставались нераскрытыми, загадочными в сознании первобытных людей, посланными сверхъестественными силами, которым люди не могут противостоять. В связи с этим с древнейших времен в русском языке использовались такие выражения, которые обозначали смерть как процесс перемещения человека во времени и пространстве (*сойти в могилу, оставить мир, отправиться к праотцам, уйти в мир иной, отправиться на тот свет* и др.), как изменение его внутреннего и внешнего состояния (*без признаков жизни, лечь костью, при последнем издыхании, пора костям на покой* и т.д.). С течением времени представление людей о «смерти» меняется, поэтому появились и другие, более популярные эвфемизмы для обозначения «смерти», такие как: *пустить пулю в лоб, найти вечный покой, нет больше, окончить жизненный путь, протянуть ноги, дух вон, сыграть в ящик* и т.д.

Употребление эвфемизмов – распространенное явление в китайском языке, в котором слово 死[sǐ] – ‘смерть’ было табуировано с древних времён, а впоследствии возникла неприязнь и к его произношению – [сы]. Это привело к тому, что негативное восприятие данного понятия распространилось и на некоторые другие слова, близкие по звучанию. Так, например, число «четыре», звучащие как [сы], делает непопулярными телефонные номера с цифрой «4» и другие числовые знаки. С течением времени количество эвфемизмов тематической группы «смерть» в современном китайском языке увеличилось. Согласно статистике китайского словаря «汉语委婉语词典» (‘Словарь китайских эвфемизмов’ Чжан Гунгуй), общее количество эвфемизмов в китайском языке составляет 2656, из которых 750 связаны с тематической группой «смерть» [8, с. 16], однако в разговорной речи их насчитывается более тысячи.

Эвфемизмы, связанные с представлением человека о смерти, в современном китайском языке более разнообразны, чем в русском, их можно дифференцировать в зависимости от разных признаков:

Эвфемизмы тематической группы «смерть»				
Обобщенное название	Наименование смерти по	Наименование смерти	Наименование смерти людей	Наименование смерти,

старости и смерти	и особым причинам	представителей разных классов (в древнекитайском языке)	разного возраста	связанной с религией
老了 [lǎo le] 'постареть'	没治好 [méi zhì hǎo] 'не вылечили'	崩 [bēng] , 山陵崩 [shān líng bēng] 'смерть императора, император скончался'	夭 [yāo] 'умирать молодым, умереть в молодости' (возраст от 8 до 15 лет)	坐化 [zuò huà] 'почить в позе созерцания, умереть в сидячем положении'
没了 [méi le] 'исчезнуть'	没救过来 [méi jiù guò lái] 'не спасли'	不禄 [bù lù] 'смерть чиновника'	殇 [shāng] 'погибнуть' (об умерших в возрасте до 19 лет)	入寂 [rù jì] 'погрузиться в нирвану, преставиться, почить'
不在 [bù zài] 'перестать существовать, не быть в живых'	殇 [shāng] или 夭折 [yāo zhé] 'про неожиданную смерть в раннем возрасте'	卒 [zú] 'смерть сановника'	卒 [zú] 'скончаться' (возраст от 20 до 50 лет)	转世 [zhuǎn shì] 'переродиться в данном веке, жить в данном перерождении'
过世 [guò shì] 'прожить жизнь, покинуть мир'	殉 [xùn] 'жертвовать, предавать погребению вместе с покойником'	薨 [hōng] 'смерть князя'	享寿 [xiǎng shòu] 'скончаться' (возраст от 51 до 59 лет)	归真 [guī zhēn] 'воздаться к истине (к своей первоначальной природе, уйти в нирвану)'

归天 [guī tiān]	客死 [kè sǐ]	死 [sǐ]	寿终 [shòu zhōng]	寂灭 [jì miè]
‘вернуться на небо’	‘умереть на чужбине’	‘смерть обычных людей’	‘скончаться; естественная смерть’ (старше 60 лет)	‘нирвана, уйти в нирвану’

Эвфемистические выражения уменьшают чувство страха у людей перед запретными предметами и явлениями, не создают у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. При этом игнорирование различий в понимании и культурных коннотациях русских и китайских эвфемизмов может привести к неудачам в межкультурной коммуникации. Например, в китайском языке существует несколько устойчивых выражений, отражающих особенности менталитета народа: 宁为玉碎, 不为瓦全 [nìng wéi yù suì , bú wéi wǎ quán] – ‘лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей’ – о героической смерти и позорной жизни, 人亡政息 [rén wáng zhèng xī] – ‘человек засыпает – его дела остаются’, 伸直脚 [shēn zhí jiǎo] – ‘протянуть ноги’, 翘辫子 [qiào biàn zi] – ‘отдать концы’ и т.д. [4, с. 173-174].

Таким образом, эвфемизмы в китайском и русском языках являются носителем национальной культуры, играют важную роль в межличностной коммуникации, поскольку они отражают жизненный опыт, ценностные ориентации этноса, представляют интерпретацию религиозных традиций и народных обрядов.

Литература

1. Ахметова А.И. Сравнительный анализ китайских и русских эвфемизмов // Доклады Национальной академии наук Кыргызской Республики. – 2017. – № 2. – С. 90-96.
2. Денисова Э.С., Халиман М.Б. Эвфемизм как уникальный языковой феномен в русской и китайской лингвокультурах (на материале тематической группы «Профессии») // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 270-280.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – Москва : Русский язык, 2000. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.efremova.info/letter/+eh.html?page=3>
4. Ли М. Лингвокультурная обусловленность использования эвфемизмов тематической группы «смерть» в русских и китайских пословицах // Litera. – 2022. – № 9. – С. 169-177.

5. Фэнлин Ц. Характеристика эвфемизма в китайском и русском языках // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния : Материалы III заочной Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 01–15 ноября 2011 года / Под редакцией Н.Л. Глазачевой, О.В. Залесской. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2011. – С. 46-50.
6. Чжан Ч. Соотношение понятий табу и эвфемизм (на примере русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 6. – С. 83-87.
7. 王亚军. 委婉语应用词典. 上海: 上海字典出版社, 2005. 229 页. [Ван Я. Прикладной словарь эвфемизмов].
8. «汉语委婉语词典» [Чжан Г. Словарь китайских эвфемизмов].

Zhen W.Q.

Pushkin State Russian Language Institute

Comparative analysis of euphemisms associated with the concept of Death in Russian and Chinese

The object of the study is the euphemisms associated with the concept of Death in Russian and Chinese. The subject of the research is linguocultural features and linguocultural potential of euphemisms associated with the concept of Death in Russian and Chinese.

Keywords: euphemisms, comparative analysis, with the concept of Death, Russian, Chinese, intercultural communication

Чикина Анна Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

chikina.anna.03@yandex.ru

«Исследование членораздельного языка» в курсе словесности во Владимирской семинарии в первой половине XIX века

Работа выполнена под руководством Кудояровой Татьяны Викторовны, кандидата педагогических наук, доцента

В работе рассматривается часть курса словесности, читавшегося во Владимирской духовной семинарии в первой половине XIX века – «исследование членораздельного языка». Анализируется связь данного «исследования» с традициями преподавания теории словесности в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. В статье делается вывод о том, что преподаватель словесности был знаком не только с методическими пособиями, но и с актуальными для его времени достижениями сравнительно-исторического языкознания, а также в немалой степени переработал существовавшее учение о фонетическом уровне языка.

Ключевые слова: членораздельный язык, теория словесности, словесность, сравнительно-историческое языкознание, фонетический уровень языка, Владимирская духовная семинария.

Филологическое образование в Российской империи в первой половине XIX века существенно трансформировалось. Риторика, являвшаяся частью «классического» образования, постепенно замещалась «словесностью». Термин «словесность» к середине столетия стал «основным для всех филологических дисциплин» [2, с. 7].

Научные достижения европейских и отечественных учёных в области лингвистики оказало влияние на формирование части курса словесности – «теории словесности»: «в 30-40-е годы XIX века теория словесности включает основные проблемы языка и речи, например, в учебнике В.Т. Плаксина разбираются отношения мысли и речи, психологические основы мышления и речи и т. п.» [3, с. 37].

Преподаванию словесности уделялось особое внимание, в том числе, в семинариях и духовных училищах. Объектом нашего исследования стала часть рукописи, содержащей записи лекций по гражданской истории и словесности, читавшихся во Владимирской духовной семинарии, датируемая 1849 годом (Государственный архив Владимирской области, Ф. 454, Оп. 1, № 499). Конспекты лекций сделаны семинаристом Фёдором Полисадовым. Рукопись содержит 386 листов.

Словесность во Владимирской семинарии считалась, наряду с богословием и философией, одним из «главных предметов», в преподавании которых существовала своя «метода» (система), как относительно педагогической части, так и научной» [10, с. 121], предложенная Ксенофонтом (Тропольским), архиепископом Владимирским и Суздальским (1800-1821). В 1847-1852 гг. ректором Владимирской семинарии являлся митрополит Евфимий (Беликов), который «не терпел» «пустоты, украшенной красноречием» в сочинениях студентов. «От сочинения им требовалась прежде всего мысль ясная, точно выраженная и логически построенная» [9, с. 234-235]. Что касается методики преподавания словесности, «от учителей... Евфимий требовал более внимательной подготовки к уроку и основательных объяснений. Те из наставников, которые до Евфимия пробивались одними учебниками, вынуждены были... засесть за руководства» [9, с. 234].

Лекции по словесности во Владимирской семинарии в период с 1845 по 1875 год, по данным историка Н.В. Малицкого, читал преподаватель А.И. Розов: «24 сентября 1845 года <А.И. Розов> определён во Владимирскую семинарию учителем словесности... 4 февраля 1867 года рукоположен во священника к Дмитриевскому собору... По выслуге лет в семинарии ... 29 сентября 1875 года уволился. Об Алексее Ивановиче Розове ученики вспоминают не столько как о выдающемся... наставнике, сколько о человеке мягком, незлобивом. В преподавании держался близко учебников» [9, с. 254-255].

Лекции А.И. Розова в записках Ф. Полисадова разделяются на следующие тематические блоки:

а) «теория словесности» (языкознание), представляющая собой «исследование членораздельного языка», (л. 287-295);

б) риторика (л. 295-303);

в) история словесности (Л. 326 - 327).

Рукопись содержит, кроме конспектов по словесности, записи лекций по гражданской и церковной истории, философии и богословию и библеистское исследование «Время крещения Христа».

Объектом нашего изучения стала часть записок по классу словесности, именуемая «Исследование членораздельного языка» и посвящённая «исследованию внешней вещественной формы, в которой выражаются идеи словесного художника, или что-то же членораздельный язык, выражающий внутренний мир ... чувствований» (Л. 289).

Необходимо отметить, что в первой половине XIX века словесность изучалась философами. Существовал особый, философский взгляд на проблемы словесности. Например, И.И. Давыдов в «Чтениях о словесности» (1837) [6] писал о «философии» и «истории» словесности. «Философию словесности» он разделял на «материальную, или объективную», в которой «содержатся основные законы слова» и «субъективную», в которой содержатся «основные законы речи и поэзии» [6, с. 4].

А.И. Розов, в свою очередь, называет науку, которая «занимается общими законами в... языках» и показывает «устройство членораздельного языка вообще», «философскою грамматикою». Изучение теории литературы (т.е. теорию словесности) преподаватель владимирской семинарии разделяет на два «члена»: «исследование устройства членораздельного языка» и «исследование изящества речи» (Л. 288).

Предметом изучения семинаристов в рамках этой части «теории изящной литературы» является «членораздельный язык» - по определению А.И. Розова, «совокупность членораздельных звуков, исходящих из груди, ограничиваемых различными частями рта, головы, губ, языка, зуб, неба, и присовокупляемого... слова для выражения понятий <...> прибавляем развитие в предложение, образующие стройную речь, в которой и выражаются мысли человека» (Л. 288). Мы понимаем это определение как вольную трактовку мысли Л.Г. Якоба, автора «Курса философии для гимназий...» (1811-1814): «Говорить – значит произносить слова, как членообразные звуки. Совокупность слов, для сего употребляемых, называется языком <...> Речь есть ряд слов, выражающих соединяемые мысли» [15, с. 3].

Далее А.И. Розов говорит о разграничении понятий «язык» и «слово»: «Слово одно у Китайца и Перса, но язык различен; понятие слова общее понятие языка. Первое предполагает способность говорения вообще, под последним понимаются определенные ограниченные пространством и лицами формы человеческого слова» (Л. 289). Подобная трактовка встречается у И.И. Давыдова: «Слово, разделившись на разные ветви, образовало разные языки, собственность того или иного народа» [6, с.15].

Впрочем, в дальнейшем владимирский преподаватель неоднократно смешивает понятия «язык» и «слово». Синонимичности и в то же время противопоставленности этих понятий посвящена работа В.И. Аннушкина «Концепты язык-речь-слово в отечественной филологии: история и современность»: «язык – речь – слово, в отдельных случаях являясь синонимами, вступают в активное противоборство друг с другом за право первенствовать в науке и других текстах» [1, с. 8].

В филологической науке XIX века слово зачастую тесно связывалось, даже отождествлялось, с мыслью: «Слово вообще есть выражение мыслей наших посредством членораздельных звуков» [6, с. 15]. А.И. Розов выдвигает следующий тезис: «Слово есть сама мысль, явившаяся в звуках слова» (Л. 290).

Далее в конспектах лекций владимирского семинариста следуют «Общие замечания об образовании языка»: «сам Творец вселил в глубину человеческого духа, вместе с другими человеческим потребностями, потребность выражать мысль словом <...> первый человек беседует с Богом, на первых порах бытия своего получает от Него заповедь, сам нарекает имена животным и жене» (Л. 291). Существует множество теорий происхождения языка. А.И. Розов придерживался религиозной теории (Божественной, библейской).

В примечании к этому пункту указано: «Попытка словоиспытателей найти первоначальный язык < ... > несбыточная мечта < ... > Новейшее языкознание показало все языки разделёнными на известные семейства < ... > никакое из этих семейств не имеет права почитать себя первоначальным < ... > Впрочем, если < ... > согласиться с отцами Церкви < ... > еврейский народ < ... > сохранил язык < ... > ближайшим из языков к первоначальному». «Новейшее языкознание» следует понимать как сравнительно-историческое языкознание, в частности, работы Ф. Боппа (Германия), Р. Раска (Дания), Я. Гримма (Германия); труд А.Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке» (1820) [4]. Говоря об «Отцах Церкви», А.И. Розов имел в виду следующих мыслителей: Ориген, Диодор, Евсевий, блаженный Иероним, Аврелий Августин: «Каков был < ... > древний язык, мы можем судить лишь гадательно; но несомненно, что мнение древних писателей < Оригена, Диодора, Евсевия, блаженного Иеронима, блаженного Августина > в пользу первенства одного из семитских

языков имеет на своей стороне то преимущество, что < ... > древнейшие остатки человеческой культуры носят < ... > следы кушито-семитского влияния» [8, с. 79].

В заключительном разделе «Устройство членораздельного языка» язык понимается так: «Язык < ... > представляет живой организм, структуру и систему» (Л. 293). Мысль о языке как системе была высказана Л.Г. Якобом: «назвали языком < ... > систему таких знаков, которую можно по произволу употреблять для сообщения мыслей» [15, с. 33].

Мнение А.И. Розова о языке «Язык... имеет две стороны - внешнюю фонетическую... и внутреннюю, примыкающую к внутренней жизни души, к миру мыслей и чувствований» (Л. 294) во многом основывалось на рассуждениях И.И. Давыдова: «Словесность < ... > представляет две стороны: внешнюю, или материальную, и внутреннюю, или идеальную < ... > С одной стороны, она изображает мир понятий в слове, как веществе мысли, со всеми его формами; с другой < ... > показывает творчество духа человеческого» [6, с. 4].

«Исследование о членораздельном языке» обрывается на описании фонетического уровня языка. Акцент на фонетике прослеживается ещё в определении членораздельного языка: «совокупность членораздельных звуков, исходящих из груди, ограничиваемых различными частями рта, головы, губ, языка, зуб, неба» (Л. 288). А.И. Розов перечисляет с некоторыми опущениями «устроенные для выговору органы» по М.В. Ломоносову: «губы, зубы, язык, нёбо и гортань с положенными близ ея частями, то есть с язычком и со скважинами в ноздри» [7]. По-видимому, данная отрасль языкознания особенно интересовала владимирского преподавателя. И.И. Давыдов, на которого А.И. Розов ориентировался, считал, что «С выражением мысли необходимо согласуется голос с членораздельными звуками» [6, с. 20].

«Фонетическая сторона языка», по А.И. Розову, «слагается из разнообразных членораздельных звуков самого языка, сочетающихся между собой по определённым законам» (Л. 294). Термин «фонетический», как представляется, заимствован владимирским преподавателем из статьи К. Мальт-Брена «О гиероглифах Египетских, и о новейших открытиях по сей части древностей», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1825 году. «Имена собственные, означая не вещи, а лица, не могли быть выражены никаким письмом египетским, потому что все их знаки были идеографические; между тем надобно же было выражать имена собственные. Вот египтяне нашлись принужденными к некоторым... знакам присоединить силу звуков. Таким образом составился некоторый род азбуки силлабической... Шампольон называет такие знаки азбукою *фонетическою*... В сих знаках обнаруживается их происхождение гиероглифические; на пример, для означения буквы L рисовали маленькую фигуру льва, потому что египтяне называли сие животное Lewo...

Вообще выражались гласные только долгие, а часто и совсем опускалась. На примере с помощью *фонетической* азбуки в буквах TRNS KSR читают Trajanus Caesar» [11]. А.И. Розов употребляет термин «фонетический», что является его терминологическим и методическим новаторством. Этот термин не встречается в учебных пособиях первой половины XIX века и активно начинает использоваться только во второй половине столетия, когда И.А. Бодуэн де Куртене развивает своё учение о фонеме.

Деление звуков на гласные и согласные, встречается, в частности, у Л.Г. Якоба [15, с. 8]. М.В. Ломоносов рассматривал как гласные и согласные исключительно буквы: «неразделимые части слова <...> называются по-нашему буквы. Различность их происходит от разности органов, от разного их положения и движения <...> Движения органов суть двояки <...> Первые отмены действительно голосу сопрягаются, и начертания, или буквы, их изображающие, по справедливости гласными называются. Второго рода отмены прилично согласными именованы» [7]. Л.Г. Якоб, не отказываясь от термина «буква», придал ему значение современной фонемы, а «звук» рассматривал как реализацию «буквы» [15, с. 6-7].

Преподаватель владимирской семинарии не называет гласные и согласные «звуками», при этом он полностью отходит от термина «буква», говоря о гласных и согласных как о составляющих «фонетической стороны языка» (Л. 294). Мысль о необходимости отвергнуть понятие «буква» применительно к фонетике возникла ещё у Третьяковского: «Третьяковский первый настойчиво разграничивает букву и звук («звон»). Он упрекает старую грамматику в том, что она «наблюдает токмо буквы, а не звоны, наблюдает она токмо тень, а до вещи ей дела нет!»» [цит. по 12].

Гласные звуки А.И. Розов понимает как «видоизменения звукообразовательного процесса, происходящие от разного положения уст (разных форм открытых уст) в то время, когда из них выходят и становятся слышимы» (Л. 294). Ср. у Л.Г. Якоба: «Мы производим из (т.е. гласные звуки) посредством большего или меньшего отверстия рта и губ» [15, с. 8].

О существующих в русском языке гласных говорится так: «Таких форм во всех языках замечено главных: *a, e, u, o, y*» (Л. 294). Здесь владимирский преподаватель опирается, в том числе, на пособие Н.И. Греча, который перечисляет такие же «гласные буквы» русского языка [5, с. 59].

Основным гласным звуком А.И. Розов считает *a*, аргументируя это следующим образом: «Полнооткрытые уста дают звук *a*» (Л. 294). Остальные гласные являются его «сокращёнными» вариантами. В.К. Третьяковский считал *a* не только основным гласным «звоном» (т.е. звуком), но и основным «звоном» вообще. Он полагал, что произношение

любой «буквы» – «растворение, или приведение в способ звона (т.е. звука), означаемого чрез *a*» [14, с. 22].

Преподаватель использует две классификации «сокращений»: «продольные» и «поперечные», а также «количественные» и «качественные» (Л. 294). Термин «сокращение» употребляется В.К. Третьяковым, но в ином смысле: «Что же до сокращения целого некоторого звона (т.е. звука), то сокращается у нас токмо одна из гласных букв, именно же *и*» [14, с. 23].

«Продольность» и «поперечность» мы бы сейчас назвали «подъёмом» и «рядом» соответственно; такая классификация логична, если принимать во внимание форму рта при произнесении звука. Сами термины «продольный» и «поперечный» были предложены А.И. Розовым, как и графическая схема расположения гласных (см. Рис. 1).

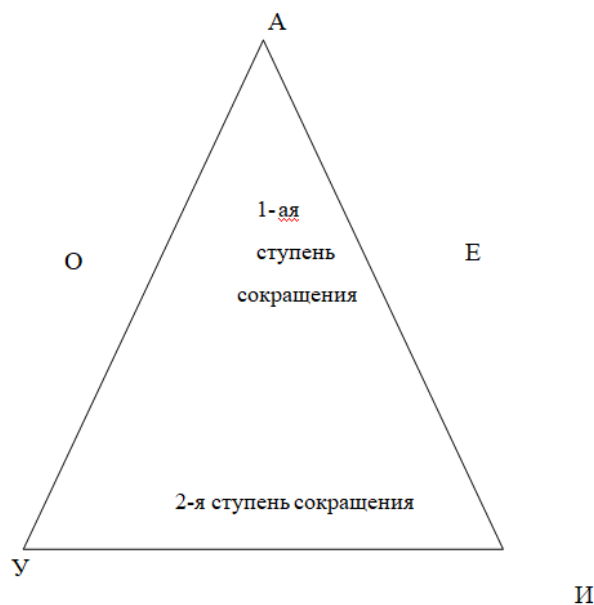

Рис. 1. Продольные и поперечные сокращения гласных звуков. Схема, дающаяся в конспекте Ф.

Полисадова (Л. 294)

Примечательно, что классификацию по признаку «положения губ» с аналогичным положением гласных, правда, без употребления терминов «продольное сокращение» и «поперечное сокращение» и без приведения схемы, предлагал Н.И. Греч: «Гласный звук... получает различное свойство от различного положения губ: от сближения оных происходит *у*, от прямого положения *а*, от расширения *и*, в положении между *у* и *а* находится звук *о*, между *а* и *и* находится э» [5, с. 59].

В то же время классификация сокращений по признаку «качественности» и «количественности» (Л. 294) представляется сумбурной и неоднородной:

качественные

e-и

o-у

и количественные

e-o

и-у

Если сокращение *e-и* допустимо представить как качественную редукцию, имеющую место и в современном русском языке, а переход *e-o* широко освещался в отечественной лингвистике ещё со времён М.В. Ломоносова [7], то остальные примеры позволяют усомниться в компетентности и осведомлённости А.И. Розова.

Если считать слово «сокращение» аналогом «редукции», то понимание «количественности» и «качественности» не соответствует современному: «различают редукцию количественную [сокращение длительности звука, вызванное его безударностью, уменьшение его силы (интенсивности)] и качественную (изменение характера артикуляции звука). Обычно редукции подвергаются гласные звуки» [13].

На этом языковедческий блок лекций по словесности обрывается.

Таким образом, А.И. Розов являлся преподавателем-словесником, в целом, осведомлённым об актуальных для его времени достижениях западных и российских лингвистов. Религиозная составляющая «исследования о членораздельном языке» проявляется в рассуждении о происхождении языка и о первенстве семитских языков со ссылкой на святых отцов Церкви. А.И. Розов использовал малоупотребительный термин «фонетический» и предложил схему расположения гласных в виде треугольника, а также термины «продольный» и «поперечный» применительно к «сокращениям» гласных. Сами «сокращения», предложенные владимирским преподавателем, отличаются оригинальностью, но в то же время непоследовательностью. «Количественные» и «качественные» сокращения в теории фонетики современного русского языка трактуются по-иному.

Литература

1. Аннушкин В.И. Концепты *язык-речь-слово* в отечественной филологии: история и современность. // Лингвострановедческая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2021. – № 26-1. – С. 7-21.
2. Аннушкин В.И. Словесность и словесные науки в Словаре Академии Российской. // XXV Дашковские чтения 25 мая 2021 г.: сборник статей / под ред. Л.В. Тычиной. Санкт-Петербург : Музей "Нарвская застава", 2023. – С. 5-27.

3. Аннушкин В.И. Русская словесность: история и современность / В.И. Аннушкин. – Москва : Флинта, 2021. – 19 с.
4. Востоков Александр Христофорович // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] – URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4095474> (дата обращения: 09.02. 2024)
5. Греч Н.И. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. – Санкт-Петербург: В тип. издателя, 1828. – XVI, 386 с.
6. Давыдов И.И. Чтения о словесности: Курс 1. – Москва : Унив. тип., 1837. – 289 с.
7. Ломоносов М.В. Российская грамматика. [Электронный ресурс] – URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm> (дата обращения: 09.02. 2024).
8. Лопухин А. П. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. – Стокгольм: Институт перевода Библии. – 1987. – 522 с.
9. Малицкий Н.В. История Владимирской духовной семинарии. Вып. 2 / сост. Н. Малицкий. – Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1900-1902. – 445 с.
10. Надеждин К.Ф. История Владимирской духовной семинарии: (с 1750 года по 1840 год): сочинение Ксенофонта Надеждина. – Владимир-на-Клязьме: Печатня А.А. Александровского, 1875. – 181 с.
11. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Co0CEqwBCqkBCChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJ5CiEKA2xleBIaChjRhNC%2B0L3QtdGC0LjRh9C10YHqutC40LkKCgoEZm9ybRiCCgAKCwoFZ3JhbW0SAgoACgkKA3NlBRiCCgAKFQoHc2VtLW1vZBIKCghzZW18c2VteAoMCgZzeW50YXgSAgoACgsKBWZsYWdzEgIKACiJCIeKHwoHY3JIYXRlZDIUCgcIoQ4QARgBEgcIoQ4QDBgfGAMqMAoICAAQChgyIAoQBSAAMgVn cnN0ZEAFSgdjcmVhdGVkWGnsZXhqBDuOTV4AJgBATICCAE6AQEwAQ%3D%3D> (дата обращения: 09.02. 2024).
12. Панов М.В. Первый русский фонетист. [Электронный ресурс] – URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200300910&ysclid=lsdu6dpdwx771177229> (дата обращения: 09.02. 2024).
13. Редукция // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] – URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3503144> (дата обращения: 09.02. 2024).
14. Третьяковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи / Сочинен Васильем Третьяковским, профессором елоквенции. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1748. – 460 с.

15. Якоб Л.Г. Курс философии, для гимназий Российской империи сочиненный Людвигом Гейнрихом Якобом, коллежским советником и кавалером, издан от Главного правления училищ: ч. 6 – Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1813. – 106 с.

Chikina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

«The research of dickish language» in the course of elocution in the Vladimir seminary in the first half of the XIX century

Work deals with a part of the course of elocution taught at the Vladimir Theological Seminary in the first half of the 19th century - "the research of articulate language". The paper analyses the connection of this "research" with the traditions of teaching the theory of diction in the Russian Empire in the second half of the 18th - first half of the 19th centuries. The article concludes that the teacher of diction was familiar not only with methodical manuals, but also with the achievements of comparative-historical linguistics relevant for his time, and also substantially revised the existing doctrine of the phonetic level of language.

Key words: articulate language, theory of elocution, elocution, comparative-historical linguistics, phonetics, Vladimir Theological Seminary.

Чу Тхи Минь Фьонг

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

minhphuong290574@gmail.com

Трудности в обучении глаголам движения вьетнамских учащихся

Работа выполнена под руководством Куваевой Алёны Сергеевны, кандидата педагогических наук

Тема «Бесприставочные глаголы движения» является одной из наиболее сложных при обучении русскому языку как иностранному. Русские приставочные глаголы движения употребляются в самых простых жизненных ситуациях, но при изучении приставочных глаголов движения вьетнамские учащиеся, как правило, сталкиваются с большими трудностями при выборе правильного и, самое главное, подходящего глагола движения. В данной работе описываются трудности в обучении русским приставочным глаголам движения вьетнамских учащихся с точки зрения носителя языка.

Ключевые слова: приставочные глаголы движения, трудности обучения, русский язык как иностранный, принцип.

Русские глаголы движения являются предметом исследования большого круга ученых-лингвистов, которые отмечают богатство и разнообразие грамматических форм глаголов движения, их стилистические возможности, широкие связи с другими лексико-грамматическими категориями слов. «Глаголами движения называются обозначающие перемещение глаголы несовершенного вида, которые образуются от одного корня и

группируются в двучленные соотношения, члены которых противопоставлены по значениям кратности / не кратности и однонаправленности/ неоднаправленности» [2, с. 345].

Освоение вьетнамскими учащимися лексико-семантической группы глаголов движения является обязательной на начальном этапе. В русском языке лексико-семантическая группа глаголов движения представлена 18 парами глаголов без приставок, такими как идти – ходить; ехать – ездить; бежать – бегать; брести – бродить; везти – возить; вести – водить; гнать – гонять; гнаться – гоняться; катить – катать; катиться – кататься; лезть – лазить; лететь – летать; нести – носить; нестись – носиться; плыть – плавать; ползти – ползать; тащить – таскать; тащиться – таскаться [6, с. 591]. Вьетнамские учащиеся должны понимать, что полное освоение всех глаголов движения, различение их употребления, умение использовать глаголы движения в переносном значении очень важно.

По мнению вьетнамских учёных-лингвистов, трудности могут возникать вследствие следующих причин. Во-первых, глаголы движения во вьетнамском языке не выделяются в отдельную группу и не составляют соотносительных пар.

Во-вторых, в отличие от вьетнамского языка в современном русском языке существует разграничение по пространственной ориентации движения. В русском языке две основные группы бесприставочных глаголов движения: к первой группе относятся однонаправленные глаголы *идти, ехать, нести, везти, бежать, брести, вести, гнать, гнаться, катить, катиться, лезть, лететь, нестись, плыть, ползти, тащить, тащиться*; а во вторую группу входят разнонаправленные глаголы *ходить, ездить, носить, возить, бегать, бродить, водить, гонять, гоняться, катать, кататься, лазить, летать, носиться, плавать, ползать, таскать, таскаться*.

Это затрудняет для вьетнамских учащихся ситуацию речевого общения. Примером типичной ошибки вьетнамских учащихся является употребление глагола «идти» при ответе на вопрос «*Что вы делали в выходной?*» - «*Я ехал в Владимир*», вместо правильного ответа «*Я ездил в Владимир*».

В-третьих, в русском языке выделяют группу глаголов, различающихся способом движения:

1. По признаку «средства» передвижения бесприставочные глаголы движения можно разделить на следующие подгруппы:

- Глаголы движения, которые обозначают передвижение, совершаемое без каких-либо средств перемещения: *идти – ходить, бежать – бегать, брести – бродить, лезть – лазить, нести – носить, нестись – носиться, ползти – ползать, тащить – таскать, тащиться – таскаться*.

- Глаголы движения, обозначающие передвижение при помощи транспортных и других средств передвижения: *везти – возить, ехать – ездить*.

- Глаголы движения, которые не обозначают конкретного способа передвижения и занимают как бы промежуточное положение между первой и второй группой: *плыть – плавать, лететь – летать, гнать – гонять, гнаться – гоняться, катить – катать, катиться – кататься*. Эти глаголы обозначают такое движение, которое может производиться как при помощи различных средств передвижения, так и без них: *Голубь летит к дому. Туристы летели в Москву*.

2. По признаку «скорость» движения выделяются глаголы с потенциальной семьей «темп» движения:

- С компонентом «быстро»: *бежать – бегать, нестись – носиться, гнать – гонять, катить(ся) – катать(ся), лететь – летать*.

- С компонентом «медленно»: *брести – бродить, ползти – ползать, тащить(ся) – таскать(ся)*.

3. Бесприставочные глаголы движения выделяются в подгруппы с такими семантическими признаками как «среда» передвижения:

- Движение по земле: *идти – ходить, бежать – бегать, брести – бродить, вести – водить, ползти – ползать, лезть – лазить, нести – носить, нестись – носиться, катиться – кататься, тащить – таскать, тащиться – таскаться, гнать – гонять, гнаться – гоняться, везти – возить, ехать – ездить*.

- Движение по воздуху (на самолете, на вертолете, на воздушном шаре...): *лететь – летать*.

- Движение по воде (на пароходе, на корабле, на лодке...): *плыть – плавать*.

В-четвертых, бесприставочные глаголы движения также характеризуются богатством разнообразных значений, о чем свидетельствуют данные словарей. Так, например, в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» указывается следующее количество значений у глаголов движения: бежать (6) – бегать (4); вести (6) – водить (6); везти (2) – возить (3); гнать (6) – гонять (5); ехать (3) – ездить (3); идти (26) – ходить (14); катить (3) – катать (7); лезть (10) – лазить (3); нести (12) – носить (9); ползти (7) – ползать (2); тащить (5) – таскать (8); гнаться (3) – гоняться (2); катиться (2) – кататься (1); тащиться (2) – таскаться (1); нестись (3) – носиться (3).

В-пятых, бесприставочные глаголы движения в русском языке, являясь носителями общих глагольных категорий: спряжения, времени, вида, подчиняются общим правилам употребления глаголов. Иногда вьетнамские учащиеся неправильно спрягают глаголы.

Этими глаголами могут быть *ездить, бежать, везти, возить, вести, водить, гнать, плыть и др.* Необходимо обратить внимание на спряжение глаголов, на их правильное произношение.

Вьетнамский учащийся может неправильно произносить первый слог в формах глаголов *иду / еду*, так как очень часто первый слог произносится одинаково, как редуцированное *и*, что впоследствии затрудняет понимание коммуникативной ситуации. Во вьетнамском языке есть буква *е*, но произношение отличается от звука в русском языке.

В-шестых, также возникают ошибки вьетнамских учащихся в использовании предлогов *в* и *на* в употреблении направления движения. При использовании предлогов необходимо помнить о следующих особых случаях:

1. Употребление предлогов *в* и *на* с винительным падежом для обозначения места вызывает у некоторых вьетнамских учащихся особые трудности. Предлог *в* указывает на закрытое пространство или строго ограниченное пространство, например: *в магазин, в музей, в театр, в клуб, в библиотеку, в университет, в общежитии и др.* А предлог *на* - на открытое пространство, например: *на улицу, на стадион, на рынок, на озеро, на море, на мост, на берегу и др.*

2. Употребление предлога *на* с винительным падежом для обозначения сторон-света, например *на юг, на север, на запад, на восток.*

3. Употребление предлогов *в* и *на* с винительным падежом для обозначения разных географических названий. По правилам предлог *в* с винительном падеже мы используем, если говорим о государствах, городах, деревнях, то есть о территориальных единицах с четкими, определенными границами, например *в Россию, в Москву, во Вьетнам, в США и др.* Предлог *на* потребуется, если речь о неопределенных территориях, например *на Волгу, на Урал, на Дальний Восток и др.*

Кроме этого, русские бесприставочные глаголы движения могут широко употребляться в переносном значении, образуя устойчивые словосочетания, встречающиеся как в разговорной, так и в научно-публицистической речи. Однако эта специфическая особенность создает определенные трудности при обучении глаголам движения вьетнамских учащихся.

В русском языке бесприставочные глаголы движения могут передавать как прямое, так и переносное значение, когда во вьетнамском языке бесприставочные глаголы движения обычно выражают только свой первичный смысл. К примеру, русский глагол «идти» при переводе на вьетнамский язык может передаваться несколькими вариантами в зависимости от контекста. Особенно важно это при передаче не прямого, а переносного значения.

	Значение на русском языке	Значение на вьетнамском языке	Примеры
1	что-то происходит	diễn ra, xảy ra, tiến hành,	<p>– Скоренько напялил на себя мундир на пилотку, ну погнал машину напрямиком туда, где земля гудит, где идет.</p> <p>– <i>Tôi nhanh nhẹn mặc bộ quân phục Đức, đội mũ ca lô và xông mở máy cho xe chạy thẳng về phía đất đang rầm chuyển, chiến sự đang triển khai.</i></p> <p>(М. Шолохов «Судьба человека», переводчик Нгуен З Бинь)</p>
2	об осадках	rơi, sa, xuống	<p>– Шел дождь и уныло стучал в мои стекла; в комнате было темно, на дворе пасмурно.</p> <p>– <i>Mưa rơi, những giọt mưa gõ buồn tẻ vào cửa kính phòng tôi. Trong phòng âm u, ngoài trời âm đăm.</i></p> <p>(Ф.М. Достоевский «Белые ночи», переводчик Доан Хуен)</p>
3	о спектакле, передаче	diễn ra, công chiếu	<p>– Покупает, конечно, один, ибо и покупки-то всего копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюрте и рыжих сапогах - весел.</p> <p>– <i>Dĩ nhiên là chỉ có một đứa mua hàng thôi, bởi việc mua bán của chúng chỉ vắn vắn là một kópêch hoặc là một công chiếu, nhưng những người mua bán khác thì lại nhiều, và buôn bán diễn ra nhộn nhịp, khiến cho một thị dân đáng thương mắc bệnh ho lao, mặc chiếc áo kín cổ dài lưng thụng, đi ủng hung hung đỏ, đã lộ vẻ vui mừng.</i></p> <p>(И.А. Бунин «Антоновские яблоки», переводчик Нгок)</p>
4	о времени - продолжаться	trôi qua, trôi đi, kéo	<p>– Так шла жизнь Ивана Ильича в продолжение семнадцати лет со времени женитьбы.</p> <p>– <i>Cuộc đời của Ivan Ilich đã trôi đi như thế suốt mười năm kể từ khi lấy vợ.</i></p>

			(Л.Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича», перевод Чонг Дат)
5	о механизме	chạy	– Часы идут . – <i>Đồng hồ chạy.</i>
6	нападать	tiến, tấn công	– Враг идёт на город. – <i>Kẻ thù tấn công thành phố.</i>
7	вступать куда-ли	đi, vào, gia nhập	– Он идёт в партию. – <i>Anh ấy vào đảng;</i> – Мы идём в армию. – <i>Chúng tôi nhập ngũ.</i>
8	подходить	hợp với, vừa với	– Вам очень идет эта шляпа. – <i>Anh đội mũ này rất vừa.</i>

Таблица 1. Пересные значения глагола движения «идти»

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вьетнамские учащиеся испытывают значительные трудности при изучении глаголов движения, в том числе бесприставочных глаголов движения. Всё это в совокупности затрудняет речевую деятельность вьетнамских учащихся, которым в ситуации речевого общения предстоит сделать выбор между однонаправленными или разнонаправленными глаголами; глаголами при помощи транспорта и без него, глаголами движения в переносном значении и употреблением предлогов *в* и *на* с винительным падежом.

Литература

1. Вохмина Л.Л. Особенности передачи движения в русском языке на фоне вьетнамского языка / Л.Л. Вохмина, Тхи Вьет Ха Лыонг. – Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2020 г.). – Казань : Молодой ученый, 2020. – С. 55-57. – [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/368/15745/> (дата обращения: 27.02.2024).
2. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва, Наука, 1970.
3. Куриленко В.Б., Щербакова О.М., Бирюкова Ю.Н. Глаголы движения стратегии обучения на начальном этапе // Электронный научно-образовательный Вестник «Здоровье и образование в XXI веке». – 2018. – [Электронный ресурс] URL: <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2226-7417-2018-20-4-14-20>

4. Лыонг Тхи Вьет Ха. Некоторые трудности при работе с русскими глаголами движения во вьетнамской аудитории // Язык. Культура. Личность. – Самара : Изд-во СГСПУ, 2020. – Вып.6
5. Май Нгуен Тует Хоа. Семантическая структура и функционирование глаголов движения русского языка в сопоставлении с вьетнамским: Дис. канд. филол. Наук / Май Нгуен Тует Хоа. – Ханой, 2013. – 188 с.
6. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1 – 789 с.
7. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
8. Харитоновна О.В., Панова Л.В. Глаголы движения в русском языке и особенности их преподавания на довузовском этапе обучения // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018 – №2. – [Электронный ресурс] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN218.pdf> (дата обращения: 27.02.2024)

Источники

1. Бунин И.А. Антоновские яблоки. I.A Bunin. Nhung qua tao Antonov // Перевод Ха Нгок, 2017.
2. Достоевский Ф.М. Белые ночи. F.M. Dostoevsky. Nhung dem trang // Перевод Доаг Ты Хуен, 2004.
3. Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича. Lev Tolstoy. Cai chet cua Ivan Ilych // Перевод Чонг Дат, 2017.
4. Шолохов М. Судьба человека. M. Solokhov. So phan con nguoi // Перевод Нгуен Зюи Бинь, 2004.

Chu Thi Minh Phuong

The Pushkin State Russian Language Institute

Difficulties in teaching verbs of motion to Vietnamese students

The topic “unprefixed verbs of motion” is one of the most difficult when teaching Russian as a foreign language. Russian unprefixed verbs of motion are used in the simplest life situations, but when studying unprefixed verbs of motion, Vietnamese students, as a rule, face great difficulties in choosing the correct and, most importantly, suitable verb of motion. In this paper, I reveal the difficulties in teaching Russian unprefixed verbs of motion to Vietnamese students from my point of view.

Key words: unprefixed verbs of motion, learning difficulties, Russian as a foreign language, principle.

Методика преподавания русского языка как иностранный в Китае: историко-культурный и методологические аспекты

Работа выполнена под руководством Куваевой Алёны Сергеевны,
доцента, кандидата педагогических наук

В данной статье представлен обзор историко-культурных и методологических аспектов в преподавании РКИ, а также проанализированы основные исторические этапы развития преподавания русского языка в Китае, обозначены его статус и современное значение для развития русско-китайских отношений.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), методика, традиция, история, культура.

Преподавание русского языка в Китае зародилось в начале XX века, когда китайско-советские отношения были тесными и большое количество советских специалистов приезжало в Китай для помощи в строительстве [1, с. 108]. С постоянным развитием китайско-российских отношений статус преподавания русского языка в Китае постепенно повышался. После десятилетий развития система преподавания русского языка в Китае постепенно совершенствовалась и в настоящее время превратилась в относительно полноценную систему.

Китай – страна с богатой историей и культурой, и преподавание русского языка также находится под глубоким влиянием китайской культуры. В Китае преподавание русского языка фокусируется на культурных и исторических основах языка и подчеркивает сочетание языка и культуры. В процессе обучения учителя знакомят учащихся с историей, культурой, обычаями России, чтобы помочь им лучше понять культурный подтекст русского языка.

Преподавание русского языка в Китае обычно ведется по классно-урочной методике, в рамках которой преподаватели помогают студентам овладеть базовыми знаниями русского языка путем объяснения, демонстрации и практики. Для того чтобы улучшить практические навыки студентов, преподавание русского языка в Китае также уделяет внимание практическому обучению. Преподаватели организуют студентов для участия в различных мероприятиях по языковой практике, таких как языковые уголки и мероприятия по культурному обмену. С развитием информационных технологий преподавание русского языка в Китае стало переходить на мультимедийное обучение [2, с. 134]. Преподаватели используют мультимедийные ресурсы, такие как видео, аудио и фотографии, чтобы помочь студентам лучше понять и освоить русский язык. Преподавание русского языка в Китае также ориентировано на совместное обучение, поощряя студентов помогать друг другу и

учиться друг у друга. Благодаря совместному обучению студенты могут лучше освоить русский язык и одновременно улучшить свои навыки сотрудничества и общения.

Хотя преподавание русского языка в Китае достигло определенных успехов, оно также сталкивается с некоторыми вызовами и проблемами. Во-первых, традиционные методы преподавания не сполна соответствуют современным требованиям к формированию коммуникативной компетенции обучающихся. Уровни владения русским языком рассматриваются в аспекте формирования лингвистической и коммуникативной компетентности, а не только в парадигме знаний в области лексики и грамматики. Кроме того, в практике чтения и перевода предлагается развивать навыки понимания и интерпретации смысла текста и идеи автора.

Во-вторых, необходимо повысить степень интернационализации преподавания русского языка, а также увеличить число преподавателей и студентов, участвующих в международных обменах.

Для того чтобы справиться с этими вызовами и проблемами, преподавание русского языка в будущем должно и дальше улучшать и совершенствовать методы и системы обучения. Например, для повышения эффективности и результативности преподавания можно внедрять цифровые и интеллектуальные методы обучения. В то же время, для повышения качества и интернационализации преподавания русского языка можно усилить обмена и сотрудничество с Россией.

Таким образом, методика преподавания русского языка в Китае характеризуется долгой историей, глубоким культурным наследием, акцентом на практическое и мультимедийное преподавание и совместное обучение. Эти особенности не только помогают студентам лучше овладеть русским языком, но и способствуют развитию их всесторонних качеств. В будущем, с непрерывным развитием китайско-российских отношений, статус преподавания русского языка в Китае станет еще более важным, а методы обучения будут постоянно совершенствоваться и улучшаться.

Литература

1. Голик М. Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (55): В 2-х ч. – Ч. 2. – С. 108-110.
2. Чжан Лигуан. Текущее состояние и тенденция развития преподавания русского языка в Китае // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 317-319.

Cheng Xinru

Pushkin Institute of the Russian Language

Methods of Teaching Russian as a Foreign Language in China: Historical, Cultural and Methodological Aspects

This article presents a personalised method of teaching Russian as a foreign language in China, describes its peculiarities depending on Chinese cultural traditions, possibilities of its use and increasing students' motivation. The article also gives historical context regarding the method of teaching Russian as a foreign language in China.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), methodology, tradition, history, culture.

Чэнь Сьюй

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

17604335000@163.com

Понятие «Экология» в русском и китайском языках: общее и различное

Работа выполнена под руководством Акимовой Эльвиры Николаевны,
доктора филологических наук, доцента

В современном мире экологические вопросы занимают центральное место в обсуждениях о будущем планеты и благополучии человечества. Понимание понятия «Экология» в различных культурных и языковых контекстах может предоставить уникальные перспективы для подходов к экологическому образованию, политике и практике. Настоящая статья исследует понятие «Экология» в русском и китайском языках, выявляя общие черты и различия в интерпретации и использовании данного слова. Анализ основывается на сравнении понятия в словарях и контекстах лингвистических корпусов в России и Китае.

Ключевые слова: понятие, экология, Россия, Китай.

В настоящее время экология является популярным предметом изучения различных дисциплин. Для того чтобы изучать вопросы, связанные с экологией, необходимо разобраться в понятии «экология». И Россия, и Китай являются участниками множества международных экологических соглашений и инициатив, призванных справляться с глобальными вызовами, такими как изменение климата, защита биоразнообразия и сокращение загрязнения. Исходя из этого, мы считаем необходимым изучить понятие «экология» в русском и китайском языках, выяснить общее и различное в семантике слова «экология» в русском и китайском языках.

В качестве источника информации по теме нашего исследования мы изучили этимологические словари, толковые словари и электронные словари, а также использовали данные Национального корпуса русского языка, Корпуса исследовательского центра китайской лингвистики Пекинского университета и Корпуса современного китайского языка государственной комиссии по языку.

Согласно этимологическому словарю современного русского языка М.Н. Свиридовой, слово «экология» в русском языке появилось в XIX веке от греческого οἶκος – жилище (дом), местопребывание и λόγος – учение [8, с. 500]. В 1866 г. термин

«Ecology» ввел в научный обиход немецкий биолог Эрнст Геккель в книге «Общая морфология организмов», объединив в нем эти два греческих слова [1, с. 40]. В переводе с греческого экология – это наука о доме, среде обитания, в которой живут организмы, включая человека [4, с. 120]. В толковых словарях русского языка С.А. Кузнецова, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова и Т.Ф. Ефремовой даётся такое понятия «экология»: **Наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой** [2, с. 749; 5, с. 1515; 7, с. 907; 10, с. 780].

В значении «научная дисциплина» понятие «экология» не только встречается в области научных исследований, но и часто упоминается в повседневной жизни, например: *Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией и как дисциплина начинает уже сейчас преподаваться в университетах* [6]. *В последние годы получают все большее распространение и вызывают интерес у школьников конкурсы ученических исследовательских работ в области биологии и экологии* [6]. *Большинство из них прежние: стране все так же нужны специалисты по радиотехнике, промышленной экологии, фармации* [6].

Слово «экология» также относится к окружающей среде, природе, где живут организмы. *Метан – более опасен для экологии, чем углекислый газ* [6]. В данном примере «экология» относится к среде, в которой живут организмы. В толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова даётся такое определение этому слову: **экологическая система, природа и вообще среда обитания всего живого** (обычно о плохом их состоянии) [5, с. 1515].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова даётся дополнительное понятие: **состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и к окружающей среде** [7, с. 907]. Все эти понятия связаны с природой, экосистемами и дисциплиной «экология». Например: *К сожалению, в последние 20 лет прервались и детальные исследования экологии калана на Командорских островах* [6]. *Но тут нам поступило предложение от одного из известных столичных бизнесменов, который уже немало сил и средств вложил в экологию Байкала* [6].

«Толковый словарь русского языка конца XX века» определяет понятие слова «экология» с разных точек зрения. Кроме основного понятия слова (наука), данный словарь даёт такое понятия: **окружающая человека среда; природа как сфера его деятельности; комплекс научных дисциплин и практических мер по изучению воздействия деятельности человека на природу; забота об окружающей среде** [9, с. 682-683]. По существу, это то же самое понятие, приводимое в других словарях. Однако здесь оно

описываются в большей степени не с объективной точки зрения, а с точки зрения субъекта. Это означает, что люди осознают влияние человеческой деятельности на окружающую среду и перешли от наблюдения за экосистемой к активному участию в ней с целью улучшения условий жизни людей. Например: *Как заявила Карелова, вместе с переходом предприятий на «чистые» технологии надо ликвидировать и ущерб, который уже нанесен экологии [6]. И с тех пор здесь крайне благополучно с экологией [6].* Кроме понятий, связанных с природой, экосистемами и исследовательской дисциплиной, в данном словаре определено переносное значение: **чистота, правильность, обусловленные гармоничным соотношением элементов; забота о такой чистоте** [9, с. 682–683]. Например: *Когда создавали клуб, мы задались целью изменить нашу духовную экологию, ведь все знают, что лоскутные вещи – это и обереги [6]. У нас недаром много говорят сейчас об «экологии души»: дефицит культуры, духовное, нравственное оскудение, вспышки слепой ненависти и массового насилия, жестокости не менее опасны, чем разрушение окружающей природной среды [9, с. 683].*

В китайском языке слово «生态» появилось ещё в древних стихах. В стихах слово «生态» ассоциируется с «красотой». Например, в «*箏赋*» времен Хань династии был такой стих: *丹萸成叶, 翠阴如黛。佳人採掇, 动容生态*, описывающий красивые движения девушек, собирающих травы. Аналогично, в «*东周列国志*» также написано: *目如秋水, 脸似桃花, 长短适中, 举动生态, 目中未见其二*, в котором слово «生态» используется для описания грациозных движений красавицы. Все они могут выражать прекрасные жесты, заставляя людей чувствовать себя хорошо и нравиться. Кроме понятия *显出美好的样子* ‘*прекрасный вид*’, в древнекитайском словаре даётся еще такое понятие: *生动的样子* ‘*яркость и наглядность изображения и выразительность*’ [13, с. 1316]. Например, *物色生态能几时* в стихе поэта Ду Фу династии Тан означало, что люди и жизнь эфемерны и не могут длиться долго.

В наше время слово «生态» в китайском языке приобрело иное значение, чем в древние времена, и отражает глубокую связь между живыми организмами и их природной средой. В словаре «*大辞海*» ‘*Дацыхай*’ и современном китайском словаре слово «生态»

объясняется следующим образом: 1. **生物的生理特性和生活习性** ‘физиологические характеристики, свойства и привычки живых организмов’ [13, с. 3109; 14, с. 1169]. Это определение акцентирует внимание на внутренних аспектах жизни организмов, их биологических и физиологических особенностях, а также на поведенческих паттернах, формируемых как внутренними механизмами, так и взаимодействием с окружающей средой. Например: **在安徽省, 兽类学家将沿长江下游进行为害堤岸的中国鳄鱼的生态的研究** ‘В провинции Аньхой герпетологи изучают экологию китайского крокодила, который обитает на бережных вдоль нижнего течения реки Янцзы’ [12] **我曾经把一只虾养活了一个多月, 观察过虾的生态** ‘Однажды я держал креветку в живых больше месяца и наблюдал за её экологией’ [11] 2. **生物在一定自然环境下生存和发展的状态** ‘состояние существования и развития живых организмов в определенной природной среде’ [14, с. 3109; 15, с. 1169]. Эта часть определения расширяет фокус и включает в себя взаимодействие между живыми существами и их окружением, подчеркивая, как окружающая среда влияет на условия их существования, адаптацию и эволюцию. Например, **黄河流域生态保护和高质量发展, ...是重大国家战略** ‘Экологическая защита и высококачественное развитие бассейна Желтой реки – это главная национальная стратегия...’ [11].

Необходимо отметить, что в китайском языке экология как научная дисциплина обозначается как «生态学», где «生态» означает жизненное состояние или биологическая среда, а «学» означает учение или наука. Таким образом, «生态学» **напрямую относится к науке об изучении жизненных состояний организмов и их взаимодействия с окружающей их средой.**

Таким образом, проведя сравнительный анализ понятия «экология» в русском и китайском языке, мы можем сказать, что оба языка подчеркивают состояние организмов, отношения между организмами, а также организмы и их окружение. Различие, на наш взгляд, в двух аспектах: в аспекте языкового выражения и терминологии. Русское слово «экология» само по себе содержит понятие науки, а китайское слово «生态学» используется для дополнения данного понятия. В то же время в китайском языке слово «生态» имело понятие «прекрасные жесты», которое отсутствует в русском слове «экология». В России акцент

делается на влиянии и улучшении деятельности человека на окружающую среду, а в Китае фокусируется на стабильности и балансе экосистем, подчеркивая взаимодействие и регулирование организмов и окружающей среды.

Литература

1. Акимова Э.Н. Лингвоэкологическая интерпретация активных процессов в современном русском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2016. – № 3 (23). – С. 40-44.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. – Москва : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4 С-Я. – 800 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва : Русский язык, 2000. – Т. 2 П-Я. – 1084 с.
4. Ибрагимов К.К., Рахимов И.И., Зиятдинова А.И. Словарь-справочник терминов по экологии и охране природы: Учебное пособие. – Казань : Отечество, 2012. – 147 с.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл.ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2008. – 1534 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.03.2024).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
8. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка. – Москва : Аделант, 2014. – 511 с.
9. Склярская Г.Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – Москва : Аделант, 2013. – 800 с.
11. 北京大学中国语言学研究中心语料库 [Электронный ресурс]. – URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 02.03.2024).
12. 国家语委现代汉语语料库 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.china-language.edu.cn/#/languageResources/corpus> (дата обращения: 02.03.2024).
13. 商务印书馆辞书研究中心 修订 著. 古代汉语词典. 商务印书馆. 2014.

14. 夏征农, 陈至立等. 大辞海. 上海辞书出版社. 2015.
15. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 现代汉语词典. 商务印书馆. 2016.

Chen siyu

Pushkin State Russian Language Institute

The concept of «Ecology» in Russian and Chinese: commonalities and differences

In today's world, environmental issues are at the center of discussions about the future of the planet and the well-being of humankind. Understanding Ecology in different cultural and linguistic contexts can provide unique perspectives on approaches to environmental education, policy and practice. This paper explores the concept of «Ecology» in Russian and Chinese, identifying commonalities and differences in the interpretation and use of the word. The analysis is based on a comparison of the concept in dictionaries and corpus contexts in Russia and China.

Keywords: concept, ecology, Russia, China.

Чэнь Сяотун

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

chenxiaotong202@gmail.com

Технологические инновации в межкультурной коммуникации:

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Работа выполнена под руководством Федоровой Елены Леонидовны,
доцент, кандидат филологических наук

В современном мире межкультурная коммуникация становится все более важным аспектом общения между представителями различных культур. Технологии предоставляют новые возможности для обмена знаниями и опытом на глобальном уровне, однако они также представляют вызовы и риски. Данная статья обсуждает влияние технологий на межкультурную коммуникацию, выявляет потенциальные преимущества и сложности, а также рассматривает этические и социокультурные аспекты использования технологий в этом контексте.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, технологии, культурное разнообразие, этика.

Современная технологическая эпоха предоставляет широкий набор инструментов, существенно воздействующих на межкультурную коммуникацию. Во-первых, распространение интернета и электронной почты открывает двери для обмена информацией и общения между людьми из различных культурных контекстов, предоставляя удобный и мгновенный доступ к общению на мировом уровне. Во-вторых, социальные сети стали неотъемлемой частью современного общества, позволяя устанавливать связи, делиться информацией и создавать сообщества, объединяя людей независимо от географического расположения и культурных особенностей.

В-третьих, развитие мессенджеров и видеосвязи создает возможность не только для текстового общения, но и для аудио- и видеокommunikации между представителями различных культур, что дополняет и расширяет спектр возможностей в межкультурной коммуникации. Кроме того, мультимедийные платформы позволяют пользователям не только потреблять, но и создавать контент на различных языках, способствуя культурному обмену и взаимопониманию. В-четвертых, развитие технологий машинного перевода, виртуальной и дополненной реальности предоставляет новые инструменты для преодоления языковых и культурных барьеров, создавая более глубокие и иммерсивные межкультурные опыты и взаимодействия. Эти технологические инновации не только упрощают коммуникацию между людьми разных культур, но и способствуют расширению и углублению межкультурного взаимопонимания в современном мире. Эти технологические инновации предоставляют широкий спектр инструментов для упрощения межкультурной коммуникации, но также создают новые вызовы, связанные с безопасностью данных, конфиденциальностью и культурной чувствительностью.

Межкультурная коммуникация сталкивается с рядом технологических барьеров, которые могут существенно ограничить ее эффективность. Прежде всего, языковые барьеры представляют собой серьезное препятствие, так как машинный перевод не всегда обеспечивает точный и правильный перевод, особенно в случае с контекстуальными или культурно-специфическими выражениями. Кроме того, различия в словарном запасе, фразеологии и грамматике могут привести к недопониманию и искажению смысла сообщений.

Культурные различия в использовании технологий также могут стать преградой для эффективной межкультурной коммуникации. Это может включать в себя неравномерную доступность технологий в различных культурных контекстах из-за экономических, социокультурных и инфраструктурных факторов. Кроме того, культурные особенности могут сказаться на способах использования интернета и социальных сетей, влияя на предпочтения в выборе платформ и способы коммуникации.

Технические проблемы также могут осложнить межкультурную коммуникацию. Например, ограниченная инфраструктура в некоторых регионах может привести к недостаточной скорости и доступности интернет-соединения, а проблемы совместимости между различными технологическими платформами могут затруднить эффективное взаимодействие.

Барьеры в использовании новых технологий, включая недостаток обученности и навыков у некоторых пользователей, а также сопротивление изменениям из-за культурных и

возрастных особенностей, также оказывают свое воздействие на межкультурную коммуникацию. Наконец, проблемы конфиденциальности и безопасности могут вызвать опасения и угрозы для безопасности при обмене информацией через технологии, особенно в связи с различиями в культурных нормах приватности и конфиденциальности. Этот анализ позволяет лучше понять основные препятствия и вызовы, с которыми сталкиваются пользователи при использовании технологий для межкультурной коммуникации, и предложить стратегии и решения для их преодоления.

Технологии играют значительную роль в преодолении языковых барьеров в межкультурной коммуникации. Одним из наиболее распространенных инструментов является машинный перевод, который обеспечивает быстрое и удобное переведение текстов и речи с одного языка на другой. Это значительно снижает языковые барьеры, позволяя людям общаться на разных языках. Однако следует отметить, что качество машинного перевода может оставлять желать лучшего, особенно в случаях, когда требуется точное и полноценное понимание контекста и нюансов оригинального сообщения, что важно при межкультурном общении.

Другим важным инструментом являются языковые приложения, предназначенные для обучения языкам и обеспечения быстрого доступа к переводам и фразам. Мобильные приложения для изучения языков позволяют пользователям самостоятельно осваивать новые языки, что способствует снижению языковых барьеров в общении. Автоматическое распознавание речи также играет важную роль, позволяя пользователям говорить на своем родном языке и автоматически преобразовывать речь в текст или переводить ее на другие языки, что упрощает повседневное общение в межкультурной среде.

Наконец, социальные и мультимедийные платформы предоставляют возможность создания и обмена многоязычным контентом, что помогает преодолеть языковые барьеры и расширить круг общения. Это включает в себя возможность публикации контента на разных языках, а также функции автоматического перевода в комментариях и сообщениях. Таким образом, современные технологии эффективно содействуют улучшению межкультурной коммуникации, преодолевая языковые барьеры и способствуя более глубокому взаимопониманию между различными культурами.

Этические и социокультурные аспекты, связанные с использованием технологий в межкультурной коммуникации, включают в себя вопросы конфиденциальности данных, цифровой безопасности и приватности. Важно обеспечить защиту личных данных участников коммуникации, включая информацию о личности, финансовые данные и медиафайлы. Для этого ответственные провайдеры услуг должны применять шифрование,

механизмы аутентификации и другие средства защиты данных. Однако также необходимо, чтобы пользователи сами были внимательны к тому, какие данные они делятся с другими участниками коммуникации, чтобы избежать нежелательного разглашения личной информации.

Цифровая безопасность также играет ключевую роль в обеспечении защиты при использовании технологий межкультурной коммуникации. Пользователи должны активно следить за безопасностью своих устройств и сетевых соединений, чтобы предотвратить вредоносное программное обеспечение, хакерские атаки и другие цифровые угрозы. Это включает в себя регулярные обновления программного обеспечения, использование антивирусных программ и брандмауэров, а также использование надежных паролей и других методов аутентификации.

С точки зрения приватности, важно уважать частную жизнь и личные границы других участников коммуникации. Пользователи должны быть осторожными с тем, что они делятся в открытых форумах, группах и чатах, а провайдеры технологических платформ должны обеспечивать возможности контроля над своими личными данными и правильную обработку информации. Наконец, защита от кибератак и мошенничества также является важным аспектом, который требует осведомленности пользователей о возможных угрозах и использование защищенных коммуникационных платформ и приложений для снижения риска стать жертвой цифровых атак и мошенничества. Обеспечение конфиденциальности данных, цифровой безопасности и приватности играет ключевую роль в обеспечении доверия и безопасности при использовании технологий для межкультурной коммуникации, требуя сотрудничества между провайдерами услуг и пользователями для обеспечения защиты личной информации и предотвращения цифровых угроз.

Технологии существенно влияют на культурное разнообразие и сохранение локальных культурных идентичностей. Увеличение доступности информации о различных культурах через интернет и социальные сети способствует повышению осведомленности и понимания разнообразия культурного наследия. Онлайн-платформы для обмена знаниями и опытом позволяют людям из разных культур взаимодействовать, обмениваться идеями и традициями, что обогащает культурное разнообразие. Также технологии могут быть использованы для сохранения и продвижения уникальных языков и традиций через онлайн-ресурсы и культурные проекты, такие как виртуальные музейные экспозиции и краудфандинг. Эти меры помогают локальным сообществам сохранить свою культурную идентичность и укрепить ее в глобальном масштабе.

Однако при использовании автоматизированных систем перевода и анализа, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, важно учитывать этические аспекты. Необходимо обеспечить высокую точность и надежность таких систем, чтобы избежать искажения или неправильной интерпретации текстов и данных, особенно в культурном контексте. При разработке и использовании этих систем важно учитывать различия в культурных нормах и ценностях разных сообществ, чтобы избежать ситуаций, которые могут быть оскорбительными или неприемлемыми для пользователей. Обеспечение прозрачности и контроля за обработкой и интерпретацией данных автоматизированными системами также является важным аспектом, который позволяет пользователям быть уверенными в их этической неприкосновенности и соответствии культурным ожиданиям.

Обсуждение этих вопросов подчеркивает важность учета культурных аспектов при разработке и использовании технологий для межкультурной коммуникации. Оно также акцентирует необходимость этического обращения с данными и автоматизированными системами, чтобы обеспечить справедливое и уважительное взаимодействие между культурными сообществами.

В ходе нашего анализа мы обнаружили, что современные технологии играют ключевую роль в смягчении языковых барьеров и способствуют обмену культурными ценностями. Интернет, социальные сети и мультимедийные платформы предоставляют широкие возможности для коммуникации между представителями разных культур. Более того, технологии машинного перевода и анализа речи значительно облегчают процесс взаимопонимания, ускоряя процесс обмена информацией между культурными группами. Однако важно отметить, что в свете этого роста технологий возникают новые этические вопросы, такие как защита данных и уважение культурных норм.

Перспективы будущего развития технологий в контексте межкультурной коммуникации выглядят многообещающими. Ожидается дальнейшее совершенствование систем машинного перевода и анализа речи с использованием методов машинного обучения и искусственного интеллекта. Это позволит повысить точность и эффективность коммуникации между представителями различных культур. Кроме того, разработка новых онлайн-платформ и приложений для обмена знаниями и опытом между разными культурами поможет укрепить взаимопонимание и поддержку культурного разнообразия.

Наш анализ также выявил необходимость дальнейших исследований в области этики и безопасности в контексте межкультурной коммуникации. Рекомендуется углубленное изучение этических аспектов использования автоматизированных систем перевода и анализа, а также разработка стандартов и рекомендаций по обеспечению

конфиденциальности данных и цифровой безопасности. Кроме того, важно исследовать эффективные способы использования технологий для сохранения культурного разнообразия и локальных культурных идентичностей, что поможет сформировать более инклюзивную и понимающую культурную среду.

Литература

1. Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис plus. –Vol. 11. №2. – 2017. – С. 66-76.
2. Кондыков А.С., Бувич Г.А. Социокультурные технологии в развитии межкультурных коммуникаций // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2018. – № 2 (16). – С. 46-50.
3. Марданшин А.Р. Сетевые мультимедийно-информационные ресурсы как средство межкультурных коммуникаций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – № 3 (83). – 2018. – С. 106-115.
4. Милушев Т.И. Анализ инструментов для преодоления языкового барьера // IN SITU. – 2023. – № 5. – С. 159-161.
5. Тер-Минасова С.Г. Вызовы межкультурной коммуникации: взгляд из России // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – С. 9-19.

Chen X.T.

The Pushkin State Russian Language Institute

Technological innovations in intercultural communication: challenges and opportunities

Abstract: In the contemporary world, intercultural communication becomes an important aspect of interaction among representatives of different cultures. Technologies provide new opportunities for global exchange of knowledge and experience; however, they also pose challenges and risks. This article discusses the impact of technology on intercultural communication, identifies potential advantages and complexities, and examines the ethical and sociocultural aspects of technology use in this context.

Keywords: intercultural communication, technology, cultural diversity, ethics.

Шевченко Диана Игоревна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ds359953@gmail.com

Образ Пушкина в современном русскоязычном медиадискурсе: лингвокультурные стереотипы

Работа выполнена под руководством Северской Ольги Игоревны, кандидата
филологических наук, доцента

В статье рассматривается смысловая структура концепта «Пушкин», ассоциативно-вербальная система которого представляет собой «портрет» образа поэта. Цель исследования заключается в определении персоносферы А.С. Пушкина. Данный концепт выступает словом-стимулом для разнообразных словесных и креативных реакций в современном русскоязычном медиадискурсе. В связи с этим образ Пушкина анализируется с акцентом на лингвокультурные стереотипы, которые используются для описания его личности и творчества.

Ключевые слова: Пушкин, концепт, лингвокультурные стереотипы, медиадискурс, инфографика

Образ Александра Сергеевича Пушкина является ценностным эталоном для русской культуры. Через воздействие на народное самосознание формируются лингвокультурные стереотипы, связанные с ним, например, «солнце русской поэзии», «наше всё», «энциклопедия русской жизни», «гений чистой красоты». В современном русскоязычном медиадискурсе они используются для создания образа России, ее культурного наследия и народной идентичности.

По словам Н.В. Гоголя, в А.С. Пушкине, в его творчестве «русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [6, с. 10].

Пушкин в русском культурном пространстве оказывается одной из центральных фигур для организации и объединения общественного сознания. Г.Г. Хазагеров из национальной концептосферы выделял персоносферу, «состоящую из концептов, особо значимых в ценностном плане для социума и его культуры и потому активно служащих для социализации и культурации человека» [3, с. 118], и концепт «Пушкин» в ней является базовым.

Аполлон Григорьев писал: «Пушкин - наше все: Пушкин - представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами. Пушкин - пока единственный полный очерк нашей народной личности» [2, с. 16].

«В свое время Н. Е. Меднис писала о гипотетической возможности выделения ряда именных свертхтекстов в русской литературе, и вполне симптоматично, что первым в этом ряду ею был назван Пушкинский текст русской культуры» [3, с. 118]. Этот феномен

показывает, что за словом «Пушкин» стоит коллективная концептуализация личности важной для культуры.

И. В. Кондаков обращал внимание на то, что пушкинская концептосфера развивалась не только на протяжении жизни и творчества писателя [2, с. 23]. Можно утверждать, что она продолжает развиваться и в современном русскоязычном медиадискурсе.

Мультимедийное пространство новых медиа позволяет словесным концептам культуры обрести вербализованную форму через визуальное и звуковое выражение. А поскольку концепт «Пушкин» постоянно актуализируется, то идеи, образы и сюжеты поэта вбирают в себя новые смыслы и культурные ассоциации. В итоге образ Пушкина стал своеобразным семиотическим пространством, совокупностью культурных ассоциаций и прецедентных феноменов. Многие авторы используют этот образ в своей креативной деятельности, что приводит к его постоянному воспроизведению и детализации.

Одним из инструментов визуализации информации, набирающих популярность в медиадискурсе, становится инфографика. Говоря об инфографике, подразумевают визуальное представление информации, данных и знаний. «Это такие графики, в которых используется комплексная информация, необходимая для быстрого представления большого количества данных» [5, с. 93].

Анализ современного русскоязычного медиадискурса позволил нам выявить наиболее упоминаемые особенности образа А.С. Пушкина, которые складываются в соответствующий лингвокультурный стереотип. В качестве примера можно привести инфографику с особыми приметами поэта, представленную в электронной версии российской газеты «Аргументы и факты». Мы считаем, что она помогает составить своеобразный «портрет» Пушкина: «вслед за Т.В. Шмелевой мы предполагаем, что стратегия портретирования позволяет обрисовывать не только отдельные типажи, но и более широкие лингвокультурные явления, а также исследовать и описывать соответствующие словесные объекты» [4, с. 58].

Язык и терминология в инфографике предельно просты, чтобы оставаться доступными для широкой и разнообразной аудитории интернет-пространства. Особые приметы Пушкина представлены в виде списка ключевых слов-существительных в именительном падеже: алкоголь, бакенбарды, бокс, цилиндр, дуэли, трость, маникюр, талисман, смех, фрак, галстук, еда, карты, долги, женщины.

Для стиля написания также характерна простота и доступность. В основном тексте чаще встречается активный залог, краткость и ясность предложений: «Пушкин носил бакенбарды», «Пушкин делал маникюр и отращивал ноготь на мизинце» [1]. Кроме того, ориентация на массового адресата побуждает авторов использовать все разнообразие

словарного запаса, приводить примеры и проводить аналогии для объяснения сложных концепций. Так, в пункте о любви Пушкина к картам, проводится аналогия между его долгами и существующими на тот момент ценами, чтобы читатель смог визуализировать масштаб его проигрышей: «В 1829 году поэт за раз проиграл целое состояние – 24 800 руб. Одна корова в то время стоила 3 рубля» [1].

Особое место в исследовании инфографики занимает анализ изображений и иконок. В предложенном примере отдельно выделим иконки, которые используются в системе подзаголовков для визуализации примет, о которых в них говорится. Их стиль прост, лаконичен и единообразен. Вместе они создают связь элементов, при которой смысл информации сохраняется, даже если убрать ключевые слова текста. Но основным изображением является образ Пушкина в стиле его классических портретов, на котором объединяются все отличительные признаки, чтобы пользователь визуализировал тот образ, который формируется в сознании, когда думаешь о поэте. В итоге вся система изображений отражает смысл, который хотел передать автор.

Структура текста состоит из заголовка «Александр Пушкин. Особые приметы» и системы подзаголовков, в которых эти характерные признаки раскрываются через основной текст. Здесь важную роль играют шрифтовые возможности медиапространства, помогающие интернет-тексту хорошо восприниматься визуально. Для этого используется структурирование с использованием различных шрифтов и графическая рубрикация. Так, в тексте инфографики используется полужирное начертание ключевых элементов, на которые пользователь обращает внимание в первую очередь, и которые помогают выстроить логические связи между ее элементами.

Таким образом, обилие креативов с использованием лингвокультурных стереотипов о Пушкине, распространенных в медиадискурсе, характеризуют его как народного поэта и служат своеобразным памятником. Можно сказать, что результаты креативной деятельности пользователей становятся единицами культурной информации, они выражают народную любовь и признание. А выбор в сторону использования визуальных средств можно объяснить быстрым темпом жизни в современном мире и преобладанием клипового мышления у аудитории.

Проведенный анализ показывает, что черты, приписываемые образу Пушкина в современном русскоязычном медиадискурсе, формируют достаточно широкое ассоциативно-вербальное поле. Можно сделать вывод, что отмеченные качества складываются в многомерный, сложный образ, отражающий не только творчество поэта, но и широкий спектр культурных аспектов, связанных с ним.

Выходит, что образ Пушкина оказывается одним из самых гибких объектов, допускающих различные его интерпретации. При этом значительную роль в формировании его образа для современного общества играют именно лингвокультурные стереотипы.

Литература

1. Александр Пушкин. Особые приметы. [Электронный ресурс]. – URL: https://aif.ru/dontknows/infographics/aleksandr_pushkin_osobye_primety (дата обращения: 6.03.2024).
2. Кондаков И.В. Пушкин: рождение концептосферы русской культуры // Вестник культурологии. – 2020. – №1 (92). – С. 9-35. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-rozhdenie-kontseptosfery-russkoy-kultury/viewer> (дата обращения: 3.03.2024).
3. Лошаков А.Г., Шушарин И.А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – №5. [Электронный ресурс]. – URL: https://vestnik.narfu.ru/upload/iblock/737/117_127.pdf (дата обращения: 3.03.2024).
4. Саакян Л.Н., Северская О.И. Русский народ» в литературе и документах XIX века: опыт языкового портретирования // Слово.ру: балтийский акцент. – 2020. – Т. 11. – №3. – С. 57-71.
5. Симакова С.И. Инструменты визуализации информации в СМИ: инфографика // Вестник ЧелГУ. – 2017. – №6 (402). – С. 91-99. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-vizualizatsii-informatsii-v-smi-infografika/viewer> (дата обращения: 10.03.2024).
6. Словарь языка Пушкина: в 4 т. // Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2000.
7. Шатин Ю.В. «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации // Сибирская пушкинистика сегодня: сб. науч. ст. / сост., подгот. к печ. и ред. В.Н. Алексеева и Е.И. Дергачевой-Скоп. – Новосибирск. – 2000. – С. 231-238. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/museum/texts/sibpush/shatin.ssi> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Шмелева Т.В. Портретирование как стратегия лингвистического исследования // Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород. – 2010. – С. 193-197.

Shevchenko D.I.

Pushkin State Institute of Russian Language

Pushkin's image in modern Russian-language media discourse: linguocultural stereotypes

The article deals with the semantic structure of the concept "Pushkin", the associative-verbal system of which is a "portrait" of the poet's image. The purpose of the study is to determine the personosphere of A. S. Pushkin. This concept acts as a stimulus word for a variety of verbal and creative reactions in modern Russian-language media discourse. In this connection, the image of Pushkin is analysed with a focus on linguocultural stereotypes, which are used to describe his personality and creativity.

Keywords: Pushkin, concept, linguocultural stereotypes, media discourse, infographics

Шляхтицева Ульяна Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ulya.shl@mail.ru

Промежуточные явления между сложным словом и словосочетанием: параметрический подход

Работа выполнена под руководством Иванова Петра Константиновича

Статья посвящена проблеме переходности явлений в рамках сложносоставных слов и словосочетаний. В ней рассмотрены их основные признаки, приведены примеры. Материалом для исследования послужили слова из Большого орфографического словаря.

Ключевые слова: орфография, словообразование, композиты, слово, словосочетание, лексические компоненты

Вопрос о статусе слова в системе языка всегда находился в поле зрения лингвистов. Слово – это в первую очередь психолингвистическая [1] и оттого интуитивно понятная говорящему (а значит, и легко выделяемая) единица, определить структурные свойства которой, напротив, оказывается сложно не только с учетом всего многообразия языковых систем, но и в пределах отдельно взятого языка. Об этом, в частности, свидетельствует количество научных трудов, в том или ином виде затрагивающих данную проблему (см., например: [8, с. 137-140; 4, с. 3-9; 2, с. 103-105; 11, с.19-42]), а также неоднократные попытки ученых вовсе отказаться от понятия слова (например, в концепциях Ш. Балли и А. Мартине [12, с. 315-318; 9, с. 75-76]). Опыт изучения слова, по-видимому, вынуждает сделать вывод о том, что состав номинативных единиц неоднороден и что однозначное определение перечня параметров, удовлетворительно описывающих слово как структурно-языковой класс, вряд ли возможно.

В то же время анализ формальной и семантической структуры слова, выявление его системных связей и закономерностей дискурсивного функционирования остается основной задачей словообразования. Одной из наиболее дискуссионных сфер в этой области представляется композитное словообразование, т.е. производство слов, включающих две и более мотивирующих основы (или элементов, претендующих на статус основ). Выводы,

полученные в ходе исследований, позволяют лингвистам относить слова к той или иной грамматической категории, что, помимо теоретической значимости, имеет значение для решения прикладных задач, в частности, в сфере орфографии русского языка. Мы говорим о промежуточности как о характеристике единицы, которая не может быть однозначно отнесена к тому или иному классу.

Цель данной статьи – анализ и систематизация структурных признаков композитных языковых единиц.

Сложность в определении статуса композитов напрямую связана с таким признаком слова, как цельнооформленность: некоторые слова, считаемые за сложные, должны рассматриваться как словосочетания. Кроме того, отсутствие однозначности сводится к сложной системе русской орфографии.

В рамках данной статьи были проанализированы и систематизированы признаки композитных лексических единиц, рассмотрены комбинации признаков, характеризующих разные классы промежуточных явлений, а также исследованы отношения, существующие между моделями сложных слов и словосочетаний.

В ходе исследования был применён метод параметрического моделирования. Он включает в себя анализ различных лингвистических характеристик, таких как: морфемный состав слова, синтаксические отношения между компонентами сложного слова. С помощью него мы можем наглядно рассмотреть процесс перехода от сложного слова к словосочетанию и наоборот. Сначала были выявлены основные признаки слова, затем приведены примеры композитов и словосочетаний, сохраняющих их себе или же не обладающих ими. Далее были рассмотрены неоднозначные случаи – единицы, способные переходить из одного класса в другой или же наследовать не все характерные для того или иного класса признаки.

Материалом для исследования послужили 34 единицы из Большого орфографического словаря русского языка под ред. С.Г. Бархударова, И.Ф. Протченко, Л.И. Скворцова и из Словаря композитов русского языка новейшего периода Н.В. Габдреева, М.Т. Гурчиани. В процессе отбора учитывался в том числе орфографический критерий (слитное и дефисное написание).

Есть определённые единицы, которые совершенно точно можно отнести к словам, они обладают всеми признаками, присущими им: фонетической оформленностью, воспроизводимостью в предложении. Главным их структурным свойством, на которое указывал еще А.И. Смирницкий, является цельнооформленность, проявляющаяся в нескольких аспектах: между компонентами слова нельзя вставить другие элементы, компоненты слова следуют в строго определённом порядке, наличествует единое ударение

(возможность побочного на первой части слова). Вторым формальным свойством, по мнению А.И. Смирницкого, выступает грамматическая оформленность, т.е. принадлежность единицы целиком к какой-либо части речи, наличие совокупности определённых грамматических признаков, которые характерны лексико-грамматическому классу слов, и, соответственно, определенная парадигма словоизменения. Таким образом, главным признаком при структурном определении сложного слова исходным является его общность со словом простым [7, с. 218].

Композиты используются в описании почти всех сфер нашей жизни, но наиболее часто мы можем наблюдать их в технической, политической и экономической терминологии, они обозначают единый предмет (понятие). Многие из них являются вкраплениями из других языков, сочетания заимствованных слов, плотно вошедших как в устную, так и в письменную речь (к примеру, такие композитные единицы, как *бизнес-вумен*, *бейбиситтер*, *бейсболка* и под). В предложении сложные слова выступают как целостные неделимые единицы [7, с. 220]

Рассмотрим признаки композитов на примере сложного слова *лесостепь*. Оно содержит два полнозначных лексических компонента (*лес-* и *степь-*), образовано с помощью чистого сложения, оформлено интерфиксом «о». Сложное слово, как и словосочетание, можно разделить на составляющие их единицы, однако структура композита исключает возможность использовать его части по отдельности. Кроме того, синтаксическая неделимость компонентов не позволяет менять местами составляющие сложное слово единицы. Таким образом, мы не можем сказать *степолес*, потому как изначальный смысл будет утерян. Обратить внимание стоит и на стирание грамматического значения: несмотря на то, что первый компонент мотивируется основой слова мужского рода, производная единица относится к женскому. Если говорить о словоизменении, то в сложных словах чаще всего по падежам и числам склоняется только второй компонент, первый остаётся неизменным: *лесостепью*, *лесостепи*, *о лесостепях*.

Существует ещё один тип композитов, первый компонент которых также неизменен, но омонимичен начальной форме производящего слова. Здесь в качестве примера могут быть приведены слова *жар-птица*, *чудо-богатырь*, *генерал-майор*, *альфа-частица*, *ми-бемоль*, *огонь-девка*, *горе-охотник*. Все они обладают описанными выше признаками, за исключением (в ряде случаев, ср. *горе-охотник*, *альфа-частица*, *огонь-девка*) фонетического объединения в один речевой такт.

В основе образования словосочетаний, в отличие от композитов, лежит свободный порядок слов и лишь в некоторых случаях обусловлен логическими отношениями

(отец-мать) или же устоявшейся формой употребления (купля-продажа) [10, с. 349]. Отличительной чертой является склоняемость первой части наравне со второй: друг-приятель (друга-приятеля), баба-яга (бабе-яге), лампа-вспышка (лампы-вспышки), встречный-поперечный (встречного-поперечного), лён-долгунец (льна-долгунца), белка-летяга (белки-летяги). В редких случаях в процессе словоизменения вторая часть остаётся в первоначальном виде: программа-максимум (программы-максимум), парад-алле (на параде-алле).

Говоря о промежуточных явлениях, нельзя не упомянуть о случаях вариативности. Так, согласно «Русскому орфографическому словарю» сложное слово «диван-кровать» может быть как женского, так и мужского рода. В первом случае будет склоняться только вторая часть (диван-кровати), во втором – целиком (дивана-кровати, диваном-кроватью). Другие слова этого типа: кресло-кровать, плащ-палатка, шприц-машина, юбка-брюки, юбка-шорты. В данных случаях нельзя говорить о стирании грамматического значения, также части этих слов могут быть использованы по отдельности, однако если переставить их местами, то потеряется смысл, изначально в них заложенный. Мы видим, что у вышеперечисленных единиц наличествуют как признаки сложного слова, так и словосочетания.

Некоторые сочетания, которые, казалось бы, синтаксически свободные, второй компонент которых является неизменяемым определением, характеризуются цельноформленностью: *брюки клёш, костюм хаки, платье макси*. В отличие от других сочетаний, допускающих такие перестановки: *юбка мини – мини-юбка, урок онлайн – онлайн-урок*.

Рассмотрим наглядно типы композитов в зависимости от комбинации признаков цельноформленности.

Признаки	Сложные	слова	Перех.	явл.	Сочетание слов
	Перекаати-поле	Кафе-клуб	Плуг-сеялка	Лён-долгунец	Поить-кормить
1. Несклоняемость первой части	+	+	+/- (плуг-сеялки;	+/- (лён-долгунца;	-

			пруги- сеялки)	льна- долгунца)	
2. Стирание грамматического компонента	- (первая часть выступает омоформой повелит. формы глагола, но не обл. грамматич. оформленностью)	+	+	-	-
3. Фиксированный порядок компонентов	+	+	+	+	-
4. Наличие одного главного ударения	+	- (кафе́ клуб)	-	-	-

Подводя итог рассмотрению переходных явлений между сложным словом и словосочетанием, отметим, что соотношение этих типов языковых единиц, несомненно, обусловлено в том числе структурными параметрами. Синтаксическая неразложимость и стирание грамматического значения одного из компонентов выступают в качестве основных критериев, позволяющих отделить композиты от сочетаний слов, однако существуют классы промежуточных единиц, которые характеризуются наличием соответствующих свойств лишь частично.

Литература

1. Алпатов В.М. Проблема слова и психоллингвистика / В.М. Алпатов // Вопросы психоллингвистики. – 2016. – № 28. – С. 28-37.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. Е.В. Вентцель, Т.В. Вентцель; под ред. Р.А. Будагова. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Волошина О.А. Роль А.И. Смирницкого в дискуссии о статусе слова в языкознании XX века (к 120-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. – 2023. – Т. 84. – № 4. – С. 98-106.
4. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. – Изд. 2-е, испр. – Москва : УРСС, 2004. – 158 с.
5. Жирмунский В.М. О границах слова // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3-21.

6. Панов М.В. О слове как единице языка // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 51–87.
7. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 432 с.
8. Сафаров Ш.С., Бушуй Т.А. О цельнооформленности сложного слова и словосочетания // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2007. – № 1. – С. 216-225.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. А.М. Сухотина; под ред. Р. И. Шор. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2004. – 271 с.
10. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / научн. редактор М.В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с.
11. Черкасова А.А. О некоторых грамматических признаках билексемы как особой единицы языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 3-1. – С. 347-350.
12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: учебное пособие. – Изд. 4-е, доп. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 312 с.

Shlyakhtitseva U.D.

Pushkin State Institute of Russian Language

Intermediate phenomena between compound words and word combinations: the parametric approach

The article is devoted to the problem of intermediate phenomena related to compound words and word combinations. It considers their main features and gives examples. The material for the research was taken from the Big Orthographic Dictionary.

Key words: orthography, word formation, composites, word, word combination, lexical components.

Шушунова Анастасия Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

aashushunova@edu.hse.ru

Особенности лексикографического описания терминологической системы ресторанного дела

Работа выполнена под научным руководством Файбушевского Максима Владимировича, кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена основным принципам лексикографирования терминов ресторанного дела. В исследовании описаны особенности лексикографического проекта в рамках выпускной квалификационной работы по терминографии.

Ключевые слова: термин, терминологический словарь, ресторанное дело, терминография, лексикография.

Третичный сектор в Российской Федерации демонстрирует устойчивый рост в последнее десятилетие, что во многом объясняется оживлением деловой активности в целом и поступательным развитием широкого спектра направлений сферы услуг в частности. Необходимость терминологического обеспечения различных направлений деятельности, связанных со сферой услуг, представляется весьма важной задачей.

Данная статья посвящена основным принципам лексикографического описания специальных единиц, используемых в сфере ресторанного дела. Объектом исследования явились русские, английские и французские термины ресторанного дела, предметом – лексикографическое моделирование терминологической системы ресторанного дела. Работа выполнена в рамках лексикографического проекта, являющегося частью выпускной квалификационной работы по направлению подготовки бакалавров «Филология» Санкт-Петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Данный проект – это многоязычный терминологический словарь, имеющий признаки источника-тезауруса и охватывающий более 300 специальных единиц.

Стоит признать, что на данном этапе практически отсутствуют переводные лексикографические ресурсы, описывающие исключительно терминологическую систему ресторанного дела. В этой ситуации важными источниками данной лексики остаются двуязычные словари по туризму и гостиничному делу, различные средства обучения, в том числе в форме учебных лексикографических ресурсов, толковые специальные словари и многоязычные разговорники.

Современная терминография, «наука о проектировании, составлении и использовании словарей специальной лексики» [3, с. 306], предстает одним из важных направлений терминологической работы, описывает основные этапы проектирования и подготовки специального лексикографического ресурса, его макро- и микроструктурные особенности, принципы и механизмы отбора специальных единиц, источники и материал для составления словаря. В реализации данного проекта были использованы исследования по терминографии и терминоведению А.С. Герда, С.В. Гринева-Гриневича, А.Я. Шайкевича и других отечественных и зарубежных ученых [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и др.]. Как справедливо замечает С.В. Гринева-Гриневич: «Под специальным словарем (словарем специальной лексики,

терминологическим словарем) принято понимать справочник, содержащий описание определенного пласта специальной лексики одного или нескольких языков» [2, с. 6].

В рамках методической установки проектируемый словарь предстает отраслевым (тематическая ориентация – ресторанное дело), многоязычным (языковая ориентация – русский, английский, французский языки), переводным (назначение), специализированным (адресная ориентация), многоаспектным (орфографический, фонетический, семантический и др. уровни языка). Адресатами лексикографического ресурса являются переводчики в сфере профессиональной коммуникации, специалисты в названной области, сталкивающиеся с необходимостью работать с иноязычными источниками. В определенном смысле словарь также может использоваться студентами направлений подготовки бакалавриата и магистратуры «Перевод и переводоведение в сфере профессиональной коммуникации», «Ресторанное дело и гостиничный бизнес», то есть выполнять роль своеобразного средства обучения, функцию учебного словаря. При составлении словника многоязычного толкового словаря ресторанного дела были использованы отечественные и зарубежные ресурсы: русско-, англо- и франкоязычные источники (профессиональные периодические издания, толковые и переводные лексикографические ресурсы, всего более 120 наименований [8, 9, 10, 11, 12 и др.]).

В отношении макрокомпозиции словарь является алфавитным (принцип следования словарных статей) и тематическим (в приложении представлены тематические группы). В аспекте микрокомпозиции, то есть принципе построения словарной статьи, ресурс в качестве формальных параметров содержит в себе основную форму термина на русском языке (графическая информация), ударение, транскрипцию (фонетическая информация), показатель части речи, рода, числа (грамматическая информация), указание на тематическую группу (тематическая атрибуция) и лексическую или стилистическую атрибуцию (термин, номен, профессиональный жаргонизм и пр.), дефиницию (интерпретационный параметр). Названные элементы микроструктуры актуальны для всех заявленных языков.

В процессе подготовки ресурса были выделены специальные единицы тематических групп «Кухня» (инвентарь, спецодежда, кухонное оборудование, персонал, категории основных блюд), «Бар» (инвентарь, тара, персонал, а также названия основных напитков), «Зал» (инвентарь, элементы декора, персонал). В таблице представлена словарная статья для заголовочного слова «штопор» (тематическая группа «Бар – инвентарь»):

штопор , <i>сущ.</i> , <i>м.р.</i> [штóпар]	corkscrew [ˈkɔːkskruː]	tire-bouchon, <i>n, m</i> [tɪrbuʃɔ̃]
--	------------------------	--------------------------------------

Винтообразный стержень с рукояткой для откупоривания бутылок [15].	A tool for pulling corks from bottles [14].	Instrument en forme de vis servant à retirer le bouchon d'une bouteille [15].
--	---	---

Считаем необходимым подчеркнуть, что развитие любой профессиональной сферы немислимо без стратификации описывающей ее специальной лексики, и терминографическая деятельность предстает неотъемлемым элементом такой работы. Определенный эвристический потенциал в этом смысле видим в создании современных печатных и электронных многоаспектных отраслевых словарей различных направлений сферы услуг.

Литература

1. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии. – Л.: ЛГУ, 1986. – 75 с.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию. – Москва : ЛИБЭРОКОМ, 2009. – 224 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Терминоведение. – Москва : Ленанд, 2023. – 500 с.
4. Руберт И.Б., Файбушевский М.В. Концепт и тематические группы: подходы к изучению терминосистем и переводу терминов // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 492-500.
5. Татаринцов В.В. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – Москва : Московский Лицей, 2006. – 526 с.
6. Файбушевский М.В. Парадигматические отношения французских и русских терминов, обозначающих стратегии участников биржевой игры // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – 6 (73). – С. 660-662.
7. Шайкевич А.Я. Проблемы терминологической лексикографии. – Москва : ВЦП, 1983. – 67 с.
8. Bushnell G., Rofe L. Tous les mots de l'hôtellerie en anglais. – P.: Belin, 2017. – 96 p.
9. Corbeau S., Dubois C., Penfornis J.-L., Sémichon L. Hôtellerie–restauration.com: Livre de l'élève. – P.: CLE International, 2013. – 125 p.
10. Hacquemand C. Courtiade D. Management de l'hôtellerie–restauration. – P.: Foucher 2019. – 300 p.
11. Masson Y. Les Restaurations d'aujourd'hui – P.: Delagrave, 2017. – 400 p.
12. Sarkissian A. Veg-Sala N. Alicia Poupenev A. Hôtellerie et restauration de luxe: Connaître, travailler, progresser. – P.: Vuibert, 2020. – 304 p.
13. Dictionnaire Larousse [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.larousse.fr/>.

14. Oxford Learner's Dictionary. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

15. Электронный словарь Lingvo x5. – Электронный словарь. – Выпуск: 15.0.592.18. – Артикул: 983/2.

Shushunova A. A.

National Research University Higher School of Economics

Features of the lexicographic description of the terminological system of the restaurant business

The article is devoted to the basic principles of lexicography of restaurant business terms. In the description of the features of the lexicographic project as part of the final qualifying work on terminography.

Keywords: term, terminological dictionary, restaurant business, terminography, lexicography.

Щербакова-Калинина Анна Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

annaserbakovakalinina@gmail.com

Роль загадок в романе Стивена Кинга «Колдун и кристалл»

Работа выполнена под руководством Фатеева Дмитрия Николаевича кандидата филологических наук, доцента

В данной статье мы провели анализ загадок, использованных Стивеном Кингом в романе «Колдун и кристалл» (четвертой книге цикла «Темная башня»), а также рассмотрели их роль в создании мифопоэтического пространства и образов персонажей в данном произведении.

Ключевые слова: фольклор, загадка, Стивен Кинг, мифопоэтика, портрет, образ.

Наряду с устным бытованием загадки, встречается также и ее проникновение в литературные произведения. Один из примеров такого встраивания загадки в художественный текст мы встречаем в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Лука похож на мельницу:

Одним не птица мельница,

Что, как ни машет крыльями,

Небось не полетит. [4, с. 184]

Отметим, что загадки гармонично встраиваются в поэму, используются для характеристики персонажей, а также придают поэме народность, что важно в связи с тематикой произведения.

К похожему приему прибегает С. Кинг в своем цикле «Темная башня», мы рассмотрим это на примере романа «Колдун и кристалл». Однако, прежде чем обратиться к анализу произведения, хочется сказать несколько слов об особенностях загадки как жанра устного народного творчества.

Более точное и всеобъемлющее определение загадке дает В.П. Аникин: «Загадка – это поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [1, с. 12].

Если говорить об отличительных особенностях жанра, стоит упомянуть структуру, по которой строится большая часть загадок. Загадка имеет диалоговую форму, она состоит из «вопросной» части (самой загадки), которую предлагает для расшифровки загадчик, и ответной (так называемой, отгадки), которую должен дать отгадчик.

В «вопросной» части загадки всегда зашифрован ответ на нее, который должен дешифровать отгадывающий, однако в качестве «шифра» могут быть использованы различные средства художественной выразительности: метафоры, олицетворения, метонимии, антитезы, эпитеты, звукоподражания, аллитерации. Особенно интересен тип загадок, в которых отгадка дается в тексте, но в сильно измененном виде, например, от загаданного слова остаются только первые звуки («Стоит пендра. на пендре лежит дендра...») [1, с. 89] или случаи, когда в загадке используются специально придуманные слова («И стучиха, и бренчиха, и четыре шумитихи...») [1, с. 77]).

Далеко не всегда загадка содержит прямой вопрос, в них может быть дано описание загадываемого предмета или явления, причем как от третьего лица, так и от первого.

Разнообразны загадки и по тематике. Например, Д.Н. Садовников выделял следующие тематические группы: «Жилище», «Тепло и свет», «Домашнее хозяйство», «Двор, огород и сад», «Домашние животные», «Земледельческие работы», «Лес», «Мир животных», «Люди и строение их тела», «Земля и небо», «Понятия о времени, жизни, смерти и пр.», «Грамота и книжная мудрость» [6, с. 400].

Все приведенные темы тесно связаны с жизнью и трудом и деятельностью народа с изменением эпохи менялись и темы, волнующие народ, и, следовательно, возникали новые загадки, например, загадки на военную тематику, загадки про компьютерную технику и т.д.

Таким образом, «каждая загадка – это отдельное художественное произведение со своими поэтическими особенностями» [2, с. 274], единственной общей особенностью которого является сама «вопросно-ответная» форма, а ее наполнение может меняться и это касается как поэтических средств, так и тематики.

Обратимся к роману С. Кинга «Колдун и кристалл», четвертой книге из цикла «Темная башня». Цикл посвящен приключениям последнего стрелка, Роланда из Гилеада. Кинг выстраивает самостоятельный фэнтезийный мир с собственными законами и традициями. Обратим внимание на то, что общество, в котором существует Роланд, довольно архаичное,

в нем отчетливо прослеживается тесная связь с древними традициями и представлениями о мире, более того по ходу цикла мы встречаем множество обрядов и ритуалов (например, обряд посвящения в стрелки или сжигание пугала на жатву), что доказывает параллели с архаичным обществом.

Загадкам в мире Роланда отводится особое место, в Гилеаде загадки знали взрослые и дети, проводился специальный турнир во время Жатвы, то есть в определенно регламентированное время, осенью, после сбора урожая. Стоит отметить, что здесь прослеживается связь с древними традициями, о чем в своей работе упоминал Аникин: «Обыкновение загадывать загадки после окончания полевых работ осенними и зимними вечерами шло от древних обычаев, строго регламентировавших порядки и жизнь древнего рода» [1, с. 188].

В цикле «Темная башня» действительно обнаруживается целый ряд традиций, связанных с загадкой, а точнее с правилами загадывания: это уже упомянутые специально отведенное время (осень) и турнир как способ доказать свою мудрость (здесь наблюдается параллель с обрядом инициации у славян), так и «культура» загадки, согласно которой загадка должна выглядеть определенным образом, отвечать критериям, которые определяли судьи: «Трое судей, один обязательно стрелок, выносили решение по каждой и допускали к конкурсу только те, которые признавали пристойными» [3, с. 15].

Нам также кажется важным обратить внимание на то, что загадки появляются во время битвы с Блейном Моно и играют роль оружия. Блейн предлагает ка-тету Роланда загадать ему такую загадку, которую он не сможет отгадать, иначе их ждет смерть. Похожий мотив мы встречаем в некоторых русских народных сказках: «Обычно загадывание загадки в сказке связано с препятствиями к женитьбе или замужеству, грозит смертью, бедой. Загадывает загадки царь игумну, и отгадывает их монастырский повар (Беспечальный монастырь), отгадывает царские загадки девка-семилетка, отводит беду» [5, с. 51].

Безусловно, все загадки, встречающиеся в романе «Колдун и кристалл», строятся по диалоговой структуре и разнообразны в своих поэтических особенностях, как и народные. Интереснее обратить внимание на тематику загадок, использованных С. Кингом. Наряду с загадками на «классические» темы (о природе, состоянии окружающей среды, предметах, человеке и др.) встречаются загадки на христианскую тематику («Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое. (Лев – ядущее, мед – ядомое)» [3, с. 56]), фонетические загадки («Что делал слон, когда пришел Наполеон?» [3, с. 16], «Мы — маленькие существа, и все мы очень разные. Одна из нас ушла на бал, вторую по дороге бес украл. Третья на бис решила

сплясать, четвертая на бок улеглась спать. Пятую искали со сворой гончих псов, мелькнула и пропала в бурани из слов. (А, е, и, о, у)» [3, с. 42]), а также загадки-шутки.

Загадки-шутки - особый тип загадки, целью которого является не столько проверка знаний отгадывающего (хотя такие загадки, безусловно, отличный способ испытать логику), сколько вызвать смех у слушателей. Они особенно часто вызывают трудности при отгадывании, потому что на первый взгляд могут показаться слишком очевидными, а потому отгадывающий будет предлагать варианты ответов, которые кажутся ему более сложными, упуская из виду ответ, лежавший на поверхности («Когда дверь нельзя открыть? (Когда она открыта)» [3, с. 60]), либо выглядят как не имеющие логичного ответа вовсе («Какая разница между грузовиком с мячами для боулинга и грузовиком сдохлыми сурками? (Мячи для боулинга нельзя разгрузить вилами)» [3, с. 65]). Довольно часто такие загадки требуют знакомства с низкой массовой культурой, например, разберем одну из загадок, которую загадывает Эдди Дин, один из героев романа Стивена Кинга: «Почему мертвый младенец идет через дорогу?» [3, с. 64]. Кажется, что ответа на нее нет. Как мертвый младенец вообще может переходить дорогу? Однако правильный ответ мало отвечает на вопросы, возникающие у отгадывающего – «Потому что сидит в курице» [3, с. 64]. Здесь важно знание массовой культуры. Во-первых, приведенная выше загадка отсылает нас к другой похожей, но более классической: «Почему курица переходит дорогу? (потому что хочет добраться к другой стороне)» [7]. Во-вторых, нужно знать, что данная загадка появилась в 70-х годах, когда в США были очень популярны шутки о мертвых младенцах. Поэтому загадка не вызывает никаких трудностей для Эдди Дина, ему известен ответ, так как по сюжету книги персонаж жил в Нью-Йорке 60-80-х гг.

Основываясь на вышеописанном, мы можем говорить о различиях некоторых загадок в культурах разных стран и народов, если бы при отгадывании приведенной выше загадки мы не были бы знакомы с ее истоками, мы бы не смогли дать нужный ответ. Стоит отметить, что это не единственная загадка, требующая знания культуры определенной страны, которую использует С. Кинг. В романе «Колдун и кристалл» также встречается такой текст: «Что это такое: ирландское и остаётся вне дома, даже в дождь? (Мебель Пэдди – стены)» [3, с. 63]. В данной загадке мы видим сразу две отсылки:

1) Текст отсылает нас к названию компании, производившей мебель для сада, которая называлась «Patty O'furniture».

2) В следствии языковой игры «Patty» меняется на «Paddy», которое может переводиться как прозвище человека, национальность которого – ирландец, так и каменщик.

Следовательно, мебель Пэдди - каменные стены.

Вместе с культурными факторами, влияющими на создание загадки, мы видим значение исторической эпохи, в которую появляется загадка. Подтверждение этой мысли мы находим не только в загадке, приведенной выше, в пункте 7, но и в том, о каком предмете или явлении идет речь, например, загадка о пуле не могла возникнуть раньше 19 в., так первая пуля была изобретена только в 1830-х гг., или другой пример – загадка о мусоровозе (первые мусоровозы с двигателем появились в конце 19 в.), с другой стороны, загадки о природе, например, загадке о реке или огне могли существовать и в более ранние периоды человеческого развития.

На основании загадок, использованных Стивеном Кингом, мы можем говорить о зависимости жанра от социальных факторов.

Суммируя перечисленные выше культурные, исторические и социальные факторы, мы можем говорить о том, что загадки в романе Стивена Кинга используются не только как часть традиции архаичного мира Роланда, но и как способ охарактеризовать персонажей. «...загадка в то же время характеризует и того, кто загадывает, и того, кто отгадывает. Часто Иван-дурак загадывает самые мудреные загадки, покоря царскую дочь...» [5, с. 52]. Нечто похожее происходит и в «Колдуне и кристалле». Особенно ярко эта особенность проявляется на примере Роланда и Эдди: Роланд загадывает «классические» загадки, «правильные», отвечающие традициям его общества, в котором, как мы уже упоминали, загадка особенно ценилась, и в этом проявляется свойственное Роланду благородство и его уважение к истории своего народа, Эдди же загадывает загадки-шутки, которые он слышал от старшего брата или в бедном районе Нью-Йорка, в котором вырос, также данный тип загадок тесно связан с характером Эдди, в романе он предстает как легкомысленный и эмоциональный молодой человек.

Таким образом, мы можем отметить, что загадки, которые использует Стивен Кинг в романе «Колдун и кристалл» отвечают основным критериям жанра, а также выполняют определенные функции в тексте: во-первых, с их помощью Кинг строит обрядовый мир и традиции своей вселенной, во-вторых, загадки выступают в качестве оружия, которое главные герои используют для победы над антагонистом (в чем мы видим параллели со сказками), и, в-третьих, загадки используются как инструмент для раскрытия характеров главных героев.

Литература

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Пособие для учителя. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 231 с.

2. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 400 с.
3. Кинг С. Колдун и кристалл / перевод с английского В.Р. Вебера. – Москва : АСТ, 2016. – 704 с.
4. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. – Москва : АСТ, 2021. – 416 с.
5. Рыбникова М.А. Загадки. – Москва : Academia, 1932. – 488с.
6. Садовников Д. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – Москва : Современный писатель, 1995. – 400 с.
7. Riddle/Joke. United States of America [Электронный ресурс]. – USA. – URL: <https://folklore.usc.edu/riddlejoke-%E2%80%93-united-states-of-america/> (дата обращения: 03.01.2024).

Shcherbakova-Kalinina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The role of riddles in Stephen King's novel «Wizard and Glass»

In this article, we analyzed the riddles used by Stephen King in the novel «Wizard and Glass» (the fourth book in the «Dark Tower» series), and also examined their role in creating the mythopoetic space and images of characters in this work.

Keywords: folklore, mystery, Stephen King, mythopoetics, portrait, image.

Эргашова Зарина Хасановна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

zarinaergashova@mail.ru

Особенности преподавания русского языка в школах Таджикистана

Работа выполнена под руководством д.п.н., проф. Азимова Э.Г.

В данной статье описываются особенности преподавания русского языка в средних школах Таджикистана, также в ней обобщены основные положения функционирования русского языка в сфере образования Таджикистане, показана важность реализации одного из основных принципов эффективного изучения русского языка как неродного. Особое внимание уделяется фонологическим и грамматическим явлениям русского языка, которые не встречаются в таджикском языке, и имеют свои педагогические особенности.

Ключевые слова: русский язык, язык межнационального общения, национальная школа, преподавание

Проблема преподавания русского языка в таджикских школах занимает фундаментальное положение в сфере образования Республики Таджикистан. Независимо от языка обучения в Таджикистане, изучение русского языка в каждой школе является обязательным. В школах, где предметы изучают на родном таджикском языке, русский язык

является обязательным со второго класса, в отличие от других иностранных языков, и продолжается на протяжении всего школьного обучения. В младших классах основное внимание уделяется овладению основами языка и развитию речи. В старших классах учащиеся активно осваивают грамматику, лексику и языковые навыки, необходимые для говорения, письма и чтения на русском языке. Согласно законодательству Республики Таджикистан, русский язык считается языком межнационального общения.

Общее число учащихся, изучавших русский язык как учебный предмет в национальных школах в 2009/2010, году составляло 1,2 млн. человек. На преподавание русского языка в таджикских классах отводится 2, реже 3 часа в неделю. Русская литература как отдельный учебный предмет в таджикских классах отсутствует.

(Таблица 1)

Классы	Количество учебных часов в неделю
1-3	2
4-10	2
11	3

Русский язык является своеобразным посредником между Таджикистаном и остальным миром. Несмотря на то, что русский язык является одним из самых популярных языков в Таджикистане, а предмет является одним из основных для изучения во всех школах, большинство учащихся испытывают трудности в изучении русского языка, это приводит к неполной реализации умений коммуникации (т.е. учащиеся не могут реализовать основную цель обучения – говорить по-русски).

Овладение русской речью в государственных школах строится на основе усвоения уже сложившихся образцов, специфических лексико-грамматических особенностей и произношений. Оно требует не только запоминания произношения предложений и конкретных образцов, но и умения свободно применять изученное во всех сферах речи. При преподавании русского языка в школах, где все предметы ведутся на таджикском языке, прямые обращения к родному языку должны быть строго нормативными.

Основное содержание обучения русскому языку в государственных школах Таджикистана, где русский язык изучают как неродной, такое же, как и в школах с русским языком обучения. Однако в условиях национальной школы предмет функционирует, прежде всего, как процесс обучения речи. Таким образом, особенности преподавания данного языка соприкасается с методикой преподавания русского языка как иностранного.

Это связано с тем, что происходит процесс изучения языка, который ученик не знает или ранее был частично знаком. Поэтому при обучении русскому языку необходимо

учитывать особенности родной таджикской культуры учащихся и в то же время формировать у них представление об истории, культуре и традициях русского народа.

С лингвистической точки зрения основой для изучения взаимосвязей между русским и таджикским языками являются знание лексико-грамматических особенностей, формирование коммуникативной компетенции. Возьмём, к примеру, таджикский и русский алфавиты – это кириллица.

Ученики уже понимают систему родного алфавита, поэтому письмо и произношение большинства букв и звуков не вызывает затруднений. Исходя из этого, общие черты в области фонетики включают в себя деление звуков на гласные и согласные, умение преобразовывать звуки в буквы и писать их, умение составлять слова с помощью букв и т.д. В области морфологии – делать разбор по частям речи, умение изменять состав слов и т.д. В области синтаксиса – включает в себя умение правильно соединять слова между собой, образуя предложения и т.д. Таким образом, специфичность и сходство языков могут быть использованы для определения уровня владения учащимися изучаемым языком и того, как сделать обучение интересным и более эффективным.

Исходя из всех вышеперечисленных общих черт, можно также выделить языковые универсалии русского языка, которые не являются специфическими для таджикского, и ещё больше затрудняют усвоение изучаемого языка, тем самым усложняют процесс обучения.

Например, уже первая трудность возникает при изучении модуля "Фонетика". Во многих случаях таджикские учащиеся плохо слышат на слух или не слышат вообще [щ], [ц], [ы], [ь] и другие звуки, потому что речевой аппарат таджиков не обладает возможностями для их воспроизведения. Поэтому учащиеся не могут их выделить в потоке речи и передать их на письме.

В одной из школ г. Вахдат был проведён диктант среди учащихся 10-го класса и выявлены следующие ошибки. Такие слова, как *сверкающая* и *лощины* ученик написал через букву *ш*, вместо *щ*, т.к. в таджикском алфавите нет такой буквы, поэтому звук [щ] совершенно незаметен на слух для большинства учащихся и его трудно (иногда даже невозможно) распознать. Во многих случаях звуки [щ] и [ш] распознаются как одно и то же. Слова *обычно*, *выходил* ученик написал через букву *и* вместо *ы*, но в слове *летний* написал *ы* вместо *и*. Звук [ы] - один из самых "любимых" звуков для таджикских учащихся. Многие носители таджикского языка считают, что произнести звук [ы] физически невозможно. Часто среди учеников таджикских классов можно услышать, как букву Ы называют числом 61 из-за схожести их написания и в целях "облегчения" его указания на письме. Многие учащиеся слышат разницу между звуками [ы] и [и], однако они все равно бессознательно произносят

[и] вместо [ы] или же наоборот [ы] вместо [и]. Больше учащихся допустили ошибки в словах *вдаль, зеленью, вьётся, большое и плескались*, пропустив в данных словах мягкий знак, который не является звуком, а используется для обозначения на письме мягкости согласного звука, является показателем грамматической формы и играет разделительную функцию. В транскрипции данный знак отмечается как [']. Ученики также часто путают мягкий знак со звуком [и] или же игнорируют его в речи. Далее в слове *солнце* написали букву *с* вместо *ц*, в слове *заволакиваются* буква *ц* вместо *тс*. Звук [ц] в таджикском языке пишется буквой "с" или "тс", например, цирк - сирк. Следовательно, и в речи они заменяют звук [ц] на [тс] или [с], и наоборот.

Как правило, трудности произношения в основном связаны с процессами усвоения и формирования звуков. Учителя могут помочь с данной языковой трудностью, если будут обеспечивать активное использование этих звуков, подбирая соответствующие артикуляционные упражнения, устойчивые выражения, скороговорки, считалки и небольшие стихотворения.

При работе над модулем "Грамматика" наибольшие трудности для учащихся национальных школ Таджикистана представляют: род, виды и времена глаголов, значение и употребление глаголов, глаголы движения, падеж, употребление частиц, союзов, союзных слов, причастия и деепричастия.

Отдельно стоит упомянуть особенности изучения падежей в таджикских классах. В русском языке есть шесть падежей: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательный, 4) винительный, 5) творительный и 6) предложный. В учебнике по русскому языку для 7-го класса средней школы с таджикским языком обучения предлагают ученикам заучивать все падежи в определенном порядке, что затрудняет усвоение материала. Это приводит к тому, что во многих случаях учащиеся не знают, какой падеж нужно использовать в той или иной ситуации. В таких случаях наиболее эффективно излагать материал в том порядке, в котором проходят уроки изучения русского языка как иностранного.

Во многих учебных комплексах по РКИ принят следующий порядок изучения падежей: 1) именительный, 2) предложный, 3) винительный, 4) родительный, 5) дательный, 6) творительный. Другими словами, привычный для большинства людей традиционный порядок следования падежей здесь не соблюдается. Схема построена по основному принципу обучения: от лёгкого к трудному.

Таким образом, трудности, связанные с изучением русского языка, со временем будут уменьшаться, если использовать разнообразные интересные задания и упражнения, правильно преподносить материал урока для каждого аспекта изучаемого языка.

Литература

1. Акрамова Н.А. Проблемы преподавания русского языка в школах Таджикистана и пути их решения // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – 2015. – №1. – С. 115-119.
2. Махмудова Ш.А. Особенности преподавания русского языка как иностранного в школах Таджикистана // Материалы научно-практической конференции "Иностранные языки: история, теория и практика". – 2018. – С. 47-51.
3. Рахронова М.А. Роль русского языка в образовании Таджикистана // Образование и наука в современном мире. – 2019. – №2. – С. 75-80.
4. Садулаева З.У. Методика преподавания русского языка в школах Таджикистана: вызовы и перспективы // Педагогическое образование в России. – 2020. – №3. – С. 112-117.
5. Шарипов А.Х. Роль русского языка в образовании и культуре Таджикистана // Научный вестник Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2017. – №3. – С. 84-89.

Ergashova Z.Kh.

Pushkin State Russian Language Institute

Features of teaching Russian language in schools in Tajikistan

This article describes the features of teaching the Russian language in secondary schools in Tajikistan, it also summarizes the main provisions of the functioning of the Russian language in the field of education, and shows the importance of implementing one of the basic principles of effective learning of Russian as a non-native language. Particular attention is paid to phonological and grammatical phenomena of the Russian language, which are not found in the Tajik language and have their own pedagogical features.

Keywords: Russian language, language of international communication, national school, teaching

Юй Чжисюань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

yuzhixuanmgy@mail.ru

Использование искусственного интеллекта на занятиях РКИ с обучающимися уровня В1-В2

Работа выполнена под руководством Е.В. Пожидаевой, канд. филол. наук, доцента

В данной статье рассматривается вопрос использования искусственного интеллекта в образовательной сфере и перспективы интеграции его элементов в процесс обучения русскому языку как иностранному на уровнях владения В1-В2 в соответствии с Европейской системой описания языковых уровней. В рамках исследования были проанализированы возможности нескольких интерактивных платформ и чат-боты, использующие искусственный интеллект для автоматизированной оценки умений обучающихся.

Ключевые слова: РКИ, применение искусственного интеллекта, образовательные платформы, чат-боты.

В настоящее время проблема использования достижений цифровых технологий в образовании активно обсуждается на научном уровне [8, с. 96]. Одним из перспективных направлений развития является интеграция элементов искусственного интеллекта, обладающих способностью обрабатывать естественный язык, в процесс обучения иностранным языкам [2, с. 77].

Данная тенденция объясняется стремительным прогрессом в области машинного обучения и возможностями современных компьютерных систем автоматически анализировать, генерировать и переводить естественно-языковые высказывания. При этом все большее распространение получают интерактивные образовательные платформы и чат-боты, позволяющие организовать взаимодействие обучающихся с технологиями на основе искусственного интеллекта [1, с. 34]. Многие исследователи подчёркивают необходимость оценки возможностей таких систем для решения актуальных задач обучения иностранным языкам на различных этапах [7, с. 288]. Особенно актуален этот вопрос сейчас – «в рамках повсеместного перехода в онлайн, что требует как от преподавателей, так и от обучающихся умения использовать современные технологии и цифровые инструменты» [3, с. 878].

Однако вопрос интеграции элементов искусственного интеллекта в процесс обучения русскому языку как иностранному на уровнях владения В1-В2 до настоящего времени остаётся недостаточно разработанным.

Цель данной статьи заключается в анализе перспектив использования некоторых инновационных подходов с применением искусственного интеллекта на занятиях РКИ указанных уровней и оценке их эффективности на основе экспериментальных данных. Полученные результаты позволят сделать выводы о целесообразности интеграции подобных технологий в практику преподавания русского языка как иностранного. Для этого изучались особенности функционирования систем Anthropic, Duolingo, Busuu, Babbel, способных эффективно решать задачи online-тестирования, контроля произношения и лексико-грамматических навыков на основе нейросетевых подходов.

Помимо этого, проанализированы возможности нескольких чат-ботов, разработанных с применением нейронных сетей и технологий обработки естественного языка, способных взаимодействовать с пользователем в режиме диалога на русском языке. Исследовалась степень грамотности и аргументированности ответов чат-ботов на разнообразные вопросы, связанные с мотивацией, повторением и закреплением языкового материала. В процессе

исследования был проведён анализ наиболее востребованных современных образовательных платформ, нацеленных на работу с естественным языком и способных предоставить автоматизированную оценку уровня владения языком на основе языковых моделей.

В онлайн эксперименте приняли участие 20 респондентов Сычуаньского университета, владеющие русским языком на уровне В1-В2. В ходе эксперимента респондентам предлагалось выполнить ряд заданий на платформах Anthropic и Busuu, а затем ответить на вопросы чат-бота.

Анализ результатов тестирования и данных анкетирования позволил изучить эффективность различных функций платформ в части контроля знаний, а также оценить удовлетворённость респондентов качеством взаимодействия с чат-ботом. В ходе эксперимента измерялся также уровень удовлетворенности взаимодействием с платформами, частности обратной связью от основе чат-ботов с помощью опросника по шкале от 1 до 4, где 4 – «отлично», 3 – «хорошо», 2 - «плохо», 1 - «очень плохо».

Полученные количественные и качественные данные послужили основой для выводов об интеграции технологий искусственного интеллекта в процесс обучения русскому языку.

Анализ результатов тестирования на платформах Anthropic и Busuu показал, что обучающиеся демонстрируют высокий уровень владения лексическими и грамматическими навыками на уровнях В1-В2. Так, средний показатель верных ответов при тестировании по грамматике и лексике составил 82% и 87% соответственно.

Вместе с тем, некоторые респонденты отмечали, что интерфейс платформ затрудняет выполнение заданий, направленных на развитие навыков устной речи и аудирования. Особенно это касается заданий, подразумевающих непосредственное восприятие и интерпретацию аутентичных аудио- и видеотрегментов. Данный факт указывает на необходимость доработки алгоритмов распознавания речи в таких системах.

В ходе анкетирования после работы с чат-ботом респонденты положительно оценили возможность повторения и закрепления изученного материала в неформальной обстановке. При этом отмечалась недостаточная глубина ответов бота при обсуждении более сложных тем, связанных с особенностями русской культуры и языка. Это указывает на необходимость дальнейшей настройки нейронных сетей, обеспечивающих функционирование чат-бота. Стоит отметить, что по результатам опроса большинство респондентов предпочли бы сочетание работы с преподавателем и дополнительных занятий с использованием платформ и чат-бота. Это подтверждает, что внедрение элементов искусственного интеллекта целесообразно при условии методического сопровождения педагогом на всех этапах обучения.

Исследователи Попова Е.А., Терехова Е.И., Филатова О.Н. [4, 5, 6] также подчёркивают, что для достижения наилучшего результата целесообразно сочетать работу на образовательных платформах с традиционными формами занятий, включая индивидуальные консультации преподавателя. Это позволит комплексно решать задачи формирования языковых умений и навыков в соответствии с уровнями ТРКИ.

Многие респонденты в анкетах так же отмечали, что предпочитают сочетать работу с ресурсами, основанными на искусственном интеллекте, с традиционными методами, включая групповые дискуссии и ролевые игры под руководством преподавателя. Это объясняется стремлением обучающихся к более широкому межличностному взаимодействию при изучении иностранного языка. Дальнейший анализ результатов тестирования показал, что уровень овладения грамматическим материалом был достаточно высоким у всех респондентов. Так, на заданиях по изученным временным формам глагола, модальным глаголам и причастиям число правильных ответов составило 89-92%. Немного ниже показатели (83-87%) были продемонстрированы по темам сравнения степеней сравнения прилагательных и наречий, а также употребления предлогов. Это может свидетельствовать о необходимости большего количества практических упражнений по данным разделам на занятиях. Результаты тестирования лексических навыков показали следующую динамику.

Результаты опроса по оценке функционала различных интерактивных сервисов показали, что наиболее популярными и понятными для респондентов стали задания на аутентичные аудио- и видеоролики (82-88% ответов с оценкой 3 и 4, что соответствует оценкам «хорошо» и «очень хорошо»). Тогда как online-тесты по грамматике и лексике оценивались более строго – 73-78% отметили их как полезные.

На основании приведённых результатов исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, можно констатировать высокий общий уровень овладения грамматическими структурами и лексикой на уровнях В1-В2, который подтверждается показателями свыше 80-90% верных ответов по большинству тематических модулей. Во-вторых, исследование выявило положительную оценку респондентами работы с интерактивными образовательными сервисами, особенно с тестами на аутентичные аудио- и видеоматериалы. Это свидетельствует о целесообразности интеграции подобных функциональных возможностей цифровых платформ в классический учебный процесс.

Таким образом, на основании проведённого анализа можно сделать вывод о перспективности сочетания традиционных и инновационных подходов при обучении РКИ на уровнях В1-В2.

Литература

1. Булаева М.Н., Филатова О.Н., Канатъев П.В. Методические рекомендации применения цифровых платформ в профессиональных образовательных организациях. Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74(4). – С. 34-36.
2. Королева И.В., Беликова Н.Б. Использование искусственного интеллекта в обучении русскому как иностранному. // Вестник Курганского государственного университета. – 2018. – № 2 (50). – С. 77-82.
3. Пожидаева Е.В. Применение цифрового метода в РКИ / Е.В. Пожидаева, Я. Ван // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXIII Кирилло-Мефодиевские чтения : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24 мая 2022 года. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 878-882. – EDN JXGDDA.
4. Попова Е.А. Использование технологий искусственного интеллекта при обучении русскому языку как иностранному: анализ международного опыта. // Власть. – 2020. – № 3 – С. 67-72.
5. Терехова Е.И., Горяинова Я.С. Применение ИИ технологий при изучении русского языка как иностранного: текущее состояние и перспективы. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2021. – № 1(2). – С. 30-37.
6. Филатова О.Н., Булаева М.Н., Гушин А.В. Применение нейросетей в профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-3. – С. 243-245.
7. Шабонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79(4). – С. 288-290.
8. Tolstel O.V. Some Applications of Artificial Intelligence Technologies / O.V. Tolstel – Text: electronic. – 2005. – no. 1-2. – pp. 95-106.

Yu Zhixuan

Pushkin State Russian Language Institute

The use of artificial intelligence in classes with students learning RFL at level B1-B2

This article deals with the question of artificial intelligence use in the educational sphere. It examines the elements of AI in the process of teaching Russian as a foreign language at B1-B2 level. The study analyzes the capabilities of several interactive platforms and chatbots with artificial intelligence for automatic assessment of student skills.

Keywords: RFT, application of artificial intelligence, educational platform, chatbots.

Юсенко Полина Витальевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

polinaiusenko@mail.ru

Психологические методы воздействия в современной рекламе

Работа выполнена под руководством Гапутиной Виолетты Александровны, кандидата филологических наук, доцента кафедры РСиМК

Настоящая статья посвящена изучению современных рекламных текстов с точки зрения их влияния на сознание и подсознание человека. Основное внимание уделяется взаимосвязи рекламы с психологией, этическим аспектам рекламы и влиянию на ментальное здоровье людей, методам воздействия на потенциальных потребителей (таким, как психическое заражение, нейролингвистическое программирование, метод убеждения, «25-й кадр», психологическая установка и др.).

Ключевые слова: реклама, воздействие рекламы, психологические методы воздействия

В настоящее время реклама является неотъемлемой частью повседневной жизни социума: ежедневно каждый человек видит большое количество рекламы, привлекающей его внимание и прочно укореняющейся в памяти или, наоборот, остающейся незамеченной. Изучение механизмов воздействия рекламы и психологических особенностей ее восприятия потребителем представляются нам весьма актуальными.

Реклама тесно связана с психологией, она оказывает влияние не только на сознание человека, но и на его подсознание. Грамотные маркетологи сотрудничают с психологами и психотерапевтами, чтобы обеспечить наиболее эффективное воздействие на потребителя, стимулировать интерес к бренду, нацелить на совершение покупки товара или услуги. По мнению многих специалистов в области психологии [6], реклама пагубно влияет на ментальное здоровье, заставляя человека буквально терять контроль над своими действиями и совершать импульсивные покупки, поэтому они призывают использовать более щадящие методы маркетинга.

Далее рассмотрим более подробно такие методы маркетинга, как психическое заражение, нейролингвистическое программирование, метод убеждения, «25-й кадр», психологическая установка. Данные методы являются агрессивными и могут негативно влиять на психологическое состояние человека.

Психическое заражение – это неосознаваемая невольная подверженность человека к восприятию психических состояний и поведения других людей [2]. Считается, что психическое заражение осуществляется посредством передачи другой личности психического настроя, обладающего большим эмоциональным зарядом. Заражение – особый способ психологического воздействия на человеческую личность. Это воздействие

осуществляется напрямую, пропуская сознание, образование, социальный статус, интеллект. Например, если товар рекламирует человек, имеющий авторитет и высокий уровень доверия, то потенциальный покупатель “заражается” желанием приобрести товар или услугу, неосознанно подражая авторитету. В рекламе заражение используется, чтобы создать иллюзию того, что все уже используют этот товар, например: «*3 миллиона женщин уже купили наш товар...*», «*Тысячи россиян уже купили это...*» и т.п.

Нейролингвистическое программирование (НЛП) – это метод самосовершенствования, который позволяет освоить навыки общения, изменить модели поведения и добиться успеха в любой области. Например, если целью рекламной кампании является продажа косметики, то на роль модели выберут знаменитую красивую девушку, так как потенциальные покупатели увидят в ней эталон, ориентир в данной области. Благодаря такому приему выстраивается следующая ассоциация: девушка красивая, потому что пользуется данным брендом косметики. Соответственно, чтобы стать красивой, нужно купить эту продукцию. С помощью удачно подобранных ракурсов, эффектов приближения, отдаления и контраста потенциальный покупатель будто присутствует в истории, которую видит. Это один из приемов НЛП-техники для манипулирования сознанием. Он зачастую побуждает к действию, дает возможность ощутить себя обладателем той или иной вещи наяву. Такой прием использован в телерекламе мороженого «Чистая линия».

Просматривая фильм, передачу, программу по телевизору или на видеохостинге, люди поддаются влиянию так называемого «25 кадра». Под этим явлением подразумевается влияние на подсознание человека, закладывание установок. Ученые считают, что человек за одну секунду времени сознательно воспринимает 24 кадра. Поэтому дополнительный кадр, показываемый в этот промежуток времени, воспринимается исключительно подсознанием. Длительность изображения должна быть меньше по времени, чем основные кадры, иначе информация считывается сознанием, а не уходит в подсознание. Экспериментальная методика воздействия на сознание и подсознание людей посредством вставки в видеоряд на одном из кадров или между кадрами скрытой рекламы (сублиминальная реклама) [5] является спорной и вызывает множество научных дискуссий.

Далее проанализируем примеры современной телевизионной рекламы, которая демонстрирует многообразие способов воздействия на человека. В рекламе на ТВ используют изображения, текст, музыку, голос. Сейчас телерекламу успешно используют на различных платформах и видеохостингах, так как механизмы воздействия те же. При исследовании телерекламы были выделены следующие виды рекламы:

1. Реклама, построенная на основе стихосложения (шоколад «Алёнка»):

Жила-была семья. И была у них дочка Аленка. Залетел к ним дракон.

Ума мало, голов много!

Да все не в ладу,

Себе на беду! Вот.

Дали ему воды.

Одна башка пьет,

Второй не дает,

Третья с досады в корыто плюет.

Принесли, значит, гостю суши.

Тот чуть сам себя не скушал!

– Хватит орать, да драться! Пора угощаться!

Ой, чудовище разрыдалось,

Само с собой побраталось.

Да и улетело на Гоа. Вот.

С Алёнкой все сладко, да гладко!

Повышается узнаваемость товара, так как с помощью рифмы запоминается текст небольшой сказки. Все это подкреплено анимацией и необычной подачей рекламы. Человек обращает свое внимание, потому что данная реклама больше похожа на мультфильм: не возникает раздражения, а наоборот, всплывают приятные ассоциации, связанные с детством. «Игра в ностальгию» — одна из манипулятивных уловок маркетологов, направленная эмоциональное восприятие.

2. Реклама, основанная на методе сравнения товара (стиральный порошок «Ариэль»). В рекламе показан эксперимент, в котором участвуют два бренда порошка, название одного из которых не озвучивается. В данной рекламе также использован метод наглядности: показано, что другой порошок сильно проигрывает порошку «Ариэль». Часто в данном виде рекламы делается акцент ещё и на стоимость товара. Например, стоимость рекламируемого порошка такая же, как и у остальных, но при этом качество продукта намного выше, или стоимость и вовсе ниже стоимости аналогичной продукции.

3. Реклама, содержащая призыв к действию (препарат «Дюфалак»: «Принимайте “Дюфалак”»). С помощью данного приема в сознании людей устанавливается ассоциация, что если происходит ситуация, как в рекламе, то способ решения уже известен нам из этой рекламы. Сначала была показана проблема, а затем — решение. Так как в произнесении

ключевой фразы было использовано повелительное наклонение, то у человека подсознательно она ассоциируется с единственно верным и правильным решением проблемы.

4. Реклама с использованием запоминающейся фразы в конце (*порошок «Tide»: «Тогда мы идём к вам!»*). Данная фраза стала “крылатой” и ушла “в народ”. Благодаря этой фразе повысилась узнаваемость и популярность бренда.

Реклама способна воздействовать на сознание человека, вызывая как положительные, так и отрицательные эмоции.

Специалисты, участвующие в создании и разработке рекламы (экономисты, маркетологи, копирайтеры, дизайнеры), приходят к мнению о том, что в сфере рекламы и маркетинга психология влияния занимает одну из основных позиций. Отсутствие знаний о психологических закономерностях поведенческих реакций человека приводит к созданию грубой, непрофессиональной, вредоносной рекламы. Часто рекламная деятельность направлена не на помощь потребителям. В ней преобладают односторонние интересы товаропроизводителей, стремящихся к массовой реализации товаров.

Но жизнь без рекламы уже не представляется возможной. Она играет большую роль в рыночной экономике, так как позволяет ориентироваться в огромном потоке предлагаемых товаров и услуг. Однако рекламодатели должны давать правдивую и объективную характеристику предлагаемого товара, иначе они могут потерять доверие со стороны потребителей, вследствие чего будут вытеснены с рынка более сильными и способными конкурентами. Нужно сделать всё необходимое, чтобы реклама была качественной, не наносила вред ментальному здоровью и давала достоверную информацию.

Производители готовы вкладывать большое количество средств в продвижение бренда, создание правильного имиджа компании, в рекламу, которая определяет судьбу бренда. Нельзя не согласиться со словами Людвиг Метцеля, в дальнейшем широко распространенными В.И. Лениным: «Реклама – двигатель торговли».

Литература

1. Антипов К.В. Основы рекламы: Учебник / К.В. Антипов. – Москва: Дашков и К, 2015. – 326 с.
2. Березина Т.Н. Эмоционально обонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения. // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 4. – с. 20-30. doi: 10.11621/npj.2013.0403.

3. Волкова Е.А., Целуйкина Т.Г. Социально-психологические механизмы воздействия рекламы на потребителя // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 48-2. – С. 5-8.
4. Лазарева Н.Э. Влияние телевизионной рекламы на мотивационную сферу младших школьников // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – №80.
5. Литвинова Н.В., Рябова Т.В. Сублиминальное влияние рекламы // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2014. – №11.
6. Мусаелян Э. Р. Психологическое воздействие рекламы на человека // ТДР. – 2012. – №5.
7. Серебрякова Ю. А., Дащицыренова Т. Г. Воздействие рекламы на целевую аудиторию // Вестник БГУ. – 2012.
8. Швабская А.Л., Рыбакова Е.А. Психология рекламы // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2014. – №10.

Polina Yusenko

The Pushkin State Russian Language Institute

polinaiusenko@mail.ru

Psychological methods of influence in modern advertising

This article is devoted to the study of modern advertising texts from the point of view of their influence on human consciousness and subconsciousness. The main attention is paid to the relationship of advertising with psychology, ethical aspects of advertising and the impact on people's mental health, methods of influencing potential consumers (such as mental infection, neuro-linguistic programming, persuasion method, "25th frame", psychological attitude, etc.).

Keywords: advertising, the impact of advertising, psychological methods of influence

Работа выполнена при финансовой поддержке CSC, проект 610022

Ян Мань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

yangman37@yandex.ru

Особенности употребления молодёжного сленга в сети Интернет

Работа выполнена под руководством Мочаловой Татьяны Ивановны,

кандидата филологических наук, доцента

В статье анализируются особенности функционирования китайскоязычного молодёжного сленга в сети Интернет, определяются пути пополнения сленгизмов, их функции. Устанавливается, что единицы китайскоязычного молодёжного сленга используются носителями языка определенных социальных групп для номинации нового или существующего понятия, имеют свою специфику, оказывают влияние на разговорную речь, а следовательно, и на общеязыковую норму.

Ключевые слова: язык, сленг, китайский, интернет, коммуникация, метафоризация

В последние годы глобальная сеть Интернет стала мощным средством коммуникации, особенно среди молодежи. В Китае, как и во всем мире, молодые люди активно используют интернет для общения, развлечений и образования. Социальные сети, мессенджеры и форумы становятся пространством, где молодежь может свободно выражать свои мысли и чувства, используя при этом сленг, который обладает уникальными особенностями: он динамичен, мультикультурен и часто обладает глубоким смыслом, что делает его интересным объектом для исследования [3]. Целью данной статьи является изучение особенностей передачи молодежного сленга в сети Интернет на примере современного китайского языка.

Китайский интернет-сленг является ярким примером взаимодействия языка и культуры в эпоху цифровизации. Он отражает не только языковые инновации, но и культурные изменения, происходящие в обществе. Исследование китайского интернет-сленга предоставляет уникальную возможность понять, как язык адаптируется и развивается в ответ на новые технологические и социальные вызовы. Т.В. Куклина уделяет молодежному сленгу особое внимание, поскольку считает, что это особый вид социолекта. Основная причина, по которой молодые люди используют сленг для общения друг с другом, – это мода, то есть они демонстрируют свою «современность». В связи с этим сленг служит не только средством передачи информации, но и способом выразить свое мнение, мысли, подчеркнуть свою индивидуальность, оригинальность. Кроме того, говорящий, используя сленг, может привлечь внимание, влиться в новый коллектив и добиться хорошего отношения к себе [3].

В современном интернет-общении молодежная лексика – это наиболее открытая система современного языка, словарный запас которой постоянно пополняется не только за счет заимствований и расширения значения общеупотребительных слов основного словаря, но и за счет других активных языковых процессов (номинализация, метафоризация, редупликация и т. д.).

Китайский интернет-сленг часто связан с языковыми играми, такими как использование омофонов, числовых аббревиатур и визуальных аналогий. Такие особенности могут быть объяснены как лингвистическими, так и культурными факторами. Как отмечают исследователи, в китайском интернет-сленге часто используются символы сходного звучания, чтобы обойти цензуру или выразить идеи более тонко [2].

Остановимся на рассмотрении примеров китайского интернет-сленга.

1. Использование чисел для выражения мысли 数字 в объяснении (数字说明). Числа часто используются для замены слов в китайском интернет-сленге из-за особенностей их

звучания, например: «555» (wǔ wǔ wǔ) интерпретируется как имитация звуков плача; «б» (liù) означает «Здорово!», «999»(jiǔ jiǔ jiǔ) поменял «б» на «9», что передает «очень круто».

2. Изобретение новых символов (创新字符的使用). Создание и использование в Интернете новых слов и символов для выражения конкретных эмоций или обозначения ситуаций, например: «☹» (sǐ) означает смерть или невыносимость чего- или кого-либо.

3. Использование аббревиатур, составленных из первых букв нескольких слов, например: «ЕМО» значит в плохом настроении; «VOCAL» указывает на потрясение, негативные эмоции; «G» означает «Все кончено».

4. Адаптация традиционных выражений. В интернет-сленге часто используются традиционные устойчивые выражения и идиомы, при этом им придается новое значение в контексте современного цифрового общения. Например, устойчивое сочетание «颠倒是非» со значением «искажать истину» приобретает новое значение в сети Интернет: «переворачивать вещи вверх ногами» [1].

Анализ примеров показывает, как культурные особенности Китая проявляются в том числе и в сленге. Значительная часть интернет-сленга берет свое начало в традиционной китайской культуре, но при этом адаптируется под современные реалии киберпространства. Это подтверждает идею о том, что язык эволюционирует вместе с жизнью общества и отражается в культуре.

Сленг отличается от нормативной, нейтральной лексики достаточно выраженной фамильярностью. Этот пласт состоит из богатой, эмоционально выразительной и стилистически окрашенной лексики. Сленговые единицы используются довольно часто, но одна из основных целей – показать определенный эмоциональный настрой, передать принадлежность к какой-либо социальной группе [5]. Язык принадлежит обществу, и по мере его развития отдельные социальные группы используют сленг в зависимости от своего возраста, интеллекта, профессии и трудовой деятельности. Иногда сленгизм, представленный в речи одной социальной группы, через какое-то время или в зависимости от контекста может употребляться для выражения ценностных ориентаций представителями других групп.

Сленгизмы могут появляться в молодежной интернет-коммуникации и в результате метафоризации, которая напрямую связана с познанием, и роль контекста в этой ситуации неоспорима, потому что вне контекста этому слову нельзя придать никакого нового значения. Социальная группа, использующая сленг, должна учитывать интеллектуальный

уровень, статус социальной группы, место, ситуацию, цель использования данных языковых средств, причину придания им нового смысла и другие особенности.

Приведем примеры употребления молодежного сленга в сети Интернет: **学历不仅是敲门砖，更是我下不来的高台，是孔乙己脱不下的长衫** (*Образование – это не только ступенька, но и высокая платформа, с которой я не могу сойти, и платье, которое Конг Иджи не может снять*). В этом контексте значение выражения «孔乙己脱不下的长衫» (*Платье, которое Конг Иджи не может снять*) на первый взгляд неясно. Однако употребление его после фразы «**学历不仅是敲门砖，更是我下不来的高台** (*Образование – это не только ступенька, но и высокая платформа, с которой я не могу сойти*)» делает понятным, что в процессе поиска работы очень важно образование. Сленговое выражение «孔乙己脱不下的长衫 (*Платье, которое Конг Иджи не может снять*)» означает, что, после того как студенты получают образование, они предполагают, что в будущем будут получать высокую зарплату. На самом деле часто многие не могут найти подходящую работу, потому что на высокооплачиваемых должностях никогда не бывает недостатка в талантах, и вынуждены выбирать такие профессии, которые не требуют образования. В таком случае человек будет чувствовать себя некомфортно, так усилия, приложенные для получения высшего образования, напрасны. Это выражение прекрасно описывает состояние, с которым сталкиваются студенты-выпускники. Выражение «高台 (высокая платформа)» не произвело бы такого эффекта, как сленговое выражение.

В другом примере «**特种兵式旅游** (*Путешествуйте как спецназовец*)» слово **特种兵** (спецназовец) приобретает новое значение в интернет-пространстве и передает, как можно «потратить меньше времени и посетить как можно больше достопримечательностей». Смысл этого предложения заключается в том, что люди внезапно решают посетить какое-то место, составляют план и отправляются в путь немедленно, посещая множество достопримечательностей за два-три дня. Как видим, одно слово способно кратко и емко охарактеризовать целую ситуацию, что обеспечивает экономию языковых средств для выражения мысли в виртуальной коммуникации.

Таким образом, можно сделать вывод, что сленг в сети Интернет выполняет разнообразные функции, прежде всего экспрессивно-коммуникативную, поскольку сленг – это формировавшийся в течение многих лет способ общения отдельных социальных групп,

лексические единицы которого эмоционально окрашены и демонстрируют отношение говорящего к предметам или явлениям действительности, зачастую с негативной окраской.

Литература

1. Ван Ф. Китайский интернет-сленг как отражение современной культуры // Язык и культура. – 2019. – № 30(4). – С. 23-31.
2. Дэнг Ш., Блюм С. Изменение языка в интернет-пространстве Китая. Журнал социолингвистики. – 2018. – № 22(5). – С. 521-547.
3. Куклина Т.В. Молодежный сленг как явление в современной лингвистике // Язык и речь в синхронии и диахронии. – 2018. – С. 64-65.
4. Ли Х. Социолингвистические аспекты китайского интернет-сленга // Журнал китайской лингвистики. – 2020. – № 48(2). – С. 255-275.
5. Чжо М. Культурные коды в китайском интернет-сленге // Журнал кросскультурных исследований. – 2021. – № 52(3). – С. 214-230.

Yang Man

Pushkin State Russian Language Institute

Features of the transmission of youth slang on the Internet

The article analyzes the features of the functioning of Chinese-speaking youth slang on the Internet, determines the ways of replenishment of slangisms, their functions. It is established that units of Chinese-speaking youth slang are used by native speakers of certain social groups to nominate a new or existing concept, have their own specifics, influence colloquial speech, and therefore the general linguistic norm.

Keywords: language, slang, Chinese, Internet, communication, metaphorization

Работа выполнена при финансовой поддержке CSC, проект 610022

Ян Мань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

yangman37@yandex.ru

Особенности передачи молодёжного сленга в сети Интернет

Работа выполнена под руководством Шутовой Марины Николаевны, доктора

педагогических наук, профессора

Проблема возникновения большого количества сленгизмов и их влияния на русский литературный язык сегодня является одной из центральных тем современных лингвистических исследований. Интерес к анализу единиц китайско-язычного молодёжного сленга обусловлен в первую очередь тем, что молодёжная лексика имеет свои особенности, не соотносимые с литературным языком, а также тем, что она оказывает влияние на разговорную речь, а, следовательно, и на общезыковую норму.

Ключевые слова: сленг, молодёжный жаргон, языковая норма.

Целью статьи стало определение особенностей функционирования китайско-язычного молодежного сленга в сети Интернет и способов его перевода на русский язык.

По результатам проведенного в статье анализа определено, что англоязычный молодежный сленг – это слова или словосочетания, используемые носителем языка в определенный период для обозначения нового или существующего понятия в новом значении.

Актуальность статьи. Знание языка – величайшее достояние человеческого интеллекта, а владение языком – предмет гордости и удовлетворения для человека, независимо от того, какой национальности, вероисповедания, гражданства, образования он имеет, в каком обществе он живет. В современном глобализированном мире большое внимание уделяется изучению языков, в частности русского и китайского языков.

Проблема возникновения большого количества жаргонизмов и их влияние на литературный язык является одной из центральных тем лингвистических исследований. Большое количество сленговых лексических единиц и их употребление в различных социальных группах влияет на повышенный интерес к их изучению, а также возможность перевода с китайского на русский язык. Интерес к анализу китайскоязычных молодежных сленговых единиц обусловлен, прежде всего, тем, что молодежная лексика имеет свои особенности, не коррелирующие с литературным языком, а также тем, что она влияет на разговорную речь, а, следовательно, и на общий языковой стандарт.

В современной лингвистике и переводоведении вопросы о понятии «молодежный сленг», его классификации, а также способах перевода изучались такими исследователями, как Д.С. Александрова [1], Т.В. Куклина [9], А.А. Валиева [4] и другие.

Актуальность анализа темы статьи обусловлена тем, что процесс развития любого языка не стоит на месте. Лексическая система языка постоянно обновляется и требует новых лексических единиц для названий объектов окружающей действительности, существующих на момент их возникновения.

Цель анализа статьи – выявить особенности китайскоязычного молодежного сленга в Интернете и его перевода на русский язык.

Объектом анализа стало функционирование китайскоязычного молодежного сленга в сети Интернет. *Предметом статьи стали* особенности китайскоязычного молодежного сленга в Интернете и его перевод на русский язык.

Итак, одним из наиболее быстро меняющихся языковых жанров является сленг. Сленг существует с древнейших времен, поскольку люди всегда стараются разнообразить язык

более яркими словами, заменить малопонятные научные термины словами, более доступными широкому кругу людей [2].

Сленг присутствует во всех сферах человеческой деятельности. Он меняется в зависимости от времени и пространства. На сленг влияют все изменения, происходящие в обществе, и не последнюю роль в формировании сленга играет общение, присущее определенному кругу людей, их интересам, темам общения, роду их деятельности. Часто единицами сленга являются слова, заимствованные из других языков или языка других слоев населения.

Проблема сленга является предметом постоянных научных исследований. Современная филология уделяет большое внимание понятию сленга. В целом найти единое определение термина «сленг» очень сложно. Согласно лингвистическим исследованиям, существуют разные взгляды на понятие сленга и его значение в повседневной жизни.

Прежде всего, сленг – это средство обозначения принадлежности говорящего к определенной социальной группе. Другими словами, сленг – это языковое средство выделения небольшой группы в большом обществе. При этом, отделяясь от одних и приближаясь к другим, человек определенным образом выражает себя. Кроме того, литературный язык или диалект зачастую не дает возможности кратко и эмоционально выразить свое мнение. Привлекательность сленга в том, что его порой грубоватая лексика позволяет придать речи выразительную окраску. Особенно это важно для молодежи. Молодежный язык отражает нестабильное культурно-языковое состояние общества, которое балансирует на грани литературного языка и жаргона.

Подводя итог анализу понятия «сленг», можно сказать, что сленг как явление нестандартного языка имеет очень высокий уровень влияния на молодежь. В основе влияния сленга лежат эстетика и творческая позиция. Эти два компонента порождают выразительность, эффект «магической силы» слова, способствуют реакции слушателя, его отношению к полученной информации.

Сленг – одно из неоднозначных явлений в современном языкознании. Его роль постоянно растет в связи с тем, что в нем часто используются лексические единицы, проникающие в речь, однако они характеризуются инновационным потенциалом, что привлекает особое внимание, даже если эти лексические единицы являются элементами контркультурализма. Современный китайский сленг составляет около 10–20% словарного запаса среднестатистического китайца. Сленг используется в речи не только людьми всех слоев общества, но и в художественной литературе, современных средствах массовой

информации, на сцене и даже в рекламе. Поэтому в последние десятилетия наблюдается оживление в изучении литературных и нелитературных явлений сленга.

Достаточно распространенным явлением среди языковых категорий является сленг, который является одним из средств общения самых разных слоев населения, восходящим к глубокой древности. Столетия или даже тысячелетия назад разные социальные группы использовали свои собственные стили речи, специфичные для определенного сообщества, которые и назывались сленгом.

Появление такой коммуникативной среды, как Интернет, способствовало возникновению одного вида дискурса – Интернет-дискурса, который выделяется по критерию «канал общения». В общении в Интернете может участвовать каждый, независимо от пространственных и временных ограничений, что отличает интернет-дискурс от других видов дискурса. В случае устного общения, не опосредованного техническими средствами, необходим реальный непосредственный контакт коммуникаторов, общность пространственных и временных параметров [11].

Сегодня Интернет предоставляет большой объем информации для изучения разных типов дискурса. Широким слоям населения доступны большие массивы цифровой информации по самым разным темам, что объясняет востребованность современного интернет-дискурса. С помощью поисковых систем пользователь Интернета может найти пласт информации на определенных веб-ресурсах. Актуальность информации Интернета является показателем при ознакомлении адресата с глобальными или локальными общественно-политическими процессами [3].

Коммуникация в Интернет-дискурсе приобретает все большую популярность не только в повседневной общественной жизни, но и в политических кругах, стремящихся создать выгодные информационные поводы и закрепить в сознании реципиента благоприятное отношение к явлениям действительности, субъектам и объектам политического процесса. Позиционируя себя как искусственно созданную коммуникативную среду, Интернет-дискурс теоретически осмыслялся в лингвистике и смежных гуманитарных науках. В связи с этим общение включается в многомерную коммуникацию Интернета, которую осуществляют средства массовой информации.

Блог – один из самых популярных жанров интернет-дискурса. *Интернет-блог* представляет собой специфический монологический дискурс виртуального коммуникатора, состоящий из хронологически расположенных текстов, часто ориентированных на выражение собственного мнения о каких-то событиях, как личных, так и общественных. Он состоит из небольших заметок, ссылок, изображений, а иногда и аудио- и видеофайлов, для

которых характерны простота редактирования, возможность комментирования и хронологический набор записей. Основное внимание уделяется личности пользователя сети.

В современном интернет-общении молодежная лексика – наиболее открытая система современного языка, словарный запас которой постоянно пополняется не только за счет заимствования и расширения значения общеупотребительных слов основного словаря, но и за счет других активных словесных процессов (номинализация, редупликация, словообразование и т. д.).

Лексические единицы социальных сетей имеют черты, общие как для сленгизмов, так и для неологизмов, в связи с чем получают статус «сленгов» [5]. Сленговые единицы не имеют синонимов, поскольку это слово новое, оно еще находится на стадии социализации. Сленговые единицы Интернета имеют следующие компоненты: экспрессивный, эмоциональный и оценочный.

Интернет-язык взаимозависим и взаимосвязан. Социальные сети и Интернет оказывают чрезвычайно большое влияние на современный язык. Его влияние многогранно. В ходе функционирования языка в социальных сетях можно увидеть изменения, необходимые для адаптации языка к современным условиям жизни людей и социальных сетей. Что касается существенных изменений, то их можно охарактеризовать и интерпретировать как концептуальные доминанты существования современного языка в социальных сетях. Изменения в языке социальных сетей касаются графики, лексики, семантики, морфологии, синтаксиса, словообразования

Необходимо выделить несколько факторов, влияющих на развитие сленга, и в соответствии с ними выделить несколько основных сленговых групп: интернет-сленг; музыкально-развлекательный сленг; профессиональный терминологический сленг; студенческий сленг. Прежде всего, путь, по которому идет неологизм, непрост. Человек, создающий слово, автоматически переносит его на следующие этапы: социализация и лексикализация. Стадия социализации – это будет ли новый термин принят в обществе или нет. В свою очередь, этап лексикализации отвечает за закрепление слова в языковой системе. Большинство современных жаргонных единиц, связанных с социальными сетями и Интернетом в целом, находятся на стадии социализации, так как приняты обществом и широко используются, но еще не укоренились в языковой системе.

Также источником пополнения и распространения жаргонных единиц являются, во-первых, иностранные языки, из которых происходят заимствования, и, во-вторых, обычный литературный язык. Во втором случае значение отдельных слов приобретает необычные алогичные интерпретации, происходит своеобразное изменение лексического значения

слова. Иноязычные заимствования занимают первое место по продуктивности обогащения сленга [10].

Сленг отличается от нормативной, нейтральной лексики достаточно выраженной фамильярностью. Этот пласт лексики состоит из богатой, эмоционально выразительной и стилистически окрашенной речи. Сленговые единицы используются довольно часто, но одна из основных целей – показать определенный эмоциональный настрой.

Язык принадлежит обществу, и по мере развития общества социальные группы в обществе используют сленг в зависимости от своего интеллекта, профессии и трудовой деятельности. Иногда слово, когда бы оно ни использовалось в качестве сленга, через некоторое время или в зависимости от контекста может использоваться как сленг в речи новой группы, одно и то же понятие может быть выражено другим выражением или словом.

Важен сленг, образовавшийся в результате метафоризации. Метафоризация напрямую связана с познанием, и роль контекста в этой ситуации неоспорима. Потому что без контекста этому слову нельзя придать никакого значения. Что касается сленга, то социальная группа, использующая этот сленг, должна учитывать интеллектуальный уровень, статус социальной группы, место, ситуацию, цель использования сленга, причину придания ему значения и другие особенности. В противном случае речевой акт не сможет выполнять свою функцию.

Приведем примеры сленга: «学历不仅是敲门砖，更是我下不来的高台，是孔乙己脱不下的长衫(Образование - это не только ступенька, но и высокая платформа, с которой я не могу сойти, и платье, которое Конг Иджи не может снять).»

В этом контексте выражение «孔乙己脱不下的长衫(Платье, которое Конг Иджи не может снять)» на первый взгляд неясно. Однако после «学历不仅是敲门砖，更是我下不来的高台(Образование - это не только ступенька, но и высокая платформа, с которой я не могу сойти)» становится ясно, что в процессе поиска работы образование очень важно. Если у вас есть высшее образование, но вы все равно не можете найти хорошую работу, то есть работа, которую вы нашли, – это такая профессия, с которой вы можете справиться и без высшего образования. В таком случае вы будете чувствовать себя очень некомфортно, так, будто ваши усилия, приложенные к получению высшего образования, напрасны. Выражение «高台(высокая платформа)» не произвело бы такого эффекта, как «孔乙己脱不下的长衫(Платье, которое Конг Иджи не может снять)». Этот термин означает, что после того, как

студенты заканчивают колледж и аспирантуру, они воображают, что в будущем будут получать высокую зарплату. На самом деле, после окончания учебы они не могут найти подходящую хорошую работу, потому что на высокооплачиваемых работах с хорошим коллективом никогда не бывает недостатка в талантах. Будучи самыми обычными студентами колледжа, люди не желают идти работать, например, в ресторан или кафе официантом, как те же люди, которые никогда не учились в университете. Это выражение прекрасно описывает состояние, с которым сталкиваются студенты колледжей. Когда-то оно было популярно в Интернете.

Можно привести еще один пример: «*特种兵式旅游(Путешествуйте как спецназовец)*»

Слово «*特种兵(спецназовец)*» в этом предложении означает потратить как можно меньше времени и посетить как можно больше достопримечательностей. Смысл этого предложения заключается в том, что люди внезапно решают отправиться в какое-то место, составляют план и отправляются в путь немедленно, посещая множество местных достопримечательностей за два-три дня.

Т.В. Куклина уделяет молодежному сленгу особое внимание, поскольку считает, что это особый вид социолекта. Основная причина, по которой молодые люди используют сленг для общения друг с другом – это можно. Говоря жаргонным языком, они демонстрируют свою современность. То есть сленг служит не только средством передачи информации, но с его помощью можно выразить свое мнение, мысли, подчеркнуть свою индивидуальность, оригинальность. Кроме того, показав, что говорящий использует сленг, он может привлечь внимание к себе, влиться в новый коллектив и добиться хорошего отношения к себе [8].

Подводя итог анализу в статье, сделаем вывод, что сленг выполняет самые разнообразные функции, тесно связанные друг с другом. Среди перечисленных функций важнейшими являются экспрессивно-коммуникативная, поскольку сленг – это формировавшийся в течение многих лет способ общения, лексические единицы которого эмоционально окрашены и демонстрируют отношение говорящего к предметам или явлениям, зачастую с негативной окраской. коннотации. Сленгом в основном пользуется молодежь, и она не везде одинакова. Часто представители двух социальных групп не могут понять сленг друг друга.

Литература

1. Абакумова И.А., Казачкова Ю.А. Американский сленг и способы его передачи на русский язык (на материале сериала «Shameless») // Вопросы филологии. – 2021. – № 1 (73). – С. 62-66.

2. Александрова Д.С. Сленг как проблема перевода // Язык: категории, функции, речевое действие. – 2018. – С. 7-10.
3. Баркович А.А. Интернет-дискурс. Компьютерно-опосредованная коммуникация: учебное пособие по интернет-лингвистике. – Москва: Флинта : Наука, 2016. – 285 с.
4. Валиева А.А. Особенности перевода молодежного сленга с английского языка на русский // Мирская наука. – 2019. – № 1 (22). – С. 87-90.
5. Измайлова Г.А., Замалетдинова Г.Р., Жолшаева М.С. Лингвистические и социальные особенности сленга [Электронный ресурс]. – URL: https://www.исследовательские.ворота.net/publication/325386957_Лингвистические_и_Социальные_Особенности_Сленга (дата обращения: 21.11.2021).
6. Кабирова Л.Р., Гаинутдинова Д.З. Англоязычный молодежный сленг и способы его перевода (на примере сериала «Отбросы») // Профессия переводчика: вызовы и перспективы. – 2021. – С. 30-36.
7. Касумова М.Ю. Молодежный сленг как компонент молодежного дискурса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 7. – С. 63-65.
8. Куклина Т.В. Молодежный сленг как явление в современной лингвистике // Язык и речь в синхронии и диахронии. – 2018. – С. 64-65.
9. Петрова Ю.А., Самарская С. В. Особенности сленга и его функционирования в современных молодежных субкультурах // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №2. – С. 65-74.
10. Трепалин П.В. Современный молодежный сленг в английском языке и его особенности // Современная наука. – 2019. – № 9-1. – С. 220-224.
11. Шемчук Ю.М. Переименование в лексике современного немецкого языка // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 2. – С. 16-19.

Yang Man

Pushkin State Russian Language Institute

Features of the transmission of youth slang on the Internet

The problem of the emergence of a large number of scientists and their influence on the Russian literary language today is one of the central topics of modern linguistic research. Interest in the analysis of units of Chinese-language youth slang is due primarily to the fact that youth vocabulary has its own characteristics that are not correlated with the literary language, and also to the fact that it influences colloquial speech, and, consequently, the general linguistic norm.

Key words: slang, youth jargon, language norm.

Женщина в семье в русских и китайских паремиях

Объектом исследования и обсуждения в данном исследовании выбраны паремии, которые вырисовывают стереотипный, концептуально-когнитивный подход к роли женщины в семье в русской и китайской лингвокультуре. Целью исследования выступает выявление идентичных и специфических признаков в паремиях, аналогий и различий в способе, которым они отражают представления о мире. Такое исследование представляет ценную информацию о том, как в русской и китайской культурах сформировано восприятие женщины в семье, а также является актуальным, как способ дополнения и пояснения этнографических данных. *Ключевые слова:* паремия, паремическая картина мира, семья, мать, жена, сопоставительное описание, лингвокультура, русский язык, китайский язык

Как в исторической перспективе, так и в современном контексте женщины имеют значительное влияние на формирование и развитие различных социокультурных аспектов. Их изучение представляет собой актуальное направление социологии, этнопсихологии и лингвистике. В этом контексте паремия представляет собой информацию, сформированную в виде обобщенного, содержательного, целостного предложения или фрагмента предложения [1, 2]. В данной исследовательской работе мы опирались на сложившуюся научную традицию работы с паремиологическими корпусами [7]. Отдельную группу исследований составляет анализ китайской языковой картины мира [3; 5; 8], т.к. культура – это «особый тип знаний, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [9, с. 679], культура представляет собой семиотическую систему, в которой «синтезируются знаки и смыслы: знак является носителем того, что было выработано человеком в процессе миропонимания» [6, с. 170].

Культура – это особый тип знаний, отражающих рефлексивное самопознание человека в процессе его жизненной практики. В контексте русской и китайской культур научные исследования роли женщины и анализ образа женщин в паремиях обеих культур, представляет собой важный аспект в описании нравственных ценностей, культурных традиций, социального поведения и особой национальной специфики этих народов. Семья представляет собой фундаментальное, значимое и единственно возможный способ существования для каждого индивида. В рамках семейных отношений женщина выполняет разные роли – жены, мамы, дочери, и т.д. В каждой роли проявляются особенности общественной оценки, характера, имеющие ключевое значение для семьи, семейных ценностей и семейного благополучия. На основе данного концептуального понятия строится основной институт в обществе – семья.

Наиболее ярко представлены в паремиях роли женщины-матери: «Мать эта тот Бог любовь, который дал и дает нам жизнь и один может дать нам благо, истинное, ничем ненарушимое благо» [10, с. 38]. Как в русской перемиологии, так и китайской он коннотирован строго положительно. Русские пословицы: *Мать кормит детей, как земля людей, Материнское благословение в воде не тонет и в огне не горит*. Так же как в русской, в китайской паремиологии образ женщины–матери превозносится и является ключевой социально-значимой фигурой в создании счастливой семьи. Высоко ценится невероятно сильная любовь матерей к своим детям, что находит свое отражение в китайских пословицах, выражающих великое уважение к материнской мудрости и ее добродетели: *人生最美的东西之一就是母爱·这是无私的爱·道德与之相形见拙* ‘Самое дорогое в нашей жизни – мать, ничто нельзя поставить на одну ступень с ее бескорыстной любовью и искренностью’; *世上只有妈妈好* ‘В целом мире нет никого лучше мамы’. Очевидно, что в сопоставляемых паремиях образ женщины-матери ассоциируется с положительными качествами. Этот факт говорит о том, что материнство часто рассматривается как важный способ самоутверждения женщины.

В русских культурных паремиях социальная роль женщины и ее статус главным образом определяется ее семейным положением. женщина в семье чаще всего видит в традиционной роли жены, где мужем ограничиваются ее способности принимать независимые решения, тем самым зачастую обесценивая социальную значимость женщины, например: *Курица не птица, женщина не человек, У бабы волос долог, да ум короток. Чем больше ену бьешь, тем вкуснее щи*. Данные паремии ярко иллюстрируют ту дискриминацию, которую женщины испытывали в традиционном обществе. Вместе с тем на женщине лежал тяжкий груз и ответственность в ведении хозяйства, поддержании уюта в доме, воспитании детей: *В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед, Без жены дом – содом, Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи*. «Язык пословиц, консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, оказывается одним из самых богатых и надежных документальных свидетельств форм человеческой культуры» [4, с. 154].

В Китае в течение веков жена рассматривалась не как спутница мужа, а скорее, как член большой семейной иерархии, где она занимала важное место и где в первую очередь ее обязанность – благодарность, долг и воздаяние родителям мужа. Вместе с тем статус жены не может превышать статус мужа. Главные добродетели жены – это робость, сдержанность,

доброта, способность адаптироваться к характеру мужа, например: *男人无妻家无主, 女人无夫家无梁* ‘Муж без жены – дом без хозяйки, жена без мужа – дом без опоры’. Несмотря на подчиненное положение женщины-жены в китайской культуре высоко ценится женская ловкость, мудрость и трудолюбие: *妻贤夫祸少, 子孝父心宽* ‘Если жена добрая и умелая, то у мужа мало бед, а если сын уважает отца, то сердце отца становится мягким’ – это свидетельствует о том, что, несмотря на традиционную семейную субординацию в китайской культуре такие женские качества имеют высокую оценку.

Русские поговорки свидетельствуют о различном статусе и ожиданиях по отношению к детям в зависимости от их пола, принижая ценность дочерей: *Сын в дом глядит, дочь из дому, Дочь – чужое сокровище* – эти пословицы показывают, что дочь – это временный член семьи, оставляющий родительский дом, становится частью семьи мужа. Как подчеркивается в китайской пословице, девушка в китайской семье, также с самого рождения считается отрезанным куском: *沙子打不了墙, 女儿养不了* ‘Выданная замуж дочь, то же, что вылитая вода’ и, выходя замуж, навсегда переходит в семью мужа. Необходимо указать на тот факт, что в обеих культурах данные поговорки имеют глубокие исторические корни, связанные с суровыми патриархальными традициями, где выданные замуж дочери для семьи становились совершенно бесполезными.

Присутствующие совпадающие значения в русских и китайских поговорках в контексте формирования понятия и восприятия женщины внутри семьи подразумевают аспекты, отражающие общие шаблонные стереотипы в данных изучаемых культурах:

- мать занимает особое положение, ее роль в семье, как основа жизни и воспитания ребенка, носителя любви поддержки и заботы;

- характеристика жены показывает различные понятия женской роли в браке – это роль заботливой домохозяйки, поддержка и опора для мужа, символ единства семьи, хранительницы родовых традиций и ценностей и вместе с тем, подчеркивается ее обязанность быть покорной и терпеливой, не имеющей прав и полностью зависимой от мужчины;

- дочь рассматривается как любимый ребенок и, вместе с тем, как потенциальный или действительный член другой семьи, указывая тем самым на традиции в брачных отношениях обоих народов о переходе женщины из одной семьи в другую – в дом мужа;

Несмотря на различия в культурных традициях, семейные роли женщины в русской и китайской культуре имеют общие обоснованные оценки, связанные с обеспечением

семейного единения, благополучия и гармонии в отношениях. В каждой лингвокультуре существует свое видение женщины; в поговорках отражены традиционные представления. В современном же обществе степень равенства и понимание роли женщины в семье претерпели значительную трансформацию, перечисленные стереотипы могут быть гораздо более разнообразными и сложными; роль и место женщины переосмысливается и обновляется.

Анализ элементов паремиологического фонда русского и китайского языков позволил увидеть отраженные в этих языках основы строения общества, его правила, функции его членов, нормативные отношения. Исследование в данном контексте представляет ценную информацию о том, как в русской и китайской культурах сформировано восприятие женщины внутри семьи, какими языковыми средствами они выражены в поговорках рассматриваемой группы.

Литература

1. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 52-58.
2. Беликов В.И. Поговорки как объект лексикографии / В.И. Беликов // Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог 2008». – 2008.
3. Демидова Т.В. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка / Т.В. Демидова, Т.М. Соловьева, С.А. Баров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 48-63.
4. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. / Ю.В. Железнова. – Ижевск : Удмурт. гос.ун-т, 2009. – 28 с.
5. Зиновьева Е.И. Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА-ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход / Е.И. Зиновьева, Чжао С. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 328-346.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод фразеологии: код культуры / М.Л. Ковшова. – Москва : ЛИБРАКОМ, 2013. – 465 с.
7. Русские поговорки, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – Москва : Русский язык, 1979. – 238 с.
8. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – Москва, 2004. – 232 с.

9. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов–знаков–микротекстов // В.Н. Телия / Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 674-684.

10. Толстой Л.Н. Единая заповедь / Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 38. /Л.Н. Толстой. – М.-Л.: Гос. из-во, 1928-1958. – С. 100-118.

Yang Xue

Russian Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba

Women in a Family in Russian and Chinese Proverbs

The object of research and discussion in this study are proverbs that outline a stereotypical, conceptual-cognitive approach to the role of women in the family in Russian and Chinese linguistic culture. The purpose of the study is to identify identical and specific features in proverbs, analogies and differences in the way they reflect ideas about the world. Such a study provides valuable information about how the perception of women in the family is formed in Russian and Chinese cultures, and is also relevant as a way to supplement and clarify ethnographic data.

Keywords: proverb, proverb picture of the world, family, mother, wife, comparative description, linguistic culture, Russian language, Chinese language.

Ян Юаньюань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
uanuanan2@gmail.com

Художественное своеобразие романтических поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова

Работа выполнена под руководством Леонова И.С., доктора филологических наук,
профессора

В статье проводится анализ художественного своеобразия романтических стихотворений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Исследуется влияние романтизма как литературного направления на творчество поэтов, выявляются особенности русского романтизма в их произведениях. Основное внимание уделяется художественным особенностям романтических поэм «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» Пушкина и «Мцыри», «Демон» Лермонтова. Анализируются образы романтических героев, их своеобразие и роль в раскрытии ключевых мотивов романтизма.

Ключевые слова: романтизм, Пушкин, Лермонтов, художественное своеобразие.

Романтизм представляет собой широкое идейное и художественное направление, охватившее европейскую и русскую культуру с конца XVIII века по начало XIX века. Возникновение романтизма связывают с реакцией на строгие каноны классицизма и рационализм эпохи Просвещения, а также с изменениями социально-политической обстановки того времени. Основной чертой романтизма является стремление к выражению

внутреннего мира человека, его чувств и переживаний, а также интерес к экзотическим, историческим и национальным мотивам. Как литературное направление, романтизм охватывает широкий спектр тем и идей, отражающих стремление к идеализации, внимание к внутреннему миру человека, его чувствам и эмоциям. В книге «О русском романтизме» подчеркивается: *в вопросе о романтизме мы не можем ничего решать окончательно — ибо мы имеем дело с историческим явлением, заведомо не решенным, не сведенным к единым или даже к однозначным началам* [4, с. 4]. Это подчеркивает сложность и многогранность романтизма как направления, требующего глубокого и многоаспектного анализа.

Русский романтизм вбирает в себя некоторых его существенных родовых свойств и примет, порожденных трагическим восприятием последствий французской буржуазной революции. Это указывает на глубокую связь русского романтизма с европейскими традициями, одновременно подчеркивая его уникальные черты, связанные с российским историческим и культурным контекстом.

Особенности русского романтизма, развивавшегося в контексте европейского, заключаются в его уникальной способности адаптироваться и развиваться в рамках специфического культурного и исторического контекста России. Русский романтизм тесно связан с идеями поиска национальной идентичности, интересом к фольклору и истории России. В контексте русского романтизма особое внимание уделяется внутреннему миру человека, его стремлению к идеалам и поискам смысла жизни. Это направление в литературе отличается от европейского романтизма своей уникальной смесью реализма и идеализма, где важную роль играет взаимодействие личности с окружающим миром и обществом.

Русский романтизм можно охарактеризовать как уникальное историческое явление, которое объединяет в себе как общие черты с европейским романтизмом, так и собственные, отличительные особенности. Он отражает стремление к идеалу, интерес к внутреннему миру человека и его взаимодействию с окружающей действительностью, а также характеризуется глубокой эмоциональностью и философским подходом к осмыслению жизни.

В русском романтизме особое место занимает тема личности, ее внутреннего мира и конфликта с обществом и внешним миром. Эти особенности нашли свое отражение в творчестве многих русских писателей и поэтов, в том числе А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов являются выдающимися представителями русского романтизма, каждый из которых внес свой вклад в развитие этого направления. Пушкин, с его *«синтетическим характером»* [4, с. 23] романтизма, объединяет в себе достижения предшествующих поэтов и вносит в романтизм свои уникальные черты. *Лермонтов, с другой*

стороны, развивает традиции и декабристского, и пушкинского, и философского романтизма, и бунтарского романтизма байроновского типа [4, с. 23], придавая им новое звучание. Оба поэта вносят значительный вклад в развитие русского романтического искусства, демонстрируя его сложность и многогранность.

В творчестве Пушкина романтизм проявляется через интерес к истории, культуре и фольклору разных народов, что нашло отражение в таких произведениях, как «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы». Пушкин стремится показать красоту и величие природы, глубину человеческих чувств и переживаний. Его герои часто оказываются в ситуации конфликта между личными стремлениями и общественными нормами.

Лермонтов, с другой стороны, в своем творчестве акцентирует внимание на теме одиночества, внутреннего конфликта и бунта против общественных условностей. Это наиболее ярко проявляется в таких его произведениях, как «Мцыри» и «Демон». Лермонтовские герои испытывают глубокий душевный кризис, они мучительно ищут смысл жизни, свою роль в мире. Лермонтов сформировал образ бунтаря, полного отрицания и бунтарского духа («Демон»), и образ борца сопротивления и борьбы за личное счастье и свободу («Мцыри»), а также активно и с пользой исследовал проблему поиска выхода для своих современников. *Образ «бунтаря» и «борца», сформированный Лермонтовым, показывает, что, если вы хотите спасти мир, вы должны сначала уничтожить дух мира, который стал предвестником демократической мысли* [1, с. 42]. В отличие от Пушкина, Лермонтов больше склонен к пессимизму, его произведения пронизаны ощущением трагизма и непримиримости с существующим порядком вещей.

Таким образом, хотя Пушкин и Лермонтов и являются представителями одного литературного направления, каждый из них вносит в него свою индивидуальность, создавая уникальные образы и сюжеты, которые отражают особенности русского романтизма. Романтизм в творчестве Пушкина и Лермонтова отражает не только общие тенденции европейского романтизма, но и уникальные черты русского литературного и культурного контекста. Их работы демонстрируют глубокую связь с романтическими идеями свободы, индивидуализма и стремления к идеалу, одновременно раскрывая уникальные аспекты русской души и культуры.

Проанализировав несколько показательных стихотворений Пушкина и Лермонтова, читатель сможет открыть для себя глубокие психологические краски, отображающие внутренний мир, внутренние конфликты и душевные переживания героев, погрузиться в мир сильных эмоций, страстей и внутренней борьбы, войти в мир русской романтической поэзии начала XIX века.

Поэма «Кавказский пленник» является *первой из южно-байронических поэм Пушкина и принесла ему известность* [5, с. 8]. Эта поэма знаменательна тем, что в ней Пушкин глубоко изучает внутренний мир своего героя, оказавшегося в экстремальных условиях – в столкновении с неприрученной природой и несвойственной ему культурой. Главный герой проявляет романтический героизм и желание свободы, что отражается в его раздумьях о жизни, свободе и любви. В поэме также отражены характерные черты главного героя и аристократической молодежи эпохи: равнодушие к жизни и наслаждениям, преждевременное старение души и крайний эгоизм. Например, следующее описание главного героя служит примером:

*Людей и свет изведal он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашed измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клевет...*

(А.С. Пушкин. «Кавказский пленник» [6])

«Бахчисарайский фонтан» – вторая южно-байроническая поэма Пушкина, известная своей романтической загадочностью и недоговоренностью. Основой сюжета служат необычные события, связанные с сильной любовью и страстью, ревностью и убийством соперницы. В поэме изображены *экзотическая природа, экзотический быт, необычные отношения между людьми, необычные чувства* [4, с. 84].

«Цыганы» по праву считается последней южно-романтической поэмой Пушкина. В поэме исследуется тема свободы и вольности, размышляя о жизни вне общественных норм и ограничений. Романтическая идеализация жизни цыган, их свободы и близости к природе контрастирует с трагедией главных героев. В поэме, после того как Алеко убил Земфиру, старик сказал:

*Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим –
Не нужно крови нам и стонов –
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,*

*Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел – оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою.*

(А.С. Пушкин. «Цыганы» [6])

Здесь Пушкин использовал слова старика цыгана, чтобы раскритиковать Алеко, который попирает свободу других в погоне за личной свободой, и указал на индивидуалистические характеристики Алеко и предрассудки тех городов, которые не были устранены: эгоизм, попираание эмоций других людей, и пороки свободы [3, с. 28].

В «Мцыри» Лермонтов исследует темы свободы, одиночества, поиска смысла жизни и неизбежности судьбы через призму романтического героя, который борется с судьбой и общественными ограничениями. Это делает его героя прототипом романтического бунтаря. Поэма выражает глубокий романтический пессимизм и стремление к недостижимому идеалу.

В «Демоне» Лермонтов создает один из самых запоминающихся образов романтической литературы – образ демона, символизирующего вечное стремление и вечную борьбу. Поэма исследует темы гордого одиночества, любви, отчуждения и внутренней борьбы, делая акцент на трагедии непостижимого и непримиримого конфликта между добром и злом [7, с. 81]. Вот исповедь демон:

*Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы...*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон» [2])

Это демон, полный противоречивых личностей, ненавидит небесный суд, жаждет свободы, но не примирим с окружающей средой и не знает, что такое настоящая свобода; он утверждает, что у него нет любви, но искренне влюбился в девушку Тамару, но его ядовитые поцелуи в итоге лишили возлюбленную жизни. Глубокая философская проблематика и психологизм героя делают поэму выдающимся примером романтического искусства.

Сравнивая художественное своеобразие романтических поэм Пушкина и Лермонтова, можно отметить общую тематику стремления к свободе, идеализации прошлого и глубокого погружения в внутренний мир персонажей. Однако каждый из поэтов придает этим темам уникальное звучание, исходя из собственного творческого видения. Пушкин часто

фокусируется на идеализации, вольности и индивидуализма, в то время как Лермонтов акцентирует внимание на внутренней борьбе и пессимизме, что делает их вклад в русский романтизм неоценимым и уникальным.

Литература

1. Ван Чонмэй. Солнце и луна на небосклоне русской литературы - сравнительный анализ творческих характеристик русских поэтов Пушкина и Лермонтова // Журнал Муданьцзянского нормального колледжа (издание по общественным наукам). – 2006. – №2. – С. 41-42
2. Лермонтов М.Ю. / Все поэмы Лермонтова: полный список. – [Электронный ресурс] URL: <https://stih.su/lermontov/poemy-lermontova/> (дата обращения: 16.03.2024)
3. Лу Ли. Сходства и различия в творчестве Байрона, Пушкина и Лермонтова // Журнал колледжа образования взрослых в Урумчи. – 2001. – №9(1). – С. 24-29.
4. Маймин Е.А. О русском романтизме. Книга для учителя. – Москва : Просвещение, 1975. – 240 с.
5. Пороль О.А., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М. Художественное своеобразие поэтических произведений А.С. Пушкина»: Учебное пособие для студентов-филологов. – 2-е изд. – Москва : Интернаука, 2021. – 58 с.
6. Пушкина А.С. / Читать поэмы Пушкина: Список. – [Электронный ресурс] URL: <https://rustih.ru/chitat-poemy-pushkina-spisok/> (дата обращения: 16.03.2024)
7. Шишхова Н.М., Хаткова И.Н., История русской литературы XVIII – первой половины XIX веков. Учебно-методическое пособие. – Москва : Элит, 2020. – 187 с.

Yang Yuanyuan

Pushkin State Russian Language Institute

The artistic originality of the romantic poems of A.S. Pushkin and M.Y. Lermontov

The article analyzes the artistic originality of the romantic poems by A.S. Pushkin and M.Y. Lermontov. The influence of Romanticism as a literary trend on the work of poets is investigated, the peculiarities of Russian Romanticism in their works are revealed. The main attention is paid to the artistic features of the romantic poems «The Caucasian Prisoner», «The Fountain of Bakhchisarai», «Gypsies» by Pushkin and «Mtsyri», «Demon» by Lermontov. The images of romantic heroes, their originality and role in revealing the key motives of romanticism are analyzed.

Keywords: romanticism, Pushkin, Lermontov, artistic originality.

Яхнис Мария Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Этапы педагогического общения

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора филологических наук, профессора

В данной статье рассмотрены этапы педагогического общения, впервые выделенные В.А. Кан-Каликом. К ним относятся моделирование, начало непосредственной коммуникации с обучающимися, а также анализ осуществлённого педагогического общения.

Ключевые слова: педагогическое общение, этапы педагогического общения, педагогический такт; моделирование педагогического общения.

«Профессионально-педагогическое общение – это система взаимодействия педагога и воспитанников, содержание, методы и средства которого способствуют обмену информацией, взаимному познанию личностей, оказанию воспитательного воздействия» [4, с. 23]. Одной из особенностей педагогического общения является его циклический характер. Общение состоит из одних и тех же повторяющихся этапов. Эти этапы были выделены и описаны В.А. Кан-Каликом [1].

Первый этап – планирование педагогического общения с обучающимися и подготовка к общению. Этот этап называют моделированием (или прогностическим этапом). Во время его осуществления продумывают структуру будущей коммуникации с учащимися. Для этого выдвигают цели педагогического общения и задачи, которые необходимо будет решить для достижения заданных целей. Этот процесс – постановка целей и задач, необходимых для достижения целей – называется целеполаганием. На этапе моделирования педагог должен учитывать как общую ситуацию в классе (группе) (успеваемость, взаимоотношения между обучающимися, взаимоотношения данного конкретного(-ой) класса (группы) с педагогом, отношение класса (группы) к педагогу), так и индивидуально-личностные особенности обучающихся. Исходя из всего вышеперечисленного, педагог устанавливает методы работы с воспитанниками. При этом установление тех или иных методов зависит не только от учащихся, но и от творческой инициативы самого преподавателя.

В.А. Кан-Калик даёт такие рекомендации этапа моделирования: педагогу необходимо вспомнить конкретный коллектив, с которым предстоит взаимодействие, и опыт общения с данным коллективом (при этом нужно постараться сделать в своей памяти акцент именно на положительных эмоциях, связанных с данным коллективом), вспомнить, какой тип общения свойственен педагогу при взаимодействии с данным коллективом, подумать, уместен ли такой стиль общения на том или ином занятии при обсуждении той или иной темы. Для того чтобы чувствовать себя увереннее во время урока, преподавателю нужно ещё до занятия

проанализировать, как обучающиеся воспримут тот или иной материал, если его преподнести в той или иной форме. Далее педагогу необходимо соотнести свой стиль общения с коллективом, с той целью, которую он стремится достичь. Будет очень хорошо, если педагог запишет действия, планируемые им во время занятия, и сможет прогнозировать психологический климат, который создастся в классе во время реализации этих действий, продумает, что может пойти не так и что можно сделать, чтобы исправить возникшую ситуацию. Кроме того, преподаватель не должен забывать о своих взаимоотношениях с отдельными обучающимися и обязан избегать стереотипных убеждений по отношению к ним.

И.И. Подласый выделяет в этапе моделирования три подэтапа: педагогическую диагностику, прогнозирование хода и результатов педагогического процесса и проектирование организации процесса, после окончательной доработки превращающееся в план. Рассмотрим подробнее каждый из этих подэтапов [3, т. 1, с. 174-177].

Педагогическая диагностика – это исследовательская процедура, направленная на прояснение условий и обстоятельств, в которых будет протекать педагогический процесс [3, т. 1, с. 174]. Она очень важна, так как помогает понять, что будет способствовать достижению намеченных результатов, а что, наоборот, будет этому препятствовать. Её «главная цель – обеспечение оптимальных условий реализации потенциала каждого обучающегося» [5, с. 13]. Задачи педагогической диагностики - обеспечить индивидуально-личностный подход педагога, обеспечить верное определение результатов педагогического процесса, максимально снизить риск ошибок, установить сильные и слабые стороны каждого обучающегося, определить условия для максимального раскрытия потенциала ребёнка и оценить деятельность педагога (вынесение самооценки) [5, с. 13-14]. Именно во время педагогической диагностики собираются сведения, необходимые для всего дальнейшего педагогического общения. Очень часто после неё некоторые задачи видоизменяются, некоторые отходят на второй план, так как изначально поставленные задачи далеко не всегда совпадают с реальными возможностями как самого педагога, так и обучающихся.

Второй подэтап моделирования педагогического процесса – прогнозирование его хода и результатов. Оно представляет собой оценку того, насколько результативным окажется педагогическое общение именно в данных условиях. Прогнозирование является довольно сложным процессом, потому что оценить нужно то, чего пока ещё нет в действительности и что только намечается в будущем. Но если педагог с этой задачей справится, то это поможет ему потом, так как у него появится возможность изменить ход

педагогического общения ещё до начала основного этапа процесса и таким образом снизить риск появления негативных последствий и не тратить время на малоэффективные методы.

Третий подэтап – проект организации педагогического процесса. Когда этот проект дорабатывается, он становится планом, то есть итоговым документом, в котором чётко определены действия, их время и порядок. Планы бывают самые разные: планы конкретного занятия, занятий по конкретной теме, план проведения отдельного мероприятия и т.д. Не стоит воспринимать план как универсальный рецепт поведения на все возможные ситуации. Это всего лишь своеобразный трафарет для наиболее типичных случаев педагогического процесса. Он всегда может видоизменяться в зависимости от конкретных условий. Нужно понимать, что существуют непредвиденные ситуации, на ход которых педагог не может повлиять. Понятно, что все их предусмотреть невозможно, но наличие плана помогает педагогу чувствовать себя увереннее.

Когда первый этап завершается, начинается основной этап педагогического общения – организация педагогического общения и управление им. В.А. Кан-Калик разделяет основной этап на два: организацию непосредственного общения (названный им «коммуникативной атакой, во время которой завоёвывается инициатива в общении» [1, с. 30]). На этом этапе конкретизируется план, составленный на этапе моделирования, уточняются условия предстоящего общения и осуществляется начальная фаза непосредственного общения. И управление им: на этом этапе происходит установка психологического контакта с обучающимися, продумывание и использование психологически уместных приёмов с учётом опыта, полученного во время начала организации общения, создание чувства Мы и управление познавательной деятельностью обучающихся.

Этап организации педагогического общения и управления им включает в себя «постановку и разъяснение целей и задач предстоящей деятельности; взаимодействие педагогов и учащихся; использование запланированных методов, средств и форм педагогического общения; создание благоприятных условий для комфортного протекания процесса; осуществление разнообразных мер стимулирования деятельности учащихся; обеспечение связи педагогического процесса с другими процессами» [2, с. 46]. Во время претворения этих элементов в жизнь один из них не должен исключать остальные. Все элементы должны быть взаимосвязаны и служить общей цели. Только в таком случае педагогическое общение будет эффективным. Поэтому в ходе педагогической коммуникации зачастую проводится педагогический контроль, при осуществлении которого необходимо учитывать не только общую цель и направленность процесса, но и множество

других обстоятельств, в противном случае педагогический контроль может стать тормозом, ухудшающим процесс протекания педагогического общения. Во время основного этапа педагогического общения необходимо создать максимально благоприятный для всех участников процесса психологический климат. Для создания благоприятной атмосферы на занятиях педагогу необходимо обладать педагогическим тактом. «Педагогический такт – это соблюдение педагогом принципа меры в общении с учащимися в самых разнообразных сферах деятельности, умение выбрать правильный подход к учащимся» [4, с. 92]. Соблюдение педагогического такта предполагает совмещение уважения к личности учащегося и разумной требовательности к нему. Это не значит, что педагог должен игнорировать недопустимое поведение обучающихся. Он имеет право на выражение своих эмоций, но эти эмоции нужно выражать адекватными способами.

Последний этап педагогического общения – анализ достигнутых результатов и моделирование на основе этого анализа общения в предстоящей деятельности (ретроспективный анализ). «Преподаватель анализирует использованную им систему общения, уточняет возможные варианты организации общения в данном коллективе, анализирует содержание занятия и тем самым прогнозирует предстоящее общение с аудиторией» [4, с. 28]. Анализ помогает педагогу отследить продвижение в той или иной сфере (социальной, психологической). Также он необходим, для того чтобы в будущем педагог смог избежать ошибок, встречающихся в любом процессе, а также для того, чтобы в дальнейшем внести определённые коррективы в план. Также анализ осуществлённого педагогического общения позволяет выявить методы и средства, оказавшиеся наиболее эффективными в данных условиях, и взять их на вооружение.

На этапе анализа достигнутых результатов сравниваются изначально поставленная цель и результаты, к которым удалось прийти, выясняются причины, по которым достигнутые результаты отличаются от изначально поставленной цели. Как отмечал И.И. Подласый, «особенно важно понять причины неполного соответствия хода и результатов процесса первоначальному замыслу, определить, где, как и почему возникли ошибки» [3, с. 176]. В дальнейшем педагог уже будет знать, какие действия и поступки в данных конкретных условиях окажутся малоэффективными или неэффективными. При этом необходимо понимать, что никакой, даже самый качественный анализ не гарантирует того, что в будущем в ходе осуществления педагогического общения не будет допущено никаких ошибок, так как педагогическое общение нельзя загнать в определённые рамки, потому что его непосредственные участники – живые люди. Кроме того, нужно учитывать, что

постоянно изменяются как сами субъекты педагогического общения, так и условия его протекания.

Чем больше стаж работы у преподавателя, тем больше у него опыта и, следовательно, возможностей проанализировать осуществлённое им общение с обучающимися. При этом педагог может анализировать общение, осуществлённое не только им самим, но и другими педагогами. Так, В.А. Кан-Калик считал, что очень полезным может оказаться (особенно для начинающих педагогов) побывать на занятиях других, более опытных педагогов и посмотреть их методы воздействия на коллектив, проанализировать эти методы и подумать, какие из них можно использовать при общении с тем или иным коллективом [1]. При этом важно, чтобы они подходили именно тому преподавателю, который будет их применять.

Для успешного взаимодействия с коллективом педагог должен обладать определёнными знаниями и умениями, а также личностными качествами. Но всего этого будет мало, если преподаватель не будет извлекать уроков из допущенных ошибок, не будет стремиться отточить своё педагогическое мастерство.

Педагогическое общение предполагает непрерывную работу педагога над самим собой, ежедневный самоанализ и анализ своей деятельности, постоянное самосовершенствование. Это сложный процесс, требующий от преподавателя постоянного напряжения душевных сил и постоянной самоотдачи. Но этот процесс окупается, так как, замечая ошибки и исправляя их, педагог становится опытнее и лучше. Анализ осуществлённого педагогического общения помогает педагогу не только избежать в будущем допущенных ранее ошибок, не тратить времени на малоэффективные или неэффективные методы взаимодействия с коллективом, но и самосовершенствоваться, развиваться, расти не только как педагогу, но и как человеку.

Таким образом, педагогическому общению присущи определённые особенности, важнейшей из которых является его циклический характер.

Этапы этого процесса были впервые выделены В.А. Кан-Каликом. моделирование предстоящего педагогического процесса состоит из трёх подэтапов: педагогической диагностики, прогнозирования хода и результатов педагогического процесса и проекта организации педагогического процесса. На первом этапе происходит планирование будущей коммуникации с коллективом. Не стоит недооценивать значимость этого этапа педагогического общения, так как он действительно помогает педагогу, но и переоценивать его тоже не стоит. В то же время нужно помнить, что в любой момент что-то может пойти не так, как предполагалось, и быть к этому готовым.

Этап непосредственного осуществления педагогического общения можно назвать основным, так как он предполагает организацию коммуникации педагога с обучающимися и управление ей. Во время протекания этого этапа могут возникать конфликты, которые необходимо уметь грамотно решать.

Анализ осуществлённого педагогического общения – это заключительный этап педагогического общения, предполагающий соотнесение изначально поставленной цели с результатами, достигнутыми в действительности. На этом этапе педагог даёт оценку своим действиям и решает, какие из них и при каких обстоятельствах могут быть в дальнейшем применены им на практике, а какие лучше не использовать. Анализ осуществлённого педагогического общения – процесс сложный, но необходимый для дальнейшего протекания педагогического общения. Он может вызывать у педагогов некоторые трудности, но в случае успешного преодоления этих трудностей преподаватель самосовершенствуется не только как профессионал, но и как человек. При этом необходимо помнить, что любой, даже самый хороший и беспристрастный анализ окажется бесполезным, если педагог не будет работать над собой.

Литература

1. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении: Кн. для учителя / В.А. Кан-Калик – Москва : Просвещение, 1987. – 190 с.
2. Микрюков В.Ю. Краткий курс педагогики / В.Ю. Микрюков – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2011. – 240 с.
3. Подласый И.И. Педагогика. Новый курс: учебник для студ. пед. вузов: в 2 кн. / И.И. Подласый – Москва : ВЛАДОС, 2000. – Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. – 576 с.
4. Фалей М.В. Педагогическое общение: учебное пособие / М.В. Фалей – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2014. – 116 с.
5. Шаршакова Л.Б. Педагогическая диагностика образовательного процесса. Методическое пособие для педагогов дополнительного образования / Л.Б. Шаршакова. – Санкт-Петербург : ГБОУ ДОД Дворец детского (юношеского) творчества “У Вознесенского моста”, 2013. – 52 с.

Yahnis M.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Stages of pedagogical communication

The article discusses the stages of pedagogical communication, first identified by Kan-Kalik. They include the modelling, the beginning of the direct communication with students, as well as the analysis of implemented pedagogical communication.

Keywords: pedagogical communication; stages of pedagogical communication; pedagogical tact; modeling of upcoming pedagogical communication; main stage of pedagogical communication; analysis of carried out pedagogical communication.